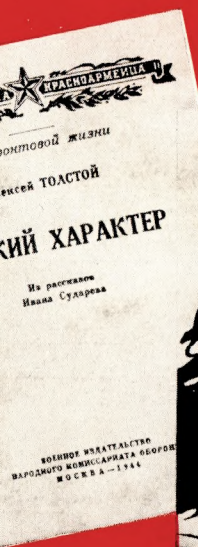
СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ



Литературное наследство

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ

В ДВУХ КНИГАХ

РЕДАКЦИЯ

И. И. АНИСИМОВ (ГЛАВ. РЕД.), Д. Д. БЛАГОЙ,
А. С. БУШМИН, В. В. ВИНОГРАДОВ, А. Н. ДУБОВИКОВ,
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, С. А. МАКАШИН,
К. Д. МУРАТОВА, Р. М. САМАРИН, Л. И. ТИМОФЕЕВ,
Н. А. ТРИФОНОВ, М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 6 · 6

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 6 · 6

7—2—2
337—66

ГОД ИЗДАНИЯ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

«РОДИНА-МАТЬ ЗОВЕТ!»
Плакат Ираклия Тоидзе. Изд. «Искусство», 1941

ОТ РЕДАКЦИИ

В полувековой истории советской литературы суровые и героические годы Великой Отечественной войны явились одним из важнейших периодов. Однако этот период изучен еще недостаточно, деятельность советских писателей во время войны еще не получила полного и всестороннего освещения.

Наши писатели в годы войны с честью выполнили свой долг перед народом. По призыву Коммунистической партии и по велению сердца они отдали все свои силы делу защиты социалистического Отечества, делу мобилизации советского народа на борьбу против германского фашизма.

Продолжая разработку материалов по истории советской литературы, редакция «Литературного наследства» посвящает настоящий том, построенный, как обычно, на документальной основе, литературе периода Великой Отечественной войны. Основная задача тома — показать, насколько многообразной, самоотверженной и подлинно героической была работа советских писателей в годы войны, какой огромный опыт был накоплен ими за это время, опыт, легший в основу многих сотен и тысяч литературных произведений, как написанных тогда же, по горячим следам событий, так и созданных в послевоенные годы. Расширяя и обогащая наше представление о подвиге советской литературы, том отражает и величие подвига всего многонационального советского народа, сумевшего ценою огромного напряжения и тяжелейших жертв довести войну до окончательной победы над врагом.

При подготовке тома редакцией было организовано обследование материалов, хранящихся в государственных архивах — общегражданских и военных, центральных и периферийных; многие материалы были предоставлены писателями-фронтовиками, а также семьями и комиссиями по творческому наследству писателей, погибших в годы войны или умерших в послевоенное время. В результате предпринятых поисков в распоряжение редакции поступили многочисленные материалы, которые и были положены в основу настоящего тома, состоящего из двух книг.

В первом разделе тома собраны литературные произведения разных жанров, художественные и публицистические, законченные и незавершенные, которые были созданы в годы войны, но по различным причинам не появились в печати. Среди них есть и неизвестные фрагменты первоначальных редакций уже опубликованных произведений. Редакция вынуждена была отказаться от первоначального намерения включить в него и произведения, печатавшиеся во фронтовых, флотских и армейских газетах, но позднее не переиздававшиеся. К обследованию этого огромного материала редакция предполагает обратиться в будущем.

Второй раздел тома отражает многообразную деятельность писателей в качестве военных корреспондентов и сотрудников центральных, фронтовых, флотских, армейских и дивизионных газет, а также их работу на радио, в «Окнах ТАСС», их участие в пропаганде среди войск противника. Преобладающее место в этом разделе занимают обзоры и воспоминания.

Третий раздел содержит читательские отклики (главным образом, читателей-фронтовиков) на произведения военных лет.

Четвертый раздел включает писательские фронтовые дневники, записные книжки, письма. Эти записи, не предназначавшиеся для печати, со всей безыскусственной правдивостью воссоздают суровый облик войны и героизм советского народа, раскрывают мысли и чувства самих писателей, показывают их активное участие в военных событиях от трагических первых дней до победы над фашизмом.

Пятый раздел посвящен воинским подвигам писателей, сражавшихся в рядах армии и флота или боровшихся в тылу врага. Здесь представлены, в частности, документы о писателях — Героях Советского Союза. Редакции «Литературного наследства» удалось установить, что эту высокую боевую награду за подвиги, совершенные в годы Великой Отечественной войны, имеют восемнадцать писателей, а не десять, как считалось до сих пор. В этот раздел входит также подборка документов и материалов о некоторых писателях, павших смертью храбрых в боях за свободу и независимость Родины.

В качестве иллюстраций в томе использованы произведения художников-фронтовиков, фотографии, сделанные писателями и фотокорреспондентами, кадры из документальных кинофильмов, а также другие материалы военных лет: книги, газеты, плакаты, листовки, рукописи и т. п.

Разумеется, редакция ни в какой мере не пыталась исчерпать огромную тему, сформулированную в заглавии этого тома. В ряде разделов деятельность писателей показана только на отдельных примерах и фактах. Так, в томе даны обзоры работы писателей лишь в нескольких газетах, и за пределами тома остались другие центральные и фронтовые газеты, хотя во многих из них тогда успешно работали значительные группы талантливых писателей. Редакция рассматривает настоящий том лишь как начало большой работы по собиранию и публикации материалов, характеризующих деятельность писателей в годы Отечественной войны. Мы предполагаем продолжить эту работу и к 25-летию победы советского народа над германским фашизмом подготовить второй том, в котором, в частности, намереваемся полнее отразить участие в Великой Отечественной войне литераторов братских народов Советского Союза. Мы надеемся, что выход настоящего тома будет способствовать выявлению новых материалов по истории советской литературы военных лет.

Работа по созданию тома проводилась при поддержке комиссии по военно-художественной литературе Союза писателей СССР (председатель — К. М. Симонов, зам. председателя — М. А. Крючкин) и выделенной этой комиссией писательской группы во главе с А. А. Исбахом.

Редакция выражает благодарность всем учреждениям, организациям и лицам, оказавшим содействие в выявлении и подборе материалов для настоящего тома, в том числе:

Отделу культуры Главного политического управления Советской Армии и Военно-морского Флота, Центральному государственному архиву литературы и искусства, Архиву Министерства Обороны СССР, Центральному военно-морскому архиву, Центральному государственному архиву Октябрьской революции, Военному отделу и отделу изобразительных искусств Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Музею Революции, Государственному Литературному музею, Центральному музею Вооруженных Сил СССР, Центральному государственному архиву кино-фото-фонодокументов, Архиву Государственного комитета по радиовещанию и телевидению, Институту истории партии ЦК КП Украины, Центральному государственному архиву литературы и искусства БССР, Музею истории Великой Отечественной войны БССР, Комиссии по военно-художественной литературе Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР, Институту литовского языка и литературы Академии наук Литовской ССР, Адыгейскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории, Берлинскому союзу писателей ГДР;

членам семей и членам комиссий по литературному наследству погибших или умерших писателей и деятелей искусств: Г. Д. Аввакумовой, М. И. Белкиной, О. С. Вершигора, Е. А. Вечтомовой, О. М. Губер, О. И. Гудзенко, Г. О. Казакевич, К. М. Кац-Зельцер, Л. И. Кедриной, В. Ф. Климашиной, Л. С. Коган, А. Г. Коонен, М. Н. Костровой, Ант. И. Курошевой, М. Г. Линьковой, Е. Е. Луначарской, Т. И. Медведевой, В. Е. Петровой, С. Л. Поляновской-Севрук, Н. Т. Саблиной, Ю. И. Солнцевой, В. Ф. Суворову, Х. С. Топоровской-Бляхиной, Н. К. Треневой, Е. Ю. Хин, Е. И. Хмельницкой, В. А. Шехтер;

писателям: В. Б. Азарову, Г. С. Березко, К. П. Корсакасу, А. Ю. Кривицкому, А. А. Крону, Д. А. Левоневскому, П. Н. Ойфе, В. А. Рождественскому, В. А. Рудному, Г. А. Санникову, Н. С. Тихонову;

лицам, по инициативе которых были получены некоторые литературные и изобразительные материалы: А. Г. Когану, П. Д. Корзинкину, Л. Э. Медне, В. П. Нечаеву, Д. И. Ортенбергу, Х. Г. Хусаиновой, Н. А. Баканову, а также П. И. Мусьякову, помогавшему консультациями по вопросам работы писателей на флоте.

Редакторы тома — А. Н. Дубовиков и Н. А. Трифонов. В отборе произведений для тома принимал участие Л. Р. Ланский. Иллюстрации подобраны и подписи к ним составлены Т. Г. Динесман и Н. Д. Эфрос.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Великой Отечественной войне в качестве военных журналистов, командиров, политработников, бойцов, ополченцев, партизан участвовало свыше тысячи советских писателей.

Каждый третий из них погиб, защищая свою Родину. И первое, что нам хочется сделать, открывая начальную страницу этой книги,— еще раз склонить голову перед памятью павших.

Значительная часть содержания этого тома связана именно с памятью о них, с их неопубликованными произведениями, дневниками, письмами и другими материалами, расширяющими наши представления о их жизни и литературной деятельности в годы Великой Отечественной войны.

Другая, и тоже значительная, часть тома содержит неопубликованные материалы из архивов писателей — участников войны, прошедших ее всю до конца, до победы, но не доживших до двадцатой годовщины этого дня — одного из самых знаменательных дней в мировой истории.

Остальные материалы, включенные в том, переданы для публикации ныне живущими и работающими писателями. Все эти вещи, написанные в годы войны, не были напечатаны тогда по самым различным как субъективным, так и объективным причинам. Анализируя их сейчас, следует не упускать из памяти не только условия военного времени и военной цензуры, но и собственные воззрения писателей на то, что своевременно и что несвоевременно и нецелесообразно было предавать гласности в разгар жесточайшей и начавшейся для нас тяжелыми поражениями войны.

Кроме произведений писателей-фронтовиков, в этом томе публикуются и ранее не печатавшиеся произведения ряда писателей, по возрасту, по состоянию здоровья или в связи с другими возложенными на них обязанностями, не состоявших на военной службе, но тем не менее в те или иные периоды войны бывавших в Действующей армии и писавших о ней. Таким образом читатели тома обнаружат, что круг писателей, побывавших во время войны на фронте, еще шире, чем это представлялось до сих пор.

Некоторые материалы тома, такие, как творческие отчеты писателей-фронтовиков, с которыми они выступали в Союзе писателей, тогда же, в разгар войны, или не опубликованные в то время доклады, первые попытки обобщить опыт фронтовой работы литераторов, показывают, как работал в годы войны Союз писателей и — что еще более важно — насколько ясно писатели в условиях военного времени осознавали себя единым коллективом, поставленным на службу Родине.

Думается, что если данный том «Литературного наследства» даст более широкое представление о работе советских литераторов в годы Отечественной войны, чем то, которое складывалось до его выхода, — основная цель этого издания будет выполнена.

Нельзя, однако, не добавить, что это всего лишь начало работы, в которой исследователям предстоит сделать еще не мало открытий и находок для того, чтобы создать действительно полную картину и процессов, происходивших в нашей литературе в годы Великой Отечественной войны, и того вклада, который сделала тогда литература в общенародное дело.

Остается высказать еще одно, на наш взгляд, существенное соображение. Разумеется, сейчас, через двадцать лет после окончания войны, через десять лет после XX съезда партии, мы на многое смотрим другими глазами, чем тогда, во время войны, и о многом в состоянии написать глубже, шире, исторически справедливее. Но это не уменьшает, а, наоборот, увеличивает ценность искренних свидетельств того времени с их сумятицей первых непосредственных впечатлений, с их невольными преувеличениями и приуменьшениями и даже заблуждениями, и с их — и это самое главное — верой в народ, в армию, в партию коммунистов, в непременную, несмотря ни на что, победу над фашизмом.

Исходя из этого взгляда, мы приветствуем и со своей стороны поддерживаем ту традицию редакции «Литературного наследства», которая последовательно проводится и в этом томе,— традицию публиковать старые рукописи в их подлинном виде, сохраняя, как правило, и те строки, которые ныне, с высоты нашего исторического знания, кажутся неловкими, наивными или неверными. История есть история,— и это относится не только к истории фактов, но и к истории чувств.

Писатели, бывшие фронтовики, подписывающие это предисловие, выражают надежду, что и остальные их товарищи в основном присоединятся к высказанным здесь мыслям.

Константин Симонов
Алексей Сурков
Николай Тихонов

ПОДВИГ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья Б. А. Бялика

I

В газетах, которые вышли 22 июня 1941 г., когда на советской земле уже рвались вражеские бомбы и снаряды, когда ее уже топтали сапоги фашистских солдат, страна была отражена в своем вчерашнем мирном бытии.

Воскресный номер «Правды» открывался передовой статьей «Народная забота о школе», рядом с которой была помещена обширная подборка сообщений из республик и областей о передовиках социалистического соревнования; на третьей полосе шла корреспонденция из Карагандинской области «Травы перестаивают...» и другая информация с трудового фронта; почти целую полосу занимала философская лекция «Свобода и необходимость», а под рубрикой «К 100-летию со дня гибели М. Ю. Лермонтова» была опубликована статья Ираклия Андроникова о стихотворении «Бородино».

Таким же миром дышали в тот день, уже взорванный страшным сообщением по радио, все газеты, даже военная «Красная звезда».

Правда, на газетных полосах занимало свое место и слово «война». В том же номере «Правды» от 22 июня мы находим на пятой полосе информацию под заголовками: «Действия германской и английской авиации», «Война в Африке и на Средиземном море». Здесь же, в разделе «В последний час», газета поместила «Коммюнике командования английских сил на Ближнем Востоке», «Германские сообщения о положении на Ливийско-Египетском фронте», «Военные действия в Китае» и другие сообщения иностранных агентств печати о военных действиях в разных районах земного шара. Однако выглядело это так, словно речь шла о чем-то не менее далеком, чем Бородинское сражение. Вторая мировая война была сама по себе, а мы сами по себе.

Когда перечитываешь сейчас номера газет, вышедшие 23 июня 1941 г., кажется, что они отдалены от тех, что вышли днем раньше, не двадцатью четырьмя часами, а целым историческим периодом. И дело не только в публикации первых официальных сообщений о начавшейся войне: Правительственного заявления о вероломном вторжении фашистских полчищ в пределы Советского Союза, Указов Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации военнообязанных», «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения», «Сводки Главного командования Красной Армии за 22. VI—1941 года» и т. п. Сразу стал иным весь характер, тон, даже самый язык наших газет, словно за один день сменились все редакции и, главное, все авторы. И в этой перемене одну из решающих ролей сыграли писатели. В грозный час, когда музы должны были, согласно старому изречению, умолкнуть,— они заговорили громче, чем когда бы то ни было. Можно без всякого преувеличения утверждать, что стихи, очерки, художественная публицистика сразу заняли место на переднем крае всей нашей печати.

23 июня в «Правде» публикуется стихотворение Алексея Суркова «Присягаем победой»:

В нашу дверь постучался прикладом непрошенный гость.
Над Отчизной дыханье грозы пронеслось.
Слушай Родина! —
В грозное время войны
Присягают победой твои боевые сыны.

. . . . . .

Бить фашистов,
Не зная пощады в борьбе,—
В первый день испытанья,
Отчизна, клянемся тебе.

Здесь же — стихотворение Н. Асеева «Победа будет за нами», которое начиналось сходными образами:

Война в наши двери стучится,
Предательски ломит в окно,
Ну что же — ведь это случиться
Когда-нибудь было должно.
Об этом и в песнях мы пели,
И думали столько годов...

Уже 24 июня — на третий день войны — миллионы людей читают в «Известиях» исполненные гневной страсти строки «Священной войны» В. Лебедева-Кумача (положенные на музыку, эти стихи в сущности стали гимном Великой Отечественной войны), а 25 июня — в «Правде»— «Песню смелых» А. Суркова. 26 июня статьей «Гитлеровская орда» начинает И. Эренбург на страницах «Красной звезды» боевое дело разоблачения врагов, засекая, подобно разведчику-корректировщику, мишени (его статья «СС» кончалась так, как могли бы кончаться многие его выступления: «Товарищ, не промахнись!»). 27 июня «Правда» публикует статью А. Толстого «Что мы защищаем», открывшую его военную публицистику. Перелистываешь страницы газет первых дней войны — московских, ленинградских, киевских, любых,— и сразу бросаются в глаза строки стихов и прозы П. Тычины, М. Шолохова, С. Маршака, Н. Тихонова, П. Павленко, В. Вишневского, Ю. Яновского... Невозможно даже просто перечислить всех тех писателей, голос которых зазвучал с самого начала страшного испытания — зазвучал мужественно, сурово, призывно.

В первый же день войны в Москве состоялся митинг писателей, на котором выступили А. Фадеев, Вилли Бредель, С. Мстиславский, Р. Азарх, А. Жаров и др. В принятой резолюции были такие слова: «Каждый советский писатель готов все свои силы, всю свою кровь, если это понадобится, отдать делу священной народной войны против врагов нашей Родины!» И это не были только слова. На фронт — в качестве сотрудников дивизионных, армейских, фронтовых, центральных газет, в качестве бойцов народного ополчения, солдат и офицеров армии и флота — ушло более 1000 членов Союза советских писателей. Немало из них раньше было признано физически полностью негодными для несения воинской службы. А. Гайдару пришлось выдержать настоящий бой с врачами, не пускавшими его на фронт из-за старой тяжелой контузии; такие же трудности пришлось преодолеть Ю. Инге, больному туберкулезом; Дж. Алтаузену не помешала стать военным журналистом и воином болезнь сердца. Нельзя без волнения читать публикуемые в этом томе «Литературного наследства» письма и документы, освещающие военный путь Э. Казакевича. Освобожденный по состоянию здоровья от строевой службы, писатель «убегает» из находящейся в тылу редакции военной газеты в Действующую армию и становится мужественным офицером разведки. А его, даже после награждений и ранений, разыскивают, преследуют, хотят наказать за «бегство» (об этом читаешь уже не просто с волнением, а с недоумением и горечью).

Можно назвать и других писателей, которые, подобно Казакевичу, уходили из редакций в боевые части (это не было уходом от творчества,— разве родилась бы потом повесть «Звезда», одно из классических произведений советской литературы, если бы не то «бегство»?). С другой стороны, многие солдаты и офицеры приходили в те годы в литературу. Чаще всего пришедшие оставались в строю, но иногда они вынуждены были «профессионализироваться» еще на фронте: так С. Гудзенко, начав войну в рядах

М. А. ШОЛОХОВ И А. А. ФАДЕЕВ НА ПЕРЕДОВЫХ ПОЗИЦИЯХ

Фотография М. М. Калашникова. Западный фронт, 19 армия. 4 сентября 1941 г.
Собрание П. Д. Корзинкина, Москва

десантников, стал после ранения, в последний год войны, работником редакции фронтовой газеты «Суворовский натиск».

Свыше тысячи членов Союза советских писателей ушло на фронт, и около четырехсот из них не вернулось: погиб каждый третий. Прикрывая огнем ручного пулемета отход группы бойцов, пал Ю. Крымов. Наверное, А. Гайдар мог бы уклониться от очереди немецкого автомата, но тогда он не успел бы предупредить своих товарищей-партизан об опасности. Б. Лапин не вышел из окружения вместе с другими, а остался на верную гибель, чтобы его тяжело раненному другу З. Хацревину не пришлось встретить самое страшное одному. Отказался вылететь на самолете из окружения и погиб в бою Д. Алтаузен. Вместе со всем экипажем подводной лодки остался на морском дне А. Лебедев. О том, как встретил смерть в фашистском застенке Муса Джалиль,— знает весь мир. Можно было бы продолжить этот скорбный и гордый список — список героев.

Большинство писателей и журналистов, проливших свою кровь на фронтах Отечественной войны, пролило ее при исполнении «обычных» обязанностей военных корреспондентов. Эти обязанности были сами по себе очень трудны, а порою и опасны. В истории редакции фронтовой газеты «Красная Армия» был черный день, когда она потеряла семнадцать человек. Редакция другой фронтовой газеты— «За Родину»— знала и дни потерь, и дни, которые, окончившись благополучно, оставили после себя очень тяжелую память. В августе 1941 г., на разъезде Рядчино, рядом с поездом, в котором находилась походная типография газеты «За Родину», стал рваться подожженный немецкими самолетами железнодорожный состав со снарядами. Сотрудникам редакции пришлось в течение нескольких часов расцеплять и отталкивать руками от опасного места вагоны. На следующий день очередной номер газеты вышел, как всегда.

Еще труднее приходилось редакциям армейских и особенно дивизионных газет,— обо всем этом можно прочесть в обзорах, дневниковых записях, воспоминаниях, публикуемых в настоящем томе «Литературного наследства». Читатель найдет здесь и очерк Н. Новоселова «Взвод писателей» о выходившей в июле — сентябре 1941 г. газете 1 Кировской дивизии Ленинградского народного ополчения, и «Берлинский дневник» поэта В. Субботина, сотрудника газеты «Воин Родины»— газеты 150 дивизии, взявшей штурмом рейхстаг. Проста, деловита запись, сделанная В. Субботиным 1 мая 1945 г. после гибели редактора В. Белова и ранения двух сотрудников: «Нас осталось мало, но газету выпускать надо...»

В «обычную» жизнь военных корреспондентов входило и участие в боевых вылетах авиации (результатом одного из полетов Б. Полевого на бомбардировщике дальнего действия был его очерк, опубликованный в июне 1942 г. в «Правде», «Над мертвым Ржевом»), и участие в глубоких рейдах наших отрядов по тылам врага, в морских десантах и т. д., и повседневная, требовавшая напряжения всех душевных и физических сил корреспондентская и редакционная работа.

О трудностях и опасностях работы военных корреспондентов надо было вспомнить не для того, чтобы изобразить всех писателей-фронтовиков героями. Подвиги совершили немногие, но большинство честно выполнило свой долг. Однако именно потому, что большинство честно выполнило долг, произошло все то, что дает право говорить о подвиге советской литературы. Этот подвиг заключался в том единодушии, с каким почти все советские писатели не только разделили участь воинов, отбивавших напор озлобленного врага, но и взяли на себя задачу величайшей ответственности: продолжить в годину грозного испытания, когда дело шло о жизни и смерти Советского государства, о будущем всего человечества, о судьбе коммунизма, свою работу воспитателей мыслей и чувств народа. Ни одна страна, оказавшаяся во вторую мировую войну на пути гитлеровских полчищ, не получила от своей литературы такой единодушной и самоотверженной поддержки, как наша, такого заряда боевой энергии, непримиримости, ненависти к фашизму.

Конечно, в том, что́ писали тогда художники слова, многое не претендовало на большее, чем выполнение совершенно конкретных, иногда очень частных задач дня и часа. Но и произведения, решавшие такие задачи, далеко не все утратили к нашим дням силу воздействия на читателя. А в свое время их роль была очень велика, даже если они

лишь громко оповещали о подвиге, лишь «величали» отличившегося воина. Прочесть о себе стихи или очерк в газете — это было не менее дорого, чем получить боевую награду, и это радовало не только самого героя произведения, его родных и друзей, но и весь его батальон, полк, дивизию. Вот почему не прав был А. Фадеев, когда в докладе на совещании редакторов фронтовых и армейских газет в июле 1943 г. упрекнул М. Светлова за стихотворение «Слава бесстрашному», опубликованное в армейской газете «На разгром врага»,— стихотворение, в котором «обыгрывалась» фамилия пулеметчика-зенитчика Грома и в котором были, например, такие строки:

Фашистам путь пересекая,
Вступает Гром в неравный бой,
Фамилия его такая,
Характер у него такой.

А. Фадеев по поводу этого стихотворения сказал, что М. Светлов «взял фамилию и на фамилии все построил. Конечно, здесь нет ни раскрытия сущности героизма, ни характера человека, ни стимула его поведения — нет индивидуальности человеческой». Всего этого здесь действительно нет, в отличие, скажем, от светловской «Лизы Чайкиной». Но и задача была в данном случае совсем иная, гораздо более скромная и вполне оправданная. Такую же скромную и столь же оправданную задачу решал С. Щипачев в стихотворении «Арсений Дмитриев», напечатанном во фронтовой газете «За Родину», а затем включенном в сборники произведений поэта, вышедшие в годы войны:

...Тебя, боец воздушного простора,
Твою повадку в небе узнаем,
Родное сердцу пение мотора
Я слышу в русском имени твоем.

Тобою сбитых «Хейнкелей» считая,
Я вижу вновь обломки, пламя, дым.
Легко твоя фамилия простая
Ложится в песню словом золотым.

М. Светлов как бы заранее отвечал на упрек А. Фадеева в своей «Застольной армейской», опубликованной в газете «На разгром врага» в марте 1943 г.,— отвечал, говоря о будущем:

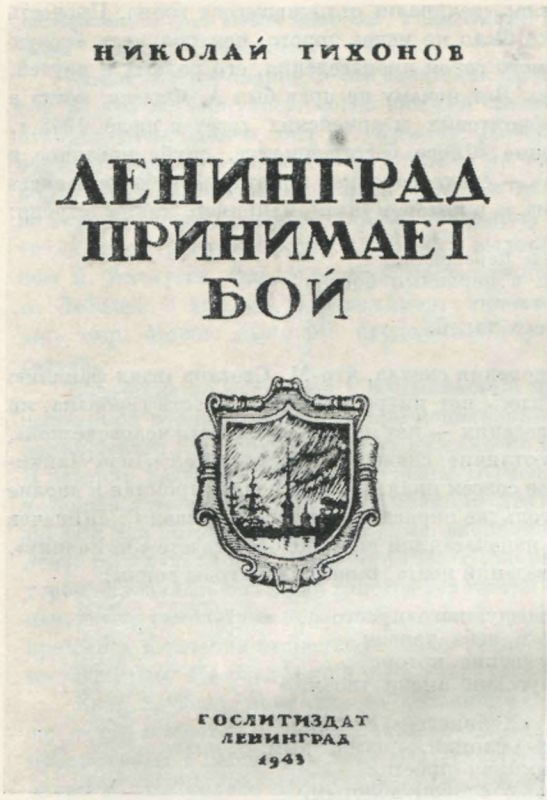
...И улыбнутся лица милые,
И вспомним мы свои дела,
Как нас Победа по фамилии
На подвиг каждого звала.

Сейчас некоторые произведения военной поры нуждаются в пояснениях: чтобы оценить по достоинству их воздействие на читателей, надо мысленно перенестись в ту обстановку, в которой они создавались. Это относится, например, к опубликованному в декабре 1941 г. в газете «За Родину» стихотворению М. Матусовского, где были такие строки:

Здесь солнце светится нечетко,
И ветер из конца в конец.
«Антифашистская погодка!»—
С улыбкой говорит боец.

Только вспомнив о том, как испугала гитлеровцев, не сумевших осуществить блицкриг, первая военная зима, можно понять, почему выражение «антифашистская погодка» сразу вошло в обиход, сделалось «фольклорным». И только вспомнив о том, какие расчеты стали строить гитлеровцы на приближающейся весне 1942 г., можно ощутить всю остроту «календарных» стихов С. Щипачева:

Пусть все сильней фронты гремят, сверкают
Над снежной мартовской голубизной,
Смешно подумать: немцы нас пугают,
Пугают нашей русскою весной.



«ЛЕНИНГРАД ПРИНИМАЕТ БОЙ»
Сборник военных очерков и статей Н. С. Тихонова. Л., Гослитиздат, 1943
Обложка по рисунку В. В. Морозова

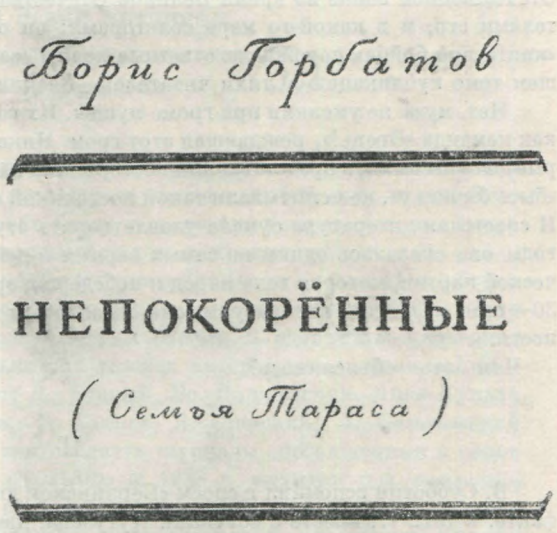
Поэты создавали песни и марши для отдельных бригад и дивизий. И. Эренбург написал немало статей по заказам армейских и фронтовых газет,— статей, в которых шла речь о героях данных фронтов и армий. Писателям приходилось выполнять и такие задания, которые не имели прямого отношения к их специальности: писать или литературно обрабатывать памятки, листовки, инструктивные материалы чисто военного характера. Так, например, критик А. Тарасенков написал брошюру о способах борьбы против вражеских танков. Вспоминая в 1944 г. на собрании ленинградских писателей о днях блокады, Н. Тихонов говорил: «Были дни, когда листовка была важнее рассказа, важнее любой поэмы...»

Все это надо перечитать, изучить, оценить по достоинству. Как жаль, что у нас пишутся десятки диссертаций на одни и те же темы, об одних и тех же лежащих у всех перед глазами книгах, и нет желания, нет вкуса к тому, чтобы порыться в подшивках военных газет и в документах военных архивов — в тех литературных «однодневках», на которых горят отблески великих битв. Ведь надо же разобраться в том, почему созывались специальные заседания Военных советов армий для «заслушивания стихов» того или иного поэта и почему некоторые стихи и публицистические статьи вызывали такой взрыв ярости во вражеском стане, что о них говорилось в специальных секретных приказах по германской армии (а иногда с опровержением выступал «сам» Геббельс). Это важно понять не только историкам, но и тем, кто изучает художественное творчество военной поры, ибо от указанного рода литературных материалов тянулись нити к произведениям гораздо большего значения. Первые играли по отношению ко вторым роль первоначальных набросков, зарисовок, этюдов, имевших ту особенность, что они не оставались в творческой лаборатории писателя, а приобретали самостоятельное значение и делали свое важное дело.

Не следует думать, что все это говорится для того, чтобы оправдать художественные недостатки и слабости литературы военных лет. Она не нуждается ни в каких

«оправданиях». Менее чем за четыре года было создано столько художественно яркого и ценного, что есть все основания говорить о расцвете литературы в те труднейшие годы. Одним из источников этого расцвета было то обстоятельство, что все, происходившее на войне, настойчиво требовало немедленного поэтического, художественного «подтверждения». Трагическая эпопея осажденного Ленинграда неотделима в сознании миллионов людей от повседневного литературного подвига О. Берггольц, Н. Тихонова, Вс. Вишневского, В. Кетлинской, В. Инбер и других писателей; к радиопередачам «Говорит Ленинград» прислушивались все фронты, вся страна, весь мир. Насколько беднее было бы представление нашего народа и всего человечества о Сталинградской битве — об этом поворотном пункте войны и одном из поворотных пунктов истории — без произведений В. Гроссмана, К. Симонова, В. Некрасова, М. Луконина и других! Вспоминая о героическом гарнизоне Ханко, мы сразу вспоминаем и о поэзии М. Дудина. А оборона Севастополя, оборона Одессы... Да какое из сражений Великой Отечественной войны не имело своих изобразителей и певцов?! Писать историю этой войны без истории ее художественной литературы — значит заведомо обрекать создаваемую картину на неполноту.

Да, советская литература переживала в ту труднейшую пору замечательный подъем. Многие молодые художники слова, такие, как К. Симонов, Б. Горбатов, А. Кулешов, О. Берггольц, М. Алигер, В. Кожевников и другие, впервые нашли в те годы дорогу к сердцам миллионов читателей. По-новому зазвучали тогда голоса многих выдающихся мастеров слова — Н. Тихонова, М. Светлова, П. Антокольского... Этот список должен включить в себя десятки имен. Разве можно сегодня по достоинству оценить советскую и мировую художественную публицистику, забыв о созданных в годы войны статьях и памфлетах И. Эренбурга, А. Толстого, Л. Леонова, А. Исаакяна, Вс. Вишневского, Б. Горбатова, Я. Галана и других? Можно ли сегодня охарактеризовать жанр очерка, обходя «Направление главного удара» В. Гроссмана и другие очерки его



«НЕПОКОРЕННЫЕ»
Первое издание повести Б. Л. Горбатова
М., Гослитиздат, 1943
Обложка

и его многочисленных товарищей по этому виду литературного оружия? Жанр рассказа в ту пору поднимался на высоту «Науки ненависти» М. Шолохова и «Русского характера» А. Толстого. А песни? Песни, созданные в военные годы советскими композиторами на тексты М. Исаковского, А. Суркова, Е. Долматовского, А. Фатьянова и других, поются до сих пор, напоминая новым и новым поколениям о том, о чем нельзя забывать. И развивались тогда не только «малые», «оперативные» жанры — каждый назовет созданные в годы войны, но волнующие нас и сегодня поэмы, повести, романы, пьесы [1].

Об уровне литературы судят по ее вершинам. О силе литературы Великой Отечественной войны позволяют судить такие произведения, как «книга про бойца» А. Твардовского. Эта книга стоит в одном ряду с крупнейшими произведениями нашей эпохи и уже заняла по праву принадлежащее ей место в истории советской литературы. Из всех сопоставлений, которые делались при оценке «Василия Теркина», пожалуй, самым основательным является сопоставление с «Легендой об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке» Шарля де Костера. Действительно, А. Твардовский, как и де Костер, сумел создать образ огромного исторического и неповторимо-национального значения — образ героя, вобравшего в себя всю энергию народной борьбы за свободу и независимость своей родины и за победу света над жестокой, изуверской силой тьмы. Но сразу бросаются в глаза и отличия. Они не только в разнице исторических эпох и мировоззрений авторов. Они и во многих особенностях созданных ими художественных типов, в том, например, что А. Твардовский уже воплощает идеалы народа и его повседневное бытие, его «дух» и его «тело» не в двух разных, противопоставленных друг другу и дополняющих друг друга образах, как это было в «Легенде» де Костера и во многих художественных творениях прошлого. В Теркине все это живет нераздельно — это одна из его коренных особенностей. И еще важнее другое. Де Костер создавал в XIX веке произведение на материале событий XVI века, привлекая историю, предания, фольклор для утверждения своих прогрессивных идей. Твардовский же писал о Великой Отечественной войне во время Великой Отечественной войны. Его герои были и читателями его, и в какой-то мере соавторами: он опирался на фронтовой фольклор, а «книга про бойца» порождала ответные волны «самодеятельной» поэзии (см. в настоящем томе публикацию «Стихи читателей „Василия Теркина“»).

Нет, музы не умолкли при громе пушек. Их голоса были слышны так же явственно, как команда «Огонь!», рождавшая этот гром. Никогда до этого миллионы людей, которые должны были, в представлении посторонних наблюдателей, думать лишь об одном — «быть бы живу», не испытывали такой постоянной потребности в художественном слове. И советская литература сумела удовлетворить эту потребность. В те решающие дни и годы она оказалась одним из самых верных и действенных помощников Коммунистической партии, которая вела народ к победе над врагом. Несмотря на все, что мешало в 30-е годы развитию литературы, она оказалась к началу войны в полной боевой готовности.

Чем это объяснялось?

II

В. Субботин вспомнил в своем «Берлинском дневнике» о любопытном историческом факте: в 1812 г., вместе с войсками Кутузова, двигалась повозка с походной типографией, в штат которой входил поэт В. А. Жуковский. С этого эпизода, по-видимому, и надо вести историю русской фронтовой печати, а «певца во стане русских воинов» считать ее первым литературным сотрудником.

Но у советских писателей были и гораздо более близкие и более поучительные образцы работы писателя на фронте. Здесь достаточно назвать Демьяна Бедного, так много сделавшего для Красной Армии в годы гражданской войны. Казалось бы, эта традиция не могла и не должна была ослабеть в нашей литературе. Страна жила, строила, боролась в условиях капиталистического окружения, а пока это окружение существовало — оставалась и военная опасность. Однако, когда в 1929 г. возник конфликт на КВЖД, писатели оказались не на высоте. Из произведений, которыми они

А. Н. ТОЛСТОЙ СРЕДИ ЛЕТЧИКОВ

Фотография С. И. Лоскутова. Западный фронт, август 1941 г.

Собрание С. И. Лоскутова, Москва

откликнулись на это событие, нашло широкий отклик лишь одно: песня того же Д. Бедного «Нас побить, побить хотели...» А ведь страна могла в любой день и любой час оказаться перед испытаниями значительно более серьезными, такими, которые потребовали бы от нее напряжения всех материальных и духовных сил.

Этот факт и другие свидетельства недостаточного внимания писателей к оборонным задачам советской литературы послужили толчком к созданию в 1930 г. Литературного объединения Красной Армии и Флота (ЛОКАФ). В работе этого объединения приняли активное участие представители разных литературных организаций — пролетарских писателей и «попутчиков»: Д. Бедный, Вс. Вишневский, Янка Купала, Матэ Залка, А. Сурков, С. Щипачев, В. Саянов, В. Ставский, А. Безыменский, А. Исбах и многие другие. ЛОКАФ стал издавать журналы, посвященные в основном оборонной тематике: в Москве — «ЛОКАФ» (с 1933 г. выходит под названием «Знамя»), в Ленинграде — «Залп», на Украине — «Червоний боєць», и выпустил целый ряд сборников. В этих изданиях публиковались произведения о современной Красной Армии, о войнах прошлого, об опасности новой войны. На страницах «Знамени» в предвоенное десятилетие появились такие произведения, как «Капитальный ремонт» Л. Соболева, «Мы из Кронштадта» Вс. Вишневского, «Аэроград» А. Довженко, «На Востоке» П. Павленко, «Тропа самураев» Л. Рубинштейна, «Падение Парижа» И. Эренбурга, рассказы Б. Лапина и З. Хацревина, М. Залки, военные стихи В. Луговского, А. Твардовского, В. Гусева и др. ЛОКАФ посылал писателей в воинские части, на учения, на маневры, готовил кадры будущих военных корреспондентов.

После ликвидации в 1932 г. РАПП и других литературных организаций и создания единого Союза советских писателей был закрыт и ЛОКАФ, а функции его переданы Оборонной комиссии ССП. Вряд ли это решение было вызвано необходимостью. Ведь ЛОКАФ, впервые объединивший в одной литературной организации писателей разных течений и группировок, не имел ничего общего с ликвидированными в 1932 г. организациями и вполне мог продолжать свою деятельность наряду с ССП или в его составе, мобилизуя писателей, журналистов, деятелей искусства на решение оборонных задач. Более того: насущная необходимость в таком объединении чувствуется и сегодня. Совершенно неубедительна мысль о том, что возникновение сейчас организации, подобной ЛОКАФу, могло бы создать не совсем верные представления об основных устремлениях советских писателей и об их отношении к вопросу о неизбежности новой мировой войны. Опыт 30-х годов наглядно свидетельствует о том, что мобилизация внимания деятелей печати, литературы и искусства к оборонным задачам и к фактам, говорящим о военной опасности, не только не противоречит их борьбе за мир, а является одним из условий ее действенности.

Оборонная комиссия ССП с ее творческим активом сделала в предвоенные годы немало полезного, но не смогла в полной мере заменить ЛОКАФ. Впрочем, в действие вступили такие силы самой действительности, которые начали приобщать к военному делу даже самых «мирных», самых «штатских» литераторов. Как сигнал об опасности — опасности для всего человечества — прозвучал фашистский мятеж в республиканской Испании. В сражении с бандами генерала Франко погиб венгерский коммунист, нашедший в СССР вторую родину,— Матэ Залка. Он был первым советским писателем, павшим смертью храбрых в борьбе с фашизмом. На проходившем в июле 1937 г. в осажденном Мадриде II конгрессе Международной ассоциации писателей для защиты культуры приняли участие советские писатели — А. Фадеев, А. Толстой, И. Эренбург, М. Кольцов, Вс. Вишневский и др. Советские люди с огромным интересом читали корреспонденции, присылаемые из Испании М. Кольцовым и И. Эренбургом. Позднее, уже в пору Великой Отечественной войны, И. Эренбург, вспоминая о том, как он ездил по фронтам Испании с передвижной типографией, отмечал: «Я это делал в течение трех месяцев и благословляю теперь это время, потому что это помогло мне делать то, что я делаю теперь, больше, чем вся моя литературная работа. Во-первых, я тогда увидел воочию войну, войну с тем же неприятелем, а затем я научился писать такие короткие вещи...»[2]

Вскоре военная опасность опалила и советскую землю: японские милитаристы предприняли провокацию у озера Хасан. Вслед за этим еще более серьезные события разыгрались на Халхин-Голе — здесь в боевых порядках советских войск проходили школу военной журналистики К. Симонов, Л. Славин, Б. Лапин, З. Хацревин... В освободительном походе в Западную Украину и Западную Белоруссию приняли участие уже десятки советских писателей. Но особенное значение для подготовки к работе на фронтах Великой Отечественной войны имела начавшаяся в ноябре 1939 и закончившаяся в марте 1940 г. финская кампания. Она была непродолжительной, но трудной, и писатели делили ее трудности с бойцами. Вот когда был открыт список потерь писателей — сотрудников фронтовой печати. Погибли: С. Диковский (он начал путь военного корреспондента во время конфликта на КВЖД в качестве сотрудника корпусной газеты «Отпор»), М. Чумандрин, Б. Левин. Воюя в составе лыжного батальона, пал в бою поэт А. Коштейн.

Финская кампания принесла не только потери,— она дала богатый, очень пригодившийся позднее опыт, подготовив из среды писателей большую группу военных корреспондентов, работа которых была отмечена первыми боевыми наградами. Возникли редакционные коллективы, продолжавшие свою деятельность позднее, в годы Великой Отечественной войны. Так, например, на базе редакции газеты 7 армии «Боевая красноармейская», в штат которой входили Е. Петров, А. Исбах, Е. Долматовский, М. Слонимский, Л. Рахманов и другие, была создана газета Рижского военного округа «За Родину», ставшая в годы войны органом Северо-Западного, а потом 2 Белорусского фронта (см. обзор С. Савельева). Опыт финской кампании помог газете Ленинградского военного округа «На страже Родины», объединившей особенно много писателей,

достойно выполнять свою роль и позднее, в гораздо более трудную пору ленинградской блокады. Таким образом, к 1941 г. среди советских писателей было уже много «обстрелянных» и имеющих практический опыт работы в военной печати.

И все же главное заключалось не в этой военной и военно-корреспондентской подготовке, а в общей духовной боевой готовности, которая возникала постепенно и крепла в идейных битвах большого международного значения. Огромную роль сыграла литературная и общественная деятельность М. Горького, его воинствующая публицистика, основная направленность которой раскрыта в заглавии сборника его статей, изданного в 1931 г.: «Будем на страже». В одной из вошедших в этот сборник статей М. Горький произнес слова, которые прозвучали очень громко, вызвав отзвук в сердцах миллионов людей в нашей стране и за рубежом:

«Я всю жизнь был „пацифистом". Война вызывала у меня только отвращение, стыд за людей и ненависть к зачинщикам массовых убийств, к разрушителям жизни.

Но после той героической войны, которую победоносно провел голодный, босой, полуголый наш рабочий и крестьянин, после того как рабочий класс, строя новое, свое государство в невероятно трудных условиях, показал и показывает себя умным, талантливым хозяином,— после этого я тоже убедился в неизбежности смертельного боя. И, если вспыхнет война против того класса, силами которого я живу и работаю,— я тоже пойду рядовым бойцом в его армию. Пойду не потому, что — знаю: именно она победит, а потому, что великое, справедливое дело рабочего класса Союза Советов — это и мое законное дело, мой долг» [3].

Цитируя сейчас эти слова, кое-кто толкует их таким образом, что М. Горький считал вторую мировую войну фатально неизбежной и что так же следует думать сегодня о третьей мировой войне нам, если мы не хотим утратить революционную решимость и «предать» горьковскую традицию. Но, не говоря уже о принципиальной разнице в исторической обстановке, надо сказать, что и М. Горький не отрицал возможности предотвращения второй мировой войны. В 1930 г. он писал, обращаясь к рабочим и крестьянам Запада и предупреждая их об опасности «войны еще более ужасной, чем война 1914—18 годов»: «Хотите ли вы этого? Вы в силах не допустить войны. Вы и все люди, которые еще способны понять бессмысленность и преступность новой общеевропейской войны, можете ударить по рукам авантюристов. У вас для этого есть все средства» [4].

Горький стал одним из самых пламенных борцов за мир, стал вожаком широкого прогрессивного движения, охватившего многие страны. Особенно громко зазвучал его голос, предупреждая об опасности новой мировой войны, после прихода фашизма к власти в Германии. Гитлеровская свора не знала врага более страстного и более непримиримого, чем Горький. И чем больше росла роль Горького как антифашистского трибуна, тем большее значение имело все то, что он делал для мобилизации сил советских писателей на решение оборонных задач.

В декабре 1935 г. он писал А. Суркову, готовившему доклад о советской поэзии для пленума Правления ССП: «...говорить надо об интернациональном значении нашей поэзии, и не только говорить, а делать, делать. У нас за 20 лет нашелся, кажется, один поэт, который понял: „Гренада моя!". Но не нашлось поэтов, которые воспели бы героику китайской Красной армии, Вену, Антверпен и т. д., не находится ни одного, в ком оказалась бы сила хлестнуть сатирическим стихом Гитлера, Муссолини и прочих многочисленных мерзавцев 〈...〉 Перед нами—неизбежность нападения врагов, перед нами небывалая по размаху война, которую организует сволочь всего мира, выродки истории, паразиты, которым не откажешь в иезуитской талантливости, наблюдая их подлость, бесчеловечие, цинизм. Мотивы обороны не волнуют поэтов» [5]. За три недели до кончины М. Горький писал Л. З. Мехлису: «Разоблачение фашистских поджигателей,— мне нечего вам об этом писать,— сейчас крайне важное дело» [6]. Известно, что последними словами великого писателя, которые он произнес перед тем, как потерять сознание, были слова о необходимости готовиться к войне...

К воинскому подвигу советскую литературу готовило проходившее через все 30-е годы, начатое еще М. Горьким, идейное, морально-политическое наступление на мировой фашизм, разоблачение его гнусности и его опасности для нашей страны и для

всего человечества. Пламя этого наступления отражалось не только в разработке оборонной тематики, но и во всем лучшем, что создавалось тогда советской литературой, в утверждении ею главного, что происходило тогда в действительности,— происходило, несмотря на преграды, воздвигнутые культом личности. Этим главным была победа социалистического уклада в нашем государстве, повлиявшая на все стороны его бытия, в том числе — на развитие литературы, на определение ею своих творческих принципов. Назвав свой метод социалистическим реализмом, советская литература подчеркнула тот факт, что социализм в нашей стране стал реальностью, вошел в повседневную жизнь, в быт миллионов людей, и взяла на себя обязательство быть бесстрашно правдивой и воинственно отстаивать социалистические идеалы. Это было очень высокое обязательство,— его ответственность возрастала по мере того, как росла смертельная опасность фашистского нападения.

Выступая в 1939 г. на XVIII съезде партии, М. Шолохов заявил от имени всех советских писателей: «Советский писатель, надо прямо сказать, не принадлежит к сентиментальной породе западноевропейских пацифистов. Если враг нападет на нашу страну, мы, советские писатели, по зову партии и правительства, отложим перо и возьмем в руки другое оружие». Так и поступили многие писатели в 1941 г. И само перо приобрело значение мощного оружия, необходимого для победы,— это тоже предвидели советские писатели и к этому они тоже готовились. Еще в 1934 г., выступая на Первом съезде советских писателей, А. Сурков говорил: «Давайте не будем стесняться, несмотря на возмущенное бормотание снобов, простой и энергичной поступи походной песни, песни веселой и пафосной, мужественной и строгой. Давайте не будем забывать, что не за горами то время, когда стихи со страниц толстых журналов должны будут переместиться на страницы фронтовых газет и дивизионных полевых многотиражек». Писатели глубоко осознавали, какой справедливой будет эта война со стороны советского народа, какой глубоко гуманистический смысл будет иметь его великая миссия в этой войне. Незадолго до Отечественной войны Е. Долматовский писал в стихотворении «Гроза»:

Когда на броневых автомобилях
Вернемся мы, изъездив полземли,
Не спрашивайте, скольких мы убили,
Спросите лучше, скольких мы спасли...

III

Вот как получилось, что советская литература сумела сразу же, с первых же дней, ответить на растущую потребность народа в боевом художественном слове.

А потребность эта росла необычайно быстро. Недаром художественные произведения заняли такое большое и важное место в периодической печати, в работе радио, во всех формах политической работы, которую вела Коммунистическая партия. Отвечая в сентябре 1942 г., на совещании секретарей обкомов комсомола по пропаганде, на вопрос: какие формы агитации и пропаганды являются наиболее действенными?— М. И. Калинин назвал особенно понравившиеся ему произведения писателей: очерки, публицистические статьи, пьесы. Недаром даже в самые трудные дни боев, когда были на исходе патроны и сухари, люди так тянулись к газетным пачкам (а их доставляли в числе самых необходимых, первоочередных грузов) — тянулись не только потому, что хотели узнать о положении на других фронтах, но и для того, чтобы прочесть новое стихотворение, новый рассказ. Недаром с такой фантастической быстротой, опережая все средства доставки, распространялись произведения, которые давали нечто важное человеческим душам, полным гнева, боли, тревоги (ни одна оперативная сводка не смогла бы так молниеносно дойти буквально до всех, как дошло симоновское «Жди меня»).

Надо вспомнить и о стремлении многих и многих людей, боровшихся с оружием в руках против озверелых гитлеровских орд, самим попробовать силы в художественном творчестве. Мы знаем, сколько новых писателей вышло из рядов солдат и офицеров

«НАРОД БЕССМЕРТЕН»
Первое полное издание повести В. С. Гроссмана. М., Гослитиздат, 1943 (на обложке — 1942)

во время войны и после нее, но мы не знаем, сколько их не успело войти в литературу — погибло, не раскрывшись, не сказав того, что они могли сказать.

Но чем объяснялась такая тяга к художественному слову в годину суровых испытаний? Только ответив на этот вопрос, мы сможем понять до конца смысл и значение подвига, совершенного советской литературой в годы Великой Отечественной войны.

Всякая большая война, как и любое тяжелое испытание, требующее напряжения всех сил народа, вызывает в душах миллионов людей потоки бурных чувств. Вызвала их и Великая Отечественная война, причем это были чувства сложные и противоречивые,— их характер становится особенно ясным сегодня, когда перед нами раскрываются дневники, письма, документы военных лет. Говоря о сложности и противоречивости чувств, поднятых войной, надо иметь в виду не настроения растерянности и подавленности. Большинство советских людей не позволило этим настроениям взять верх над их верой в победу. Не овладела большинством и инерция мирного бытия, хотя она еще существовала в первые месяцы войны и не только вдали от фронтов. Был случай, когда редактор одной армейской газеты, не отличавшийся особенным юмором, сумел рассмешить всех: 1 августа 1941 г. он выпустил (это в Действующей армии!) специальный номер, посвященный Международному антивоенному дню. Редактор верил календарям, а они были напечатаны в мирное время. Настроения такого рода весьма успешно преодолевались самим ходом войны, всем ее суровым и грозным характером.

Основная масса советских людей делала и на фронте и в тылу все, что было в ее силах, и даже то, что, казалось бы, превосходило человеческие силы, чтобы остановить врага и отразить его натиск.

Возможно, когда-нибудь историки скажут, что самым главным периодом Великой Отечественной войны был ее самый ранний, самый трагический период и что именно в пору горчайших своих поражений Советская Армия сделала особенно много для

конечной победы. Но, преграждая своими телами путь врагу, совершая бессчисленные героические подвиги, лишь малая часть которых стала известна и еще меньшая воспета, советские воины переживали такое внутреннее борение чувств, сомнений, тревог, которое было иной раз более мучительным, чем тяготы боев и походов.

Люди думали: как мог оказаться враг в чем-то сильнее нас? Каким образом удалось ему осуществить внезапное нападение? Много ли еще таких неожиданностей ждет нас? Почему так мало командиров из числа тех, кто получил опыт и закалку в прошлых военных испытаниях? Как надо расценивать теперь недавно звучавшие заверения, что если нам навяжут войну — она будет проходить «на чужой территории» и «малой кровью»? Много ли еще советской земли придется оставить? Много ли еще будет утрат и жертв, каких могло бы не быть?..

В 1942—1943 гг. был написан сценарий А. Довженко «Украина в огне», впервые публикуемый в настоящем томе «Литературного наследства». Можно по-разному относиться к этому произведению. Возможен и такой взгляд, что в своем стремлении к символизации и в нагромождении картин ранений, смертей, пыток, насилий А. Довженко перешел грань, за которой его выстраданное, рожденное кровоточащим сердцем произведение стало вдруг кое-где отдавать искусственностью, сочиненностью. Но нельзя отрицать огромной художественной силы многих сцен «Украины в огне». И нельзя отрицать другого: А. Довженко еще во время войны высказал то, над чем многие тогда лишь начинали задумываться, высказал те сомнения и тревоги, которые были особенно остры во время изображаемого им отступления 1941 г. Покидая при приближении врагов родную хату, старый мудрый украинец Лаврин Запорожец обращается к портрету Сталина: «Прощайте, товарищ. Не думали мы с вами, что так выйдет, да вышло... не малою, большою кровью на ⟨своей⟩ территории⟨...⟩ Что будет с народом нашим? Выживет он или сгинет, так что и следа не останется на земле? Разгонят его по каторгам, да по лесам, оврагам да гнилым болотам, как волков-сиромах, да натравят друг на друга так, что живые позавидуют мертвым. Горе нам... Народ бессмертен, говорили вы, товарищ мой. Ох, тяжелое наше бессмертие». Сын Лаврина — Иван сталкивается на дорогах отступления с районным «председателем», чиновником, который «привык к своему посту», а к людям глубоко равнодушен, с одним из тех, кто, убегая, возглашает для остающихся «бодрые» лозунги, вроде «Никогда враг не пройдет!». Иван спрашивает у командира Кравчины, что́ он по поводу таких людей скажет, и тот отвечает: «Скажу, что война будет долгой. И крови нашей прольется намного больше, чем могло б пролиться. И страданий».

Понимали ли деятели литературы и искусства, почему вышло так, что «крови нашей прольется намного больше, чем могло б пролиться»? Были ли они в состоянии ответить на все вопросы, которые мучали во время войны, особенно в первый ее период, миллионы людей? Нет, в полной мере они многого еще не понимали, на многие вопросы ответить не могли. Им еще не были ясны сложные причины, поставившие Советскую страну в самом начале войны перед лицом тягчайших испытаний; не осознавали они и того, какую роль в ряду этих причин играл культ личности Сталина со всеми его последствиями. В этом отношении писатели и художники не отличались от тех миллионов людей, к которым было обращено их творчество. Так близко подошедший к пониманию многого А. Довженко послал сценарий «Украина в огне» на просмотр Сталину и был поражен, потрясен его ответом, не давшим родиться задуманной киноэпопее.

В повести «Дни и ночи» — на тех страницах ее первой редакции, которые публикуются только сейчас, в этом томе,— К. Симонов сказал верные слова о недостатках подготовки армии: «...пограничники воспитывались так, как, быть может, должна была воспитываться вся армия. Они были всегда начеку». Он сказал здесь верные слова и о вещах еще более сложных, освещая прошлую биографию героя своей повести Сабурова, который решил стать учителем потому, что, по его мнению, в деле воспитания молодежи у нас было немало недостатков. «Особенно его укрепляли в этом убеждении 37-й и 38-й годы — не потому, что ему самому пришлось тяжело, а потому что он видел, как одновременно страдали и в то же время недостойно себя вели многие люди, которых он раньше уважал. В эти годы у людей

ГРУППА ПИСАТЕЛЕЙ — ВОЕННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ
Слева направо: А. А. Сурков, К. М. Симонов, О. И. Курганов, Е. Г. Кригер и фотокорреспондент П. А. Трошкин
Фотография П. А. Трошкина. Западный фронт (Смоленская область), июль 1941 г.
Собрание Е. Г. Кригера, Москва

развились два качества, которые потом, постепенно исчезая, все-таки долго еще мешали им жить,— подозрительность и равнодушие...» Но автору повести казалось, что эти качества уже «исчезали», как герою ее представлялось, что страна уже «пережила тяжелую и мучительную болезнь, которая не испортила ее прекрасную душу». Характерны строки: «Сабурову вдруг не захотелось копошиться в прошлом, которое — он чувствовал по всему, что носилось сейчас в воздухе, — было прошлым не только для него, но уже становилось прошлым для всей страны». Было бы несправедливо упрекать Симонова за то, что он разделял иллюзии своего героя: это были тогда общие иллюзии. Гораздо важнее, что он задумался вместе со своим героем над причинами многого, мучавшего миллионы людей, и захотел поделиться этими раздумьями с читателем. Захотел, но вынужден был отказаться от своего намерения: приведенные строки появиться в печати тогда не могли. Эти раздумья остались в подтексте произведения, и разве не таким же подтекстом обладали многие произведения той поры?

В «Письмах товарищу» (тогда немало произведений носило характер письма к товарищу, другу, любимому человеку; даже повести и поэмы стали звучать как монолог одного, обращенный к одному,— ведь самое общезначимое стало самым личным, интимным) Б. Горбатов писал о старике-колхознике Игнате, прозванном Несогласным потому, что долго не шел в колхоз, а придя в него, жаловался «на то, на се, на беспорядки в колхозе»: «Я ушел в бой, а он остался под дубом думать свою думу. Большая это дума, товарищ, о судьбах Родины. Миллионы Игнатов Согласных и Несогласных думают ее сейчас...» Эта дума не приводила к выводу, что теперь, в условиях всенарод-

ной войны, каждый отдельный человек должен окончательно стушеваться, раствориться без остатка в общей массе, знающей лишь общее дело. Напротив, она поднимала самооценку каждого участника Священной войны, каждого, кто вносил свою лепту в спасение Родины. Когда герой повести Б. Горбатова «Алексей Куликов, боец» становится снайпером, он осознает, какое это счастье «видеть, как от твоей пули, от твоей собственной руки падает враг! До той поры Куликов сам себе цены не знал. Он видел: на этой войне люди воюют массами. Что тут один человек значит? Он даже не винтик в машине, он пешка. Но теперь узнал Алексей Куликов цену умелому человеку на войне...» И — не только на войне: разве потом, после одержанной с его помощью победы, мог Куликов поверить, что он — только винтик?

Надо повторить еще раз: писатели еще не осознавали причин всего, что рождало сомнения и тревоги в душах миллионов людей, еще не могли ответить на все их вопросы. Но нечто очень важное, решающее они хорошо понимали и на самый главный вопрос могли дать ясный ответ. Они понимали, что какие бы недостатки и беды ни ослабили нашу страну, все же никому и ничему не удалось — действительно, не удалось — испортить «ее прекрасную душу». И на вопрос «Что будет с народом нашим? выживет он или сгинет?..» — они с глубоким убеждением, которым было проникнуто все, что имеет право называться литературой Великой Отечественной войны, отвечали: не сгинет, выживет, выстоит, победит! Конечно, об этом же говорилось в приказах, воззваниях, речах, во всех формах политической агитации и пропаганды. Но только художественная литература обладала способностью непосредственно вторгаться в ту бурю чувств, которая клокотала в душах людей. Только она могла объяснить человеку его самого, показать ему на его собственном примере силу и непобедимость нашего строя. А это было необычайно важно. Любой оставленный рубеж можно было отобрать назад, кроме одного: рубежа наших идеалов, нашей веры в них. Его нельзя было отдать врагу ни на один день, ни на один час. Советская литература, выполняя свой гражданский и партийный долг, встала на этом рубеже насмерть, — вот в чем состоял ее главный подвиг.

IV

Как защищала литература этот решающий рубеж? Прежде всего, она стремилась быть правдивой. Перечисляя во введении к поэме «Василий Теркин» все, что необходимо бойцу на войне, А. Твардовский так заключал этот перечень:

А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

«Василий Теркин» так и написан: это книга про бойца, который переносит все тяготы и опасности ратного труда, зная, что дома у него «догола земля раздета и разграблена», что «всё в забросе» (этой теме была посвящена и другая замечательная, исполненная высокого трагического пафоса поэма А. Твардовского «Дом у дороги»),—про бойца, готового все вынести, через все пройти — раз

Бой идет святой и правый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

В стихотворении, написанном в начале ленинградской трагедии, в первом из своих «Писем на Каму», О. Берггольц писала:

Я знаю — далеко на Каме
Тревожится, тоскует мать.
Что написать далекой маме?
Как успокоить? Как солгать?
Она в открытках каждой строчкой,

Страшась и всей душой любя,
Все время молит:
— Дочка, дочка,
Прошу, побереги себя...
О, я любой ценою рада
Тревогу матери унять.
Я напишу ей только правду:
Пусть не боится за меня.

Эта правда — в том, что сберечь себя можно лишь одним способом: сберегая свою страну, защищая Ленинград:

— Я берегу себя, родная,
Не бойся, очень берегу.
Я город наш обороняю
Со всеми вместе, как могу.
Я берегу себя от плена,
Позорнейшего на земле.
Мне кровь твоя, чернея в венах,
Диктует: «Гибель, но не плен!»

Эти простые строки волновали не только ленинградцев, не только им прибавляли сил для продолжения все более тяжелой, все более напряженной борьбы. О. Берггольц создала позднее произведения пронзительной трагической силы — «Февральский дневник» и др. Они все бесстрашно правдивы и проникнуты героическим пафосом. И хотя их писал человек, понесший утраты не только в годы войны, человек, испытавший всю тяжесть клеветы и несправедливости,— эти произведения были заряжены верой в победу и заряжали ею других.

Литература военных лет не преуменьшала той опасности, которая нависла над Советской страной. Она показывала врага в его силе и в его слабости — в силе его злобы, цинизма, алчности, в слабости его идеалов или подобия идеалов. Она вызывала ненависть и одновременно презрение к врагу — против такой горючей смеси не было защиты.

И. Эренбург говорил в своем «творческом отчете»: «В тот момент, когда наши бойцы увидели освобожденные территории в декабре 1941 г., судьба Германии была решена». Это верно: картины, открывшиеся глазам бойцов во время декабрьского наступления, обожгли и закалили их души, а наша литература сделала многое для того, чтобы эти картины открылись для миллионов людей, чтобы эти миллионы почувствовали всю мерзость и низость преступлений фашистских захватчиков. Но литература делала это и раньше, с самого начала войны, показывая, что́ несут с собою враги, вторгшиеся в нашу страну. Из множества публицистических статей, очерков, стихов, посвященных этой теме, я назову здесь одно произведение: опубликованное в августе 1941 г. стихотворение С. Щипачева «Ленин». Оно было подсказано реальным фактом. Наши отступающие войска, перейдя в контратаку, отобрали на короткий срок назад город Сольцы, и там бойцы увидели то, что ударило по их сердцам больнее всего остального: на площади лежал в пыли сброшенный с пьедестала памятник Ленина. Поэт домыслил увиденное, изобразив этот памятник как «незримой силой поднятый из праха» — поставленный снова на пьедестал партизанами. Это стихотворение говорило с такой силой убедительности, на которую способно лишь настоящее искусство: враг хочет осквернить и уничтожить все самое дорогое для нас, то, чем мы дышим с юности, без чего мы перестанем быть собой...

Сила правды, которую несла в себе наша литература,— правды и в изображении врага, и в изображении многого, что ослабляет наши удары по врагу,— сказалась в полной мере и во время отступления наших войск летом 1942 г. После разгрома гитлеровских полчищ под Москвой, после больших успехов на других фронтах это отступление было особенно тягостным. Еще незадолго до этого, в одном из своих искренних, волнующих «Писем товарищу» Б. Горбатов писал: «Нас теперь не повернешь, не остановишь. Каждый шаг вперед делает нас сильнее. Кто видел виселицы в Ростове, тот не попятится назад. Ненависть вооружает воина. Победа дает крылья». И все же врагу удалось на время остановить наши дивизии и отбросить их назад, отбросить от Ро-

стова, где выросли новые виселицы, и выйти к самой Волге. В опубликованной в октябре 1942 г. повести «Алексей Куликов, боец» (она имела подзаголовок: «Рассказ о солдатской душе») Б. Горбатов рассказывал о «лете 1942 года, о боях на Дону и Кубани, о том, как лавиной навалился враг, а наши войска дрогнули», как кричали вслед бойцам станичники: «Стойте, куда вы, на кого оставляете!», о стыде и горечи — двойной горечи и двойном стыде — этого отступления после первых побед.

Над страною снова нависла смертельная опасность. Было ясно, что враг, сосредоточив огромные силы, предпринимает последнюю отчаянную попытку выиграть войну. Было сделано многое, чтобы добиться решительного перелома: укреплена дисциплина, подтянуты резервы, усилена боевая техника, пересмотрены решения, в которых был допущен стратегический просчет. И большую, очень большую роль сыграла воспитательная работа Коммунистической партии, особенно такие формы этой работы, как печать и художественная литература.

В июне 1942 г. была опубликована «Наука ненависти» М. Шолохова; в июле — пьеса К. Симонова «Русские люди» и его стихотворение «Убей его!», тогда же начала печататься повесть В. Гроссмана «Народ бессмертен» — первая широкая картина войны, созданная во время войны; в августе появилась «Радуга» В. Василевской, «Нашествие» Л. Леонова, «Фронт» А. Корнейчука (нельзя согласиться с прозвучавшим недавно утверждением, что эта пьеса была написана в оправдание преследований полководцев эпохи гражданской войны: фигура Горлова никак не ассоциировалась с оклеветанными замечательными полководцами, а воплощала в себе явление действительно отрицательное, что становится особенно ясно, когда пьеса берется в контексте событий лета 1942 г.). В сентябре 1942 г. в разных газетах стали публиковаться главы «Василия Теркина».

Некоторые из названных произведений были написаны до отступления 1942 г. и только появились в это время. Но и они оказались необычайно актуальными, так как с новой силой раскрыли звериное существо фашизма и разоблачили — на примере уже пройденных этапов войны — миф о его непобедимости. Пришла пора широких художественных обобщений, и эти обобщения появились вовремя — в один из самых критических и решающих моментов войны. Немало произведений явилось непосредственным откликом на события лета 1942 г.,— кроме названных выше, можно еще помянуть добрым словом опубликованный 1 августа 1942 г. в «Красной звезде» и взволновавший тогда многих рассказ А. Довженко «Ночь перед боем». О летнем отступлении 1942 г. рассказал позднее М. Шолохов в главах романа «Они сражались за Родину», которые стали появляться в печати в 1943 г. Даже после того, как участь гитлеровских захватчиков была уже в сущности решена, писатели, воспевая победоносное наступление наших войск, все время возвращались в своих произведениях к первым этапам войны, к тому, о чем нельзя было и не нужно было забывать. Победа пришла нелегко, она была выстрадана, она далась ценой огромных жертв, которых нельзя было простить врагу, и ценой огромных усилий, в которых проявились мощь и непобедимость нашего строя и наших идеалов.

В. Гроссман писал в октябре 1943 г. в очерке «Украина»: «Мы все переживаем удивительное ощущение „воскрешения времени". Наши армии движутся на Запад теми путями, которыми отступали они на Восток осенью 1941 года. Мы освобождаем города, отданные немцам в страшные август, сентябрь, октябрь 1941 года. Мы идем на Запад не только в пространстве, но и во времени... Освобождены Смоленск, Глухов, Рославль, Полтава, Нежин, Чернигов, и этим наш народ выправил чугунное тысячепудовое колесо времен еще на один месяц,— мы шагаем по сентябрю 1941 года. Вот занят Кременчуг, наши войска штурмуют германский фашизм в Киеве, Днепропетровске, Гомеле, Могилеве,— мы вступаем в август. Недалек день, когда Красная Армия, дойдя до границ, злодейски нарушенных фашистами, торжественно вернет нашему народу и человечеству рассветный час июня двадцать второго дня, тот час, когда моторы германских самолетов завыли в нашем небе и хрустнули пограничные столбы под ударами тяжелолобых танков. В этот день мы окончательно докажем, что фашизму не дано править колесом времени, мы поставим на место календарь и часы истории, мы скажем: украденное зверем время возвращено человеку, разуму, творчеству, труду, истории».

А. ТВАРДОВСКИЙ

Василий Теркин

Лауреат Сталинской премии, поэт-орденоносец Александр Твардовский, работающий в газете „Красноармейская правда", написал новую поэму „Василий Теркин". Сегодня мы начинаем печатать эту поэму.

ПОЭМА

Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой.

Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне.
Делу время, час забаве,
Дорог Теркин на войне.

Как же, вдруг, его покину?
Старой дружбы верен счет.

Словом, книгу с середины
И начнем, А там пойдет.

1. НА ПРИВАЛЕ

— Дельный, что и говорить,
Был старик тот самый,
Что придумал суп варить
На колесах прямо.

Суп — во-первых. Во-вторых,
Кашу в корне прочной.
Нет, старик он был старик
Чуткий — это точно.

Слышь, подкинь еще одну
Ложечку такую,
Я вторую, брат, войну...
Да видай другую.

Что мне завтра предстоит
Это неизвестно,
Только я свой аппетит
Не забыл под Брестом.
Положи еще чутки...

Покосился повар:
«Ничего себе едок —
Парень этот новый».

Смеху ради родает
Каши грудок рытый.
— Вам бы, знаете, во флот
С вашим аппетитом.

Тот — спасибо. — Я как раз
Не бывал во флоте.
Мне бы лучше, вроде вас,
Поваром в пехоте.

И усевшись под сосной,
Снова вспомнил: — Да, мол,
Не старик — отец родной
Был старик тот самый.

С мелкой каплей дождевой
Кашу мнет, сутулясь.
«Свой?» — бойцы между собой —
«Свой!» — переглянулись.

И уже, пригревшись, спал
Впокат поли усталый,
В первом взводе сон пропал
Вопреки уставу.

Привалясь к стволу сосны,
Не щадя махорки,
На войне насчет войны
Вел беседу Теркин.

— Вам, ребята, с серединки
Начинать. А я скажу:
Я не первые ботинки
Без починки здесь ношу.

Вот вы прибыли на место,
Ружья в руки — и воюй.
А кому из вас известно,
Что такое сабантуй?

— Сабантуй — какой-то праздник?
Или что там — сабантуй?
— Сабантуй бывает разный,
А не знаешь — не толкуй.

Вот под первою бомбежкой
Полежишь с охоты вложку,
Жив остался — не горюй:
Это — малый сабантуй.

Отдышись, покушай плотно,
Закури и в ус не дуй.
Хуже, брат, как минометный
Вдруг начнется сабантуй.

Тот прайнет тебя поглубже,—
Землю-матушку целуй.
Но, имей в виду, голубчик,
Это — средний сабантуй.

Сабантуй — тебе наука,
Враг лютует — сам лютуй.
Не совсем иная штука
Это — главный сабантуй. —

Парень смолкнул на минуту,
Чтоб прочистить мундштучок,
Словно исподволь кому-то
Подмигнул: держись, дружок...

— Вот ты вышел спозаранку,
Глянул, — в пот тебя и в дрожь:
Прут немецких тыща танков...
— Тыща танков? Ну, брат, врешь.

— А с чего мне врать, дружище?
Рассуди. Какой расчет?
— Но зачем же сразу—тыща?
— Хорошо. Пускай пятьсот.

— Ну, пятьсот. Скажи по чести,
Не пугай, как старых баб.
— Ладно. Что там триста, двести —
Повстречай один хотя б...

— Что ж, в газетке лозунг точен:
Не беги в кусты да в хлеб.
Он-то с виду грозен очень,
А на деле глух и слеп.

— То-то слеп. Лежишь в канаве.
А на сердце маята:
Вдруг как со слепу задавит —
Ведь не видит ни черта...

Повторить согласен снова:
Что не знаешь — не толкуй.
Сабантуй — одно лишь слово—
Сабантуй. Но сабантуй

Может в голову ударить
Или, попросту, в башку.
Вот у нас один был парень...
Дай-ка, что ли, табачку...

Балагуру смотрят в рот,
Слово ловят жадно.
Хорошо, когда кто врет
Весело и складно.

В стороне лесной глухой
При лихой погоде
Хорошо, как есть такой
Парень на походе.

И несмело у него
Просят: — Ну-ка, на ночь
Расскажи еще чего,
Василий Иваныч...

Ночь глуха, земля сыра,
Чуть костер дымится.
— Нет, ребята, спать пора.
Начинай стелиться.

К рукаву припав лицом,
На пригретом взгорке
Меж товарищей-бойцов
Лег Василий Теркин.

Тяжела, мокра шинель,
Дождь работал добрый.
Крыша — небо, хата — ель,
Корни жмут под ребра.

Но не видно, чтобы он
Удручен был этим,
Чтобы сон ему не в сон
Где-нибудь на свете.

Вот он полы подтянул,
Укрывая спину,
Чью-то тещу помянул,
Печку и перину.

И приник к земле сырой,
Одолен истомой,
И лежит он, мой герой,
Спит себе, как дома.

Спят — хоть голоден, хоть сыт,
Хоть один, хоть в куче.
Спать за прежний недосып,
Спать в запас научен.

И едва ль герою снится
Всякой ночью тяжкий сон,
Как от западной границы
Отступал к востоку он.

Как прошел он, Вася Теркин,
Из запаса рядовой,
Сотни верст земли родной.

До чего земля большая,
Величайшая земля.
И была б она чужая
Чья-нибудь. А то — своя.

Спит герой, храпит — и точка.
Принимает все, как есть.
Ну, своя — так это ж точно.
Ну, война — так я же здесь.

Спит, забыв о трудном лете.
Сон, забота, не бунтуй.
Может, завтра на рассвете
Будет новый сабантуй.

Спят бойцы, как сон застал,
Под сосною впокат.
Часовые на постах
Мокнут одиноко.

Зги не видно. Ночь вокруг.
И бойцу взгрустнется.
Только что-то вспомнит вдруг.
Вспомнит, усмехнется.

И как будто сон пропал,
Смех прогнал зевоту...

— Хорошо, что он попал,
Теркин, в нашу роту.

Теркин — кто же он такой?—
Скажем откровенно:
Просто парень сам собой
Он обыкновенный.

Впрочем, парень хоть куда.
Парень в этом роде
В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе.

Говорун, шутник лихой,
Словом, добрый малый,
Друг-товарищ дорогой
И боец бывалый.

И чтоб знали, чем силен,
Скажем откровенно:
Красотою наделен
Не был он отменной.

Не высок, не то, чтоб мал,
Но герой-героем.
На Карельском воевал —
За рекой-Сестрою.

И не знаем, почему, —
Спрашивать не стали, —
Почему тогда ему
Не дали медали.

С этой темы поверком,
Скажем, для порядка:
Может, в списке наградном
Вышла опечатка.

Не гляди, что не груди,
А гляди, что впереди.

С прошлогоднего июля
Снова Теркин на войне.

— Видно, бомба или пуля
Не нашлась еще по мне.

Был штыком задет в атаке,
Зажило, как на собаке.
Трижды был я окружен,
Трижды — вот он! — вышел вон

И хоть было беспокойно —
Оставался невредим
Под косым и под трехслойным
Под насосным и прямым.

И не раз в пути привычном
У дорог, в пыли колонн,
Был рассеян я частично,
А частично истреблен.

Но, однако,
Жив воина,
К кухне с места, с места в бой

Курит, ест и пьет со смаком
На позиции любой.

Как ни трудно, как ни худо—
Не сдавай, вперед гляди.

Это присказка покуда,
Сказка будет впереди.

(Продолжение следует).

«ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»

Первая публикация поэмы А. Т. Твардовского (начало).
«Красноармейская правда», 4 сентября 1942 г., № 245

Рисунки О. Г. Верейского

Литература Великой Отечественной войны — это, прежде всего, литература о народной трагедии и о праведном гневе народа, гневе, который спас нашу Родину и все прогрессивное человечество. Когда повесть В. Василевской «Радуга» была экранизирована режиссером Марком Донским и фильм был показан в США — он вызвал там острую полемику. Нашлись американские критики, которые заявили, что в «Радуге» слишком сгущены краски с целью вызвать ненависть к врагу и что советские писатели вообще слишком напирают на ненависть, забывая о милосердии. Прогрессивные деятели США дали отпор таким выступлениям, заявив, что если бы не гнев, охвативший миллионы советских людей, Гитлер уже готовился бы к высадке в Америке. Фильм «Радуга» был награжден премией «Оскар», президент США Рузвельт послал приветствие его создателям. Но вдумаемся в этот эпизод: еще не кончилась война, еще лилась потоками кровь наших людей — лилась так обильно из-за оттяжки открытия «второго фронта»,— а американские реакционеры уже начали говорить о милосердном отношении к фашистам! Они призывали протестовать против «неистовства» А. Толстого и И. Эренбурга — опять-таки во имя «милосердия». Сколько любви к человечеству было в этом «неистовстве» и сколько ненависти ко всему прогрессивному — в том «милосердии»!

Перечитывая сейчас лучшие произведения, написанные в годы Великой Отечественной войны, ясно видишь, как неразделимы в них ненависть и любовь. Герой шолоховской «Науки ненависти» лейтенант Герасимов говорит: «И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить. На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются. Казалось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком; знаете, как это говорится: „В одну телегу впрячь неможно коня и трепетную лань", а вот у нас они впряжены и здорово тянут!» И дело было не только в том, что ненависть к врагу питалась любовью к родной стране, к родному народу. Эта любовь была шире: она распространялась и на жизнь, труд, культуру других народов, которым угрожал фашизм. Она не позволяла даже народы воюющих против нас стран, их веками складывавшуюся культуру отождествлять с их военщиной, с правящей фашистской кликой. В стихотворении М. Светлова «Итальянец», написанном в самый разгар войны, звучат и беспощадная ненависть к врагу:

Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей!

и смешанная с презрением жалость к привезенному на убой «молодому уроженцу Неаполя», и восхищение Италией — «священной землей Рафаэля...» Автор «Гренады» остался верен интернациональной теме, интернациональному пафосу нашего искусства.

В годы военных испытаний люди думали о самом большом, о том, что принято называть общечеловеческим — о жизни и смерти, о любви и ненависти, о страхе и бесстрашии, о верности и предательстве. Эти проблемы стали непосредственно касаться каждого, возникая перед каждым в повседневной боевой обстановке, требуя от каждого выработать отношение к ним не только в сознании, но и в жизненной практике. Обо всем этом говорила наша литература: великая трагедия народа и его бессмертный героизм обращали ее к «вечным» проблемам искусства, придавали ей философскую глубину, усиливали в ней подлинный, не показной оптимизм. Много ли было в пору войны произведений, в которых не вспоминалось бы о смерти? В популярной песне говорилось, что «до смерти четыре шага», но речь в ней шла не о силе смерти, а о том, что даже близкая смерть слабее далекой, согревающей из дальней дали любви. В «Василии Теркине» есть целая глава на эту тему— «Смерть и воин», и, пожалуй, ни в какой другой части поэмы не звучит так мощно гимн жизни.

И все эти проблемы — жизни и смерти, любви и ненависти и другие — неотделимы в литературе поры Великой Отечественной войны от задач защиты Родины и разгрома фашизма, от борьбы за коммунистические идеи и идеалы. Иначе и не могло быть в литературе, составившей такое монолитное целое со своим читателем. Эта литература и раньше знала читателя-друга, теперь она узнала читателя — боевого друга, в сознании которого все общечеловеческое приобретало острейший политический смысл, а вся по-

И. Г. ЭРЕНБУРГ БЕСЕДУЕТ С ГЕРОЕМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА АЛЕКСАНДРОМ МОЛОДЧИМ У летчиков 2 гвардейского полка Авиации дальнего действия в день вручения полку гвардейского знамени

Фотография А. Л. Лесса, 29 сентября 1942 г.

Собрание А. Л. Лесса, Москва

литика поднималась до высоты общечеловеческих интересов. На такой почве не могли не родиться произведения, отвечающие самым насущным потребностям времени и двигающие вперед искусство. И они родились, внеся много нового в нашу литературу, обогатив новыми ценными чертами ее патриотическую сущность.

Сравним хотя бы «Молодую гвардию» А. Фадеева, одно из самых значительных произведений о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., с фадеевским же «Разгромом», одним из самых значительных произведений о гражданской войне. Какой вопрос больше всего волновал Фадеева, когда он создавал «Разгром»? Это был вопрос огромного значения, решающий не только для периода гражданской войны, но и для той поры, когда создавался роман. Смогут ли люди, сформировавшиеся в условиях капиталистического строя, несущие на себе груз его пережитков и ничем не напоминающие «ангелов», «идеальных» героев, отстоять революцию и построить на освобожденной от врагов земле новую жизнь? Писатель отвечал всем содержанием, всем пафосом, всей образной тканью своего произведения: смогут! Смогут именно потому, что они — не «ангелы», что они закалились в тяжелой борьбе с капиталистическим строем, что именно борьба против старого мира и за утверждение нового строя внутренне очищает и преображает людей. А в «Молодой гвардии» Фадеев ставил уже другой вопрос, не менее важный для нового исторического периода: как случилось, что люди, сформировавшиеся в условиях нового, социалистического строя, не знавшие неравенства и эксплуатации, не знавшие никакого классового господства над собой, люди, казалось бы, совершенно не подготовленные к борьбе с озверелым, не признающим никаких нравственных норм, оскверняющим все святое врагом,— оказались сильнее врага и победили его? Писатель отвечал: именно в нравственной чистоте новых людей, именно в их человеческой красоте, созданной миром социализма, коммунистическими идеалами, и заключен источник их силы и непобедимости.

Никто не способен воевать так бесстрашно и самоотверженно, как мирные люди, когда плодам их труда, их творчества, их героических усилий начинают угрожать за-

хватчики. Никто не может быть таким неистовым в гневе, как добрые люди, когда убийцы поднимают руку на то, в чем воплощено высшее благо для человечества, залог его счастливого будущего. Ощущение красоты и мощи достигнутого советским народом, ощущение необратимости тех исторических перемен, которые внесла в жизнь человечества победа социалистического строя в нашей стране,— вот что выразила с особенной остротой и силой литература военных лет. Вот что было в ней самым главным. И вот что делает до сих пор такими ценными и такими действенными ее традиции.

Когда советская литература периода Великой Отечественной войны будет освещена во всей полноте, станет ясно, что за сравнительно небольшой срок — за четыре года (но каких четыре года!) — она прошла через несколько этапов своего развития.

После грандиозной Сталинградской битвы и других решающих сражений в произведениях советских писателей стал громко звучать торжественный мотив победы. Он звучал и раньше — вера в победу была важнейшей особенностью нашей литературы с первых же дней войны. Но теперь уже можно было и нужно было раскрывать историческое значение этой победы. Пришла пора задуматься над ее причинами и над тем влиянием, которое она должна оказать на весь дальнейший ход истории. Рассказывая в 1944 г. в книге очерков о том, как осуществляет Советская Армия свою освободительную миссию, Л. Соболев назвал эту книгу: «Дорогами побед». Так можно было бы назвать многие произведения, созданные в то время. И почти во всех ставился вопрос — тот самый вопрос, который был поставлен в «Молодой гвардии»: каковы те качества советского человека, которые сделали его победителем в величайшей из войн и которые позволят ему одержать такие же победы на мирных фронтах — по пути к полному торжеству коммунистических идеалов?

Этот вопрос оставался и во многих произведениях, начатых или задуманных во время войны, но появившихся позднее: «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, «Спутники» В. Пановой, «Звезда» Э. Казакевича и др. Характерно, что Б. Полевой писал свою повесть, в которой дан один из самых ярких положительных образов послевоенной литературы, в дни Нюрнбергского процесса, где присутствовал в качестве представителя советской печати. Чем яснее становились размеры той опасности, которую представлял для человечества фашизм, тем величественней вырисовывался образ советского человека-победителя, спасшего мир от рабства и гибели.

Военная тема осталась в нашей литературе и после войны одной из самых важных и ключевых. Наши писатели обращаются и будут обращаться к трагической и героической поре войны, когда были подвергнуты самому тяжелому экзамену — и с честью его выдержали — советский строй, советская идеология, советский человек. И дело не только в военной теме — вся наша литература и все наше искусство озарены сиянием великой победы, определившей судьбу человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Появились первые книги, в которых сделаны попытки осветить литературу этого периода: П. Куприяновский и П. Шамес. Русская советская литература периода Отечественной войны. Изд. 2, М., 1963; И. Кузьмичев. Жанры русской литературы военных лет. Горький, 1962, и др. В последнее время вышли издания, посвященные литераторам, погибшим на фронтах Отечественной войны: «В редакцию не вернулся...», М., 1964; «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне» (Большая серия «Библиотеки поэта»), М.—Л., 1965. Но у нас еще нет книги, в которой история советской литературы 1941—1945 гг. была бы глубоко исследована в связи со всем ходом войны.

[2] Творческий отчет Ильи Эренбурга (стенограмма), 11 января 1943 г. (ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 16, ед. хр. 129, л. 7 об.).

[3] М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 25, стр. 48—49.

[4] Там же, стр. 233.

[5] Там же, т. 30, стр. 412—413.

[6] Там же, стр. 443.

I

ИЗ НЕИЗДАННОГО

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВОЕННЫХ ЛЕТ

МИХАИЛ ШОЛОХОВ

ПЕРВЫЕ ФРОНТОВЫЕ ОЧЕРКИ

Публикация Л. Р. Ланского

Предисловие В. В. Гура

Начало тягчайших для народа испытаний Великой Отечественной войны Шолохов встретил в родной станице Вешенской. В первые же дни войны, выступая на старой станичной площади перед уходившими на фронт казаками, писатель говорил: «Фашистским правителям, основательно позабывшим историю, стоило бы вспомнить о том, что в прошлом русский народ не раз громил немецкие полчища, беспощадно пресекая их движение на восток, и что ключи от Берлина уже бывали в руках русских военачальников» [1].

23 июня Шолохов послал в Москву телеграмму, в которой просил принять в фонд обороны СССР присужденную ему за роман «Тихий Дон» Государственную премию первой степени и выражал готовность в любой момент «стать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину» [2].

Как полковой комиссар запаса, Шолохов в июле 1941 г. был призван в армию и вместе с другими советскими писателями направлен на фронт. Он был военным корреспондентом «Правды» и «Красной звезды», участвовал в боях под Смоленском на Западном фронте и под Ростовом на Южном фронте, делил с бойцами испытания суровых дней битвы на Волге, шел фронтовыми дорогами до самых границ Германии.

«Я работал тогда в „Красной звезде“ в качестве корреспондента,— вспоминает Шолохов.— Сперва, в 1941 году, был на Западном фронте, в Смоленской области, неподалеку от Смоленска — перед Вяземским окружением. Потом кочевал по фронтам, в зависимости от обстановки и от того, куда пошлют» [3].

Увидев войну лицом к лицу еще в жаркие августовские дни 1941 г., побывав осенью в боях на Южном фронте, Шолохов в ноябре приехал в небольшой заволжский городок Николаевск, что против Камышина, где находилась в эвакуации его семья. Прибывшего с фронта писателя нарасхват приглашали в формировавшиеся воинские части, в казачьи полки, в школы.

В перерывах между поездками на фронт Шолохов обрабатывал свои фронтовые записи. Он много писал тогда для Совинформбюро. Здесь же, на Волге, вернувшись с фронта, он дописывал рассказ «Наука ненависти», делал заготовки для романа «Они сражались за Родину». Сюда же возвратился писатель в начале июля 1942 г. с Чрезвычайной сессии Верховного Совета СССР. Отсюда, получив отпуск по болезни, уезжал он в Вешенскую. Фронт в 1942 г. подходил к самой станице. Фашистам здесь не удалось форсировать Дон и занять Вешенскую, но они варварски бомбили ее, забрасывали минами. После одного из налетов в июле 1942 г. погибла мать писателя. Был разрушен дом Шолохова, погибла его библиотека, рукописи «Тихого Дона», второй

книги «Поднятой целины», над которой писатель работал перед войной. Личное горе писателя сливалось с бедствиями, которые несла война всему народу.

В эти особенно горестные дни семья писателя покинула гостеприимное Заволжье, выехала в Казахстан, а Шолохов вновь оказался на фронте, принял участие в жарких и трудных боях за Сталинград.

До сих пор, к сожалению, мы располагаем очень скудными материалами о фронтовой жизни писателя. Сам он очень скуп на рассказы о себе. И лишь изредка появляются в печати воспоминания людей, с которыми сталкивала его война.

«Под Сталинградом это было,— вспоминает шофер Василий Грязнов,— тяжелые бои шли с фашистами. Пришел он к нам к окопы. Идет по ходу сообщения и нет-нет выглянет, посмотрит в бинокль в сторону фашистов. А кто-то из солдат и говорит: „С биноклем, товарищ полковник, поосторожнее. У немцев снайперы начеку". Шолохов улыбнулся в ответ: „Благодарю за упреждение, но я снайперов не боюсь. Заговоренный я, брат, от пули". Ну, солдаты нашего окопа окружили его. Все сразу узнали в полковнике Шолохова. Я и говорю ему: „Может вы, Михаил Александрович, и молитву какую от пули знаете?" „Знаю,— отвечает Шолохов.— И те молитвы, что имеются в „Тихом Доне", и новые. Много знаю молитв. Но сейчас у меня на уме и в сердце одна. Начинается она, други мои, так: „Во имя отца и сына и матери моей — ни шагу назад!.." Я и спросил Михаила Александровича, над чем работает, что он пишет. „Разве можно сидеть и писать,— ответил Шолохов,— когда земля наша, дом твой, мало этого — пол-России в огне пылают? Тут, брат, не за перо, а за штык браться надо, да крепко орудовать им". Опять помолчал, затянулся дымком махорки и говорит: „А хочется хорошее написать, и думаю, что напишу". „Что же?— спрашиваю я.— Что?" „А то,— говорит,— как вы сражаетесь за Родину. Вот, хожу по окопам, присматриваюсь, учусь у вас, изучаю солдатскую жизнь, бывальщину. А потом напишу, обязательно напишу и про вас, и про молитву „Ни шагу назад". Я попросил Шолохова: „Подарите нашему взводу томик „Тихого Дона" для памяти и вдохновения". Шолохов посмотрел на меня, оглянул всех нас быстрым взглядом светлых своих глаз и говорит: „Рад бы подарить, да нет у меня его сейчас под рукой. А солдаты вы хорошие, и хочется мне оставить вам что-нибудь на добрую память". И тут вдруг достает он из своей сумки книгу. Раскрывает, а это третий том „Войны и мира" Льва Толстого. Там как раз о нашествии Наполеона на Россию пишется. Это узнал я уж потом, в боях. Раскрыл Шолохов „Войну и мир" и пишет красным карандашом: „Друзья мои! Ни шагу назад! Пусть слава Бородина вдохновит вас на ратные подвиги. Верю, реять Красному знамени над рейхстагом! До встречи в Берлине. Ваш Шолохов". Вручил командиру взвода подарок этот, поцеловал его, пожал всем нам, солдатам, руки и пошел по окопам дальше. Как правофланговый, всякий раз новому пополнению, по приказу комбата, я зачитывал эти слова Шолохова и заучил их наизусть» [4].

После долгого перерыва Шолохов в июне 1944 г. на короткое время прибыл в станицу Вешенскую [5]. Тут еще свежи были следы разрушений.

Война звала за собой ее участника и летописца. Шолохов еще побывал на Западном и 3 Белорусском фронтах, видел могучий прорыв советских войск в Восточную Пруссию, у Эйдкунена.

С сыновней гордостью за свой великий народ, за его армию, встретил писатель день Победы, в приход которого он так неколебимо верил, как верил в свой народ. «Если в мировой истории не было войны столь кровопролитной и разрушительной, как война 1941—1945 годов — писал Шолохов в статье „Победа, какой не знала история",— то никогда никакая армия в мире, кроме родной Красной Армии, не одерживала побед более блистательных, и ни одна армия, кроме нашей армии-победительницы, не вставала перед изумленным взором человечества в таком сиянии славы, могущества и величия» [6].

С первых же дней войны Шолохов писал статьи и очерки, зажигавшие в сердцах советских людей ненависть к врагу. Он писал о неразрывном единстве фронта и тыла («На Дону» [7], «В казачьих колхозах» [8]), рассказывал о трудной кровавой войне советских людей с фашистами, о неизбежном процессе разложения гитлеровской армии («На Смоленском направлении» [9], «Гнусность» [10], «Военнопленные» [11], «На юге» [12]).

М. А. ШОЛОХОВ В РАБОЧЕМ КАБИНЕТЕ
Фотография А. Л. Лесса. Москва, декабрь 1943 г.
Собрание А. Л. Лесса, Москва

В первую годовщину войны в «Правде» был напечатан проникнутый публицистической страстностью, уверенностью в торжестве правого дела рассказ Шолохова «Наука ненависти»[13], в основу которого положен действительный факт, поведанный писателю на фронте одним из участников войны, потомственным уральским рабочим. Крупным планом рисуя лейтенанта Герасимова, проходившего в суровых боях с врагом «науку ненависти», Шолохов раскрывал характер русского человека, оторванного войной от мирного труда, прослеживал процесс возмужания и закалки советского воина. Лейтенант перенес много страданий в плену, но чиста «добытая большими лишениями седина», не сломлена его жизненная сила. Он могуч и крепок, как и весь народ, питающийся живительными соками родной земли. Его не сломят самые тяжкие испытания и трудности. Народ с его священной ненавистью к врагам и сыновней любовью к матери-Родине — непобедим. Это и утверждал Шолохов в самые трагические дни великой народной битвы с фашизмом.

Обращаясь летом 1943 г. от имени своих сограждан с письмом к американскому народу, Шолохов призывал к борьбе с фашистами, предупреждал о возможных последствиях медлительности и колебаний союзников, напоминал о лишениях, о тяжести военного бремени, которые нес советский народ на своих плечах. «Предания древности,— писал Шолохов,— рассказывали нам о кровопролитных нашествиях гуннов, монголов и других диких племен. Все это бледнеет перед тем, что творят немецкие фашисты в войне с нами. Я видел своими глазами дочиста сожженные станицы, хутора моих земляков — героев моих книг, видел сирот, видел людей, лишенных крова и счастья, страшно изуродованные трупы, тысячи искалеченных жизней. Все это принесли в нашу страну гитлеровцы по приказу своего одержимого манией крови вождя ⟨...⟩ Враг перед нами коварный, сильный и ненавидящий наш и ваш народы насмерть. Нельзя из этой войны выйти, не запачкав рук. Она требует пота и крови. Иначе она возьмет их

втрое больше. Последствия колебаний могут быть непоправимы. Вы еще не видели крови ваших близких на пороге вашего дома. Я видел это, и потому я имею право говорить с вами так прямо» [14].

Долгом русского писателя Шолохов считал необходимость честно смотреть правде в глаза, «идти по горячим следам своего народа в его гигантской борьбе против иноземного владычества и создать произведение искусства такого же исторического значения, как и сама борьба». «Я знаю,— говорил Шолохов,— создание такого крупного произведения потребует времени, и тяжелая артиллерия может прийти к огню, когда враг уже будет разбит, но я тороплюсь, работаю напряженно и много...» [15]

В романе «Они сражались за Родину», первые главы которого появились на страницах «Правды» в мае 1943 г., Шолохов показывал «тяжесть борьбы людей за свою свободу», «наш народ, источники его героизма». Драматически напряженно развертывая события на фоне словно вымершей от зноя донской степи, писатель ведет в атмосферу фронтовых будней, кровопролитных боев летнего отступления на втором году великой битвы. Со страниц этой мужественной книги встает образ воюющего народа, силы которого в годину военных испытаний подвергались самой жестокой проверке.

Мужественная правда шолоховского романа особенно была дорога фронтовому читателю, тем, кто сражался за Родину. «Вашу книгу,— писал Шолохову капитан Н. И. Хондочий,— я ношу так же, как и мои товарищи, всегда с собой в сумке. Она нам помогает жить и сражаться» [16]. Фронтовики отмечали, что автор романа «Они сражались за Родину» «хорошо показал, как в суровой школе войны закаляется дух и воля солдата, как растет его военное мастерство» [17]. Такая оценка была писателю самой высокой наградой. «Вы доставили мне большую радость, прислав отзывы на отрывки из романа, — писал Шолохов в редакцию красноармейской газеты «Красный стрелок».— Для меня эти короткие отзывы дороже больших критических статей» [18].

Публикуемые здесь впервые очерки Шолохова отражают в сущности первые фронтовые впечатления писателя. Они связаны с его поездкой на Западный фронт в августе-сентябре 1941 г. В качестве корреспондента «Красной звезды» Шолохов вместе с А. Фадеевым, Евг. Петровым и А. Карповым (ответственным секретарем газеты) побывал под Духовщиной в войсках 19 армии, которой командовал генерал-лейтенант И. С. Конев. Об этой фронтовой поездке трех писателей И. С. Конев рассказывает в своих воспоминаниях: «Наша встреча в эти очень тяжелые дни была, как я считаю, полезной и для меня, и для них. Для них она была полезна тем, что они увидели кусочек войны, а для меня тем, что я почувствовал: страна правильно понимает, как нелегко нам приходится, и вот лучшие ее писатели приходят к нам, солдатам, идут на передовую, в боевые порядки. Не скрою, в те дни это было для меня большой моральной поддержкой. Кроме всего прочего, это создавало уверенность, что передовая наша интеллигенция готова до конца разделить нашу участь и, веря в окончательную победу, выдержать тот страшный натиск немцев, который уже привел их на дальние подступы к Москве» [19]. Дальше автор воспоминаний высказывает сожаление, что из всех троих только Евгений Петров выполнил обещание «написать о своих встречах с воинами 19 армии». Публикуемые очерки Шолохова свидетельствуют, что и он сдержал тогда свое писательское слово.

До сих пор были известны лишь две корреспонденции Шолохова с Западного фронта, увидевшие свет в «Красной звезде» в августе — сентябре 1941 г. (см. о них выше). Публикуемые очерки относятся к тому же времени, отражая боевые действия, связанные с заключительным этапом Смоленского сражения, главным итогом которого был «провал попытки фашистского командования с ходу прорваться к Москве». Это было время, когда «войска Западного и Резервного фронтов нанесли контрудары на нескольких участках. Кровопролитные бои развернулись в районе ельнинского выступа, который противник стремился удержать любой ценой. В начале сентября ельнинская группировка врага была полностью разгромлена. 6 сентября над Ельней снова реял советский флаг. Крупное поражение потерпели немецко-фашистские войска и в районе Духовщины» [20]. В своих первых фронтовых очерках Шолохов

передает атмосферу этих дней, когда советские войска в ходе наступательных операций приобретали боевой опыт, который сыграл решающую роль в разгоревшейся вскоре битве за Москву.

Шолохов считает, что работа газетного корреспондента в годы Отечественной войны давалась ему трудно: «По характеру не могу я скоро писать. Никакой я не газетчик. Нет хлесткой фразы, нет оперативности, что так необходимо для мобильной газетной работы» [21]. Шолохов, однако, слишком сурово оценивал свою деятельность как военного корреспондента. Во всяком случае, труд газетчика был необходимым звеном для накопления впечатлений и фактов, которое не замедлило сказаться в его работе над рассказом «Наука ненависти» и романом «Они сражались за Родину».

Очерки «По пути к фронту», «Первые встречи», «Люди Красной Армии» интересны во многих отношениях. В этих, еще в сущности беглых зарисовках появляются меткие детали и наблюдения, которые писатель позже развернет в законченные художественные образы. На мрачном фоне военного пожарища он видит неправдоподобно, кощунственно красивый, чудом уцелевший подсолнечник, безмятежно сияющий золотистыми лепестками. Багряные листья, первые предвестники наступающей осени, кажутся ему кровавыми пятнами, краснеющими, как раны, на земле Родины, оскверненной захватчиками.

Шолохов описывает фронтовые будни, жизнь воюющей армии. Но особенно привлекают писателя ее люди. В генерале Козлове, поваре Недзельском, артиллеристе Наумове, разведчике Белове писатель с глубокой симпатией отмечает черты умного героического народа, скромно творящего великое дело. Эти уже тогда подмеченные качества писатель полнее раскрыл в героях романа «Они сражались за Родину», рассказов «Наука ненависти» и «Судьба человека».

* * *

Настоящие три очерка были написаны для зарубежной печати. Публикуются по оригиналам (машинопись с авторской правкой), сохранившимся в архиве Совинформбюро (ЦГАОР, ф. 8581, оп. 1, ед. хр. 4, лл. 339—344, 352—357, 366—371).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Большевистский Дон», Вешенская, 1941, № 76, 24 июня.
[2] «Большевистский Дон», Вешенская, 1941, № 77, 26 июня.
[3] И. Л е ж н е в. Путь Шолохова. Творческая биография. М., «Сов. писатель», 1958, стр. 383.
[4] «Советский Казахстан», Алма-Ата, 1955, № 5, стр. 69—70.
[5] «Большевистский Дон», 1944, № 51, 29 июля.
[6] М. Ш о л о х о в. Собр. соч., т. 8. М., Гослитиздат, 1960, стр. 180.
[7] «Правда», 1941, № 183, 4 июля.
[8] «Красная звезда», 1941, № 178, 31 июля.
[9] «Красная звезда», 1941, № 203, 29 августа.
[10] «Красная звезда», 1941, № 210, 6 сентября.
[11] «Правда», 1941, № 304, 2 ноября.
[12] «Правда», 1942, № 59, 28 февраля.
[13] «Правда», 1942, № 173, 22 июня; перепечатан в «Красной звезде», 1942, № 145, 23 июня.
[14] М. Ш о л о х о в. Собр. соч., т. 8, стр. 174—175.
[15] Там же, стр. 381.
[16] Писатели в Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Гослитмузей, 1946, стр. 32.
[17] «Литература и искусство», 1943, № 25, 19 июня.
[18] «Красная звезда», 1944, № 114, 14 мая.
[19] И. С. К о н е в, Маршал Советского Союза. Сорок пятый год. Страницы воспоминаний. — «Новый мир», 1965, № 6, стр. 44.
[20] Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история. М., Военное изд-во МО СССР, 1965, стр. 77.
[21] И. Л е ж н е в. Путь Шолохова. Творческая биография, стр. 383.

ПО ПУТИ К ФРОНТУ*

Вооруженные карандашами, записными книжками и ручными пулеметами, мы едем на автомобиле к линии фронта, обгоняя множество грузовых автомашин, везущих к передовым позициям боеприпасы, продовольствие, красноармейцев.

Все машины искусно замаскированы ветвями берез и елей, и когда смотришь с холма вниз на дорогу, создается впечатление, будто в сказочный поход с востока на запад движутся, переселяясь куда-то, кусты и деревья. В движении — целый лес!

С запада все слышнее доносятся громовые раскаты артиллерийской канонады. Близок фронт, но по-прежнему машут желтыми и красными флажками красноармейцы — регулировщики движения, так же стремительно движется поток грузовых автомашин, а по бокам дороги грохочут** гусеницами мощные трактора-тягачи.

Предупрежденные, что в любой момент можно ожидать нападения с воздуха, я и мои спутники по очереди ведем наблюдения, стоя на подножке автомобиля, но немецкие самолеты не появляются, и мы без помех продолжаем поездку.

Мне, жителю почти безлесных донских степей, чужда природа Смоленской области. Я с интересом слежу за разворачивающимися пейзажами. По сторонам дороги зеленой стеною стоят сосновые леса. От них веет прохладой и крепким смолистым запахом. Там, в лесной гущине, полутемно даже днем, и что-то зловещее есть в сумеречной тишине, и недоброй кажется мне эта земля, покрытая высокими папоротниками и полусгнившими пнями.

Изредка на поляне, поросшей молодыми березками и осинником, ослепительно вспыхнет под солнцем и промелькнет куст красной рябины, и снова с двух сторон обступают нас леса. А потом в просвете вдруг покажется холмистое поле, вытоптанные войсками рожь или овес, и где-нибудь на склоне черными пятнами выступят обуглившиеся развалины сожженной немцами деревни.

Мы сворачиваем на проселочную дорогу, едем по местности, где всего несколько дней назад были немцы. Сейчас они выбиты отсюда, но все вокруг еще носит следы недавних ожесточенных боев. Земля обезображена воронками от снарядов, мин, авиабомб. Воронок этих множество. Все чаще попадаются пока еще не прибранные трупы людей и лошадей. Сладковато-приторный трупный запах все чаще заставляет нас задерживать дыхание. Вот неподалеку от дороги лежит вздувшаяся гнедая кобылица, и рядом с мертвой матерью — мертвый крохотный жеребенок, успокоенно откинувший пушистую метелку хвоста. И такой трагически не нужной кажется эта маленькая жертва на большом поле войны...

На скате холма — немецкие групповые и одиночные окопы, блиндажи. Они взрыты нашими снарядами. Торчат из-под земли расщепленные бревна накатов, возле брустверов валяются патронные гильзы, пустые консервные банки, каски, бесформенные клочья серо-зеленых немецких мундиров, обломки разбитого оружия и причудливо изогнутые оборванные телефонные провода. Прямым попаданием снаряда уничтожен пулеметный расчет вместе с пулеметом. В дверях сарая неподалеку от окопов видно

---

* *Наверху рукой редактора проставлена дата*: 17/IX 41. *Эта дата обозначает время не написания очерка, а поступления его в Совинформбюро.*

** грохочут *исправлено из* проходят

«НА ПЕПЕЛИЩЕ»

Акварель В. С. Климашина. Центральный фронт (Смоленское направление), лето 1942 г.
Собрание В. Ф. Климашиной, Москва

исковерканное противотанковое орудие. Страшная картина разрушения, причиненного шквалом огня советской артиллерии.

Село, за овладение которым несколько дней шли упорные бои, находится по ту сторону холма. Перед уходом немцы выжгли его дотла. Внизу через небольшую речушку красноармейцы-саперы возводят мост. Пахнет свежей сосновой стружкой, речным илом. Саперы работают без рубашек. Загорелые спины их лоснятся от пота и блестят на солнце так же, как и свежий тес мостового настила.

Осторожно переезжаем речку по уложенным в ряд бревнам. Грязь по сторонам взмешена гусеницами танков и тракторов. Въезжаем в то, что недавно называлось селом. По сторонам обгорелые развалины домов. Торчат одни печные задымленные трубы. Груды кирпича на месте, где недавно были жилища; обгорелая домашняя утварь, осколки разбитой посуды, детская кроватка с покоробившимися от огня металлическими прутьями.

На мрачном фоне пожарища неправдоподобно, кощунственно красиво выглядит единственный, чудом уцелевший подсолнечник, безмятежно сияющий золотистыми лепестками. Он стоит неподалеку от фундамента сгоревшего дома, среди вытоптанной картофельной ботвы. Листья его слегка опалены пламенем пожара, ствол засыпан обломками кирпичей, но он живет! Он упорно живет среди всеобщего разрушения и смерти, и кажется, что подсолнечник, слегка покачивающийся от ветра,— единственное живое создание природы на этом кладбище.

Однако это не так: оставив машину, мы тихо идем по улице и вдруг видим на черной обгорелой стене желтую кошку. Она мирно умывается лапкой. Она ведет себя так, как будто вовсе не являлась свидетельницей

страшных событий, лишивших ее и крова, и хозяев. Но, завидев нас, она на секунду неподвижно замирает, а затем, сверкнув, как желтая молния, исчезает в развалинах.

Две одичавших курицы — две вдовы, оставшиеся без своего петуха и подружек,— не подпустили нас даже на сорок метров. Они мирно добывали себе корм, роясь на вытоптанном огороде, но как только увидели людей в одежде цвета хаки,— без крика метнулись в сторону и тотчас исчезли.

— Они по птичьей неопытности не разобрались в форме и приняли нас за немцев,— сказал один из моих спутников — участник недавних боев.

Он рассказал, что немцы в занятых деревнях устраивают настоящую охоту на домашних гусей, уток и кур. Коров и свиней режут в хлевах, а птицу, которую трудно изловить, стреляют из автоматов.

— Эти пеструшки, несомненно, побывали под огнем, им надо простить их чрезмерную осторожность,— улыбаясь, заключил он свой рассказ.

Удивительно трогательна привязанность у животных и птиц к обжитому месту. В этом же селе мне пришлось видеть разрушенную немецкими снарядами церковь и стайку голубей, сиротливо вившуюся над развалинами. Они жили, вероятно, на колокольне, но, лишившись приюта, все же не покинули родного места. Небольшая собачонка в одном из переулков поползла нам навстречу, униженно виляя хвостом. У нее не оказалось того, что называется собачьим достоинством, но мужество необходимое, чтобы одной приходить из леса к родному пепелищу,— она сохранила. На окраине села, в конопляник, мы вспугнули стаю воробьев. Это были вовсе не те оживленные, хлопотливо чирикающие воробьи мирного времени, которых мы привыкли видеть прежде. Молчаливые и жалкие, они покружились над сожженным селом, затем вернулись и, нахохлившись, расселись на стеблях конопли.

Впрочем, у местных колхозниц эта тяга к родному месту, на котором прожита жизнь, столь же сильна. Мужчины ушли на фронт, женщины и дети с приходом немцев попрятались в окрестных лесах. Сейчас они вернулись в сожженные деревни и потерянно бродят по развалинам, роются на пожарищах, разыскивая хоть что-либо уцелевшее из домашнего скарба. На ночь они уходят в леса, красноармейцы резервных частей кормят их за счет ротных котлов, дают им хлеба, а днем они снова идут в деревни, как птицы вьются у своих разрушенных гнезд.

В соседней, тоже выжженной, деревушке я видел несколько колхозниц и детей, помогавших матерям разыскивать на пожарищах уцелевшие вещи. Одна из женщин на мой вопрос, как теперь она думает жить,— ответила:

— Прогоните проклятых немцев подальше, а за нас не беспокойтесь, заново построимся, сельсовет поможет, кое-как проживем.

Серые от золы и пепла, измученные лица и воспаленные глаза детей и женщин надолго остались в моей памяти, и я невольно думал: «Какой же тупой, дьявольской ненавистью ко всему живому надо обладать, чтобы стирать с лица земли мирные города и деревни, без смысла, без цели подвергать все разрушению и огню».

Мы проехали еще одну деревню, и снова нас окружили леса, затем промелькнули поля с неубранным хлебом, участок отцветшего льна с сохранившимися кое-где голубенькими цветочками, часовой-красноармеец возле дороги и предостерегающая надпись на столбике, торчащем изо льна: «Поле минировано».

При отступлении немцы минировали дороги, обочины дорог, брошенные автомашины, собственные окопы и даже трупы своих солдат.

Наши саперы заняты очисткой от мин взятой территории, всюду видны их согнутые, ищущие фигуры, а пока на минированных участках осторожно, впритирку, разъезжаются машины и повозки, и расставленные кругом часовые внимательно следят, чтобы никто не удалялся в опасных местах от дороги.

Все сильнее нарастает ревущая октава артиллерийского боя, и вот уже можно различить сладостный нашему слуху гром советских тяжелых батарей.

Вскоре мы находимся в расположении одной из частей нашего резерва. Совсем недавно эти люди были в бою, а сейчас около землянки вполголоса наигрывает гармошка, человек двадцать красноармейцев стоят, собравшись в круг, весело смеются, а посредине круга выхаживает молодой, коренастый красноармеец. Он лениво шевелит крутыми плечами, и на лопатках его зеленой гимнастерки отчетливо белеют соляные пятна засохшего пота. Задорно похлопывая по голенищам сапог большими ладонями, он говорит своему товарищу, высокому нескладному красноармейцу:

— Выходи, выходи, чего испугался? Ты Рязанской области, а я — Орловской. Вот и попробуем, кто кого перепляшет!

Но скоро короткие сумерки затемняют лес, и в лагере устанавливается тишина. Завтра с рассветом нам предстоит поездка в ведущую наступление часть командира Козлова*.

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ **

Для ночлега трем моим товарищам и мне отвели небольшую палатку, старательно замаскированную молодыми деревцами осины. Еловые ветви на земле, покрытые плащом, служили нам постелью. Укрывшись шинелями и тесно прижавшись друг к другу, чтобы было теплее, мы уснули.

В одиннадцать часов подо мною дрогнула земля, и сквозь сон я услышал тяжкий гул разрыва. Сбросив шинель, я привстал. В наступившей тишине было отчетливо слышно, как шумят под ветром сосны и дождевые капли барабанят о стены палатки. Тишина стояла недолго. Где-то далеко на западе раздался глухой выстрел, а затем сквозь шум дождя послышался низкий стонущий вой пролетающего над нами снаряда и тотчас же —грохочущий гул разрыва.

Мой сосед — молодой жизнерадостный лейтенант — посмотрел на светящийся циферблат часов, сонно сказал:

— Немцы бьют из тяжелых орудий. Это они обстреливают дорогу, по которой мы ехали сюда. Они каждую ночь ведут беспокоящий огонь. Советую вам не обращать внимания на разрывы и спать. К этому надо привыкнуть. Немцы — аккуратный народ: постреляют ровно пятнадцать минут и замолчат, а через час-полтора снова начнут развлекать нас.

Лейтенант вскоре уснул молодым, беспросыпным сном. Но мне, при всем старании, не удалось за эти пятнадцать минут обстрела привыкнуть к недалеким разрывам немецких снарядов. Уснул я в полночь, но зато так крепко, что больше уже не слышал, как немцы развлекали нас музыкой

---

* *Под текстом автографическая подпись*: М. Шолохов.

** *Заглавие вписано рукой редактора вместо первоначального*: Люди Красной Армии. *Здесь же им проставлена дата передачи статьи переводчику*: 22.9.41.

своих тяжелых орудий и как наши батареи отвечали им. Перед рассветом меня разбудил окончательно прозябший мой сосед слева. С него сползла шинель, и он, не просыпаясь, дрожал такой крупной собачьей дрожью, что мне показалось, будто кто-то трясет меня, пытаясь разбудить.

Мы вышли из палатки. Над лесом низко висел предутренний туман. Голые до пояса красноармейцы обтирались ледяной водой. Двое, успевшие совершить утренний туалет, боролись, чтобы согреться. Делали они это с таким усердием, что у одного уже выступил на лбу пот, а у другого лицо и шея были красны, как кумач.

Плотный красноармейский завтрак — горячий суп с мясом, консервы, чай — и мы прощаемся с гостеприимными хозяевами лагеря, и снова — в путь.

Батарея наших тяжелых орудий меняет огневые позиции. Быстроходные тягачи с грохотом провозят мимо нас внушительного вида длинноствольные орудия. Мы вынуждены свернуть в сторону, чтобы уступить дорогу этим страшилищам. Затем мы пропускаем две санитарные автомашины с ранеными красноармейцами и третью — грузовую с ранеными лошадьми. Я стою у края дороги, и прямо надо мной проплывают, покачиваясь, огороженный жердями борт автомашины, влажная от росы лошадиная шея и огромный, лиловый, слезящийся глаз раненой лошади. Это первые жертвы ночного боя.

Штаб части командира Козлова расположен неподалеку. В лесистой лощине мы оставляем свою машину, идем к штабу. Крутой подъем на холм, сплошь поросший вековыми соснами, и вот мы уже около территории штаба. В нескольких шагах от нас на тропинке неожиданно и бесшумно, как призрак, возникает фигура красноармейца. Невидимый раньше, он неслышно появился из-за куста. Но на этом призраке маскировочный халат, и вооружен он автоматической винтовкой. Держа ее наперевес, пытливо оглядывая нас, он спрашивает пропуск, и пока внимательно просматривает наши пропуска, куст тихо шевелится, и я вижу сквозь листву направленные в нашу сторону тусклые жала двух штыков.

Земля здесь изрыта щелями. Часто встречаются блиндажи, прикрытые ветвями. В лесу довольно много автомашин, но рассмотреть их можно только на близком расстоянии, так умело они замаскированы. Всюду видны саперы. Стучат топоры, повизгивают пилы, роются новые убежища, пахнет в лесу сосновой хвоей и влажной глиной.

Возле штабной землянки нас встречает коренастый капитан. Он говорит, что генерал Козлов и начальник штаба сейчас заняты, и вежливо просит пройти в соседнюю командирскую землянку.

По широким ступеням спускаемся в узкий коридор, открываем дверь. Нет, это вовсе не землянка в обычном понимании этого слова. Просторная крестьянская изба, как бы по волшебству взята и перенесена глубоко под землю. Деревянные полы чисто вымыты, стены обшиты свежим тесом, потолки блещут безукоризненной чистотой. Над столом ярко светит электрическая лампочка. Для полной иллюзии не хватает только русской печи, но ее с успехом заменяет чугунная печь. В большой комнате тепло, сухо, пахнет смолистым душком сосны и, кажется, свежеиспеченным хлебом. Мы с удовольствием оглядываем это подземное жилище. Капитан, улыбаясь, говорит:

— Наш генерал — хозяйственный человек. Неподалеку отсюда есть брошенная жителями деревня. Немцы ежедневно ее обстреливают и наполовину уже выжгли. Генерал и приказал саперам перевезти избы сюда, чтобы даром не пропали. В два дня перевезли и построили.

В землянку входит начальник артиллерии полковник Гросицкий,—

подвижной, веселый человек. Он любезно знакомит нас с обстановкой на этом участке фронта, говорит:

— Тесним немцев крепко. Сегодня в двенадцать часов дня начнем артподготовку и наступление. Высота, которую вы видели по дороге к нам, раньше называлась Кудрявой, теперь ее зовут Лысой. Была она раньше покрыта лесом, а теперь от нашего артиллерийского огня действительно облысела. О силе этого огня можете судить хотя бы по тому, что немцы сейчас сбрасывают листовки следующего содержания: «Советский пехотинец, сдавайся; артиллерист, не попадайся!» Но мы и не попадаемся, а стараемся почаще в них попадать. И это нам удается. Наблюдателей выбрасываем на передний край, к пехоте, и те корректируют наш огонь. Отлично получается! Летят в воздух немецкие пушки, минометы, блиндажи. Раньше немцы в блиндажах делали накаты в три бревна, а сейчас лезут глубже в землю, накаты делают в шесть-семь бревен, однако это им плохо помогает: выкапываем их снарядами и оттуда!

Бой, начавшийся с утра ленивой перестрелкой, сейчас разгорается. Полковник прислушивается к участившимся разрывам немецких мин, подходит к телефону. Короткий вполголоса разговор, затем в действие вступает молчавшая неподалеку батарея, и минометный огонь противника заметно слабеет.

О немецкой артиллерии полковник неважного мнения. Он говорит:

— Плохо стреляют, бессистемно. Если нет над полем боя самолета-корректировщика — ничего у них не получается. Слышите разрывы слева? Это они обстреливают тот участок, на котором вчера вечером была наша батарея. Батарея переместилась на новые позиции еще ночью, а они ведут огонь по пустому месту и будут его вести еще долго, а потом наверное сообщат в штаб: «Советская гаубичная батарея уничтожена огнем наших орудий».

Вскоре приходит генерал Козлов. Пожилой, с седыми висками, неторопливый в движениях генерал — участник пяти войн. Он здоровается с нами, устало садится на скамью и, положив большие, мясистые руки на разостланную на столе карту, говорит:

— Чаем вас угощали? Нет? Как же это так! Подайте нам чаю да поживее!

Крестьянин в прошлом, генерал с восемнадцати лет находится на военной службе. У него простое русское лицо, слегка приподнятый нос и насмешливо-умные голубые глаза.

— Немецкая пехота стала значительно хуже по сравнению с 1914 годом,— неторопливо говорит он.— За танками идут, а как только нет танков, переходят к обороне, с места не тронутся. Штыковой атаки не принимают, боятся, финны лучше дрались. Неврастениками стали немецкие солдаты. По письмам к родным, по дневникам видно, да и с пленными говоришь — противно становится. Плачут, дрожат, пресмыкаются. Не те солдаты, что были в прошлую войну, далеко не те!

Генерал рассказывает несколько интересных эпизодов, а потом повар Анатолий Недзельский приносит чай.

— Ты бы гостей вареньем угостил,— говорит генерал.

Высокий бравый повар в лихо сдвинутом белом колпаке молниеносно доставляет банку варенья.

— Собственного изделия, сами варили, — угощая нас, с гордостью говорит повар.— В лесу много брусники, в свободное время нарвали, вот и варенье, и кисель у нас всегда свежие.

Повар под стать своему генералу оказался хозяйственным парнем, а варенье его — превосходным по вкусу. Но из разговоров мы узнали и

«НАУКА НЕНАВИСТИ»
Одно из первых изданий рассказа
М. А. Шолохова
М., изд-во «Правда», 1942
Обложка

о других качествах повара Недзельского. Генерал вместе с группой командиров недавно был на передовых позициях. Пришло время обеда, и Недзельский решил отвезти горячую пищу на позиции. Он запряг лошадь в двуколку и отправился в путь. По дороге лошадь была убита немецкой миной. Но это не остановило лихого повара. Он налил суп в ведро и в термос и под сильным огнем противника ползком доставил пищу проголодавшимся командирам и своему генералу. Такова боевая дружба полководца и повара.

В горячие дни повар участвует в боях. Его случайный помощник из штабных писарей следит за тем, чтобы котлеты не подгорели, а повар с винтовкой и гранатами спешит в окопы. Качество командирской пищи в такие дни бывает значительно ниже, чем обычно, но патриотические порывы повара тоже надо уважать. И их уважают. Однажды повар, рискуя жизнью, вынес с поля сражения раненого лейтенанта. И это, видимо, не будет его последним подвигом. Так раздвоенно он и живет — повар и боец Анатолий Недзельский: навоевавшись, бежит к себе на кухню и ужасом видит, что суп выкипел, а битки стали чернее антрацита, но, с вероятно, бывает и иначе: готовя борщ, вдруг слышит он сквозь грохот разрывов могучее, раскатистое, русское «ура» и в ярости от того, что не может участвовать в атаке, всеми помыслами находясь там, на поле боя, сыплет он рассеянной рукой в котел сахар вместо соли и миндаль вместо перца. Так, по крайней мере, мне кажется. Но это, в конце концов, личное дело генерала и повара, и вмешиваться в него не стоит.

ЛЮДИ КРАСНОЙ АРМИИ

Генерал Козлов прощается с нами и уезжает в одну из частей, чтобы на поле боя следить за ходом наступления. Мы желаем ему успеха, но и без нашего пожелания кажется совершенно очевидным, что военная удача не повернется спиной к этому генералу-крестьянину, осмотрительному и опытному, по-крестьянски хитрому и по-солдатски упорному в достижении намеченной цели.

Выхожу из землянки. До начала нашей артподготовки остается пятнадцать минут. Меня знакомят с младшим лейтенантом Наумовым, только что прибывшим с передовых позиций. Ему пришлось ползти с полкилометра под неприятельским огнем. На рукавах его гимнастерки, на груди, на коленях видны ярко-зеленые пятна раздавленной травы, но пыль он успел стряхнуть и сейчас стоит передо мной, улыбающийся и спокойный, по-военному подобранный и ловкий. Ему двадцать семь лет. Два года назад он был учителем средней школы. В боях с первого дня войны. У него круглое лицо, покрытые золотистым юношеским пушком щеки, серые добрые глаза и выгоревшие на солнце белесые брови. С губ его все время не сходит застенчивая, милая улыбка. Я ловлю себя на мысли о том, что этого скромного, молодого учителя наверное очень любили школьники и что теперь, должно быть, так же любят красноармейцы, которым он старательно объясняет военные задачи, видимо так же старательно, как два года назад объяснял ученикам задачи арифметические. С удивлением я замечаю, что в коротко остриженных белокурых волосах молодого лейтенанта, там, где не покрывает их каска, щедро поблескивает

«ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ»

Одно из первых изданий глав романа М. А. Шолохова. М., изд-во «Правда», 1944

Обложка

седина. Спрашиваю, не война ли наградила его преждевременной сединой? Он улыбается и говорит, что в армию пришел уже поседевшим, и теперь никакие переживания уже не смогут изменить цвета его волос.

Мы садимся на насыпь блиндажа. Разговор у нас не клеится. Мой собеседник скупо говорит о себе и оживляется только тогда, когда разговор касается его товарищей. С восхищением говорит он о своем недавно погибшем друге лейтенанте Анашкине. Время от времени он прерывает речь, прислушиваясь к выстрелам наших орудий и к разрывам немецких снарядов, ложащихся где-то в стороне и сзади территории штаба. Прошу его рассказать что-либо о себе. Он морщится, неохотно говорит:

— Собственно про себя мне рассказывать нечего. Наша противотанковая батарея действует хорошо. Много мы покалечили немецких танков. Я делаю то, что все делают, а вот Анашкин — это действительно был парень! Под деревней Лучки ночью пошли мы в наступление. С рассветом обнаружили против себя пять немецких танков. Четыре бегают по полю, пятый стоит без горючего. Начали огонь. Подбили все пять танков. Немцы ведут сильный минометный огонь. Подавить их огневые точки не удается. Пехота наша залегла. Тогда Анашкин и разведчик Шкалев ползком незамеченные добрались до одного немецкого танка, влезли в него. Осмотрелся Анашкин — видит немецкую минометную батарею. 76-миллиметровое орудие на танке в исправности, снарядов достаточно. Повернул он немецкую пушку против немцев и расстрелял минометную батарею, а потом начал расстреливать немецкую пехоту. Погиб Анашкин вместе с орудийным расчетом [когда перекатывали пушку] *, меняя огневую позицию.

Серые глаза моего собеседника потемнели, слегка дрогнули губы. И еще раз во время разговора заметил я волнение на его лице: неосторожно спросив о том, как часто получает он письма от своей семьи, я снова увидел потемневшие глаза и дрогнувшие губы.

— За последние три недели я послал жене шесть писем. Ответа не получил,— сказал он и, смущенно улыбнувшись, попросил:— Не сможете ли вы, когда вернетесь в Москву, сообщить жене, что у меня здесь все в порядке и чтобы она написала мне по новому адресу? Наша часть сейчас переменила номер почтового ящика, может быть, потому я и не получаю писем.

Я с удовольствием согласился выполнить это поручение. Вскоре наш разговор был прерван начавшейся артподготовкой. Грохот наших батарей сотрясал землю. Отдельные выстрелы и залпы слились в сплошной гул. Немцы усилили ответный огонь, и разрывы тяжелых снарядов стали заметно приближаться. Мы сошли в блиндаж, а когда через несколько минут снова вышли на поверхность,— я увидел, что саперы, строившие укрытие, не прекращали работы. Один из них, пожилой, с торчащими, как у кота, рыжими усами, деловито осматривал огромную сваленную сосну, постукивая по стволу топором, остальные дружно работали кирками и лопатами, и на глазах рос огромный холм ярко-желтой глины.

— Не хотите ли поговорить с одним из наших лучших разведчиков? Он только сегодня утром пришел из немецкого тыла, принес важные сведения. Вот он лежит под сосной,— обратился ко мне один из командиров, кивком головы указывая на лежавшего неподалеку красноармейца. Я охотно изъявил согласие, и командир сквозь гул артиллерийской канонады громко крикнул:

— Товарищ Белов!

---

* *Текст в квадратных скобках зачеркнут красным карандашом.*

Быстрым, неуловимо мягким движением разведчик встал на ноги, пошел к нам, на ходу оправляя гимнастерку.

Внезапно наступила тишина. Командир посмотрел на часы, вздохнул и сказал:

— Теперь наши пошли в атаку.

Было что-то звериное в движениях, в скользящей походке разведчика Белова. Я обратил внимание на то, что под ногой его не хрустнул ни один сучок, а шел он по земле, захламленной сосновыми ветками и сучьями, но шел так бесшумно, будто ступал по песку. И только потом, когда я узнал, что он — уроженец одной из деревень близ Мурома, исстари славящегося дремучими лесами, мне стала понятна его сноровистость в ходьбе по лесу и мягкая поступь охотника-зверовика.

В разговоре с разведчиком повторилось то же, что и с младшим лейтенантом Наумовым: разведчик неохотно говорил о себе, зато с восторгом рассказывал о своих боевых товарищах. Воистину, скромность — неотъемлемое качество всех героев, бесстрашно сражающихся за свою родину.

Разведчик внимательно рассматривает меня коричневыми острыми глазами, улыбаясь говорит:

— Первый раз вижу живого писателя. Читал ваши книги, видел портреты разных писателей, а вот живого писателя вижу впервые.

Я с не меньшим интересом смотрю на человека, шестнадцать раз ходившего в тыл к немцам, ежедневно рискующего жизнью, безупречно смелого и находчивого. Представителя этой военной профессии я тоже встречаю впервые.

Он сутуловат и длиннорук. Улыбается редко, но как-то по-детски — всем лицом, и тогда становятся видны его редкие белые зубы. Шоколадные глаза его часто щурятся. Словно ночная птица, он боится дневного света, прикрывая глаза густыми ресницами. Ночью он, наверное, видит превосходно. Внимание мое привлекают его ладони: они сплошь покрыты свежими и зарубцевавшимися ссадинами. Догадываюсь,— это оттого, что ему много приходится ползать по земле. Рубашка и брюки разведчика грязны, покрыты пятнами, но эта естественная камуфляция столь хороша, что, ляжь разведчик в блеклой осенней траве, и его не разглядишь в пяти шагах от себя. Он неторопливо рассказывает, время от времени перекусывая крепкими зубами сорванный стебелек травы.

— Вначале был я пулеметчиком. Взвод наш отрезали немцы. Куда ни сунемся — всюду они. Мой друг-пулеметчик вызвался в разведку. Я пошел с ним. Подползли к шоссе, залегли у моста. Долго лежали. Немецкие грузовые машины идут. Мы их считаем, записываем, что они везут. Потом подошла легковая машина и стала около моста. Немецкий офицер вышел из нее, высокий такой, в фуражке. Включился в полевой телефон, лег под машину, что-то говорит. Два солдата стоят около него. Шофер сидит за рулем. Мой товарищ — лихой парень — подмигнул мне и достал гранату. Я тоже достал гранату. Приподнялись и метнули две сразу. Всех четырех немцев уничтожили, машину испортили. Бросились мы к убитым, сорвали с офицера полевую сумку, карту взяли с какими-то отметками, часть оружия успели взять, и тут, слышим, трещит мотоцикл. Мы снова залегли в канаве. Как только мотоциклист сбавил ход возле разбитой машины, мы кинули вторую гранату. Мотоциклиста убило, а мотоцикл перевернулся два раза и заглох. Подбежал я, смотрю, мотоцикл-то целехонький. Мой дружок — очень геройский парень, а на мотоцикле ездить не умеет. Я тоже не умею, а бросать его жалко. Взяли мы его за руль и повели. Разведчик улыбается, говорит:

— Руки он мне, проклятый, оттянул, пока я его по лесу вел, а все же довели мы его до своих. На другой день прорвались из окружения и мотоцикл прикатили. Теперь на нем наш связист скачет, аж пыль идет! Вот

М. А. ШОЛОХОВ СРЕДИ БОЙЦОВ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ЧАСТИ

Фотография Г. Г. Петрусова, 1943
Литературный музей, Москва

с этого дня мне и понравилось ходить в разведку. Попросил я командира роты, он и отчислил меня в разведчики. Много раз я к немцам в гости ходил. Где идешь, где на брюхе ползешь, а иной раз лежишь несколько часов и шевельнуться нельзя. Такое наше занятие. Все больше ночью ходим, ищем, вынюхиваем, где у немцев склады боеприпасов, радиостанции, аэродромы и прочее хозяйство.

Прошу его рассказать о последнем визите к немцам. Он говорит:

— Ничего, товарищ писатель, нет интересного. Пошли мы позавчера ночью целым взводом. Проползли через немецкие окопы. Одного немца тихо прикололи, чтобы он шуму не наделал. Потом долго шли лесом. Приказ нам был рвануть один мост, построенный недавно немцами. Это километров сорок в тылу у них. Ну, еще кое-что надо было узнать. Отошли за ночь восемнадцать километров, меня взводный послал обратно с пакетом. Шел я лесной тропинкой, вдруг вижу свежий конский след. Нагнулся, вижу,— подковы не наши, немецкие. Потом людские следы пошли. Четверо шли за лошадью. Один хромой на правую ногу. Проходили недавно. Догнал я их, долго шел сзади, а потом обошел стороной неподалеку и направился своим путем. Мог бы я их перестрелять всех, но мне с ними в драку ввязываться нельзя было. У меня пакет на руках, и рисковать этим пакетом я не имел права. Дождался ночи возле немецких окопов и к утру переполз на свою сторону. Вот и всё.

Некоторое время он молчит, щурит глаза и задумчиво вертит в руках сухую травинку, а потом, словно отвечая на собственные мысли, говорит:

— Я так думаю, товарищ писатель, что побьем мы немцев. Трудно наш народ рассердить, и пока он еще не рассердился по-настоящему, а вот

М. А. ШОЛОХОВ СРЕДИ ТАНКИСТОВ
Фотография Г. Г. Петрусова, 1943
Литературный музей, Москва

как только рассердится, как полагается, худо будет немцам. Задавим мы их!

По пути к машине мы догоняем раненого красноармейца. Он тихо бредет к санитарной автомашине, изредка покачивается, как пьяный. Голова его забинтована, но сквозь бинт густо проступила кровь. Отвороты и полы шинели, даже сапоги его в потеках засохшей крови. Руки в крови по локти, и лицо белеет той известковой, прозрачной белизной, какая приходит к человеку, потерявшему много крови.

Предлагаем ему помочь дойти до машины, но он отклоняет нашу помощь, говорит, что дойдет сам. Спрашиваем, когда он ранен. Отвечает, что час назад. Голова его забинтована по самые глазницы, и он, отвечая, высоко поднимает голову, чтобы рассмотреть того, кто с ним говорит.

— Осколком мины ранило. Каска спасла, а то бы голову на черепки побило,— тихо говорит он и даже пробует улыбнуться обескровленными синеватыми губами. — Каску осколок пробил, схватился я руками за голову — кровь густо пошла.— Он внимательно рассматривает свои руки, еще тише говорит:— Винтовку, патроны и две гранаты отдал товарищу, кое-как дополз до перевязочного пункта.— И вдруг его голос крепнет, становится громче. Повернувшись на запад, откуда доносятся взрывы мин и трескотня пулеметов, он твердо говорит:— Я еще вернусь туда. Вот подлечат меня, и я вернусь в свою часть. Я с немцами еще посчитаюсь!

Голова его высоко поднята, глаза блестят из-под повязки, и простые слова звучат торжественно, как клятва.

Мы идем по лесу. На земле лежат багряные листья — первые признаки наступающей осени. Они похожи на кровяные пятна, эти листья, и кра-

снеют, как раны на земле моей Родины, оскверненной немецкими захватчиками.

Один из товарищей вполголоса говорит:

— Какие люди есть в Красной Армии! Вот недавно погиб смертью героя майор Войцеховский. Неподалеку отсюда, находясь на чердаке одного здания, он корректировал огонь нашей артиллерии. Шестнадцать немецких танков ворвались в село и остановились вблизи здания, где находился майор Войцеховский. Не колеблясь, он передал по телефону артиллеристам: «Немедленно огонь по мне! Здесь немецкие танки». Он настоял на этом. Все шестнадцать танков были уничтожены, угроза прорыва нашей обороны была предотвращена, погиб и Войцеховский.

Дальше идем молча. Каждый из нас думает о своем, но все мы покидаем этот лес с одной твердой верой: какие бы тяжкие испытания ни пришлось перенести нашей Родине,— она непобедима. Непобедима потому, что на защиту ее встали миллионы простых, скромных и мужественных сынов, не щадящих в борьбе с коричневым врагом ни крови, ни самой жизни *.

---

* *Под текстом автографическая подпись*: М. Шолохов.

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

СЕРДЦА МАТЕРЕЙ

От автора

Рассказанное в этом очерке случилось в страшном июле 1942 года в душной, пропитанной тревогой, дорожной пылью и зноем русской степи между Осколом и Доном. Военная катастрофа того лета угадывалась с тех пор, как случилось несчастье с так называемым Изюм-Барвенковским «мешком». Но даже нам, пережившим в 1941 году незалечимую боль отступления от границы до Подмосковья, масштаб разразившейся катастрофы показался ошеломительным. Под сокрушительными ударами с земли и воздуха раскололся фронт под Харьковом, и живые осколки его покатились к востоку. Через Дон к Нижней Волге и кавказским предгорьям. И вновь, как в 1941 году, обжигая сердце стыдом и болью, молча глядели в глаза отступающим солдатам старухи и старики, горестные матери и несмышленые ребята, оставляемые нами на произвол нагло рвущегося вперед врага. В такие дни иногда казалось, что смерть от пули или бомбового осколка менее тяжела для живого человеческого сердца. И нужны были поистине нечеловеческие усилия воли, чтобы оградить от пламени беды ростки надежды, жившей в глубине сердца.

Моя покойная мать, прожившая горькую многотрудную жизнь и часто плакавшая по ночам, говорила, что слеза с сердца боль смывает. Может быть, поэтому и написал я в те трудные месяцы этот очерк. Мой редактор, человек нетрусливый и решительный, посчитал, однако, что не стоит бередить и без того горючую боль солдатского сердца, и вернул мне этот очерк. Так он и остался у меня в записных книжках, как немой свидетель великой боли великого времени, боли, из которой прорастали ростки нашей будущей победы.

Пусть же теперь, через двадцать лет после победоносного завершения войны, с уважением и гордостью прочтут счастливые ровесники коммунизма эти строки, посвященные великому подвигу души наших матерей.

1964 г.

Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать.

Н. Некрасов

Это было нынешним летом. Это было в звенящей от зноя степи между Доном и Осколом и по ту сторону Дона — на казачьей земле.

По грейдерам и проселкам грохотали танки. Орудийная канонада обступала со всех сторон. По ночам зарева горящих деревень и городов кровянили небо над степью. Грозные были дни и страшные ночи.

Из тысяч человеческих лиц, промелькнувших перед глазами в эти дни, запомнились мне на всю жизнь лица трех русских матерей.

Над глубокой лощиной, за Валуйками, стоит тихая русская деревенька. (Там сейчас немцы.) Мы въезжаем в нее на исходе дня. Деревня плыла на нас сверху, из синей глубины неба, по широким плесам созревающей ржи и голубым заливам цветущих лугов. В темно-зеленой листве садов сквозили белые стены мазанок, розовеющие под лучами ущербного солнца. Еще три дня назад здесь была тишина. Война спугнула тишину. Она рычит близко, совсем рядом, за лесистыми холмами, в долине степной реки Оскол.

Возятся в пыли белоголовые ребятишки. Мычат коровы. Пастух щелкает длинным пеньковым кнутом. Все как прежде и все не так. Под соломенными навесами крыш стоят обожженные зноем старухи. Поднося к глазам ладони почерневших в труде рук, они тревожно, пристально смотрят на юг и вслушиваются. Они смотрят на проходящих красноармейцев молча и строго. В их глазах застыл немой вопрос:

— Неужели «он» придет?

... В хате, где нам пришлось заночевать, жили две женщины. Старшая — хозяйка хаты — здесь выросла, здесь прожила свою жизнь, кружась по маленькому дворику от хатки к хлеву, от хлева в огород и сад. В каком-то бестолковом оцепенении, она и сейчас снует по двору, спрашивая десятый раз — оставлять ли на ночь буренку в хлеву или лучше привязать в саду под яблоней?

Другая женщина молодая, городская. Когда мы входили во дворик, она стояла у притолки, с недоумением и жалостью наблюдая за своей суетливой золовкой. Женщина держала на руках двухлетнюю девочку. Ребенок протянул ко мне худенькие ручонки и, светло улыбнувшись синими, как полевые васильки, глазами, залепетал:

— Папа... папа...

Мать вздрогнула и спрятала лицо в плечико дочки. Потом, овладев собой, глянула мне в глаза прямым взглядом сухих, глубоких глаз:

— Смешная у меня дочка. Как военного увидит, так и тянется к нему, папой называет. Отец у нее тоже военный был. Совсем маленькую оставил в прошлом году, а вот запомнила...

Я взял девочку на руки. Она доверчиво обняла мою шею слабыми ручонками и, ласкаясь, стала лепетать что-то, понятное только матерям. Тельце ребенка было почти невесомое. Реденькие русые волосики завивались несмелыми кудряшками над висками, исчерченными синими веточками вен. Ножки, пораженные рахитом, были кривы и тонки. Все маленькое тельце льнуло к большому человеческому телу, как льнет к теплой стене хаты плющ, обожженный морозом.

— Она у меня осадница. Прошлую зиму мы с ней в Ленинграде высидели. Не чаяли выжить. Я ее своим телом грела. Спать отвыкла — все боялась, как бы во сне не задушить. Выжила моя сиротка... Да, видно, на горе выжила...

Два «мессершмитта» вырвались из облака и шумно пронеслись над деревенской улицей. Девочка хлопала в ладоши и закричала:

— Птички... птички...

Нам стало холодно от этого детского вскрика, и мы торопливо вошли в хату.

От глиняного пола, густо застланного пахнущими стеблями чебреца и мяты, в хате было прохладно. На «красной» стене висели семейные фотографии. Девочка потянулась к портрету молодого, статного краснофлотца с комсомольским значком на форменке:

А. А. СУРКОВ И К. М. СИМОНОВ В РАЙОНЕ ПРОРВАННОЙ ОБОРОНЫ НЕМЦЕВ НА РЖЕВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Фотография В. А. Темина. Калининский фронт, лето 1942 г.

Собрание А. А. Суркова, Москва

— Папа...

Сквозь хмурые дни ленинградской осады, сквозь тревожные бомбежные ночи, на тряском грузовике по тающему, пористому льду Ладоги и в дымной тесноте беженских теплушек пронесла молодая женщина на своей груди эту дорогую фотографию, как светлое воспоминание о недавнем счастье, о том, что был у нее муж, а у дочери отец...

Свечерело. Хозяйка ушла со старухами-соседками ночевать в только что откопанное нами убежище. Маруся осталась с нами в хате. Она улеглась с дочкой в кухонке, на лежанке.

Всю ночь на западе урчала артиллерия и в звездной синеве пролетали самолеты — свои и чужие. Спалось плохо, беспокойно. Товарищи, утомленные дорогой, наконец, уснули, как мертвые. Сквозь их шумное дыханье и храп я уловил тихий шёпот за перегородкой. Приподнялся на локтях, вслушался.

Тревожная мать в ночной бессоннице шептала над разметавшейся во сне девочкой. Полынную горечь своего раннего вдовства, темное беспокойство своего материнского сердца, острую тревогу за будущее выливала она в жарком шёпоте над безмятежно спящим ребенком.

— И зачем мы с тобой сюда приехали?.. Пропадем мы здесь... Папу не покличешь... Не придет он, не оборонит... Сирые мы с тобой... Несчастные...

Где ты теперь, ленинградка Маруся? Может быть, надругался над тобой пьяный немецкий ефрейтор. Может быть, застрелил тебя под яблонями, поруганную, истерзанную... Может быть, разбил об угол русую головку твоей милой дочки...

... Из Валуек к Россоши грейдер идет. Чернозем на грейдере летом был гладкий, укатанный, как городской асфальт. Возле грейдера, чуть вправо, за рощей, деревня есть. Там тоже сейчас немцы. Приехали мы в эту деревню за полночь. Старая хозяйка приняла нас в хату как желанную родню. Поставила кувшин молока. Свежего душистого сена для спанья принесла. Спутники мои быстро угомонились, а я до утра никак не мог уснуть. Думы обступили со всех сторон. Ворочался, в ночь вслушивался. Ночь была обыкновенная, прифронтовая, артиллерийская. В окнах дрожали отсветы немецких осветительных ракет, развешиваемых самолетами над грейдером. Вперемежку с орудийными залпами басовито пела «катюша». Фырчали грузовики. Прогромыхивали гусеницами танки. Оконные стекла жалобно дребезжали от орудийного грома и взрывов бомб. Товарищи во сне стонали, бредили домом...

Кроме меня, в хате не спал еще один человек. По вздохам, по долетающим обрывкам шёпота чуялось, что на хозяйской половине кто-то мучается, уснуть не может. Перед рассветом я услышал, как зашлепали по полу босые ступни, как скрипнула дверь.

Замученный ночным одиночеством и бессонницей, я поднялся с полу и вышел на крыльцо. В огороде, где на листьях капусты и подсолнуха стыли студеные капли росы, между грядками копошилась наша хозяйка. Она выпалывала сорную траву, но по движениям было видно, что работа не спорится, не тут ее мысли. Через узкую калитку я прошел в огород.

— Ты что, товарищ командир, полуночничаешь? Спать бы тебе надо. Вишь, с лица осунулся. Чай, которую ночь не спишь? Иди, милый, ляг... Говорят, на зорьке сон бывает особенный, сладкий...

— Не выходит у меня, мать... Сердце не на месте... А вы что сами ни свет, ни заря поднялись? Как мне вас по имени-отчеству называть?..

— Зовут меня Марина Васильевна. А правду сказать, так у меня тоже сердце не на месте. Сон не идет. Третью ночь такое. Думы всякие нехорошие в голову лезут. Больно уж «он» близко подошел. А мне и уходить не в пору. Куда я со своими старыми да малыми тронусь... Понял, милый?

Она взглянула на меня своими усталыми, скорбными глазами, и я не прочел в ее взгляде ни упрека, ни раздражения.

— Уж ежели ты бессонный маешься, расскажу кое-что. Может быть, на сердце от разговора полегче станет. Разворошила война нашу жизнь. Деревни наши стали как муравейник разоренный. Все вкривь, да боком пошло. Жили мы, трудились, большой радости ждали, ан глядь — беда пришла.

Подняла я двух сыновей да трех дочек. Девки, известное дело, как замуж вышли — ломоть отрезанный. Своя семья, своя судьба. А сыновья на всю жизнь около материнского сердца стоят. Старший у меня красавец вымахал — как вот этот клен. И умом и статью — всем взял. С тринадцати лет сам хлеб зарабатывать стал. Первый комсомолец был в округе. До редактора районной нашей газеты дошел. В службу пошел — через полгода политруком стал. Перед войной жену с ребятами к себе во Львов выписал. Как война началась, сноха с ребятами обратно приехала голым-гола, что на себе — весь достаток. А Федя канул. Одиннадцать месяцев от него ни чутья, ни вести. Больно мне, товарищ командир. Первый он у меня. Рожая его, я первую боль материнскую приняла и первую радость. Тяжко мне было его в сердце хоронить. Похоронила я его в сво-

«ВОИН КРАСНОЙ АРМИИ! ОТПЛАТИ ВРАГУ...»

Плакат Д. А. Шмаринова. «Искусство». М.—Л., 1942

Центральный музей Вооруженных Сил СССР, Москва
Оригинал (гуашь) в Третьяковской галерее

ем материнском сердце и последние слезы по ночам выплакала. Теперь эта боль в глубину сердца пала, на самое дно. От младшего второй месяц вестей нет. Он в Лисках, в депо, в железнодорожной ФЗО учится... Сказывают — «он» депо по кирпичику разбомбил. Я за худое не цепляюсь. Может, почта плохо работает. Может, сынок, по мальчишеству своему, писать поленился... Только тревогу не отгонишь...

Марина Васильевна выпрямилась над грядкой, взяла меня за локоть и повела в хату.

В сенцах, на самодельной кроватке, тесно прижавшись друг к другу спали двое малышей — мальчик и девочка. Потеплев взглядом и голосом, Марина Васильевна зашептала мне на ухо:

— Вот из-за чего я ночи не сплю. Это Федины сиротки — внучата мои. Старшенький-то — весь в отца. Я гляжу на него и молодость свою бабью вспоминаю. Забудусь и покажется мне, что не старая я баба хворая, а молодуха голосистая Маринка, первая деревенская песельница и хороводница. Тяжко мне было Федю в сердце хоронить, да просвет был. Думала — подниму сирот, выхожу, на ноги поставлю. И дело мне в жизни будет и радость. Думала — пока советская власть стоит, не погибнут малые. Федор мне, как война объявилась, писал — не горюй, если пропаду. Коли мы Советскую власть не обороним, кто ее оборонит? А устоит Советская власть против немцев — не пропадут мои малые. Я Федору, как себе, верила. От его слов легче было горе нести.

Марина Васильевна перевела дух, поправила одеяльце на ребятах.

— А теперь что?.. Не подняться мне с ними. Не уйти. И старик у меня больной. Придет «он» — не будет моим малым жизни, не будет света.

Помолчала. Напружинилась вся. Словно моложе стала.

—Ведь не на́ все же вы уходите? Ведь вернетесь же?.. Ведь если вы не вернетесь — матери вас проклянут, земля, как пропадете, не примет.

Стояла она передо мной в темноте сеней прямая и гневная, телом своим загораживая внучат от невидимого врага. И, показалось, будто Россия в рост поднялась над пепелищами и выжженной землей, гневная, властная. Взял я изъеденную трудовыми мозолями материнскую руку Марины Васильевны и губами к ней прикоснулся. Обмякла старая. Сжала ладонями мои виски, поцеловала в лоб трехкратным поцелуем.

— Беспокойный ты человек. Беспокойным людям нелегко на свете жить. Ну к чему ты мою бабью горечь на сердце принял? Своей что ли мало?..

...В душную летнюю ночь того же злосчастного июля довелось мне заночевать в маленьком степном городке, который был когда-то казачьей станицей. Поставили меня на ночевку в квартиру жены местного врача Евдокии Николаевны Н. Едва я переступил порог, едва глянул в глаза одинокой, пожилой женщины, заброшенной в пустоту осиротелой квартиры, как понял, что сна и в эту ночь не будет.

Так и вышло. Само собой накатилось то, что тревожит людей везде: и в Тамбове, и в Казани, и в Ярославле, и под Воронежем, и в далекой от фронта Сибири. Хозяйка потушила свет и распахнула настежь окна. Из садика повеяло ночной прохладой. Студеный ветерок прогнал сон. Беседа затянулась до рассвета. Еще одна горькая материнская судьба встала передо мной из темноты душной задонской ночи.

Несложными словами рассказала Евдокия Николаевна свою сложную судьбу. Жили на свете мирные люди — районный врач с женой. Вырастили сына, вырастили дочку. Муж был коммунист из породы правдолюбов и правдоискателей. Трудно уживался с районным начальством. Так и состарился в вечных «перебросках».

Пришла война и нарушила весь строй жизни. Сына-лейтенанта у самой границы в первых боях убили. Муж с первых дней ушел добровольцем — где-то на юге в эвакогоспитале работает. Дочка, едва кончила десятилетку, медсестрой ушла. Осталось осиротевшей матери только в тысячный раз письма перечитывать да часами на фотографии близких смотреть.

Русским своим сердцем учуяла Евдокия Николаевна, что военная беда близко подступила. От этой последней тревоги жизнь не в жизнь стала. Сидит передо мной Евдокия Николаевна на стуле и, невидимая в темноте, требовательным, тревожным голосом спрашивает:

— Это ладно... Это я знаю... У меня муж такой же, как вы... А, все-

таки, скажите, удержат «его»?.. Вы не думайте, что я смерти боюсь. Мне сына терять было страшнее смерти, а не сломилась. Мне судьбу свою в порядок привести перед смертью надо. Мне отсюда не уйти. Сердце у меня плохое. На десятом километре в канаву упаду мертвая. Да и куда, зачем идти? А с «ним» мне не жить. «Он» моего сына убил. «Он» мою семью разметал по свету. Да вы сами поймите, как мне, русской, с «ним» ужиться? Что же мне остается делать? В Хопер броситься?

В бессонные ночи надумала я одно дело. Если придут они в город, я офицеров на постой приглашу. Домик у нас чистенький, уютный, думаю, что польстятся. Уважительная буду. Ковер под ноги подстелю. Постели свежим бельем накрою. Стол праздничный приготовлю. По бабьему предрассудку я, как война началась, пять литров водки купила и в саду под яблоней закопала. Думала пир устроить, когда мои воины после войны под родной кров придут. Выкопаю я эту водку. На горькой полыни настою. На стол поставлю — кушайте, гости незваные, русское угощенье! Окороком накормлю, огурцами свежими, пирогами русскими. Говорят, они жадные до русской еды и водки. Наедятся до отвала, напьются допьяна — спать уложу. Своими руками с них сапожки да мундирчики немецкие стяну. А как захрапят они, пойду в кладовую — там у меня большой бидон с керосином стоит. Пеньку я третьего дня по углам разложила. Оболью пеньку керосином и — грейтесь, гости непрошенные, у русского огня... А дальше — что будет...

Из редеющей перед рассветом темноты глядели на меня два больших серых глаза. И понял я, что если доведется, все сделает Евдокия Николаевна, как задумала. И в смерть пойдет твердо и бестрепетно. Ведь в смерть идти по дороге, протоптанной чужими ногами, — для сердца легче...

* * *

На высоком лесном берегу верхней Волги, перед пылающим, как свеча, русским городом Ржевом, в золотую северную осень вспомнились мне ваши образы, русские солдатские матери — Марина Васильевна и Евдокия Николаевна. Вспомнилась и ты, солдатка Маруся, и маленькая твоя дочка. Рассказал я о вас товарищам бойцам, что в окопах над Волгой стоят. Слушали они и лицом строжали. И видел я, как руки их стискивали холодную сталь автоматов.

Запомнили они твой наказ, Марина Васильевна. Вернемся мы назад и за все отплатим, за все посчитаемся.

Из болотной сырости северного леса кланяемся мы земным поклоном вашей материнской скорби, богатырскому мужеству вашего материнского сердца. Губами своими касаемся мы земли, по которой ступала ваша нога. Слезы ваши материнские жгут сердце, спать не дают...

Действующая армия
Район Ржева
Сентябрь 1942 г.

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

ИЗ БИОГРАФИИ САБУРОВА

ГЛАВА, НЕ ВОШЕДШАЯ В ПОВЕСТЬ «ДНИ И НОЧИ»

От автора

Когда редакция «Литературного наследства» предложила мне принять участие в томе, посвященном литературе эпохи Великой Отечественной войны, я, перебирая в памяти то, сравнительно немногое, что было мною в те годы не опубликовано, вспомнил о первом черновом варианте повести «Дни и ночи».

Этот черновой вариант я, почти целиком, написал за два месяца: май — июнь 1943 года. К концу апреля на всех фронтах установилось затишье, и редакция «Красной звезды» дала мне двухмесячный отпуск для работы над небольшой повестью о Сталинграде, которую предполагалось печатать с продолжениями в газете. При этом было оговорено, что если на фронте начнутся события,— отпуск мой может быть прерван в любой день. В этих жестких условиях я решился диктовать первый черновой вариант повести стенографистке и, очевидно, правильно сделал. Я еще не успел продиктовать повесть до конца, когда разразились события на Курской дуге. Последние главы повести додиктовывал в течение июля — сентября, урывками между поездками на фронт.

Обстоятельства работы сказались на первоначальном тексте повести. Из тридцати листов, первоначально в спешке продиктованных мною, когда повесть вышла книгой, в ней осталось всего шестнадцать. Все те многочисленные купюры (не говорю уже о стилистической правке), которые я сделал, готовя повесть к печати сначала для «Знамени», а потом для отдельного издания, я считал тогда и продолжаю считать сейчас, совершенно оправданными с точки зрения общей композиции вещи.

Почему же теперь я считаю возможным опубликовать одну из глав чернового варианта? Потому что эта глава, которую в опубликованном тексте «Дней и ночей» заменило всего несколько абзацев, на мой взгляд представляет сейчас известный документальный интерес. За последнее время, особенно на обсуждениях книги «Солдатами не рождаются», мне приходилось сталкиваться с различными мнениями насчет того, что думали и могли думать и чего не думали и не могли думать люди поколения Синцова (то есть, в сущности, моего поколения) тогда, в 1943 году.

Так вот, эта вычеркнутая мною из «Дней и ночей» глава в известной мере есть ответ на вопрос: что думал я, человек своего поколения, тогда, в мае — июне 1943 года, о некоторых проблемах, связанных с событиями 1937—1938 годов и с предвоенным временем вообще?

Естественно, что сейчас, зная многое неизвестное мне тогда, я на многое смотрю по-другому. Следует, пожалуй, допустить также, что и тогда, в 1943 году, у меня не всегда хватало решимости додумать до конца на бумаге все те трудные вопросы, которые поставило перед нашим поколением время и над которыми я, как и многие другие люди, мучительно размышлял. Но относясь к этой черновой главе как к своего рода документу, и именно в этом видя ее, хотя бы относительную, ценность, я не считаю

сейчас возможным что бы то ни было исправлять в ней по существу. В черновике, текст которого хранится в ЦГАЛИ, я сделал одну, не носящую принципиального характера купюру, исключив полторы, особенно дурно написанных страницы, а в остальном ограничился самыми минимальными стилистическими поправками.

25.X.64

В сентябре 1934 года Сабуров получил повестку из военкомата. Он был к этому времени уже помощником начальника участка, и если бы он захотел, ему было бы легко получить отсрочку. Верней даже — если б он сказал на работе об этой повестке, то хотел он или не хотел, ему, пожалуй, все равно бы дали отсрочку. Но он сначала сходил на медкомиссию, получил отметку «годен», назначение в пограничные войска и день явки — и только после этого пришел в дирекцию и партийный комитет сказать, что идет в армию, как уже о совершившемся факте. То, что в двадцать два он должен будет пойти в армию, он предвидел давно и не раз думал об этом. И чем больше думал, тем яснее для него становилось, что идти в армию или брать отсрочку было одним из самых принципиальных вопросов его жизненного поведения...

В течение всех последних лет, когда он читал газеты, где изо дня в день писалось о мощи, несокрушимости и непобедимости Красной Армии, его удивляло, что при этом все, кому не лень, кругом него получали отсрочки и освобождения. И прежде всего те люди, которые, казалось, самой своей профессией были предназначены командовать — бригадиры, мастера, десятники, прорабы. Он понимал, конечно, что они нужны там, где они работают, но он никак не мог отделаться от ощущения, что такие люди не меньше, а может быть, еще больше нужны и в армии. Если бы это было в его власти, он бы согласился работать за двоих, только чтобы никому, когда приходит их черед, не давали бы отсрочек. Если бы он мог издавать законы, он бы издал именно такой закон, без которого все слова о несокрушимости казались ему слишком парадными. Закон он издать не мог; но со своим обычным упрямством решил, что если это не закон для всех, то по крайней мере закон для него.

После долгих препирательств он все-таки настоял на своем, не взял отсрочки и в назначенный срок с чемоданом явился в военный комиссариат.

Потом с ним долго прощались, было немало выпито и сказано хороших слов, и уже за день перед самым отъездом в знак внимания и в залог того, что он после армии вернется именно сюда, как к себе домой,— в новом, только что отстроенном корпусе ему дали комнату. Накануне отъезда он перетащил туда свои немногочисленные вещи и сказал одному из товарищей, намеревавшемуся, по его сведениям, жениться, что комнату на все время отсутствия он оставляет в его распоряжение.

Когда он уже ехал в эшелоне, двигавшемся на Дальний Восток, и глядел в дверь теплушки, ему невольно вспоминалась эта пустая комната с раскладной койкой и двумя чемоданами — его новый дом, куда ему предстояло вернуться...

Ему пришлось служить в пограничном отряде, неподалеку от станции Манчжурия. Кругом высились лесистые сопки, а в ясные дни вдалеке. на той, манчжурской, стороне были видны отроги Хинганского хребта,

Это были годы, когда мы строили на Дальнем Востоке стратегические железные дороги и укрепления и новые военные заводы и даже целые города, такие, как Комсомольск-на-Амуре. Дальний Восток стал в 1934 году таким же романтическим словом, каким был в 1932 году Магнитогорск, а до него — Днепрострой.

На границе все время было тревожно: то ее перелетали самолеты, то происходили мелкие пограничные стычки, в каждой из которых можно было предполагать начало международного конфликта. В этих условиях пограничники воспитывались так, как, быть может, должна была воспитываться вся армия. Они были всегда в ощущении непосредственной опасности; придирчивые требования внешней дисциплины сразу же показались Сабурову осмысленными, само собой разумеющимися.

За первые два года, пока Сабуров был рядовым, а потом учился в школе младших лейтенантов, с ним не произошло никаких особых происшествий. Он делал длинные тренировочные марши зимой и летом, участвовал в облавах, стоял в дозорах, но все как-то так выходило, что происшествия случались не в то дежурство, которое нес он, и не в ту облаву, в которой он участвовал. Только однажды, в конце срочной службы, командир приказал Сабурову отконвоировать в штаб отряда пойманного японца. Японец был шпионом опытным и решительным. Отстреливаясь, он ранил одного и убил другого пограничника, и теперь его поручили конвоировать Сабурову как человеку исполнительному и твердому. Это был первый враг, которого видел Сабуров за свою жизнь. Японец шел между четырьмя пограничниками, мелко и быстро переступая короткими, сильными ногами, в ободранных синих бумажных штанах и надетых на босу ногу сандалиях. Голова у него была бритая, с короткими черными, начинающими седеть волосами. Лицо его ничего не выражало — ни гнева, ни уныния, ни беспокойства — ничего... Это был, видимо, человек спокойный, опасный и сильный, и чем больше Сабуров смотрел на него, тем определеннее ему казалось, что очень правильно они делают, что ходят в пятидесятикилометровые марши и спят всегда с оружием под рукой, и что только так и надо, потому что иначе десятки и сотни тысяч вот таких же, как этот,— маленьких, бритых, решительных людей могут нас одолеть.

Жизнь на заставе была однообразной, и если бы не постоянная занятость, то ее можно было бы назвать скучной. Но обычно Сабуров был занят так, что впервые в его жизни случались дни, когда он не успевал даже на полчаса раскрыть книжку.

Уже через несколько месяцев службы Сабуров привык к чувству суровой подтянутости, которая царила здесь. В этом был свой пафос, своя особая радость чувствовать себя солдатом с головы до ног. И хотя по временам бывало тяжело, но в конце концов в этом и состояла военная служба. Очевидно потому, что, прослужив два года в пограничных войсках, люди чувствовали себя солдатами, а не временно отбывающими номер штатскими людьми, после окончания службы, несмотря на ее особую тяжесть, среди пограничников оказывалось больше сверхсрочников, чем где бы то ни было.

Военная служба, вообще говоря, не влекла к себе Сабурова, но именно потому, что он не рассчитывал оставаться на сверхсрочную, то время, что ему приходилось пробыть в армии, он решил использовать вполне и до конца так, чтобы, отслужив действительную, навсегда чувствовать себя солдатом.

В 1936 году, когда Сабуров после школы был произведен в младшие лейтенанты, ему предстояло увольняться. Положение на Дальнем Востоке стало таким трудным, что почти перестали давать отпуска и увольнения. И Сабурова оставили служить еще на год. Этот год он командовал взводом и почувствовал в себе тягу не только учиться, но и самому учить и воспитывать людей. Это было не только необходимо, это было, кроме того, еще и интересно...

...В жаркий июльский день 1937 года во взводе Сабурова произошла история, чуть не окончившаяся очень плохо для него. По неожиданной сорокаградусной яростной жаре, какая бывает в Забайкалье, роте приказали сделать сорокадвухкилометровый марш. Срок был дан жесткий —

К. М. СИМОНОВ В РАБОЧЕМ КАБИНЕТЕ

Фотография А. Л. Лесса. Москва, 10 января 1944 г.
Собрание А. Л. Лесса, Москва

шесть часов. Местность была неровная и в том направлении, куда надо было двигаться, почти совершенно обнаженная. По задаче все было построено так, что взвод Сабурова обязан был явиться к сроку, чтобы выручить условно окруженную японцами заставу. Солнце неимоверно жгло. Когда три четверти пути уже было сделано, один из красноармейцев упал от солнечного удара. Сабуров, не считая возможным остановить марш, оставил вдвоем с пострадавшим шедшего при взводе фельдшера и двинулся дальше. Ночью, когда марш был закончен и с заставы были посланы верховые лошади за фельдшером и красноармейцем,— оказалось, что красноармеец умер от удара на руках у фельдшера. Это было в масштабах отряда пресловутое «ЧП» — чрезвычайное происшествие.

Сабурова как человека, отвечающего за свой взвод и, следовательно, по тогдашним понятиям — виновника происшествия,— отдали под суд. На допросе Сабуров не пожелал признать за собой вины ни полностью, ни частично и утверждал, что, делая такой марш, под таким солнцем и с такой скоростью, он выполнял боевую задачу. И что, оставив красноармей-

ца вдвоем с фельдшером, он сделал правильно, потому что иначе не выполнил бы приказанного. Больше того,— если бы повторилась такая ситуация, он бы считал своим долгом командира поступить точно так же, как поступил.

Всерьез возразить на это было трудно, но «ЧП» есть «ЧП». О том, что в мирной обстановке погиб во время похода красноармеец, приходилось доносить начальству и неизвестно, как оно на это посмотрит, и трибунал, не желавший брать на себя ответственности и оправдывать Сабурова, присудил его к трехлетнему лишению свободы без поражения в правах — за халатность и превышение власти.

На счастье Сабурова командовавший пограничным районом полковник Савельев заинтересовался этим приговором и вызвал Сабурова к себе. Стоя перед ним, Сабуров в той же резкой форме повторил все, что говорил перед трибуналом. Полковник — старый служака — сам человек строгий, неуживчивый и требовательный и не раз уже получавший взбучки от военной партийной комиссии за то, что он, по ее мнению, слишком свирепствует в наведении излишней дисциплины, посмотрел на Сабурова с невольным сочувствием. Его сердило в этом деле и то, что трибунальцы оказались перестраховщиками и трусами, а еще больше то, что он прекрасно знал: не попади это дело к нему — и отличный, дисциплинированный командир, каким, по его мнению, был Сабуров, неминуемо бы отсидел три года.

Всего этого он, само собой разумеется, Сабурову не сказал, а перелистав его дело, только сделал на нем какую-то пометку, перевернул и, словно считая разговор об этом законченным, спросил Сабурова:

— На пожизненную в армии не останетесь?

— Нет,— сказал Сабуров.

— Напрасно, из вас мог бы получиться военный.

— Если будет война, тогда... — начал Сабуров, но полковник не дал ему договорить.

— Если будет война,— сказал он резко,— будет поздно идти в армию всем тем, кто должен был бы идти в нее и оставаться в ней сейчас.

Он очевидно хотел сказать еще много наболевшего, но, вспомнив, что перед ним подчиненный, да к тому же еще формально не освобожденный из-под суда, полковник оборвал фразу на полуслове и добавил резко:

— Напрасно не остаетесь на пожизненную.

Сабуров промолчал.

— Разрешите идти? —сказал он.

— Идите.

Осенью, ровно через три года после того, как Сабуров уехал из Магнитогорска, он вылез на его неузнаваемо изменившемся вокзале. От военной службы у него осталась только форма со споротыми петлицами да военная книжка командира запаса, лежавшая в нагрудном кармане рядом с партбилетом, в котором за июльское происшествие появился первый строгий выговор с предупреждением.

Сабуров приехал в Магнитогорск поздним осенним вечером. Там, где были котлованы и строительная площадка, вытянулись улицы. Почти нигде уже не было следов строительного беспорядка, и хотя он знал этот город, как свои пять пальцев, но все-таки улицы настолько изменились, что он с трудом нашел то здание, в котором была его комната.

Он поднимался по лестнице с некоторым колебанием. Во-первых, прошло три года, во-вторых, он сам пустил сюда товарища с женой, в-третьих, мало ли что могло случиться за это время... Но, постучав в дверь, он столкнулся лицом к лицу с Петей Соломиным собственной персоной.

— Приехал,— сказал Соломин. — Я тебя в прошлом году в это время

поджидал. Ну уж, думаю, в этом году непременно приедешь... Заходи, гостем будешь.

Сабуров вошел в комнату и сразу увидел в ней тот холостяцкий беспорядок, который свидетельствует об отсутствии женщины.

— А жена? — спросил он.

— Разлучили,— сказал Соломин,— учиться в прошлом году уехала, в МГУ. Так что, если не сгонишь с квартиры и сам не женишься, будем тут вдвоем век вековать. Вот постель, вот кушетка...

Соломин вскипятил чай, и они засиделись далеко за полночь, рассказывая друг другу эти три года. Впрочем, что до Сабурова, он ограничился тем, что отвечал на вопросы: — Служил... Граница... Хорошо... Все в порядке...— отвечал теми словами, за которыми Соломин мог предполагать нормальную армейскую жизнь без особых событий и происшествий.

Но когда зашел разговор о Магнитогорске, Соломин не ограничился такими скупыми ответами. Однако в речи его все время перемешивались две разные интонации: он с азартом и воодушевлением подробно рассказывал обо всем, что касалось строительства Магнитогорска — о новых корпусах и цехах, об окончании новой котельной, построенной и сданной,— но когда речь заходила о людях — знакомых и незнакомых,— часто ограничивался междометиями: — Живут, ничего... как обычно... — говорил с такой неохотой, что казалось, что этот разговор у него вызывает зубную боль. Его обычная общительность осталась, а жизнерадостность исчезла. Он стал каким-то нервным, усталым и минутами, пожалуй, даже желчным, чего раньше Сабуров за ним никогда не замечал.

Сабуров долго слушал Соломина, потом вдруг, прервав его на полуслове, молча положил ему на плечи свои тяжелые руки и, глядя прямо в глаза, спросил в упор:

— В чем дело?

— Что в чем дело?

— В чем дело, что с тобой, чего мучаешься? —спросил Сабуров.

— Ничего не мучаюсь, все в порядке, почему мучаюсь... — попробовал отговориться Соломин.

— Нет, мучаешься. В чем дело, почему мучаешься? Что с тобой?

Теперь Соломин в свою очередь поглядел на Сабурова долгим, внимательным, словно что-то оценивающим и прикидывающим взглядом, и вдруг, словно сорвавшись с цепи, заговорил яростно, захлебываясь, так, что слова не поспевали друг за другом.

— Да, мучаюсь, не представляешь себе... не так всё...

— Что всё?

— Всё. Построили, хорошо построили и еще строим и тоже хорошо. Но говорить с людьми иногда сил нет, понимаешь,— сил нет...

— Почему?

— Потому что брать стали то одного, то другого, потому что исключать из партии пачками стали... Потому что я вот сижу перед тобой — я с тринадцати лет мальчишкой на строительствах работаю, я этот Магнитогорск своими руками построил, я в него и пот и кровь вложил, всё вложил, что было, — а я вот сижу с тобой и не знаю — может быть, мне ночью постучат и скажут: «Гражданин Соломин, собирайте вещички»...

— А почему?

— А не потому, что я плохо работаю и не потому, что я что-нибудь не так сделал... Всё я делал что нужно и как мне совесть велела... А потому, что у меня начальник участка сволочь оказался, правда, сволочь, самая настоящая, а я у него помощником был, два года его знал, а что он сволочь— не знал. Я же ему не нянька... И потом, если он настоящая сволочь, откуда я мог знать, когда этого НКВД не знало? Откуда я мог знать? Что, я школу проходил, как по физиономиям характер изучать? Не знаю. Але-

ша, — вдруг добавил он, сжав руками виски, — не знаю... Оказалось много гадов кругом, но не вышибить у меня из сердца того, что под эту гребенку сейчас еще больше хороших людей чешут. Если гады выяснились, то ведь за то, что они поздно выяснились, по-моему, отвечать должны те, кто на это дело поставлен, те, кто за ними следить должны, кто поздно заметил! А почему за это должен садиться сосед по квартире — я этого не понимаю, не понимаю и не пойму... Почему я должен строгий партийный выговор в билете иметь и думать о том, что со мной может случиться не сегодня-завтра самое худшее? Только из-за того, что инженер-подлец у меня начальником участка был, а я не знал и другие люди не знали... Я за всякого человека поручиться не могу, но за некоторых могу, всей душой могу. И вот — не знаю — недавно Сеньку Ермолаева из партии исключили за связь с врагами народа. Но я же его знаю и ты его знаешь... Он же годами ночей не спал, он же на бетоне все руки и все ноги поморозил, лучше, чем он, человека не было... И вот его исключили. И идет собрание, и я не могу в его защиту слова сказать, потому что если я в его защиту слово скажу, — за это меня исключат. И я сижу, понимаешь, и молчу. С тех пор, как это собранье было, я сам не свой — сидел на нем, молчал и чувствовал себя не то подлецом, не то трусом. Ну, я же не трус, я готов под пули пойти, воевать, но я боюсь, что меня из партии исключат, потому что если исключат, значит я — бывший партиец, я уже дело, которое делаю, не смогу дальше делать, работать так, как работаю,— не смогу. Я уже буду получеловеком... И я сижу и молчу. Тяжело, Алеша... И строим как строили, и металл рекой льется, и как будто и город такой, как мечтали мы с тобой его построить, стал, а на душе тяжело как никогда. Вся радость ушла. Ну, ладно об этом, сам увидишь и услышишь, многое переменилось... Поговорим о другом. Как у вас там природа-то на границе — хорошая, небось, сопки, лес. Я когда-то бывал в тех краях...

Сабуров тоже был рад переменить этот тягостный разговор, и они вместе начали вспоминать природу Забайкалья — ее лесистые холмы, ледяную безветренную зиму, жаркое лето. А потом, возвратясь к Магнитогорску, как-то невольно, без сговора, вспоминали уже не о сегодняшнем, а о том, как начинали строить и как только еще мечтали о таком городе, который сейчас уже существовал на деле, поднимаясь этажами и дымя трубами.

Когда Сабуров утром явился в дирекцию комбината, ему обрадовались и предложили работать прорабом нового строительного участка жилкомбината. Город, который уже давно стал гораздо больше, чем предполагалось вначале, все еще продолжал строиться, и опасения Сабурова, что ему как строителю здесь не найдется работы, оказались наивными.

Со следующего же дня Сабуров окунулся в работу. Как всегда, была спешка, и хотя после армии ему полагался отпуск, но отпуска ему не предложили, а он не потребовал и написал матери очередное, пятое или шестое за жизнь письмо, что пока приехать домой не сможет.

Этот год прошел в работе и, можно сказать, почти она одна и составила весь этот год — и потому, что Сабуров стосковался по строительству, и потому, что в эти трудные времена он считал своей особенной обязанностью работать не покладая рук. Часто случалось так, что, живя в одной комнате с Соломиным, они подолгу не виделись, заставая друг друга только спящими и уходя раньше, чем проснулся сосед. Но как бы там ни было, все-таки жизнь в одной комнате сильно сдружила их и заставила узнать друг друга ближе, чем раньше. Сабуров, сам сдержанный и никогда не горячившийся, любил в Соломине ту юношескую горячность, то неуменье ничего прятать за душой, ту доверчивость к людям и горечь при разоча-

«ДНИ И НОЧИ»

Первая отдельная публикация очерка К. М. Симонова «Под Сталинградом. Дни и ночи». М., изд-во «Правда», 1942

Обложка с автографической надписью автора

Литературный музей, Москва

ровании в них, которая так часто доставляла Соломину неожиданные огорчения.

По мнению Сабурова, это был человек иногда легкомысленный, но самоотверженный на работе, добрый, готовый разделить с товарищем последнюю рубашку и переживать за другого больше, чем за себя.

Когда однажды Соломин не вернулся домой (его арестовали по дороге с работы), на следующий день было партийное собрание, на котором его задним числом исключили из партии, а Сабурова спросили, как он, живя в одной комнате с Соломиным, проглядел, что из себя представляет этот человек, арестованный за контрреволюционные высказывания.

Сабуров ответил, что он не понимает, почему мог быть арестован Соломин, с которым действительно жил в одной комнате и всегда знал его за хорошего работника, хорошего товарища и хорошего человека.

Собрание встретило слова Сабурова молчанием, хотя он чувствовал, что в душе многие были согласны с его мнением о Соломине.

За время этой длинной и тяжелой паузы Сабуров молча и внимательно смотрел в лица людей, которых он знал,— в большинстве своем они были хорошими людьми и его товарищами, и в то же время как-то уж все так выходило, что вот сейчас, через пять минут, они не поддержат его и не выступят в его защиту и не скажут своего настоящего мнения. Он отчетливо понял, чем ему грозят только что сказанные слова, но в то же время он чувствовал, что есть в его жизни какая-то грань, какой-то предел, до которого можно быть молчаливым, осторожным и сдержанным, но после которого это становится слишком противным. Он предвидел все последствия, но в то же время чувствовал, что для него лучше не жить, чем струсить в эту минуту, лучше пойти на что угодно, чем не сказать

сейчас ту правду, которую в самом деле он думал о Соломине. И на вопрос председателя, желавшего помочь и дать ему возможность выпутаться, что он подразумевает под своими словами,— он повторил слово в слово только что сказанное.

Пять следующих месяцев прошли в мытарствах. Он был в райкоме, потом в обкоме; он упрямо дрался за то, чтобы и не отказаться от своих слов и в то же время остаться в рядах партии. На пятый месяц его вызвали в Москву, в комиссию партийного контроля.

Он приехал в Москву на последние деньги, потому что был уволен с работы и два месяца некстати проболел. Он приехал обносившийся, усталый, злой, но полный решимости доказать свою правоту и веря в то, что в конце концов его поймут и поверят ему. Иначе не могло быть. Он не верил правоте многих людей, но верил правоте партии. Это было для него святая святых, без веры в это он не мог бы жить.

Тот день, когда Сабуров убедился, что он был прав в своей вере, когда он, выйдя из серого здания комиссии партийного контроля, шел по Большой Дмитровке, почти шатаясь от счастья, наталкиваясь на людей и ничего не видя перед собой,— был, может быть, не только самым счастливым, но и самым важным днем в его жизни. Кончились мытарства и неприкаянность, тягостное бездельное существование, но это было не главное. Главное было то, что кончилась та пятимесячная мучительная тоска, с которой он ждал, чтобы ему в конце концов поверили, поверили до конца, потому что он принадлежал к числу тех людей, которые требуют, чтобы им поверили до конца, и без этого не могут или почти не могут существовать.

Он не поехал обратно в Магнитогорск и остался работать в Москве. По направлению Московского комитета партии он пошел на работу инструктором бетонного дела в школу ФЗУ. Первую неделю эта работа казалась ему непривычной. Он привык учить людей, но привык учить их походя, строя, на лесах, между делом. Сейчас ему пришлось заняться только этим, но тот интерес, с которым эти шестнадцатилетние мальчишки слушали его, те торопливость и нетерпение, с которыми они хотели поскорей стать заправскими строителями, все это передавалось и ему; и к концу первого месяца работы в ФЗУ он вдруг почувствовал себя почти таким же азартным и торопливым, как эти мальчишки.

Однажды, окончив работу раньше, чем обычно, он возвращался домой через Москву пешком. Была ранняя весна, еще морозило. Ему нравилось идти по этой вечерней, сиявшей огнями Москве, которая казалась как-то особенно праздничной в этом сиянии и хрусте снега, в этих огнях и шуме вечерней уличной толпы.

На углу улицы Герцена, там, где темнело красное здание Театра Революции, он увидел шумную толпу и услышал крики:— Нет ли билета, нет ли билета? — В этом театре шел третий или четвертый спектакль пьесы «Павел Греков», о котором только что появилась статья в «Правде» и говорила вся Москва. На самом углу Сабуров нос к носу столкнулся с человеком, который хотел продать билет и не мог, потому что люди, кольцом окружавшие его, отталкивали друг друга и все разом хотели дотянуться до этого билета.

Сабуров вгляделся в показавшееся ему знакомым лицо этого человека и, потеряв свою обычную сдержанность, закричал:

— Петя!

— А-а-а,— сказал человек.— Алеша! Как ты здесь?

Это был Соломин, побледневший, осунувшийся, но живой и здоровый и неведомо как очутившийся в Москве.

— Не продаю,— крикнул он, раздвигая руками окружавших его людей, и обнял Сабурова.

«ОТСТОИМ МОСКВУ!»

Плакат Н. Н. Жукова и В. С. Климашина. «Искусство». М., 1941

Центральный музей Вооруженных Сил СССР, Москва

— Ты, ты давно здесь? — почти заикаясь от волнения, спросил Сабуров.

— Уже скоро два месяца.

— Совсем?

— Совсем. У меня всё в порядке. Ну, а ты как? Почему в Москве?

— Почему я в Москве?— несколько удивленно спросил Сабуров и вдруг понял. — А ты что, в Магнитогорск не заезжал, прямо оттуда и сюда?

— Не заезжал,— сказал Соломин.

Сабуров окончательно понял, что Соломин не только не знает, но и не догадывается о том, что история произошла не только с ним, но и с Сабуровым.

— Я к жене приехал, теперь будем здесь вместе,— сказал Соломин.— А ты почему здесь?

— Я? Я тоже здесь насовсем, работаю,— сказал Сабуров.

— Почему уехал оттуда, с начальством что ли поругался?

— Да как тебе сказать... — Сабурову вдруг не захотелось копошиться прошлом, которое — он чувствовал по всему, что носилось сейчас в воздухе, —было прошлым не только для него, но уже становилось прошлым и для всей страны. Ему не хотелось копошиться в этом и говорить Соломину о том, что случилось с ним, словно напрашиваясь на его благодарность. К тому же он искренне считал, что этой благодарности не заслуживает; он верил в человека и твердо стоял на этом — и оказался прав. Это было именно так, как и должно быть с людьми, а если другие делали не так, то это была просто их беда и несчастье и отнюдь не означало, что он, Сабуров, сделал что-то особенное.

— Почему ты билет продаешь?— спросил Сабуров.

— Жинка прихворнула, а я все-таки хоть один, да решил пойти. Ну, теперь бог с ним, я оба продам. Пойдем ко мне...

— Нет, напротив,— сказал Сабуров,— пойдем сюда, я куплю у тебя билет.— И они оба рассмеялись.

В зале было тесно и шумно, он был набит до отказа. Очень многие зрители, так же как Сабуров и Соломин, переживали на этом спектакле свое недавнее прошлое. Они не знали, хорошая или плохая пьеса. В ней существовала для них их жизнь, в ней торжествовала попранная справедливость, и люди волновались так, как ни на одном спектакле. Когда в последнем акте Павла Грекова восстановили в партии, зал загремел аплодисментами, и Сабуров услышал рядом с собой громкие, несдерживаемые всхлипы. Соломин рыдал. Сабуров почувствовал, что у него у самого текут по щекам слезы, и торопливо, пока было еще темно, вытер их.

Они вышли из театра молча: Соломин — потому, что он вспомнил все, недавно происшедшее с ним, а Сабуров — потому, что смотрел на Соломина и точно, по своему опыту знал все, что происходило в его душе.

Начиная с этого вечера, Сабуров часто стал бывать у Соломина. Жена Соломина, о которой он так много слышал, но которую видел впервые, оказалась большеглазой, худенькой девушкой, с которой разговаривать было одновременно и интересно и опасно, потому что она всегда знала больше своего собеседника и при добром сердце обладала злым языком, никогда не упуская случая подтрунить. Сабуров понял то обожание, с которым всегда говорил о своей жене Соломин. В этом маленьком существе таилось столько взрывчатой энергии, она так все удивительно успевала — и ходить в университет, и бесконечно читать и заниматься, и шить, и обмывать Соломина, и на скорую руку готовить дома, что поистине она казалась добрым гением этого маленького жилища. Кроме того,— это было самое главное — в ее присутствии почему-то неловко было сказать

глупость или сознаться в том, что ты некультурный и не знаешь самых простых вещей. Неловко не оттого, что она подчеркивала свое превосходство,— напротив — она всегда со своей обычной стремительностью спешила все объяснить, помочь, тут же вытащить какую-нибудь книгу, нет, неловко было потому, что она своим примером наглядно показывала, что научиться всему тому, чему она научилась, могут и они.

— Мой медведь,— говорила она о Соломине, и в глазах ее было обожание. Она, должно быть, любила Соломина за открытую веселую душу, за горячность и доброту и вообще за то, что этот большой ребенок был ее ребенком, о котором она должна была печься. Именно она, как узнал Сабуров, когда с Соломиным случилось несчастье, не колеблясь, дошла до самых больших людей и своей верой и настойчивостью убедила их в том, что она права. Теперь Соломин после всего этого стал ей вдвое дороже.

В атмосфере их дома, заваленного книгами и учебниками, полного разговоров об университете, о профессорах и научных теориях, Сабурова впервые в жизни потянуло учиться. То есть он всегда представлял себе, что рано или поздно пойдет учиться, но эта минута всегда казалась ему далекой. Он всегда откладывал ее куда-то на потом, но сейчас ему показалось, что это «потом» уже близко подступает к нему. В конце концов, ему скоро должно было стукнуть двадцать семь. Еще твердо не решив, куда он пойдет учиться, он в то же время решил про себя, что во всяком случае надо начинать готовиться и назначил себе начало этой подготовки на июль 1939 года, когда ему должны были дать отпуск.

События на озере Буир-Нур, которые потом стали называть событиями на реке Халхин-Гол, на время отвлекли его от мыслей об учебе. Это было близко, очень близко от тех мест, где он служил в пограничном отряде. Может быть, случись этот конфликт где-нибудь в другом месте,— обычное правило Сабурова не соваться, не выскакивать, делая свое дело именно там, куда он поставлен, удержало бы его от того шага, который он сделал сейчас. Но конфликт разразился вблизи тех мест, где он служил, и от этого ему казалось, что именно он, Сабуров, может быть необходим и полезен там, и это заставило его подать ходатайство об отправке его в ряды войск в район конфликта.

На бумагу долго, полтора месяца, не было никакого ответа, и то, что он находился теперь в постоянном ожидании, на время отвлекло его от мыслей об учебе. Он даже отменил отпуск и каждый день, возвращаясь с работы, ждал, нет ли у него в ящике официального пакета. Он с удивлением обнаружил в себе то, чего раньше не подозревал,— задорное желание непременно быть там, где все это происходит. Очевидно, это ощущение незаметно для него самого воспитала в нем армейская служба, и если он никогда в мирное время не представлял себе, что он может постоянно служить в армии, то сейчас, когда была война,—а насколько он знал тамошние условия, этот конфликт был почти войной, — ему было как-то странно и неудобно оттого, что во время войны он не на войне.

Через полтора месяца, наконец, пришел официальный ответ. Сабурову сообщали, что призывать его из запаса и посылать в район конфликта нет необходимости. Он не стал больше писать, вернувшись к своему обычному состоянию дисциплинированности, но волнение его не прошло, и те полтора месяца, что еще продолжался конфликт, он все старался вычитать между строк в газетах — не разразится ли там, на Востоке, что-то гораздо более крупное, то, чего он всегда с такой тревогой ждал, служа три года на границе.

Его не призвали из запаса и в финскую кампанию, очевидно, было достаточно людей и без него.

В декабре, к удивлению сослуживцев, он неожиданно взял себе месячный отпуск и начал заниматься. Легче всего ему давалась математика и физика. Что до литературы, то к его удивлению обнаружилось, что это было самым большим камнем преткновения. Хотя он прочел много книг, но как на беду оказалось, что читал он как раз все не то, что было в официальной программе, и наоборот — многое из того, что там было, не читал никогда. Читать было, конечно, не трудно, наоборот, радостно, но это отнимало много времени, особенно при его привычке читать не спеша, иногда задумываться, надолго отрываясь от книги, иногда выписывать что-то, неожиданно близкое и отвечавшее его затаенным мыслям. Собственно говоря, он, пожалуй, с самого начала чувствовал, куда ему надо идти учиться. Ему хотелось учиться так, чтобы потом самому учить. Хотелось стать учителем, преподавателем, может быть, когда-нибудь профессором, и преподавать не физику или математику, а литературу, историю, что-то такое, где можно высказать свои взгляды на жизнь, свои заветные мысли, свои жизненные правила и убеждения. И если он, где-то в глубине души уже решившись, пока заставлял себя считать, что еще не решился: это происходило потому, что ему было как-то странно представить себя вдруг преподавателем истории после того, как он столько лет был строительным прорабом. Это был странный скачок.

По всем законам логики он должен был бы идти в строительный институт, но этого как раз ему и не хотелось. Зимой, после отпуска, он окончательно решился и так и сказал Кате — жене Соломина,— что наверное с будущей осени у них на историческом факультете появится великовозрастный студент Сабуров, которого, очевидно, как в школе, за великовозрастность будут сажать на «камчатку». Катя сказала ему, что у них нет «камчатки» и что жаль только одного, что он будет на первом курсе, а она на четвертом, а то бы вместо «камчатки» посадила его рядом с собой.

Однажды решив, Сабуров уже больше не колебался и всю весну и лето упорно готовился, с каждым днем и с каждой книгой все более убеждаясь, что он правильно решил.

В том, что он так решил, были и мелкие причины: и то, что Катя много рассказывала о своем историческом факультете, и то, что исторические книги, попадавшиеся ему в руки, всегда привлекали его своей чужой, незнакомой жизнью, и то, что сначала на строительстве и в армии, а теперь в своем ФЗУ ему приходилось много учить людей,— правда, совсем другому, но все-таки учить,— но главная причина была не здесь. Она была гораздо глубже и сильнее...

Сабурову хотелось стать учителем потому, что ему казалось, что у нас молодежь учат неправильно, из нее выходят не совсем такие люди, какие должны выходить. Особенно его укрепляли в этом убеждении 37-й и 38-й годы — не потому, что ему самому пришлось тяжело, а потому, что он видел, как одновременно страдали и в то же время недостойно себя вели многие люди, которых он раньше уважал.

В эти годы у людей развились два качества, которые потом, постепенно исчезая, все-таки долго еще мешали им жить,— подозрительность и равнодушие. То, что кругом оказалось много негодяев, но еще больше то, что слишком на многих людей бросалась тень этими негодяями, то, что слишком многих несправедливо заподозрили, а еще большему количеству людей несправедливо не поверили,— все это породило те подозрительность и равнодушие, которые подчас делали жизнь нестерпимо тяжелой. Негодяй работал. На службе у него были начальники и подчиненные; он жил в квартире, у него были соседи; он был женат, и у него были дети, а у его жены — родственники. И в конце концов он делал еще тысячу вещей: ходил в баню и покупал картины, играл в преферанс — и всюду были люди, так или иначе знакомые с ним. И хотя

НА ЗАЩИТУ МОСКВЫ. ЛЕНИНГРАДСКОЕ ШОССЕ

Рисунок Г. Г. Нисского (гуашь), 1942

Третьяковская галерея, Москва

в большинстве случаев негодяем был только он один, но, благодаря развившейся общей подозрительности, тень от него падала иногда чуть ли не на десятки людей.

Это было какое-то страшное поветрие. И то, что человек всегда был с кем-нибудь знаком и его всегда можно было в чем-то заподозрить,— рождало в людях равнодушие и к своей, и к чужой судьбе. Минутами, не зная ничего за собой, они в то же время чувствовали, что с ними, вследствие клеветы или ошибки, могло все случиться. И все чаще, вместо того, чтобы заступиться за человека, которому ты абсолютно веришь, люди молчали или говорили ставшую страшной равнодушную фразу: «А все может быть...». И, поверив в то, что, случись с ним что-нибудь, люди не заступятся за него, человек тоже не заступался за других... Рушились привязанности, казалось, самые крепкие и дружбы самые старые. Если иногда они рушились оттого, что один действительно ошибался в другом человеке и тот оказывался мерзавцем, то еще чаще они рушились просто от недоверчивости, от трусости, от равнодушия. Причем эти трусившие люди были на самом деле храбрыми. Они были готовы подставить свою грудь и пожертвовать своей жизнью за родину и во имя родины, но в то же время заступиться за товарища, которому они верили, они не решались, больше жизни боясь потерять свое доброе имя. И именно потому, что они очень любили родину, они очень боялись, что по несправедливости или по ошибке за неосторожное слово или неосторожный поступок их зачислят в число врагов той родины, которую они любили больше жизни. И в этом было самое горькое и страшное...

Создавалась привычка все хвалить, закрывать глаза на недостатки, умалчивать о жертвах, о том, что все, что мы построили, делалось недаром, что жить трудно, что мы живем бедней и трудней, чем бы это могло хотеться человеку. Между тем про себя, каждый по-разному, все это знали,

знали, что они живут тесно и холодно, что они недоедают, что они работают столько, сколько можно в силах человеческих,— и люди на это не жаловались и не намерены были жаловаться, но им было горько оттого, что обо всех этих жертвах, которые они с гордостью приносили родине, об них умалчивалось,— и от этого страдала гордость людей, их достоинство. Им казалось, что почему-то не доверяют до конца их уму и сердцу, тому, что, отлично зная все трудности и все тяжести, они тем не менее готовы на них и пойдут на еще бóльшие, если это понадобится стране.

Сейчас, когда многое из этого было уже в прошлом и Сабуров был полон радужных надежд на будущее, для него самым большим желанием было воспитывать в людях правдивость, чувство собственного достоинства, уменье дружить, уменье не отказываться от своих слов и смотреть в лицо правде жизни.

Сабурову казалось, что если мы хотим стать бесконечно сильными, а мы этого хотели, то одним из самых главных лиц в государстве должен стать учитель, который еще в мальчишках и девчонках начнет воспитывать все эти черты. И вот ко всем разнообразным и иногда мелким причинам, по которым он решил идти учиться в университет, прибавилось это главное желание, целиком охватившее его всего и сделавшее почти одержимым.

Страна пережила тяжелую и мучительную болезнь, которая не испортила ее прекрасную душу. Она нанесла ей душевные раны, которые нужно было залечить, а болезнь не должна была повториться больше, потому что люди — взрослые и юноши — должны были стать такими, чтобы в их среде больше не рождались и не процветали негодяи, существование которых один раз уже породило эту горькую общую болезнь.

Сабуров старательно занимался, и когда по ночам усталый, с разболевшейся головой, иногда не раздеваясь, потому что через два часа нужно было вставать,— он бросался на койку, то его последние мысли перед сном были всегда ясны и радостны. Таким же ясным и радостным казалось ему будущее страны и его собственное. За это время самым бóльшим и важным днем в его жизни был тот день, когда Шверник по радио говорил о решении правительства ввести восьмичасовой рабочий день. Это была суровая, правдивая, отвечавшая самым задушевным мыслям Сабурова речь. В ней говорилось о том, что восьмичасовой рабочий день нужен потому, что стране нужно готовиться к войне, потому что международное положение складывается угрожающе, в общем, говорилось о том, что люди должны работать больше, потому что этого требует страна.

У Сабурова было радостное ощущение того, что он прав в своих мыслях, что это именно та большая, суровая правда, которая нужна. И надо сказать, что в последующие дни он не слышал у себя на работе никаких шёпотов, никаких кривотолков об этом новом законе, потому что самая суровая правда была сказана вслух и к ней нечего было прибавлять.

Сабуров невольно вспомнил о том, как когда-то был издан закон о сокращении отпусков роженицам. Изданию его предшествовала кампания в газетах, где многие женщины высказывались за это сокращение и говорили, что это так и надо, что им вполне достаточно сокращенного срока отпуска. Может быть, те, которые писали это, были искренни в своем энтузиазме, но в общем под этим все женщины подписаться не могли. Сабуров понимал, что этот закон необходим, потому что государству нужно работать не покладая рук, что кругом тревожная обстановка, что нужны деньги и рабочие руки, но он не понимал одного: зачем было не сказать этого прямо, зачем эту государственную необходимость, которую, как бы она ни была трудна, все бы прекрасно поняли, нужно было облекать в форму добровольных пожеланий. Как Сабуров тогда огорчался, слыша бесконечные, ненужные кривотолки и остроты вокруг этого закона. Он

был убежден, что их бы не существовало, если бы вместо всех этих дискуссий было сказано, что женщины в трудную минуту должны принести стране эту нелегкую для них жертву...

И вспоминая теперь последнюю речь о восьмичасовом рабочем дне, он с особенной радостью чувствовал, как правильно было сказано об этом теперь, как эта суровая правда глядела в будущее и как хорошо, просто и мужественно принимал ее народ.

Осенью 1940 года Сабуров сдал экзамены и поступил на первый курс исторического факультета. Ему исполнилось двадцать восемь, и на своем отделении он был самым старшим. Было немножко странно сидеть за столом среди восемнадцатилетних. Странно было, вдруг перейдя на стипендию, после многих лет большого и привычного заработка считать каждую копейку и есть не всегда досыта, но все это были пустяки. Он так радостно, сильно, всей душой взялся за учебу, что сам себе минутами казался могучим и неутомимым.

В ночь, после того как весь год молчаливо слушавший лекции, почти нигде не бывавший, он с неожиданным блеском сдал первый годовой экзамен,— в эту ночь разразилась война.

Обрушилось то, чего все ждали и во что где-то в глубине души все-таки до конца не верили.

В это воскресенье, идя к себе в университет через Москву, Сабуров невольно задумался надо всем своим прошлым. Москва в этот день ему понравилась. Она была людная, несколько более обычного торопливая, но спокойная. В городе не было ни истерик, ни горьких слез, ни широких улыбок; она была деловита и, как это ни странно, почти обычна. Было такое ощущение, что весь город в ответ на слово «война» сказал: «Ну, что ж, раз нельзя иначе,— пусть война».

Перебирая в памяти все свои волнения и огорчения последних лет, все свои тревоги и споры с людьми, Сабуров понял, что самое главное, что в глубине души его всегда волновало,— это как раз то, что началось сегодня ночью,— война. Именно предчувствуя ее, он огорчался, когда люди мало читали, и злился, когда не крепко дружили, и приходил в ярость, когда не держали своего слова. Все это, все незаметные качества, из которых на его глазах складывались человеческие характеры, все мелочи, из которых лепилась жизнь, все ошибки в воспитании, которые проходили на его глазах, вся самоотверженность в работе, которой люди научились, и вся беспорядочность и неаккуратность, от которых они не отвыкли, все это вместе взятое должно было теперь лечь на ту или иную чашу военных весов и в не меньшей, а может быть, в большей степени, чем танки и самолеты, определить силу армии, которая вставала сейчас на пути немцев, силу ее души, неразрывно связанную с твердостью ее руки.

Вечером в воскресенье Сабуров пришел в райвоенкомат, где среди страшной толкучки он поймал на лестнице знакомого работника, который сказал ему, что он пока не вызван, но чтобы ждал вызова в любую минуту.

Прошло десять дней, а его все еще не вызывали. В Москву приезжали первые беженцы из Гомеля, Могилева, Минска; газетные сводки становились с каждым днем тревожнее, и хотя по ним нельзя было составить себе ясного представления о том, где проходит линия фронта и что там происходит, но страшная сила удара, который нанесли нам, чувствовалась в воздухе.

Днем 3 июля, сидя у себя в комнате один, Сабуров услышал речь Сталина.

— Друзья мои! — сказал Сталин голосом, от которого Сабуров вздрогнул.

Кроме обычной твердости, была в этом голосе какая-то интонация, по которой Сабуров почувствовал, что сердце говорящего обливается кровью.

Это была речь, которую он потом на войне неизменно вспоминал в минуты самой смертельной опасности. Причем вспоминал даже не по словам, не по фразам, а по голосу, каким она была сказана, по тому, как в длинных паузах между фразами булькала наливаемая в стакан вода. И хотя в то утро он был один со своим репродуктором, но ему неизменно казалось, что он тогда, слушая эту речь, дал клятву умереть, но сделать на этой войне все, что в его силах. Он думал, что Сталину было тяжело и, в то же время, что он решил победить любой ценой. И это соответствовало тому, что чувствовал в эту минуту Сабуров, потому что и ему было тоже тяжело и он тоже решил победить любой ценой. Когда голос в репродукторе замолчал, Сабурову в той тишине, которая наступила в его пустой комнате, вдруг захотелось что-то сказать, ответить какими-то словами веры и твердости, дать знать Сталину вот сейчас же, что он, что бы ни было, до конца с ним. Что он — может быть, всего-навсего маленький человек — рад разделить с ним всю тяжесть его мыслей и всю силу его веры. Он подумал, что наверное в ту минуту те же чувства, что и он, испытали многие, почти все. Да, наверное так.

Вечером, не дожидаясь больше вызова из военкомата, он пошел и записался в ополчение, о котором говорил Сталин. Это казалось ему тем ответом, который он не мог сказать в репродуктор.

Сабуров пошел в ополчение рядовым так же, как в те дни шли все. Через неделю они выступили из Москвы. Были жаркие июльские дни. Бои шли где-то уже под Смоленском. Ополченческая дивизия, в которую попал Сабуров, на первых порах расположилась километрах в пятидесяти от начавшейся наконец стабилизироваться линии фронта. По ночам очень издалека были слышны отголоски артиллерийской канонады. Пока это было все, что непосредственно напоминало войну.

Сабуров с его пограничной выучкой как-то само собой быстро стал командиром роты. В его роте добрую треть составляли преподаватели и студенты университета, часть из которых он знал лично. Остальные две трети в большинстве были работниками разных наркоматов. Оружие в дивизии прибывало постепенно: сначала были только винтовки, потом начали появляться пулеметы, потом минометы и орудия.

Сабуров учил людей днем и ночью, и порой ему казалось, что у него и в самом деле исчезла обычная потребность спать. Он учил своих бойцов всему, чему мог научить людей, которым через месяц, а может быть, через две недели нужно воевать и которые никогда не держали в руках винтовки. Его часто злила беспомощность и неумелость многих из них, но он никогда не повышал голоса, никого не ругал, а только объяснял и повторял, объяснял и повторял — и так без конца. На этих людей нельзя было сердиться,— так они искренне, безгранично хотели стать похожими на настоящих солдат, так торопились и так расстраивались, когда это у них не получалось. Всякие выговоры и взыскания были бы бесполезны, потому что никакое впечатление от них не могло сравниться с тем огорчением, иногда почти отчаянием, какое эти люди испытывали сами, когда у них что-то не получалось. Профессор, преподававший в университете Сабурову древнюю историю, а теперь учившийся у него стрельбе и штыковым приемам, немолодой человек с сутулыми плечами и одышкой, почти плакал от горя после того, как не мог попасть в поясную мишень, изображавшую немца.

В мирное время любивший беспощадно высказывать свое мнение и упрямо ругаться из-за всего, что ему не нравилось, Сабуров сейчас переменился. Он понял, что сейчас многому не время. Не время самодовольно говорить: «Вот я же был прав, я же так и считал...», — не время разбираться в том, почему все эти люди так или иначе миновали армию и сейчас перед лицом войны оказались необученными. Это все было в прошлом,

ДЛЯ БОЙЦОВ, КОМАНДИРОВ И ПОЛИТРАБОТНИКОВ, СРАЖАЮЩИХСЯ В ТЫЛУ ПРОТИВНИКА

Дорогие товарищи!

Гитлеровские изверги, неся огромные потери в своих войсках, бросили в бой все свои резервы. Они пытаются до начала зимы захватить наиболее важные промышленные центры нашей страны. Гитлеровские орды торопятся. Они смертельно боятся роста нашей боевой мощи и русских морозов. Они боятся поднимающегося народного движения в оккупированных ими странах. Через груды трупов своих солдат и офицеров изверги рвутся к сердцу нашей Родины — к родной и любимой столице Москве.

Каждый из Вас обязан понять всю серьезность создавшегося положения, силу угрожающей опасности, отдать все на защиту отчизны и до последней капли крови защищать родную землю и нашу Москву от гитлеровских банд.

Советские люди — герои-богатыри — поднялись на врага. Весь народ стал бойцом. На фронт идут новые полки и дивизии, а с ними танки, авиация, артиллерия. Растут ряды народного ополчения, ширится партизанское движение.

Товарищи! Враг силен. Наступление его замедлено, но еще не приостановлено. В час грозной опасности жизнь каждого воина принадлежит отчизне. **РОДИНА ТРЕБУЕТ от каждого из нас величайшего напряжения сил, мужества, геройства и стойкости. РОДИНА ЗОВЕТ** нас стать нерушимой стеной и преградить путь фашистским ордам к родной и любимой Москве. Армия людоедов должна захлебнуться в их собственной крови.

ЛИСТОВКА

Выпущена командованием Западного фронта 20 октября 1941 г.

Рисунок Н. М. Аввакумова

Музей Революции СССР, Москва

сейчас времени оставалось в обрез только на то, чтобы научить их, на то, чтобы молча и самоотверженно наверстывать все упущенное раньше, молча, без рассуждений.

Иногда Сабурову не терпелось принять участие в том, что происходило впереди, в пятидесяти километрах отсюда, пойти в кадровую часть, где было все на месте, обычно, по армейским порядкам и где он мог бы не только учить, но и учиться сам. Но обычно он преодолевал в себе это чувство и старался доказать себе, что он занят еще более важным делом, что он должен из того, что у него есть под рукой, тоже сделать роту, такую же или почти такую же, какую может дать кадровая часть.

Первое крещение огнем рота Сабурова прошла под Ельней. Их дивизию в решительный момент боя двинули наступать во втором эшелоне, и от этого боя у всех осталось то смутное чувство, которое возникает у людей, никогда еще не бывших на войне и считающих, что в бою

можно сразу увидеть врага и сразу встретиться с ним. Вышло все иначе.

Рота, рассыпавшись по полю, двинулась к оврагу, который был назначен как рубеж на случай возможной контратаки. Во время этого движения по перепаханному полю стала бить немецкая артиллерия, и несколько снарядов разорвалось среди людей. Трое было убито, семеро ранено. Через десять минут артиллерийский налет прекратился, рота дошла до оврага и расположилась там. В дальнейший бой дивизия так и не вступила, потому что с немцами под Ельней разделались и без нее. У всех в роте осталось чувство разочарования и огорчения: за что убиты люди, их товарищи, убиты неведомо откуда и неведомо кем, тогда как они еще ни разу не выстрелили из своих винтовок. Чувство обидное и понятное. Люди не сразу привыкают, что потери на войне неизбежно состоят не только из героических смертей, но и из нелепых.

Настоящий бой произошел только месяц спустя — 2 октября, когда немцы, в двух местах прорвав фронт и окружив войска, находившиеся в треугольнике Белый — Дорогобуж — Вязьма, двинулись к Москве. Ополченческая дивизия Сабурова — недовооруженная и недообученная, по сравнению с обычными кадровыми частями,— трагически оказалась именно на участке главного прорыва. Она была прижата к земле чудовищной бомбежкой; через нее проползли танки, прокатились пушки, проехала мотопехота, прошли автоматчики. Удар был неожиданный и страшный. Казалось, на этой земле не могло остаться ничего живого.

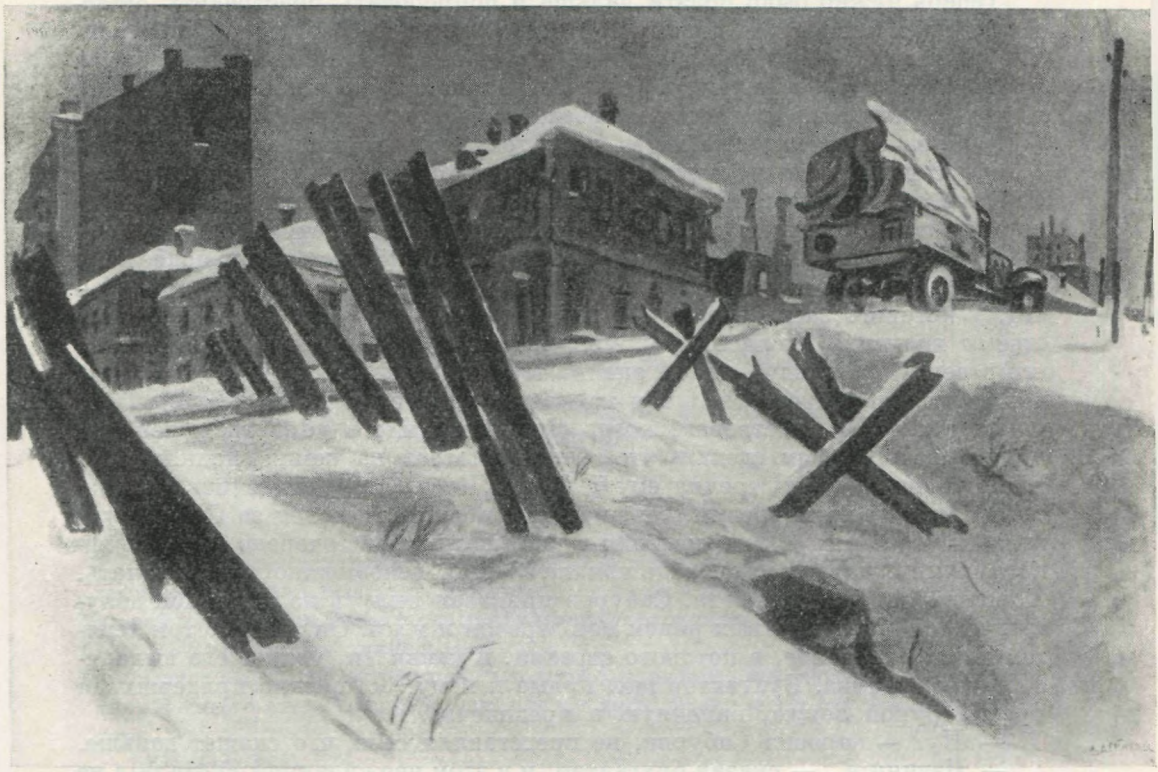
Сабуров был в бешенстве от своего бессилия, стреляя из винтовки по надвигавшимся немецким танкам. Потом, когда это было еще совершенно бесполезно, он издалека, с расстояния в сто метров бросил две свои бутылки с горючим, которые, конечно, не долетели и упали просто на землю, и в ужасе перед этой надвигавшейся, неодолимой железной смертью побежал вместе с остальными.

Два дня он не мог прийти в себя от ужаса, порожденного не столько самим видом танков, сколько тем, что винтовка, которую он держал в руках, была абсолютно беспомощной перед ними. Разница между ним и многими из его бойцов заключалась в том, что они бросили в это время свои винтовки, а он нет. И произошло это, очевидно, не из храбрости и не от заранее обдуманного намерения, а просто из-за той армейской кадровой выучки, приучившей его не расставаться с оружием, выучки, которая была у него и которой не было у его бойцов.

Он пришел в себя только на третий день, в лесу. Вокруг него собралось девять человек; только у двоих из них, кроме него, были винтовки. Ночью он заставил всех выползти на опушку, на поле, где они нашли уже не свои, а чужие брошенные винтовки и гранаты. Он не знал ничего — ни где наши, ни где немцы, ни вообще что происходит. Эти два дня они бросались на землю, услышав гул самолета, и уходили глубже в лес даже при отдаленном звуке автоматной очереди.

На третий день придя в себя, он решил, что они так или иначе должны пробиться к своим. Как это сделать,— он представлял себе неясно, зная только одно, что для этого надо идти на восток. Они пошли на рассвете четвертого дня. Сабуров увидел обыскивавших опушку леса немецких автоматчиков. Их было шестеро. Первым и естественным движением его было уйти и спрятаться подальше. Он подавил это чувство в себе и в других и, примостившись за толстым пнем, стал ждать приближения немцев...

Немцы шли так, как они обычно делали в эти дни,— неосторожно и самоуверенно. Сабуров приложился, долго и мучительно целясь, чувствуя, что от этого выстрела зависело чрезвычайно многое и для него, и для всех, кто был с ним. Наконец он выстрелил. Ближний немец, находившийся в сотне метров, упал убитым. Именно убитым— Сабуров знал, что сейчас



МОСКВА В НОЯБРЕ 1941 ГОДА

Картина А. А. Дейнеки (масло). Ноябрь 1941 г.
Третьяковская галерея, Москва

у него рука не дрожала, он не мог промахнуться на таком расстоянии. Он быстро прицелился второй раз — и снова выстрел — упал второй немец.

Девять человек, бывших с Сабуровым, открыли радостную, беспорядочную стрельбу из винтовок. Третий немец, не успевший спрятаться за дерево, тоже упал. Трое оставшихся залегли и открыли стрельбу из автоматов.

Один из бывших с Сабуровым — бухгалтер госбанка,— высокий человек в пенсне, — услышав автоматную очередь, бросил винтовку, вскочил и неловко, по-мальчишески прижав руки к груди, побежал в лес.

— Куда?! — крикнул Сабуров, чувствуя, что если он не остановит его, то побегут и все остальные.— Стой! — крикнул он еще раз, но его ополченец продолжал бежать. Тогда Сабуров приложился и выстрелил ему вдогонку. Он упал.

Сабуров почувствовал, что они сейчас должны убить этих троих немцев, убить, иначе, если не выйдет это, то вообще больше ничего не выйдет — они не спасутся и не выберутся из окружения, не станут солдатами, а просто глупо и подло умрут или здесь или за версту отсюда. Он приказал продолжать стрелять по немцам, а сам пополз в сторону, чтобы попробовать застрелить немцев сбоку, оттуда, где их не прикрывали стволы деревьев. Когда он отполз на двадцать шагов, он увидел, как один из немцев, видимо, посланный за помощью, пригнувшись, перебегает от дерева к дереву. Он выстрелил по нему несколько раз и убил или ранил его, во всяком случае немец упал.

Теперь нужно было ползти дальше и попробовать подстрелить оставшихся двух немцев. Но поднятый с места каким-то безотчетным порывом, Сабуров вместо этого вдруг вскочил и с одиноким криком «ура» побежал прямо туда, где были немцы. Он не оглядывался, но спиной чувствовал, что остальные тоже вскочили и побежали за ним. Он побежал прямо, не прячась за стволами, думая только о том, сколько шагов ему осталось. Немцы стреляли из автоматов. Потом у одного из них автомат заело, и Сабуров совсем близко, в тридцати шагах, увидел страшное лицо, с которым тот пробовал вытащить из автомата заевший патрон.

Сабурову сбоку было бежать дальше, чем остальным, и они подбежали к немцам раньше, чем он. Один немец был убит выстрелом в упор, второй— тот, у которого заело автомат,— поднял руки. Разгоряченные и дрожавшие от волнения ополченцы окружили немца; не заколов и не застрелив его в первую секунду, они не знали, что с ним делать. Сабуров в первый раз в жизни почувствовал тот жестокий холодок в спине, который он потом так часто чувствовал, когда ему приходилось убивать людей или приказывать другим сделать это. Он посмотрел на немца, поднял винтовку и спокойно выстрелил ему в грудь. Когда они огляделись, то оказалось, что трое из восьми, тех, которые поднялись вслед за Сабуровым, лежали мертвыми. Их изрешетили в упор автоматные очереди так, что одного из них, которому очередь попала в лицо, невозможно было узнать. Хоронить их было некогда. Сабуров приказал вынуть из карманов документы, положить мертвых рядом под деревом и идти. Он забыл о том девятом своем ополченце, в которого стрелял, и удивился, увидев его выходящим из-за дерева. Бухгалтер шел прямо к нему, осторожно придерживая правой рукой левую, раненную в предплечье.

— Ну? — спросил Сабуров, не представляя себе, что скажет дальше.

— Извините...— сказал бухгалтер, и в этом неожиданном слове был не страх и не просьба о прощении, а стыд и чувство неловкости.

Сабуров молча вытащил из кармана индивидуальный пакет, разорвал гимнастерку, перевязал простреленную руку. Бухгалтер стоял, уставившись взглядом в одну точку, и тихонько стонал. Сабуров проследил за направлением его взгляда. Бухгалтер упорно, внимательно смотрел на трех мертвых лежавших перед ним немцев.

— Вот видите,— сказал Сабуров, кивнув на немцев,— видите, лежат и всё...

И все семеро живых они с минуту молча стояли, глядя на немецких мертвецов. И Сабуров читал в их душах те же чувства, которые родились у него,— вот лежат мертвые немцы, которых убили они и которых вообще, оказывается, можно убивать. Именно эта минута и это чувство были настоящим началом его солдатской жизни, в которой всегда с тех пор желание убить немца было сильнее чувства страха за себя.

Через пять дней, потеряв в перестрелке еще одного человека, они вшестером перешли через линию фронта, попав в чужую, теперь уже медленно продолжавшую отступать дивизию.

С этого, собственно, и началась для него война, потому что война начинается для человека не с той минуты, когда он взял в руки оружие, а с той минуты, когда он почувствовал, что он может и умеет этим оружием убить. Все то, что было дальше, была трудная, всегда утомительная и часто кровавая работа.

АЛЕКСАНДР БЕК

СНОВА У БАУРДЖАНА МОМЫШ-УЛЫ

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ НАЧАЛО ВТОРОЙ ПОВЕСТИ О ПАНФИЛОВЦАХ

От автора

Происхождение страниц, которые следуют ниже, таково. Они были написаны, по-видимому, в конце 1943 года. Я намеревался предпослать их в качестве вступления ко второй моей повести о батальоне панфиловцев «Волоколамское шоссе», опубликованной в № 5—6 журнала «Знамя» в 1944 году.

Однако тогда мне показалось, что такое вступление задерживает темп повествования. И вместо этих страниц я ограничился лишь несколькими вступительными строками.

Декабрь 1964 г.

«О войне, о потрясающем человеческом страдании нужно писать только и только правду,— правду не по словарю, а по сердцу и по душе, в пределах приличья и закона войны — кровавого опыта...

Когда я говорю о правде, я имею в виду правду перед богом, ибо человек не всегда искренен перед своим родом».

Из письма гвардии полковника Баурджана Момыш-Улы редактору журнала «Знамя».

Этому-то человеку, предъявляющему писателям странное требование «правды перед богом», моему герою Баурджану Момыш-Улы я привез во фронтовой блиндаж рукопись предшествующей повести.

Пачка исписанной на машинке бумаги была не без торжественности извлечена из вещевого мешка и положена на стол. Однако истекло немало часов, прежде чем Баурджан Момыш-Улы, командир гвардейского полка, смог ею заняться.

Все же пришла, наконец, минута, когда, придвинув рукопись к керосиновой лампе, он склонился над первой страницей.

Мы не виделись полгода. За эти месяцы Момыш-Улы похудел; тени во впадинах лица были густо темными; в острых уголках не по-монгольски больших глаз проступила желчь — сказалось напряжение войны. Освещенный лампой, резко очерченный профиль казался похожим, как и в первую встречу, на профиль индейца, памятный по детским книгам.

Он быстро прочел начальную главу. Там рассказывалась история книги; описывалось знакомство с Баурджаном; передавались впечатления о наружности, манере, характере этого, поразившего меня, казаха.

Пробежав вступление, он заглянул в конец, потом поднял глаза — они не были приветливы.

— Почему вы все время твердите о том, что я казах? — раздраженно спросил он.— Написали один раз и хватит... Вы, будто, зазываете,— поглядите-ка, чудо природы. Вы оскорбляете того, кого хотели бы ласкать. Это ласка бегемота...

Мое лицо стало, вероятно, очень огорченным: писал, писал и вот...

Баурджан улыбнулся.

— Но бегемотов много,— сказал он.— Что поделаешь, приходится принимать эти ласки.

Прилегши на застланную плащ-палаткой койку, сбитую из досок (я ушел туда, в полутьму, чтобы не мешать), я наблюдал то, что писателю не часто доводится видеть: герой повести читал эту самую повесть. Баурджан Момыш-Улы читал о Баурджане Момыш-Улы.

Впрочем, он отверг бы эту формулу. Однажды я попросил Баурджана рассказать детство, юность, дать штрихи личной жизни. Он лаконично ответил: «Лишнее».— «Почему? Мне это необходимо».— «Я рассказываю не вам».— «Не мне?» — «Не вам, а поколению. Рассказываю о том, что пережито под Москвой, о подвигах батальона панфиловцев. Было бы глупо и неблагородно подсовывать сюда собственную биографию». Переубедить не удалось: мне достался трудный, неуступчивый герой.

Склонившись над бумагой, он не горбился. Время от времени быстрым движением узкой худощавой кисти он откидывал очередную страницу. Порой пальцы касались, медленно поглаживая, черных, как тушь, волос, которые упрямо поднимались, как только рука оставляла их.

Из темноты я вглядывался в него. Вот он потянулся к лежавшему на столе раскрытому серебряному портсигару, взял папиросу и некоторое время, о чем-то думая, вертел ее над лампой, подсушивая табак. Закурив, он продолжал читать без единого замечания, без слова.

Вот опять голова приподнялась,— на этот раз порывисто,— Баурджан достал из планшета карандаш и стал что-то писать наискось бледно-фиолетовых строк машинописи.

Не буду приводить всех его пометок. Передам лишь кое-что из разговора, который произошел меж нами, когда все было прочитано.

— Не чувствую Москвы, воздуха битвы под Москвой,— говорил Баурджан.— Не передан исторический момент — октябрь 1941 года...

Как обычно, его суждения были резки — порой до несправедливости.

— Затем... Я не согласен с вашей трактовкой страха.

— С моей? Почему с моей? Я изложил ваши мысли.

— Возможно... Возможно, что я, примерно, так и рассказал. Но по написанному вижу: грубо, топорно, чурбаном выглядит. Ведь существуют разные виды и степени страха, как и степени любви, маленький и большой страх, а тут (он указал на рукопись) на людей сразу наваливается животный страх,— страх в превосходной степени, ужас,— а потом они начисто от него освобождаются. Неверно! И, кроме того, вы одновременно принизили солдата.

Я запротестовал. Но Баурджан настаивал.

— Да, принизили. У Наполеона есть изречение: «Людьми управляет страх и личный интерес». К такому пониманию человека в иных местах склоняетесь и вы.

В упор глядя на меня думающими большими черными глазами, он повторил:

— Людьми управляет страх и личный интерес... А идеалы? А благородство, совесть, честь, патриотизм, готовность поделить с товарищами

А. А. БЕК И МАЛИК ГАБДУЛЛИН (в центре) БЕСЕДУЮТ С МАЙОРОМ БАУРДЖАНОМ МОМЫШ-УЛЫ

Фотография. Калининский фронт, лето 1942 г.

Собрание А. А. Бека, Москва

лишения и опасности, готовность к самопожертвованию в борьбе? Разве все это — пустые слова? Разве без этого мы могли бы победить?

Бауржан был недоволен мною, недоволен собою, собственным рассказом.

— Почему,— спрашивал он,— вы не показали картин поражения? Почему не передали горьких дум об этом? Ведь это было вам рассказано.

В оправдание я привел несколько соображений.

Бауржан вспылил.

— Если бы литературный фронт,— резко сказал он,— был действительно фронтом, где расстреливают трусов, вам давно бы не жить.

Вновь увидев мое огорчение, он опять улыбнулся и добавил:

— Особенно, если я был бы там командиром.

Я спросил:

— Скажите, что вы разумели, когда в письме редактору журнала «Знамя» упомянули о правде перед богом? Ведь вы же не верите в бога.

— Почему не верю? Я верующий человек.

Странно... Не шутит ли он? Кто его знает,— резко очерченное смуглое лицо непроницаемо.

— Да,— невозмутимо продолжал он,— я верю в бога. И молюсь богу. Вы долго со мной прожили. Неужели вы этого не замечали?

— Нет. Ни разу не заметил.

Он рассмеялся.

— Какой там бог?! Ведь я же говорю о совести. А бессовестных людей я ненавижу.

Вот оно что! Ну, это-то я, конечно, замечал.

С этим-то трудным человеком, который так строго судил первую повесть, мы принялись за следующую.

СЕМЕН ГУДЗЕНКО

ФРОНТОВЫЕ СТИХИ

Предисловие и публикация Л. Лазарева

Гудзенко писал стихи с пионерских лет, считался уже в студенческие годы подающим надежды, но только война, пережитое на фронте сделали его поэтом. Войне, людям, мужающим под огнем, и посвящено все лучшее, что он создал. «Для меня,— писал о Гудзенко Илья Эренбург,— он остался поэтом того поколения, которое начало жизнь у Сухиничей, у Ржева, под Сталинградом. ⟨...⟩ Гудзенко сумел заговорить среди шума битв, сказал многое за себя и за других» [1].

До того, как Гудзенко стал поэтом военного поколения, и для того, чтобы стать им, он был солдатом. Биография поколения во всем, до мелочей, была и его собственной биографией. Он шел с ровесниками по горьким дорогам отступления, поднимался под смертельным огнем в атаку, маялся на госпитальных койках. И когда уже после победы Гудзенко писал:

Но если снова воевать...
Таков уже закон:
пускай меня пошлют опять
в стрелковый батальон.

Быть под началом у старшин
хотя бы треть пути,
потом могу я с тех вершин
в поэзию сойти,—

в этом не было поэтической позы...

В личном деле Гудзенко, хранящемся в Союзе писателей СССР, есть его автобиография, написанная 20 апреля 1952 г., когда поэт уже был тяжело болен. Она коротка, занимает всего несколько строк:

«Я, Семен Петрович Гудзенко, родился в 1922 году в Киеве. Окончил десять классов и переехал в Москву, поступив в ИФЛИ* им. Чернышевского. Летом 1941 года добровольно ушел на фронт, был ранен в 1942 на Смоленщине. С 1943 стал печататься. В 1944 году вышла первая книга стихов. После войны много ездил по стране».

Вот и всё. Но как ни лаконична автобиография, нельзя не обратить внимания на то, что семь послевоенных лет вместились в одну лишь фразу. Это не случайно. Война была и осталась для Гудзенко, как и для большинства его сверстников, самым жестоким и самым высоким испытанием их убеждений и духовных возможностей.

Показательно, что в рекомендациях, которые получил Гудзенко, когда в 1944 г. вступал в Союз писателей, уже сформулировано самое существенное, что характеризует и путь его в поэзию, и пафос его стихов. Вот эти рекомендации[2]. Первая из них подписана командиром части, в которой служил поэт, подполковником Л. Студниковым:

«В Президиум Союза советских писателей.

В июле 1941 г. тов. Гудзенко С. П. пришел добровольцем в нашу часть. Находясь в одном из полков рядовым бойцом, С. Гудзенко написал песни „Добровольцы“, „Марш

* Институт философии, литературы и искусства.

С. П. ГУДЗЕНКО В БУДАПЕШТЕ

Слева и справа — сотрудники редакции газеты 2 Украинского фронта «Суворовский натиск»
Фотография, 25 февраля 1945 г.
Собрание О. И. Гудзенко, Москва

полка" и „На защиту Москвы", которые стали популярны среди красноармейцев и командиров.

В красноармейской газете „Победа за нами" зимой 1941 г. начали печататься его первые стихотворения. Суровая правда войны, ясность и простота — вот отличительные черты произведений красноармейца-поэта. Для мобилизации личного состава на отличное выполнение боевых заданий командования песни и стихи С. Гудзенко имели большое значение.

Тов. Гудзенко сам участвовал в боевых операциях, в боях за Москву и под Сухиничами в составе лыжного отряда. Тогда он проявил себя хорошим, дисциплинированным воином. В одном из боев зимой 1942 г. он был тяжело ранен.

Личный фронтовой опыт помог поэту Гудзенко создать правдивые, искренние произведения. В июле 1942 г. тов. Гудзенко был прикомандирован к редакции нашей газеты, где и работает до настоящего времени. Поэма „Герои-лыжники", посвященная легендарным товарищам по оружию, популярна у нас в части. Это — славная страница нашей боевой истории. Поэма Гудзенко неоднократно исполнялась на вечерах красноармейской художественной самодеятельности.

О своем друге по отряду — Герое Советского Союза Л. Паперинке, павшем смертью храбрых в неравном бою с немецкими захватчиками, тов. Гудзенко написал несколько очерков. Один из них переведен на еврейский язык и издан отдельной книжкой.

Книга стихов „Однополчане" печаталась на страницах нашей газеты. Стихи поэта-фронтовика пользуются большой популярностью у красноармейской аудитории.

Полгода, с мая по ноябрь 1943 г., красноармеец Гудзенко был нами временно командирован в Сталинград для работы поэтом в составе выездной редакции „Комсомольской

правды". Книжка стихов „Сталинградская тетрадь", десятки очерков и литературных вечеров, тексты к плакатам — вот результат плодотворной работы молодого поэта на стройках Сталинграда.

Воспитанник нашей части, поэт-красноармеец С. Гудзенко является дисциплинированным воином, талантливым поэтом, произведения которого мобилизуют наш личный состав на выполнение специальных заданий командования в тылу врага.

29 февраля 1944 года».

Далее идут рекомендации трех писателей.

«Рекомендую поэта С. Гудзенко в члены Союза. По моему мнению, С. Гудзенко — один из наиболее одаренных и самостоятельных поэтов молодого поколения. Это поэт-воин.

26 февраля 1944 г. Илья Эренбург»

«Семен Гудзенко — молодой поэт-фронтовик. Только что выпустил первую свою книжку в издательстве „Советский писатель".

Стихи его, уже печатавшиеся в некоторых журналах, сразу обратили на себя внимание неподдельной жесткой честностью к пережитому, реальной правдой войны, которая нашла в них выражение. Гудзенко наблюдателен, он умеет видеть своими глазами.

В его стихах есть ошибки, но это талантливые стихи. Пока — это первый поэт, вышедший на наших глазах из армии и весьма значительно обогащенный своим фронтовым опытом. Мне кажется, что он достоин звания члена ССП.

27 февраля 1944 г. П. Антокольский»

«Рекомендую принять в члены Союза писателей талантливого поэта Семена Гудзенко. Стихи его широко известны и любимы в Красной Армии.

28 февраля 1944 г. Вас. Гроссман»

Публикуемые в настоящем издании стихи Гудзенко извлечены из записных книжек военного времени и бумаг поэта (весь архив поэта его мать, О. И. Гудзенко, передала в ЦГАЛИ, где он сейчас и хранится). В дополнение к ним дано три стихотворения из красноармейской газеты «Победа за нами». Стихи, публиковавшиеся во фронтовой печати в первые месяцы войны, затем не перепечатывались и в сборники автором не включались. И дело не столько в их художественном несовершенстве, сколько в том, что Гудзенко в ту пору считал это занятие — писание стихов — делом «подсобным». Главным оружием его была винтовка. В неопубликованных воспоминаниях военного врача И. Ю. Давыдова, который в первые месяцы войны служил с поэтом в одной части, рассказывается, что осенью 1941 г. Гудзенко отказался от предложения перейти в редакцию бригадной газеты. Интересно, что в записных книжках почти нет «заготовок» для стихов, напечатанных во фронтовой печати,— вероятно, потому, что они в очень малой степени выражали еще личный опыт поэта. Сам он считал лишь 1943 г. началом литературной деятельности. Иногда в газете под его стихами стояла подпись «красноармеец С. Гудзенко», словно бы свидетельствуя, что автор себя поэтом еще не считает. Однако эти стихотворения Гудзенко помогают понять, как красноармеец, писавший стихи, превращался в поэта военного поколения.

Начиная с 1942 г.— после ранения — записные книжки Гудзенко все больше превращаются в рабочие тетрадки поэта. Здесь черновики стихотворений, наброски, начатые и не оконченные вещи. Несколько такого рода не завершенных окончательно стихотворений включены в настоящую публикацию наряду со стихотворениями законченными, но не увидевшими по разным причинам света.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. «Новый мир», 1963, № 1, стр. 99.

[2] Тексты рекомендаций приводятся по подлинникам, хранящимся в личном деле поэта в отделе творческих кадров Союза писателей СССР. Копии находятся в ЦГАЛИ, ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 190, лл. 1—3.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

* * *

Мы шли плечо к плечу,
Спали спина к спине,
Ели из одного котелка.
Армейская жизнь нелегка.
И я узнал на войне,
Что значит плечо к плечу.

Мороз обжигал лицо.
Ветер бросал в сугроб.
На лыжах не устоять.
Нас взяли тогда в кольцо.
Казалось, что дело — гроб,
Казалось, не устоять.

Но мы прошли сквозь пургу,
Мы вырвались из кольца.
И мы опять на снегу
Спали спина к спине.
Да,
я узнал на войне,
Что значит плечо к плечу.

9 апреля 1942 г.
Записная книжка № 3 (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 91, л. 32)

МОГИЛА ПИЛОТА

Осколки голубого сплава
Валяются в сухом песке.
Здесь всё:
и боевая слава
И струйка крови на виске...

Из боя выходила рота,
Мы шли на отдых, в тишину
И над могилою пилота
Почувствовали всю войну.

Всю.
От окопов и до тыла,
Ревущую, как ястребок.
И отдых сделался постылым
И неуютным городок.

Мы умираем очень просто,
По нас оркестры не звенят.
Пусть так у взорванного моста
Найдут товарищи меня.

〈Апрель 1942 г.〉
Тетрадь (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 4, л. 2)

Печатаемое стихотворение представляет собой первоначальную редакцию стихотворения «Отдых» (см. С. Гудзенко. Избранное. М., «Сов. писатель», 1957, стр. 39).

* *
*

С тяжелым танком
идет на запад
Зеленая,
как цвет брони, весна,
Болотный
или смол сосновых запах
И тишина.
Ты спросишь, где война?
Она за каждым кустиком сирени,
В смолистом запахе
и топком мхе.
Я принимаю жизнь уже без всяких прений
В руках с ножом,
с взрывчаткою в стихе.

〈Между 2 и 5 мая 1942 г.〉
Записная книжка № 2 (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 91, л. 89)

ДЕВОЧКЕ

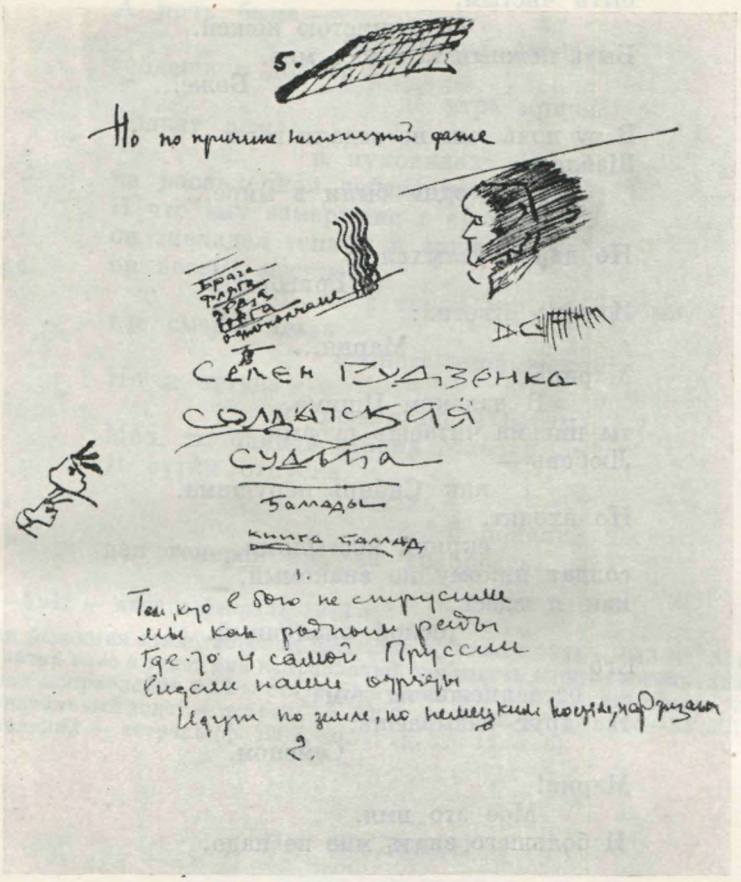
...Мы до безумья молодые.
Я каюсь, девочка, тебе,
Что не писал стихи литые
О цельносваренной судьбе.
Стихи писались на ходу,
Заучивались большаками.
Я бросил их на звонком льду —
Их помнит только мшистый камень
На перепутье трех дорог.
Когда-нибудь придет такая
И, всё читая между строк,
Меня за грубость изругает.
Я каюсь.
Но послушай.
Мы
Искали ритмы в пыльных маршах.
Шли в бой из детской кутерьмы.
Седели.
Становились старше.

〈Июль 1942 г.〉
Записная книжка № 5 (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 92, лл. 27 об.— 28)

БАЛЛАДА О ВЕРНОСТИ

Написано много о ревности,
о верности, о неверности.
О том, что встречаются двое,
а третий тоскует в походе.

Мы ночью ворвались в Одоев,
пути расчищая пехоте.
И спирт разбавляя водою,
на пламя глядели устало.
(Нам все это так знакомо!..)



«СОЛДАТСКАЯ СУДЬБА»

Набросок заглавного листа к неосуществленному сборнику стихотворений С. П. Гудзенко

Автограф

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Но вот
на пороге
встала
хозяйка нашего дома.
Конечно,
товарищ мой срочно
был вызван в штаб к военкому.
Конечно,
как будто нарочно
одни мы остались дома.

Тяжелая доля солдаток.
Тоскою сведенное тело.
О, как мне в тот миг захотелось
не вшивым,
не бородатым,—

быть чистым,
с душистою кожей.
Быть нежным хотелось мне.
Боже!..

В ту ночь мы не ведали горя
Шаблон:
мы одни были в мире...

Но вдруг услыхал я:
Григорий...
И тихо ответил:
Мария...
Мария!
В далеком Ишиме
ты письма читаешь губами.
Любовь —
как Сибирь нерушима.
Но входит,
скрипя костылями,
солдат никому не знакомый,
как я здесь,
тоской опаленный.
Его
оставляешь ты дома.
И вдруг называешь:
Семеном.
Мария!
Мое это имя.
И большего знать мне не надо.

Ты письмами дышишь моими.
Я знаю.
Я верю.
Ты рядом.

1942 г.
Отдельные листы (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 8, лл. 19—20)

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

Коней бросали у обочин.
И таял снег
под теплыми боками.
И глухо,
как в пустые бочки,
стучали батареи кулаками.
Полуторки ревели на подъеме
и, обессилев,
падали в кюветы.
И только в чудом
уцелевшем доме
храпел солдат,
разутый и раздетый.

А ночь была —
безвыходно слепая:
сойдешь с дороги —
до утра кричи.
Солдат лежал,
в пуховиках растаяв,
на раскаленной добела печи.
И что ему замерзшие в сугробах,
он завладел теплом и тишиной,
он восемь месяцев
в такой могиле пробыл,
где смерть была
единственной женой.
Но и оттуда
не бежал он к бабам.
Мол, ты один в атаках голосуй...
И сутки отпуска,
медаль
и поцелуй
дал генерал ему за храбрость...

〈1941—1942 — январь-февраль 1943 г.〉

Первая редакция стихотворения написана в тетради 1941—1942 гг., затем в начале 1943 г. автор внес в текст ряд исправлений, переписав первые восемь стихов и наметив на полях исправление в 14-м стихе. В публикуемом тексте эта правка учтена.

Первоначальный текст — тетрадь (ф. 2207, он. 1, ед. хр. 4, л. 34—34 об.).

Исправления — тетрадь (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 11, л. 6).

МЫ СТУДЕНТЫ

Год отступления горек.
Нам он зачтется за сорок
самых тяжелых лет.
Вспомни оставленный город,
как он смотрел нам вслед.
Вспомни распахнутый ворот:
«Всех не прикончите!
Нет!»

〈Январь — апрель 1943 г.〉

Тетрадь (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 11, л. 66).

Печатаемый отрывок является началом задуманной поэмы. После заголовка — «Поэма „Мы студенты“» — записан план:

«1. Вступление
2. Отступление — Юдин
3. Под Москвой — Саховалер
4. Сухиничи — Черный
5. Наступление — Непомнящий
6. Эпилог».

Упоминаемые в плане фамилии принадлежат студенческим друзьям Гудзенко, добровольно ушедшим на фронт. Следующие в тетради за публикуемыми строки: «В августе на Украине...» вошли в «Балладу о знамени» (см. С. Гудзенко. Избранное. М., «Сов. писатель», 1957, стр. 26).

ДЕВУШКЕ

Есть грусть в любви,
но не у нас.
У нас в крови
железо есть.
Познали мы
и боль,
и месть,
и смерть видали без прикрас.

Мои друзья
сильны душой.
Мои друзья
народ большой.
Мои друзья
прошли войну
и сильными пришли домой.

Прошу тебя поверить мне:
я верность
сохранил навек.
Ее проверил на войне
в глуши лесов,
в пучине рек.

Когда мы встретимся с тобой,
я расскажу тебе опять
про город мой,
про трудный бой,
про то, как мы умели ждать.

〈1943〉
Тетрадь (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 16, л. 56)

* * *

Опять ты меня за молчание
бранишь, ничего не прощая.
Я снова, как при расставании,
почаще писать обещаю.

Но к письмам привык я за месяцы,
за долгие дни у Дуная.
И снова мне хочется встретиться
хотя бы на сутки, родная.

Ведь письма лишь в счастие пропуск —
тревожные все и туманные,
а встречи, как воинский отпуск,—
короткие и долгожданные.

Будапешт, 18 февраля 〈1945 г.〉
Записная книжка № 8 (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 95, л. 3).
Дата в черновом автографе стихотворения (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 93, л. 47 об.)

«ОДНОПОЛЧАНЕ»
Сборник военных стихов С.П. Гудзенко
М., «Сов. писатель», 1944
Обложка

* * *

Если я буду поэтом —
малы
все монографии, книги, обзоры,
большей не нужно
мне похвалы,
чем присутствовать
при разговорах
двух ветеранов
новой войны,
которая будет последней.

4 августа 〈1945 г.〉
Записная книжка № 10 (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 96, л. 12—12 об.).

РАЗГОВОР С ДРУГОМ

Что ты там ни говори о мире —
мы еще на подступах живем.
Дело не в постели и квартире,
дело не в прощанье с блиндажом
и шинелью.
Суть совсем в другом.

Мы с тобой пять лет провоевали
и пять лет писали о войне,
разве мы на первом же привале
говорить могли о тишине?

Разве всё, что в плоть и кровь годами
с порохом и копотью вошло,
можно выжечь штатскими словами,
сделать штатским наше ремесло
фронтовому гонору назло?

За два года не переучиться,
в памяти походы бережем.
В души нам баталия стучится,
может еще всякое случиться,
не на век прощались с блиндажом... *

Ну а жизнь не медлит ни мгновенья.
В полный рост и в полный разворот
наступает наше поколенье
и на поворотах
нас не ждет.

По-другому думая о завтра,
по-другому мысля о былом,
и пока нерасторопный автор
над своим колдует ремеслом,
полной грудью дышат наши други
по стрелковым ротам. И уже
под прямой наводкой зимней вьюги
встали на уральском рубеже,
на лесах у комсомольской домны.
И пошли такие чудеса,
что земля поблескивает скромно
и молчат с тревогой небеса...

Там насквозь до самого заката
тянется степная полоса,
и стоит, как памятник солдату,
тополь, упираясь в небеса.

И такая ширь, что, задыхаясь,
не увидев края и конца,
из-за моря возвращаясь, аист
падает на землю, как пыльца.

Вот на этом бывшем поле боя
будет город — будет Сталинград.
В третий раз мы встретимся с тобою
и пойдем, как двадцать лет назад.

---

* На тех же листах есть следующие варианты первых строф:

Мир есть мир, как дважды два — четыре.
И, конечно, суть его не в том,
что хожу в костюме, не в мундире,
из окопа переехал в дом.

И не в том, что мы повоевали
очень долго на большой войне.
А потом мечтали на привале
о большой и долгой тишине...

ФРОНТОВАЯ ДОРОГА

Рисунок Н. Н. Жукова (черная акварель), 1943
Центральный музей Вооруженных сил СССР, Москва

Мы из рук не выпускаем знамя.
Нам на этом свете повезло,
в плоть и кровь горение вошло
и не превратилось в ремесло,
и до смерти завладело нами.

〈1947 г.〉
Отдельные листы (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 32, лл. 19, 19 об. и 20).

ИЗ ФРОНТОВОЙ ПЕЧАТИ

РЕМЕСЛО

У разбомбленной автострады
шрапнелью обезглавлен бор.
Обломки плит
и за оградой
сожженный немцами собор.
Они над прадедовской верой
глумились, хохоча внадсад.
На тополях
в зеленых скверах
мои ровесники висят,
своею смертью смерть поправ.
А бой идет.
И мы,
живые,
У сталинградских переправ
мстим за Одессу,
мстим за Киев,

за матерей немую грусть,
за окровавленную Русь.
Мы этому учились,
чтобы
за всё им отплатить сполна,
в полесских топях и чащобах
и в камышах твоих, Десна.
Ведь твой поток
для них отрава,
могила —
каждое село.
Мы мстим.
И это наше право.
И это наше ремесло.

«Победа за нами», 7 октября 1942 г.

МАТЕРИ НАШИ ЗА НАМИ

Мать из дома ушла
с Украины родной,
исхлестанной палачами.
А теперь на сибирской дороге
глухой
с мешком за плечами.
Это путь отступления сыновей.
И в скитаньях старух мы
виноваты.
Нужно быть беспощадней,
товарищ, и злей
Нужно насмерть стоять
с клинком и гранатой,
чтобы матери наши вернулись домой.
Пусть на пепле пожарищ —
выстроим хаты.
Мы с Десны и Днепра уходили с тобой,
мы за Буг уходили...
Мы виноваты...
Мать мою
голод душил в пути,
холод ломал ее старую спину.
Если ты немца вперед пропустил,
разве ты можешь быть любящим сыном?
Значит, ей снова шагать и шагать,
хлеб увязав в белом платочке.
И проклянет тебя старая мать,
тебя называвшая милым сыночком.
Нельзя отступать нам,
товарищ, с тобой.
Матери,
матери наши за нами.
Слышишь команду:
«В бой! В бой!»?
Рви ему глотку зубами.

«Победа за нами», 9 октября 1942 г.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

В блиндажах у замерзшей реки
Этой ночью бойцы не спали.
Над столом поднимали клинки,
Так когда-то вино поднимали.

Этой ночью клялися везде
На российских просторах широких
Гнать врага по весенней воде,
По снегам непролазным, глубоким.

Наступает решительный год,
Год сражений, год испытаний.
Никогда наш великий народ
Пред врагом на колени не встанет.

...Новогодняя ночь холодна.
За врагом по кровавому следу!
Поздравляет героев страна:
«С Новым годом — с новой победой».

«Победа за нами», 31 декабря 1942 г.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

О ПОЭТЕ ГУДЗЕНКО

Из выступления на творческом вечере С. Гудзенко 21 апреля 1943 г.

Публикация В. А. Мильман и Л. И. Соловейчика

...Я не думаю, чтобы война была климатом, созданным для расцвета искусства, как ее хотят представить. Нелепо говорить о каждом периоде как о периоде расцвета. Говорят, что любой период способствует расцвету искусства. В таком случае искусство все время должно было бы процветать. Но это не так. В искусстве бывают срывы и подъемы. Период войны отнюдь не способствует расцвету искусства. Я не встречал садовода, который в энтузиазме патриотизма говорил бы, что сады его с необычайной силой расцвели во время войны. Мы больше всего сейчас боимся за самое существование садов, за то, чтобы они не были совсем уничтожены. Мы воюем за самое существование поэзии. Война найдет отражение в поэзии, но это не значит, что она способствует постоянному расцвету искусства в то время, как она происходит. Искусство чрезвычайно напоминает ту игру, в которую играли в детстве и юности люди моего поколения. Эта игра состояла в том, что фант платил тот, кто говорил «да» или «нет», «черное» или «белое». Искусство построено на том, чтобы не говорить «да» или «нет», «черное» или «белое», как живопись не применяет в чистом виде черной и белой краски, так и искусство в широком смысле отвергает черный и белый цвет. А война признает только «да» и «нет», только «черное» и «белое». Все промежуточное снимается и может только сорвать победу.

Вот почему я говорю, что настоящая поэзия войны придет лишь потом. Мне приходилось видеть людей, вышедших из боя. Я видел их близко. Мне всегда казалось, что они напоминают разбуженных от глубокого и тяжелого сна. У них всегда какие-то невидящие глаза. Они плохо соображают. Они только что оторвались от большого напряжения и с трудом переходят к мелочам другого периода — после боя.

С Гудзенко случилось, благодаря немецкой пуле, нечто подобное. Он на какое-то время вышел из боя. В первые месяцы после этого он молчал. Я не видел его тогда, но думаю, что у него были несколько невидящие, отрешенные от окружающего, глаза. Но

и в нем уже что-то вызревало. Он начинал смотреть на то, что он только что пережил. Пуля способствовала преждевременному развитию той поэзии, которая, вероятно, станет гораздо более распространенной через некоторое количество времени. Эта поэзия — изнутри войны. Это поэзия участника войны. Эта поэзия не о войне, а с войны, с фронта. Поэт писал эти стихи в какой-то период вынужденной передышки, в период перерыва, когда он мог что-то поэтически осознать. Именно поэтому его поэзия мне кажется поэзией-провозвестником. В ней меня потрясают некоторые внутренние черты. Он очень молод. Он принадлежит к тому поколению, которого мы еще не знаем, книг которого мы не читали, но которое будет играть не только в искусстве, но и в жизни решающую роль после войны. К этому поколению мы подходим с глубоким интересом и вниманием. От этого поколения, собственно говоря, зависит, что будет и как мы со всем справимся.

Что поражает в стихах Гудзенко?

Плотность и конкретность. Здесь нет никакой истерики, никакой духовности, которая почти бесплотна, как пар, которая абстрагируется. Здесь нет также высокого увлечения ритмом. Эта поэзия всецело на земле. Все ее находки сводятся к опознанию мира гораздо более, чем к изучению каких-то подводных и воздушных течений. Эта поэзия может некоторым показаться мало дерзкой. У нас есть теперь эпигоны дерзости, которые запомнили, как кто-то дерзал 25 лет тому назад, и считают, что тот, кто не повторяет этого, является по существу малодерзающим. Это исходит из абсолютно вздорного предположения, что в искусстве есть прогресс, в то время, как в искусстве нет абсолютно никакого прогресса. Прогресс может быть в технике, в жизни, но никакого прогресса от греческой скульптуры до той, которую мы видим у наших современников, нет. И это не потому, что современники не постарались. Нет прогресса и в поэзии. Абсолютная нелепость предполагать, что поэзия Маяковского представляет какое-то более прогрессивное явление по сравнению со стихами Пушкина, которые, якобы, являются устаревшими (подобно тому, как, когда изобретается автомобиль, отпадает передвижение при помощи лошадей). Нельзя прилагать технический прогресс к искусству. Это вздорное предположение.

Поэтика Гудзенко срастается с его существом. Было бы нелепостью подходить к этой поэзии с поисками той импрессионистической ритмики, которая была свойственна эпохе 25 лет тому назад. Это совершенно не то. В ней есть своеобразный классицизм. В ней есть то, что есть в музыке Шостаковича, то, что было в свое время названо смесью формализма с натурализмом, что является смесью барокко с реализмом и что является чрезвычайно типичным для нашей современности и ее художественных произведений. Это вы услышите в стихах Гудзенко.

Я хотел бы закончить таким указанием: вспомните первую мировую войну. В 1914—1917 гг. в Европе не было ни одного человека, который не клялся бы, что эта война была последней. Об этом говорил Барбюс, говорил Клемансо. Теперь нет ни одного сумасшедшего в Европе, который бы сказал, что эта война будет последней. Если бы такой человек нашелся, его просто засмеяли бы. Он ушел бы пристыженный. Я не хочу сказать, что это явление прогресса или регресса. Теперь люди мудрее, чем были в свое время мы. Они родились несколько более взрослыми и многому от рождения научились.

У Гудзенко есть хорошие стихи об одном студенте, который стал на войне умнее, и то, что он стал на войне мудрым, автор доказывает одним соображением, что он стал чаще писать письма матери. Для того, чтобы определить это, как мудрость, надо самому стать взрослее. Ребенку и юноше никогда не придет в голову, что доказательством того, что он стал взрослее, является то, что он стал чаще писать матери. Юноша и ребенок, наоборот, думают, что взрослые люди совсем перестают писать своим родным. И человек, живший 25 лет тому назад, написал бы, что он стал взрослым и совсем забыл слово «мать». В этом различие поколений. На наше молодое поколение я гляжу не только с огромным вниманием, но и с волнением. Это то поколение, которое будет строить жизнь после нашей победы. Поэтому ко всему, что делает сейчас это поколение, я подхожу с таким нетерпением и волнением.

Печатается по стенограмме, хранящейся в архиве И. Г. Эренбурга.

МАРГАРИТА АЛИГЕР

ИЗ СТИХОВ 1941 ГОДА

От автора

...Столько было с первого дня войны напряжения и тревог, забот и хлопот, что я решительно не могу припомнить, когда и как я работала, т. е. писала стихи. Решительно не помню, чтобы я сидела за столом и чтобы непременно с утра и чтобы при тех условиях, которые необходимы мне для работы сейчас. Но тем не менее я писала непрестанно и написала много, судя хотя бы по тому, что в первую неделю войны стихи мои были напечатаны и в «Правде», и в «Известиях», и в «Комсомольской правде».

Стихи писались все время, стихами становилось все: каждое переживание и впечатление, каждое раздумье и каждая радость, и каждая печаль, и именно это помогало жить, облегчало душу, помогало справляться со всем тем огромным и казалось бы непосильным, что свалилось на нас и что в конце концов оказалось нам по силам. И, вероятно, именно потому, что все чувства и переживания были общими и всеобщими, одинаково легко писалось и то, что вспыхивало в душе и в мозгу, и то, что писалось по непосредственному заказу редакций, по материалам, приходившим с фронта,— и наверное именно поэтому и то и другое в равной мере доходило до людей, до читателей,— все это было и их чувствами, и их переживаниями, все это и их касалось, и их потрясало, и— выраженное стихами — им помогало жить. Совсем не все, что появлялось тогда, и даже не все, что имело успех, осталось жить в советской поэзии. Иное просто позабылось, а иное, волновавшее в то время, сейчас совсем не трогает и не радует поэтически. Но строки, написанные тогда и выдержавшие испытание временем, эти строки поэт может числить в своем золотом фонде, в них он уже может не сомневаться. И мне бесконечно дороги стихи военных лет, стихи, которые навсегда остались в моей судьбе, которые может быть и определили ее, эту судьбу.

Почти все, что писалось тогда, печаталось почти сразу, чаще всего в газетах. Неопубликованными остались только не самые главные, может быть, попросту недописанные стихи, записанные второпях и в большей части своей утраченные. Печатаемые здесь стихи нашлись случайно и сохранились случайно, написанные где-то на ходу и между делом, затерявшиеся между другими стихами и совсем позабывшиеся.

Я не помнила этих стихов, но, найдя и перечитав их, я очень отчетливо вспомнила, где, когда, при каких обстоятельствах они писались, вспомнила Москву пронзительной осени сорок первого года и Москву железной зимы сорок второго и между ними в моей судьбе протекающую, темную, словно из жидкого холодного металла, Каму, и душевное состояние той осени и той зимы, и чем были стихи в ту пору для каждого из нас,— и для тех, кто их писал, и, пожалуй,— я смею надеяться и не могу не сказать об этом, — и для тех, кто их читал. Вот этой-то памятью они и дороги мне, эти не главные и не лучшие, забытые стихи.

Сентябрь 1965 г.

СОКОЛЬНИКИ

В мире есть еще запах дождем окропленной березы.
Мухоморы смешные, ничуть не смущаясь, растут.
В мире есть еще милый, вплотную встающий сквозь слезы,
позолоченный, синий, студеный, осенний уют.
Я еще это вижу глазами раскрытыми шире
на какую-то долю секунды.
На землю шурша
опускаются листья.
Ничто не меняется в мире.
Как река в сентябре, остывает и молкнет душа.
Ничего, ничего!
Посмотри: вдоль всего горизонта
лес стоит пламенея, струится огонь по листам.
Я на запад гляжу в направленье недальнего фронта.
Если ты еще жив, то сейчас ты находишься там.
Бой идет недалеко.
Противник форсирует реку.
Я придумаю так:
ты отпущен на час отдохнуть.
Много ль нужно для счастья измученному человеку?
На солому свалиться, потуже махорку свернуть...
Может так получилось: стрельба прекратилась немного.
Тишина наступила на несколько добрых минут.
Отошли от тебя напряженье, усталость, тревога,
и такой окружил тебя славный и нужный уют,
что усталые ноги твои отошли, отгудели,
и расправилось сердце, зажатое словно в кулак...
Может это не выдумка?
Что если вдруг в самом деле,
не сегодня так завтра, а будет все именно так?
Если ты еще жив.
Я уверена, легче и проще
жить на свете сегодня тому, кто зовется бойцом.
Если ты еще жив.
В облетающей гаснущей роще
я стою, цепенея, к закату и фронту лицом.

Сентябрь 1941 г.

* * *

Мне предначертано в веках,
из дома изгнанной войною,
пройти с ребенком на руках
чужой лесистой стороною,

узнать дорогу до конца,
хлебнуть мороза, зноя, пыли,
и плакать каплями свинца,
которыми тебя убили.

Декабрь 1941 г.

«ЗОЯ»
Первое отдельное издание поэмы
М. И. Алигер.
М., «Молодая гвардия», 1943
Обложка

КИЕВ

Сколько бомб на тебя ни сброшено,
все равно сохранить тебе
все, что только было хорошего
в нашей общей с тобой судьбе.
Ты мне снишься ночами зимними,
ты мне видишься ясным днем,
осененный майскими ливнями,
в своде радуги над Днепром.
Не забыть мне светлого облика.
...Тихо-тихо тополь дрожал.
Под крылом пушистого облака,
улыбаясь, город лежал.
Мы входили в него на цыпочках,
чемоданы куда-то сдав,
и, клубникою губы выпачкав,
целовались в его садах.
Как чудесное обещание,
был весь город и каждый дом.
Потому-то наше прощание
и случилось в городе том.
Только мы об этом не ведали,
просыпались и пили чай,
покупали цветы, обедали,
даже ссорились невзначай.

А совсем по-другому нужно бы
нам друг другу в глаза глядеть
и, обнявшись, детьми послушными
дни и ночи тихо сидеть.
Хорошо, что тот город солнечный
ни словечка нам не сказал.
Как бы тою последней полночью
я глядела в твои глаза?
Но спасибо городу доброму,
что он счастье наше берег,
проводил нас тихонько под руку,
верить в будущее помог.
А о будущем не расспрашивай,
не придумывай и не лги.
Стонут камни города нашего,
где хозяйничают враги.
Стала грудь моя клеткой тесною,
трудный камень я в ней несу,
что лежит над могилой безвестною,
может в поле, может в лесу.
Сапогами, колесами, танками
стерло, смыло, сбило пути.
Если между лесными полянками
той могилы мне не найти...
Ничего!
Днепр умолк под льдинами,
словно впаянный в берега.
Город наш, убеленный сединами,
стиснув зубы, терпит врага.
Киев, Киев, я свято верую,
а иначе жить не могу,
что заплатят полною мерою
за страданья наши врагу.
Что весной голубиной, раннею,
как тогда тебе зацветать,
той любви и тому прощанию
вечным памятником стоять.

Декабрь 1941 г.

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

ПОСТОРОННИМ

1

Я сегодня водки не выпил ни грамма,
Рассуждать способен спокойно и трезво.
Презираем мы все, признаюсь вам прямо,
Виршеплетов, щебечущих резво.

Это мало — к начдиву заехать в гости
И, в землянке, водчонки выпить со стужи.
Разве там ревматизм вгрызается в кости?
Разве там загнивают траншейные лужи?

Вам изведать бы прелесть окопной скуки
Там, где взрывы терзают солдатские уши,
Где ползут по лощинам железные буки,
Давят наши солдатские души.

Здесь безносая машет косой хладнокровно,
Рассекает воздух свистящая розга.
Трупы, трупы кругом, как черные бревна,
Кровь и серые брызги мозга.

День сгорает вспышки ракетной короче,
А за днем потемки надвинутся следом.
Обступают людей окопные ночи
Иссушающим душу бредом.

Волчьей шерстью топорщится сердце живое.
В горле комом застряло кровавое брашно.
Хочешь — встану на четвереньки? Хочешь — завою?
Что бледнеешь? Не хочешь? Страшно?

2

В меру умен, не в меру мастит
И мещанин без меры и нормы,
Он тебе, батенька, не простит
Честной строки и солдатской формы.

«СТИХИ О НЕНАВИСТИ»

Сборник военных стихотворений
А. А. Суркова. М., Гослитиздат, 1943

Обложка

Чуждый великим мукам страны,
Праздный свидетель сзади и сбоку,
Он тебе, батенька, после войны
Всякое лыко поставит в строку.

И заскулишь, как побитый пес.
Кланяясь в ножки наглому хаму.
И пожалеешь, что чёрт понес
Нас под Воронеж, а не на Каму.

На Дону. VII. 1942.

С. ХМЕЛЬНИЦКИЙ

СТИХИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Публикация Е. И. Хмельницкой

Предисловие Геннадия Городника

О МОЕМ ОДНОПОЛЧАНИНЕ СЕРГЕЕ

Наша дивизия стояла в обороне на участке Ленинградского фронта напротив Пушкина. Холмистые берега Славянки на несколько километров были изрыты окопами и ходами, в них укрылись сотни землянок. Многочисленные изгибы речного русла в мирное время привлекали внимание только писателей и поэтов, которые, описывая речку, очень охотно употребляют оборот «замысловато петляла». Теперь же каждый поворот приобретал важнейшее практическое значение: в одних случаях он надежно укрывал берега от обстрела немецких минометов и артиллерии, в других, наоборот,— подставлял их под удар.

Фронт был настолько стабилен, что в километре-двух от переднего края наши артиллеристы, медсанбатовцы и саперы сажали в речной долине картошку и овощи. Это давало шутникам повод придумывать для нашей дивизии всевозможные прозвища, вроде пригородно-подсобная, пехотно-овощеводческая, стрелково-огородная...

Прибыв летом сорок третьего года под Пушкин, я сразу обратил внимание на патриотические стихи в нашей «дивизионке» за подписью красноармейца Сергея Хмельницкого. Если мне не изменяет память, публиковались они и в газете 42 армии «Удар по врагу». Задушевная, отражающая душевную боль и волю к победе лирика патриота-ленинградца мне очень нравилась.

Познакомиться с поэтом-однополчанином лично мне довелось при следующих обстоятельствах. Я был тогда «радиосолдатом», диктором окопной говорящей установки — ОГУ. По ночам наша команда, состоявшая из четырех-пяти человек, странствовала по окопам переднего края и вела передачи для войск противника. Однажды октябрьской темной ночью нас, «огушников», задержал патруль — двое вооруженных автоматами бойцов. Обменялись паролями, поговорили, посмотрели, как впереди немецкие ракеты вычерчивают в небе разноцветные параболы...

Вдруг один из бойцов патруля — невысокий и щуплый — сильно закашлялся. Кашлял он своеобразно: не гортанью, а прямо легкими, с натужным присвистом, будто задыхался в облаке удушливого газа. Его товарищ наблюдал за ним без особого беспокойства, в позе терпеливого ожидания. Видимо, для него это было не впервые.

В землянке комроты мы узнали, что разговаривали с Сергеем Хмельницким. Писатель болен тяжелой формой астмы, но «комиссоваться» не хочет. Пока держится.

26 декабря меня и Хмельницкого откомандировали из дивизии в распоряжение штаба Ленфронта — на курсы военных переводчиков. До Ленинграда добрались поздно вечером. Решили переночевать у Хмельницкого, а на курсы явиться утром.

С. И. ХМЕЛЬНИЦКИЙ
Фотография, 1942
Собрание Е. И. Хмельницкой, Ленинград

Многоэтажный дом на Барочной снаружи казался нежилым, но внутри все же слабо теплилась жизнь. Мы вошли в типичную ленинградскую квартиру блокадных лет: плотно замаскированные окна, покрытые копотью потолки и стены, «буржуйка» и колена уродливых жестяных труб, уходящих в небрежно сделанный в стене пролом. Но сейчас мы смотрели на все это не с точки зрения довоенного уюта, а сравнивали с нашим окопным бытием. И считали, что нам здорово повезло: хоть одну ночь переночуем с комфортом, в настоящих постелях.

Сергей Исаакович прежде всего подошел к полкам с книгами. Он брал томики Пушкина, Бунина, Есенина, Шенье, любовно держал их в руках, жадно листал страницы и вслух прочитывал отрывки.

Жены Сергея Исааковича, детской писательницы Екатерины Алексеевны Борониной, в тот вечер дома не было. Она выезжала с бригадой писателей на фронт и вернулась очень поздно. Стали хозяйничать сами. Распотрошив несколько толстых журналов, затопили печурку. Достали из «сидоров» паек, взялись готовить ужин. Экономно подбрасывая по нескольку листиков, поддерживали равномерный огонь. Когда застывшая жесть прогрелась, Сергей Исаакович огляделся вокруг и прочитал четверостишие:

О чуры родные! Ау! Отзовитесь!
Наверно, замерзли? На стуже томитесь?
Мы печку натопим — нагреется дом,
Вам место найдется за нашим столом.

— Чурами древние славяне называли души своих предков,— разъяснил Сергей Исаакович смысл этой импровизации.— Их приглашали на праздничную трапезу, угощали... Вот я и подумал, глядя на свою холодную квартиру: «А где же наши добрые чуры? Как они переносят блокаду? Надо позвать их и угостить пшенным концентратом».

Сергей Исаакович достал с полки небольшого формата книжку и протянул мне.

— Вот... прочитайте на досуге... Здесь и о чурах найдете

Это была историческая повесть Хмельницкого «Каменный щит»— о Руси времен нашествия Батыя. Так я узнал, что Сергей Исаакович в основном прозаик, а поэзия — это его второе призвание. Повесть я прочитал урывками, уже будучи на курсах. Она понравилась мне своей поэтичностью и глубоким художественным проникновением в культуру и детали быта столь отдаленной исторической эпохи.

Курсы переводчиков, запланированные на три месяца, просуществовали немногим более одного. Ход событий ускорило весьма счастливое обстоятельство: 27 января Ленинград был окончательно освобожден от вражеской блокады. 5 февраля мы уже догоняли свои дивизии.

Вскоре через Екатерину Алексеевну я получил номер полевой почты Сергея Исаковича. Мы обменялись несколькими письмами. В марте он написал мне примерно следующее: «Моя астма ведет себя, как надоедливая, привязчивая дама. Притом к весне ее активность возросла. Возможно, это объясняется тем, что мне присвоили офицерское звание...». Иначе говоря, состояние здоровья Сергея Исааковича резко ухудшилось, в апреле 1944 года его демобилизовали.

Встречался я с Хмельницким и в мирное время. Бывая в Ленинграде, заходил к нему на Барочную. Он, как всегда, много работал. Хотя болезнь все чаще отрывала его от письменного стола, в послевоенные годы он написал «Рассказы военного следователя», художественную биографию «Пржевальский», много переводил, выступал с критическими статьями.

Еще больше собирался сделать. Писал большой роман из современной жизни, работал над пьесой для детского театра, собирал материал для романа о Лермонтове... Но этим планам не суждено было осуществиться, «привязчивая дама» доконала писателя. Умер Сергей Исаакович в 1952 году, в возрасте сорока четырех лет.

Став на защиту родного города с автоматом в руках, поэт-солдат не расставался с пером. Мы рады случаю познакомить читателей «Литературного наследства» хотя бы с некоторыми фронтовыми стихами Сергея Хмельницкого.

* * *

Посвящается А. Л.

Над водой балтийской стелется дым,
Стреляет в туман Кронштадт.
Стальными утесами из воды
Разбитый встает «Марат».

И дыханьем своих громадных труб,
Огнем своих батарей —
«Я жив!» — этот серый железный труп
Стране говорит своей.

Военной ночи обширная мгла
Окутала город, и Русь
Одна только в памяти так светла,
Что темным себе кажусь.

Война, опалившая отчий край,
Ты ее не темни лица!
Ты стужи мне долю ее отдай,
И голода, и свинца!

Кронштадт закутался в ночь, как в дым.
Над морем огни не горят.
Сереющим островом из воды
Бессмертный встает «Марат».

1942 г.

* * *

К последнему, Уленька, я подошел рубежу.
Но стонет железо: «Найду его, спать уложу!»
Нашло. Среди поля я лег. Обо мне не печалясь,
Некошенных трав стебельки надо мною качались.
Глядели очами незрячими травы в росе,
Как длинный покойник лежит на ничьей полосе.

И ты не дождешься. Но был я душой дивизьона,
И я возвращусь. Я приду к тебе с Волги и с Дона,
С Невы, отовсюду, где рать уцелела моя,
И каждый, стуча, тебе скажет: «Открой, это я!»
И ты, что была мне невестой, сестрой и женою,
Открой свою душу для всех, кто сражался со мною

1943 г.

Из неоконченного романа «Завещанный путь».

* * *

По земле суровой ленинградской,
Молчаливой доблести уча,
Сколько их прошло со скаткою солдатской
И винтовкой русской у плеча.

Сколько в зной усталых ног шагало!
Сколько в стужу коченело рук!
Ждать ли, чтоб меня лишь миновала
Чаша, обошедшая весь круг?

К ней прильнув, и радуясь и мучась,
Труд и беды пьют мои друзья.
Почему великую их участь
Разделить не должен с ними я?

Сколько гордых танками раздавлено!
Сколько ринулось в огонь и дым!
Сколько их погибло и прославлено!
Почему я должен быть живым?

1943 г.

А. И. КУРОШЕВА

ИЗ ЛЕНИНГРАДСКОГО ЦИКЛА

Предисловие и публикация Е. А. Вечтомовой

Мы знали А. И. Курошеву много лет. В ее переводах читатели знакомились с поэмами и песнями Шекспира, поэмами Мюссе, стихами Виктора Гюго, трагедиями Корнеля. Квалифицированный, талантливый переводчик, Курошева кропотливо и увлеченно работала и никогда не шла проторенными путями. Жизнь ее была полна творческих поисков. Ее искусство высоко ценилось таким мастером перевода, как М. Лозинский.

Александра Ивановна умерла в 1962 г. от тяжелой болезни, измучившей ее за последние годы. Но она не переставала работать. И только теперь, благодаря сестре переводчицы, Антонине Ивановне Курошевой, передавшей нам ее рукописи, мы узнали, что Курошева писала стихи. Всегда радостно приветствовать нового поэта. Грустно, что в данном случае мы делаем это, когда автора уже нет с нами.

В годы блокады Курошева создала большой цикл стихов, полных скорби и гнева, веры в победу и ненависти к фашизму. В них раскрывалась ее душа, ее тонкие и пламенные чувства, ее юмор, такой драгоценный в то страшное время. Она не печатала этих стихов, являвшихся своего рода дневником в дни испытаний.

Написанное ею не может не волновать своим патриотизмом, искренностью. С усмешкой пишет она о «нищих духом» людишках, для которых прежде всего важны «вещи», собственная шкура, а не моральные ценности. Поэт верит в силу своего народа, знает его историю и гордится ею, верит в то, что сокровища его духа неистощимы, что люди придут к победе с «полной душой».

Горечью и достоинством проникнуто обращение к Матери-Отчизне, скорбящей над прахом сына. Мне невольно вспомнился скульптурный образ Матери в Трептов-парке в Берлине. Широко известна центральная скульптура: солдат с ребенком на руках. А при входе на кладбище советских воинов находится фигура Матери-Родины, скорбящей о погибших сыновьях и дочерях... Как видно, в разное время возник в сознании художников один и тот же образ.

Переводчица Курошева встает перед нами не только как мастер своего дела, но и как поэт оригинальный. И мы не вправе забыть ее на нашем большом смотре.

* * *

Нас спросят: чем тогда вы жили
В тисках блокады и зимы,
Когда вас немцы окружили,
Зажав в кольце огня и тьмы?

Надеждою,— ответим мы,—
Кровь согревавшей в каждой жиле,
Надеждой на победу жили
В кольце блокады и зимы.

Какой вы жаждали отрады,
Какой и от кого награды
В тот, полный ненависти год,
Когда враг из своей засады
Слал смертоносные снаряды
И сыпал бомбы небосвод?

Иной не знали мы отрады,
Чем, полная о нас забот,
Любовь народа в грозный год,
К врагу не знавшая пощады.
Победа! Выше нет награды.
Нет упоительней отрады
Для тех, кто прожил смертный год!

Январь 1943 г.

ТРЕВОГА

Как подобает в ночь на рождество,
Вчера на город налетели бесы,
Не те проказники, лукавые повесы,
С чертями Гоголя ведущие родство,
Что всем вредят без злобы, просто так,
И часто попадаются впросак;
Но настоящие и злые черти,
Летучий легион нечистых сил,
Которых дьявол в мир наш напустил
Для разрушения и смерти.
Они гостили в городе всю ночь
И, чуя, что конец пришел их шуткам,
Швыряли бомбы в озлобленье жутком
И, пряча звезды, улетали прочь.

7 января 1943 г.

* * *

Шли по мосту солдаты,
Шли в бой за жизнь, за мир,
Походкою крылатой
Шел рядом командир.

Шли по мосту солдаты,
Один из них сказал:
«Вот братцы, казематы,
Где царь людей терзал!»—
И вправо указал.
Запомните, солдаты,
Что эти казематы —
Свободы колыбель.
Они для русских святы.
Враг не возьмет проклятый
Свободы цитадель.

А. И. КУРОШЕВА

Фотография, [1955—1958 гг.
Собрание Ант. И. Курошевой, Ленинград

Шли по мосту солдаты,
Шли ради славных дел.
А рядом шел вожатый,
Победы дух крылатый,
Что с крепости слетел.

3 февраля 1943 г.

* * *

Теперь не спрашивай его,
Обряд свершая похоронный:
— Что сделал ты для обороны?
Он отдал ей себя всего.

Он отдал всё своей Отчизне,
Как рядовой ее герой:
Все знанья, силы, вплоть до жизни,
И вот лежит перед тобой.

— Что сделал ты для фронта ныне?
Не спрашивай, Отчизна-мать!
Плачь о своем убитом сыне,
Ему уж нечего отдать.

Февраль 1943 г.

* * *

Нас всюду смерть сопровождала,
Не отставая ни на шаг,
И только время выжидала,
Чтоб ринуться на нас, как враг.

Из дома с нами выходила
Под неприятельский обстрел,
Разрывом бомбы нас будила,
Входила в дом,
и дом горел!

Сиреной жуткой завывала,
Не дав забыться ни на час,
И ни на миг не забывала
Напомнить нам, что помнит нас.

Смерть вкрадывалась в наше тело
Тьмой, стужей, голодом, цингой.
Смерть по-разбойничьи свистела,
Летя над нашей головой.

Мы шли по городу, а рядом,
Не отставая ни на шаг.
Шла смерть.
Летела смерть снарядом
И близок был смертельный враг.

Снаряд летел, как смерть, незримо,
Вот просвистел и грянул там.
Еще не нам. И этот — мимо.
Быть может, следующий нам.

29 июля 1943 г.

* * *

О, если бы в последний раз!
Готовы мы терпеть все муки,
Чтоб лишь из книг узнали внуки
Все то, что терпим мы сейчас.

* * *

Те, что оплакивают свой уют,
Горшки разбитые считая,
И в новую большую жизнь войдут,
О новеньких горшках мечтая,

Ты ж обновленною войдешь душой,
О подвигах, о доблести мечтая,
Потерь тяжелых не считая,
Их все простив своей судьбе большой.

ЛЕНИНГРАД В ДНИ БЛОКАДЫ
Акварель С. Е. Захарова, 1942 г.
Собрание художника, Ленинград

* *
*

А если завтра кончится война
И прерванная жизнь начнется снова,
Куда нас поведет она
И что с собой возьмем мы из былого?

Что извлечем для будущих времен
Из-под обломков рухнувшего быта?
О, сколько будет позабыто
И ненавистных и родных имен!

Злодейств и подвигов, добра и зла...
Возврата нет к делам и думам старым:
Все сожжено чудовищным пожаром;
Обрывки буря унесла.

Но то, что в нас достойно жизни новой,
Переживет пустые имена.
И чистым золотом оно уже готово
Блеснуть в золе, лишь кончится война

ДМИТРИЙ КЕДРИН

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Публикация Л. И. Кедриной

Предисловие Я. Белицкого

...1941 годом помечена пожелтевшая четвертушка бумаги, обнаруженная недавно в архиве поэта. Не строчки будущего стихотворения, не услышанная где-то фраза, нет. Это — рецепт, выписанный врачом-окулистом и заброшенный Дмитрием Кедриным в самый дальний ящик стола...

Минус 16 диоптрий.

Людям с таким катастрофическим зрением нечего и думать об армии. Но всюду — в райвоенкомате, в Союзе писателей, в ПУРе РККА — поэт просил об одном: сделать для него исключение. Первая в жизни просьба человека, всегда хлопотавшего за других и не мыслившего никаких льгот для себя. А пока решали этот вопрос, он не сидел сложа руки — он считал себя мобилизованным: дежурил на крышах во время бомбежки, рыл вместе с соседями укрытия во дворе (помните, их тогда называли «щелями»), но никогда, даже в часы самых ожесточенных налетов, он не спускался в эту щель. И уговаривать его было бесполезно.

Война открыла в этом сугубо штатском, застенчивом человеке какие-то новые, доселе неизвестные черты. Он даже внешне изменился. Забегая вперед, стоит рассказать о том, что друзья поэта, которые и представить-то его не могли в военной форме, были поражены, когда поздней осенью сорок третьего года на заседание одной из секций Союза писателей уверенно вошел улыбающийся человек в ладно пригнанном полушубке и лихо заломленной ушанке. Это был военный корреспондент газеты 6 воздушной армии «Сокол Родины» Дмитрий Кедрин, прибывший на несколько дней в Москву, в служебную командировку.

Да, он изменился не только внешне. Высокий гражданский пафос, умение видеть каждое событие в широкой исторической перспективе — все то, что было присуще Кедрину, получило в годы войны в его стихах новые интонации, более сильное звучание.

В письмах из Действующей армии Дмитрий Кедрин рассказывал обо всем увиденном и пережитом. Когда сейчас перечитываешь эти письма, перед глазами зримо встают люди, с которыми поэт встречался. Видишь летчиков, которые «играют в волейбол и весело хохочут. Через полчаса они переоденутся и пойдут на выполнение боевых заданий. Это особый, очень спокойный и очень героичный народ». Видишь одиннадцатилетнего мальчика Витю — «мать и отца у него убили немцы. Его взял на воспитание полк. Витя ходит в форме, с револьвером, в погонах, учится, выполняет легкую работу. Он подтянут и дисциплинирован...» (ЦГАЛИ, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 24, л. 58). На страницах записных книжек мы встретимся и с летчиком Федоровым, который «летает без ноги, управляя протезом», и с прославленной партизанкой Марусей.

Д. Б. КЕДРИН

Рис. Ар. Гагашьяна. Сделан в редакции газеты «Сокол Родины». Северо-Западный фронт, 1943

Фотокопия

Центральный архив литературы искусства, Москва

В «Соколе Родины» печаталось много произведений Кедрина. Неизменной популярностью у читателей газеты пользовались веселые, крепко сбитые стихи, под которыми стояла подпись — «Вася Гашеткин». Это — один из братьев Василия Теркина, представитель того славного семейства, откуда вышли неунывающие солдатские побратимы — Иван Гвоздев, Гриша Танкин и многие другие. Вася Гашеткин — детище Дмитрия Кедрина. Ни одно мало-мальски заметное событие не ускользало от острого глаза Васи Гашеткина. Он рад рассказать и о боевом эпизоде, только что происшедшем с его однополчанином, и поздравить с доброй вестью Совинформбюро, и вволю поиздеваться над «теорией» фашистских главарей, объяснявших свои неудачи на фронте суровым русским климатом:

Русским,— врал фашистский пес,
Под Москвою битый,—
Помогает дед-мороз,
Генерал сердитый!
Дни зимы не наш сезон,
Подождем до лета!..
Что же нынче сбрешет он
И его газета?
. . . . . .
В силу логики прямой
Падает их марка:
Слишком зябко им зимой,
Летом — слишком жарко.

«Ты спрашиваешь меня — хорошо ли мне и спокойно ли я себя чувствую. Да, родная,— пишет он жене 11 июля 1943 г.— Я чувствую себя хорошо, насколько это возможно для человека, живущего вдали от семьи. Отношение товарищей ко мне хоро-

шее, я делаю полезное дело, пишу иногда стихи, которые нравятся мне самому, вижу много интересного. А главное — я чувствую себя нужным, я чувствую себя в строю. Все это дает мне большое моральное удовлетворение» (ЦГАЛИ, там же, лл. 17—18).

Боевая деятельность Кедрина в армейской газете явилась прямым продолжением его многолетней журналистской работы. Свой путь он начал газетчиком, и никогда эта работа не была для него чем-то побочным, второстепенным. Перелистайте сегодня подшивки комсомольских газет Екатеринослава 20-х годов, перечитайте его материалы в мытищинской «Кузнице», и вы ощутите на своем лице горячее дыхание тех далеких дней. Он непременный участник налетов «легкой кавалерии», он там, где «грохочет швеллерный, ликвидируя долгий прорыв», он в самой гуще буден, он активный их участник.

В «Сокол Родины» Дмитрий Кедрин пришел уже зрелым журналистом, и это помогло ему быстро найти свое место в боевом строю. Оценивая свою работу за годы войны, он с полным правом мог сказать

В желанный час победы:
— И моего
Тут капля меда есть!

ДЕНЬ СУДА

За то, что каскою рогатою увенчан
И в шкуру облачен, ты был, как гунн, жесток,
За пепел наших сел, за горе наших женщин,
От милых сердцу мест ушедших на восток,

За горькую тоску напевов похоронных
Над павшими в огне кровопролитных сеч,
За вбитые в глаза немецкие патроны,
За головы детей, разбитые о печь,

За наши города, за храмы наших зодчих,
Повергнутые в прах разбойничьей пальбой,
За наш покой, за то, что на могилах отчих
Ругаются скоты, взращенные тобой,

За хлеб, что ты украл с широких наших пашен,
За бешенство твоих немецких Салтычих,
За безутешный плач несчастных пленниц наших
На каторге твоей, и за бесчестье их,

За всех, кто был убит в церквах, в подвалах, в ригах,
Кто бился на кострах, от ужаса крича,—
Исполнится написанное в книгах:
Поднявший меч погибнет от меча!

Как бешеного пса, тебя в железной клетке
На площадь привезут народу напоказ —
И матери глаза закроют малолеткам,
Чтоб не пугаться им твоих свирепых глаз.

И грохот костылей раздастся на дорогах:
Из недр своих калек извергнут города.
Их тысячи — слепых, безруких и безногих
На площадь приползут в день твоего суда.

ОККУПАНТЫ

Рисунок Н. И. Кирсанова (итал. карандаш)
Центральный музей Вооруженных Сил СССР, Москва

И крови не омыв, не отирая пота,
Не слыша ничего, не видя ничего,
Чудовищной толпой сойдясь у эшафота,
Слепые завопят: — Отдайте нам его!

И призраки детей усядутся в канавах,
И вдовы принесут в пустых глазах тоску...
Куда тебе бежать от пальцев их костлявых,
Что рвутся к твоему сухому кадыку?

И встанут мертвецы. Их каждый холм, и пажить,
И рощица отдаст в жестокий этот час.
Их мертвые уста тебе невнятно скажут:
— Ты все еще живешь, злодей, убивший нас?

Тебя отвергнет друг, откажет мать в защите,
Промолвив: — Пусть над ним исполнится закон,
Мне этот зверь не сын. На суд его тащите.
Я проклинаю день, когда родился он.

Тогда впервые ты почуешь смертный ужас
И, слыша, как твоя седеет голова,
Завертишься ужом, уйти от кары тужась,
И станешь лепетать о милости слова.

Но проклят всеми ты. И милости не будет:
Враги тебе — земля, и воздух, и вода...
И если правда есть, и если подлость судят,
То скоро для тебя наступит День Суда.

1943 г.

МАРК ШЕХТЕР

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Когда редакция «Литературного наследства» обратилась в печати к писателям с просьбой прислать свои материалы для данного тома, Марк Ананьевич Шехтер одним из первых откликнулся на наш призыв.

В письме в редакцию от 9 мая 1963 г. он писал:

«Мне довелось служить в 25 танковом Новоград-Волынском корпусе на Брянском, а затем на 1 Украинском фронте. К сожалению, в боях под Шепетовкой, в селе Полонное я чуть было не попал в плен к гитлеровцам, внезапно ворвавшимся в село, и моя полевая сумка с дневниками и всем прочим погибла. Однако кое-что уцелевшее, думается, может представить для вас интерес».

Вместе с письмом он прислал неопубликованные стихотворения военных лет, которые мы печатаем.

СВИДАНЬЕ

Долго я не видал белокаменной,
Золотоглавой Москвы,—
Был среди дыма, был среди пламени,
Где не поднять головы.

Значит — дождался, выстрадал, выстоял,
Молодость не позади;
Сердце мужское стучит неистово
Колоколом в груди.

Здравствуй же, здравствуй, Москва-красавица,
Низкий прими поклон!
Жить тебе вечно и вечно славиться
В летописи времен.

Будто не небо, а море синее
И золотой утес!..
Так из столетий глухих твердынею
Город сквозь мглу пророс.

Красная площадь блестит, как зеркало
Девственной чистоты,—
Время не стерло, не исковеркало
Милые нам черты.

М. А. ШЕХТЕР
Москва. Конец 1943—начало 1944 гг.
Фрагмент групповой фотографии
Собрание В. А. Шехтер, Москва

Кремль. Постою у его порога я
И обернусь кругом:
Что-то спокойное, только строгое,
В облике дорогом.

Русь! Ты сюда не впустила ворога —
Хмурого дикаря...
Все здесь до камешка сердцу дорого,
Попросту говоря.

Мчится в Таганку трамвай по-прежнему,
Громом глуша меня;
Важный автобус уходит в Стрешнево,
Голубизной маня.

Даже скамья на бульваре радует,
Сумрак домов-громад,
Будка пустая...
Всё, всё — наградою,
Мне за кромешный ад.

Еду к «Динамо»,
бреду в Сокольники,
С час гляжу на Манеж,
Пялю глаза, как пристало б школьнику,—
Люди как будто те ж.

Всё позабудется: боль, скитания,
Голод, блиндаж, тоска...
Шапку сниму, на колени стану я —
Благослови, Москва!

1943 г.
После Центрального фронта

ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

Назад два года этот день встречали,
Бредя во мраке, сквозь огонь и дым,
В тоске чугунной, в гневе и печали,—
И каждый был суров и нелюдим.
О горечь отступления, твой хлеб
Вкусили мы на мертвом полустанке,
В той, неумело вырытой, землянке,
Где мир гремел и глох, пылал и слеп!
Но, унося на грубых сапогах
Дорог разбитых пыль, мы говорили:
Благословен вовеки милый прах
Земли, где люди беспечально жили;
Но, отводя бессонные глаза
От женщины, с которой был недолго,
Ты говорил: — Придут — ступай в леса,
Но только не забудь, голубка, долга!..
Так, покидая запад, мы с тобой
Оружие к востоку уносили,
Мы знали — он придет, смертельный бой,
И недруг убедится в нашей силе.
И встал народ и зашумел народ,
Обиды не прощающий от века...
Не умолкает бой который год —
Во имя прав и счастья человека.
Встречают в черных ранах города,
И призраки выходят из подвала,
И крестятся старухи: никогда
Подобной битвы в мире не бывало!
А парень в шлеме, весь в дыму, в пыли,
На площади, как в клубе на собранье,
С улыбкой говорит: —Ну, вот пришли!..
Таким он и войдет, солдат, в преданья.

Февраль 1944 г.
1 Украинский фронт

ГАЛИНА НИКОЛАЕВА

ИЗ НЕИЗДАННЫХ СТИХОВ

Предисловие и публикация Ц. Е. Дмитриевой

Галина Евгеньевна Николаева (Волянская; 1911—1963) начинала свою литературную деятельность как поэт.

11 января 1945 г. Н. С. Тихонов прочитал на заседании редколлегии журнала «Знамя», в состав которой он входил, стихи, присланные ему врачом Г. Е. Волянской из Нальчика. Ее стихи по-настоящему взволновали актив редакции. «Творчество ваше сильно, интересно,— писал ей в феврале 1945 г. редактор журнала Всеволод Вишневский.— Я лично считаю, что вы опередили так называемое „среднее" и молодое поколение советских поэтов. У вас сильный голос, ясная, правдивая постановка тем, непринужденная, свободная манера речи, свободный выбор форм, ⟨...⟩ культура стиха, постоянное раздумье, человеческая хорошая простота, откровенность...» (Вс. Вишневский. Собр. соч., т. 6. М., 1961, стр. 564).

В том же году военные стихи Волянской были опубликованы с подписью «Галина Николаева» в журнале «Знамя» (1945, № 2 и 4), а затем издательство «Советский писатель» издало книжку ее стихов «Сквозь огонь» (1946). Эти стихи сразу привлекли внимание читателей. У многих были близкие на войне, каждый пережил горечь утрат, война всех сделала старше, мудрее, все, подобно Галине Николаевой, как бы родились заново «под густой орудийный гром войны».

Однако, успешно дебютировав в поэзии, писательница в дальнейшем обратилась к прозе. В журнале «Знамя» (№ 10 за 1945 г.) был опубликован ее рассказ «Гибель командарма», в основу которого положены впечатления и переживания, испытанные врачом Волянской под Сталинградом в 1942 г., когда она работала на санитарно-транспортном судне «Композитор Бородин». Эм. Казакевич писал ей в августе 1947 г.: «...Я был тронут и очарован этим чудесным рассказом. Это действительно превосходная вещь. Незабываема та река, и тот тонущий пароход, и тот мальчик с винтовкой, и та женщина, все понявшая и все почувствовавшая, и прекрасен автор, стоящий за всем этим,— автор строгий и чувствительный, почти плачущий и уверенно-спокойный. ⟨...⟩ Я знаю, что этот рассказ останется одним из самых волнующих отражений недавно минувшего великого времени. ⟨...⟩ Эта маленькая „Смерть" останется в той большой литературе, в которую не влезут иные большие книги, ныне прославленные повсеместно».

Затем в литературу вошли романы Г. Николаевой «Жатва» и «Битва в пути», «Повесть о директоре МТС и главном агрономе», «Рассказы бабки Василисы о чудесах» и посмертно опубликованный лирический дневник писательницы «Наш сад».

Но Галина Николаева всегда оставалась и поэтом. В ее архиве сохранилось немало стихов и стихотворных набросков, в том числе и относящихся к военной поре. Из этого материала для настоящей публикации отобрано четыре стихотворения.

ПОТОМКУ

Ты прочтешь пожелтевшие строки
В тихий час у электрокамина.
Не жалей нас, потомок далекий,
За суровую нашу судьбину.

Не жалей нас за все упущенья:
Полземли под картечью изъездя,
Знали мы вдохновение мщенья
И высокую радость возмездья.

* * *

Мы перешли тяжелый перевал.
Передохнем, товарищ мой, немного
В тени высоких перейденных скал.
И снова в путь. И далека дорога.

Пускай из ран еще сочится кровь,
Но соловей в узорной тени сада
Для нас поет бессмертную любовь,
И по ночам для нас звенят цикады.

Пускай рубцы не сгладятся вовек—
Они за нами утвердили право
На гордое названье «Человек»,
Они — печать неугасимой славы.

На судьбы всех принцесс и королей
Не сменим мы высокой доли нашей.
Любовь и бой. Металл и соловей.
Мы знали всё. Мы пили полной чашей

Мы люди дальних каменных дорог.
Чем круче склон, тем сердцу веселее!
Пусть говорят: путь труден и далек.
Я улыбнусь: мы всё преодолеем!

ДЕВОЧКА

Хата над озером ясным.
Тихие летние зори.
Девочка в платьице красном,
Лютиков желтое море.

Девочка, крохотный гномик.
Сколько в ней было доверья!
Были близки и знакомы
Люди, и птицы, и звери.

Вскинута взрывом смертельным,
Выкрик беспомощно тонкий.
В поле, от тела отдельно,
Детские в ямках ручонки.

Г. Е. НИКОЛАЕВА (ВОЛЯНСКАЯ)
Фотография, 1940-е годы
Собрание М. В. Сагаловича, Москва

Смерть не спеша приближалась,
Медлила в муках развязка.
Крошка тянула без жалоб
К маме обрубки в повязках.

Лютиков желтых просила
Взять же их было ей нечем.
Мама сама подносила
К личику простенький венчик.

Точит, когтит и терзает
Коршуном горькое горе.
Болью меня заливает
Лютиков желтое море.

Местью отныне жива я.
Мне лишь из двух выбирать:
Жить ли, убийц убивая,
Или в тоске умирать.

РАЗГОВОР С ТОСКОЙ

У других тоска бывает слёзная,
И поет, как тенор над рекой.
У меня — дотошная и грозная,
У меня — как барабанный бой.

У других гитарная, каминная.
У меня — палач и прокурор.
«Чем убит?»
«Убит фашистской миною»
И опять в застенке разговор.
«Чем убит?»
«Убит он минометами».
«Чем убит?»
«Железом и огнем,
Крупповскими злобными заводами.
Дай мне жить! Не спрашивай о нем!»
«Чем убит?»
«Дорогами шоссейными,
Лавой стали, приводящей в дрожь».
«Чем убит?»
«Подземными бассейнами,
Руром, Лотарингией».
«Ты лжешь!
Ты видала, ты сама, не кто-нибудь,
Что, когда он к Харькову шагал,
За него поднялись домны до неба
И металл поднялся на металл.
Что в стране, железом окольцованной,
На Украйне и в Сибири, есть
Черный уголь, как огонь спрессованный,
Как в веках спрессованная месть.
Он не предал. Он сгорал карающий,
Серым пеплом падал с высоты.
Бессловесных, языка не знающих,
Для чего оклеветала ты?»
«Кем убит?»
«Фашистским минометчиком».
«Кем убит?»
«Историей самой».
«Кем убит?»
«Фашизмом».
Хватит! Кончено!
Ухожу. Тоска идет за мной.

Я иду предгорьями и взгорьями,
По песку, по камням, по траве.

«Ну, а кто же делает историю?»
«Человек».
«А ты не человек?»
«Маленький».
«А почему ты „маленький“?
Может быть, была бы ты „большим“,
Где-то там, за Доном, на прогалинке,
В тальниковой, тинистой глуши,
Там не гнил бы труп, не обнаруженный
С карточкой твоею на груди?
Там не гнил бы раненный,
контуженный,
А потом убитый?»
«Уходи!

Не могу. Мне больно. Что могла бы я?
Я росла в глуши таежных сел.
Я простая, маленькая, слабая,
Что смогла бы?..»
«Ты смогла бы всё.
Ты могла мотор чудесный выстроить,
Отыскать неведомый металл,
На переднем крае стать и выстоять.
Кто тебе, лукавая, мешал?
Ты могла бы полководцем сделаться,
Да таким, чтоб только побеждал,
Не хватило силы, воли, смелости?
Кто тебе, лукавая, мешал?
Ты могла словами небывалыми
Всем другим сказать и доказать:
„Быть слепыми, слабыми и вялыми,
Это значит близких убивать".
Что? Не любо? Пофальшивить проще бы?
На других? Моя, мол, хата с краю?»

Прохожу ложбинами и рощами.
От себя бегу, не убегая.

1945 г.

ОЛЕСЬ ГОНЧАР

ИЗ ФРОНТОВЫХ СТИХОВ

От автора

Вряд ли эти стихи многое скажут современному читателю, но автору они далеко не безразличны; для него они имеют значение дневника, сохраняют определенный интимный смысл. Вместе с другими стихами фронтового цикла эти стихи должны были составить поэтический сборник, который, правда, не был издан, так как автор всецело отдался работе в жанре прозы.

Однако фронтовые стихи помогали мне и в работе над прозой. Некоторые из них являлись как бы лирическим камертоном, эмоциональными вехами, когда, при работе над трилогией «Знаменосцы», требовалось как можно точнее воспроизвести дух и настроение участников великого освободительного похода.

ТАНКІСТ

Сніги! Не сніги, а ріллі,
Наорані смертю на мить.
І хлопець — саме вугілля
Біля танка свого лежить.

Руку підняв до неба.
Крик занімів на вустах.
Бо жити б йому ще треба
В незайманих десь містах,

Ще б чути довкола себе
Гомін прекрасних міст.
Бунтуючи, зняв до неба
Чорний кулак танкіст.

І руки його обгорілі
Не хочуть такого кінця!
І зуби аж сяють білі
На спаленій масці лиця!

Бо то ж недомріяна мрія,
То ж вірність його комусь —
Напис на танку біліє:
«Жди —
я вернусь!»

1943

«БОЕЦ, ОСВОБОЖДАЙ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ...»

Плакат Л. Ф. Голованова. М., «Искусство», 1942

Центральный музей Вооруженных Сил СССР, Москва

ДУМИ ПРО БАТЬКІВЩИНУ

Здрастуй, мій сонячний краю,
Ти снишся мені і тут,
Серцем щодня я літаю
До тебе, туди за Прут.

Як пишуть додому солдати,
Сумно стає мені.
До кого мені писати,
Якій написати рідні?

Той — мамі, а той — дружині,
Той — сестрам, а той — братам.
А я напишу — Україні!
Сонцю її і степам;

Сивим, як згадки, могилам,
Що тонуть в імлі голубій;
Шляхам, окутаним пилом,
Якими пішли ми в бій.

Бачу далекі вершини
В тумани повитих Карпат.
Може моя то Вкраїна
Біліє черідкою хат?

Слово, в бою огрубіле,
У тому краю забрини,
Де вишні в убранні білім
Мене виглядають з війни.

1944

СЛОВАЦЬКИЙ ПАРТИЗАН

Привезли,
Щоб вішати його,
І зійшов він сам на поміст,
І видно було його
Людям далеких міст.

Навшпиньки
Словаччина підвелась,
І кожен бачити міг:
Квітка,
Ніби зоря, пронеслась
І впала йому до ніг.

Заметушилася варта кругом.
Ридаючих била жінок.
А над його високим чолом
Злипся чуб,
Як вінок.

Потім вирок німець читав
Про його прекрасне життя.
Затинався німець,
Бо знав:
На помості стоїть суддя.

Німець скінчив.
І в тишу дзвінку
Шугнуло,
Ніби орел з висоти,
Мовлене тим, що в вінку:
— Брати!

И зляканий кат застиг
Біля своєї петлі,
І чути було в цей миг,
Як стукає серце землі.

1944

ЗНАМЕНО ПОЛКУ

Я завтра їду в Україну,
Яку покинув так давно.
Цілую, ставши на коліна,
Своє полкове знамено.

Дивлюсь на нього я востанне
У нез'ясованій журбі.
Всю кров мою, мої скитання
Воно зібрало у собі.

Мій стяг! Моя червона птице,
Усе з тобою ожива.
Вже бачу: хмарою куриться
Шляхів нестямних курява.

Вже бачу: стоїмо по груди
В траншеях у рудій воді.
Ані хвороби, ні простуди,
Ні сталь — не брали нас тоді.

Пориви наші, наші болі,
Загиблих друзів імена
Читаю на шовковім полі
Свого ясного знамена.

Прощай, мій стяг, і не тьмарися,
На багрянім твоїм крилі
У дзвоні, в зойках пронеслися
Моїх поривів кораблі.

Усе, що разом пережито,
В походах вистраждано — все,
Я знаю: інший гордовито
Прапороносець понесе!

1945, листопад

БОРИС ЛИХАРЕВ

ИЗ «НОРВЕЖСКОЙ ТЕТРАДИ»

Предисловие и публикация Д. А. Левоневского

Через несколько месяцев после того как отгремели бои, разорвавшие кольцо вражеской блокады Ленинграда, три поэта-ленинградца (А. Прокофьев, Б. Лихарев и И. Авраменко) были откомандированы Военным Советом Ленфронта на север, в группу войск генерала Мерецкова, которой было приказано выбить фашистов из Петсамо, Киркенеса и Варангер-фиорда и тем положить начало освобождению Норвегии.

Борис Лихарев вместе с бойцами наступающей армии проделал трудный путь по заполярной тундре и отрогам скалистых гор до Киркенеса.

Преодолев неприступные скалы и льды, Советская Армия сокрушила вражеское сопротивление. Гитлеровцы, отступая, разрушили город, превратив его в груду развалин и щебня. Население укрылось в горных пещерах и с нетерпением ждало прихода своих освободителей. В записной книжке поэта появились строки:

Мы пробили в горах
К вам свой путь напрямик,
Через пламя и льды
К вам шагнули с приветом.
Пусть об этом
Споет вам ваш будущий Григ,
Пусть вам в будущем
Скальды расскажут об этом...

Навстречу советским войскам вышли изнуренные голодом и лишениями норвежские партизаны, всю войну наносившие чувствительные удары по оккупантам.

Это к нам
Из ущелий
Норвежский народ
Из пещер Киркенесских
Рванулся навстречу.

Произошла историческая встреча населения с советскими воинами. В ночной тишине строго и торжественно звучали слова приказа:

— Равнение на флаг!

Замерли ряды бойцов:

— Свободным будь, народ, отныне!
И слышал я ответный гул.
И флаг норвежский, красно-синий,
Крылом развернутым сверкнул.

Все небо было в ярком блеске,
Но у флагштока, под горой,
Оберегая флаг норвежский,
Стоял советский часовой!

ОБЕЛИСК В ГОРОДЕ ТРОНХЕЙМЕ, НОРВЕГИЯ

Один из памятников, воздвигнутых норвежским народом советским гражданам, погибшим в 1941 — 1945 годах

Фотография Б. М. Лихарева, 1961

Собрание Д. А. Левоневского, Ленинград

Перевод норвежской надписи: «Памяти советских граждан, которые боролись за свободу в Норвегии, во время войны»

Братство, скрепленное кровью, братство отважных партизан и советских бойцов, вместе боровшихся за общее дело, нерасторжимо. Память о прошлом не умерла, она живет и в стихах Лихарева, написанных в 1961 г. во время туристской поездки по местам былых сражений:

Помню команду короткую, властную
У киркенесских высот:
— Вырвать из пламени улицу Нансена,
Пятая рота,
Вперед!

Улица Нансена, нами спасенная
В годы войны от огня,—
Ночью полярною,
Ночью бессонною
Вновь ты встречаешь меня.

Ты мне в награду за долгое странствие.
Я благодарен судьбе...
Вновь я пришел к тебе, улица Нансена.
Счастья желаю тебе!

Ниже мы публикуем ранее не печатавшиеся стихотворения Бориса Лихарева, относящиеся к 1945 году — к дням освобождения Норвегии от гитлеровской оккупации.

БЕРЕЗКА

Одна под ветром хлестким,
Над самой крутизной
Полярная березка
Поднялась над скалой.

Одна средь тундры голой,
Одна средь диких гор.
Ее щадил осколок
И пуля, и топор.

О ней в траншеях наших
Беседу мы вели
И деревца бесстрашье
Хвалили как могли.

Была в ней жизни сила
И смелость, и краса.
Она нам говорила,
Что в мире есть леса,

И пажити, и рощи,
И солнца благодать.
И с ней нам было проще
И легче воевать.

Одна под ветром хлестким,
Средь каменных громад,
Она герой, березка,—
Сказал о ней комбат.

Она в гранит вцепилась,
Тянулась к облакам
И не сдалась на милость
Ни стужам, ни снегам.

Но грянула утрата
Для всех ее друзей,
И ранили комбата
И вспомнили о ней.

И сталь сверкнула плоско,
Не сетуй, не тужи.
Последнюю, березка,
Нам службу сослужи.

Гори, гори, коль надо.
А много ль в ней тепла!
Но все ж она комбата
Согрела как могла.

И тронулись олени
В далекий медсанбат
И ночь сгустила тени
Средь каменных громад.

АМФИБИЯ

Амфибию не забуду,
Плывущую по каменьям,
Скребущую плоским днищем
Лапландские валуны.
Мы лодочку тянем сушей.
Терпенье, мой друг, терпенье!
На ней приплывем к победе
По трудным путям войны.

Трофейный бензин подвешен
В трофейных квадратных баках,
Его нам на пять заправок,
И он до утра сгорит.
Включи на мгновенье фары —
И выхватит луч из мрака
Встающий отвесной глыбой,
Как вызов судьбе, гранит.

Дрожит полуостров Кольский,
Скрежещет металл о камень.
Гиганты шагнули к морю
До Печенгских переправ,—
Мазнет по глухому небу
Малиновой кистью пламя,
То залп самоходных пушек,
И рявкнет обвал в горах.

Ах, ветер грозы военной,
Обжег ты мне с детства душу,
Великая ярость боя,
Тебя узнаю, как встарь.
Веди, как вела когда-то,
Ты скалы во мраке рушишь,
По самому сердцу тундры
Всей силой с плеча ударь!

ТИРОЛЕЦ

Хорошо снарядили тирольца в поход,
Отсчитали в подсумок патроны,
В завершение всех интендантских щедрот
Дали к шнапсу в закуску лимоны.

Чтоб ходил по горам —
На гвоздях башмаки,
Альпеншток и рюкзак из брезента.
Дали масла, и шпик,
И норвежской трески,
И за взятие Нарвика ленту!

Как никак далеко
От Тироля до тех
Скал гранитных, сожженных морозом,
Где в июле пурга,

Где в расщелинах снег
То лилов,
То в сиянии розов.

Все учел интендант:
И мундира покрой,
И с ментолом, от насморка, сахар, —
Отчего ж под унылой Лапландской горой
В мох лицом ты уткнулся с размаха?

Только сумрак глухой
Над твоей головой,
Только ветер с безмерных раздолий,
Повстречался с тобой
Наш боец рядовой —
Не увидит тиролец Тироля.

То боец рядовой,
Был он парень простой
В гимнастерке,
В обмотках,
Со скаткой.
Был веселый и злой,
Был он с красной звездой
И с московской отменной повадкой.

СТИХИ С ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

КАПИТАН ВЛАДИМИР ЗОТОВ

ОБ ОДНОМ ИЗ ФРОНТОВЫХ ПОЭТОВ

Предисловие Вс. Рождественского

Годы, проведенные на фронтах Великой Отечественной войны, навсегда останутся в памяти каждого писателя, принимавшего непосредственное участие в этой героической народной эпопее. Спустя двадцать с лишним лет многое вспоминается с необычайной отчетливостью — и не только те горячие дни и недели, которые упомянуты в сводках Информбюро. Я вижу утонувшие в сугробах ленинградских и волховских лесов низенькие блиндажи и землянки, куда нужно было пролезать, спускаясь все ниже и ниже, как бы проваливаясь в темные недра. Откинешь полог плащ-палатки, и при свете подрагивающего огонька коптилки выступят из полумрака бревенчатые стены, низкий потолок, дощатые ложа, а посередине стол, сооруженный из каких-то ящиков и покоробившейся фанеры. Потрескивает в углу незатейливая печурка, которую умелые руки смастерили из кровельного железа или отслужившего свой век бензобака.

Было и тепло, и даже уютно — в те, разумеется, дни, когда немцы не беспокоили с воздуха, не пристреливались артиллерийским огнем. В одной из таких землянок размещалась и та армейская газета, где нам приходилось вести каждодневную работу — писать статьи, очерки, фельетоны, стихи. Отсюда отправлялись мы в командировки за материалом во фронтовые части. Работы было много, разъездов и пеших хождений хватало тоже, и возвращение в родную землянку, к привычному столу и огоньку коптилки, казалось похожим на то, что приходишь к себе домой, в уже устоявшийся и спокойный быт, хотя этот «дом» и «быт» всегда оказывались и переменчивыми и непостоянными.

Периоды затишья, передышки между боями вносили некоторое разнообразие в наш редакционный обиход. Полевая почта присылала вместе с обычными заметками «военкоров» пачки треугольником сложенных писем со стихами и даже коротенькими рассказами. Всем нам помнится это стремление рядовых бойцов и офицеров как-то выразить, закрепить свои чувства на клочке бумаги, огрызком карандаша и часто в самых неподходящих для этого мирного занятия условиях. Было нечто бесконечно трогательное в этом желании, и никто не оставался равнодушным к неровно, нетвердо написанным строчкам наивных, простосердечных стихов, в которых жили честные и прямые чувства, говорившие о великой любви к Родине и о вере в конечную победу.

Среди подобных стихотворных записей попадались и стихи, отмеченные несомненным дарованием, вкусом, умением владеть поэтическим словом. Лучшее из них попадало на страницы газеты, находило горячий отклик в сердцах рядовых бойцов, вырезалось из газетного листа и пряталось на память в нагрудные карманы. Все это было живой литературой фронта, и если бы кто поставил себе задачей пройти по страницам дивизионной, армейской, фронтовой печати, он мог бы отобрать достойный материал,

в котором исторически точно отразилось бы то, чем жила и дышала фронтовая среда защитников Ленинграда в трудные блокадные месяцы 1942—1943 гг.

Одним из таких запомнившихся поэтов того времени мы, фронтовики-ленинградцы, считали капитана Владимира Николаевича Зотова, командира саперной роты, все время находившегося на переднем крае, у Пулковских высот — самые опасные места в непосредственной обороне города. Там он со своими саперами бессменно участвовал в вылазках и боевых операциях, там же был и тяжело ранен разрывом вражеской мины. Стихи его, в которых, помимо всем близких в то время переживаний, просто и правдиво говорилось о повседневном солдатском быте, о буднях войны, заучивались бойцами наизусть, списывались в записные книжки. Они пользовались заслуженной известностью среди воинов ближнего Ленинградского фронта—о чем не следует нам забывать и после стольких протекших лет.

Вл. Зотов, по профессии архитектор, в первые же дни войны вступил в народное ополчение, а несколько позднее в саперные части Красной Армии. Он не принадлежал к писательскому цеху, хотя стихи писал с юных лет. На фронте с особой силой пробудилось в нем его давнее влечение к поэтическому слову. Когда я говорю о Вл. Зотове, я имею в виду, конечно, не его одного. Были и другие поэты, рожденные фронтовой обстановкой, и стихи их, несомненно, сыграли свою роль в то памятное нам всем время в одном ряду с произведениями писателей-профессионалов. Можно сказать больше — бывало и так, что стихи, рожденные в землянке переднего края, своей непосредственной близостью к месту действия, казались более живыми и впечатляющими для бойцов, чем то, что уже легло печатной строчкой на страницу газеты или книги.

После войны В. Н. Зотов вернулся к своей основной профессии. Как архитектор он принял участие в восстановлении разрушенного Петергофа, а сейчас работает главным архитектором Выборгской стороны в Ленинграде. Не забывает он и о поэзии. Не так давно им закончена интересная поэма «Ленинградцы», в которой рассказывается об одной блокадной судьбе, и очень точно, как может передать только очевидец и участник, воспроизведена бытовая обстановка героического города в самые трудные для него дни.

Ниже печатаются стихи Вл. Зотова, ходившие в записях и устной передаче среди бойцов Ленинградского фронта.

БАЛЛАДА О НОЧЛЕГЕ

Знакомые просят меня рассказать
О том, как пришлось нам зимой воевать...

Рассказывать тошно и неохота,
Про доты что ли? Да ну их в болото!

А как мы прощались навеки с друзьями,
Настанет время — узнаете сами.

К чему вспоминать про мороз колючий?
Я лучше припомню веселый случай.

Устав от ночевок в снегу, на соломе,
Мы заняли ротой бревенчатый домик.

Я нормы такой не забуду вовек:
На метр квадратный — шесть человек!

Б. М. ЛИХАРЕВ (слева) и В. Н. ЗОТОВ
Фотография. Ленинградский фронт, март 1942 г.
Собрание В. Н. Зотова, Ленинград

Чтоб каждому воину место дать,
Я взводу сначала командовал: «Встать!»

Потом мы садились, плечом к плечу.
Вот так ночевали... О прочем молчу.

Ленфронт

ОКОПНАЯ

Хороша землянка наша —
Пять рядов над ней накат,
И, ей-богу, нам не страшен
Неприятельский снаряд!

Но хвалиться мы не станем,
Все ж и в недрах блиндажа
Ждешь с невольным замираньем,
Ждешь снаряда не дыша.

Ждешь от «германа» посылки
(Чёрт возьми его скорей!),
Коль застрял в «прицельной вилке»
Дальнобойных батарей.

Вот снаряд ревет и воет,
Воет он, а мы молчим
И не верим, что накроет
Попаданием прямым.

Будто рухнул неба купол,
Шум в ушах, шальной трезвон.
Значит щучий сын нащупал
Наш саперный батальон.

И комбат мой, брови хмуря,
Чертыхается слегка
И бурчит в мембрану: — «„Буря"!
„Буря", дай-ка огонька!..»

Чем опасность неизбежней,
Тем спокойнее кругом,—
Тем охотней житель здешний
Речь заводит о другом.

Что в семи верстах отсюда
Баня просто благодать,
Что под вечер бы не худо
Нынче в шахматы сыграть...

Им, кто собственною кровью
Окропил передний край,
Ты, брат, доброго здоровья
До победы пожелай!

Ленфронт

СМЕРТЬ СОЛДАТА

Бывает так — еще не бой,
Передний край еще спокоен,
А срезан пулею слепой
Упал на дно окопа воин.

Застыл солдат недвижно прям
В покое нерушимо прочном,
И руки вытянул по швам
Он перед отпуском бессрочным.

Никто ему в последний раз
По-русски тело не омоет.
Лишь веки потускневших глаз,
Тоскуя, друг ему закроет.

И место мертвому найдут
Угрюмого успокоенья,
Привал последний и приют
В забытом ходе сообщенья.

Могила тесная узка.
Ее, отмеря в рост длиною
И вглубь на полтора штыка,
Саперы выдолбят киркою

На вековечный отдых свой
Солдат ложится безоружный.
Его винтовку взял другой,—
Оружие для мщенья нужно!

Покойному отдать поклон
Сберутся фронтовые братья.
Простые, строгие, как он,
Простятся, слез мужских не тратя.

Стоят вокруг они скорбя,
Стоят в молчании суровом.
Горюет каждый про себя,
Не облегчая горя словом.

Ленфронт

ФРОНТОВИКИ В ВОРОНЕЖЕ

Махорки вьется дым заядлый,
Курчавя сизые вихры,
Где застучали, точно дятлы,
Егорьевские топоры.

Святая соль седьмого пота,
Седея, стынет на спине.
Саперов-плотников работа
Здесь горячей, чем на войне.

Они берут урок бессменный
И ночью не уходят прочь.
К рассвету поднимает стены,
Как на дрожжах, сквозная ночь.

И фонарей свисают грозди,
И льется света желтый сок.
Под молотками пляшут гвозди
На глади бронзовых досок.

Фронтовикам заданья мало,—
Гудит сержанта бас густой:
— Подбрось, десятник, матерьяла,
Не то записывай простой!

Сквозь гам веселый перепалки
Несется звон из-под дуги,—
Подвозят рубленые балки
Воронежские битюги.

Ты нашей славы не уронишь,—
Топор саперный, вновь служи!
Пускай разрушенный Воронеж
Поднимет выше этажи.

ГВАРДИИ СЕРЖАНТ ВАЛЕНТИН СМИРНОВ

О СЕБЕ

Очень трудно писать о себе. Еще труднее — о своем прошлом. Перепутались дни, сместились в памяти годы и даты. Одно незабываемо: лето 1944 года. Восемнадцатилетним пареньком я в пехотной цепи лежу под прибалтийским городком Двинском.

Мы не знаем, когда нас поднимут в атаку. Мы лежим на земле и ждем сигнала. Может, он раздастся сейчас, может — завтра на рассвете.

Кто-то будет убит. Кто-то ранен. Кто-то останется жив. Но город все равно будет взят. Так надо. Так будет.

Я не хочу умирать. По крайней мере, я стараюсь о смерти не думать. Я лежу и вспоминаю стихи. Конечно, своего любимого поэта Лермонтова. Я их учил в школе. Перед самой войной.

...Ко мне он кинулся на грудь,
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Свое оружье. Он завыл,
Рванулся из последних сил...

Мужественные, сильные строки вспоминаются легко и свободно. Я уже думаю о другом, но железный, властный ритм лермонтовского стиха остается в сердце. И сердце мое бьется в такт этому ритму. И я слышу новые слова. Я быстро записываю их в походную книжку:

...И на сырой кореножом,
А, может, наспех и штыком
Здесь кто-то вывел: — Спи, герой!
Ты жизнь отдал за край родной!

Позднее приходят другие слова, другие образы. Рифмы легко ложатся на бумагу. Утром стихотворение «Погибшему товарищу» я послал в редакцию дивизионной газеты. А город Двинск? Он был освобожден только через две недели.

К поэзии я тогда относился, как к полковому знамени. Хотел сказать, как к первой любви, но она была еще впереди. Впереди были и новые ожесточенные бои.

Помню бой под местечком Млавой, уже в Польше. Мы перебили большой отряд эсэсовцев, сопровождавших в концлагерь польских граждан. Помню пестрые рваные халаты, бледные лица. Я тогда написал об этом событии стихи «Яростная гроза».

Почему я любил (и люблю) стихи — не знаю. Но я и сейчас не бросаю трудной поэтической работы.

Солдатская муза привела меня в газету, сделала профессиональным журналистом. Спасибо ей за это!

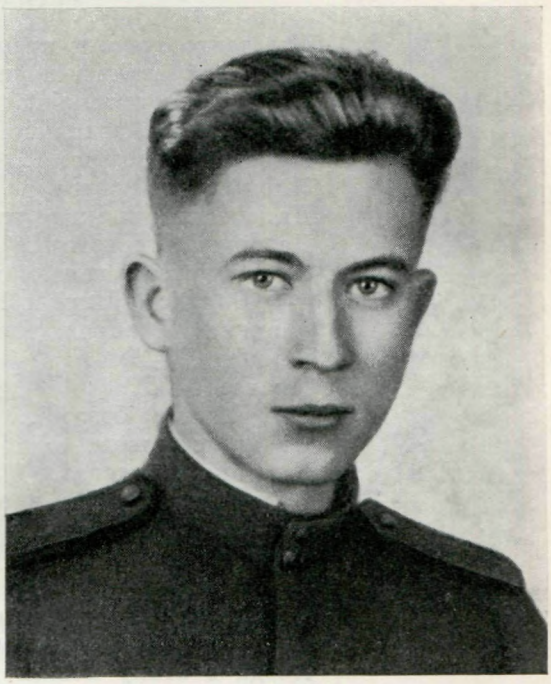
Валентин Анатольевич Смирнов родился в 1926 г. в г. Сычевке, Смоленской области. Свою военную биографию начал в 1943 г. в партизанском отряде им. С. М. Кирова бригады «За Родину», действовавшей на территории Белоруссии, в районе Полоцк — Вильнюс — Друя.

В первой половине 1944 г., уже в составе действующей части 1 Прибалтийского фронта, участвует в боях за освобождение Белоруссии и Литвы.

В январе 1945 г., после окончания спецучилища, направляется командиром радиоотделения в 42 стрелковую дивизию 2 Белорусского фронта. С боями доходит до Германии.

В. А. СМИРНОВ

Фотография. Берлин, лето 1945 г.
Собрание В. А. Смирнова, Алма-Ата



Первое стихотворение Валентина Смирнова было опубликовано во фронтовой печати в 1944 г. Награжден медалями: «За отвагу», «За взятие Кенигсберга» и др. После окончания войны служил в группе оккупационных войск в Германии. Демобилизовался в 1950 г. В настоящее время живет в Алма-Ате, работает литературным сотрудником в республиканской газете «Казахстанская правда».

ПЕРВЫЙ БОЙ

Меня обстригли нàголо,
Мальчишкой увезли
За озеро, за Ладогу,
На самый край земли.
В четыре цвета радуга,
И в две шеренги строй.
Оттуда, из-под Ладоги,
Ушел я в первый бой.
Смотрел, прищурясь, месяц
Сквозь мокрую пургу,
Как, целясь и не целясь,
Стрелял я по врагу.
В блиндаж с одной гранатой
Врывался, словно бог.
И вражеским солдатам
Кричал я: «Hände hoch!»
А после боя чарку
Мне выдал старшина:
— Держись!
Всем было жарко...
...И выпил я до дна!

Июль 1944 г.

АТАКА

Мы долго грызли кремнистый грунт
Звенящей сталью лопат,
Чтоб был готов наблюдательный пункт
К утру, как велел комбат.
Противник молчал...
Лишь ветра свист,
Да филина крик в ушах,
Да рядом тревожным баском связист
ОПе вызывал впотьмах:
— «„Баркас", „Баркас"! Принимай опять!
„Баркас"! Говорит „Разгон"!
Прицел 7—20,
Правее 0—5,
Две мины... беглый... огонь!»
От яркого света
Немецких ракет
Я прячусь глубже в окоп.
О этот дрожащий,
Предательский свет
И пулеметы — в лоб!
В испуге скрылся за облака
Оранжевый диск луны,
Когда в атаку пошли войска
Под музыку бога войны.
И сразу сильный,
Огненный шквал
Стволы раскалил добела.
И плечи расправил
Седой генерал:
— Родная... пошла, пошла!

Август 1944 г.

В ПИНСКИХ БОЛОТАХ

За бродом — брод.
Машины месят ил.
А дальше — топь,
Тоскливые березки.
Где глох мотор
В сто лошадиных сил,
Там выручала лошадь и повозка.
На берегах обрывистых реки
Давным-давно забыли наши ноги,
Что где-то есть прямые большаки
И синие асфальтные дороги.
Патронов нет,
И хлеба тоже нет,
И не понять:
Где немцы,
А где наши.
Но есть штыки,
Есть, чёрт возьми, кисет,
А с табачком и умирать не страшно!
Мы раненых выносим на руках,

БОЕВОЙ ЭПИЗОД

Рисунок М. Н. Домащенко (черная акварель), 1943 г.
Центральный музей Вооруженных Сил СССР, Москва

Идем вперед
Навстречу пулеметам.
Идем вперед.
Сквозь смерть идем,
Сквозь страх,
Сквозь зыбкое,
Коварное болото.
Идем вперед.
И нас не задержать:
Ведь мы —
Ее величество Пехота!

Лето 1944 г.

ЯРОСТНАЯ ГРОЗА

Виктор Мосальский из Млавы—
Польского городка.
Помнишь ли ты безусого
Русского паренька?
С лычками на погонах
Русского паренька
Энского, краснознаменного
Действующего полка?
Виктор Мосальский из Млавы,
Друг мой,
товарищ,
брат.
Я тебя помню мальчиком
В сером халате до пят.
Худеньким, смуглым мальчиком
В пестром халате до пят,
Шагавшим дорогой смертников

В сумрачный Бухенвальд.
Ветер сковывал сердце,
Халат распахивал твой
С белою роковою
Шестиконечной звездой.
С белою, роковою
Мученической звездой.
Словно в мишени по звездам
Пьяный стрелял конвой.
Я этого не забуду,
Это забыть нельзя,
Полные боли и скорби
Огненные глаза.
Череп, обтянутый кожей,
Огненные глаза.
О, как бушевала над Одером
Яростная гроза!
Яростная от всполохов
Ведущих огонь батарей,
Яростная от крови
Павших в бою парней.
В серых, тяжелых шинелях
Лучших моих друзей.
Еще не высохли слезы
Жен их и матерей!
Тебя и твоих товарищей
Со звездами на спине
Не дали вот эти парни
Поставить лицом к стене,
В адских печах Бухенвальда
Испепелиться в огне.
Виктор Мосальский из Млавы —
Польского городка.
Мы с тобой ели кашу
Из одного котелка,
Чаем ее запили
Из одного котелка.
Робко руку солдата
Сжала твоя рука.
— Друг мой! Товарищ! — тихо
Губы шепнули твои.
Мы духом с тобой едины
В ненависти и в любви.
К черным силам — в ненависти.
К солнцу и звездам — в любви!
Земле захлебнуться снова
Мы не дадим в крови.
Со временем тлеют бумаги,
Стираются с них слова.
Лишь запись, что сделана сердцем
Имеет на жизнь права.
Наша дружба с тобою
Вечно будет жива.
И дружбою этой держится
Над шаром земным синева!

9 мая 1945 г.

КИНОСЦЕНАРИИ

КОНСТ. ФЕДИН

НОРВЕЖЦЫ

РАССКАЗ ДЛЯ ЭКРАНА

От автора

Примерно в августе 1941 года мне было сделано «Мосфильмом» предложение написать сценарий на сюжет по моему выбору, связанный с событиями разразившейся войны. Всеобщая мысль, исполненная страсти и негодования, была направлена в те дни на события гигантского фронта и — прежде всего — на непрестанные бои в Белоруссии и западных областях России.

Была в то же время одна точка фронта, по виду обращавшая на себя тогда мало внимания. Это был крайний северный фланг военных действий, на стыке нашей Карельской границы с Финляндией и Норвегией. Помимо своеобычно-сложной, жестокой природы сухопутного Заполярья, здесь господствовали громадные просторы северных вод. С самого начала войны они сулили разворот драматических морских сражений. Норвегия уже второй год была оккупирована гитлеровскими войсками. Финляндия действовала как верный сателлит германского фашизма. Море Баренца мы должны были отстаивать как жизненно-ценную связь с нашими западными союзниками в войне.

Почему я избрал местом действия сценария Север? По своим поездкам к Поморью и в Мурманск, я сохранял в памяти и этот край волшебных сияний, и людей того бесценного закала, который дается Севером. Я никогда не забывал и своего путешествия по Норвегии. Правда, оно не простиралось до крайних широт. Но человек поэтических норвежских гор и фиордов был близок моему воображению не только со времен хождения в страну Ибсена и Бьёрнстерне Бьёрнсона, но и с юношеской поры увлечения этими писателями. И разве не замечателен был во второй мировой войне факт непримиримого сопротивления фашистским оккупантам простого труженика этой небольшой страны?

С давних лет русский помор дружески встречался в Белом и Баренцовом морях с рыбаками Норвегии. Во второй мировой войне советский воин рука об руку с норвежским борцом антифашистского фронта Сопротивления освобождали Норвегию от гитлеровских войск. В 1944 году 20 немецкая армия была разбита советскими войсками, и северное побережье Норвегии с областью Финмарк было очищено от фашистских частей. Пять тысяч мирных норвежцев, скрывавшихся в шахтах, увидели свет, встречая советских освободителей как братьев. Павшим нашим солдатам Норвегия воздвигла в городе Киркенесе памятник.

Задача, которую я мог себе поставить в самом начале войны, работая над сценарием, была далека от намерения отразить, хотя бы в некоторой полноте, громадные события тех дней на Крайнем Севере. Замысел ограничивался желанием очертить характер того норвежского человека, который отважно, иногда в одиночку, защищал свободу своей земли от поработителя.

Работа была закончена в сентябре и принята «Мосфильмом». Одобрительный отзыв о «Норвежцах» мне известен лично от Виктора Шкловского, всегда тесно сотрудничавшего с кино. Но фильм не был поставлен. Текст «рассказа для экрана» я до сих пор не печатал — он публикуется впервые.

Октябрь 1964 г.

Ранняя осень 1941 года. Норвежский берег Баренцова моря

Лица:
Генрик — рыбак
Кристина — его жена
Гакон — сын
Август — крестьянин
Сельма — его дочь
Петр Вирхов — военмор советского катера «Ловкий»
Военный комиссар «Ловкого»
Командир «Ловкого»
Англичанин-пилот
Немцы-мотоциклисты
Советские военные моряки и рыбаки траулера, немецкая пехота и мотоотряд, норвежцы-горожане.

Море. Белый водяной гребень рассыпается на гладком, протяжном, темном спаде вала. Брызги — как разменное серебро.

Почти такое же, как море — северное небо: разорванные кулисы тучек с белыми краями, похожими на серебро водяных гребней.

Брызги воды, растрепанная оторочка точек, сверкая, как будто отражаются в потоке серебра, льющегося жидким металлом в черную разинутую пасть пароходного трюма.

Это ссыпают в трюм отсортированный улов еще живой трески: советский рыболовный траулер, качаясь, возвращается с промысла домой. Рыбаки в кожаных передниках, поблескивающих от воды и рыбьей чешуи, катят рыбу по палубе черпаками.

Высокий бородатый помор с засученными по локоть рукавами нагнулся, расставив ноги, ухватил под жабры увесистую рыбину, глянул в море, засмеялся и помахал хвостом рыбины в воздухе, словно кому-то грозясь.

— Эй, на катере! Лови, дружок, на уху! — крикнул он луженым голосищем, по-поморски окая.

Почти борт о борт, обгоняя траулер, окатываясь пеной, режет море катер советского военно-морского флота «Ловкий» — конвоир рыбных промыслов, коротко знакомый каждому ловецкому судну.

На носу катера несет вахту Петр Вирхов — молодой моряк, с широким лицом, озорно поднятой бровью, прищуренным взглядом. Складывая пятерни трубой, он кричит против ветра, подражая помору:

— Это что же, на червячка попалась, али на мушку?

— На комариный писк! — громыхает с корабля помор.

— За комара-то сам пищал? — смеется Вирхов.

Но вдруг точно сдуло с его лица улыбку: он нацелился глазом высоко в небо, прислушался, сказал:

— Тут комарик звенит потонее...

Он прощупал облака биноклем, обернулся к рубке, крикнул:

— Воздух!

На катере тревога: подняты орудия, команда — по местам, все лица обращены к небу. Вирхов не ошибается — у него зоркий глаз, он уже пой-

мал пятнышко, движущееся по белой оторочке облака, он силится распознать по профилю самолета — чья птичка несется к далекому побережью Норвегии, он дышит часто, неровно — не ошибиться бы и разгадать бы раньше других!

— Англичанин! — вырывается из его переполненных воздухом легких.— «Спитфайер»!

И в этот миг рывок ветра слизывает у него с бритой головы бескозырку. Она взмахивает на прощанье ленточкой, и волна засыпает ее брызгами. Почти вылетел за борт Вирхов и застыл с протянутой рукой. Нет, не достанешь! С гребня волны, как с горки, скатилась блинком по спаду воды черная бескозырочка, и ленты, извиваясь, высветили золотом буквы: «Лоукий».

Товарищи смеются над Вирховым. Кто-то протянул ему носовой платок:

— На, Вирхов, обвяжись. Простынет маковка!

Вирхов на секунду смутился. Потом, со своим хитрым смешком отзывается громко:

— Не тужи, моряк, проживем! А бескозырка моя завороженная: найдется!

* * *

Норвежский берег. Как наломанный скарб — голые многоцветные скалы. Очень узенький, глубоко забегающий в материк смирный и нежный фьорд. По одну сторону берегов его — ровная, прямая долинка. Она переливается жизнью солнца, которое то выглянет через оконца тучек, то спрячется.

Над долинкою — большой неогороженный двор крестьянина. Сено высится добрыми скирдами — лужки вокруг давно выкошены.

Сам хозяин — Август — задает коровам сено, набивая кормушки. Он гладит коровью голову, его ладонь обжимает шершавый, влажный нос гронинченки.

Рука остановилась, корова лизнула ее: хозяин обернулся к двери, нахмурился.

На камне, лицом к отдаленным скалам, замыкающим долинку с той стороны, где фьорд переходит в море, сидит дочь Августа — Сельма. Она обняла колени, взгляд ее неподвижен, она поет тихо, отрывисто, будто ведет разговор:

Ни ветер, ни буря,
Никто, никогда...

Отец выглядывает из хлева, видит дочь, идет вразвалку двором, останавливается.

Никто нас с тобой
Не догонит...

Тяжело приподнимая огромные ноги, Август обходит камни, приближается к дочери. Она не слышит его. Она плачет и глядит, глядит не мигая, на далекие скалы. Коса закрыла ее лицо.

Отец берет Сельму за локоть. Она вскакивает, откидывает косу. Глаза ее опущены, она не двигается.

— Тебя тянет к нему? — говорит отец.

Он сжимает ей локоть.

— Ступай к нему и скажи...

Он жмет ей локоть изо всей силы. Она не двигается.

— И скажи ему: ты упряма, как вода, а я упрям, как гора. Гора запрет воду.

Он выпускает локоть. Она не двигается.

— Ступай,— говорит отец.

Она с усилием делает шаг, потом другой, ее как будто качает от боли, она прижимает локоть к груди, идет быстрее, быстрее, потом шаги ее переходят в бег, и она несется по долинке, вдоль фьорда.

Август достал из кармана трубку, резко вмял тупым пальцем табак. Взгляд его не отрывается от бегущей дочери.

* * *

Обветренным, старым гнездом прилепился к скале рыбачий домик.

На скале поодаль — работа: Генрик выкашивает из расщелин крошечной косой, похожей на горбыль, цепкие побеги травы.

Его сын — Гакон — собирает траву в охапку.

Отец разогнулся, передохнул, поглядел в море.

— Когда бы не война,— сказал он в суровом раздумье,— мы бы уже засолили немало сельди. Нынче большой ход.

Он опять, расставив ноги, принялся косить.

Гакон молча поднял охапку травы, пошел с ней вниз.

Коза, натянув привязь, выхватывает из охапки и торопится разжевать клок травы, потом с недоумением глядит вниз, вслед удаляющемуся Гакону, и блеет обиженно.

В долинке Гакон помогает матери — Кристине — сушить траву. В низенькие козла положены жерди, на них прядями развешивается трава.

— Нынче много сена,— говорит Кристина.

Гакон оторвался от работы.

— Война не знает слова «много»,— говорит он,— ей всего мало...

— Если бы не война, мы с отцом думали купить корову,— говорит мать.

— Если бы не война, мы были бы с отцом в море,— как отец, сурово говорит Гакон.

— Мы разбогатели бы. И Август отдал бы за тебя Сельму.

Гакон отворачивается от матери: она еще никогда не говорила с ним так. Он отвечает, помедлив:

— Август сам ничего не дает.

Он смотрит в ту сторону, где раскинулся двор Августа, и вдруг видит Сельму, бегущую долинкой прямо к нему. Мгновение он стоит растерянный. Трава сыплется у него из рук. Потом, не глядя на мать, он срывается с места и, перепрыгивая через жерди, бежит навстречу Сельме.

Они сидят на берегу фьорда, у самой воды, неподвижные, взявшись за руки, глядя на свое отражение в маленькой стоячей заводи.

Мимо них, едва не задевая крылами водяную гладь, проносится выводок уток, и они глядят птицам вслед.

— За какой локоть он тебя взял? — тихо спрашивает Гакон.

— Вот за этот.

Гакон поглаживает кончиками пальцев локоть Сельмы.

— Что же он сказал?

— Он сказал, что я упряма, как вода, а он упрям, как гора.

Они сидят молча.

— А потом?

— Он сказал, что гора запрет воду.

Гакон чуть-чуть улыбнулся:

— Твой отец забыл, что нынче —война. Скажи ему, что Гакон упрям, как война. Войне не страшны горы.

Он приподнялся, вскинул голову.

— Слышишь?

СЕВЕРНЫЙ ФОРПОСТ

Цветная линогравюра В. С. Бибикова из серии «Северный военный флот в Великой Отечественной войне», 1941

Литературный музей, Москва

Гул мотора то вспыхивает, то угасает. Самолет, как будто выпав из окна облаков, быстро опускается на долинку...

* * *

Высоко в горах, на повороте извитого шоссе, стоят два немецких солдата с мотоциклами. Они пристально следят за самолетом.

— Садится,— говорит один.

— Англичанин,— говорит другой.

— Далеко,— говорит первый.— Большой объезд.

— Ты езжай к посадке,— отвечает другой,— а я в город. Жди меня.

Они вскакивают на мотоциклы и разъезжаются на полной скорости...

* * *

Самолет приземлился в долинке. Пилот высунулся из кабины, быстро оглядел всю округу.

К самолету бегут Гакон и Генрик.

С другой стороны тяжеловесно шагает Август, неторопливо дымя трубкой.

* * *

Неисправность в подаче горючего устранена. Генрик помогал пилоту. Он соскакивает с самолета на землю, наскоро вытирает травой руки. Следом за ним выпрыгивают англичане — пилот и наблюдатель. Пилот кладет руку на спину Генрику:

— Спасибо. Вы показали свое уменье. Теперь покажите силу.

Он подводит Генрика к шасси: одно колесо погнуто при посадке.

Генрик оборачивается к Августу. Тот стоит — руки за спину — почмокивает губами, дымит.

— Вот Август сильнее меня,— говорит Генрик.

— Откуда ты знаешь?— не вынимая трубку изо рта, отвечает Август.— Мы с тобой не мерялись силой.

— А что ты смотришь на меня так, будто хочешь померяться?

— С тобой — нет. Но любопытно, силен ли твой Гакон: он хочет идти против моей воли.

Он смотрит, сощурившись, на Гакона. В его взгляде — не только вызов, но и чуть заметное любование: Гакон стоит молодцом — прямой, с поднятой головою, ответный взгляд его дерзок и смел.

— Живее,— торопит пилот,— поединок потом, после моего старта!

Гакон подходит к шасси, спрашивает англичанина глазами — что делать? Вместе с отцом он приподнимает шасси — видно, как крыло самолета качнулось и поднялось. Пилот нагибается к колесу.

Август невозмутимо наблюдает за работой Гакона, попыхивая трубкой...

* * *

В рыбачьем домике, нагнувшись к топке очага, Сельма раздувает огонь, подкладывая мелко наломанный хворост, поминутно спрашивая:

— Готов?.. Закипела?

Кристина приоткрывает крышку чайника: нет, как на грех, вода не закипает! Сельма дует на огонь что есть мочи.

— Ах, они улетят, мы не успеем!

Нет, вода не кипит!

— Ну подуй ты! — восклицает Сельма.

Они меняются местами. Сельма открыла конфорку, обожгла палец. Опять поменялись с Кристиной местами. Дует то на палец, то на огонь. Кричит:

— Закипела! Я слышу!

И правда, вода закипела.

— Сахар, где сахар?

Отыскался на дне склянки сахар.

— Ром, где ром?

Нашелся и ром — почти полбутылки.

— Бежим!

Кристина едва поспевает за Сельмой. Она мчится напрямик, держа перед собою в вытянутой руке чайник с кипятком. Самолет уже близко. И вот — какая-то кочка на пути! — и Сельма со всего разбега вытягивается на земле, разливая кипяток.

Она так поражена, что не может подняться, и полными слез глазами застыло глядит, как по травинкам выползает парок над лужей кипятка.

Англичане, смеясь, поднимают ее с галантной поспешностью кавалеров. Она стоит между ними, в руках — пустой чайник — и лепечет:

— Грог... Мы хотели предложить вам грогу...

Август, неуклюже отвернувшись, прикрыл ладонью лицо и вдруг отечески-снисходительно засмеялся.

— О мы обойдемся чистым ромом,— говорит пилот, протягивая руку к бутылке, с которой подоспела Кристина.

Приподняв стакан с ромом и оглядывая женщин и мужчин, пилот сказал:

— За нашу победу!..

И выпив, быстро договорил:

— Окажите мне еще услугу... Нет, не мне, а всем нам...

Он обвел рукой весь круг обступивших его норвежцев.

— Вон там, на север от городка, в бухте грузится немецкий транспорт. Надо проследить, куда он направится. Если на запад — выложите здесь, в долине, из этих жердей с сеном крест. Если на север — букву N.

Он вынул из своей сумки карту и на тыльной стороне ее начертил, повторяя:

— Если на запад...

Все смотрят за тем, как чертит карандаш +.

— Если на север...

Карандаш выводит N — и головы согласно кивают его четкому движению.

— Спасибо! До свиданья!

Это — громко и ко всем сразу. А затем повкрадчивее — только Сельме:

— За вами, фрекен, грог!..

И — на самолет.

* * *

Норвежцы все еще стоят вкружок с поднятыми к небу головами, приоткрыв рты, провожая глазами рычащий самолет, когда из-за скал показывается немец-мотоциклист. Он мчится по долине прямо к норвежцам.

Сельма различает шум мотоцикла первая. Выронила чайник, но тотчас подняла его, взяла из рук Кристины бутылку из-под рома, сунула ее в карман Гакону, стала рядом с ним, поправила платье.

Все по очереди обернулись к немцу.

Он спрыгнул на землю, не спеша вынул из деревянной кобуры маузер, приблизился к норвежцам, прошел по всему ряду, заглядывая в лица, не произнося ни слова.

Остановился, еще раз обвел всех пытливым взглядом. Крикнул коротко:

— Помогать англичанам?

Норвежцы молчат. Снова испытывает он всех взглядом.

— Что за поручение дал вам англичанин?

Норвежцы молчат. Немец делает медленный шаг к Генрику. Рыбак стоит не шевелясь, губы его стали узенькой белой полосочкой, щеки ввалились.

— Ты помогал летчику, отвечай!

Генрик подергивает плечами.

— Не понимаешь? Покажи руки!

Немец хватает руку Генрика. Поблескивающим стволом маузера с усилием разжимаются пальцы: все они и вся ладонь Генрика густо выпачканы машинным маслом.

Немец делает шаг назад, вскидывает маузер и нацеливается в грудь Генрика.

В один скачок Гакон оказывается рядом с немцем и бьет его по руке в тот миг, когда раздается выстрел.

Генрик зажал руками живот, упал на колени. Женщины бросили на землю чайник, стаканы, кинулись к раненому.

— А-а! — кричит немец,— шпионская банда!

Он хочет выстрелить в Гакона.

Но тогда, словно обух, крушит его по пальцам громадный кулак Августа.

Немец со стоном выронил маузер, бросился к машине, пробежал с ней несколько шагов, вскочил в седло, помчался.

Гакон поднял маузер, выстрелил вдогонку немцу — раз, два — мимо!

Август поглядел на него свысока, сказал:

— Надо было раньше учиться стрелять, малыш. Тогда, может быть, наша кровь не лилась бы напрасно.

Он посмотрел на Генрика.

Кристина поддерживает голову раненого. Сельма, сорвав с себя передник, разрывает его на ленты.

Август хочет что-то сказать дочери — суровое и окончательное, отворачивается, хочет уйти, потом останавливается, собирается раскурить трубку, но вдруг прячет ее и подходит к Генрику.

— Тебе плохо, сосед?

Генрик закрыл глаза.

Август резким рывком вытаскивает у Гакона из кармана бутылку, поднимает с земли чайник. Старательно он сливает в чайник остатки рома, потом нагибается над Генриком.

Капля за каплей стекает в рот раненого прозрачный напиток.

Генрик приходит в себя.

Август говорит:

— Скажи сыну,— если ты умрешь, пусть он слушает меня, как отца.

Генрик чуть-чуть кивает в ответ.

Гакон дотрагивается до плеча Сельмы. Они стоят сосредоточенные, замкнутые.

Тогда Август, выпрямившись, озирает по-капитански окрестность и словно отдает команду:

У БЕРЕГОВ ВРАГА

Цветная линогравюра В. С. Бибикова из серии «Северный военный флот в Великой Отечественной войне», 1942

Литературный музей, Москва

— Нам не сдобровать теперь. Надо укрыть его.

И он показывает на фьорд.

— Верный друг рыбака — море.

Они поднимают и осторожно несут Генрика долинкой, к берегу...

* * *

Рыбачий карбас раскачивает высокой мачтой: ветер начинает сильно дуть с берега в море.

Кристина принесла постель, разостлала на дне карбаса. Генрик перевязан, его укладывают, он дышит часто, и как в бреду что-то бормочут его губы. Но вот он снова открыл глаза и силится проговорить ясно:

— Кто даст сигнал англичанину?

Кристина, низко склонившись к нему, торопливо шепчет:

— Будь покоен, будь покоен, Генрик: я остаюсь на берегу, я все исполню...

И Август, все больше приобретая что-то капитанское, наставительно приказывает Гакону:

— Держись на шхерах, на виду. Если транспорт пойдет на север, подними парус. Если паруса я не увижу, значит немцы ушли на юг.

— Я буду смотреть за вами оттуда, с нашей скалы, сынок,— говорит Кристина и вдруг порывисто обнимает Гакона.

Август смотрит на Генрика — выживет ли? — и, словно отвечая, говорит Сельме:

— Теперь ты ему дочь. Береги его.

Он слегка коснулся ее локтя, застенчиво пошевелил пальцами, отвернулся, грозно перемахнул через борт на берег.

Кристина и Август навалились на карбас, отталкивают его от берега...

* * *

Крошечный городок в горах. Все вымерло. По пустынной улице движется маршем немецкая пехота, покидая городок.

За углом — рыночная площадь. Торговля крабами и рыбой из корзин и с лотков. Реденькие кучки торговок и горожан-покупателей.

Когда немцы появляются из-за угла и открывают свое машинное шествие мимо рынка, — и покупатели, и торговцы, все, как один, поворачиваются к ним спинами.

В безмолвии раздается маршевый грохот сапог...

Пехоту догоняет на окраине команда немцев на мотоциклах, направляющаяся в горы...

* * *

В маленькой бухте пехота грузится на транспортный пароход. Лошади, кухни, пулеметы, фураж, автомобили, санитарные кареты — все это переваливается по сходням, взлетает в воздух на лебедках, переполняет палубы. Люди ползут и проникают повсюду, как дождевые ручьи.

Транспорт отходит, оставляя позади себя безлюдный берег. Чем ближе к выходу из бухты в море, тем крупнее волна,— ветер подымает ее высоко...

* * *

В шхерах поплавочком ныряет рыбачий карбас. Он держится на якоре, позади скалы, о которую разбивается волна.

Смерчи брызг обдают лицо Гакона. Он вытирается рукавом, воспаленными глазами обыскивает далекие смутные горбы валов.

Сельма закрыла кожухом голову Генрика — он хорошо защищен от воды. Но она с тревогой следит за его лицом; оно неподвижно, бескровно, наверно это — смерть, похожая на сон, или, может быть, последний сон перед смертью.

— Сельма, скорее! — кричит Гакон.— Смотри!

Прижавшись друг к другу, они глядят в море.

Транспорт? Нет сомнений! Пароход крадется вдоль шхер, видны его палубы, загруженные повозками, машинами, орудиями, всё на пароходе черно от людей.

— Немец,— вскрикивает Сельма.

— Парус! — командует Гакон.

Тяжелый парус медленно раскатывается и ползет по мачте. Гакон и Сельма, почти слившись в одно тело, всем своим весом тянут неподатливую снасть.

И еще наполовину не успел развернуться парус, как ветер лег в него, надул огромный, дышащий пузырь, и якорный трос натянулся, скрипнул по борту.

На мгновение приостановилась работа, Гакон обернулся на трос, потом быстро посмотрел на Сельму — понимает ли она, что может случиться? — и работа пошла дальше: парус должен быть поднят — что бы ни случилось!

И вот он раскатан весь, до верхушки мачты, береговой ветер рушит в него свои тяжкие порывы, и секунду спустя якорный трос звенит, как лопнувшая пружина, и обрывок его свертывается на борту спиралью.

Гакон успевает схватить багор и крикнуть:

— Держись!

Карбас несется на скалу.

Гакон упирается багром в уступ камня, смягчает удар. Ловким размахом багор вклинивается в расщелину, и Гакон вместе с Сельмой удерживают карбас, наперекор ветру, прижав борт тесно к неприступной гранитной глыбе.

Слабнут руки. Суденышко подбрасывается волной, бьется о камень.

Со страхом глядит Гакон на Сельму. Миг нежности к ней и миг малодушия.

— Может быть сигнал уже принят, Сельма?

Она не отвечает.

— Если мы спустим парус, можно продержаться около утеса,— говорит Гакон.

Сельма молча оглядывается на раненого.

Тогда новый приток сил согревает коченеющие руки Гакона, он вплотную подтягивается к скале.

Но в тот же момент огромный вал подкинул карбас высоко, ударил об утес и бросил вниз.

И вот вырвался багор из рук, и ветер легко, небрежно повлачил суденышко из полосы шхер в открытое море.

Не взглянув друг на друга,— Сельма поползла к раненому, Гакон бросился к рулю и всем телом навалился на него.

* * *

Кристина лежит на скале, лицом — к морю. Гул его доносится и сюда. Где-то у отдаленного утеса, почти сливаясь с ним, подпрыгивает на волнах маленькое темное пятнышко.

Там — муж Кристины, там ее сын, там девушка, которая сегодня стала ее дочерью. Хорошо, если бы немец пошел на юг,— не надо было бы поднимать парус. Если он будет поднят, то к несчастью, которое уже случилось, прибавится другое.

Кристина вздрагивает, приподнимается, хочет встать, но не может оторвать взора от белой заплатки, вдруг вспыхнувшей около морской скалы. Заплатка держится минуту, точно приклеенная к скале, поднимается, падает и медленно отлетает в море.

Кристина выпрямилась, закрыла ладонями лицо — не почудилось ли ей? Снова всмотрелась в море: все меньше становится белый квадратик заплатки, то исчезающий в волне, то показывающийся над нею.

Какое усилие нужно, чтобы отвернуться от этого белого пятнышка в море, сползти по уступам изломанных камней вниз, побежать по долине?

Подле жердей с сеном поднимается с земли Август.

— Парус? — первое его слово.

— Да.

Ему подозрительно ее волнение, она что-то не досказала, что-то не хочет сказать.

— Ты не ошиблась? Пойдем взглянем вместе.

— Нет, нет! Не ошиблась. Парус...

— Тогда исполним свой долг.

Они сбрасывают уже проветренную траву с жердей и переносят жерди и козлы на широкое пространство светлого каменистого днища долины. Август расставляет козлы и укладывает в них жерди, Кристина развешивает сено.

— А что,— говорит Август, перестав работать,— их не могло унести в море?

Он не видит лица Кристины, она слишком низко наклоняется, сгребая с земли сено.

— Если их унесло в море,— опять говорит Август,— значит моя дочь впрямь стала невестой рыбака.

Нет, Кристина не хочет ему отвечать, она не хочет показывать ему свое лицо, ей некогда вытереть слезы, она работает, работает все быстрей...

В горах, на повороте дороги, цепочкой вытянулись немецкие мотоциклисты. Они слезли с седел, стоят, ожидают команды.

Двое головных глядят по очереди в бинокль.

— Ясно, — говорит первый и протягивает бинокль другому.

В круглом стекле вырисовывается отчетливо дно долины, две человеческих фигурки, сгорбившиеся над землею и длинные линии какого-то еще не сомкнутого знака.

— Совершенно ясно — сигнал,— говорит второй мотоциклист и возвращает бинокль.

Сквозь стекла видно, как фигурки передвигают линии и они постепенно смыкаются в четкую большую букву — N.

— Отде-ление!—выкрикивает первый мотоциклист и опускает поднятый над головою флажок.

Мотоциклисты заводят моторы, цепь оживает, грохот понесся раскатами эха по горам, — ниже, ниже, по наклонным дорогам, к долине.

И отряд выносится к фьорду, рассыпаясь по долине, охватывая ее стальным объятием со всех сторон.

Кристина и Август — в кольце немецких мотоциклистов, которое размеренно сжимается и, наконец, плотно охватывает их.

Сзади и спереди по два мотоциклиста с маузерами приступают к норвежцам. Первый становится лицом к лицу с Августом, второй — с Кристиной.

— Ну,— спрашивает первый,— просохло ли у вас сено?

— Мы сейчас увидим,— говорит другой и выкрикивает солдатам: — зажечь сено!

Солдаты бегут к жердям, разжигают сено. Оно занимается лениво, ды-

мя и потрескивая, потом огонь струится вдоль жердей быстрее и ярче, пока не разгорается дружным росчерком вся огромная буква N.

— Кому вы даете сигналы? — допрашивает мотоциклист.

Август и Кристина молчат.

— Они понимают только по-английски,— усмехается второй мотоциклист.

И эта усмешка словно расшнуровывает ему горло — медноголосые вопли разносятся по долине:

— Связать!.. Обыскать дом!.. Зажечь двор!

Тогда необычайно слаженная, вымуштрованная подвижность проявляется в солдатах.

Одни мчатся к дому, на скалу, другие, быстро связав Августа и Кристину по рукам, срываются вдогонку за передними, словно боясь опоздать на званый пир.

* * *

Тесные горницы рыбачьего домика не вмещают солдат. В толчее и спешке кто-то сует нос в котлы, ведра, кто-то вспарывает сундук, лезет на полати, взбирается на сушила. Сколько разочарования: горшки и банки пусты, в селедочных кадушках — ничего, кроме старого рассола, во фляге из-под рома — ни капли, и с досады ею швыряют о печку, и она разлетается звездою осколков.

На дворе солдат тащит за рога козу, она уперлась и своим блеянием раздирает шум погрома. Солдат схватил ее за передние ноги, перевернул вниз головой, взвалил за спину, как охотничий трофей.

Из сарая волочат хворост, обкладывают им дом, и вот сизые космы дыма заметались по двери и окнам, сгустились дочерна и, внезапно распавшись, выпустили на ветер шар пламени, чистого, как металл.

* * *

По лицам Августа и Кристины колышутся отсветы пожара. Позади догорают жерди, тлеет нежный жар испепеленных клочьев сена.

— Куда вы спрятали других шпионов, отвечай! — кричит немец.

Август поворачивает голову к Кристине. Ее черты строги, она как будто не видит происходящего, глядя в потемневшую даль моря.

— Посмотрим, развяжешь ли ты язык, когда мы зажжем твой двор!

Август понял угрозу и, наконец, не спеша раскрыл рот:

— Если бы у меня было пять дворов, я не пожалел бы их, лишь бы остался цел вот этот знак.

Он мотнул головой назад, на догорающие жерди.

Немец страшным ударом кулака толкает в грудь.

Август падает и валит за собою Кристину.

Она вскрикивает от острой боли: тонкий жгут, который связывает ее — локоть к локтю — с Августом, глубоко врезался в кожу.

* * *

Катер «Ловкий» лежит в дрейфе. Его корпус то опустится между волн, точно в пловучую ванну, то медленно взберется на гребень.

Петр Вирхов щурится от брызг, залетающих ему в лицо, но, верный своей славе дозорника, сквозь клочья пены он упрямо осматривает море. На спаде волны можно и попеть — за ревом погоды только он один слышит свой голос, а на гребне песня обрывается сама собой: надо смотреть.

Надо смотреть позорче, потому что вон, кажется, мелькнуло светлое пятно, странно непохожее на белую пену гребня. Еще одно падение вниз, затем взлет и с вершины вала Вирхов видит ясно:

— Справа по носу — парус! — кричит он.
— Парус,— звонко передают голоса.
— Петя Вирхов не промахнется,— есть парус, справа по носу!

* * *

На карбасе неподвижный Генрик. Жив ли он?

Некогда подойти к нему, поднять его постель,— вода разгуливает по суденышку, надо не переставая откачивать ее.

Сельма, раздавленная усталостью, почти падает на рукоять насоса. Все, что ей удается откачать за борт, с лихвою возвращается при каждом ударе волны.

— Гакон!

Ее голос заглушается морем.

— Гакон!

Он слышит Сельму, но не может оставить руля,—всем весом своим, всею силой молодости он противится порывам бури.

Сельма бросила насос, переползла на корму.

— Гакон, ты считаешь — они видали парус?

— Я убежден, Сельма.

— Но ведь... сейчас мы уже не видны с берега?

— Давно не видны.

— Может быть пора убрать парус?

Он как будто ждал от нее этих освобождающих слов.

— Конечно, Сельма, пора!

Они перебираются к мачте. Развязывают концы. Парус бьется, слабнет, падает подбитым крылом.

Сразу становится тише — бессильный карбас отдается метанию моря.

Гакон и Сельма подвинулись к Генрику, наклонились над его лицом. Она отыскивает под промокшим кожухом руку раненого.

— Ты думаешь, он жив? — спрашивает Гакон.

— Дай руку. Слышишь — пульс? Правда?

— Мне кажется... кажется, правда...

Они не решаются взглянуть друг на друга. Усевшись на скамью, они озираются, как будто заново увидев море.

— Скажи, Гакон, это долго продлится?

— Волнение?

— Да, буря.

— Ну, нет, не очень,— говорит он слегка небрежно.— Когда как. Дня два.

Сельма кладет голову ему на колени. Он смело, с решимостью отчаяния целует ее. Прижавшись к нему, она не двигается мгновение, потом быстро говорит в неудержимой тревоге.

— Ты думаешь — мы погибнем? Да?

— Сельма! Это даже меньше чем два дня, этот ветерок. Он переменит направление, и мы пойдем к берегу, увидишь.

Она отрывается от него.

— Что это? Что?

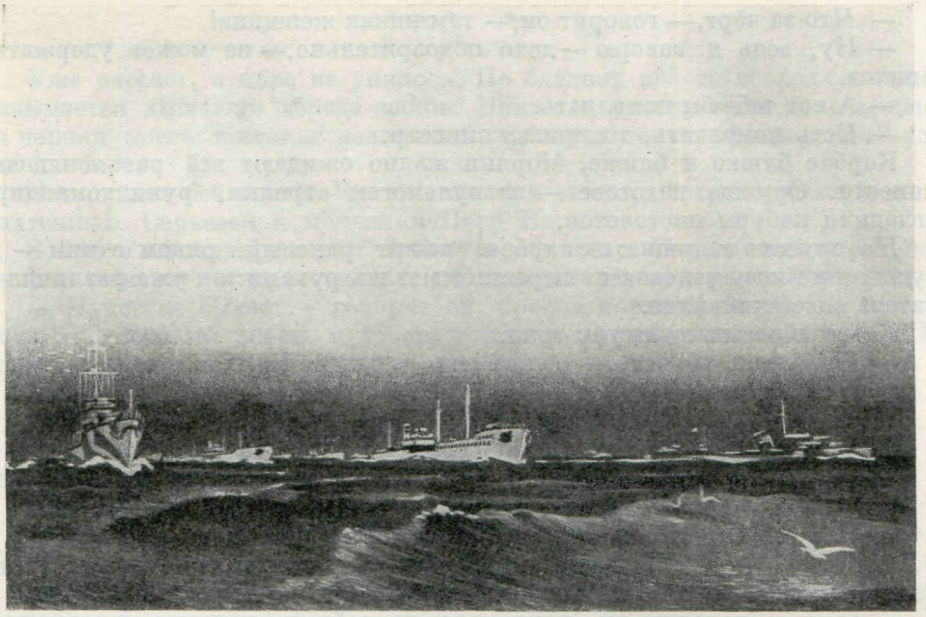
Она показывает на волну.

Скатываясь с гребня, вдоль борта плывет какое-то круглое черное пятно.

Гакон успевает подцепить его на весло. Из воды тянутся ленты матросской бескозырки.

— Моряк,— восклицает Сельма.

Они вертят в руках фуражку, разглядывая незнакомые, странные буквы на ее лентах. Наконец, Гакон догадывается:



КОНВОЙ В БАРЕНЦОВОМ МОРЕ

Цветная линогравюра В. С. Бибикова из серии «Северный военный флот в Великой Отечественной войне», 1943

Литературный музей, Москва

— Русские буквы. Русский моряк.

— Бедняга! — говорит Сельма, молитвенно складывая руки.— Вечный покой... Может быть, и мы... Гакон...

Она не договаривает.

Отжав воду, она старательно засовывает бескозырку в намокшую постель Генрика.

В этот момент Гакон видит на далекой волне корпус идущего на них судна.

— Катер!

Он притягивает к себе, обнимает Сельму.

— Видишь? Военный катер!

— Они спасут нас!

— Если это наши друзья.

— Гакон! Парус! Подними парус, чтобы они видели нас!

— А если это — немец?

Секунду молчит Сельма, потом нагибается над изголовьем Генрика, смотрит в его неподвижное лицо...

* * *

На борту «Ловкого» — комиссар в кругу моряков.

— Тут дело подозрительно, товарищ комиссар,— рассуждает Вирхов

— А вот будет видно.

— Есть будет видно, товарищ комиссар. То шли с парусом, то вдруг парусок смотали. Как понять?

— А мы их поспрошаем.

— Есть поспрошаем, товарищ комиссар.

Комиссар перестал глядеть в бинокль, протер стекла и опять уставился вдаль.

— Что за чёрт,— говорит он,— там никак женщина!

— Ну, ведь я говорю — дело подозрительно,— не может удержаться Вирхов.

— А вот тебе бы помолчать.

— Есть помолчать, товарищ комиссар.

Карбас ближе и ближе. Моряки жадно ожидают всё разъясняющего момента. Оружие наготове — за пулеметом стрелки, руки командиров огладили кобуры пистолетов.

Но оружие излишне: в карбасе лежит раненый, рядом с ним — девушка и на носу человек не перестает махать руками: он уже различил на катере советский флаг.

Катер сбрасывает штурм-трап.

— Приехали, здрасте,— облегченно вздыхает Вирхов.

* * *

Санитары перекладывают Генрика вместе с постелью на носилки.

— Что за человек? — спрашивает комиссар.

Гакон не понимает его. Комиссар переводит вопрос на английский. Гакон в английском не сильнее, чем в русском, но он догадывается:

— Отец, — говорит он, показывая на себя и, подумав немного, на Сельму.

Комиссар вынужден перейти на объяснение знаками: он допытывается — кто же ранил Генрика.

— Германец!— отвечает Гакон.

— Ага! — вырывается у Вирхова.— Я говорил!

Он все время нетерпеливо участвует в событии. В каюте, куда приводят Гакона и Сельму, он — среди немногих.

Когда Гакон чувствует свое бессилие объяснить происшествие, Вирхов вынимает из кармана блокнотик с карандашом и подсовывает их норвежцам.

— Нарисуйте, нарисуйте! — объясняет он.

Гакон передает книжечку Сельме: она должна вспомнить, чему учили в школе. И она вспоминает. Детские черточки наивно ищут какое-то выражение, и вот — так просто рисуется кораблик, а вот так — пушка.

— Военный транспорт? Чей? — дознается комиссар.

— Конечно, германский,— торопится Вирхов.— Верно? Германец?

Он извлекает за шнурочек из кармана компас:

— Куда пошел германец? Курс!

Он стучит ногтем по компасу.

Гакон показывает на «Север» и подрисовывает к кораблику букву N.

— Понятно,— говорит Вирхов,— курс норд!

— Не торопись, Вирхов.

— Есть не торопиться!

Но в эту минуту вносят на тарелке два стаканчика водки, и Вирхов не может совладать с собою:

— Разрешите спросить, товарищ комиссар.

— Ну?

— Товарищ комиссар,— что́ они у себя дома национально выпивают?

— Национально выпивают они грог...

— За советский флот,— говорит Гакон.

— Это мы легко понимаем,— за нас,— одобряет Вирхов.— Согревайтесь. Мы — потом.

От русского «грога» у Сельмы перехватывает дыхание, и это всем доставляет удовольствие...

* * *

Уже рассвет, а море не унялось. По бледной полосе восхода холмами вздымается дышащая череда валов. Ближе к катеру вода не освещена, ее черная масса кажется недвижной, слышны только размеренные удары по борту.

Катер идет без огней. Чуть заметны в темноте сосредоточенные лица вахтенных. Серьезен и молчалив Петр Вирхов.

В каюте командира сидят хозяин и комиссар. Перед ними карта, командир вымеряет и прочерчивает по линейке расчеты расстояний.

— Чудес не бывает,— говорит он, бросив карандаш.— Время его выхода из бухты мы знаем, курс его известен. Определились мы точно. Поищем — найдем.

Раздается сигнал боевой тревоги. Входит старший по вахте.

— Товарищ командир, пароход по левому борту.

— Это может быть он,— говорит командир.— Он будет держаться по берегу, из осторожности.

Все трое быстро выходят из каюты.

Экипаж занял боевые места, торпедные аппараты готовы к действию.

На рассветной полосе неба виден покачивающийся силуэт парохода.

В бинокле ясно очерчиваются палубы, загруженные военным снаряжением.

Вирхов различает это и без стекол. Стоя у торпедного аппарата, он потирает руки от холода, волнения или приливающей злобы — он сам не мог бы сказать. Голос его дрожит:

— Транспорт, ясное дело,— говорит он товарищу.— Чего же не дают команду, а?

Но командиру еще не окончательно ясно. Он приказывает позвать Гакона.

Гакон не колеблется ни мгновения: с одного взгляда он узнает пароход.

— Да, да, германец!

На миг неподвижность как будто сковывает весь катер, и вот команда с центрального поста:

— Аппараты, пли!

Торпеды, выскользнув из труб, несутся, взбивая на гребнях волн фонтан за фонтаном.

Петр Вирхов, выстрелив, подается вперед, взгляд его неразрывен с летящей торпедой, которая движется словно чересчур долго, чем дальше — тем медленнее, и последние секунды ожидания по напряжению своему кажутся Вирхову нестерпимыми.

Но вот над пароходом поднимается столб воды, потом — другой. И Вирхов снова потирает руки — покрепче, чтобы сдержать себя и проговорить с полным равновесием:

— В порядке. С добрым утром...

* * *

Сельма бежит по палубе навстречу Гакону.

— Отец пришел в себя!

— Мы порадуем его, Сельма! Гляди. Начало расплаты за его горе, за горе матери, за горе Норвегии!

На светлом уже небе завивается мрачными витками дым пылающего парохода. Гакон и Сельма стоят мгновение не шевелясь, затем почти бегут с палубы вниз.

Перед дверью в каюту, где лежит Генрик, они притихают.

Генрик узнает их сразу, но он не может говорить. Он еще не понял — е находится, и, может быть, ему еще не очень хочется об этом думать — так он слаб.

В каюте появляется командир, и за ним входят еще два-три моряка.

— Ну, доктор,— спрашивает командир,— как наш пассажир?

— Есть надежда, товарищ командир. Железный человек.

Сельма следит за малейшими движениями Генрика и вдруг видит, что его взгляд остановился на бескозырке моряка.

Она всматривается в странные золотые буквы и узнает их.

Она нагибается к постели раненого и, вытащив смятую бескозырку, сличает надписи — «Ловкий».

В эту минуту Вирхов приближается к Сельме и вежливо вынимает из ее рук бескозырку:

— Разрешите, мой собственный головной убор...

— Что такое? — спрашивает командир.

— Прошу извинить, товарищ командир. Это — моя бескозырка, за которую я получил наряд вне очереди. Упустил в море. А вот норвежская барышня ее подобрала.

— Как же она не затонула?

Вирхов расправляет бескозырку и вытягивает из-под околыша пробковый вкладной кружок.

— Она мне великовата. Потому я вложил в нее спасательный круг. Она от меня не уйдет никуда, — завороженная.

От отдал под козырек Сельме.

Так как все улыбались, он сказал;

— Разрешите вопрос, товарищ командир?

— Разрешаю.

— А как будет с нарядом вне очереди?

— В порядке жалобы через непосредственного начальника.

— *Есть в порядке жалобы, товарищ командир.*

Он надел бескозырку и отдал честь Сельме:

— Спасибо за находочку: выручили...

1941

АЛЕКСАНДР ДОВЖЕНКО

УКРАИНА В ОГНЕ

КИНОПОВЕСТЬ

Публикация Ю. И. Солнцевой*

Предисловие Ю. Я. Барабаша

Годы Великой Отечественной войны — один из важнейших и интереснейших периодов в жизни и творчестве выдающегося советского кинорежиссера и писателя Александра Петровича Довженко. Его литературное наследие тех лет — киноповести, рассказы, дикторские тексты к документальным фильмам, статьи, речи, записные книжки — не только открывают нам новые грани таланта художника, не только дают возможность проследить процесс становления его как писателя, публициста, но и представляют собою одну из ярких страниц советской литературы, посвященной этим «пламенным годам».

С первого же дня войны Довженко считал себя «мобилизованным и призванным». Уже 23 июня 1941 г. в одесской газете «Большевистское знамя» появляется его статья «К оружию!», проникнутая великим гневом и великой, неколебимой верой в победу. 27 июня 1941 г. в газете «Кино» Довженко выступает со статьей «Враг будет разгромлен». Так началась публицистическая деятельность Довженко военных лет. Всю войну писатель провел на фронте, работал в ежедневной газете Юго-Западного фронта «Красная Армия», принимал активное участие в газете «За Радянську Україну»; кроме того, материалы самых различных жанров за подписью Довженко появлялись в те годы в газетах «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Комсомольская правда», «Комуніст», «Советская Украина», «Советский патриот», «Литература и искусство», «Література і мистецтво», в журналах «Большевик», «Красноармеец», «Славяне» и др. (не говоря уже о многочисленных отдельных изданиях его военных произведений на многих языках народов Советского Союза).

Публицистическое наследие Довженко тех лет включает в себя статьи («Великое товарищество», «Душа народная непобедима!», «Украина в огне», «Слава украинскому народу», «В грозный час», «Украинская песня», «Смотрите, люди!», «Я вижу победу» и др.), листовки и обращения («Письмо офицеру немецкой армии», «К полицаям, старостам сел и их помощникам Эсманского, Севского, Хомутовского и Ямпольского районов», «К советскому населению временно оккупированных немцами областей Украины» и др.), выступления на митингах, по радио, перед солдатами и населением.

Чувство советского патриотизма, чувство огромной сыновней любви к матери-Украине, оказавшейся под пятой захватчика, пронизывает всю военную публицистику Довженко. И вместе с тем, в ней полным голосом звучит тема пролетарского интернационализма, дружбы народов. В статье «Великое товарищество», рассказывая о том, как солдаты-казахи бились «за сестру свою Украину», как окропили они «вражьей злою кровью» и своей собственной кровью волю Украины, Довженко писал: «Есть у

* В подготовке текста к печати приняла участие В. П. Коршунова.

нас сила, которой нету равной силы в мире. Есть у нас такое богатство. Это — братство советских народов...»

В годы войны Довженко впервые выступил с повествовательной прозой. Им были написаны рассказы «Победа», «Воля к жизни», «Ночь перед боем», «На колючей проволоке», «Мать», «Стой, смерть, остановись!», «Отступник», «Тризна», «Незабываемое». Для военных рассказов Довженко, как и для написанной им в те же годы (1944—1945) киноэпопеи «Повесть пламенных лет», характерен напряженный драматизм, масштабность изображения, высокий героический пафос, глубокая народность и гуманизм.

Огромный интерес для понимания гражданской позиции художника, его эстетических принципов и творческого метода представляют записные книжки Довженко военных лет.

На широком фоне всего большого и разнообразного литературного наследия Довженко военного периода и следует рассматривать его киноповесть «Украина в огне», написанную в 1943 г., но не увидевшую тогда света.

Ключ к пониманию природы и особенностей «Украины в огне» во многом дает нам одно из авторских лирических отступлений в «Зачарованной Десне». Вспоминая, как сгорело во время войны родное его село, Довженко пишет: «Горел и я тогда в том огне, погибал всеми смертями человеческими, звериными, растительными — пылал, как дерево или церковь, качался на виселицах, разлетался в прах и дым от катастрофических взрывов... Из мускулов моих и раздробленных костей варили мыло в Западной Европе в середине XX столетия. Кожа моя шла на переплеты и абажуры для ламп, валялась на дорогах войны, грязная, потоптанная, выутюженная тяжелыми танками последней войны человечества.

Случилось так, что я не удержался однажды и, выкрикивая из пламени боевые лозунги и призывы к лютой мести врагам, громко простонал:

— Больно мне, больно!..

— Чего ты крикнул? — упрекнули меня.— Что привело тебя к этому крику в такое великое время — боль, страх?

— Страдание. Я художник, и воображение всегда составляло мою радость и мое проклятье. Оно внезапно изменило мне. При созерцании лиха мне показалось на одно лишь мгновение, что погибает не село мое, а весь народ. Что может быть ужаснее, простите...» (А. Довженко. Избранное. М., «Искусство», 1957, стр. 440).

Крик боли — вот чем была «Украина в огне». Боли за оскверненную фашистами родную землю — советскую Украину, за тех, кто погибал, отстаивая ее от врага; боли за изломанные судьбы тысяч ее дочерей, таких, как Христя Хуторная, не выдержавших непосильной тяжести свалившихся на слабенькие девичьи плечи физических и нравственных испытаний; боли за тех слабых духом, жалких сыновей ее, которым «в грозный великий час жизни своего народа не хватило ⟨...⟩ ни разума, ни величия души»,— спасая свою шкуру, предали они родную землю, стали «отступниками», отцеубийцами; наконец, боли за то, что ходят еще по нашей земле людишки типа Лиманчука, для которых горе народное, горе человеческое — ничто по сравнению с инструкцией...

Да, великая боль пронизывает «Украину в огне» от первой до последней страницы. В этом — секрет огромной впечатляющей силы сценария, в этом же — и определенная его слабость, ибо, «потрясаемый страданиями народа», автор (особенно в первой половине сценария) отдал предпочтение преимущественно мрачным краскам. Впрочем, было бы неправильно не замечать, как это делалось в свое время, и тех высоких, героических страниц, которые есть в киноповести. Вспомним хотя бы сцену освобождения Тополевки или с поистине гоголевской силой написанный эпизод боя артиллеристов Кравчины с фашистскими танками и пехотой; вспомним величественную и трагическую фигуру Лаврина Запорожца и светлый, глубоко поэтический образ Олеси; вспомним, наконец, сурово-оптимистический финал сценария... «Украина в огне» — *оптимистическая* трагедия. Но все же *трагедия*. В ней неизмеримо больше боли, чем радости, и даже в героическом пафосе ее слышится отзвук горечи... Довженко отдавал себе в этом отчет— в предисловии к киноповести он предупреждал: «Пусть снисходительный читатель, мой современник и друг, не взыщет, если взращенное мною небольшое дерево не вполн-

А. П. ДОВЖЕНКО

Фотография П. Н. Гапочки. 6 ноября 1943 г., на Днепре, по пути в освобожденный Киев
Собрание Ю. И. Солнцевой, Москва

не ветвисто и стройно, если многие ветви только предугадываются, не успев еще вырасти среди невиданных пожаров и катастрофического грома орудий, потрясающих сегодня нашу землю. В моем сознании все здесь написанное — только прозрачная основа будущей книги борьбы моего народа за освобождение из ярма гитлеризма».

Именно так — как подступ к грандиозному эпическому замыслу, как часть широкой панорамы борьбы народа — и следует рассматривать «Украину в огне».

Правда, есть в «Украине в огне» и то, что нам трудно принять, даже если мы будем учитывать особенности ее замысла. Нам не следует закрывать глаза на реальные слабости сценария, тем более что сам Довженко так писал о них в предисловии: «Если в силу остроты переживаний, сомнений или заблуждений сердца какие-либо суждения мои окажутся несвоевременными, или слишком горькими, или недостаточно уравновешенными другими суждениями, то это, возможно, так и есть. Тогда прошу читателя незлобиво поправить меня своим добрым советом».

«Доброго совета», «незлобивой», дружеской критики Довженко не услышал. А услышал тяжкие обвинения в национализме, вдвойне несправедливые оттого, что они были адресованы художнику, для которого тема интернационализма, тема дружбы народов всегда была одной из ведущих тем творчества. Автор «Арсенала» и «Щорса» не мог принять этих обвинений. Дневниковые записи его тех лет проникнуты горечью. Летом 1945 года он писал: «Если нет принципиальной ненависти и нет презрения и

недоброжелательности ни к одному народу в мире, ни к его судьбе, ни к его счастью, ни к достоинству или благосостоянию, так неужели любовь к своему народу — национализм? Или национализм в непопущении глупостям чиновников, холодных деляг или в неумении художника сдержать слезы, когда народу больно?» (А. Довженко. Зачарованная Десна. М., «Сов. писатель», 1964, стр. 164—165).

«Украина в огне» — произведение сложное, противоречивое. Именно потому оно нуждается в пристальном внимании и в глубоком, объективном исследовании нашей литературной наукой, чему, следует надеяться, будет способствовать нынешняя его публикация. Без этой вещи нельзя понять Довженко.

В фонде А. П. Довженко, находящемся в ЦГАЛИ, «киноповесть» «Украина в огне» имеется в трех последовательных редакциях: 1) ранняя редакция на украинском языке (машинопись); 2) промежуточная редакция на русском языке (машинопись с правкой автора); 3) последняя редакция на русском языке (машинопись с правкой автора). Кроме того, в записных книжках Довженко находятся первоначальные наброски к задуманному сценарию.

Последняя русская редакция является наиболее полной. По сравнению с предшествующим текстом в нее внесен ряд дополнений: углублена и развита характеристика фон Крауза, введены новые эпизоды суда над ним и его казни, эпизод встречи Сироштана с Бесарабихой и другие, дана (в конце сценария) характеристика бойцов батареи Ивана Запорожца.

В бумагах Довженко нет украинского текста сценария, который соответствовал бы полной русской редакции. И хотя в подзаголовке последней значится: «Перевод с украинского», можно думать, что авторская работа над обеими русскими редакциями велась без предварительного написания в точности соответствующего им украинского текста. Уже после завершения работы над русским текстом Довженко начал, по-видимому, готовить на его основе новую украинскую редакцию — в машинописи начало зачеркнуто и вместо него написан новый, более короткий, украинский текст, а на последующих страницах над некоторыми словами вписаны их украинские переводы (например, «множество» — «багато»). Ввиду того, что эта работа оборвалась в самом начале, мы сохраняем в качестве основного русский текст, а новое украинское начало печатаем под строкой в качестве варианта; украинские переводы отдельных слов в настоящей публикации не воспроизводятся.

В публикуемом тексте — как в репликах персонажей, так и в авторской речи — встречаются многочисленные украинизмы («глупак», «не гарикай», «он, ползут», «общеньки»), которые всюду сохраняются; в необходимых случаях к ним под строкой даются переводы на русский язык. Также сохраняется система передачи немецких слов и фраз русскими буквами, притом в характерной для Довженко транскрипции (например, передача немецкого «h» через «г» — «гальт», «гунд» и т. п.,— что было связано, очевидно, с тем, что в украинском языке буква «г» обозначает придыхательный звук). Немногие исправления в немецких словах выразились в устранении случайных описок («гундернт» — «гундерт», «гегернт» — «гегерт») и в восстановлении слитного написания некоторых слов (в соответствии с нормами немецкой орфографии: «йа воль» — «йаволь», «вундер бар» — «вундербар» и т. п.). Фразеологические и грамматические отклонения от норм немецкого языка сохраняются, поскольку в тексте Довженко они имеют отчетливо выраженную стилистическую окраску.

Киноповесть «Украина в огне» публикуется (с некоторыми сокращениями) по тексту последней редакции на русском языке (ЦГАЛИ, ф. 2081, оп. 1, ед. хр. 138, лл. 1—139). Небольшой отрывок из заключительной части сценария был опубликован самим автором в газете «Литература и искусство» (1943, № 38, 18 сентября) по тексту предпоследней русской редакции, которая в этой части немногим отличается от окончательной редакции. Несколько отрывков из сценария (на украинском языке) было напечатано в газете «Літературна Україна» (1962, № 104, 28 декабря). Украинский текст сценария включен в пятый том Собрания сочинений А. П. Довженко на украинском языке (Київ, изд-во «Дніпро», 1966).

⟨От автора⟩

Здесь все следы битвы режиссера с писателем. Один звал к строгому профессиональному чертежу сценария, другой, потрясаемый страданиями народа, все время порывался к расширению темы, к рассуждениям, лирическим отступлениям— к авторскому участию в громаде великих событий.

Пусть снисходительный читатель, мой современник и друг, не взыщет, если взращенное мною небольшое дерево не вполне ветвисто и стройно, если многие ветви только предугадываются, не успев еще вырасти среди невиданных пожаров и катастрофического грома орудий, потрясающих сегодня нашу землю. В моем сознании все здесь написанное — только прозрачная основа будущей книги борьбы моего народа за освобождение из ярма гитлеризма.

Если в силу остроты переживаний, сомнений или заблуждений сердца какие-либо суждения мои окажутся несвоевременными, или слишком горькими, или недостаточно уравновешенными другими суждениями, то это, возможно, так и есть. Тогда прошу читателя незлобиво поправить меня своим добрым советом.

---

* В тихий летний день, в саду возле хаты, среди цветов и пчел, сидела семья колхозника Лаврина Запорожца и тихо пела: «Ой, піду я до роду гуляти». Это была песня матери, веселая и грустная, как и человеческая жизнь. Мать, Татьяна Запорожчиха, любила петь ее обычно два-три раза в году, когда после трудов и повседневных забот приходилось где-либо по достойному случаю пригубливать чарочку.

Шумит, гудит Тополевка.

К Лаврентию Запорожцу приехали гости.

«Ой, у мене увесь рід багатий. Ой, у мене увесь рід багатий. Сюди-туди, он куди, увесь рід багатий»,— пела Татьяна, растроганно покачивая головою в такт своей песне.

Один — Роман Запорожец.

«Сюди-туди, он куди, увесь рід багатий»,— поет молодой лейтенант пограничных войск, Роман Запорожец, с орденами на груди.

Другой — Иван воин.

«Буде мене часто частувати. Буде мене часто частувати»,— поет, прислонясь к материнскому плечу, артиллерист Иван.

Третий, славный черноморец, — Савка Запорожец.

«Сюди-туди, он куди, часто частувати»,— поет с батьком третий Запорожченко, Савка-черноморец. А над ним сияет белая борода деда Демида**, что тоже был когда-то черноморцем, но уже не поет, а только покачивает головой и плачет от глубоких своих слабых лет.

---

* *Над текстом рукой автора вписано*: В картине, полной драматизма, сделаем веселое хотя бы начало.

** В подлиннике *Демида* исправлено автором на *Данила*. Однако в последующем тексте (кроме заключительного абзаца сценария) старый Запорожец остался Демидом. Таким образом, начатая правка не была доведена до конца, в связи с чем мы всюду сохраняем первоначальное имя — Демид.

Четвертый, Григорий, — мастер урожая.
Агроном Григорий Запорожец в хорошем штатском костюме. Очки на носу, Знак Почета на груди и колос в руке — знак власти над всем, что растет.

У пятого сына детишки зелены.
У Трохима Запорожца два хлопчика и одна девочка. Да у жены двое.

И дочка Олеся, всему роду радость.
Тихая, без единого облачка в лице, мастерица цветов и удивительных вышивок и песен. Все пели.

Много мыслей промелькнуло у матери. Вся жизнь словно проплыла перед глазами — и материнское горе, и радость, и волнения, и неустанный труд на многочисленную семью с маленькими детками, на общество, на государство. Но повырастали незаметно дети, разлетелись во все стороны, добрая слава пошла о сыновьях, показавших себя и в военном деле и в науке, и в обычных трудах на земле.

И вот съехались они к родной хате, чтобы почтить ее старость — пятьдесят пять лет! Взволнованная и растроганная этим праздником, песней и всеми плодами своей простой трудовой жизни, взявши чарочку, слегка дрожавшую в ее маленькой сухой руке, посмотрела добрая мать на своих гостей*:

— Спасибо вам, деточки, что увидела вас всех вместе хоть раз за столько лет. Всё некогда да некогда — широкий свет настал. Пошли вам боже счастливую долю да силы в руки, чтоб выполнить свой долг перед миром, чтоб возвеличить землю трудами, чтоб цвела она богатствами и согласием..

— ...Сыночки мои, сыны! Деточки мои! Прощайте, прощайте, родные мои!..

Еще какие-то жалобные слова приговаривала Татьяна вслед сыновьям, но ее уже не слышно. Уже потонули слова ее в море людского плача и скорби, в разлуках, в реве моторов. Множество людей выходило из села на войну.

Оторвался Трохим Запорожец от жены. Плачет жена горькими слезами, плачут дети в ногах — ой, тату, тату! Побежал Трохим за братьями. Повез старый Запорожец пятерых сыновей на войну.

Отъезжают на восток грузовики с множеством старых и молодых запыленных женщин, детей, ветхих дедов и баб, всевозможных тюков, чемоданов и прочих вещей и кое-каких военных или невоенных, кто их знает.

---

* В рукописи начало текста зачеркнуто и вместо него вписан украинский текст: «Шумить, гуде Тополівка. До Лавріна Запорожця з'їхалися гості,— один Роман Запорожець, другий Іван воїн, третій славний чорноморець Савка Запорожець. Четвертий Григорій, майстер урожаю, у п'ятого сина діточки зелені, жінка уродлива, усмішка весела. Зібралися всі синове матір величати. І шоста Олеся всьому дому радість.

У садочку під грушею, в саду під великим горіхом, в прозорий літній день проти неділі отака сім'я зібралась і співає:

«Ой, піду я до роду гуляти...»

Це пісня матері, весела й сумна, як і життя людське. Мати Тетяна не часто співає,— два-три рази на рік, коли після трудів і повсякденних турбот десь по достойному случаю доводиться пригублювати чарку. Їй сьогодні п'ятьдесят минуло. П'ятьдесят та ще й п'ять. Її величають — улюблена донька, лейтенант Роман з кордону, Іван з артилерії, Савка з моря відпросився, Григорій з радгоспу,— як не заспівати «Ой, у мене увесь рід багатий».

Зворушена до краю своїм святом і роєм спогадів родинних про минуле, чарочку тримаючи злегка тремтячою рукою, дивиться вона на своїх гостей і промовляє...»

Они оглядываются назад, на запад, в тревоге. Им хочется ехать все быстрее и быстрее.

— А куда ж они ото едут, бодай им добра не было! Чтоб они бежали и не переставали! Да зачем же везут их машинами?

— Может, машины на другое пригодились бы? Тьфу! — гневалась Мотря в огороде.

— Слушайте, почему они не уходят? Вы видите? Они не уходят?

— Ну ясно. Чего ж им бежать? Они ждут немцев.

— Ах! Ну мы еще вернемся!— негодовали на грузовиках уезжающие, глядя с негодованием на селян, связанных тысячелетними узами с землей.

Но вот начала проходить армия.

Возле холодной криницы под вербою на краю села стояла Олеся, печальная и тихая, как и все девушки в те времена на нашей, на кровавой Украине. Пили бойцы воду из ведра и уходили на восток.

— Будь здорова, дивчина. Будь счастлива, дивчина... Будь здорова...

Ревут по дороге грузовики без конца и края. В тяжелом унынии оглядываются усталые беженцы. Все, что не ехало с ними, начинало казаться им враждебным. И страх заполнял их души, и затаенное зло, и молчаливое отчаяние.

— А бодай же они ехали да не переставали! Да чтоб они катилися бубном! На кого ж вы нас несчастных покидаете?— перекликалась в огороде Татьяна Запорожчиха с Мотрею, сапая картошку, пока не прострочило Татьяну пулеметом с вражеского самолета.

Горят жита на много километров, горят и топчутся людьми, подводами.

И яровые много дней уже топчутся машинами и тысячами бездомных коней и коров.

Мчатся всадники, оглядываясь назад на черное дымное небо. Ревут аэропланы. Мечут бомбы. Рассыпаются всадники по полю, словно птицы.

Пролетают над Олесей вражеские самолеты. Бомбят дорогу. Всадники шарахаются во все стороны. Крик, стон, высокий визг пораненых коней. Страшно Олесе.

Ревут быки и роют рогом землю возле разорванных напарников своих рогатых.

Вражеские самолеты бомбардируют мост. Огромные водяные столбы — один, другой, третий... Катастрофический свист. Попадание! Люди в клочья. Нет моста.

Остановил Запорожец коней. Бросились братья врассыпную, упали. Один Савка остался на подводе с батьком.

— Падай, Савка, ложись!.. Во-оздух!

— А чего бы я падал? Идем на войну да будем от первой бомбы падать!— сказал веселый Савка и упал мертвым. Братья к брату:

— Савка!

А батько:

— Прощайте, прощайте, чуете! Скорей плавом на тот берег. Во-оздух!..

Кинулись сыновья в Десну.

Ударил старый Запорожец по коням, выскочил в поле и понесся житами назад в родную свою Тополевку.

Мчатся кони житами. Припал Запорожец к мертвой сыновьей груди и так затужил, что не помнил, как перехватили фашисты коней.

Выбросили Савку в жито. Дали Лаврину сигарету, сели на воз и поехали, напевая и посмеиваясь, в соседнее село.

Олеся смотрела на дорогу. Она не была заурядной дивчиной. Она была красива и опрятна. Олесею гордилась вся округа. Бывало, после работы, вечерами она, как птица, ну так же много пела возле хаты на все село, так голосно и так прекрасно, как, верно, и не снилось многим припудренным артисткам с орденами. А вышивки Олеси висели на стенах европейских музеев— в Лондоне в музее Альберт-Виктория, в Париже, в Мюнхене и Нью-Йорке, хотя она об этом и не знала. Учила ее мать всему. Была Олеся тонкой, одаренной натурой, тактичной, доброй, работящей и безупречно воспитанной хорошим честным родом. Легкомысленные хлопцы немного стеснялись Олеси, считая ее гордой и неприступной.

Пили бойцы воду и мрачно проходили дальше. Она уже ни о чем не спрашивала их. Она жадно вглядывалась в каждое лицо и в каждых глазах читала печаль. Огромное, гораздо большее, чем может вместить людская душа, горе упало на народ, придушило его, погнало.

— Будь здорова, дивчина! Будь счастлива! — сказали ей трое усталых артиллеристов и пошли от криницы. На Олесю нахлынула вдруг волна такой острой, болезненной жалости к себе, что у нее нестерпимо защемило в горле. Она оглянулась. Людей стало меньше...

— Последние идут,— подумала Олеся,— неужели последние?

И решилась она на шаг неслыханный, невиданный ни в ее селе, ни во всем ее народе. На поступок необычный, от одной мысли о котором у нее застыло и остановилось сердце. На поступок грозный, какой подсказало ей грозное и необычное время. Что бросило ее на этот поступок? Что натолкнуло ее?

Глубокий инстинкт рода, что приходит людям на помощь в роковые часы, когда разум холодеет и не успевает осознать опасность, и спросить, некого, и грозный час летит лавиною с горы.

К Олесе подошел один из последних бойцов, танкист Василь Кравчина, из-под самого Каменца, и жадно припал к ведру. Одежда в пыли. На рукаве и на спине прогорела сорочка в пожарах. Темные здоровые руки, ручьями пот на шее и висках, и та же напряженная на лбу не по летам морщина.

— Спасибо, дивчина. Прощай,— промолвил он, отрываясь от ведра.

— Счастливый путь!.. Постой! Слушай! — сказала Олеся тихо, смотря на танкиста глубокими печальными глазами.— Я тебя о чем-то попрошу..,

— Что меня просить? — взглянул на нее танкист, и необычайный взгляд Олеси привлек его внимание.

— Слушай,— сказала Олеся,— переночуй со мной. Уже наступает ночь... Если можно, слышишь?

Она поставила ведро и подошла к нему.

— Я дивчина. Я знаю, придут немцы завтра или послезавтра, замучат меня, надругаются надо мной. Я так боюсь этого. Прошу тебя... пусть будешь ты... Переночуй со мной...

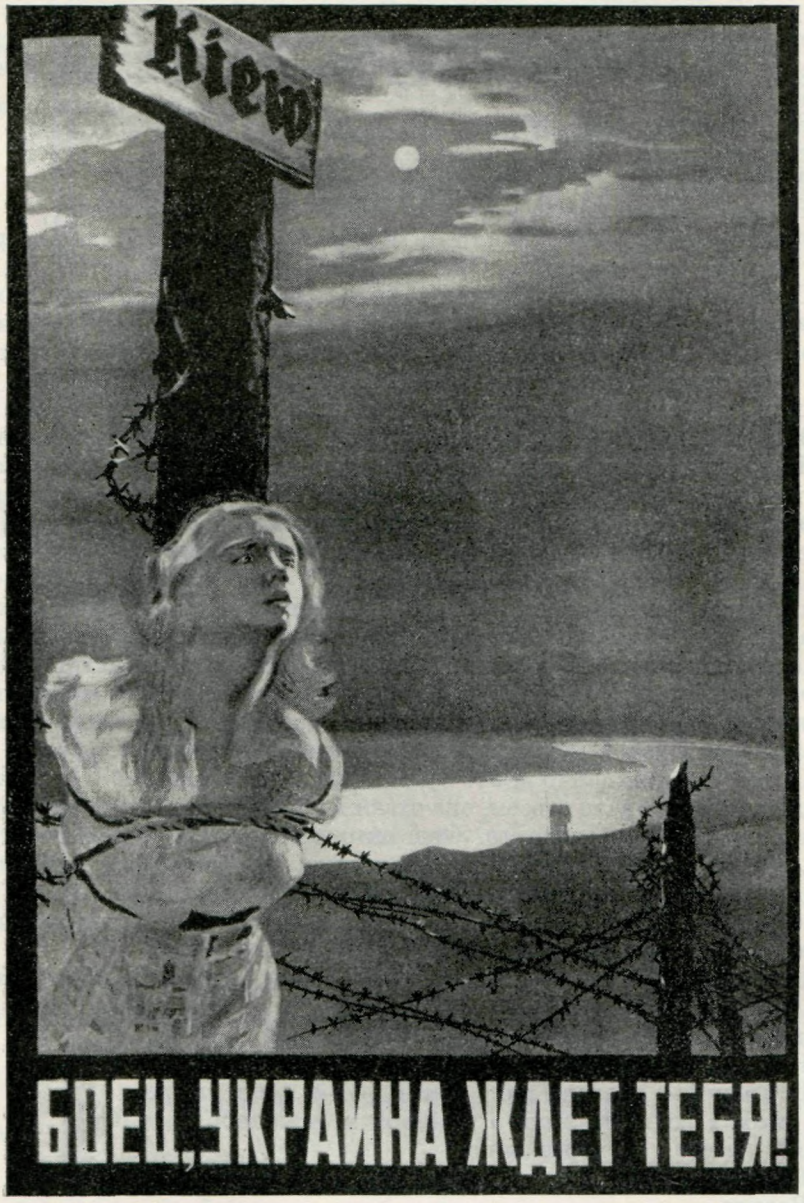
С последними словами Олесин голос затрепетал и словно погас.

— Я не могу ночевать с тобой,— сказал Кравчина открыто и честно.— Я в танке горел вчера. И танк этот я бросил.

— Ты наш...

— Я отступаю... Бегу... Броня тонка... Я покидаю тебя. Пойми мой стыд. Я не герой.

— Ты несчастный... и я несчастная. Пойми ж и ты меня. Смотри, что делается. Останься, правда... На память...



«БОЕЦ, УКРАИНА ЖДЕТ ТЕБЯ!»

Плакат Н. Н. Жукова и В. С. Климашина. «Искусство». М., 1943

Центральный музей Вооруженных Сил СССР, Москва

Олеся смотрела на него с таким доверием, с такою болючею мольбой, что он умолк и не сводил с нее глаз. Он смотрел на нее, чужую, неизвестную, случайную, чтобы никогда уже потом ни на одну минуту, нигде не забыть ее, чтобы понести ее, эту дивчину, в своем сердце через все бои, через все огни.

— Ну, что же... Ну, добре...

— Вот моя хата.

— А где твой батько? — вдруг вспомнил он.

— Батько братьев повез, а мать ранена, в больнице. Я одна.

Какую-то минуту они стояли в полумраке хаты друг перед другом, молча, не зная куда ступить. Они были невинные, нетронутые оба.

— Сядь, посиди за моим столом,— тихо сказала Олеся и взяла его обеими руками за руку.— Съешь что-нибудь. Ну хоть немного... может помоешься с дороги?

Она подала ему чистое полотенце. Василь скинул сорочку и стал мыться над корытом. Олеся поливала ему холодную воду на руки, потом на голову. Он закрыл глаза. Он чувствовал, как с него сплывала дорожная пыль и пот. Потом он разулся и, хорошо помыв ноги, присел на лавку к столу. Какой-то волнующий стыд все же сковывал и не покидал его, а ее как буд то бы нет. Она и стыдилась, и нет. Она приносила ему на стол тарелки с едой. Она словно выполняла свой, одной лишь ей начертанный закон.

Они что-то ели вдвоем и избегали угадывать желание в глазах друг у друга. Да и было ль оно? Они говорили о том, о сем, стесняясь молчания. Изредка, когда обрывалась нить разговора, они встречались глазами, и тогда они переставали дышать и жевать пищу. Они точно каменели оба, всматриваясь один в другого до дна. А когда вот так им стало нечем однажды дышать, Олеся застонала вся и прижала ладони к груди.

— Ой, боже мой!.. Что ж это будет с нами?

Когда в хате стемнело совсем, она отважилась первая. Подошла к постели и долго-долго молча стлала ее. Она вынимала из материнского сундука чистые, новые рядна, наволочки и полотенца. Положила две подушки рядом, задумавшись на миг, и принесла со двора цветов.

Тихо было в хате. Только далеко где-то грохали тяжелые орудия, да изредка тарахтел в небе далекий чужой самолет.

— Не гляди на меня,— попросила Олеся и, тяжко вздыхая, надела новую сорочку.

Василь слышал, как стучало его сердце.

— Как у меня бьется сердце...

— И у меня,— сказала тихо Олеся,— ой... иди сюда.

Она стояла возле постели в длинной мереженной сорочке.

Месяц освещал ее через окно.

— Как тебя зовут?

— Василь.

— А меня Олена. Дай руку.

Она прижала его руку к своему сердцу.

— Я никогда тебя не забуду,— сказала она грустно и строго поцеловала Василя в щеку коротким, холодным, словно детским, поцелуем.— Скажи и ты эти слова...

Василь повторил слова, и сам не узнал своего голоса, такой он стал низкий и необычный. Василь прозвучал весь, всем своим естеством, как звучание колокола.

Вдруг задребезжали стекла. Низко, над самой хатой, взревела страшным ревом большая стая вражеских самолетов. Загремели бомбы на дороге за селом.

— Прощайте! — доносился откуда-то издалека голос парубка.

— Ой, деточки мои, деточки!..— жалобно голосила над дорогой разлука...

Они долго лежали молча, прислушиваясь невольно к крикам. Потом Олеся рассказала Василю, что это плачет ее тетка Мотря, у которой взяли в армию уже четверых сыновей.

— А это уже пятый прощается, Иван, последний.

— Так,— вздохнул Василь,— как хорошо ты пахнешь мятой.

— А ты, когда дышишь, пахнешь огурцами, огуречным листом.

— И ты...

— И ты,— прошептала Олеся.

Кто-то стучался в дверь соседней хаты.

— Кто там?— послышался глухой голос.

— Это мы, батько, мы! — стонут сыновья под деревьями.

Приоткрылась дверь. На пороге пожилой человек — Куприян Хуторный.

— Защитники отечества?

— Все пропало, тато, пустите!

— Не пущу! Я царя защищал, не отступал, а вы свою власть отстоять не можете.

— Броня тонка, тато!

— Брешете, дезертиры!

И Хуторный захлопнул дверь.

Упал один сын под окном и начал громко рыдать.

А другой:

— У нас, тату, генерал пропал! Застрелился, бодай его сыра земля не приняла! Растерялись мы.

— Идите к полковнику!

— Не знаем, где он, чёрт бы его душу забрал нехай!

— Идите, догоняйте.

— Мосты, тату, взорваны. Плавать не умеем.

Они всматривались друг в друга широко раскрытыми глазами:

— Так тебя зовут Василь?

— Так.

— Василь... Василик. А я Олена. Поцелуй меня, Василик. Я так счастлива.

— А чего ты плачешь?

— Нет, я не плачу. Мне так хорошо.

— Родная моя, чего же ты плачешь?

— Это же ты плачешь, Василику. Ты не забудешь меня?

Пылали поля и села на темном небосклоне. Брели по темному полю бездомные стада. Какие-то всадники пролетали темными шляхами.

Проклятые люди падали на парашютах в рожь. Что-то кричало в житах.

Да одинокая орденоноска плакала с детьми на дороге над убитой коровой.

Они верили и не верили, что они уже муж и жена.

— Знаешь, Василику,— шептала Олеся, наклоняясь над его лицом,—

если бы мы жили, если бы случилось так, что мы будем жить вдвоем, мы никогда во всю нашу жизнь не скажем друг другу плохого слова. Правда?

— Правда.

— Мы даже не подумаем злого. Правда?

— Правда.

— Правда?

— Правда.

— Мы будем так дружно жить, как никто на свете. Правда?

— Так.

— Ты не забудешь меня?

— Нет.

— Ты найдешь, отвоюешь меня?

— Найду, отвоюю тебя.

Словно сошлись столетия простой народной любви, что сеет детей на нашей плодородной земле. Сошлись столетия горьких прощаний украинской дивчины — жены, воспетой в горестных песнях народа.

Начало светать. Помягчали тени в хате, и разлука уже протирала глаза где-то там, в сенях за дверьми.

— Говори мне, Василику, еще красивые слова, говори,— припадала Олеся к плечу Василя.— Уже кончается ночь. Уже скоро прощаться пора.

— Слушай, Олеся...

Долго говорили они на рассвете. Они словно выросли оба за эту ночь. А неумолимая неизбежность разлуки освещала особенным светом их чувства. Перед ними в эту ночь будто раскрылось новое ви́дение вещей, печальное, но ясное и отчетливое, и ясными и четкими были его, Василевы, слова, каких он никогда и не думал в себе найти.

— Нет, я не забуду тебя, Олеся. Не забуду никогда ни тебя, ни твоей хаты, ни криницы под вербою... Какая бы ты ни была, я вернусь к тебе. Пусть будешь ты черная и больная, покалеченная врагом, пусть поседеешь ты от горя и слез и побелеет твоя коса, пусть будешь ты рыть против меня немецкие рвы и плести немецкую колючую проволоку против меня и сеять для врага хлеб под плетьми, ты всегда останешься для меня прекрасной, как и сейчас прекрасна ты. Если ж в отчаянии ты станешь проклинать меня и всех, что покинули тебя и мертвыми не пали у Днепра, простил я тебе заранее,— такая наша доля,— и ты меня прости,— сказал взволнованно Василь, удивляясь своим необычайным словам.

— Прощаю,— сказала Олеся,— только найди меня.

— Найду,— сказал Василь, прижимая ее к себе своими сильными большими руками.— Если же так станется, что не найду, может убьют меня, Олеся, или взорвусь я где-нибудь на фугасах и разлечусь клочьями по полю, так что и костей моих не соберут для могилы, я все равно вернусь к тебе. Я памятником стану в твоем селе из бронзы, там вот за окном! Я понял — дорога к тебе одна, один только путь. Путь геройства. Нужно быть героем и ненавидеть врага.

— Олеся,— сказал Василь, немного подумав,— какой же непотребно млявый вошел я вчера в твою хату.

— Я тебя простила.

— Вижу. По великости женской души своей. Ты, Олеся, открыла мне мир.

Они разлучились рано-рано утром, до восхода солнца, в холодной росе, у перелаза за садом.

Немцы входили в село, въезжали на мотоциклах, автомобилях, на пушках, на танках, веселые и довольные. Обожженные солнцем, запылен-

ные, мокрые от пота лица их блистали радостью и здоровьем. Играли на губных гармошках, окаринах и треугольничках что-то немецкое.

Немало солдат шло совсем без оружия, обнявшись парами, тройками, и весело посвистывали. Но большинство ело что попало: огурцы, яблоки, груши, сливы, хлеб.

— Здравствуй, матка! Карашо! — кричал белокурый, увидев хозяйку в окне.

Люди смотрели в окна.

— Смотри, смеются! — показывала одна женщина другой.

— Глянь, какие приветливенькие! Смеются и здравствуйте кажут!.. Ай!..

Солдат распахнул дверь ударом сапога и вошел в хату:

— Здравствуй, матка! Молока, пожалуйста!

Режут свинью.

Другую.

Третью.— Хайль, Гитлер!!!

Высаживают дверь в сенях.

Осторожно открывают дверь в хату.

— Позвольте. Ферцайен бите, можно?

Пьют молоко.

Едят.

— Скажи, матка, ты за кого — за Гитлера или за Сталина? — спросил пожилую женщину солдат, оторвавшись от большого кувшина с молоком. Молодое лицо его было приветливым и кротким.

— Как хотите, голубчику, убейте меня, только мне Сталин лучше, сказала простодушная женщина.

— Очень карош! — сказал усмехаясь немец. Допив молоко, он вынул из кармана револьвер и, между прочим, застрелил беднягу.

— Прошу помыть,— сказал веселый голый немец, бросая женщине свою одежду.

— Не буду мыть, пусть тебя несчастье обмоет, бесстыдный... Тьфу!— не выдержала оскорбленная женщина и схватила кочергу.

Бросил и другой немец одежду. А первый уже протянул руку к парабеллуму.

— Мамо, молчите, убьет, мамо!— бросился к матери сын ее, дезертир.— Простите, господа... Мойте, мамо!

— Ой, чтоб же я тебя, мой сыночку, да на лавку обмыла...— заголосила мать.

— Тату, корову повели со двора! — вбежала в хату дивчина Христя.

— Ну что ж,— сказал Куприян Хуторный.— Это вам не свои. Раз уже нас завоевали, их право. Еще не то будет,— глянул он в сторону сыновей.— Еще и вас погонят, как быков на бойню. Будете вы еще пороть один другого да стрелять, раз не умели уважать отечества. Будет еще вас и по Немеччинах и по Туреччинах.

— А выдумывайте! — мотнул с досады головою дезертир Павло и выскочил из сеней.

Вдоль огорода переулком бежал перепуганный насмерть дезертир Гаркавенко Иван, а за Иваном немцы:

— Гальт! Гальт! — да давай стрелять.

Иван за угол. Из-за угла Павло.

— Куда?

— Тикай, убивают!

— Куда?

Поймали немцы обоих. Автоматы в живот, да по мордам.

— Вы кто? Дезертиры?

— Дезертиры...

КАДР ИЗ КИНОФИЛЬМА «БИТВА ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ УКРАИНУ»
Центральная Украинская студия кинохроники, октябрь 1943 г.
«На широких просторах запылали наши города и села <...> Черный дым поднялся над нашей землей к самому небу, как грозный клич к мести — кто его забудет?»*

— Шпионы? Да?

— Да.

— Вы разведчики? Говорите, разведчики, да?

— Да!.. Нет... Разведчики... да... — лепетали перепуганные хлопцы, повторяя окончания вопросов.

Наглые немцы крепко их набили и поставили стеречь орудия, дав ши им винтовки.

Олеся сидела неподвижно и смотрела на подушку, на след Василевой головы. Она была каменной. Когда на пороге появился батько Лаврин Запорожец, она не услышала. И только когда он позвал ее, она словно очнулась и упала на пол.

— Тату!!!

В Киеве пировало офицерство Адольфа Гитлера. Сам гауляйтер Кох прилетел в столицу Украины для декларации имперских гордых целей в этой богатой и щедрой стране.

Свою речь новый черный атаман Украины Эрих Кох начал без вступления, с самой высокой ноты. Это была слава Гитлеру, слава нации, слава могучему фашистскому солдатству, несущему старую императорицу-смерть «вялому никчемному славянству».

Смерть славянству, смерть большевизму, демократической распущенности претенциозных меньшинств. Смерть еврейству!

---

* Эта и все остальные цитаты под кинокадрами взяты из дикторского текста А. П. Довженко к документальным фильмам: «Битва за нашу советскую Украину» (1943) и «Победа на правобережной Украине и изгнание немецких захватчиков за пределы украинских советских земель» (1945).

Офицерские души не выдержали пафоса тотальных призывов. Они взрывались в тевтонских грудях и раздирали горло грозными криками.

Крики доходили до стона и хрипа. Страстное немецкое воинство выгавкивало свой восторг в таком динамичном пароксизме, что великий реконструктор восточной Европы Эрих Кох утонул в крике. Его слов нельзя уже было разобрать.

— Хайль! Хайль! Хайль!

Еще минута, и Кох начал лаять.

Все радиостанции — Берлин, Киев, Братислава, Прага, Париж, Будапешт, Рим, Токио — разносили по всему миру немецкую речь Эриха Коха, чтобы знало все солдатство, все немцы, немецкие друзья, вассалы и рабы, какие перспективы открылись перед солдатством на Украине. Сорок пять гектаров на душу! Вот что значит идти вперед, когда тебя ведет Гитлер!

— На безграничных просторах Украины, которой я управляю по поручению фюрера, есть земля для всех солдат. Здесь на Украине есть место для каждого, кто пожелает! Вы знаете о неизмеримых богатствах этого края! Вы можете мне поверить, что я извлеку из этой страны всё. Я вытяну из нее последнее, чтобы только обеспечить всех вас и ваших родных... Хайль Гитлер!

— Хайль! Хайль! Хайль! — раздается победный рев над памятником Владимира в Киеве, над Богданом Хмельницким, над виселицами у Днепра.

После речи Коха офицерство бросилось есть и пить.

— Эту землю можно есть! На! Я хочу смотреть на тебя, сын мой, как на символ своего бытия здесь!

КАДР ИЗ КИНОФИЛЬМА «ПОБЕДА НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ...»

Центральная студия документальных фильмов и Украинская студия кинохроники, май 1945 г.

«...святые киевской, разрушенной фашистами, Печерской древней лавры глядели со своих золотых обломков на темную воду великой славянской реки».

Эрнст фон Крауз, старый полковник немецкой разведки, протянул своему сыну, лейтенанту Людвигу Краузу, горсть земли. Людвиг стиснул землю в кулаке и лизнул ее языком. Это был чистокровный гитлеровский пес последней формации, жестокий и алчный мерзавец, герой виселиц, массовых сожжений, насилий, рабства. Невежественный, темный, он приводил нередко в замешательство даже старого немецкого волка, отца, своей отчаянной решительностью и изобретательностью в расправах с врагом. Иногда старый фон Крауз ужасался своего отпрыска, но отцовская немецкая сентиментальность и давняя алчность мечтателя завоеваний успокаивали его и радовали. Он презирал Гитлера, но признавал его. Разве не Гитлер с миллионами этих белокурых сорванцов Людвигов привел его на Украину?

— Украина! Украина! — хрипел Людвиг, оглядываясь на все стороны. Глаза его светились восторгом.

Они стояли среди поля в побитой ржи. На дороге стоял их авто.

— О, страшная земля...— задумался вдруг старый Крауз.

— Фатер! — крикнул Людвиг.

— Не горячись. Ты думаешь, уже все кончено? Не так просто. Это народ...

— Мы уничтожим его!

— Мой мальчик, я удирал от них в подштанниках в восемнадцатом году!

— Время другое, фатер!

— Время другое, а народ тот же. Я изучил его историю. Их жизнеспособность и пренебрежение к смерти безграничны.

— О!

Они шли по полю.

— Пусть наши идиоты врут в газетах какие угодно небылицы об их тупости и скотском отношении к смерти, мы с тобой должны знать правду.

— Хайль, Гитлер!

— Людвиг, не выкрикивай эту глупость, хоть когда мы одни.

— Фатер, наш фюрер, наш нацизм учит нас...

— Мальчик, нацизм не имеет серьезного значения, поскольку у нацистов, знай это, нет фактически никаких идей. Это слепая сила, что-то вроде необычайной грозовой тучи. Это слепое чудо, неслыханный казус европейской глупой политики. Ты понимаешь? И для нас, разумных немцев, вся эта удивительная ситуация сводится фактически к умению использовать чудо. Франция, Бельгия, Голландия — все, что нацисты завоевали,— глупости, мыльные пузыри... Вот! — выкрикнул Крауз, ткнув пальцем вниз.— Вот наше! Здесь мы должны умереть, подохнуть, но...

— Хайль!

— Людвиг!

— Фатер...

— Ты думаешь, они уже уничтожены?

— Йа!

— О!.. Нет... Так не подчиняться и так умирать, как умирают они, украинцы, могут лишь люди высокой марки. Когда я смотрю на их смерть. я всегда дрожу от ужаса... Смотри,— сказал старый Крауз, оборачиваясь. Они проезжали через село, где на площади солдаты вешали людей.

— Гальт! — крикнул Эрнст фон Крауз. Машина стала. Палачи, тащившие на виселицу старого пасечника Запорожца, застыли перед фон Краузом, подошедшим к виселице.

— Хайль, Гитлер!

— Хайль, Гитлер!

— Бандиты?

— Йаволь, гер полковник! Его пчелы закусали насмерть четырех наших солдат.

— Да? О швайнрай! Смотри, Людвиг, он надевает на себя петлю,— сказал фон Крауз.

— Фатер... Дас ист унмеглих!

— А-а!.. Слушай...— обратился фон Крауз к старому Запорожцу.— Этот офицер хочет узнать, что ты думаешь перед смертью?

— Мир сдурел, так и пчелы подурели. Начали всякое дерьмо кусать,— сказал Демид.— А думаю я, что поганые ваши дела, раз вы уже боитесь таких, как я. Дело ваше проиграно.

— Но я стою на твоей территории и вешаю тебя,— сказал Крауз.

— Ну что ж, повесишь да и побежишь. Такая твоя слава!.. Знаю я про тебя одну примету...

— Ну?

— Ну, не скажу.

— Скажи, я подарю тебе жизнь. Я осыплю тебя деньгами.

— Иди, хай тебя болячками обсыплет. Иди, не заслоняй мне села, глупак.

— Слышал? — обернулся побледневший фон Крауз к своему сыну.

— Фатер! Я начинаю тебя понимать. Это страшно,— прошептал Людвиг, болезненно улыбаясь.

— А, посіпáки!* Потянулись, чтоб вам добра не было! — закричал вдруг старый Демид Запорожец, увидев проходившую мимо него большую группу военнопленных окруженцев.— Не успела война начаться, уже сдались, побросали оружие! Уже ползете в неволю, а враг с бабами гуляет... Вешайте меня, душегубы! Чтоб хоть не видели мои старые очи...

— Фатер, что он говорит?

— Вешай, злодюга! Чего испугался?!

Эрнст фон Крауз махнул рукой и отвернулся. Людвиг смотрел на виселицу ошеломленный.

— О, фатер! — оглядывался Людвиг. Они снова ехали в машине.

— Их нельзя покорить. Их нужно уничтожить. «Не передушивши пчел — не есть меду»,— сказал их король Данило в XIII столетии.

— О!

— Но, Людвиг, ты должен знать, у этого народа есть ничем и никогда не прикрытая ахиллесова пята. Эти люди абсолютно лишены умения прощать друг другу разногласия даже во имя интересов общих, высоких. У них нет государственного инстинкта... Ты знаешь, они не изучают истории. Удивительно. Они уже двадцать пять лет живут негативными лозунгами отрицания бога, собственности, семьи, дружбы! У них от слова нация осталось только прилагательное. У них нет вечных истин. Поэтому среди них так много изменников... Вот ключ к ларцу, где спрятана их гибель. Нам незачем уничтожать их всех. Ты знаешь, если мы с тобой будем умны, они сами уничтожат друг друга.

— Йа, фатер! Мы будем уничтожать их, лишь поскольку каждый солдат должен убить врага и лишить чести его жену. Я понял тебя. Дальше они сами будут уничтожать друг друга! Я разделю их, куплю, развращу!

— Я вижу, мальчик, тебя кой-чему научили. Их нужно разгромить, пока они не опомнились от своих ошибок. Но если не успеем,— мы пропали.

— Фатер! Я их вооружу! Я дам одному брату оружие, другому — нет. И вот они враги до смерти!

---

* приспешники, прихлебатели (*укр.*, *презрит.*).

У колхозника Куприяна Хуторного в старой плетеной клуне собрались товарищи Куприяновых сыновей Николая и Павла, соседи и прочий люд, не нашедший в себе силы пройти мимо родных хат. Бросив великое товарищество, они приплелись домой на горе отцам и себе. Клуня превратилась в своеобразный клуб загубленных душ. Тут пилась водка, игралось в карты, проклиналась судьба и всё на свете. Но ничто уже никому не помогало.

Тоска и мрачное отчаяние повисли над людьми в сумерках клуни.

— Ай-ай-ай, что ж это мы наделали, товарищи!

— Ай!..

— Как же оно случилось, скажите мне?

— На, выпей!

— Не хочу. Оставь... Вернутся наши, постреляют, как собак.

— Э! Жди теперь наших.

— Куда там.

— А может?..

— Нет. Пропало всё.

— Вернутся.

— Нет.

— Не вернутся?

— Не, куды твое дело. Глянь.

— Ну и что ж это будет? На!

— Не хочу. От пью и не пьянею. Закусываю, а всё как трава. Всё одинаково. Всё!

— Он, ползут. Ай-ай-ай. Он!

— Ты смотри... твою мать, нехай! Он!

— Рабы...

— Кто?

— Мы. Вот побьют в городах жидов, да и за нас возьмутся.

— О, будете еще вы сами один одного бить,— вмешался в разговор старый Куприян.

— Ну?

— Побачите.

— Я слышал, что земля буде индивидуальна, наша.

— Земля наша, да мы уже не наши.

— А чего? Говорят, теперь Украина будет самостоятельная.

— Украина какая-нибудь да будет, а вот вас не будет. Раздвоились дурноголовые. Узнаете теперь,— сказал Куприян.

— Так что ж его делать?

— Догоняйте армию. Может, не поздно еще.

Вдруг открылись ворота, и в клуню вбежала перепуганная Куприянова дочка Христя.

— Тато, Павло в полиции! Уже с винтовкою!

— Павло?

— Вон идет, смотрите!

Куприян Хуторной словно окаменел. Переполошились и остальные.

— Смотрите! Павло и Гаркавый Иван!

Павло с Иваном вошли в клуню с немецкими винтовками в руках.

— Здравствуй, полицейский! Мое почтение! — усмехнулся Куприян, словно выпив чарку горькой отравы.

— Я не полицейский. Я охрана порядка,— промолвил Павло новые чужие слова.

— Порядка? Какого порядка? Кого охранять и от кого? Ты, сукин ты сын, нехай! Шут! — Куприян бросился к сыну с кулаками.

— Стойте! — закрылся немецкою винтовкою Павло.

— Тату! — кинулась к отцу Христя.

— Ну довольно, батько,— вмешался и старший сын Николай. Он был ранен в руку и очень страдал.

— Не прикасайтесь к этому оружию! — крикнул не своим голосом Павло, испуганный неожиданным поворотом дела.

Куприян всматривался в Павла, и тяжелый отцовский гнев поднимался в его душе.

— Аа! Священное оружие. Неприкосновенное. Гитлерово... А <...> где то оружие, на которое я тратил свой труд столько лет? Где, я тебя спрашиваю?

— Ну, тато, успокойтесь, тато! — снова кинулась к отцу Христя.

— Да не очень там разглагольствуйте, дядько! — гудели дезертиры.

— Подумаешь, воин!

— Броня тонка, дядько! Тонкая бронь!

— Пошел бы попробовал!

— Пробовал. Царя защищал, не бежал! — вскочил Куприян. — Кому ты присягал? — обернулся он к Павлу.

— Теперь бога нет! — крикнул один дезертир.

— Брешете, есть! Отечество!

— Так про это ж разговор не был. Обучали классам. Опять же все побежали,— оправдывался Павло.

— А ты почему не побежал? Чего ты сюда приплелся, сукин ты сын, нехай! Охранять немцев от батька и брата? Николай! — обратился Куприян к старшему сыну.— Вот твой сторож. Берегись! Сторож-брат — это тебе не шутка.

— Я не хотел этого... — продолжал оправдываться Павло.

— Так зачем взял? — спросила Христя.

— Они силою дали мне под страхом смерти.

— Морды понабивали! — поддержал Иван Гаркавенко.

— Ага, испугался. Под страхом смерти оружие кинул. Под страхом смерти за гитлерово взялся. Так!.. Вот обучили! Когда ж это видно, чтоб у Хуторных был страх смерти? Чтоб Хуторные боялись крови? Чтоб...

— Дайте мне сказать!

— Говори.

— Сначала у меня была думка отказаться и умереть.

— Ну?

— А потом я подумал: кто-то его да возьмет. Раз уже так случилось, раз уже свет переменился, кому-то ж, видно, надо это оружие брать, будь оно проклято, нехай!

— Так. Так ты первый за него вцепился? Первый полицай фашизма Павло Хуторный! О срамота!

— Не дразните меня, батько!

— Павло!

— Помни, сын, не пролил ты крови врага в грозную лихую годину, прольешь батькову и братову прольешь!

— Ну довольно, дядько!

— Куприян Михайлович!

— Да хватит вам. Как-то оно обойдется. Живут же люди...— утешали старика молодые.

— Бросай оружию! — вспыхнул Куприян и неожиданно схватил за ствол винтовки. Вдруг прогремел выстрел, и смертельно раненный Куприян упал с тяжелым стоном на пол.

— Гальт! Руки вверх! Выходи! — крикнул немецкий ефрейтор, появившись на пороге как раз в момент выстрела.

— Тикай, Микола, тикай! — крикнул Куприян.

Христя бросилась к своему несчастному отцу.

— Доню... Дивчинка несчастна моя. Вот наша слава. Наша судьба...

Сбив с ног ефрейтора ударом кулака, Микола выскочил из клуни и бросился бежать огородами. За ним побежало трое дезертиров, сидевших отдельной компанией под клуней на колодках. Они слышали выстрел и крики и побежали за Миколаем, не разобравшись хорошо, что случилось. Вслед им прозвучало несколько выстрелов.

Пробежав через огороды, гречку, поля подсолнечника к самому почти лесу за глубоким яром, беглецы стали, оглянулись.

— Что ж его нам теперь делать?

— Бежим в лес! Кажуть, там собираются партизаны!

— А может... Ай-ай-ай! Глянь.

— Он уже бегут, гляньте! Он-он-он! Гонятся!

— Да нет?

— Они, ей-богу, они... Миколай! Будь ты неладно!

— А, вернемся домой. Чего мы тут стоим, ей-богу?

— А что? Разве мы что? Ну стоим.

— Да мы ж ничего.

— А чего бежал?

— Да кто его знает? Побежал, ну и бежал. А ты чего?

— Ну и я так... Миколай!

Микола оглянулся. Товарищи стояли далеко позади в нерешительности.

— Гей, хлопцы! Не останавливайтесь!

— Га?

— Не останавливайтесь!

— Да мы, пожалуй, домой вернемся! Чего, правда, бегать?

— Разве мы что?

— Да мы ж ничего.

— Не стойте!

— Нет, Миколай! Остаемся!.. А правда, ну куда его бежать?

— И чего, спрашивается?

— Га?.. Или как вы, хлопцы?

— Да проживем как-нибудь!

— Поживем увидим... поживем так!

— Не поживете! Не будет мира!— звал Микола хлопцев.— Будете плакать да в ярмах землю пахать! Погонят вас в неволю! Да постреляете один другого, как Павло батька! Товарищи!..

— Га?.. Пойдем, довольно...

— Мира захотели? Не будет вам мира. Не будет!

— Довольно пугать!.. Пошли?

— Подождите... Га!!!

— Ой, висеть вам на фашистских виселицах, да уже не вернется доля! Прощайте!

Долго смотрели хлопцы вслед Миколаю. Кто его знает — идти или не идти. Задумались они, опустивши головы, и решили, очевидно, не идти.

В грозный великий час жизни своего народа не хватило у них ни разума, ни величия души. Под давлением тягчайших обстоятельств не отошли они на восток с великим своим товариществом, которому впоследствии было суждено удивить мир своими подвигами. Привыкшие к типичной безответственности, не ведающие торжественности запрета и призыва, вялые натуры их не поднялись к высотам понимания хода истории, призывающей их к гигантскому бою, к необычайному. И никто не стал им в пример — ни славные прадеды истории их, великие воины, ибо не учили их истории, ни близкие родные герои революции, ибо не умели чтить их память в селе. Среди первых ударов судьбы потеряли они присягу свою, так как слово священное не говорило им почти ничего. Они были духовно безоруж-

КАДР ИЗ КИНОФИЛЬМА «БИТВА ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ УКРАИНУ...»
Центральная Украинская студия кинохроники, октябрь 1943 г.
«...Упала осень. Пошли дожди. Степи гневом засеялись. И слышали люди по ночам, как стонала от горя земля и плакали вдовы»

ными, наивными и близорукими. Суровая действительность скоро раскрыла им глаза. Широко в последний раз раскрылись они, всё увидели, да было уже поздно. Повисли хлопцы на немецких виселицах рядышком, как стояли, на площади в своем обездоленном селе.

А вешатели с Людвигом Краузом, смеясь и шутя, готовили уже виселицу и для всей компании, присутствовавшей в клуне при убийстве Куприяна Хуторного.

Людвиг был счастлив. Он действовал.

Уже вели побитых дезертиров и окруженцев в синяках. Уже лупили их конвоиры по чем попало, на ходу.

— Ну, собака, пропадешь же и ты! Ай! Пропадешь, отцеубийца!

— Иди, иди! — огрызался Павло. Отцеубийца был уже в числе конвоиров.

— Ух ты, Иуда!

— Я не убивал. Не мучьте меня. Они сами на пулю напоролись.

— Га! А мы сами на виселицу идем? Из-за тебя, сукин сын!

— Я не знаю. Я не судья вам. Я сторож, мне приказано. Что я буду делать?!

— Рус! Замолчать, свинья! — гаркнул немецкий ефрейтор и еще раз хватил беднягу по спине.

Лаврин Запорожец быстро вошел в хату.

— Тато, идите на собрание, они убьют вас! — промолвила Олеся.

— Оставь меня! — грозно приказал Запорожец.

Олеся закрыла дверь. Упавши на лежанку в сенях, она горько затужила.

Оставшись один, Запорожец снял со стены портрет Сталина.

— Прощайте, товарищ. Не думали мы с вами, что так выйдет, да вышло... не малою, большою кровью, на <своей> территории,— тихо сказал он, обращаясь к портрету.— Что будет с народом нашим? Выживет он или сгинет, так что и следа не останется на земле? Разгонят его по каторгам да по лесам, оврагам да гнилым болотам, как волков-сиромах, да натравят друг на друга так, что живые позавидуют мертвым. Горе нам... Народ бессмертен, говорили вы, товарищ мой. Ох, тяжелое наше бессмертие.

Кто-то постучался с улицы.

— Прощайте, идут.— Лаврин поворотил портрет и поставил на пол.

— Иду!

Лаврин вышел в сени.

— Тато! — кинулась к нему Олеся.

— Прощай, доня,— тихо промолвил Лаврин и вышел.

— Что это за аморальная область? — блеснул хищным глазом полковник фон Крауз, глядя на селян, стоявших перед ним на площади.— Бегут старосты в партизанские банды. Бегут начальники полиции. Тут банда дезертиров нападает на полицейского Павла Хуторного и тоже бежит в лес. Я честный немец, отец, вынужден банду вешать! Вас ист дас?

Лаврин слушал эту речь и внутренне готовился принять смерть достойно и просто, чтоб не просить ни о чем завоевателей. Смерть Савки и старого отца Демида и тяжелое ранение жены тяжело придавили Лаврина.

— Я знаю, ваши уши находятся в Лондоне, а сердца в Москве! — говорил фон Крауз.— Но не забывайте, что ваши спины находятся на Украине и ваши виселицы также Я приказываю в последний раз выбрать старосту. Называйте кандидата. Ну, бите!

— Нет у нас такого!

— Фойеррр! — крикнул Людвиг Крауз.

Загрохотали пулеметы, засвистали пули над головами и вдруг стихли.

— Нема. Не годимся в старосты!

— Фойер! — еще раз скомандовал Людвиг.

Село стояло в воде под старой мельницей. Была ночь.

— Нема! Не можем выбрать! Нету!

Плакали женщины под вербами у берегов, над осокою. Плакали дети.

— Тато! Тато! — кричали.

— Говорите, тато, говорите!

Загорелось полдесятка хат. Осветило людей в воде.

Лаврин стоял по грудь в воде, опершись о гнилой столб от старого моста.

— Лаврин, прими грех на душу.

— Лаврин, у тебя сыны в армии. Что тебе? Прими, Лаврин Михайлович.

— Кому, как не тебе, Лаврин,— говорили в воде. Уже не было сил.

— Лаврин, спасай. Пропадем к такой матери!

— Соглашайся, да пойдем уже, перекусим,— сказал посиневший от холода Мина Товченик, сосед Лаврина.

— Ну хай будет так,— сказал Запорожец после долгого тяжелого раздумья.

Утром фон Крауз, подобревший, выспавшийся, выкупавшийся, в одной полосатой пижаме подошел к мельнице.

— Гутн таг, украинише льойте! Ви гейт ес инен? Их габе гегерт дас зи волен нихт кандидатур староста каварить. Дас зеер шаде, нихт? — насмехался старый Эрнст фон Крауз, вытирая шею мохнатым розовым полотенцем.— Абер унмеглих зо филь ин кальт вассер штеен, нихт вар?

Бите, комен зи гир унд подумайте нох айн маль. Немножко. Ну, пожалуйста...

Селяне начали выходить из воды.

— Вер, ду гаст гезахт?

— Запорожец Лаврин,— сказал Людвиг.

— Запорожец! О, дас файне наме! Хайль, Гитлер! — крикнул вдруг Эрнст Крауз так громко, что даже кони и гуси перепугались.

— Позвольте, господин начальник, ваше высокоблагородие,— сказал пожилой какой-то человек и, снявши шапку, вышел немного вперед. Его не было между селянами. Он только что явился, он был отличный от всех. Тихий ропот прошел по толпе. Селяне узнали кулака Максима Заброду.

— Заброда!

— Как же это так, прошу почтения, ваше высокоблагородие. Я бежал сюда из северной Сибири через фронт, полз гадюкой, лез, катился бубном. Великую книгу можно написать о моих страданиях, и вот прибежал. Запорожец! Этот человек председатель колхоза,— грозно сказал Заброда.— Какой же он староста? Он меня в Сибирь выселял!

— Ну?

— У него пять сыновей в Красной Армии. И все коммунисты, как я слышал!

— Пять сыновей?— обратился Крауз к Запорожцу.

— Так точно, пять,— ответил Запорожец.

— Чудесно. Пять сыновей на войне, это... О, дас ист патриотизмус! Очень хороший староста!

— Его. А вот куркуль Заброда думал, не его ли назначите? — сказал Мина Товченик, очевидно, довольный поворотом дела.

— Заброда? Вер ист Заброда?

— Кулак. Из Сибири вернулся. Большой мироед!

— Заброда? Ком гир, мерзавец! — рассердился фон Крауз.

Заброда подошел.

— Ты хочешь старостой быть, пес?

— Я думал...

— Ты думал, что вернулся капитализмус! Кайн капитализмус, зондерн дойче национал-социализмус! Ферштест ду, гунд?

— Йаволь...— побледнел Заброда.

— Чем ты заслужил этот пост у народа?

— Да вы знаете, ваше высокоблагородие, что это за народ?

— Замолчи, зволоч! — фон Крауз изо всей силы ударил Заброду по морде раза четыре.

— Фатер, идея! — сказал Людвиг. — Это чудесный начальник полиции!

— Полицай! Идея!.. Ага.. Да... Альзо, будешь начальником полиции. Ду!

— Не хотим Заброды! Не надо!

— Знаем мы Заброду!

— Господин начальник!

— Не надо!

— Ахтунг! Нас интересуют ваши позитивные мнения. А негативные нет. Вы испорчены критицизмом. Много политики. Не надо политики. Нужно пахать хлеб, масло, яйца, молиться богу... Это человек...

— Поганый человек!

— Дас шаде нихтц! Начальник полиции не должен быть хорошим человеком. Начальник полиции — это курва-полицай, и он интересует нас именно с этих позиций. Это вам не советская анархия. Ферштеен зи?.. Плятц!

Заброда вытянулся и окаменел, как столб.

— Верно. Истинная правда! — сказал твердо и убедительно Мина Товченик.

— Дозвольте? — Мина вышел немного вперед.

— Ну?

— Уже, сказать бы, если оно к тому пришло, что вместо милиции, вместо простака, сказать бы, нужно подлеца чи курву, так тут уже, товарищи, ошибки не будет. Верно вам говорю. Такого подлюки, как Заброда, не то что в районе... Куда там... Одним словом, переходное немецкое знамя может получить за подлость.

Все засмеялись. Засмеялся и сам Товченик.

— От времена...

— Чего они смеются, фатер? — спросил Людвиг Крауз.— Руе!

— Руе! Подайте друг другу руки. Ну, — покраснел от гнева Эрнст фон Крауз.

Два непримиримых классовых врага — Лаврин Запорожец и Максим Заброда— подали друг другу руки, тут же расстреляв один другого глазами.

Пламенели дни и ночи в заревах пожаров. Кончалось лето. Мокрая осень. Разбухли холодные болота в мелких дождях. Горело. Над камышами стояли туманы и дым. Крякали мины в трясинах. Утопали юноши в зыбких болотах.

— Спасите! Ой, спаси...

— Тихо!

По шею, до рта в холодной воде брели болотами на восток многие тысячи беззаветных героев, словно раскиданные непогодою, разорванные ключи* перелетных птиц. Поднимали над мокрыми головами родное свое оружие, партийные билеты, все, что было дорогого, уносили веру в сердцах. и нечистая болотная гнилая вода нагревалась от горячей бессмертной веры в победу и от крови вечной светлой памяти героев.

Не раз и не два гомонели они с врагом в громких кровавых беседах. Множество вражьих кладбищ оставили за собою и сами полегли в великом числе, принявши честно труд и страх боев и смерть. По всем дорогам слышали люди ночами, как стонала от горя земля и плакали вдовы.

О, украинская земля, как окровавилась ты! Реки кровью налились, озера слезами и тоскою. Яры и переправы трупом и предсмертною блевотою. Степи гневом засеялись, проклятьями и стоном.

— Товарищи! Братики! Приймите раненых! Подвезите! — кричали раненые на горестных шляхах. Отступало войско. Пролетели грузовые машины разных снабов, военторгов, управлений. Холодные, злые шоферы, казалось, не видели ничего на дороге. Не видели и пассажиры. Много среди них было и никчемных людей, лишенных понимания народной трагедии. Недоразвитость обычных человеческих отношений, скука формализма, ведомственное безразличие или просто отсутствие человеческого воображения и тупой эгоизм проносили их мимо раненых на государственных резиновых колесах.

— Товарищи, пожалейте... — просили раненые.

— Стой, застрелю! — кричал раненый Роман Запорожец.— Стой!

— Ах, что ж это делается? Скажите мне, почему мы такие поганые?— плакался раненый юноша с перебитой ногой.— Товарищ командир, программа какая! Самая высшая в мире. А мы вот какие, гляньте! Подвезите раненых, растуды вашу мать!— И заплакал.

Пролетали машины, как осенний лист.

---

* вереницы, стаи (*укр.*).

Василь Кравчина, раненный в руку, отступал по дороге с группой хорошо вооруженных бойцов, и тяжелый гнев и стыд терзали его душу. Он чувствовал себя виноватым перед людьми, смотревшими на него из окон и с тротуаров маленького городка. В их глазах он читал молчаливый горький укор и смятение, и страх. То же самое ощущали и бойцы. Утомленные лица их были злы и хмуры. Долгое отступление, печаль и горести тяжелых утрат придавили их всех.

— Скажите мне, товарищ, почему мы такие, га? — обратился к Кравчине молодой боец.— Почему? Что это такое? Подвезите раненых, сволочи!

— Вперед!— весело махали руками военторговцы. Они были рады, что отъезжали на восток еще за одну реку, что машина исправна, что шофер, лежавший недавно под машиной целых шесть часов, ковыряясь в ней, отчего все они чуть не посходили с ума, все ж таки машину оседлал. Души у людей были маленькие, карманные, портативные, совсем не приспособленные к большому горю. Они выросли в атмосфере легкого успеха и радостей. Суровая, мужественная эпоха необходимости давно уже казалась им законченной, пройденной, и они плавали уже несколько лет в царстве свободы, словно рыбки в тихой неглубокой речонке, где всегда было видно и дно и небо, и тень и омуток.

— Смотрите, катятся, сволочи! Раненых бросают!.. Что это?

— Не знаю. Я сам такая ж сволочь,— сказал Кравчина машинально.

— Га?

— Я жену бросил.

— Да? А я бросил деда, батька, мать и сестру Олесю.

— Олеся?

— Да, Олеся. Сестра моя,— сказал Иван Запорожец.

— Смотри. И жена моя Олеся,— ласково и горько улыбнулся Кравчина.— Олеся...

— Где?

— В этом, как его... Ай, забыл... Возле перелаза кинул... Ах, убить бы меня нужно!.. — вздохнул Кравчина.

— Не знаю я, товарищ командир, что оно и к чему, но чувствую тут,— Иван Запорожец ударил себя кулаком в грудь, — не умели мы жить как следует, нет, нет...

В районном городке в суматохе и растерянности вбежали к председателю Н. Лиманчуку две красивые девушки.

— Что вам нужно?

— Скажите! — волновались они, задыхаясь.

— Что сказать? Что вам нужно? Что?

— Скажите нам...

— Что сказать, что, ну? Ну что, что ну? Алло, алло! — звонил председатель.

— Мы учительницы, комсомолки...

— Знаю. Все вы — комсомолки... Ну что?

— Мы боимся! Может нам уйти бы...

— Га?

— Отдадут ли наш город врагу?

— Какой город? Как вы смеете? Кто вас прислал сюда? Пятая колонна?

— Так мы?..

— Панику сеять!.. Алло... алло!

— Мы...

— Выйдите сейчас же, чтоб я вас тут не видел! Этот город никогда...

Лиманчук метушился по кабинету, словно плохенький актер по провинциальной сцене.

— Идите.

— Ну, спасибо вам.

— Никогда, слышите?! Ни за что! Не выйдет!

— Неправда. Не слушайте его, товарищи,— сказал Василь Кравчина, войдя в кабинет. Он слышал лишь последние возгласы председателя, но ему сразу уже была ясна вся картина беседы этого отца города со своими несчастливыми горожанками.

— Этот город мы оставляем. Уходите, девчата. Пока не поздно, уходите, или горе вам будет.

— Вы кто такой? Как вы смеете? Вы знаете, что за это?..— хорохорился председатель, рвя на мелкие кусочки какие-то секретные бумаги. Он был большим любителем разных секретных бумаг, секретных дел, секретных инструкций, постановлений, решений. Это возвышало его в глазах граждан города и придавало ему долгие годы особую респектабельность. Он засекретил ими свою провинциальную глупость и глубокое равнодушие к человеку. Он был лишен воображения, как и всякий человек с сонным вялым сердцем. Он привык к своему посту. Ему ни разу не приходило в голову, что, по сути говоря, единственное, что он засекречивал, это была засекреченная таким образом его собственная глупость.

— Что ты мелешь этим комсомолкам? Что ты врешь? Для чего? Во имя чего ты врешь, гад?

Василь Кравчина потемнел, как ночь. Неисправимый промах, даже не промах, а преступление, совершенное им по отношению к Олесе, которую нужно было силою увести с собой, мучил его и не давал ему покоя ни днем, ни ночью. Сбитый с толку и усыпленный такими вот молодцами, возглашавшими в каждом городе бодрые возгласы, вроде «Никогда враг не пройдет!», возгласы, на которые их никто не уполномачивал, он бросил свою Олесю, и только сейчас, на долгих тяжелых путях отступления, оглядываясь на всех перекрестках, не летит ли к нему сказочной птицей родная его доля, только сейчас почувствовал он полностью свое горе.

— Уходите, сестры мои, бегите! Прийдут немцы, покалечат вас, заразят болезнями, погонят в неволю, а этот несгораемый шкаф,— показал Василий на председателя,— собирающийся бежать, вернется потом и будет судить вас за распущенность.

— Я вас арестую! Алло, алло! — закричал Лиманчук, дергая телефонный шнур и продувая трубку, словно самоварную трубу. — Меня партия поставила!

— Товарищи, не могу, не могу, не могу, точно. Вам понятно?

Толстоватый человек с двумя шпалами доказывал спокойно и вежливо и даже с приятной усмешкой, словно опытный воспитатель непослушным детям, что он не может их взять в свой грузовик, потому что хоть грузовик и полупустой, зато груз его секретный. Кроме того, вообще нельзя никого брать, так как это воспрещено приказом. Поэтому он советовал не стоять на дороге и не угрожать ему, а пропустить.

— Понятно?

— Товарищ, так возьмите девчаток этих и раненого,— просил Кравчина.

— Товарищ, я везу военный груз, поймите.

— А я раненый, разве я не груз?! ...Твою мать, смотри!— И раненый в ногу Иван Запорожец начал быстро разбинтовывать свою ногу.

— Товарищ, вы мне этого не показывайте. Вы не угрожайте мне раной.

— Я не угрожаю.

— Я принципиально не могу.

— Что?

— Так объясните нам.

— Товарищи, дело не в ране. А в принципе, в приказе.

— Дело в страдании,— сказала девушка.

— Это не военный разговор. Вы знаете, какие были случаи? Вот так подвозили, а потом подвезенные бросались с ножами на спину.

— Товарищ, этот раненый — член ЦК комсомола! Он не бросится.

— Не могу. Не мо-гу!

— Понял! Не берите ни девушек, ни меня,— сказал вдруг Иван.— Езжай немедленно, иначе бросимся на машину и задушим, как гадюку. Дайте ему дорогу! Катись!

— Давай!

— Товарищ командир, ну что вы скажете? — обратился Иван к Кравчине.

— Скажу, что война будет долгой. И крови нашей прольется намного больше, чем могло б пролиться. И страданий.

Шли бойцы по грязной дороге, оглядываясь на запад в тяжелом раздумье. И проклиная свои недостатки, казавшиеся им истинной причиной отхода на восток, не знали они, как много величайших дел суждено им свершить, как много суждено пролить крови на необъятной своей земле и какие холодные калькуляторы будут дозировать их кровь в заморских кабинетах.

Пахали землю в ярмах и шлеях. Шестеро в плуге, седьмой за плугом — Мина Товченик.

— Гей, гей! — погонял Мина дезертирство и окруженство.

— Да правь уж молча, не дразни! — сердился в ярме старый колхозник Левко Царь.

Товченик. Тяни, тяни, бугай!

Нехода. Ой, какая му́ка!

Журавель. Ах, если б я был в армии! Пусть бы меня ранили, контузили в боях хоть каждый день, как бы был я счастлив!

Товченик. Брось молоть чёрт знает что!

Царь. А чего бежал?

Журавель. Растерялся. Не мог понять сам себя. Броня тонка.

Чубенко. Эге. Крови перепугался! <...>

Царь. Да не гарикай там!

Товченик. Но-о!

Царь. Не человек уж я. Конь... Позор, позор... О, позор!.. Дай отдохнуть. Падаю.

Товченик. Не дам. Он, уже смотрят, гады, пристрелят, поди,— сказал Мина, оглянувшись.

Жандармы с автоматами следили за полем.

Нехода. Тяните, черти б вашего батька потянули!

Чубенко. Ой!

Царь. Эх, когда-то оно не так было. По-другому воспитывали.

Нехода. Лучше?

Царь. Лучше.

Нехода. Так чего ж вас так хорошо воспитали, а вы нас так погано? Да еще и ругаетесь? Ага, молчишь, старая собака!

Царь. А, глупак...

Нехода. Сам ты дурень!

Журавель. Ну, довольно там!

Чубенко. Да, когда-то в истории, говорят, тоже запрягали нашего брата не раз. <...>

КАДР ИЗ КИНОФИЛЬМА «БИТВА ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ УКРАИНУ»

Центральная Украинская студия кинохроники, октябрь 1943 г.

«Ушли партизаны навстречу родной своей армии, и одинокая луна освещала притихшие хаты...»

Товченик. Но! Довольно историю толочь!

Царь. Я думаю, что такого ката, как наш староста Лаврин Запорожец, еще и история не знала.

Товченик. Сами выбирали.

Нехода. От Каин! Вот так людей замучить в ярмах.

Чубенко. Хуже Заброды. Камень — не человек.

Огромная стая воронья поднялась над подсолнечниками и закрыла небо. 〈...〉 Слышалось — кра, кра, кра!

— Пожалейте людей, батько. Что вы делаете? — Олеся стояла перед отцом-старостою, решительная и взволнованная.

— Каких?

— Зачем вы людьми пашете?

— Они меня на это выбрали.

— Как на это?

— Чего они хотят?

— Они не хотят ходить в ярмах.

— Пусть не ходят.

— Ну, тату!

— Я тебя спрашиваю, чего они хотят?

— Я не знаю.

— А ты узнай. Заступница.

— Я уже не могу людям в глаза смотреть. Они нас ненавидят.

— А кого они любят?

— Тату, что с вами?

— Я тебя спрашиваю, что они любят? Заступница! Водку?

— Они в ярмах...

— Не хотели ярма, надо было биться за волю.

— Не могли все биться.

— Это правда. Но будут. А кто не будет — умрет.

— Они вас убьют.

— Знаю. Такая уже моя игра. Не они убьют, убьют немцы. Не убьют немцы, убьют наши, вернувшись. Немецкий прихвостень... Жалко людей... А мне себя жалко. На меня, проклятого, повесили все зло. Староста собака, староста злодей! А там, смотри, сыновья откажутся!

Кто-то постучал в дверь.

— Выйди из хаты.

Вошли в хату два незнакомых человека. Стемнело. Говорили шёпотом.

В застенке истязали людей. Слышны были крики, стоны, выстрелы и глухие удары падений. Кого-то выносили и выбрасывали в яму.

Эрнст фон Крауз появился в дверях. Он был мокрый от возбуждения и тяжело дышал, словно не он истязал людей, а его самого жгли огнем и терзали. Глаза его горели, как у безумного, и тряслись побелевшие губы.

— Вассер!..

Он начал мыться холодной водой, выкрикивая по-немецки какие-то грубые ругательства.

Полицейские стояли мокрые от ужаса. Фон Крауз упал на скамью и застонал, почти теряя сознание. У него был сердечный припадок. Он приказал позвать Заброду. Вошел Заброда.

— Молчат?

— Да, господин полковник, ваше высокоблагородие. Клянусь вам каторгой, богом, это все работа Запорожца.

КАДР ИЗ КИНОФИЛЬМА «БИТВА ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ УКРАИНУ»

Центральная Украинская студия кинохроники, октябрь 1943 г.

«Разошлись партизанские отряды по всему Правобережью. Увозили раненых в боях, строили переправы, переходили реки, болота».

— Что ты знаешь?

— Ничего не знаю.

— У!.. — Крауз выстрелил в Заброду из пистолета, но выстрела не последовало, и он бросил в немой ярости разряженный пистолет прямо ему в лицо.

— Я не сплю ночами,— лепетал Заброда,— я загнал всю полицию. И хоть бы что-нибудь. Ничего. Пашут в ярмах, молотят, а хлеба нет, коровы пропадают. И всё молчит и проклинает, будто, Запорожца, и что-то тут есть, вот-вот-вот!..

Фон Крауз снова вскипел и кинулся к Заброде.

— Я тебя повешу. Слышишь? За что я тебе дал землю? Завоеванную кровью моих солдат! Свинья! Чтоб тебя, паршивого кулака, даром кормить! Гунд!

И старый злодей Эрнст фон Крауз так застучал о стенку головой Заброды, что стена затряслась.

— Клянусь, Запорожец... Запорожец... — стонал Заброда.

Эрнст фон Крауз задыхался от ярости.

— Фатер, успокойся, что ты делаешь? — вбежал Людвиг. Отбросив Заброду, он обнял отца.

— О, мой мальчик, майн либе кинд,— размяк вдруг Крауз,— никто нас, немцев, не понимает, никто, ай...

Фон Крауз вошел к Лаврину Запорожцу чистый, хорошо одетый с пакетом.

К р а у з. Здравствуй, Лаврин! Как твое здоровье?

З а п о р о ж е ц. Здравствуйте, господин полковник.

К р а у з. Не господин, а по-украински — пане-полковник.

З а п о р о ж е ц. Извините, мы люди простые, к панству, так сказать, не того.

К р а у з. Как жена? Выздоравливает?

З а п о р о ж е ц. Помаленьку.

Т а т ь я н а (*из-за стены*). Спасибо.

К р а у з. А, фрау Татьяна... Как дети?

Т а т ь я н а. Ох!

З а п о р о ж е ц. Да кто их знает? Где-то...

К р а у з. Бьются. Где-то уже на Урале.

З а п о р о ж е ц. На Урале?

К р а у з. Да. Жаль. Если б...

З а п о р о ж е ц. О, если бы они были здесь, все было бы по-другому. Они всем бы показали дорогу.

К р а у з. Я слышал, один вернулся и прячется?

З а п о р о ж е ц. А, болтают.

К р а у з. Жаль... Хм... До чего народ испорчен. Все доносят. Клевещут друг на друга.

З а п о р о ж е ц. От глупости.

К р а у з. Да... Смотрю я на молодежь. Плохая молодежь пошла. Легкомысленная. Это только мы с тобой понимаем, старики. А?

З а п о р о ж е ц. Да такое что-то действительно.

К р а у з. Полная распущенность! Ну, полная распущенность. Материалисты!

З а п о р о ж е ц. Эге.

К р а у з. Ты поверишь, у нас уже есть офицеры, не умеющие грамотно писать. Единственный идеал — нажива.

З а п о р о ж е ц. Да у нас тоже чего-нибудь там такого, так не очень, сказать бы. Ну, известно, всякие.

К р а у з. Да?
З а п о р о ж е ц. Один за другого не того.
К р а у з. Не что?
З а п о р о ж е ц. Не думают про хорошее. Ну хоть плачь.
К р а у з. Хлеб прячут. Заброда говорит...
З а п о р о ж е ц. Пустое.
К р а у з. Уходят в лес?
З а п о р о ж е ц. Нет, пока все дома.
К р а у з. Боюсь, как бы чего не случилось.
З а п о р о ж е ц. А что?
К р а у з. Сейчас в Германию набираем на оборонную работу.
З а п о р о ж е ц. Слышал.
К р а у з. Ой, боюсь, Лаврин, что придется снова вешать. Закон!
З а п о р о ж е ц. Да, к этому оно идет.
К р а у з. Да? Ты меня понимаешь, значит?
З а п о р о ж е ц. Я и сам вот думаю, что следовало бы спасти и послать в Германию сотню молодежи на работы.
К р а у з. О, Лаврин, у тебя разум, как у немца.
З а п о р о ж е ц. А...
К р а у з. О, ты у нас далеко пойдешь.
З а п о р о ж е ц. Вот составил список. Тут самые здоровые и красивые. Нате.

На другой день затужила вся улица. В село въехал Людвиг Крауз с большим отрядом жандармерии. Автомашины с пулеметами расположились на всех выездах из села. Люди в тревоге выглядывали в окна.

Христя вбежала в сени к Олесе вся в слезах:

— Тетушка! Тетушка Татьяна!

В дверях показалась Олеся.

— Олесю!
— Христя!
— Олесю, людей забирают в Немеччину!
— Что ты?
— Батько твой. Слышала?
— Что?
— Список подал, и я в том списке!
— Кто тебе сказал?
— Павло.
— Брешет.
— А ему Заброда, начальник. Вот как! — Христя смотрела на Олесю с нескрываемой ненавистью.— Почему я в том списке? Га?
— Христя!
— Почему тебя нет? Людей продаете! Выслуживаетесь!
— Христя...

Заброда стоял перед фон Краузом и дрожал:

— Когда ты появился в первый раз возле речки, помнишь, я сразу увидел, что ты мерзавец, — назидательно говорил фон Крауз, рассматривая Заброду с некоторым удивлением, как не совсем понятный человеческий феномен.— Но я никогда не мог подумать, чтоб твоя скотская, и даже не скотская, чёрт тебя знает, какая мерзость, ненависть и злоба, доходили до этого. Ты меня понимаешь?

— Никак нет!

— Фух... Зачем ты выслуживаешься передо мною? Почему ты с такой радостью доносишь на людей, выколупываешь их старые мизерные преступления, заблуждения, ошибки?

— Я ненавижу советскую власть.

— Но ведь ты же украинец?

— Так точно.

— Так как же ты?.. Мы же твои враги. Мы завоевали вас?.. Помнишь, Людвиг, я тебе говорил. Вот чистый образец,— обратился Крауз к Людвигу.— Как ты можешь?..

— Клянусь честью!

— Молчать! Он будет говорить мне о чести! Зачем ты клевещешь на Запорожца? Молчать! На! Вот список всех людей, которых следует отправить в Германию на работы. Довольно баклуши бить! Знаешь, кто список подал? Запорожец. Единственный честный человек в селе! Сволочи.

— Дозвольте,— сказал Заброда, бегло проглянувши список.

— Ну?

— Казните, не верю Запорожцу. И вам не советую.

— Что ты знаешь?

— Пока ничего.

— Ты дьявол!

— Ваше высокоблагородие,— встрепенулся вдруг Заброда. В мрачных его глазах загорелся какой-то замысел.— Вот если б он вошел сейчас в хату и вписал в список свою дочку, единственную дочь, тогда называйте меня дьяволом, сатаною, чем хотите. Но пока я вижу, что этого нет, позвольте мне думать...

— Интересно, га? — переглянулись немцы.

Тут Лаврин Запорожец не выдержал и постучался в дверь. Он слышал за дверью слова Забродыы.

— Что тебе? — нахмурился Крауз.

— Я пришел сказать вам про одну свою ошибку,— тихо промолвил Запорожец, подойдя вплотную к Краузу.— Народ волнуется, и это моя вина. Дочку-то свою я не внес в список. Признаться, пожалел. Отцовская слабость, простите...

— Ну, что ты, Лаврин!

— Пишите дочку. Сила примера — великое дело. Простите, что не вспомнил сразу.

— О, Лаврин, ты победил меня,— сказал взволнованный Крауз.— Я хотел просить тебя о дочери.

Крауз посмотрел на Забродуу. Заброда побледнел и тяжело задышал.

— Тато?!

— Да.

— Скажите, что это неправда!

— Нет, доня, это правда. Собирайся в дорогу.

— Мама!

— Лаврин! Что ты делаешь? — Татьяна стояла в дверях худая-худая, желтая.

— Помолчи, Татьяна. Олеся поедет в Немеччину.

— На погибель!..

— Нет... Олеся, выйди в сени.

Олеся вышла, шатаясь.

— Когда отвезешь Олесю на станцию, не возвращайся в село. Все может быть.

— Что ты?

— И эта хата, может, скоро сгорит.

— Лаврин!

— Молчу.

— Я не поеду! — закричала Олеся в дверях.

КАДР ИЗ КИНОФИЛЬМА «БИТВА ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ УКРАИНУ»

Центральная Украинская студия кинохроники, октябрь 1943 г.
«Вот живые символы народного бедствия, это не похоже на действительность, но это правда ‹···› Вот пахарь, отброшенный фашизмом на целое столетие назад ‹···› Вот его дети в лесах. Вот его жена...»

В хату вошел Мина Товченик.

— Вот мир настал! За границу не хотят ехать. Там же моды какие да декалоны! Хотя мы уже, говорят, сами заграница. Гутен так вам с маком!

— Мина, что ж это делается? — всплакнула Татьяна.

— Ну,— сказал Мина, подойдя к Запорожцу и словно закрывая его от Татьяны.

— На, спрячь,— тихо ответил Лаврин.— Не жалей ни коней, ничего, чуешь? Найди и передай, чтоб сразу выходили, как только прочитают.

— А куда выходить?

— Там все написано. Помни, Мина, в твоих руках судьба. Вот разрешение на выезд.

— Куда это ты? — спросила Татьяна.

— Не твое бабье дело. Ауфидерзеен,— сказал Мина и с таинственным видом вышел в сени.

Вернувшись домой, он повелел жене своей Одарке подавать обед, а сыну повелел спешно запрягать коня.

— А куда это вы, батько, едете?— спросил Мину из сеней молодой его сын, полицай Устим.

— А не твоего полицейского ума распоряжение,— ответил Мина, доедая свой обед.— Запрягай.

— А что это за бумага у тебя в шапке? — спросила старая Одарка Товчениха, готовя харчи на дорогу.

— Опять же не ваше дело,— ворчал Мина.

Устим молча ушел запрягать коня, а с ним вышел и его приятель полицай Павло Хуторный, унося незаметно письмо.

Бесконечными поездами увозили в Германию украинских людей. Горе разлилось по недобитым вокзалам и стоны разлук.

Олеся прижалась к матери и, целуя худую восковую материнскую руку, говорила тихо, утопая в безысходной тоске:

— Прощайте, матинко моя родная, не забывайте меня, не забудете? А когда вернутся наши с войны, передайте... Ой, не вернутся, мама...

Олеся плакала. Она словно чувствовала своею чистой девичьей душою, что никогда уже не увидеть ей своей тихой доброй матери.

— Доченька моя, дивчинка, до последнего вздоха своего буду молиться я зорями вечерними и утренними, чтоб минуло тебя горе и злое поругание. Чтоб хватило сил в неволе, чтоб не покинула тебя надежда, голубонька моя...— тужила старая мать Татьяна Запорожчиха, прижимая к себе дочку в последний раз.

— Нет, не вернутся, мамо. Не увижу я уже ни Романа, ни Василя. Разнесет нас по всему свету. Кто соберет нас, матинка, кто? Кто нас покличет? Мама, мама!

— Соберет, верь, доченька моя. Как бы тебе ни было тяжело, верь, надейся, веруй, детонька моя!

— О, мама! Какие же мы несчастливые, какая несчастливая земля наша!

Плакали люди вокруг. Прощались матери с дочерями, сестрами, с братьями и малыми детьми.

Плакали покинутые дети, разлучались с матерями, пропадали, разносило их на все стороны.

Чтоб целый, может быть, век уже искать друг друга и не найти до смерти и следа не оставить никакого.

Одни лишь тупоголовые гитлеровские убийцы спокойно прохаживались среди несчастных и загоняли их в вагоны, как скот, да немецкий оркестр на вокзале заглушал страдание и плач.

Свисток. Последний взрыв крика в окне. Кто-то упал на рельсы. Двинулся поезд.

Три вдовы упали на пути, поднявши руки к небу. Поезд не остановился.

Да с полдесятка мужчин тут же расстреляли между прочим для порядка, чтоб не кричали, словно пьяные, с трясущимися белыми губами.

Поезд, переполненный невольницами, побитыми мужчинами, конями и быками, уходил на запад.

Проплывали серые непаханные украинские поля, побитые вокзалы, разрушенные города, трубы и черные окна сгоревших домов.

Татьяна стояла, словно каменная, когда подошел к ней полицейский Иван Гаркавенко.

— Тикайте, Татьяна Остаповна. Дядька вашего арестовали.

Когда немецкие жандармы поставили перед фон Краузом Лаврина Запорожца, избитого, в порванной одежде и обессиленного неравной борьбой, Эрнст фон Крауз чуть не помешался от бешенства. Однако он сдержал себя, чувствуя, что еще минута гнева, и он погубит себя. Тяжело дыша, бледный, он смотрел на Запорожца и долго не мог вымолвить ни одного слова.

— Ты собрал сотню юношей и девушек, чтобы отправить их в партизанский отряд? — спросил он неожиданно спокойным, обычным голосом.

— Да.

— Ты послал партизанам вот это?

— Да. Это письмо я послал партизанам, чтоб они уничтожили по дороге охрану и забрали к себе молодежь.

— И твою дочь?

— Да.

— Молодежь и дочь твоя отправлены в Германию, хата твоя сожжена, жена убита.

— Знаю.

— Ты страдаешь?

— Нет.

— Почему?

— Я тебя ненавижу.

— Слушай. Я не буду тебя бить сейчас. Я устал сегодня от битья,— сказал Эрнст фон Крауз. Он снова вдруг покрылся потом. Его душила жаба. Он задыхался.— Я апеллирую к твоему разуму.

— Я не скажу ни слова.

— В данной ситуации ты не имеешь права не отвечать. Война есть война. Скажи, где партизаны и кто здесь с ними связан. Тогда я тихо тебя повешу, ай... ухх!

— Я не скажу.

— Ай... Ну, тогда до завтра. Завтра у меня будет свежий юмор.— Фон Крауз встал и медленно подошел к Запорожцу. —Завтра я сам выколю тебе глаза, отрублю руки и ноги и отрежу язык. Я не могу просто обойтись с тобой. Понял? Я имею свой престиж, а ты... О, ты не какой-нибудь клиент.

— Иди ты к чёртовой матери, чёрт бы твою душу побрал, нехай!

— Ай, как я ненавижу тебя, славянская собака,— тяжело задышал фон Крауз.— О, скорей бы мне выбраться из этого проклятого края.

— Не выберешься!

— Помолчи. Все равно не застрелю. Будет завтра так, как я сказал. Посадить на ночь за проволоку! — приказал он жандармам.

По ночам зарева пожаров освещали поезд. Тогда ревели быки в вагонах, храпели кони, ржали и взвизгивали в тревоге.

И дивчина Христя, высунув голову из окна вагона, кричала в степь в отчаянии:

— Прощайте!..

Поезд пел недолю по степям, по горам, по долинам...

Усі гори зеленіють. Тільки одна гора чорна,
Тільки одна гора чорна. Там орала бідна вдова...
Чорна хмара наступала
Сестра з братом розмовляла...

В полутемных товарных вагонах девушки жались друг к дружке.

Ой, братику, голубоньку,
Прийми діток на зімоньку.

Пела Христя и думала горькую свою думу. Растерзанную ее душу мучили горе и зло на недолю, на весь проклятый мир.

— Так... Скажи мені, брате герою. Скажи мені, сестро покритко!— промолвила она, словно слагая песню про себя.

— Ну, довольно, Христя. Давай споем веселую. Все равно уж. Ну! — успокаивала ее Олеся и, чтоб развеять тоску, начала:

Летіла! зозуля через мою хату.
Сіла на калині та й стала кувати...

Девушки подхватили. Вышло еще тоскливей.

— Рабы... Разгонят нас по чужим землям, словно чаек в бурю. Будет нас по горам, по долинам, по чужим украинам,— не утихала Христя.

— Христя, бежим!— твердо и решительно прошептала Олеся.

Вечерело. Невольники позалезали в норы и стучали зубами от холода. Под холодным осенним небом лагерь казался огромным кладбищем разрытых могил, где лежали на дне живые покойники.

Из одной могилы тихо возносилась вверх песня про горе чайки-горемыки, что давным-давно когда-то вывела было чайчат при широкой дороге. Про далекие чумацкие шляхи и про веселых беспечных чумаков, что всё было пели, за волами идучи, и согнали чайку, и детей забрали. Как билась чайка об дорогу, как припадала она белой грудью до сырой земли, как жалобно молила певцов дорожных — «Ой, верніть мені чаєнята, я їх рідна мати!»

Гремели выстрелы часовых и раздирали песню автоматы. Над лагерем смрад и тяжелая, невыразимая печаль.

За колючей проволокой сидел Лаврин Запорожец и плакал.

На темное небо повыходили звезды.

Запорожец посмотрел вверх. Небо было огромное, торжественное, вечное. Далекие звезды освещали его холодным безразличным светом. Ощущение вечности и бесконечности мира опустошило его усталую душу и немного успокоило.

— Что смерть моя и смерть моих детей? — подумал Запорожец,— и что мои мизерные муки, когда исчезают в небытие тысячи людей, гибнут семьи, гибнут целые роды без числа и края.

— Лаврин... Лаврин...— как будто послышался издалека женский клич.

Запорожец поднялся и стал прислушиваться.

— Лаврин... Это ты, Лаврентий? Я принесла тебе поесть! Хлеба, картошки и груш...

Он узнал голос Мотри Левчихи. Она притаилась где-то в кустах и тихотихо звала.

— Я сейчас положу возле проволоки и убегу. А ты возьми и никому не давай, наедайся, слышишь? А утром доешь, крепче будешь. Слышишь?

— Слышу,— глухо ответил Лаврин.

— Гляди, я бегу,— тихо проговорила Левчиха.

И выбежала из кустов прямо к нему.

Прогремел выстрел — ррр...

— Ай! — словно испугалась Мотря и тихонько упала мертвая на песок. Узелок с размаха пролетел немного вперед и упал возле проволоки.

И дающая правая рука ее с разгону тоже протянулась вперед и поникла.

Запорожец припал к земле и быстро приполз к проволоке. Изо всех сил протянул он руку к хлебу и не достал.

— Тетушка,— прошептал он, хватая пальцами песок.

Не вернемось, чайко, ти матінко наша,
З'їли твоїх чаєняток, добра була каша,—

разносился над лагерем из ямы тихий чумацкий реквием.

Неумирающий голос седых столетий звучал в темноте над колючими проволоками. Уже ничего не просил он, не упрекал, не проклинал. Была уже в нем одна примиренность с неумолимым бегом времени и очищенная, настоенная на сухих цветах давности, прозрачная печаль.

Над мертвою Левчихою стоял Максим Заброда с желто-голубой повязкой на рукаве. На груди на ремне блестел у него автомат. Запорожец встал, и они сразу узнали друг друга.

— Добре спивае недоля,— тихо сказал Заброда.— По себе знаю. Я тоже вот пел по ночам в Сибири. Ох, как еще пел! Откуда только и голос брался. Бывало, все люди плачут.

Заброда переступил через труп Левчихи и подошел к проволоке.

— Сегодня не мешало б и тебе затянуть что-нибудь, а? Пришел послушать. Спой что-нибудь, слышишь?

— Это ты убил? — глухо спросил Запорожец.

— Кого? — Заброда оглянулся.— А, Левчиха... Да что там Левчиха? Мне вот тебя жаль. Ой, будет болеть, Лаврин! Сорвутся с твоего языка и партизаны, и оружие, только будет уже поздно. Жалко.

— Не нужна мне твоя жалость.

— Такая душа у меня. Ненависть у меня к тебе, Лаврин, старая, как застарелая хвороба. А вот пришел твой смертный час — жалко... Может, что-нибудь придумаем, га? Скажи, где партизаны и оружие?

Заброда близко-близко заглянул Запорожцу в глаза. Запорожец сжал зубы.

— Уйди от меня, сатана. Иди погавкай офицеру, что на мне земли ты не заработаешь. Иди!

— Ну что ж, вечная тебе память за твой характер, а я, дурной, думал было...

— Что? Заработать на партизанах? Иуда!

— Эге. Христос нашелся. Я уже заработал и так немало в Сибири. Кто меня туда загнал со всей семьей? Кто?

Заброда поднял кулак и весь задрожал. Тяжелая старая злоба поднялась в нем мутной волной из самых глубоких, темных пропастей несогласной его души. Голос его хрипел. Слова, казалось, вылетали из пылающей бездны.

— Сводил ты со мной счеты за столетия по Марксу. Теперь вот я с тобой по Гитлеру сведу... Вот завтра будет мой юбилей. О, запьем советскую власть и Левчиху...

Левчиха лежала маленькая, аккуратненькая, в праздничной одежде. На ней была чистая сорочка, которую она давно еще держала в сундуке на смерть, и старинная длинная безрукавка, и новая черная юбка в мелких синих цветочках. А на шее даже ниточка мелкого кораллового мониста с дукачом еще с девичьих лет. Она словно предвидела свою смерть. Вечный покой уже разливался по ее челу. Оно словно светилось в сумерках.

— Ишь, паскуда, приоделась как на Пасху!

— Не смей так говорить про нее, слышишь!— разгневался Запорожец.— Не смей, она святая.

— Кто?

Заброда бросил автомат и подошел к самой проволоке.

— У... ты... боишься?

— Кто-о?..

Дальше они не выдержали и вцепились, сквозь проволоку, друг в друга. Они начали ломать друг другу руки и пальцы. Потом они обнялись и долго душили друг друга сквозь проволоку.

— Тихо, не храпи! Тихо...

— Тихо! Слышишь?

Долго говорили они у колючей проволоки. Говорили о власти, о земле, о социализме. Говорили о кулаках, о ссылке, о страданиях на чужбине, говорили про голод, про смерть, про измены.

Они плевали друг другу в глаза Сибирью и страданиями, и голодом и смертью. Они плевали друг другу в лицо Гитлером, немецкими погромами и пожарами, и виселицами, рабством и бешеной ненавистью к Гитлеру всего мира. Ненависть разбушевалась в их пламенных душах и вырывалась из них страшными взрывами, одна против одной.

Они били друг друга тяжелыми ржавыми обломками своей тяжелой истории, и оба стонали от ударов.

Они то отходили один от другого, то снова сходились совсем близко и проклинали, и снова хватали друг друга, и вглядывались один другому в блеск очей и зубов в темноте.

Они давили друг друга и прижимали грудью головы к проволоке. И колючая проволока впивалась в их лбы, и кровь стекала с них, и ненависть, и страсть.

— Тихо... тихо...

Они говорили про Москву, и когда Заброда сказал, что Москва уже пала, Запорожец со всей силой ударил Заброду кулаком в лоб, так что искры полетели из него, как из трубы.

— Врешь!

— Не вру... Сам слышал по радио... Пусти!

— Брешет ваше собачье радио!.. Слышишь, говори, что ты врешь. Говори, или я тебе голову откушу!

— Пусти!.. Ай!..

— Не пущу! Подай мне хлеб! Подай мне хлеб, говорю тебе... — хрипел Запорожец.

— Не подам... тихо...

Они говорили то тихо и медленно, как бы нехотя, утомившись, и тогда слова вырывались из уст, как одинокие выстрелы, то внезапно, когда острота ненависти снова начинала раздирать их горячие души, они расстреливали друг друга в упор бешеными ураганами словесного огня. Тогда пена закипала у них на побелевших губах, и брызги вылетали изо рта и казались иногда искрами, как у разъяренных драконов.

— Пусти меня!

— Пусти! Ай-ай-а!..

Иногда они с вершин своего поединка падали, очевидно, от большой усталости до обычных оскорблений.

— Пусти... твоей матери! Пусти, не души меня... Пусти, ну, жидовский батько! Злодей!

— А... немецкий пес. Подхалим немецкий... Ай... пусти!..

— Ага, просишь, гад?.. Вот завтра вытащим из тебя жилы, нарежем звезд из твоей проклятой шкуры.

— Режьте, чёрт вашу душу бери!

— Будут хрустеть кости. Сам буду ломать! Слышишь? Упаду перед офицером на колени, выпрошу. Сам!..

— Слушай, враг. Ты же человек. Подумай...

— Эти же самые слова я тебе тоже когда-то говорил, когда ты выселял меня в Сибирь.

— То было наше внутреннее дело. А сейчас родина гибнет, Украина!

— А что мне родина?

— Всё!

— Га? Всё? Я всё отдам, лишь бы отомстить тебе за свою обиду.

— О, самоубийца!

— Я жертва классовой борьбы. Я арестант.

— Если ты человек, а не дьявол, то должен знать, что узники и судьи бьются рядом, когда отчизна гинет!

— Хай гинет, хай!

— Слушай, нечистая сила, неужели тебя породила земля наша?

Запорожец оттолкнул Заброду. Заброда упал.

— Что же вы натворили, немецкие предатели? — сказал Запорожец, когда Заброда поднялся и снова подошел к нему.— Откуда вы налетели, черные вороны? Чуешь, темная сила? Все равно пропадет ваш Гитлер! Ничего, что я погибну. Не страшна мне смерть. Слышишь? Но страшно мне, когда подумаю, где ж погниют кости обманутых Гитлером бедных наших людей? В каких Африках, в каких Скандинавиях? В каких песках и в чьих морях?

— В Сибири,— глухо сказал Заброда и схватил Лаврина за руку.

— У!.. пусти, не крути руку, немецкий раб!

— Кто раб? Я раб?

— Ты. А ты думал, кто ты?

— Я...

— Ага. Плачешь?

— Я не плачу. Сам ты плачешь, гад. Чего ты плачешь? Оплакиваешь долю, проклятый?

— Пусти меня! Я не хочу говорить с тобой,— сказал Запорожец.— Оставь меня одного. Я хочу перед смертью немного подумать. Иди. Я хочу очиститься от твоего прикосновения. Я народный партизан, чуешь? А ты... труп! Мертвый ты!

Запорожец посмотрел на Левчиху, на ее узелок с хлебом.

— Подай мне хлеб, чуешь! Хлеб подай! Не буду его есть. Я поцелую его.

— Не подам!! — осатанел Заброда и начал бешено топтать узелок с черным хлебом и мертвую руку Левчихи.

Запорожец словно окаменел. Он увидел свою смерть — вот она, совсем близко, лютая, неумолимая. И проснулась у Запорожца нечеловеческая жажда жизни. Из широких украинских степей, из дебрей, из темных оврагов повеяло на него гарью истории, головнями, дымом и кровавым паром.

Страсть борьбы и мести, вся воля, весь разум, все вспыхнуло в нем с такою страшной силой, что он в одно мгновенье словно возвелся в какую-то необычайную степень, близкую к взрыву.

— Стой, собака! Не смій топтати! — прохрипел он и страшно сверкнул глазами.

Заброда остановился.

— Га?.. Ага!.. — как-то исступленно агакнул он, раскрывши рот, и повернулся к Запорожцу.

И бросились они на проволоку еще раз, уже молча, ударились грудью, обнялись, и тут только Заброда почувствовал, что он погиб.

Это был уже не тот Запорожец. Словно железными клещами впился он в Заброду, обхватил его, оторвал от земли, поднял, крикнул и, тяжело дыша, изо всех сил рванул его на себя и прижал горлом к проволоке.

Не выдержала проволока, порвалась. Тогда, схватив порванную проволоку, Запорожец закрутил ее вокруг Забродыи завязал на его жилистой шее смертельный узел.

Потом он кинулся на проволоку. Железные колючки впились ему в босые ноги, в руки, в грудь. Они раздирали в куски его тело, но он уже не замечал. Он вырвался на волю.

— Гальт! — гаркнул из-под дерева Людвиг Крауз и, торопливо вытягивая из деревянной коробки маузер, бросился к Запорожцу. Он не ожидал такого поворота действия. Запорожец стоял уже на ограде.

— Гальт! — крикнул еще раз, уже возле самой проволоки, и прострелил обе щеки Запорожца почти в упор, навылет. Стрелять вторично ему уже не довелось. Молниеносным прыжком Запорожец обрушился на него сверху, опрокинул и убил одним ударом кулака в ухо. Удар был такой силы, что офицер умер мгновенно.

Но Запорожец не мог уже остановиться. Выплюнув офицеру в лицо десяток своих зубов, он бил его по мертвой голове с нечеловеческой силой.

Загремели выстрелы. Тогда Запорожец схватил офицерский маузер и автомат Забродыи выпрямился.

— Поднимайтесь, гей! Кто хочет жить, вылезай из могил! Вставайте, люди!

— Гальт! — кричали немцы, выскакивая из караульной.

— Не тикайте, дядько! Стреляю! Что вы делаете? Не тикайте, стрелять будем! — кричали полицаи.

— Разгибайте спины! Разрывайте проволоку!
— Не тикайте, а то пропали мы!
— Гальт! Гальт!
— Ура-а-а!! — загремело в лагере.
— Вперед, браты! Ура-а-а!

И вылезло из могил, из пещер, из ям все, что было за проволокой,— все разогнулось, встало и бросилось на проволочный забор с такой силой, что он упал в одну минуту и погруз в песок под тысячами ног.

— Свобода!

Уже передние ряды достигли кустов, только ударили вдруг из автоматов в самую людскую гущу. Множество людей покатилось со стоном на землю. Кое-кто в смятении остановился.

— Не останавливайтесь, не стойте, пропадете все! — гремел Запорожец.— Слуша-а-ай!

Такого еще не видели ни украинская луна, ни звезды.

Запорожец один уничтожил половину немецких автоматчиков. Для него словно не существовала темнота. Он видел всех и всё.

Он выводил людей на волю, туда, где было зарыто оружие.

— Назад! Назад! Стреляем! Огонь! — ревели полицаи.

Никто не отступил. Ни одна душа,— так хотелось жить. Прыгали с обрыва в Десну даже те, кто сроду не плавал, и, не умеючи, переплывали, перелазили Десну, удивляясь своей необычной власти над водой.

Только некоторые, у кого от голода не хватало сил или кто был ранен, те не смогли победить своего неумения плавать. Они погибли в помутневшей Десне, не замечая, что они тонут. До последнего мгновения казалось им еще, будто летят они на свободу, и радость не покидала их до самой смерти.

И только кое-где показывалась из Десны трудовая рука, как бы посылая живым свой последний привет:

— Прощайте... потопаю...

Олеся и Христя метались по тесным местечковым проулкам возле станции. За ними гналась немецкая стража. Вот она загнала их в тупик и схватила.

— Вы почему не хотите ехать в Германию? — спросил станционный пристав, когда их привели в участок.

— Так теперь и здесь Германия,— сказала Христя.

— Да. Но вам здесь нечего делать. Здесь не будет ни фабрик, ни заводов. Всё там. Нужно там работать, чтоб скорее победить врага.

— Какого?

— Красную Армию.

— Так они ж свои.

— Разденьте их и дайте по двадцати горячих.

Жандармы кинулись к девушкам.

Они снова спрыгнули с поезда на ходу. Они долго бежали по полям, оврагам, долинам. За ними гнались. Они падали и снова бежали. По ним стреляли. Выбившись из сил, они стали, подняв руки вверх. Никто их не жалел.

Они снова двигались в поезде с другими девчатами, коровами, конями. Бесконечными поездами увозились на запад пленники украинской

КАДР ИЗ КИНОФИЛЬМА «БИТВА ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ УКРАИНУ»

Центральная Украинская студия кинохроники, октябрь 1943 г.

«Сколько преступлений совершили немцы в этом городе и каких преступлений! ‹···› Сколько ‹···› висело в Харькове повешенных, сколько было расстреляно, сколько замучено...»

земли. Остановился эшелон на маленькой, обгорелой станции рядом с другим длиннейшим эшелоном, что тоже тянулся на запад.

Из товарных вагонов выглядывали желтые, измученные, небритые, битые люди, военнопленные из концентрационных лагерей, окруженцы, дезертиры и просто несчастные, лишенные свободы и закона, невольники тяжелых и опасных работ в Германии.

— Здорово, девчата! Откуда будете? Чьи? —спросил через окно молодой чубатый парень. Он не утратил еще молодецкого форсу. Любил он девчат, да и песни знакомые. Вспомнилась ему улица, веселые ласковые девчата и песни на колядках, и звездные ночи, и ясные зори...

— Чьи будете?

— Немецкие! — сказала Христя.

— О?!

— А ты думал твои, сукин ты сын! Шут! Дезертир вонючий!

— У, подумаешь, немка! — обиделся парубок.— Да мы таких, как вы..

— Что? Хам ты проклятый!

— Вот то самое.

— Что? Побросали для немецких бардаков, сукин ты сын, раб!

— Иди ты, барахло... я пленный,— опешил «кавалер».

— Ух ты! Пленный! А почему ты пленный? Крови испугался? Защитник родины! «Чьи вы девчата?..» Кавалер! У, гадина! — Христя дрожала от ненависти.

Всю свою боль и протест против беспросветной действительности, в какую ее ввергли эти «пленные», беспечные бездельники, весь гнев своей горячей натуры обрушила она на невольников. У нее не было к ним ни жалости, ни сочувствия. Дурацкий вопрос и шутовской тон возмутили ее. Вагон стоял перед нею, как образ не только беды и несчастья, но и смутной какой-то, казалось ей, вины.

Немецкая стража с удовольствием слушала эту перебранку обездоленных людей и смотрела с презрением на оба вагона.

— Да брось, Христя, перестань,— сдерживали Христю подруги.— Эх, стыда у вас нет,— упрекали они мужчин.

— Дезертиры! — кричала Христя.— Как вы смеете смотреть мне в глаза?!

— Иди ты!..— огрызнулся кто-то из мужского вагона.

— К немцам еду в неволю, будьте вы прокляты, нехай! — кричала Христя уже на ходу поезда, высовываясь из окна вагона.

— Как я ненавижу их, Олеся,— сказала она, обернувшись к Олесе, и упала на нары.— Чтоб так опуститься!

— Христя!

— Зачем же они бежали, скажи мне? Зачем они бросили нас так легко на поругание врагу? Почему не умерли они в боях, чтоб я плакала и молилась на них?

— Так, говорят же, вся Европа сдалась,— сказала Олеся.

— Так то Европа, а то мы... Ай! Ну, где их гордость? Где их мужество? Кто простит им это? Скажи мне.

— Это, говорят, отступление стратегическое.

— Куда? Пропали мы теперь, пропали, что, неправда? Скажи мне, Олеся, правда, правда?..

Христя засыпала Олесю сотнями самых болючих вопросов, что не давали ни одной девушке покоя, что мучили их и доводили до поступков отчаянных и ужасных. Этими вопросами, словно отравленными стрелами, были ранены измученные их сердца и разум.

— Что ты сказал той дивчине, подлюга? — спросил «пленного» кавалера хмурый, высушенный мучительным внутренним огнем Степан Сорока.

— А пусть не...

Сорока ударил «пленного» изо всей силы в ухо так, что тот, как сноп, повалился на нары.

— За что ты бьешь человека? — разгневался один из невольников.

— Какого человека?

— Зачем человека ударил?

— Человека? Тут нет человеков. Тут рабы,— глухо проговорил Сорока.

— Какие рабы? А ты слышал, что она ему сказала? — возмутился другой гордый невольник.

— Для нас нет уже оскорблений... для вас и для меня...

— Олеся, я ненавижу их за поганую войну,— шептала Христя, прижавшись к Олесе.— Зачем они бросили нас?

— Христя...

— Что, неправда?

— Неправда... Правда, да не вся. Это только половина правды,— сказала Олеся.— Да и дело вовсе и не в том, кто больше или меньше виноват.

— Ну, а в чем же?

— В несчастье. В роду.— Олеся наклонилась к Христе и взяла ее за руку, как больную свою сестру.— В нашем роду. Мы женщины, Христя, мы матери нашего народа. Нужно все перенести, нужно родить детей, чтоб не перевелся народ. Посмотри, что делается. Множество миллионов гибнет. За это ж они умирают, наши, как бы там ни бились. Я верю, Христя, верю! Ни за что не будет по-немецки, ни за что!

Олеся почти выкрикнула последние слова. Глаза ее светились глубокой верой в жизнь, в торжество добра и победы.— Я верю! И ты верь, Христя. Они тебя душат, а ты верь! Они тебя бьют, а ты верь!

— Олеся, если у меня родится немецкое дитя, я его задушу! — вдруг сказала Христя, отвечая на свой нестерпимый вопрос.

— Христя, ты?..

Христя упала на нары.

— Германия! — кричала девушка в окно вагона.

— Последняя украинская станция, — сказал кто-то в приоткрытую дверь.

Заплакал, затужил вагон. Олеся и Христя взглянули друг на друга.

— Слышишь? Чужая земля...

— А, проклятые, проклятые!..

Плакал вагон.

— Прощай, Христя! Прощай, я плавать не умею! Что ж делать, Христя?! — тужила Олеся, заломивши руки, бегая вдоль берега речки в камышах.

Христя переплывала речку. Она была уже на середине.

— Они уже бегут ко мне, Христя! Я чую их свист! — кричала Олеся.— Мамо, матинко, Василь! — Олеся оглядывалась вокруг.

— Ага, вот она! Бежать?

Три немецких жандарма схватили ее и оторвали от земли. Олеся вырвалась от них и припала к земле. Она хотела взять горсть земли. Они схватили ее за руки.

— Дайте мне хоть горсточку земли! Прошу вас!

— Чего?

— Родная земля моя!..

— Это наша земля, украинская дура,— процедил сквозь зубы жандарм и повалил Олесю.— Отойдите...

Страшно отомстил фон Крауз за смерть своего сына. Он собственноручно перестрелял всех полицейских, кроме двух — Ивана Гаркавенка и Устима Товченика, которым удалось спрятаться в кустах. Сожгли хату Запорожца, за ней хату сына, брата. Потом немецкие батраки, ремесленники и клерки бросились к хатам всех, кто был в партизанском реестре. Клали семьи на пол в ряд, от велика до мала, до грудных детей — и расстреливали, поджигая хаты. Вешали, рыча и смеясь от клинической страсти. Гонялись за женщинами, отнимали детей и бросали в огонь, и женщины, чтоб не жить уже на земле, не видеть, не проклинать, не плакать, прыгали в огонь вслед за детьми и сгорали в пламени страшного немецкого суда.

Высокое пламя полыхало в ночи, трещало, взрывалось глухими взрывами, и тогда огненные соломенные пластины, словно души погибших гневных матерей, уносились в темную пустоту небес. Повешенные смотрели ввысь со страшных своих виселиц, раскачиваясь на веревках и отбрасывая на землю незабываемые чудовищные тени. Горели улицы. Горело всё село. Всё, что не успело бежать в лес, в камыши, в потайные ямы,— всё погибло.

Не стало прекрасного села. Не стало ни хат, ни садов, ни добрых ласковых людей. Одни только печи и печища белели среди пепла и угля да кое-где висели обгорелые трупы на столбах или грушах. Некому было ни плакать, ни кричать, ни проклинать.

Светало. Тихо. Но вот промчались по мертвой улице два всадника туда и назад. В сгоревшее село въезжал небольшой конный партизанский

отряд. Видно, издалека прибыли народные мстители. Кони были утомлены, в мыле. Только всадники не знали усталости, держа наготове оружие и зорко оглядываясь по сторонам. Стали. К одинокой кринице под вербою, где Олеся воду брала, подъехал Роман Запорожец, командир партизанского отряда.

Долго гулял Роман по Украине. Много мостов взорвал, поездов, военных складов. Тысячи немецких оккупантов прокляли свою жизнь за одну-единственную краткую встречу с партизаном Запорожцем. Не многие бы тополевцы узнали в нем мягкого, веселого Романа: суровая борьба и невиданные бедствия народа и выполнение самых суровых повелений истории наложили на него свою жестокую печать. Это был воин, бесстрашный и суровый народный мститель, подобный прадедам своим, имя которых он носил. За его голову немцы назначили высокую цену.

И вот, пробираясь в глубоком рейде, заскочил Запорожец в родное село.

Родное село! Чье сердце сына или брата не бьется в груди? Не рвется вперед? Не млеет в тревоге — где вы, где вы?

— Гей! Кто живой? Отзовись! — глухо закричал Роман.

Никто не отозвался.

— Гей, кто в поле, отзовитесь!

Не отозвалась ни одна душа в поле.

Только одна душа отозвалась. Когда подошел Роман к погребу и, открывши дверь, повторил свой клич в черную яму, отозвалась из ямы душа матери. Кинулся Роман в яму.

— Мамо!

Посветил фонариком и увидел среди трупов свою мать.

— Сыночку!.. — и умерла.

На утро поднялся весь район.

— Партизаны!

Фон Крауз схватился с кровати и задрожал от страха. Спрятаться? Куда? Задрожал дом от взрывов бомб. Запорожец уже врывался в город.

Немцы бежали, отстреливаясь куда попало.

Молодой народ шел в партизаны, в лес, и матери благословляли сынов своих на труд и грозные бои, на жизнь в лесах и болотах.

Бежали полицейские в тайные берлоги и овраги.

Вот так, однажды где-то за селом в ровчаке под лесом пятеро полицейских пили водку.

Ну, товарищи полицейские курвы, пропали мы. Будьте здоровы!

— Да иди ты!

— Болячки наживешь, пропали к чёртовой матери! Ну что его делать?

— Не знаю. Растерялся! Ну, будем живы! Закусывай... Проклятые фашисты, проклятые!

— В партизаны надо тикать...

— Эге. Пойди!

— И пойду!

— Ну и обсмалят, как кабана.

— Да ну? От жизнь, таку его...

— А ты, Макар?

— Не хочу.

— Ты ж говорил, что пойдешь.

— Я раздумал. Где наша армия? Может, где-то на Урале еще. Шутка сказать, когда она вернется! Так я это дурак буду тебе таскаться по лесам в партизанах, как волк, а вы меня будете гонять.

— Кто?
— Подожди. На, выпей.
— Не хочу.
— Слышь?
— Стой!
— Та иди к чертям! Я думаю, вот, в полицейских с полгода еще покручусь, а там убью десяток фрицев, да и в партизаны, когда армия будет подходить!
— От сволочь.
— А ты? Подумаешь, идейный.
— А я сейчас пойду.
— Ну иди, попробуй.
— Ну и попробую. Думаешь, тебя испугался?
— Ты смотри мне.

В кустах стояла партизанская застава.
— Стой!
— Ай!
— Тихо!
— Не пугай!
— Куда идете?
— До партизан. А не вы это будете?
— Ну?
— Сыночки мои! Приймите моего хлопца к себе. Умоляю вас. Пропадет хлопец.
— Чего?
— В полиции служит... Голубчики...
— В полиции?
— Эге. От беда! Ну и что же его делать? Я, говорит, мамо, пошел бы в партизаны, так боюсь. Так, говорит, я их боюсь! Зарежут или обсмалят, как кабана. Так я вот...
— А где он?
— А не тронете?— Старая Одарка Товчениха пристально всматривалась в партизан.
— Да нет, если не провокатор, помилуем.
— Голубчики, сыночки мои, ой спасибо вам... Устим! Иди сюда!
Полицейский Устим Товченик осторожно вышел из кустов.
— Иди, говорю! Чтоб тебе ноги поотсыхали!
— Здравствуйте!
— Шапку сними, проклятый! Подожди, я тебе покажу полицию!
И Товчениха начала бить палкой своего ледащего полицая под веселый смех партизан.
— Ну, кажи!
— Простите, товарищи! Клянусь вам, что где бы я только ни встретил фашиста чи националиста, на клочья буду рвать.
— Ну, ладно. Ради матери уже примем.
Полицейскому Ивану Гаркавенко, тоже перебежавшему к партизанам через несколько дней, не сразу повезло. Его не хотели принимать. Партизаны только что вышли из боя. И разведка принесла им горькие вести о немецких зверствах и грабежах. Обступив Гаркавенка, они смотрели на него грозно и враждебно. Они пронизывали его гневными своими очами и, казалось, расстреливали его каждым взглядом.
— К такой матери! Примете такого гада, товарищ командир, воевать не будем!
— Что за бардак!
— Всякую гадину, изменников принимать!

— Шпионы немецкие лезут в партизаны!

— Геть! Расстрелять сволочь!

— Повесить! — гудели партизаны.

— Помилуйте, братья!

— Какие мы тебе братья, полицейская сука?! — гневался новоиспеченный партизан Устим Товченик.

— Устим!

— Я тебя не знаю!

— Так это ж я, Устим!

— Не знаю!

— Товарищи, не будьте такие жестокие! Будьте ж люди!

— Ага! Людскости захотел. Мы уже не люди здесь! Мы бродим, как звери, в лесах и болотах и не знаем, где голову прислонить!

— Так и я не знаю.

— Молчать! В облавы ходите на нас! Отцов наших убили, матерей, жен, детей!

— Товарищи...

— Молчи... Где мои дети?

— Верни мне мать!

— Кто моего батька сжег?

— Товарищи, так и у меня сгорело всё... Батька убили, жену погнали в Немеччину. Кажут, плакала и проклинала меня и всё на свете, товарищи. А я брожу зверюкою в лесах вторую неделю.

— Дослужился, полицейская собака!

— Помилуйте! Вы думаете, я продался?

— А что?

— Меня принудили! Разве я виноват, что я полицай?

— Мы тебя уничтожим не за то, что ты полицай.

— А за что?

— За то, что ты плохой полицай!

— За то, что ты, мерзавец, народ угнетал!

— Так, товарищи, нету ж хороших полицейских. Служба ж хамская! Я ж не хотел, ей-богу... Устим, скажи!

— Я тебя не знаю!

— Вот чтоб я проклят был! Чтоб я проклят!

— Брешешь, гад! — закричали партизаны и начали его бить.

— Ей-богу, правда! От ей же богу, правда! Устим, говори же, сукин сын, не бойся!

— Я не знаю тебя!

Когда перед ним взвели стволы винтовок, он упал перед ними на колени, и, схватив горсть земли, заплакал:

— Клянусь святой, родной нашей землею! Вот чтоб я подавился ею, гляньте! — он начал есть землю, обливаясь слезами.

— Тато, тато, голубчик мой сизый! — тужил он перед смертью.

— Подождите стрелять, стрельцы! — вдруг послышался голос из леса.

Партизаны оглянулись. К ним подходил в сопровождении двух партизан какой-то человек. У него были завязаны глаза.

— Шумят леса стрельбой, шумят,— сказал он, когда его поставили в партизанский круг.— Свет ты мой убогий! Где пролилось на тебе столько крови, как у нас на Украине? Где столько плача, криков, разлук?

— Снять повязку! — приказал комиссар отряда.

Сняли повязку — Лаврин Запорожец...

— Запорожец?! Товарищи, смотрите — тополевский староста! — закричал полицейский Иван Гаркавенко.— Людоед проклятый! Товарищи партизаны, это ж он людей в ярма запрягал!

КАДР ИЗ КИНОФИЛЬМА «ПОБЕДА НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ...»

Центральная студия документальных фильмов и Украинская студия кинохроники, май 1945 г.

«Двести тысяч горожан города (Киева) расстреляно, замучено, повешено, отравлено в душегубках. Двести тысяч...»

— Ага, уже тут? Ну, слава богу,— сказал Запорожец, взглянув на Ивана Гаркавенка.

— Мироед!

— Помолчи, дурак... Здравствуйте!

— Кто такой? — спросил комиссар.

— Да тот же мироед, что вам людей прислал... Что-то никого не вижу,— оглядывал Запорожец партизан.

— Каких людей?

— Брешет! В Немеччину отправил полсела! Дочку свою продал в рабство! — закричал Гаркавенко.

— Постой, постой! — сказал комиссар отряда.— Запорожец?.. Людей твоих нет и дочки нет. Не знаем.

— Нет? Знаю, что нет...— страшная правда схватила Запорожца за горло. Ему нечем стало дышать.

— Иуда!

— Как ты здесь очутился?

— Не понравилась служба. Подал в отставку. Вот сторож,— показал Запорожец на Гаркавенка.— Он все вам расскажет.

— Людей в ярма запрягал?

— Запрягал.

— Зачем?

— Чтоб злее были.

— Что?!

— В неволе зло — великое дело.

— Каин.

— В немецкую неволю продавал?

— Продавал.

— Дочку продал?

— Продал.

— Довольно.

— Расстрелять пса!

— Напрасно. Я б не стрелял,— спокойно и даже равнодушно сказал Запорожец.

— Да? Так научи нас, палач, что с тобой делать? Повесить, сжечь, закопать в землю? Скажи, какой платы хочешь ты от нас за детей, за отцов наших?

— Говори! Выбирай кару, сукин ты сын!

— По какому закону судить тебя?

— Я бы хотел, чтоб судили меня по закону народного бедствия,— тихо и отчетливо промолвил Запорожец.

— Что?

— Много нарубаете дров, вижу по вас. Кто тут самый старший?

— Я,— сказал молодой командир партизанского отряда Грицко Гулак.

— Так вот что, хлопче...

— Помолчи! — разгневался Гулак.— Разговаривать мне будешь, гад!

— Народного закона захотел!

— Да!

— Творец народного горя хочет закона!

— Не творец, а жертва.

— Ловко, фашистский прихвостень. Полсела, дочку продал, кулак,— обратился Гулак к партизанам.— Вот оно пламя классовой борьбы в мировой войне!

— Иди ты к чёртовой матери с такой борьбой,— глухо сказал Запорожец.

Он понял, что пришла его последняя минута. И оттого все стало для него уже непоправимым, недоказуемым, все чувства его пришли в смятение, всё знание, всё, чем он жил, гордился, что возвышало его сознание. Он был почти безумен.

— Он с ума сошел перед смертью,— сказал Гулак партизанам.

— А, по-моему, вы помешались! <...> Убивайте, прошу вас. Убивайте, ну! Доставьте радость полковнику Краузу. Соблюдайте чистоту линии! — Терпкая горечь и боль прозвучали в словах отца пяти сыновей.

— Что он мелет?

— Народные мстители! Разве то, что случилось со мной, с селом, не тяжелее смерти во сто крат? <...>

Партизаны задумались. Много глубоких мыслей, воспоминаний и чувств вызвала в них эта странная речь. Перед их духовными взорами возникла вдруг вся Украина в огне, во множестве своих страданий и тяжелых противоречивых трагических столкновений. Великая, несчастливая земля!

Вдруг послышались крики. Показались всадники, быстрые, как ветер с востока.

— Товарищ командир! Партизаны из-за Днепра!

— Ура-аа!! — загремело по лесу.

К Гулаку подлетел на вороном коне Роман Запорожец.

— Здорово, товарищи! Что за Каин под деревом стоит?

— Батько твой, сынку! — крикнул Лаврин, увидев своего сына.— Немецкий прихвостень!

И Лаврин Запорожец упал на землю почти без сознания.

— Нумер цвай таузенд зекс гундерт ахт унд фирциг! Форнаме — Галька! Плятц! — выкрикивал военизированный фашист Курт Рихтер.

Это был толстый, розовый, свиноподобный немецкий человечек. Несмотря на полноту, он был юркий и живой. Вся его фигура, движения, льстивая усмешка и лексикон выдавали в нем мелкого лавочника или приказчика. Возле него стояла голодная, измученная горем украинская дивчина. Она смотрела на рабовладельцев, съехавшихся со всего Берлина и его окрестностей, на страшный этот рынок рабов, и ей казалось, что все это сон. А за ней стояли такие же обездоленные ее подруги, полураздетые и битые.

— Майне дамен унд герен! — галдел Курт Рихтер скороговоркой лавочника.— Вен зи волен, дас ист бесте украинише медхен. Их габе шон феркауфт гойте фир гундерт штук!

— Фон вельхе штат?

— Чернигов!

— Найн! Ес гейтс дас нихт! Дас шреклихе льойте!

— Бите, польтавка!

— Нур польтавка!

— Бите шен! Олеся! Ком гер! — суетился Рихтер.— Зо, бите. Форнаме — Олеся, польтавка?

— О!

— Ах!

— Польтавка?

— Йа! Абер дас костет етвас тоер! Дас ист прима квалите, бите шен, майне герен. Зеен зи маль. Повернись... зо, бите шен! Дас ист райне славянише вайблихе шенгайт, нихт вар! Мит файне бруст унд фигур, нихт! Мит... унд зо вайтер, ха-ха-ха!.. Повернись. Так. Еще раз. Раскрой рот. Ну! Унд дан майне герен, дас ист нох дивчина, ферштеен зи?

— Ах, ду бист нох дивчина?

— Нет, я не дивчина,— сказала Олеся.

— А, шаде!

— Я изнасилованная вашими солдатами жена...

— Ты не можешь жаловаться на наших солдат. Ты завоевана. Солдаты имеют свой интерес.

— Кто муж?

— Ваш враг. Боец Красной Армии.

— Армии? — смеялись рабовладельцы. — Армии? Где она? Нет вашей армии. Капут. Всё!

— Врете.

— Ну, большевистише сука!.. Что она может делать?

— Всё,— сказала Олеся.

— Алес!

— О!

— Она поет. Майне герен, она чудесно поет! Пой!

— Я не хочу петь.

— Почему она не хочет петь?

— Я хочу плакать.

— Она хочет плакать.

— А... Спой печальную.

— Нет.

— На, на, на! — одна немка ударила ее зонтиком.— Ну?

Летіла зозуля через мою хату,
Сіла на калині та й стала кувати...

Немцы и немки подходили к Олесе, трогали ее руками, поворачивали. Олеся, казалось, не замечала никого, словно ее не было здесь, на этом гнусном торжище невольников. Она была на Украине. Она улетела к отцу, к матери, к Василю, которые где-то далеко-далеко проли-

вали свою кровь за родную землю. Она чувствовала, что эта ужасная действительность не может продолжаться долго, иначе мир должен угаснуть, но действительность наложила на нее жесткую свою руку.

— Дас майне!

— Фрау Крауз?! Бите шен, гнедике фрау!

Олеся взглянула на свою госпожу. Перед ней стояла жена полковника Эрнста фон Крауза.

— Василь! — вскрикнула Олеся, словно проснувшись от жуткого сна.

— Как у меня бьется сердце... Как у меня бьется сердце... Олеся! Как у меня бьется сердце! Ай!.. — стонал Василь.

Он лежал в полевом госпитале на операционном столе. Сестра держала его голову. Над ним трудились хирурги. Позвякивал хирургический инструмент. Где-то ревели орудия, и стены госпиталя дрожали от взрывов бомб.

Василь выпустил автомат и со всего размаху упал на землю. Он попробовал было еще подняться, но его начало вдруг рвать, и он потерял сознание.

Его положили на стол. Он слышал, как стонали вокруг раненые и кричали, вырываясь на страшных своих хирургических столах.

— Как бьется у меня сердце, Олеся... Как у меня бьется сердце... Олеся, ай-ай-ай! Как у меня бьется сердце...— кричал он в бреду.

Хирурги резали растерзанные его мускулы, соединяли кости, сшивали его, торопясь изо всех сил.

Они трудились над ним и над его товарищами день и ночь, окровавленные и серьезные.

Санитары подавали им раненых, сестры подносили хирургические инструменты. Кости раненых трещали под обценьками* хирургов.

Санитары поднимали его с хирургического стола.

Товарищи вытаскивали его из пылающего танка через люк. Рвались мины совсем недалеко. Земля тряслась от взрывов и лязга железа. Он был ранен снова. Его нельзя было узнать.

Глаза лезли у него из орбит от дыма и страданий. Он был обожжен. Пролетали мимо танки. Он был обожжен. Сжав зубы, он молчал, пока не крикнул: «Ай!».

Его положили на операционный стол. И снова трудились над ним лекари, бессонные и злые, словно лютые мясники. Они кричали на сестер милосердия и ругались скверными словами, проклиная инструмент, несправляющихся помощников и всё на свете.

— Олеся, как у меня бьется сердце, Олеся, как у меня бьется сердце, Олеся, сердце... Ай, сердце... Вперед! За Родину! — кричал он в бреду под ножом.

---

* обценьки — клещи (*укр.*).

— За Родину! Вперед! — махнул рукой Василь, высунувшись из танкового люка.

Ринулись танки в бой.

— Следующий! — кричал хирург.

Василя положили перед хирургом. На лбу знакомый шрам. Лицо замученное, но спокойное и даже усмехающееся. Он в глубоком сне. Над ним и вокруг него безумствовал гром канонады.

Прошло лето. Белый танк горел на снегу среди развалин. Василь лежал перед танком на снегу вдвоем с товарищем, поливая противника из автомата.

Вот он поднялся, бросил гранату и, подорванный взрывом вражеской гранаты, упал на снег.

Василь снова на столе. Снова та же картина. Снова хирурги.

И раненых несут. Множество раненых.

Кипит работа у столов. Стекла дребезжат от взрывов, и слышны пулеметы. Упала сестра от усталости.

— Гей, заберите сестру!

— Нет, чёрт меня побери! Я хирург до немецкой границы, а там пулемет возьму, обвешаюсь бомбами, бомбами! — кричал седой утомленный хирург.

Громадным взрывом разнесло окна. Все задрожало и сдвинулось с места.

Воздушной волной бросило хирурга к стене.

— Как у меня бьется сердце, Олеся... Где ты?.. Где ты?..— стонал Василь на операционном столе.

Госпиталь шатался и весь трещал от тяжелого рева войны и стона раненых советских людей.

— Олесиа! — фрау Крауз вошла к Олесе в комнату.

Олеся дремала на постели.

— Встань! Ты опять лежишь!

— Я больна.

— Ты написала домой письмо?

— Написала.

— Ты счастлива?

— Да.

— Ты написала, что ты счастлива?

— Да.

— Что у тебя отдельная комната?

— Да.

— Ты написала — жду ответа, как золовей лета?

— Да.

— Ну?

— Не отвечают.

— Расскажи мне о твоем селе... Эмма, ком гер!

Вошла Эмма, невестка фрау Крауз.

— Ну?

— Я уже рассказывала.

— Расскажи еще раз про гору и про речку. Ну! Ах, майн гот, когда уже закончится эта ужасная война? О проклятые большевики, звери! Как наши мальчики страдают там! Как мне хочется уже поехать туда,

КАДР ИЗ КИНОФИЛЬМА «ПОБЕДА НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ...»
Центральная студия документальных фильмов и Украинская студия кинохроники, май 1945 г.

«Какие были мастера войны! Какая походка! Как маршировали по Европе ‹···› Какие пожары освещали их „Дранг нах Остен". Но возвратился ветер на круги свои. Потеряли прежний дух на советских полях. И дерзких молодцов уже нет»

в восточную Германию, Эмма. На горе над речкой будет наш дом. О, ты там будешь иметь работу, Олесиа! Ну, какая речка, скажи?

— Речка тихая-тихая! Много лилий. И вербы над водою. А село, как цветник, тоже тихое-тихое.

— Ох, вундербар!..

Олеся заплакала.

— Не надо плакать.

— Руе!

— Ну, тихое-тихое! Ну, вайтер!

Вдруг послышался звонок. Фрау Крауз схватилась за сердце. Како -то зловещее предчувствие проняло холодом злобную ее душу.

— Мама!

— Эмма!

— Ху! Как я боюсь! Ну, вайтер. Село тихое-тихое... Ну, говори...

— Мама! — Эмма распечатала письмо и начала читать.

— О? Руе... Эмма... Руе...

— Людвиг!

— А...

— Мама!

— А-а-а!.. Готесс... Людвиг!..

И старая фрау Крауз выбежала вместе с Эммой из кухни.

Олеся испугалась. Она поняла, что случилось несчастье и что ей не миновать беды.

Немки ревели в спальне, словно помешанные. Но вот рев начал приближаться к кухне. Олеся бросилась к двери, но не хватило у нее сил бороться с двумя здоровыми немками. Ворвавшись в комнатушку, они бросились на нее, как звери. Олеся вырвалась и прыгнула в окно.

Олеся раскрыла глаза. Ей показалось на миг, будто кто-то ее позвал. Она оглянулась. Никого. Тихо. Ясная ночь. Один лишь бурьян вокруг да убогие печища. Она стояла возле родной печи и нюхала пучочек сухих материнских гвоздик, найденных в печурке. Так вот она, родная Тополевка. Вот вербы, криница под горелою вербою.

«Речка тихая-тихая. И село, как цветок, тоже тихое... Вундербар!»— вспомнила она страшную немку.

Много времени прошло с тех пор, как бросилась Олеся через окно в грозный житейский омут. Много буйных, необычайных ветров носило ее, словно песчинку в пустыне. Много горя и грязи с тяжелых кровавых путей и перепутанных троп прилипло к молодому ее телу и душе. Не раз и не два кричала, терзалась, горела огнем девичья ее совесть под натиском мерзости и неумолимого насилия на широком просторе аморальности и упадка.

Долгие блуждания на чужих дорогах приводили ее не раз в смутное отчаяние, повергая не раз ее в болото отупения, равнодушия и желания смерти.

Зачем я Василю такая, зачем? Куда я иду? Чего я иду? Кто пожалеет меня? Кто я? Не девушка, не женщина, не мать.

Она шла домой. Сила, что несла ее на восток, на Украину, была необычайной. Ее несла мудрая неумирающая воля к жизни рода, то великое и глубочайшее, что утверждает в народе его вечность.

Она была уже некрасива, немолода. У нее были седые волосы и грязные, измученные руки со всеми следами холода, голода, леса, оврагов, земляных ям и нужды.

Не спрашивайте, какой ценой она добралась домой. Ибо тогда вы расстреляете ее за аморальность. Думая, что она жалостливыми выдумками прикрывает легкомыслие свое и распущенность, если и вы сами привыкли к вранью. Тогда станет одной девушкой меньше.

КАДР ИЗ ФИЛЬМА «ПОБЕДА НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ...»
Центральная студия документальных фильмов и Украинская студия кинохроники, май 1945 г.

«Растаяла офицерская спесь, угасла вера. Потеряны безвозвратно все стратегические планы, надежды, головы потеряны, и страшный кровавый опыт ничего не обещает впереди, ничего»

Или упадете перед ней на колени и горячим своим участием всколыхнете яд воспоминаний. Ничто не изменится. Все было. И может быть самая большая мудрость в таких горьких событиях — следовать природе, пославшей человеку счастье забвения тяжелого в добром времени.

О время! Великий, мудрый художник. Ты несешь на своей палитре не только седину нашу или поднятые носы, или близорукость нашу, или случайные подчас знаки наших геройств, но что-то неизмеримо большее, глубокое и великое, что в синеве будущего создаст блистательной красоты трагический портрет бессмертного нашего народа.

— Кто здесь?

— Я... Кто тут?

— Я...

— Кто я?

— Христя... Олеся?!

— Христя!.. Это ты, Христя?

— Олеся!

— Выходи!

— Выходи ты!

— Ты узнала мой голос?

— Да.

— Это ты?

— Да. Это ты?

Они упали друг дружке в объятия и громко заплакали в бурьяне посреди двора. Старая украинская луна освещала их безучастным своим светом.

— Откуда ты, сестра моя?

— Как ты, голубонька?

— Убежала?

Они всматривались одна в другую и гладили дрожащими руками руки, плечи, щеки.

— Ой!

— Как будто сон!

— Правда?

— Как я плакала по тебе!

— Где ты?

— Кто ты? Оружие!.. Христя! Ты партизанка?

— Нет, Олеся. Не партизанка я. Я жена фашистского палача,— сказала Христя.— Итальянец он, капитан Пальма. Помнишь, как мы разлучились с тобой? Прости меня, сестра...

— Ну что ты, Христя...

— Я слышала твой плач. Мне хотелось тогда утопиться. Ну, как я забыла, что ты не плаваешь?

В тихой речке возле лилий плавала дивчинка лет семи. А другая сидела на берегу, Олеся. Они смеялись обе. Светлое воспоминание о далеком святом детстве промелькнуло перед ними ласточкой и исчезло.

Уже из другой, далекой незнакомой речки выходила невольница Христя в мокрой одежде. Упала на берег посиневшая. Ее рвало водой, пока не укрыла ее ночь, бессильную, полумертвую.

Она стояла на улице небольшого городка. Она была хорошо одета. Она была чем-то напугана. К ней подошла какая-то незнакомая женщи-

на, гордая злая волчица-немка, и с подчеркнутым презрением ударила ее по щеке. Потом она ударила офицера...

Полковник фон Крауз вошел в штаб карательного отряда темный, как ночь. Это было в небольшом местечке, когда-то красивом и тихом, славном своими садами и песнями.

Фон Крауз подошел к окну. Где-то горело. Пламя то взметалось огромными языками, то угасало, потопая в дыму, то рвалось от ветра во все стороны с глухим гудением, и офицерские тени метались по стенам хаты. как зловещие привидения. Казалось, зашатался весь мир. Звонили, будто бы, колокола, что-то кричало истошным криком и тарахтели автоматы.

— Пальму!

— Капитан Пальма!

Капитан итальянского карательного отряда Антонио Пальма быстро вошел и стал посреди штаба.

— Капитан Антонио Пальма!

Фон Крауз оглянулся и с омерзением смерил его глазами.

— Это вас ударила вчера по морде женщина на улице?

— Да, она меня ударила...

— По морде. Кто она?

— Немка. Туристка.

— С кем вы шли?

— Со своей женой.

— Неправда.

— Правда.

— Она ее тоже ударила по морде?

— Да.

— А вы что? Почему вы не застрелились? Почему вы?.. Кстати, кто ваша жена?

— Украинка.

— Имя?

— Христина.

— Вы ее любите?

— Нет.

— Зачем вы женились?

— Я должен иметь жену.

— Вам мало здесь всякой твари?

— Я так не могу. Свои отношения к женщине я люблю обставлять красиво.

— Вы мерзавец. Вы аморальное существо. Вы понимаете?

— Да.

— Вы вешаете, расстреливаете, сжигаете их отцов, уничтожаете братьев, а эта аморальная сволочь, эти духовные проститутки, твари лезут к вам в кровать — убийце и злодею. И вы обнимаете эту сволочь? Мне противно на вас смотреть. Я оскорбил вас, вы слышите?

— Меня нельзя оскорбить.

— Что? Почему?

— Потом скажу. Продолжайте.

— Какая мерзость!

— Да, но вы же поощряете солдат жениться. Вы же разложили всю страну.

— Солдаты другое дело. Мы имеем здесь особый интерес.

— А офицеры? Я могу вам назвать... Это тоже?..

— Да. Их потаскухи нам служат. А что делает в этом направлении

ваша синьора?.. Ничего? То-то вы так часто удираете с вашим батальоном. Я должен допросить эту вашу жену. Приведите сюда фрау Пальма.

— Ее нет.

— Где она?

— Она исчезла этой ночью.

— При каких обстоятельствах?

— Когда мы бежали из города, она осталась.

— У партизан?

— Да.

Крауз засмеялся.

— О, теперь я, наконец, понял ваши слова. О, конечно, вашу итальянскую честь ничем уже нельзя унизить после того, как от вас, побитого офицера, убежала ваша синьора. Так я вас понял?

— Нет.

— Что?

— Меня невозможно оскорбить потому, что на земле умерла мораль.

— Как? Кто умер?

— В этой войне не будет победителей и побежденных, а будут погибшие и уцелевшие.

— Бите!

— В этой войне не будет победителей. Будут погибшие и уцелевшие,— повторил капитан Пальма.

— Так... Все слышали? — обратился вдруг фон Крауз к присутствующим.

Стало тихо. Несколько офицеров стояли, словно окаменевшие. Страшная правда, давно уже не дававшая им покоя, была высказана. Досадно, что ее сказал итальянский офицер, которого все ненавидели, как и весь его отряд, за плохую войну с партизанами.

— Немен зи плятц, бите,— сказал полковник и сел.

Сел и Пальма.

— Умштайген!

Капитан Пальма встал и выпрямился. Длинная тень его метнулась по стенам и по потолку хаты.

— Что вы болтаете здесь? Если вы с вашей паршивой итальянской сволочью вынуждаете меня вот уже год бегать от партизан и прятаться от двух бандитов Запорожцев, я вас спрашиваю, что? Что дает вам основания преподносить мне вашу жалкую болтовню?

— Гер полковник!..

— Я расстреляю вас!.. Как вы смеете? Какой провокатор, какой дурень вам это сказал? Га?

— Гер полковник, это сказал фюрер,— ответил Пальма.

— Фюрер?

— Хайль, Гитлер! — вскрикнул горбатый гестаповец.

Все встали, кроме полковника Крауза. Он начал кашлять.

— Вот как.

— Лейзен зи маль, бите,— капитан Пальма подал фон Краузу газету.

— О... Дас гат гезагт фюрер?

— Йаволь!

— Зецен зи... Что вы думаете? — обратился фон Крауз к майору Штиглицу.

— Ферцайген бите, гер полковник,— вскочил майор Штиглиц.— Я не должен думать. Я солдат. Я существую здесь не для размышлений, а для действий. Дизе итальенише гунд может думать что-нибудь, пока я не повешу его..

— Капитан Пальма! — поправил Штиглица фон Крауз таким голосом, что Штиглиц онемел.

— Капитан Пальма,— пробормотал он и затих.

— Немен зи плятц, капитан Пальма,— сказал фон Крауз.

Пальма сел.

— Я считаю, что фюрер Гитлер говорит глупости, ферштеен зи? — сказал фон Крауз громко и выразительно, чтоб всем было слышно.— Нужно быть абсолютно аморальным и легкомысленным неучем, чтоб болтать подобное перед народом в тяжелую годину.

— Вы не имеете права так говорить о фюрере! — сказал гестаповец, двугорбый рахитик, фанатично влюбленный в Гитлера.

— Вы должны остерегаться так говорить, гер полковник! — заверещал он, оскалив зубы, словно хорек.

— Успокойтесь, господин нацист! Я не думаю, что я сегодня должен бояться фюрера за свои слова. Их бин убергаупт дер дойчен кригер унд альте дойчен офицер! Нихт! Если вы уже хотите знать, я не думаю, чтоб сегодня Гитлер... Это он мог позволить себе до Сталинграда, но после Сталинграда, где он погубил цвет нашей нации...

— Истинная правда. Теперь он там здорово хвоста поджал, собака! — послышался вдруг с печи голос Товченика.

Что дернуло Мину за язык, кто его знает. Он словно забыл на один миг, где он находится. Он был большим любителем бесед еще с давних молодых лет. Правда, он почти ничего не понял из всего, что немцы говорили в хате, но безудержное любопытство и фантазия Мины Товченика и страстное желание проникнуть в тайны разговора этих душегубов были так велики, что Мине поневоле начало казаться, будто он уже начал понимать все, что они говорили. Иногда он протирал пальцем ухо, словно оно мешало ему понять до конца этот язык. И вот, наконец, он понял всё. Он услышал в грозной интонации фон Крауза слова «фюрер» и «Сталинград» —и ему сразу все стало ясно и так захотелось вставить в беседу умное слово, что он не сдержался и сказал.

Когда его стянули с печи и поставили перед полковником фон Краузом, который подумал вначале, что это сон или плод его больного, усталого воображения, Мина произнес:

— Я не великой науки человек, никого не убивал и не крал, но раз уже так сталось, что вы меня считаете почему-то партизанским шпионом, воля ваша. А в рассуждении текущего момента я целиком присоединяюсь к вашей думке,— хайль теперь Гитлер покрутится, собацюга!

— Замолчи!

— Молчу. Я что? Я ничего. Моя не понимала, что ваша балакала, ферштеен зи? — заговорил Мина «по-немецки».— Мое дело сторона. Ну что мне вот интересно, интересно мне вот что: чем оно все это кончится? Как оно будет после вас? Поумнеют ли хоть немного люди или так уже и спустеют в глупостях и зле, как вы.

— Где Запорожец?

— Га?

— Где Запорожец?

— Где куст, там и Запорожец, где лес, там и тысяча..

— А, гунд!

— Вот тебе и фунт! А может он здесь под хатой.

— Кто?

— Запорожец! Или в сенях!.. Или в коморе! Или в полицаях у тебя дурного! Ага!

— Шмицдорф!

— Йаволь, гер полковник!

— Повесить на двадцать дней!

— А, все равно не поможет. Ауфидерзейн!..— сказал Мина.

Двое жандармов схватили его под руки. Потащили.

Когда Мину вывели в темные сени, где было немало итальянских солдат с пулеметами и разной амуницией, он вдруг выпал из жандармских рук на пол, как мешок проса. В этот же миг что-то так сильно укусило одного жандарма за поджилку, что он взвизгнул, словно ошпаренный, высоким, как у девки, голосом и бросился на солдат. Произошла свалка. Кто-то выбежал из сеней в темноту. По ком-то стреляли. Кто-то открыл дверь.

— Руе! Вер ист дорт?

— Бандит бежал!

— Как бежал?

Согнувшись в три погибели, Мина мигом прополз в хату и полез под печь, а оттуда особым ходом на печь, на старое свое место.

— Поймать! Слышите?! Поймать, мерзавцы!.. Расстреляю!

— Расстреляю до ночи, сволочи! — неслись на печь грозные возгласы фон Крауза.

Мина лежал тихо, закрывши рот ладонью.

А два жандарма, бросившиеся вокруг хаты ловить Мину, застрелили друг друга в темноте с перепугу.

— Ах, мерзавцы! — бесился фон Крауз.— Вы знаете, кто это был? Это главный разведчик Запорожца, какой-нибудь дядюшка вашей жены. Фу! Он начинает мне уже сниться... Капитан Пальма, повторите еще раз, что сказал фюрер.

— Фюрер сказал, что в этой войне не будет победителей. Будут мертвые и уцелевшие.

— Да. В этой яме можно подумать что угодно... Идите,— сказал фон Крауз, обращаясь к Пальме.— Стойте.

— Да, гер полковник.

— Что вы думаете?

— Я думаю, что мне нужно быть осторожным,— сказал Пальма.— Ваши офицеры ненавидят меня. Меня ненавидят мои солдаты. Пока еще свою ненависть ко мне и к вам они топят в украинской крови. Но дальше...

— Ну?

— Я устал.

— Я знаю, вас ненавидят наши офицеры-выскочки. Эта стая распущенных материалистов. Но нужно жить и бороться, во имя жизни хотя бы... Во всяком случае, если уже даже выйдет так, как сказал Гитлер, пусть сгорит вся эта страна, пусть сгинет — уцелеть должны мы!

— Э, нет! — хотел сказать Мина, но на этот раз ему посчастливилось закрыть себе рот ладонью, или, может быть, это так ему показалось. Во всяком случае, что-то не то зашелестело, не то икнуло или кашлянуло на печи и так выразительно, что все немцы притаились, а Товченик с перепугу закрыл даже нос. Это была большая его ошибка. Перестав дышать, он от страха вдохнул много воздуха, который вскоре начал распирать ему грудь. Долго сдерживал Мина неудачный свой вдох, посинел весь и скрючился, но чем дальше сдерживал он свою беду, тем больше вырастала она в груди, пищала, скреблась, щекотала в горле и, наконец, вырвалась наружу величайшим взрывом кашля:

— Кахи!!

Бросились немцы к печи. Но судьба усмехнулась Мине Товченику в последнее, казалось, мгновенье. Вспомнил он вдруг слово, действовавшее на немцев, как имя Христово на чертей.

— Партизаны! — крикнул он что было силы.

И действительно, словно в старинном сказании: не успел Мина закрыть рот, как послышалась громкая пальба под самой хатой.

— Партизаны!! — загалдели в сенях оккупанты.

КАДР ИЗ КИНОФИЛЬМА «ПОБЕДА НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ...»
Центральная студия документальных фильмов и Украинская студия кинохроники, май 1945 г.

«Весна победы на колхозных полях Украины была необычайна и трудна 〈···〉 Не шумели тракторы, не красовались веселые сеялки. Изрытые траншеями, воронками, усеянные минами, стальными черепами, поля великих битв являли картину суровую, драматическую»

— Партизаны! Это ли не бич божий?! — патетично воскликнул фон Крауз и, забегав по хате, словно артист, вовремя выпрыгнул с офицерами в окно.

Через секунду штаб был взорван бомбой.

И когда рассеялся дым и прах жилища, Мина обстоятельно и серьезно, с тонким знанием обстановки, вооружения противника, его численности и морального состояния, докладывал Лаврину Запорожцу и Роману о Краузе.

— Почему ж вы его не убили? — спросил не остывший от боя Роман.

— А, много ты понимаешь!.. Разговор не кончился!..

Когда прокурор партизанского отряда Н. Лиманчук узнал, что партизаны захватили в плен жену капитана Пальмы, он страшно обрадовался и сейчас же заочно присудил ее к расстрелу как подлую изменницу родины. Он недавно прибыл в отряд с Большой земли с высокой миссией вершить в самом пекле борьбы справедливый суд над подлыми отступниками, изменниками, националистами-душегубами и прочим пропащим людом. Он был человеком высокой, кристальной честности и такого же душевного холода, помогавшего ему не терять, как он говорил, линии ни при каких обстоятельствах. 〈...〉

Узнав, что командир отряда, немолодой уже, хитрый человек не утвердил приговор и пожелал произвести допрос изменницы, Лиманчук, хоть и подчинился приказу, воспринял это как знак партизанской заносчивости. 〈...〉

Когда ее вели на допрос, она еле-еле шла. Все ее молодое тело утратило свою силу и словно растаяло. Она словно падала с огромной высоты

на землю в страшном сознании, что парашют за спиной не раскрылся, и уже теперь ей ни остановиться, ни крикнуть, ни позвать...

Земля неумолимо притягивала ее к себе, земля.

Сотни враждебных глаз пронзали ее презрением и ненавистью. Оскорбительные, страшные слова глушили ее в голову, в спину, в грудь, путались под ногами.

— А, итальянская сука! Куда это ее ведут?

— В расход, гадину!

— О, проститутка, будь ты проклята, нехай!

— Гей, откуда ты, шмара?

— Националистка!

Она шла среди дорогих своих близких людей чужая и враждебная. Она была уже обособленной от них. Их могучая ненависть к оккупантам и ко всему, что связано с их проклятым именем, опустошила ее. Она шаталась.

Взглянув на нее, прокурор Лиманчук сразу же раскусил ее всю. Он увидел в ее глазах зловещее пламя ненависти к советской власти, какую-то скрытую тайну и темную замкнутую враждебность к себе.

— Националистка?

— Да... Нет.

— Да или нет?

— Я не знаю...

— Выкручиваешься. Не выкрутишься!

— А мне все равно.

— Ты жена итальянского палача Пальмы?

— Пальмы.

— За сколько плиток шоколада ты продалась?

— За одну.

— Дешево.

— Одна цена.

— Ты выродок.

— Нет, таких, как я, много.

— Каких?

— Изнасилованных.

— Тебя изнасиловал Пальма?

— Нет, не только он.

— Для чего ты вышла за него?

— Я не хотела ехать в Германию.

— Почему?

— Боялась смерти. Я бежала. Они меня ловили, били, насиловали.

— Пальма тебя спас?

— Да.

Она отвечала на все вопросы прокурора коротко и правдиво. Ее фатальная откровенность сбивала с толку прокурора и вызывала у него глубокую к ней антипатию. Каждый вопрос прокурора она воспринимала как лопату сырой земли на грудь на дне могилы.

— Ты его шпионка?

— Нет.

— Ты брешешь?

— Нет.

— Не бойся... Он истязал тебя, принуждал силой?

— Нет. Он любезный и мягкий.

— Мягкий. У, сволочь! — закричал один партизан.— Палач, сукин сын, вешатель, убийца наших людей! Детей жег на огне, на колы сажал, умывался кровью нашей!.. Мягкий!.. У, гадина!

— Проститутка!

— Да.

— Тихо! — сказал Лиманчук, удовлетворенно взглянув в сторону командира.

Командир смотрел на жену заклятого врага своего с необычайным любопытством и вниманием. Прокурор считал процедуру допроса законченной. Перед народным судом стояло аморальное существо, лишенное самых элементарных гражданских признаков.

— Ты полезла в кровать к врагу, к убийце твоего народа, к грабителю земли твоей. Вот, я вижу его! — Лиманчук начал повышать голос.— Вот он свирепствует целый день! Вечереет... Он приходит домой, смывает кровь, душится одеколоном, и — мягкий кавалер-любовник! Где твоя национальная гордость? — грозно спросил Лиманчук.— Где твое человеческое достоинство? Где твоя девичья честь в нашу великую эпоху борьбы святой отчизны? Где? Нет? Говори!

— Нет.

— Всё!

— Нет! — повторила она.

И вдруг словно предсмертная молния осветила все ее сознание. Вспомнила она эшелоны, бегство и все, что видела она в огне пожаров — всю Украину, сожженную, разрушенную, обездоленную.

— Слушайте,— сказала она тихо. — Я знаю, что мне не выйти отсюда живой. Что-то мне здесь,— она прижала руку к сердцу,— говорит, что пришла моя смерть, что совершила я что-то запретное, злое и незаконное, что нет у меня ни этой, что вы говорили, национальной гордости, ни чести, ни достоинства. Так скажите мне хоть перед смертью, почему этого нет у меня? А где же оно, людоньки? Род же наш честный.

— Довольно, проститутка!

— Какая я проститутка?! Мученица я! Слезами провожала вас, слезами и встречаю. Товарищ мой,— сказала вдруг Христя совсем другим тоном, словно поняв в последнее мгновенье самое главное,— я не признала вас своим судьей. Вы можете меня только уничтожить как позорное, ненужное существо, каким я действительно являюсь. Но это не всё.

— Что? — удивился Лиманчук.

— Если б вы были человеком старым, я о многом бы спросила вас. Почему я выросла не гордая, не достойная и не годная? Почему в нашем районе до войны вы измеряли девичью нашу добродетель, главным образом, на трудодни и на центнеры? Националистка я? Какая?!

— Довольно!

— Заканчиваю... Но вы молоды. О чем вас спрашивать? Я помню вас. Вы прошмыгнули в начале войны через наше село. Я наливала вам воду в радиатор. Он очень протекал у вас, и вы ругались. Я плакала тогда и спросила: будут ли немцы в нашем селе? Может быть, я б убежала! Помните, что вы сказали мне? Вы назвали мой вопрос провокационным. И вот я осталась под немцами, проститутка и стерва. Вот вы чистый, а я нет. Вы презираете меня, угрожаете смертью. А я хочу умереть! Хочу! Мне противно. Чем вы можете наказать меня? Меня жизнь уже так покарала, что уже нет для меня кары.

— Товарищи,— сказал Лиманчук, покраснев от гнева и оскорбления.

— Постойте, голубчик,— сказал вдруг командир отряда.— Как тебя зовут? — обратился он к подсудимой.

— Христина.

— Фамилия?

— Хуторная.

— Из Тополевки?

— Да...

— Э, да это ж Куприянова дочка! Хуторного!

— Дяденька! — Христя бросилась к командиру и упала перед ним на колени, обливаясь слезами.

— Тополевская! Ну, смотрите! Нет уже, дивчинко, ни Тополевки твоей, ни Куприяна, ни братьев,— вздохнул командир.— Сожрало лихо... Подождите, я ее сам допрошу,— сказал он своим партизанам и повел Христю в лес.

— Ты не смотри, что они злые, как шершни. Ненавистью только и живем. На завтрак ненависть, на обед и на ужин. Такая уж наша доля. Ничего, дивчинко. Все проходит. И это пройдет. Уничтожим врага, забудется и ненависть, и горе, и снова расцветет земля наша в добре и согласии, и будем добрыми, как были — еще добрее станем.

— Дядечка!

— Всё вижу. Одно только скажи мне, как родному батьку — шпионка ты или нет? Если шпионка, расстреляем тихонько, чтоб не мучиться тебе всю жизнь, ибо это непростимый грех. Никто в мире тебя не простит. Не шпионка...

— Клянусь вам святою нашей землей...

— Нет. Ну, слава богу. А то всё обойдется, дивчинка. Идем.

— Я не хочу жить,— жалобно затужила Христя.

— Понимаю. Есть и на это лекарство.

— Какое?

— Месть! Выпей, дочка. Оживешь, благодарить будешь. Мы еще у тебя на свадьбе погуляем.

И командир народных мстителей ласково по-отечески улыбнулся.

Светало. Зашла луна, и звезды погасли давно. Между бурьянами, лободой и прочей дикой поросльюбессмертные подсолнечники поворачивали к востоку свои ясные лики. Было тихо вокруг, так тихо-тихо, и только где-то далеко гудело тяжелым радостным грохотом.

— Вот и всё. Я иду мстить, Олеся,— сказала Христя. Она была бледна от воспоминаний и торжественна.— Они вдохнули в мою душу месть, и я ожила. Он говорит, командир, упейся, дивчинка, местью. Вот единственная живая вода твоя. Правда, Олеся! Я иду уже второй день. По дороге думаю, зайду попрощаться с родною хатой. И вдруг ты! Расскажи мне о себе.

— Когда-нибудь расскажу, если нельзя будет забыть.

— Понимаю. Куда ты?

— Я иду на восток.

— Куда?

— Туда. Я так завидую тебе.

— А я тебе.

— О, проклятые!

— У меня другая судьба, Христина. Я мягкая, не воинственная. Во мне зло не держится. Я забываю зло, как дурная. Всё забываю. Жить же надо?

— Слышишь? Гудит... Наши...

— Правда? Это Василь... Он...

— Старый сказал — не за горами суд!

Они прислушались. Где-то далеко на востоке разворачивался великий бой. Гремели орудия.

Немцы отступали через село, бросая на дорогах разбитые орудия, машины. Люди прятались в погреба.

Матери молились в ямах за сынов своих, освободителей.

— Помоги вам, господи!

— Ой, прилетайте, сыночки, прилетайте, спасите нас!

Простирали из ям руки к небу. Материнские очи светились слезами надежды.

А кто не успел спрятаться, того немцы загоняли в грузовики и увозили или просто гнали, как стадо.

Уже поджигали хаты поджигатели.

В хатах-дзотах отстреливались пулеметчики и артиллеристы.

Смертники немцы метались у орудий, сдерживая наступление, пока не смяли их вместе с хатами наши танки.

Войско входило, въезжало в село и мчалось дальше, вперед. Бойцы пролетали на танках, машинах или просто бежали, горячо и громко дыша. Они еще не вышли из боя. Глаза их смотрели далеко вперед и горели лютым огнем. Все они еще были в том исступленном состоянии готовности ежесекундно убить врага или пасть мертвыми, когда человек еще не совсем в себе. Они были словно в каком-то жару.

Но радость победы начала понемногу прояснять человеческие лица. Бойцы уже здоровались с народом и помогали вылезать из погребов и ям. Словно мертвые воскресали, подымаясь из земли. Плакали командиры, не стесняясь своих слез. Плакал и Кравчина.

— Здравствуйте, мамаша! Ну, как же вы тут? Живы?

— Здравствуйте! Христос воскресе! Спасители вы наши...

Из темных погребов и ям, из-под разрушенных печей выползали землистого цвета, черные, плохо одетые люди. Долго сидели они в погребах, в земле, долго жили по ту сторону дозволенного людскими законами.

Много видели они такого запрещенного для человеческих глаз, что не забудут уже и потомки в веках. Невыразимая печать ужаса и скорби, и того, что лежит за гранью негодования и отчаяния, упала на них, запечатлелась и долго-долго не исчезнет уже, как проклятье судьбы, до самой их смерти.

Много благородного труда, много ласки, добра и доброго согласия нужно принести в жизнь, чтобы как-то залечить душевные увечья и раны людей.

Люди оглядывались среди своих пожарищ, ища глазами хаты, и протирали очи, как во сне.

— Доброго здоровья!

Людям хотелось жить. Хотелось забыть о страшном, по великому закону жизни и несокрушимой силе своего характера хлеборобов, привыкших тысячелетиями к сеянию и жизнеутверждению во всем, что может жить и расти.

Не догорели еще пожары, а люди бросились уже работать. Уже копались в огородах. Женщины доставали из припрятанных узелков разные семена и со страстью сажали их в землю. Какие-то семена мочили в воде, причитая шёпотом полузабытые молитвы и заклинания на добрый урожай.

— Будьте здоровы, дорогое человечество! — голос пожилого уже человека, Демида Бесараба, дрожал от волнения.

У него в хате остановился штаб. Он угощал дорогих гостей. Чарка дрожала в его руке.

— Вечная память всем, кто принял труд и страх сражений или срам виселицы от руки супостата. А нам всем желаю выполнить жизнь свою трудами и победами на согласие и братство. Пусть же пойдет слава по всему миру про ваше щедрое сердце и богатую кровь, чтоб никто никогда не сказал, что пожалели вы чего-нибудь или испугались. Будьте счастливы, товарищи, хоть небогаты, хоть разорены, ограблены, без капитала, а часто и без крыши, так что негде будет и голову прислонить...

— Так что ж это, товарищи, снова невыдержка? — спросил Бесараб и поник в глубокой печали.

— Прощайте, батько!

— Прощайте!

— Мы вернемся!

Сыны и внуки прощались с Бесарабом. Прощались командиры. Спешили. Плач и отчаяние.

— Где сыновья?! — разъяренный Эрнст фон Крауз ударил Бесараба стеком по голове раз десять. Никогда еще не приходил он в такое бешенство.— Где?!

— Пошли в Красную Армию! — сказал Бесараб.

— Повесить на двадцать дней!

— Вешай, катюга. Теперь уже не страшно. Все равно не выйдешь живым.

Эрнст фон Крауз задыхался от злобы. Он упал. Его подхватили два офицера. Когда Бесараба вывели, фон Крауз обратился к Штиглицу:

— Они уже всё знают.

— Что всё? — подхватил Штиглиц.

— Что?

— Я не понимаю.

— Они знают, что вы болван... Пальма?!

— Йаволь!

— Давайте диверсанта.

Ввели Мину Товченика.

— А! — схватился за сердце фон Крауз.

— Да не пугайся. ⟨Чего⟩ акаешь?

— Фу-у-хх! Ты прав. Я уже тебя боюсь.

— Я вижу.

— Кто ты?

— А ты кто?

— Я твоя смерть.

— А я — твоя.

— Ты взорвал мост?

— Я.

— Каким образом?

— Секрет.

— Я тебя повешу.

— Вешай.

— Думаешь, не повешу?

— Нет.

— Ты что-то придумал?

— Что-нибудь придумаю.

— Это феноменально! Фу-х!.. Неужели ты имеешь надежду?

— Да. Я бессмертный.

— Он помешался.— Фон Крауз посмотрел на своих офицеров. — Но Запорожцы уже здесь. Ой... присядь, мерзавец!

— Присел.

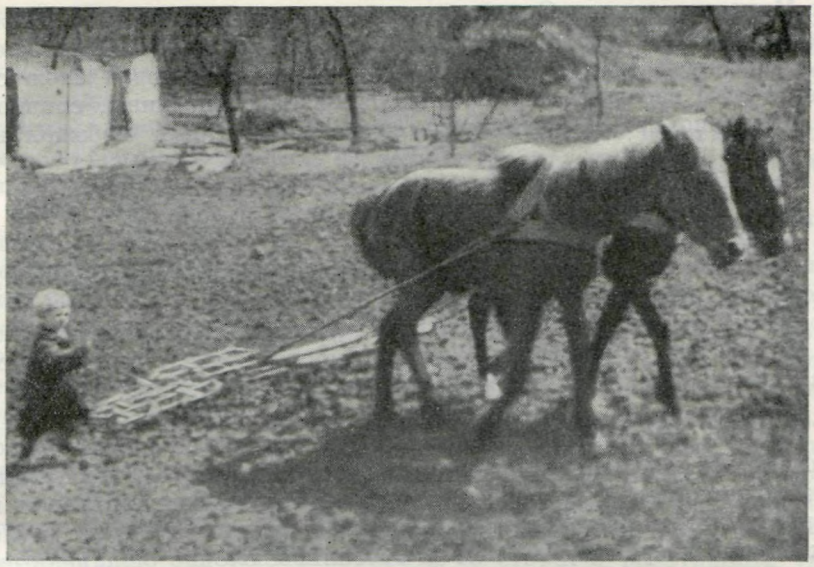
— Хм... Ну, что мне делать?

— Могу сказать.

— Ну?

— А ты не нукай, дурачок. Ну... Украина, чтоб ты знал, это ваша судьба. Пока горит, как свечка, Гитлер дышит. Пожар кончится — вытянет Гитлер ножки и вы с ним.

— Гер полковник, что он говорит? — спросил горбатый.



КАДР ИЗ КИНОФИЛЬМА «ПОБЕДА НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ...»

Центральная студия документальных фильмов и Украинская студия кинохроники, май 1945 г.

«На борьбу за урожай вышли все живые поколения. Вышел и этот белоголовый, самый любимый и главный, за счастье которого сражаются миллионы отцов»

— Он говорит то, что фюрер думает.

— Эге! Так что живы, пока воюете. И я хотя простой человек, скажу вам — не кончайте своего блицкрига, боже сохрани!

Фон Крауз поднял нагайку.

— Запорожцы близко?

— Ну ближе или дальше... теперь все равно.

— Где Запорожцы?

— Не спрашивай, не скажу. Хочешь, может, перед смертью побить? Бей, потешься, раз уж мера зла перейдена...

— Курить будешь?

— Давай.— Мина взял сигарету.— Запорожцы мне тоже недавно дали бобу. Меньший, Роман... Ой, бедовый, сучий сын! Прямо орел! Ты почему, говорит, не убил Крауза с печи, если ты честный человек? А я говорю, неоруженный. Обратно ж, кажу, какой же б я был разведчик, чтоб сразу убивал, не узнав разговора противника?

— Ай, нитро... нитро...— застонал Крауз.

Дрожащими руками Штиглиц накапал в стакан с водой нитроглицерин и влил его Краузу в полураскрытый рот.

— Фу-хх! Данке... Ай...— присмирел Крауз, нагнувшись и тяжело дыша.— Штиглиц!

— Йаволь!

— Что вы стоите, чёрт вас возьми? Повесьте это чудовище!

Когда Мину поставили под виселицей на табурет и надели на шею петлю, он взглянул на Штиглица и на двух его палачей и вдруг начал петь фашистский гимн. Пел он громко и вдохновенно. Правда, у Мины был голос не очень красивый, слова он нередко перевирал, но мотив он усвоил неплохо. Капитан Штиглиц и солдаты застыли и протянули правые руки вперед, как лопаты.

— Генуг! Довольно петь! — сказал Штиглиц.

Но Мина не слушал. Он начал петь ещё громче, всматриваясь жадными глазами в божий мир, в деревья, в хаты. Это было единственное его минутное спасение. Этим проклятым гимном он задерживал свою смерть, что легла уже веревкой ему на шею, сползая с виселицы, словно змея.

— Довольно петь, слышишь! — одурел Штиглиц и побежал к Краузу.

— Гер оберст! Он поет!

— Что? Кто?

— Товченик.

Крауз выскочил во двор и бросился к виселице. Увидев Крауза, Мина почувствовал, как петля зашевелилась на его шее.

Холодный пот покрыл его чело. Тогда, собрав последние остатки сил, Мина так весело и громко грянул последний куплет гимна, что даже Крауз застыл, протянув вперед злодейскую свою руку. Из глаз Мины текли слезы.

— Прощай, убогий мир! — казалось, кричал он не своим голосом. Но счастливая доля не изменила ему и в этот, казалось бы, последний раз. Уже когда вытягивал он последнюю ноту, когда Штиглиц начал поднимать руку, чтобы скомандовать палачам, вдруг затарахтели пулеметы, да так близко и громко, что немцы бросились, словно ошпаренные, куда попало.

— Партизаны!

— А, расстосукины сыны! — крикнул Мина вслед убегавшим и, снявши петлю, начал по-хозяйски складывать веревку.

Но не посчастливилось на этот раз старому немецкому волку бежать от Запорожцев. Уже не одним, а двумя отрядами преследовали фон Крауза Лаврин с Романом. И партизанские отряды уже были не те, что в начале войны. Все, что было в отрядах случайного, вялого, лишнего — все было сметено с лица земли: изменники, лодыри, шкурники. Множество бесстрашных загинуло в битвах, замучено в плену. Но то, что выжило и действовало уже против Крауза, тревожило его все больше и больше и не давало покоя ни днем, ни ночью.

Это были люди, которых ничто в мире не могло уже остановить, ни обезоружить, ни утихомирить. Молодые юноши, подростки и старые батьки, и даже девушки, которым в столетиях не снилась никогда такая жизнь, творили в отрядах суровую месть народа.

Уже не помогала Краузу полиция, на которую он так когда-то рассчитывал вместе с Людвигом, втягивая несчастных пленных, окруженцев и даже подростков в ее позорные ряды.

Уже полицейские бежали в партизаны. Сельские старосты тайно помогали мстителям народа, и куда б ни бросался уже Крауз, как ни жег он села, как ни мучил женщин, детей, ничто ему не помогало.

Пропали труды. Рушились грандиозные планы. Как все было красиво. Какие просторы, какая земля...

— Эту землю можно кушать! — вспоминал он погибшего своего страшного сына. Это было так недавно, почти что вчера.

— О мой мальчик! Мое нежное дитя! — скрипел фон Крауз зубами, оглядываясь на бесчисленные солдатские кладбища, заполнившие, казалось, всю страну.

Иногда по ночам он подолгу всматривался в портрет Гитлера, ласкал уставшим своим взором дорогие черты его маниакального лица, вопрошая сотни раз судьбу фатерлянда. Ах!

Обманул ли его фюрер, как писали об этом в проклятых большевистских листовках? Поверг ли он весь его род в пучину страданий, презрения,

всемирной ненависти и отвращения людей к его имени? Нет! Великий фюрер не обманул его, фон Крауза, не спровоцировал, не затуманил, не вскружил ему голову. Фюрер — это он сам, Эрнст фон Крауз, его идеальное выражение.

Страстная немецкая душа его вздрагивала. Он вскакивал тогда и вытягивался перед портретом фюрера во фронт, копируя его движения, простирая перед ним громадную свою волосатую руку.

Он писал ему письма, проекты устройства Восточной Германии, расчеты поставок хлеба, сахара, мяса, вырванной шерсти, содранной кожи, живого скота и девушек и подростков.

Один раз, среди огня и дыма непокоренного украинского села, его осенила мысль, которой суждено было увековечить Германию середины двадцатого века. Он предложил фюреру модернизировать уничтожение населения завоеванных провинций путем постройки на востоке заводов для планового сжигания людей на предмет добычи туков и специальных масел и жиров. Он собственноручно сделал чертежи этих предприятий и красочно описал технологию изобретенных им процессов. Он получил за это от фюрера рыцарский железный крест с дубовым венком и возлюбил его за это всем своим пламенным германским сердцем.

Он давно уже перестал заигрывать со старыми работящими украинскими селянами-старостами, вроде проклятого этого Запорожца, погубившего его маленького Людвига. Он творил зоны пустынь, лишенные жизни, беззвучные...

Но не помогли фон Краузу ни четыре построенных по его проекту завода, ни пожары. Все было ошибкой. Война приняла уже характер прямого массового преступления. Человечество стало ниже. И мертвые зоны тоже оказались ошибкой. Они не были мертвы. В них некому было плакать, просить, умолять или стонать. Но в них жила бессмертная ненависть народа. Она подстерегала фон Крауза на дорогах, в канавах, в лесах. Она проникала к нему в двери, в окна, в душу с громом и кровью. Она пронизывала каждый его шаг неутомимой местью. Она была изобретательна и умна — и ничем нельзя было ее уничтожить. Ничем.

И вот понемногу, день за днем, село за селом, пожар за пожаром, смерть за смертью пришел Крауз к последнему выводу: конец. Конец Германии Гитлера и его, полковника Эрнста фон Крауза, конец.

С момента, когда эта мысль овладела им окончательно, фон Крауз почувствовал, что ему резко начало изменять склеротическое сердце. Участились припадки жабы. Тогда для сохранения душевного равновесия он убрал из своих карательных отрядов итальянцев, словаков, чехов и мадьяр, укомплектовав свои силы только немцами и небольшой кучкой отпетых, испытанных предателей народа, погубивших навеки темные свои души множеством открытых злодеяний.

Но и это не помогало.

Запорожцы преследовали его по пятам. Они начали уже ему сниться. Один раз ему приснилось, как он, полковник Эрнст фон Крауз, стоял связанный по рукам и ногам перед Лаврином Запорожцем, окруженный страшными его партизанами, как повелел Запорожец выколоть ему глаза, отрезать язык, вырезать свастику на груди и на лбу, как простреливал он ему голову, живот, грудь и бросал в огонь горящей своей хаты.

С тяжким стоном Крауз вскочил с постели.

— А, украинская собака! Ты мне будешь сниться, будешь терзать мою душу во сне!

Заметался Крауз по хате, забегал, застучал. Сотни несчастных людей, расстрелянных, искалеченных, с вырезанными на груди и на лбу звездами, сгорели в ту ночь в селе, запертые в пылающих клунях и церк-

вах. Расплатились за немецкий нездоровый сон тяжелыми муками в огне украинские дети.

Фон Крауз перестал уже действовать на Украине во имя жизни Германии. Он действовал именем ее смерти.

— Вы оглядываетесь на партизан! — кричал он крестьянам в одном селе.— Вы ждете нашего отступления! Ну, хорошо. Если уже так, мы уйдем отсюда. Но радоваться нашему уходу здесь будет некому. Огонь!..

Так с огнем и мечом метался по украинским просторам фон Крауз, преследуя Запорожцев, спасаясь от Запорожцев, уходя от них, окружая и давя их, пока, наконец, сам, окруженный, не предстал перед Лаврином и Романом Запорожцами, шатаясь, словно пьяный.

Его не держали ноги, распустились все мышцы живота и кишек. Кровь испарилась из его сосудов, и бледные его губы дрожали от озноба. Он попал в плен. Это было не вполне похоже на сон. У него не были связаны руки и ноги, и глаза его не были выколоты. Он видел всё и, если б страх смерти, поражающий палачей в последнюю минуту их жизни с особенной силой, не сковал все его чувства, он пожалел бы, что не ослеп.

Бой продолжался недолго, не больше двух дней, но был он жесток и кровопролитен, как немногие бои в немецких тылах. Краузовы молодцы сражались с отчаянным мужеством, но когда мужество покинуло их, они вышли с поднятыми руками вперед, спотыкаясь среди трупов с остекленелыми глазами, с плачем и клятвами, падая перед партизанами на колени.

— Капут... Германия капут...— подобострастно улыбаясь, блеял Штиглиц, моля о пощаде.

— Их бин коммунист!

— Бите шен, ради бога... драй киндер!

— Товарищи, капут, Гитлер капут! — бормотали каратели.

— Это мы и без вас знаем, гады,— отвечали партизаны.— Предатели народа, выходи в сторону!

Предатели народа стали отдельной кучкой, и, оглядываясь с одинаковой ненавистью на партизан и немцев, томительно и тяжело икали, жаждая скорейшей смерти.

Фон Крауз видел всё. Величайшим усилием своей воли он на какое-то мгновение взлетел было над ничтожеством своего положения и погрузился в сферу высокого ощущения великой трагедии фатерлянда. Торжество смерти, призванной Гитлером для реконструкции Европы, он ощутил вдруг в предельной мере. Здесь все было предельно — изуродованные ожесточенные трупы и ползающие перед бандой Запорожцев железные его рыцари, словно падшие с высоты небес диаволы, и сами Запорожцы. Да, и они, потрясшие его несокрушимостью своей воли и страсти. Смерть обжигала дыханием своим каждое лицо. Сам земной шар, казалось, вздулся под Краузом кровавым нарывом. Он постиг высоту непередаваемого и в непередаваемом волнении, тяжело дыша, оглядывался по сторонам. У него была рассечена щека, и зеленые мухи уже ползали по запекшейся его крови. Вот он — великий конец!

— Подсудимый Крауз Эрнст Фридрихович, житель города Бреслау, Бисмаркштрассе тридцать шесть, квартира четыре, три шага вперед! — послышался вдруг неторжественный и негромкий, но твердый голос партизана.

Услышав эти слова, фон Крауз вдруг в одно мгновение нехорошо себя повел.

Это было ужасно. Это было хуже пули, хуже петли. Это невозможно, боже мой! О! Уничтоженный, он не мог сдвинуться с места. Он не полковник новой империи, не гроза восточных областей с огнем и мечом. Он пойман с поличным! Он подсудимый с точным адресом. Названа его скром-

ная квартирка на Бисмаркштрассе. Ну, конечно, его... Нет, нет, нет! Ах...

— Подсудимый Крауз, можно опустить руки.

— Руки опусти, слышь, сволочь!

— А?.. Что?.. Нет, я не могу опустить, простите, пожалуйста... Здравствуйте, — прошелестел фон Крауз высохшим своим языком, улыбаясь, улыбаясь.

Тогда старый Лаврин Запорожец, с большим кричащим шрамом на лбу, вышел из партизанского круга.

— Нет, я не позволю тебе падать, сучий ты сын,— сказал он Краузу, когда тот, не выдержав взгляда, зашатался, готовый упасть.— Не отворачивал ты подлого своего взора перед страданиями и смертью людей наших, не отвернешься и от народного суда. Будешь стоять, пока не обломал я тебе ноги, будешь смотреть мне в лицо!

И, поставив перед собой фон Крауза, Запорожец размахнулся и ударил его по морде.

— Я оскорбляю тебя! Снять с него штаны.

От сильного удара фон Крауз немного пришел в себя. К великому ужасу ощутил он вдруг, что запорожская оплеуха выбила из него что-то самое важное, составлявшее главную его сущность.

— Лаврин, простите пожалуйста, это война. Я пленный... Я офицер,— попробовал он собрать свои силы.

— Нет, это не война! И не офицер ты, не пленный! — сказал Запорожец.

— Лаврин!..

— Помолчи. Я не хочу говорить с тобой, будь ты проклят. Но перед тем, как уничтожить тебя...

— Ты убил моего сына, Лаврин!..

— Чёрт с ним. Помолчи, я не хочу говорить с тобой, я только скажу во имя закона, чтоб было написано в писании, как я тебя убивал. Понял? Не пленный ты, Крауз, не офицер и не человек. Нет! — повторил Запорожец громко и раздельно, словно речь его записывалась всеми летописцами мира.— То, что содеял ты на нашей земле,— не военное, не человеческое дело, и умрешь ты не военной, не человеческой смертью.

Фон Крауз содрогнулся. С острой прозорливостью, которую сообщает преступнику крайняя его низость или звериный эгоизм опытного убийцы, он сразу понял, что смерть пришла к нему в необычайном наряде. Запорожцы... Как он ненавидел их за разбитые свои мечты! Но ненависть уже покинула его, и мерзкий страх замораживал его дыхание.

— Я прошу немножко пощады. Если пыл боевой страсти и безудержность, может быть, в каких-то жестокостях, присущих войне, пылкой молодости...

— Ага... Только мы с тобой, старики, знаем жизнь,— саркастически покивал головой Лаврин.— О, я хорошо помню все твои слова! Изменника думал найти в отце сыновей-коммунистов. Думал посеять вражду, поживиться на домашних наших промахах? На простоватости чиновников наших заработать хотел? Нет, подлая собака, никогда! Слышишь? Никогда! Плохие мы были историки? Прощать не умели друг другу? Национальная гордость не блистала в наших книгах классовой борьбы? Подожди, заблистает, да так заблистает на весь добрый человеческий мир, что ослепнут от зависти навеки все твои фашистские потомки. Это я говорю тебе, слышишь, твой враг Запорожец Лаврин. Я презираю тебя, проклятый немецкий дурак! Ты просмотрел самое важное, что вписали мы, большевики, в книгу борьбы — нерушимую дружбу народов!

Лаврин оглянулся. Партизаны стояли вокруг него — украинские, русские, казахские, татарские, киргизские его сподвижники и братья.

Среди них выделялся один. Он стоял, словно дерево после урагана. Не было на дереве ни цвета, ни листьев. Все сорвано и унесено бог весть куда. Серый пепел упал на партизанские волосы и безмолвная пустыня застыла, казалось, навеки в неподвижных его глазах. Два года ходил он в бои и самые отчаянные засады, но смерть неизменно отступала перед ним. Четверо детей, жена, престарелая мать и отец и все соседи его, раздетые догола, сгорели в старой деревянной церкви ночью посреди пылавшего села. Потрясшие всю его душу горестные их крики в огне никогда уже не дадут ему ни покоя, ни забвения. Тяжко раненный, с обожженной головой и руками, чудом уполз он от немецкого костра к партизанам, и с тех пор уже ни пуля не брала его, ни что — так сильна была в нем жажда мести. К нему и обратился Лаврин:

— Тебе нечего уже терять на этом свете. Отведи убийцу в лес, чтобы никто не видел, как возвратил ты ему всё, что принес он на нашу землю.

Так погиб Крауз.

Дымились горизонты. Огненные валы с громом и грохотом не один раз перекатывались с востока на запад и с запада на восток. Мертвые танки чернели на полях грозными своими тушами, словно вымершие чудовища в пустыне. И куда ни поехать, куда ни пойти, всюду пахло непохороненным человеческим трупом. Минированные, неубранные поля были полны зловещих тайн. Враг снова бежал.

Снова входили в село передовые отряды. Пролетали танки, артиллерия.

Снова выползали из могил и подвалов землистые люди.

— Здравствуйте!.. — взволнованно кричали бойцы.

— Да, здравствуйте! Довольно уж вам ездить,—вздыхали женщины.— То вперед — то назад, то сюда — то туда, то партизаны тебе — то полиция, то каратели — то немецкие вошепруды. Да злые поделались, ну прямо жизни нет!

— Не война — смертоубийство!

— А ты кто? Какого чина? Откуда? Где ранен? В каких боях?

— Вот! — показал Мина веревку с петлей.

— Кого победил? Перед кем не отступал? Кого защищал? — разгневался комбатареи Сироштан. Он был храбрый и сильный воин с двумя орденами Красного Знамени и четырьмя знаками ран и контузий.

— Я царя защищал, не отступал,— сказал старый седой, как лунь, глупый дедок.

— А, слышали мы эти балачки в начале войны! И плакали от стыда, сдуру... Царя... Европа на наших грудях! Вся, без второго фронта, чёрт бы его маму побрал! Два года! Весь металл, вся химия!

— Да и у нас тут тоже химия!

— Царя. Нет таких, как мы. Где они? Не было в истории мира, чтоб на одно государство падала такая тяжесть! Уже теперь многому научились...

— Да, балакаете, а потом снова побежите.

— Не побежим, не бойтесь!

— Да мы уже не боимся. Просмолены и прокопчены.

— Ну и мы тоже.

— Так воюйте, чорты б вашего батька воевали! Довольно кататься!

— Как кататься?! Кто катается? Какое ты имеешь право так говорить? Кататься... А вы, чёртовы лежебоки, будете тут с немцами землю делить да с бабами валяться?

— А вы не отступайте, так и не будем делить.

— Это примитивный ответ.

— Та мы ж такие. А какие ж мы?

— Жить-то ведь нужно?—сказала одна молодая женщина.

КАДР ИЗ КИНОФИЛЬМА «БИТВА ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ УКРАИНУ»
Центральная Украинская студия кинохроники, октябрь 1943 г.

«С тяжелым чувством отходили защитники Родины, уносили на восток самое дорогое — оружие и веру в победу ‹···› Долгая, суровая была зима, но тронулся лед, забушевали весенние потоки. Красная Армия погнала врага на запад и вступила снова на родную Украину»

— Жить? — вспыхнул Сироштан, пронзив женщину разгневанным взглядом.— Жить? Тебе жить надо? Ага! Постой, я тебе поживу! Я кровь проливаю второй год, защищаю отечество, а ей жить нужно...

— А что ж ей делать? Плакать?

— Товарищ капитан! — обратился командир к Кравчине.— Вы слышали? Вот такая и моя баба где-то в Виннице осталась. С немцами, видно, качается. Вот, ей-богу, заберем Винницу — голову отрубаю!

Все притихли. Все чувствовали, что Кравчина тут самый старший. Он все время молчал. Что-то он должен был ответить на эти слова.

— Так, — сказал Кравчина тихо,— так что выходит, ты, Сироштан, уже воюешь за то, чтоб отрубить в Виннице голову своей жене, которую ты назвал бабой? Или как тебя следует понимать?

— Да как, разве?..

— Постой, постой, постой! Ты командир, герой, у тебя два ордена и четыре раны. Неужели ты, проливая кровь свою, так и не понял до сих пор — кто мы и что мы? Что не обыватели, не свидетели истории мы, а герои великого грозного времени. Что хотя и не наживем ни капиталов, ни земель чужих не завоюем, ни людей не покорим, что когда вернемся домой на пожарища и руины, многим некуда будет и голову свою приклонить: ни дома, ни отца, ни матери, ни брата, мы скажем — мы победили! И это будет величайшая, самая гордая наша правда на множество столетий.

— Правда, сынку! — послышались голоса из толпы. — Хлеба напашем и хаты построим. Дело ведь в жизни и в чести народа.

— Правда, батьки! — сказал Кравчина.— А жизнь и честь в победе. Сегодня каждый из нас решает две победы. Победу над фашистами— отечественную, мировую, великую, общую победу. И победу личную —

малую, частную над множеством своих недостатков, над грубостью, дуростью, извини меня, Сироштан, над злом, неуважительностью и, кстати, плохим отношением к женщине.

— Сыночку! — послышался плач.

— Нас много. Нас миллионы, уже прошедших через огонь страданий, прокуренных и просмоленных в боях и невзгодах. Я верю, что сумма этих личных наших частных побед будет необычайной, поразительной.

И, словно видя уже эту победу совсем близко перед собой, как дорогую свою возлюбленную, Кравчина улыбнулся ей. За ним улыбнулись вдруг и все присутствующие, все до единого. Это было абсолютное доверие и единство самых дорогих, великих народных чаяний, осознанных, выстраданных в тяжелых, почти непереносимых невзгодьях. Можно было не сказать больше ни слова и всем разойтись, чтоб не забыть никому и никогда этой улыбки и молчания, но все смотрели на Кравчину, и он, вспомнив весь пройденный тернистый путь, понял тут, среди родных своих людей, к которым так стремилась его душа, что отступления больше не будет,— даже, если бессмертие народа придется утверждать ценою собственной жизни, помноженной на жизнь всех его боевых товарищей и братьев.

— Поможи вам господи и пречиста мати божья,— сказала старая Бесарабиха.— Прощать надо один одному побольше да сочувствовать,— тихо обратилась она к Сироштану. <...>

Сироштан молчал. Он стоял перед понесшей огромное горе старой матерью, безоружный и маленький. На него глядели десятки глаз. Для спасения репутации закаленного рубаки ему хотелось сказать какую-нибудь грубую фразу или что-либо смешное, но он не находил в себе этих слов. Им овладело вдруг странное волнение. Умел ли он жить? Думал ли о жизни, о родине, о семье в их единстве или только действовал, погруженный в ненависть к врагу, в труд и подавление страха сражений? Творил ли он грозную историю своего народа и несчастной, затерянной в море бесправия и страшных случайностей молодой своей семьи? Не упрощенно ли, механически выполнял он суровые повеления истории?

Сироштан не мог оторвать глаз от Бесарабихи. Он словно впервые предстал перед народом, во имя жизни которого он нес в огонь свою жизнь тысячу раз.

— Вот так-то, Сироштан! — сказал улыбаясь Кравчина.— Слышал?.. Ну, вот... А жене своей... как ее зовут?

— Мура.

— Сам ты мурый. По отечеству?

— Григорьевна.

— Дети?

— Трое.

— Как зовут?

— Джек, Рихард и Тимур.

— Глупости.

— Как собачата! — засмеялся кто-то.

— Тихо!

— Марии Григорьевне поклонись от меня, если меня убьют до Винницы и я не смогу сам поздравить их с освобождением как командир твой и друг. А вас, граждане и гражданки, поздравляю — и простите за опоздание. Трудно... Всё. По местам!

Все разбежались. Остался один Кравчина. К нему прижалось не меньше двадцати женщин. И тут они вдруг так заплакали горьким плачем от пережитого, так заплакали!..

Он смотрел на запад. Он был необычаен.

Капитан Василь Кравчина стоял на холме и смотрел в бинокль. Когда недобитая немецкая пехота хлынула в образовавшуюся брешь, он стер ее с лица земли. Но бой прекратился ненадолго. Не успели артиллеристы перекурить, как уже холм задрожал под ними от тяжести вражеской артиллерии, задышал, заклубился, как огнедышащая гора. Заревели над головой самолеты, а вдалеке из-за холмов выползали уже танки. Кравчина бросился в блиндаж.

— Якимаха?!

— Да!

— Выходи с батареей направо вперед!

— Да!

— В ложбину выходи, в ложбину направо! — говорил Кравчина по телефону Якимахе.— На тебя сейчас пойдет из-за бугра танковый вал. Принимай хорошо!

— Да!

— Не отступать до смерти! Передай ружейникам — я приказал.

— Да!

— Шинкаренко!

— Да!

— Смотри на Якимаху. Га?.. Ко мне...

— Товарищ капитан!

— Дегтяренко?!

— Да!

— Ну?

— Нечем дышать! Сильно накрыло!

— Га?

— Прижало сильно!

— Чем?

— Бомбами!

— Бомбами?

— Да!

— Якими бомбами?

— Важкими!

— А ты яких хочешь? Легеньких? — рассердился Кравчина.— Ты где сидишь? Где ты сидишь, я тебя спрашиваю? На войне ты сидишь или нет? Говори, где ты сидишь?

— Да на войне. А где ж, по-вашему, на стадионе «Динамо» или на свадьбе, чтоб она трижды сгорела, трясця ее матери, с такою войною!

— Замолчать! В чем дело?

— Пораненый...

— Га?

— Руки нету. Ясно?! И ноги... И людей поранено!

— Запорожец! Давай Запорожца!

— Запорожец!

— Батарея Дегтяренка вышла из строя! Приказываю спешно занять его позицию.

— Да!

— Стоять насмерть!

— Стою!

Громадной силы тяжелый снаряд обрушился вдруг у самого блиндажа капитана, за ним другой, третий. Завалило блиндаж. Капитан Кравчина выполз из него чудом, как из могилы.

— Запорожец?

— Да!

— Стоять насмерть!

— Да слышал уже. Стою! — сказал Запорожец. И тут же строго повелел своей батарее точно выполнять приказ командира.

— Только прошу без суеты,— прибавил от себя Запорожец, когда батарея под огнем стала на новой позиции.— Когда при мне суетятся, я тогда перестаю понимать противника. Я презираю такую войну. Понятно?

— Да.

— Да не да, а точно. Понятно?

— Точно!

— От суета... Ну, давайте!

И Запорожец плюнул в ладонь, как добрый плотник.

Трудно найти человека, от которого можно было бы услышать такие умные слова в такое время. Другой на его месте залепетал бы уже чёрт знает что, видя, как неслась из-за угла на батарею большая колонна танков. Они грозно вздымались, как корабли на волнах, стреляя на лету из орудий и пулеметов. За ними громыхали десантные прицепы, битком набитые пьяными автоматчиками. А на самих танках сидело множество зеленоватых фрицев, цепляясь друг за друга, как паразиты.

Грохот и гром и гул потрясали всё. Вся земля содрогалась под тяжестью железного потока. Но Запорожцу, казалось, только этого было и надо.

— Давай огонь!! — крикнул он вдруг невероятно громким грубым голосом и весь преобразился.

Задрожали Ивановы хлопцы от этого крика, бросились к орудиям. Через мгновение ничего уже не было слышно.

Орудийные расчеты метались, как львы, в бешеном ритме. Снаряд! Замок! Прицел! Огонь! Снаряд! Замок!

Танки лопались перед ними от прямых бронебойных ударов и бурно горели с прицепами, как на страшном суде. Горело железо, десант, горела сталь и рвалась все ближе и ближе.

— Спокойствие!

Орудия прыгали, как цепные собаки, и рявкали и выли и метались в безумном остервенении.

Бешеный накал гнева и страсти битвы придавал бойцам такую громадную силу, что тяжелые орудия вертелись у них в руках, как игрушки. С гигантским мускульным напряжением они откатывали их, поворачивая вправо, влево, подкатывали вперед. Они были мокрые, как в бане.

— Огонь! Огонь! Огонь!

Вдруг по какой-то радиокоманде все немецкие танки мгновенно повернули вправо и, передавив немало слетевших своих автоматчиков, устремились на батарею Сироштана.

Тогда Иван быстро подал особую короткую команду. Ударили тогда по танкам из всех орудий шрапнелью, ударили все пулеметы и как ветром смели с них весь десант до одного немца. Только его и видели! Один только немец и слетел с танка живым. Потеряв разум, он бросился вперед на батарею и подбежал к Запорожцу с таким бессмысленным смехом, что тот испугался.

— Тю, чёрт тебя носит! Уберите эту паскуду!

— Победа! Победа! Ура! — закричали Пидтыченко, Косарик и Торохтий.

Нет, это еще не была победа. С левой стороны, у самого начала излучины реки заходили уже вброд, в обход артиллерии, свежие немецкие силы.

Но не удалось немцам обмануть хитрым маневром доблестных артиллеристов. Отдав приказ гаубичным батареям перевести огонь на переправу, сам Кравчина и минометчики Лобода Иван, Драгун Петро, Романенко, Коноваленко, самые отчаянные пулеметчики и бомбометатели —

Владимир Таранов, Гловацкий, Джума Урсулаев, Муравин Степан, Степан Чумаков, Ковтун Данило и множество других, которых уже нельзя было разглядеть на лету,— всё, что было самого быстрого, горячего и бесстрашного при артиллерии, всё мгновенно устремилось к реке, все ездовые, шоферы, разведчики, связисты. Каждый понимал, что значила здесь секунда промедления. Немцы уже были в реке.

Какая была река! Какая была река! Прекраснейшая из всех текущих рек. Та самая, которую переходили вброд веселые дивчата с граблями и сорочками над головами и восхитительными песнями и смехом! Какая была любимая нетронутая река! Она стала неузнаваема. Она была поругана, растлена и обезображена врагами.

Вода текла в ней мутная, кровавая, с дохлой рыбой, трупами и прочими остатками страданий. Снаряды ввергались в нее и рвались на дне, и из глубоких заводей и ям выворачивались желто-белыми чревами разорванные громадные сомы, сазаны, щуки и прочая рыбная погибшая жизнь.

Валились столетние тенистые деревья и падали в реку, корнями вверх.

Какая была река! И грязь, и муть, и кровь в реке, и смерть!

Это была уже не река, а сток нечистот.

Летали стаи перепуганных, обезумевших птиц над боем. В воздушных волнах, как в тайфуне, их кидало от взрывов из стороны в сторону, вперед — назад, вперед — назад! Они падали от грозных ударов на землю, ища защиты у чуждых и страшных людей.

Лисицы дрожали в вонючих лисьих норах. Волки в кустах, наевшись человечины, припадали пузами к земле и волочились, пачкая ее в отчаянном проклятом волчьем страхе. От ужаса у них поотнимались ноги и желудки, и закарлючились хвосты под животами. Они валялись по кустам, как дохлые, и ползали, не смея даже выть, и лязгали зубами. Волчицы плакали. Так страшен был мир в бою. Один лишь человек мог перенести бой.

Тут билось бессмертие со смертью.

Воздушные волны, могучие воздушные завихрения от пролетающих и рвущихся снарядов и мин срывали людей с земли, кружили их, как осенние листья, и бросали на землю.

Весь воздух пришел в яростное движение, весь он, вся атмосфера звучала, ревела, выла, взрывалась, крякала и гремела тысячами громов. Воздух горел! На бойцах загорались сорочки. Горели спины у людей. Кричали: «Ай, горю!» — и падали на землю, и крутились на ней, туша друг друга ударами ладоней.

Семь раз входили бойцы в соприкосновение с противником. Семь тягчайших немецких атак отбили они в дым и прах. Тридцать шесть пылающих танков возносили уже в небо грозную их славу. Трупов лежало между танками множество.

— Запорожец!

— Да!

— Как дела?

— Га? Добрые дела. Га?.. Ну, поставили насмерть, ну и стою! Га? Не дразните меня, товарищ капитан, не люблю я по телефону балакать.

— Резервы не подошли, гады! Но все равно отступать не будем! Га?

— Га? Не слышу... Не чую... От, суета...

Ничего уже не слышал Запорожец. Из ушей у него текла кровь. Полтора десятка мелких минных осколков жгли его тело и злили, как тигра. Половина батареи уже не стояла на ногах.

Немцы пошли в атаку в восьмой раз, потом в девятый, в десятый, в одиннадцатый! Одиннадцать раз почти беспрерывно бросались исступленные немцы в атаку — и одиннадцать раз отбивал их Кравчина. Тогда немцы пошли в двенадцатую атаку, танковую.

Новые танки прибыли прямо из Франции, где они целый год ожидали вторжения англичан. Чистенькие, без единой царапины, с новыми, одетыми во все новое молодыми танкистами, со свежими пушками, десантными экипажами и порнографическими фотографиями у замков. Как бешеные собаки, неслись они прямо на центр артиллерийских позиций против самого Кравчины, уверенные в полном его истощении.

Сначала Кравчина дал по ним бешеный огонь из всех орудий и пулеметов, а потом, когда десант слетел с танков, как стая подбитых воробьев, он вдруг прекратил огонь и велел спрятаться всем у орудий. И лишь когда танки были уже совсем близко, когда разгоряченные молчанием немецкие командиры танков высунули из башен свои маленькие головы, считая себя уже победителями, он внезапно повелел огонь. Не многие немецкие командиры успели спрятать свои головы. Выстрелы следовали один за другим с невероятной скоростью. Бронебойщики, находившиеся в щелях, в непосредственной близости между танками, били на выбор направо и налево.

Как забегали по танкам синие огоньки, как загорелись танки да как начали рваться изнутри! Да как стали выскакивать из них с криком и визгом «свежие» фашисты!

Страшно расправились с ними артиллеристы.

— Бейте, бейте, хлопцы! Не жалейте ни одной твари! — кричал Кравчина, работая уже у батареи раненого Якимахи как боец.

Много танков разбили и сожгли товарищи в этой атаке, много немцев убили совсем близко перед глазами... Глаза в глаза, крик в крик — никого не пожалели. Все отличились до одного человека, каждый пролил кровь врага. И танки жарко пылали перед трупами своих хозяев высокими, уходящими к небу кострами. Немцы были потрясены и бежали.

Вдруг на бойцов посыпалась с неба громадная лавина разноцветной бумаги. Ядовитые листовки с сильно действующим гадким содержанием для отравления воли и разума противника буквально укрыли всю землю, орудия, бойцов и убитых товарищей.

Воцарилась гробовая тишина. Немцы попрятались в свои логовища и следили в бинокли за отравляющим действием листовок.

Листовки были свежие, изготовленные в Берлине самыми тонкими составителями ядов. Подделка правды была в них взболтана в такой пропорции искусной тонкой лжи, хитрости, угроз и обещаний, что получилась смесь, способная свалить с ног уставшего человека.

«За что воюете? За что умираете?» Этот священный вопрос, написанный рукою врага, приобретал какой-то порочный смысл и, падая на бойцов с неба в сотнях тысяч своих повторений, шуршал под ногами и, казалось, шептал со всех сторон, как сатана — «За что?.. За что?.. За что?..»

Чувства бойцов взбудоражились до крайнего напряжения. Но никто не поднял листовок. Ни один боец. Все отворачивались от них, как ⟨от⟩ мерзости, недостойной человеческого взгляда. Один только капитан Кравчина поднял листовку.

— Поднимите все,— сказал он бойцам.

— Нет, не годится нам это читать. Не хотим пачкать свои руки и души в такое время, — сказали бойцы и нехотя подняли бумажки.

— А теперь, братья мои,— сказал Кравчина,— пока немцы думают, что мы заняты чтением, хочу я напомнить вам перед самым решительным и, может быть, для многих из нас последним боем, за что мы бьемся, за что умираем... Идите сюда.

Бойцы подошли к командиру.

Их было уже немного. Они стояли перед ним мокрые от тяжести трудов и черные от дыма и запекшейся крови.

КАДР ИЗ КИНОФИЛЬМА «ПОБЕДА НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ...»
Центральная студия документальных фильмов и Украинская студия кинохроники, май 1945 г.
«Минуя пожары и хаос разгромов, мы заходим с героями в украинский сад. Это похоже на праздник, но праздник еще впереди. Предстоит еще много боев».

Раненые стояли, опираясь на нераненых, и смотрели на него с непередаваемой нежностью. А у кого были перебиты ноги или спины, или кто не мог уже стоять по причине головокружения или слабости, те лежали поодаль, как подбитые журавли, и вытягивали шеи, чтобы тоже послушать своего командира. От них шел пар и поднимался вверх.

Кравчина понял, что не обычных ответов, выражаемых в денежном или земельном исчислении, ждут от него бойцы. Высокие необыденные мысли светились на их простых лицах. Перед ним стояли участники великих событий, живая грозная история, ее авторы и кровавые ее исполнители.

— За что мы бьемся? За что умираем? — Голос Кравчины вздрогнул от охватившего его глубокого волнения. И волнение передавалось бойцам...

— Враги наши бьются за личные богатства, за власть над нашей землей. Друзья наши сражаются за мир и лад, за преимущества благополучной и счастливой жизни своих стран. И спрашивают недоуменно друг у друга в кабинетах: за что сражается украинский советский селянин? За столько ль долларов или марок, как немецкий, или нет? За столько ли гектаров, как Гитлер обещает каждому солдату? Нет, не за столько, братья! Мы бьемся за то, чему нет цены в мире,— за Родину...

— За Родину...— тихо вздохнули бойцы.〈...〉

Кравчина вглядывался в лица изумительных своих воинов. Не простые люди стояли перед ним, нет. Прошедшие с трудами, гневом и тягчайшими боями всю Украину, Дон и волжские степи, с незабываемыми разлуками и встречами, удивившие весь мир под Сталинградом, видавшие сверхчеловеческие виды. Перед ним стояли профессоры боев, засад и грозных нападений.〈...〉

— Вот они! — показал Кравчина на немцев, и голос его был гневен, как голос народа.— Скажите мне, братья, можем ли мы не биться?!

— Нет, будем биться насмерть! — закричали артиллеристы.

И хотели было бежать уже к орудиям, но Кравчина остановил их одним движением руки.

— Не на смерть, а на жизнь! За великий Советский Союз народов и за наше украинское государство от Закарпатской Руси до этого поля боя!

— Огонь! — закричал, не сдерживаясь, Иван Запорожец.

Не выдержали народные сердца. Обняли бойцы друг друга, как стояли, и заплакали. Только самые сильнейшие стояли без движения, как завороженные, сдерживая гордые слезы.〈...〉

Немцы пошли в атаку в тринадцатый раз.

Потерпев двенадцать неудач, главный немецкий начальник понял, что он погиб. Тогда он решил произвести последнюю — психическую атаку на Кравчину.

Забросав артиллеристов листовками, он приказал своим солдатам снять штаны и сорочки и наступать в одних трусах, со смехом и пением устрашающих песен.

Покорные немецкие обыватели стали молча раздеваться, думая в ужасе о смерти, о пенсии для семьи и проклиная втихомолку свою судьбу. Тогда, заметив уныние в раздетых рядах, главный начальник пообещал солдатам прибавить по три гектара украинской земли на голову и велел им выпить водки с веселящим снадобьем. Когда снадобье подействовало, и солдаты, потеряв разум, начали весело галдеть и подхихикивать, он погнал их в атаку под рев сирен, свист и треск автоматов.

— Айн, цвай, драй, фир!
Наше сердце смеется в восторге!
Айн, цвай, драй, фир...
Хи-хи-хи! Ха-ха-ха!
Свись!
Вот что значит маршировать, когда нас ведет
Гитлер!
Гав! Гав!

— Товарищ командир! Уже показались. Идут без штанов и гавкают,— доложил Запорожцу младший сержант Неборак.

Услышав это сообщение, Иван Запорожец пришел в такую ярость, что некоторое время он сидел в неестественно застывшей позе. Потом он вскочил, как ужаленный. Но последовавший вдруг телефонный приказ командира охладил его. Кравчина сообщил ему, что снаряды уже на исходе, что их почти уже нет.

— Видите,— сердился Запорожец на своих бойцов,— говорил я вам, берегите снаряды! Вот теперь смотрите на фрицев да чухайте себе потылицы, пока не подойдут на сто метров.

— Ничего, товарищ сержант,— сказал Пидтыченко, командир второго орудия.— Раз уже есть такое запрещение, мы подождем. Пускай подходят хоть на пятьдесят. О, смотрите! Тысяча чертей его матери!

Из дымовой завесы показались фашисты.

Бойцы припали к орудиям, пулеметам, автоматам, ко всему, что могло стрелять.

Враги шли полуголые, грязные, с волосатыми грудьми и животами и являли картину жалкую, омерзительную, как вырвавшийся на волю сумасшедший дом. Они хохотали, свистели и выли, пританцовывая. И только застывшие в ужасе глаза их выдавали тупое страдание. Это были словно не люди, а дурной сон, приснившийся больному.

Бойцы крепко держались за оружие. Однако по мере приближения

немцев у многих забегали по спине мурашки. Но тут их выручил природный спутник их жизни — смех.

— Гей, немцы! Штаны потеряли! — закричал наводчик Самойло Косарик.

— Нет, не потеряли! Послали Гитлеру в Берлин на просушку! — сказал Муравин.

Все засмеялись.

— А сорочки сняли для чего?

— А то ж на них от лая шерсть выгнало, как на собаках! Чуешь, как гавкают? Давай, давай скорей, психи! — кричал Муравин, махая рукой.

Тут уже все развеселились и стали отпускать по адресу немцев замечания.

— Ото ж она и есть психическая атака, что гавкают, как псы! — сказал Овчаренко.

— Эге! — сказал Запорожец.— Вот сейчас они у меня погавкают! Сейчас полетит из них собачья шерсть. Спокойствие!

Когда все умолкли и немецкое приближение стало уже нестерпимым, когда, казалось, слышно было их зловонное дыхание, Запорожец подал команду.

Все задрожало. Все, что двигалось в передних рядах, было разорвано и покалечено сокрушительным огнем. Однако следующие ряды не повернули вспять. Голое немецкое мещанство лезло через трупы вперед и падало грудами на мины, на пулеметы.

Рыжий ефрейтор Густав Шмуцке лез напролом, как завороженный. Был ли он храбр и отважен? Он не был ни храбр, ни отважен. Он выполнял высший закон своей жизни в войне — приказ! Он сходил с ума от ужаса. Но сзади были пулеметы, а впереди — земля, гектары. Как он хотел земли! Как он добивался ее! Он хотел уничтожить на ней все живущее. Целый год он колупал ее пальцами, растирал на ладони, нюхал, брал ее в рот, чмокал губами, и водянистые глаза его блестели радостным блеском.

— О моя земля, моя, моя! — думал он с жадной дрожью.

Пьяный автоматчик Шмуцке упал с разбегу в яму, прямо на бронебойщика Ивана Лободу. Долго боролись они в бронебойной яме, но Иван задушил его и набил ему полный рот родной земли. Потом, тяжело дыша, он поднялся, посмотрел в сторону батареи.

Ее уже не было видно. С левого фланга к ней уже двигались немецкие танки с огнеметами. Огнеметы метали огонь. Все потонуло в дыму.

Напрасно вызывал Кравчина батарею Запорожца. Никто ему не ответил. Выстреляли запорожченковы хлопцы все положенные им в жизни снаряды, добре потрудились и попадали спать на вечные времена.

Смерть не поскупилась на них. Не пожалела ни красок, ни грима, ни зияющих ран, ни жесточайших нелюдских ожогов. Каждому отпустила она пудов по двести горячих осколков и пуль и огненных шаров температуры высочайшей.

Никто уже не узнал бы их — ни отцы, ни матери, ни жены. Да и сами они в последний час не узнавали друг друга. Так изменили их страсти смертного боя.

Всё отдали. Всё до последней нитки. Рассчитались с жизнью, с войной, с врагами вовсю. Не мудрили, не прятались в резервах и тылах, не обрастали родичами на простых своих артиллерийских постах. Не выдавливали из малых своих талантов большой корысти, пренебрегали талантом, не любили выставляться напоказ ни в целом виде, ни в раненом, ни в каких доблестях, мало дорожившие своим — неуважительные, насмешли-

вые и небрежные Овчаренко Гнат, Телига Захарко, Иван Гавриш, Степан Муравин, Паляничка Трохим, Косарик Самойло, Пидтыченко Левко, Неборак Мусий, Глебов Роман, Джума Галиев и Андрий Затуливитер. Остальные были в кусках — где рука, где нога, а где и голова.

Не было у них ‹ни› ненависти к другим народам, ни зависти. Не бывали они ни в Америках, ни в Парижах, ни в Лондонах. Не видали они союзников своих в лицо, ни их союзных жен, ни благополучных их детей. Только злобные лики жестоких, заклятых врагов и видели они при жизни в атаках. Вот какие были.

Танки пошли на батарею Сироштана. С мучительным трудом добрался Сироштан до телефона. Кровь заливала ему лицо. Он облизывал ее, соленую, и протирал липкой рукой окровавленные вытекшие свои глаза. Кое-как нашел он телефонную трубку. Мины крякали вокруг, словно гигантские жабы — ква, ква, ква — ррр!

— Товарищ капитан! Что делать? Закидает минами!

— Га?

— Минами закидает! — плевался кровью Сироштан.

— А ты что думаешь, Сироштан? Варенников с вишнями закинут тебе немцы, га? Я знаю тебя, ты любишь вкусные блюда,— пробовал Кравчина поддержать дух командира бытовыми шутками.— Сироштан! Алло!.. Га? Стоять!..

— Да! — сказал Сироштан.

А стоять уже было не с чем. Не было снарядов и расчеты ранены.

Вдруг мины умолкли. На батарею шел тяжелый вражий танк. Слепой Сироштан бросил трубку и заметался по земле в поисках приготовленных мин.

— Не вижу я мин... Где они? — шептал он, шаря вокруг окровавленными руками.— Покажите, где они?!

—Вот они,— сказали зрячие раненые.

Тогда, надев их на себя, два диска, Сироштан выпрямился.

— Прощайте, браты! Хай живе наша маты Украина! Хай сгине тьма!— И пошел навстречу фашистскому танку.

Он был слепой, но в эту минуту ему суждено было увидеть весь мир. Он вмещался в его молодом, горячем сердце. Под ногами его содрогнулась земля.

Молитесь, матери, молитесь...

На третьей батарее Мусий Загнибеда, Вдовин и Остап Горобец заряжали орудие втроем. У них было уже только три неполных руки. Недригайло работал у орудия один. Прибежал капитан Кравчина и сам стал у третьего орудия.

Танки подходили на десять метров. Земля тряслась, как в лихорадке, и орудия дрожали мелкой дрожью от близости танков, и стреляли танкам в лоб. И танки лопались, как яйца, и разлетались от прямых ударов и внутренних взрывов. И тогда весь орудийный расчет кричал ура, скользя в своей крови и падая — кричал ура, ура, ура!

Но вот кончились последние снаряды. Тогда воины бросились в щели с гранатами, с минами, кто с чем мог. И неприятельские танки стали над их головами.

— Рус, сдавайся!

— Нет, не сдадимся! Не просите!

— Наш фюрер дарует вам жизнь! — громко читали немецкие танкисты слова из своих дурацких книжечек.

— Мы презираем вашу жизнь!

— Долой войну! Мы хотим уже мира!

— Не будет вам мира! Не уйдете живыми!

Тогда танки начали вертеться, как отравленные псы, на одном месте.

КАДР ИЗ КИНОФИЛЬМА «БИТВА ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ УКРАИНУ»
Центральная Украинская студия кинохроники, октябрь 1943 г.
«Обнажите головы, современники великих битв ‹···› Смотрите, ненавидьте, презирайте проклятых убийц наших детей ‹···› Не забывайте и не прощайте ни одной материнской слезы»

Посыпалась земля. Тяжелые гусеницы заскрежетали по стальным каскам бойцов.

— Рус, сдавайся! Союзники обманули вас!

— Сами вы мошенники!

— Вы пленные! Вы наши!

— Враги, враги мы!

— Рабы!

— Никогда! Брешете, собаки!

— Мы сидим у вас на головах!

— Брешете! Вы сидите на минах! — крикнул Запорожец и высунул из-под танка руку с миной.

— Три мины!

Забегали у немцев мурашки по спинам. Впились они в свою дурацкую книжечку. Но не было в книжечке нужных слов.

— Рус, не бойся! — лепетали немцы.

— Не боимся! Всех перебьем, как собак! Всех! — закричал из-под гусеницы раненый Якимаха.— Думаешь, танками задавить народ? Не помогут тебе танки. Нет! Украину пожалел? Пожалел рабов на казацкой земле? Выходи! Выходи, рабовладелец! — закричал Якимаха и, выскочив с миной из-под танка, застучал по танку.

— Выходи, Гитлер! Слышишь?!

Неизвестно чем бы кончилась эта неравная борьба. Может быть, и не хватило бы благородного человеческого духа против немецкого железа, но тут вдруг ударил по немцам подоспевший на выручку полк. Заметались немцы, загалдели‹...›

Истощенные атаками и большими потерями, не выдержали они бурного натиска полка. Кроме того, у них перестало действовать веселящее снадобье, и солдатство, ощутив сильный страх и головную боль, а также убожество своей обнаженности, вдруг пало духом и, забыв о надбавке

гектаров, попятилось, согнулось и скатилось в реку, захлебываясь и топясь целыми кучами.

— Не давайте им остановиться! Не давайте! — кричал Кравчина Орлюку и Вовку Миките.

Забурлила вода в реке, забрызгала червонными брызгами, расступилась, и не успели немцы оглядеться, как уже Орлюк и Вовк Микита выскочили со своими батальонами на другой берег.

Родная земля содрогалась под ними от взрывов снарядов и бомб. Но уже вкатывались в бой новые вражеские силы. Два полка отборных немецких войск навалились с ходу на полк Запорожца. И начался невиданный по страсти удара новый бой.

Какие бились люди! Словно целые столетия несокрушимого упорства и боевых щедрот раскрылись вдруг в Вернигорах, Труховых, Вовках и Якимахах!

Родная земля их отцов и дедов умножила их гнев и силу боевых дерзаний. Они словно вросли в землю и, когда немцы были уже совсем близко, они поднялись, как один, и пошли в атаку против самой середины грозного немецкого вала.

Рыжеголовый молодой немецкий генерал, прославленный своим бесстрашием и крайней жестокостью, пришел в ярость от этого удара. Он быстро повелел зажать полк в железные тиски и уничтожить в прах, чтобы замучить и добить потом раненых, контуженных или схваченных руками. Для этой цели он имел специальный отряд особых людей, видевших наслаждение в человеческих страданиях. Это были мастера смерти, опытные изобретатели жутких увечий и пыток, перед которыми бледнели жестокие средние века.

Кравчина понял маневр рыжеголового, но уже не было ни времени, ни возможностей от него уклониться. И он пошел на невозможное.

— Вперед! Только вперед! Дорожите каждой секундой! — кричал он командирам.— Пробивайтесь вперед и наседайте ему с правого фланга на потылицу!

Никто уже, казалось, не слышал приказа командира. Но, повинуясь ли инстинкту победы или вдохновению военного своего таланта, или просто решив пролить свою кровь на родной земле за самую дорогую цену,— бойцы сделали невозможное. Они пробили немецкий вал с быстротою, неслыханною в битвах, и, выскочив в тыл противника, появились вдруг перед самым штабом рыжеголового.

Это нарушение правил войны так поразило бесстрашного генерала, так грубо попутало все его параграфы и планы и так напугало его, что он еле выскочил из штаба и помчался к первому полку.

Но, как говорится, одна беда не приходит. Уже отступала дивизия. Уже не было штаба в сосновой роще. Не у кого было спросить о происшедшем. Уже пятились из густых кустарников целые подразделения. И откуда-то с юго-запада, с левого фланга, почти с тыла надвигался орудийный ураган.

— Остановитесь! Гальт! — завыл генерал, побледнев от ярости. Ему показалось на мгновение, что он сошел с ума, что мир сместился в его сознании и летит в пропасть.

— Откуда огонь?! Это фальш! Гальт, мерзавцы! Гальт!

Но никто уже не слушал бесстрашного генерала.

— Катюши! Катюши! Спасайтесь! Тод!..

Обезумевшие солдаты бежали, прикрывая головы руками, как от извержения вулкана. Некоторые падали с разгону и лихорадочно ввинчивались в песок, как змеи. Вдруг леденящий душу исполинский свист и шипенье потрясли помутневший воздух. Фантастический рой громадных оранжевых стрел приближался к роще с молниеносной быстротой. Вспых-

нула воздушная мгла, взметнулся до неба сверкающий вихрь, запылал, заклубился и заполнил весь, казалось, мир неизмеримым катастрофическим звуком. Не стало ни сосновых зарослей, ни дивизии, ни бесстрашного рыжеголового генерала. Все сгорело. От генерала остался один железный крест.

Проходила на запад грозная артиллерия. А навстречу ей из порослей лесных мчались уже партизаны.

От тяжести трудов и радости победы и долгожданной встречи с родной армией им казалось в этот чудный ясный вечер, что война уже кончилась и они возвращаются домой навсегда, с победным оружием и гордыми шрамами Великой Отечественной войны.

Множество врагов уничтожили они в глубоких опасных тылах. Много незваных пришельцев нашло себе бесславную и страшную смерть от неумолимой партизанской руки. Но такую кровавую богатую жатву, как при бегстве фронтового врага, они жали впервые три дня и три ночи.

Роман Запорожец с батьком въезжали на родные пожарища. За ними тянулся обоз. Раненые кричали ура на подводах и плакали от радости. Радость возвращалась на землю.

Как величали бойцы артиллеристов Кравчины, этого рассказать невозможно. Они были ранены все, кроме Недригайло и Лободы, которым от этого было даже неловко, и они божились на все стороны, что им так на роду написано, по словам ворóжек. Все им поверили. Все были так счастливы, что забыли о своих ранах. Товарищи бережно несли их на плечах или на руках, радуясь и трогательно улыбаясь.

Они восседали и возлежали на горячих мокрых плечах своих боевых братьев и на многочисленные приветливые их улыбки и вопросы отвечали достойно и скромно.

— А что, очень наседали на вас немцы?

— Да добре наседали, чёрт бы насел на их маму!

— Трудно было?

— Да было и трудно.

— А много вы их тут набили?

— Да до чёрта набили. Гляньте, всюду валяются. Дайте покурить...

— Нате, курите на здоровье.

Вечерело. Бойцы расположились у села на горе над рекою, на старом сельском кладбище. С горы раскрывались далекие родные просторы.

Товарищи сидели после боя, удивленные и нежные, и нежно называли друг друга на вы, и гладили друг друга по голове и по плечам, рассказывая друг другу о далеких родных своих реках и храбрых героях. Некоторые тут же падали на заросшие дедовские могилы и мгновенно засыпали, проваливаясь в сон. И, казалось, во сне еще доигрывали свою страшную игру, жестикулируя и содрогаясь. И глубоко припрятанное страдание вырывалось из их сонных грудей глухими стонами и полыхало на лицах, подобно зарницам не совсем отгремевшей грозы.

Бессмертие народа ощущалось тут, на могилах, в непрерывной смене людских поколений. Тут сидела и лежала, казалось, сама история. На присыпанных свежей землей утратах, среди низеньких холмиков седых далеких прадедов, сидели, опираясь на автоматы, юные гости-герои и рассказывали освобожденным из неволи старшим людям про свои дела. Они читали им величественные ненаписанные книги повествований, каких еще никогда не знал мир и ни один писатель. Они рассказывали о событиях — участники и авторы событий. События были так густо замешены людским мясом, слезами, кровью, криком, стонами, проклятиями, невозвратными потерями, что никто уже ничему не удивлялся. Это был уже новый мир, новая действительность среди старой природы и развалин старых разрушенных хат, в старой землистой одежде, немытая.

Люди представляли собой словно какой-то геологический пласт. Гигантскими катастрофическими силами сдвинуло его со своего места, и неизвестно, остановился ли он на новой основе. Все еще обсыпáлось с него, падало. Вокруг было полно валунов, пыли, щебня, лому — следов катастрофы и запахов бешеных взрывов и трений.

Олеся стояла возле криницы с ведром.

Войска проходили на запад. Пили воду совсем уже по-другому, весело.

— Спасибо, родная!

— Спасибо, серденько!

— Здравствуй, дивчина!

Благодарность и привет и обещание звучали в молодых голосах.

Проходили бойцы. Олеся смотрела вокруг в тревоге. Ей хотелось уже бросить криницу, бежать, искать, спрашивать. Но девичье предчувствие радости не пускало ее от криницы.

— Он придет! Придет Василь! — кричало в ней всё.

И вот он пришел.

Сначала капитан Василь Кравчина подошел к перелазу. Потом быстро, через сад, через сгоревший двор он выбежал на улицу, к кринице. Его уже узнали бойцы. Они начали кричать ему ура!

Олеся оглянулась — Василь!

Это был он и не он. Он был другой. И не потому, что был ранен в голову и руку. Что-то было в нем другое, что-то неизмеримое, непередаваемое.

Она испугалась. Потом она вдруг заплакала, как больная, и поцеловала его в раненую руку.

— Что мы скажем друг другу, Василь?— тихо-тихо промолвила Олеся.

— Скажем: здравствуй, Олеся! — сказал Василь, пораженный ее переменой.

— Здравствуй.

— Какая ты красивая,— сказал Василь тихо и ласково.— Смотри, седая... Ты стала еще красивее. Тебе, видно, горько жилось?

— Я верила. Помнишь? Иногда нет. А ты?

— И я.

— Ты много их убил?

— Множество.

— Я вижу. Ты стал добрый. Больно?

— Нет. Тебе?

— Нет.

Потом они обнялись. Он поцеловал ее руки и лицо. И она.

Потом все произошло, как в сказке. Пришел батько Лаврин, брат Роман, пришел Иван Запорожец, что тоже оказался братом. И хоть все они были ранены, а матери, деда Данила, Савки и Григория совсем не было и хата была сожжена,— стали вместе возле печища и в честь матери запели:

— Ой, піду я до роду гуляти...

Был вечер. И была ночь. А на утро, рано-рано Олеся снова провожала на войну весь свой род, дабы никогда не подумали лихие люди, что не был он щедрым на кровь и огонь, посланные ему позорною историей Европы.

В. ВЕРЕСАЕВ

МУЖЕСТВО

ИСТОРИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

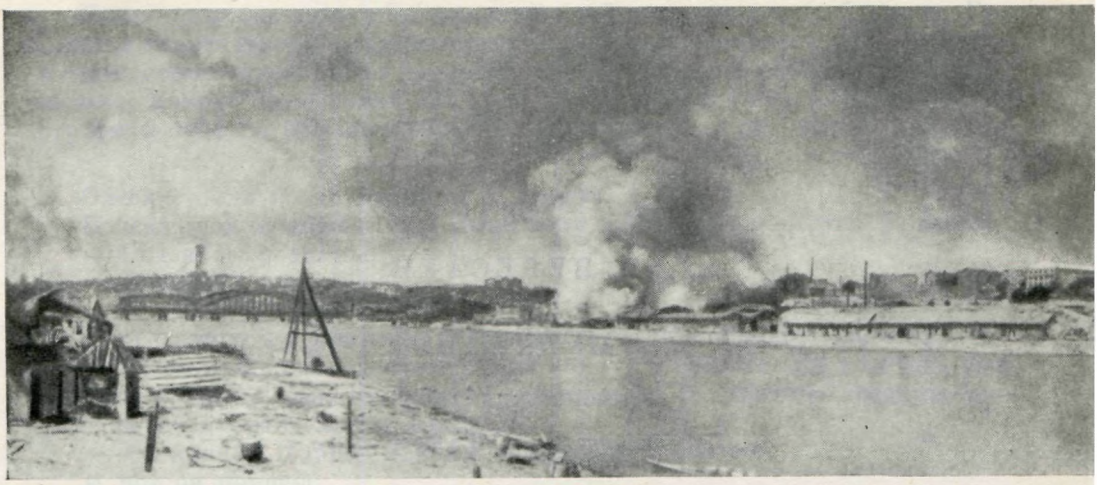
Публикация Ю. У. Бабушкина

Публикуемая ниже статья найдена в личном архиве В. Вересаева, который хранится у племянницы и литературного секретаря писателя — В. М. Нольде. «Мужество» написано не ранее 1941 г., что подтверждается пометкой, предваряющей рукопись: «Обязательное условие — никаких вставок и дополнений без согласия автора. В. Вересаев». Такого рода пометки писатель стал делать после того, как в 1941 г. редакция журнала «Тридцать дней» самовольно выправила его рассказ «Туз». Вероятнее всего статья написана в период между августом 1942 г. и ноябрем 1943 г. У В. М. Нольде сохранилась рукопись нескольких «Невыдуманных рассказов», созданных именно тогда в Тбилиси, Боржоми, Цхалтубо, где писатель находился в эвакуации. Почерк, чернила, бумага рукописи этих рассказов и рукописи «Мужества» идентичны.

Во всяком случае статья несомненно тесно связана с публицистикой писателя периода Великой Отечественной войны, когда он, приближавшийся к своему восьмидесятилетию, все же активно работал в печати, выступал перед бойцами. Деятельность писателя в те годы была отмечена правительством Грузинской ССР, которое представило его к награждению медалью «За оборону Кавказа».

Было это в III веке до нашей эры. Отношения между двумя тогдашними могущественнейшими державами мира — Римом и Карфагеном — становились все напряженнее. Разразилась Вторая Пуническая война. Гениальный карфагенский вождь Ганнибал, находившийся в Испании, совсем своим войском — с пехотой, кавалерией и боевыми слонами — двинулся на Рим, с поразительным искусством и смелостью перешел через Альпы и внезапно появился в северной Италии.

Ганнибал разбил римлян подряд в нескольких битвах. Рим охвачен был паникой. Там боролись две партии, аристократы и демократы. Командование армией поручено было двум консулам — демократу Варрону и аристократу Луцию Эмилию Павлу. Решительная встреча с Ганнибалом произошла в Апулии при местечке Канны. Римская армия была многочисленнее карфагенской, но находилась под командованием двух мало даровитых вождей, державшихся различных тактических приемов и враждовавших друг с другом. Против них был один из гениальнейших и решительнейших полководцев мира, открытая местность благоприятствовала действиям конницы, составлявшей главную силу карфагенян. Разгром был полный. Половина римской армии легла на поле боя, четверть попала в плен, остальные разбежались. Риму приходил конец. Однако у римлян оставался главный и всегдашний залог победы — непоко-



СТАЛИНГРАД
Фотография В. А. Темина,
Собрание Д. И. Ортенберга.

лебимое мужество, не падающее духом в самом, казалось бы, безнадежном положении, «безумство храбрых», презрительно отметающее робкие шёпоты и трусливые предсказания. С огромным напряжением сил была набрана новая армия. Между тем Ганнибал быстрым маршем двинулся на Рим. Пронесся зловещий клич:

— Ганнибал у ворот!

Историк Аппиан рассказывает: «Вдруг перед городом предстала огромная военная сила, руководимая полководцем, храбрость которого делала его непобедимым. Все способные носить оружие встали на защиту ворот, старые солдаты поспешили на стены, женщины и дети приносили камни и орудия. Жалобы и молитвы сменились криками бодрости»[1].

Взять Рим Ганнибал не смог. Постепенно военное счастье стало переходить на сторону Рима. Римляне перенесли войну в Испанию. Полководец Сципион высадился с войском в Африке, разбил Ганнибала при Заме и пошел на Карфаген. Война закончилась полною победою Рима.

1793 год. В Париже был казнен король Людовик XVI. Весь старый мир ополчился на революционную Францию. Англия, Австрия, Пруссия, Россия, Испания и итальянские государства со всех сторон двинулись на Францию. Английский флот блокировал берега и отрезал подвоз продовольствия. Крупнейшие южные города Франции—Бордо, Лион, Тулон — находились во власти контрреволюционеров. Начиналось грозное восстание в Вандее, где фанатическое, темное крестьянство поднялось на защиту феодалов и церкви. На фронтах многие генералы были ненадежны и тайно держали руку врагов.

В этом почти безнадежном для революции положении Национальный конвент обнаружил бешеную энергию. Отражая настроение всей революционной Франции, он писал в декрете: «Французский народ объявляет, что он всей своей массой поднимется для защиты свободы и для освобождения своей страны от врагов. До тех пор, пока неприятель не будет прогнан, все французы готовы нести военную службу в армии. Молодежь пойдет в битвы, пожилые люди будут ковать оружие и заботиться о про-

В ОГНЕ
сентябрь 1942 г.
Москва

довольствии, женщины будут работать в госпиталях и приготовлять одежду, дети станут щипать корпию»[2]. Конвент вдохнул свою страстную энергию во всю Францию. Больше миллиона бойцов стеклось под знамена, было образовано четырнадцать армий. Во главе их стал гениальный полководец Карно — «организатор победы». Беспорядочные толпы массового ополчения Карно сумел превратить в стройные, прекрасно вооруженные армии. Войска, охваченные единым порывом любви к родине и свободе, дрались с врагами, не справляясь об их численности, и обращали их в бегство. Старые ветераны союзнических войск с ужасом признавались, что никогда еще не видали столь ярого врага. На всех границах интервенты отступили. Франция была спасена.

1919 год. У многих людей, более пожилых, он еще в памяти. Более молодые хорошо и подробно его знают по «Истории ВКП(б)». Со всех границ на Советскую Россию рвались интервенты. Север был в руках англичан, Владивосток и Приморье — в руках японцев. Объявлена была блокада России, все пути сообщения с внешним миром были отрезаны. Повсюду таилось предательство, пылали контрреволюционные восстания. Вся Украина была под властью генерала Деникина, он взял Орел и подходил к Туле. Генерал Юденич наступал на Петроград. Города голодали, состоятельное крестьянство прятало продовольствие. Транспорт был совершенно расстроен, Красная Армия была неорганизованна, боевых припасов не хватало.

В «Истории ВКП(б)» читаем: «Никто не верил в победу Советской власти. Все видные писатели, знатоки военного дела, историки революций всех стран и народов — все в один голос кричали, что дни Советской власти сочтены, что поражение Советской власти неотвратимо»[3].

Однако революционный энтузиазм, ни перед чем не останавливающееся мужество, неослабная энергия опрокинули все препятствия. Случилось, как писал Ленин, «чудо». Советская Россия победила.

Обывательская робость при каждом сколько-нибудь серьезном положении растерянно шепчет:

— Надежды нет! Все пропало!

Мужество, творящее историю, не знает чувства безнадежности. Оно смело идет даже на невозможное — и достигает своего, и, по чудесному выражению Ф. А. Ланге, «требованием невозможного срывает действительность с ее петель»[4].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Аппиан* (конец I в.— 70-е годы II в.) — историк. В. Вересаев цитирует его знаменитую «Историю Рима».

[2] См. декрет от 23 августа 1793 г. в сборнике документов и материалов «Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792—1794)». М., изд-во Коммунистической академии, 1927, стр. 323.

[3] «История ВКП(б). Краткий курс». М., Госполитиздат, 1955, стр. 232.

[4] Фридрих Альберт *Ланге* (1828—1875) — немецкий философ, неокантианец. См. Ф. А. Л а н г е. История материализма и критика его значения в настоящем, т. II. Киев — Харьков, 1900, стр. 341.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

НОЧЬ В БЕРХТЕСГАДЕНЕ

НЕОКОНЧЕННЫЙ ПАМФЛЕТ

От автора

В осажденном Ленинграде, в суровых условиях очень холодной зимы, перенося неимоверные лишения, ленинградцы в городе и на фронте с тревогой следили за ходом немецкого наступления на Москву. Так как сводки Информбюро были очень сдержанны, то только по названию мест, захваченных сражением, можно было судить, как фронт неудержимо приближается к столице.

Нам известны были громкие реляции фашистского командования и людоедский приказ Гитлера об уничтожении Москвы и всего населения города, хвастливые заявления Гитлера, что теперь не время Наполеона, что воюют техникой и фашистская армия не будет иметь судьбы наполеоновской армии, что Наполеон против Гитлера ничего не стоит. В то же время Гитлер пытался подражать Наполеону. Еще начиная войну 22 июня 1941 г., Гитлер отдал приказ, явно напоминавший обращение к войскам Наполеона, подписанное тоже 22 июня. Через два дня, 24 июня 1812 г., Наполеон наблюдал за переправой своих войск через Неман. Армии Гитлера начали переправу через Буг почти в тот же день, 129 лет спустя.

Как Наполеон, так и Гитлер обещал солдатам отдать на разграбление Москву.

Нельзя описать радость, когда весть о разгроме фашистских войск под Москвой достигла Ленинграда. Эта историческая победа сразу подняла дух в войсках на фронте и у населения города. Бои ширились, разгром продолжался, и скоро стало ясно, что Гитлер потерпел решительное поражение и что с блицкригом кончено.

Очень захотелось написать острый памфлет против соперника Наполеона, пытавшегося превзойти французского завоевателя. Мне были по некоторым материалам известны факты, связанные с резиденцией фюрера — Берхтесгаденом, и я, не откладывая в долгий ящик этой темы, начал писать по разработанному плану памфлет.

Был составлен конспект. Пользуясь немногими часами свободного времени, я писал сначала довольно быстро. Выходило, что получится отдельная брошюра, но потом военные задания другого рода прервали эту работу, и я долго не мог к ней вернуться.

Я думал, что выберу время и окончу наполовину завершенный памфлет. Но так и не смог его окончить, а потом события оттеснили эту тему, я уже не возвращался к памфлету, и он, частью написанный, частью в набросках, остался лежать в моем архиве.

Конечно, на памфлете «Ночь в Берхтесгадене» лежит печать времени, когда он был написан. Это сказалось, в частности, в характеристике немецкого народа как целиком развращенного Гитлером. Теперь о многом мы знаем больше, чем тогда, мы знаем, что лучшие сыны и дочери немецкого народа не примирялись покорно с бесчеловечным фашистским режимом. Они участвовали в подпольной борьбе против него, в движении Сопротивления; они стремились срывать работу военных предприятий, совершая, как говорили гитлеровцы, акты саботажа; они томились и погибали в концентрационных лагерях, не отрекаясь от своих убеждений. Им

удалось внести и свой вклад в борьбу прогрессивного человечества против гитлеризма, и их имена не забыты теперь, они вспоминаются с уважением в Германской Демократической Республике.

Однако, думается, что в целом памфлет и сегодня не потерял своего значения в обстановке оживления и усиления милитаристских и реваншистских настроений в ФРГ, в условиях активизации реакционных сил в других странах. Именно поэтому я счел возможным предложить это незаконченное произведение редакции «Литературного наследства» для тома, посвященного истории литературы военных лет.

1964

1

В зверинце, состоящем из отборных фашистских зверей, называемом рейхстагом, Гитлер произнес речь, вернувшись с Восточного фронта. Произнес — это не то слово. Он плевал бешеной слюной, он орал, как никогда, он хрипел, как испорченный громкоговоритель. Его искусственно сделанные горловые связки надорвались от хрипа.

Гитлер нападал на Рузвельта, осыпая его площадной бранью, под рев разъяренных и растерявшихся фашистов. Он кричал о том, что «Япония пресытилась переговорами и взялась за оружие», он кричал истошно о том, что «на Восточном фронте наступила неожиданно зима и что климатические условия мешают планам» и больше не будет никаких наступлений, пришла пора защищать отвоеванное с великим трудом. Он жаловался, что его солдаты ужасно мучаются от холода, что вши заедают их, что они покрыты коростой от грязи и тонут в крови, что у русских слишком много оружия, что русские — это ни на что не похоже — не хотят сдаваться и что воевать с ними стало очень трудно.

Он ругался, угрожал, объяснял, увещевал, призывал к жертвам и совершенно без голоса уехал в Берхтесгаден. Это был черный день Гитлера. За днем наступила черная ночь. Его хриплый лай не убедил даже фашистов. Это он понял. Случилось что-то непоправимое.

Берхтесгаден — его резиденция, далекая от тревожного шума Берлина, от боевых полей России. Ему надо было успокоиться, прийти в себя и подумать о жизни. Вождь явно выдохся.

Над Берхтесгаденом ночь. В огромные окна мерцают снежные выси Баварских Альп. Они зло напоминают ему о том, что делается там далеко, под неприступной Москвой. Об этом он не посмел сказать в своем рейхстаге. Там на всех дорогах застыли брошенные в бегстве тысячи машин, тысячи орудий, в сугробах торчат танки и броневики, на брошенных аэродромах мерзнут самолеты без бензина, высятся горы оставленных снарядов и мин, лежит вся его прославленная техника. Небо озаряется русскими победными выстрелами.

Он кричал в Берлине, что наступление зимы может помешать немецкому продвижению!

Какому продвижению?! Он не смел сказать открыто то, о чем говорит весь свет. Десятки разбитых в дым дивизий бегут назад — на запад, бегут, бросая оружие, переодеваясь в бабьи платки и шубенки, в армяки, снятые с убитых русских крестьян, и в полушубки, подобранные с пленных, бегут, колотя замерзшими руками о впалые бока, бегут пьяные, с вытаращенными от страха глазами. Продвижение! Да, они продвигаются быстро — они бегут налегке, бросая оружие. Все его прославленные «викинги», «оленьи головы», «витязи Германии» и даже полк, который называется «Адольф Гитлер». Они проходили хорошую спортивную подготовку — они бегут резво.

Ноги замерзших торчат из снега, страшные синие морды заметает вьюга, грязные немецкие руки тянутся к серому холодному небу, как бы насмешливо приветствуя фюрера своим замогильным жестом.

Н. С. ТИХОНОВ В ОСАЖДЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Фотография, 1942

Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

Армия «мирового гангстера» ищет зимние квартиры не по тому адресу, который он ей указал. Вместо теплых постелей — сугробы, вместо московских богатств — черный сухарь в кармане, вместо жирной жратвы — замерзшая кровь на морде.

Он говорил им: нет правды, все позволено. Мне нужны люди с крепкими кулаками, которых не останавливают принципы, когда надо укокошить кого-нибудь. И если они сопрут при случае часы или драгоценности — плевать мне на это...

Он никогда не ошибался, он не может ошибаться. Его слово это всё, его воля это всё. Ведь он Наполеон!

Что такое Наполеон? Когда гитлеровская армия выжигала Литву и Белоруссию, он приказал написать специальную листовку о том, что Наполеону не снилась такая техника, какая у него, что Наполеон воевал отстало, что путь на Москву уже открыт, русская армия, ее самолеты и танки уничтожены и что эта война на востоке просто хорошая военная прогулка, укрепляющая здоровье воинов, тренировка перед завоеванием остального мира.

Получилось лихо и в его духе. Разве его армия — армия корсиканца? У Наполеона была какая-то непонятная молодежь, для которой он открывал какие-то средние и высшие школы! Это глупо! Гитлер учил молодежь Германии только тому, что пригодится в жизни: стрелять, не рассуждать, маршировать, убивать и грабить. Больше им ничего не надо.

Он поднял на недосягаемую высоту «нового немецкого духа» серую массу лавочников, служащих, маленьких чиновников, мясников, торговцев краденым, разорившихся рантье, безработных офицеров, сутенеров, уличных воров, бродяг и авантюристов. Они все жадно хотели разбогатеть дома, веря в фашистскую революцию, о которой день и ночь трубил Гитлер, идя к власти.

Но он их повел на мировой грабеж. Это величественней. Он отдал им на расправу старые земли Европы, ее богатства, ее вина, ее женщин, ее города. Он заранее дарил им земли России, он вел их как помещиков, и во сне они видели себя окруженными восточной роскошью, рабыни толпились вокруг них и рабы обрабатывали необозримые поля, по которым они носились в танках или объезжали их с бичом в руке, чтобы подгонять нерадивых. Дивный сон немецкого обывателя!

До этого разве мог дойти Наполеон! Что он перед мелким немецким буржуа, который мечтает о мировой власти, что он со всеми своими мечтами о всесветной империи перед взбесившимся немецким колбасником, перед жестоким, хладнокровным убийцей и насильником с вытаращенными глазами и безумным криком: война — это я!

...Гитлер ходит нервными шагами по тихим пушистым коврам роскошного ночного дворца. Он сейчас не крякает и не сплевывает поминутно, как это он делает на людях. Обыватель должен подражать привычкам великого. Но великий должен иметь привычки. И он, выступая, всегда крякает и плюется во все стороны, чтобы каждый немец мог, сплевывая и крякая, считать себя в интимной духовной близости с самим фюрером. Но сейчас ему не до этого.

Почему же не вышло под Москвой? Почему они бегут? Что делать? Загадочный восточный мираж, погубивший Наполеона, снова действует с неслыханной силой. Все гораздо проще. Русские — это он может сказать себе — разгромили его лучшие войска, вот и всё. Они в свое время разгромили и Наполеона. Наполеон! Это сотни выигранных сражений, вся жизнь — битвы и штурмы. Треугольная шляпа и серый сюртук в дыму сражений. Миллезимо, Абукир, пирамиды, Маренго, Аустерлиц, Иена, Фридланд, Ваграм... Отчаянная храбрость, непобедимое геройство... Гитлер вспоминает нечто другое: тяжелый летний день первой

мировой войны. Он, крадучись, бежит через австрийскую границу и бродит по Мюнхену, укрывается в темных уголках, отсиживается в пивнушках и прячется у знакомых. Это Гитлер скрывается от воинской повинности. Это начало его военной карьеры.

Война все же настигает его, ставя между судом и казармой. Он вынужден пойти в казарму, называя себя добровольцем. Война делает из него серого, покорного, незаметного и никому не известного солдата. Это его боевое поприще. Из мясорубки войны вырывается жалкая больная фигура, не выдержавшая испытания, маленький человек, обросший грязью, вшами, глотнувший французского газа, обыватель, ничего общего не имеющий с военной наукой и военной славой, маленький человечек, сбитый с толку большими событиями. Что ему делать? Он с лычкой ефрейтора, и поэтому начальство за его преданность и лакейство дарует ему небольшую службишку со скромным заработком.

Грязный и больной, с дергающимся лицом, застывшими глазами лунатика, пожирающими начальство, он ходит подслушивать, что говорят солдаты и рабочие на своих собраниях. Этот кусок хлеба называется хлебом шпиона, шпика. Это не похоже на пирамиды или на гремящее поле Ваграма.

Гремят только пивные кружки, и в дыму дешевых сигар рождается мысль, неотступная и навязчивая: почему он должен пресмыкаться, когда на его глазах спекулянты и его начальники обжираются, богатеют, имеют деньги, любовниц, дома́ и всё могут. Он мечтает: я буду таким, я буду иметь всё, что они, я им покажу, я их растопчу, я хочу повелевать, убивать, грабить, я весь мир скручу в своем кулаке. Я им покажу всем. К чёрту! Я хочу власти, я найду таких же, как я, и мы пойдем напролом.

Зимний холодный день. Мюнхен затаился, закрыл окна ставнями и молчит, как сфинкс. В этот день в городе происходит путч. Гитлер хочет взять власть. С ним несколько озлобленных генералов и немного всякой сволочи. Раздается залп.

Полицейский отряд разгоняет гитлеровскую банду. Гитлер не выносит, когда по нем стреляют. Он бросается на мостовую и ползает по ней, пока его не подбирают в автомобиль и поспешно не увозят с поля боя. Это не похоже на Аркольский мост.

Чёрт с ним с Наполеоном и его безумной храбростью. Он трус, но когда он придет к власти, он заставит самых храбрых дрожать перед собой. Он трус, что из этого. Это от бога. Это неисправимо. Он трус до мозга костей. Он трус даже в мирной обстановке. С этим ничего не поделаешь.

Наполеон выдумал Фонтенебло, тихий уголок с цветами и аллеями, где он бродил, отдыхая от грохота постоянных войн.

Что́ понимал Наполеон в вопросе, который подробно разработал Гитлер? Вот он сейчас отдыхает в тихом, уединенном Берхтесгадене. Какая чудная, тихая ночь, какая тишина гор в окне. Здесь безопасность — это правда. Еще бы, все дороги и тропы Берхтесгадена минированы, все укромные места полны пулеметных гнезд, часовые всюду, двери всех комнат снабжены особой сигнализацией, которая сообщит немедленно о всяком проникшем в дом, на столе у Гитлера целый угол полон белых кнопок. Если нажать кнопку с номером любой комнаты, эта комната автоматически закроется и превратится в камеру, откуда нет выхода, если нажать большую красную кнопку, все помещения, кроме того, где находится сам Гитлер, наполнятся слезоточивым газом, сигнализация при входе в гитлеровский кабинет сейчас же сообщит, если порог приемной переступил человек с металлическим предметом в кармане — кинжалом или револьвером.

Это сбережение величайшего в мире труса от всякой опасности покушения. Еще бы, жизнь величайшего фюрера, представителя касты выс-

ших бандитов, князя гангстеров всего мира должна же оберегаться. Его хаза, т. е. дворец в Берхтесгадене,— самая лучшая в мире бандитская штаб-квартира. Это Аль-Капоне мирового масштаба.

Иногда он странно толстеет, выезжая из дому. Из-под пиджака виден край какой-то толстой рубашки. Это особый тонкий стальной панцирь, совсем как у американского гангстера, идущего сводить счеты с соперником. Такой панцирь он надевал, когда ехал ликвидировать своих вождей черной гвардии — штурмовых фюреров: Рема, Гейнеса, Эрнста.

У него на службе три двойника. Им платят хорошие деньги за то, чтобы они появлялись за него и раскланивались с публикой. Они даже принимают мелкие парады и ездят в театр. Один из них насобачился подражать лаю фюрера и может говорить за Гитлера короткие речи, состоящие из выкриков.

На крайний случай во дворце есть подземный ход, ведущий к фантастическому замку на горе Келштейн. Туда можно удрать в самом крайнем случае.

Почему не говорить воинственных речей трусу. Наоборот, его хлебом не корми, дай ему орать о войне. Это его стихия. Он же сделал своей программой: война — это я! Он вверг в войну всю Европу, он мечтает весь мир залить кровью. Он обожает воспевать кровь в своих речах: «Кровь сильнее бумажных документов. Что написано чернилами, может быть в один день уничтожено кровью. Кровь — источник вдохновения воина!» Так не раз кричал он на весь мир: кровь — это прекрасно!

Он слушает детскую песенку, введенную в школах по его повелению Звонкие детские голоса поют:

Когда дождит головами французов
И русских, и польскими в Польше —
Мы просим у бога: наш миленький бог,
Пусть эта погода продлится подольше!

Какая милая песенка! — восклицает он.

А сам он боится крови до тошноты. Наполеон был отважен. Под Тулоном под ним убили трех лошадей, в итальянской кампании — трех, при осаде Сен-Жак д'Акра — четырех. В сражении при Регенсбурге пуля попала ему в пятку, когда он садился на коня, при Долингене пуля пробила левый сапог и оцарапала ногу. Ядра запросто свистели вокруг него. На Аркольском мосту он схватил знамя из рук убитого знаменщика и повел в атаку солдат через мост, заваленный убитыми и ранеными. О полководце Наполеон говорил: надобно, чтобы ум его был всегда в равновесии с храбростью... Хорошо сказано, но откуда брать храбрость, если ее нет. Хорошо было Наполеону приказывать при отступлении в пустыне, чтобы всех раненых везли в повозках и экипажах и чтобы всех лошадей отдали под них. А когда адъютант спросил, какую лошадь оставить для главнокомандующего, Наполеон ударил его хлыстом и закричал: всем идти пешком! Я первый пойду! Что, вы не знаете приказа? Вон!

Хорошо было ему, храбрецу, стоять часами в злосчастный день 8 февраля 1807 года на кладбище близ Прейсиш-Эйлау под русскими пулями и ядрами, ломавшими ветви над его головой, чтобы вселять мужество и уверенность в своих солдат.

...Под русскими пулями, чтобы вселить уверенность,— нет Гитлер не годится для этого. Пусть его дураки вязнут в глубоких снегах России, он не будет идти с ними и вдохновлять их даже в тылу. Ему хорошо в теплом, уютном Берхтесгадене, а то, что они не сумели разбить русских, а сами разбиты — это их дело. Пускай выбираются, как знают.

У него хорошая память, и он помнит из популярных книжек, что такое переправа через Березину. Наполеон тоже имел знаменитую память,

«НАПОЛЕОН ПОТЕРПЕЛ ПОРАЖЕНИЕ...»
Плакат Кукрыниксов. «Искусство», М., 1941
Центральный музей Вооруженных Сил СССР, Москва

несколько отличную от его, гитлеровской. Наполеон знал все полки, все имена людей, все лица их, если он однажды имел с ними дело.

Когда ему раз дали счет на сапоги для одного полка, он вспомнил, что несколько лет тому назад была другая цифра. Он знал, где стоит у него какая батарея. Беспощадная память Наполеона — такая память не нужна Гитлеру, она просто опасна. Он, заболтавшись о параде своих фашистов 7 ноября на Красной площади в Москве и подробно сосредоточив на нем свое внимание, забыл о маленькой детали: одеть по-зимнему свою разбойничью армию. Он забыл, что после ноября идет декабрь. Зима дохнула ему в лицо таким ледяным дыханием, что у него дыханье сперло. Как! Разве должна быть зима — уже, так скоро?

Он хотел победить самое время — так написали бы о нем его льстивые борзописцы, если бы он пришел в Москву. Но он не пришел, и что делать дальше, он не знает. Его хваленые завоеватели мира похожи на старых баб, закутанных в отрепья и посиневших от холода. Вши валятся с них, как с бродяг, забывших о пище и крове.

А этот осел с подержанной физиономией и вывороченной ступней, этот неполноценный ариец с языком змеи, живущей в сточных трубах, этот идиот Геббельс утешает его тем, что он написал про бегство немцев, что «если немецкая армия оставила несколько грязных лачуг, неудобных для жилья, то это не значит, что она отступает». Она ночует в поле, оставив такие лачуги, как Ростов и Клин, Калинин и Тихвин, Волоколамск и Елец, может быть, тут схватиться за наполеоновское средство. Он, уходя от Москвы, распространял листовку, в которой писал, что это не отступление, а начало наступления на Петербург через Смоленск. Но и под Ленинградом сейчас немцам жарко.

Может быть, действительно все же так написать. За окном дворца синяя баварская ночь. Ярко сияют звезды над белоснежными горами. Немецкий убийца из обывателей по имени Шикльгрубер, по кличке Гитлер, ведущий к пропасти ослепший и развращенный немецкий народ, бегает по пустым комнатам, и сон не идет к нему.

Он боится закрыть глаза. Он увидит огромные белые равнины, залитые потоками немецкой крови, а он боится крови. Еще бы, он такой нежный. Все настоящие палачи такие деликатные натуры.

А он настоящий палач. Недаром он говорил в свое время: когда мы придем к власти — головы покатятся по мостовой...

И головы покатились. И головы всё еще катятся. И они будут катиться, пока не дойдет дело до его головы, головы трусливого и кровожадного фюрера.

2

А что думает обо всем этом немецкий народ? Плевал он на немецкий народ. Это Наполеон мог издавать кодекс законов, еще и сейчас пользующийся хождением во многих странах, это Наполеон мог сказать о себе: да, я горд, потому что храбр. Я горд, потому что совершил много великого для французского народа. Меня можно убить, но не обесчестить. Мои каналы, дороги, гавани, укрепления, мосты, здания передадут мое имя в потомство точно так же, как и блистательнейшие победы. Если б судьба даровала мне несколько лет мира, то я бы сделал из Парижа столицу всего света, из Франции — настоящий роман...

Гитлер может сказать: я сделал больше. Я разрушил всё, что построили другие. Я покрыл Европу развалинами. Это делают мои немцы, у которых я отнял все законы. Чем давать новые,— проще упразднить все старые. Мы варвары и мы хотим быть варварами. Это почетное звание. Современный мир подходит к концу. Нашей же единственной задачей является разрушение этого мира...

Образовывать народ? Зачем? Мы предоставляем огромной массе низших классов благо неграмотности. Чем ниже культурный уровень рабочего класса и всего народа, тем больше у нас шансов удержать власть. Мы всех сделаем солдатами — и горбатых, и хромых, и одноглазых. А кто не может держать оружие,— тех мы просто отравим — и дело с концом!

Может быть, Гитлер не успел в этом? Он вспоминает демонстрации, парады, погромы, драки, грабежи, зверства,— нет, он успел несомненно, он хорошо успел в этом нехитром деле, он может топорщить свои короткие усы от гордости.

Честные немецкие крестьяне стали бесчестными, жадными, грубыми, стали убийцами, ворами, азартными игроками в карты, растлителями, негодяями...

Честные немецкие рабочие разложены, обмануты, ослеплены, с ними можно не стесняться. Их можно вести куда угодно, им можно замазать рот и завязать глаза, наполнить их уши вздором об олигархии англичан, о дикости и жестокости русских. Часть из рабочих соблазнилась легкой наживой, сама стала грабить и убивать не без удовольствия, хапать в завоеванных странах все, что нравится...

Немцы сделались непохожими на другие народы. Ничего духовного у них нет больше в натуре. Кончено с добрыми чувствами, кончено с совестью, кончено с пресловутой немецкой честностью, со всеми моральными запросами. Наступило чудное царство посредственности, жвачки, случки, драки и обогащения за счет слабейших.

Вот оно, гитлеровское царство всемирных покорителей. Двуногие, не рассуждающие, но умеющие летать, плавать, стрелять из автоматов, ездить на танках и резать стариков, детей и женщин. Женщин! Немецкие садические убийцы-одиночки мирного времени просто дети против того массового убийства женщин и девушек, которое возведено в систему. Убить не просто, насильник еще издевается над своей жертвой. Насильника сменяет убийца, и концы в воду. И, главное, можно убивать без кон-

«НЕ ТАК СТРАШЕН ЧЁРТ, КАК ЕГО МАЛЮЮТ»
Карикатура на Гитлера и Геббельса
Рисунок Кукрыниксов (акварель, тушь, перо), 1942
Третьяковская галерея, Москва

ца этих славянских женщин, ведь сам фюрер сказал, что нужно прекратить рождаемость славянских народов!

Отныне немцы будут сражаться, а все знатные баре с фамилиями на «г» — Гитлер, Геринг, Гиммлер, Геббельс и другие — будут направлять их туда, куда им заблагорассудится. И все это только начало. Дальше будет совсем прекрасная жизнь. Никакой законности, никакой ответственности, одна своя рука владыка, бей, грабь, режь — никакой пощады никому. Так сказал фюрер!

Что́ Наполеон с его жалким проектом похода в Индию через Каспийские степи, проектом, который вынашивался годами и так и не дождался исполнения. Уже сейчас немец кромсает Европу, завтра он будет кромсать весь мир! А народ? Народы будут вырезаны!

Уже приступлено к этому опыту в больших масштабах и в Западной Европе и в России, и он проходит в иных местах успешно. Если голодом, пулями, виселицами работать несколько лет подряд, не останется ни одного поляка, ни одного грека, югослава, да и русских и французов поубавится.

Так мечтает Гитлер в Берхтесгадене, когда ему не спится. Но ему не спится, потому что он вспотел от странной и неожиданной мысли: а если это не удастся, а если немцы, отступающие от Москвы, больше не остано-

вятся, если они не могут более «побеждать» и все его хриплые речи не вдохнут в них победный дух, если они уже устали до смерти побеждать — что тогда?

Он хватает со стола доклады, приготовленные ему с вечера, о состоянии умов на фронте и в тылу. Он знает, что в соседней комнате ждет Гиммлер. Гиммлер сидит уже два часа, бледный, как вампир с накрашенными губами, и ждет новых приказаний, новой крови. Гитлер — палач, орущий на весь мир о казнях, Гиммлер молчалив, как застенок. У него только одна странность — это цифра «три». Он не может пройти мимо этой цифры равнодушно. Это его болезненная мания. Он должен есть за столом три яблока, три картофелины, иметь при себе три носовых платка, вызывать трех сотрудников, хотя ему нужен только один, убивать трех, когда ему нужно убить только одного. Суеверие обязывает.

Нет, это не Фуше Наполеона. Это убийца по призванию. Он не нуждается в пышном титуле герцога или графа. Он пьет за завтраком три стакана бычьей крови. Он не любит рекламу. Он любит мрак и тишину, все, что отдает кровью и могилой. Он ждет, пока Гитлер читает сводки о состоянии умов. Солдаты пишут домой с Восточного фронта чёрт знает что. Можно подумать, что у этих автоматов появились проблески человеческих мыслей, какие-то кусочки ощущений, какие-то намеки на униженное человеческое достоинство.

Они пишут о том, что им страшно тяжело и просто страшно в лесах и сугробах, под дождем русских снарядов и пуль. Они пишут, что им нечего жрать, что они не знают, когда это кончится, что им надоело, да, да, там так и пишется: им надоело воевать, им не победить Россию, «она бесконечна». Они хотят домой, у них отморожены руки и ноги, их день и ночь грызут вши, как будто чужая земля грызет их за все их преступления, они видят, что все погибнут и русские всех прикончат, всех, кто уцелел от мороза и бегства...

Что? Гитлер хватает свое автоматическое перо, украшенное свастикой, подарок одного итальянского идиота, и пишет: немедленно прекратить всякую переписку фронта с Германией, немедленно запретить отпуска, немедленно позвать Гиммлера.

И Гиммлер входит тяжелым шагом палача. Он садится и протягивает папку с отчетом о настроении умов в тылу. Гитлер чувствует, как холодный пот выступает у него на лбу. Кругом голод, нищета, недовольство. Женщины прорвались на вокзал к раненым и увидели, что они в грязи и не похожи на людей. Произошли бурные сцены. Женщины разнесли рынок. Женщины легли на рельсы, чтобы остановить воинский эшелон. Их расстреливали из пулеметов. Растут самоубийства, растет голодная смерть, растут недовольные, говорят, что Германия не выиграет войну, что приближается восемнадцатый год, что не надо было начинать войну с Россией; говорят, что на Восточном фронте гигантские потери, что немцы разбиты русскими и бегут, бросая танки, орудия, оружие. Говорят, что... Довольно!

Он встает. Гиммлер встает. Гитлер глядит в гиммлеровские глаза садиста, которому он сейчас подарит еще тысячи новых жертв, и говорит своим лающим голосом: «Кто попытается нарушить наш внутренний фронт, всюду, где бы ни было, тут в Германии, в Париже, в Польше, всюду — тот поплатится жизнью, наш ответ на все эти попытки — смерть!»

Он не знал, что в это время встретились в русском поле бежавшие с разных сторон два эсэсовца из дивизии, носящей название «Адольф Гитлер». Они упали в снег, обессиленные, изъеденные вшами, закутанные в женские платки. Они умирали не с криком: «хайль Гитлер!» Нет, они сказали совсем другое. Они сказали: «пусть будет трижды и четырежды проклят Гитлер, затащивший их сюда!»

3

Ночь Берхтесгадена длится. Над всей Европой коричневая ночь фашизма. За синей далью снежных Баварских Альп лежат всюду страны, где этой ночью убивают немецких часовых, поджигают склады, взрывают эшелоны, портят станки, портят сделанное на заводах вооружение и машины. Народы не хотят быть уничтоженными. Народы хотят уничтожить Гитлера.

Они знают его слова, они их хорошо запомнили: нужно уничтожить двадцать миллионов человек. Надо любыми средствами добиваться, чтобы мир был завоеван немцами.

Бездарный полководец и тупой убийца! Ты хочешь сравняться с великим Наполеоном на поле боя. Но Наполеон писал в приказе по своей армии: «Друзья! Я обещаю вам победы, но с условием, которое вы должны поклясться исполнить: уважайте народы, вами покоряемые, и не осмеливайтесь дозволять себе ни малейшего насилия с побежденными. Если вы нарушите это условие, то будете не что иное, как варвары, бичи народов, и отечество ваше не признает вас своими сынами. Иначе вы потеряете всё, даже честь и славу...»

Нет, эти слова ничего не скажут жестокому, зажравшемуся выскочке, мещанину из пивнушки, пробившемуся к теплому местечку.

Берхтесгаден — уютное местечко. Это приют бандитов, с отдельными кабинетами и подземельем для пыток. Здесь можно по-разбойничьи пировать и здесь можно отправлять провинившихся на тот свет, не выходя из дому. Это гнездо врагов демократических свобод, гнездо средневековой реакции и черносотенных погромов.

В таком черном гнезде должен быть свой Распутин. И он является к Гитлеру всегда, когда тот нуждается в помощи высших сил. Что же это за высшие силы? Как старая немецкая кухарка, Гитлер верит в колдовство, в заговоры, в заклинания. Вокруг знатного негодяя всегда поселяются прохвосты. Таким прохвостом, прожженным и ловким, мрачно замаскированным под астролога, является некто по имени Оссиетц. Он давно прижился в Берхтесгадене. Он показывается не всем. Он живет как темная сила, прячась в глубине дворца, так как его ремесло заклинателя требует таинственности. Он внушил Гитлеру, что все его бандитские цели исполнятся. Про Оссиетца запрещено писать в газетах, чтобы не сглазить его предсказаний. О нем запрещено говорить во дворце.

Только самые ближайшие к Гитлеру бандиты знакомы с ним. Он молчалив и чванлив. Это Распутин современной Германии. Это он связывает мещанина Гитлера с миром высших могучих духов, для сношения с которым нужны заклинания, написанные в старых книгах прошлых веков. Эти книги выискивают специальные люди через посольства Германии во всех странах и платят за них огромные деньги. Бред!

Гитлер не пьет и не курит, но для поддержки его «жизненных флюидов» Оссиетц делает ему специальный напиток, секрет которого умрет с ним. Какой гадостью он поит своего кровавого фюрера, нас мало интересует.

Оссиетцу отведены особые комнаты и одна такая, куда не впускают никого. Там он чертит магические круги и вызывает духов. Там он колдует Гитлеру и открывает будущее. Там он предсказал Гитлеру дни, в которые надо начинать войны против тех или иных государств.

Наполеон был суеверен, как все горцы его родины Корсики, но он в три шеи выгнал бы всякого шарлатана со всей его чертовщиной.

Оссиетц храбро дал понять Гитлеру, что его фюрерская жизнь связана с жизнью Оссиетца по показаниям небесных светил и что нужно беречь его, Оссиетца, так как пока он жив, будет жить и Гитлер.

Он предсказывал победы всюду, и светила показали, что день 22 июня, день, когда Наполеон начал войну против России, благоприятен вдвойне: во-первых, он посрамляет Наполеона и увеличивает славу Гитлера, во-вторых, само небо, говоря языком Оссиетца, стоит за большие начинания в этот день. То, что не удалось Наполеону, удастся избраннику колдуна — Гитлеру.

Мрачной декабрьской ночью он входит в комнату Гитлера и ведет его в тот закрытый непосвященным зал, где камин с огромным глобусом. Тут Гитлер может говорить с ним о Москве и о том, что случилось с предсказаньями. Если его генералы не могут ответить на этот вопрос, то пусть ответит колдун. Чёрт возьми, даром что ли он жрет его хлеб и пьет его лучшие вина?

Не помогли заклинания и гаданья на кофейной гуще. И язык небес какой-то другой. С неба сыпятся английские и советские бомбы, они испортили всю чертовщину Оссиетца. Немецкие солдаты, дрожа от холода, замерзая в окопах, не знают, что их судьба зависит от того, что скажет келейный колдун наедине со всемогущим атаманом их механизированных банд. Дураки, предводимые сумасшедшим, ничего не поняли бы в сложном искусстве шарлатана. Что он предскажет еще — неизвестно, а факт тот, что их бьют каждый день и в хвост и в гриву, а Гитлер ждет ответа от Оссиетца, что же это значит.

Не за этим ли умчался он из Берлина в Берхтесгаден, так как его возвышенная душа жаждет неземного общения, чтобы как-нибудь выправить дела.

Если Наполеон говорил, что он сделал бы из Парижа роман, то из Берхтесгадена уже вышел дешевый, бульварный роман — радость тупого и темного немецкого лавочника, роман, который можно выпускать под захватывающими заголовками десятком выпусков: «Тайны подземелий», «Колдун и фюрер», «Что будет с Германией?», «Что ждет немецкую армию по показанию звезд и планет?»

Оссиетц хвастается, что он может вызывать даже тени умерших. Пусть он возьмет парочку тех эсэсовцев, что сдохли в русском снегу, с башкой, пробитой осколками русской гранаты. Они порасскажут фюреру немало интересного. Но чего доброго они загадят эту роскошную мебель своими лохмотьями, и свалившиеся с них вши расползутся по пушистому ковру и чего доброго доберутся и до жирного брюшка самого фюрера. Или пусть Оссиетц попросит прийти из загробного мира тень самого соперника Гитлера — тень великого Наполеона, и она расскажет ему подробно о том, что есть немалое сходство между положением его армии и армии Гитлера и что слова, легкомысленно сказанные в июне о том, что сходства нет, были действительно поспешные.

Нет, сам Оссиетц и никакие чертовские силы не могут помочь в такую тяжелую ночь, и даже его бурда, которую он всучивает Гитлеру, не вернет ему жизненных сил. Тут нужно что-нибудь покрепче. Жаль, Гитлер не пьет — нарезаться с колдуном в такую ночь самое лучшее.

4

Гитлер тоскует ночью в Берхтесгадене. Это тоска палача, у которого отняли новые жертвы, которого стегнули ледяным и огненным кнутом по спине так, что он почувствовал, что палачей бьют. А это только первый удар.

Он идет от колдуна прочь, спускается с высших сфер в комнату теплую, большую и тихую. Он отдергивает занавес и стоит с увлажненным взглядом. На громадных искусственных ветках спят птички. Их много. Они все разные и свезены сюда из разных покоренных стран. Пленные птички Берхтесгаденского застенка — их 78 штук. Когда одна из них

«ГИТЛЕР И СМЕРТЬ»
Карикатура Кукрыниксов (акварель, белила, перо), 1942
Третьяковская галерея, Москва

околела случайно, палач плакал, он держал ее пестрое тельце на дрожащей ладони, и крупные слезы катились по его лицу урода. Ну, конечно, это не люди. Что такое люди — это навоз мира, это немецкая грязь, из которой он лепит, что хочет, а птички — неведомые созданья. Ах, птички! Тсс — не разбудить, они спят так чутко. Оставим их до утра, когда они будут услаждать его своим пеньем, криком и щебетаньем. Какая нежная душа у палача! Так всегда умиляются закоренелые убийцы.

Он проходит в библиотеку. Зачем она в Берхтесгадене? Он же ничего не читает, кроме «Мейн кампф». «Мейн кампф» лежит на полочке в каждой комнате Берхтесгадена с его собственноручным автографом. Но об этом чуть позже.

В библиотеке на него нашло воспоминание. Была одна женщина, которую звали Рената Мюллер. Гиммлер и Геббельс поссорились из-за нее и убили ее, по негласному приказу Гитлера. Они затравили ее. Они гнали ее через всю Европу. Она бросилась с пятого этажа и разбилась на смерть.

Воспоминание, которое всплыло в памяти, не отразило облика этой несчастной женщины. Нет, Гитлер увидел другое. Он ясно увидел, как он объясняется с этой ненавидевшей его женщиной впервые в этой библиотеке.

Он отступил на пять шагов и поднял руку, приветствуя ее нацистским приветствием. Она ничего не понимала и смотрела испуганно на его

деревянное лицо с вытаращенными глазами, пожиравшими ее. Насладившись ее испугом, он сказал ей покровительственно:

— Я могу целыми часами держать так руку, а Геббельс не может, и Геринг не может, и даже Гиммлер не может, а я могу. Я могу так стоять, я могу так застыть, я могу так забыть всё, даже самого себя!

Рената не смеялась. Она чувствовала смертельную опасность. Она видела психопата, идиота, страшного своей необузданной болезненностью. Но дома она хохотала до истерики. Она еще не знала, что ее унизят, оскорбят и убьют.

И маньяк с оловянным взглядом будет так же тупо тянуть руку, маршировать и улыбаться птичкам.

Наполеон говорил как-то знаменитому трагику своего времени Тальма, указывая ему на неестественность и пародийность жестов актеров, когда они изображают царственных особ в трагедиях. Он говорил:

— Тальма, вы приходите иногда во дворец ко мне утром. Вы тут увидите принцесс, потерявших возлюбленных, государей, которые потеряли свои государства! Бывших королей, у которых война отняла их высокий сан, видных генералов, которые надеются получить корону. Вокруг меня обманутое честолюбие, пылкое соперничество, вокруг меня катастрофы, скорби, скрытые в глубине сердца, горе, которое прорывается наружу. Конечно, все это трагедия: мой дворец полон трагедией, и я сам, конечно, наиболее трагическое лицо нашего времени. Что же, разве мы подымаем руки кверху? Разве мы изучаем наши жесты? Принимаем позы? Напускаем на себя вид величия? Разве мы испускаем крики? Нет, не правда ли? Мы говорим естественно, как говорит каждый, когда он одушевлен интересом или страстью. Так делали и те лица, которые до меня занимали мировую сцену и тоже играли трагедии на троне. Вот примеры, над которыми стоит подумать.

Такого Гитлер сказать не мог. Он — самый кровавый шут мировой истории, трагедии нашего времени, горбатый палач, которого исправит только могила!

1941

О ТИГРАХ

От автора

Вскоре после прорыва блокады, в июне 1943 г., 30 Отдельная гвардейская танковая бригада полковника В. В. Хрустицкого была введена в бой на Синявинских болотах под Шлиссельбургом, а позднее переброшена в Песчаный карьер, откуда вела бой и подбила немецкий танк «тигр». На этом танке был как амулет прикреплен бронзовый зверь — символ непобедимости. При мне танкисты спилили его с танка, и Хрустицкий подарил его мне. Танк был рядом — я видел его.

Бронзовый зверь стоит и сегодня у меня на столе, а «тигра» я встретил уже в Ленинграде. Он стоял, будучи привезен в город, перед Артиллерийским музеем. В это время я получил предложение написать для заграничной прессы очерк. Я не знаю, был ли он напечатан за рубежом, но я написал о тиграх, с которыми мне пришлось встречаться в жизни.

1964

Однажды, путешествуя по Средней Азии, я попал в так называемые «тугаи» — джунгли на берегу широкой и желтоводной Аму-Дарьи. Мы с приятелем, местным человеком, шли в густой чаще, залитой могучими потоками щедрого южного солнца. Перед нами искрилось море листвы, отливавшее всеми цветами радуги. И над всем этим пестрым миром звенели невидимые птичьи хоры, какие-то зверьки с шорохом перебегали тропинку. Чаща жила полной жизнью, и вдруг наступила такая тишина,

что слышно стало, как далеко-далеко потрескивает камыш. И в этой гнетущей тишине, убившей жизнь, по всему зеленому миру раздалось тихое, вкрадчивое, тонкое мяуканье. Как будто плакал заблудившийся котенок.

— Скорее назад,— сказал мой приятель,— вы слышите это мяуканье?

— Да, что это такое?

— Это идет тигр. Он идет, и перед ним всё смолкает, все разбегаются кто куда. Все уступают ему дорогу. Уйдем-ка и мы подобру-поздорову...

И мы ушли, но я долго слышал далеко за собой этот мягкий и пронзительный, вкрадчивый и властный голос хозяина джунглей.

И я вспомнил, как я в Тбилиси, столице солнечной Грузии, в прекрасном музее с удивлением увидел чучело гигантского тигра. Я думал, что его привезли откуда-то издалека. Оказалось, его убили под самым городом. Он пришел из Ирана, этот зверь-бродяга, который тихо крал овец и коров и философствовал, греясь на камнях перед пещерой, где поселился. Вечером он смотрел на огни большого города под ногами, свешиваясь с обрыва и помахивая полосатым хвостом. Убили его случайно. Охотники думали, что им докучает медведь, и вдруг увидели перед собой тигра. Они выстрелили разом. Одна пуля прошла у него между глаз. Так можно попасть только со страху.

Я написал о нем стихи, о мирном тигре, сбежавшем от жены, бросившем уютное логово ради любви к приключениям, о звере-романтике, глазевшем на ночной Тбилиси и зевавшем на звезды.

Когда я попал в Лондон, я читал эти стихи студентам, и они понравились одной девушке, которая потом присылала мне в Ленинград изображения тигров всех размеров и раскрасок. Это были хорошие, красивые звери, нарисованные мастерами, понимавшими толк в искусстве. Это были очень приятные царственные животные.

Потом я видел тигра, попавшего в трудное положение, но с честью из него вышедшего. Во время тяжелой зимы, первой блокадной зимы Ленинграда, тигр в зверинце остался без мяса. Он скучал и сосал лапу, как медведь. Ему зашивали в шкурку кролика кашу, и он бросался на кролика, разрывал его на куски и жрал кашу, удивляясь тому, какие на свете бывают странные кролики. Он научился есть щи, постные щи. Он стал вегетарьянцем.

Я думал, что я исчерпал все разновидности тигров, но на днях я увидел самого отвратительного представителя этой породы. Среди зелени парка, у Артиллерийского музея, на большой пустынной площадке он стоял, насупившись, потеряв свои формы прекрасного зверя, став огромным стальным ящиком. Это был тигр, сделанный на немецком военном заводе, уродливое создание тупой мысли, гитлеровский тигр, который хотел прыгнуть на Ленинград.

Он был создан рвать на куски человеческое тело, убивать женщин и детей, идти по лужам крови. Это был тот новый танк, на который возлагались надежды как на непобедимую машину, на стального зверя, которого ничто не берет. Его подбили наши танки и привели сюда, в город, чтобы все могли смотреть на усмиренное чудовище.

И он стоял широколобый и глупый, механический зверь, и дети тыкали прутиками в его бока. Конечно, он был страшен, когда он ревел и извергал огонь, но он был ничто перед простым русским человеком, который подпустил его на пятьдесят метров и убил его ярость. Весь фашизм в эту минуту показался мне такой же чудовищной машиной, слепой и глупой, направленной на бессмысленное уничтожение всего живого.

Он был предельно уродлив и отвратителен, этот немецкий эрзацтигр. Я заметил, что все смотрят на него с отвращением и презрением. И это был единственный тигр-людоед из всех виденных мной тигров!

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ

УТРО ПОБЕДЫ

СТАТЬЯ, ПЕРЕДАННАЯ ПО ЦЕНТРАЛЬНОМУ РАДИО 2 МАЯ 1945 г.

Публикация Е. А. Кречетовой

Наши войска в Берлине. Рушится и горит черная столица Германии. Дым тяжелых пожаров — последний дым войны — еще клубится над измученной и освобожденной Европой. Но в глубине Германии, «в долине, где Эльба шумит», уже встретились победители, наши бойцы и американские солдаты,— и протянули друг другу руку.

Нет ни одного человека в нашей стране, который бы на протяжении четырех тяжелых лет войны не ждал бы этого дня, этого часа победы со страшным напряжением, с неистребимой верой, с надеждой на осуществление справедливости и возмездия.

Сбылись древние слова, и поднявший меч пал от меча. Он втоптан в прах и грязь стальными гусеницами танков.

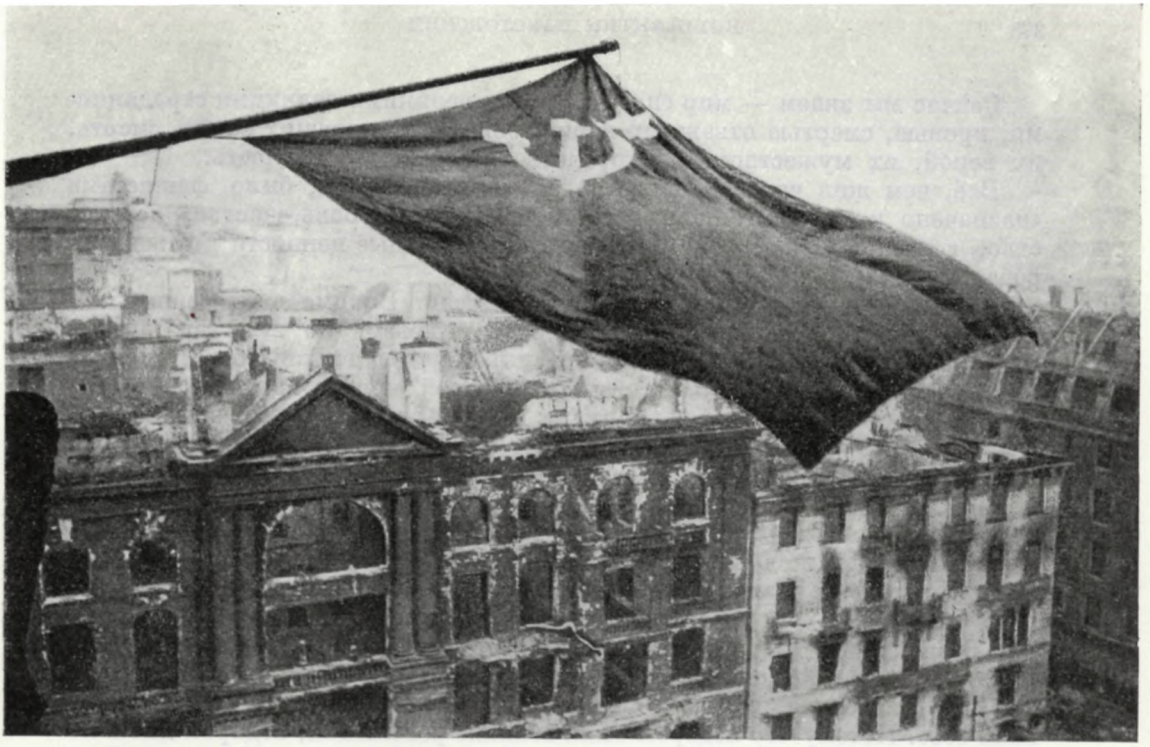
Невольно мне вспомнилось утро под Николаевом на берегу Тилигульского лимана в августе сорок первого года, в дни первых наших испытаний. Мы отходили от Одессы. Враг наседал. Позади нас горели села и поля созревшей пшеницы. Пыль подымалась к зениту. Небо ревело от черных самолетов. Горячая земля дрожала под ногами от взрывов.

Но неожиданно утром на берегу лимана наступила короткая, почти неправдоподобная тишина. Ветер унес пыль, и над головой открылось сверкающее и чистое небо Украины. Огромное солнце подымалось на востоке. Пели степные птицы, горьковато и свежо пахло полынью, и вдалеке, на юге сонно шумело во мгле Черное море. И мой спутник — замкнутый, очень молчаливый человек — неожиданно сказал:

— Вот таким будет, наверное, утро нашей победы.

И оно действительно пришло таким — это утро там, на Эльбе, где встретились союзные армии. Бойцы, сняв каски, вытерев потные лбы, улыбались и слушали давно позабытые мирные звуки земли — бормотанье родника, шелест ветра в траве, свист птичьих крыльев и собственные, как будто совсем иные, чем все эти четыре года, голоса. Среди неподвижной листвы трепетал только какой-нибудь один листок на дереве — будто радовался и пытался что-то рассказать. И этот трепет листка вдруг стал необыкновенно заметным и милым сердцу людей, перенесших четыре года непрерывного железного урагана.

Победа вернула нам великолепное ощущение жизни и в малом и в большом. В эти дни мы по-настоящему поняли, как стосковалась земля по умным и добрым человеческим рукам. С какой силой она ответит мирному нашему человеку на заботу о себе. Ответит тучными урожаями, мощным своим расцветом.



ЗНАМЯ ПОБЕДЫ НАД РЕЙХСТАГОМ

Фотография. Берлин, май 1945 г.
Собрание В. Е. Субботина, Москва

У ЗДАНИЯ РЕЙХСТАГА ПЕРЕД ОТПРАВКОЙ ЗНАМЕНИ ПОБЕДЫ В МОСКВУ

Фотография В. А. Рудного. Берлин, 20 мая 1945 г.
Собрание В. А. Рудного, Москва

Сейчас мы знаем — мир спасен. Спасен великими-великими страданиями, кровью, смертью отважных наших бойцов, поправших самую смерть, их верой, их мужеством. Благородство уничтожило подлость.

Всё, чем жил человек и что делало его человеком, было фашистами «назначено к уничтожению» — труд, искусство, любовь, счастье, достоинство, вольная человеческая мысль, материальные ценности и даже природа. Всё!

Во имя чего все это было обречено на гибель? Во имя чего фашизм начал превращать землю в месиво из крови и грязи? Во имя чего многомиллионные трудолюбивые и прекрасные народы должны были гибнуть или превращаться в рабов? Ради идиотической корысти выродков и истериков Гитлера и Муссолини, больных манией власти. Достаточно посмотреть хотя бы на экране этих двух фашистских шутов, чтобы понять все их ничтожество, подлость, растленную сущность.

Победа пришла. На горьком опыте свободолюбивые народы убедились в страшной опасности насилия и пренебрежения к человеку. И свободолюбивые народы не допустят повторения этого зла. Для этого у них есть все возможности и главная возможность — добрая воля народов.

Утро победы восходит над землей. Солнце победы освещает неизмеримые развалины недавно еще цветущих стран, но освещает и первый скромный подорожник, расцветший на этих развалинах.

Жизнь победила. Победил светлый человеческий разум. Мы не изменили себе. Потому что недаром были великие революции, недаром жили на свете такие люди, как Ленин и Лев Толстой, Пушкин и Диккенс, Леонардо да Винчи и Пастер, Рузвельт и Шекспир. Потому что недаром мы выросли в великой стране, давшей всему миру образцы высоты человеческого духа и справедливости.

Печатается по тексту, хранящемуся в архиве Государственного Комитета по радиовещанию и телевидению (Москва).

II

СЛОВО ПИСАТЕЛЕЙ В БОЕВОМ СТРОЮ

РАБОТА В ПЕЧАТИ И НА РАДИО

ОБЗОРЫ, ПУБЛИКАЦИИ, СООБЩЕНИЯ

«КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»

Д. И. ОРТЕНБЕРГ

ДОБЛЕСТЬ *

В годы Великой Отечественной войны, пожалуй, не вышло ни одного номера «Красной звезды», в котором бы не принимали участия писатели. Недавно мы, старые краснозвездовцы, вспоминали писателей, сотрудничавших тогда в газете в «штате» и вне «штата», и насчитали мы по памяти 37 человек. Но память, оказывается, нас подвела. Изучение «Красной звезды», произведенное автором публикуемого ниже обзора, Л. Р. Ланским, свидетельствует, что число это надо значительно увеличить.

А сколько литераторов работало во фронтовых газетах, в армейских, дивизионных?

История еще не знала примеров, когда столько литераторов встало бы в ряды военных журналистов и своим писательским оружием помогало народу в борьбе за свободу и независимость, как это было в Великую Отечественную войну.

Нельзя без волнения и гордости вспоминать об их самоотверженности и воинской доблести. Хотя от военных событий тех дней нас отделяет два с лишним десятилетия и многие детали стерлись в памяти, но одно я твердо и непоколебимо помню: среди наших писателей, как и среди всей журналистской рати «Красной звезды», не было людей растерявшихся, унылых, равнодушных. Не было их и в тяжелые первые дни войны, не было и позже. Не было ни паники, ни смятения даже в самые критические периоды. Наоборот, в сердце каждого была вера в победу и готовность бороться за нее.

Ни один из писателей-краснозвездовцев за всю войну не опозорил писательского имени, не замарал звания бойца центральной военной газеты. На фронте писатели, журналисты «Красной звезды» вели себя достойно, смело. Они шли навстречу опасностям, не щадя ни крови, ни самой жизни,— и это говорится не ради красного словца.

Конечно, люди были разные. Одни более талантливые, другие менее. Одни более оперативные, другие менее. Но под огнем все, если так можно сказать, были «уравнены» в своем самоотверженном труде. И чтобы быть справедливым, нужно назвать всех, или почти всех тех, кто в годы войны заполнял своими боевыми материалами полосы центральной военной газеты. Это и сделано в обзоре Л. Р. Ланского.

Илья Григорьевич Эренбург в своих мемуарах «Люди, годы, жизнь» писал, что «из всех сотрудников газеты Ортенберг больше всех любил Симонова: вероятно, киплинговские нотки, которые проскальзывали в очерках и стихах молодого Симонова, отвечали его наклонностям» [1]. Если Эренбург под «киплинговскими нотками» понимает немногоречивую мужественность, то в этом его замечании есть известная доля

---

* Генерал-майор Д. И. Ортенберг (Вадимов) был ответственным редактором «Красной звезды» с 1941 по 1943 г. Эти воспоминания написаны им для настоящего тома «Литературного наследства».

истины. Нам, в редакции, нравились суровые мужественно-сдержанные военные очерки Симонова. Но особенно в редакции любили Симонова за его безотказность и смелость. Симонов был одним из тех, кого редакция «безжалостно» «бросала» с одного самого острого и трудного участка фронта на другой — от Баренцова до Черного моря. И мы знали, что он всегда проберется в пекло боя, не остановится перед любыми трудностями и опасностями и свое дело сделает.

В августе 1941 г. Симонов «уговорил» моряков в Севастополе, и его взяли в плавание на подводную лодку, направлявшуюся к румынским берегам для минирования выходов из портов Констанцы и Арну. Это был первый писатель, сходивший в подводное плавание — необычное и особо опасное. За «самоволку» Симонову от редакции «попало», но в то же время его инициатива и смелость, конечно, вызвали одобрение. В октябре Симонов вернулся из Крыма в шинели, пробитой осколками мины и пулями. Он, оказывается, был у Чонгара на Арабатской стрелке и во время боевой «заварухи» ходил в атаку с ротой бойцов, вместе с комиссаром Николаевым, поднимая под огнем молодых, необстрелянных солдат. В ночь с 6 на 7 ноября этого же года на Севере, в Баренцовом море, Симонов в качестве рядового бойца отправился на катере с группой морских разведчиков на операцию в глубокий тыл врага. Я видел Симонова в Сталинграде, в сентябрьские дни и ночи 1942 г., среди пылающих кварталов города и на первой линии огня в батальонах и ротах. Я помню его и под конец войны по 38 армии, где я в 1944—1945 гг. был начальником политотдела армии, такого же бесстрашного и «отчаянного». Он настаивал, чтобы его пускали всё дальше и дальше, из полка — в батальон, из батальона — в роту, пока ему не говорили: «Дальше — некуда, дальше — немцы!» Симонов был первым из писателей награжден в Великую Отечественную войну боевым орденом «Красное знамя».

Бесстрашие другого корреспондента «Красной звезды», Ильи Григорьевича Эренбурга, его «способность» лезть под огонь меня искренне удивляли. А ведь в годы войны он был уже не молод. То, что он писал, было настолько ценно и важно, что вряд ли кто упрекнул бы «штатского» писателя за относительно тыловой образ жизни. Упрекнул бы один человек: он сам. И потому Эренбург стремился на передовую. Илью Григорьевича настолько любили и ценили на фронте, что его появление в ведущих бой передовых частях порой вызывало противоречивые чувства — и радости и тревоги. Люди удивлялись, как он попал сюда, и меня, случалось, даже укоряли: зачем я разрешаю Эренбургу рисковать? Что я мог на это ответить? Попробовал я как-то не пустить Илью Григорьевича — но, кроме неприятностей, ничего не получилось. Летом 1941 г. поехал я с Эренбургом на Брянский фронт. Начальник политуправления фронта дивизионный комиссар Макаров повел нас в полк, только что отвоевавший у немцев какую-то деревушку, кажется Красное,— в те дни всеобщего отступления и это считалось знаменательным событием. Мы пришли на командный пункт полка, а там, воспользовавшись тем, что Эренбург увлекся опросом пленных, «ускользнули» в Красное, куда надо было добираться под огнем неприятеля, местами и ползком. Не прошло и часа, как вдруг, к нашему удивлению, появляется Эренбург и устраивает нам, не взирая на «табель о рангах», разнос — такой, какие он умеет делать,— едкий и неотразимый. С тех пор во время поездок на фронты, и со мной и с другими работниками редакции, Эренбург зорко следил, чтобы его не «обманули».

Неустрашимым человеком был и Алексей Сурков. Его справедливо звали у нас окопным писателем, певцом солдатских дум. Достаточно вспомнить его знаменитую «Землянку». Только в начале войны он слетал на ТБ на ночную бомбардировку Велижа, а обычно его можно было найти в пехоте — у пулеметчиков, разведчиков, бронебойщиков — где угодно, но только не в больших штабах, к которым он всегда питал предубеждение, даже, пожалуй, чрезмерное, считая, что это вообще не место для собирания материалов.

Сам поэт вспоминает об этом:

«Ну что я могу сообщить о своих солдатских „подвигах“? Из окружения с боем я солдат не выводил, в атаку оробевшие взводы не поднимал, доты своим телом не закрывал — чего не было, того не было. Просто я всю войну ездил на попутных полуторках и в теплушках, набираясь там главным образом народной мудрости о войне. Старался

не задерживаться в районе фронтовых и армейских штабов, черпая вдохновение в оперативных отделах, а старался, по возможности, скорее добраться до полка и батальона, где собственно и делалась история войны в первой инстанции.

Что мне запомнилось за четыре года войны?

В июле 1941 г., мы, группа работников газеты и армейского политотдела, спросонок услыхав страшную пальбу и „непроверенный" слух, что 18 танковая дивизия заняла Великие Луки, въехали в этот город на полуторке раньше наших войск, которые обошли его с боков... В августе того же года мы с покойным П. Лидовым возле города Жлобина участвовали в разведке боем. В конце ноября 1941 г., попав со штабом одного из полков 9 гвардейской дивизии в окружение под Истрой, вместе со штабниками и нашим фотокорреспондентом Батем отбивались от автоматчиков и с наступлением темноты выходили из окружения с боем. Ну, мы там делали то, что делали другие — ни больше, ни меньше.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

№ 146 (4901) 24 июня 1941 г., вторник ЦЕНА 15 КОП.

ПЕРВЫЙ ВОЕННЫЙ НОМЕР ГАЗЕТЫ «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
24 июня 1941 г., № 146
Заголовок

Во время отступления из-под Валуек на Россошь мы с П. Олендером почти заскочили к немцам около Острогожска и едва утекли под пулеметным и минометным огнем. Примерно то же получилось через год в районе Чаус, где мы, перепутав дороги, в темноте подъехали под немецкий передний край на полуторке, и я до сих пор не могу представить, как мы ушли из-под густого минометного огня и не подорвались на минах. Вообще же, находясь на полковых и батальонных НП или заползая в окопы переднего края беседовать с солдатами и офицерами, приходилось в те минуты и часы делать то, что делали они. Однако, повторяю, подвигов воинских, таких, о каких приходилось писать, показывая наших солдат и офицеров, мне не довелось совершить. Это грустно, но, увы, факт.

Были бомбежки (бессчетные), были артминометные обстрелы, были противные случайности, вроде острогожской, но подвигов не было» [2].

Писатель Александр Кривицкий оказался той «военной косточкой» среди литераторов-журналистов, о которой он писал недавно в одном из своих рассказов. Дело в том, что в «Красную звезду» он пришел работать еще в мирное время, задолго до войны, серьезно изучал проблемы воинской психологии, много писал на различные армейские темы. Кажется, что самая должность его — начальника литературного отдела газеты — должна была его намертво «приковать» к редакционному столу «Красной звезды». Но его беспокойная натура рвалась на фронт, и он действительно регулярно бывал в войсках все четыре года — от Москвы до Берлина. На утлом самолетике ПР-5 Кривицкий летал через линию фронта к брянским партизанам. Он уходил из горящего Воронежа, добрался до танковой армии генерала Лизюкова и был участником свирепых боев у Суховерейки, на скоростном бомбардировщике он прилетел в Бухарест за несколько часов до вступления наших войск в столицу Румынии, с танкистами Рыбалко он входил в Прагу. Я не рассказываю здесь военных биографий, но для психологической характеристики этого писателя хочу привести такой факт.

Осенью 1941 г., в дни самых ожесточенных боев за Москву, мы ездили с Кривицким в 20 армию. Облазив окопы одной из дивизий, Кривицкий вечером вернулся в штаб армии. До поздней ночи он беседовал с командующим, потом тот ушел в штабной блиндаж, оставив Кривицкого ночевать в своей избе. Ночью немцы открыли по деревушке такой сильный артиллерийский огонь, что хаты ходуном ходили. И вот командующий — он любил позировать перед работниками печати — звонит к себе в избу и спрашивает Кривицкого:

— Вы что делаете?

— Сплю,— отвечает тот хриплым от сна голосом.

— Вы не беспокойтесь, я сейчас прикажу открыть контрбатарейную стрельбу, и фрицы замолчат...

— Я во сне никогда не беспокоюсь,— спокойно, со своим обычным юмором отвечает ему корреспондент.

Командующий тут же отдает приказ о контрбатарейной стрельбе, а потом поворачивается ко мне и спрашивает:

— Что за человек у вас Кривицкий?

— Обыкновенный... С подначкой...

Незаслуженно мало сказано до сих пор о писателе Василии Павловиче Ильенкове, которого я знал еще по финской войне как храбрейшего человека. Тяжело раненный в феврале 1943 г. на Калининском фронте, так полностью и не оправившийся после ранения Ильенков, однако, до конца войны выезжал в действующие армии и писал очерки и рассказы.

Только недавно, на вечере, посвященном творчеству Бориса Лапина и Захара Хацревина, погибших в киевском окружении, я узнал, что Хацревин, отбывая в эту свою последнюю командировку тяжелобольным, с температурой в 40 градусов, больше всего боялся, чтобы об этом не узнал редактор и не отменил его поездку.

Группа, в которой были журналисты и писатели, пробивалась из окружения. Несмотря на требования истекавшего кровью и обреченного на смерть Хацревина оставить его и не губить себя, Лапин на своих плечах вынес друга из болотной топи в лес, где они оба потом погибли.

Много можно рассказать о геройстве — я не боюсь этого, быть может, громкого слова — старого солдата Николая Тихонова, импульсивного Петра Павленко, выносливого Василия Гроссмана, неугомонного Михаила Розенфельда, терпеливого Бориса Галина и других писателей и журналистов нашей газеты.

О храбрости, неустрашимости, презрении к смерти идет давний философский спор, он продолжается и сейчас. Одни говорят, что к опасности привыкают. Другие говорят, что когда человек занят на войне делом, ему некогда думать об опасности. Третьи считают, что есть какая-то фатальная неизбежность: кому суждено, тот выживет. Многие пишут, что быть храбрым — значит всей своей волей, всей силой сознания той задачи, во имя которой ты жертвуешь жизнью, подавить в себе инстинкт боязни.

Так или иначе, но проверка огнем была и у нас высшей оценкой человека.

В памятный для москвичей октябрь 1941 г. в редакцию пришел Федор Панферов. Он просил взять его на работу корреспондентом и тут же рассказал, что ему предложили выехать на фронт, но он был болен, не мог выехать и написал об этом Сталину, а Сталин передал его письмо в Партколлегию при ЦК и рекомендовал исключить его из партии. Я не знаю, какое решение приняла Партколлегия и чем все это кончилось, я не стал вникать в подробности и проверять. Я ответил Панферову, что согласен, но что он должен немедленно выехать в Действующую армию. Я был глубоко убежден, что никто, в том числе и Сталин, не сможет отказать кому бы то ни было в праве пройти самую высшую для человека проверку — проверку огнем. Тут же был подписан приказ. Панферову выдали обмундирование, нацепили три шпалы, и он выехал в войска, оборонявшие столицу на Вяземском направлении. Поехал Панферов вместе со Ставским. А кто поедет на фронт вместе со Ставским — я хорошо знал его еще по Халхин-Голу и финской войне,— тот уже наверняка «нанюхается» пороху. Вместе со Ставским Панферов попал в гущу боев и вел себя там достойно и мужественно, в чем я заранее

В ДНИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Редактор «Красной звезды» Д. И. Ортенберг (Вадимов) и К. М. Симонов

Фотографии В. А. Темина, сентябрь 1942 г.

Собрание Д. И. Ортенберга, Москва

Верхний снимок — на пароме во время переправы через Волгу. Нижний — К. М. Симонов заканчивает очерк [«Бой на окраине», Д. И. Ортенберг его редактирует, телеграфистка ведет передачу; очерк напечатан в «Красной звезде» 18 сентября 1942 г.

был уверен после разговора с ним в редакции. Вскоре в «Красной звезде» появились военные корреспонденции Панферова из Действующей армии. А через некоторое время мне позвонил Сталин. Он ничего не спрашивал, не ругал нас и не хвалил, а только сказал: «Печатайте Панферова».

Отвага наших писателей не была простой удалью. Они просто понимали, что в такое суровое время нужно быть там, где решается судьба Отечества и где они своим пером могут принести больше всего пользы. А в редакции ревниво относились к тому, как ведет себя писатель, журналист на фронте. Нам не безразлично было из каких материалов делается газета. Она должна была дышать боем. А чудес, как известно, не бывает. Материал из третьих рук — не материал. Нужно было отправиться на линию огня и писать то, что видишь своими глазами.

Это понимали наши писатели, наши журналисты. Они понимали, что газету надо делать чистыми руками. Чтобы иметь моральное право поставить над своими очерками и корреспонденциями заголовки «Ни шагу назад», «Смерть или победа», чтобы звать людей к самопожертвованию, надо жить одной жизнью с солдатами, делить с ними невзгоды и опасности.

Константин Симонов, вспоминая перипетии, в которых ему довелось бывать, говорил: «Крайне важная сторона работы военного корреспондента — хотя бы в какой-то мере знать по собственному опыту то, о чем ты расспрашиваешь других. С этой точки зрения, адресованное военному корреспонденту требование редакции „Красной звезды" видеть как можно больше своими глазами — было требованием верным не только с точки зрения точности информации и щепетильности газеты, не только с точки зрения журналистской нравственности, но и с точки зрения самой журналистской работы, самого ее качества. ⟨...⟩

В редакции, конечно, понимали, что журналист не может всего видеть на фронте и не может писать только о том, что он видел своими глазами. Но зато было одно беспощадное и твердое требование — не делать вида, что ты видел своими глазами то, чего ты не видел. Если ты написал в корреспонденции: „Я был там-то", то значит, это должно точно соответствовать действительности. Если ты не видел, напиши, кто это видел и с чьих слов ты говоришь о том или другом событии. Мне это редакционное правило нравилось, и я стремился ему следовать» [3].

Я говорил о воинской доблести наших писателей, журналистов. Но в отличие от других солдат, офицеров, генералов — у военного литератора, чьим оружием является слово, должно быть мужество не только военное, но и писательское: смело изображать правду жизни, а на войне — и правду смерти. Ибо только правда, пусть порой суровая и горькая, но искренняя и чистая, может «жечь глаголом» сердца людей, возвышать их душу, звать на подвиг и самопожертвование.

«Жизнь стала суровой. Люди стали сосредоточеннее, задумчивее»,— говорил Михаил Иванович Калинин в своем выступлении на комсомольском совещании в сентябре 1942 г. Следовательно, указывал он, и печатное и живое слово должно соответствовать изменившейся обстановке. Калинин сурово критиковал некоторые очерки и статьи в центральных газетах за выспренность, декларативность, хвастовство, шумиху, высокопарность, считая это неуважением к людям, проявляющим подлинный героизм, неуважением к читателям. Он звал рисовать правдивую картину войны, «правдиво говорить о переживаемых людьми трудностях».

24 сентября 1942 г. «Красная звезда» опубликовала очерк Симонова «Дни и ночи». В тот же день М. И. Калинин позвонил в редакцию, похвалил этот очерк и все допытывался, живые ли персонажи выведены автором в нем. Да, это живые люди и подлинные факты. Я был тогда с Симоновым в Сталинграде и этих людей видел и говорил с ними. Так я ответил Калинину.

— Это хорошо,— сказал он.

А через три дня, на упомянутом выше совещании Михаил Иванович сказал: «Не знаю, читали ли вы последнюю статью Симонова „Дни и ночи". Я должен сказать, что она хорошо построена. Вообще его статьи дают реальную картину боев. В последней статье соблюдены все пропорции и соотношения. Статья написана сдержанно. С внешней стороны это как будто бы сухая хроникерская запись, а по существу — это работа художника, картина, долго незабываемая». М. И. Калинин привел большие выдержки

из очерка, с особой силой подчеркивая, что это «правдивая картина боев за Сталинград» [4].

Помню, в июне 1942 г. пришел к нам в редакцию Евгений Петров. Он сообщил, что едет в Севастополь, показал командировку одной из московских газет и сказал, что хотел бы писать в «Красную звезду». Но он поставил перед нами одно условие. «Я еду,— заявил он,— в такой город, откуда можно писать только правду. Если будете ее печатать, пришлю вам очерки».

Петров прорвался сквозь кольцо вражеской блокады в осажденный Севастополь и прислал нам очерк о Севастополе — первый за эту поездку и последний, появившийся в печати при его жизни. В очерке была суровая правда. Его и сейчас нельзя читать без волнения. Он был напечатан без единого изменения. Вот заключительные слова этого очерка:

«Когда моряков-черноморцев спрашивают, может ли удержаться Севастополь, они хмуро отвечают:

— Ничего, держимся.

Они не говорят: „Пока держимся". И они не говорят: „Мы удержимся". Здесь слов на ветер не кидают и не любят испытывать судьбу. Это моряки, которые во время предельно сильного шторма на море никогда не говорят о том, погибнут они или спасутся. Они просто отстаивают корабль всей силой своего умения и мужества» [5].

Этими заключительными словами своего очерка Евгений Петров сказал, что Севастополь может быть сдан. Стоит вспомнить то время, чтобы стало понятным, каким надо было быть смелым и честным, чтобы написать эти слова и требовать, чтобы они были опубликованы вопреки успокоительным сводкам.

Конечно, нелегко было это делать в условиях тех лет. Существовали строгие ограничения военного времени. Они понятны и законны. Но были и ограничения, порожденные «порядками», сложившимися в ту пору, порядками непонятными и нелепыми. Состояли они в том, что редакциям газет почти не разрешалось сообщать ничего сверх того, что содержалось в сводках и сообщениях Совинформбюро. Разрешалось лишь «развивать» и комментировать эти сообщения. Не раз снимались с полосы статьи, очерки и другие материалы только потому, что Совинформбюро не успело еще сообщить о том или ином событии. Именно не успело, а не по каким-либо другим существенным причинам.

Так произошло, в частности, со статьей Алексея Толстого «Кровь народа». Эту статью, написанную, можно сказать, кровью сердца, нельзя было читать без глубокого волнения. Толстой впервые во всеуслышание рассказал в ней, что советские люди, отступая из Запорожья, сами, своими руками взорвали Днепрогэс — первенец нашей пятилетки, построенный тяжелым трудом народа. С большой художественной силой, без сенсации и шумихи, писатель объяснил почему это было сделано. Статья звала народ к самоотверженной борьбе с врагом. Алексей Николаевич много работал над этой статьей, требовал от нас дополнительных материалов, несколько раз переделывал ее. Но статья была снята. «В сообщениях Совинформбюро об этом еще ничего не говорилось»,— вот и все объяснения. И только через неделю, 19 октября 1941 г., в кризисные для Москвы дни, когда сами события тех дней требовали от газет писать всю правду, мы эту статью напечатали уже сами.

Незабываемым для всех нас было выступление в газете 1 августа 1942 г. Александра Довженко. В середине июля 1942 г. Довженко был в редакции. Положение на фронте тогда было крайне тяжелым, критическим, и мы просили Александра Петровича дать нам очерк или рассказ, который бы «перевернул» душу солдата. И вот 31 июля Довженко принес свой рассказ «Ночь перед боем». Он читал его вслух, и когда закончил, мы стояли онемевшие, потрясенные поэтической силой этого произведения. Я спросил Довженко: читал ли он приказ Сталина № 227 от 28 июля? Нет, он не знал этого приказа.

А приказ этот был исключительный по силе. Изданный в связи с глубоким прорывом немцев в сторону Волги и Кавказа, приказ требовал остановить врага. «Ни шагу назад»,— говорилось в нем. Но в приказе были и другие слова: «Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаро-

ваться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на Восток».

Горькие, суровые слова, но необходимые в тот период чрезвычайно трудного положения! Наша печать об этом тогда не писала, да и сейчас почему-то «стесняется» говорить об этом, хотя сам приказ и то время стали уже достоянием истории.

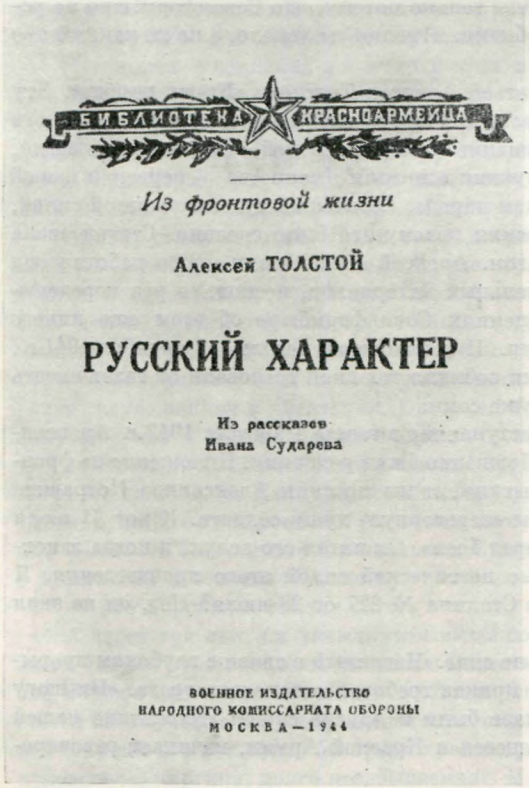
Александр Довженко с большой прозорливостью и смелостью изобразил в своем рассказе думы народные. Рассказ был написан сочным, колоритным языком, затрагивал самые тонкие струны человеческой души. Довженко описывает нелицеприятный разговор украинских дедов-перевозчиков у переправы на Десне с отступающими бойцами. Само воплощение героической натуры народа, они, эти деды, с непримиримой беспощадностью бросают в лицо бегущим воинам обвинение в трусости. С горечью, презрением и едким сарказмом говорят они о тех, кто забыл свой воинский долг и отдает родную землю на заклание врагу.

Вот один из диалогов. Рассказывает о нем командир-танкист Петро Колодуб в ночь перед боем молодым бойцам.

«Тикаете, бисовы сыны? — спросил нас дед Платон Пивторак, выходя из сеней с веслом, сетью и деревянным черпаком.— Богато я уже вас перевез. Ой, богато, да здоровые все, да молодые, да все — перевези да перевези... Савка! — крикнул Платон в соседнюю хатку.— Пойдем, Савка. Надо перевозить — нехай уж тикают. Га?! Пойдем, пойдем, это уже, мабуть, последние! 〈...〉

— Э-ге-е! Что-то вы, хлопцы, не той, не как его, не туда будто идете,— сказал дед Савка и хитро посмотрел на нас.— Одежда вот на вас новая, да и торбочки, и ремни, эге, и сами молодые, а заворачиваете неначе не туды, га? 〈...〉

— Не знаю, чего они так тикают? — сказал дед Платон, идя с Савкой к реке, как будто нас тут вовсе и не было. — Чего они так той смерти боятся? Раз уж война, так ее нечего бояться. Уж если судилась она кому, так и не сбежишь от нее никуда.



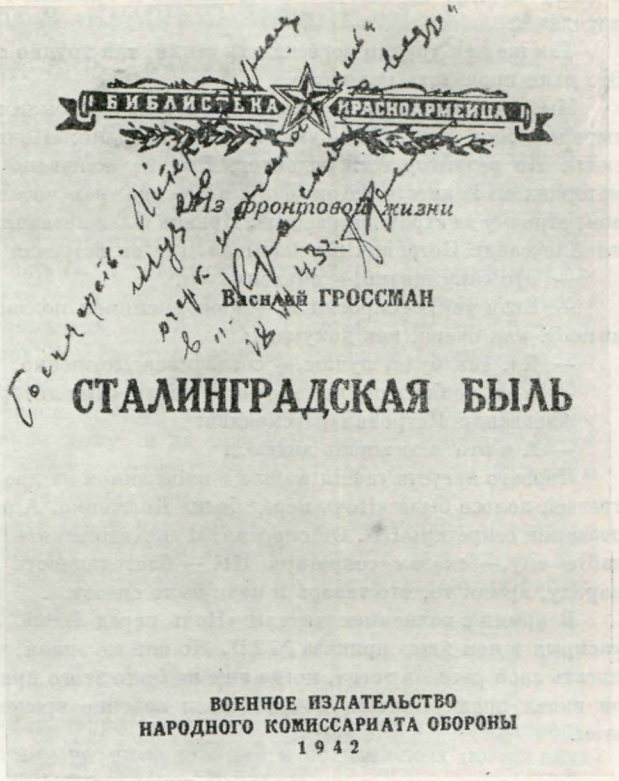
«РУССКИЙ ХАРАКТЕР»

Первое отдельное издание рассказа А. Н. Толстого. М., изд-во «Правда», 1944

Обложка

Впервые рассказ был опубликован в «Красной звезде» 7 мая 1944 г.

«СТАЛИНГРАДСКАЯ БЫЛЬ»
Первое отдельное издание очерка В. С. Гроссмана. М., Воениздат, 1942
Обложка с автографической надписью писателя. Впервые очерк был опубликован в «Красной звезде» 20 ноября 1942 г.
Литературный музей, Москва



— Эге! — согласился Савка.— Уж, как говорится, ни в танке не спрячешься, ни в печи не замажешься.

— Душа несерьезная, разбалованная,— сердился Платон. — Ты возьми моего Левка. Как он на Халхин-Голе тех самых, как их, бил? Всех до одного вычистил! Читал письмо? Полковник Левко Пивторак, я понимаю! А это казна-що, не люди. 〈...〉

— Ну, сидайте, повезем. Чего стали? — сказал дед Платон. Он уже стоял с веслом возле челна.

— Повезем уже, а там — что бог даст. Не умели соблюсти себя, так уже повезем, тикайте, чёрт вашу душу бери... Куда ты шагаешь? Челна не видел, воин?— загремел дед на кого-то из нас.

Мы молча уселись в лодку, и каждый стал думать свою невеселую думу. 〈...〉

— Эге! — подхватил Савка.— А не знают, трясца их матери, что уж кому на войне судилося помереть, так не выкрутишься, никакой чёлн тебя не спасет. Не догонит пуля, догонит воша, а война свое возьмет... Бери влево! Быстрина велика,— захлопал Савка веслом.

— Беру. Коли б мой Левко со своим полком был тут, тот бы не отступил, нет. Тот бы этого челна повернул назад, да по шеям, по шеям! — рассердился Платон и налег на весла.— Тот не отступит, нет, чёрта с два!

— Эге! Вот такой и мой Демид. Его хоть огнем жги, хоть на шматки режь, ну не отступит. Куды твое дело!— сказал Савка и плюнул в ладони.

— А ци думают спастись, а оно, гляди, выйдет на то, что долго будут харкать кровью. Это же все доведется забирать назад!

— А доведется,— подхватил Платон и со всей силы гребнул веслом три раза.— Шутка сказать, сколько земли надо отбирать назад. А это же всё кровь!

Я смотрел на деда Платона и с трепетом слушал каждое его слово. Дед верил

в нашу победу. Он был для меня живым и грозным голосом нашего мужественного народа» [6].

Так же как трудно пересказать стихи, так трудно пересказать «Ночь перед боем». Это надо прочитать целиком.

Мы сразу же сдали рассказ в набор. Вскоре была готова верстка — «стояк» в четыре колонки. Большими буквами было набрано: «Ночь перед боем», а под ним: «Рассказ». Но редактор есть редактор. Ему не положено только восторгаться хорошим материалом. И вместе с Довженко, в течение трех часов, мы вычитывали слово за словом, строчку за строчкой рассказ. Правка была незначительной. В минутные передышки Александр Петрович рассказывал, где он встречал этих дедов.

— Это сама жизнь,— объяснял он.

— Если так,— спросил я,— может, снимем подзаголовок «рассказ»? Пускай его читают, как очерк, как документ.

— Да, так будет лучше,— согласился Довженко.

— А вы не боитесь, что мы погрешим против литературных канонов?

Александр Петрович рассмеялся:

— А я это всю жизнь делаю...

Первого августа газета вышла с опозданием на два часа, почти утром. Но зато на третьей полосе была «Ночь перед боем» Довженко. А на следующий день в редакцию позвонил секретарь ЦК. Он спросил: «Где Довженко?» Его в редакции не было. «Передайте ему,— сказал секретарь ЦК,— благодарность Сталина за очерк. Он сказал народу, армии то, что теперь и надо было сказать».

В армии с волнением читали «Ночь перед боем». Люди понимали, что писатель раскрыл в нем идею приказа № 227. Но они не знали, что Довженко задумал и начал писать свой рассказ тогда, когда еще не было этого приказа. Просто он был на войне, он видел правду жизни, почувствовал веление времени и мужественно написал об этом.

Мужественные на огневых рубежах и мужественные в творчестве — такими были писатели «Красной звезды».

В годину тяжелых испытаний советские писатели были с народом, те из них, кого я знал и с кем работал в «Красной звезде», не искали для себя привилегий, не рядились в одежды жрецов искусства. Они надели военную форму и стали солдатами, а «солдат», как известно,— имя общее, равно почетное и для рядового бойца и для военачальника.

В старину у некоторых народов был обычай даже в мирное время возводить дружбу людей в степень братства, скрепляя его кровью. Они назывались побратимами. Мужество наших писателей, кровь, пролитая ими в боях за свою Отчизну, навеки сделали их побратимами советского солдата-героя.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Новый мир», 1963, № 1, стр. 93.

[2] Из письма А. Суркова от 12 февраля 1965 г., присланного им мне в связи с подготовкой моих мемуаров о «Красной звезде».

[3] Из стенограммы моей беседы с К. Симоновым 12 января 1965 г. в связи с подготовкой моих мемуаров о «Красной звезде».

[4] М. И. Калинин. О некоторых вопросах агитации и пропаганды. Речь на совещании секретарей обкомов комсомола по пропаганде 28 сентября 1942 г.— Цит. по сб.: «М. И. Калинин об искусстве и литературе». М., Гослитиздат, 1957, стр. 124—136.

[5] Очерк «Севастополь держится».— «Красная звезда», 1942, № 147, 25 июня.

[6] «Красная звезда», 1942, № 179, 1 августа; вошло в кн.: А. Довженко. Зачарованная Десна. Рассказы. Из записных книжек. М., «Сов. писатель», 1964.

ПИСАТЕЛИ В «КРАСНОЙ ЗВЕЗДЕ»

Обзор Л. Р. Ланского

В «Красной звезде» — центральном органе Народного Комиссариата Обороны СССР — во время Великой Отечественной войны активно сотрудничал большой и сплоченный отряд советских писателей. Систематическое участие в широко распространенном издании давало возможность писателям поддерживать постоянный контакт с военными читателями, а военным читателям — находить в своей газете, где сконцентрированы были лучшие силы советской литературы, интересные и яркие произведения большой художественной ценности. Достаточно назвать имена таких художников слова и публицистов, как Алексей Толстой, Михаил Шолохов, Илья Эренбург, Николай Тихонов, Константин Симонов, Василий Гроссман, Алексей Сурков, регулярно печатавшихся на страницах «Красной звезды», чтобы понять, с каким интересом встречался каждый номер газеты,— не только во фронтовой обстановке, но и в глубоком тылу, и за рубежами нашей Родины. «Самой боевой и великолепной газетой наших суровых дней» назвал Тихонов «Красную звезду» в одном из своих писем к ее редактору [1].

Настоящая работа представляет собой краткий обзор литературных произведений, появившихся в «Красной звезде» 1941—1945 гг. Разумеется, она может дать лишь общее представление о творческой активности и характере деятельности писателей и поэтов на страницах этой газеты.

* * *

Вторжение фашистских армий на территорию Советского Союза и бомбардировка наших городов, аэродромов, железнодорожных станций и пограничных постов начались, как известно, на рассвете 22 июня 1941 г. Центральные газеты, отпечатанные ночью и разосланные подписчикам утром, не содержали и не могли содержать никаких сообщений об этом событии. Невозмутимым спокойствием дышал и воскресный номер «Красной звезды». Первую страницу его занимали материалы о Всесоюзном дне физкультурника, о торжествах в Марийской АССР по поводу двадцатилетия ее автономии, о Закавказской окружной конференции рационализаторов и т. п.

На следующий день, как и всегда по понедельникам, газета в свет не вышла. Специальный выпуск также издан не был.

Таким образом, первый номер «Красной звезды» военного времени (№ 146) был выпущен только во вторник, 24 июня.

Сообщение о начавшихся военных действиях было набрано крупным шрифтом рядом с заголовком газеты. Редакция взволнованно извещала читателей о том, что «кровожадные фашистские разбойники совершили нападение на Советский Союз», что Красная Армия и советский народ «поднялись на Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу».

Наряду с указами Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации военнообязанных, сводками Главного командования Красной Армии, высказываниями Героев Советского Союза и отчетами о митингах в воинских частях и соединениях, в этом номере были напечатаны и первые выступления советских писателей — Всеволода Вишневского, Александра Кривицкого, Василия Лебедева-Кумача.

Статья Вишневского озаглавлена «Уроки истории». Охарактеризовав многовековую историческую борьбу России с агрессивной Германией, писатель с уверенностью заявил: «Что ж — вызов принят... Идут жестокие бои... В этих боях все мы, советские люди, покажем, что мы достойные потомки тех, кто умел биться за родину честно, нещадно, до конца, *до победы*! 〈...〉 Напомним немецким фашистам,— пока они еще живы,— *как* и *где* их бил русский народ!»

В том же номере «Красной звезды» впервые появилась «Священная война» Лебедева-Кумача — песня, сразу же ставшая подлинно народным гимном [2].

Так «писатели вошли в газету как всходят на трибуну» [3].

Редкий номер «Красной звезды» выходил теперь в свет без статей, рассказов, очерков, стихотворений и корреспонденций советских писателей и поэтов.

Вспоминая впоследствии о коллективе писателей-краснозвездовцев, бывший начальник отдела литературы и искусства «Красной звезды» А. Кривицкий писал: «Они многое дали газете, но и газета не осталась в долгу или, вернее говоря, она с первых же дней пребывания писателей в редакции как бы авансировала их своим опытом, традициями, тем стилем работы и умением увидеть красоту военной темы, какие газета приобретала еще в мирное время, до войны». «Нас учили в газете партийной журналистике,— отмечал он в тех же воспоминаниях,— смелости, дисциплине, оперативности, умению хорошо делать свое дело. „Приказано — сделано“ — таков был девиз всех, кто любил свою военную газету и считал для себя честью работать в ней ⟨...⟩ Когда началась война, большинство из них были глубоко штатскими людьми. Но в ее дни прониклись духом железной воинской дисциплины, вросли в коллектив» [4].

26 июня в «Красной звезде» была опубликована статья Ильи Эренбурга «Гитлеровская орда». Она положила начало почти четырехлетнему сотрудничеству писателя в центральном органе Красной Армии. За эти годы Эренбург поместил в «Красной звезде» около *четырехсот* статей, памфлетов, корреспонденций и стихотворений.

«Конечно, тучны наши поля и сады. Но не для врага вызревают плоды, не для врага колосятся нивы. Для врага у нас не булки, а бомбы, враги живыми назад не уйдут»,— таков основной тезис первого выступления Эренбурга в «Красной звезде».

«Нужно будет много мужества, много выдержки, много самоотверженного труда, чтобы разбить военную машину Гитлера,— писал он в следующей статье, озаглавленной „Фашистские мракобесы“ (29 июня). — Но ее нужно разбить, иначе нет на земле мирной, спокойной жизни. И она будет разбита».

Статьи Эренбурга, напечатанные в «Красной звезде»,— это острые сатирические обличения идеологов и практиков немецкого фашизма, исполненные сарказма характеристики внутриполитического и экономического положения гитлеровской Германии, страстные призывы, адресованные советским воинам,— призывы к стойкости, мужеству, непримиримой ненависти и вере в конечную победу.

«Коричневая вошь», «Рыцари с отмычкой», «Мото-мех-мешочники», «Обер-хапуны», «Голодные крысы», «Дворня обнаглела», «Волк в чепчике», «Хуже зверей», «Хорек в мундире», «Василиск», «Пауки в банке», «Каннибалы с погонами», «Развороченное логово», «На черепах», «Обер-могильщик», «Черная душа», «Ледяные слезы», «Зверь в очках», «Ведьма в рубашке», «Тигр хнычет», «Отомстить!», «Пулю в СС!», «Мы не забудем!», «Мы выстоим!», «Выгоним!», «Мы им припомним!», «Выморозить их!», «Руки коротки!», «Близится час!» — таковы наиболее характерные заглавия статей и памфлетов Эренбурга в этот период.

«Фронт любит огненное слово. Вот почему так невероятно известен Эренбург,— писал в 1944 г. Н. Тихонов.—И громадная заслуга его в том, что он помог разоблачить „непобедимого“ германца-фашиста, помог распознать в хвастливом немецком нахале первых месяцев войны жадного, вороватого фрица, тупого и кровожадного. Эренбург убивал страх перед немцем, он представлял гитлеровца в его настоящем виде» [5].

С торжественным обращением «Бойцу Красной Армии» выступила 8 июля Ванда Василевская:

«...Боец Красной Армии! Мы все с тобой. Каждое сердце на советской земле бьется глубочайшей любовью к тебе и горит верой в твое геройство. Мы все думаем о тебе, мы все готовы отдать свои силы и свою жизнь делу, за которое ты сражаешься.

Сегодняшний день — день тяжелых испытаний — объединил нас в едином стремлении, в едином усилии ⟨...⟩ Весь цивилизованный мир, затаив дыхание, смотрит, как на земле, в небесах и на море ведешь ты самоотверженную борьбу с лютыми врагами человечества. И весь этот мир желает тебе полной, блистательной победы».

В этот же день в «Красной звезде» появилась и первая статья Петра Павленко — «Изверги и людоеды»; в ней описывались издевательства, которым подвергали советских военнопленных немецкие фашисты. С первых же дней войны Павленко стал одним из самых активных корреспондентов газеты. Его многочисленные очерки,

ПОСЛЕ РАЗГРОМА НЕМЦЕВ ПОД МОСКВОЙ
Редактор «Красной звезды» Д. И. Ортенберг (Вадимов) и И. Г. Эренбург на передовых позициях
Фотография. Западный фронт (Можайское направление), декабрь 1941 г.
Собрание Д. И. Ортенберга, Москва

передававшиеся в «Красную звезду» по телеграфу и по радио — из Крыма, с Кубани, горного Кавказа, Западного фронта, из-за рубежа,— представляли собой живые зарисовки военного быта, портреты фронтовиков и партизан.

8 июля дебютировали в «Красной звезде» Борис Лапин и Захар Хацревин, направленные редакцией на Юго-Западный фронт в качестве специальных военных корреспондентов. «В боевой обстановке фронта,— писал о них впоследствии Лев Славин,— Лапин и Хацревин показали себя бесстрашными людьми. Мне кажется, что это бесстрашие покоилось не только на их личных свойствах, на врожденной силе духа или на крепости нервной организации. Мне кажется, что это бесстрашие происходило и от острого осознания благородства цели, за достижение которой борется Советский Союз и обороняющая его Красная Армия, от сознания, что вся чистота и правота мира на нашей стороне» [6].

В своей первой корреспонденции (из серии «Письма с фронта»), озаглавленной «На военной дороге», описывая «незабываемое зрелище вооруженного народа, грудью встречающего полчища врагов», авторы отмечали: «С безграничной верой в победу, с бесстрашием встречают эти люди трудные испытания Великой Отечественной войны народа. Стоит посмотреть на них — этих ясноглазых, упрямых, смелых, находчивых людей, чтобы понять — на земле и в воздухе такие парни не подведут».

В следующей корреспонденции — «Пленные», — напечатанной через два дня под той же рубрикой «Письма с фронта», Лапин и Хацревин так характеризовали немецких военнопленных: «Усталость, незнание, за что ведется война, страх перед Советским Союзом и хвастливая болтовня, затверженные маниакальные слова о господстве над всем миром, варварская кровожадность, обращенная в самоцель, нервность, проступающая сквозь трескучий милитаристский словарь, грызущее недовольство настоящим и боязнь будущего — вот что характерно для настроения солдат армии фашизма».

В этой характеристике противника, основанной на беглом знакомстве с небольшой группой немецких военнопленных, не все может считаться, для первого периода войны, объективно верным обобщением. Однако в ней отчетливо проявилась вполне понятная тенденция, о которой впоследствии говорил К. Симонов:

«В те дни мы отступали... Какая бы тяжелая обстановка ни складывалась на том участке фронта, где мы были, мы по зернышку собирали в горсть все то, что говорило нам о надеждах на будущее, о непреложности веры в окончательную победу ⟨...⟩ Найти факты, подтверждающие нашу веру в победу, было не только нашим гражданским долгом, но и душевной потребностью» [7].

Лапин и Хацревин напечатали в «Красной звезде» еще семь корреспонденций. Появившаяся в номере от 18 сентября статья «Киев в эти дни» оказалась последней: оба писателя погибли на своем ответственном посту военных корреспондентов во время осеннего наступления немецких войск на Украине.

«С волнением перебираешь сейчас эти газетные вырезки,— писал Лев Славин по поводу корреспонденций Лапина и Хацревина в „Красной звезде“.— Они пожелтели от времени. Но короткие фразы еще горячи. В них жар боя и пламя горящих хлебов на полях Украины. Как все написанное Лапиным и Хацревиным, эти корреспонденции о тяжком военном лете 1941 г. дышат верой в победу, волей к победе» [8].

В те же дни началось сотрудничество в «Красной звезде» и Алексея Толстого. Его первая статья «Армия героев» была опубликована 9 июля.

«Мы, советские писатели и граждане и наша Красная Армия, боремся за правду,— писал Толстой в статье „Лицо гитлеровской армии“ (31 августа).— Человечность — имя этой правды. От имени ее заявляю на весь мир, всем, всем гражданам и воинам свободных стран, борющихся с фашизмом, а также германскому народу я заявляю: немецкие солдаты и охранные отряды фашистов совершают столь непостижимые уму зверства, что — прав Геббельс — чернила наливаются кровью, и будь у меня угрю-

«СЛОВО О 28 ГВАРДЕЙЦАХ»

Первое отдельное издание поэмы Н. С. Тихонова. М., Воениздат, 1942

Обложка

Впервые поэма была напечатана в «Красной звезде» 22 марта 1942 г.

«ОТ ЧЕРНОГО ДО БАРЕНЦОВА МОРЯ»

Сборник военных корреспонденций К. М. Симонова. М., «Сов. писатель», 1942—1945 (кн. 1—4)

Обложка четвертой книги

Сборник составлен из очерков, написанных в 1941—1945 гг. для газеты «Красная звезда»

мая фантазия самого дьявола,— мне не придумать подобных пиршеств пыток, смертных воплей, мук, жадных истязаний и убийств, какие стали повседневным явлением в областях Украины, Белоруссии и Великороссии, куда вторглись фашистско-германские орды» [9].

В августе 1941 г. редакцией «Красной звезды» был направлен на Западный фронт в качестве специального корреспондента Михаил Шолохов (еще до этого, 31 июля, на страницах газеты появился его очерк «В казачьих колхозах»). Результатом этой поездки явились две корреспонденции — «На Смоленском направлении» и «Гнусность». Они многократно перепечатывались и теперь широко известны.

«Советский военный корреспондент — это журналист особого склада,— писал в одном из своих очерков 1942 г., предназначенных для иностранной печати, Валентин Катаев.— Это настоящий солдат. У него в полевой сумке блокнот, карандаш, карта. У него на боку пистолет, а на шее автомат. Каждую минуту он готов писать или стрелять, в зависимости от обстановки. В армии корреспондента можно встретить всюду: от тыла фронта до переднего края обороны и очень часто далеко впереди нее — в глубоком тылу неприятеля, среди партизан.

Работу военных корреспондентов ведут не только профессиональные журналисты, газетчики-хроникеры. В числе военных корреспондентов на фронте постоянно находятся писатели, драматурги, поэты „больших форм“. Зачастую это люди с крупными литературными именами, известными далеко за пределами Советского Союза. Например, кто не знает Михаила Шолохова? Это всемирно известный писатель, академик. Его роман „Тихий Дон“ переведен почти на все языки мира. Им зачитываются в Англии и Америке. Его имя ставят рядом с именами Толстого, Чехова, Горького.

Недавно я встретился с Шолоховым на фронте. Я не сразу узнал его. Пилотка, шинель, пистолет. Ничего похожего на знаменитого писателя. Скорее всего это пехотный капитан. С небольшой группой товарищей он пробирался по лесу к командному пункту. Над лесом с шумом проносились немецкие пикирующие бомбардировщики.

Изредка свистела бомба, и лес был потрясен разрывом крупной фугаски. Падали ветки, сбитые осколками. Впереди заливались пулеметы. Шел бой.

Мы встретились, как будто вокруг не происходило ничего особенного, как будто это не лес, не передний край обороны, а кафе „Националь" в Москве ⟨...⟩

С воем пролетела немецкая мина. Лес задрожал от дробного взрыва. Мы расстались. Я обернулся и некоторое время видел еще по-казацки ловкую фигуру Шолохова, мелькающую среди стволов леса, потрясенного разрывами мин» [10].

Среди писателей, особенно активно выступавших в качестве военных корреспондентов «Красной звезды» с самого начала войны и до ее победного завершения, нельзя не отметить Евгения Габриловича, Бориса Галина, Василия Ильенкова, очерки которых привлекали читателей своей актуальностью и сохранили значение до наших дней как добросовестная хроника жизни и боевой деятельности Красной Армии 1941—1945 гг. Все трое разрабатывали преимущественно жанры биографического очерка-портрета и «фактографического» рассказа. В 1941 г. с фронтовыми корреспонденциями нередко выступал также Николай Богданов.

Характерной особенностью литературного отдела «Красной звезды» этого периода было частое обращение писателей и поэтов к боевым заслугам конкретных участников войны. Василий Гроссман, Семен Кирсанов, Петр Павленко, Василий Лебедев-Кумач, Михаил Светлов, Михаил Голодный и другие опубликовали множество очерков и стихотворений, посвященных подвигам летчиков, танкистов, разведчиков, санитаров, саперов, партизан. Часть из них появилась под рубрикой «Герои Отечественной войны» [11].

6 июля «Красная звезда» напечатала, как и все другие газеты, сводку Совинформбюро, в которой лаконично сообщалось о героизме командира воздушной эскадрильи капитана Гастелло, который направил свой пылающий самолет на скопление автомашин и цистерн противника.

Перевернув страницу, читатели «Красной звезды» могли увидеть стихотворение Михаила Голодного «Подвиг капитана Гастелло». Приводим его последние строки:

Такими делами бессмертен народ,
Я славлю твой подвиг, Гастелло.
Погиб ты, но дело твое не умрет —
Бессмертно народное дело!

10 июля с очерком о герое выступили в газете П. Павленко и П. Крылов.

Имя Гастелло приобрело таким образом популярность еще до того, как подвиг его был официально отмечен (26 июля) посмертным присвоением ему звания Героя Советского Союза.

Константин Симонов, «поэт боевой молодости», как метко охарактеризовал его Н. Тихонов [12], впервые выступил в «Красной звезде» 24 июля со стихотворением «Презрение к смерти» [13], посвященным памяти одного из незаметных героев войны — наводчика Сергея Полякова. Оно завершалось строками:

...Учись, как нужно презирать
Опасности в бою,
И если надо — умирать
За Родину свою.

Афоризмы другого стихотворения Симонова — «Секрет победы», посвященного летчику-истребителю Николаю Терехину, вероятно, навсегда запечатлелись в памяти фронтовиков — читателей «Красной звезды»:

В чем наш секрет победы?
— В том, чтоб упрямым быть,
В том, чтобы, как ни худо,—
Назад ни на полшага!
И если уж думать о смерти —
То только о смерти врага.

У храбрых есть только бессмертье,
Смерти у храбрых нет.
Не хочешь смерти — будь храбрым!
Вот вам и весь секрет[14].

С 31 августа Симонов начинает выступать в «Красной звезде» не только как поэт. С этого дня в центральном органе Красной Армии часто публикуются его динамичные корреспонденции с Южного, Западного, Центрального и Северного фронтов. Мужественный оптимизм, «глубинное» знание фронтовой жизни и психологии участников войны было оценено военным читателем. Фронтовая поэма Симонова «Сын артиллериста», присланная автором с Севера и напечатанная 7 ноября, еще более способствовала упрочению популярности молодого писателя в армии. В последнем номере «Красной звезды» 1941 г. появилась корреспонденция Симонова с Западного фронта «Июнь — декабрь», в которой описывался подвиг генерала Лизюкова[15].

С 3 августа по 6 сентября, почти ежедневно, в газете печатался дневник специального корреспондента «Красной звезды» А. Полякова, озаглавленный «В тылу врага». Попав в окружение вместе с воинской частью, при которой он находился, Поляков воссоздал в своем корреспондентском дневнике многие подробности жизни советских людей в фашистском тылу и описал деятельность своего отряда, мужественно пробивавшегося через вражеские кордоны. Эта серия дневниковых записей, содержавшая актуальный материал в отличном литературном обрамлении, была встречена с интересом не только фронтовыми читателями, но и за рубежом, где многократно переиздавалась на иностранных языках [16].

«Эти очерки надолго останутся историко-художественным документом целого этапа нашей войны с немцами,— отмечалось в некрологе Полякова, скоропостижно скончавшегося осенью 1942 г.— Они сыграли немалую роль в формировании военной психологии наших людей, показав им, что „не так страшен чёрт, как его малюют", что пресловутые окружения немногого стоят, если бойцы сражаются бесстрашно, умело, стойко. Мобилизующая сила очерков Полякова очень велика еще и потому, что в них разбросано множество практических указаний о борьбе в тылу врага» [17]*.

Из стихотворных произведений, опубликованных во второй половине 1941 г., особенно выделяются восемь стихотворений Михаила Светлова. Два из них — «Ночь под Ленинградом» и «Клятва» — были переданы автором в редакцию «Красной звезды» по телеграфу из Ленинграда.

Десять стихотворений Михаила Голодного, помещенных в 1941 г. в «Красной звезде», также посвящены, главным образом, подвигам бойцов и офицеров Красной Армии и партизанам.

В первый месяц войны активно выступал в газете Семен Кирсанов. Стремление использовать лучшие традиции Маяковского, приобретшие в новой исторической обстановке особую действенность, нередко помогало поэту вступать в живой контакт с военной читательской аудиторией **.

Навсегда останутся в истории (не только в истории литературы) выступления ряда виднейших советских писателей в конце 1941 г., когда у стен столицы решались судьбы всего человечества.

«Крепче отпор врагу!», «Отстоим Москву и Донбасс!», «Нас не согнешь!» —

---

* Время от времени выступали в «Красной звезде» 1941 г. со статьями, очерками и корреспонденциями Борис Агапов, Василий Ардаматский, Федор Гладков, Василий Гроссман, Д. И. Заславский, Всеволод Иванов, Анна Караваева, Вадим Кожевников, Елена Кононенко, Александр Корнейчук, Ксения Львова, Владимир Лидин, Хаджи Мурат Мугуев, Лев Озеров, Федор Панферов, Лев Славин, Овадий Савич, Николай Тихонов, Семен Трегуб, Борис Ямпольский и др. Нельзя не отметить обширный очерк Владимира Ставского «В блиндаже», в котором описывались боевые будни фронтовиков.

** Отдельные стихотворения в «Красной звезде» 1941 г. опубликовали Демьян Бедный, Петрусь Бровка, Сергей Городецкий, Александр Жаров, Янка Купала, Сергей Михалков, Михаил Рудерман, Владимир Соловьев, Иосиф Уткин и Екатерина Шевелева.

вот наиболее характерные заголовки передовых статей «Красной звезды» в эти тревожные дни.

«Ни шагу дальше! ⟨...⟩ — восклицал в статье „Москве угрожает враг" Алексей Толстой.— Встанем стеной против смертельного врага ⟨...⟩ Красный воин должен одержать победу. Страшнее смерти позор и неволя. Зубами перегрызть хрящ вражеского горла — только так! Ни шагу назад! Ураганом бомб, огненным ураганом артиллерии, лезвиями штыков и яростью гнева разгромить германские полчища!⟨...⟩ Родина моя, тебе выпало трудное испытание, но ты выйдешь из него с победой, потому что ты сильна, ты молода, ты добра, добро и красоту ты несешь в своем сердце. Ты вся — в надеждах на светлое будущее, его ты строишь своими большими руками, за него умирают твои лучшие сыны. Бессмертная слава погибшим за родину. Бессмертную славу завоюют себе живущие» [18].

В приведенной выдержке рельефно выступают лучшие черты публицистики Толстого. «Его статьи 1941—1942 гг. в дни обороны Москвы,— писал о Толстом в „Красной звезде" П. Павленко,— незабываемы по тяжелой богатырской силе, по звучности зова, по языку, торжественно величественному, как клятва в разгар сражения» [19].

Илья Эренбург отмечал в «Красной звезде» в связи с шестидесятилетием писателя: «В дни войны Алексей Толстой оказался на посту. Его слова приободряли, веселили, горячили бойцов. Толстой не ушел в молчание, не ждал, не ссылался на отчужденность муз от музыки боя. Толстой говорил в октябре 1941 года, и Россия этого не забудет» [20].

Свою знаменитую статью «Выстоять!», напечатанную 12 октября, Эренбург заключил следующими словами:

«Враг наступает. Враг грозит Москве. У нас должна быть одна только мысль — выстоять. Они наступают, потому что им хочется грабить и разорять. Мы обороняемся, потому что мы хотим жить. Жить, как люди, а не как немецкие скоты ⟨...⟩ Мы должны выстоять. Октябрь сорок первого года наши потомки вспомнят, как месяц борьбы и гордости. Гитлеру не уничтожить Россию! Россия была, есть и будет».

С взволнованным призывом обратился в эти дни к москвичам Всеволод Вишневский: «Москва! Мы, ленинградцы-краснофлотцы, плечом к плечу с тобой, родная, белокаменная! ⟨...⟩ Москва! Твоя воля и сила сейчас решают многое. Брат твой Ленинград делает свое дело... Двигай все живое, боевое, честное — в бой! ⟨...⟩ Мы знаем, ты, Москва, будешь достойна имени своего ⟨...⟩ Примите наш братский привет! Гул на подступах к Москве сливается с гулом орудий Краснознаменного Балтийского флота Ленинграда. Воля и мысли наши сливаются с твоими, Москва» [21].

28 ноября в «Красной звезде» появилась передовая статья (без подписи) «Завещание 28 павших героев», одно из самых известных произведений советской военной публицистики. Автор ее, Александр Кривицкий, впервые сделал достоянием общественности подвиг двадцати восьми панфиловцев, героически павших на подступах к Москве:

«В грозные дни, когда решается судьба Москвы, когда вражеский натиск особенно силен, весь смысл жизни и борьбы воинов Красной Армии, защищающих столицу, состоит в том, чтобы любой ценой остановить врага, преградить дорогу немцам,— писал Кривицкий.— Ни шагу назад — вот высший для нас закон. Победа или смерть — вот боевой наш девиз. И там, где этот девиз стал волей наших людей, там, где наши бойцы прониклись решимостью до последней капли крови оборонять Москву, отстоять свои рубежи или умереть,— там немцам нет пути». Описание последней схватки бойцов-панфиловцев с отрядом вражеских танков, схватки, перед которой меркнут многие прославленные эпизоды военного героизма, автор завершил словами: «Погибшие герои Отечественной войны — двадцать восемь доблестных гвардейцев из дивизии имени Панфилова — завещали нам упорство и твердость, стойкость и презрение к смерти — во имя победы над заклятым врагом. Мы исполним этот священный завет до конца. Мы отстоим Москву, разобьем гитлеровскую Германию, и солнце нашей победы навеки озарит тела советских воинов, павших на поле брани».

Через несколько дней после появления в «Красной звезде» статьи Кривицкого она была полностью перепечатана бесчисленным множеством газет и журналов и,

В ЭСКАДРИЛЬЕ «НОРМАНДИЯ»

Слева направо: лейтенант Марсель Лефевр, майор Я. А. Милецкий, командир эскадрильи майор Жан Луи Тюлян, Л. В. Никулин
Фотография С. И. Лоскутова. Полевой аэродром (Калужская область), июнь 1943 г.

Собрание С. И. Лоскутова. Москва

Французские летчики М. Лефевр и Ж. Л. Тюлян погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Марсель Лефевр посмертно удостоен звания Героя Советского Союза
Очерк Л. Никулина о «Нормандии» был напечатан в «Красной звезде» 3 июля 1943 г.

вышла отдельными изданиями у нас и за рубежом в миллионах экземпляров, прославив на весь мир легендарный подвиг двадцати восьми советских героев.

Возвращаясь к той же теме в связи с похоронами одного из панфиловцев, Кривицкий писал в «Красной звезде» 22 января 1942 г.:

«Когда в бою умирают гвардейцы, крылатая слава слетает с воинского знамени и незримо становится в почетный и бессменный караул у изголовья погибших. Далеко по советской земле разнеслась весть о подвиге двадцати восьми гвардейцев-панфиловцев, сложивших свои головы на поле брани. Мы еще не знали всех подробностей их гибели, еще не были названы имена героев, тела их еще покоились на земле, захваченной врагом, но уже обходила фронты молва о сказочной доблести двадцати восьми советских богатырей».

В этой статье Кривицкий сообщил читателям «Красной звезды» новые подробности о подвиге панфиловцев и впервые обнародовал имена героев [22].

В своих воспоминаниях Кривицкий впоследствии писал:

«Тогда же из осажденного Ленинграда по вызову редакции на несколько дней прилетел Николай Тихонов 〈...〉 Всю ночь проговорили мы с ним в большом номере гостиницы „Москва“. Я рассказывал ему всё, что знал о панфиловцах.

Разговор имел тайную цель, известную только мне и редактору. Надо было побудить Николая Семеновича написать стихи о двадцати восьми героях. Трудно удивить ленинградца мужеством. Но Тихонов слушал, беспокойно вышагивал номер своей кавалерийской походкой, переспрашивал. Через неделю он прочел нам в редакции поэму — „Слово о 28 гвардейцах“.

Звучали обжигающие слова:

Нет, героев не сбить на колени,
Во весь рост они стали окрест,
Чтоб остался в сердцах поколений
Дубосекова темный разъезд...

„Слово...“ напечатали в „Красной звезде“ 22 марта 1942 г.

Не знаю, что думают об этой поэме критики,— они не ругали ее и не хвалили. На фронте ее заучивали наизусть. Я помню ее до сих пор от первого до последнего слова» [23].

Для номера «Красной звезды» от 31 декабря 1941 г. Тихонов передал по телеграфу из осажденного города Ленина свое энергичное стихотворение «Пощады нет!». Пророчески прозвучала в нем заключительная строфа:

Пощады нет, и, мстя, мы твердо знаем —
Она пройдет — смертельная пурга,
Последний залп над Рейном и Дунаем,
Сразит насмерть последнего врага.

* * *

В «Красной звезде» от 1 января 1942 г. с обращением к бойцам и офицерам Красной Армии выступил Илья Эренбург:

«С Новым годом, Красная Армия! Ты выдержала страшные дни. Ты не отдала немцам Москвы. Теперь перед тобой дорога славы и победы. Ты пройдешь по нашей освобожденной земле, как весенний ветер. Ты пройдешь по Германии, как очистительная гроза 〈...〉 Впереди, за жертвами и за подвигами, нас ждет чудесное будущее».

«Эренбург 〈...〉 — прежде всего — солдат,— писал в „Красной звезде“ К. Симонов.— Мало того — солдат передовой линии. Эренбург не любит употреблять в своих статьях местоимение „я“. Может быть, многие из его преданных читателей, людей, ежедневно ждущих с нетерпением его статей и фельетонов, все-таки, из-за этой его нелюбви упоминать о себе, не знают, что он частый гость в армиях Западного фронта, что многие его статьи написаны не в Москве, не в редакции, а под Брянском, под Можайском, под Волоколамском 〈...〉 Но на Западном фронте хорошо знают и не только статьи Эренбурга. На Западном фронте хорошо знают его сутуловатую фигуру. Вот он вылезает из машины, вот он идет вместе с командирами и бойцами туда, где рвутся снаряды, туда, откуда видно поле боя,— сегодня под Бородином, завтра под Гжатском,— то поле боя, которое сейчас он должен непременно увидеть своими глазами, для того чтобы завтра написать о нем так, чтобы оно встало в глазах сотен тысяч людей» [24].

В том же новогоднем номере газеты появилась статья Ванды Василевской, озаглавленная «Ненависть».

«Настанет время,— писала она,— когда снова заколосится золотистая пшеница на украинских полях и разнесутся белорусские песни над серебряными от росы полями, и зашумят машины харьковских заводов, и ударит Днепр высокой волной в стены гребли и плотины. Тогда можно будет забыть о ненависти,— но сегодня — ни на минуту... Ненавидеть каждой мыслью, каждым чувством, каждым ударом сердца. В огне ненависти да сгорит, да превратится в пепел вражья сила! Выжечь след немецкой стопы с наших полей, с наших улиц и дорог, выжечь дотла! Мера нашей любви к родине — сила ненависти к врагу».

Передовая статья «Красной звезды» от 3 января называлась «Вперед, на Запад!» Таков был лейтмотив всей советской публицистики этого времени.

9 и 10 января были опубликованы большие корреспонденции Константина Симонова — «Последняя ночь» и «Предатель», объединенные общим заглавием «Письма из Крыма». В течение года Симонов напечатал в газете еще пятнадцать очерков, статей и корреспонденций с Южного, Западного, Сталинградского и Северного фронтов, в том числе «Русское сердце», «Воля командира», «Единоборство», «Солдатская слава», «Москва». Кроме того, в «Красной звезде» 1942 г. появились два рассказа и несколько

Немис оккупантларига ўлим!

Ўзбеклар

Юқорги жанубнинг офтобида куйган шу бугдой ранг йигитлар ва бизнинг совуқ шимолимиз ботқоқликлари ва ўрмонларида кўрган қилиқ бир карса. Лекин ўзбеклар сепиб: «Бизнинг еримиз» дейдилар. Улар бурунги рус шаҳри Ржев учун олишадилар ва у улар

Немис оккупантларига ўлим!

Қазақтар

Бір ғриц мағаи айтыс: «Бізге қарсы адам көрмейтін солдаттар шықты — олардың ешқайсысы ең қолтаға алмады, олар бізге тура шықты. Кейінгеи мен сұрастырсам, олар қазақ екен. Мен бұрын мұндай халық бар екен деп білмеуші едім...». Фрицтердің білімділігі жоқ. Олардың Ресей деп ел деп айтқан, бірақ бұл жер еліне жер адамдар тұратынын айтпаған.

Шығыстың далаларында, жан шыдамайтын ең бір ыстықта көшкен ер адамдар көп заманнан бері жасап келеміз. Қазақстанның даңқты батырлары мен ерлері туралы жомбоны жазып дастан

Немец оккупантарына үлем!

Татарлар

Тулчы Хазанов Дон бўйларида Татарстанны еслай, Аман йеме пешкан тенгелар белан тулган, Доннан безнен батареяны ата йде. Сугыш принсыпларын үрәнгәннәрдән сарай яна башлады. Хазанов окоп йўлаг тормалы, йолларга сларлларны ут эченнән тартып чыгарды. Ут аның йөзен һәм кулларын пешереп алды. О Хазанов: «Ни кирәкмәсе — сәхрәлар». Немецларны хәзер без пешереребез...» — дә.

Алар Татарстанны, Башкортстанны, Уралны, Идел буенны киләчәктә — алар кәнны солдатлар, кыюлар һәм кайбәрләр. «Бу татар сүзе, ул сынатмас...» — дигән сүзләре фронтта ең ышетерә торе кала.

Гафиятулла Нигматуллин — сәйләр. «Гади фронт чын да бетерә. Анда офицерларны һәм корректировщикларны үтерү күпләрәк» дә ул. «Көнәр сүзләр шәйтанлар кәләр», — ди Гафиятулла. «Нәрсә сиң, ул шайтан?» — дип сорадылар татарлардан. Гафиятулла кәләр: «Фриц — ин, шайтан — ин — икәсе дә бер — немець ла.

«Ма, ал, шайтан» дә да Мухәммәдзәрифә Хафизов немецны приклады белән башына кундырды. Татар ватыкка итек сугышларда зарәнә йөрәкне була. Исемен ефәктәрә Рульлаф Вольнет үзенең туганнәрә зарланып бәлә дә: «Монда безнә карны татарлар бик күп. Алар аладан ыланнан ятмәдәр, һәм яна татар белән очрәгә тугел, төнемә да очрәнне ятмә...». Мубәкәрдә үзенең сәбәлә ны Зәйдәгә хат язу: «Мин сина йәр кәй бер немецны үтерергә сүз бирәм» дә ул. Зәйдә сәйлаганын балкытмаган бик яхшы бала. Гаярдәнге татарлар татар кызларының намусы өчен сугышка барлар.

Татар кызларының хәйер сине турында уз жырларны бар, һәм Бойгудан даларлы:

«Энәгәр яланы биргән матур,
Үзең чәчәр, Бибекәй.
Егетне сөю оҗмахтан да,
Күз салмабсын, Бибекәй».

Юк, Бибекәй күз салыр. Сугыштан кайткач Байгузин ала: «Мин Ленинград янында сугыштым. Без һәйкәлне сакладык. Без яуне сакый алдык. Без сине, Бибекәй син сылу кызны сакладык» — диәр, һәм Бибекәй егетенә кул тоткыр.

Татар карты Сәлгәт Гыйматуллин үзенең улын сугышка озатканда: «Улым, батыр булырсың. Гыйматуллин семәнең халык эченнәдәлә югалтасың дигән юк. Әниләт Гыйматуллин Ленинград янында сугышты. Немецлар — яшьлә, бәхәсләшәр — тугызлау. Әниләт Гыйматуллин әйтмәдә. Ул батыр булып үлде. Аның батырлыгын Ленинград исемлә тота һәм беек һәйкәл. Сәлгәт Гыйматуллин картка: «Сиңа кайгы — әниең кайгы, сиңең горурлыгың — әниең горурлыгы» — дә.

Нури Хәлиуллин ни өчен сугышта? Ул үзенең сугышка кадәр булган тормышын түгәнда дәрәҗәнең сөйли: «Мин яхшы яшәдем, Безнең бөдәй мена инде яде, ике сыерым бар иде. Колхоз ат бирде. Ятым ат, аекыл кәлә ат...» Ни өчен Нури Хәлиуллин сугышта? Ул бирә үйга кәлә һәм яхшы кайтыр: «Татарлар — горур халык. Без немецне тезләнибез, без хәрлек яратабыз» дә ул.

Мена сугышчылар атакага бардылар. Рус белән янәшә Нури Хәлиуллин...

Немец оккупантларына үлем!

Башкорттар

Дошманга булган асыу йөрәкте пыялата. Бига бер дарыу бар: немецне үлтерәү. Башкорттар тыныс һәм яхшы халык, ләкин башкорттар азаплык ярапларр. Улар көрәштеләр, ышанслар, калалар һәм ауылдар алдылар, улар быны немец фон-колбасникларне башкорттарны „губит раса итеп" интектерәләр өсен эшламаслар. Дошманга булган асыу боны башкорт Әхмәтгали Ураҙметтың һәрвакыт кәлә. Ул алдынгы позицияларга кимәк килде. Ул немец ушы ярабында икәнен — тере немец бизнен ерәбезда икәнен бела иде. Башкорт Ураҙмев герәлеп Корбановка экрет тена: „немецне үлтерергә кәлә кә" тәнә — һәм сакрайында бәүга китекәнә кеше бер йотом быуы шулай һәрәй. Корбанов Ураҙмевка урман эчендәге аклаңны күрәтте лә: „Улар оҗмах нерәйәр. Кет" тәнә. Ураҙмев сәламләлын менән кетте. Бер такыт немецтәр күренделәр, улар бурала күтәрә алып бараллар. Ураҙмев ике немецне атып үлтерәе һәм шунда ук рәхәтләнеп. Йоклынен китте.

Башкорттар дошманга нәфрәт менән карай белалар. Башкорттарның нуыз дошманга карата бәрәнчә. „Ленинградтә бар. „Ленинградтә кайтыр иүкһыз. Инвен бәнсә, дәжәл, сыкәнсә, һәсмә ес бүлән күкка күтәрелән һәм каберен өстенә бысрак сусканлар ауыштырлар. Инвен каберенә һәсмә бысрак бәкалар кидеп, туғрағынды ашамыялар. Ислистан тәүгә!"

Башкорттар ярата да бәләләр, Старшина Хазиф Мәжитов боец Нәүмәнәкәнә уг астында яткырын калдырмыны, уз яраланган урынын яраның бәйләне, э уның буй үзе аулеметка тотонде. Башкорт халкының боронбородан бирле яхшы дусы — рус халкы бар. Бөгенге көн йылдар әлек рус казактарын һәм башкорттар бөгаланның азатлык өсен көрәштеләр. Башкорттарны кәрәдәге патриот, батыр һәм шәһәр Салауат Юлаев алын барды. 1812 йылда рустар менән бергә башкорттар Наполеонны кычуын өбәрделәр. Франция мемуарнсе Ложюн: „Бездә бигрәк тә, бөгге һәм үк менән кораллаңган башкорт отрядлоре интектеролар" тна язу. Фрицтер инде автоман менән кораллаңган башкорттарны күрәдәр. Хәйрулла Колсомбетов миномет менән атып, бер рота немецте юк итте. Салауат Кәримов бер өөү дәлә нәс фронте кырын. Фрицлар бер доктор Мейерсен „сәнә нәәтүк фәр Остланд" тигән газетаны... Дон далаларында бөдәен кырдай кешеләр менән, ләкин кыркынын ни икәнен бөлмәй торган башкорт томомо менән йүгашырга мәжбүр булуынбызны өстәрә карак" тип язуы ғәжәп тугы.

«УЗБЕКИ». «КАЗАХИ». «ТАТАРЫ». «БАШКИРЫ»
Очерки И. Г. Эренбурга, выпущенные в виде листовок на языках народов СССР, 1942.
Монтаж
Музей Революции СССР, Москва
Впервые очерки были опубликованы в «Красной звезде» 1942 года

стихотворений Симонова. Одно из этих стихотворений — «Письмо другу» («Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...»), опубликованное 3 февраля, приобрело среди читателей исключительную популярность и заслуженно считается одним из лучших произведений поэта.

В январе — феврале 1942 г. в «Красной звезде» печаталась «Русская повесть» Петра Павленко — одно из первых крупных произведений советской литературы, посвященных жизни партизан.

В статье «Балтийцы», появившейся 21 февраля, Всеволод Вишневский рассказал о боевой деятельности тысяч балтийских моряков, вставших в едином строю с Красной Армией для обороны побережья Финского залива и Ленинграда. «Придет день,— предсказывал писатель,— и подвиги моряков Балтийского флота, плечом к плечу бившихся вместе с бойцами Ленинградского фронта, станут живым народным преданием. Народ скажет: „Они первые остановили орды Гитлера... Это было под Ленинградом"».

Несколько корреспонденций с Юго-Западного фронта прислал в «Красную звезду» в начале года Василий Гроссман. Первая из них — «Дух армии» — появилась в газе-

те 5 февраля. Описывая свои впечатления от боев на Украине, куда снова возвратилась Красная Армия после прошлогоднего отступления, Гроссман отмечал: «...дух Красной Армии крепнет с каждым шагом вперед,— дух борьбы, дух бодрости, дух победы».

Большим успехом у читателей пользовались очерки и рассказы Александра Довженко, о которых подробно говорится выше, в воспоминаниях Д. И. Ортенберга.

Редакция «Красной звезды» охотно привлекала к сотрудничеству советских писателей из национальных республик. В 1942 г. на страницах газеты появились статьи, корреспонденции, рассказы и стихотворения Миколы Бажана, Ванды Василевской, Саввы Голованивского, Александра Корнейчука, Кайсына Кулиева, Леонида Первомайского, Натана Рыбака, Симона Чиковани.

В очерке Миколы Бажана, присланном с Юго-Западного фронта и опубликованном 15 марта под заглавием «Харьков борется», так характеризовалась жизнь оккупированного города: «Израненный, захлебывающийся собственной кровью зверь вполз на широкие улицы, гулкие площади большого города. Немцы думали здесь зализывать свои раны, отдыхать и выжидать ⟨...⟩ Над Харьковом навис кошмар фашистских расправ, казней, голода и бесправия ⟨...⟩ Великий город украинского народа борется, он мстит, он ждет. Час его освобождения близок...».

9 мая 1942 г. в «Красной звезде» была опубликована статья Николая Тихонова «Ленинград в мае» — первая из серии корреспонденций, которые писатель с той поры ежемесячно присылал в газету из осажденного Ленинграда. Не только название и тема этих корреспонденций роднит их с классическими севастопольскими очерками Льва Толстого — «Севастополь в декабре месяце», «Севастополь в мае», «Севастополь в августе 1855 года», — но и художественная сила, правдивость, гуманизм, патриотический дух. В течение 1942—1944 гг. Тихонов посвятил жизни и борьбе города-воина и его героического населения двадцать один очерк из этой серии; вначале они публиковались во второй декаде текущего месяца, затем установилась традиция — печатать их в последние дни месяца, что придавало каждому очерку итоговый характер.

«Вся страна читала с волнением простые и мужественные, как сама жизнь, очерки Николая Тихонова,— писал в статье „Певец героического Ленинграда“ Н. Н. Кружков, — и, следя за ними, получала представление о том, как живет, борется, страдает и побеждает героический гордый город. Сила очерков Николая Тихонова заключалась не в их литературной красивости, не в изысканности слога, а в той благородной мужественности, какая является неотъемлемым элементом духовного строя Ленинграда и ленинградцев, в той суровой правдивости, которая впечатляет душу человека и оставляет в ней след навечно ⟨...⟩ Очерки, их правильней было бы назвать письмами, задушевными беседами писателя, художника, по справедливости могут быть названы документом эпохи, летописью грозной эпохи великой войны. Можно с уверенностью сказать: дети наши когда-нибудь с благоговением перелистают ее страницы, ибо в них — правда нашей священной борьбы». Тихонов, — писал автор статьи,— «своей неутомимой творческой деятельностью вселял бодрость в сердца людей, которые верили, знали — Ленинград, наш чудесный Ленинград, выстоит, победит, несмотря ни на что!» [25]

«Ответственность наша, писателей, сегодня очень велика,— отмечал 6 июля 1942 г. Тихонов в неопубликованном письме к Д. И. Ортенбергу.—Я только что получил письмо с фронта, где в одной роте прорабатывали, как пишет политрук, мой „рассказ“ „Ленинград в июне“, и бойцы вынесли такую резолюцию: „В ответ на патриотизм ленинградских женщин, стариков-бородачей и школьников, мы еще лучше укрепим свой оборонный рубеж, еще лучше овладеем наступательной тактикой и в скором будущем погоним бешеных фашистских собак от нашего славного Вердена — города Ленина“. И таких писем не одно. Хочу писать ярче, глубже, сильнее — единственное мое устремление. А жизнь сама покажет, куда направить главное усилие».

Помимо ленинградских «писем», ставших в 1942—1943 гг. краеугольным камнем публицистической деятельности Тихонова, он напечатал в «Красной звезде» ряд других статей, рассказов и очерков. В большинстве из них также описывалась жизнь осаж-

ПИСАТЕЛИ — СОТРУДНИКИ ГАЗЕТ «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА» И «КРАСНЫЙ ФЛОТ»
Слева направо: Б. А. Лавренев, Л. С. Соболев, В. И. Лебедев-Кумач, М. А. Светлов, А. А. Жаров
Фотография А. Л. Лесса. Москва, декабрь 1943 г.
Собрание А. Л. Лесса, Москва

денного Ленинграда. Несколько выступлений Тихонова в «Красной звезде» связано с обличением фашистского вандализма.

«Бойцы Ленинградского фронта знают, что́ они защищают,— писал он в статье „Ленинград сражается“ (24 июня).— Они знают, что в трудный час на помощь им встанет все население города 〈...〉 Настанет день, и на ленинградских улицах заалеют флаги победы. И летописцы Ленинграда положат на стол большую бессмертную книгу о страданиях, славе, подвигах и победе славного, трудового Ленинграда!»

25 июня появилась в «Красной звезде» корреспонденция Евгения Петрова «Севастополь держится», в которой описывался двадцатидневный штурм героического города. Каждый день во время этого штурма, писал Петров, должен быть приравнен к году. «Сила и густота огня, который обрушивает на город неприятель, превосходит все, что знала до сих пор военная история. Территория, обороняемая нашими моряками и пехотинцами, невелика. Каждый метр ее простреливается всеми видами оружия. Здесь нет тыла. Здесь есть только фронт. Ежедневно немецкая авиация сбрасывает на эту территорию огромное количество бомб, и каждый день неприятельская пехота идет в атаку в надежде, что все впереди снесено авиацией и артиллерией, что не будет больше сопротивления. И каждый день желтая, скалистая севастопольская земля снова и снова оживает, и атакующих немцев встречает ответный огонь 〈...〉. Город держится наперекор всему — теории, опыту, наперекор бешеному напору немцев. 〈...〉 Самый тот факт, что город выдержал последние двадцать дней штурма, есть уже величайшее военное достижение всех веков и народов. А он продолжает держаться, хотя держаться стало еще труднее».

Сотрудничество Петрова в «Красной звезде» трагически оборвалось вскоре же после публикации этой статьи. Печатая 9 июля его посмертную корреспонденцию «Прорыв блокады», редакция сопроводила ее следующим предисловием: «За несколько

дней до своей безвременной гибели писатель Евгений Петров отправился в Севастополь на лидере „Ташкент", который прорвался сквозь кольцо вражеской блокады к осажденному городу. Вернувшись на этом же корабле на побережье, Евгений Петров приступил к работе над очерком о походе для „Красной звезды". Гибель на посту прервала эту работу. Незаконченная рукопись была доставлена в Москву...».

«Всех нас глубоко опечалила смерть замечательного писателя и товарища Евгения Петрова,— писал Н. Тихонов редактору „Красной звезды" Д. И. Ортенбергу 6 июля 1942 г. в уже цитированном выше письме.— Конечно, война есть война, но сердце наше и волнение за дорогих сердцу людей неискоренимы, и наша скорбь непреходяща. Мы не боимся смерти, но бессмысленность ее в отношении наших лучших друзей всегда будет нас поражать, и нашим утешением может быть только то, что Евгений Петров погиб на посту, на трагическом геройском фоне бессмертного Севастополя 〈...〉 Конечно, на посту надо сегодня быть бессменно. В этом наша гордость и наше назначение».

Несколько ранее, в мае 1942 г., погиб в Харьковском окружении другой специальный корреспондент «Красной звезды», Михаил Розенфельд, успевший напечатать в газете несколько талантливых очерков из Действующей армии.

Опасность, нависшая над страной летом 1942 г., в связи с прорывом немцев к Волге и Кавказу, привела советскую публицистику в состояние особенно напряженной боевой тревоги.

«Немецкое наступление на Юге должно быть остановлено во что бы то ни стало. Для этого наши люди должны проникнуться сознанием всей серьезности положения, понять до конца, что каждую пядь земли на советском Юге нужно защищать, не щадя ни крови своей, ни самой жизни 〈...〉 Отстояв Юг, мы обескровим немецкую армию. Отстояв Юг, мы разрушим надежды немцев на летнюю кампанию, приблизим победу над врагом»,— читаем мы в передовой статье «Красной звезды» от 19 июля.

«Враг грозит Сталинграду. Враг рвется на Кубань. Суровые дни требуют от нас двойного мужества, двойной решимости 〈...〉 Если на твоем участке между раскатами орудий водворяется тишина, прислушайся к ней, и ты услышишь грозу над Доном, ты услышишь, как учащенно бьется сердце разгневанной России — сейчас решается ее судьба — на годы, может быть на века 〈...〉 Бойцы, в ваших руках будущее Родины»,— писал Эренбург [26].

Именно в этот период обострившейся опасности на страницах «Красной звезды» появился ряд особенно энергичных призывов к беспощадному уничтожению фашистских агрессоров: статья Алексея Толстого «Убей зверя!», стихотворения Алексея Суркова «Ненавижу!», Демьяна Бедного «Огонь!», Константина Симонова «Убей его!», в котором звучало, словно заклинание:

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

В этом ряду стоят также «Наука ненависти» Михаила Шолохова (перепечатка из «Правды») и, наконец, «Убей!» Ильи Эренбурга [27].

Эту последнюю статью, получившую, как известно, огромный резонанс в Советском Союзе и за рубежом, попыталась использовать в своих целях геббельсовская пропагандистская машина, адресуя Эренбургу лживые обвинения в разжигании национальной ненависти к немцам, хотя точка зрения Эренбурга (и всего советского народа) была незадолго до того с предельной четкостью высказана им самим в «Красной звезде» (статья «О ненависти»):

«Мы не мечтаем о мести: может ли месть утишить наше негодование? Ведь никогда советские люди не уподобятся фашистам, не станут пытать детей или мучить раненых. Мы ищем другого: только справедливость способна смягчить нашу боль. Никто не воскресит детей Керчи. Никто не сотрет из нашей памяти пережитого. Мы решили уничтожить фашистов: этого требует справедливость. Этого требует наше понимание чело-

веческого братства, доброты, гуманности. Мы знаем, что на земле могут ужиться люди разных языков, разных нравов, разных верований. Если мы решили уничтожить фашистов, то только потому, что на земле нет места для фашистов и для людей,— или фашисты истребят человечество, или люди уничтожат фашистов. Мы знаем, что смерть не может победить жизнь, и поэтому мы убеждены в том, что мы уничтожим фашистов» [28].

В 1942 г. тематика литературного отдела «Красной звезды» заметно расширилась по сравнению с предыдущим годом. Всё с большей энергией обличают советские художники и публицисты фашистских захватчиков, нередко используя подлинные документы, отобранные у немецких, итальянских и румынских военнопленных, и сообщения иностранной печати. Авторы статей и корреспонденций описывают чудовищные зверства немецких фашистов, трагическое положение оккупированных стран. Именно в 1942 г. появляется в лексиконе Эренбурга крылатое словечко «фриц», которое прочно вошло затем в народную речь для обозначения фашистского горе-вояки. Фельетоны Эренбурга, посвященные «фрицу-блудодею», «фрицу-литератору», «фрицу-историку», «фрицу-философу», «фрицу-гуманисту» и т. п., образуют особую группу памфлетов, обличающих гитлеровских преступников. Отметим оригинальную серию кратких очерков, напечатанных Эренбургом в 1942 г. и представляющих собой обобщенные характеристики отдельных народов Советского Союза, выступающих единым строем в ожесточенной борьбе против немецкого фашизма: «Казахи», «Узбеки», «Татары», «Евреи», «Киргизы», «Башкиры»... В том же году в газете появилось и несколько стихотворений Эренбурга.

Алексей Толстой опубликовал в «Красной звезде» 1942 г. семь статей. Приводим заглавия, дающие некоторое представление об их характере: «Отрубить им руки!», «Грозная сила народа», «Вера в победу», «Убей зверя!», «Смерть рабовладельцам», «Русский и немец», «Несокрушимая крепость». Кроме того, летом 1942 г. в газете были опубликованы его «Рассказы Ивана Сударева», в основу которых легли подлинные факты, сообщенные писателю участниками Отечественной войны.

7 августа напечатал в газете свою первую корреспонденцию (с Дона) — «Лицом к лицу» Алексей Сурков; 11 октября появилась вторая — из района Ржева — «Земля под пеплом», и в конце декабря — две корреспонденции со среднего течения Дона — «На юг и на запад». Такого же рода очерки Сурков помещал в газете и впоследствии. Особенно значителен большой цикл его корреспонденций из советского тыла — «Огни Большого Урала», печатавшийся в мае — июле 1944 г.

Вообще освещению жизни советского тыла «Красная звезда» уделяла немало места. В 1942 г. были напечатаны очерки Бориса Лавренева, Леонида Мартынова, Николая Москвина, Льва Никулина, Константина Паустовского, Аркадия Первенцева, Константина Финна, Мариэтты Шагинян и Вячеслава Шишкова — об Узбекистане, Сибири, Урале, центральной России,— которые представили читателю панораму жизни областей и республик Советского Союза, находящихся вдалеке от полей сражений, но обеспечивающих победу Красной Армии своим самоотверженным трудом.

«Фронтовой армейский газетчик и солдатский поэт» [29] Алексей Сурков напечатал в «Красной звезде» 1942 г. множество стихотворений — как чисто лирических, так и с явно выраженной публицистической окраской. Стихи Суркова привлекали военного читателя теплотой, искренностью, подлинно народным колоритом; содержание их было близко сердцу каждого фронтовика.

Одним из наиболее ярких произведений советской поэзии 1942 г. можно считать стихотворение Ильи Сельвинского «Я это видел», посвященное массовому убийству фашистами советских граждан в Керчи.

Это стихотворение, проникнутое глубоким трагизмом, завершается двустишием:

Да! Об этом — нельзя словами!
Огнем! Только огнем!

Стихотворение Сельвинского явилось поводом для выступления Геббельса, который попытался опровергнуть факты, описанные поэтом. На эту вылазку фашистского

министра пропаганды поэт отозвался стихотворением «Ответ Геббельсу», напечатанным во фронтовой газете «Вперед к победе!»

С 19 июля по 12 августа в «Красной звезде» печаталась повесть Гроссмана «Народ бессмертен» — первое значительное произведение советской прозы о наиболее трудных месяцах войны. Вслед за ней в газете появилась серия сталинградских корреспонденций Гроссмана — «В степном овраге», «Первая встреча», «Сталинградская переправа», «Царицын — Сталинград», «Сталинградская быль», «Направление главного удара» и «Сталинградское наступление». Эти развернутые картины боевой жизни участников легендарных сражений на Волге привлекли к себе внимание мирового общественного мнения и многократно перепечатывались в СССР и за рубежом. Они навсегда останутся образцом военной публицистики, сочетая в себе подлинную художественность, философское осмысление событий и проницательный анализ боевых действий*.

* * *

Успешное продвижение Красной Армии на Запад после разгрома фашистских войск под Сталинградом не могло не сказаться на литературном отделе «Красной звезды». Изменился общий характер и тон публикуемых материалов. Реальное торжество советского народа над врагом, терпящим одно поражение за другим, заняло, наконец, место предвидений и страстных надежд.

Описывая результаты героической битвы на Волге, Василий Гроссман отмечал в новогоднем номере 1943 г.: «...сегодняшний сталинградский день не похож на отошедшие дни октября и ноября. Русский солдат вышел из земли, вышел из камня, он распрямился во весь рост, он ходит спокойно, неторопливо 〈...〉 Да, наши бойцы завоевали солнце, завоевали дневной свет, завоевали великое право ходить по сталинградской земле во весь рост под голубым небом. Только сталинградцы знают цену этой победы, и они сами смеются, глядя на движение войск и машин под солнцем. Ведь долгие месяцы малейшее шевелящееся пятнышко вызывало на себя тяжелый огонь немецких войск. Ведь долгие месяцы тысячи людей ожидали ночи, чтобы выйти из камня и земли, вдохнуть глоток свежего воздуха, расправить онемевшие руки. 〈...〉 Да, все меняется, все изменилось в Сталинграде. Справедлив и грозен закон истории, непоколебима воля наших сталинградских армий».

Следует заметить, что, начиная с 1943 г., литературные произведения печатаются в «Красной звезде» значительно реже, чем в предыдущие два года, и номер, почти целиком заполненный официальными материалами, перестает быть исключением. Все чаще и чаще на газетных столбцах стали появляться приказы Верховного Главнокомандования, оповещающие об освобождении Красной Армией бесчисленных городов, областей и населенных пунктов. За этими приказами обычно следовали длинные списки бойцов и офицеров, награждаемых орденами и медалями, и многочисленные обращения различных организаций и отдельных лиц с рапортами о производственных достижениях и пожертвованиях в фонд обороны. Такого рода материалы не могли не оттеснять, а порой и совсем вытеснять со страниц газеты очерки и рассказы писателей. Быть может, и редакция, в связи с блистательными успехами Советской Армии, стала придавать несколько меньшее значение литературному оружию. С другой стороны, некоторые из сотрудничавших в «Красной звезде» писателей именно в это время целиком погрузились в работу над крупными произведениями эпического характера, стремясь обобщить опыт первых боевых лет. Как бы то ни было, факт остается фактом: литературных произведений в газете, по сравнению с предыдущими годами, становится все меньше, а многие видные писатели, активно

---

* Из других авторов, эпизодически участвовавших в 1942 г. в «Красной звезде», назовем Маргариту Алигер, Павла Антокольского, Демьяна Бедного, Александра Безыменского, Евгения Долматовского, Льва Копелева, Переца Маркиша, Сергея Михалкова, Михаила Матусовского, Юрия Нагибина, Федора Панферова, Константина Паустовского, Андрея Платонова, Елизавету Ратманову, Михаила Светлова, Александра Твардовского, бр. Тур, Ицика Фефера, Иосифа Уткина, Екатерину Шевелеву, Степана Щипачева. Летом этого года довольно часто печатались корреспонденции с фронта Льва Озерова.

сотрудничавшие в «Красной звезде», начинают печататься в ней гораздо реже. Илья Эренбург, например, в 1943 г. опубликовал втрое меньше статей, чем в 1942 г. В 1944—1945 гг. явление это стало еще более заметным. Для стихов редакция, впрочем, делала некоторое исключение.

В статье «Ленинград — Волхов», вызванной радостным известием об освобождении нашими войсками жизненно-важной дороги, Тихонов писал 29 января: «Добыть полную свободу великому городу — вот задача, вот долг, вот цель. И все-таки уже сегодня огромная радость думать, что путь Ленинград — Волхов свободен, что можно проехать из Ленинграда в Москву, в любой город Союза, что кольцо блокады разбито, прорвано. И когда машина снова приближается к ночному Ленинграду, эта радость вспыхивает с новой силой. Ленинград продолжает бой, и в этом бою он победит окончательно».— Последнее «письмо» из традиционной серии Тихонова о Ленинграде, озаглавленное «Победа», появилось 30 января 1944 г. Этот рассказ о том, как был освобожден Ленинград, представлял собой прекрасное завершение давно начатого цикла.

По-прежнему внимание читателей привлекала неутомимая деятельность специального корреспондента газеты — Константина Симонова, присылавшего с разных фронтов свои очерки, стихотворения и рассказы. Чутко откликаясь, как и прежде, на все сколько-нибудь значительные события, писатель старался преодолеть несколько схематический характер своих прежних очерков и заменить беглые и часто случайные зарисовки более конденсированной передачей своих богатейших жизненных впечатлений. Это стремление к эпической манере, к обобщенному воспроизведению действительности является новой чертой, явственно проступающей в творчестве лучших писателей, пожалуй, именно с 1943 — переломного — года. Позднейшее творчество Симонова-романиста в значительной мере опиралось не только на запас наблюдений, накопленных писателем в период войны, но и на тот творческий метод, которым он начал успешно овладевать в своих очерках 1943 г. Приведем характерную выдержку из корреспонденции «Дорога к Азовскому морю», которая вызывает в памяти лучшие страницы позднейших романов Симонова:

«Милая, родная, до слез любимая и в то же время, боже мой, какая печальная, опустошенная немцами земля! День — пепелища, пепелища, сорванные кровли, свернутые в черные железные узлы рельсы, подъятые дыбом мосты. Ночь—в косых лучах фар черные провалы окон и сорванных с петель дверей. Кирпич, стекло, обломки, и снова кирпич, стекло, обломки. Поневоле ловишь себя на том, что мстительно, злорадно, беспрестанно, не отрывая глаз, считаешь немецкие трупы, немецкие кресты, брошенные немецкие машины...» и т. п. [30]

Заметное место в «Красной звезде» 1943 г. занимают талантливые реалистические очерки Андрея Платонова, непосредственного участника боев, мастерски передававшего быт и психологию «тружеников войны» — незаметных героев, составлявших костяк Красной Армии [31].

Многочисленные корреспонденции Петра Павленко, присылавшиеся автором преимущественно с Северного Кавказа, по-прежнему живо воспроизводили боевые эпизоды и наиболее колоритные сценки из жизни освобожденных областей и республик.

5 июля 1943 г. немецко-фашистские войска предприняли мощное наступление на Орловско-Курском и Белгородско-Курском направлениях. Завязались ожесточенные и продолжительные бои, в течение которых наша армия полностью разгромила наступавшие дивизии противника. «Красная звезда» день за днем отражала на своих страницах ход боевых действий. Среди специальных корреспондентов газеты здесь были Борис Галин, Савва Голованивский, Василий Гроссман, Константин Симонов, Илья Эренбург.

В статье «Июль 1943 года», напечатанной 27 июля, Гроссман писал:

«Немцы не прошли на Белгородско-Курском направлении. Немцы не прошли на Курско-Орловском направлении. Самое концентрированное из всех летних немецких наступлений провалилось ⟨...⟩ Немцы не прошли.

Среди созревших пшеничных полей, среди огромных, сладостно пахнущих лугов, в серой и желтой пыли, под грозовым июльским небом, под грохотанье высокого грома, под порывами жаркого, душного ветра движутся по дорогам наши танки, колонны артиллерии, грузовики с мотопехотой, скрипят полковые обозы. Радиаторы машин, башни тяжелых танков, дула пушек украшены колосьями ржи, букетами гвоздики, васильков, полевой ромашки.

Красная Армия идет вперед».

Летом 1943 г. выступили с несколькими корреспонденциями из Действующей армии Александр Авдеенко, Валентин Катаев и Лев Никулин. Наиболее интересный из очерков Никулина посвящен боевой деятельности французского авиационного полка «Нормандия», сражавшегося бок о бок с советскими войсками. Катаев, помимо корреспонденций, напечатал в «Красной звезде» большую поэму «Мария», написанную размером «Шильонского узника» и «Мцыри».

Три больших корреспонденции с Донского фронта и из областей Северного Кавказа после освобождения их от немцев прислал в «Красную звезду» старейший советский писатель Александр Серафимович — «Веселый день», «На хуторе» и «На Дону».

Отметим большую серию интересных очерков Александра Кривицкого и Павла Крайнова о партизанском крае, печатавшуюся в течение продолжительного времени под заголовком «В брянских лесах» *.

В 1943 г. в «Красной звезде» было напечатано восемьдесят одно стихотворение разных авторов. Почти четверть из них принадлежит перу Алексея Суркова. Приведем несколько строк из его стихотворения «Весна», отчетливо характеризующего не только самого поэта в этот важный период его творческой деятельности, но и настроения основной массы советских воинов накануне великих, решающих побед (номер от 4 апреля):

Нет в мире вернее
Солдатского русского слова.
Окрепли мы,
Радость и горе по-братски деля.
Душа возмужала
И к подвигам новым готова.
Благослови нас на подвиг,
Родная земля.

Порадовал фронтовых читателей «Красной звезды» новой главой из «Василия Теркина» («Генерал») Александр Твардовский. Кроме того, Твардовский напечатал в «Красной звезде» (1 августа) свое замечательное стихотворение «Дорога».

Со второй половины 1943 г. началось сотрудничество в газете Самуила Маршака. Первое его стихотворение называлось «Путь славы».

По большим путям Истории
Нас ведет огонь войны.
Степи, горы и предгория
Далеко озарены,—

писал поэт, предсказывая:

Как дитя, в трудах рожденное,—
Будет дважды дорога
Нам земля, освобожденная
От заклятого врага.

Это стихотворение и, в особенности, «Почта военная», появившаяся в номере от 2 октября, вызвали множество откликов читателей-фронтовиков (как сообщил нам сам поэт незадолго до своей кончины). В течение второго полугодия Маршак напечатал в «Красной звезде» пять стихотворений, отличающихся глубиной и остроумием.

---

* Из прозаиков, эпизодически участвовавших в «Красной звезде» в 1943 г., укажем Павла Бажова, Михаила Зощенко, Юрия Либединского, Хаджи Мурата Мугуева, Юрия Нагибина, Федора Панферова, Константина Паустовского, Михаила Пришвина, Лидию Сейфуллину, Константина Федина и Мариэтту Шагинян.

С тремя стихотворениями — «Наступление», «Эхо славы» и «Смоленск взят» — выступил в газете и другой старейший советский поэт Николай Асеев.

Более часто, чем в предыдущие годы, стали появляться в «Красной звезде» 1943 г. Иосиф Уткин, Семен Кирсанов, Александр Прокофьев и Илья Сельвинский*.

Напечатанное в номере от 10 декабря стихотворение Бориса Пастернака «Смерть сапера» было написано вскоре после его поездки в Действующую армию. Фронтовые впечатления оказали сильнейшее воздействие на поэта, сблизили его с действительностью, позволили ему глубже проникнуться чувствами, которыми жила вся страна, обогатив в то же время палитру художника.

Вот как описывал Пастернак обстрел передовой линии фронта, где работали саперы, расчищавшие минное поле:

Прожекторы, как ножки циркуля,
Лучом вонзались в коновязи.
Прямые попаданья фыркали
Фонтанами земли и грязи.

Но чем обстрел дымил багровее,
Тем равнодушнее к осколкам,
В спокойствии и хладнокровии
Работали мы тихомолком...

Изобразив с большой впечатляющей силой гибель одного из незаметных героев войны, Пастернак завершил стихотворение патетическим призывом:

Жить и сгорать у всех в обычае,
Но жизнь тогда лишь обессмертишь,
Когда ей к свету и величию
Своею жертвой путь прочертишь.

* * *

«К новым победам!», «Добить фашистского зверя!» — с такими призывами обратилась «Красная звезда» к своим читателям в 1944 г. — в период, когда завершалось полное освобождение советской земли от фашистских агрессоров и Красная Армия вплотную подошла к государственной границе.

«Россия, обновленная, могучая, уверенная в своей судьбе, идет освобождать народы от черного гнета, она идет во имя свободы и добра 〈...〉, к достижениям, которые помогут жить и развиваться всем свободолюбивым народам!» — писал Николай Тихонов в статье «Торжество», помещенной 15 сентября 1944 г. Эти строки могут служить эпиграфом к большинству произведений советских писателей и поэтов этого времени, появившихся в «Красной звезде».

«Две недели я провел с наступающими войсками в Белоруссии и в Литве,— сообщал Илья Эренбург в корреспонденции из Действующей армии.— Прошло время, когда нас удовлетворяли описания эпизодов, сделанные наспех военными корреспондентами, и еще не настало время для той эпопеи, где художественные детали создадут нечто целое〈...〉 Красная Армия продолжает наступать. Мы подходим к тем рубежам, где началась величайшая трагедия века. Три года горя сделали нас сильными и непримиримыми. Мы не узнаём нашей армии, да мы не узнаём и самих себя. В Германию придут суровые солдаты Справедливости. Теперь это не пророчество, не предсказание, не надежда — теперь это справка о самом близком будущем...» [32]

---

* Отдельные стихотворения опубликовали в «Красной звезде» 1943 г. Маргарита Алигер, Демьян Бедный, Александр Безыменский, Петрусь Бровка, Сергей Васильев, Савва Голованивский, Василий Лебедев-Кумач, Михаил Матусовский, Иван Нехода, Сергей Островой, Перец Маркиш, Николай Тихонов, Екатерина Шевелева.

24 октября «Красная звезда» поместила под крупным заголовком долгожданное сообщение о том, что наша армия вступила в Восточную Пруссию. В том же номере появилась статья Эренбурга «Великий день»:

«Сорок месяцев Родина ждала этого 〈...〉 Сорок месяцев палачи глумились над нашими близкими. Мы должны были прийти к ним. И мы пришли. Нас не остановили их укрепления. Напрасно Гитлер рассчитывал на стойкость своих фрицев. Нельзя, вырастив грабителей, ждать, что эти грабители окажутся подвижниками. Среди гангстеров могут быть опытные и ловкие, но среди гангстеров не было и не будет ни Жанны д'Арк, ни Зои Космодемьянской 〈...〉 Вторая пара крыльев выросла за плечами у каждого: ведь мы в Германии! Граница позади...»

Василий Гроссман летом и осенью 1944 г. успешно работал для «Красной звезды», напечатав корреспонденции и рассказы «Наступление», «Советская сила», «Люблин», «В городах и селах Польши» и «Творчество победы».

«Весь путь наших войск, действовавших в Белоруссии, а затем и в Польше, начиная от первых шагов после прорыва вражеской обороны и до нынешних боев на Висле, отмечен живым творчеством победы, — писал он в последней из этих статей.— Наша материальная сила, огромная тяжесть удара артиллерии, танков, авиации, сила, сокрушающая немецкое сопротивление,— это великолепно выраженное творчество всего советского народа. Без тяжкого удара советского огня и советской стали, подавляющих огонь и сталь немецкой армии, немыслима была бы победа. У нас стало больше танков, больше самолетов, больше пушек. Их боевые достоинства перекрыли силу немецкого оружия. Это результат исторического подвига советских рабочих, талантливой работы коллективного разума и коллективной воли. Сила такого творчества в том, что им охвачены все народы Советского Союза, все возрасты, все профессии, все люди, от академиков до чернорабочих. И в армии живым и трудным творчеством победы охвачены все — от рядовых красноармейцев до седых генералов, мастеров вождения войск. Это творчество, ищущее высших, более совершенных форм боя, никогда не удовлетворяющееся сегодняшним, пытливо и остро смотрящее в будущее...»

Корреспонденции Андрея Платонова принадлежат к числу наиболее значительных литературных произведений, появившихся в «Красной звезде» 1944 г. Печатался Платонов, как и в прошлые годы, сравнительно редко, так что в газете можно найти лишь семь его очерков — «Через реку», «Апрельские будни», «Сын народа», «Прорыв на Запад», «Дорога на Могилев», «В Могилеве» и «Падение немца».

В очерке «Апрельские будни», напечатанном 19 апреля, особенно отчетливо выразились лучшие стороны таланта и творческой манеры Платонова, в которой реалистическое изображение действительности сочетается с ее философским осмыслением. Приведем несколько наиболее характерных строк:

«Солдаты шли молча. Земля дорог въелась в их лица, и полевой ветер всех времен года обдувал их, так что солдаты стали терпеливы и равнодушны ко всякой невзгоде. Но глаза их, обыкновенные и спокойные, имели то особое выражение, которое бывает лишь во взгляде солдата. Это выражение означает, быть может, то знание жизни, которое дается лишь войной и чувством много раз приближавшейся к человеку смерти. И это великое терпеливое знание, в котором одним швом соединены и глубокое понимание ценности жизни и смерти во имя народа как лучшее последнее дело жизни простого истинного человека,— это знание тайными чертами запечатлевается в облике каждого воина, послушного своему народу».

Константин Симонов в 1944 г. дал возможность читателям «Красной звезды» впервые ознакомиться с отдельными отрывками из своей повести «Дни и ночи». Кроме того, он напечатал четырнадцать обширных корреспонденций с разных фронтов и из зарубежных стран — Италии и Югославии. В «Красной звезде» было опубликовано также стихотворение Симонова «Далекому другу» и рассказы — «Корень любви» и «Флаг». Первый из них появился под рубрикой «Веселые рассказы», и с той поры заголовок этот стал регулярно появляться над «подвалами» «Красной звезды», подтверждая законное право армии-победительницы на радостную улыбку [33].

В ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ БУХАРЕСТА

Корреспондент «Красной звезды» Александр Кривицкий раздает свежий номер газеты жителям румынской столицы

Фотография. Бухарест, 31 августа 1944 г.

Собрание А. Кривицкого, Москва

Под рубрикой «Рассказы об офицерах» газета в 1944 г. напечатала ряд интересных очерков Константина Симонова, Андрея Платонова, Алексея Суркова, Александра Авдеенко, Евгения Габриловича и Бориса Галина *.

Отдельные главы из своего нового романа «Они сражались за Родину» поместил в «Красной звезде» 1944 г. (и 1945 г.) Михаил Шолохов.

Алексей Толстой в течение 1944 г. почти не выступал в «Красной звезде» (он в это время тяжело болел). Только 7 мая появился его «Русский характер» («Из рассказов Ивана Сударева»). Нельзя не отметить, впрочем, что несколько отрывков из третьей книги «Петра Первого» впервые было напечатано в «Красной звезде» (июнь). Публикация их продолжалась и в 1945 г.

16 ноября 1944 г. «Красная звезда» откликнулась на гибель Иосифа Уткина некрологом, подписанным виднейшими представителями советской литературы.

«В первые же дни Отечественной войны,— говорилось в некрологе,— поэт отправился на фронт, участвовал в боевых операциях. В трудные дни осени 1941 г., когда враг угрожал Москве, Иосиф Уткин показал себя как честный солдат и патриот, был тяжело ранен. За выполнение заданий командования Уткин награжден орденом Красной Звезды. В светлый день приближающейся победы над врагом мы снова с благодар-

---

* В 1944 г., как и в предыдущие годы, продолжали помещать свои корреспонденции Александр Авдеенко, Микола Бажан, Евгений Габрилович, Борис Галин, Василий Ильенков. Несколько очерков и рассказов поместили в газете Валерия Герасимова, Семен Гехт, Валентин Катаев, Александр Кривицкий, Николай Москвин, Юрий Нагибин, Натан Рыбак, Николай Тихонов, Виктор Финк.

Из поэтов в 1944 г. время от времени выступали в «Красной звезде» Николай Асанов, Демьян Бедный, Сергей Васильев, Александр Жаров, Павел Железнов, Семен Кирсанов, Самуил Маршак, Иван Нехода, Борис Пастернак, Александр Прокофьев, Владимир Соловьев и Екатерина Шевелева. Стихотворные подписи под карикатурами Б. Ефимова помещал Владимир Дыховичный.

ностью вспомним тебя, Иосиф Уткин — писатель-боец, друг и соратник, показавший пример честного служения Родине словом и делом».

* *
*

По над Дунайскою волной,
За горным рубежом Карпат
Гремит пехоты шаг стальной,
Грохочет танк, свистит снаряд.
Мы занимаем города,
В сраженьях кровяним снега,
Чтоб в сорок пятом навсегда
Добить заклятого врага,—

писал Алексей Сурков в стихотворении «Сорок пятый», появившемся в новогоднем номере «Красной звезды».

«Настала расплата» — к такому выводу приходят авторы большинства произведений, помещенных в «Красной звезде» начала 1945 г.

«Мы подходим к цели,— заявил Эренбург в номере от 1 января.— Я не завидую немцам 〈...〉 Как бумеранг, смерть, которую они слали миру, вернулась к ним».

Посвящая статью за статьей «великому наступлению» «рыцарей справедливости», Эренбург не переставал описывать предсмертную агонию фашизма.

Зарубежные впечатления советских писателей занимают в это время наиболее заметное место в «Красной звезде». Две корреспонденции, озаглавленные «В Германии», прислал из Восточной Пруссии в феврале Эренбург. «Дорога на Берлин» Василия Гроссмана (9, 15 и 28 февраля и 13 марта), «За Одером» Бориса Галина и Николая Денисова (2 марта), «Письма из Чехословакии» Константина Симонова (30 и 31 марта, 12 и 20 апреля), «Болгарские записи» Николая Тихонова (17 и 19 апреля), «На берегах Нейсе и Шпрее» и «На берегах Эльбы» Виссариона Саянова (последняя статья написана совместно с И. Гагловым — 22 и 29 апреля), «В столице Австрии» и «В глубине Европы» Петра Павленко (из Вены, 14 и 22 апреля) —таковы наиболее значительные из этих зарубежных корреспонденций, жадно читавшихся и на фронтах и в советском тылу *.

Наступил, наконец, день полного торжества советского народа. Завершилась и почти четырехлетняя борьба советских писателей — сотрудников «Красной звезды» — с фашистским агрессором, доказавшая силу и действенность литературного оружия.

Обожженное
порохом
знамя,
Озаряй
наши дни и дела!
Мы сказали:
— Победа за нами!
Ныне видим:
— Победа пришла! —

писал Семен Кирсанов в стихотворении, появившемся на страницах «Красной звезды» 9 мая.

Выдержкой из великолепной статьи Николая Тихонова «Победа, какой не знал мир», напечатанной 10 мая, заключим мы наш обзор:

«В ночной тишине торжественной Москвы прозвучал мерный голос диктора, произносившего эпические слова о безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

---

* Отдельные статьи, рассказы и стихотворения опубликовали в первой половине 1945 г. Александр Авдеенко, Демьян Бедный, Борис Галин, Василий Гроссман, Владимир Дыховичный, Александр Жаров, Семен Кирсанов, Борис Ласкин, Василий Лебедев-Кумач, Михаил Леснов, Леонид Мартынов, Николай Москвин, Петр Павленко, Андрей Платонов, Натан Рыбак, Григорий Рыклин, Виссарион Саянов, Константин Симонов и Николай Тихонов.

Дыхание истории стало ощутимо каждому. Кончилась война, длившаяся, в общем, невероятно долго. Можно считать ее по календарю. Но календарь страданий и испытаний, календарь событий, потрясавших страны Европы, не уложится на узкие столбцы обыкновенного календарного листка 〈...〉 Фашистская Германия капитулировала. Какой вздох облегчения вырвется из груди народов, напрягавших все силы, чтобы закрыть своей грудью самое священное — свободу, независимость и счастье будущих поколений 〈...〉

Доконали! Кончено. Над черной шкурой еще дрожит дым последних залпов. И встает во всем величии та прекрасная сила, которая называется Красной Армией 〈...〉

Мы не можем в этот неповторимый час, переполненные необыкновенными ощущеньями, постичь все величие совершенного. Мы только знаем, что самая грозная сила, когда-либо угрожавшая нашему существованию, сломлена, уничтожена, повержена во прах. Мы только знаем, что больше не подымутся эти отвратительные летучие твари с черными крестами над нашей землей, больше не схватит своей поганой рукой фашистский палач наших людей, больше не осквернит наших святынь подлец с черепом на рукаве 〈...〉

И в этом колоссальном труде уничтожения всего фашистского могущества первое место принадлежит тебе, доблестная, героическая Красная Армия...»

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Неопубликованное письмо от 6 июля 1942 г. предоставлено редакции Д. И. Ортенбергом (Вадимовым), в личном архиве которого оно хранится. Это же письмо цитируется нами ниже.

[2] О песне «Священная война» см. сообщение М. М. Ситковецкой на стр. 433—443 настоящ. книги.— В «Красной звезде» 1941 г. было опубликовано еще пять стихотворений и песен Лебедева-Кумача, среди них популярнейшие «Три танкиста».

[3] Из статьи Ильи Эренбурга «Долг писателя».— «Новый мир», 1943, № 9, стр. 113.

[4] «Военная косточка».— «Знамя», 1964, № 4, стр. 115.

[5] «Большевик», 1944, № 3-4, стр. 33.

[6] Сб. «В редакцию не вернулся...» М., 1964, стр. 46.

[7] К. Симонов. Рассказы. М., 1946, стр. 179—180.

[8] Сб. «В редакцию не вернулся...», стр. 49.

[9] А. Толстой напечатал в «Красной звезде» 1941 г. девять статей и отрывок из киносценария — «Рейд энской дивизии».

[10] ЦГАОР, ф. 8581, оп. 1, ед. хр. 62, лл. 68—69.

[11] См., например: Н. Богданов «Лейтенант Николай Хованов»; Б. Галин «Летчик-истребитель Кукушкин»; М. Голодный «Баллада о лейтенанте Ульмане», «Наводчик Бригада»; В. Гроссман «Герой Советского Союза Каменщиков»; А. Караваева «Пулеметчик Ковтунов»; С. Кирсанов «Партизан „Дед“»; Е. Кононенко «Сапер Данила Дергунский»; Б. Лапин и З. Хацревин «Лейтенант Забненков»; В. Лебедев-Кумач «Пулеметчик Гущин»; П. Павленко «Командир полка Груздев»; М. Светлов «Баллада о старшем лейтенанте Кузьмине», «Баллада о санитаре Зланине», «Медсестра Валя Чибор»; Л. Славин «Лейтенант Сотников»; С. Трегуб «Тимофей Никитенко»; Е. Шевелева «Комбат Хорин», и др.

[12] «Красная звезда», 1942, № 90, 17 апреля.

[13] Так была озаглавлена и статья И. Эренбурга, помещенная в «Красной звезде» четырьмя днями ранее.

[14] «Красная звезда», 1941, № 183, 6 августа.

[15] Всего в 1941 г. Симонов напечатал в «Красной звезде» пять стихотворений, одну поэму и семнадцать очерков и корреспонденций. Вспоминая о Симонове тех лет, «работнике безотказном и веселом», А. Кривицкий писал в уже цитированной нами статье: «Как непреклонно он стремился — правдой и неправдой — обогнать других, когда речь шла о командировке на опасный и важный участок фронта, каким он был нежным и заботливым, когда ему казалось, что друг нуждается в поддержке! Он неожиданно появлялся в редакции вечером, диктовал стенографистке свой очерк и утром снова улетал на фронт...» («Знамя», 1964, № 41, стр. 114).

«Где только не побывал этот поэт и военный корреспондент,— говорит о Симонове Валентин Катаев в статье, адресованной иностранным читателям (мы привели из нее выше, на стр. 285—286, несколько абзацев).— Он совершил дерзкий рейд на подводной лодке, которая торпедировала несколько немецких транспортов. Он принимал участие в артиллерийской дуэли. Он ходил в танке в атаку. Он награжден орденом боевого Красного Знамени — этот лирик, стихами которого зачитывается русская молодежь».

[16] Советский посол в Англии И. М. Майский писал впоследствии в своих воспоминаниях: «Помню, заметное впечатление произвела брошюра Полякова „Записки партизана“ 〈...〉; мы перевели ее на английский язык и опубликовали большим тиражом» («Новый мир», 1964, № 12, стр. 180).

[17] «Красная звезда», 1942, № 233, 3 октября.

[18] «Красная звезда», 1941, № 246, 18 октября.

[19] «Красная звезда», 1945, № 47, 25 февраля.

[20] «Красная звезда», 1943, № 9, 12 января.

[21] «Красная звезда», 1941, № 251, 24 октября.

[22] См. Александр К р и в и ц к и й. Не забуду вовек. Записки военного корреспондента. М., 1964, стр. 71. Отметим, что перу Кривицкого принадлежит также статья «Генерал гвардии»— о «седом, блистающем славой герое»—генерале Панфилове (в номере от 14 апреля), а также корреспонденция с Западного фронта «Дружба» — о панфиловской дивизии (16 января). 16 ноября 1944 г. Кривицкий напечатал в «Красной звезде» статью «Трехлетие подвига героев-панфиловцев». Этот же автор поместил в «Красной звезде» ряд статей о традициях русского офицерства. Статьи эти не только с интересом читались, но и изучались в войсковых частях Красной Армии.

[23] Александр К р и в и ц к и й. Не забуду вовек, стр. 171.

[24] «Красная звезда», 1942, № 86, 12 апреля.

[25] «Красная звезда», 1943, № 129, 3 июня.

[26] «Красная звезда», 1942, № 175, 28 июля.

[27] «Красная звезда», 1942, № 145, 167, 172, 173, 188—23 июня, 18, 24, 25 июля и 12 августа.

[28] «Красная звезда», 1942, № 103, 5 мая.

[29] Выражение из автобиографии А. Суркова («Советские писатели. Автобиографии в двух томах», т. II. М., 1959, стр. 400).

[30] «Красная звезда», 1943, № 35, 12 февраля.

[31] А. Платонов напечатал в «Красной звезде» 1943 г. семь корреспонденций.

[32] «Красная звезда», 1944, № 170—171, 19—20 июля.

[33] В 1944 г. под этой рубрикой появились юмористические рассказы В. Карбовской, Б. Ласкина, Л. Ленча, Г. Рыклина, С. Смирнова, Вл. Соловьева и В. Финка.

А. А. ФАДЕЕВ

ДОКЛАД НА СОВЕЩАНИИ РЕДАКТОРОВ ФРОНТОВЫХ И АРМЕЙСКИХ ГАЗЕТ В ИЮЛЕ 1943 г.

Предисловие и публикация С. Н. Преображенского

Александр Александрович Фадеев был одним из тех советских писателей, которые с самого начала Великой Отечественной войны оказались на боевом посту.

На другой же день после злодейского вторжения гитлеровских полчищ на землю нашей Родины Советская страна услышала его голос. Выступая на митинге московских литераторов, Фадеев обратился с призывом ко всей советской интеллигенции — отдать свои силы, знания и способности фронту, делу победы над врагом. От имени советских литераторов он уверенно заявил, что «писатели Советской страны знают свое место в этой решительной схватке» [1].

В августе 1941 г., вместе с М. Шолоховым и Евг. Петровым, писатель выезжает на Западный фронт (под Духовщину) в качестве специального корреспондента «Правды», а через несколько дней в газете были напечатаны его первые взволнованные фронтовые очерки [2]. В январе 1942 г. он присылает в «Правду» очерк с Калининского фронта «Изверги-разрушители и люди-созидатели» [3], а через три месяца, вместе с Н. Тихоновым, вылетает на боевом самолете в осажденный Ленинград. В результате этой поездки рождается книга-дневник «Ленинград в дни блокады» и многочисленные очерки о героях-защитниках города Ленина.

В конце 1942 г. Фадеев на Центральном фронте, в частях авиации, затем в самом начале 1943 г.— на Калининском фронте, в тяжелейших боях за Великие Луки; к этому времени относятся очерки «Лётный день», «Великие Луки» [4]. И снова — Ленинградский фронт, боевые части авиации дальнего действия.

В своих воспоминаниях Борис Полевой рассказывает о работе Фадеева на фронте:

«...Фадееву не сидится. Он все время бродит от артиллеристов к саперам, от саперов к пехоте. Мы тоже стараемся не отставать, хотя уже, по чести говоря, еле таскаем ноги.〈...〉 Иногда мы с Евновичем 〈корреспондент Совинформбюро.— *С. П.*〉, выбившись из сил, объявляем забастовку и на денек оседаем в чьем-нибудь шалаше.

— Поражаюсь вашему нелюбопытству,— говорит Фадеев и уходит один, высокий, прямой, широко шагающий, в валенках, которые к нему почему-то страшно не идут...» [5].

А ночью, когда в избе, где обосновались корреспонденты, все уже спят, Фадеев, как бы «отключившись» от всего на свете, снова сидит, согнувшись над листками из блокнота, должно быть, ничего уже не видя и не слыша, весь поглощенный этим таинственным процессом переплавки живого, свежего, только что увиденного — в свою корреспонденцию отсюда, с горячего участка фронта.

Сохранилось много черновых записей Фадеева, сделанных на фронте. В этих записях поражает исключительное внимание писателя к простым людям войны, к их, казалось бы, рядовым, будничным делам, к их быту, к их внешнему облику, к простой,

незамысловатой их речи. Вот где воочию увидел писатель, как Отечественная война подняла на гребень все истинно прекрасное, что было воспитано в советском человеке нашим социалистическим строем, нашей великой Ленинской партией.

В 1943—1944 гг., уже работая над романом «Молодая гвардия», Фадеев дважды выезжал на фронт: в ноябре 1943 г. — в район Торопца и Невеля, и в мае 1944 г.— на Третий Украинский фронт, под Бендеры. С этими последними поездками тесно связана творческая история романа «Молодая гвардия».

Еще дымились догорающие жилища краснодонских шахтеров, совсем рядом шли упорные, жестокие бои с фашистами, а советские люди, вернувшиеся на родную землю, уже шаг за шагом распутывали сложный клубок кровавых событий, которые произошли в Краснодоне, в дни его оккупации гитлеровской армией.

Бессмертный революционный подвиг и необыкновенная судьба молодогвардейцев не могли не взволновать Фадеева. В день опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении молодогвардейцев орденами и о присвоении пяти членам штаба «Молодой гвардии» звания Героя Советского Союза в «Правде» появился очерк «Бессмертие» [6] — первое выступление Фадеева о молодогвардейцах, в котором и был фактически намечен творческий замысел романа «Молодая гвардия».

Деятельность Фадеева в годы войны была очень многогранной. Писатель не ограничивался собственной творческой работой. Он встречается и выступает перед бойцами на разных фронтах войны, помогает в работе армейских газет. Много сил отдает он организации и направлению работы профессионалов-литераторов на фронте и в тылу, ведет большую переписку со многими из них, редактирует газету «Литература и искусство», выступает с докладами о задачах деятелей литературы и искусства в дни войны. Голос Фадеева звучит по радио — в тылу и на фронте, на собраниях писателей из разных республик, на массовых антифашистских митингах.

Широко известны такие выступления Фадеева в годы войны, как, например, «Отечественная война и советская литература» (журнал «Пропагандист»), «Самое главное» (выступление на собрании литераторов Москвы — о работе писателя на фронте), «О советском патриотизме и национальной гордости народов СССР» (журнал «Под знаменем марксизма»), «Художественная интеллигенция в Отечественной войне» (газета «Литература и искусство»), «Задачи художественной критики в наши дни» (выступление в Союзе писателей) и другие [7].

Во всех этих выступлениях Фадеев призывает писателей и деятелей искусства «до конца разделить с народом его лишения и победы, его труды, походы, битвы, воспитывать в нем чувства патриотизма, бесстрашия, презрения к смерти, поддерживать в его сердце священный огонь ненависти к врагу, воспевать героев народа, разить и разоблачать врагов его, „положить в жертву мести и жизнь и к родине любовь", как писал поэт...» [8].

Он с горечью признает, что есть, конечно, еще и среди наших писателей люди,— правда, их немного,— «которые надеются в грозную годину испытаний своего народа высидеть в тиши кабинета, предаваясь „чистым музам", или забиться в глухой угол, а потом, когда все выяснится, вылезти из угла и создать „нечто значительное". Этих людей можно только пожалеть! — говорил Фадеев.— Если в грозную годину для твоего народа не льется из твоего сердца кипящее слово, какой же ты художник? Кого ты сможешь прославить или заставить возненавидеть лирой своей? Где возьмешь ты пламень чувства и силу разума, если жизнь и борьба лучших людей народа на самом высоком гребне истории пройдет мимо тебя?»[9] И он приводил в пример таким «художникам» стихи русского поэта-патриота Батюшкова, в которых тот взволнованно осуждал в 1813 г. «беспечных», а на самом деле глубоко равнодушных к судьбам своей родины «любимцев чистых Муз и Харит».

«Истинный художник — который в дни великих испытаний живет, думает и чувствует вместе со своим народом,— продолжал Фадеев,— не может не раскрыть во всем, что он делает, лучших сторон своей души. Так осеняет его Муза, вдохновенная, суровая и прекрасная Муза его народа, и в огне войны рождается большое искусство» [10]

К такому искусству неустанно звал советских художников в дни войны выдающийся советский писатель-патриот Александр Фадеев.

А. А. ФАДЕЕВ И А. Б. ЧАКОВСКИЙ В ОСАЖДЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Фотография Н. Хандогина. Весна 1942 г.
Музей Революции СССР, Москва

В июле 1943 г., по инициативе Главного Политического Управления РККА, Фадеев выступил с докладом на совещании редакторов фронтовых и армейских газет. Доклад этот был посвящен задачам воспитания бойцов Советской Армии и Флота в духе советского патриотизма и национальной гордости.

Этому выступлению писателя предшествовала большая и весьма тщательная подготовительная работа, внимательный просмотр многих армейских и фронтовых газет того времени. Фадеевым были изучены комплекты газет: Брянского фронта — «На разгром врага», Волховского — «Фронтовая правда», Воронежского — «За честь Родины», Западного — «Красноармейская правда», Карельского — «В бой за Родину!», Юго-Западного — «Красная Армия», Южного — «Сталинское знамя», а также армейские газеты: «Боевая красноармейская», «Боевая тревога», «Знамя победы», «Знамя Советов», «Разгромим врага!», «Сталинский воин», «Фронтовик» и др.

Знакомясь с этими газетами, писатель делает «для себя» краткие рабочие записи, которые и послужили ему впоследствии фактическим материалом для доклада. Мы

«ТАРАН»
Сборник военных стихов
А. А. Прокофьева,
Л., Гослитиздат, 1942
Титульный лист
с дарственной надписью
автора А. А. Фадееву,
25 ноября 1942 г.
Собрание В. П. Нечаева,
Москва

публикуем ниже эти рабочие записи под условным названием: «По страницам фронтовых и армейских газет. Рабочие записи к докладу».

Собрав достаточный материал, писатель начинает работать над планом-конспектом своего выступления. В архиве Фадеева сохранился набросок такого плана-конспекта.

Писатель хотел, видимо, разделить свой доклад на несколько разделов. Первый из них он озаглавил: «Изображение героев Отечественной войны и их подвигов».

В этом разделе он собирается отметить «главный недостаток» стихов и очерков, публикуемых в армейских и фронтовых газетах,— их описательность. Он указывает на тематический и сюжетный примитивизм отдельных очерков и стихов, в то время, когда «действительность выдвигает столько прекрасных тем...»

Фадеев критикует те стихи и очерки, которые представляют собой «сухое изложение боевых эпизодов», не раскрывают индивидуальные человеческие характеры. В таком очерке или стихотворении о конкретном герое войны вместо подлинной можно «подставить любую фамилию».

Вместе с тем Фадеев отмечает и многие положительные примеры писательской работы. С удовлетворением говорит он о тех стихах и очерках, в которых есть и оперативный отклик на события, и лирическая окрашенность, эмоциональность.

Анализируя работу очень разных литераторов, работавших в военные годы во фронтовой печати, Фадеев справедливо выделяет многих из них, но попутно замечает, что иногда авторы непрофессионалы «пишут лучше профессионалов». Они «знают военное дело. Пишут скромно, точно, а получается убедительно».

Судя по наброску плана доклада, Фадеев собирался занять целый раздел в своем выступлении анализом того, как изображаются во фронтовой печати героические дела трудящихся в тылу, и указать при этом, что важная тема эта во фронтовой печати разрабатывается еще слабо.

Один из разделов доклада Фадеева был посвящен сатире и юмору во фронтовой печати, которые приобрели большое значение «в деле воспитания советского патриотизма и ненависти к врагу». Странички юмора и сатиры, выпускавшиеся фронто-

выми газетами под разными названиями («Прямой наводкой», «Веселая землянка» и другие), пользовались обычно особой любовью бойцов. Указывая на удачи, достигнутые в этой области, Фадеев обращает внимание редакторов фронтовых газет и на те «срывы», которые он обнаружил в выступлениях юмористов и сатириков.

Борясь за качество литературной работы, Фадеев уделяет внимание и языку фронтовой печати, подвергает суровой критике языковую неряшливость, которой грешили некоторые литераторы.

В конце своего конспекта-плана Фадеев ставит вопрос и о более правильном использовании писателей на фронте, предлагая каждому поручать то, что он может и умеет делать «во всю силу».

В своем докладе Фадеев сделал несколько очень верных общих выводов о работе писателей на фронте. Один из первых таких выводов состоит в утверждении, что писатели, в большинстве своем, *выросли* на войне не только как передовые люди-патриоты, но и как мастера своего дела, приобрели необходимые «черты мужества» и значительно «расширили диапазон своего поэтического дарования».

Фадеев считает большим достижением писателей разработку главной, *гуманистической* темы нашей литературы в дни войны. «Очень человечный писатель»,— замечает он в связи с этим по адресу одного из таких литераторов.

Совершенно недостаточно, говорит он, когда литератор в своем рассказе, очерке или стихотворении пишет только о приобретении бойцами военных знаний, об овладении оружием; очерки и стихи, заявляет он, лишь тогда приносят подлинную пользу делу воспитания бойцов, когда они «перерастают в большую тему о нашем человеке на войне, в большую тему советского патриотизма».

Главная тема художественной литературы в дни войны, неоднократно говорил Фадеев, это *«наш советский человек на фронте»*. Война — это не только школа страдания или воспитания ненависти к врагу; это не только школа ратного и всякого иного труда; не только невиданная школа политики для всех. На войне, писал в одной из своих статей Фадеев, «миллионы советских людей раскрывают самые сильные, благородные, героические стороны своего характера, встают во весь свой человеческий исполинский рост — в боевых делах, в труде, в отношении к Родине, к нации, в мышлении о мире, о человечестве, в чувствах своих к врагу, к товарищам по борьбе, к семье, к любимому человеку» [11].

Это и есть то *главное*, та самая большая, необыкновенная и изумительная *правда войны*, которую должен увидеть на фронте писатель, если он настоящий художник-патриот,— увидеть и отобразить в своем творчестве.

Полный текст доклада А. А. Фадеева не сохранился. В архиве писателя найдена лишь часть (судя по всему—заключительная) неправленной стенограммы этого доклада, которую мы публикуем здесь с незначительными стилистическими исправлениями.

Машинописные тексты стенограммы и рабочих записей хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Правда», 1941, № 173, 24 июня.

[2] «Штурм немецкой обороны» («Правда», 1941, № 240, 30 августа) и «Артиллерийская подготовка» («Правда», 1941, № 241, 31 августа).

[3] «Правда», 1942, № 14, 14 января.

[4] «Летный день» — «Правда», 1942, №№ 351 и 352, 17 и 18 декабря; «Великие Луки» — «Правда», 1943, № 10, 10 января.

[5] Борис Полевой. Встречи на перекрестках. М., «Сов. писатель», 1961, стр. 348—350.

[6] «Правда», 1943, № 229, 15 сентября.

[7] См. кн.: А. Фадеев. За тридцать лет. М., «Сов. писатель», 1957.

[8] Там же, стр. 257.

[9] Там же.

[10] Там же, стр. 258.

[11] Там же, стр. 267—268.

‹ПО СТРАНИЦАМ ФРОНТОВЫХ И АРМЕЙСКИХ ГАЗЕТ›

‹Рабочие записи к докладу›

«Боевая тревога» (1942 г.)

Тарковский — Сатира поверхностна, мелка (плохо знает врага). Юмор (Иван Хватов) тоже неудачен.

Стихи о героях и их подвигах («Лейтенант Василий Глинов», «День разведчика Гусева», «Снайпер Никифор Афанасьев») внешне блистательны,— характеры, внутренняя жизнь не удаются.

Лучше — лирические стихи. И стихи о героях тогда лучше, когда лирически окрашены мотивами природы, слитыми с внутренним миром героя.

«На разгром врага» (1942—1943 гг.)

Светлов — Стихи подчинены «злобе дня», иногда просто передовой, или юбилейной дате, или событию в данной части. Это «внешние», «газетные» стихи.

«Слава бесстрашному»—игра на *внешнем*, на фамилии.

«Фронтовик»

Иван Нехода — Стихи часто дублируют статьи, особенно передовые. Такой стих лишен публицистической заостренности статьи и поэтических свойств стиха.

«Похождения Алеши Табака» (один из прототипов Василия Теркина)— это более или менее удачно. (Цитировать.)

«Красная Армия»

Долматовский — Быстрая и острая реакция на события. Стихи лирически окрашены.

«Сталинское знамя»

З. Кац. Рудь. М. Талалаевский — Стихи примитивно-агитационны («Вперед, товарищи, вперед»), в то время, когда действительность выдвигает столько прекрасных тем, например—первая встреча бойцов Сталинградского и Донского фронтов.

Раздел «Прямой наводкой» — наиболее удачно у Шефнера («Ефрейтор Минометов»).

Плохо у Глейзерова (шапкозакидательство). (Цитировать.)

Вадим Шефнер — Несомненно приобрел черты мужества и расширил диапазон своего поэтического дарования. Хорошее стихотворение «Зеркало».

«Красноармейская правда» (1942—1943 гг.)

Неважные стихи А‹*нрзб*› (он белорус, а вынужден писать по-русски), Игоря Лагунова, часто и Цезаря Солодаря. В его стихах о герое-танкисте Ив. Любушкине вместо Ив. Любушкина можно подставить любую фамилию.

Стихи Суркова — в них есть подлинное чувство любви к Родине, к бойцу Красной Армии, ненависть к фашистам.

Рассказы В. Кожевникова — очень человечный писатель. Правильно понимает главную гуманистическую тему нашей литературы в дни войны.

Евг. Воробьев — рассказы и стихи. Его герои мало индивидуализированы.

Слободской — Похождения бравого солдата Швейка.

А. Твардовский — Василий Теркин.

«Сталинский воин»

«Денис Орлов» — бывалый русский воин. Речь его не индивидуализирована, говорит общие истины, без достаточного количества русских примеров.

«Фронтовая правда»

Эдель — более силен в юморе. Пафосные вещи — слабые, язык трафаретен.

Чаковский — материал актуален, чисто отработан. Обоим авторам принадлежит военно-приключенческая повесть.

Павел Шубин — хорошо работает в области военной и любовной лирики, частушки и очерка.

«В бой за Родину»

Геннадий Фиш — пишет трафаретно, без лица своего.

«Знамя Советов»

И. Чвкин — он в жизни не писал стихов (⟨можно⟩ научит⟨ь⟩ и зайца спички зажигать).

«За честь Родины»

Савва Голованивский — уменье создать ⟨сочетать?⟩ оперативность, злободневность со своей художественной индивидуальностью. «Гвардейский стяг». «Наш родной город» (Харьков) и др.

«Разгромим врага»

С. Трегуб — очерки выделяются своей человеческой интонацией. «Казначей», переводя деньги семьям товарищей,— вступает с ними в переписку. Трегуб *любит* своих героев.

«Слава воинам нашим». Образ старшего политрука Буснина. На нужном отрезке (страничка!) дано о его неповторимом индивидуальном облике и в его ⟨*нрзб*⟩. И опять там все окрашено сердечным отношением автора к своим героям.

«В бой за Родину» (1942—1943 гг.)

А. Коваленков — стихи и песни. Очень внешние, равнодушные.

Курочкин — рассказы о снайпере Фомине. 1. За «кукушками». 2. Певчая птичка.

Хороший язык, живые люди, народная разговорная интонация. Заинтересовывающий сюжет. Сопоставление двух снайперов: Фомина и Панферова. (Цитировать.)

«Боевая красноармейская»

Проза — сухое изложение боевых эпизодов (авторы — ст. лейтенанты Негинский, Бейлин, журналист, ст. лейтенант Георгиев). Цитировать Негинского.

Владимир Лифшиц — работает лучше многих поэтов, с чувством.

Поэт Иванов («Иван Муха», ведет «Веселую землянку») — Много веселого, смешного, но есть просто неприличное. (Цитировать.)

«Знамя победы»

Как и везде, очень много однообразных очерков, где все люди похожи один на другого.

Нужен человек. И необходимо знание военного дела, чтобы этому тоже учить.

Очерки Н. Гринева «Мужество» (сапер Шебалин), Кондратьева «Слово о Красном Знамени» (боец Александр Б. выносит знамя части, обмотав себя этим, пробитым пулей знаменем), лейтенанта О. «Каратели» (финны пытали жену партизана, ослепили ее, замучили ее ребенка и дали ей, слепой, в руки его остывающее тельце, потом затравили слепую собаками) — все эти очерки сильны своей конкретностью, точностью; знанием того, о чем пишут,— среды, военных особенностей.

Ст. сержант Проценко пишет — бежит русская девушка, несет пленным красноармейцам корзинку с морковью. Фашист-конвойный выстрелил в девушку: она упала лицом вниз, и морковь рассыпалась по дороге.

ВЫВОДЫ

О работе писателей на фронте

Писатели — главная сила в области воспитания советского патриотизма.

Писатели, в большинстве, выросли на войне как передовые люди-патриоты и как профессионалы своего дела (В. Лифшиц, Шефнер, Чаковский, Трегуб, Корабельников, И. Френкель, И. Сельвинский).

Стихи и очерки об овладении оружием, военными знаниями вообще хороши тогда, когда они перерастают в большую тему о нашем человеке на войне, в большую тему советского патриотизма (см. «Василия Теркина», главу «Кто сбил вражеский самолет»). Пример, как не надо — Кирсанов (газета «Вперед на врага»).

Вдохнуть огонь поэзии в прозаические дела. Связать задачи военной техники с благородными, возвышенными целями войны...

Мало стихов о танкистах (много очерков).

Мало стихов, посвященных артиллеристам (есть очерки).

Мало стихов и очерков о противотанковой обороне (противотанковые орудия, ружья и т. д.).

Воспитание ненависти.

Сурков «Пою ненависть» («Красноармейская правда»).

Ванда Василевская, Корнейчук, Бауков («Красная Армия»).

Лирика природы, любви, дружбы, семьи, материнских и отцовских чувств (Симонов, Сурков, Первомайский, Френкель, Иван Нехода, Долматовский, Матусовский, Бауков). Б. Горбатов — «Письма товарищу».

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!

ФРОНТОВИК

ЕЖЕДНЕВНАЯ КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА

ВЫЕЗДНАЯ РЕДАКЦИЯ НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

№ 5 (21) | Воскресенье, 14 февраля 1943 г. | Прочти и передай товарищу

Новочеркасск, Зверево, Золочев, Новошахтинск, Лихая после упорных боев взяты нашими войсками!

ВОИНЫ! СИЛЬНЕЕ УДАР!

ЛЮБИМУЮ РОДИНУ ТАК ЗАЩИЩАЙ, КАК БОГАТЫРЬ КРУГЛЯКОВ НИКОЛАЙ!

Рисунок художника Н. АББАКУМОВА

НИКОЛАЙ КРУГЛЯКОВ оглядел поле боя. Два немецких танка горели в лощине. Ну, вот, орлы, выстояли? — спросил он бойцов.

— Выстояли, товарищ лейтенант. У них наши чугунные пушки — оцинкованных всех четверых отметил наводчик.

Пулемет, захлебнувшись от ярости, дрожал на бруствере окопа. Свинцовый ветер клонил пушки с ног.

Тяжелая мина разорвалась рядом. Еще одна. Осколки ворвались в грудь наводчика. Боевой расчет продолжал бой.

Тогда за пулемет лег Николай Кругляков.

— Ах, ваши чугунные пушки — оцинкованных убивают, — зло повторил Кругляков. Наступающие враги

Николай Кругляков отошел от пулемета. Рядом лежали враги, как раки, отползали в кусты.

Перед лейтенантом покуривал, как что-то строчит пулемет на спине. Разные, сливающиеся гаммы. Пулемета, ослабли. И, как на зло, справа в полный рост на него бежал офицер.

— Сдавайся, рус! — давясь испугом, закричал он.

Держа, чертов шкуры, взметнул гранату, отвел лейтенант. И в грохоте взрыва перед ним мелькнули оцинкованные немецкие пушки. Вторая атака врага была отбита. Около трупа немца лежала на черной земле, подобно ей, без стона Николай Кругляков — человек с чугунными русскими сердцем.

А. ВОЗНЯК.

«ФРОНТОВИК»
Газета 3 ударной армии, Калининский фронт, 14 февраля 1943 г., № 5.

Страница с рисунком Н. М. Аввакумова

«ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ»

Сатирическое приложение к газете Ленинградского фронта «На страже Родины». 7 января 1942 г., № 4

Собрание Д. А. Левоневского, Ленинград

Смерть немецким оккупантам!

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

7 января 1942 г. Сатирическое приложение к газете Ленинградского фронта „На страже Родины" № 4 (43)

Немец сдал на машинах
За сучком, за
кресть-де-шином.
Дали вместо кресть-де-шина
По могиле в три аршина!
Немцы тучей, немцы
тучей
Шли, где не положено.
Немцы смертью немецкой
Штабелями сложены.

★ Фронтовые ★ ЧАСТУШКИ

Будут нам сады цвести,
Будем немца мы трясти,
Будем так трясти его,
Чтоб из разных — ни одного!

Вскинь винтовку, вскинь
винтовку
Тульскую проворную.
Русский вскинет — немец
стынет,
Кровь прольется черная!

Говорили немцу толком:
«Не ходи к нам, не ходи!»
Немцу — толком, немец —
волком
С меткой пулею в груди.

Мы воюем, словно
пан и.
Немец сыт потерями.
Их завалит вышой
нашей,
Завесит мстителем.

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ.

Еще не так пропишем!

Рис. Ю. Раденкого.

«Фрейский жилец»: — Что ни город — всюду так прописывают, что жить невозможно!

Огромное значение темы тыла, работа в тылу — для воспитания чувств советского патриотизма на фронте (Френкель о Донбассе — в газете «Во славу Родины»).

Главная тема — наш советский человек на фронте.— Горбатов, Кожевников, Н. Тихонов, Трегуб, Корабельников («Разгромим врага»), Твардовский и другие. Пример — как *не* надо писать о героях («Красная Армия») или стихи Чекина («Знамя Советов»). Он лучше работает в прозе.

〈ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ДОКЛАДА〉

〈Неправленная стенограмма〉

〈...〉 Иные думают, что если газета имеет более квалифицированных писателей, то у нее в этом смысле дело обстоит лучше, а в других, где писатели «рангом пониже», там и дело обстоит хуже. В ряде случаев это верно. Скажем, газета «На страже Родины»: она обладает такими силами, как Тихонов, Прокофьев, Саянов и другие писатели ленинградской организации. Эти люди могут дать и дают немало хорошего.

В газете тов. Миронова 〈«Красноармейская правда»〉 работают, или работали в прошлом, Твардовский, Сурков, Вадим Кожевников, Слободской. У него, понятно, тоже дело обстоит лучше.

На войне некоторые, даже и квалифицированные писатели, как оказывается, не могут работать в газете во всю силу, а жизнь выдвигает молодежь, даже иногда не членов Союза писателей, которые, однако, лучше справляются с работой, с изображением героев Отечественной войны.

Я смотрел газету «На разгром врага» — там прекрасный поэт Светлов работает честно, это квалифицированный поэт и не напишет плохо. Но то, что он дает, далеко не всегда может удовлетворить. Скажем, есть такой герой, по фамилии Гром. Как дает его Светлов в стихотворении «Слава бесстрашному»?

Над полем облака клубятся
И выстрелов клубится дым,
И шесть стервятников кружатся
Над пулеметчиком одним.
И пламя небо накаляет,
Когда, спокойствие храня,
Товарищ Гром врага встречает
Струей ответного огня.
Фашистам путь пересекая,
Вступает Гром в неравный бой.
Фамилия его такая,
Характер у него такой.
И самолет тяжелым комом
Упал охваченный огнем:
В стервятника ударил громом
Наверняка товарищ Гром.
И мы гордимся им по праву,
И песня про него звучит,
И старшего сержанта слава
Подобно грому прогремит.

Как видите, написано квалифицированно, но автор взял внешнее, взял фамилию и на фамилии все построил. Конечно, здесь нет ни раскрытия сущности героизма, ни характера человека, ни стимула его поведения — нет индивидуальности человеческой.

Это же характерно, скажем, для многих стихов Тарковского («Боевая тревога»), у которого, в этой же газете, бывают неплохие лирические стихи.

Игра на внешнем — и в очерке, и в стихе — распространенное явление. Это очень часто — просто иллюстрация к передовице. В таких стихах и очерках нет и публицистической заостренности, нет и поэзии.

Могу назвать работающих так же литераторов Каца, Рудь, Талалаевского — в газете «Сталинское знамя» — в то время, когда действительность выдвигает столько прекрасных тем! Например, в этой же газете как вдохновенно можно было бы показать первую встречу бойцов Сталинградского и Донского фронтов!

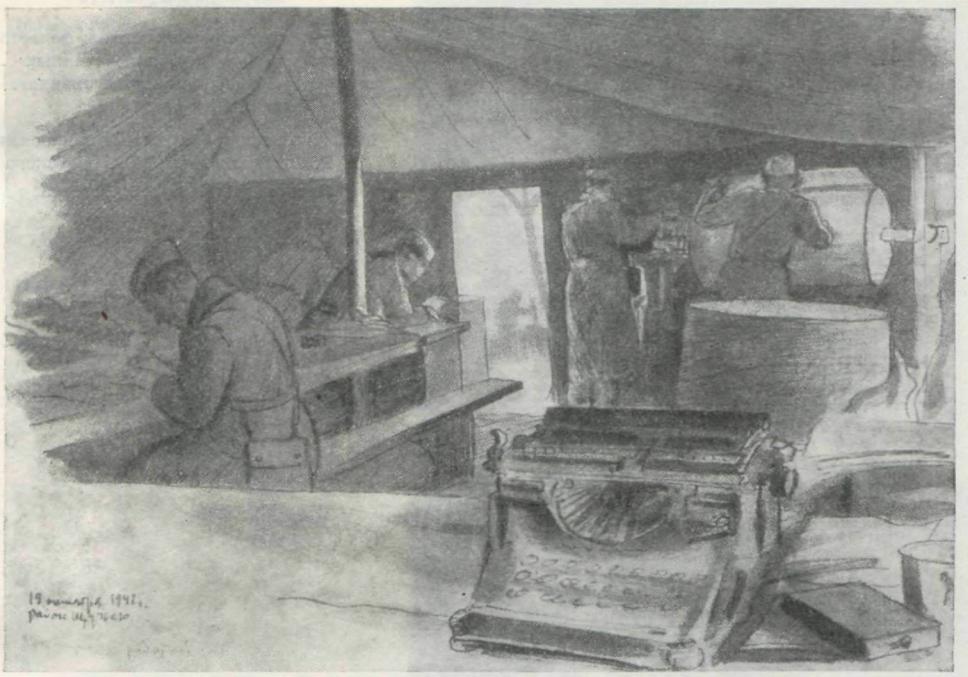
В газете «За честь Родины» работает очень квалифицированный поэт Безыменский, но стихи, которые он печатает в центральных газетах, лучше, чем те, которые он помещает в своей газете. Иногда удачи бывают ⟨и здесь⟩. Например, прекрасный образ в стихотворении «У кургана», образ, обращенный к павшим в бою:

На свежем высоком кургане,
У черной могильной плиты,
В глубоком и скорбном молчанье
Встают на колени цветы.

Но в большинстве случаев характеристика товарища Безыменского носит чисто внешний, описательный характер:

И первыми к западу шли напрямки
Бойцы, что сражались в леске, у реки...
И шли Кербештым с Головней впереди...
Два ордена каждый имел на груди.

Приведу пример того, как литератор может при небрежном отношении к делу испортить даже живой материал. В газету «Боевая красноармей-



РЕДАКЦИЯ ЗА РАБОТОЙ

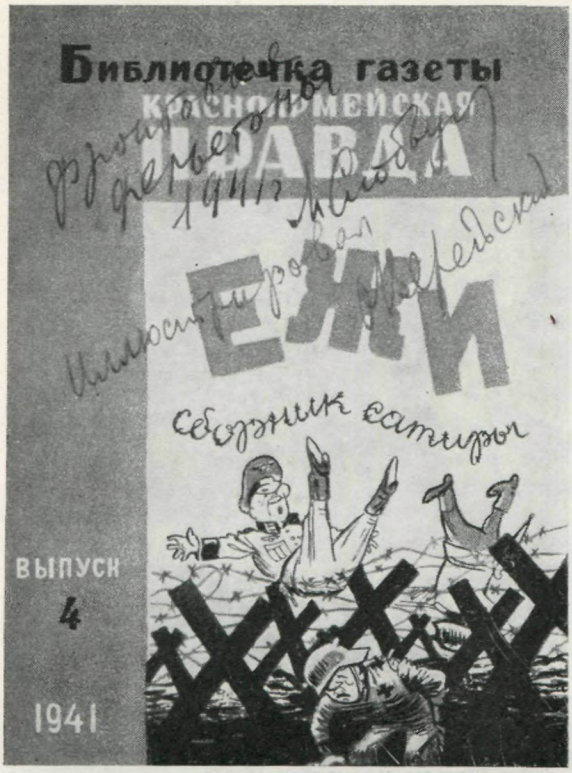
Рисунок (тушь, перо) Ю. В. Ворогушина — художника газеты 64 армии «За Родину». Сталинградский фронт, район Щучьего, 19 октября 1942 г.
Собрание Ю. В. Ворогушина, Тула

ская» поступило письмо, адресованное воину-мужу: «А еще, муж мой, кланяюсь тебе в ноги и пишу тебе про свой позор. Надругались надо мной душегубы. Страшно мне стало, хотела удавиться, да детей пожалела. Теперь не знаю, как жить буду, как на глаза тебе покажусь. Отвечай, как быть мне, как жить дальше?»

Кажется, что же можно еще прибавить к этим словам? Но когда этот эпизод начинает описывать товарищ Негинский («Боевая красноармейская»), он вносит сюда все избитые литературные штампы: «Перед ним проносились картины прошлого. Мозг сверлила одна мысль!» Он даже попытался воспроизвести картину изнасилования в воображении бойца: «Василий видел немца с багровым лицом и выпученными глазами, который скрутил его Феню. Слышал ее крик». Это не вызывает чувства ненависти, а совершенно другое чувство.

Другой литератор, в этой же газете, в очерке «По трупам врагов» пишет: «У стены стоял фашистский офицер. Он был мертв — и бойцы видели это, но каждый из них на бегу с ненавистью пускал в лицо мертвого офицера очередь из автомата или колол его штыком». Или: «К... с удовольствием наступил ногой на поганое лицо повергнутого наземь врага». Это — «любование», которое совершенно не разжигает ненависть, а вызывает обратные чувства, не говоря уже о том, что не стоит тратить боеприпасы на убитого врага.

В газете «Фронтовая правда» работает Михаил Эдель. Он силен в сатире, но стихотворения пишет трафаретно. Можно привести даже таких квалифицированных и в большинстве случаев очень хорошо работающих поэтов, как Долматовский, которые допускают, однако, такого рода описания героизма:



«ЕЖИ»

Сборник сатирических стихов, фельетонов и карикатур, напечатанных в газете «Красноармейская правда». Западный фронт, 1941

Обложка с автографическими надписями М.Р. Слободского и О. Г. Верейского

Литературный музей, Москва

На стыке четырех дорог
Стоит небритый паренек.
Он первый в городок вошел.
Он семь фашистов заколол.
Волнуясь, подхожу к нему.
В перчатке плотной руку жму.
Героем взятья городка
Мы называем паренька.
А он на нас махнул рукой:
— Да что мне городок такой,
Героем Киева мне стать —
Вот дело храброму под стать!

(«Красная Армия»)

Все дело в том, что писателя надо использовать с той стороны и там, где он силен. Надо использовать его действительные способности и не принуждать его делать то, что он не умеет делать.

Бывает так, что писатель в газете должен быть «и швец, и жнец, и в дудку игрец». Например, писатель Чекин много и честно работает, но он в жизни стихов не писал. Его начали учить,— как зайца, «спички зажигать» — писать стихи. Вот он и пишет:

... И бились, бились вшестером
С упорством боевым.
И умирая с торжеством,
Кричали: «Мы живы!»

Почему «умирали с торжеством»? И почему в слове «живы» — перепутано ударение?

Или:

Смерть не закрыла парню глаз.
Вперед! Он ими звал.

(«Знамя Советов»)

«ТЯЖЕЛАЯ РУКА»
Первый сборник военных рассказов
В. М. Кожевникова.
М., «Сов. писатель», 1941
Обложка
Рассказы были впервые опубликованы
в газете Западного фронта
«Красноармейская правда»

Как видите, все это достаточно плохо. Разумеется, далеко не все очерки и рассказы таковы. Стихи и очерки о героях хороши, когда они лирически насыщены, когда есть человеческое отношение автора, когда говорит его сердце, когда чувство автора сливается с чувством героя. Это можно найти у того же Тарковского, у Владимира Лифшица, у поэта Шефнера («Знамя победы»). Еще чаще у Долматовского.

Я хочу процитировать одно из стихотворений поэта Ильи Френкеля («Во славу Родины»).

БАЛЛАДА О ДРУЖБЕ

Как дружков-товарищей с одного забоя,
Очень сильно раненых, вынесли из боя.
Одного товарища смерть взяла в дороге.
За другим до госпиталя волочила ноги,
Волочила ноги — стала на пороге...
Ночью парень вскинулся, будто по тревоге;
Показался пол ему фронтовой равниной,
Показалась смерть ему санитаркой Ниной.
Он у смерти спрашивал:— Нина, что в Донбассе?
И еще выпытывал: — Где дружок мой Вася?
А она, безглазая, так отозвалася:
— Ты иди сюда, шахтер, покажу, где Вася...
Человек отчаянный, силы непомерной,
Коренной донбассовец и товарищ верный,
Он ползет, торопится, друга выручает,
Он зовет товарища — друг не отвечает.
Вот уже рукой подать парню до порога.
— Вася, — шепчет он, — родной, продержись немного.
— Вася, — шепчет он, — родной, тут я, недалечко,
Нам еще с тобой рубать, Вася, уголечка...

Парень перевязанный, кровью перемазанный,
Он ползет, торопится, сердце в нем колотится,
А ползет, не думает он, что умирает,
А в ушах военная музыка играет,
Крик трубы серебряной в сердце отдается.
<. . . . . .>

Хорошие стихи, человечные. Они сразу дойдут до сердца бойца.

Товарищи! Я мог бы привести много примеров талантливой работы в области очерка — писателей Трегуба («Разгромим врага»), Корабельникова, Чаковского, Курочкина («В бой за Родину»), отметить очерки Н. Гринева «Мужество», Кондратьева «Слово о Красном Знамени» («Знамя победы»).

Надо сказать, что большое и важное место в деле воспитания советского патриотизма и ненависти к врагу занимает сатира и юмор. Во всех газетах этот раздел пользуется особенной любовью бойцов, и здесь бывают свои удачи. Например, скажем, у поэта Неходы — в газете «Фронтовик» — неплохо получаются «Похождения Алеши Табака», сделанные под «Василия Теркина» Твардовского.

В этой области во всех газетах можно найти немало удачного. Но иногда это и серо, и плоско, и беззубо, а иногда просто неприлично. Такой талантливый человек, как Иван Муха, пишет иногда такие вещи, которые я даже не могу прочитать, чтобы не смущать стенографисток. Правда, славянин любит крепкое слово, но в прессе это превращается в пошлость, прививает дурной вкус.

Я должен еще сказать, что никакая работа в газете не может быть полноценной, если мы будем забывать о нашем великолепном русском языке. А неряшливости и канцеляризмы — это один из кардинальных грехов в языке нашей армейской, дивизионной и фронтовой печати.

Можно привести много примеров такой неряшливости, иногда просто неграмотности (не говоря уже о канцеляризмах, вроде: «Мы приняли решение, направленное на выполнение приказа»): «Огонь!— кричит Ковальчук, стиснув зубы»; «Красноармейская песня сплачивает и спаивает бойцов»; «Орудие старшего сержанта Никольского дало несколько залпов по немецко-фашистским выродкам».

О нашем русском языке писал еще Ломоносов. Он говорил: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелями, италианским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италианского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка...»[1]

Конечно, старик Ломоносов не думал, каким испытаниям подвергнется этот язык на страницах наших газет!

Товарищи! Редакторам и писателям, которые работают на фронте, выпала великая честь формировать душу нашего советского воина, советского человека — в условиях величайшей освободительной войны, самой справедливой из войн, какие когда-либо вело человечество. Эту работу мы должны делать со страстью, честно и хорошо.

Будем же высоко держать великое благородное знамя, вдохновляющее нас на победу, знамя Ленина!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. предисловие М. В. Ломоносова к «Российской грамматике» (см. Полн. собр. соч., т. 7. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 391).

ТВОРЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ ПИСАТЕЛЕЙ НА ЗАСЕДАНИЯХ ВОЕННОЙ КОМИССИИ СП СССР

Обзор В. П. Нечаева

Большая работа советских писателей в годы Великой Отечественной войны в значительной степени объединялась и координировалась Союзом советских писателей и его организациями. Эта деятельность Союза нашла свое отражение в материалах, хранящихся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР.

Фонд Союза писателей (№ 631) поступил на хранение в ЦГАЛИ в 1952—1960 гг. Объем фонда за период войны составляет более 800 единиц хранения. Хотя архив Союза писателей сохранился не полностью, тем не менее его документы представляют значительный интерес для исследователей.

Архив Союза писателей за 1941—1945 гг. разнообразен по своему содержанию. В нем имеются заявления писателей о зачислении их в ряды Действующей армии, о назначении их в армейские газеты, характеристики писателей за подписями А. А. Фадеева и сотрудников центрального и местного аппаратов Союза для представления в ГлавПУРККА или в военкоматы, справки, выданные военной комиссией Союза писателям-москвичам о призыве их в армию или о вступлении их в ряды народного ополчения, сведения о выступлениях писателей на вокзалах, призывных пунктах, в госпиталях, армейских частях, письма-информации писателей (в том числе и иностранных писателей-антифашистов, находившихся в Советском Союзе) о проделанной ими работе, списки писателей-фронтовиков, рецензии на произведения, опубликованные во фронтовой печати, переписка и личные дела писателей-фронтовиков и т. д.

Большую группу материалов составляют документы, отражающие коллективную работу писателей над решением актуальных творческих вопросов: стенограммы совещаний, на которых обсуждались темы и жанры литературы тех лет, а также конкретные произведения отдельных писателей. (Справку о тематике этих совещаний см. в приложении к настоящему обзору.) Эта работа получила частичное освещение в газетах военных лет— «Литература и искусство» и «Литературная газета».

К числу особенно интересных документов, отражающих деятельность писателей в годы войны, следует отнести их творческие отчеты на заседаниях военной комиссии. Эти отчеты в своей совокупности дают представление о характере работы писателей во фронтовой обстановке и о том, что волновало писателей в эти годы.

В архиве имеются сводки, позволяющие судить о количестве проведенных обсуждений. За период с мая 1942 г. по апрель 1945 г. было заслушано около 120 индивидуальных отчетов писателей-фронтовиков и писателей, выезжавших на фронт (оп. 16, ед. хр. 213, л. 6) *.

---

* Ниже при цитировании документов в ссылках будут указываться только номера единиц хранения и листов.

К сожалению, в архиве Союза писателей сохранились не все стенограммы заседаний военной комиссии, посвященные обсуждению творческих отчетов. Имеющиеся стенограммы распределяются по годам следующим образом: 1942 г.— 14 стенограмм; 1943 г.— 5 стенограмм; 1945 г. — 2 стенограммы.

Таким образом мы располагаем стенограммами 21 заседания. На этих заседаниях выступили с отчетами 33 писателя. Вот перечень заседаний в хронологической последовательности с указанием выступавших на каждом из них писателей:

19 мая 1942 г.— А. Кушниров (газета 16 Воздушной армии «Доблесть»); П. Капица (газета «Красный Балтийский флот»);

1 июня 1942 г.— Г. Фиш (газета «В бой за Родину», Карельский фронт), И. Чекин (газета 11 армии «Знамя Советов», Северо-Западный фронт), В. Поляков (газета «Во славу Родины», Южный фронт);

8 июня 1942 г.— Л. Длигач и А. Ромм (газета «Красный черноморец», Черноморский флот), П. Панченко (газета «Во славу Родины», Южный фронт);

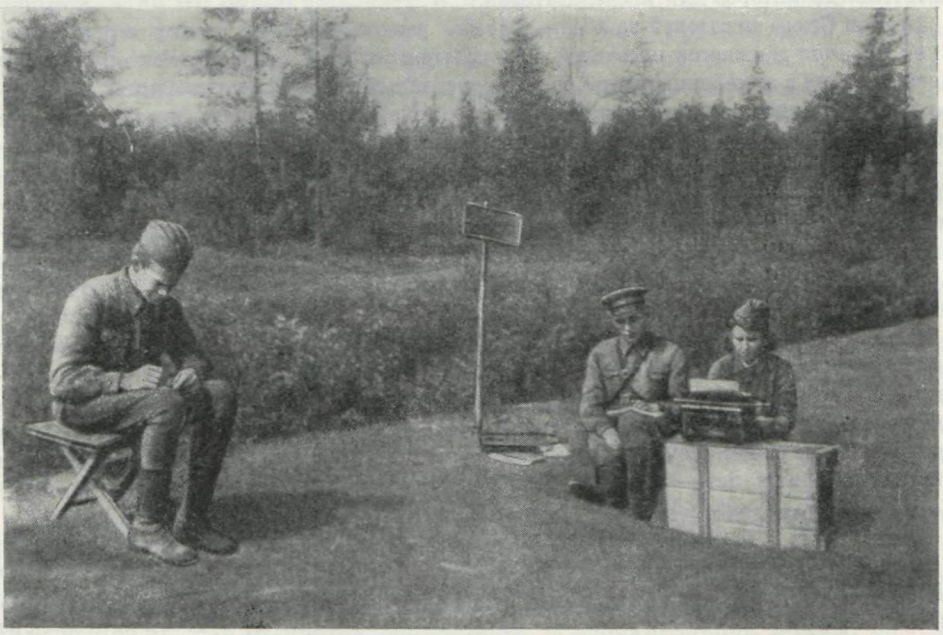
15 июня 1942 г.— Н. Богданов (газета ВВС «Сталинский сокол»), С. Васильев (газета 5 армии «Уничтожим врага», Западный фронт);

22 июня 1942 г.—А. Твардовский (газета «Красноармейская правда», Западный фронт);

29 июня 1942 г.— А. Жаров (журнал ВМФ «Краснофлотец»);

13 июля 1942 г.— И. Сельвинский (газета «Боевая Крымская», Крымский фронт); И. Френкель (газета «Во славу Родины», Южный фронт);

20 июля 1942 г.— Е. Габрилович (газета «Красная звезда»); В. Шмерлинг (газета 22 армии «Вперед за Родину»);



В ПОХОДНОЙ РЕДАКЦИИ

Газета 6 гвардейского стрелкового корпуса «Гвардейский удар». Волховский фронт, лето 1942 г. На лесной полянке стоит шест. На нем табличка с надписью «Редакция». Поставленный на ребро ящик заменил стол. На нем — пишущая машинка. Сотрудник редакции политрук Петр Магеров пришел в «машбюро». Он только что вернулся из действующих частей, бросил на землю свой вещмешок, блокноты. Он торопится сдать в номер информацию с поля боя. А слева, на походной скамеечке, художник готовит клише в газету. Он тоже вернулся из роты, где зарисовал героев вчерашнего боя.

Фотография и текст подписи писателя М. Л. Поляновского

У НАБОРНОЙ КАССЫ

Газета «Гвардейский удар». Волховский фронт, лето 1942 г.

Укрывшись в тени хвойных деревьев, установили наборные кассы Валя Бойцова и Федя Федотов. Молодые наборщики из города Боровичи добровольно пошли на фронт. Работать на воздухе прохладнее и спокойнее. Если появится вражеская авиация — бомбоубежище рядом. Но и жизнь наборщика не застрахована на войне. Позднее Федя погиб на своем боевом посту.

Фотография и текст подписи писателя М. Л. Поляновского

27 июля 1942 г.— Л. Славин (газета «Красная звезда»);

3 августа 1942 г.— Э. Виленский, М. Колосов, И. Нехода, Г. Плоткин, В. Собко (все из газеты 9 армии «Защитник Родины», Юго-Западный фронт);

10 августа 1942 г.— М. Слободской (газета «Красноармейская правда», Западный фронт);

24 августа 1942 г.— С. Щипачев (журнал «Красноармеец»);

31 августа 1942 г.— Б. Вадецкий (Балтийский и Черноморский флот);

14 декабря 1942 г.— Л. Вышеславский (газета 37 армии «За Отчизну!»); Татьяна Окс (псевдоним Т. Сытиной, газета «На разгром врага», Брянский фронт); Л. Ошанин (выезжал в 1 гвардейский кавалерийский корпус);

4 января 1943 г.— К. Горбунов (газета «За Родину», Северо-Западный фронт);

11 января 1943 г.— И. Эренбург (газета «Красная звезда»);

7 июня 1943 г.— И. Сельвинский (газета «Вперед к победе!», Северо-Кавказский фронт);

12 июля 1943 г.— А. Сурков (газета «Красная звезда»);

8 декабря 1943 г.— А. Бек (журнал «Знамя»);

13 февраля 1945 г.— Г. Трифонов (газета «Комсомольская правда»), И. Бауков (был на Ленинградском фронте);

17 апреля 1945 г.— И. Фейнберг (корреспондент журнала «Краснофлотец» на Черноморском флоте, Политуправление Северного флота).

По ходу своих отчетов или в завершение их писатели читали свои произведения, написанные на фронте. А. Твардовский познакомил слушателей с главами из поэмы «Василий Теркин», с «Балладой о двух товарищах» и «Балладой об отречении»; Е. Габрилович прочел отрывок из повести «Машино сердце»; А. Жаров выступил с чтением поэм «Богатырь» и «Керим»; Н. Богданов читал рассказ «Река играет» и очерк «Тимур, сын Фрунзе»; И. Нехода — стихи «Борись, Украина!», «Мы, стальные солдаты» и др.

Специальные заседания военная комиссия посвятила обсуждению отдельных произведений. Были проведены обсуждения повестей Л. Славина «Мои земляки», А. Бека «Панфиловцы на первом рубеже», стихотворений И. Сельвинского, С. Щипачева.

В обсуждении отчетов и отдельных произведений принимали участие писатели Р. Азарх, С. Гехт, М. Колосов, Ю. Либединский, К. Финн, М. Шагинян, В. Шкловский, поэты А. Адалис, М. Алигер, О. Колычев, А. Крученых, В. Лебедев-Кумач, Л. Ошанин, К. Симонов, литературоведы А. Лейтес, И. Нусинов, А. Тарасенков, В. Перцов, А. Гурвич, редактор газеты «Красный черноморец» П. Мусьяков, а также читатели.

О чем же говорили в своих отчетах писатели?

Некоторые из них признавались, что, отправляясь на фронт, они не представляли себе ясно, что им придется делать.

«24 июня мне пришлось вместе с пятью товарищами уезжать из моей квартиры на фронт,— так начал свое выступление М. Колосов.— Были тт. Крымов, Розенфельд, Аврущенко, Безыменский, Шапиро и я. Мы не представляли себе, какая будет работа в газете. Двое из нас, Безыменский и Розенфельд, имели опыт, и мы ежедневно их расспрашивали, на что нужно больше всего обращать внимание» (ед. хр. 107, л. 14).

В газете писатели овладевали самыми разными жанрами. По словам А. Ромма, «здесь не приходилось выбирать амплуа» (ед. хр. 100, л. 15). Писатели использовались на любой газетной работе, начиная от писания передовиц и кончая подписями под фотоснимками. Фронт породил спрос преимущественно на произведения малых форм. Поэтому в отчетах шла речь, главным образом, о таких жанрах, как стихи, очерки, небольшие публицистические статьи, откликающиеся немедленно на события.

Писатели буквально шли по горячим следам событий, действовали с оперативностью скорее репортеров, чем литераторов. В своем отчете о работе писателей армейской газеты «Знамя Советов» И. Чекин вспоминал, например, как был получен приказ о начале наступательных операций и в порядке боевого задания А. Кулешову было поручено написать стихотворное произведение на тему: «Вперед на Запад!». Через час оно было закончено и сдано в набор.

И. Чекин рассказывал также, как ему и его товарищам приходилось освещать и специальные вопросы боевого мастерства, например, писать о воспитании снайперов.

Текущая, оперативная работа отнимала почти все время у писателей. Поэтому лишь немногие из них говорили в отчетах о своих крупных произведениях. Так, В. Собко сообщил, что после года войны он окончил книгу романа «Кровь Украины», в котором отражен «путь очень маленького звена в армии, одной роты, начиная с самого начала войны до Ростовского разгрома немцев» (ед. хр. 107, л. 11).

Через год после начала войны на очередном заседании военной комиссии А. Твардовский рассказал о том, как была задумана поэма «Василий Теркин»: «Мне казалось,— говорил поэт,— что книга эта должна быть, в добром смысле слова, „солдатской“ книгой, которую за голенище сунул и в любой момент, с любого места можно начинать читать» (ед. хр. 103, л. 8).

А. Жаров говорил о своих поэмах, героями которых были реальные участники войны — Герой Советского Союза И. Сивков и подводник М. Гаджиев; Б. Вадецкий — о пьесе «Катюша» из жизни керченских партизан в каменоломнях.

О том, как писатели находили свое место на войне, свой настоящий голос, как они учились реалистически воспринимать войну, как у них появилось умение доходчиво

«НОВЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ БРАВОГО СОЛДАТА ШВЕЙКА»

Одно из первых изданий сатирической повести М. Р. Слободского. Иллюстрации О. Г. Верейского. М., Воениздат, 1943

Обложка

Повесть с теми же иллюстрациями первоначально печаталась в газете Западного фронта «Красноармейская правда»

и убедительно говорить с читателями-фронтовиками, интересно и взволнованно рассказывал А. Сурков (см. текст его отчета ниже).

Вопросов литературной формы, стиля, отвечающего задачам военного времени, коснулся в своем творческом отчете И. Эренбург. «...Меня литературные критики очень корили за так называемый „телеграфный“ стиль,—говорил Эренбург.— В редакциях мне много говорили о том, нельзя ли сделать фразы подлиннее. Однако выяснилось, что 〈...〉 говорить о наших врагах и призывать к их истреблению с большим количеством красивых фраз и придаточных предложений очень трудно. Фраза, которую можно прочесть, не переводя дыхание, единым залпом, скорее доходит. Мне удалось отстоять этот стиль» (ед. хр. 129, лл. 2 об.— 3).

Многие из писателей говорили о большом общественно-воспитательном значении писательского слова на фронте, в чем они убедились на собственном опыте.

Газета «Доблесть» (где работал секретарем редакции А. Кушниров) напечатала целую серию заметок под рубрикой «О доблести, о подвиге, о славе». В них рассказывалось о геройских делах, совершенных отдельными солдатами, например, о 17 бойцах, удерживавших два немецких дзота в течение 12 часов. Сила примера была велика. «К нашей радости,— замечал А. Кушниров,— уже завтра в редакцию стали поступать письма бойцов, обещавших бить врага как эти 17 героев» (ед. хр. 98, л. 4).

Во фронтовой газете Южного фронта работал С. Михалков. Многие его стихи, по свидетельству В. Полякова, вырезывались из газет и посылались домой.

Значение художественного слова подчеркивал, например, следующий факт. Командующий 11 армией, объявляя приказ о наступлении, сказал редактору газеты, что о наступлении нужно писать языком не передовой статьи, а популярной на фронте поэмы Аркадия Кулешова «Алексей Петров» (ед. хр. 99, л. 3). Рассказывая об этом, И. Чекин упоминал, что бойцы верили в реальность героя поэмы, храброго, удачливого, бывалого солдата, и даже посылали ему письма.

В своих отчетах писатели свидетельствовали, как много места в армейских и фронтовых газетах занимали отделы сатиры, уголки юмора. Так, В. Поляков говорил о юмористическом журнале «Каленый штык», который выходил три раза в месяц на Южном фронте. Л. Длигач рассказал о работе сатирического отдела «Рында» в газете «Красный черноморец», где сотрудничали П. Гаврилов, Н. Гайдовский, А. Ивич, Я. Сашин и художник Л. Сойфертис.

О поисках доходчивых сатирических сюжетов вспоминал М. Слободской. Он написал серию памфлетов, героем которых был Швейк. Веселая история новых приключений Швейка, сопровождавшаяся едкими насмешками в адрес врага, стала чрезвычайно популярной на фронте. Слободской жаловался, что не может кончить затянувшееся произведение, так как идут письма, требующие его продолжения. «Вообще, дают самые разнообразные советы,— подытоживал Слободской, — и поэтому из жизни Швейка делаю вывод, что нужно вести какую-то вещь с продолжением» (ед. хр. 108, л. 5).

В области сатиры писатели и поэты часто сотрудничали с художниками. М. Слободской рассказал о своем содружестве с О. Верейским. Фельетонист и художник вместе создали серию сатирических плакатов «Лицо врага», которые демонстрировались присутствующим на творческом отчете.

Соединение изобразительного материала со словом усиливало агитационную действенность газеты. Редактор газеты «Красный черноморец» П. Мусьяков, выступая в прениях по отчетам Л. Длигача, П. Панченко, А. Ромма, вспоминал, как к стихотворению Ромма о замученной фашистами женщине с детьми был добавлен фотоснимок и напечатан вместе с ним под общим заголовком «Не забудем, не простим!». «Когда утром газета попала в части,— продолжал рассказ Мусьяков,— я попытался проверить ее воздействие на читателей. Комиссары мне говорили, что бойцы прочитают подпись, посмотрят на снимок и спрашивают:

— А наступать сегодня будем?

— Да вроде, как нет. А почему вы спрашиваете?

— Да руки чешутся» (ед. хр. 100, лл. 18—19).

В отчетах писатели-фронтовики уделяли много внимания одному из самых популярных жанров в годы войны — массовой песне. Творческая деятельность поэтов-песенников приобрела широкий размах. На заседаниях военной комиссии слушались творческие отчеты С. Васильева, А. Жарова, Л. Ошанина, А. Суркова, И. Френкеля.

Л. Ошанин познакомил слушателей с песнями, созданными им вместе с композитором В. Кручининым во время пребывания в 1 гвардейском кавалерийском корпусе.

В творческих отчетах писателей назывались песни, которые пользовались особой популярностью у солдат, доходя до их сердца. Так, на песню И. Френкеля «Давай закурим!» композиторы написали семнадцать мелодий, а бойцы распевали ее еще и на свои собственные мотивы. «Бойцы песенки Френкеля очень любят и, главное, поют»,— свидетельствовал В. Поляков (ед. хр. 99, л. 9).

Пример воздействия поэтического песенного слова на настроение бойцов привел П. Капица, работавший в газетах Балтийского флота. Он рассказал о том, как на тральщиках, где люди называли самих себя, в связи с их опасной работой, «клубом самоубийц», распространилась упадочническая песня, от которой трудно было отделаться. Только создание новой морской песни помогло «перебить» ту, противопоставить и утвердить настроения мужества, презрения к смерти. «Это работа, казалось бы, не газетная, но необходимая»,— заключал П. Капица (ед. хр. 98, л. 22).

«Не газетной, но необходимой» была и работа писателей по созданию эстрадно-театральных представлений.

Участие писателей в художественной самодеятельности отнюдь не ограничивалось подготовкой литературных текстов: песен, стихов, скетчей, порой им самим приходилось выступать в импровизированных концертах и подчас заменять целый театр.

Об одном таком интересном случае говорилось в отчете И. Френкеля, создавшего вместе с В. Поляковым во фронтовой обстановке настоящий кукольный театр: «Мы стали выступать с куклами и подпевать нашими фальшивыми голосами. Потом в свободное время я научился играть на двухрядке. Наши выступления бойцам очень нравились, и они нас с большим удовольствием слушали, тем более, что театра в то время

на нашем фронте не было. 〈...〉 Мы вообще стали заниматься смешными вещами, одним словом, чем попало — лишь бы смешить людей. Сейчас на этой базе начал работать театр миниатюр» (ед. хр. 104, л. 12). Руководителем этого фронтового театра «Веселый десант» стал В. Поляков.

О том, каким нужным на фронте оказывалось и творчество писателей-классиков, рассказал в своем отчете литературовед И. Фейнберг: «Я думал, что на войне надо будет отложить в сторону такую тему, как Пушкин, и писать очерки и военные корреспонденции в газеты, я сейчас же стал это делать» (ед. хр. 216, л. 4—4 об.). Но, помимо очерков и заметок, Фейнберг продолжал трудиться над книгой о Пушкине, отрывки из которой он в виде лекций читал матросам Северного и Черноморского флотов, сопровождая свои выступления чтением пушкинских стихов. Сначала Фейнберг подбирал стихи Пушкина только на патриотические и исторические темы. «И тут я сразу понял лучше, чем раньше,— продолжал Фейнберг,— что Пушкин тем и дорог нам, что нет у него отвлеченно темы любви, темы патриотизма, темы истории. Я махнул рукой на ограниченность тематики и стал читать на все темы» (ед. хр. 216, л. 6 об.). Матросы дружелюбно, в шутку стали звать его «флаг-пушкинист», подобно тому, как были в штабе «флаг-штурман», «флаг-минер».

В редакции армейских и фронтовых газет приходили десятки писем бойцов с их опытами литературного творчества. На эти письма надо было обязательно отвечать. «На каждого писателя газеты, — сообщал В. Поляков, — приходится ежедневно по пятьдесят писем. Если стихи или рассказы плохие, так просто не напишешь, что ваш фельетон или ваше стихотворение напечатать не можем. Поэтому приходится отвечать подробно...» (ед. хр. 99, л. 10).

Писатели-фронтовики много внимания уделяли молодым авторам-красноармейцам, создавая вокруг газеты литературный актив из читателей. Начинающим военкорам часто не хватало времени и умения обработать материал. Тогда писатели вместе с авторами переделывали корреспонденции, чтобы они могли появиться на газетной полосе и рассказать об отваге советских людей. Помогая бойцам и командирам, писатель в то же время сам черпал много полезного и интересного для себя. «Будучи своеобразным пишущим пером командира,— говорил Н. Богданов,— узнаю ряд

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ НА ПУШКИНСКИЙ ВЕЧЕР В КЛУБЕ БРИГАДЫ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК СЕВЕРНОГО ФЛОТА

Докладчик — писатель И. Л. Фейнберг. Вечер состоялся 26 февраля 1943 г. в главной базе Северного флота — Полярное

Собрание И. Л. Фейнберга, Москва

вещей, о которых никогда не думал. Я с удовольствием берусь за эту работу» (ед. хр. 101, л. 5). Такое редактирование и консультирование приводило и к тому, что впоследствии некоторые из бойцов и командиров становились литераторами. Одно заседание военной комиссии было посвящено обсуждению творчества молодых поэтов, вышедших из среды фронтовиков,— И. Баукова и Г. Трифонова (ед. хр. 214).

Писателям приходилось вести работу и среди населения, особенно в освобожденных районах. Об этом в своем отчете говорил А. Ромм. Он вместе с тремя другими сотрудниками редакции «Красного черноморца» выпускал газету специально для жителей освобожденной Керчи. «Работать в „Керченском рабочем" было интересно», — делился своими впечатлениями Ромм, подчеркивая, что главной задачей газеты было содействовать освобождению сознания наших людей от лжи гитлеровской пропаганды (ед. хр. 100, л. 14).

Об участии писателей в агитации, направленной на разложение войск противника, в создании листовок, распространяемых на немецком языке, говорилось в отчетах И. Френкеля и В. Полякова. Вместе с ними в газете Южного фронта «Во славу Родины» сотрудничал переводчик Аркадий Штейнберг. «Этот человек делает то, чего никогда не делал,— рассказывал В. Поляков,— он пишет чудесные стихи на немецком языке. Это не просто мое мнение, человека знающего очень посредственно немецкий язык, это мнение немецких пленных, которые читают его стихи и спрашивают: кто этот прекрасный немецкий поэт?

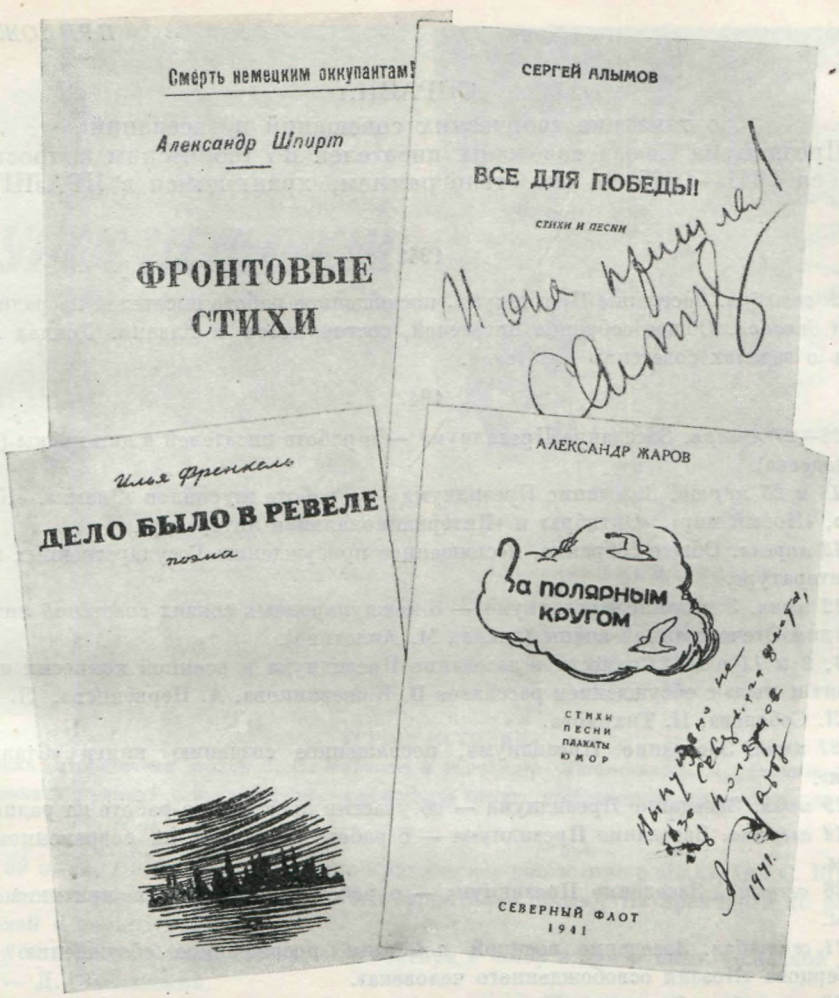
Существует у немцев такая популярная песенка „Лили-Марлен", которая передается через все радиостанции Европы. Эта песенка очень популярна среди немецких солдат. Штейнберг написал пародию на „Лили-Марлен", с такими словами: „Когда же эта самая коричневая собака Гитлер будет повешен?.." Как только офицеры уходят, солдаты в блиндажах распевают эту песенку Штейнберга» (ед. хр. 99, л. 8 об.).

В некоторых отчетах характеризовалась и та обстановка, в которой работали писатели-фронтовики. М. Колосов рассказал, при каких обстоятельствах случалось готовить срочную статью для армейской газеты: «Пришлось поехать на командный пункт дивизии, который сильно обстреливался артиллерийским огнем, с одной стороны, и минометным огнем — с другой. Дивизия находится в полуокружении. Противник придвинулся очень близко. Все сидят в траншеях, а нам нужно получить статью: итоги двух месяцев боев. В траншее нельзя разговаривать, потому что командир сидит у прямого провода, все время то приходят, то уходят. Комиссар предлагает выйти на лужайку. Вышли, легли и стали писать статью. Одна мина ударяет сзади нас. Я смотрю на комиссара — ничего! Другая мина разрывается впереди нас. Комиссар говорит: „Теперь надо нам отодвинуться немного в сторону". И действительно, третья мина попала почти туда, где мы лежали. И так мы написали статью» (ед. хр. 107, лл. 20—21).

Л. Длигач тоже упоминает об условиях, в которых издавалась газета: «Редакция находилась на торчке у бухты и являлась притягательным пунктом для летящих с самолета бомб ⟨...⟩ Один раз попал снаряд, это выбило нас из колеи. Но когда гас свет, машины работали вручную; редакция, не унывая, как и весь Севастополь, делала свое дело» (ед. хр. 100, л. 5).

В отчетах шла речь и о непосредственном участии писателей в боевых действиях. Писатели не могли, разумеется, говорить о своем мужестве и стойкости, которых требовала от них фронтовая обстановка, но об этом подчас свидетельствовали их товарищи. Так, М. Колосов, выступая по отчету А. Ромма, дал ему следующую характеристику: «Он проделал огромный путь с морской пехотой в строю. В самые трудные моменты, в боевые моменты он проявил мужество, держал в этом отношении себя как настоящий кадровый военный» (ед. хр. 100, л. 16). Это можно было сказать и о многих других писателях-фронтовиках.

Интересен рассказ И. Сельвинского о том, как ему пришлось исполнять обязанности начальника заградительного отряда, когда на одном участке фронта вражеские танки прорвали оборону и бойцы начали отступать. В своем отчете Сельвинский признавался, что лекторская и комиссарская работа в армии привлекает его даже «больше, чем писать стихи» (ед. хр. 104, л. 9).



СБОРНИКИ СТИХОТВОРЕНИЙ И ПЕСЕН ПОЭТОВ-ФРОНТОВИКОВ
Изданы в 1941—1942 годах
Обложки (монтаж)

В отчетах писатели-фронтовики вспоминали и о товарищах-литераторах, погибших в карельских снегах и в окопах Сталинграда, на полях Подмосковья и в водах Балтики — на всех фронтах Отечественной войны.

Г. Фиш рассказал о своих боевых друзьях по Карельскому фронту: Льве Канторовиче, погибшем в первые дни войны в отряде пограничников, Иване Кутасове, убитом во время боя, о начинающем писателе Иване Мухине. Мухин, «будучи в дивизии, которую пытались отрезать от тыла, взялся через озеро вплавь доставить важные сведения командованию (он хорошо плавал). Он поплыл через озеро, его подстрелил финский снайпер, и он утонул» (ед. хр. 99, л. 12).

Работу во фронтовых газетах писатели расценивали как большую литературную и солдатскую школу. И. Сельвинский, сотрудничавший в газетах Крымского и Северо-Кавказского фронтов, сказал в своем отчете, что «...лучшего способа узнать жизнь армии нет» (ед. хр. 104, л. 11). Несмотря на все трудности и опасности, это доставляло писателям настоящее удовлетворение. «У каждого писателя, который работает для фронта, начиная с дивизионной газеты,— в заключение своего отчета сказал И. Эренбург, — есть минуты большого удовлетворения и радости, когда он узнает, что его слово в трудную минуту помогло бойцу во время атаки» (ед. хр. 129, л. 18).

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПРАВКА

о тематике творческих совещаний и заседаний Президиума Союза советских писателей по творческим вопросам за 1941—1945 гг. (по стенограммам, хранящимся в ЦГАЛИ)

1941

2 октября. Заседание Президиума, посвященное работе писателей на радио.

8 декабря. Общее собрание писателей, состоявшееся в Казани. Доклад А. Фадеева о задачах советских писателей.

1942

26—27 января. Заседание Президиума — о работе писателей в дни войны (доклад А. Фадеева).

18 и 25 марта. Заседание Президиума — о работе журналов «Знамя», «Красная новь», «Новый мир», «Октябрь» и «Интернациональная литература».

13 апреля. Общее собрание, посвященное присуждению Государственных премий по литературе.

12 июня. Заседание Президиума — о международных связях советской литературы в дни Отечественной войны (доклад М. Аплетина).

7, 9 и 11 июля. Совместное заседание Президиума и военной комиссии на тему «Фронт и тыл» с обсуждением рассказов В. Кожевникова, А. Первенцева, Л. Славина, Л. Соболева, Н. Тихонова.

21 июля. Заседание Президиума, посвященное созданию книги «Сталинское племя».

29 июля. Заседание Президиума — об участии писателей в работе на радио.

14 августа. Заседание Президиума — о работе писателей на современном этапе войны.

26 августа. Заседание Президиума — о работе литературных критиков в дни войны.

21 сентября. Заседание военной комиссии, посвященное обсуждению статьи В. Перцова «Поэзия освобожденного человека».

23 сентября. Заседание Президиума — о работе украинских писателей.

12 октября. Заседание военной комиссии с докладом А. Игнатьева о работе над четвертой книгой «50 лет в строю».

13 ноября. Заседание Президиума — о работе азербайджанских писателей во время войны.

16 ноября. Совещание на тему о задачах литературы.

3 декабря. Заседание Президиума совместно с представителями Воениздата.

1943

29 января. Заседание Президиума — о работе военной комиссии.

22 марта. Общее собрание, посвященное присуждению Государственных премий по литературе.

24, 26, 27, 30 и 31 марта. Совещание «Художественная литература в дни Отечественной войны». С основными докладами выступили В. Перцов (проза военных лет) и А. Лейтес (поэзия периода войны).

13 мая. Заседание Президиума — о работе украинских писателей и писателей в Свердловске.

17 мая. Заседание Президиума, посвященное обсуждению книги А. Толстого «Хождение по мукам».

21 мая. Совещание при Детгизе, посвященное обсуждению военной детской сказки К. Чуковского «Одолеем Бармалея».

«УРОК ИСТОРИИ»

Сборник сатирических стихов С. Я. Маршака и карикатур Кукрыниксов. М., Гослитиздат, 1942
Обложка и страница с карикатурой на немецкую армию, потерпевшую поражение под Москвой

30 июня, 1 и 2 июля. Творческо-критическое совещание с докладами С. Щипачева (фронтовая поэзия), В. Кожевникова (фронтовая проза), И. Эренбурга (о роли писателей в период войны).

8 и 9 июля. Совещание на тему «Сатира и юмор в дни войны». Основной докладчик — Д. Заславский.

15 июля. Совещание, посвященное вопросам художественного перевода.

4 августа. Заседание Президиума, посвященное отчету редакции журнала «Знамя».

18 августа. Заседание Президиума — о работе писателей над киносценариями.

21 августа. Совещание поэтов — о песне к 25-летию Комсомола.

12—15 октября. Совещание «Историческая тема в художественных произведениях, созданных за время войны». Открыл совещание А. Толстой.

21 октября. Заседание Президиума — о работе татарских писателей в дни войны.

6 декабря. Заседание Президиума — о работе журнала «Октябрь».

18 декабря. Заседание Президиума — о работе узбекских писателей в дни войны.

22 декабря. Заседание Президиума — о книге стихов Н. Асеева «Годы грома».

30 декабря. Общее собрание на тему о роли советской интеллигенции и работе писателей в дни войны.

1944

3, 12, 24 января и 2 февраля. Заседания Президиума — о выдвижении литературных произведений на Государственную премию.

5, 7 — 9 февраля. IX Пленум Союза писателей — «Советская литература в дни Отечественной войны». С основным докладом выступил Н. Тихонов.

21 апреля. Заседание Президиума, посвященное обсуждению отчета о работе журнала «Знамя».

23 мая. Заседание Президиума — о работе грузинских писателей в дни войны.

26—29 мая. Совещание областных и краевых объединений писателей РСФСР.

11—13 сентября. Совещание, посвященное теме «Песня в дни Отечественной войны». Доклад «О советской массовой песне» сделал М. Исаковский. В этом совещании приняли активное участие также и композиторы.

13 октября. Заседание Президиума по вопросам кинодраматургии.

7—9 декабря. Дискуссия на тему «Образ советского офицера в художественной литературе». Открыл дискуссию Н. Тихонов. Доклад Л. Субоцкого. «Отправными пунктами» для дискуссии были произведения А. Бека «Волоколамское шоссе» («Панфиловцы на первом рубеже») и К. Симонова «Дни и ночи».

1945

26, 27 и 29 января. Конференция драматургов «Тема и образ в советской драматургии» с основными сообщениями Вс. Вишневского и Н. Погодина.

30 января, 1 и 2 февраля. Совещание на тему «Художественная литература о моряках в Отечественной войне». Задуманное как обсуждение только четырех произведений: «Морская душа» Л. Соболева, «Иван Никулин» Л. Соловьева, «У стен Ленинграда» Вс. Вишневского, «Офицер флота» А. Крона, оно вылилось в большой разговор о «морской» литературе в целом.

16, 20 и 26 февраля. Заседания Президиума, посвященные обсуждению произведений, выдвинутых на Государственную премию.

21 марта. Совещание «Литература для юношества и детей о море и моряках». Доклады Л. Успенского «Задачи и перспективы морской литературы для юношества и детей» и Л. Кассиля «Советские писатели в библиотеке юного моряка».

29 марта. Заседание военной комиссии о работе с начинающими писателями-фронтовиками.

6 апреля. Заседание Президиума, посвященное вопросам литературоведения и работе творческих секций.

18 апреля. Заседание Президиума, посвященное обсуждению романа А. Степанова «Порт-Артур».

15— 19 и 22 мая. X Пленум ССП — подведение итогов деятельности писателей в период Великой Отечественной войны.

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

ТВОРЧЕСКИЙ ОТЧЕТ НА ЗАСЕДАНИИ ВОЕННОЙ КОМИССИИ СП 12 ИЮЛЯ 1943 г.

Публикация В. П. Нечаева

Товарищи, в «Вечерней Москве» было опубликовано сообщение о том, что я буду говорить о стихах, написанных советскими поэтами во время войны. Я не отважусь разговаривать на эту тему, так как не знаю кто что написал и потому что разговор на эту тему вести сейчас вообще не так просто. Я могу только сказать о том, как работалось мне и тем, с кем я более или менее близко соприкасался в каждодневной жизни.

Есть такое старое провинциальное адвокатское выражение: «Когда разговаривают пушки, музы молчат». Я уже во время финской войны почувствовал, что это глубоко ложно, а люди, которые знают историю нашей поэзии, ложность этой псевдоистины знали и раньше. В 1917—1921 гг., когда очень громко разговаривали пушки, музы, у которых не перехватило голос от страха или от слабости, или от каких-либо посторонних поэзии причин, разговаривали громким и чистым голосом. Ссылок я особенных делать не буду, сошлюсь только на несколько полярные в нашей советской поэзии имена Маяковского и Демьяна Бедного.

Эта война, по моему глубокому убеждению, застала очень многих из нас как бы врасплох. Люди существовали последние годы перед войной в таком убеждении, что всё на войне пойдет по расписанию, что война будет построена по принципу: коротким, но сильным ударом поразить противника, отбросить и опрокинуть его, драться на чужой территории. Война же на деле пошла по-другому. Первые, самые страшные удары получили мы. Бой мы приняли на своей территории. Свою территорию в первые годы войны отдавали несчитанными километрами, правда, сопротивляясь, правда, проливая большую кровь, свою и чужую. Война внесла в наши представления о своей природе решительную коррективу, которая потом определила, если хотите, судьбу литературы и судьбу поэтов наших.

Я на войне с 26 июня 1941 г. Мне было дано задание направляться на Западный фронт, примерно, в пределах Белосток — Барановичи. Я успел доехать только до Могилева. На второй день был в Орше, на третий — в Смоленске. 16 июля 1941 г. фронт перекинулся от Смоленска до Ярцева в 350 километрах от Москвы. Вот этой совокупностью географических названий определяется степень и характер наших чувств в первые два-три месяца войны. Тем, что нам пришлось драться на своей территории, тем, что нам пришлось пережить не предусмотренные кодексом наших довоенных представлений потрясения,— определяется строй стихов, который получил наиболее широкое распространение среди людей, попавших в армию с первого дня войны.

Пришлось первые два-три месяца войны, если не молчать, то отвечать

на побочные вопросы, которые ставила суровая, неумолимая действительность этих дней. Пришлось писать не те стихи, которые каждый для себя загадал, а писать или очерки, не свойственные поэтам, или такие вещи, какие мы в те времена писали: фельетоны о Грише Танкине — стихи, которые можно делать при абсолютно не подходящих для творческой работы условиях. И только тогда, когда выкристаллизовалось в сердце и сознании представление о том, как придется вести войну дальше, начали мы обретать настоящий голос для разговора об этой войне.

Я хочу остановить ваше внимание на этом переломе, потому что для многих людей в нашем Союзе писателей это определило и дальнейшую их судьбу, и дальнейший профиль их жизни.

Пришлось от очень многих вещей отказаться, хотя эти вещи до войны казались абсолютными.

Пришлось отказаться от представления о том, что везде, где мы проходим, за нами следом идет победа. Пришлось отказаться от представления о том, что как только мы подняли руку, то удар, который мы нанесем, обязательно будет сокрушительным. Когда мы встали с глазу на глаз с противником, который двадцать с лишним лет назад разговаривал языком пушек со всей окружавшей его Европой, все эти представления подверглись суровой коррективе. И эту коррективу нам надо было не только *понять*, но и *почувствовать*.

И вот, исходя из этой переоценки, для меня лично и началась тема нынешней войны, главная, определяющая и, пожалуй, неизменная до того дня, когда последний выстрел смолкнет,— тема ненависти.

Я в начале июля 1941 г. написал в прозе (не то проза, не то стихи) первую вещь — «Клятва воина», с которой я исчисляю свое существование на этой войне. Здесь эта ненависть была высказана от первого лица человека, который пришел на эту войну и на полях битв увидел, с кем он имеет дело. Написал я ее потому, что это была основа моего самочувствия на войне и еще потому, что почувствовал, что люди, которым предстоит драться с хорошо организованным, внутренне собранным, идеально подготовленным для броска к победе противником, что эти люди могут тогда только найти в себе и силу сопротивления, и силу преодоления, когда почувствуют две вещи: что земля, с которой они уходят,— своя земля, и что отдавать эту землю врагу — нельзя, что деяния этих, без приглашения идущих с запада поработителей таковы, что нельзя наблюдать их равнодушно и на них можно отвечать только одним действием — отпором, возмездием.

Уже за первые полторы-две недели мы обнаружили на местности, в жизни, что люди, которые идут с запада, хотят нас поработить, что во имя этой «идеи» порабощения огромной страны, за которой они не признают права на самостоятельное историческое существование,— совершают дела, не подходящие ни под какие нормы человеческих моральных кодексов.

Они считают, что с русскими можно поступать так, как нельзя поступить ни с кем другим из людей, живущих на земле; что русских беззащитных женщин и детей можно расстреливать из пулеметов на бреющем полете совершенно хладнокровно, как режут на бойне быков и баранов, как режут кур; с русскими можно поступать так, как поступают с надоедливыми паразитами в человеческом быту.

Я это видел и в Могилеве, и в Орше, на Оршанско-Витебском шоссе, и в Рудне, где при мне «мессершмитты» бомбили и обстреливали четыре эшелона беженцев. Вот тогда я почувствовал ведущую тему этой войны: надо людям сказать, что без ненависти нельзя победить врага, пришедшего покорить, обезличить, растоптать.

Много пережили мы за первый год войны. Пережили первый этап отступления до Березины, второй этап отступления до Днепра, третий

А. А. СУРКОВ В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ПРАВДА»
Фотография М. М. Калашникова. Западный фронт, 4 сентября 1941 г.
Собрание П. Д. Корзинкина, Москва

этап отступления до подмосковного рубежа—до Можайска, Волоколамска, до Клина. Пережили мы и четвертый этап отступления, когда, проезжая по Волоколамскому шоссе, я видел срезанные снарядами чугунные столбики остановки пригородной автобусной линии, когда из-за комбината «Правды» с Ямского поля стреляли прямо по расположению немецких войск наши тяжелые пушки.

Все это было не очень просто для людей, которые не считали себя посторонними зрителями в большой исторической драме, начавшейся в ночь с 21 на 22 июня 1941 г.

Все это отражалось на всем строе личности людей, переживших бедствия войны, и определяло их поведение — гражданское и литературное.

В начале второй половины октября мы оказались в своем поезде редакции газеты «Красноармейская правда» единственным осколком советской литературы, оставшимся на островке, называемом «Москва». Это было очень волнующе и необычайно. Кроме нас, в этот месяц-полтора никого не оказалось. Надо было разговаривать с защитниками Москвы и не просто разговаривать, а советовать людям, что́ сейчас им предстоит делать. И нам, литераторам, приходилось делать всё: писать и передовые во фронтовой газете, и фельетоны «Гриша Танкин» на тему о том, как драться с танками, как драться с парашютными десантами, которые практиковались в те времена, как драться в самых разных и самых пестрых условиях, при которых протекало немецкое наступление на Москву. И надо было одновременно с этим разговаривать, говорить, вкладывая в слова всю силу души, все свое существо, о том, что Москву отдавать немцам нельзя. Может быть, это было не в наших силах, может быть, это было не в наших творческих возможностях. Но кроме нас, литераторов редакции фронтовой газеты Западного фронта и окружавших эту редакцию армейских газет, никого тогда не было. Приходилось самим находить нужные условия работы, находить нужные слова, нужный камертон разговора, обращаясь к людям, которых прислала страна с Дальнего Востока, из Сибири, из Казахстана прикрывать свою столицу. Надо было разговаривать с этими людьми так, чтобы они тебя поняли, почувствовали свою ответственность за судьбы страны и ее столицы и в соответственно сложной обстановке организовали свое поведение перед лицом абсолютного численного превосходства немецких солдат и абсолютного превосходства немецких танков и самолетов, все ближе и ближе надвигающихся на Москву.

И характерно, что в те времена, когда в Москву ни приедешь, всегда в ней состояние воздушной тревоги. Причем «юнкерсы» и «хейнкели» идут на Москву с эскортом истребителей, прикрывающих их во время бомбежек.

Это было университетом нашей гражданской и поэтической зрелости. Это определило тональность того, что́ в те времена писалось и что́ писали и пишем мы до нынешнего дня войны.

С октября-ноября 1941 г. прошло уже больше полутора лет. За это время мы знаем горькие дни почти катастрофического отката в июле 1942 г. и радостные дни почти катастрофического для «третьей империи» зимнего отката за Курск и за Харьков немецких и союзных им армий. Но тот камертон, который определил тональность наших разговоров о войне за первые полтора года войны, который определил реалистическое отношение к происходящему, остается обязательным и поныне, если литератор хочет, чтобы люди его слушали.

Я тут хочу вспомнить, как я первый раз после начала войны, в сентябре месяце 1941 г. приехал в Москву и привез первый цикл стихов об этой войне. Они назывались «Я пою ненависть». Потому что на фронте было темно на душе и потому что в лесу некому было эти стихи читать, я кинулся в Москве на первых людей, которые попались под руку. Они завоевали здесь, в Союзе писателей, видное положение. Я прочел им 260—280 строчек стихов, которые я написал за первые месяцы войны.

И они мне сказали: «Алеша, чего ты ноешь? К чему это?» И мне стало стыдно не за себя, а за них. Когда я сказал им: «Товарищи, так в жизни происходит: миллионы людей срываются с насиженных мест, угоняют на восток лошадей и коров, целые заводы десятками смещаются с постоянных незыблемых мест. Это же тяжко!..»

Они сказали мне: «А разве это нужно на войне? Когда такое страшное происходит, надо людей обрадовать словом». И они ободряли словом людей переднего края из Свердловска, Новосибирска и других городов, расположенных довольно далеко на восток от линии фронта.

«В ЗЕМЛЯНКЕ»

Рисунок В. С. Климашина (итал. карандаш). Западный фронт (Смоленское направление), 21 июля 1942 г.

Собрание В. Ф. Климашиной, Москва

Я все это вспоминаю для того, чтобы утвердить основной выношенный, выстраданный тезис — война учила и научила определенную группу людей от литературы, попавших в армейскую, фронтовую печать, реалистическому отношению к событиям, реалистическому отношению к тому, что происходит каждый день там, где история делает свои основные шаги. Война научила нас говорить тогда, когда это нужно и когда это вызвано самим характером развивающейся борьбы, прямо и жестко.

До войны редко кто из нас мог себе представить, что людям, носящим на пилотке или на фуражке красную звезду, можно сказать, что не все они герои, что есть среди них трусы. Война научила нас тому, что людям, которые очень часто обливались кровью, своими жизнями загораживая дорогу на восток, можно и должно прямо и в лоб говорить о старухах, женщинах, ребятишках, которые провожают их молчаливо, провожают их, уходящих на восток, скорбными и негодующими взглядами. Война научила нас реалистическому отношению к тому, что происходит в жизни, и тем открыла нам путь к сердцу читателя.

Я за время войны написал одну маленькую вещь, которая подверглась очень крупным неприятностям. Это шестнадцатистрочное стихотворение, которое сначала никак не называлось. Потом оно превратилось в песню под названием «В землянке». Там есть эти несчастные строки:

До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.

«Синие чулки» начали вокруг этих строк целое дело. Они рассуждали так: очень близко до смерти — четыре шага; человек, который прочитает эти строки, перестанет быть упругим сердцем и волей, окажется плохим солдатом. И они предложили, чтобы эти строчки были заменены другими, глубоко оптимистическими строчками.

Из их пожеланий ничего не вышло. Разные варианты были написаны разными доброхотами, но песня осталась песней, потому что из песни слова не выкинешь и потому что на войне человеку тяжело и каждому ясно, как близка здесь смерть, и каждому, естественно, не хочется умирать. Но именно поэтому с людьми надо разговаривать прямо, по-солдатски, по-мужски. Человек, который прочитал: «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти — четыре шага», загрустит взглядом, загрустит сердцем, но этот человек не пойдет за куст, чтобы, взяв в левую руку комок снега, выстрелить сквозь этот снег, чтобы не было ожога и, таким образом, став «самострелом», избежать трибунала. Тот, кому адресованы эти строки, — человек настоящего сердца, человек настоящей солдатской воли.

Вот это право разговаривать с солдатом солдатским языком мы обрели, стоя близко от солдатского сердца. Война научила нас понимать состояние души миллионов людей в обстановке войны, когда человека, созданного для того, чтобы жить, ищет в каждую минуту на каждом метре пространства смерть. И на этом знании, если хотите, основывался контакт стиха и прозы с сердцем воюющего человека.

Громкие и общие слова задубляют барабанные перепонки. Барабанные перепонки со временем перестают реагировать на это постоянное трехтактное тра-та-та, выражающее видимость человеческих чувств (это у нас до войны иногда выдавалось за настоящее самочувствие). На войне пришлось даже тем людям, которые, может быть, сопротивлялись этому, исходить из потребностей живого сердца и человека, который воюет, и того, который сорван войной с насиженного места. А людей, сорванных войной с насиженного места, оказалось примерно три четверти населения нашей страны. Одних сорвала война с насиженного места прямо из Минска, из Гомеля, из Белостока, из Могилева, из Кричева, из Смоленска, из Вязьмы, из Ярцева. Других война срывала с насиженных мест из Тулы, из Москвы; третьих — из мест, которые в первом году войны казались тылом. Война заставила всех людей мыслить по-иному, чем они привыкли в мирное время.

И еще вот что.

Война потребовала от литераторов необычайной для мирного времени активности. Война потребовала от литераторов прямого входа в ее сферу, чтобы люди находили отклик на происходящее сегодня же или в ночь с сегодня на завтра. Произошло то же, что во времена гражданской войны и что тогда подтверждено опытом таких поэтов, как Маяковский и Д. Бедный.

Для многих наших товарищей это было нелегко, даже и для многих, сидящих здесь в зале. Послали их в армейские газеты. До войны они были критиками, исследователями литературы, прозаиками, которые писали по велению и движению своей неторопливой души.

Пришли литераторы на войну, и она потребовала от них: вот сегодня мы отступаем от Смоленска, где будет рубеж — неизвестно, но хотелось бы, чтобы это было подальше от Москвы. Хочешь ты или не хочешь, а нужно найти среди воюющих людей нужные характеры, нужные поступки и нужное поведение. И о всем этом сказать солдатам в завтрашнем номере газеты. Надо доходчиво, убедительно сказать отступающим, что надо остановиться, что надо верить в себя, надо пересилить страх перед «мессершмиттами», «юнкерсами», «хейнкелями» и дальше реки Днепр, или дальше реки Вонь, или за Волгу не пустить немцев.

Первые годы войны учили нас быть с читателями искренними по сердцу, чтобы быть с читателями не очень многодумными и не очень тяжелодумными, чтобы читателю говорить то, что ему нужно сегодня, что для читателя сегодня необходимо с точки зрения его ненормального окопного существования, текучести читателей газеты.

Вот то самое главное, что мы вынесли как первый опыт с самого начала войны и что определило характер и профиль работы всех писателей и поэтов, бывших на войне.

Я так сейчас смотрю. Вот Василий Гроссман (если кто из вас читал его книгу «Народ бессмертен») написал книгу с неуклюжим прописным названием, но книгу ярко талантливую, честную и правдивую. Тот, кто знает, что такое война 1941—1943 гг., должен будет отметить, что для Василия Гроссмана эта война явилась средой, в которой интересный и своеобразный талант этого прозаика получил настоящее и благородное оплодотворение.

Я всё читал, что об этой войне написано, но более прямого и сурового, более благородного, чем то, что написано в этой небольшой повести «Народ бессмертен», я пока еще об этой войне не читал.

Написал Леонид Соболев серию своих рассказов. Леонид Соболев — человек, который умеет писать и может писать, умеет сюжет строить. Не всё мне в этой книжке нравится. В этой книжке больше от литературы, чем от жизни. Но и по этой книжке прошел живой ветер времени, и от этого никуда не уйдешь. Потому что Леонид Соболев, в меньшей мере, чем Василий Гроссман, переживший «на местности» все этапы двухлетней нашей драки с немецким фашизмом, все-таки почувствовал это дело.

Если вы возьмете стихи Симонова, Долматовского, если вы возьмете стихи других наших фронтовых поэтов (пожалуй, больше стихи, чем прозу, потому что проза в армейских и фронтовых газетах более слабая), то вы увидите, что то, о чем я говорил в начале, определило характер и тональность их книг об этой войне. Более талантливые написали более ярко, менее способные написали не столь ярко, иногда даже плосковато. Но война как-то определила реалистическое отношение всех к событиям. Война сама определила тон разговора и напряжение голоса.

За время войны написано много стихов, написаны сценарии, по которым поставлены кинокартины, написаны пьесы, поставленные на сценах наших театров, людьми, которые войны в первоисточнике не знали. И вот из того, что написано об этой войне из вторых рук, выделяется то немногое, что отмечено знаком настоящей творческой интуиции и таланта. Может быть, не абсолютно совершенная пьеса «Нашествие». Но писал ее взволнованный и талантливый человек. И какими-то чертами характера Талановых и других персонажей эта пьеса Леонова оказалась в некоторых случаях даже жизненней того, что писали с войны люди, не преодолевшие в себе инерции довоенного отношения к действительности.

Я не буду называть имен. Но здесь, в Москве, я два раза слышал выступления одного литератора, с первого же дня находящегося на войне: «С первого дня кочую от батальона к полку, от полка к дивизии, от дивизии к штабу армии...» И я заранее могу представить, что он обязательно приведет пример, в котором внешне грубый человек, с очень богатой натурой, под музыку пушек слушает музыку — Чайковского и Бетховена. Он, этот литератор, еще до войны составил себе такое представление о воюющем современнике. И несмотря на то, что жизнь упорно показывает, что на деле все бывает грубее, совсем не так, он до сих пор ходит с этими схемами и выдает их за подлинную жизнь.

Вот то основное, что мне хотелось сказать в сегодняшнем разговоре.

Критиковать товарищей я не могу и не хочу, потому что сам пишу хуже их, да и не всё я знаю. Что мы знаем о том, как пишут на войне Долматовский, Безыменский, Шведов? Что написали за время Отечествен-

«В РАБСТВО»
Картина Г. Г. Ряжского (масло), 1942—1943 годы
Областной художественный музей им. В. В. Верещагина, г. Николаев

ной войны десятки литераторов, так или иначе звучащих во всесоюзной прессе?

Здесь, в Москве, течет своя жизнь. Здесь, в Москве, текут и изменяются прозаические и драматургические репутации. А в какой-нибудь редакции газеты Энского фронта или армии можно работать, начиная с июня 1941 г., пройти сквозь строй трагических испытаний, быть в окружении, в плену, выходить из плена, чтобы опять работать в газете, пережить прошлогоднее отступление, сталинградскую эпопею, наступление на запад и, исходя из принципа «дитя не плачет, мать не разумеет», находясь в 500—600 километрах от Москвы,— жить очень замкнутой жизнью. И никто в столице не знает, как живет этот человек, никто не подскажет ему, что надо и что не надо делать.

Я год как ушел из фронтовой газеты, но за первый год моего существования на войне я знаю, до чего трудно выходить к большому читателю тому, кого судьба забросила не под Москву в район Малого Ярославца или Калуги, а куда-нибудь за Мценск или в район Краснодара. Очень трудно. Полевая почта работает неважно. Через вторые руки стихи доходят плохо. Если стихи не подкреплены живой энергией человека, их предлагающего, очень часто хорошие стихи повисают в воздухе, в то время как посредственные идут. Это первое.

Второе. Я представляю себе положение моих товарищей, работающих во фронтовых и армейских газетах,— Долматовского, Безыменского, Светлова, Матусовского и многих других. Это очень сложная и очень трудная судьба. Живут люди в одной комнате по 12 человек, и от этих 12 человек ни днем, ни ночью никуда не уйдешь. Круглые сутки тут суматоха: один только что вернулся с фронта и начинает рассказывать тебе что-то; другой ходит по комнате, разыскивая потерянный блокнот; третий вообще болтун, всем мешает, гудит. В такой обстановке остаться самому с собой, остаться с глазу на глаз со своим сердцем и со своей совестью — очень трудно. А люди, которые пишут, знают: обязательно надо иногда остаться самому с собой, чтобы не мешали ни внешние условия, ни люди. Вот из-за этого, мне кажется, у нас поэзия об этой войне обеднена по меньшей мере процентов на пятьдесят.

Людям, которые за эти два года впитали своей памятью, своим зрением, своим слухом нескончаемую вереницу трагических картин внешнего мира, надо дать возможность, отключившись на время от газетной «текучки», привести в порядок свои ощущения и свою память.

Я не выступал на эту тему на оборонном заседании, которое недавно было, потому что однажды не успел заикнуться, как на меня набросились. Но ведь, по совести говоря, люди теряют квалификацию, и у людей, которые излишне много видели, не имея возможности все запомнить и все записать, эта перегрузка убивает возможность подлинной реакции на виденное. И если люди, жившие в Ташкенте, в Чистополе, в Новосибирске и Фрунзе, страдают от недостатка живых представлений о войне, есть большая группа людей, которые страдают от слишком большой перегрузки ощущений и физического ви́дения того, что на войне происходит. Вот это надо как-то уравновесить. Это надо как-то регламентировать, потому что пройдет война и эти люди придут с фронта, а им скажут: «Вы — неврастеники!»

А ведь у них перед глазами мельтешит всё — и беженцы, и лошади, и гурты скота, и собаки, объевшиеся человечиной, и волки, которые ходят по трупам, и разбитые дома, и разбитые заборы, и музеи, в которых по картинам ходили и топтали полотна коваными каблуками,— всё это у них смешивается, и они потерялись в этом чудовищном потоке живых впечатлений. Получается взаимно непропорциональное распределение возможностей.

Это мне тоже очень хотелось сказать для того, чтобы как-то сохранить живое ощущение войны на будущее. Ведь, по чести сказать, не каждому дается такое высокопроизводительное, правда, трудное счастье — быть соучастником таких событий, как сегодняшняя наша война.

И последнее, что я хочу сказать,— о читателе. На войне, может быть, как никогда в другое время, упрощаются и уточняются отношения между пишущим и читающим человеком. Если я, числящийся поэтом или литератором красноармейской газеты, приеду в 61 стрелковую дивизию, и меня спросят, кто я таков, старший батальонный комиссар Сурков,— значит мне грош цена. На войне отношения складываются так, что или люди тебя признают за нужного себе человека и запоминают твою фамилию и приглашают тебя по ротной бедности и по полковому богатству в удачно отрытый блиндаж перекусить и выпить стопку водки с ними, или ты ничего на войне не сделал. Если в штабе фронта тебя не знают, этим не нужно смущаться: они не всегда читают свои газеты. Но ежели ты пришел в полк, или в батальон, или в роту, и тебя там не знают,— подумай! Стихи на войне очень читаются, и стихи, которые ты пишешь и которые запомнились, надолго врезаются в память воюющих людей. В первом году войны редко можно было встретить на фронте человека, которому бы не попался в руки энный номер газеты «Правда», где было напечатано стихотворение

«Жди меня». Самые правдивые рецензии, которые литераторы получают от читателей, во время войны особенно,— это те самые газетные вырезки, которые лежат в левом боковом кармане гимнастерки человека, идущего сегодня в бой. Если тебе стихи понравились, ты их не только запомнишь, но вырежешь и спрячешь в самое сокровенное место. Таких стихов у нас немного и не всегда они блещут абсолютным совершенством форм, но они всегда являются выразителями подспудных ощущений человека, встречающего и сегодня и завтра смерть.

А человек, стоящий перед лицом смерти,— человек требовательный и неподкупный.

И вот, примерно, по таким рецензиям мы живем за эти два года войны. Я не знаю, что будет после войны, но пока что такие рецензии являются основным коррективом нашего существования в литературе.

Если мне какой-то товарищ из какой-то части прислал письмо, где сказано, что коммунист Снегин из такой-то роты был на днях убит и из кармана его гимнастерки выпал партийный билет и из него вывалился кусочек газетной бумаги, залитый кровью, и на этом кусочке бумаги оказалось напечатанное такое-то стихотворение такого-то автора,— вот это для человека, работающего на войну, является, пожалуй, самой решающей и самой существенной рецензией.

Я в августе месяце 1942 г. приехал в порядке очередной командировки под Ржев. Тогда мы под Ржевом наступали. В двух с половиной километрах от переднего края наших войск, на развилке дорог, стоял столб. На столбе была огромная фанера, и на этом огромном фанерном щите были написаны четыре строки из стихов одного из наших советских поэтов, напечатанных три дня тому назад в газете «Красная звезда». Уже на этом щите были следы от минных осколков и пулевые следы. И когда я на этот щит посмотрел (мне об этих стихах в Москве говорили, что у них несовершенная рифма, что у них нет равновесия между первой и второй частью, что в них слишком много повторяется слово «убей»), когда я посмотрел на этот щит, я решил для себя: хорошо бы, если бы эти четыре строчки были мои.

У нас все работают на суд истории, а история — штука хитрая. История неизвестно что выберет. И мне кажется, что история выберет не то, что мы иногда производили механически. Например, «Певец во стане русских воинов» Жуковского — вещь довольно посредственная, хотя сейчас она используется и хорошо принимается, а в историю войны 1812 года более заметно вошли написанные значительно позже стихи Михаила Юрьевича Лермонтова — «Бородино». Тут очень трудно попасть в точку. Но главным критерием остается все-таки то, чтобы войти в человеческое сердце так, чтобы это человеческое сердце приняло тебя, и воюющий современник слова, сказанные тобой, запомнил крепко и навсегда.

Простите мне мой не совсем организованный разговор. Очень трудно говорить. Жизнь течет. Жизнь каждый день готовит людям такие сюрпризы, которых никак не предполагаешь. И когда сейчас ходят люди и кричат, почему нет романа, подобного «Войне и миру», на этих людей смотришь и думаешь: откуда вы сорвались такие умные и такие скороспешные?

Большая и сложная вещь та война, которую мы ведем. Я как-то написал стихотворение, навеянное представлением о будущем:

Когда умолкнут пулеметы,
Настанет мир в миру честно́м,
Артиллерийские налеты
Покажутся далеким сном.
И слушая рассказ солдата,
Раскрыв от удивленья рот,
Тайком подумают ребята:
«Вот старичина!
Лихо врет!»

«НИ ШАГУ НАЗАД!»

Листовка со стихами А. А. Суркова. Издание Главного Политуправления Красной Армии, 1942

Музей Революции СССР, Москва

Я не жалею, что написал эти стихи. Думаю, что так и будет.

Наша сегодняшняя война — такая необычная и по характеру своему такая не похожая на всё, что было раньше, что трудно как-то для себя самого на сегодня вывести какой-то постулат поведения, определить рамки — отсюда и досюда. И тем более трудно это сказать для людей, которые не совсем близко знают войну.

На войне бывают и страшные и странные вещи. На этой войне в Сталинграде, например, люди воевали не за поле боя, а за две комнаты в доме, разрушенном почти до основания. И вот они захватывают эти две комнаты. Внизу под ними немцы, наверху над ними тоже немцы. Они сидят там неделю-полторы и борются с немцами, сидящими внизу и наверху. Они прогрызают дыру в стене, отделяющей пол или потолок над ними или под ними, и пускают сквозь нее струю огнемета. Такого не было ни при Вердене, ни при других крупных событиях прошлой войны. А когда наступает тишина, немцы кричат им: «Русские, что вам давали на завтрак?» И русские им говорят: «Пошли вы туда-то. Нам давали на завтрак кашу с американским беконом. А вам что?» И фрицы молчат, потому что им на завтрак не хватило конских копыт.

Многие вещи не сразу ложатся в стихи. Есть, например, поэтическая тема в моих записях. Дон. Излучина, примерно, в восемь километров длиной, в четырех-пяти километрах от Богучара. Мы должны сосредоточить для планируемого прорыва огромное количество танков, артиллерии и «катюш», так как тут итальянцы и немцы сильны орудиями. Голая степь кругом. Как всё сделать незаметно? Люди выдумывают и исподволь запускают громкоговорящую установку. Сначала она орет о том, что Муссолини подлец. Постепенно в разговоры о том, что Муссолини подлец, вклинивается вальс Штрауса, неаполитанские песенки и другое, что заклю-

чается в радиофицированном патефоне. Огромная установка, покрывающая 15 километров своим ором. И когда итальянцы и немцы привыкли к тому, что эта установка гудит с 5 часов вечера, когда становится темно, до 9 часов утра, когда светает, под звуки вальса «Голубой Дунай» происходит подтягивание к переднему краю танковых корпусов и артиллерийских полков РГК* и т. д. и т. п. Занятный сюжет?

Бывают и такие вещи. После прорыва на среднем Дону возвращались мы из Гадючьего в Верхний Мамон на грузовике. В степи в буране подсадил я двух раненых парней, затерявшихся в степи. Заклекли ребята. Я их отогрел под полушубком, дал хлебнуть из фляжки. И один из них, отойдя сердцем, говорит: «Товарищ командир, нас третьего дня послали разведать вот тут невдалеке, вот за этим „Тихим Доном" (селением) итальянские огневые точки. Мы подползли к итальянским окопам. Прислушались. Они поют, и до того хорошо поют, как в церкви. (Итальянцы, действительно, поют хорошо.) Мы лежали на снегу и слушали, как они поют. Одну песню спели, другую поют, другую спели — третью. Поют до того хорошо — вставать не хочется. Потом мы лежали, лежали, ноги стало прихватывать, и рассвет близко. Нам сержант говорит: всего не переслушаешь, пора эту волынку кончать, давай гранаты бросать! Мы взяли гранаты и бросили. Вот ведь какая петрушка бывает!»

Есть огромное количество таких проявлений человека, которых нельзя придумать, которые нельзя интуитивно постичь. Их надо смотреть в жизни, их надо, как говорится, схватить на местности. И вот эти вещи у нас часто из-за того, что не хватает времени остаться самому с собой, сгорают и уходят без следа. Если память емкая, ничего, если же память не емкая, то уходит и пропадает, потому что очень уж всего этого много.

Сейчас я вспомнил, что на реке Вазузе 21 июля 1941 г. я встретил колхозников из Монастырщинского района Белорусской ССР, которые гнали гурт коров, и в этом гурте был огромный бык-симменгал, экспонат Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. За гуртом шло штук 400 овец. Коровы через Вазузу перешли, а овцы не хотят идти в реку.

Немцы недалеко. Слышно, как стреляет артиллерия, гудят их танки. И вот тогда сопровождавшие гурт пастухи берут старших баранов на руки и входят с ними в быструю речку Вазузу, несут баранов, как библейские пастухи, а за ними вслед тянется все стадо.

Таких эпизодов, рассыпанных по полям войны, охватившей около ста миллионов людей,— огромное множество. Они составляют живую фактуру войны, и их не придумаешь ни в Москве, ни в Чистополе, ни в Ташкенте, и даже в политотделе фронта, не стесняя себя выездами в части.

Великое счастье армейских литераторов в том, что им пришлось хватить шилом патоки наравне с солдатами. У них появились такие же, как у солдата, чувства — хорошие и плохие, горькие и сладкие, они уже не напишут, когда солдату приходится очень трудно, фальшивых, словесных, болтливых стихов «Давай, вперед, за родину!» и т. д., потому что теперь об этом нужно говорить другими, может быть, более грубыми и, может быть, более страшными честными словами. Я на всю свою жизнь чувствую себя в неоплатном долгу у Красной Армии, которая приняла меня с первых дней войны в свои ряды, доверила работу в газете.

Когда ты попадаешь, как винтик, в большой механизм войны, хочешь ты или не хочешь, ты совершаешь те движения, которые война загадывает.

Я вижу картину далекого теперь 1939 года. Сидим мы в окружении в северо-финской тайге. Ни радио, ни телефонной, ни телеграфной связи с тылом нет. Мы среди непрекращающихся налетов боремся за место около стола, находящегося в распоряжении четырех штабов, для того чтобы написать очередной очерк, стихи. Безрадостны наши перспективы, но

* Резерв Ставки Верховного Главнокомандования.

лейтенант Рачинский, молодой начальник штаба артполка, каждый день в 8 часов вечера, несмотря на то, что никакого подвоза снарядов нет и не предвидится в ближайшее время, никакого продовольствия нет и едят лошадей, тощих, как смертный грех,— несмотря на все это, садится за стол, отодвигает других и пишет очередную сводку в штаб армии, сводку, которая из-за окружения не попадет по назначению. Он пишет в своей сводке: «За сей день патронов израсходовано столько-то. Людей убито столько-то, раненых столько-то, пропавших без вести столько. Из конского состава осталось столько-то, из материальной части: столько-то фугасных, столько-то шрапнельных. На завтра требуется столько-то таких-то» и т. д. И он при этом ясно сознает, что «завтра» может не состояться.

Машина армии такова, что она не знает положения, при котором «завтра» не может быть. Для машины армии «завтра» определено, оно должно быть, без «завтра» нет жизни. И это позволило нам в самые страшные дни боев под Москвой, в дни драпа из-под Харькова на Сталинград не терять бойцовского самолюбия. Армия знала, что где-то мы остановимся и где-то мы встанем насмерть, не пропустим.

Чтобы это самочувствие было, надо армию знать близко, стоять около ее сердца. Армия есть выражение характера народа — и хорошего и худого. Иногда кажется, что народ твой на пятьдесят процентов каторжник и на пятьдесят процентов святой. Всякое может показаться в трудные минуты! Но этот самый народ, не взирая ни на что, держит, воюет и мешает властно карты Гитлера. В силу такого строя народного характера все люди, которые в армии провели самую трудную полосу войны, не заболели лишаем пессимизма, лишаем утраты перспективы. Никто из нас не впал в панику ни летом и осенью 1941, ни летом 1942 года. Никто из нас не изучал английский язык по пути из Ташкента в Самарканд, никто из нас не собирался из Кабула путешествовать в Дели или в другой из городов Индии и ассимилироваться в новом обществе, потому что мы знали, что Россия была, есть и будет. По России многие топтались. Никто Россию не разбил, а Россия перервала глотку таким, по сравнению с которыми Адольф Иванович Гитлер маловат ростом и жидковат голосом.

Вот это ощущение не покидало нас с самого начала до самого конца. И люди иногда грубо, иногда и бесталанно (бывало и так), но все время на этот камертон настраивали голоса. И это позволяло нам говорить нашим солдатам: «Как тебе не стыдно бежать?» Мы знали, что эти люди бегут до Сталинграда, а потом упрутся и дальше не пустят. Он до Ярцева дошел — уперся, до Можайска дошел — уперся, а потом от Волоколамска до Черных Грязей (под самой Москвой эти Черные Грязи) шел, теряя на каждом метре, может быть, по одному человеку. Они отступали, волынили, крутили. Ставка все время кричала Рокоссовскому, Говорову, другим, что надо держаться. И они держались, а потом подсадили немцев так, что те ушли за Калинин и Калугу.

Тут есть какой-то интим, которого словами не выскажешь. Этот интим, который нам дала война, он обязательно есть. И за это люди, которых послали в армию в начале войны, будут благодарны тем, которые их послали, до последнего дня своей жизни. Если у них хватит таланта, они напишут «Войну и мир». Если у них не хватит таланта, но хватит наблюдательности и гражданской честности, они напишут такие записки, по которым историк восстановит полную правдивую реалистическую картину происходящего. И спасибо им за это. Мы, исходя из этого минимального расчета, и работали.

Печатается по стенограмме (ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 16, ед. хр. 132, лл. 1—16об.). Текст отчета просмотрен автором, внесшим в него несколько стилистических исправлений.

«ЗА РОДИНУ» — «ФРОНТОВАЯ ПРАВДА»

ГАЗЕТА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО — 2 БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА*

Обзор С. А. Савельева

...Северо-Западный фронт. Душное, грозное лето сорок первого года. В нескольких десятках километров от Валдая, вблизи полустанка Рядчино, в густом лесу притаился длинный состав из разношерстных по форме и окраске товарных и пассажирских вагонов. Над составом нависла огромная паутина — зеленая маскировочная сеть с набросанными на нее охапками хвои. Паровоза в голове поезда нет, и кажется, будто он брошен на полпути, будто ушла из него жизнь.

Но целый день слышны здесь человеческие голоса, целый день кипит незаметная снаружи работа.

В этом поезде-типографии, укрывшемся в лесу от непрерывно гудящих в небе немецких самолетов, выпускается фронтовая газета «За Родину», печатаются листовки и сводки Совинформбюро для населения временно оккупированных врагом молодых советских республик Прибалтики.

Только в поздний вечерний час, а иногда и далеко за полночь люди покидают поезд. Они уходят в вырытые невдалеке от железнодорожной ветки блиндажи, чтобы скоротать там остаток беспокойной фронтовой ночи.

В одном из блиндажей ночуем мы двое: батальонный комиссар поэт Степан Петрович Щипачев и я — секретарь редакции. Но сегодня нам не уснуть. С утра над лесом долго кружила «рама». Немцы вели воздушную разведку на всем пути от Старой Руссы, где завязались жестокие и упорные бои, в наш тыл. Выследив один эшелон, направлявшийся к полустанку Рядчино, они стали сбрасывать на него бомбы. Когда бомбежка прекратилась и мы, выбравшись из щелей, пошли на полустанок, глазам нашим представилась страшная картина. На рельсах, залитых кровью, лежали мертвые тела двух девочек. Над ними билась, стенала, рвала на себе волосы молодая женщина — их мать.

Долго стояли мы над трупами детей. Какими словами выразить охватившие нас чувства?!

Степан Щипачев нашел эти слова.

Я видел, как был потрясен происшедшим поэт. Молча, с застывшим на лице выражением скорби и гнева, он мерял и мерял тихими шагами наш тесный блиндаж. Потом присел к маленькому фанерному столику и при тусклом свете керосиновой лампы начал писать...

---

* До войны «За Родину» была газетой Прибалтийского особого военного округа, в годы войны стала газетой Северо-Западного, затем, с весны 1944 г.,— 2 Белорусского фронта, где получила название «Фронтовая правда». Ее редакторами последовательно были: В. П. Московский, К. П. Павлов, Н. С. Ракита, Н. Н. Кружков, Д. А. Чекулаев, Т. В. Миронов. За годы войны вышло 1335 номеров.

Через час-полтора он протянул мне листок со стихотворением:

...Нет страшней того, как гибнут дети.
На песке, на рельсах — кровь детей.
Говорят, проходит всё на свете,—
Безутешно горе матерей.
О расплата! Близится расплата
Пулей, бомбой, громом батарей.
Близится! Да будет трижды свято
Мщение за горе матерей.

Стихотворение уже ушло в набор, скоро газету, в которой оно напечатано, будут читать на передовой, а мы всё не можем заснуть...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

ЗА РОДИНУ

ЕЖЕДНЕВНАЯ КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

№ 112 | Пятница, 17 октября 1941 года

Защищать Родину до последней капли крови!

Чем яростнее наступает враг, тем беспощаднее должен быть наш отпор!

В ЧАС ГРОЗНОЙ ОПАСНОСТИ ДЛЯ РОДИНЫ ВСЕ СИЛЫ—НА ОТПОР ОЗВЕРЕЛОМУ ВРАГУ!

«ЗА РОДИНУ»
Газета Северо-Западного фронта. 17 октября 1941 г., № 112
Заголовок

С той поры миновала почти четверть века. Я сижу в Ленинской библиотеке, листаю поблекшие от времени страницы нашей фронтовой газеты, и в памяти моей возникает во всех подробностях и эта ночь, и многие-многие другие ночи и дни, в которых рождалось на войне слово — яростное, гневное, героическое, ведущее на бой, на подвиг, беспощадно разящее врага... Слово, которое в те суровые годы было, как говорил Маяковский, поистине «полководцем человечьей силы». И прежде всего — поэтическое слово, «песня и стих», что как «бомба и знамя» участвовали в смертельной схватке с фашизмом.

«ЦАРИЦА ГАЗЕТНЫХ ПОЛЕЙ»

Да, уже в первые месяцы войны фронтовая поэзия стала «царицей газетных полей». В нашей газете, как и в других, она показала отличные боевые качества: высокую оперативность, меткость, большую взрывчатую силу, умение «взаимодействовать» со всеми другими родами газетного оружия, «придать» и официальному документу, и корреспонденции с переднего края, и скупому информационному сообщению энергию поэтического слова.

Увы, до полной расплаты с врагом, к которой взывали строки Степана Щипачева, оказалось совсем не близко. Война принимала все более затяжной характер. И долго еще стихам суждено было звать к ненависти, к отмщению. Как клятва воина, полного суровой и непреклонной решимости покарать гитлеровских палачей, прозвучало стихотворение другого поэта нашей газеты—Михаила Матусовского. Оно было помещено (в № 816) вместе с письмами крестьян села Ользи Демянского района, испытавших на себе ужасы фашистского рабства:

Как сказали мы, так и будет это:
Мы найдем врагов и у края света.
Мы притащим их к нашим пепелищам,
Мы отыщем их, все равно отыщем.
Мы осудим их на земле орловской,
На полях псковских, у воды днепровской,
На родных шляхах, выжженных грозою,
И на тех снегах, где пытали Зою.

Мы стальным дождем над врагом просвищем,
Под землей найдем, под водой отыщем!

«И на тех снегах, где пытали Зою...» Эта печальная строка получила незадолго перед тем зримое свое раскрытие. У немецкого офицера, убитого под деревней Потапово, близ Смоленска, нашли фотографии, на которых с холодным цинизмом были запечатлены все этапы казни Зои Космодемьянской. И рядом с этими леденящими душу фотографиями было напечатано (в № 810) стихотворение поэта:

Ты видишь ее за секунду до казни.
Родимую землю любя горячей,
Она, не склоняясь, стоит без боязни,
На голову выше своих палачей.
Ты видишь ее на открытке немецкой
Такой, как осталась она на века,—
И рот ее, стиснутый мукой недетской,
И руки, зажатые в два кулачка...

Стихи в жарком сплаве с документальной, сильной своей достоверностью фотографией — этот двойной заряд ненависти и гнева часто входил у нас в те дни в «обойму» газетной полосы.

Под фотографией девочки — дочери замученного гитлеровцами учителя села Быстрый Берег — Вали Петровой, которую вместе с другими детьми партизан вывезли наши летчики из вражеского тыла, газета (№ 438) напечатала стихотворение с простым и вместе с тем очень выразительным рефреном: «Посмотри и запомни, товарищ, портрет этой девочки двух с половиною лет».

К снимку пробитого вражеской пулей комсомольского билета лейтенанта Кондратьева были даны (в № 436) такие стихи:

Если в строки его нам вглядеться,
Можно целую повесть прочесть.
Он зовет нас простреленным сердцем
На сраженье, на подвиг, на месть!

«На сраженье, на подвиг, на месть» звали и стихи-прокламации, стихи-листовки, стихи-лозунги. Несколько стихотворений подобного рода написал Сергей Михалков, не раз приезжавший на наш фронт. Мы и печатали их по-особому: на первой странице, броско, крупным шрифтом, чаще всего в один столбец, чтобы можно было вырезать это стихотворение-листовку из газеты, прочесть его и передать другому, наклеить на стене блиндажа, землянки, поместить в ротном «боевом листке».

Вот строки из одного такого стихотворения — «Не быть России покоренной!» (№ 388):

...Забудь сегодня слово «жалость»
И ненависть зажги в груди.
Враги сильны. И их осталось
Еще немало впереди.
Так бей врага без сожаленья,
Не пощади и не прости,
К несовершенным преступленьям,
К еще нетронутым селеньям
Орду убийц не допусти!

И другое стихотворение Сергея Михалкова «Пусть не дрогнет твоя рука!», которое появилось в нашей газете (№ 390) почти одновременно с напечатанным в «Красной звезде» широко известным стихотворением Константина Симонова «Убей его!» и было написано в той же интонации, с той же страстностью:

...Не жалей его, не жалей,
Он сестер твоих не жалел.
Он стрелял и в моих детей,
И в твоих и в кого хотел.
Не щади его, не щади —
Он твоих друзей не щадил,
Он им звезды жег на груди
И на виселицы водил.
. . . . . .

Истребляй же его в бою,
В небе, на море, на земле,
В партизанском своем краю,
В оккупированном селе.
Враг хитер — будь еще хитрей,
Ты научен уже войной,
Враг силен, только ты сильней —
Ты стоишь на земле родной!

По-разному, но с такой же глубокой внутренней убежденностью укрепляли в сердцах воинов веру в могущество родной земли, в непобедимость советского народа, который не сломят, не согнут никакие испытания, и другие поэты, выступавшие во фронтовой газете в те трудные и горькие дни. Яркий образ русской земли, вздыбившейся, восставшей против нашествия подлых захватчиков, создал талантливый молодой поэт, студент Литературного института имени М. Горького Михаил Кульчицкий, позднее погибший на фронте и посмертно принятый в члены Союза писателей:

...Деревья русские ветвями,
Как звери, лапами их бьют,
Сама земля под их ногами
Расступится могилой тут.
. . . . . .
Им звезды русские не светят,
Их русский ветер валит с ног,
А в избах вскрикивают дети,
Лишь ворог ступит на порог.

(«Русская земля», № 182)

На этой священной земле стеною встали против врага все народы нашей страны — говорили стихи тех дней.

Кто б ни был ты — узбек или казах,
У нас одна военная дорога,
Один огонь горит у нас в глазах,
Одно желанье и одна тревога.
Одни у нас заботы и мечты —
О Родине, о счастье, о народе.
И наши песни не теряют красоты,
Как стих Джамбула в русском переводе,—

обращался к «брату по оружию» М. Матусовский (№ 620). А Михаил Светлов, одно время также находившийся на Северо-Западном фронте, как бы развивая эту мысль, опубликовал на страницах нашей газеты (№ 457) «Послание Джамбулу», в котором писал:

...Но победные песни звучат
Там, где русский с казахом стоят,
И отнять эту песню нельзя,
Где народы стоят, как друзья!

Каждый день приносил живое подтверждение этой мысли, в различной форме выраженной поэтами. Чудеса стойкости, мужества, отваги показали в одном из боев русский воин пулеметчик Шулегин, в другом бою — осетин Хазимурза Мильдзихов, в третьем — сын Азербайджана Исрафил Мамедов. И для каждого из героев — русского, осетина, азербайджанца — нашлись у поэтов гордые, высокие слова, полные восхищения совершенными ими подвигами.

Под фотографией пулеметчика сержанта Шулегина, который был дважды ранен и, не покинув поля боя, уничтожил 30 гитлеровцев, было помещено (в № 414) стихотворение Михаила Матусовского:

Он встает передо мною,
Бледный, с пересохшим ртом,
С обагренной головою,
Перевязанной бинтом.
В узкой амбразуре дзота
Землю видел он свою
И не встал от пулемета,
Дважды раненный в бою.

Он сражался, сдвинув брови,
До победного конца,
Две полоски цвета крови
Украшают грудь бойца.
Тридцать псов лежат в могиле.
Так боец рубеж хранит.
Этой твердости и силе
Позавидует гранит.

Имя другого героя, уничтожившего в неравном бою 108 фашистов, вошло в призыв, обращенный ко всем воинам нашего фронта:

Громи врага сноровисто и лихо,
Как доблестный Хазимурза Мильдзихов!

О том, как был воспет третий герой, хочется рассказать поподробнее,— это один из примеров подлинно оперативной работы фронтового поэта.

— Миша,— было сказано однажды майору Матусовскому, нашему «основному», постоянному поэту.— Только что приняли по радио Указ. Исрафилу Мамедову дали Героя. Нужны стихи. В номер!

О подвиге старшего сержанта Мамедова подробно писала и наша газета и «Красная звезда». Десять часов во главе группы бойцов он сдерживал бешеные атаки гитлеровцев, не отступив ни на шаг. И стихи о нем «в номер» (171) были написаны. Утром следующего дня весь фронт читал горячие строки о славном сыне Азербайджана:

Он птенец из выводков орлиных,
Он один из тех богатырей,
Что воспела русская былина,
Стих ашугов, думы кобзарей.

Завершались эти строки тоже призывом — в нем прославлялось имя героя, так свободно рифмующееся с заветным для всех нас словом — победа.

С каждым часом ближе к нам победа.
В грозном наступательном бою
Будь таким, как Исрафил Мамедов,
Защищая Родину свою!

Да, всё это были газетные стихи — в лучшем смысле слова газетные. Они шли от факта, события, документа, фотографии. Не потому ли каждая строка в них стреляла! Еще не успело ни разу выстрелить противотанковое орудие, купленное на личные сбережения матерью гвардии старшего лейтенанта Ларина и присланное ему в подарок, а на страницах газеты уже появилось посвященное этому замечательному факту стихотворение — «Письмо сыну»:

Я никогда не забывала
О воинской твоей судьбе,
Я по ночам недосыпала,
Подарок делая тебе.

В нем всё — и боль моя и старость,
Вся сила гнева и огня.
В нем всё — любовь моя и ярость,—
Прими подарок от меня!

Запомнился и такой эпизод. Из «радиорубки», как называли мы узенькое купе вагона, в котором радистка Катя Иванова принимала тассовские сообщения, приносят в мое секретарское купе сводку Совинформбюро. Читаю строки о том, что нашими войсками освобождена Каховка. «Каховка, Каховка, родная винтовка...» — возникает в памяти мелодия хорошо знакомой по довоенным временам песни. И тут же рождается идея: что если попросить автора этой песни Михаила Светлова написать новый текст об освобождении от врага легендарной Каховки? Через минуту, оседлав телефон, «ловлю» Светлова, находившегося в те дни в одной из армий на нашем фронте. С трудом нахожу. Вначале он упрямится,— уж больно сжатый срок я ему даю,— но в конце концов сдается. И ровно через два часа, как было условлено, прини-

РЕДАКЦИОННАЯ «ЛЕТУЧКА»

Сотрудники редакции газеты «За Родину» (слева направо): Г. Г. Куприянов и Л. И. Плескачевский (лит. сотрудники), К. П. Павлов (зам. редактора), С. А. Савельев (отв. секретарь), Т. Н. Мельник (фотокорреспондент), В. П. Московский (редактор), Б. А. Бялик и А. А. Исбах (писатели)

Фотография П. Б. Бернштейна. Северо-Западный фронт (Новгородская область), июль 1941 г.

Собрание С. А. Савельева, Москва

маю по телефону, записываю строфу за строфой новый текст «Каховки». Наутро он появляется в газете (№ 817):

Украинский ветер шумит над полками,
Кивают листвой тополя...
Каховка, Каховка, ты вновь перед нами,
Родная, святая земля.
Мы шли через горы, леса и долины,
Прошли через гром батарей.
Сквозь смерть мы пробились...
Встречай, Украина,
Своих дорогих сыновей!

Под солнцем горячим,
Под ночью слепою
Прошли мы большие пути.
Греми, наша ярость,
Вперед, бронепоезд,
На запад, на запад лети!

Пожары легли над Каховкой родимой,
Кровава осенняя мгла.
И песни не слышно, и в сердце любимой
Немецкая пуля вошла.
За юность, на землю упавшую рядом,
За Родины славу и честь —
Забудем, товарищи, слово п о щ а д а,
Запомним, товарищи, м е с т ь!

Под солнцем горячим,
Под ночью слепою
Прошли мы большие пути.
Греми, наша ярость,
Вперед, бронепоезд,
На запад, на запад лети!

Наш Северо-Западный фронт долгое время держал оборону — стойкую, мужественную, упорную, изматывавшую противника оборону, не вел до поры до времени крупных наступательных операций. Мы радовались, разумеется, и своим, оборонным победам, но еще больше — победам других, наступательных фронтов, по-хорошему им завидовали. Десятки стихов выражали владевшее нами чувство нерасторжимой связи со всей Родиной, чувство тревоги, надежды, а затем ликования, радости по поводу исхода боев за Москву, Ленинград, Сталинград, чувство братства и войскового товарищества со всей нашей армией.

Здесь каждый дом стоит, как дот,
И тянутся во мгле
Зенитки с крыши в небосвод,
Как шпили на Кремле,
Как знак, что в этот час родней
С Кремлем моя земля,
И даже кажутся тесней
Дома вокруг Кремля.
На окнах белые кресты
Мелькают второпях.
Такой же крест поставишь ты,
Москва, на всех врагах.

Так в стихотворении «Столица» (№ 164) рисовал Москву в суровые дни ее обороны поэт Михаил Кульчицкий.

И победителями вновь
Мы по местам родным шагаем,
Одно из лучших русских слов
— Смоленск! — мы жадно повторяем...

— писал Михаил Светлов, когда был освобожден этот древний русский город (№ 785). А в стихотворении «Ворота в Крым» (№ 809) он воспевал успешные бои на юге:

...К долинам южным, в солнечный рассвет,
Как в дом родной, идет за ротой рота.
Ударил нам в глаза победы свет,
Как моря синь в Байдарские ворота.
Нас встретит опаленная земля,
Ослепшая от вспышек канонады,
Замученные наши тополя,
Раздавленные гроздья винограда.
Земля родная! В ярости атак
Мы не простим врагу твоих страданий
И мы пробьемся сквозь фашистский мрак
Тысячами северных сияний!

Приезжавшая к нам на фронт Маргарита Алигер и Михаил Матусовский обращали отсюда, с Северо-Запада, написанные ими в творческом содружестве стихи к сражающемуся Кавказу: «Край вольности, приют орлиный, /Громи немецкие полки,/ Бросай на них свои лавины, /Свои снега и ледники!» (№ 557). А под радостным сообщением «В последний час» — о прорыве блокады Ленинграда — мы напечатали (в № 570) стихотворение тех же двух поэтов, в котором были такие строки об этом бесконечно дорогом сердцу каждого из нас городе:

...И не чернилами, а чистой кровью
И не стихи, а гимн писать о нем.
Мы так к тебе стремились всей любовью,
Всей силой, всем железом и огнем,
Мы так рвались сквозь дымы горизонта
И сквозь металл немецкого кольца,
Как первый воин Волховского фронта,
Обнявший ленинградского бойца.

Освобождено Запорожье — и газета печатает (№ 801) стихи Михаила Светлова:

...С нижнего течения Днепра
Прогремело русское ура.
Вся Россия отвечает будто
На раскат московского салюта.
И гремит победы торжество
По сосудам сердца моего.

А еще, как бы слышится во всех этих стихах, «по сосудам сердца» бурлит, клокочет великое нетерпение: когда же и наш Северо-Западный фронт перейдет в наступление, сотрет в порошок окруженную им в районе Демянска 16 немецкую армию генерала фон Буша, освободит истомившуюся в фашистской неволе Старую Руссу? Высокий наступательный порыв владеет воинами и поэтами, властно врывается в стихи, опережая приказы командования, поднимает в бой на врага, зовет в поход... Так рождается хорошо запомнившееся многим северо-западникам стихотворение Михаила Матусовского «Друзья, пора и нам в дорогу!» (№ 569).

Боец читает своим друзьям сообщение «В последний час» об успешном наступлении наших войск на других фронтах. И, слушая это сообщение, каждый думает:

Повсюду двинулся народ,
Друзья, пора и нам в дорогу!

Рассказывали, что начальник штаба одной из дивизий, воевавших на нашем фронте, вырезал это стихотворение из газеты, повесил на стене землянки и молча указывал на него всем входившим в землянку офицерам, будто говоря этим: «Готовьтесь к решающим боям!», будто повторяя за поэтом: «Друзья, пора и нам в дорогу!»

Не так уж долго пришлось ждать этого счастливого часа. В конце 1943 г. Демянский плацдарм вместе с остатками перемолотой 16 немецкой армии был ликвидирован, Северо-Западный фронт перестал существовать, и вслед за тем весь коллектив редакции был переброшен на 2 Белорусский фронт. Здесь наша газета «За Родину» сменила свое название на «Фронтовую правду». К отряду ее прежних авторов-поэтов, в который входили еще Марк Гроссман, Леонид Елисеев, Юрий Левитанский, Леонид Вышеславский, Владимир Алатырцев, казахские поэты Аскар Токмагабетов, Джубан Мулдагалиев, Сагингали Сеитов, латышский поэт Арвидс Григулис, прибавились новые имена.

На страницах «Фронтовой правды» было напечатано (в № 1237) талантливое стихотворение Сергея Наровчатова «Пропавшие без вести» с получившими широкое звучание строками о молодом поэте Михаиле Кульчицком: «Я верю — невозможное случится,/Я чарку подниму еще за то,/Что объявился лейтенант Кульчицкий/В поручиках у маршала Тито», публиковались стихи Марка Соболя, Евгения Аграновича и других поэтов.

Еще на Северо-Западном фронте Леонид Елисеев в стихотворении «Высота» (№ 698) с грустью вспоминал о том, что ее, высоту, «на довоенном лексиконе» называли совсем по-иному: курганом, горой, крутым подъемом... Скорей бы, скорей вернуть высоте эти старые добрые имена! Но еще идут за нее упорные бои —

И зваться высотою так
Ей лето, может быть, и осень,
Пока сидит на скате враг,
Пока мы вниз его не сбросим.
Громить мы будем гору ту
Ежеминутно, ежечасно,
Пока на карте высоту
Кружком не обозначим красным.
И, верь мне, в этом правда есть,—
Пока врага с горы не скинем,
Траве не быть, цветам не цвесть,
А быть огню и быть пустыне...

Одну из таких безымянных высот увидел в своем стихотворении «Мать» (№ 1252) и молодой поэт Евгений Агранович. Нет, еще не на карте, а на местности была она

СБОРНИК ВОЕННЫХ СТИХОВ
С. П. ЩИПАЧЕВА
М., изд-во «Правда», 1942
Обложка с автографической надписью поэта, 5 ноября 1942 г.
Литературный музей, Москва

«обозначена красным» — алой кровью павшего здесь смертью храбрых русского солдата Лебедева: «Он одним снарядом был убит и вторым снарядом похоронен». На фронт приходит мать солдата. Она беспокоится о своем сыне — теперь уже мертвом, просит майора, командира части, проводить ее на то место, где он погиб. Но высота, на которой пал солдат,—в руках врага. С гневом, с укором смотрит на командира седая женщина. С губ ее срываются резкие, обидные слова: «Может быть, твоя придет просить?!» И тогда майор созывает солдат и говорит им: во что бы то ни стало высота должна стать нашей!

Мы два раза шли здесь в наступленье
И два раза возвращались вспять.
Но вот это — Лебедева мать,
И она не может больше ждать!

Заканчивалось это стихотворение-баллада сильными и проникновенными строками:

Думается мне, что мать другая
На передний край сюда пришла.
Родина зовется эта мать —
И она не может больше ждать!

Глубоко впечатляющую картину нарисовал Е. Агранович и в другом своем стихотворении, тоже балладного строя — «Пограничный капитан» (№ 1280). Помню, как горячо и взволнованно, звонким, напружиненным голосом прочел он его на фронтовом совещании писателей и публицистов, и как резануло, обожгло всех нас то, о чем поведал молодой поэт.

«Тридцати каких-нибудь часов» не хватило капитану, командиру роты, чтобы «до границ Германии дойти». «Он почти что видел цель свою», когда его сразила пуля. Его, который так «торопил нас дни и ночи, бой за боем и за годом год...» И тогда

воины побросали свои «жидкие солдатские пожитки, вещевые тощие мешки», и «четыре кавалера Славы», подняв на носилках тело своего командира, понесли его впереди роты.

До границы — я клянусь — ни разу
Не коснулся капитан земли.
Тех, кто падал, подменяли сразу,
Мины рвались,— мы его несли.
Жуткое ли было в этом что-то,
Но, воя, бежал пред нами враг,
Когда молча шла в атаку рота
С мертвым капитаном на руках.
Мы дошли, упорные солдаты,
Злые, почерневшие, в дыму.
Малые саперные лопаты
Вырыли укрытие ему.
Памятником лучшим на могиле,
Самым прочным, верным и родным,
Пограничный столб мы водрузили
С буквами советскими над ним.
И чтоб память воина, нетленна,
В нас жила, когда года пройдут,
Старшина скомандовал: «С колена
В сторону противника — салют!»

Написано было это стихотворение тогда, когда до границ гитлеровской Германии оставались еще сотни километров. Но разве не помогали такие строки быстрее их пройти?

...Я перечитал сейчас в комплекте газеты стихи, написанные в период наступления на 2 Белорусском фронте, и подумал о том, что по стихам этим, право же, можно составить карту боевого пути войск фронта — от Могилева до Штеттина.

Как радостно было в те долгожданные дни писать, петь славу нашим идущим вперед и вперед на запад полкам и дивизиям! В монументальный обобщенный образ советского воина-победителя вырастала в одном из стихотворений, написанных весной 1944 г. (№ 1073), фигура героя наступательных боев на нашем фронте, кавалера двух орденов Славы со знаменитым именем, отчеством и фамилией — Иван Иванович Иванов:

Он долго с друзьями сидел в обороне,
Теперь он идет по родной стороне,
Вчера он попробовал воду из Прони,
Сегодня он вырвался к Березине.
. . . . . .
Любовным поклоном, высоким почетом
Встречает народ долгожданных сынов.
По вязким болотам, по трудным высотам
Идет в наступленье Иван Иванов.

«...Но тебя еще ждут в Могилеве»,— писал в начале наступления поэт, обращаясь к воину-освободителю. Прошло некоторое время, и, неотступно, шаг за шагом, следуя со своей музой за стремительно продвигающимися частями фронта, он уже воздавал «хвалу и честь богатырям, героям Волковыска». Потом звал еще дальше: «В бою усталости не ведай,/Пусть труден путь, огонь жесток./ Нас ждет Отечество с победой./Вперед, орлы, на Белосток!» Когда был освобожден и Белосток,— писал: «Мы движемся сегодня на Варшаву, а завтра мы ударим на Берлин». Новый рывок вперед — новые стихи: «Советским героям уже не впервые /Идти через мартовский лед, /Вперед, сыновья легендарной России, /На Данциг, на Гдыню вперед!» Затем — такие горделивые строки: «Мы шагали сквозь огонь и ветер /По чужим полям чужой земли /И сегодня рано на рассвете / Балтику увидели вдали...» И — такие, полные глубокой веры в нашу уже близкую полную победу: «Пусть сложит былины /Отчизна моя о русском бойце, исполине, /Шагайте, родные, шагайте, друзья, /Мы будем, мы будем в Берлине!»

Были на этом трудном, политом потом и кровью, но славном боевом маршруте войск и горестные впечатления, и они также нашли свое отображение в стихах.

Когда воины 2 Белорусского фронта освободили Могилев, они увидели в застенках могилевского гестапо следы страшных человеческих трагедий — надписи на стенах, сделанные загнанными сюда советскими людьми. И родилось тогда скорбное и гневное стихотворение «Стены говорят» (№ 1075):

Простая надпись, пять коротких слов,
Но сколько муки в каждом этом слове!
«Тут был замучен Николай Орлов»...
И дальше — пятна сырости и крови.
Мы по тюремным камерам идем,
Еще письмо бросается в глаза нам,
Вот кто-то наспех вырезал гвоздем:
«Меня убьют за помощь партизанам».
Вот чья-то просьба, вот предсмертный крик,
Оставшийся навеки в этой яме.
Здесь — детский почерк,
Здесь — писал старик,
Здесь женщина прощалась с сыновьями.
. . . . . .
Душители заплатят нам вдвойне
За всё, что причинили нашим людям,
И надписи на каменной стене
Мы и в Берлине тоже не забудем!

...И как бы подводя итог, писал в дни Победы от имени своих героев фронтовой поэт: «Нам было в пути нелегко временами, /Но шли мы в метель и в жару, /И вот опаленное порохом знамя / Шумит на берлинском ветру...»

В светлые майские дни сорок пятого года сложилась и нехитрая песня воинов нашего фронта — «Песня о солдатской славе» (№ 1360), музыку к которой написал композитор В. Кручинин:

Как вернешься ты до дому,
Как обнимешь ты жену,
Спросит верная подруга:
«Где провел ты всю войну?»
Скажешь ты с улыбкой гордой:
«Я прошел свинцовый шквал,
На Втором на Белорусском
Я с врагами воевал.
Грозный гром, салют московский
В нашу честь гремел не раз.
Храбрый маршал Рокоссовский
Вел всегда к победе нас».

Между прочим, песня эта — одно из свидетельств того, что именно в стихах военных лет взяла свое начало песенная струя в творчестве Михаила Матусовского. Кто сейчас не знает его «Подмосковных вечеров»! А ведь еще весной 1942 г. из-под пера поэта вышел, можно сказать, «прообраз» этой столь широко известной ныне песни. Я имею в виду написанную им на войне «Песню об Ильмень-озере» (№ 260): та же интонация, ритмика, мелодика, что и в появившихся спустя пятнадцать лет «Подмосковных вечерах»:

Утром заводи подморозило
И раскинулось вдаль и вширь
Наше озеро, Ильмень-озеро,
Словно северный богатырь.
От лесов и рек веет славою,
Не сдадут ее никогда
Белоснежные, златоглавые
Древнерусские города.
Сердцу нашему всё здесь дорого —
Сосны вечные да снега.
В битву поднялись против ворога
Ильмень-озера берега.

Вспоминается, что в том же 1942 г. приезжавший на наш фронт композитор Мариан Коваль написал на этот текст музыку.

УЧАСТНИКИ СОВЕЩАНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ 2 БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА
Слева направо: И. П. Бауков, А. А. Исбах, М. Л. Матусовский, В. Д. Замятин, С. С. Наровчатов, М. К. Луконин
Фотография ст. лейтенанта Б. Шабашова, январь 1945 г.
Собрание А. А. Исбаха, Москва

Характерно также, что, пожалуй, ни один из выступавших в газете поэтов и в годы войны не отходил от главной, основной в своем творчестве темы. Степан Щипачев, поэт-лирик, автор известного стихотворения «Любовью дорожить умейте...», в написанном им на фронте стихотворении «О любви» (№ 382) говорил:

Мы и в любви сегодня строже.
Пусть будет девушкой лишь тот любим,
Кому и жизни и любви дороже
Земля, которой мы не отдадим.

Сергей Михалков, создавший до войны столько хороших стихов о детях и для детей, и в военных стихотворениях оставался верным своим юным героям.

В его стихотворении «Десятилетний человек» (№ 343) — о мальчике, у которого гитлеровцы убили мать и сестру,— были такие строки:

...Всё видевший, на всё готовый,
По грудь проваливаясь в снег,
Бежал к своим русоголовый
Десятилетний человек.
. . . . . .
И по щеке его ни разу
Не проложила путь слеза,
Должно быть, слишком много сразу
Увидели его глаза
За эти месяцы страдания,
Которые равны годам...
Но ты, фашистская Германия,
За них сполна ответишь нам!
Детоубийцы и грабители,
Вам ничего не скрыть вовек,
Он будет первым обвинителем —
Десятилетний человек.

Но одна тема была общей для всех поэтов. Это — тема беззаветной преданности народу, партии, ленинскому знамени. «Знамя Ленина» — называлось стихотворение Степана Щипачева, напечатанное в начале 1942 г. в № 208 газеты:

Оно всю Родину объемлет,
К победе Родину ведет,
И мертвый, падая на землю,
На древке рук не разожмет.
Под этим знаменем сквозь ночи,
Сквозь дождь и снег мы шли вперед.
Гранит — вода и ветер точат,
Оно бессмертно, как народ.

Бессмертие великого вождя было воспето Степаном Щипачевым и в одном из лучших его стихотворений «Ленин», написанном в первые месяцы войны:

Из бронзы Ленин. Тополя в пыли.
Развалины сожженного квартала.
Враги в советский городок вошли
И статую низвергли с пьедестала.

Полковник-щеголь был заметно рад,
Что с памятником справился так скоро,
И щелкал долго фотоаппарат
Услужливого фоторепортера.

Полковник ночью хвастал, выпивал,
А на рассвете задрожал от страха:
Как прежде, памятник в саду стоял,
Незримой силой поднятый из праха.

Заторопились офицеры вдруг,
Вдали неясные мелькали тени.
То партизаны, замыкая круг,
Шли на врага.
И вел их Ленин.

В нелегких фронтовых условиях поэты сумели создать и ряд больших произведений. М. Матусовский написал пять поэм: «Володька» (№ 274) — о юном герое фронта Владимире Попове, «Безымянная высота» (№ 355) — о стойкости советских воинов, «Друзья» (№ 392) — о двух бесстрашных снайперах Семене Номоконове и Тогоне Санжееве, «Дед» (№ 514) — о советском патриоте старом колхознике Иване Васильевиче Липатове и «Песня об Айтигды Тагирове и его друге Андрее Савушкине» (№ 708, 711, 714) — на тему интернациональной дружбы солдат; поэт Владимир Соловьев, работавший одно время у нас на Северо-Западном фронте, опубликовал большую поэму о саперах «Переправа» (№ 631 — 634); Сергей Михалков — поэму «Мать солдатская» (№ 526). Только некоторые из этих произведений, требующих специального разбора, вошли в изданные после войны сборники, а стоило бы познакомить нынешних наших читателей со всеми названными поэмами.

Хочется сказать хотя бы несколько слов и о том, как поистине безотказное поэтическое оружие помогало в каждодневной работе над номером газеты. Речь идет о звонких ударных стихотворных «шапках» — двустишиях и четверостишиях — к публикуемым в газете материалам. Возглавляя «строчечный фронт» многих газетных страниц и подборок, они первыми входили в сознание читателя и часто оставляли в нем глубокий след, использовались армейскими пропагандистами и агитаторами в живой речи.

Вот некоторые из таких «шапок». К специальному номеру, посвященному 700-летию Ледового побоища:

Удар могучий по врагам
Удвой еще, утрой еще!
Устроим вновь поганым псам
Ледовое побоище!

К передовой статье, прославлявшей мастера рукопашного боя красноармейца Зарецкого:

Пехотинец удалой,
Богатырь советский,
Молодецки бей врага,
Как боец Зарецкий!

И еще и еще десятки стихотворных «шапок», понятных и без всяких пояснений:

У снайпера тверда рука,
Он бьет врага наверняка!

Смекалистый силен втройне —
Он побеждает на войне.

Бей штыком, круши прикладом!
Смерть захватчикам неси,
Чтобы Гитлером проклятым
И не пахло на Руси!

И один в поле воин,
Если он советский воин!

У санитара много неведомых друзей.
Спасая жизнь другому, он не щадит своей.

Бей, чтоб взвыла фашистов орда!
Русские прусских бивали всегда!

Почему так фрицы врут?
Потому что фрицев бьют!

Бей в упор фашиста-зверя,
Как герои за Днепром,
Умножай его потери,
Приближай его разгром!

И такая, почти суворовская «шапка», в которой выразилась полная уверенность в нашей могучей силе, в близости окончательной победы:

Мы и в Гданьске, мы и в Гдыне,
Будем скоро и в Берлине!

Приятно было, проезжая по фронтовым дорогам, видеть написанные огромными буквами на транспарантах, а то и просто на стенах домов многие из хорошо знакомых «шапок», нередко коллективно рожденных в ночной редакционной горячке и уже на следующее утро сошедших с газетной полосы в самую гущу войск, в горнило боя...

КАК БЫ ОЖИВШИЕ СТРАНИЦЫ...

От фронтовой поэзии не отставали и другие жанры — публицистика, очерк, рассказ.

18 июля 1942 г. в нашей газете (№ 386) была помещена большая статья Александра Фадеева «Героический Ленинград».

«Я прожил в Ленинграде около двух месяцев,— писал он.— И то, что узнал и увидел, раскрыло передо мной картины величия и силы человеческого духа, небывалые в истории.

В одной из школ Ленинграда в беседе с учащимися и преподавателями возник вопрос „о новом человеке". Вопрос возник в связи с романом „Разгром", стоящим в программе десятого класса. Нельзя было без волнения слушать, как мои собеседники старшего и младшего поколения говорили о „новом человеке", не подозревая, что они-то и есть живые новые люди, каждый шаг которых в Великой Отечественной войне освещен светом самых больших мыслей и дел, какие только знало человечество».

Эти слова Фадеева могли бы повторить все другие писатели, побывавшие на войне, в том числе те, что работали в нашем редакционном коллективе. Сколько волнующих картин величия и силы человеческого духа прошло перед ними на Северо-Западном, а затем на 2 Белорусском фронте! И листая сейчас страницы газеты с их статьями, очерками и рассказами тех лет, воочию видишь: герои этих скромных, нередко торопливо написанных произведений военной публицистики, очерковой литературы и малой прозы — «они-то и есть новые люди», чьи замечательные черты во всей полноте раскрылись в годы военных испытаний.

Целая галерея таких людей встает в очерках и рассказах Александра Исбаха, который и дольше и больше всех других работавших у нас писателей потрудился в этом боевом жанре. Воспитанник А. С. Серафимовича, друг Дмитрия Фурманова, он тянулся главным образом к бывалым воинам, к героям, как бы сошедшим на поля сражений Великой Отечественной войны со страниц «Железного потока» и «Чапаева».

Живой портрет одного из тех, кто принес на фронт эстафету боевой славы незабываемых двадцатых годов, был создан писателем в написанном им от первого лица документальном рассказе гвардии майора А. Находкина «На третьей войне» (№ 619). То был рассказ-очерк о человеке, который участвовал еще в первой мировой войне, служил под началом генерала Брусилова, в 1917 г. вступил в ряды партии, пошел добровольцем в Красную Армию, был в годы гражданской войны комиссаром, встречался с Я. М. Свердловым, был соратником Щорса, а теперь, в свои пятьдесят шесть лет, воевал в одной из гвардейских саперных частей на Северо-Западном фронте. Сын его Иван и дочь Тамара тоже сражались в рядах Советской Армии.

К этому очерку примыкали и другие — о старом чапаевце минометчике Андрее Васильевиче Близнецове (№ 435); о бывшем учителе истории большевике Сергее Никитиче Королькове — тихом, незаметном «бойце в очках», ставшем любимцем воинов, агитатором, заместителем политрука (№ 394); о бывшем бригадире колхоза «Новый путь» Горьковской области, командире роты разведчиков Александре Хрипкине.

В большом, на целую страницу, очерке о Хрипкине (№ 431) был эпизод, который долго потом передавался на фронте из уст в уста.

На передовые позиции приехал член Военного Совета. Он вручал ордена и медали героям.

«— Хрипкин Александр Михайлович! — вызвал по списку секретарь.— Орден Красного Знамени.

Бригадный комиссар с интересом оглядел мощную фигуру командира, вручил ему орден и поздравил с наградой. Хрипкин поблагодарил и продолжал стоять перед комиссаром. Комиссар удивленно посмотрел на него, на секретаря.

— Следующий.

— Хрипкин Александр Михайлович,— опять прочел секретарь.— Орден Красной Звезды.

Бригадный комиссар улыбнулся. Он вручил Хрипкину второй орден и сказал:

— Так мы с вами до самого вечера будем заниматься, товарищ Хрипкин.

Хрипкин тоже усмехнулся. Непрерывно занятый в боях, он не успел еще получить всех своих наград. А кроме орденов, причиталось ему получить еще медаль „За отвагу". И все это были награды за отважные и дерзкие дела».

Александр Исбах приезжал «на базу», в наш поезд-типографию, только на один-два дня, чтобы «отписаться», и тут же, на редакционной машине, а то и испытанным способом «голосования», на попутных, снова отправлялся на передний край. Он умел отыскивать там каких-то особенно интересных, красивых своим богатым духовным миром людей — энергичных, смелых, решительных, жизнестойких и жизнелюбивых. Чаще всего это были коммунисты, комсомольцы или люди, решившие на фронте в самые трудные дни, связать свою судьбу с партией, комсомолом.

Силу и мужество не сгибающегося ни перед чем советского человека показал писатель в очерке «Победа жизни» (№ 495) — о том, как раненный восемнадцать раз капитан Семен Львовский не утратил веры в жизнь, в победу и был вознагражден тем, что встретил свою семью, которую он считал погибшей.

В ТЫЛУ ВРАГА

Корреспондент газеты «За Родину» Б. Р. Изаков выступает на оккупированной территории перед жителями деревни Акулёво

Фотография М. А. Трахмана. Псковская область, май 1943 г.

Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

Еще и еще очерки... О пулеметчиках братьях Дорофеевых (№ 461). О разведчике Константине Шкурове, в прошлом непутевом пареньке с горячим, неустоявшимся характером (№ 396). В детстве, не вытерпев материнских укоров, он ушел из дому, в теплушках, на площадках товарных поездов, а то и просто на буферах изъездил всю Сибирь. Подпал под чье-то дурное влияние, угодил в тюрьму. На фронте держался первое время бирюком. Казалось Косте, что все бойцы знают о его судимости, относятся к нему настороженно и недоверчиво. Но день за днем солдат менялся. Он отличился в одном бою, в другом, был награжден орденом Красной Звезды, с него сняли судимость. «Вечером,— заканчивался этот очерк,— впервые за много месяцев, он написал письмо в Сибирь, матери. Теперь, наконец, он мог писать ей без стыда».

Особенностью очерков и рассказов другого нашего прозаика — Кузьмы Горбунова — была их сюжетность, напряженность действия, драматизм ситуаций, переплетение трагического и радостного в жизни людей на войне. Сильное впечатление и на читателей-фронтовиков и на нас, редакционных работников, произвел один из его первых рассказов «Знамя» (№ 142) — о том, как лейтенант Иван Гусев во главе отряда красноармейцев вышел из окружения и вынес на груди, под гимнастеркой знамя. Он спас его в последнюю минуту, бросившись в объятую пламенем избу, в которой помещался штаб, снял с древка алое полотнище и спрятал его. Шестьдесят дней и ночей шли воины через болота и топи к своим.

«Неожиданно слева, с железнодорожной насыпи, затрещали автоматы...

— Немцы! — крикнул Гусев.— В цепь! Ложись!

Бойцы рассыпались по берегу. Стреляя, они пядь за пядью ползли вперед... Вдруг из недалекого перелеска по насыпи полоснула длинная пулеметная очередь. Немцев будто ветром сдуло. Гусев вскочил, выпрямился во весь рост.

— Наши, выручка! За мной!

Он бежал и слышал, как за его спиной скрипит под ногами бойцов снег. Гусев начал расстегивать крючки шинели. Они не поддавались. Лейтенант рванул шинель

за борта и сбросил ее, потом снял гимнастерку и развернул знамя. Оно полыхнуло на ветру малиновым пламенем.

— В штыки, на прорыв! — во весь голос кричал лейтенант.

От перелеска к насыпи катилась вторая лавина людей в знакомых серых шинелях.

Встреча произошла у разрушенного железнодорожного моста.

Кто-то крепко сжимал Гусева в объятиях. Он сам целовал кого-то и чувствовал, что лицо его мокро от слез...»

Живо припомнился мне этот рассказ совсем недавно, когда я смотрел фильм по роману Константина Симонова «Живые и мертвые». Там, как известно, есть сходный эпизод с вынесенным из окружения знаменем; в талантливом этом романе и фильме писатель с потрясающей силой воссоздает правду первого, самого тяжкого года войны,— правду, которая легла и в основу рассказа К. Горбунова.

В четырех номерах газеты (409—412) печатался с продолжениями рассказ К. Горбунова «Будем жить!»

«Будем жить!» — эти два коротких, полных твердой уверенности и силы слова — как бы прозвучали и в очерках писателя «Своя рота» (№ 485) и «Сквозь вражеское кольцо» (№ 167, 169, 171, 174).

Первый рассказывал о том, как ослепший в бою солдат Филипп Ковальчук ползком, на ощупь пробирался к своим и в конце концов, проползши за двенадцать часов шесть километров, безошибочно добрался до родной своей роты.

Второй очерк был посвящен летчику старшему лейтенанту Самойлюку, штурману Белоусу и радисту-стрелку Дымчикову. Посадив свой подбитый врагом самолет на лес, Самойлюк и его товарищи сожгли машину, примкнули к действовавшему в тылу противника отряду истребителей, вместе с ним пробились затем к нашим, вернулись в родную эскадрилью.

Этот большой очерк имел свое продолжение. Спустя некоторое время герои его выступили на страницах газеты (№ 184) с письмом, в котором сообщали, что получили новый самолет, успели уже сделать на нем восемь боевых вылетов и нанесли большой урон врагу.

Жизнь дописала и еще один очерк К. Горбунова — «Героини» (№ 213) — о славной партизанке Лизе Чайкиной и ее боевых подругах. По следам первых фронтовых страничек другой писатель — Николай Бирюков — собрал затем богатейший материал о Лизе Чайкиной и ее бессмертном подвиге и создал впоследствии замечательную книгу «Чайка», ставшую одной из любимых книг нашей молодежи.

«Героини» были далеко не единственным очерком о партизанах на страницах нашей газеты. Еще в октябре-ноябре 1941 г. в тринадцати номерах (109, 111, 113, 115, 117, 119, 121, 123, 126, 128, 132, 138, 142) были напечатаны «Письма из партизанского отряда». Эти очерки о героической борьбе народных мстителей написал наш специальный корреспондент, молодой журналист-литератор, ныне автор нескольких книг Лев Плескачевский. По заданию редакции он пересек линию фронта, провел 20 дней в партизанском отряде, действовавшем в глубоком тылу противника, и рассказал затем в своих «Письмах» о славных боевых делах этого отряда и о жизни советских людей во временно захваченных оккупантами районах.

«Болотные тут места. Глухие. Тишина...— так начинался один из первых очерков Л. Плескачевского.— Но приложи ухо к земле, прислушайся. Тяжко стонет русский крестьянин, на шею которого гитлеровцы пытаются надеть ярмо. Плач и ропот разносится по оккупированным деревням, глухим эхом отдается и замирает в лесу, что чернеет на горизонте. Туда, к лесу, из деревень, через непроходимые болота, каждую ночь тянутся непокоренные, свободолюбивые русские люди...»

Некоторое время спустя в болотные и глухие эти места, в «партизанский край» полетел работавший в нашей газете известный журналист-международник батальонный комиссар Борис Изаков. Вернувшись оттуда, он опубликовал цикл очерков «В лесах партизанского края» (№ 440, 442, 444, 446, 448, 451, 453, 455, 457).

С большим интересом следили воины нашего фронта за появлением этих достоверных, написанных не по сводкам и донесениям, а по личным наблюдениям страничек,

повествовавших о том, как бесстрашные партизаны нападают на вражеские отряды, взрывают мосты, нарушают связь, уничтожают машины и живую силу противника, наводят панику в его тылу.

В страничках этих, добытых с немалым трудом и опасностью для жизни, вынесенных, что называется, из самого пекла, Борис Изаков, хорошо знакомый фронтовикам-читателям как автор чуть ли не ежедневно печатавшихся в газете статей и обзоров на международные темы, предстал в новом качестве — как очеркист с острым и точным зрением.

В «партизанском крае» Борис Изаков был ранен, но, не оправившись еще окончательно от ранения, вернулся в редакцию.

«К югу от озера Ильмень» — этой часто повторявшейся в те дни в сводках Совинформбюро фразой о боях на нашем фронте, назвал он свой очерк (№ 303), перекликающийся по форме с знаменитыми «Письмами товарищу» Бориса Горбатова. Когда войска Северо-Западного фронта начали бои за освобождение Старой Руссы, Б. Изаков взволнованно и поэтично писал: «Старый русский город, ты недаром носишь свое гордое имя. Первые камни твои закладывались в дни расцвета Новгородской Руси. Ты дружил с новгородской вольницей, протягивал руку через Ильмень-озеро старшему брату — Господину Великому Новгороду. Не в твоих ли стенах гостил веселый новгородец Садко, не здесь ли звучали струны его волшебных гуслей?» (№ 244).

Много и хорошо поработал в газете и Борис Бялик. Литературовед, автор многих книг о Горьком, он выступал в самых различных, казалось бы, не свойственных его перу жанрах, и всегда с глубоким проникновением в тему, остро, горячо.

Когда в газете были опубликованы уже упоминавшиеся снимки казни Зои Космодемьянской, найденные у убитого немецкого офицера, Б. Бялик вспомнил в своей статье (№ 810) о другой страшной находке, сделанной весной 1943 г. на нашем фронте, в двух километрах от деревни Коровитчино. Здесь, на лесной тропе были обнаружены трупы четырех советских воинов, которых зверски пытали гитлеровцы. У одного из них оказались в кармане слипшиеся от крови клочки газеты. Это была вырезка из газеты «Комсомольская правда» со стихами Маргариты Алигер о Зое Космодемьянской: «Всех не перевешать, много нас! Миллионы нас!..»

«Вот они, свято хранимые мною клочки бумаги, обагренные кровью неизвестного бойца...,— писал автор статьи.— Видно, очень тронули эти стихи того, кто вырезал их на память и берег до последней минуты. Видно, очень взволновал его рассказ о несгибаемой девушке — его, кому судьба готовила такой же конец. Он не сказал палачам ни слова — юный раненый воин, иначе они не пытали бы его так долго и так изощренно. Он помнил о Зое. Он видел ее такой, какой мы видим ее сейчас на этих снимках, он слышал ее голос — голос стихов, горящих яростью к врагам: „Убивайте их травите, жгите!“ И он не склонил голову перед палачами».

«Ты помогла ему, Зоя!» — так назвал Б. Бялик эту статью.

С той же страстностью писал он в очерке «Это было у деревни Дедно» (№ 141) о восьми вырвавшихся из фашистского плена бойцах и с большой теплотой и увлеченностью о героях фронта: искусных мастерах маскировки бывшем студенте Академии художеств старшем технике-лейтенанте Владимире Козьмине и помкомвзводе Миргазьяне Насыпове, создавших ложный аэродром («Удивительная профессия», № 1036), и о многих других.

А каким гневным, презрительным, уничтожающим становился голос писателя, когда в очерке «Лаус» (по-немецки — вошь) он клеймил позором труса, изменника и предателя Родины, нарушившего военную присягу и выдавшего врагу тайну (№ 181).

Чтобы написать о многодневном рейде наших войск по тылам врага, Борис Бялик пошел в этот рейд сам.

Как ни покажется удивительным, но литературовед Бялик выступал во фронтовой газете еще и с советами-памятками на военно-тактические темы. Притом делал он это с отменной писательской выдумкой, писал свои «Рассказы о солдатской смекалке» красочным, образным и хорошо понятным каждому солдату языком.

«Кажется, простая вещь — видеть,— начинал он один из таких рассказов-памяток (№ 1024).— Но дело, оказывается, сложное. Одной зоркости мало. Необходимо

еще умение видеть. Скажем, стоят рядом хлебороб, геолог и сапер. Лежит перед ними одна и та же земля, а видят они совсем не одно и то же. Для хлебороба — это землица, для геолога — почва, для сапера — грунт.

Или возьмем, например, ботаника, плотника и артиллериста. Спросите у них о каком-нибудь дереве. Один определит его породу, другой — качество материала, а третий скажет: „Хороший ориентир".

У глаз бывает разная специальность. Самую сложную и ответственную специальность имеют глаза наблюдателя. За всем, что он видит,— за складками почвы, за листвою деревьев,— он должен видеть врага. И от того, как он видит, зависит судьба и геологов, и плотников, и ботаников, и хлеборобов. Кто-кто, а наблюдатель помнит народную пословицу: „Не доглядишь оком — заплатишь боком"».

В других «Рассказах о солдатской смекалке» говорилось о военной хитрости, находчивости и сообразительности.

Такого рода памятки писал и поэт Матусовский. Любопытно привести строки из его «Советов разведчику» (№ 795), написанных в любимой когда-то и популярной в народе форме райка:

«Умелый разведчик в большом почете и в артиллерии и в пехоте. Любая тропка ему знакома. Хороший разведчик в лесу, как дома. Темным леском — проходи тайком. Там, где кустарник,— там броском, там, где открыто, — там ползком. Встретишься с гадом — бери врасплох, глуши прикладом и — „хенде хох"! Действуй бесшумно, быстро и чисто, веди разведку наверняка. Одним ударом свали фашиста, не возвращайся без „языка"!»

Именно такого разведчика, который был «в большом почете и в артиллерии и в пехоте»,— старшего сержанта Петра Воробьева — показал в своем очерке (№ 399) будущий писатель Юрий Корольков, работавший у нас некоторое время заместителем редактора, но находивший время и для очерков, рассказов, как находил его и редактор газеты талантливый журналист Николай Кружков, написавший два больших очерка: «Бородино» (№ 437) и «Героический город на Волге» (№ 490).

На фронте, в газете, созрело литературное дарование еще одного нашего товарища по перу — журналиста Ивана Свистунова, чьи рассказы, очерки и статьи имели большой успех у фронтовиков. За один из своих рассказов — «Наследник» — о преемственности славных боевых традиций Советской Армии, опубликованный вскоре после окончания войны, он получил премию журнала «Советский воин». Тогда же И. Свистунов написал книгу о славных боевых делах воинов 2 Белорусского фронта. Ныне он — автор романа «Сердца в строю», получившего признание у широкого армейского читателя, сборника повестей и рассказов «Человек с человеком» и других книг.

Заслуженной любовью солдат и офицеров пользовались также очерки и рассказы журналистки Татьяны Чугай — единственной в нашем редакционном коллективе женщины-офицера, прошедшей с газетой весь ее длинный и нелегкий путь. С большим одобрением был встречен Военным Советом Северной группы войск ее послевоенный «конфликтный» рассказ «Спустя четыре года» (№ 1456), поднимавший острую и важную тему укрепления семьи в офицерской среде и вызвавший много споров и разговоров.

— Мы,— сказал в беседе с редактором газеты по поводу этого рассказа Главнокомандующий Северной группой войск Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский,— собирались обратиться к офицерам со специальным письмом по этому вопросу, но рассказ «Спустя четыре года» ставит и решает его настолько правильно и своевременно, что надобность в таком письме теперь полностью отпала.

Многим ли рассказам выпадает такая завидная роль?

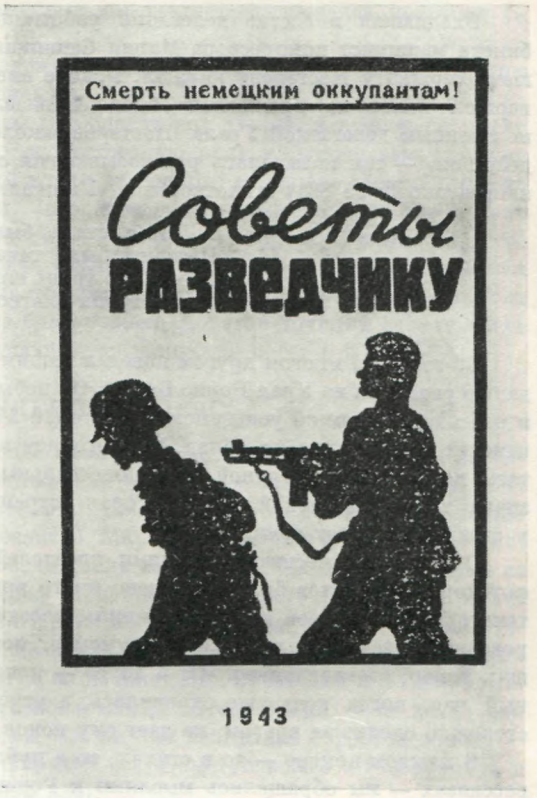
Вспоминается и другой «конфликтный» рассказ, появившийся в газете еще в первые военные годы (№ 462), но принадлежавший перу не штатного ее работника, а сотрудника дивизионной газеты младшего политрука Афанасия Салынского, ныне известного драматурга, автора пьес «Барабанщица», «Опасный спутник», «Забытый друг», «Хлеб и розы», «Ложь для узкого круга» и др. В этом рассказе, называвшемся «Непонятный человек», происходит следующий диалог между комиссаром и парторгом батареи старшиной Кладковым:

«СОВЕТЫ РАЗВЕДЧИКУ»

Памятка, написанная М. Л. Матусовским. Изд. Политуправления Северо-Западного фронта, 1943

Обложка. Рисунок В. Г. Васильева

Собрание М. Л. Матусовского, Москва



«—Грош цена ему в базарный день!» — безапелляционно заявляет парторг о новичке солдате Добрынине, который показался ему каким-то «непонятным», угрюмым, неразговорчивым.

«К о м и с с а р. Вы до войны торговали в бакалейном магазине?

П а р т о р г. Да... Откуда вы знаете?

К о м и с с а р. Очень уж своеобразно вы оцениваете людей».

В разговоре с Добрыниным комиссар выясняет, что гитлеровцы замучили его жену, и советует солдату отвести душу в бою, отомстить врагу. В завязавшейся вскоре схватке с гитлеровцами Добрынин уничтожает три вражеских танка, заменяет выбывшего из строя командира, раненный, ни на шаг не отходит от орудия.

После боя Кладков говорит: «Ну, товарищ комиссар, Добрынин прямо герой. Так что теперь безусловно придется другую цену ему определить.

К о м и с с а р. Сегодня же сдайте партийные дела. Вы не парторг, а бакалейщик».

Охотно печатала газета и других литераторов, присылавших нам свои статьи, очерки, рассказы или приезжавших на фронт. Так, например, когда был опубликован Указ о присвоении звания Героя Советского Союза погибшему на нашем фронте летчику Тимуру Фрунзе, мы поместили (в № 264) очерк Николая Богданова «Тимур — сын Фрунзе».

Несколько раз выступал в газете и приезжавший к нам Лев Никулин. В очерке «Танкоград» (№ 240), рассказе «Валя» (№ 716), очерке «Столица в эти дни» (№ 797) и написанном в соавторстве с Валерией Герасимовой очерке «Рожденные в боях» (№ 800) он рассказывал о том, как живут, трудятся, куют победу советские люди в Москве и на Урале,— из этого края протянулись к нашему фронту нити крепкой дружбы. В дни 26-й годовщины Октябрьской революции приезжала к нам делегация от трудящихся Урала. Делегаты побывали на переднем крае, встречались с героями боев, вручили им подарки и, тепло попрощавшись с фронтовиками, уехали. Но долго еще жила память о встречах с уральцами — в словах и в делах.

Входившая в состав делегации работница одного из оборонных заводов Челябинска машинист компрессора Мария Савицкая подарила умелому разведчику старшему сержанту Нестерову кинжал. Вскоре вместе с группой воинов Нестеров совершил налет на вражеский объект. Завязалась рукопашная схватка. Кинжалом, подаренным делегаткой Урала, Нестеров заколол гитлеровца. «Подарок челябинцев в действии» — так называлась рассказывавшая об этом заметка в газете. Под ней было напечатано (в № 831) стихотворение «Кинжал»:

...Литая сталь была легка,
И в нем была такая сила,
Как будто грань его клинка
Сама страна благословила.

Об этом и о многом другом поведал нашим друзьям-уральцам выезжавший по заданию редакции на Урал Борис Бялик. Он побывал в Перми, Свердловске, Челябинске и рассказал потом об увиденном в газете (№ 243): «...Самолет летит в обратный путь, самолет держит курс на запад. Мы обгоняем поезда, автоколонны, обозы. Мы пролетаем над огромной страной, над колоссальным военным лагерем... История еще не знала такой гигантской силы, которая устремлена сейчас на запад и перед которой в страхе отступает тьма».

Общими творческими усилиями писателей, поэтов, журналистов, художников, фотокорреспондентов было выпущено много ярких по форме, богатых по содержанию тематических номеров газеты: «зимний», рассказывавший о том, как страшна гитлеровским захватчикам русская зима; номер, посвященный 700-летию Ледового побоища; номер, озаглавленный «От 4 до 5» — показывавший, как и в этот предрассветный час, когда ночь уже окончилась, а утро еще не наступило, напряженно и сторожко следит за врагом, не дает ему покоя фронт...

В каждом номере — то в стихах, то в публицистических статьях, то в очерках и рассказах — мы обращались мыслями к Родине, жили единой, неразделимой с нею жизнью, дышали единым слитным дыханием... Листаешь комплект газеты и видишь: вот большая, на всю страницу, статья Б. Изакова «Отстоять завоевания Октября» (№ 491); вот вторая статья — К. Горбунова — «Всенародный подвиг» (№ 564) — о трудовых сбережениях, отданных советскими людьми на сооружение танков, орудий, самолетов; вот третья статья, подписанная майором, кандидатом филологических наук Ал. Исбахом,— «Великие русские патриоты» (№ 684) — о Пушкине, Лермонтове, Толстом, Гоголе, Некрасове, Белинском, Герцене, Чернышевском, Добролюбове, чье могучее слово вдохновляло советских воинов на битву с врагом.

А вот статьи разных авторов к знаменательным датам — годовщинам со дня рождения Горького, Маяковского, Николая Островского... Да и в «сплошной лихорадке» военных буден не меркли в нашей памяти, никогда не забывались эти даты, даты рождения тех, кто закладывал основы родной советской литературы, кого уже не было в эти грозные годы среди нас, но кто помогал своими бессмертными книгами бороться за победу.

Не забывались и имена тех, кто нес на фронт свое огневое слово сегодня. Страницы газеты хранят живые следы этой кровной связи воинов-читателей со своими писателями:

«Группа бойцов-украинцев нашего фронта ведет переписку с писателем Павлом Тычиной. Недавно он прислал красноармейцу Плаксию „Кобзарь" Шевченко, письмо и стихи, посвященные группе бойцов этой части» (№ 657).

«В одно из соединений в гости к фронтовикам прибыла группа московских и белорусских писателей: поэты Павел Антокольский, Максим Танк, Аркадий Кулешов, прозаики Михась Лыньков, Александр Бек, Валерия Герасимова, Софья Виноградская, Матильда Юфит. Они познакомились с героями, разъехались по частям. Павел Антокольский, Аркадий Кулешов опубликовали на страницах красноармейской газеты новые стихи» (№ 1158).

«Более полугода один из лучших снайперов нашего фронта Гавриил Хандогин ведет переписку с писателем И. Эренбургом. В одном из писем снайпер сообщил

тов. Эренбургу, что из числа уничтоженных им трехсот гитлеровцев половину он относит на боевой счет писателя.

По просьбе редакции газеты „За Родину" писатель И. Эренбург написал открытое письмо снайперу. Вот строки из этого письма:

„Вас благословляют русские матери. Вас благодарят русские девушки. От имени многих я, писатель, хочу пожать вашу мужественную руку и сказать вам: спасибо. ⟨...⟩ Придет час победы. Мы уже видим вдали ее нежную и дивную зарю. Расцветет наша земля. Улыбнутся наши девушки. Загорятся огнями наши города. Вы поедете домой, товарищ Хандогин. Далекий это путь — через всю матушку Россию. На вокзалах вы увидите, как матери будут встречать сыновей, обливаясь слезами радости, как жены будут обнимать мужей. Тогда вы сможете сказать себе: „Моя винтовка спасла многих". Нет лучшей награды, нет дела благородней. Дорогой друг, вы спасли много русских жизней. Я желаю вам сил и удачи — до конца, до победы!"» (№ 581).

СЛОВО, РОЖДЕННОЕ В БОЯХ

Время от времени появлялись в нашей газете, на специальных страницах, носивших название «Красноармейское творчество» или «Фронтовое творчество», стихи, рассказы, очерки, написанные и самими воинами. Были среди этих начинающих поэтов и прозаиков очень способные люди: сержант И. Мартьянов, ефрейтор А. Никольский, красноармейцы М. Глейх, И. Поздняков, старший сержант А. Харчев и др. Один из таких начинающих — красноармеец Шариф Мударрисов был взят на работу в редакцию нашей газеты. Он написал десятки очерков на родном своем татарском и на русском языках. Впоследствии Ш. Мударрисов стал писателем, перевел на татарский язык сонеты Шекспира. Наверно, и другие из начинающих прозаиков и поэтов могли бы стать, а может быть, и стали профессиональными литераторами, — не знаю, как сложилась дальнейшая судьба этих людей, все ли они вернулись с фронта домой.

Хочется привести строки из стихотворения часто выступавшего в газете поэта и художника красноармейца М. Глейха (№ 384):

...Наши гнезда вокруг опустели,
Не кружится над крышею птица.
Щорсу тесно в подземной постели
И Котовскому ныне не спится.
Кости славные требуют мести,
Бьют копытом горячие кони.
Даже камни разбитых предместий
В кулаки сжимают ладони...
Наша честь, наша слава задета,
Даже слабые к бою готовы.
Внук придет отомстить за деда,
За мужей рассчитаются вдовы.
Так, победа, скорее грянь же,
Вырастай средь огня и грома!
Это — ты. Я встречал тебя раньше,
Мне лицо твое очень знакомо.

С большим стихотворением «Дума о старой Алене», в котором, правда, чувствовалось подражание знаменитой «Думе про Опанаса» Багрицкого, выступил ефрейтор А. Никольский.

Был у нас на фронте и «боец с душой акына» Турухан Кужасаев — о нем подробно рассказал в своем очерке (№ 529) работавший длительное время в газете журналист, а ныне писатель Ваграм Апресян.

Бережно, чутко относились писатели и журналисты к слову, родившемуся в боях, к песням, частушкам, пословицам и поговоркам, ходившим от землянки к землянке, от блиндажа к блиндажу...

«Так складывалась песня» — назвал свой очерк (в № 313) наш погибший на фронте товарищ, журналист А. Евнин. В очерке этом рассказывалось о том, как строфу за строфой писал партизан Евгений Малинов песню о рождении партизанского отряда в Полавском районе, а затем о новых и новых славных делах этого отряда.

В освобожденной от гитлеровцев деревне Коньшино Старорусского района политрук Кабанов со слов 60-летней колхозницы Марии Ильиничны Степановой записал, а «За Родину» напечатала (№ 304, 305, 309) «Сказки о фрицах», сложенные народом в годы фашистской неволи.

Как из рога изобилия, сыпались со страниц газеты веселые каламбуры и едкие прибаутки по поводу наших побед над врагом: «Как ни пыхти, фашист, двух зайцев не догонишь: то Армавир уронишь, то Воронеж проворонишь!»; «Покинул немец Коростень, сдана врагами Речица. Но битый Гитлер вскорости еще не так замечется». По поводу освобождения Орла (№ 742):

Потеряв за пешкой пешку,
Положив за ратью рать,
Захотел в «орла» и «решку»
Немец с нами поиграть.
Мы с врагом играли чисто,
Здесь он смерть свою обрел.
Решка выпала фашистам,
Красной Армии — Орел!

В связи со взятием войсками 2 Белорусского фронта городов Насельск, Пултуск, Макув, Цеханув, Нове Място:

Фриц бормочет еле-еле:
«Снова нас гвардейцы бьют,
Под Насельском так НАСЕЛИ,
Даже охнуть не дают».

Фриц бежит к своим границам,
Бросив каски и мешки.
Не по вкусу, видно, фрицам
МАКУВые пирожки.

Оглушен ударом русским,
Немец скрыться норовит,
После встречи под Пултуском
У него ПУЛТУСКлый вид.

Фрицев бьем, как тараканов,
Драпать фриц теперь горазд
И из города ЦЕХАНУВ
И из прочих НОВЫХ МЯСТ!

В связи с тем, что наши войска вторглись в пределы Восточной Померании:

Не оправдались Гиммлера старания,—
Прижата к морю вражеская рать.
И в результате фрицам в ПОМЕРАНИИ
Теперь осталось только ПОМИРАТЬ!

«Подружка боевая — частушка фронтовая» была особенно любима солдатами. Быстро приобрели, например, популярность «Саперные частушки» (№ 120), написанные работавшим одно время в нашей газете мастером этого жанра С. Болотиным.

Про советских про саперов
Вам гармошка пропоет.
У саперов — крепкий норов,
Мы особенный народ.

. . . . . .

Захотим — возводим горы,
Захотим — в горе дыра.
Потому что мы — саперы,
На все руки мастера.

Всюду первыми приходим
И спешим на всех парах.
С берегов мосты наводим,
На врагов наводим страх.

У МОГИЛЫ ТОВАРИЩА

Фотокорреспондент газеты «За Родину» Иван Фролов погиб во время вражеского налета на поезд-типографию.

Фотография П. Б. Бернштейна. Северо-Западный фронт (станция Еринья, Новгородская область), июль 1941 г.

Собрание С. А. Савельева, Москва

Подорвем мы вражью силу,
Остановим вражью прыть,
А уж Гитлеру могилу
Непременно будем рыть!

Тогда же С. Болотин написал и несколько боевых песен: в связи с переименованием первых десяти дивизий Советской Армии в гвардейские — «Песню советских гвардейцев» (№ 145) с таким припевом:

Вперед, боевые гвардейцы!
Сметайте противника в прах!
Народ на вас крепко надеется,
И солнце победы зардеется
На ваших граненых штыках!

И «Партизанскую песню» (№ 105):

...Злобу лютую, месть крестьянскую
Скроет накрепко в час глухой
Ночка темная, партизанская
Тропка тайная, лес густой!

Надо ли говорить, как хотелось нам, чтобы и эти и другие публиковавшиеся в газете песни полюбились широкой солдатской массе, зазвучали бы под баян, под гармошку на походе, в часы затишья и короткого солдатского досуга. Недаром к одной из страниц «За Родину» (№ 736) — о фронтовой художественной самодеятельности — была дана такая «шапка»: «Пусть громче звучит, вдохновляя сердца, песня — помощник и друг бойца!»

Но не ко всем песням была написана музыка, а какая же без нее песня! Зато почти сразу же сочинялись мелодии (либо брались подходящие старые мотивы) к бойким и веселым песенкам, которые довольно часто печатались в нашей газете.

Так, мигом была подхвачена и зазвучала повсюду «Песенка о шофере» (№ 627), написанная Сергеем Михалковым:

Я уж год на фронте — всякое бывало...
Тот, кто был шофером, тот меня поймет.
Над моей кабиной пуля пролетала,
На меня пикировал немецкий самолет...

Понравилась воинам, особенно летчикам, и сочиненная Михаилом Матусовским и Маргаритой Алигер «Песенка о знаменитом самолете» — об У-2 (№ 544):

Кто не знает этой птицы,
Аккуратна и легка,
На кусты она садится
И взлетает с пятачка...
Так лети же ночкой темной
В благородный свой полет,
Самый тихий, самый скромный,
Знаменитый самолет!
Бьет врагов прямым ударом
Неожиданно, как гром,
Называется недаром
Он воздушным королем.

«ОТТОЧЕННЫЕ ПИКИ»

Фронтовая муза отлично несла службу и в «кавалерии острот». «Поднявши рифм отточенные пики», лихо и метко разила она гитлеровских вояк.

Чуть ли не ежедневно газета выходила с карикатурами художника Виктора Васильева, сопровождавшимися злым стихотворным текстом, либо с фельетоном, басней, а то и большим сатирическим уголком и даже целой страницей. Весь фронт знал, читал, искал в каждом номере своих боевых друзей — собратьев знаменитого Василия Теркина Твардовского — «Васю Точкина» и «Братьев-пулеметчиков». Двумя этими псевдонимами подписывались выступавшие спаренно в излюбленном солдатами жанре сатиры и юмора Михаил Матусовский и превратившийся для такого случая в поэта Александр Исбах.

Творческое содружество «Братьев-пулеметчиков» с нашими фотокорреспондентами П. Бернштейном, Т. Мельником, В. Шаровским родило серию остроумных «агитплакатных» фотомонтажей. На одном из них (№ 171), под датой «1812», была помещена репродукция с картины художника И. М. Прянишникова, изображающей отступавшую от Москвы наполеоновскую армию, а справа — датированная 1941 г. фотография взятых в плен гитлеровских наемников из «Голубой дивизии»: жалкие, обросшие, с женскими платками на головах, скорчившиеся в три погибели от холода... Под фотомонтажем было напечатано стихотворение «почти по Лермонтову»:

Скажи, товарищ, ведь недаром,
Отброшен штыковым ударом,
В огне со всех сторон,
Теряя стяги боевые,
Столбы считая верстовые,
Через сугробы снеговые
Бежал Наполеон.

. . . . . .

И точно так же, как когда-то,
Идут наемные солдаты
В Россию в наши дни.
Сюда пришли полки чужие,
«Коричневые», «голубые»,—
От вьюги будут неживые
И синие они!

Во «взаимодействии» с другим художником редакции — Ф. Сиговым— «Братья-пулеметчики» выпустили большую сатирическую серию под названием «В гитлеровском

балагане» (№ 217, 220, 224, 229, 232, 235, 238, 248, 255, 264). Это были карикатуры с хлесткими рифмованными подписями, бичующими фашистскую нечисть. Под одной из них, которая изображала Гитлера в роли жонглера, кидающего своих осрамившихся генералов с одного участка фронта на другой, стояли такие выразительные строки:

...Он их в отставку всех пошлет
И в гроб загонит скоро.
А после очередь дойдет
До самого жонглера.

На другой карикатуре демонстрировался «говорящий попугай» — немецкий радиокомментатор генерал Дитмар, который напропалую врал, лез из кожи вон, стараясь как-то объяснить, завуалировать поражения гитлеровской армии. Очередное его заявление о том, что в поражении немцев на Украине в 1943 г. виновата, мол, весенняя грязь, наш «Вася Точкин» — теперь уже он выступал в роли «комментатора»! — высмеял так:

Побелев от снега,
Ошалев от бега,
Покидая с плачем
Теплые дома,
Убегая в мыле,
Фрицы говорили:
«Русским помогает
Генерал Зима».
Отступая летом,
Пробежав при этом
От Орла и Курска
Прямо до Днепра,
Фрицы голосили:
«Мы стоять не в силе —
Русским помогает
Генерал Жара!»
Но весной на юге,
На советском Буге,
Фрицы побежали,
Не остановясь,
И для объяснений
Новых поражений
Выдумали фрицы
Генерала Грязь.
Осенью, весною,
Летом и зимою,
Вопреки погоде,
Бьют их там и тут.
Фрицам всюду туго —
С севера до юга,
И теперь грозит им
Генерал Капут!

А когда радио-враль Дитмар вынужден был сделать горестное признание о том, что в результате наступления советских войск бои идут уже «у ворот Германии», в газете (№ 1085) под карикатурой на эту тему появились следующие строки — на этот раз «почти по А. К. Толстому»:

У немецких ворот
Дитмар в страхе орет:
«Боже!
На Востоке — капут
И на Западе бьют
тоже...
У немецких ворот
Нас теперь лишь спасет
чудо.
От „котлов“ и „клещей“
И от прочих вещей —
худо!»

№ 69, (255), 9 марта 1942 г.

В гитлеровском балагане

9. Говорящий попугай

Рис. Ф. Сигова.

ГИТЛЕРОВСКИЙ ГЕНЕРАЛ

Он повторяет по указке
Адольфа бредовые сказки
О приближении весны,
О продолжении войны,
О планомерном
отступлении,
О предстоящем
наступлении,
О русских зимах,
о погоде,
О зимних трудностях
атак...
Недаром говорят в
народе,
Что попугай—большой
дурак.

Братья-пулеметчики.

«ГОВОРЯЩИЙ ПОПУГАЙ»
Сатирический фельетон из серии «В гитлеровском балагане»
«За Родину», 9 марта 1942 г., № 68
Серию вели М. Л. Матусовский и А. А. Исбах

В № 241, посвященном 24-й годовщине Советской Армии, была дана целая сатирическая страница «Красноармейская школа для гансов и фрицев». В подзаголовке к ней стояло: «Как ударят наши пушки /— У врагов в глазах темно./ Фрицы, в школу собирайтесь, /Пулемет стучит давно...» Во вступительном тексте объяснялось, что «обучение в этой школе бесплатное, но ученикам оно стоит дорого. Для обучения удачно подобраны преподавательские кадры — бойцы, командиры и политработники Красной Армии. Среди них отлично зарекомендовали себя герои нашего фронта Исрафил Мамедов и Хазимурза Мильдзихов: они выпустили с дипломом на тот свет больше двухсот фрицев. Под руководством этих замечательных преподавателей даже самые туполобые ученики становятся прилежными: они поднимают руки, либо протягивают ноги. О работе „школы“ имеется много прекрасных отзывов мировой печати».

На странице описывались «уроки по разным предметам»: например, «урок пения»—

«Гансы поют романсы», «урок наглядной истории», «урок русского языка», «урок географии» — «Столицей Советской России была, есть и будет Москва», «урок арифметики» и т. д.

В заключение на этой остроумной, сделанной с большой изобретательностью странице воспроизводился «Аттестат отличника»: «Ефрейтор Обер-Кандибобер» закончил школу с общей оценкой КОЛ (осиновый)».

К большой сатирической подборке, посвященной 700-летию Ледового побоища (№ 282), был дан не менее остроумный заголовок — «Псы ФРИЦЫри».

Кроме «малой сатирической прозы», печатались в газете с продолжениями и два довольно больших сатирических романа тех же «Братьев-пулеметчиков»: «Тайна оберлейтенанта Клопса» (№ 103, 107, 114, 124, 137) и «Горестные приключения Курта Шнапса в России» (№ 176, 179, 183, 192, 206, 212, 221 и 231).

Многие из карикатур, стихотворных фельетонов, басен и других сатирических материалов вырезывались из газеты, перекочевывали в «боевые листки», наклеивались на щиты, и это было лучшим доказательством того, что «оружие смеха» брала на вооружение широкая солдатская масса.

Как и у Василия Теркина, нашлись продолжатели и подражатели и у наших «Братьев-пулеметчиков». Они направляли острие своей сатиры и против недисциплинированных бойцов, неповоротливых военторговцев, нерадивых хозяйственников. От военнослужащей одного из фронтовых продовольственных складов Нины Зенькович пришло однажды в редакцию следующее письмо: «Дорогие „Братья-пулеметчики"! Примите в свою компанию сестренку-автоматчицу. Давайте работать вместе. Посылаю свой первый опыт — „Жалоба Мешка"».

Мы с удовольствием напечатали (в № 388) задиристый фельетон-басню Нины Зенькович — диалог между валявшейся в углу склада, забытой всеми Бочкой и брошенным в лужу раскисшим Мешком. Заключался этот фельетон «Сестренки-автоматчицы» так:

Прочти, интендант, и запомни стишок.
Проверь: не тебя ли ругает Мешок?!

Живейшее участие в уголках и страницах сатиры и юмора принимали Сергей Михалков, Ваграм Апресян, Леонид Ленч и другие литераторы и журналисты, особенно Владимир Соловьев. Можно было только дивиться тому, с какой быстротой и хваткой откликался он на ту или иную тему, подсказанную сводкой Совинформбюро или событиями дня на фронте.

Вот несколько образцов работы этого поэта-драматурга в необычных для него жанрах газетного сатирического фельетона, басни, которые он писал с неизменным блеском и точным попаданием в цель.

Приходит сводка Совинформбюро о том, что под натиском наших войск противник беспорядочно эвакуируется с Кавказа. Поэт дает «в номер» (563) фельетон «Возвращение с курорта», в котором изображается фриц, удирающий «в одних трусиках» с Кавказских гор.

Неужели прерван отдых,
Как приятный легкий сон,
И курортный на Минводах
Уж закончился сезон?
Что-то быстро! Как-то странно!
Непонятно, почему?
Он хотел нарзанной ванны —
Баню задали ему!
Так он драпанул с курзала,—
Только пыль пошла вдали.
Не иначе, от нарзана
Ноги силу обрели!
. . . . . .
Это отдых быстротечный,
Это отдых никакой —
Скоро фрицу будет вечный,
А не временный покой!

Публикуется сообщение о начале решающих боев по ликвидации попавшей в «котел», зажатой в районе Демянска в кольцо 16 немецкой армии. Удачно обыгрывая название советского города, у стен которого идут эти бои, В. Соловьев пишет как бы переделанную на новый лад крыловскую басню «Демянская уха» (№ 606). Советский воин Демьян потчует горяченькой «ушицей» из снарядов, бомб и мин взятого в железные тиски фашистского волка, да так, что тот вот-вот лопнет. А хлебосольный Демьян все угощает и угощает пожаловавшего к нему гостя: «Не столь в котел подбрасывает рыбки, сколь огоньку, где надо, под „котел"...»

«Котел» ликвидирован. Газета публикует снимок обнаруженного в Демянске огромного немецкого кладбища со множеством березовых крестов на могилах. Здесь нашли свою гибель солдаты и офицеры разгромленного войсками Северо-Западного фронта 28 егерского полка 8 пехотной дивизии 16 немецкой армии. Под фотоснимком, озаглавленным «Вот где собаки зарыты»,— новый стихотворный текст В. Соловьева (№ 621):

Откровенно говоря,
Жили-были егеря.
Но послали егерей
Против наших батарей.
Наш боец в бою упрям —
Стало худо егерям.
Уложили всех подряд
Егерей и егерят.
Окрестили всех скорей
Командира егерей.
И выходит, вроде зря
Жили-были егеря...

К карикатуре на Гитлера, скрывавшего от немецкого народа огромные потери германской армии на Восточном фронте, В. Соловьев написал фельетон «Смертный номер» (№ 626). Это была острая, гневная сатира, исполненная большой обличительной силы:

Сей фокусник плутует грубо,
Но, как ни вейся, ни лукавь,
Четыре миллиона трупов
Не спрячешь все-таки в рукав.
Он говорит, но кто поверит?
Потерь у фокусника тьма,
Не говоря уж о потере
Остатков всякого ума.
Солдаты тлеют на погосте,
А тот, кто в этом виноват,—
Плутует не в простые кости,
А в кости собственных солдат.

* * *

...Миновало почти два десятилетия после нашей победы в Великой Отечественной войне. В 1964 г., накануне 46-й годовщины Советской Армии, в Москве состоялась организованная Министерством обороны СССР и Главным политическим управлением Советской Армии и Военно-Морского Флота встреча писателей, художников, композиторов, работников кино и театра. На этой встрече я увидел и многих из тех, кто находился в годы войны — одни дольше, другие меньше — в рядах редакционного коллектива «За Родину» и «Фронтовой правды».

С волнением слушали участники этой встречи обращенные к ним слова министра обороны СССР Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского:

«У вас в руках могучее оружие — оружие художественного образа, обладающего огромной силой эмоционального воздействия на души и сердца людей. И если это оружие всегда исправно и нацелено правильно — оно бьет верно, без промаха. Об этом красноречиво свидетельствуют лучшие произведения, играющие неоценимую роль в патриотическом воспитании народа и армии...»

И мне, и, наверно, моим товарищам по перу вспомнился в эти минуты боевой путь нашей газеты.

Он начался в Прибалтике, а окончился в Германии, в городе Штеттине. После ликвидации Северо-Западного фронта он проходил по многим городам, вернее, железнодорожным станциям Белоруссии. Взорванные мосты, изуродованные железные дороги не позволяли поезду-типографии «Фронтовой правды» тут же следовать за стремительно наступающими войсками 2 Белорусского фронта. Но в поезде оставались лишь пять-шесть человек, непосредственно связанных с выпуском газеты. Все остальные сотрудники — журналисты, чья боевая работа заслуживает особого, подробного рассказа, и писатели — двигались вместе с войсками: и на редакционных и трофейных машинах, и пешком. Телеграф, два самолета, выделенные для обслуживания редакции, надежно связывали газету с передним краем.

А в октябре 1944 г., когда разгорелись жестокие бои за Нарев, поезд-типография был уже рядом с войсками, около Острова-Мазовецкого, в Польше.

Началось зимнее наступление, и вместе с разведывательным отрядом перешли границу Восточной Пруссии и «зародинцы» — так по старой памяти называли мы себя и после того, как газета сменила название на «Фронтовую правду». «Зародинцы» были всюду, где завязывались упорные кровопролитные бои: под Хойницей и Бублицем, в Кезлине и Толькемите, в Штольпе, Гданьске и Гдыне... Широко показывая на своих страницах героику и героев боев, газета звала: «Путь у всех у нас один — на Берлин!»

Разгорелись бои на Одере. И здесь были наши «зародинцы». Вместе с передовыми частями прошли они от Штеттина до острова Рюген, до Ростока, до берегов Эльбы, где войска 2 Белорусского фронта встретились с англичанами.

В общем, хорошую службу сослужило перо поэтов, прозаиков, публицистов, сатириков в нашей газете. И о многом из того, что было ими написано в годы войны, можно сказать сегодняшним нашим читателям, несколько перефразируя Маяковского: в «курганах» фронтовых газет — только не похоронивших, а сохранивших для новых поколений их стихи, рассказы, очерки, их сатиру,—

железки строк случайно обнаруживая,
вы
с уважением
ощупывайте их,
как старое,
но грозное оружие.

Более 60 работников редакции и типографии были награждены орденами и медалями, в том числе шесть писателей и журналистов — орденом Красного Знамени. А 14 июня 1945 г. орден украсил и первую страницу «Фронтовой правды», ее заголовок. Под сообщением о том, что Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР «За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками газета „Фронтовая правда“ награждена орденом Красной Звезды», было напечатано за подписью маршала Рокоссовского и других членов Военного Совета фронта поздравление, слова которого на всю жизнь запечатлелись в нашей памяти:

«Приветствуем и от души поздравляем славный коллектив газеты „Фронтовая правда“ с награждением орденом Красной Звезды. В дни Великой Отечественной войны газета „Фронтовая правда“ повседневно воспитывала в войсках фронта высокий наступательный порыв, пламенную любовь к Родине, жгучую ненависть к врагу и многое сделала в деле обеспечения нашей полной победы над фашистской Германией.

Желаем коллективу газеты „Фронтовая правда“ новых успехов и дальнейшей плодотворной работы по воспитанию и обучению наших войск в мирных условиях».

Этот наказ с честью выполняет редакционный коллектив газеты «Знамя победы»— так с 1 июля 1945 г. стала называться наша «Фронтовая правда». Под этим названием выходит она и сейчас в Северной группе советских войск (в братской Польше).

И совсем недавно, в 1964 году, мы, ее ветераны, поздравили родную свою газету со славным двадцатипятилетием.

«КРАСНАЯ АРМИЯ»

ГАЗЕТА ЮГО-ЗАПАДНОГО — СТАЛИНГРАДСКОГО — ДОНСКОГО — ЦЕНТРАЛЬНОГО — БЕЛОРУССКОГО — 1 БЕЛОРУССКОГО ФРОНТОВ

Предисловие Бориса Палийчука

Обзор Г. М. Игнатовой и Е. Д. Молодцовой

Читая обзор литературного содержания газеты «Красная Армия» за годы войны как бы оглядываешься на пройденный вместе с боевыми товарищами фронтовой путь Живо вспоминаются все подробности нашей работы, начиная с первого дня войны С утра 22 июня 1941 г., когда в ясном киевском небе уже гудели «юнкерсы», группа украинских писателей прибыла на улицу Цитадель № 10, где находилась редакция газеты «Красная Армия». Получили военное обмундирование и новенькие наганы. Прикалывали друг другу к фронтовым петлицам кубики и шпалы. Странно было видеть в военном Андрея Малышко и Миколу Бажана, Андрея Головко и Ивана Ле, Любомира Дмитерко и Анатолия Шияна. И в то же памятное утро все мы взялись за работу.

Вскоре вся редакция отбыла на фронт. По дороге к нашему коллективу присоединилось «московское пополнение». Приехали Александр Твардовский, Сергей Вашенцев, Александр Безыменский и Михаил Розенфельд. Мы быстро сработались, сдружились. Уже дружной, сплоченной семьей коллектив редакции принял участие в обороне Киева. На фронт ездили буквально трамваем. Часто к нам в редакцию заезжали работники других газет — Аркадий Гайдар и Юрий Крымов. Живо вспоминаются беседы, споры о том, как лучше, доходчивее писать о войне и ее героях. К этому были устремлены творческие искания писателей и журналистов.

В качестве военных корреспондентов все литературные работники газеты часто бывали на передовой. Небольшими группами отправлялись в командировки. В оборонительных боях за Днепр принимали участие писатели Твардовский, Кондратенко, Розенфельд, Голованивский вместе с журналистами Поляковым, Нидзе, Ткачевым. Шамшой, Гончаровым и др.

Глубокой осенью 1941 г. в воронежское музыкальное училище, где располагалась тогда редакция, пришел бородатый, вырвавшийся из фашистского лагеря смерти, Евгений Долматовский. С присущей ему энергией сразу же включился в работу. Вместе с композитором Марком Фрадкиным написал песню о Днепре. Песня была напечатана в газете и подхвачена буквально всем фронтом. Никогда не забуду, с каким воодушевлением исполнил эту песню фронтовой ансамбль в нетопленном, холодном воронежском цирке. Цирк был переполнен. Большинство — раненые в повязках, на костылях. По суровым солдатским лицам струились слезы...

Редакция уже понесла первые потери. В весенних боях 1942 г. погибли на поле боя Михаил Розенфельд и Леонид Вирон. Были ранены Евгений Долматовский и Савва Голованивский. Немало испытаний выпало на долю наших фотокорреспондентов Наума Цидельковского и Наташи Бодэ. Наташа Бодэ была единственная женщина в нашем творческом коллективе.

Красная Армия встретит свой юбилей новыми победами над заклятым врагом

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!

КРАСНАЯ АРМИЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ФРОНТОВАЯ КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА

№ 37 (2228) | 18 февраля 1943 г., четверг | Год издания XXIV

Накануне славного юбилея

Через пять дней советские люди, Красная Армия и Военно-Морской флот, Родина-мать будут праздновать 25-летие Красной Армии и Военно-Морского флота. Родившаяся в огне боев вокруг Ленина и Бакинского комиссарства, Красная Армия свой славный, юбилей встречает крупными победами на фронте борьбы с фашистской Германией.

Три месяца, что дни в день, наши советский народ с радостью и гордостью слушает сообщения о стремительных, безостановочных движениях крупных воинских частей. За три месяца наступления Красная Армия освободила от оккупантов сотни населенных пунктов, сотни железнодорожных станций, около ста городов. Более на большой части фронта Дон, обращенный к себе при зимних наступлениях. Освобождена от фашистских захватчиков Калмыкия, очищены центральные районы Калмыкии, Ростовской области, Краснодарского края, Ставрополья, Воронежской области, Курской, Сталинградской, Ростовской, Краснодарской, Ставропольской, Воронежской

В таком ви е наши стихи и очерки распространялись в частях на переднем крае, сбрасывались с самолетов по ту сторону фронта. Наши поэты помогали фронтовому и армейским ансамблям, писали песни и частушки.

Стихотворные газетные шапки пользовались на фронте большой популярностью. В землянках и в блиндажах они превращались в лозунги. Некоторые из особо удачных шапок становились пословицами. Нам было очень приятно, когда эти шапки появлялись в сборниках фронтовых пословиц. Поскольку зачастую это был труд коллективный, такой успех шапки был радостью для всех.

Лунная октябрьская ночь 1943 г. у Конотопа, когда фашистские стервятники разбомбили наш поезд-типографию, памятна нам всем. Погибли наши однополчане журналисты Михаил Марьясов, Владимир Дроздов, Лев Алешинский, Владимир Иллевич. Десять человек — литераторы и рабочие типографии — легли в братскую могилу у конотопского железнодорожного моста. Ружейный салют прозвучал над свежей могилой. Мы унесли с собой в сердцах память о павших боевых товарищах.

Праздник Победы редакция встретила в лесу близ Одера. Редакционный радист Кобленц сообщил нам эту радостную весть. Мы все возвратились из командировок в поезд-редакцию. Только один Михаил Нидзе встретил этот день в госпитале. Он был тяжело ранен в голову.

Среди надписей на стенах рейхстага есть автографы почти всех творческих работников редакции. Лев Каплан побывал в имперской канцелярии, в кабинете бесноватого фюрера, которого наш художник столько раз изображал на карикатурах. На столе лежали незаполненные орденские бланки с подписью Гитлера. Художник написал на бланке, что мы находимся в Берлине, и отослал этот оригинальный документ в Москву, в музей Советской Армии.

Так закончился наш боевой путь от Волги до Берлина. Не все, написанное нами в те годы, вошло в наши книги, но все писалось от сердца, по свежим следам войны. А что касается связи литераторов с жизнью, то остается только пожелать нашей литературной молодежи, которая не знает и, мы верим в это, не будет знать войны, чтобы литераторы нынешних лет так были связаны с живой действительностью, как мы были связаны с ней в боях за свободу нашей Родины.

Б. Палийчук

Среди десятков фронтовых газет нельзя не выделить «Красную Армию», под заголовком которой к началу Великой Отечественной войны стояла короткая надпись: «Год издания двадцать третий». Эта одна из старейших советских военных газет, имеющая большую и яркую историю: ее читали красноармейцы на фронтах гражданской войны в 1919 г., на ее страницах печатались статьи и корреспонденции бойцов и командиров легендарной дивизии Щорса.

До 1935 г. «Красная Армия» выходила как газета Украинского военного округа, с 1935 по 1938 г.— Киевского военного округа, с 1938 до 1941 г.— Киевского особого военного округа.

В годы Великой Отечественной войны газета прошла славный боевой путь с войсками Юго-Западного, Сталинградского, Донского, Центрального, Белорусского, 1 Белорусского фронтов [1]. В январе 1945 г. в передовой статье «Боевой путь фронта» (№ 8) перечисляются важнейшие сражения, которые освещались на страницах «Красной Армии». Сталинградская и Орловско-Курская битвы, блестящие операции на Днепре и под Бобруйском, сражения в лесах и болотах Белоруссии, окружение фашистских войск под Минском, освобождение Польши и, наконец, штурм и взятие Берлина — вот краткий перечень их. В подготовке и проведении всех этих операций не последнее место принадлежит газете. Она пропагандировала боевой опыт, воспитывала отвагу, мужество и ненависть к фашистским захватчикам, едкой сатирой, острым словом разила врага.

В разных жанрах — в стихотворениях, очерках, рассказах — и в разное время в «Красной Армии» выступали писатели: Александр Безыменский, Петрусь Бровка, Ванда Василевская, Сергей Вашенцев, Савва Голованивский, Александр Довженко,

Евгений Долматовский, Виктор Кондратенко, Александр Корнейчук, Дмитро Косарик, Кондрат Крапива, Иван Ле, Андрей Малышко, Борис Палийчук, Леонид Первомайский, Михаил Розенфельд, Алексей Сурков, Александр Твардовский, Микола Упеник.

В годы Великой Отечественной войны «Красная Армия» издавалась на семи языках (русском, узбекском, татарском, грузинском, азербайджанском, молдавском и казахском). Каждый боец любой из этих национальностей мог ежедневно следить за военными событиями на своем участке и на всем протяжении линии фронтов, быть в курсе событий в нашей стране и за рубежом. Страницы газеты были насыщены актуальным и интересным материалом: «Красная Армия» с честью выполняла задачи, стоящие перед фронтовой печатью.

Ответственными редакторами газеты «Красная Армия» были: до 25 декабря 1941 г.— И. И. Мышанский, с 26 декабря 1941 г. по 31 октября 1942 г.— Л. И. Троскунов и с 1 ноября 1942 г. по 30 сентября 1946 г.— Н. С. Потапов.

После победоносного завершения Великой Отечественной войны газета, с 1947 г. получившая новое название — «Советская Армия», стала газетой Группы советских войск в Германии.

Первые дни войны... В номере газеты за 23 июня 1941 г.— Указы Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации, о введении военного положения в ряде местностей страны, первая сводка Главного командования Красной Армии, приказ войскам Киевского особого военного округа с призывом отбить нападение и уничтожить противника (1941, № 146).

Обстановка на фронте в начале войны складывалась неблагоприятно для нашей армии. Застигнутые врасплох, наши войска, несмотря на мужество и героизм бойцов и командиров, оказались не в состоянии выдержать натиск вражеских армий и вынуждены были отступать с тяжелыми боями и большими потерями. К концу сентября фашистские полчища продвинулись в глубь нашей страны на 600—850 км. На территории, оккупированной противником, остались сотни тысяч советских людей.

В это тяжелое время важно было поддержать боевой дух армии, стойкость народа. На это была направлена деятельность партии на фронте и в тылу, эту главную задачу выполняла и газета Юго-Западного фронта.

24 июня на первой странице «Красной Армии» было помещено стихотворение А. Малышко «Призыв» (перевод с украинского Б. Палийчука; № 147), начинающееся словами:

Он посягнул на землю, на границы,
Чтобы зажечь суровых войн пожар.
Вставай, народ! В полет, стальные птицы!
Вперед, вперед!
Ударом на удар!

Вместе с нашим народом, с нашей армией о победе над фашизмом мечтали миллионы людей за рубежами нашей Родины. В первые месяцы войны в газете, в переводе Безыменского были помещены стихи прогрессивных чешских поэтов Восковца и Вериха «Гимн борьбы» (№ 169), «Палач и шут» (№ 176) и немецкого поэта-революционера Иоганнеса Бехера «Когда бы Гитлера не стало» (№ 185).

Все материалы, помещаемые в «Красной Армии» в 1941 г., были подчинены единой цели — укрепить веру бойцов в победоносный для Советского Союза исход войны, показать, что даже в самой тяжелой боевой обстановке дело решает смелость, быстрота, смекалка. Например, в рассказе «История одной раны» (№ 156) Голованивский показывает, как, благодаря догадливости и находчивости политрука одного из подразделений, была разгромлена колонна фашистов, замаскировавшихся под красноармейцев.

В середине июля в газете появляется раздел «Герои Отечественной войны», в котором, чаще всего в форме очерка, сообщается о боевых подвигах, совершенных бойцами и командирами фронта. О бойце-герое, взявшем в плен 20 гитлеровских солдат и двух офицеров, рассказывает в своем очерке «Красноармеец Саид Ибрагимов» Твар-

довский (№ 171). В очерке «Красноармеец Кузнецов» (№ 158) Кондратенко описывает подвиг бойца, который под вражеским обстрелом, на открытом тракторе вывел с поля боя четыре советских танка, подбитых фашистами. Эта же тема отражается во многих стихах, напечатанных в газете.

Верности присяге и воинскому долгу посвящено стихотворение Твардовского «Сержант Василий Мысенков» (№ 181). Полк попал в окружение. С донесением о его безвыходном положении Мысенков отправлен командиром в штаб. С огромными трудностями пробравшись через кольцо врагов, измученный, едва живой сержант выполняет приказ. И поэт, используя выразительные реалистические детали, говорит о том, каких огромных усилий, какого напряжения требует такой подвиг:

Да всё иначе на войне,
Чем думать мог любой.
И солью пота на спине
Проступит подвиг твой.

Щетиной жесткой бороды
Пробьется на щеке,
И кровью ног босых следы
Оставит на песке...

Часто целые газетные полосы отводились для материалов, освещающих боевые дела отдельных родов войск. Например, большая подборка Розенфельда «День на аэродроме» (№ 170) посвящена знаменитым «шевченковским летчикам» и их славному командиру, Герою Советского Союза Владимиру Илларионовичу Шевченко.

В каждом номере газеты звучали страстные и гневные голоса писателей-фронтовиков, полные гордости за героизм и душевную красоту русского человека.

В июле 1941 г. дважды орденоносная 99 дивизия обратилась через газету ко всем бойцам и командирам с призывом «удесятерить сокрушительный отпор гитлеровским захватчикам, умножить силу могучих ударов по ненавистному врагу». 30 июля на первой странице газеты под «шапкой»: «Будем бить врага так же ловко, так же искусно, как это делают бойцы славной 99 Краснознаменной» была напечатана «Песня 99 дивизии» Твардовского (№ 179).

23 ноября 1941 г. в газете опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза бойцам и командирам Красной Армии. В числе удостоенных этого звания — группа отважных летчиков части т. Забалуева, отличившихся мужеством, бесстрашием и необычайной дерзостью в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Михаил Розенфельд в большом очерке «Забалуевцы» (№ 296) рассказывает о боевых делах Героев Советского Союза капитана Фаткулина, старшего политрука Васильева, лейтенанта Бирюкова и других героев-летчиков.

Не раз газета призывала бойцов и командиров к повышению бдительности, рассказывая о коварных методах германской разведки. Иллюстрацией этому может служить рассказ Розенфельда «Необычайный шпион» (№ 309) о шпионе-лилипуте, под видом русского мальчика расхаживавшем в расположении наших войск.

Газета старалась держать бойцов фронта в курсе основных тем, освещаемых центральной печатью: в ней время от времени появлялись статьи из «Правды», «Красной звезды». В номере от 17 ноября 1941 г. перепечатана передовая статья «Правды» «Война в зимних условиях» (№ 289), а в следующем номере «Красной Армии», среди откликов на нее, помещено стихотворение Твардовского «Что русскому здорово, то немцу — гроб (зима на фронте)».

... Морозы русскому знакомы,
Зимует он в родных местах,
Он — у себя, он, русский, дома,
А дома лучше, чем «в гостях».

Мы с детства любим наши зимы,
Мороз силен, денек хорош.
Итак: что русскому терпимо,
То немцу — нож.

Газета использовалась писателями и как трибуна опыта пропагандистской, агитационной работы. Так, например, А. Довженко выступает на страницах «Красной Армии» со статьей «Мои индивидуальные беседы» (№ 322), в которой рассказывает о наиболее эффективных формах воспитания у бойцов смелости и мужества в бою.

С интересными очерками, статьями и рассказами, посвященными самым различным темам фронтовых будней, в «Красной Армии» почти ежедневно выступали ее корреспонденты Н. Выглазов, А. Гончарук, М. Нидзе, В. Шамша и др. Их корреспонденции, подчас написанные не менее художественно, чем произведения писателей, также играли немалую роль в приобретении газетой широкой популярности среди воинов.

В октябре — ноябре 1941 г. наступающие фашистские войска ценой огромного напряжения сил нашей армии были остановлены под Москвой. Это событие свидетельствовало о переломе, начавшемся в ходе войны: из рук противника была вырвана стратегическая инициатива. А в конце ноября, впервые за пять месяцев войны, наши войска нанесли крупное поражение противнику под Ростовом. «Красная Армия» посвящает этой победе большое количество материалов, в частности, печатает стихотворение Твардовского «Бойцу Южного фронта» (№ 307):

Ты поработал не задаром —
Настанет срок — народ-герой
Сметет врага с земли родной,
И слава первого удара —
Она навеки за тобой.

Наступление начинается на целом ряде участков фронта. Газетные полосы запестрели заголовками: «Гвардейцы теснят врага», «Сбитая спесь», «Наши войска заняли города Ливны и Ефремов». Раскрыв газету 22 декабря, бойцы прочли «Письмо боевому товарищу» Б. Палийчука (№ 324):

И вот — Ростов!
Раскат Московских гроз!
Все поняли, все знали: началось!
То самое, что видели во снах,
Чем были все в наш черный день согреты.
И даже раненые в госпиталях
В жару и муках бредили про это.
. . . . . .
Так, очевидно, было и у вас,
В лесу, где сосен синеваты тени,
Когда в землянки бурей ворвалась
Волнующая весть о наступленье.
Но велика еще, мой друг, война.
Нам доведется вынести немало...

И все же поэт уверен в нашей победе, в будущем полном разгроме врага:

Народ, который крепнет в дни боев,
Растет в борьбе, в лишениях мужает,
Такой народ всегда громит врагов,
Такой народ живет и побеждает!

Идет к концу 1941 год... Первые успешные контрудары под Москвой и Ростовом вдохнули новые силы в измотанные долгим отступлением советские войска. С каждой неделей растет их боевое мастерство; чувствуя поддержку всей страны, они начинают теснить врага:

Походные трубы играют тревогу,
Пылает в огне горизонт.
На запад, вперед пробивает дорогу
Родной Юго-Западный фронт... [2]

Вместе с фронтом на запад движется редакция газеты «Красная Армия».

ГРОМИЛКА

№ 1

30 ноября 1941 г. воскресенье

Еженедельное сатирическое приложение к фронтовой газете «Красная Армия»

Били, бьем и будем бить

Гвардейские дивизии Красной Армии имеют за собой славное прошлое. У них не менее славное будущее. (Из передовой «Правды»).

Под священные знамена
Шел сто тридцать лет назад
И гремил Наполеона
Русской гвардии солдат.

Эта слава не забыта
Ей во-веки не конец.
Нынче Гитлера-бандита
Славный русский бьет боец.

Смерть полкам орды злодейской!
Вражью нечисть истребить!
Лозунг наш и клич гвардейский:
Били, бьем и будем бить!

«ГРОМИЛКА»

Еженедельное сатирическое приложение к газете Юго-Западного фронта «Красная Армия»

30 ноября 1941 г., № 1

Первая страница

Собрание Б. Д. Палийчука, Киев

И в метелицу-пургу не давать заснуть врагу

(ИЗ БОЕВЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ КАЗАКА ИВАНА ГВОЗДЕВА)

1.

Вечер темен, вечер вьюжен.
Для атак весьма хорош.
Дед Мороз с Гвоздевым дружен,
И водой не разольешь.
В этот вечер дед как сплящет,
Как снегами заметет,
Аж сосна ветвями машет
Ветер песенки поет.

2.

И немецкого солдата
Гонит русская пурга
То ли в клуню, то ли в хату,
То ли в хлебные стога.
Немец печку топит к ночи,
А в трубе метель ревет
И недоброе пророчет —
Похоронную поет.

3.

А Гвоздев сказал ребятам:
Мой дружище дед Мороз
Разогнал врагов по хатам —
Круто немцу довелось.
Вы, друзья, коней седлайте
Автоматы проверяйте,
Мы и в матушку-пургу
Не дадим заснуть врагу!

4.

Завывает вьюга звонко.
Казака не слышен шаг.
Ты гори-пылай, хатенка.
Добрый вечер — гутен таг!
Немцы бросились спросонок
Из хатенки да на двор —
Кто в мундире, кто в кальсонах —
Наутек во весь опор.

5.

А ребята из засады
Как приторнули коней.
Губка славная, что надо.
— Бей фашистов, не жалей!
Обступили, окружили,
Немцев густо накрошили.
— Громче, вьюга, завывай,
Немцев снегом заметай!

6.

А Гвоздев Мороза лично
Повстречал и руку жмет:
— Вьюгу сделал «на отлично»,
Прямо скажем — первый сорт.
Благодарствую за службу
И скажу без лишних слов
Наша спойка, наша дружба —
Смерть-погибель для врагов

Этот номер «Громилки» составили писатели А. Твардовский и Б. Палийчук. Рисунки худ. Л. Каплана и П. Денисова.

Ответственный редактор
И. И. МЫШАНСКИЙ.

Адрес редакции: 35 полевая почта, редакция газеты «Красная Армия». Г—189147.

«ГРОМИЛКА»

Еженедельное сатирическое приложение к газете Юго-Западного фронта «Красная Армия»
30 ноября 1941 г., № 1

Последняя страница

Собрание Б. Д. Палийчука, Киев

Новый, 1942 год начался «при хороших перспективах», как сказал в своей новогодней речи М. И. Калинин. Врагу были нанесены первые поражения, мужала в боях армия, героически работала для фронта, для победы вся страна, о которой с гордостью и любовью думали солдаты на фронте в ночь под Новый год:

И тронув, может быть, усы,
Ты непременно вспомнишь
Тот миг, как ты достал часы
И увидал, что полночь.

И ты подумал о семье,
О дочке или сыне,
О всей своей родной семье,
О родине — России [3].

Основной задачей газеты в 1942 г. было воспитание наступательного порыва бойцов. Об этом пишет А. Довженко в корреспонденции «Бойцы рвутся вперед», где на примерах из личного опыта он показывает, «как важно вовремя довести до сознания бойцов замысел командира, всеми формами и средствами воспитывать у бойцов непрерывное стремление вперед» (№ 5).

С первыми частями Красной Армии писатели входили в освобождаемые от фашистов города и села и на страницах газеты спешили рассказать бойцам о страшных картинах разрушений и зверств, чинимых фашистскими захватчиками. А. Корнейчук, В. Василевская, М. Бажан пишут в очерке «Тим советский», посвященном освобождению городка Тима, Курской области: «...Нет ни одного целого стекла в окнах тимовских строений, висят на петлях сорванные двери, чернеют пробоинами взорванные стены. Груды кирпичей, рваные листы жести валяются на тех местах, где стояли дома. Большая площадь засыпана обломками взорванной немцами церкви. У разрушенного памятника Ленину, на центральном месте города белеют кресты немецкого военного кладбища...» (№ 3).

По-прежнему не сходит с газетных полос тема прославления подвигов героев фронта, служащая целям пропаганды мужества, стойкости, воинского мастерства. Торжественным гимном полковому знамени, прошедшему славный путь по дорогам гражданской войны, увлекающему на подвиг воинов в великой битве с фашистскими палачами, звучит «Песнь о знамени» М. Упеника (1942, № 2). О самоотверженности восемнадцатилетней девушки, санинструктора Нади Кутаевой пишет Твардовский (№ 92). Очерк о подвиге капитана Анатолия Лукьянова, таранившего немецкий самолет и оставшегося в живых, написан Долматовским (№ 58).

«Красная Армия» была активным пропагандистом передовых действенных приемов боя. Через газету к новому пополнению, прибывавшему на фронт, обращались бывалые бойцы, которые делились своим военным опытом, советовали молодым воинам смелее использовать появлявшуюся все в большем количестве отечественную боевую технику. Нередко такие советы бойцам давались в форме полушутливого рассказа или стихотворения. Например, популярный среди бойцов казак Иван Гвоздев, образ которого был первоначально создан Б. Палийчуком и А. Твардовским, говорит о новом противотанковом ружье (№ 41):

Бухнет в танк и — стоп машина, результаты налицо.
Танк горит. Ясна картина. Мировое ружьецо!

Противотанковое ружье завоевало большую популярность. «Шире соревнование расчетов противотанковых ружей!» (№ 55); «Громи, товарищ, танк немецкий огнем да сметкой молодецкой!» (№ 143),— призывали газетные «шапки», под которыми среди корреспонденций из районов боевых действий помещались очерки, рассказы, стихи писателей и поэтов. И, разумеется, газета сыграла не последнюю роль в том, что бойцы, в первые месяцы войны панически боявшиеся немецких танков, научились мастерски расправляться с ними.

22 июня 1942 г., в день годовщины войны, в газете была помещена большая статья Довженко «Я вижу победу». В этой статье, посвященной вступлению советских войск на территорию Украины, писатель в своеобразной патетической манере, присущей

ему, говорит об одном из источников силы Советской Армии — нерушимых узах дружбы наших народов. Он использует слова гоголевского Тараса Бульбы: «„Нет уз святее товарищества!“ Воин украинец! Брат мой! Посмотри, сколько товарищей пришло умирать за тебя, за матерь нашу Украину. Сколько братьев пришло из России, Казахстана, Узбекистана, Грузии, Армении, Азербайджана!.. Я вижу победу. Зверя-грабителя поборет человек-товарищ» (№ 172).

Однако до настоящей, прочной победы было еще далеко. Летом 1942 г. немецко-фашистским захватчикам удалось прорваться в излучину Дона. В течение нескольких месяцев в этом районе шли ожесточенные бои. Враг не жалел ничего, чтобы овладеть Сталинградом, отрезать страну от Кубани и Северного Кавказа, прорваться к Волге и, наступая дальше на север, ударить по Москве с тыла. В районе Дона и Волги началась одна из величайших битв второй мировой войны.

С 17 июля по 18 ноября 1942 г. советские войска обороняли город на Волге от фашистских полчищ, намного превосходивших их в технике и в численности войск. Ценой невероятных трудностей бойцам приходилось отстаивать каждый клочок своей земли.

В напряженные дни оборонительных сражений «Красная Армия», с 12 июля 1942 г. ставшая газетой созданного в этот день Сталинградского фронта, стремилась донести до каждого воина огромное значение происходящего. На ее страницах перепечатываются произведения Серафимовича, Толстого, Эренбурга, пронизанные мыслью о том, что именно здесь, на Дону и Волге, в большой мере решается судьба Родины. «Красная Армия» помещает статью Александра Серафимовича «Отстоим Дон и Волгу! Отстоим Русь-матушку!», полную веры в победу (№ 205). Писатель говорит, что первые поражения немцев под Ростовом и Москвой должны вселить в бойцов уверенность в победе на Дону и Волге.

«...То же самое будет и теперь! Будет! Должно быть!

Немцы идут ва-банк. Они несчетно кладут свои полки и подходят к Дону. Несомненно, здесь повторится то же самое. Натиск немецких орд разобьется о две грозные для них линии — донскую и волжскую. Порукой этому являются и водные рубежи, выгодные для обороны, и подготовленность нашего командования к обороне в этом месте, и то, наконец, что за время этого наступления враг уже понес огромные потери в людях и технике. Но самым главным залогом успеха является дух героической Красной Армии, отстаивающей родную землю и уверенной в победе над фашистскими разбойниками. 〈...〉

В бой, товарищи! Победа будет за нами!»

Другая статья А. Серафимовича «К оружию, донцы! Смерть немцам!» (№ 209) призывает всех славных сынов социалистической Родины к оружию, к мщению фашистским палачам.

5 августа 1942 г. в газете напечатана статья Алексея Толстого «Ни шагу назад», опубликованная в «Правде» от 3 августа. Писатель призывает: «Сейчас и не позже, в эти дни, сегодня, каждый воин Красной Армии должен сказать своей совести: Стой! Ни шагу назад! Стой, русский человек, врасти ногами в родную землю! 〈...〉 Больше нельзя оглядываться на наши необъятные просторы и думать, что у нас еще очень много земли, куда можно попятиться, собираясь с силами. Силы собраны. Взор во взор,— пусть немец опустит глаза, в которых ужасом мелькнет тень смерти. Немцев должно остановить. Перед силой русского оружия упадут фашистские знамена» (№ 216).

Железную стойкость, беспримерный героизм проявляли в эти трудные дни тысячи советских воинов. О четверке бронебойщиков — П. Болото, И. Алейникове, Ф. Беликове и Самойлове, — совершивших героический подвиг в районе Клетской, писала в те дни центральная печать. Е. Долматовский посвящает им стихотворение «Курган» (№ 230):

Об их отваге боевой
В сказаньях говорится.
Их было четверо всего,
А танков было тридцать,
Но танки повернули вспять,

Сгорела половина.
Вот так сражаться, так стоять,
Отбить врагов лавину!
И мы развеем ураган,
Бессмертные, живые.
. . . . . .
Стоит в степи седой курган,
Незыблем, как Россия.

24 августа, в районе Большой Россошки, немецкий отряд окружил высоту, которую обороняли 33 советских бронебойщика. «Кто забудет о тридцати трех? — пишет в своей статье „Сталинград" И. Эренбург.— На них шли 70 немецких танков. Тридцать три не дрогнули. Они уничтожили танки пулями, гранатами, бутылками. Они уничтожили 27 танков. Их было 33 человека с простыми русскими именами: Евстифеев, Стрелков, Хомичев, Ковалев. Еще раз русское сердце оказалось крепче железа... Враг еще не знает, на что способен русский человек, когда он защищает свою землю» (№ 250).

В эти ответственнейшие дни газета призывала беспощадно и безжалостно бороться с паникерами, трусами, считая их злейшими врагами:

А тот, кто захочет укрыться в сторонке,
И бой, как грозу, переждать —
Тот враг. Ты пошли ему пулю вдогонку.
Так требует Родина-мать... [4]

«...У нас не может быть счастья вне свободы Родины, и потому, отстаивая свою землю, мы отстаиваем свое счастье,— говорит С. Голованивский.— Тот, кто забыл об этом, обречен, тот, кто в трудную минуту подумал о своей шкуре, а не о торжестве своей Родины, тот обязательно обретет позорный конец» [5]. Рассказ Довженко «Отступник», помещенный в «Красной Армии» 20 мая 1942 г., 11 июня был перепечатан в «Красной звезде» и затем издан отдельной листовкой.

В сентябре 1942 г. враг прорвался в город на Волге. Начались бои за каждый дом, за каждый метр земли. Кровопролитные сражения на улицах и площадях города не затихали ни днем, ни ночью.

За 125 дней оборонительных сражений Коммунистическая партия и Верховное Главнокомандование сумели подготовить соединения Красной Армии, действовавшие под Сталинградом, к мощному наступлению, начавшемуся 19 ноября 1942 г. В этот день начался второй этап великой битвы на Волге — период отступления фашистских полчищ, жестокое сопротивление которых уже не могло остановить советские войска. 2 февраля 1943 г. войска противника под Сталинградом были окончательно разгромлены.

Еще в грядущем — битва не одна.
А там: победа — лучшая награда.
Но здесь была отчизна спасена,
Вот здесь, на черных глыбах Сталинграда.
. . . . . .
Он сохранится в памяти времен,
Как солнце вечный, непокорный годам.
Он, как святыня, будет сохранен
В пример вождям, героям и народам [6],

Весна 1943 г., вторая военная весна, не была ознаменована значительными событиями: «...на фронтах существенных изменений не произошло»,— сообщали почти ежедневно сводки Совинформбюро.

На пороге больших сражений в повседневной фронтовой жизни воины совершенствовали боевое мастерство, готовились к новым наступательным боям.

Еще победа не близка,
Дорога к ней трудна,
Но в гранях русского штыка
Она отражена.

И каждый за родимый дом
Так должен воевать,
Чтоб вспомнить было бы о чем
И детям рассказать [7].

5 июля 1943 г. немецкие войска начали наступление на Белгородско-Курском направлении, бросив на этот участок фронта громадное количество наземных войск и авиации.

В тот жаркий день в разгаре лета
Не пустяковый грянул бой.
Такие битвы, как ни есть,
По пальцам можно перечесть[8].

Статьи, корреспонденции, очерки в газете в эти дни подчинены задаче освещения хода и опыта контрнаступательных операций, прославлению подвигов, совершаемых ежечасно советскими воинами. «Огонь на меня!» — кричит в телефонную трубку наблюдатель, и поэт откликается на этот подвиг стихами [9].

Героическому подвигу советских воинов, отразивших натиск фашистских войск на маленькую станцию «между Курском и Орлом», Долматовский посвящает поэму «Поныри» (№ 187) и появившуюся в газете много позднее корреспонденцию «Памятник близ Понырей» (№ 285).

Курская битва надолго сохранилась в памяти воинов и народа как одно из грандиознейших сражений Великой Отечественной войны. Уже за рубежами нашей Родины, в 1944 г. в «Красной Армии» была напечатана поэма, посвященная ей:

Сияй и славься многие века,
Будь вечной гордостью моей Державы,
Заря победы — Курская дуга,
Страница нашей доблести и славы [10].

«ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ»
Сборник военных стихов А. Т. Твардовского. М., «Молодая гвардия», 1942
Обложка. Рисунок Н. П. Борисовой

В конце июля 1943 г. грандиозная битва, потребовавшая колоссального напряжения сил нашей армии, продолжалась на орловском направлении.

Но битва, что сейчас грохочет под Орлом,
Похлеще всех боев, что мы видали с вами.
Какими передать железными словами
Ее немолчный рев, неугомонный гром!

Дрожит, гудит земля на площади стоверстной,
Косой, свинцовый дождь, свистя, траву сечет,
Скрежещет сталь о сталь, упорство — об упорство
И на застывшую — кровь свежая течет...

И как ни тяжек бой, но мы тесним врагов... [11]

5 августа после долгих упорных боев Орел был освобожден... Страшная картина предстала перед глазами бойцов, вошедших в город, совсем недавно «стройный и высокий»:

Садов разбитые ограды...
Изрытый бомбами подзол...
Дома свалились друг на дружку...
В воронке — ржавая вода,
На столб, как будто на катушку,
Понамотало провода... [12].

Осенью 1943 г. каждый день в сводках Совинформбюро появлялись названия новых и новых городов, районных центров, деревень, освобождаемых Красной Армией. Фронт движется на запад. Каждый шаг наших бойцов находит отклик на страницах фронтовой газеты.

В сентябре в «Красной Армии» начинает печататься серия очерков Е. Долматовского под общим заглавием «По освобожденным городам Украины», в которых писатель рассказывает о вступлении наших войск в города Середина-Буда, Глухов, Севск, Чернигов и др. Еще задолго до подхода наших войск к Днепру в газете начали появляться статьи, в которых об опыте форсирования водных преград рассказывали пехотинцы, танкисты, понтонеры. Подборки и фотографии в нескольких номерах газет посвящены подвигу подразделений, первыми форсировавших Днепр. Массовый героизм советских воинов при переправе через Днепр был отмечен правительством: сотни бойцов и командиров удостоились высокого звания Героя Советского Союза. После закрепления Днепровского плацдарма советские полки снова устремились вперед: их ждала истерзанная Белоруссия.

«...к нам взывают женщины, нас ждут дома и хаты. Жить хочет замученная Белоруссия. Она шепчет: „Скорей". Мы слышим и мы идем» [13].

И бойцы шли... Шли через реки, леса и болота Полесья, освобождая город за городом, деревню за деревней.

Победы, одержанные нашими войсками на Волге, под Курском, на Днепре, стоили колоссального напряжения сил бойцам, командирам и политработникам Красной Армии. В чрезвычайно тяжелых условиях в этот период незатихающих боев приходилось работать и редакции фронтовой газеты. Вспоминая военные годы, об одном эпизоде ее боевой летописи рассказывает Е. Долматовский: «Много потерь понесла редакция в годы войны, но самая тяжелая потеря пришла в октябре 1943 г. Поезд стоял на окраине города Конотопа: два вагона редакции, вагоны с печатными машинами, теплушки с бумагой. Фашистские разведчики особенно настойчиво охотились за этим составом и лунной ночью коварно расправились с ним.

На бреющем полете фашистские истребители обстреливали вагоны зажигательными пулями, обливали термитной жидкостью ⟨...⟩ Отчаянно отстаивали газетчики свою редакцию, но состав пылал, и меньше чем за час белое пламя уничтожило большинство вагонов. Лишь несколько раненых удалось вытащить из огня ⟨...⟩

Более половины состава редакции выбыло из строя. Погибла техника.

Но читатель газеты не узнал об этом несчастье. Газета выходила, газета жила. Я представляю себе, в какой ярости были враги. Они уж наверное думали, что убили газету, а она вновь возникла из пепла, как боец, как знамя» [14].

После жестоких боев враг выбит из разрушенного Гомеля. «Красная Армия» на первой странице помещает стихотворение белорусского поэта Пимена Панченко «Гомель» (перевод Е. Мозолькова, № 271), в котором выражается уверенность в том, что в недалеком будущем в городе опять

Станут зданья светлы, высоки —
Гомель вырастет новый!

Осталась позади река Березина, овеянная боевой славой предков.

Здесь по крутому берегу реки
Несли к победе старые знамена
Гвардейские гусарские полки —
Питомцы славного Багратиона...

Верные боевым традициям русского воинства советские солдаты громили врага в местах, где громил их «седой Кутузов» в памятном 1812 г. Отсюда «Багратионы наших дней» ведут их «к подвигам и славе» (№ 273).

Впереди — Минск. Новая задача стоит перед бойцами: «Воин Белорусского фронта! — обращается газета к бойцам.— За лесами и болотами стоит город Минск, который мы должны освободить. К Минску! Спасем его жителей, переносящих сейчас нечеловеческие страдания!» (№ 297).

На белорусской земле огромную помощь советским воинам оказывали партизаны, действовавшие в немецком тылу, нередко вступавшие во взаимодействие с регулярными частями Красной Армии. Это — либо партизанские соединения, бригады и отряды, либо люди, действующие по заданию партии небольшими группами и в одиночку.

Об одном таком герое-партизане Николае Крючкове рассказывает в своем очерке «Человек в шляпе» Б. Палийчук (№ 282).

В 1944 г. перед Советской Армией встала новая задача: изгнать фашистских захватчиков с советской территории, разгромить фашистского зверя в его логове и освободить свободолюбивые народы Европы от фашизма.

26 марта 1944 г. войска 2 Украинского фронта достигли государственной границы на реке Прут. 29 марта «Красная Армия» (№ 77) перепечатала на первой странице стихотворение Демьяна Бедного «Граница Родины», первоначально опубликованное в «Красной звезде»:

«От имени всей Родины Москва... »
Эфир прорезали, как молния, слова
И громовой салют столицы
В честь наших доблестных бойцов-богатырей,
Достигших — всей грозой полков и батарей—
До государственной границы.
Граница Родины ... фашистское зверье
Разбойным образом метнулось на нее,
Одним ударом нас пытаясь «оглоушить».
Но мы зачинщиков громили искони,
И немцы проклянут те дни,
Когда решилися они
Границу русскую нарушить!

На территории Белоруссии враг отстаивал каждую пядь земли с особенным упорством: отсюда шел «самый короткий в Германию путь». Путь этот был нелегким из-за непроходимых полесских болот. Никогда не забудет страна, как наши бойцы

Брали победу в жестоком бою.
Как по болоту тащили мы пушки,
В синие реки спускали плоты,
Как из жердей мастерили подушки
Для минометной опорной плиты [15].

Но войска 1 Прибалтийского, 1, 2 и 3 Белорусских фронтов, в конце июня 1944 г. перешедшие в наступление сразу на большой территории, в течение нескольких недель освободили многие белорусские города: Витебск, Жлобин, Орша,

Могилев, Бобруйск радостно встречали наших воинов. 3 июля фашисты выбиты из Минска. Освобожденная белорусская земля словами поэта говорит «бойцам своих фронтов»:

Спасибо вам, мои друзья,
За то, что вы пришли ко мне,
Три года изнывала я,
Три года провела в огне...

Страшные времена не сломили упорства белорусского народа. Борясь с поработителями, они верили, ждали прихода своей армии. И вот:

Бобруйск и Слуцк, и Могилев
Вернулись в прежнюю семью,
Идут бойцы моих фронтов,
Свободу мне несут в бою.
И Минск отчизне возвращен,
Он прожил страшные года —
Неволя, словно страшный сон,
От нас уходит навсегда... [16]

В 1944 г. советские войска освободили от фашистской оккупации всю Советскую землю. Наша доблестная армия вступила на территорию Болгарии, Польши, Венгрии, Югославии, Румынии, Чехословакии, Германии как армия-освободительница, призванная помочь народам Европы в их борьбе за освобождение от фашистского ига.

В этот период перед фронтовой печатью встали новые задачи. Важно было, чтобы каждый боец понимал благородную роль воина-освободителя, высоко держал его честь за рубежом. Нужно было разъяснить бойцам их долг в этой новой для них обстановке. Каждый боец должен был гуманно относиться к гражданскому населению и быть достойным представителем нашей страны.

Б. Палийчук, один из первых писателей, отразивший эту тему, пишет полное гордости за свою великую Отчизну и ее солдат стихотворение «Я — солдат Советского Союза» (№ 181):

Я перешагнул черту границы
В грозных бурях дыма и огня.
К черным стенам вражеской столицы
Посылает Родина меня.
Не спасет врага его берлога,
Я несу фашизму смертный час.
Я исполню по-солдатски строго
Моего Правительства приказ.
Возвращая радость человечью
В беспримерном пламенном бою,
Слышу я: своей певучей речью
Славит Польша Родину мою.
Мне цветы подносит здешний житель,
Дружеской улыбки не тая,
Я иду, твой сын и представитель,
Родина великая моя.
. . . . . .
Знаю я: за гранью рубежей
По моим делам, моим поступкам
Судит мир о Родине моей.
Я клянусь тебе, моя Отчизна,
Что в огне, в пороховом дыму
Ты не скажешь слова укоризны
Воину и сыну твоему.
Эту гордость сохраню повсюду
На дорогах памятной войны.
Где бы ни был, я достойным буду
Представителем моей страны.

14 сентября войска 1 Белорусского фронта овладели Прагой — предместьем Варшавы, важным пунктом обороны немцев на восточном берегу Вислы. Целая полоса в газете отводится документальному очерку Е. Долматовского и П. Гамарника «Басти-

15 сентября 1944 года. КРАСНАЯ АРМИЯ 3

Рис. худ. П. Денисова.

Герои уличных схваток

(НАШ ИОРР.)

БОИ ЗА ПРАГУ

(От нашего спец. корреспондента)

Путь на Берлин

Увенчалась победой атака.
Мы идем через трупы врагов.
Вот она, неприступная Прага,
За двойной полосою фортов.
По рукам вероломных предателей
Мчатся танки, фашистов круша.
Неприступность священного места
И поганскую свободу дыша.
Мы умножим знамен своих славу.
Будет нам пышностный дождь.
На Варшаву, друзья, на Варшаву,
В битву каждое сердце летит.
В дни побед ярче солнце нам светит.
Свежим воздухом дышится грудь.
На Варшаву! За городом этим
На Берлин открывается путь.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ.

Варшава ждет!

«КРАСНАЯ АРМИЯ»
Газета 1 Белорусского фронта. 15 сентября 1944 г., № 217
Страница, посвященная боям за Варшаву (фрагмент)

он на Висле пал». Авторы подробно рассказывают о ходе боев за Прагу, о совместных действиях советских и польских войск. «Много дней и ночей без сна и покоя, под яростным огнем штурмовали они эту крепость. Каждый вечер заходило солнце, но на западе небо оставалось красным — горела Прага. Солдаты двух славянских армий навеки скрепили свою дружбу боем за крепость и славной сегодняшней победой» (№ 217).

В 1944—1945 гг. враг, чувствуя свой близкий конец, но не желая сдаваться, сопротивлялся еще ожесточеннее, еще упорнее. Бойцы Красной Армии должны были проявлять в каждом бою максимум мастерства и боевой выучки. Все наиболее ценное из боевого опыта необходимо было изучать и широко пропагандировать. Пропаганда боевого опыта, доведение его до каждого бойца в этот период стали основной задачей газеты.

Самой популярной формой пропаганды боевого опыта были помещаемые редакцией с марта 1944 г. и до конца войны «Солдатские беседы»: «Как в лесу наступать (Беседа гвардии красноармейца Никиты Коломейца)» (№ 76); «О лесе, о болоте, о нашем миномете (Шесть золотых правил минометчик Кузьма Запевалов составил)» (№ 72); «О снайперской закалке, хитрости и смекалке (Вопросы и ответы, мысли и советы снайпера Василия Боброва)» (№ 83).

Солдатские беседы в основном написаны Борисом Палийчуком. Используя пословицы и поговорки, автор дает разные советы бойцам: «...Держи в чистоте и в порядке—

не откажет оружие в схватке, ни в горе, ни в беде, не подведет нигде...» (1945, № 5). «Егор Булат — старый солдат» учит мастерству молодых разведчиков: «Если выучка высока, не вернешься без языка» (№ 110). Все нужные, полезные советы бойцу бывалый воин-рассказчик стремится сделать достоянием многих. Вот как заканчивается одна из таких бесед: «...прочел эту беседу молодому соседу, дополни примером из опыта личного, боевого, привычного, всё расскажи, что памятно, чтоб каждый сражался отважно и грамотно...» (1945, № 5). Такая форма подачи материала делала его особенно интересным, доходчивым, легче запоминающимся.

Помещая художественные произведения о наиболее значительных сражениях Великой Отечественной войны, газета воспитывала молодых воинов на боевых традициях, учила их военному мастерству. Особенно часто «Красная Армия» печатала очерки, стихи писателей о битве на Волге. Это и понятно, так как многие воины 1 Белорусского фронта были непосредственными участниками этих событий.

1 февраля 1944 г., к годовщине разгрома фашистских орд на Волге, газета помещает стихи А. Суркова «Защитник Сталинграда» (№ 28) — о стойком, упрямом, «железном» русском солдате, вынесшем огромные трудности, но стоявшем насмерть при защите города:

Грозно катился в кровавой мгле
Сотой атаки вал.
Злой и упрямый, по грудь в земле,
Насмерть солдат стоял.
Знал он, что нет дороги назад —
Он защищал Сталинград.
. . . . . .
Время придет — рассеется дым,
Смолкнет военный гром.
Шапки снимая при встрече с ним,
Скажет народ о нем:
— Это железный русский солдат —
Он защищал Сталинград.

Обращаясь к бойцам — участникам битвы на Волге, призывая их следовать боевым традициям фронта, Б. Палийчук говорит в стихотворении «Второе февраля» (№ 29):

Бессмертен светлый день второго февраля,
Когда могучий гром военной нашей славы,
Врага сшибая с ног и друга окрыля,
Потряс народы и державы.

. . . . . .

Когда мы победим, легко вздохнет земля,
То с тем грядущим днем сурово и весомо
Поставят рядом день второго февраля —
Великой датой Перелома.

И будет нам с тобой она вдвойне близка.
Нам слава февраля принадлежит по праву.
Мы — бывший фронт Донской — те самые войска,
Что добывали эту славу.

Участник февраля! Вбивай железный клин,
Круши, ломай валы немецкой обороны!
Нам Сталинград велит — на запад, на Берлин
Несть Сталинградские знамена!

По мере освобождения Советской Армией территории Советского Союза и европейских стран раскрывались чудовищные преступления фашистских извергов, документы о которых помещались в газете.

18 мая 1944 г. «Красная Армия» напечатала Сообщение Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. И как отклик на него в газете публикуются статьи, стихи и очерки писателей, призывающие к возмездию.

«Земля, родная наша земля!.. Ты еще не нашла слова, которое до конца заклеймило бы этих палачей. Ты найдешь его, и оно станет проклятием в веках...» — страстно говорит Ф. Панферов в очерке «Изверг» (№ 97), рассказывающем о расправе над населением белорусской деревушки Городец, заживо сожженным в сарае. Е. Долматовский в стихотворении «Жизнь и смерть» призывает бойцов (№ 78):

Товарищ! Если хочешь жить,
Чтоб жизнь везде торжествовала,
Ты должен злую смерть убить,
Убить во что бы то ни стало.

Но в то же время газетные материалы предостерегают советских воинов от слепой мести. Бойцы великой Советской страны должны быть суровы и справедливы, беспощадны к врагам и снисходительны к побежденному народу. Этой мыслью проникнут очерк И. Эренбурга «Рыцари справедливости» (1945, № 68), где писатель приводит предсмертное письмо советского офицера Бориса Антоновича Курилко, погибшего на немецкой земле в бою за честь и свободу Родины: «...Огонь ненависти поддерживал нас в самые тяжелые дни. Теперь мы в Германии. Наша ненависть ведет нас к Берлину. Немцы думают, что мы будем делать на их земле то, что они делали на нашей. Эти палачи не могут понять величие советского воина. Мы будем суровы, но справедливы, и никогда, никогда наши люди не унизят себя...»

Первые дни зимнего наступления 1945 г. ознаменованы большим событием: 17 января войска 1 Белорусского фронта освободили Варшаву. Воины фронта ликовали вместе с жителями польской столицы. «Мы принесли дружественному польскому народу свободу от цепей немецкого рабства»,— под такой «шапкой» собран в газете материал об освобождении Варшавы (№ 15).

В докладной записке по газете «Красная Армия» начальнику управления агитации и пропаганды ГлавПУРККА генерал-лейтенанту Шикину отмечалось, что «...в первые дни наступления редакция сумела оперативно дать материалы и фотоснимки о взятии Варшавы, поднять вопрос о подвижных группах, о взаимодействии пехотинцев с артиллерией и танками, дать зарисовки о летчиках и т. д. Однако дальнейшее развитие наступательных операций поставило редакцию в очень тяжелые условия. Поезд-редакция находился в это время в Праге и двигаться вперед не мог, так как через Вислу был взорван мост. Это затрудняло как поступление материалов от корреспондентов, так и саму доставку газеты в часть...» [17].

Но газета продолжала выходить регулярно, помещая на своих страницах статьи об опыте партийно-политической, воспитательной работы, продолжая готовить воинов к последним завершающим боям. Особенно часто в это время выступает в газете Е. Долматовский, корреспонденции и стихи которого теперь в основном посвящены подготовке и проведению операции по взятию Берлина: «У нас на Берлин маршрут» (№ 33), «Встречи на Берлинской дороге» (№ 39), «По Берлину огонь» (№ 96) — вот заголовки некоторых его стихов и очерков в те дни.

Нашла в это время отражение в «Красной Армии» и тема небывало прочной связи фронта и тыла. В том, что наши войска, оправившись от поражений первых месяцев войны, наносили гитлеровцам удар за ударом, была огромная заслуга и советских людей, работавших для дела победы в тылу страны.

Среди очерков, рассказов и стихов, посвященных труженикам тыла,— небольшое стихотворение Долматовского «Бойцам фронтового тыла» (№ 31). Только благодаря оружию, данному страной, наши воины дошли до границы, перешагнули ее, изгнали врага из пределов родной земли. Обращаясь со словами благодарности к советским труженикам, он говорит:

Работники тыла! От вашей работы
Зависит успех боевой —
Удары танкистов, движенье пехоты.
Вы с нами — на передовой.

Приближался долгожданный час окончательного разгрома фашистских войск. Страницы «Красной Армии» пестрят призывами-заголовками: «Наши пушки гремят на Одере. Они будут греметь и в столице Германии» (№ 36); «Ты ворвался, воин, в Берлин, и ты должен его взять!» (№ 97).

2 мая 1945 г. ... «Берлин взят!» — так называется большой очерк Долматовского, в котором писатель говорит о значении этого великого события. «...Одиннадцать дней и ночей шла битва в Берлине. Берлинская битва была исключительно тяжелой и напряженной. Немцы обороняли каждую улицу, каждый дом, каждую квартиру, каждую комнату с небывалым упорством, но железное кольцо советских войск сжималось неуклонно и неумолимо. И вот второго мая в Берлине стало необычайно тихо. Берлин пал...» Советский боец «на своем штыке принес миру самую радостную, долгожданную прекрасную весть...» (№ 105). Сибирской дивизии, за героизм в Берлинской операции получившей наименование «Берлинской», посвящает поэт «Песню Берлинской дивизии» (№ 109).

9 мая писатель, присутствовавший при подписании акта капитуляции Германии, рассказывает об этом событии в корреспонденции «Исторический день» (№ 111).

В большинстве номеров каждой газеты отводилось место отделу сатиры и юмора, пользовавшемуся большой популярностью у бойцов.

В первые мрачные дни войны, в тяжелые дни начавшегося отступления, когда бойцы избегали смотреть в глаза друг другу, боясь прочесть в них тревогу и растерянность, сотрудники редакции «Красной Армии» находили в себе силы ежедневно давать в газету материал сатирического и юмористического содержания. Вначале это отдельные стихи и небольшие рассказы (например, «Фронтовые частушки» А. Безыменского — 1941, № 153), с середины июля объединяемые в раздел «Прямой наводкой», появлением которого газета обязана А. Твардовскому, Б. Палийчуку, А. Безыменскому, В. Кондратенко, С. Голованивскому, А. Малышко, художникам А. Резниченко, П. Денисову и Л. Каплану. Иногда к участию в нем привлекались и писатели, не состоявшие в штате редакции. Так, например, для номера газеты, вышедшего 31 декабря 1942 г., отдел «Прямой наводкой» составили сотрудники «Крокодила» Г. Рыклин и др. (1942, № 364).

Главной задачей этого раздела было разоблачение в сатирической, карикатурной форме мифа о военном гении Гитлера, о непобедимости фашистской армии (№ 158):

Но стоять — хоть в строчке — вместе
С тем, кто был Наполеон,
Слишком много было б чести
Для того, кто нынче «он».

Лишь одной судьбы примета
Имена их породнит:
Тот был крепко бит, а этот
Просто насмерть будет бит.

Героем многих сатирических стихов и рисунков в разделе «Прямой наводкой» был уже упоминавшийся нами казак Иван Гвоздев, прибывший «на фронт от донских берегов»,— обобщенный образ находчивого, смелого советского бойца. Как уже говорилось ранее, образ этот явился результатом коллективной работы А. Твардовского и Б. Палийчука, а когда в 1942 г. А. Твардовский был переведен на Западный фронт, в редакцию газеты «Красноармейская правда», «Ивана Гвоздева» в газете продолжал вести Б. Палийчук в содружестве с художником Л. Капланом. О большом значении этого образа говорилось на открытом партийном собрании в редакции 2 марта 1942 г., когда Палийчука принимали в ряды Коммунистической партии [18]. «Иван Гвоздев занял прочное место в газете. Он ходил в разведку и отбивал атаки врага, отправлялся в ночной поиск и в рейд по тылам противника, веселил товарищей на привалах и показывал образцы храбрости в бою» [19]. Иван Гвоздев дает советы бойцам как «крепче бить фашистского бандита» (1941, № 172), весело смеется над незадачливым Мишей Мотор-

«ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ»

Сатирический отдел
газеты Юго-Западного фронта
«Красная Армия»,
18 октября 1941 г., № 259

Стихотворный фельетон А. Т. Твардовского «Что такое сабантуй» был положен в основу одной из глав поэмы «Василий Теркин» («На привале»)

Прямой наводкой

ЧТО ТАКОЕ „САБАНТУЙ"

(Из бесед казака Ивана Гвоздева с бойцами, прибывшими на фронт)

Тем, кто прибыл с немцем драться,
Надо, как там ни толкуй, —
Между прочим разобраться:
Что такое «Сабантуй».
Я хоть вкратце вам, ребята,
Освещу вопрос сейчас,
Потому, что сам когда-то
Был на фронте в первый раз.
Мы, понятно, попривыкли,
И спокоен наш народ,
Если немец мотоциклы
С треском выпустит вперед.
Пусть стрекочут автоматы,
Как ты, немец, не плутуй, —
Говорят у нас ребята:
— Это просто «Сабантуй».
Это просто—стук да грохот,
Вражья тактика проста:
Побежишь—так будет плохо,
Полежишь — так ни черта.
Притаишься у дороги, —
Бей по цели, полосуй.
И увидишь, что в итоге
Будет немцу «Сабантуй».
Если скрытым продвиженьем,
С фланга, где-нибудь в глуши,
Враг готовит «окруженье». —
Ты пугаться не спеши.
Враг тебя на хитрость ловит,
Он вступать не хочет в бой,
Вероятно, он готовит
«Сабантуй» очередной
Выжди время без тревоги
Враг плутует — сам слплутуй,
И увидишь, что в итоге
Будет немцу «Сабантуй».
Если немец стихнул будто —
Притаился, — будь умен:
Это, значит, ждет минуты,
«Сабантуй» готовит он.
Сам ползи к его берлоге,
Он лютует—сам лютуй,
И увидишь, что в итоге
Будет немцу «Сабантуй».
В заключенье скажем снова:
Что такое «Сабантуй?..»
«Сабантуй» такое слово,
Что как хочешь — так толкуй.
Но по-своему толкуя,
Важно вот что повторить:
Не бояться «Сабантуя»...
Самому его творить!

Отдел «Прямой наводкой» составляли А. Твардовский, Е. Пилявчук. Рисунок художника Л. Каплана.

киным, принявшим за вражескую армию стадо коров, стыдит нерадивых бойцов и паникеров (1941, № 170), которые

Кричат порой: нас окружают
и с тыла враг огонь ведет!
А что окажется? Стреляет
один паршивый пулемет.
Хитра, как щука, вражья свора.
И ухо востро надо с ней.
У них расчет на паникеров,
на незадачливых людей.

Очень скоро после своего появления на страницах «Красной Армии» Иван Гвоздев стал широко популярен среди воинов фронта — подобно тому, как это получилось несколько позднее, в газете Западного фронта «Красноармейская правда», с Василием Теркиным А. Твардовского. В разделе «Прямой наводкой» в октябре 1941 г. (№ 259) был напечатан стихотворный фельетон А. Твардовского «Что такое „сабантуй" (из бесед казака Ивана Гвоздева с бойцами, прибывшими на фронт)», который послужил впоследствии как бы черновиком к главе «Василия Теркина», озаглавленной «На привале» [20].

«ИВАН ГВОЗДЕВ НА ФРОНТЕ»
Сборник стихотворных фельетонов Б.Д.Палийчука и А. Т. Твардовского, печатавшихся на страницах газеты «Красная Армия». Изд. газеты «Красная Армия». Юго-Западный фронт, 1941 ‹Киев›
Обложка
Собрание Б. Д. Палийчука, Киев

Под общим заголовком «Из боевой жизни Ивана Гвоздева» в разделе «Прямой наводкой», а позднее в самостоятельном разделе «Думки боевые казака донского Ивана Гвоздева», помещаются стихотворные рассказы и советы этого бывалого воина:

Бить — рубить побольше фрицев —
Дело, брат, полезное.
Сердце крепче закалится,
Станет, как железное!..

(1942, № 147)

Если трудно, если туго —
Выручай в бою друг друга!

(1943, № 106)

Еще летом 1941 г. редакция подготовила и выпустила сборник Б. Палийчука и А. Твардовского «Иван Гвоздев на фронте». Тираж этой брошюры, напечатанной в Киеве, почти полностью погиб в связи с оставлением нашими войсками столицы Украины. В 1942 г. эта же брошюра (в несколько измененном составе) была издана вновь Политуправлением Юго-Западного фронта.

Поэты-юмористы старались и шутливые стихи направлять на пропаганду боевого опыта, на воспитание ненависти к врагам. А когда командование приняло решение об использовании трофейного вооружения, Палийчук заводит «Разговор нешутейный о машине трофейной, или о том речь, чтоб трофеи беречь» (1943, № 26), в котором утверждает,

Что трофейное добро
Нашей армии поможет
Немца двинуть под ребро.

В 1944—1945 гг. в разделе «Прямой наводкой» главным образом высмеивались немецкие «вояки», удиравшие «восвояси» с территории нашей страны, немецкое «оберкомандование», потерпевшее полный крах в своих захватнических планах: «О генерале Оттепель» (1944, № 71); «Почти по Пушкину» (1944, № 73).

В течение всех военных лет раздел «Прямой наводкой» с большим интересом читался воинами: «...Все наши бойцы любят сатирический отдел „Прямой наводкой" и просят, чтобы он чаще появлялся на страницах газеты» (1944, № 73),— писал майор М. Максим в заметке, помещенной в юбилейном номере газеты [21].

Значение газеты в боевой обстановке трудно переоценить: веру в победу, мужество, ненависть к врагам воспитывала она у бойцов всеми доступными ей способами.

24 марта 1944 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении газеты Первого Белорусского фронта «Красная Армия» орденом Красного Знамени «в ознаменование 25-й годовщины и за успешную работу по военному, политическому и культурному воспитанию личного состава войск фронта...» В этот день редакцию газеты с 25-летним юбилеем и высокой правительственной наградой поздравили М. И. Калинин, Военный Совет и Политическое управление 1 Белорусского фронта.

В номере, посвященном награждению газеты (1944, № 73), под «шапкой»: «25 лет на боевом посту» был опубликован ряд поздравительных писем бойцов и командиров, в которых они с большой теплотой и благодарностью отзывались о «Красной Армии», называя ее своей «любимой боевой газетой», «острым оружием в борьбе с заклятым врагом».

Гвардии лейтенант Н. Турдуев благодарит газету за ценные указания и советы танкистам и мотострелкам о действиях в лесной и болотистой Белоруссии. «Крупицы боевого опыта,— говорит он,— содержащиеся в статьях бойцов и командиров, опубликованных на страницах фронтовой газеты, мы сделали достоянием всего личного состава наших подразделений...»

В том, что «Красная Армия» пользовалась огромной популярностью среди воинов, немалую роль сыграли писатели — сотрудники газеты и ее корреспонденты. Правда, в условиях фронтовой обстановки было трудно подчас добиться высокой художественности помещаемых в газете произведений. На некоторых из них лежит печать торопливости и схематичности. Но написанные на злободневные темы, близкие и потому особенно понятные читателям, очерки и рассказы, стихи и поэмы с большим интересом читались бойцами.

Некоторые произведения, впервые увидевшие свет на страницах «Красной Армии», остались жить и после окончания Великой Отечественной войны.

Несколько раз издавались отдельными книгами или включались в сборники фронтовые очерки И. Эренбурга, стихи Е. Долматовского и А. Твардовского, до сих пор пользующиеся популярностью у советских читателей [22]. Но все же, к сожалению, многое из напечатанного во фронтовых газетах было несправедливо забыто. Перелистывая сейчас «Красную Армию» тех лет, нередко встречаешь на ее страницах живо и интересно написанные очерки, стихи и рассказы, которые как бы переносят нас на двадцать лет назад, в тревожные, суровые дни войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Юго-Западного фронта — с 22 июня 1941 г. по 12 июля 1942 г.; Сталинградского фронта — с 12 июля 1942 г. по 30 сентября 1942 г.; Донского фронта — с 1 октября 1942 г. по 15 февраля 1943 г.; Центрального фронта — с 15 февраля 1943 г. по 20 октября 1943 г.; Белорусского фронта — с 20 октября 1943 г. по 24 февраля 1944 г.; 1 Белорусского фронта — с 24 февраля 1944 г. по 10 июня 1945 г.

[2] Е. Долматовский. «Конногвардейская песня» (1941, № 329).

[3] А. Твардовский. «Новогоднее» (1942, № 1).

[4] З. Кац и М. Талалаевский. «Товарищ, ни шагу назад!» (1942, № 217).

[5] С. Голованивский. «Трус обречен на позорную смерть» (1942, № 188).

[6] Б. Палийчук. «Сталинград» (1943, № 23).
[7] Е. Долматовский. «Что сделал для победы ты» (1943, № 123).
[8] Б. Палийчук. «5 июля» (1943, № 159).
[9] Е. Долматовский. «Огонь на меня!» (1943, № 161).
[10] Б. Палийчук. «Курская дуга» (1944, № 249).
[11] Б. Палийчук. «Орловская битва» (1943, № 178).
[12] Б. Палийчук. «Тем, кто не бывал в Орле» (1943, № 185).
[13] И. Эренбург. «Скорей!» (1943, № 237).
[14] Е. Долматовский. Счастья тебе, газета! — В кн.: «45 лет в боевом строю». Б. м., 1964, стр. 57.
[15] Б. Палийчук. «Великое сражение» (1944, № 156).
[16] Е. Долматовский. «Говорит Беларусь» (1944, № 159).
[17] Архив МО, ф. 255, оп. 2354, д. 22, лл. 44а — 44б.
[18] Архив МО, ф. 233, оп. 2354, д. 27а, л. 31.
[19] Б. Фрумгарц. На дорогах войны. — В кн.: «45 лет в боевом строю», стр. 42—43.
[20] См.: А. Твардовский. Ответ читателям «Василия Теркина».— В кн.: «Василий Теркин. Книга про бойца». М., Воениздат, 1952, стр. 217.
[21] Редакция газеты издавала также сатирический журнал «Громилка». См. о нем выше в предисловии Б. Палийчука к настоящему обзору.
[22] Стихи Е. Долматовского «Советские танки в Брюсселе», «Сирень», «Березка» и другие включены в сборники, изданные в послевоенные годы. Поэма «Понырп» в 1946 г. выпущена в Курске отдельным изданием. Стихотворение А. Твардовского «Сержант Василий Мысенков» неоднократно перепечатывалось в его сборниках.

НА ГАНГУТЕ

О ГАЗЕТАХ ЗАЩИТНИКОВ ХАНКО

Обзор В. А. Шошина

Пусть слово в слово входит круто,
Пусть будут камнями слова,
Пусть слава русского Гангута
Вовек останется жива.

Михаил Дудин

Почти полгода, с 22 июня по 2 декабря 1941 г., героически оборонялась военно-морская база Ханко (Гангут). Врагу не удалось продвинуться в глубь нашей территории. Гангутцы не только отражали атаки, но сами захватили 19 белофинских островов. 25-тысячный гарнизон под командованием генерала С. И. Кабанова препятствовал врагу блокировать советский Балтийский флот в восточной части Финского залива [1].

Гангут был вдохновляющим примером для бойцов не только Ленинградского фронта. Защитники Москвы писали гангутцам: «Пройдут десятилетия, века пройдут, а человечество не забудет, как горстка храбрецов, патриотов земли советской, ни на шаг не отступив перед многочисленным и вооруженным до зубов врагом, под непрерывным шквалом артиллерийского и минометного огня, презирая смерть во имя победы, являла пример невиданной отваги и героизма» [2]. 3 ноября 1941 г. «Правда» призывала Москву повторить подвиг Ханко.

Военно-морская база на юго-западе Финляндии была организована в марте 1940 г. Год прошел в заботах по укреплению базы. «Весна 1941 года,— вспоминает гангутец поэт Михаил Дудин,— была бурной и веселой. Наступали белые ночи. Бушевала и буйствовала сирень. Первый снаряд навылет прошил легкие стены библиотеки, опрокинув книжные полки, перевернув стол, на котором лежала рукопись истории полка. Начиналась другая история. Надо было считать другие зарубки и ставить другие кресты» [3].

Литературные силы на Гангуте были сосредоточены вокруг газет «Боевая вахта» и «Защитник Родины». Политотделом базы издавалась ежедневная газета «Боевая вахта» (с конца сентября «Красный Гангут»); всего с 22 июня по 2 декабря 1941 г. было выпущено около 150 номеров. Редактировал газету Ф. Зудинов, а после его гибели в июле — А. Эдельштейн. Ежедневно выходила также газета 8 отдельной стрелковой бригады «Защитник Родины» (отв. редактор И. Ищенко). В газетах сотрудничали находившийся на Ханко писатель К. Золотовский, автор известных книг о водолазах, военкоры М. Дудин, Е. Войскунский, Н. Никитушкин, А. Коровин, ставшие впоследствии литераторами-профессионалами, а также многочисленные самодеятельные авторы. На страницах «Красного Гангута» можно было также прочесть статьи известных советских писателей А. Толстого, М. Шолохова, Н. Тихонова, Вс. Вишневского, И. Эренбурга, В. Саянова. В литературно-общественной жизни Гангута участвовали корреспонденты газет «Красный флот» (В. Ананьин) и «Красный Балтийский флот» (П. Звонков), а также корреспондент ТАСС В. Рудный, который принял активное

участие в составлении письма «Героическим защитникам Москвы от защитников полуострова Ханко», опубликованного в «Правде» 2 ноября 1941 г.

Литкружок при газете «Защитник Родины» назначил на 22 июня беседу об истории входившего в бригаду Петроградского полка. Сформированный в 1918 г., он воевал против Колчака, затем на Украине, в 1939—1940 гг.— на Карельском перешейке. Беседа не состоялась — новый рассказ об истории части начала сама жизнь. Жизнь подсказывала новые, более оперативные формы работы для газеты. 12 июля вышел «специальный выпуск», посвященный подвигу бойцов батальона капитана Я. С. Сукача. Во втором «специальном выпуске» были помещены стихи Н. Черноуса, посвященные боевым традициям русского оружия.

Лезли рыцари, как свиньи,
Но не все ушли назад.
Кости гадов и поныне
В Чудском озере лежат.

И под Танненбергом орды
Были биты (самый цвет!).
Прогорел Тевтонский орден,
Кровь смывала немцев след.

Беспощадно и сурово
Получали палачи;
Крепко дал тогда Суворов —
Потерял Берлин ключи... [4]

Основное внимание поэты уделяли «положительному опыту» самих гангутцев. Одним из первых Героев Советского Союза в Великой Отечественной войне стал гангутец Петр Сокур. «Дерись с врагом, как дрался Сокур» — так назывался очередной «специальный выпуск». Ясные по мысли и четкие по языку стихи сразу доходили до сердца бойца. Броские крылатые заголовки усиливали их действенность: «Здесь фашистам не пройти — мы им встали на пути!» или «Дело красного бойца — бить фашистов до конца». Вскоре на помощь поэтам пришли художники. «Специальный выпуск» № 6 от 24 июля, содержавший как бы практическую инструкцию по ведению боя, был проиллюстрирован рисунками Б. Уткова. Именно здесь, в работе над «специальными выпусками», выходившими через день-два, развивалась сатирическая сторона таланта М. Дудина, которая была особенно заметна в первый год войны. «Это был,— вспоминает о встрече с М. Дудиным А. Дымшиц,— неистощимо остроумный поэт, мастер сатирической импровизации» [5].

Важно было, особенно в первые месяцы войны, разоблачить миф о непобедимости гитлеровской армии. Четкими штрихами очерчивалась ложь гитлеровской пропаганды («Существенная поправка»), непрочность союза гитлеровцев и белофиннов («Дружба по-фашистски»). Важно было также мобилизовать каждого бойца на неуклонное выполнение долга. В доходчивой юмористической форме начинал поэт рассказ, например, о Симе Кувалдине:

До войны Кувалдин Сима
Чистил своего «максима»,
А как стали воевать,
И на чистку наплевать...

Незадачливому Симе приснился страшный сон: враги наступают, а заржавленный пулемет отказывается стрелять. Проснулся он в поту — и к пулемету. Поэт заключает:

Сон-то сном. Запомни: нужно
Сберегать свое оружие,
А сегодня, на войне,
Береги его вдвойне [6].

Несомненна воспитательная роль стихов М. Дудина о неряхе Замарашкине, о шалопае Храпоносове, «Об одном трусе и его Марусе». Подобным же образом стремились работать в «специальных выпусках» Н. Черноус и К. Мархель с художниками Б. Утковым и Б. Волковым.

«КРАСНЫЙ ГАНГУТ»
Газета Военно-морской базы Ханко, 7 ноября 1941 г., № 138
Страница сатирического отдела с карикатурами Б. И. Пророкова
Собрание В. А. Рудного, Москва

«Защитник Родины» пользовался всеми видами литературного оружия. Широко был представлен жанр статей-очерков (например, «Единство» М. Дудина — обзор писем на фронт). Но всегда особое место принадлежало стихам.

О холодный камень бьется валом
Темная свинцовая вода.
Мы тверды, как эти каменные скалы,
В грозный час не сломит нас беда.

Мы знамен победных не уроним,
Здесь чужая не пройдет нога.
Родина, мы наши головы не склоним
Перед черной силою врага.
. . . . . .

Верь, что каждый в битвах этих острых
Постоит, как этих скал гранит.
До последней нашей жизни полуостров
Неприступность свято сохранит [7].

Выражая героический пафос времени, показывая формирование героя из рядового бойца, поэты вместе с тем стремились избежать ходульности, показать своеобразный быт войны, обрисовать конкретные человеческие черты.

Приказ всегда и точен и суров.
Он повторен почти на память снова.
И встал красноармеец Иванов —
Мы знаем коммуниста Иванова.

Он прям и прост, он ростом невысок,
Он на досуге любит посмеяться,
Забить «козла»,— всему положен срок,—
И лет ему от роду только двадцать [8].

После эвакуации Таллина роль местной печати на Ханко стала особенно ответственной, так как гарнизон сражался в глубоком тылу противника, сотнями миль отделенный от фронта, причем катера и самолеты к Ханко прорывались не часто, связь с Большой землей поддерживалась по радио, и центральные и ленинградские газеты почти не приходили.

Центром литературной жизни на Ханко стала газета «Красный Гангут» («Боевая вахта»). Художник Б. И. Пророков, прибывший на Гангут в июле 1941 г., вспоминает о том, что командование базы придавало большое значение работе газеты, ставя перед ее сотрудниками конкретные задания[9]. Газета печаталась на разноцветной оберточной бумаге, но всегда выходила в срок.

В газете был организован сатирический отдел «Гангут смеется». Фельетоны и стихи К. Золотовского, Е. Войскунского, Н. Черноуса и других авторов разоблачали незадачливых правителей Финляндии, квислинговцев всех мастей, ложь геббельсовской пропаганды. Авторы отдела проявляли много выдумки и изобретательности. 7 августа, например, было помещено такое объявление: «Срочно требуется квартира, подальше от Ханко, из-за плохих „метеорологических" условий. Штаб шюцкоров».

В отделе заметное место занимали рисунки Б. Волкова, Б. Пророкова, его ученика И. Шпульникова. Роль их была очень велика. Иногда рисунки получались настолько выразительными, что даже текста не требовалось. Например, на одном рисунке Б. Пророкова был изображен белофинский офицер, истошно вопивший: «Рюсс, сдавайтесь! Вы в плену!» — «Да ну?!» — следовал незамедлительный ответ советской артиллерии, и белофинна разрывало на куски (второй рисунок) [10]. Большинство материалов отдела было подготовлено связанными творческой дружбой Б. Пророковым и М. Дудиным. Так, характерный эпизод был изображен ими в серии из трех рисунков.

На первом фашистский летчик летит на свинье с крыльями:

Нам сосед листовку сбросил:
«Вам, мол, очень тяжко.
К нам идите, очень просим,
По такой бумажке».

«ГАНГУТ СМЕЕТСЯ»

Сборник, составленный из материалов сатирического отдела газеты «Красный Гангут». Изд. Политотдела военно-морской базы Ханко, ноябрь 1941 г.

Обложка и первая страница сборника. Рисунки Б. И. Пророкова

Собрание А. К. Тарасенкова, Москва

На втором рисунке балтийцы во весь рост идут в атаку на врага:

Мы пошли на приглашенье.
Деликатность, так сказать...

На третьем рисунке белофинн сбит в море краснофлотским штыком:

...Но на наше удивленье
Пропуск некому вручать [11].

Сатирический отдел газеты пользовался большой популярностью [12]. Положительную оценку получил он и на конференции партийного актива Гангута. Это было обусловлено его жизненностью, злободневностью. Так, упомянутая уже нами серия из трех рисунков была опубликована сразу же после известия о том, что бойцы капитана Б. Гранина выбили белофиннов с одного из островов; утром следующего дня граничцы уже читали этот номер газеты. Своеобразное «признание» получили М. Дудин и Б. Пророков и у врага: листовки их на финском и русском языках перебрасывались к противнику, и летчики говорили, что легче трижды штурмовать передний край, чем сбрасывать листовки,— свидетельство их действенности.

Находили широкий отклик и произведения иных жанров. Концертная бригада Дома Военно-морского флота дала несколько сотен концертов, включая в программу песни композитора матроса Игоря Костко на слова ханковцев и многие другие произведения местных авторов. От сатирических куплетов и призывных воззваний молодые поэты переходили к лирическим стихам:

Настала ночь. Свежо и остро
Осенняя сырая мгла
На грозный, гордый полуостров
Тенями серыми легла.
В лесу низина пахнет прелью,
А над листвою сырость, мрак,

«ГАНГУТЦЫ»
Сборник стихотворений защитников Ханко, Изд. газеты «Красный Гангут». Ханко, ноябрь 1941 г.

Обложка. Рисунок Б. И. Пророкова
Собрание В. А. Рудного, Москва

Разбитый вдребезги шрапнелью
Уныло чахнет березняк.
За перелеском на границе
(Как будто землю гром шатнул)
Мелькают яркие зарницы
И орудийный слышен гул [13].

Литераторы Гангута жили одной жизнью со своими героями. В отличие от других участков фронта, где происходили беспрестанное изменение позиций и замена частей, Гангут в течение пяти месяцев был единым организмом. Всех объединяла «друг в друга вера, спаянная кровью». Военнослужащие, составлявшие творческий актив газет, в основном находились в боевых порядках, непосредственно участвуя в борьбе. Н. Никитушкин, например, был командиром взвода в десантном отряде. М. Дудин служил в полковой батарее и лишь осенью был откомандирован в редакцию «Красного Гангута». К. Золотовскому довелось не только совершать рискованные поездки за сбором материалов (например, на остров Осмуссар под огнем врага), но и помогать матросам в качестве водолаза. Литераторы постоянно выступали перед бойцами.

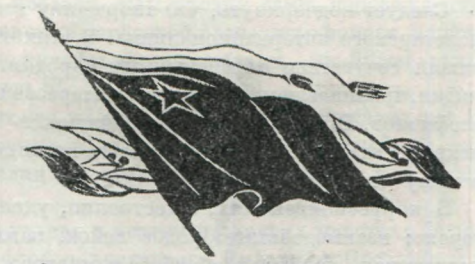
Творческий актив газет направлял свои силы также на то, чтобы выявить новых авторов, помочь им. Порой авторами становились герои очерков и стихов. В газеты шел поток рукописей из частей (например, стихи И. Котова, Д. Мишина, Л. Аронова, К. Стадника, С. Афанасьева, Ф. Зайцева, В. Никифорова и многих других). В подвал каменного дома, где помещалась редакция «Красного Гангута», постоянно заходили «самодеятельные» авторы, поэты и художники, солдаты и матросы. Б. Пророков, освоивший производство клише на линолеуме, обучал товарищей искусству графики и работе над линогравюрами, сюжеты которых порой рождались в самих боях (так, в газете был опубликован рисунок летчика Г. Семенова «Разгром вражеской эскадры»).

Все лучшие произведения гангутцев с их лиризмом и душевной проникновенностью возникали из конкретной жизни, вызывая горячие отклики бойцов. Особенно

свойственно это поэзии М. Дудина, буквально от стихотворения к стихотворению совершенствовавшего свое мастерство. «Под огнем врага,— вспоминает Д. Хренков,— в окопах переднего края, у неярких костров недолгих привалов увидел Михаил Дудин главного героя своей поэзии. Увидел, чтобы долго идти с ним локоть к локтю, деля и пайку табака и задушевные мысли. Это была не просто дружба. Это было братство...»[14] О непосредственной связи поэзии М. Дудина с жизнью говорят сами названия стихов, посвященных летчикам, матросам, солдатам — «Антоненко и Бринько», «Товарищ командир», «Аня Молитвина», «Борисов», «Гриденко». Стихотворение «Гриденко» было посвящено подвигу краснофлотца, под огнем переплывшего пролив.

Он кинулся в бурлящие воронки,
Соленым ветром захлестнуло рот.
Два снайпера ударили вдогонку,
И нервной дрожью вспыхнул пулемет.
Он всё забыл, кипучее стремленье
Его несло и умирать, и жить.
И мысль одна. Скорей за подкрепленьем,
Добраться, доборотьсяся, доложить.
И он петлял. Он в стороны метался,
Хоть шторм и пули были заодно,
Он пробкой на поверхность вырывался,
Тяжелым камнем уходил на дно.
В кровь изодрав и локти, и коленки,
Донельзя зол и до предела слаб,
Он выплыл и пополз на четвереньках
И не вошел — ввалился плахой в штаб.
И капитан увел навстречу ночи
Своих ребят, успев в дверях сказать:
— Герой! Но это между прочим,
Дать спирту и перевязать [15].

За это стихотворение М. Дудин получил благодарность от капитана, командира десантного отряда Б. Гранина. И поныне гангутцы с признательностью вспоминают боевую лирику поэта.



О холодный камень бьется валом
Темная свинцовая вода.
Мы тверды, как эти каменные скалы,
В грозный час не сломит нас беда.
Мы знамен победных не уроним.
Здесь чужая не пройдет нога.
Родина, мы наши головы не склоним
Перед черной силою врага.
Мы навстречу встанем грозным строем.
Нам не страшен взрывов черный дым.
Родина, твое оружье боевое
Только вместе с жизнью отдадим.
Верь, что каждый в битвах этих острых
Постоит, как этих скал гранит.
До последней нашей жизни полуостров
Неприступность свято сохранит.

Михаил Дудин.

«ГЕРОИ ГАНГУТА»
Сборник. Изд. Политотдела Военно-морской базы Ханко, октябрь 1941 г.
Страница со стихами М. А. Дудина
Собрание В. А. Рудного, Москва

Воспитывая бойцов, многочисленные корреспонденты также рисовали конкретные образы героев. Редакция ввела рубрику «Герои Гангута», которая открылась Указом о награждении группы гангутцев. Под этой рубрикой в разное время были опубликованы очерки Н. Тарасова о лейтенанте С. Курносове, Н. Иващенко о катернике Б. Линенкове, А. Ветрова об артиллеристе Н. Егорове и враче А. Коровине, К. Золотовского об артиллеристе Н. Руденко, В. Беловуська о политруке В. Гончаренко, Г. Гурашидзе о капитане И. Шерстневе, М. Дудина о командирах И. Щербановском и А. Афанасьеве, Е. Войскунского о красноармейце В. Буянове и старшем лейтенанте Л. Горбунове. Очерки сопровождались портретами героев.

Не только описать подвиг, но показать истоки его, обрисовать формирование характера героя, работу его в перерывах между боями — такую задачу ставили перед собой очеркисты [16].

Постоянной темой была воинская дружба. «Не забывайте о взаимной товарищеской выручке в бою,— напоминалось в очерке А. Ветрова.— Попал в беду один, идите на выручку и вместе бейте врага. В этом секрет успеха» [17]. Особое внимание уделялось теме сплоченности бойцов и командиров. «Надо строить новые объекты и укрепления... Рубили и сплавляли с ближайших островов лес, рвали скалу. Командир был вместе с бойцами...» [18]. В решительный момент сплоченность коллектива принесет победу: «Черные бушлаты и черная ночь. Командир группы, горячий и прямой, быстрый и решительный, всегда точный в своих расчетах, Щербановский молча подходит к ребятам. Крепкое рукопожатие. В нем всё: и смелость, и уверенность, и то чувство взаимопонимания, необходимое, рожденное в боях, чувство, которое подкупает и располагает к себе сердца бойцов...» [19]. Товарищеская спайка особенно много значила для малочисленного гарнизона, бойцы каждый день читали о том или ином своем товарище, отличившемся в бою. Братская дружба подчеркивалась также в статьях о революционных и боевых традициях (К. Золотовского, А. Векуа и др.).

Из простых эпизодов вырастали большие обобщения. Самоотверженный труд хирурга Аркадия Сергеевича Коровина, специалиста с 18-летним стажем, становился символом социалистической гуманности. Дружба украинца Ивана Долгого и казаха Алатая Макишева рисовалась А. Ветрову олицетворением дружбы народов Советского Союза.

Следует подчеркнуть, что творчеству гангутцев вообще был присущ высокий дух пролетарского интернационализма. В стихотворных обзорах жизни Европы поэты выражали сочувствие порабощенным народам. Они выражали сочувствие и народу Финляндии, проливавшему кровь ради интересов империалистов, отделяли финский народ от белофиннов. В листовках, переводившихся на финский язык, гангутцы стремились раскрыть глаза финским солдатам на истинное положение дел, призывали их перейти на нашу сторону.

В корреспонденциях, естественно, уделялось значительное место и «технической» стороне: взаимодействию родов войск, наилучшей организации обороны. А. Ветров рассказывал, например, о работе замкового комендора в условиях сильных морозов. Можно было читать и статьи самих героев, которые делились боевым опытом (например, статья флотского артиллериста, легендарного десантника капитана Б. М. Гранина «Борьба с десантом противника» изучалась повсеместно).

Интересным эпизодом в жизни Гангута явилась «переписка» с Маннергеймом. Воздав должное героизму гарнизона, барон в своем обращении убеждал в бесперспективности борьбы. Маннергейм и раньше пользовался «вниманием» гангутцев: ему доставалось в «Боевой вахте», к белофиннам забрасывалась листовка, сатирически разоблачавшая Маннергейма («Кто он?»). На этот раз М. Дудин и Б. Пророков составили более обстоятельное письмо в духе ответа запорожцев турецкому султану. Кончалось оно так: «Сунешься с моря — ответим морем свинца! Сунешься с земли — взлетишь на воздух! Сунешься с воздуха — вгоним в землю! Мы придем мстить... До встречи, барон!» Тысяча экземпляров письма была сброшена над Хельсинки.

Работа авторов на Ханко была отражена политотделами базы и флота в сборниках «Гангутцы», «Гангут смеется», «Поэты Ханко» (Н. Никитушкин, В. Смирнов, В. Жилин и др.). Когда в связи с решением Ставки гангутцы уходили в Кронштадт, матросам и сол-

«ХРАНИ ТРАДИЦИИ ГАНГУТА»
Памятка, которая вручалась защитникам Ханко в день оставления полуострова. Изд. Политотдела Военно-морской базы Ханко, ноябрь 1941 г.

Обложка. Рисунок Б. И. Пророкова
Собрание В. А. Рудного, Москва

датам при посадке на корабли вручалась синяя книжечка, содержавшая портреты 12 героев и стихи о них, с гравюрой на обложке, изображавшей матроса, и надписью «Храни традиции Гангута!»

Гангутцы выстояли. Кто определит роль литераторов в их подвиге? Но она несомненна, эта роль. Гангутцы уходили с победой. «Мы уходим сами, непобежденные, гордо неся славное имя гангутцев,—говорилось в передовой последнего номера, написанной Е. Войскунским.— На любом фронте, куда бы нас ни послали, мы будем высоко держать знамя боевых традиций гангутцев» [20].

Уже во время перехода в Кронштадт это обещание было подтверждено делами. Солдаты и матросы мужественно переносили трудности перехода. Последний, экстренный выпуск стенной газеты был сделан на тральщике М. Дудиным и Б. Пророковым на куске помятой бумаги.

Борьба продолжалась. Гангутцы сражались с врагом на других участках фронта. Генерал С. И. Кабанов командовал обороной полуостровов Рыбачий и Средний, а затем воевал на Дальнем Востоке. Дивизионный комиссар А. Л. Расскин был начальником Политуправления Черноморского флота. 8 отдельная бригада была преобразована в 136 стрелковую дивизию. В январе 1943 г. «на острие наступления» 136 дивизия под командованием Н. П. Симоняка, прорывая в составе 67 армии кольцо блокады, форсировала Неву и нанесла удар в направлении на Марьино. Гангутский генерал Симоняк стал на Ленинградском фронте «генералом прорыва». В составе 42 армии его гвардейский корпус, в котором находились гангутцы, нанес в январе 1944 г. удар под Пулковом, снимая блокаду с Ленинграда.

Творческий коллектив «Красного Гангута» и «Защитника Родины» продолжал работу в газетах «Огневой щит» (Н. Никитушкин, Е. Войскунский), «На страже Родины» (М. Дудин), «Красный Балтийский флот» (П. Звонков) и др. Б. Пророков был послан в распоряжение Политуправления Черноморского флота. Но и в дальнейшей творческой работе они не забывали героической обороны Гангута. Об этом свидетельствуют, например, многочисленные стихи М. Дудина, в поэзии которого гангутская тема солдатской дружбы и воинской верности долгу осталась одной из основных.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 2. М., Воениздат, 1961, стр. 94.

[2] Героическим защитникам полуострова Ханко от защитников Москвы.— «Красный Гангут», 1941, № 153, 22 ноября.

[3] М. Дудин. Стихи. М., Гослитиздат, 1960, стр. 9.

[4] Специальный выпуск газеты «Защитник Родины», 1941, № 2, 17 июля.

[5] А. Дымшиц. Солдат мира.— В кн.: М. Дудин. Цветам — цвести! Лениздат, 1958, стр. 3.

[6] Специальный выпуск газеты «Защитник Родины», 1941, № 8, 30 июля.

[7] М. Дудин. Наша песня.— «Защитник Родины», 1941, № 82, 14 августа.

[8] М. Дудин. Стихи о красноармейце Иванове.— «Защитник Родины», 1941, № 110, 30 сентября.

[9] Б. И. Пророков. Листки воспоминаний.— В сб.: «Своим оружием». М., Госполитиздат, 1961, стр. 344.

[10] «Боевая вахта», 1941, № 84, 14 сентября.

[11] «Боевая вахта», 1941, № 44, 5 августа.

[12] См.: В. Рудный. Гангутцы. М., Воениздат, 1957, стр. 543.

[13] Г. Мокрогузов. Ночь на Гангуте.— В сб.: «Поэты Ханко». Л., Изд. ПУ КБФ, 1941, стр. 18.

[14] Д. Хренков. Послесловие в кн.: М. Дудин. До востребования. Лениздат, 1963, стр. 250.

[15] М. Дудин. Фляга. Л., Гослитиздат, 1943, стр. 34.

[16] См., напр.: Е. Войскунский. Балтийский моряк Лев Горбунов.— «Красный Гангут», 1941, № 119, 19 октября.

[17] А. Ветров. Николай Иванович Егоров.— «Красный Гангут», 1941, № 111, 11 октября.

[18] А. Ветров. Виктор Полянский.— «Боевая вахта», 1941, № 84, 14 сентября.

[19] М. Дудин. Дерзость и трезвый расчет.— «Красный Гангут», 1941, № 130, 30 октября.

[20] Мы еще вернемся! — «Красный Гангут», 1941, № 162, 1 декабря.

ГОВОРИТ МОСКВА!..

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕДАЧИ ВСЕСОЮЗНОГО РАДИО

Обзор Е. А. Кречетовой

«Внимание!.. Говорит Москва!.. Говорит Москва!..» С волнением, тревогой, надеждой, радостью встречали люди эти простые и торжественные слова в годы Великой Отечественной войны. Голос Москвы звучал всюду — в нашей стране и за ее рубежами — звучал неизменно, в точно назначенное время, не прерываясь ни при каких самых тяжелых условиях и обстоятельствах.

Радиопередач из Москвы нетерпеливо ждали советские люди, оставшиеся на земле, захваченной фашистскими оккупантами, их слушали солдаты, бившиеся не на жизнь, а на смерть с жестоким врагом. Голос Москвы вдохновлял партизан, боровшихся в тылу у захватчиков, ему внимали всюду, где шла величайшая в истории человечества война.

По дневникам военных лет, оставленным Вс. Вишневским, можно ясно представить героическую работу ленинградского радиокомитета. В этих же записях постоянного и очень внимательного радиослушателя рассыпано много замечаний, подчеркивающих притягательную силу московских передач. «Радио из Москвы... Хорошо — свои голоса...»,— заносит в дневник писатель на восьмой день войны. В ту пору Вишневский находился в Таллине, и голос Москвы казался ему особенно дорогим. Эта запись почти повторяется 3 сентября 1941 г., когда писатель был уже в Ленинграде: «Приятно слышать голос Москвы — радио, знакомые дикторы». 30 октября Вишневский снова настойчиво повторяет в дневнике: «Москва отбивает атаки. Мы рады слышать ровные, знакомые голоса московских дикторов». На сто девяносто второй день войны в дневнике записано: «...все слушают радио жадно. Оно опережает прессу, оно сильнейшее средство агитации и информации». И, наконец, еще одна запись уже в 1942 г.: «Всё, всё дышит одной жаркой, из глотки, из души, из нутра — темой: „Стоять, бить насмерть!..“ Как повышается накал газет и радиопередач... Еще, еще!..»[1]

Понимая огромное значение радио, широту и массовость его аудитории, советские писатели в течение всех военных лет энергично участвовали в создании и подготовке различных передач Всесоюзного вещания. Они выступали на радио с очерками и рассказами, стихами и памфлетами, корреспонденциями и информационными заметками, фельетонами и пьесами, с горячими, бьющими в цель публицистическими речами. Страстное и вдохновенное слово писателя звучало в последних известиях, в трансляциях для молодежи и тружеников сельского хозяйства, в сообщениях о положении на фронте.

На протяжении всех военных лет, как и в мирное время, неизменно, по нескольку раз в день шли и специальные литературные передачи. 2 октября 1941 г. В. Гусев, говоря на заседании Президиума Союза советских писателей о работе редакции литературного вещания, привел такие цифры: «Каждый день мы имеем восемь передач или 2 часа 20 минут вещания. Если перевести на более понятный писателю язык, то это составляет примерно 70 страниц текста. Следовательно, каждый день наша редакция передает примерно такой журнал как „30 дней“»[2].

В архиве Государственного комитета Совета Министров СССР по радио и телевидению хранятся почти все тексты литературных передач военного времени, кроме периода июнь—октябрь (первая половина) 1941 г. Материалы этих месяцев были уничтожены. Из них случайно уцелели лишь тексты за несколько дней. Например, интересный литературный дневник 30 августа, посвященный Ленинграду. Он состоит из очерка К. Чуковского о литературных реликвиях Ленинграда и корреспонденции бр. Тур «Город славы». Из сентябрьских передач сохранились тексты рассказов Якуба Коласа «Как дед Купрей сделался партизаном» и Сергея Вашенцова «Истребители танков», а также передача, называвшаяся «Девушки нашей страны»,— в нее входили стихи, очерки о труде и подвигах девушек в тылу и на фронте.

Начиная с 16 октября почти все тексты уцелели и находятся в архиве. Они хранятся в отдельных папках, на каждой указаны дата, часы трансляции, кто читал — непосредственно автор, диктор или артист.

В дни военных испытаний, раскрывших глубокую связь советской литературы с народом, писатели, если это было возможно, чаще всего сами выступали у микрофона. Следует назвать и имена артистов — постоянных участников литературных радиопередач военного времени. Это — В. Аксенов, Е. Гоголева, Д. Журавлев, А. Зражевский, И. Ильинский, А. Лукьянов, Д. Орлов, А. Шварц и др.

Основным законом литературных передач была лаконичность. Обычно каждая передача шла не более 12—15 минут, иногда она состояла из одного произведения — рассказа, очерка, обращения писателя к радиослушателям. Часто литературная передача носила тематический характер — тогда общий заголовок, названный в начале диктором, например, «Москва героическая» или «Мы отстоим нашу столицу», объединял несколько произведений — стихотворений, очерков, песен.

С первых дней войны начальником литературного отдела во Всесоюзном радиокомитете стал поэт Виктор Гусев. Тема обороны Родины, образы людей армии и флота всегда были близки ему, находили свое отражение в его творчестве. Думается, что литературный вкус Гусева, его культура, свойственное ему острое чувство современности оказали влияние на характер литературно-художественных передач той поры.

Хроника литературной жизни первых месяцев войны регистрирует: 8 июля А. Толстой читает по радио свою статью «Армия героев»; 12 августа Ф. Гладков выступает у микрофона с антифашистским памфлетом «Гитлер»; 18 августа Вс. Иванов читает статью «Высокие дни истории»; 17 сентября передавался по радио очерк Б. Лапина и З. Хацревина «Ночь у Днепра».

В упомянутом уже отчете В. Гусев говорил: «За истекшие три месяца работы у нас было 123 выступления писателей. Выступали 54 человека. 〈...〉 Одним словом, все основные кадры писателей, которые находятся в Москве, и все основные кадры писателей, которые приезжают из армии в кратковременную отлучку,— все проходят перед микрофоном»[3]. Особенно активно работали писатели, входившие в состав закрепленной за радио группы. «Она состояла первоначально из Лебедева-Кумача, Вс. Иванова, Валентина Катаева, Константина Финна, Светлова, Афиногенова и Кассиля (после того как Финн выбыл на фронт)»[4].

Перелистывая сегодня страницы с текстами литературных передач, видишь, как страстно и оперативно откликались писатели на всё, чем жила страна, народ.

... Вторая половина октября и ноябрь 1941. В руках гитлеровцев Киев и Минск. Нашими войсками оставлены Таганрог и Одесса. Враг у ворот Москвы. Ленинград в осаде. В эти дни все выступления писателей у микрофона подчинены одной великой цели — утвердить веру народа в грядущую победу, в незыблемую справедливость его ратных трудов и подвигов, раздуть пламя ненависти к врагу. Заголовки литературных передач, состоявшихся в эту пору, раскрывают их боевое содержание: «Партизаны! Бейте черных псов войны!», «Лицо этих мерзавцев», «За пролитую кровь наших детей мы отомстим сторицею!», «Мы не дрогнем!»

Общий заголовок «Фашизму смерть!» объединял подборку стихов поэтов братских народов. В ней участвовали белорусская поэтесса Эди Огнецвет, азербайджанский

СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ
В. М. ГУСЕВА

М., изд-во «Правда», 1942
Обложка

писатель Зейнал Халил, узбекский поэт Тимур Фаттах. Передачу «Мы вышли в бой» открывали стихи А. Суркова, присланные из Действующей армии. Первая строка их и дала название всей подборке.

Несколько передач было посвящено величайшей задаче дня — обороне Москвы. В центре одной из них был очерк Я. Милецкого «В истребительном батальоне» — в нем рассказывалось о службе бойцов истребительного батальона, разбросавшего многочисленные заставы, патрули, посты и секреты на подступах к Москве.

«Только победа и жизнь!» — так называлась передача, шедшая 24 октября. В центре ее была статья А. Толстого «Москве угрожает враг», опубликованная в ряде газет. Гневные, суровые и мужественные строки этой статьи и по сей день не утратили своей силы, обжигающей душу горечи. Текст статьи Толстого против обыкновения напечатан не на машинке — он давался по торопливо сделанной вырезке из «Красной звезды». Короткие, требовательные и зовущие строки А. Толстого: «Нет, лучше смерть! Нет, лучше смерть в бою! Нет, только победа и жизнь!» дали название всей литературной передаче. Знакомишься с тем, как монтировалась эта передача, и ясно ощущаешь то состояние тревоги, огромного напряжения всех мыслей и чувств, в котором жила осенью 1941 г. Москва.

Тема героической обороны Москвы перемежается с темой осажденного Ленинграда. 26 октября, например, литературная передача посвящалась городу Ленина, уже два месяца отбивающему атаки фашистских полчищ. Она монтировалась из стихов П. Антокольского, В. Гусева, Вс. Рождественского и В. Лебедева-Кумача.

Все чаще и чаще, а затем почти ежедневно, открывая передачу, диктор подчеркивает, что читаются произведения писателей, побывавших на фронте, очевидцев и участников боев. «Слушайте стихи Игоря Чекина — Действующая армия»,— говорит диктор. «Передаем стихи поэта-фронтовика Алексея Суркова»,— сообщает он 25 октября. На другой день читаются стихи поэта-фронтовика Ивана Молчанова. В одну из передач включается статья «Писатели и поэты на фронте». Большая очень тепло написанная статья В. Викторова (за этим псевдонимом легко угадывается Виктор Гусев) знакомит радиослушателей со сборником стихов А. Суркова «Фронтовая тетрадь», подготовленным к печати в издательстве «Молодая гвардия». Статья отмечает глубину

чувств и искренность поэта, называет его стихи песнями сердца, переполненными гневом, скорбью, болью, ненавистью к врагу. «В громе канонад, среди посвистов пуль, среди грохота танков, вспышек пожарищ, в траншеях и блиндажах рождаются и живут фронтовые стихи Суркова, отблески военного пламени сверкают на них, как на стали штыка»,— писал В. Викторов.

Осенью 1941 г. стихи Суркова читаются по радио почти ежедневно. Поэт откликается на всё, чем живут в ту пору фронт и тыл. Правдивость, достоверность образов не изменяют ему. И в дальнейшие военные годы стихи и песни Суркова постоянно встречаются в литературных передачах, всегда придавая им остроту чувства времени, лиричность тона.

К концу октября 1941 г. относится одно из первых, сохранившихся в архиве, публицистических выступлений писателей перед радиослушателями. Передача от 26 октября в отличие от других не имела специального названия. «Начинаем литературную передачу. Писатель-фронтовик Леонид Соболев у микрофона»,— объявляет диктор. О необходимости сохранять твердость духа, не терять воли к победе говорит писатель: «Спокойствие и уверенность в своих действиях — вот два качества, которые в этой тяжелой, серьезной, большой войне должен развивать в себе каждый из нас. Надо помнить, что спокойствие и уверенность с той же силой действуют на окружающих тебя людей, как паника и трусость. Один выдержанный человек, твердо знающий, что он хочет сделать, может спасти сотни людей, так же как погубить эти сотни может один трус или паникер»,— говорил Соболев. Эти утверждения писатель подкреплял своими фронтовыми наблюдениями, он рассказывал, что спокойствию и уверенности можно учиться у рабочих Одессы, готовящих под непрерывным обстрелом вооружение, у команды сторожевого катера, выдержавшего за два с половиной месяца налеты 84 вражеских самолетов, сбросивших 194 бомбы. Рассказ о виденном в Одессе он закончил обращением к москвичам: «Враг ждет от нас растерянности и паники. Враг надеется сломить коллективную волю советских людей. Пусть каждый из нас помнит об этих надеждах врага и пусть каждый в своем деле будет серьезен, честен, спокоен и уверен. Затыкай рот паникеру, сеющему слухи, поддержи соседа, если сдала у него воля к победе, которая ждет нас впереди там, в боях упорных, кровавых, грозных, в боях, где стеной стали советские люди, спокойные, уверенные в себе и в правоте своего дела».

Очень насыщены по глубине и разнообразию содержания, по своему публицистическому пафосу и боевой целеустремленности литературные передачи 1942 г. К этому времени круг писателей-фронтовиков расширился, было уже написано немало значительных произведений, отражающих события военных дней. Слово писателей, живых, непосредственных участников войны, звучит по радио почти ежедневно. Одни из них, приезжая на короткое время в Москву, выступают сами у микрофона, о других сообщается, что их очерки, стихи, рассказы присланы из Действующей армии или опубликованы во фронтовой печати.

По радио читаются стихи поэтов-фронтовиков Джека Алтаузена, С. Васильева, С. Липкина, Г. Санникова, М. Слободского, Ц. Солодаря, М. Спирова, А. Тарасенкова. Литературная передача 16 января называлась «Поэты Юго-Западного фронта». Вступительное слово, которое произнес Микола Бажан, дышало гневом и страстью: «Слушает угнетенный Харьков гром наших орудий и знает, что день освобождения его близок! Слушает древний, окровавленный, истерзанный Киев светлую весть о победоносном наступлении красных войск и знает, что день освобождения его близок! Слышит свободолюбивый украинский народ, попавший под пяту гитлеровских орд, клич священной отечественной войны и подымается навстречу нашим армиям, громя врага в тылу, народной местью и гневом истребляя фашистское отродье. На штыках Юго-Западного фронта сияет солнце нашей победы, которое взойдет над истоптанными полями и лесами нашей матери-Украины... Бойцы, командиры и политработники Юго-Западного фронта уверенным шагом идут к победе. Вместе с ними своим словом служат делу нашего окончательного торжества над немецкими захватчиками поэты

великих братских народов, народов России и Украины. Пусть же горит священным огнем и презрением к кровавым врагам культуры и человеческой свободы слово советских поэтов —граждан, патриотов, бойцов!»

В этой передаче участвовали поэты А. Твардовский, Е. Долматовский, Л. Первомайский, А. Малышко.

Часто в те дни в программу включались произведения, созданные не писателями-профессионалами, а участниками боев. Так, например, по радио читались стихи гвардейцев-панфиловцев П. Кузнецова и Д. Снегина, стихи поэтов-красноармейцев Л. Решетникова, Д. Ковалева и К. Киреенко. Начиная чтение стихов политрука-орденоносца М. Маркова, диктор сообщил, что они печатаются в дивизионной газете.

Порой передачи знакомили слушателей с творчеством какого-либо одного поэта, с его новыми произведениями. Непосредственно у микрофона выступали с чтением своих стихов П. Антокольский, М. Алигер, С. Алымов, Петрусь Бровка, О. Колычев, С. Маршак и многие другие.

Излюбленный жанр этой поры — очерк или рассказ, документальный, строго фактичный, с указанием имен действующих лиц и места действия. С очерками выступали по радио писатели самых различных жанров — поэты, прозаики, драматурги. Военные очерки, корреспонденции, зарисовки — сжатые, лаконичные, построенные на личных наблюдениях, иногда на отрывистых дневниковых записях, — звучали в эфире почти ежедневно. Каждое из таких оперативных сообщений являлось не только своеобразной художественной летописью войны. Очерки были согреты публицистическим пафосом, проникнуты глубокими патриотическими чувствами. Широко используя живые и точные факты дня, писатели стремились поднять в своих произведениях и проблемы нравственные, социально-философские.

В начале передач, как бы желая утвердить достоверность очерка, обязательно подчеркивается, что автор — очевидец событий, участник боевых операций. В эфире звучат очерки и рассказы писателей-фронтовиков Валентина Лосева, Леонида Соболева, Вадима Кожевникова, Марка Колосова, Сергея Острового, Григория Нилова, Николая Вирты, Евгения Габриловича. Несколько раз передаются военные очерки Александра Хамадана и Михаила Розенфельда — писателей, которые вскоре погибли.

С большим очерком «Богатыри-североморцы» выступал 16 января Александр Жаров, он рассказывал о славных делах краснофлотцев, несущих службу в беспокойном Баренцовом море.

В январе 1942 г. в литературных передачах Всесоюзного радио впервые появляется имя Константина Симонова (читается его очерк «Секрет победы»). Через месяц передается рассказ «Однофамильцы», затем в эфире звучат стихи «Жди меня!», «Голос далеких сыновей», «Великое слово». С этой поры произведения Симонова — стихи, очерки, рассказы, отрывки из пьес — не сходят с программы передач по радио.

Из писателей старшего поколения в январе 1942 г. дважды выступает А. С. Новиков-Прибой. Он читает статьи «Непобедимость» и «Нравственная сила». Разговаривая со слушателями, писатель как бы призывал их рассуждать вместе с ним. Он поднимал вопрос о великом решающем значении нравственной силы народа. В дни военных испытаний эта сила возбуждает, одушевляет людей, делает их способными к принесению величайших жертв для победы:

«С самоотверженностью, удивляющей все честное человечество, сражаются с врагами наши герои на суше, на воде и в воздухе. Шаг за шагом опрокидывают они фашистские армии, освобождая от них родную землю. И чем дальше, тем сильнее эти удары, ибо нет у врага той силы, какая есть у нашего народа. Великая правда питает в нашем народе нравственную силу. Холодом разума и огнем сердца народ осознал эту правду и решил бороться за нее до конца. С железным напряжением воли он будет выполнять это решение. Тысячи больших и малых подвигов, совершенных нашими героями, свидетельствуют об этом твердом решении».

Писатель подкреплял свои рассуждения фактами, называл имена простых людей— героев фронта и тыла. Перед слушателями проходили образы бойца истребительного батальона Митрофана Прохоровича Артемьева, в шестьдесят лет взявшегося за оружие, вагоновожатой Татьяны Дмитриевны Тарасевич, приславшей в военкомат письмо

с просьбой взять ее в армию, образы славных солдат Красной Армии, сражавшихся на полях Великой Отечественной войны.

Свое выступление писатель закончил утверждением: «Никогда еще и никому не удавалось сломить нравственную силу русского народа, притупить ее или обезличить. На протяжении истории она всегда жила в лучших его представителях. Она была в разуме и сердце Александра Невского, когда он победоносно бил немецких рыцарей. Она была в груди Дмитрия Донского на поле Куликовом. Она жила в сердцах Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова. Об эту силу, как о неприступный утес, разбились многочисленные татарские орды. В грозные годы, названные русским народом „смутным временем", она, разлившись во всенародном ополчении, изгоняла из родной земли зарвавшихся интервентов. Эта же сила уничтожила бывшую лучшей в мире великую армию Наполеона. Она же поддерживала нечеловеческие усилия одиннадцатимесячного героического сопротивления защитников Севастополя... Она же зажигала огнем победы сердца героев гражданской войны... Победит эта нравственная сила и теперь».

Выступление Новикова-Прибоя далеко не единственный случай обращения писателей к славным историческим традициям. Примеры героического прошлого нашей Родины и народов, населяющих ее, органично входили в публицистические статьи и речи, с которыми выступали по радио. «Наш привет потомкам Кер-Оглу» — так называлась речь азербайджанского поэта Самеда Вургуна, обращенная к его соотечественникам, бьющимся на разных участках фронта. Поэт говорил о боевых традициях своего народа, напоминал о делах прославленного полководца Бабека, ведшего на берегах Куры и Аракса почти четвертьвековую войну против арабских захватчиков. Он рисовал образ легендарного героя азербайджанского народа Кер-Оглу, по преданию обладавшего сверхчеловеческой мощью и вместе с тем высоко ценившего чувства боевой дружбы, безмерно любившего своих воинов, никогда не оставлявшего друга в беде. От прошлого, от далекой и прекрасной легенды Самед Вургун легко и естественно переходил к современным событиям и героям:

«Теперь боевая дружба является не только дружбой отдельных воинов или отрядов. Она является дружбой целых народов и национальностей, населяющих нашу священную социалистическую Родину. ⟨...⟩ В великой семье наших народов покрыл себя неувядаемой славой Герой Советского Союза, верный сын азербайджанского народа Исрафил Мамедов, который уничтожил лишь в одном бою 73 фашистских бандитов. Мы гордимся исключительной волей 22-летнего летчика Алиева, сбившего в бою семь фашистских стервятников. Он героически погиб смертью храбрых! И память о нем никогда не забудется, и наши лучшие поэмы мы напишем о славном герое Алиеве».

Называя воинов-азербайджанцев потомками Кер-Оглу, поэт напоминал им: «Дорогие друзья! Сражаясь с фашистскими ордами на великой русской земле, на полях нашей братской Украины и Белоруссии, вы защищаете в то же время и свою солнечную Азербайджанскую республику. Вы защищаете честь и жизнь своих матерей, жен и детей от фашистских разбойников и насильников. Вы защищаете старинные памятники нашей древней национальной культуры».

В речи Самеда Вургуна, так же как и в выступлении Новикова-Прибоя, звучит тема морального превосходства народа, ведущего справедливую войну: «Современная война требует от каждого из нас наибольшей храбрости и последовательности в борьбе, какой бы она ни была затяжной и тяжелой. Что ж! Наш враг неумолим, жесток и лукав. Но не ему хвастаться перед нами своей храбростью: он мог бы хвастаться своей военной техникой, ограбленной у порабощенных народов Европы. Мы противопоставили ей не только нашу передовую военную технику, но и нашу несокрушимую волю, волю народов Советского Союза. Ибо любая война в истории была также войной характеров и страстей!» В речи, произнесенной в тяжкую пору, 12 февраля 1942 г., поэт как бы предвидел светлый день победы: «Сыновья моей родины! На нашу долю, на долю народов Советского Союза пала историческая великая миссия: освободить от фашистской чумы не только наши народы, но и народы порабощенной Европы. В этом почетном деле нам предстоят еще большие трудности. Враг, отступая, сжигает наши деревни и города, оставляя тысячи людей без крова. Но огонь пылающих домов наших еще

больше воспламеняет наше чувство мести к врагам. Недалек день избавления человечества от фашистских варваров и людоедов. В этом деле мы сыграем свою почетную историческую роль. Тогда с полным правом мы скажем всему миру:

Мы шли и падали и снова шли.
Тех мук, что вытерпели мы, не счесть.
Мы возродили молодость Земли
И человечеству вернули честь!»

С каждым днем, месяцем 1942 г. ярче, насыщеннее становятся литературные передачи. В них участвуют писатели разных поколений — М. Пришвин и В. Ставский, Ю. Либединский и В. Каверин, В. Шкловский и Б. Галин, В. Гроссман и В. Шишков, Л. Сейфуллина и В. Инбер, К. Паустовский и П. Павленко.

В отчете о литературных передачах за первое полугодие 1942 г. было приведено несколько цифр, выразительно характеризующих размах, который в это время приобрела работа писателей на радио: всего литературных передач (с повторениями) было 1011, из них передач современных авторов — 800; перед микрофоном выступило 72 писателя, количество их выступлений превысило 200; всего по радио были переданы произведения 97 русских писателей и 82 писателей из национальных республик [5]. Огласив эти цифровые данные, В. Гусев в своем отчете говорил: «Все основные произведения советской литературы, созданные в этом году, были переданы через мощный пропагандистский инструмент, которым является советское государственное радиовещание, и мы гордимся тем, что значительная часть их была нами опубликована значительно раньше, чем в периодических изданиях или отдельными книгами» [6].

Как и в первые дни войны, редакторы вещания нередко включают в передачи произведения, уже опубликованные в газетах или журналах. Так «Письма товарищу» Б. Горбатова, которые «Правда» начала публиковать еще в сентябре 1941 г., впервые зазвучали в эфире лишь в феврале 1942 г. Их читал Д. Н. Орлов. Очерк Е. Петрова «Катя» транслировался по радио после его опубликования в «Огоньке». Через несколько дней после опубликования в «Правде» читался рассказ М. Шолохова «Наука ненависти».

Неизменно в течение всех военных лет читаются по радио публицистические выступления И. Эренбурга. Бывали периоды, когда его статьи и очерки включались в программы литературных передач не менее трех-четырех раз в месяц. В эфире звучали очерки «О ненависти», «Дон зовет», «Испытание огнем», «Угроза», «Судьба России», «За человека», «Три года», «По дорогам войны», «Армия жизни», «Путь к Германии», «В Германии» и многие, многие другие. Обычно их читали дикторы или артисты. Иногда у микрофона выступал сам писатель,— и его эмоциональное авторское чтение усиливало образность и лиричность произведений, их гражданский пафос.

Начиная с середины 1942 г. в программах литературных радиопередач появляется все больше и больше имен писателей-фронтовиков. Не ограничиваясь короткими оперативными откликами на происходящие события, они создают произведения, поднимающие дух народа. Ясно ощущается, что писателями-солдатами накоплен и осмысливается немалый жизненный материал. И естественно, что такие произведения вызывали много откликов со стороны радиослушателей. Об этом хорошо сказал в своем отчете 1942 года В. Гусев: «Все те рассказы, в которых как-то встает образ советского человека, сражающегося с врагом или работающего в тылу для нашей победы. все те рассказы, где этот образ представлен автором данного произведения, писателем, полноправным, человеческим, где нет поверхностного описания событий, как правило, все эти рассказы доходили до сердца и разума наших слушателей. И даже в условиях войны, когда не всем до писем по этому поводу, в адрес радиокомитета мы получили довольно большое количество писем, одобрений, откликов». И дальше он говорит о том, что многие из слушателей обращались в редакцию радиовещания с просьбой передать им или разрешить списать текст только что прозвучавшего в эфире произведения: «И радиокомитет, в условиях, когда издательства работают в силу ряда причин довольно медленно, превратился помимо прямого своего назначения в центр распространения чуть ли не рукописных новых литературных материалов»[7].

МОСКВА ЛЕТОМ 1942 ГОДА
Рисунок А. В. Кокорина (тушь, перо)
Центральный музей Вооруженных сил СССР, Москва

МОСКВА ЗИМОЙ 1942/43 ГОДА
Рисунок А. В. Кокорина (тушь, перо)
Центральный музей Вооруженных сил СССР, Москва

Стихи — одна из наиболее эмоциональных форм литературы — занимает в эту пору ведущее место в передачах. По радио читаются стихи Л. Успенского, И. Неходы, С. Васильева, Е. Долматовского, М. Матусовского. С тематической подборкой стихов о героях выступает у микрофона И. Уткин. Специальная передача посвящается творчеству Н. Рыленкова.

Открывая литературно-музыкальную передачу «Черноморцы», диктор объявлял: «Сейчас у микрофона выступят поэты Лев Длигач, Александр Ромм и Павел Панченко, с начала Отечественной войны работающие на Черноморском флоте. Их стихи посвящены морякам и приморским защитникам Севастополя и гражданам героического города».

Передачу, посвященную творчеству украинских поэтов-фронтовиков, открывал Александр Копыленко:

«С самого начала Отечественной войны муза советских украинских поэтов пошла добровольцем на фронт, вместе с теми, кто слово свое приравнял к штыку, к автомату, к снаряду,— говорил он.— Так родилась наша фронтовая украинская поэзия, которая войдет в историю литературы героической страницей борьбы за освобождение Советской Родины от чужеземных захватчиков. Почти на всех фронтах принимают участие в боях украинские поэты. Вдохновленные отвагой, храбростью, непоколебимостью славной Красной Армии, они воспевают нашу борьбу, гневными строками клеймят врага».

В этот день стихи читали Микола Бажан, А. Малышко, Л. Первомайский и И. Нехода.

Нередко поэты посвящают свои произведения отдельным героям фронта. Так, командиру бронекатера лейтенанту Смертину посвятил свою «Быль про командира» А. Ромм. Илья Сельвинский посвятил «Балладу о танке КВ» героическому экипажу— товарищам Тимофееву, Останину, Горбунову, Чернышеву и Черкову, пробывшим 17 дней в осажденном танке (эта баллада, вместе с другими произведениями Сельвинского, прозвучала по радио 14 июня).

Тон литературных передач продолжает оставаться суровым, напряженным. Литературная передача 12 июля начиналась сообщением: «За несколько дней до своей безвременной гибели писатель Евгений Петров отправился в Севастополь на лидере „Ташкент", который прорвался сквозь кольцо вражеской блокады к осажденному городу. Вернувшись на этом корабле на побережье, Евгений Петров приступил к работе над очерком. Гибель на посту прервала эту работу. Незаконченная рукопись была доставлена в Москву. Слушайте посмертный очерк Евгения Петрова „Прорыв блокады"».

В первую годовщину со дня начала войны у микрофона выступал С. Маршак. Обычно он читал свои сатирические стихи; в этот день поэт произнес речь «Жизнь побеждает смерть»: «12 месяцев отделяют нас от того июньского дня, когда на рассвете хищный враг предательски перешел наши рубежи. Этот год пронесся стремительно, но опыт, который он нам дал, нельзя было приобрести за десятилетия мирной жизни. То, что лежало где-то в глубине, в основе человеческих характеров и государственных систем, поднялось на самую поверхность, проявилось в действии».

Писатель рассказывал о том, как советские люди берут на воспитание и усыновляют детей, оставшихся без родителей в военные дни: «Недавно я был в Москве на одном замечательном собрании. Это было „двухэтажное" собрание. Наверху, в зале Московского областного отдела народного образования, собрались взрослые, а этажом ниже — в детской комнате — ребята четырех, пяти, шести лет. Взрослые наверху говорили и слушали речи, как это обычно бывает на собраниях, а маленькие сидели на низеньких стульях или на ковре, смотрели картинки, строили что-то из кубиков и только иногда прерывали игру нетерпеливым и встревоженным зовом: „Мама! Отчего моя мама так долго не идет?" Ребенок перестает быть сиротой, переступив через порог незнакомого чужого дома. Впрочем, и само слово „сирота" теряет у нас право на существование»,— говорил Маршак. Писатель вспоминал выступление на этом собрании учительницы Егеревой, предложившей вовсе выкинуть из нашего обихода слово «сирота». Он закончил выступление размышлениями о том, что увидел и услышал на этом интересном собрании.

Иосиф Уткин

О РОДИНЕ
О ДРУЖБЕ
О ЛЮБВИ

ОГИЗ
Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1944

«О РОДИНЕ, О ДРУЖБЕ, О ЛЮБВИ»

Сборник военных стихов И. П. Уткина. М., Гослитиздат, 1944
Титульный лист и фронтиспис с портретом автора

«Все, кто слышал простую, глубоко сердечную речь учительницы Егеревой, не мог не почувствовать счастливой гордости за человека, за наш народ. Нет, фашистам не удастся отнять у наших детей будущее, разрушить наши семьи, наши дома. Люди у нас сильны и на фронте и в тылу. Бесконечна жизненная сила нашего народа, а жизнь всегда побеждает смерть!»

...Осень 1942 г. Идут упорные бои под Ржевом, под Моздоком. Сдан Новороссийск. В огне и дыму Сталинград. Перелистываешь папки архива, перечитываешь тексты литературных радиопередач того времени и видишь, как растет, крепнет, углубляется душевный опыт писателей. Поэзия и проза воюют в единой боевой шеренге с воюющим народом, живут его трудами и жизнью, делами и подвигами, откликаются на все, чем дышит фронт и тыл.

В эту пору появляются произведения, которым суждено иметь долгую и славную жизнь. 3 сентября у микрофона выступает А. Твардовский с главами из поэмы «Василий Теркин». На этот раз радио опережает печать: газета Западного фронта «Красноармейская правда» начала публиковать поэму 4 сентября. В «Правде» отдельные главы были опубликованы только 20, 23 и 26 сентября. Многомиллионные слушатели впервые познакомились с Василием Теркиным по радио.

Решимостью, страстной волей к победе дышат публицистические статьи А. Новикова-Прибоя «Мы победим!», «Ярость», «Волга», «Морские орлы». По радио передаются очерки П. Павленко «Закон», «Сыны Кавказа», «Да здравствует мщение!», присланные с переднего края. Публицистическим пафосом согреты очерки В. Бахметьева «О страхе и бесстрашии» и Л. Сейфуллиной «Спокойное мужество».

В конце 1942 и начале 1943 г. по радио читаются очерки А. Фадеева, написанные после поездки в Ленинград: «В отпуску у смерти», «Катя Брауде», «Боец», «Балтийский почерк». 10 января писатель читал у микрофона очерк «Бой за Великие Луки», в этот же день опубликованный в «Правде». Слушателей захватывала правдивость авторской интонации, строгая простота речи писателя — очевидца изображаемых событий. Автор подчеркивал, что своими глазами видел всё, о чем рассказывает: «В эти дни мы

с военным корреспондентом „Правды" майором Полевым вошли в западную часть города, чтобы осмотреть ее. Навстречу нам по дороге тянулись мирные жители — женщины, старики, дети, старухи...» И дальше: «Я присутствовал при допросе немецкого унтер-офицера Шмидта, захваченного старшим сержантом Боковиным в первый день штурма... Я пришел на этот допрос из подвального помещения одного из зданий в Сергиевской слободе...» Даже говоря о тяжелых потерях, писатель сохраняет строгий, очень простой тон. Эта простота делает очерк особенно впечатляющим и убедительным: «Секретарь партбюро показал мне стопки партийных билетов убитых бойцов и командиров в бою за Великие Луки. Некоторые из них были в крови. С глубоким волнением просматривал я эти билеты, из которых глядели на меня с маленьких фотографий большей частью молодые, то строгие, то веселые, то спокойные, но всегда ясные, открытые, умные человеческие лица. Секретарь партийного бюро показал мне сотни заявлений бойцов и командиров о вступлении в партию, поданных уже во время боев за Великие Луки».

Сталинградская эпопея, бессмертный подвиг города-героя и его защитников, бесславное поражение фашистской армии — вот тема, ставшая основной в литературных передачах 1943 г. По радио читаются очерки В. Гроссмана и Б. Полевого, отрывки из «Сталинградских записей» Б. Агапова и другие произведения.

Появляются и монументальные полотна, рожденные в грозах фронтовых дней. В отрывках и отдельных главах радиопередачи знакомят слушателей с «Непокоренными» Б. Горбатова, «Они сражались за Родину» М. Шолохова, повестью А. Бека «Панфиловцы на первом рубеже». Еще более широкий круг авторов привлекается к разделу «Из дневника писателя». В программах этих передач участвуют А. Авдеенко, А. Крон, В. Кожевников, К. Тренев, С. Гехт. С фронтовыми очерками постоянно выступают К. Симонов, В. Ставский, братья Тур, А. Штейн и др.

В программы включаются и произведения, раскрывающие жизнь, труд, быт людей тыла во время войны. Этим темам посвящены рассказы М. Пришвина, В. Шишкова, В. Каверина, отрывки из романов А. Караваевой «Главный хирург» и «Огни».

В канун второй годовщины со дня начала войны И. Эренбург выступает у микрофона с чтением своей поэмы «Наступление». Передача стихов Янки Купалы начинается обращением поэта к родному белорусскому народу, борющемуся за освобождение от фашистских захватчиков.

...Август 1943 г. Наши войска после ожесточенных боев овладели Орлом, освободили Белгород. В Москве звучат первые салюты в честь победителей. Откликаясь на события этих дней, одна из литературных передач начинается сообщением: «На боевом посту под Орлом погиб выдающийся командир Красной Армии, участник Сталинградской битвы, генерал-майор Гуртьев Леонид Николаевич. Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР память товарища Гуртьева увековечивается сооружением ему памятника в городе Орле. Слушайте очерк Василия Гроссмана „Направление главного удара", описывающий участие в Сталинградской битве Сибирской дивизии, которой командовал в то время полковник Гуртьев».

Все дальше и дальше развивается наступление наших войск. В дни Октябрьских праздников литературно-музыкальная передача «Стихи и песни Павла Тычины» открывается вступительным словом поэта: «К тебе, мой родной украинский народ, я обращаю сыновнее слово свое. Неисчислимы твои бедствия, тяжки твои мучения, которые упали на тебя в Отечественной войне от кровавого Гитлера! Но все мучения ты бесстрашно переносил и переносишь — и потому имя тебе — Мужественный народ, Великий!.. Вместе с великим братским русским народом и другими народами Советского Союза ты твердо на ноги стал, ты обратил свой огненный гнев против ненавистного врага проклятого, ты ударил по нем, словно богатырским молотом по наковальне. И потому — имя твое — Богатырь-народ. Бессмертный! Бессмертны подвиги твоих сынов, борющихся за Родину в рядах Красной Армии. Бессмертны подвиги твоих народных мстителей — партизан во вражеском тылу! Славны дела твоих сынов, работающих в помощь Красной Армии в тылу. И потому имя твое — Народ-Победитель! Торжествуй, народ мой! Уже Красная Армия, очистив от немецких захватчиков левобережье Украины, перешла Днепр, освободила наш Киев и бьется за освобождение

детей твоих на правом берегу Днепра. Торжествуй, народ мой! Суд уже вершится над тиранами: не уйдет от кары справедливой нашей ни мерзкий палач Гитлер, ни его приспешники!

Ты ж, народ мой, возрождаешься, из-под руин воскресаешь! Высоко значение патриотической самоотверженности сынов твоих, высоко звучание твое в Великой Отечественной войне! Учреждением ордена Богдана Хмельницкого, переименованием города Переяслава в Переяслав-Хмельницкий еще выше Советским Правительством поднято это значение, это звучание твое. И главный мотив всех твоих сегодняшних песен и речей: Я побеждаю! Я, народ украинский, живу! Я — утверждаюсь!»

Под знаком победоносного наступления наших войск начался и проходил 1944 г. Полностью ликвидирована блокада Ленинграда. Цикл постоянно передававшихся очерков, рассказов, статей Н. Тихонова завершился его выступлением «Ленинград победил». К. Федин читает по радио свой гневный очерк «День немца в Гатчине».

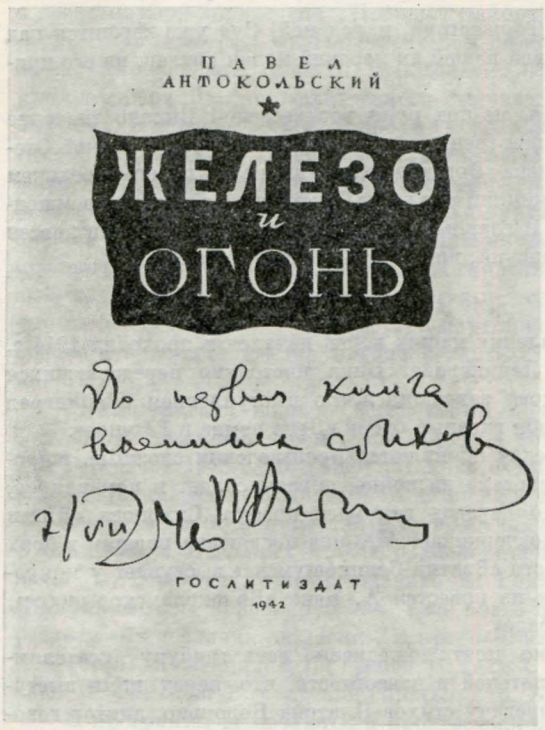
В программах литературных передач появляются произведения сложные, широкие, раскрывающие душевный мир человека на войне, образы солдат и командиров, картины боевых операций. Несколько передач занимает повесть Симонова «Дни и ночи». Объявляя ее чтение, диктор подчеркивает, что она посвящена павшим в боях за Сталинград. С чтением глав из повести «Взятие Великошумска» выступает у микрофона Л. Леонов, передаются отрывки из повестей А. Бека «Волоколамское шоссе», А. Чаковского «Это было в Ленинграде».

Продолжая свою традицию, радио почти ежедневно дает трибуну писателям-фронтовикам, обязательно ставя слушателей в известность, что перед ними выступает участник боев. Так, открывая передачу стихов Платона Воронько, диктор говорит: «Передаем стихи украинского партизана-поэта Платона Воронько, участника легендарного похода партизанских отрядов по тылам врага в предгорьях Карпат, осуществленного под руководством дважды Героя Советского Союза Сидора Артемьевича Ковпака. Стихи эти писались в походе и исполнялись партизанами под баян». Одна из передач начиналась сообщением: «Слушайте фрагменты поэмы о России. Автор поэмы гвардии майор Николай Грибачев».

Выступая со своими стихами об артиллерии, поэт Сергей Васильев рассказал слушателям, почему он пишет на эти темы: «Тот, кому довелось слушать грозную музыку боя, знает, что первое, доминирующее место в этом хаосе взбудораженных звуков принадлежит частому, убедительному голосу пушки. По крайней мере, мое первое ощущение фронта связано с орудийным гулом. Суровые низкие ноты пушечной канонады как бы выражают собой голос разгневанного советского народа, спокойного в своем величии и гордого в своей правоте. При более тщательном наблюдении и изучении артиллерии и ее людей окончательно убеждаешься в том, что это так и есть: артиллеристы — владыки поля битвы, первые и верные заступники за нашу оскорбленную землю, первые в ряду тех, кто карает захватчиков и обидчиков».

Поэт утверждал, что артиллерия всегда являет пример дисциплины, слаженности и организованности боя: «Артиллерист, как правило, расчетлив, храбр, верен своей громобойной машине, влюблен в свою профессию — мастера огня. Характер артиллериста — это характер всего нашего многомиллионного народа в целом. Артиллерист стоит насмерть. Артиллерист — надежда пехоты. Раз услышав и увидев артиллерийскую подготовку, я на всю жизнь сохраню в своем сердце восхищение и преклонение перед этим потрясающим зрелищем, о котором не писать нельзя. Первые мои стихи, написанные на фронте, были об артиллеристах».

Чтение стихов об артиллеристах поэт заканчивал рассказом о том, как увлечение этой темой привело его на Урал, в одну из прославленных кузниц советского вооружения: «Трудной, но увлекательной оказалась моя работа о производстве пушки, о рождении бога войны. Романтика боя, непосредственные впечатления от действия пушки на огневой позиции отодвинулись в моем сознании на второй план, зато я еще глубже почувствовал единство нашего непобедимого народа. Здесь, на Урале, за тысячи километров от фронта, куют люди победу. Это не фраза, это — истина. Тысячами



«ЖЕЛЕЗО И ОГОНЬ»
Первый сборник военных стихов П. Г. Антокольского. М., Гослитиздат, 1942
Обложка с автографической надписью поэта, 7 июля 1946 г.
Литературный музей, Москва

сердечных нитей связаны пушкари-уральцы со своими храбрыми братьями — пушкарями-фронтовиками. Умные, вдохновенные руки производят пушку». Чтением глав поэмы «На Урале» закончил поэт свой рассказ.

С обращением к друзьям-фронтовикам выступил в одной из передач Павел Антокольский. С гордостью за великую побеждающую армию поэт говорил: «Мысли и чувства всех советских людей обращены туда, далеко на Запад, далеко за пределы нашей государственной границы, за Карпаты, за Дунай и Тиссу, к плацдармам на западном берегу Вислы и Нарева, к северным фьордам Норвегии, туда, где в жарких трудах, в потрясающих громах артиллерийского наступления, борется и побеждает наша родная Красная Армия...»

Поэт перечислял имена близких ему фронтовиков: «... подполковник Зирка, славный командир самоходчиков,— помнишь ли ты нашу встречу на правом берегу одной знакомой речки?.. Или братские объятия с тобой, майор Женя Долматовский, наших встреч и не сосчитаешь, а сколько их еще предстоит!» Тепло и торжественно закончил поэт свою речь: «Друзья наши, цвет и краса нашего народа, москвичи, горьковчане, бакинцы, где бы вы ни были, у переднего края, под золотым небом четвертой военной осени, — примите наше пожелание вам счастья, бодрости, победы в последние решающие дни мировой битвы. Победа близится! Смертельный враг загнан в свою черную берлогу. Над ним висит карающий меч нашей правоты, нашего суда:

Настанет день,— из всех стволов ударив,
Завоет орудийная пурга.
Шагнут фронты за Вислу и за Нарев,
Чтобы расплющить голову врага».

7 ноября 1944 г. праздничную передачу стихов советских поэтов открывал Алексей Сурков: «Торжественные салюты гремят над советской столицей. От имени Родины, от имени миллионов советских людей столица приветствует победителей, приветствует славных своих сынов, освободителей родной земли от черных гитлеровских орд. Советская земля очищена от кровожадной фашистской нечисти. Над всей советской землей развевается гордое победное Красное знамя Октября. Под этим знаме-

нем празднуем мы победу на освобожденной земле. Есть чем гордиться советскому патриоту. Сорок месяцев, по-братски деля печали и радости сурового военного времени, мы жили предчувствием, ожиданием этого светлого и дорогого дня».

Со страстью истинного публициста поэт говорит о вере советских людей в свою армию и ее победу: «Матери, отправляя сынов в армию, давали им наказ — стойте насмерть, сражайтесь отважно, уничтожайте проклятых разбойников, освобождайте родную землю. Рабочие, отправляя фронтовикам танки и самолеты, орудия и винтовки, трудились, не жалея сил и не считая часов, во имя светлого дня освобождения родной земли от чужеземного ига. Колхозники и колхозницы, выращивая высокие урожаи, вкладывали в работу все свои силы и знали, что придет такой день, когда ни одного вооруженного гитлеровца не останется на советской земле. Этот день настал».

Наши войска шаг за шагом освобождают земли прибалтийских республик. В связи с этим специальная передача посвящается творчеству поэтов Литвы, Латвии и Эстонии.

16 декабря 1944 г. «Литературная газета» публикует интересные цифры, свидетельствующие об активной работе писателей на радио: только за десять месяцев текущего года состоялось 116 авторских передач, в которых приняли участие советские поэты, и 145 выступлений с произведениями художественной прозы.

Примечательно, что в эти годы подъема патриотических чувств, роста национального самосознания народа по-новому, современно, почти злободневно зазвучали многие произведения классиков русской художественной литературы. Общеизвестна популярность Л. Толстого в военные годы. «Война и мир», «Севастопольские рассказы» часто передавались по радио. В дневнике Вишневского осталась запись от 4 ноября 1941 г.: «Чу́дно читают по радио Льва Толстого — „Севастопольские рассказы“ (зима 1854 г.). Да ведь это сегодняшний эпос! Как видит Толстой силу и упорство русского народа, его простоту, военные детали, психологию военного быта!»[8]

«ГАНГСТЕРЫ»

Отдельное издание памфлета И. Г. Эренбурга. М., Госполитиздат, 1941

Обложка. Карикатура Б. Е. Ефимова.

Слева направо: Гитлер, Геринг, Гиммлер, Лей, Розенберг, Геббельс

Не только «Война и мир», «Севастопольские рассказы», но и «Казаки», «Алеша Горшок», «Детство и отрочество» не раз транслировались по радио.

Да и только ли Толстой! Державин и Жуковский, Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Салтыков-Щедрин, Тургенев и Чехов, Горький и Маяковский были постоянными «духовными спутниками» народа в годы войны. В архиве хранятся подробные программы передач, в которые были включены многие произведения поэтов пушкинской поры. Такие стихотворения, как «К Дашкову», «Переход через Рейн», «К Никите», «Переход русских войск через Неман в 1813 году» — Батюшкова, «Очерки Москвы», «Царскосельский сад зимою», «Тройка», «Береза», «Петербург» — Вяземского, «Муза», «Признание», «Буря» — Баратынского, «Тригорское», «Послание к друзьям» — Языкова читались по нескольку раз. Новую жизнь обрели такие стихи и песни А. К. Толстого, как «Садко», «Алеша Попович», «Змей Тугарин», стихи Бенедиктова, стихотворения Апухтина «Памяти адмирала Корнилова» и «Солдатская песня о Севастополе», страницы исторических романов Лажечникова и Мордовцева.

Случалось, что редакция передач находила оперативный повод для чтения тех или иных классических произведений. Так, например, чтение стихов Пушкина и Языкова, посвященных пушкинским местам, начиналось вступительным словом: «Красная Армия освободила от фашистских оккупантов священные достояния русской культуры — пушкинские места: Святогорский монастырь, где покоится прах великого поэта, Михайловское и Тригорское, где жил и творил Пушкин. Фашистские варвары подло надругались над „приютом свободного поэта", воспетым Языковым, другом Пушкина. Они обрушили свои бомбы на Святогорский монастырь. Они вырубили те сосновые рощи, чей „знакомый уху шорох" приветствовал Пушкин. Но слава пушкинских мест вечна и всегда будет жить в памяти нашего народа, закрепленная в стихах Пушкина и Языкова... За поругание народных святынь Красная Армия беспощадно мстит немецко-фашистским злодеям. Покой, счастье и красота вернутся к пушкинским местам».

С первых своих часов и дней 1945 год был назван годом грядущей Победы. Безоговорочная уверенность в близости победоносного завершения войны окрыляла творчество писателей и поэтов. Иной стала география произведений, транслирующихся по радио. Под рубрикой «Из записной книжки советского писателя» читаются очерки П. Сажина «На Дунае», Л. Первомайского «Освобожденная Вена», И. Эренбурга «В Германии». «Все дороги ведут на Берлин» — называет свой очередной радиофельетон В. Дыховичный.

Впервые появляется на радио имя Галины Николаевой. Начиная передачу ее произведений, диктор сообщает: «Слушайте стихи молодой поэтессы, участницы боев под Сталинградом». В программу были включены стихи «Мы не прежние», «Эшелон», «Суховей».

Ежедневно читаются очерки, корреспонденции и рассказы, сошедшие с газетных полос, присланные с фронта, несущие с собой жаркое и радостное дыхание победоносных наступательных сражений.

Наряду с торопливыми, динамичными, как сводки Совинформбюро, заметками и очерками передаются в этом последнем военном году произведения эпического характера. А. Фадеев выступает у микрофона с отрывком из романа «Молодая гвардия» — «Руки матери моей». Чтение глав этого романа занимает несколько передач. По радио передаются главы из книги В. Гроссмана «Народ бессмертен», В. Катаев читает серию очерков «Катакомбы».

Май 1945 года. Литературные передачи идут часто по нескольку раз в день. В каждой из них одна великая тема — торжество справедливого возмездия, радость победы. С проникновенными, прочувствованными словами обращаются к воинам-победителям и народу Ф. Гладков, Л. Леонов, М. Рыльский, И. Эренбург, Анна Караваева, О. Берггольц и др. С большой публицистической речью выступает К. Федин. Вспоминая весь титанический путь, пройденный Красной Армией,— от начальной победы под Москвой до наступления, разливавшегося по всем направлениям,— писатель анализировал причины исторически неизбежного поражения гитлеровской Германии: «Принцип

прусской системы воспитания заключался в подготовке повелителей всех рангов и в обучении масс повиноваться. Когда-то крупный немецкий писатель Фридрих Шпильгаген хорошо сказал о германском народе: „Неистовое стремление повелевать, рабская жажда слушаться повелений — вот две вещи, которые обвивают немецкого геркулеса и делают из него карлика". Гитлеровцы коварнейше использовали эти черты немецкого национального характера. Они поощряли любыми путями стремление немцев повелевать. Они насадили сверх армии всевозможных гаулейтеров, шарфюреров, штурмфюреров, выдав им на растерзание все порабощенные народы и предоставив право командовать народом немецким. Они в то же время фанатически культивировали слепую покорность в школе, в семье, обожание и обоготворение массами самых микроскопических лейтеров и фюреров. Так берлинские наследники пруссачества достигли того, что в нравственном отношении немецкий „геркулес" сделался воистину карликом, мстительным гномом, злым духом подземной тьмы. Но гитлеровцам и не нужен был „геркулес", о котором говорил Шпильгаген. Им требовался великан не в нравственном отношении, а рекордсмен-палач, на которого можно было бы возложить миссию всемирного разгрома».

Лейтмотив этой статьи — величие духа, нравственная сила советского народа и его армии.

Одним из самых поэтичных, взволнованных и волнующих было в эти дни выступление К. Паустовского в передаче, которая называлась «Утро победы»:

«Наши войска в Берлине. Рушится и горит черная столица Германии. Дым тяжелых пожаров — последний дым войны — еще клубится над измученной и освобожденной Европой. Но в глубине Германии „в долине, где Эльба шумит" уже встретились победители, — наши бойцы и американские солдаты, — и протянули друг другу руку».

Писатель вместе со слушателями пытался осмыслить огромное значение победоносного завершения войны для всего свободолюбивого человечества: «Победа вернула нам великолепное ощущение жизни и в малом и в большом. В эти дни мы по-настоящему поняли, как стосковалась земля по умным и добрым человеческим рукам. С какой силой она ответит мирному нашему человеку на заботу о себе. ⟨...⟩ Жизнь победила. Победил светлый человеческий разум. Мы не изменили себе. Потому что недаром были великие революции, недаром жили на свете такие люди, как Ленин и Лев Толстой, Пушкин и Диккенс, Леонардо да Винчи и Пастер, Рузвельт и Шекспир. Потому что недаром мы выросли в великой стране, давшей всему миру образцы высоты человеческого духа и справедливости»[9].

Радиослушатели с нетерпением ждали подробных сообщений о днях завершения войны. Их интересовали корреспонденции очевидцев о событиях последних военных дней. Этой теме в основном и посвящались литературные передачи. 11 мая у микрофона выступил Вс. Вишневский. В архиве его речь не сохранилась, видимо, писатель говорил без подготовленного заранее текста. Осталась только записочка со словами диктора: «Начинаем литературную передачу: Всеволод Вишневский. „О Берлине". У нас в студии находится писатель Всеволод Вишневский, вернувшийся третьего дня из Берлина. Слушайте его выступление у микрофона».

Возвращаясь из Действующей армии, писатели торопились поделиться своими впечатлениями, прочитать новые произведения. 17 мая передача началась сообщением: «В Москву, на пленум Союза советских писателей прилетели из Германии писатели-фронтовики 2 Белорусского фронта: прозаик Александр Исбах и поэт Михаил Матусовский. Они прошли вместе с войсками фронта весь путь наступления от Нарева до Эльбы, по землям Восточной Пруссии и Померании, они были свидетелями происшедшего в самом сердце Германии исторического соединения войск маршала Рокоссовского с союзными нам американскими войсками. Писатели прочтут свои очерки и стихи, написанные в дни завершения победных битв в Германии».

«Встреча на Эльбе» — так и назывался очерк, который прочитал в этот день А. Исбах. Через несколько дней по радио выступали вернувшиеся с фронтов М. Рыльский и Е. Долматовский.

Как и во все военные годы, писатели в эти дни ощущали свое единство с народом, жили его мыслями и чувствами, стремились как можно ближе и теснее общаться с теми,

для кого они живут и творят. Они выступали у микрофона, делясь со слушателями своими настроениями, новым восприятием мира, в котором больше нет войны. В этом смысле характерно выступление по радио Веры Инбер: «Никогда еще чувство весны не было так ощутимо, как сейчас, в мае 1945 года. Этот май войдет в историю земного шара как подлинная весна человечества. Мы знали раньше Песню Песней. Теперь мы знаем Весну Весен. Кто из нас забудет ночь с восьмого на девятое мая, когда мы услышали по радио, что победа уже с нами. Что гитлеровская Германия, терзавшая так долго страны и народы, повержена, приведена к безоговорочной капитуляции. Казалось, рассвет начался сразу же, после первых долгожданных слов по радио. По мере того как произносились слова — светало. Раздался гул самолетов. И всем показалось, что это крылья Победы прошумели над нами в голубом рассветном воздухе. Мы всегда думали, что час Победы будет прекрасен. Но мы не думали, что он будет так прекрасен. В действительности все оказалось лучше, лучезарнее, чем в мечтах».

Писательница как бы вводила слушателей в свою творческую лабораторию: «Сейчас мне хочется прочесть одну вещь, в которой я попыталась передать ощущение этого обновленного воздуха мира, этой совершенной весны. Свое стихотворение (вернее назвать его маленькой поэмой) я начала полгода тому назад. Я окончила его еще во время войны. Дописав последнюю строчку, я задумалась над тем, когда сбудется все то, о чем я писала. Этот такой желанный день настал. Моя маленькая поэма называется „Домой, домой". Написанная, по существу, для детей, она, думается мне, может быть выслушана и взрослыми».

Эта маленькая поэма о счастливом возвращении птиц к милым, родным скворечням звучала символически и трогала сердца.

Война была завершена. Естественно, изменился общий тон и содержание литературных радиопередач. Но темы и образы, рожденные писателями в огне битв, еще продолжали жить и волновать слушателей. Грозные отблески военного времени еще долго освещали особым светом программы литературных радиопередач. Произведения, тесно связанные с военной темой, еще долгие годы звучали в эфире.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вс. Вишневский. Собр. соч., т. 3. М., Гослитиздат, 1956, стр. 15, 120, 181, 260 и 558.

[2] Стенограмма заседания Президиума ССП от 2 октября 1941 г. — ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 532, л. 3 об.

[3] Там же, л. 4 об.

[4] Там же, лл. 4 об. и 5. Работе бригады писателей на радио была посвящена корреспонденция в «Литературной газете» 3 сентября 1941 г.; 10 сентября «Литературная газета» в передовой статье «Писатель и радио» писала об огромном значении живого слова, обращенного к многомиллионной аудитории радиослушателей.

[5] Отчет о литературных передачах с 1 января до 1 июля 1942 г. (Приложен к стенограмме заседания Президиума ССП по вопросу об участии писателей в радиовещании от 29 июля 1942 г.— ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 584, лл. 1—8).

[6] Там же, л. 16.

[7] Там же, л. 17.

[8] Вс. Вишневский. Собр. соч., т. 3. М., Гослитиздат, 1956, стр. 190.

[9] Полный текст выступления К. Г. Паустовского печатается в первом разделе настоящ. тома.

«ГОВОРИТ ЛЕНИНГРАД!..»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕДАЧИ ЛЕНИНГРАДСКОГО РАДИО

Обзор А. П. Половникова

В страшную блокадную зиму 1941/42 г. радио заменяло ленинградцам едва ли не все прочие средства связи и общения. Оно было и «связным», и агитатором, и советчиком, и другом. Даже в те часы, когда не было передач, мерный стук метронома как бы говорил: «Я — здесь, я действую, всё — в порядке!» По радио Ленинград продолжал держать связь со страной. Слова: «Внимание, говорит Ленинград!», которыми начиналась каждая радиопередача из осажденного города, жадно ловили в эфире связисты на всем протяжении 1000-километрового фронта. Этих слов, где-то там, в глубоком тылу врага, ждали партизанские радисты. Знакомые голоса ленинградцев были живым опровержением лживой фашистской пропаганды, без конца твердившей, что «большевистский Ленинград» уже весь «вымер» и вот-вот будет занят гитлеровскими армиями.

Писатели стали активными участниками работы радио с самого первого дня войны. Они работали много, безотказно, в самых различных жанрах, подчас открывая у себя новые, самим себе неведомые возможности, обогащая и развивая свой талант.

Для радио годился любой род, любой вид литературного «оружия». Радио нужно было всё: вдохновенная митинговая речь и доверительный разговор «по душам», острый антифашистский фельетон и очерк о героях города и фронта, песня и раешник, басня и лозунг, и стихи — особенно нужны были тогда стихи!

Радиопередачи «Говорит Ленинград», транслировавшиеся на всю страну (через станции центрального вещания), были начаты в тревожные дни сентября 1941 г., когда блокадное кольцо уже сомкнулось вокруг города. У микрофона ленинградского радио в этих ежедневных передачах выступали руководители партийных и советских организаций города, рабочие, солдаты, матросы, домохозяйки, учителя, артисты. И, конечно, непременными их участниками, а зачастую и организаторами, были писатели.

Писатели выступали у микрофона в радиоперекличках, которые в первые месяцы войны Ленинград вел с защитниками Киева, Одессы, Севастополя, с гарнизонами Ханко и балтийских островов, продолжавшими сражаться в тылу врага. Позже, уже в начале 1942 г., возникла еще одна новая форма радиопередач — «Фронтовая газета по радио». И в ней слово писателя заняло достойное место.

Следует помнить, что Ленинградский радиокомитет был в полном смысле фронтовым объектом и весьма заманчивой целью для фашистских летчиков и артиллеристов. Радиопередачи из осажденного города сильно портили нервы гитлеровскому командованию, поторопившемуся растрезвонить на весь мир, что падение Ленинграда — дело чуть ли не ближайших часов. Ведь действительно уже были назначены сроки «торжественного парада» на Дворцовой площади, и где-то, в каких-то походных типографиях вермахта печатались для «господ офицеров» пригласительные билеты на банкет

в «Астории». А радио Ленинграда день за днем продолжало свою работу, уже самим этим фактом разоблачая хвастливые заявления фашистских стратегов!

Гитлеровцы все время пытались нащупать Дом радио. В непосредственной близости от него не раз рвались снаряды фашистской артиллерии. К счастью, только один из них, уже в 1943 г., попал в здание (да и этот снаряд не разорвался!). Очень близко ложились и авиационные фугаски. В конце сентября 1941 г. несколько бомб разорвалось совсем рядом — на Малой Садовой, на улицах Ракова и Толмачева, на Невском проспекте (в саду Дворца пионеров и в Гостином дворе). Тяжелой авиационной бомбой был разрушен большой корпус во дворе Радиокомитета.

Но что бы ни происходило в городе — бомбежки или обстрелы, или и то и другое вместе,—радиопередачи не прекращались ни на один день!

В полную силу звучали голоса ленинградских писателей в ту грозную пору.

Разве можно забыть выступления по радио Всеволода Вишневского?! Поистине огневой призывной силой обладало страстное, гневное слово писателя-бойца, с его неповторимой, широкой интонацией балтийского «братишки», матроса великой Революции. Этой силой были наполнены и радиоречь, произнесенная им в дни 24-й годовщины Октября, и выступление «Слушай, родная Москва!», передававшееся в тягчайшее для всей нашей Родины время, когда гитлеровские орды были на подступах к советской столице. Десятки раз выступал Вишневский по ленинградскому радио в годы Отечественной войны. Мастерски владея трудным искусством радиопублицистики, он любил радио, и ленинградцы любили его выступления.

Пишущему эти строки очень памятно одно из выступлений Вишневского (уже зимой 1941/42 г.), при котором работникам радио пришлось нарушить все привычные «каноны» — в этот раз не было ни заранее подготовленного текста, ни предварительной записи.

В партизанском штабе мы узнали, что с оккупированной фашистами территории через линию фронта в город пробралась женщина, простая лужская колхозница, с двухлетней дочерью. Нам посоветовали послушать, что она рассказывает о своем пребывании в условиях гитлеровского «нового порядка».

Женщину отыскали, привели в Радиокомитет, угостили горячим чаем и ломтиком хлеба, выделенным из скудного блокадного пайка, а для ее девочки раздобыли даже несколько конфет из дуранды. Гостью расспрашивали с жадностью — ведь это был первый увиденный нами человек, который на себе испытал все прелести фашистского «рая». Худая, издерганная, изнервничавшаяся за себя и за ребенка женщина говорила медленно, то и дело надолго замолкая. Она рассказывала о том, как гитлеровцы ворвались в их деревеньку, как в тот же день были «отсортированы» все пожилые люди — их под конвоем отвели в медицинскую службу фашистской части, где у каждого из приведенных было взято по 400—500 граммов крови, понадобившейся для переливания раненым «арийцам». После этой процедуры все невольные «доноры» были уничтожены. На следующий день повели сдавать кровь тех, кто остался в живых. Взяли кровь и у этой женщины. А затем фашистский врач потребовал, чтобы она отдала девочку. Зачем? На ломаном русском языке матери объяснили, что у девочки тоже возьмут кровь. Кроме того, у нее срежут несколько кусочков кожи. Кожа нужна для заживления ран. Женщина плакала, валялась в ногах у врача, просила взять кожу у нее. Врач холодно ответил:

— Твоя кожа старая, она плохо прирастает, она не растягивается...

Палач с докторским значком в петлице срезал с груди и спинки ребенка десять кусочков кожи. Девочку исхлестали ремнем. Она, видите ли, не хотела лежать спокойно...

Женщин и молодежь не расстреляли, их заставили заняться хозяйственным обслуживанием фашистской части. Когда часть двинулась дальше, женщин собрали и под угрозой смерти повели с собой.

Страшным был этот рассказ о почти двухмесячных скитаниях группы русских женщин! Да, все это стоило послушать ленинградцам! Только как это осуществить? Хотели сделать запись, но при виде незнакомой аппаратуры женщина совсем расте-

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ПИСАТЕЛИ В ДЕНЬ НАГРАЖДЕНИЯ МЕДАЛЯМИ «ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА»

Слева направо: В. М. Саянов, А. А. Прокофьев, О. Ф. Берггольц, В. Б. Азаров, Н. С. Тихонов, В. М. Инбер, И. К. Авраменко, Е. И. Рывина, А. Л. Дымшиц, К. Т. Ванин, А. Г. Голубева, Б. М. Лихарев, В. В. Вишневский

Фотография Г. И. Чертова. Ленинград, 3 июня 1943 г.

Литературный музей, Москва

рялась. Беседы у микрофона тоже не получалось. Тогда решили: запротоколировать возможно подробней наши вопросы и ответы женщины и дать эту запись Вишневскому, чтобы он подготовил по ней свое очередное выступление по радио. Прочитав протокол, Вишневский сказал только:

— Пустите меня сейчас вот с этим... — он потряс пачкой листков,— прямо к микрофону. Нечего мне тут готовиться!

Право же, это было одно из лучших его выступлений!

Надо сказать, что Вс. Вишневский вообще, выступая у микрофона, не очень-то строго придерживался написанного им текста. Написанное служило ему только основой, «канвой», и ораторский темперамент иной раз уводил его довольно далеко от этой «канвы». Я очень хорошо помню выступление Вс. Вишневского в «Радиохронике» 22 октября 1941 г. с речью «Слушай, родная Москва!». Речь эту писатель, как было положено, представил в Радиокомитет в «письменном виде», перепечатанной на машинке. Но выступая, он увлекся. Я был редактором этой радиопередачи, текст Вс. Вишневского лежал передо мной, и мне удалось — правда, наскоро, карандашом, — тут же, между машинописных строк вписать все то новое, что Вс. Вишневский внес в свою речь, так сказать, «по ходу действия».

Этот выпуск «Радиохроники» (№ 98), к счастью, сохранился, и пять страничек радиоречи «Слушай, родная Москва!» представляют собой отличное «наглядное пособие» к тому, как *писал* и как *говорил* Вс. Вишневский.

Очень характерно, что на первых двух страницах поправок почти нет. Зато заключительные страницы сплошь испещрены ими!

С первого и до последнего дня войны работала на радио Ольга Берггольц. Ее суровый и горький «Февральский дневник», скорбная и гордая «Ленинградская поэма», стихотворные «Письма на Каму», «Стихи о ленинградских большевиках», ее выступления, включенные позже в книгу «Говорит Ленинград...», как и многие другие произведения, по праву вошедшие в поэтическую летопись бессмертной ленинградской эпопеи,— все это было написано для радио и по радио читалось. Поэма «Февральский дневник», например, писалась для радиопередачи, посвященной дню Красной Армии

23 февраля 1942 г. Стихи были неотъемлемой частью бесед писательницы перед микрофоном — тех дружеских, сердечных («от сердца к сердцу!») бесед, которые Ольга Берггольц вела изо дня в день даже в самое тяжкое и мрачное время блокады. Ее выступлений ждали, ей верили...

Стихи, поэмы, очерки, впоследствии вошедшие в книги и сборники О. Берггольц,— это только небольшая часть того, что было сделано ею для радио. Писательница работала ежедневно, выполняя задания самых различных редакций и отделов Радиокомитета. Она писала и для передач, идущих на «Большую землю», и для «Фронтовой радиогазеты», и для иностранной редакции, занимавшейся контрпропагандой в войсках противника. В радиокомитетских архивах сохранились ее зарисовки жизни блокадного города, очерки о ленинградских партизанах, памфлеты, антифашистские басни («Гуси», «Собачья дружба», «Горшки и Котел» и др.). В них, пародируя образы крыловских басен, О. Берггольц беспощадно высмеивала правителей гитлеровского «райха», их подручных и сателлитов. Блестяще написаны и ее стихотворные фельетоны («Про Марью Ивановну, про Ници-Ници и про то, что Геббельсу снится», «Чтобы дядя не болтал — за ушко, да в трибунал!») и другие мелкие сатирические вещи.

Много работал на радио Николай Тихонов. Он выступал в передачах «Говорит Ленинград», участвовал в радиомитингах и перекличках. По радио ленинградцы слушали стихи поэта о первых героях ленинградской обороны, его поэмы «Киров с нами» и «Слово о 28 гвардейцах», цикл «Ленинградских рассказов», фронтовые зарисовки и корреспонденции, очерки о жизни осажденного города (они составили впоследствии книгу «Ленинградский год»).

Почти три года жила в блокадном Ленинграде Вера Инбер. Все это время она постоянно выступала у микрофона с публицистическими статьями и стихами. По радио поэтесса читала главы своей поэмы «Пулковский меридиан», над которой она работала все блокадные годы.

Выступали по радио и литераторы старшего поколения — А. Ахматова, И. Груздев, В. Десницкий, Вяч. Шишков, Б. Эйхенбаум и др. Текст одного из выступлений Анны Ахматовой в сентябре 1941 г. был записан Ольгой Берггольц — она приводит его в книге «Говорит Ленинград...».

Особого упоминания заслуживает и та большая, самоотверженная работа, которую ленинградские литераторы вели во время блокады в радиовещании для детей. Ее организаторами были писатели Н. Ходза, работавший тогда начальником отдела детского радиовещания, и К. Меркульева — редактор того же отдела.

Собственно, почти все ленинградские писатели так или иначе принимали участие в работе радио — и те, кто жил и работал в самом городе, и те, кто служил в армии или на флоте. Материалы с фронта присылались главным образом «с оказией» — на почту надежда была плохая! А попадая в город, писатели-фронтовики обязательно выкраивали время, чтобы побывать в Радиокомитете. Здесь они всегда были желанными гостями, и встречи с ними обычно заканчивались в студии у микрофона или у звукозаписывающей аппаратуры (если время было неподходящим для передачи). Стихотворение, очерк, рассказ о подвигах героев ленинградской битвы «наговаривались» либо на воск, либо на шорнофонную пленку и воспроизводились в ближайшей же передаче. Так слушали ленинградцы фронтовые стихи Вс. Азарова, Н. Брауна, М. Дудина, В. Лифшица, Б. Лихарева, Л. Поповой, А. Прокофьева, В. Саянова, очерки, рассказы, корреспонденции А. Дымшица, П. Лукницкого, Д. Левоневского, Г. Макогоненко, Г. Мирошниченко, Н. Михайловского, А. Розена, А. Садовского, Д. Славентантора, Евг. Федорова и других писателей-фронтовиков и военных корреспондентов.

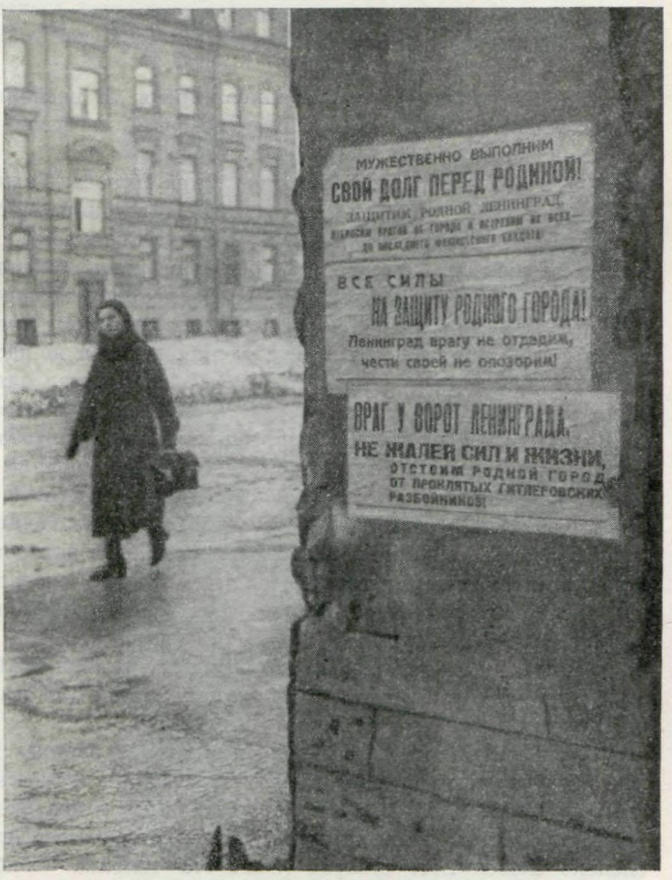
Еще одним радиоизданием, вокруг которого группировались литературные силы, были выпуски так называемой «Радиохроники».

Эта радиопередача родилась в самые первые военные дни, на базе выходившей до войны «Литературной газеты по радио» — солидного академического еженедельника с большой писательской редколлегией, с широким кругом авторов и корреспондентов. В отличие от своей предшественницы, «Радиохроника» должна была с макси-

мальной оперативностью откликаться на события, быть мобилизующей, призывной, горячей. Ударные короткие материалы ее сменялись подобно кадрам кинохроники (кстати, по аналогии с кинохроникой новую радиопередачу и «окрестили»). «Радиохроника» передавалась ежедневно. На ее страницах сообщались последние новости с фронтов, публиковались очерки и корреспонденции о жизни города, новые песни, стихи. Солидная часть «радиоплощади», как правило, отводилась сатире. Следуя традициям грозного «маяковского» смеха, авторы передачи высмеивали бредовые фашистские теории, саркастически комментировали перехваченные по радио же выступления фашистских главарей, разоблачали оголтелую ложь геббельсовских пропагандистов. Впрочем, в иных передачах под обстрел брали и «своих» — к счастью, редких в те дни — паникеров, болтунов, лодырей.

Первый номер «Радиохроники» был передан вечером 1 июля 1941 г. Он открывался короткой передовой статьей, в которой определялся курс новой радиопередачи: «...бить заклятого врага не только оружием Красной Армии, но и бить словом — бить словом так, чтобы вся мерзость, вся подлость и все коварство фашизма были беспощадно обнажены». В программу передачи были включены публицистическая статья М. Козакова, «Записки из блокнота» И. Кратта. С чтением стихотворения «Вставайте, советские люди!» у микрофона выступила Е. Рывина. Сатирический «Особый отдел» состоял из памфлета И. Меттера и стихотворного фельетона В. Волженина «Цари».

Спустя несколько дней после выхода новой радиопередачи решено было давать в каждом ее выпуске короткое сюжетное стихотворение — балладу, написанную по материалам сегодняшней сводки Совинформбюро. Обычно темой для баллады служил какой-либо конкретный боевой эпизод. Сводка передавалась утром, а очередной выпуск «Радиохроники» выходил вечером того же дня, разумеется, если этому не мешало



НА УЛИЦАХ ОСАЖДЕННОГО ЛЕНИНГРАДА

Фотография Р. Л. Кармена
1942

Центральный архив
кино-фото-фонодокументов
Красногорск

«ДУША ЛЕНИНГРАДА»
Сборник военных стихов В. М. Инбер.
Л., Гослитиздат, 1942
Обложка. Рисунок Т. С. Цинберг

«расписание» гитлеровских летчиков, время от времени менявших часы бомбежек (впрочем, если бомбить начинали по вечерам, передача передвигалась на утренние часы следующего дня).

Среди авторов таких сюжетных стихов были Н. Тихонов, А. Прокофьев, Вс. Азаров, А. Решетов, Вс. Рождественский, С. Спасский, А. Мариенгоф.

Здесь следует назвать и имя Владимира Волженина (Некрасова), поэта, ныне совсем незаслуженно забытого. Человек уже очень немолодой, отнюдь не обладавший крепким здоровьем, он оказался для Радиокомитета поистине неоценимым сотрудником. Его оперативности, точности, его политическому чутью можно было только позавидовать. В течение полугода Волженин, работая по-настоящему вдохновенно, с огромным напряжением, непрерывно и безотказно писал для радио стихотворные фельетоны, памфлеты, частушки, лозунги, басни, стихи, посвященные трудовому героизму ленинградцев. Это были хорошие, в полную меру таланта сделанные, патриотические вещи. Когда Волженину было поручено еще и сочинение баллад для «Радиохроники», он великолепно справился с этой добавочной — и отнюдь не легкой — «нагрузкой».

Сохранился весьма примечательный приказ по Радиокомитету, подписанный тогдашним его руководителем В. Ходоренко. Приказ датирован 29 октября 1941 г. В нем говорится: «За систематическую, добросовестную и оперативную работу над созданием материалов для радиовещания объявляю благодарность писателям Берггольц О. Ф. и Некрасову-Волженину В. М.».

В Радиокомитете Волженин работал до декабря 1941 г., пока не свалился с ног от дистрофии. Уже в очень тяжелом состоянии он был эвакуирован в Ярославль и там умер спустя несколько дней после приезда.

Очень плодотворно сотрудничал в «Радиохронике» Евг. Шварц, создавший целый цикл великолепных по сатирической силе и точности «прицела» антифашистских сказок. В 1942 г. О. Берггольц, работая по заданию Политуправления Балтийского флота над составлением сборника «Балтфлот смеется», включила в этот сборник несколько сказок Евг. Шварца (ныне эта книжка — библиографическая редкость).

В «Радиохронике» регулярно передавались остроумные злые памфлеты И. Меттера, фельетоны и сценки М. Зощенко, сатирические стихи В. Иванова, В. Лифшица, А. Прокофьева, В. Саянова, Е. Рывиной, А. Флита и других ленинградских поэтов.

Кстати сказать, именно в материалах, сделанных для передач «Радиохроники», О. Берггольц нашла первые черты будущей героини многих своих выступлений — «соседки по квартире», «Дарьи Власьевны», «Тети Даши». Впервые «Тетя Даша» появилась в выступлениях писательницы 8 и 12 августа 1941 г., в 34-м и 37-м выпусках «Радиохроники» (стихотворения «Тетя Даша» и «Тетя Даша сдает ценности»). Конечно, это были только наброски, первоначальные контуры будущего образа.

В «Радиохронике» же, выступая 2 мая 1942 г. после поездки за кольцо блокады, О. Берггольц прочла ленинградцам сердечное письмо М. Шолохова, переданное ей писателем в Москве. Вот что писал М. Шолохов:

«Родные товарищи ленинградцы! Мы знаем, как тяжело вам жить, работать, сражаться во вражеском окружении. О вас постоянно вспоминают на всех фронтах и всюду в тылу. И сталевар на далеком Урале, глядя на расплавленный поток металла, думает о вас и трудится, не покладая рук, чтобы ускорить час вашего освобождения. И боец, разящий немецких захватчиков в Донбассе,— бьет их не только за свою поруганную Украину, но и за те великие страдания, которые враги причинили вам, ленинградцам. Мы жадно ждем тот час, когда кольцо блокады будет разорвано и великая страна прижмет к груди исстрадавшихся, героических сынов и дочерей овеянного вечной славой Ленинграда».

Материалы «Радиохроники» очень нравились слушателям. В Радиокомитет часто приходили и самодеятельные чтецы из воинских частей и госпиталей, и «всамделишные» артисты фронтовых агитбригад, чтобы переписать тот или иной услышанный в радиопередаче материал и включить его в свою программу.

«Радиохроника» передавалась регулярно в течение почти двух лет (вышло более 500 ее номеров). Весной 1943 г. она была преобразована в «Литературный радиоеженедельник».

«ЛЕНИНГРАДСКАЯ ТЕТРАДЬ»

Сборник военных стихов О. Ф. Берггольц. М., «Сов. писатель», 1942

Обложка

Кольцо вражеской блокады было разорвано 18 января 1943 г. Сообщение Советского информбюро о прорыве блокады ленинградцы услышали по радио поздно вечером. И почти сразу же начался радиомитинг, посвященный этой победе. Он был необычным, этот митинг, ибо длился всю ночь с 18 на 19 января — ленинградское радио пело и говорило до утра впервые за всё время блокады!

В своей книге «Говорит Ленинград...» О. Берггольц так вспоминает об этой необыкновенной ночи:

«Все, что происходило этой ночью в здании Радиокомитета, происходило стихийно, без плана, без подготовки — музыка, стихи, написанные тут же, речи — все это шло сплошным ликующим потоком, и нас слышали соединившийся с нами Волховский фронт, вся страна, весь мир. И для нас, работников радио, самой лучшей наградой было то, что в эту праздничную счастливую ночь со всех сторон ночного города шли и бежали ленинградцы к нам, в Радиокомитет, к любимой своей, к истинно народной трибуне!»

Столь же праздничными, ликующими были радиопередачи и еще год спустя, когда немецко-фашистские армии под Ленинградом были разгромлены и отброшены на сотни километров от города.

Следует упомянуть здесь и о радиофильме «Девятьсот дней», который был создан в 1945 г., к годовщине славной ленинградской победы. Этот фильм — только звуковой, изображение в нем отсутствует. Он смонтирован из документальных радиозаписей, сделанных в осажденном городе, начиная от первых военных дней и кончая разгромом фашистов под Ленинградом. Фильм «Девятьсот дней» — произведение очень большой эмоциональной силы. Радиозапись сохранила живые голоса защитников Ленинграда, уходивших на фронт в июне 1941 г., выступления героев ленинградской обороны. Записаны и свист снарядов и бомб, и грохот разрывов, и рыдания матери над раненным ребенком, и гудок первого поезда, пришедшего с «Большой земли» в феврале 1943 г., и радиоречи О. Берггольц и Вс. Вишневского. Все это теперь — драгоценные свидетельства жизни и борьбы города-героя и его мужественных защитников.

В послевоенное время собрано и издано немало книг и сборников писателей, сражавшихся за Ленинград. Но все-таки еще далеко не всё из того, что было написано в блокадном городе, разобрано, перечитано, изучено. Многое утрачено безвозвратно, иные вещи затерялись в архивных папках, в подшивках старых газет. В частности, еще очень много ценного и интересного таят в себе радиокомитетские архивы и хранилища микрофонных материалов.

Этот далеко не полный обзор — только начало, только попытка воссоздать отдельные эпизоды поистине героического самоотверженного труда писателей, участников великой ленинградской битвы.

Обзор написан на основании архивных материалов Ленинградского Комитета по радиовещанию и телевидению за 1941—1945 гг. Материалы эти сохранились не полностью и в настоящее время находятся в различных хранилищах (микрофонная библиотека Ленинградского Комитета по радиовещанию, Архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области, Музей истории города).

Значительная часть сохранившихся архивных дел периода Великой Отечественной войны собрана из россыпи. Многие материалы брались в последующие годы для повторных передач и в архивы не возвращены; в частности, отсутствуют тексты некоторых выступлений у микрофона в 1941—1942 гг. Вишневского, Фадеева, Берггольц и др. Недостает ряда номеров «Радиохроники» и других радиожурналов и радиогазет.

В обзоре автор использовал также свои дневниковые записи и материалы из личного архива.

ИЗ ИСТОРИИ ПЕСНИ «СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА»

Сообщение М. М. Ситковецкой

Песня «Священная война» зазвучала с первых дней войны как грозный набат, призывающий к борьбе с врагом. С этой песней уходили на фронт бойцы Красной Армии и народного ополчения. Эта песня звучала твердо и мужественно в самые тяжелые дни нашего отступления. Эта песня звала к победе, укрепляла веру в нее, поэтому не удивительно, что ее пели даже советские люди, заключенные в фашистском лагере уничтожения [1]. Эта песня звучит и сегодня как гимн героической борьбы, как клятва всенародной ненависти к фашизму.

История создания этой песни так же коротка, как коротки были фронтовые сводки первых дней войны.

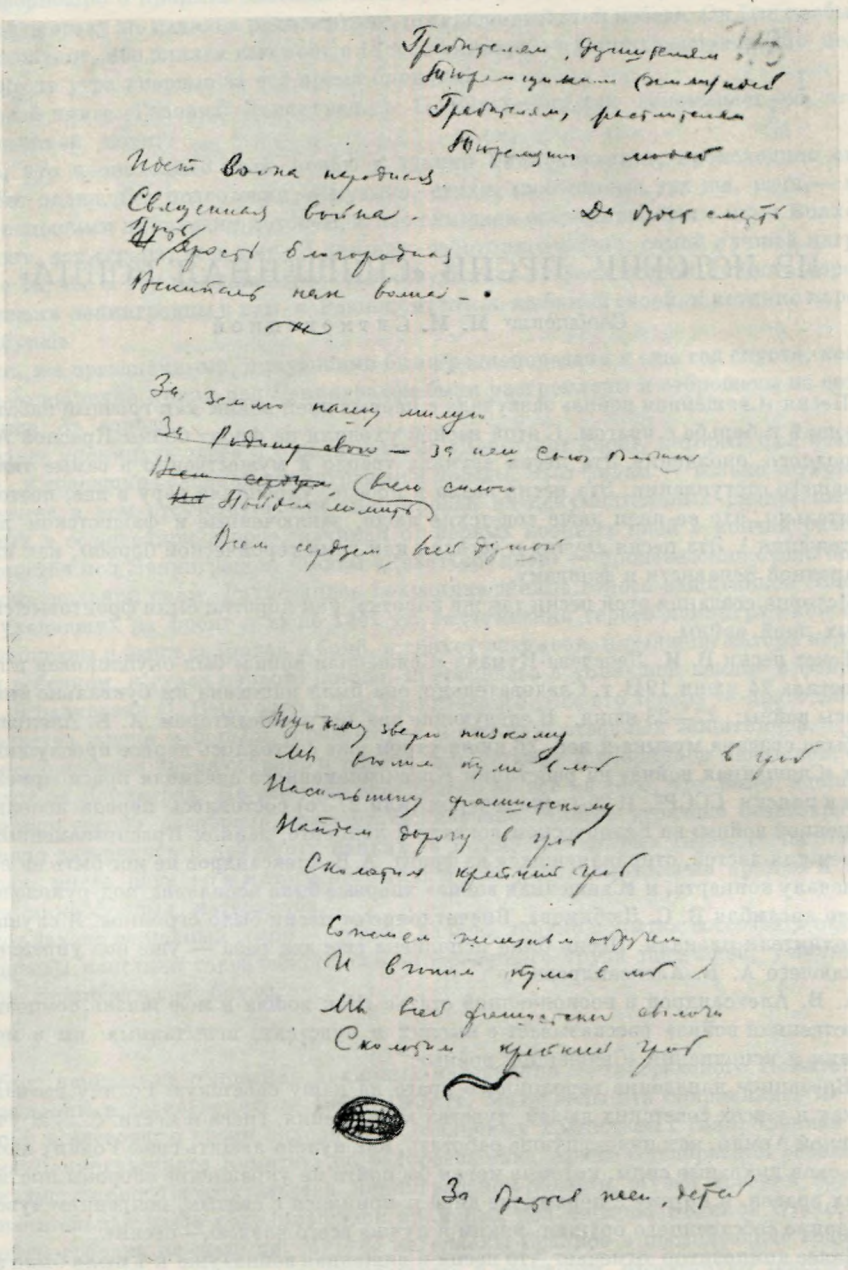
Текст песни В. И. Лебедева-Кумача «Священная война» был опубликован в газете «Известия» 24 июня 1941 г. Следовательно, она была написана им буквально в первые же часы войны: 22—23 июня. В следующие два дня композитором А. В. Александровым была создана музыка к ней. 26 июня утром уже состоялось первое прослушивание песни «Священная война» на репетиции Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски СССР[2]. И 26-го же вечером (или 27-го) состоялось первое исполнение «Священной войны» на Белорусском вокзале в концерте, данном Краснознаменным ансамблем для частей, отправлявшихся на фронт. А. В. Александров не мог быть на вокзале к началу концерта, и «Священная война» впервые была исполнена под руководством артиста ансамбля В. С. Любимова. Впечатление от песни было огромное. И слушатели и исполнители плакали. Песня была исполнена еще два раза — уже под управлением приехавшего А. В. Александрова [3].

А. В. Александров в неоконченной статье «Как вошла в мою жизнь композитора Отечественная война» рассказывает о мыслях и чувствах, испытанных им в момент создания и исполнения «Священной войны»:

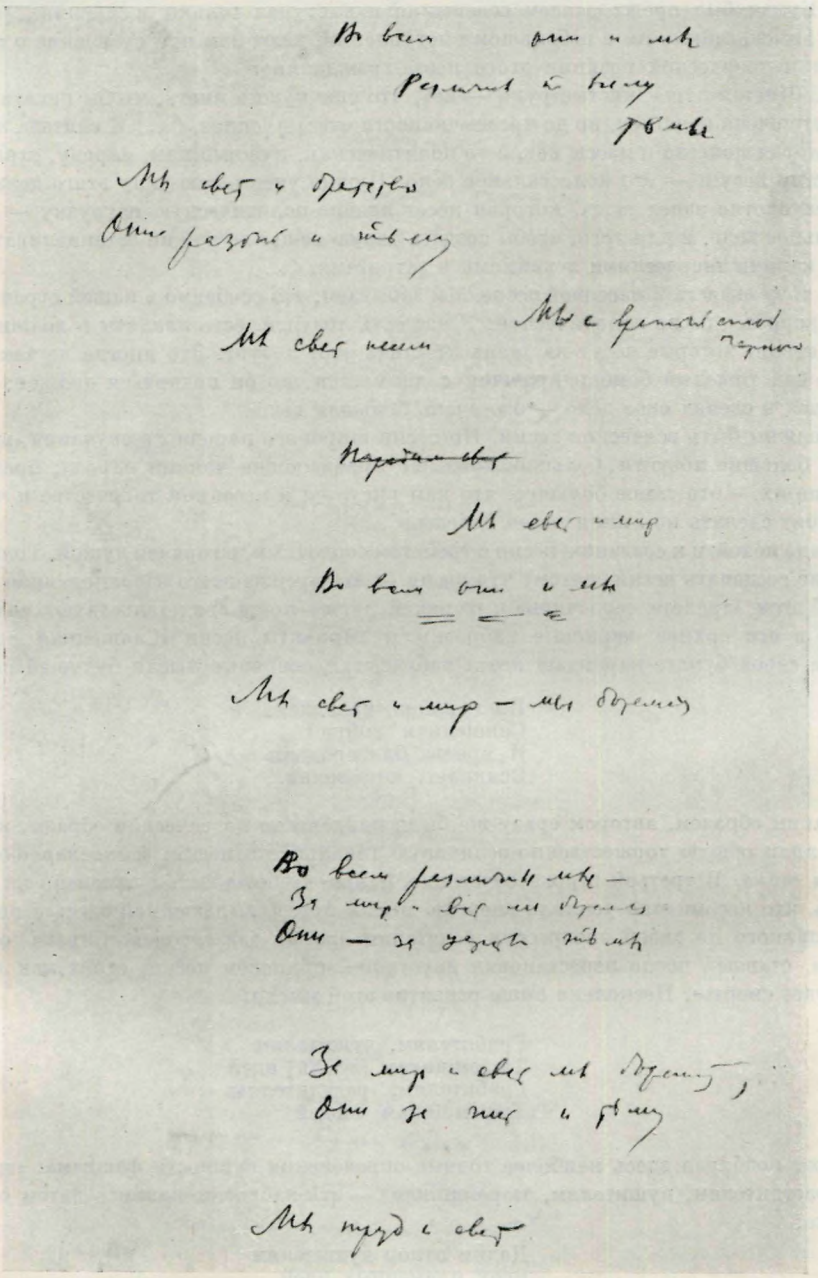
«Внезапное нападение вероломного врага на нашу советскую Родину вызвало во мне, как и у всех советских людей, чувства возмущения, гнева и мести. ⟨...⟩ Я учился у Красной Армии, как нужно лучше работать, как нужно любить свою Родину и отдать ей все свои духовные силы, которые могли бы пойти на укрепление обороны против заклятых врагов, и потому с первых же дней я принялся с святым, искренним чувством за создание собственного оружия, каким я лучше всего владею,—песни».

Далее композитор отмечает, что песня «Священная война» уже к 1 июля была записана на пластинку. Он вспоминает, с каким волнением воспринималась тогда эта песня советским народом: «Когда я с группой Краснознаменного ансамбля выступал на вокзалах и других местах перед бойцами, идущими непосредственно на фронт,— то эту песню всегда слушали стоя, с каким-то особым порывом, святым настроением, и не только бойцы, но и мы — исполнители — нередко плакали. Таково было тогда воздействие этой песни на сердца людей, и она звучала по радио во все концы Советского Союза и фронта» [4].

Стремление создать песню-лозунг объединило композитора и поэта. В. И. Лебедев-Кумач не оставил никаких заметок или воспоминаний о том, как он писал эту песню. Но в архивных материалах Союза советских писателей хранится стенограмма



«СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА»
Автограф В. И. Лебедева-Кумача
Первый черновой набросок песни. 22—23 июня 1941 г., л. 1
Центральный архив литературы и искусства, Москва



«СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА»

Автограф В. И. Лебедева-Кумача

Первый черновой набросок песни. 22—23 июня 1941 г., л. 1 об.

Центральный архив литературы и искусства, Москва

совещания по военной песне, проходившего в Москве 11—13 сентября 1944 г. В. И. Лебедев-Кумач был председателем совещания и выступал только в прениях. Однако мысли, высказанные им в небольшом выступлении, дают нам представление о политической и творческой позиции этого поэта-гражданина:

«... Чистая душа, чистые руки — вот, что еще нужно иметь, чтобы писать песни. Дело это очень почетное, но до чрезвычайности ответственное. ⟨...⟩ Я считаю, что песня, которая понесла в массы какой-то политический, нужный нам, народу, стране, государству лозунг,— это колоссальное дело. Нужно учесть всю силу этого дела. Если человек охотно запел вещь, которая несет идейно-политическую нагрузку,— это колоссальное дело, и для того, чтобы создать такую вещь, не нужно останавливаться ни перед какими творческими исканиями и затратами. ⟨...⟩

Я хочу сказать о массовой песне. Мы забываем, что особенно в нашей стране остро стоит вопрос о песне политической. У нас есть лозунги, есть плакаты и должны быть такие песни, которые несут на своих крыльях этот лозунг. Это иногда не так легко. Это — как тяжелый бомбардировщик поднимается, но он подняться должен, и если поднялся и сделал свое дело,— это очень большая вещь.

Должны быть всяческие песни. Но песни широкого народного звучания, несущие в себе большие лозунги, большие призывы, выражающие чаяния народа, предвосхищающие их,— это самое большое, что нам рисуется в песенном творчестве и что нам предстоит сделать по линии песен победы. ⟨...⟩

Надо подойти к созданию песни с трепетом сердечным, с горячей душой. Только так и можно создавать песни, потому что песня — это прежде всего взволнованная речь»[5].

Об этом «трепете сердечном» и «горячей душе» поэта свидетельствуют сохранившиеся в его архиве черновые наброски и варианты песни «Священная война» [6].

На серой бумаге карандаш поэта набрасывал основные мысли будущей песни:

Идет война народная,
Священная война.
И ярость благородная
Вскипает, как волна.

Таким образом, автором сразу же были найдены те поэтические образы, которые определили общую торжественно-величавую тональность песни: *война народная*, *священная война*. В третьей строке сочетание *И ярость* было затем заменено на *Пусть ярость*, что несомненно усилило энергию мысли поэта, выраженной здесь с помощью неожиданного по своей экспрессии сочетания *ярость благородная*. Справа от этой строфы, ставшей после перестановки двустиший припевом песни, стоит как лозунг: «Да будет смерть». Несколько выше развитие этой мысли:

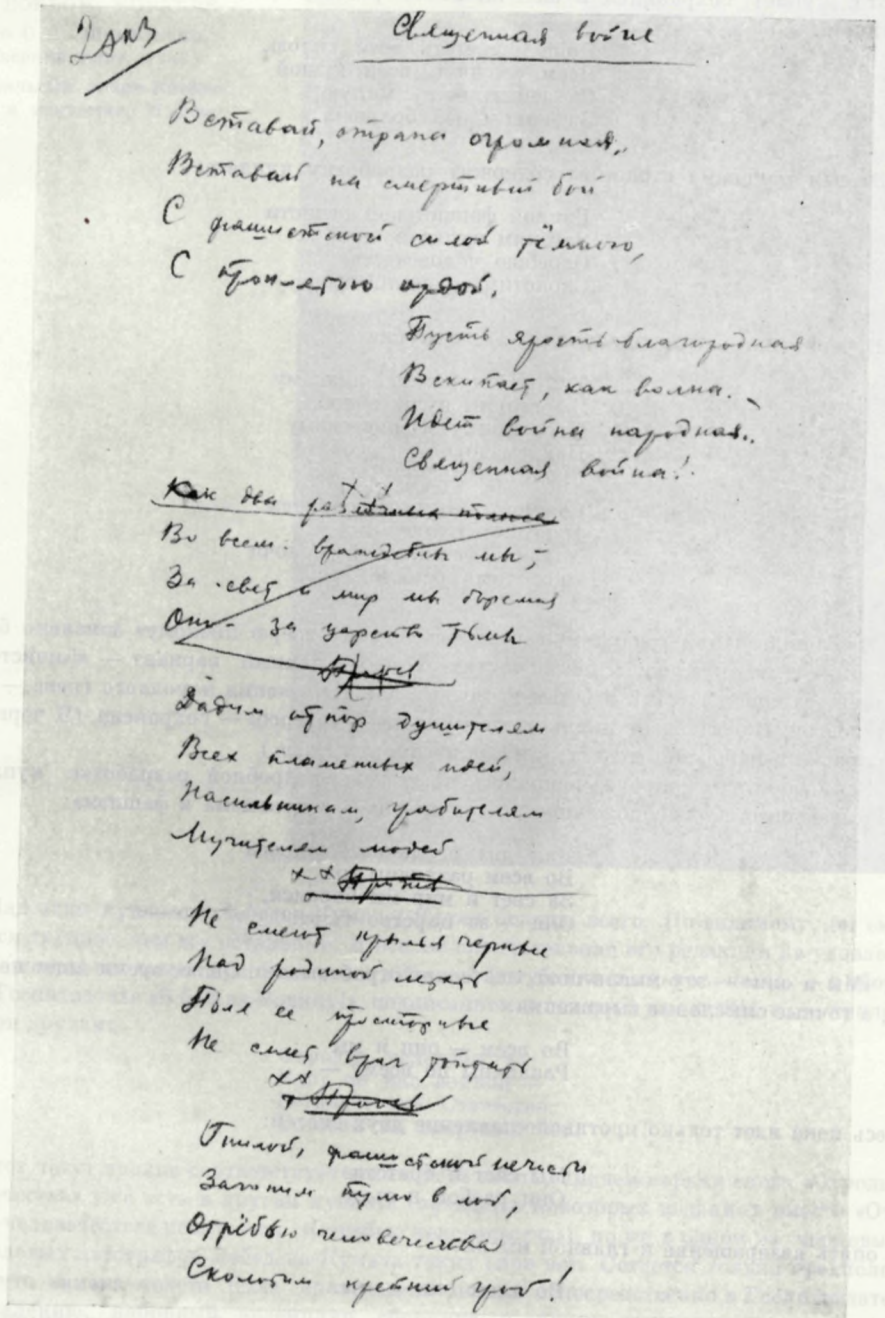
Грабителям, душителям
Тюремщикам [земли] идей
Грабителям, растлителям
Тюремщикам людей

Поэт подбирал здесь наиболее точные определения сущности фашизма: «грабителям, растлителям, душителям, тюремщикам» — эти наброски явились затем основой куплета:

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей.

Патриотические чувства Лебедева-Кумача нашли свое выражение в призыве к активной борьбе с врагом:

За землю нашу милую
[За Родину свою] За наш Союз большой
[Всем сердцем, всею силою]
[На] Пойдем ломить всей силою,
Всем сердцем, всей душой



2 экз

Священная война

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная.
Священная война!

~~Как два различных полюса~~
~~Во всем: враждебны мы,~~
~~За свет и мир мы боремся~~
~~Они — за царство тьмы~~

~~Прочь~~

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям
Мучителям людей

~~Прочь~~

Не смеют крылья черные
Над родиной летать
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать

~~Прочь~~

Гнилой, фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отрёбью человечества
Сколотим крепкий гроб!

«СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА»
Автограф В. И. Лебедева-Кумача
Беловой текст песни. 22—23 июня 1941 г.
Центральный архив литературы и искусства, Москва

Этот куплет сохранился в окончательной редакции, но с обратным порядком двустиший:

Пойдем ломить всей силою,
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую,
За наш Союз большой.

Вторая половина страницы содержит разработку куплета:

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб.

В черновике есть два варианта этого куплета:

Туп[ые]ому зверю низкому
Мы вгоним пулю в лоб,
Насильнику фашистскому
Найдем дорогу в гроб
Сколотим крепкий гроб.

Сожмем железным обручем
И вгоним пулю в лоб,
Мы всей фашистской сволочи
Сколотим крепкий гроб.

В окончательной редакции выражение «тупому зверю низкому» заменено более точным — «гнилой фашистской нечисти». Промежуточный вариант — «фашистской сволочи» слишком грубый и в чем-то мелкий для выражения народного гнева,— был снят поэтом. Но основная мысль этого куплета — «в гроб» — сохранена. (В черновике, справа от набросков текста, так и написано: «в гроб».)

Вся оборотная сторона черновика посвящена подробной разработке куплета, раскрывающего противоположность двух миров — социализма и фашизма:

Как два различных полюса
Во всем различны мы;
За свет и мир мы боремся,
Они — за царство тьмы.

«Мы и они» — эту мысль поэт тщательно отрабатывает. Он все время ищет не рифму, а точные смысловые выражения.

Во всем — они и мы
Различны по всему —

Здесь пока идет только противопоставление двух систем:

Мы свет и братство
Они разбой и тьму

И опять возвращение к главной мысли:

Во всем они и мы...

Но эта простая констатация факта не удовлетворяет поэта. Здесь нет движения, нет развития, нет активных действий. И поэт находит слово «боремся», вокруг которого и строятся все найденные мысли:

Мы свет и мир — мы боремся

Во всем различны мы—
За мир и свет мы боремся
Они — за царство тьмы.

За мир и свет мы боремся,
Они за гнет и тьму.

В. И. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ НА БОЕВОМ КОРАБЛЕ
Фото С. Г. Шиманского. Северный флот, 1943
Центральный архив литературы и искусства, Москва

Над этим куплетом Лебедев-Кумач работал больше всего. По-видимому, он ему давался труднее, чем все остальные. И все же окончательная его редакция не удовлетворила поэта, так как в первой же после «Известий» публикации текста песни — в сборнике Гослитиздата «В бой за Родину!», подписанном к печати 2 июля 1941 г.,— куплет заменен другим:

Отродье человечества
Идет на нас войной —
Вставай, мое Отечество,
Вставай на смертный бой.

Этот текст вполне соответствует стилю всей песни, причем первые слова «Отродье человечества» уже есть в другом куплете (правда, в некоторых изданиях вместо «Отродью человечества» печатается «Отребью человечества»), но ни в одном из черновых или беловых автографов Лебедева-Кумача таких слов нет. Остается только предположить, что замена текста была произведена поэтом непосредственно в Гослитиздате. К сожалению, наборный экземпляр сборника в архиве издательства не сохранился. Этот куплет в дальнейшем не вошел ни в одну из публикаций песни, хотя по своему настроению он прекрасно вписывается в общий рисунок песни-присяги, несет в себе героическое начало, прямой призыв к борьбе с фашизмом.

На одном из черновых листков Лебедев-Кумач записал два проекта финала. Первый представляет собой вариант начала песни:

Встает страна Советская,
Встает на смертный бой
С фашистскою, немецкою,
С проклятою ордой

Второй дает новую разработку темы:

Вставай, страна могучая,
Вставай, родной народ,
Пусть гибель неминучая
Постигнет черный сброд.

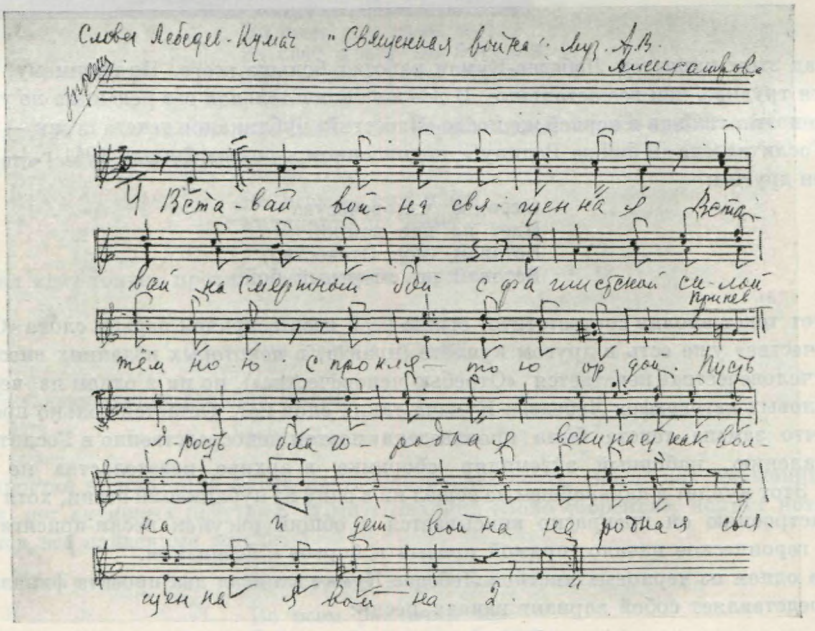
Первый вариант был отброшен поэтом скорей всего из антишовинистических соображений — Советская страна встала на борьбу с фашизмом, а не с немецким народом. Второй вариант отпал, вероятно, по качеству стиха: тяжелые, трудно произносимые слова «гибель неминучая постигнет черный сброд» были мало удобны не только для пения, но и для чтения. В конце концов автор использовал для финала первый куплет, повторив его с заменой слова «Вставай» на «Встает».

Не только в этих двух куплетах песни «Священная война», но и во всех остальных строчках черновиков видно тяготение Лебедева-Кумача к народным выражениям и, вместе с тем, стремление сочетать фольклорные обороты и особенно эпитеты («силой *темною*», «крылья *черные*», «*проклятою* ордой», «*смертный* бой», «гибель *неминучая*») с литературными выражениями («два *различных полюса*», «*пламенных идей*», «*страна могучая*»). Эта особенность сохранилась и в окончательной редакции песни «Священная война», выражая как бы ее основной пафос: уверенность в исторической непобедимости русского народа и в силе советского социалистического строя.

Существуют две окончательные авторские редакции текста «Священной войны».

Первая редакция — полный текст, состоящий из семи куплетов с повторяющимся припевом. В таком виде она была опубликована в «Известиях» и в различных стихотворных сборниках 1941—1943 гг. (за исключением указанного выше сборника Гослитиздата, где второй куплет был изменен).

Текст «Известий» явился основой и для всех нотных изданий песни. В Государственном центральном музее музыкальной культуры им. М. И. Глинки хранится нотный автограф А. В. Александрова с текстом песни — вырезкой из «Известий». На первой странице рукописи — разрешение Репертkома к изданию от 28 июня 1941 г. Здесь же пометка: «Подписано в печать 30 июня 1941 г.»[7]. Песня была издана тогда же Ленин-



«СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА»

Нотный автограф А. В. Александрова. 24—28 июня 1941 г.
Центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки, Москва

ПЕРЕД НАЧАЛОМ НАСТУПЛЕНИЯ

Концерт Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски СССРв частях Красной Армии на Карельском перешейке. Дирижирует профессор А. В. Александров
Фотография. Ленинградский фронт, июнь 1944 г.
Архив Краснознаменного им.А.В. Александрова ансамбля песни и пляски Советской Армии, Москва

градским отделением Музгиза. В 1942 г. в осажденном Ленинграде это издание было повторено в виде листовки. В 1943 г. «Священная война» была впервые издана в Москве, а в 1948 г.— переиздана. Во всех этих изданиях — полный семикуплетный текст.

Вторая редакция состоит из четырех куплетов и берет свое начало также с первых дней создания песни. В автографе Лебедева-Кумача его рукой вычеркнуты второй, шестой и седьмой куплеты. Вместо седьмого куплета сделана пометка о повторении первого. По всей очевидности, это было сделано для музыкального исполнения. В уже упомянутом выше нотном автографе Александрова карандашом вписан сокращенный текст песни, но потом зачеркнутый и заклеенный вырезкой из «Известий». Однако в другом нотном автографе Александрова, хранящемся в архиве Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии, вписан только сокращенный текст. По этому экземпляру песня исполнялась ансамблем. Интересно, что в нотной библиотеке Центрального Дома Советской Армии имеется два экземпляра сборника «25 песен Великой Отечественной войны» (Воениздат НКО, 1943 г.) под редакцией В. И. Лебедева-Кумача и П. Акуленко. В обоих экземплярах в напечатанном полном тексте «Священной войны» вычеркнуты карандашом второй и шестой куплеты. По свидетельству артистов Ансамбля, именно в таком укороченном виде эта песня всегда исполнялась. Поэт, сокращая песню для музыкального исполнения, вычеркнул в автографе наиболее слабые, по его мнению, куплеты.

Текст песни, состоящий из четырех куплетов (и припева), в настоящее время является каноническим текстом «Священной войны», так как в таком виде «Священная война» вошла во все последние издания стихотворений и песен В. И. Лебедева-Кумача.

Но первая, полная редакция песни имеет такое же право на существование. Это право доказывает вся история ее создания и многочисленных публикаций вплоть до 1948 г. Любопытен тот факт, что в архиве народного артиста СССР А. А. Остужева хра-

нится текст песни «Священная война», напечатанный через копирку на плохой бумаге — четвертый или пятый экземпляр. Еле заметные буквы старательно обведены рукой Остужева. В тексте есть все семь куплетов и повторяющийся припев. Лежит этот листок в папке со стихотворениями, читанными Остужевым во время его поездок на фронт в 1941—1942 гг.[8]

Можно считать, что «Священная война» существовала и как стихотворение В. И. Лебедева-Кумача и как песня А. В. Александрова и В. И. Лебедева-Кумача. И в том и в другом виде «Священная война» была именно тем произведением, которое пробуждало патриотические чувства народа, звало вперед, на борьбу с врагом.

На упомянутом выше совещании о военной песне речь шла не столько о достигнутых успехах в области создания военной песни, сколько о творческих задачах поэтов и композиторов в связи с близившейся победой. И все же многие выступавшие участники совещания не могли не упомянуть «Священную войну» как лучшую военную песню. В частности, композитор и военный дирижер С. А. Чернецкий, говоря о нехватке строевых песен, привел в пример «Священную войну», написанную в трехдольном ритме (т. е. никак не для марша), но воспринятую солдатами именно как строевая, маршевая песня [9]. Капитан пограничных войск Миньков (в стенограмме отсутствуют его инициалы) выразил мнение солдат: «Народ — самый взыскательный критик — он приемлет только хорошее. В народе живут только первоклассные художественные произведения, отвечающие духу и чаяниям народа и отражающие его мудрый жизненный опыт. Сюжет дает основу песне, но имеет право на существование и песня, где сквозного сюжета и сквозных героев нет. Лучший пример — „Священная война". Почему ее поют? Потому что она пропагандирует высокие качества советского человека, смелость и отвагу, она как бы аккумулирует боевой опыт нашего народа, она отвечает на один из главных вопросов — как громить врага»[10].

Интересно напомнить в этой связи один из эпизодов Великой Отечественной войны. В мае 1943 г. особый партизанский полк «Тринадцати», действовавший в это время на территории Белоруссии, нанес внезапный удар по железнодорожной станции Чаусы, которую защищал сильный гарнизон немцев. В ходе ожесточенного боя партизаны захватили вокзал и в одном из его помещений обнаружили радиоприемник «Телефункен». «Настраивай на Москву»,— бросил на ходу одному из партизан командир батальона. В это время гитлеровцы успели оправиться после первой растерянности и «повели сумасшедшую контратаку, стремясь отбить помещение станции». «Напряженность боя возрастала. И вдруг среди ночи, освещенной пожаром, в суматоху боя ворвались мощные, потрясающие душу слова:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,—
Идет война народная,
Священная война!

Трудно даже вообразить, как это было неожиданно и кстати. Мощный радиоприемник разносил вдохновенные слова и звуки ⟨...⟩. Она ⟨песня⟩ прорывалась в промежутках между разрывами гранат и пулеметными очередями, ее не в силах были заглушить крики врагов».

Партизаны усилили напор и, смяв сопротивлявшихся немцев, добились полного успеха. Автор воспоминаний о действиях партизанского полка «Тринадцати», Н. Москвин, сам участник боя на станции Чаусы, так заключает свой рассказ: «Могли ли предполагать работники Московского радиокомитета, что они вместе с нами участвовали в этом бою? А ведь это так и было: вместе с нами колотили немчуру поэт Лебедев-Кумач и композитор Александров» [11].

Песня «Священная война» прошла через всю войну и выдержала испытание многих послевоенных лет. До сих пор она служит грозным напоминанием о тяжелых годах войны, о героической борьбе нашего народа против агрессора. Эта песня сохранила огромную силу своего воздействия на сердца слушателей всех возрастов и национальностей. Она является исторически правдивым документом о героических днях Великой Отечественной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. об этом в документальной повести В. Томина и А. Синельникова «Возвращение нежелательно». М., Молодая гвардия, 1964, стр. 76—77.

[2] «Правда», 1941, № 176, 27 июня.

[3] Из воспоминаний В. С. Любимова, записанных с его слов автором настоящего сообщения. Художественный рассказ о первом исполнении песни «Священная война» дан К. А. Фединым в романе «Костер» (кн. 2, гл. 8.— «Новый мир», 1965, № 5, стр. 84—85).

[4] Цит. по черновому автографу статьи, хранящемуся в архиве Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии. Частично опубликовано в книге А. В. Шилова «А. В. Александров». М., Музгиз, 1955.

[5] ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 683, лл. 92—93.

[6] ЦГАЛИ, ф. 1104, оп. 1, ед. хр. 119, л. 318; ед. хр. 108, лл. 18—22.

[7] ГЦММК, ф. 97, ед. хр. 7.

[8] ЦГАЛИ, ф. 2016, оп. 1, ед. хр. 136, л. 3.

[9] ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 683, л. 58.

[10] Там же, ед. хр. 682, л. 49.

[11] Н. Москвин. Партизанскими тропами. Воспоминания бывшего командира батальона партизанского полка «Тринадцати». Смоленское книжное изд-во, 1961, стр. 170—181.

ОСТРОЕ ПЕРО

СТИХИ СОВЕТСКИХ ПОЭТОВ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ «ОКНАХ ТАСС»

Предисловие и публикация Т. Н. Конопацкой и Л. Э. Медне

Впервые «Окна ТАСС» были выставлены в Москве 27 июня 1941 г. в витрине на Кузнецком мосту, 20 (выставочный зал Оргкомитета Союза художников СССР). На следующий день в газете «Труд» появилась статья С. Нариньяни — в ней рассказывалось, что группа московских писателей и художников, следуя славной традиции «Окон сатиры РОСТА» В. Маяковского, приступила к созданию «Окон ТАСС» — немедленного оперативного отклика, информации о стремительно развивающихся событиях войны.

В первые месяцы тексты к «Окнам» создавались коллективно литературной бригадой московских поэтов, в которую первоначально входили Н. Адуев, А. Арго, С. Кирсанов, А. Раскин, А. Рохович, М. Слободской; вскоре в работу бригады включились С. Маршак, Демьян Бедный и О. Брик. Из первых двухсот номеров «Окон ТАСС» более половины вышли с текстами литбригады.

«Окна ТАСС» — органическое единство меткого поэтического слова с выразительным, запоминающимся рисунком. Вместе с литбригадой в мастерской работала группа художников: М. Черемных, А. Радаков, Н. Денисовский (участвовавшие еще вместе с Маяковским в «Окнах сатиры РОСТА»), Б. Ефимов, А. Бубнов, Н. Долгоруков, Г. Савицкий. В дальнейшем круг писателей и художников, работавших в «Окнах ТАСС», значительно расширился.

Некоторые из ранних номеров «Окон ТАСС» вышли первоначально в одном экземпляре. Это были в сущности картины, писанные маслом на холсте художниками Г. Савицким (№ 4), П. Мальковым (№ 6), А. Бубновым (№ 7). Картина выставлялась в витрине на стульях, мольберте и т. п., наверху к правому углу прикреплялась планшетка с надписью «Окно ТАСС», номер такой-то, текст прикреплялся внизу, под картиной.

В дальнейшем, по мере расширения производственной мастерской, все плакаты стали размножаться с помощью трафаретов, и тиражи их росли из месяца в месяц.

Если в первые дни войны «Окна ТАСС» выпускались по существу самодеятельным коллективом поэтов и художников, то с начала 1942 г. при Телеграфном агентстве СССР организуется мастерская «Окон ТАСС», возглавляемая Н. Денисовским и П. Соколовым-Скаля.

Более 80 поэтов и 130 художников были привлечены к работе в этом своеобразном издательстве. В подавляющем большинстве литературные тексты писались специально для «Окон ТАСС», но бывали случаи, когда брались стихи, уже напечатанные в центральных газетах (например, «Поединок» С. Щипачева, «Убей его» К. Симонова, «Русская женщина» М. Исаковского, ряд стихотворений С. Маршака и др.).

За время войны было выпущено свыше 1200 «Окон ТАСС». «Окно», посвященное победе и вышедшее 12 мая 1945 г., было помечено № 1243—1244. Однако установить точ-

ЛИТЕРАТУРНАЯ БРИГАДА «ОКОН ТАСС» ЗА РАБОТОЙ
Слева направо: М. Р. Слободской, А. Б. Раскин, А. И. Рохович, А. М. Арго, С. И. Кирсанов, Н. А. Адуев
Фотография. Москва, конец июня 1941 г.
Собрание А. И. Роховича, Москва

но количество вышедших «Окон» пока не удалось, так как в конце 1941 г. и начале 1942 г. «Окна ТАСС» издавались и в Москве, и в Куйбышеве, куда в октябре 1941 г. эвакуировалась часть редакции. Чтобы устранить начавшуюся путаницу в нумерации, в эти месяцы «Окна» стали выходить только с датами, без номеров.

В начале войны тираж «Окон ТАСС» составлял, примерно, 50 экземпляров, потом он постепенно увеличивался и дошел до 1500 экземпляров.

По мере увеличения тиража сокращалось количество названий, выпускаемых ежемесячно. Так, за первый год войны было выпущено 500 номеров, а за два следующих года появилось также 500 номеров: тысячный номер (художники Н. Денисовский и П. Соколов-Скаля, текст В. Лебедева-Кумача) вышел 5 июня 1944 г.

Изготовление многокрасочных, большого размера плакатов было не простым делом. После утверждения текста и художественного оригинала подлинник поступал в производство — в цех резки. Здесь многоцветный плакат резался на части, по которым изготовлялись трафареты, что требовало большого искусства, так как при этом надо было вырезать десятки трафаретов для каждой краски, каждого оттенка. Затем трафареты передавались в цех массового производства, где художники, используя масляные и литографские краски, не подверженные действию воды, создавали по трафаретам отдельные части плаката, которые затем монтировались, составляя один общий плакат. Часто хорошо сделанную копию «Окна» нельзя было отличить от оригинала. Вся операция занимала, примерно, сутки, в течение которых создавалось до 600 экземпляров. Позже мастерская «Окна ТАСС» организовала на типографской базе выпуск лучших «Окон», доведя их тиражи до нескольких десятков тысяч экземпляров.

За время войны мастерская выпустила плакатов способом трафарета около 1250, светобюллетеней «Последние известия» — 74 737, плакатов, сделанных способом шелкографии,— 25 748, литографских плакатов — 1 050 130.

Кроме того, выпускались диафильмы с тематически подобранных плакатов. Среди них большую популярность завоевали «Народные мстители», «Советская женщина в Отечественной войне» и др. Некоторые «Окна ТАСС» выходили открытками и в виде красочных диапозитивов, которые развешивались в железнодорожных вагонах.

Разнообразный круг вопросов и тем в «Окнах ТАСС» органически вытекал из политических задач, выдвигаемых Коммунистической партией на определенных этапах войны. «Окна ТАСС» — это лаконичная, эмоциональная, действенная агитация, которая информировала о ходе войны, вселяла в народ уверенность в правоте нашего дела, мобилизовала советских людей на борьбу с фашистским агрессором.

«Окна ТАСС» можно разделить на две основные группы: героические и сатирические.

В сатирических «Окнах» первого периода войны, разоблачавших Гитлера и его приспешников, был использован жанр памфлета. Характерным в этом отношении является «Окно» № 5 (текст литбригады, худ. М. Черемных) — «Чего Гитлер хочет и что он получит». Это многокадровое «Окно» было сделано в текстовой и графической манере «Окон сатиры РОСТА».

Первой и главной мишенью сатиры наряду с Гитлером стали и другие правители фашистской Германии: Геринг, Геббельс, Риббентроп, а также их союзники и приспешники: Муссолини, Лаваль, Антонеску, Квислинг, Хорти и др.

Разоблачению «гитлериады» во всех ее проявлениях посвятил немало разящих памфлетов и басен мастер этого жанра Демьян Бедный. Даже заголовки его «Окон» с броскими, язвительными текстами попадали не в бровь, а в глаз: «Гитлеровское орудие — цепи и словоблудие», «Фашистская ворона, или Эрзац-Пава», «Гитлериада (краткая биография фашистского гада)», «Кому — война, кому — доходы», «Подлую тварь — на фонарь» и др.

За годы войны по его текстам было создано свыше ста «Окон ТАСС». Большой, разнообразный опыт в области сатирической поэзии поставил Демьяна Бедного в первую шеренгу идеологических бойцов с немецким фашизмом.

Плодотворно участвовал в создании сатирических «Окон ТАСС» С. Маршак. Широкую известность получили его плакат о партизанах «Долг платежом красен» («Окно» № 191) и памфлеты: «Аттестат зверости» («Окно» № 177) и «Юный Фриц» («Окно» № 307). В этих плакатах достигнуто органическое единство мастерства поэта и художников-карикатуристов Кукрыниксов. Текст «Окна» № 177 в несколько измененном виде позже вошел в собрание сочинений писателя под названием «Юный Фриц, или Аттестат зверости» [1].

Меткое слово С. Маршака мы встречаем и в «Нашей азбуке». К этому сатирическому жанру, созданному в свое время Маяковским, обращалась еще в первые месяцы войны литбригада, а с начала 1943 г. автором текстов «Наша азбука» становится С. Маршак (см. «Окна» № 641 и след.— всего 25 плакатов).

Когда вопрос о победе над фашистской Германией был по существу предрешен, многие матерые нацисты разных рангов, пытаясь уйти от возмездия за совершенные злодеяния, стали всячески маскироваться и спасаться бегством. Они находили убежище прежде всего в Испании, у генерала Франко, и в Аргентине. На эту тему было выпущено несколько острых плакатов: «Последний маскарад» (№ 1191, В. Лебедев-Кумач, худ. П. Саркисян), «Гаулейтеровская уловка, или Бесполезная маскировка» (№ 1210, А. Жаров, худ. С. Костин), «Под знойным небом Аргентины» (№ 1139, В. Лебедев-Кумач, худ. П. Соколов-Скаля), «Испанский „аттракцион“» (№ 1215, А. Машистов, худ. П. Саркисян), «В притонах Мадрида» (№ 1283, В. Лебедев-Кумач, худ. П. Саркисян).

В статье «Как создаются „Окна ТАСС“», напечатанной в октябре 1941 г., художник Н. Ф. Денисовский отметил особую важность работы над плакатами героического содержания: «Обстановка сегодняшнего дня потребовала расширения и углубления тематики нашей работы. Кроме окон сатиры, окон фельетона, мы должны были создать героические окна — жанр, который почти не разрабатывался в „Окнах РОСТА“»[2].

«Окна ТАСС», определяемые как героические, носили характер прокламации, лозунга-афоризма, в них зачастую присутствовал и повествовательный элемент.

ОКНО ТАСС № 5

ЧЕГО ГИТЛЕР ХОЧЕТ

1. ХОЧЕТ – ХЛЕБ У КРЕСТЬЯН ОТНЯТЬ

2. ХОЧЕТ – ЗАВОДЫ БУРЖУЯМ ОТДАТЬ

3. ХОЧЕТ – ЗЕМЛЮ УСЕЯТЬ ГРОБАМИ

4. ХОЧЕТ – СВОБОДНЫХ СДЕЛАТЬ РАБАМИ

И ЧТО ОН ПОЛУЧИТ

5. ПОЛУЧИТ – ВТРОЕ ЗА КАЖДЫЙ УДАР
ДЕСЯТКИ ПОЖАРОВ ЗА КАЖДЫЙ ПОЖАР

ПОЛУЧИТ – ШТЫК, ОГОНЬ И СВИНЕЦ
ПОЛУЧИТ – ФАШИЗМА БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ.

«ЧЕГО ГИТЛЕР ХОЧЕТ И ЧТО ОН ПОЛУЧИТ»
«Окно ТАСС», № 5. 27 июня 1941 г. Трафарет
Карикатура М. М. Черемных, текст литбригады
Третьяковская галерея, Москва

Это жанровое разнообразие плаката зависело от идеи, определяющей его содержание.

В первые месяцы войны выходили «Окна» с патриотическими призывами стать на защиту Родины, быть бдительными, бороться с беспечностью и расхлябанностью, крепить единство фронта и тыла (например, № 4, 11, 13, 20, 27, 37, 59).

Немало «Окон» посвящалось и самоотверженным подвигам первых героев: капитана Гастелло, летчика-истребителя Талалихина, лейтенанта Сабашникова и др. (№ 63, 160, 96, 56, 106).

Когда зимой 1941/42 г. наша армия стала освобождать от врага города и села Московской области и когда обнаружилась страшная картина народного бедствия, «Окна» стали разоблачать преступления фашистских оккупантов. Например: «Бандит угрюмый, наглый враль...», 5 января 1942 г., текст М. Левашева, худ. К. Молчанов; «Близится расплата»[3], 15 января 1942 г., текст С. Щипачева, худ. Кукрыниксы; № 553 «Спаси!», текст С. Маршака, худ. В. Горяев; № 555 «Если семья тебе дорога,— уничтожай врага!», текст С. Кирсанова, худ. Н. Денисовский.

От этапа к этапу войны «Окна» отражали все важнейшие события: борьбу городов-героев Одессы, Ленинграда, Севастополя, битву под Москвой, Сталинградскую эпопею, изгнание фашистов с советской земли, освобождение нашей армией стран, оккупированных фашистской Германией.

Создатели «Окон ТАСС» использовали также в своей работе образы героической воинской славы прошлого, высказывания великих полководцев: Александра Невского, Суворова, Кутузова («Окно» от 20 декабря 1941 г.*, «Окна» № 540, 541 и 542).

Привлекалось для воодушевления воюющего народа патриотическое слово наших прославленных поэтов и писателей: Ломоносова, Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Некрасова, Горького, Маяковского:

Москва! Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось.
(«Окно» от 14 декабря 1941 г.)

России двинулись сыны...
(«Окно» № 444)

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый...
(«Окно» № 427, «Бородино. 1812—1942»)

Во всех
уголках
земного шара
рабочий лозунг
будь таков...
(«Окно» № 220)

Распространение «Окон ТАСС» велось очень широко: они рассылались по подписке, отправлялись в армию, вывешивались на улицах городов, железнодорожных станциях, на военно-стратегических дорогах, в цехах заводов и фабрик, в колхозах, МТС, клубах. «Окна ТАСС» проникали и на территории, занятые оккупантами. Так, например, известно, что «Окна» вывешивались в Витебске, Воронеже, Харькове, оккупированных гитлеровцами [4]. Интересные сообщения об этом были опубликованы в периодической печати еще в годы войны.

«Багаж партизана велик и разнообразен. В поход он берет с собой вооружение, инструменты, боеприпасы, продовольствие на несколько дней, литературу и... плакаты, листовки, „Окна ТАСС". Последний груз — один из наиболее неудобных: плакаты трудно проносить, бумага „Окон ТАСС" чересчур плотна и громко хрустит. Но партизан не останавливают трудности: они берут и этот груз в рискованнейшие операции.

---

* «Идите на врага несокрушимым строем...» (автор стихов и художник не указаны).

«НЕ ДАДИМ ВРАГУ ПОКОЯ...»
«Окно ТАСС», № 59. 18 июля 1941 г. Трафарет
Карикатура А. П. Бубнова, текст литбригады
Библиотека им. В. И. Ленина, Москва

...Ночь. На подмогу разведчикам приходят местные жители. Тихо, крадучись во мгле по деревенским улицам и проулкам, осторожно обходя немецкие караулы и патрули, бесстрашные патриоты расклеивают, а в том случае, когда это не удается, раскладывают на земле цветные полотнища советских плакатов и „Окна ТАСС". Плакаты клеят на заборы, сараи, дома, где стоят немцы.

Можно представить себе, какой ужас овладел фашистами, когда в деревне М. они обнаружили на улице трех своих убитых солдат с приколотыми к их трупам плакатами „Собаке—собачья смерть". Однажды, увидев утром расклеенное по деревне „Окно ТАСС", немцы так перепугались, что объявили боевую тревогу. Бывали случаи, когда фашисты из автоматов расстреливали плакаты...

Лишенное советского радио, советской печати, население сплошь и рядом узнает правду о войне из этих неизвестно откуда появившихся плакатов.

Тексты советских плакатов и карикатур легко запоминаются, рисунки художников точны и правдивы, поэтому все попытки германской пропаганды подделать советские плакаты, поместить под скопированными советскими рисунками фашистский текст (как они делали с „Боевыми листками") — обречены на провал...»[5].

В расположение войск противника забрасывались диафильмы, созданные по тематически подобранным «Окнам ТАСС».

Работники мастерской, как писал П. Соколов-Скаля, выезжали и в Действующую армию, где выпускали «Окна ТАСС». Специальные «Окна» посвящались героическим гвардейским частям, наступательному порыву Красной Армии [6]. В другой статье художник вспоминает: «Мне пришлось бывать на фронте, и там видел я наши плакаты в землянках, в блиндажах, в окопах, просто на дереве в лесу или на телеграфном столбе у фронтовой дороги. Но, пожалуй, ярче всего запомнилось вот что: танк, через минуту он отправляется в бой. Танкист открывает крышку люка и влезает внутрь. Танк разворачивается, и я вижу на его броне мой плакат...» [7].

«Окна ТАСС» распространялись и за границей: в Англии, США, Латинской Америке, Южно-Африканском Союзе, Иране, Ливии, Китае, Египте, Новой Зеландии, Австралии, Швеции, Индии, Афганистане, Сирии, Турции.

В информационно-отчетной записке Н. Денисовского от 26 апреля 1944 г. читаем: «Один капиталист из Америки прислал письмо в ВОКС с просьбой подписать его на плакаты „Окна ТАСС", мотивируя свой заказ тем, что, хотя он и не разделяет точку зрения той идеологии, которая проводится в этих плакатах, однако они поднимают производительность труда его рабочих, что с чисто коммерческой точки зрения ему чрезвычайно выгодно»[8].

В Англии тексты «Окон ТАСС» переводились на английский язык и печатались в значительно уменьшенном формате большими тиражами.

В годы войны было организовано несколько выставок «Окон ТАСС» как в нашей стране, так и через ВОКС за рубежом. Выставки эти пользовались большой популярностью.

«В Кашгаре после осмотра выставки „Окна ТАСС" в советское консульство явилось 12 китайцев и подали заявление о приеме их добровольцами в ряды Красной Армии»[9].

Выставки «Окна ТАСС» были отправлены и в Финляндию, Румынию и Болгарию, когда эти страны вышли из гитлеровской коалиции.

В многочисленных отзывах о выставке в Хельсинки финские посетители пишут о ее значении. В частности, имеется такой отзыв:

«Советский Союз умеет сражаться, но такой же мастер он и рисовать. Гениально! Снимаем шляпы!» [10].

Большим успехом пользовались выставки плакатов ТАСС, открытые в Москве, в залах Исторического музея в мае 1942 г. и в Музее Революции в 1943 г. Вот наиболее интересные записи посетителей, оставленные в книгах отзывов:

«Два чувства уношу я с собой после посещения выставки „Окна ТАСС": радость и смех, порожденные нашими победами на фронте над гитлеровцами, и острую ненависть к врагу.

Сержант (подпись неразборчива)».

«Выставка „Окна ТАСС" имеет огромное политико-воспитательное значение. Она оставляет большое впечатление. Здесь ярко и наглядно выражена борьба за Родину, за нашу честь, за нашу свободу. Выставка дает яркие штрихи огромной ненависти к захватчикам-фашистам. При ее осмотре так и поднимается ярость — скорей бы выгнать этих псов, громил, насильников с нашей земли.

Художники, создавшие эти плакаты, своим художественным словом, своей художественной кистью *стоят в одном ряду, в одном строю с бойцом* — пулеметчиком, танкистом. Также делают общее дело, дело разгрома врага.

По примеру „Окон ТАСС" Москвы в ряде областей также создают „Окна ТАСС", Они пользуются большим успехом. Товарищи-художники, продолжайте начатое дело. Оно имеет большой успех в народе.

М. Григорьев (из группы бойцов, направляющихся на фронт)».

Одну из выставок посетил Демьян Бедный. Он записал в качестве отзыва следующее четверостишие:

Поэт с художником за честь
Считают послужить народу,
Я очень счастлив тем, что есть
Тут и моих три капли меду.

В декабре 1942 г. работа мастерской была высоко оценена партией и правительством. Писатель С. Маршак и художники П. Соколов-Скаля, Кукрыниксы (М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов), М. Черемных, П. Шухмин, Н. Радлов и Г. Савицкий получили Государственные премии.

19 декабря этого же года на приеме художников и работников редакции ТАСС в Кремле М. И. Калинин сказал: «Когда люди будут изучать эпоху Отечественной войны, они не пройдут мимо „Окон ТАСС", как не пройдут мимо „Окон РОСТА" при изучении Октябрьской революции. И серьезный историк, и будущий художник, касаясь эпохи Отечественной войны, обратятся к этому материалу» [11].

Архив «Окон ТАСС» в целом виде не сохранился. Наиболее значительные собрания плакатов сосредоточены в следующих хранилищах: Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (трафареты), Государственный Исторический музей (оригиналы, трафареты), Государственная Третьяковская галерея (оригиналы, трафареты), Государственный Литературный музей (трафареты), Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (трафареты), Музей Революции (трафареты), Центральный музей Советской Армии (трафареты). Сводный каталог, содержащий библиографическое описание «Окон ТАСС», которые хранятся в ЛБ, ГПБ и Центральном музее Советской Армии, опубликован в книге: Труды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, т. VIII. М., «Книга», 1965, стр. 163—339 (в конце книги — 32 репродукции «Окон ТАСС») [12].

Ниже публикуются тексты 36 «Окон ТАСС» из числа тех, которые позднее не перепечатывались.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] С. Маршак. Собр. соч., т. 2. М., Гослитиздат, 1958, стр. 251—252.

[2] «Литературная газета», 1941, № 39, 1 октября. Характеристика героической темы в «Окнах ТАСС» дана в статье Н. Сидельниковой «„Окна ТАСС" в годы Великой Отечественной войны Советского Союза» (Уч. зап. Калининск. гос. пединститута, т. 36, 1963, стр. 126—130).

[3] Стихотворение С. Щипачева было напечатано в газете «Правда».

[4] Докладная записка Н. Денисовского и П. Соколова-Скаля в партком ТАСС и информационно-отчетная записка Н. Ф. Денисовского от 26 апреля 1944 г. ЛБ, Отдел редкой книги. Архив заслуженного художника РСФСР Н. Ф. Денисовского.

[5] Партизан Саша. «Плакаты в тылу врага».— «Литература и искусство», 1942, № 44, 31 октября.

[6] «Труд», 1943, № 135, 10 июня.

[7] «Московский большевик», 1943, № 260, 3 ноября.

[8] Информационно-отчетная записка Н. Денисовского от 26 апреля 1944 г.

[9] Там же.

[10] Докладная записка ответственному руководителю ТАСС Н. Пальгунову, ⟨апрель⟩ 1945 г. ЛБ, Отдел редкой книги. Архив Н. Ф. Денисовского.

[11] М. И. Калинин об искусстве и литературе. М., Гослитиздат, 1957, стр. 187.

[12] Большое количество «Окон ТАСС» за 1941—1945 гг. было воспроизведено Всесоюзной Книжной палатой (см. серии: «Летопись изобразительного искусства Великой Отечественной войны», 1942, № 4; 1943, № 4; 1944, № 1—2; «Летопись изобразительного искусства», 1944, № 3—4; 1945, № 1 и 2).

ЛИТБРИГАДА

ЧЕГО ГИТЛЕР ХОЧЕТ И ЧТО ОН ПОЛУЧИТ

(№ 5, худ. М. Черемных)

1. Хочет — хлеб у крестьян отнять.
2. Хочет — заводы буржуям отдать.
3. Хочет — землю усеять гробами.
4. Хочет — свободных сделать рабами.
5. Получит — втрое за каждый удар,
   Десятки пожаров за каждый пожар.
   Получит — штык, огонь и свинец.
   Получит — фашизма бесславный конец.

* * *

(№ 13, худ. А. Радаков)

Болтун — находка для шпиона!
Вот типы разного фасона:

Язык,
длины необычайной.
Может сболтнуть
И военную тайну.

Вот два уха
С обеих сторон:
Влетает — муха,
Вылезает — слон.

Очки,
розовее розочек,
Шпионов-волков
Принимает за козочек.

Вылавливай
Пособников вражьих.
Будь на страже!

* * *

(№ 59, худ. А. Бубнов)

Не дадим врагу покоя,
Ни травинки, ни зерна!
Чтобы знал он, что такое
Всенародная война!
Вспомним старую сноровку:
Не впервые гадов бьет
Партизанская винтовка,
Партизанский пулемет!

ВОЕННЫЕ КОМИССАРЫ

(№ 77, худ. *П. Соколов-Скаля*)

Мы помним — в вихре огневом,
Несясь за вражьим войском следом,
С Чапаевым к плечу плечом
Вел Фурманов полки к победам.

Так и сейчас на бой с врагом
С отважным командиром рядом
Неустрашимый военком
Ведет геройские отряды.

Н. АСЕЕВ

ВОТ ПРОСТЕЙШАЯ ИЗ БАСЕН: «НЕДОБИТЫЙ ВРАГ — ОПАСЕН!»

(№ 1064, худ. А. Пржецлавский)

1. Зверя,
рвущего добычу,
мало
вздуть
и отогнать.
Нам
знаком его обычай:
Он появится
опять.
2. Отлежавшийся
в берлоге,
отдышавшийся от ран,—
3. вновь
возникнет на дороге,
в злодеяньях
быстр и рьян.
4. В самом логовище старом,
обложив
со всех сторон,
бей его
таким ударом,
чтобы
дух из него вон!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

РАСПЛАТА

(№ 605, худ. Кукрыниксы)

У гада-Гитлера срываются все планы.
В провале их не он, однако, виноват,
А красные бойцы, герои-великаны,
Чей дивной доблестью прославлен Сталинград.
Бандиту, самому лихому супостату,
Какого видел наш народ,
Они куют в боях суровую расплату —
Не сумасшедшую больничную палату,
А — эшафот!

МИХАИЛ ВЕРШИНИН

В ГОРАХ ТРАНСИЛЬВАНИИ

(№ 1077, худ. А. Пржецлавский)

В горах Трансильвании наши войска.
Не молкнут орудий раскаты.
Герои России! Победа близка.
Врагу не уйти от расплаты!

С. ВЫШЕСЛАВЦЕВ

(18 декабря 1941 г., худ. А. Суворов и М. Поляков)

Средь рева волн, у Балтики на страже,
Стократно отражая натиск вражий,
Незыблемой скалой стоит Гангут.
Пять месяцев — в кровавом, грозном споре,
В боях,
на суше,
в воздухе,
на море...
Героям Ханко — пламенный салют!

«НАШ ТЫСЯЧНЫЙ УДАР»

«Окно ТАСС», № 1000. 5 июня 1944 г. Трафарет

Карикатура Н. Ф. Денисовского и П. П. Соколова-Скаля, текст В. И. Лебедева-Кумача

Библиотека им. В. И. Ленина, Москва

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

ГУСТАВ И УСТАВ

(№ 682, худ. Кукрыниксы)

Заведенным фрицем став,
По полям и по оврагам,
Полагаясь на устав,
Шел Густав гусиным шагом.
Но когда пути его
Не сошлись с уставом малость,
От Густава ничего
Уставного не осталось...

НАШИ ВОЙСКА ФОРСИРОВАЛИ ОДЕР

(№ 1174, худ. А. Плотнов)

Мы реки вражеской земли
Победно преодолеваем.
Сегодня Одер перешли,
На Шпрее скоро побываем.

ВЕРА ИНБЕР

СРОК НАСТУПИЛ

(№ 898, худ. П. Шухмин)

По краю неба вспышки огневые,
Громами опоясан горизонт.
Пришел в движенье Ленинградский фронт,—
Настали дни для немцев роковые.
Блокированный ими Ленинград
Идет на них гранитною стеною,
Он шлет на них артиллерийский град.
Он косит их атакой штыковою.

СЕМЕН КИРСАНОВ

ЕСЛИ СЕМЬЯ ТЕБЕ ДОРОГА, — УНИЧТОЖАЙ ВРАГА!

(№ 555, худ. Н. Денисовский)

1. Враг хочет сжечь старуху-мать.
2. Жену на каторгу угнать.
3. Заставить сына стать рабом.
4. Дочь запереть в публичный дом.

Не хочешь этого? Иди
С гвардейским знаком на груди!
Спасай семью в огне сраженья
От смерти, рабства, униженья.

* * *

(№ 557, худ. В. Айвазян)

У Гитлера
есть программа,
В ней написано
грубо и прямо:
«...Желаю
с земли стереть
русского
населения
треть...»

Боец,
не дай убийцам
Этого добиться!
Уничтожай,
громи,
коли,
Сотри врага
с лица земли!
Тебе доверена
русская жизнь!
Держись и бейся,
стой и держись!

А. КРОНГАУЗ

ТАЙНЫЙ ПЕРЕДАТЧИК
(ГЕББЕЛЬС ЛЖЕТ!!!)

(№ 188, худ. В. Горяев)

1. Когда хоть миг над эфиром
Не властвует вой и свист,
Ведет разговор с миром
Немецкий антифашист:

2. «Вы слышали передачу?
Не ставьте ее ни в грош!
Фашистская пропаганда—
Это сплошная ложь!»

3. Хочет агент гестапо
Его заглушить трубой —
Поднял в сто барабанов
Невероятный бой.

4. Рыщет агент гестапо —
Где, за какой стеной
Радиопередатчик
Действует потайной.

5. Не заглушат твой голос,
В тысячу труб трубя.
Действуй же, передатчик,
Слушает мир тебя!

М. КУЛЬЧИЦКИЙ

(13 ноября 1941 г., худ. Дитс *)

Ройте траншеи вкруг нашей Москвы
Лопатою острой и быстрой.
И все эти рвы,
Что копаете вы,—
Станут могилой фашистов.

В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

(№ 613, худ. П. Саркисян)

Немец к Волге шел напиться —
По зубам огрели фрица.
Наутек пришлось пуститься,—
Ноет бок, болит спина,
Видно, волжская водица
Для фашиста не годна.
Холодна она для фрица,
Солона!

---

* Дитс — В. Демидов, К. Ипатов, Я. Титов, А. Сапожников.

«НОВОГОДНЕЕ ГАДАНИЕ»
«Окно ТАСС» № 1126. 3 января 1945 г. Трафарет
Карикатура П. А. Саркисяна, текст А. А. Жарова
Библиотека им. В. И. Ленина, Москва

«БРЕХОМЕТ»

(№ 625, худ. Кукрыниксы)

Убийце-Гитлеру, хоть плачь,
Не скрыть военных неудач
У Ржева и под Сталинградом.
И вот, чтоб обмануть народ,
Он изобрел свой «брехомет»,
Который враки сыплет градом.
Машинка брешет во всю прыть,
Но правды ей не заглушить,—
У Дона правда громыхает,
Она над Волгою слышна,
Грохочет в Африке она —
И «брехомет» не помогает.

ПОД ЗНОЙНЫМ НЕБОМ АРГЕНТИНЫ

(№ 1139, худ. П. Соколов-Скаля)

Как отнестись к такой картине?
Какой в ней смысл? Понятен он:
В далекой знойной Аргентине
Устроен воровской притон.

Сюда с добычею спешит
Фашистский жулик и бандит.
И принимает аргентинец
Багаж бандитский, как гостинец.

ПОСЛЕДНИЙ МАСКАРАД

(№ 1191, худ. П. Саркисян)

Матерые эсэсовские фрицы
Затеяли предсмертный маскарад,—
Стремясь от Красной Армии укрыться,
Они меняют облик и наряд.

Спасаясь от суда и от расплаты,
Они сбривают бороды, усы
И надевают мирные халаты,
А вместо касок — женские чепцы.

Но никаким подобным маскарадом
Не провести советского бойца,—
Он под любым обличьем и нарядом
Фашистского откроет подлеца!

И. ЛЕВИДОВА

ВЫЗВОЛИМ ОТ ФАШИСТСКОЙ НЕВОЛИ НАШИХ БРАТЬЕВ И СЕСТЕР!

(№ 1208, худ. М. Мальцев)

Еще огонь по небу пляшет,
А пленницы бегут навстречу,
Кричат танкистам: наши, наши!
И обнимают их за плечи.

Сидят бойцы в железных гнездах —
Веселые и молодые.
И женщины вдыхают воздух
Свободы, Родины, России!

В. ЛЕВШИН

ПОСЛЕДНИЙ КРИК ФАШИСТСКОЙ МОДЫ

(№ 413, худ. В. Айвазян)

1. Фашист в поход в разгаре лета
   Пошел с иголочки одетый.
2. Но вскоре стал его наряд
   Потрепан, порван и помят.
3. Пришла зима, забыв о моде,
   Он щеголяет «в женском роде».
4. И, наконец, удобства ради,
   Бежит назад в эрзац-наряде.

И. ЛИФШИЦ

ОТЦЫ И ДЕТИ

(№ 175, худ. А. Бубнов)

Герой Советского Союза М. В. Водопьянов написал письмо-наказ сыну Василию, окончившему летную школу.

«Правда», 23.VIII 1941 г.

У отца молодое лицо,
С небесами сроднился он рано...
Поднимается рядом с отцом
Юный сокол — пилот Водопьянов.

В сердце сына — наказы отца:
«Бить врага беспощадно и смело!
Разгромить гитлеризм до конца!
Отомстить подлецам оголтелым!»

И для сына-пилота закон —
Боевое отцовское слово:
«Если выйдет последний патрон,
Бить тараном стервятника злого».

Не сломить нашу Родину-мать,
Не отнять наше славное знамя,
Если землю идут защищать
Вот такие отцы с сыновьями.

С. Я. МАРШАК

СПАСИ!

(№ 553, худ. В. Горяев)

Сынишка к матери приник
И смотрит, закричать не смея,
На кровью обагренный штык
В руках фашистского злодея.

Детей и женщин на Руси
Обрек на смерть палач немецкий...
Ты слышишь,— слабый голос детский
Зовет и требует: Спаси!

НАША АЗБУКА

(№ 642, худ. Н. Денисовский)

Норвежский шут, предатель Квислинг
Недавно в немцы был зачислен.

(№ 644, худ. В. Лебедев)

Бульдог — Бандито Муссолини,
Болонкой служит он в Берлине.

(№ 659, худ. П. Саркисян)

Гориллы водятся в Германии:
Гесс, Гитлер, Геринг и компания.

(№ 712, худ. М. Соловьев)

«Шестая» шла на Сталинград.
Шакалы не ушли назад.

А. МАШИСТОВ

ЮГОСЛАВИЯ БОРЕТСЯ!

(№ 552, худ. С. Костин)

По всей Югославии идут ожесточенные бои. Вся страна охвачена пожаром всенародной партизанской войны.

Югославскими партизанами убит начальник гестапо в Загребе майор Гельм.

Из газет.

Он «новый порядок» у нас насаждал:
Насиловал женщин, детей убивал,
Развеивал пеплом дома и сады
И виселиц черные строил ряды.
Расплата пришла, неизбежна, грозна:
Жива Югославия, гнева полна!
За все преступленья фашистский злодей
Ответит нам подлою кровью своей.
Не сломлен народ наш и тверд, как гранит,
Сражается, борется и победит!

ИСПАНСКИЙ «АТТРАКЦИОН»

(№ 1215, худ. П. Саркисян)

Дон Франко — человек-трамплин,
Аттракцион «нейтральный».
Весьма приветствует Берлин
Сей трюк оригинальный.
Его «механика» ясна:
У этого трамплина
Вполне отчетливо видна
Немецкая пружина.
Бандиты рвутся в дальний путь,
А с помощью трамплина
Доставят их не как-нибудь,
А «Франко-Аргентина».

В. ОСЕНИН

НА ЗАЩИТУ ЛЕНИНГРАДА

(№ 166, худ. А. Бубнов)

Каждый дом
обратим в редут,
Обрубим
щупальцы
гада!
Знаем,
верим:
«Они не пройдут!
Не взять врагам
Ленинграда!»
Тыщи
в ряды ополченцев вольются,
Не станет
народ
на колени!
Мы отстоим
колыбель революции
Город великого Ленина!

«ГИТЛЕРУ КАПУТ»
Окно ТАСС № 1241. 8 мая 1945 г.
Трафарет
Карикатура М. М. Черемных
Библиотека им. В. И. Ленина, Москва

МАКАР ПАСЫНОК

КЛЯТВА НАРОДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

(№ 571, худ. В. Айвазян)

К богатствам Закавказья рвется немчура,
Неся народам смерть, бесчестье, разоренье...
Чтоб этому не быть, пусть каждый, как гора,
Дорогу преградит фашистским устремленьям!

Чтоб враг не смел топтать красу твоих долин,
Чтоб жить могли и впредь мы дружно, словно братья,
Вперед, грузин, азербайджанец, армянин!
Ты должен до последнего дыханья драться!

Пусть ширится, растет лавиной наш отпор
За каждый метр земли, возделанный с любовью.
Не марганец, а смерть получит мародер,—
Не нефть бакинскую — поток немецкой крови!

А. РОХОВИЧ

ЕДИНЫЙ ФРОНТ

(№ 167, худ. Г. Савицкий)

По всей земле растет восстанья гул.
И нет числа сплотившимся славянам.
С народом русским чех, поляк, хорват, гуцул —
Встают на смертный бой с коричневым тираном!

«МОЛОДЕЦ ПРОТИВ ОВЕЦ, ПРОТИВ МОЛОДЦА — САМ ОВЦА»

(№ 471, худ. Н. Радлов)

В мундире с новеньким крестом
Он сам себе казался львом.
В делах бандитских зная толк,
Он рыскал, как голодный волк.
В селе советском он шагал
По трупам детским, как шакал.
А встретив в поле молодца —
Заблеял мигом, как овца!

Г. САННИКОВ

ВИНТОВКА, ШТЫК, ПУЛЕМЕТ, ГРАНАТА

(№ 196, худ. А. Бубнов)

Открывай фашистам счет,
Мой станковый пулемет.
Пулеметик-пулемет
Чисто бреет, метко бьет.

Умей в бою окопаться лопатой.
Умей, когда надо, ударить гранатой.

Вспомним суворовский славный наказ —
«Русские прусских бивали не раз».
«Штык не обмишулится» — Суворов говорил.
Колú их по-суворовски — фашистских громил.

С. СПАССКИЙ

АРТИЛЛЕРИЯ — БОГ ВОЙНЫ

(№ 1020, худ. П. Шухмин)

Врагу не скрыться за твердынею,
Не оградиться крепким валом,
Взрываем вражескую линию
Мы огневым победным шквалом.

Неся потерю за потерею,
Враги бегут, им нет пощады,
Прославим нашу артиллерию,
Ломающую все преграды!

Н. ЧЕРЕМНЫХ

ЧЕТЫРЕ ГОДА «ОКОН ТАСС»

(№ 1255, худ. М. Черемных)

Наш карандаш всегда отточен —
Его удар и был, и будет точен.

БАЛТИЙСКАЯ «ПОЛУНДРА»

О КРАСНОФЛОТСКОЙ САТИРЕ

Сообщение Вс. Азарова

С первых дней Великой Отечественной войны Краснознаменный Балтийский флот принял на вооружение, наряду с другими средствами массовой политической агитации, боевую краснофлотскую сатиру.

Начало этой работы относится еще к концу 1939 г., когда в дни боев с белофиннами на страницах газеты «Красный Балтийский флот» ежедневно появлялись создаваемые Вс. Вишневским, В. Лебедевым-Кумачом, Л. Соболевым, художником-краснофлотцем Л. Самойловым фельетоны, басни, райки, карикатуры и другие сатирические материалы под общим заголовком «Полундра». Деятельным участником этой работы был и редактор флотской газеты Л. Осипов, печатавший свои фельетоны под псевдонимом «Лев Морской».

В начале Отечественной войны в работу включились призванные на флот поэты Н. Браун, М. Гейзель, Ю. Инге, молодой поэт-краснофлотец В. Скрылев, критик О. Цехновицер, художник Б. Пророков и поэт М. Дудин.

Протяженность фронта, на котором действовали балтийские моряки,— от Ханко до южного берега Финского залива — способствовала появлению на страницах многотиражных краснофлотских газет собственных «уголков» флотской сатиры и даже выпуску отдельных плакатов, таких, как созданное на Ханко знаменитое «Письмо Маннергейму».

Лауреат Ленинской премии художник Б. Пророков пишет в своих воспоминаниях:

«Уже в августе 1941 г. гарнизон Ханко оказался отрезанным в глубоком тылу противника.

С Большой земли ни газет, ни писем.

Мне было приказано обеспечить газету сатирой и юмором.

В те дни это искусство оказалось сильнейшим оружием пропаганды.

В газете почти ежедневно печатался раздел „Гангут смеется“.

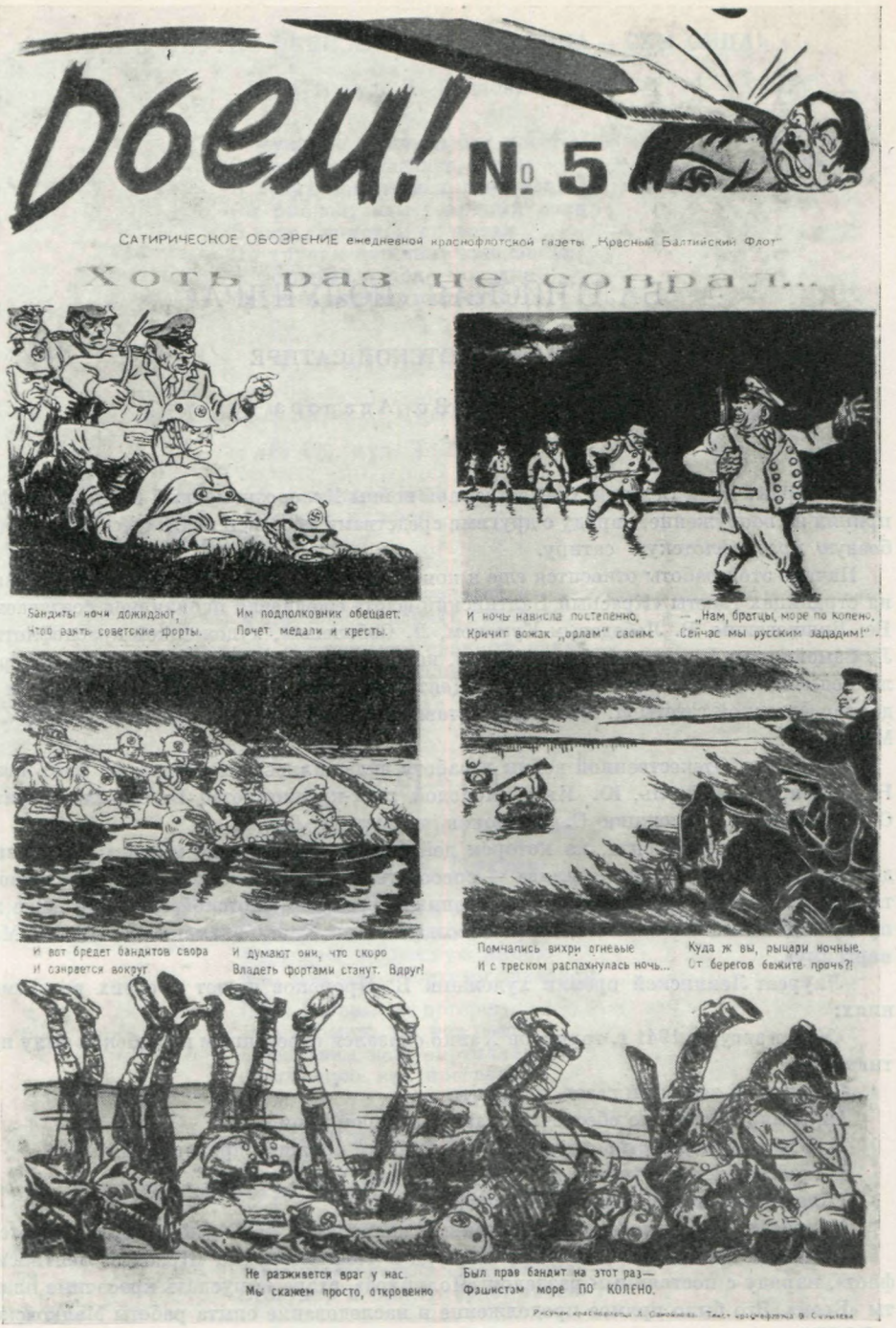
Отдел пользовался большой любовью.

Матросам нравилось, что изъеденный снарядами, как оспой, Гангут смеется».

С первых дней войны выходившая тогда в Таллине газета «Красный Балтийский флот», наряду с постоянным разделом «Полундра», стала выпускать красочные плакаты «Бьем». Это было прямое продолжение и наследование опыта работы Маяковского в РОСТА в годы гражданской войны. Душою «Полундры» был темпераментный, остроумный флотский художник Л. Самойлов.

Материал давала нам фронтовая обстановка. Что до разработки тем, то поэты и художник занимались ею коллективно.

Так появился первый плакат на слова Юрия Инге, построенный на исторической преемственности побед русского народа над иноземными захватчиками. Плакат состоял из нескольких сопровождавшихся стихотворным текстом картинок. Под последней из них значилось:



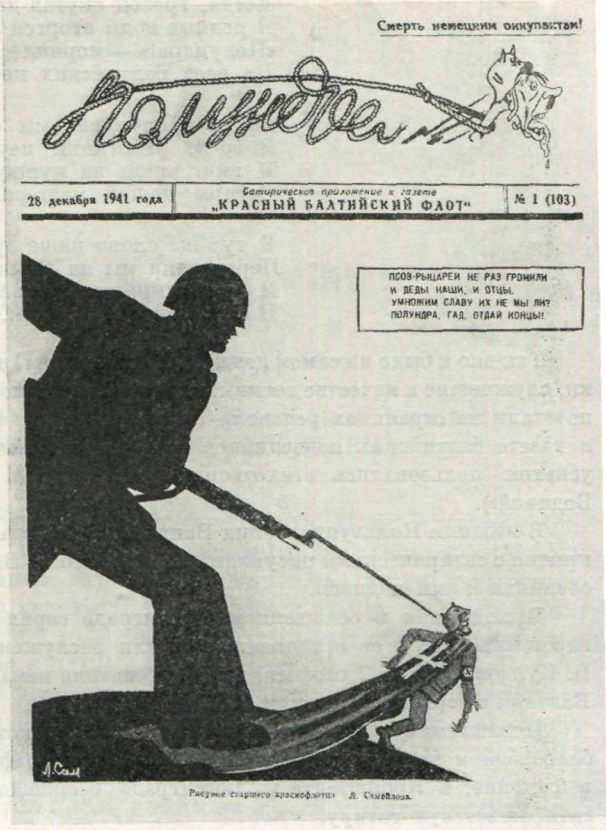
«БЬЕМ!», № 5

Плакат. Издание газеты «Красный Балтийский флот». Таллин, лето 1941 г.

Текст В. Скрылева, карикатуры Л. С. Самойлова

Собрание Л. С. Самойлова, Москва

«ПОЛУНДРА»
Сатирическое приложение к газете «Красный Балтийский флот».
28 декабря 1941 г., № 1 (103)
Текст и карикатура
Л. С. Самойлова
Собрание Л. С. Самойлова, Москва


Смерть немецким оккупантам!

Полундра

28 декабря 1941 года | Сатирическое приложение к газете „КРАСНЫЙ БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ" | № 1 (103)

ПСОВ-РЫЦАРЕЙ НЕ РАЗ ГРОМИЛИ
И ДЕДЫ НАШИ, И ОТЦЫ.
УМНОЖИМ СЛАВУ ИХ НЕ МЫ ЛИ?
ПОЛУНДРА, ГАД, ОТДАЙ КОНЦЫ!

Рисунок старшего краснофлотца Л. Самойлова.

И вновь они хлебнули горя:
Мы, по примеру славных предков,
На небесах, на суше, в море
Их бьем решительно и метко.

В плакатах, к которым следовали мои подписи, высмеивалась лживость и топорность фашистской пропаганды, рассказывалось о незадачливой судьбе фашистского парашютиста, безнаказанно совершавшего разбойничьи нападения на страны Центральной Европы и получившего должный прием у балтийцев.

Поэт-краснофлотец Василий Скрылев писал о том, что фашистским воякам, хватавшим, что им «море по колено», пришлось изведать совсем иные свойства Балтики, погрузившись навсегда в ее глубины.

Такими же остро злободневными были и плакаты «Бьем» на слова Н. Брауна и О. Цехновицера, выпущенные в последние трагические дни обороны Таллина. Когда наши войска оставляли город, плакаты, наклеенные на стены зданий, продолжали свою борьбу. Напечатанные на русском и эстонском языках, они издевались над захватчиками.

Когда в 1944 г. мы возвратились в Таллин, в архиве гестапо была обнаружена подшивка плакатов «Бьем» с картотекой авторов, ненавистных для фашистов.

Юрий Инге, Василий Скрылев, Марк Гейзель, Орест Цехновицер, награжденный за доблесть, проявленную в дни обороны Таллина, посмертно орденом Красного Знамени,— спят вечным сном в водах Балтийского моря. А о «Полундре», о балтийских «Окнах сатиры»— «Бьем», мы, живые их участники, храним благодарную память как о действенном, боевом оружии. Оценку ему, еще в 1942 г., в своих стихах дал Николай Браун:

Когда, грозой окутав дали,
В родные воды вторгся враг,--
«Полундра!» — моряки сказали
На всех балтийских кораблях.

Тогда «Полундра» мы сказали,
Вперед, работники пера!
И вмиг врага на мушку взяли
Сатиры нашей мастера.

И тут же слово наше дружно
Перековали мы на штык,
И даже лирики оружье
На сатирический язык.

Так оно и было на самом деле. Не только поэты, но и драматурги, прозаики, критики, служившие в качестве военных журналистов в подразделениях Балтийского флота, печатали на страницах редактируемых ими газет фельетоны, раешники (например, в газете балтийских подводников «Дозор», позднее «Подводник Балтики», большим успехом пользовались стихотворные фельетоны А. Крона, подписывавшегося «Дед-Водяной»).

В издании Политуправления Балтийского флота появлялись плакаты, лубки и открытки с сатирическими рисунками Б. Пророкова, В. Соколова, В. Гальба и др. Поэты сочиняли к ним подписи.

Выходившая в осажденном Ленинграде серия сатирических плакатов «Боевой карандаш» (среди ее организаторов были заслуженный деятель искусств художник В. Курдов, поэт Б. Тимофеев) также посвятила немало своих работ героизму моряков Балтики в борьбе с фашизмом.

Помещаемые здесь репродукции дают некоторое представление о тяжком, благородном труде художников, поэтов, полиграфистов, создававших на Ханко и в Таллине, в Кронштадте и Ленинграде беспощадно разившую врага фронтовую антифашистскую сатиру.

ВОСПОМИНАНИЯ

Н. Д. НОВОСЕЛОВ

ВЗВОД ПИСАТЕЛЕЙ

О ГАЗЕТЕ «ЗА СОВЕТСКУЮ РОДИНУ» 1 КИРОВСКОЙ ДИВИЗИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ

«За Советскую Родину. Красноармейская газета Н-ской части. Воскресенье, 3 августа 1941 г.». Над клишированным заголовком крупным полужирным шрифтом набрано: «Прочитав уничтожь, нужное вырежь».

Почему-то этот экземпляр газеты я в то горячее время не уничтожил. Наверное потому, что на первой полосе напечатано мое стихотворение — первое стихотворение, которое я написал на фронте. Вложенный в «Неуча» Глеба Алехина и засунутый в противогазовую сумку, маленький газетный листок был вынесен мной из окружения, чудом не попал на растопку в блокадную «буржуйку» и долгие годы в пачке других бумаг пролежал на нижней полке книжного шкафа, пока я шагал по фронтовым дорогам от Ленинграда до Праги, работал после войны на Урале и Дальнем Востоке.

Недавно выяснилось, что несколько разрозненных номеров нашей дивизионной газеты случайно сохранилось и у моих друзей.

Мы бережно разворачиваем обветшалые, потертые на сгибах страницы почти четвертьвековой давности. Простая бесхитростная верстка. Бледноватая печать. Один-единственный текстовой шрифт — старенький, изрядно поношенный корпус, набранный вручную. Призывные, мобилизующие шапки. Заметки бойцов, командиров, политработников. И рядом с ними — статьи и корреспонденции, репортажи и литературные зарисовки, подписанные именами, знакомыми многим читателям еще по мирным, довоенным дням: Сергей Семенов, Геннадий Гор, Дмитрий Остров, Павел Журба, Александр Бартэн, Николай Жданов, Виктор Бакинский, Алексей Дорохов, Юрий Слонимский, Арсений Островский, Павел Кобзаревский, Александр Рыбасов, Евгений Люфанов, Георгий Кубанский, Василий Валов; литературоведы — Иеремия Айзеншток, Алексей Десницкий, Исаак Ямпольский. Стихи Сергея Спасского, Евгения Панфилова, Петра Ойфы, Владимира Лифшица, Константина Высоковского. Короткие рассказы Глеба Алехина и Владимира Тоболякова. Стихотворные фельетоны Леонида Браусевича и Александра Бычкова.

Среди множества выходивших на фронте дивизионных газет, далеко не всегда укомплектованных достаточно квалифицированными литературными кадрами, газета «За Советскую Родину», постоянными сотрудниками и военкорами которой были более 30 ленинградских писателей, представляла собой явление в некотором роде исключительное. Она выходила в июле — сентябре 1941 г. в 1 Кировской дивизии Ленинградской армии народного ополчения, печаталась сначала в полевой походной типографии, оборудованной в кузове грузовика, а с двадцатых чисел августа — в типографии городской газеты в Пушкине.

Н. Д. НОВОСЕЛОВ
Фотография. Ленинград, 9 июля 1941 г.
Музей Кировского завода, Ленинград

Это была первая созданная в Ленинграде дивизия народного ополчения. Она родилась во вторую неделю войны за Нарвской заставой, где на одном только Кировском заводе около 15 тысяч человек изъявили желание добровольцами пойти на фронт. Удовлетворить все эти желания — значило бы лишить предприятие, работавшее на оборону, половины квалифицированных кадров. Заводу разрешили сформировать только один стрелковый полк, артиллерийский полк и разведбатальон. Второй стрелковый полк дали судостроители завода имени Жданова — бывшей Путиловской верфи.

Третий стрелковый полк формировался в Дзержинском районе. Именно там, в старинном здании на Фонтанке, в нескольких кварталах от Дома писателя имени Маяковского, создавалось подразделение, которое вошло в историю дивизии, в историю Ленинградского народного ополчения под названием «взвод писателей».

«Настал момент, когда наряду с пером в наших руках должна быть винтовка, а наше место — в строю, плечом к плечу с рядовыми бойцами,— заявили ленинградские литераторы, вступая в ряды народного ополчения.— Мы приносим священную боевую клятву — мужественно, не щадя жизни, выполнить долг, который возлагает на нас грозный час, переживаемый Родиной» [1].

В политотделе дивизии за Нарвской заставой не сразу узнали, что один из взводов 3 полка целиком состоит из писателей. И поэтому, когда в первых числах июля, уже накануне отправки на фронт, был решен, наконец, вопрос о создании дивизионной газеты, редакцию срочно сформировали на Кировском заводе. Редактором был назначен Сергей Львович

Перчук, редактировавший заводскую многотиражку «Кировец», меня утвердили ответственным секретарем редакции. Было мне в ту пору 19 лет. Я работал в конструкторском бюро, куда незадолго до войны перешел из редакции «Кировца», был членом заводского комитета комсомола, писал наивные юношеские стихи и очень гордился тем, что два лирических стихотворения с месяц назад были приняты журналом «Ленинград» и их обещали напечатать в одном из июльских или августовских номеров. Война изменила планы журнала, и мне довелось дебютировать в нем только спустя два года,— уже не мирной, а фронтовой лирикой...

— Как назовем газету?— задумался на минуту начальник политотдела, бывший председатель завкома Кировского завода Д. А. Подрезов, вызвавший к себе меня и редактора.— «За Советскую Родину». Подходит такое название? Действуйте!

Художник заводской редакции Илья Быстров сел рисовать заголовок, а мы с Перчуком отправились в Петропавловскую крепость, оттуда — в типографию Балтийского пароходства: оборудовать автомашины, укомплектовывать штаты наборщиков и печатников.

Поздно вечером 10 июля на станции Ленинград-Витебская товарная два грузовика — трехтонка и полуторка — с высокими фанерными кузовами, наспех покрашенными в зеленый цвет, въехали на железнодорожную платформу воинского эшелона. В трехтонке — наборные кассы, старенькая плоскопечатная «американка», жестянки с краской, фонари «летучая мышь». Накрытые брезентом кипы бумаги. Здесь же, скинув пилотки и расстегнув вороты гимнастерок, расположились наборщики и печатники— немолодые уже рабочие из типографии газеты «Советская Балтика».

Все оборудование полуторки состоит из узких дощатых скамеек, приколоченных вдоль бортов. Мы с Перчуком расстилаем в кузове шинели, подкладываем под головы вещмешки. И хотя не спали до этого почти двое суток, засыпаем не сразу. Какова-то будет завтра сводка Информбюро? Накануне гитлеровцы заняли Псков...

Белая ночь уже на исходе, когда эшелон заканчивает погрузку и трогается. Остались позади Пушкин, Павловск, Вырица. Проехали Новинку, Оредеж. На каком-то разъезде, пропуская наш состав, стоит эшелон запыленных теплушек с беженцами. В пути их уже бомбили, и они с тревогой поглядывают на утреннее безоблачное небо: вот-вот могут появиться вражеские самолеты.

Поезд приближается к узловой станции Батецкая. Здесь пересекаются железнодорожные пути на Дно и Новгород.

— Приготовиться к выгрузке!— разносится по эшелону.

У самого полотна железной дороги — свежие воронки от бомб. В пристанционном скверике — небольшой могильный холм, укрытый еще не успевшими завянуть цветами. Здесь несколько часов назад, на рассвете, приняли боевое крещение ополченцы 1 полка нашей дивизии: их эшелон разбомбили немецкие летчики.

Тяжелые автомашины, тягачи, пушки, гаубицы съезжают с платформ и укрываются в ближайшем леске. Бойцы маскируют их ветками.

Вскоре мы уже едем по грунтовой дороге в сторону Новгорода. По дороге тянутся колонны ополченцев. Потемневшие от пота гимнастерки, скатки через плечо, синие диагоналевые брюки, неумело накрученные обмотки. Брезентовые поясные ремни, отягощенные подсумками, саперными лопатками, котелками, флягами. И такие же новенькие брезентовые ремни у видавших виды винтовок и карабинов, с которых еще не стерта цейхгаузная смазка,— оружие выдали ополченцам перед самой посадкой в эшелоны. В последний раз из этих винтовок стреляли, наверное, в дни обороны Питера от Юденича или при кронштадтском штурме... Многие винтовки без штыков, а некоторые и без ремней,—бойцы несут их в ру-

ках. Лишь два человека в дивизии — заместитель комдива и командир одного из полков — вооружены автоматами.

Идут сталевары и фрезеровщики, мастера и начальники участков, партийные и комсомольские работники, студенты, ремесленники, ученые. Многие прихрамывают: грубыми неразношенными ботинками до крови натерты ноги... Самоотверженно шагают девушки с тяжелыми санитарными сумками. Выделяются своей выправкой командиры запаса — участники гражданской войны и войны с белофиннами. Большинство же ополченцев никогда не воевало, многие даже не служили на действительной,— в лучшем случае проходили краткосрочные лагерные сборы. Боевая подготовка дивизии перед отправкой на фронт не продолжалась и недели.

Густая душная пыль. Июльский палящий зной. Где-то в этой, растянувшейся на несколько километров колонне шагает подразделение писателей.

Мы встретились с ним дня через два в Больших Терибонях—старинном русском селе на берегу реки Луги. Выглядит взвод довольно пестро. Трудно представить себе коллектив людей, более несхожих по облику и характеру, по возрасту и жизненному опыту, по своим творческим привязанностям и вкусам. Маститые прозаики, чьи романы и повести выдержали по нескольку изданий, — и литераторы, еще не выпустившие и первой книжки... Бурные в проявлениях своих чувств поэты — и степенные профессора-литературоведы... Молодые критики, которые, пройдя дороги войны, начнут писать художественную прозу... Драматурги малых форм— авторы эстрадных скетчей и пьес для кукольного театра... Переводчики... Очеркисты... В довоенные времена многие из них месяцами не виделись друг с другом, лишь изредка встречаясь на собраниях в писательском клубе.

Возглавляет писательское подразделение батальонный комиссар Сергей Александрович Семенов. Высокий, смуглый, сутуловатый, с прищуренным взглядом узких «монгольских» глаз. Ему 47 лет. Он коммунист с 1918 года. Когда я смотрел на него, мне вспоминались строчки Багрицкого: «Нас водила молодость в сабельный поход, нас бросала молодость на кронштадтский лед...». Эти строчки имели прямое отношение к биографии С. А. Семенова. Только очень близким людям было известно, что здоровье Сергея Александровича оставляет желать много лучшего, что все чаще дает о себе знать застарелый недуг, полученный 20 лет назад, когда Сергей Семенов в цепи красноармейцев лежал на льду Финского залива перед последним штурмовым броском на захваченные мятежниками форты Кронштадта...

На нем фуражка с красным околышем, сохранившаяся с финской кампании, к габардиновой гимнастерке накрепко привинчены ордена Трудового Красного Знамени и Красной Звезды — награды за участие в легендарных арктических экспедициях на «Сибирякове» и «Челюскине». В ледовом лагере Шмидта писатель Сергей Семенов был секретарем партийной организации, редактором стенной газеты «Не сдадимся!». Еще мальчишкой, школьником я прочел его книги «Голод», «Наталья Тарпова», «Записки челюскинца»...

Среди писателей нашлось немало людей, хорошо знающих специфику газетной работы. Большую группу литераторов включили в аппарат редакции. Остальных распределили по частям и подразделениям. Во всех полках и отдельных батальонах у газеты были теперь свои постоянные военные корреспонденты. Трое литераторов получили почетное поручение быть историками при штабе дивизии.

С. Л. Перчук так и не успел подписать ни одного номера дивизионной газеты. По прибытии в Большие Терибони его отозвали в политотдел. Он героически погиб в период августовских боев при переправе через реку

Оредеж. Редактором на некоторое время стал бывший культпроп партийного комитета Кировского завода Я. Г. Окулов, но вскоре его сменил С. А. Семенов. Всю техническую работу по выпуску газеты возглавил А. Г. Островский, ставший по существу начальником типографии.

Сидячая секретарская должность не пришлась мне по душе. Гораздо больше привлекала живая корреспондентская работа, поездки в подразделения, на передний край,— там у меня было много друзей по школе и пионерлагерю, по заводу и комсомольской работе. Ответственным секретарем редакции фактически стал И. Г. Ямпольский, потом его заменил А. А. Дорохов.

15 июля походная типография вступила в строй — напечатала отдельной листовкой принятое по радио сообщение Совинформбюро. Тем временем редакция готовила первый номер газеты. Редакционная полуторка развозила писателей по частям и подразделениям. Вычитав корректуру очередной листовки, я получил задание: направиться в политотдел, а оттуда — в 1 стрелковый полк, где в качестве военкоров находились писатели Виктор Бакинский, Константин Высоковский и Павел Иполитов.

Дивизия занимает боевые позиции в восточном секторе Лужского оборонительного рубежа, в 50 километрах юго-восточнее города Луги. Фронт ее растянулся километров на 30 вдоль шоссейной дороги на Шимск. Позади нас — крутая излучина реки Луги, справа — линия железной дороги Ленинград — Дно, с крупными станциями Уторгош и Передольская. Перед нами поставлена задача прикрывать Новгородское направление. Когда мы двигались сюда от Батецкой, не исключена была возможность, что дивизии прямо с ходу, с марша придется вступить в бой: заняв Псков, немецкие танки и мотомеханизированная пехота устремились к Луге и Новгороду. Но в середине июля войска 11 армии нашего Северо-Западного фронта нанесли противнику сильный контрудар. В районе Сольцов они окружили и уничтожили танковую дивизию врага и тем самым временно приостановили его наступление на Новгород. Ополченцы-кировцы получили возможность заняться укреплением своих рубежей, строительством оборонительных сооружений, боевой учебой в полевых условиях.

В политотделе, в лесу близ деревни Танина Гора, только что закончилось совещание. Среди политработников, ожидающих попутные машины к переднему краю,— 22-летний инструктор политотдела Даниил Герман. Еще совсем недавно мы почти каждый день встречались на Кировском заводе, где молодой инженер Даня Герман был заместителем секретаря комитета комсомола, выступал с интересными статьями на страницах многотиражки. После войны он станет известен как писатель Даниил Гранин.

Здесь же пропагандист 1 полка старший политрук Матвей Мительман. Его лично знал А. М. Горький и, как вспоминает академик И. И. Минц, в свое время говорил о нем: «Вот один из лучших молодых участников нового пополнения писателей...»[2] Алексей Максимович горячо поддержал стремление краснопутиловского разметчика работать в трудном, новаторском для советской литературы жанре научно-художественной монографии. В соавторстве с прозаиком Антоном Ульянским и молодым поэтом Борисом Глебовым Мительман написал фундаментальный труд «История Путиловского завода». Книга в короткое время выдержала два издания, «Правда» отметила ее выход большой рецензией Д. И. Заславского. М. И. Мительман защитил кандидатскую диссертацию, одну за другой выпускал новые книги, но подавать заявление о приеме в Союз писателей пока что не спешил... А когда за Нарвской заставой начала формироваться добро-

вольческая дивизия, он, уже будучи научным сотрудником Ленинградского института истории партии, пришел в партком родного Кировского завода и попросил зачислить его в ополчение.

Вместе с Мительманом в кузове грузовичка едем из политотдела в полк. Машина подпрыгивает на ухабах. К самой обочине подступает высокая колосистая рожь. На нескошенных лугах — густые травы по пояс, крупные цветы ромашек и колокольчиков. Уже виднеются избы Глухого Бережка — деревни, где расположен полковой штаб,— как вдруг в небе появляется несколько самолетов.

— Воздух!

Машина круто сворачивает в перелесок, укрывается под деревьями. Мы выпрыгиваем из кузова и остаток пути идем по тропинке, затененной кустарником. Худощавый, рыжеволосый Мительман, как всегда, энергичен, подвижен. Лицо красновато от загара, не успевшего потемнеть. Жестикулируя, близоруко щурясь, он рассказывает о писателе Павле Ивановиче Ипполитове, который уже неделю живет в полку в качестве военного корреспондента дивизионной газеты. Я Ипполитова знал тогда еще мало; видел в редакции один или два раза. Мне было известно только, что этот пожилой скромный человек — участник гражданской войны, автор романа-хроники «Перекоп». Мительману довелось познакомиться с ним на фронте ближе, и он говорит об Ипполитове с большой симпатией.

— Начал Павел Иванович с того,— рассказывает Мительман,— что перезнакомился с нашими «старичками». Ты же знаешь нашу путиловскую старую гвардию: каждый человек — книга. Один с Иван Иванычем Газа на бронепоезде служил, другой немцев под Нарвой бил, третий с Юденичем воевал, четвертый — с Деникиным... Клад, золотая жила для писателя! И люди тоже потянулись к Ипполитову. Соберутся несколько человек, закурят — и хоть стенографистку приглашай — вечер воспоминаний записывать. Слушал их Павел Иванович, расспрашивал, а потом говорит: «Давайте-ка расскажем обо всем этом нашей молодежи. Во взводы пойдем, в отделения. Может, боевой наш опыт и в нынешней войне молодым пригодится». И что ты думаешь — целый цикл бесед о гражданской войне провели. Интереснейшие вещи услышала молодежь! И много весьма для себя поучительного...

Из штаба полка идем в штаб батальона, оттуда по проводу, а потом по ходам сообщения — на командный пункт роты. Ополченцы уже успели отрыть окопы полного профиля, построили несколько дзотов. Мительман ведет меня к зеленеющему над окопом кусту. Кустом искусно замаскирован шалашик. Здесь можно укрыться от палящего солнца, утолить жажду родниковой водой из солдатского котелка... Перевернутый ящик, заменяющий стол, накрыт куском фанеры, на нем лист бумаги с красочным заголовком: «Боевой листок». Молоденькая сандружинница, недавно работавшая копировщицей в конструкторском бюро, переписывает заметки четким чертежным шрифтом. Оригиналы заметок торопливо написаны карандашом на листках, вырванных из блокнотов и тетрадок, и аккуратно выправлены. В правке нетрудно узнать руку поэта Константина Высоковского, его характерный убористый почерк. А вот и написанные им самим заметка и стихотворение...

— Спасибо писателям!— говорит Мительман.— И Высоковский, и Бакинский, и Ипполитов очень помогли нам. «Боевые листки» сейчас регулярно выходят во всех подразделениях. Ну, и наши заводские литераторы не остались в стороне от этого дела.

А литературными силами полк, сформированный на Кировском заводе, не беден. Воентехник Валерий Виноградов — автор нескольких книг; его роман «Линия наибольшего сопротивления», посвященный краснопутиловским тракторостроителям, вызвал в начале 30-х годов оживленные

разговоры в прессе. Комсорга полка Павла Пташкина молодежь Нарвской заставы знает как способного начинающего поэта, его стихи печатались в заводской многотиражке, появлялись в областной комсомольской газете «Смена». Командир взвода Николай Елисеев — опытный журналист. У техника-интенданта Дмитрия Белгорая, активного рабкора «Кировца», вышла перед войной интересная брошюра о передовиках производства турбинного цеха...

С писателями в ту первую поездку в полк мне повидаться не пришлось, но присутствие их я ощущал там всюду.

Вернулся в редакцию, переночевал, сдал материал в газету, и снова в путь, теперь уже во 2 стрелковый полк, где нашими военкорами «два Жени» — драматург Евгений Люфанов и поэт Евгений Панфилов.

Строчки стихов Панфилова я помнил с детства: он был первым поэтом, которого я увидел однажды в клубе «Красного путиловца». Заставские ребятишки частенько пробирались туда и терпеливо просиживали длинные доклады и лекции в ожидании волнующих минут, когда в зале погаснет свет и на экране вспыхнут заглавные титры фильма... Но в тот раз вместо очередного лектора на сцену вышел белобрысый паренек в распахнутой кожанке с торчащими из кармана журналами и начал декламировать звонкоголосые, певучие стихи. «Сам сочинил!»— восхищенно толкнул меня в бок приятель. А взрослые, сидящие сзади нас, говорили о Панфилове как об одном из талантливых пролетарских поэтов, о том, что его знал и ценил сам Есенин... Потом я встречал Панфилова уже немолодым, бледноватым от усталости, в потертом пиджаке, карманы которого всегда

Прочитав уничтожь, нужное вырежь.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

За СОВЕТСКУЮ РОДИНУ

Красноармейская газета Н-ской части. Воскресенье, 3 августа 1941 г.

ВЗАИМОПОМОЩЬ И ВЫРУЧКА В БОЮ

Боевой устав пехоты требует: „Каждый боец должен стремиться к взаимной выручке и во всех случаях помогать товарищу огнем, штыком, гранатой, лопатой, личным содействием".

Печать полна фактов героизма. Так, однажды рота фашистов напала на взвод красноармейцев. Под ураганным огнем врага взвод нес огромные потери. Тогда пулеметчик, рискуя жизнью, поползом вышел во фланг роты и принял на себя огонь фашистов. Оправившиеся стрелковые отделения бросились в атаку, уничтожили большую часть фашистов и далеко отогнали остальных. Герой-пулеметчик погиб, но своей смертью он обеспечил победу над врагом и жизнь большинства бойцов взвода.

Скромный подносчик патронов также может выручить всех товарищей. В одном из боев мины вывели из строя несколько подносчиков. Подразделение было обречено на бездействие и отход. Тогда оставшийся невредимым подносчик быстро сделал подобие упряжи, прикрепил к ней два ящика патронов сверх нормы и быстрыми перебежками стал доставлять бойцам патроны. Бойцы, воодушевленные инициативой подносчика, отбили врага.

Когда помогаешь другим — помогаешь себе. Выручка, братство в бою создали русскому войску всемирно историческую славу. Бойцы Красной Армии умножат эту славу в священной войне против врагов счастливой социалистической родины, покажут миру такие подвиги, каких не знала история.

В засаде

Еще подсумки тяжелы,
Пропитан воздух тишиной,
И сосен толстые стволы
Не укрывают нас от зноя.

Но фляжки капли нет на дне
И пересохли губы за день.
Забыв об отдыхе и сне,
Мы напряженно ждем в засаде.

Но каждый знает: близок час,
Качнется лес и вздрогнут травы,
Врага, идущего на нас,
Мы встретим огневою лавой.

Н. НОВОСЕЛОВ

Победили отвага и мужество

В районе дер. С. и Г. группа бойцов попала в окружение превосходящих сил противника.

Атаке фашистов сначала подвергся дозор в составе трех бойцов — Дмитриева, Андреева и Моисеенко. Мужественные бойцы отбили немцев гранатами, нанеся им большие потери.

Вскоре атаке подверглась вся группа в целом. После жестокого обстрела из минометов, пулеметов и автоматов немцы ринулись в стремительную атаку. Молодой пулеметчик Вербицкий показал прекрасную боевую выучку. Хладнокровно подпустив фашистов на короткое расстояние, он метким огнем рассеял их ряды.

Лишь на следующий день в 5 часов вечера группа вырвалась из окружения. Беспрерывный бой в течение более чем суток истощил ее боеприпасы. Бойцам пришлось подбирать гранаты у убитых фашистов, чтобы отбить атаки живых.

В бою отличились комсомольцы Сорокин, пулеметчик Вербицкий и другие. Особенно отличилась санинструкторица Иванова. На Иванову напала группа фашистов из 6 человек. Немецкий офицер пытался убить Иванову прикладом. Но растерявшаяся Иванова метнула гранату и уложила всех на месте.

СЕРГЕЙ СЕМЕНОВ

«ЗА СОВЕТСКУЮ РОДИНУ»
Газета 1 Кировской дивизии Ленинградского народного ополчения.
Северо-Западный фронт, 3 августа 1941 г.
Страница первая
Собрание Н. Д. Новоселова, Ленинград

были набиты рукописями начинающих... В военной форме Евгений словно помолодел, выглядит веселым и оживленным. Светлые волосы коротко подстрижены. Карманы гимнастерки оттопыриваются от блокнотов и карандашей... Прошло столько лет с того июльского дня сорок первого года, а я как сейчас вижу Панфилова, окруженного бойцами на околице Больших Угородов. Высоким тенорком он запевает задорную, озорную «Челиту», дирижируя зажатой в кулаке прокуренной трубкой. А потом, провожая меня, читает новые, только что написанные стихи о сандружиннице Зине Логус — девушке из-за Нарвской заставы, которая по дороге на фронт «с бойцами накрепко сдружилась и в пути держалась молодцом», а здесь, на передовой, решила овладеть специальностью пулеметчицы.

— О таких, как наша Зина, поэмы писать нужно,—говорит Женя.— Но поэма — дело длинное, а вот очерк о ней написать обязательно надо.

Стихотворение Евгения Панфилова «Дружинница» было напечатано в одном из первых номеров дивизионной газеты. А очерк он так и не успел написать...

Обжились в подразделениях и другие писатели-военкоры: в 3 полку— И. Айзеншток, Г. Гор и А. Голов, в разведбатальоне — А. Рыбасов, в саперном — Г. Кубанский, в батальоне связи — Л. Цырлин... В химвзводе служил С. Спасский, а В. Лифшиц был политруком одного из подразделений 3 полка.

В боевые порядки, на передний край стараемся ездить по двое, благо имеем возможность позволить себе такую роскошь: недостатка в людях редакция не испытывает, литературными силами писательского взвода можно было бы укомплектовать штаты восьми дивизионных газет.

Запомнились поездки на передовую с Дмитрием Константиновичем Остро́вым. Один из немногих в писательском взводе, Дмитрий Остро́в с первых же дней пребывания в Действующей армии выглядит кадровым военным, бывалым фронтовиком. Военная форма сидит на его сухощавой фигуре удивительно ладно, даже, пожалуй, элегантно. Вместо солдатских ботинок с обмотками он раздобыл где-то щеголеватые хромовые сапоги, грубый брезентовый пояс заменил кожаным, начсоставским... Ему уже за тридцать, у него трудная биография и солидный на мой тогдашний взгляд литературный стаж — он пишет и печатается больше десяти лет. Рассказы его, обычно очень короткие, в одну-две странички, в предвоенные годы появлялись в журналах довольно редко, писал он медленно — оттачивая стиль, тщательно отделывая фразы. Две его книжки, вышедшие в самом начале 30-х годов, уже успели стать библиографической редкостью. Казалось бы, литератору с такими творческими методами не сразу удастся переключиться на оперативную корреспондентскую работу. Но вдруг все увидели, что Дмитрий Остров, когда это необходимо, может писать очень быстро. А краткость, немногословность оказались именно теми качествами, которые так необходимы малоформатной газете. Он легок на подъем, отважен, умеет быстро найти общий язык с людьми, сориентироваться в любой, самой сложной обстановке.

В последних числах июля мы поехали с ним в артиллерийский полк. В пути попали под бомбежку, потом, уже у самой передовой — под минометный обстрел, чуть было не заблудились, но к концу дня добрались до огневых позиций. Постоянными военными корреспондентами в артполку были прозаик Василий Валов и переводчик Павел Кобзаревский. По всему чувствуется, что они уже стали здесь своими людьми, что артиллеристы относятся к писателям как к давним добрым друзьям.

— Трудновато было сегодня добираться к нам?— участливо спрашивает политрук.— Может, отдохнете с дороги?

Какой там отдых! Дивизион только что вел контрбатарейный огонь, подавлял огневые точки противника, а сейчас бьет по скоплению враже-

ских войск в районе станции Кчера. Бойцы у орудий обливаются пóтом. Пахнет накаленным металлом, горячими пороховыми газами. Остров дотошно вникает в работу орудийного расчета, записывает имена и фамилии лучших огневиков. Кажется, ему самому очень хочется встать у орудия наводчиком или заряжающим...

Командир орудия озорно подмигивает нам и, посылая очередной снаряд по врагу, громко выкрикивает:

— За нашу советскую литературу!

Посылая следующий снаряд, кричит:

— За нашу советскую поэзию!

В редакции мы подробно рассказываем об этой поездке на огневую.

— Так и кричал: «За нашу советскую поэзию!»?— переспрашивает поэт Петр Ойфа.

Мы подумали о том, что если позволит обстановка, надо бы провести в артполку нечто вроде литературного вечера — поехать туда группе поэтов и прозаиков, почитать свои стихи, рассказы... Но осуществить это намерение нам удалось только спустя месяц, уже в городе Пушкине.

Интерес к работе писателей в дивизии огромен. Петру Ойфе довелось почувствовать это, может быть, несколько раньше других. Едва успело появиться в газете «За Советскую Родину» его стихотворение о русской винтовке, как в музыкантском взводе слова положили на музыку, песню уже поют в подразделениях, и, кажется, она станет маршем ополченцев-кировцев. Другое стихотворение П. Ойфы «Походная баллада» напечатано в армейской ополченской газете «На защиту Ленинграда». Я слышал, как бойцы читали его вслух:

Винтовка, скатка, пять гранат.
Гремит походный шаг.
За нами город Ленинград,
Наш дом и наш очаг!

Но главное, чем занят поэт,— это не стихи, а боевая корреспондентская работа. Нет, наверное, такого газетного жанра, кроме, пожалуй, сатиры и юмора, в котором П. Ойфа не выступал бы на страницах нашей «дивизионки». Газетная работа занимает у него почти все время. И только в пути на передовую или с передовой, шагая по обочине проселочной дороги, он становился вдруг молчаливым и сосредоточенным, и вот уже слышалось его невнятное бормотание — рождались строфы новых стихов; иногда он записывал их тут же, на ходу, или присев на минуту на подвернувшийся пенек.

Писатели не забывают о том, что они писатели: пишут фронтовые стихи и рассказы, вынашивают замыслы новых произведений, заполняют страницы записных книжек фактами, впечатлениями, наблюдениями. Но они — не наблюдатели, а бойцы, политработники. Их оружие — боевое печатное слово в газете, живое слово пропагандиста и агитатора — в беседах с людьми. Лекции И. Я. Айзенштока о международном положении слушают и ополченцы, и местное население.

В землянках и траншеях переднего края нередко можно видеть литераторов из «группы историков» при штабе дивизии: прозаика Павла Журбу, фольклориста Александра Нечаева, молодого филолога Алешу Десницкого — сына известного профессора-литературоведа В. А. Десницкого... Журбу и Десницкого мы с Ойфой повстречали однажды в расположении 2 полка чуть ли не у траншей боевого охранения. Гимнастерки их испачканы глиной, лица темны от пыли.

— Вы-то как здесь оказались? — спрашиваем их.— Ведь вы же у нас летописцы, «несторы»... Неужели мало материала в сводках и политдонесениях? Зачем же вам самим по окопам лазать?

— По сводкам и политдонесениям после войны и без нас напишут,— улыбаясь, отвечает Павел Журба. — А мы имеем возможность своими глазами видеть людей, делающих историю. Как же не воспользоваться такой возможностью? Впрочем, сейчас мы здесь не в качестве историков. Приехали сюда по специальному заданию начподива Подрезова.

...Километры фронтовых дорог. Разговоры о жизни и литературе — серьезные профессиональные разговоры писателей, которые мне, заводскому парню, вчерашнему литкружковцу, дали очень и очень много... Ночевки под звездным небом на разостланных на траве шинелях: на одну шинель ложимся, сунув под головы противогазовые сумки, другой укрываемся. Тревожные ночи первых недель войны... В прогретом за день воздухе к ароматам сосновой смолы и луговых трав ощутимо примешивается запах гари. На горизонте — зарево горящих деревень, даль застлана дымом. Со стороны города Луги слышится гул канонады — там идут упорные, кровопролитные бои...

Первые номера газеты были посвящены, главным образом, боевой учебе во фронтовых условиях. Газета учила бойцов окапываться, писала о способах борьбы пехотинцев с танками, печатала «Памятку пулеметчику», статью «Борьба с самолетами», объявила конкурс на лучший «боевой листок». Но уже к концу июля все большее место на ее страницах начинают занимать материалы о боевых подвигах ополченцев.

Раньше других вошли в соприкосновение с противником наши разведчики и боевое охранение. Разведчики неутомимо прощупывают оборону противника, проникают во вражеский тыл. Нередко им приходится вступать в ожесточенные схватки с гитлеровцами. В 20-х числах июля, возвращаясь из поиска в тылу врага, группа разведчиков 1 полка оказалась окруженной превосходящими силами противника. Чтобы вырваться из окружения, не сдаться фашистам живыми, 15 ополченцев-кировцев вступили в ожесточенный неравный бой. Об этом бое рассказывает напечатанная на первой полосе корреспонденция Сергея Семенова «Победили отвага и мужество». По условиям военного времени писатель не называет подразделения, не говорит прямо о том, что речь идет о разведчиках.

«Лишь на следующий день к 5 часам вечера группа вырвалась из окружения. Беспрерывный бой в течение более чем суток истощил ее боеприпасы. Бойцам пришлось подбирать гранаты у убитых фашистов, чтобы отбить атаки живых,— пишет Сергей Семенов.— В бою отличились помкомвзвода Сорокин, пулеметчик Вербицкий и другие. Особенно отличилась сандружинница Иванова. На Иванову напала группа фашистов из шести человек. Немецкий офицер пытался сбить Иванову прикладом. Не растерявшаяся Иванова метнула гранату и уложила всех на месте».

Это были первые появившиеся в печати строки о подвиге 17-летней комсомолки, бывшей чертежницы Кировского завода Лены Ивановой. Вскоре ее имя стало известно всему Ленинградскому фронту. А через 20 лет о подвиге отважной разведчицы, впервые описанном писателем Сергеем Семеновым в маленькой дивизионной газете, узнали миллионы читателей газеты «Известия», посвятившей рассказу о судьбе Елены Ивановой целую полосу.

В конце июля в разведку во вражеский тыл ходил с группой разведчиков 2 полка писатель Глеб Алехин. Разведка прошла удачно; незамеченные врагом наши бойцы благополучно вернулись к своим, доставив ценные сведения о противнике.

— Видел фрицев в нескольких метрах, слышал их голоса, — рассказывает Алехин.— Немецкие оккупанты на новгородской земле... Не укладывается это в сознании!

«ПИСАТЕЛЬСКИЙ ВЗВОД»

Группа ленинградских писателей-добровольцев. 1 Кировская дивизия народного ополчения

Слева направо: в первом ряду — Л. Цырлин, А. В. Десницкий, А. Н. Нечаев, (стоит) П. Журба (П. Т. Скрипников), С. А. Семенов; во втором ряду — К. И. Высоковский, Л. Т. Браусевич, Д. К. Остров, В. Н. Тоболяков, Г. С. Гор, А. Г. Островский, П. Н. Ойфа; в третьем ряду — Н. Г. Жданов, И. Г. Ямпольский, Е. Д. Люфанов, Ю. И. Слонимский, И. Я. Айзенштоk.

Фотография. Северо-Западный фронт, Лужский оборонительный рубеж (деревня Танина Гора под Новгородом), июль 1941 г.

Фотохроника ЛенТАСС, Ленинград

Глеб Алехин — автор острой, дискуссионной повести «Неуч», вышедшей в 1938 г. Редактировал книгу молодого прозаика С. А. Семенов. В дивизионной газете Глеб Алехин выступает с короткими рассказами, которые пользуются большим успехом у читателей, пишет публицистические, военно-пропагандистские статьи. По званию он — рядовой, по должности — старшина взвода литераторов. Для писателей-ополченцев его авторитет в вопросах военного дела, боевой подготовки неоспорим. Вернувшись из разведки, он обучает нас метанию гранат. Потом сядет писать статью для газеты о хитростях врага. Вечером поработает над новым рассказом, и до поздней ночи просидит над толстой клеенчатой тетрадкой-дневником. А утром встанет пораньше, чтобы сходить в покинутую усадьбу потомков декабриста Муравьева-Апостола, порыться там в старинных книгах...

Наша газета набирает силы, от номера к номеру становится ярче, содержательнее. Более 30 военных корреспондентов-писателей дают каждый день столько разнообразного материала, что им можно заполнить не четыре крохотных полосы, а все сорок. А сколько заметок и статей, писем и стихов поступает в адрес редакции из подразделений! Перед Сергеем Семеновым и Юрием Слонимским стоит нелегкая задача — отобрать из груды этого материала самое интересное, самое нужное. И не только

отобрать... Далеко не все литераторы сразу научились писать достаточно коротко, лаконично. Приходится сильно сокращать, ужимать рукописи, стараясь по мере возможности сохранить особенности языка и стиля авторов. Редактору и его заместителю помогают в этом Дмитрий Остров, Николай Жданов, Алексей Дорохов.

Арсений Островский с Исааком Ямпольским склонились над листами макета. Рядом с макетом пачка свисающих со стола гранок — материалы будущего номера. Выпускающий и ответственный секретарь в очередной раз решают труднейшую головоломку: как разместить все это на тесной площади газетных страниц? Полосы, как говорится, «не резиновые»,— на каждой умещается не больше двухсот строк... Наконец, сверстана первая полоса, вторая, третья... С четвертой мороки меньше. На ней прочно обосновался отдел «Прямой наводкой». Владимир Тоболяков, у которого в Ленинградском отделении «Советского писателя» перед самой войной вышла книга «Сибирских рассказов», дает для этой полосы коротенькие, в треть странички, юмористические миниатюры. Леонид Браусевич и Александр Бычков помещают здесь злободневные «Красноармейские частушки», из номера в номер ведут стихотворный фельетон «Наш приятель Ф. Курков», продолжения которого с нетерпением ожидают читатели. А в оставшийся правый верхний уголок страницы можно втиснуть десятистрочное стихотворение Евгения Панфилова...

Обстановка на рубежах дивизии с каждым днем становится напряженнее. Все интенсивнее бьет по нашему переднему краю вражеская артиллерия, пробираться из батальона в роту нередко приходится под огнем, то и дело залегая в воронки и ложбинки, — впереди и сзади, справа и слева оглушительные разрывы снарядов и мин. Усилился пулеметный и ружейный огонь противника. Все чаще на окопы ополченцев обрушиваются массированные удары бомбардировщиков и штурмовиков. По ночам в тылах наших подразделений фашисты сбрасывают на парашютах диверсантов, одетых в красноармейскую или милицейскую форму. Для истребления вражеских десантов в подразделениях выделены дежурные машины, организовано круглосуточное наблюдение за воздухом. Уже не стычки патрулей, а настоящие бои идут то на одном, то на другом участке обороны кировцев: просочившиеся через реку Мшага со стороны райцентра Уторгош группы гитлеровцев силами от роты до батальона предпринимают яростные атаки на позиции ополченцев. Все понимают, что это пока что «цветочки», вот-вот следует ожидать появления вражеских танков. Противотанковых пушек и ружей в стрелковых подразделениях нет, недостаточен запас противотанковых и обычных ручных гранат. Бойцам розданы бутылки с горючей смесью. В газете напечатаны статьи: «Способы борьбы пехотинцев с танками», «Уязвимые места немецких танков».

Неподалеку от редакции, в здании школы, расположился медико-санитарный батальон. Туда днем и ночью привозят раненых. Писатели беседуют с легкораненными, — это дает интересный материал для газеты. Так появились на ее страницах рассказ командира отделения И. Коленбета «Как мы отбили немцев», записанный В. Тоболяковым, «Рассказы пулеметчика Петра Михайлова», записанные П. Ойфой...

Вспоминая сейчас о взводе писателей, мне трудно представить его без Александра Бартэна. Бритоголовый, заразительно хохочущий, он был душой редакционного коллектива. Сколько раз скрашивали нам тяготы первых месяцев войны его оптимизм и юмор! В самый напряженный момент, в полную драматизма минуту могла неожиданно прозвучать Сашина шутка, которой нельзя не улыбнуться, а улыбнувшись — не воспрянуть духом. Ко всему этому, Бартэн обладал незаурядными организаторскими способностями, принимал деятельное участие в планировании газетных

полос, в распределении заданий военкорам. Имелось у него и еще одно качество, к которому все мы относились с искренней симпатией, хотя и добродушно подшучивали над ним: Саша Бартэн был признанным гастрономом. В свободное от других занятий время он охотно брал шефство над нашей импровизированной кухней — и тогда писателям не стыдно было пригласить за обеденный стол гостей из взвода артистов (был в дивизии и такой!), заезжих ленинградских корреспондентов или усталых молоденьких врачих из медсанбата...

Но с некоторой налаженностью фронтового быта в Больших Терибонях вскоре пришлось расстаться. Участились налеты вражеских бомбардировщиков. После бомбежек в разных концах села вспыхивали пожары. Колхозники выкапывали во дворах глубокие ямы, зарывали в них свое имущество — сундуки, швейные машины, а сами уходили в окрестные леса. Перебралась в лес на берегу Луги и редакция. Поставили большую палатку, рядом с ней оборудовали блиндаж. В начале августа прошли грозовые ливни. Ясные солнечные дни сменились пасмурными, серыми, с моросящим дождем. В сумерках над лужскими плесами стелется туман. Ночи похолодали; сено, на котором мы спим в палатке, когда ночуем в редакции, отсырело. По-осеннему темное ночное небо прочерчивают трассы ракет. Над передним краем немцы сбрасывают с самолетов осветительные «люстры».

8 августа на рубежи 1 стрелкового полка двинулись фашистские танки. Стальные громадины с крестами на броне, надрывно ревя моторами, ведя на ходу огонь из скорострельных пушек и пулеметов, устремились через поле к окопам ополченцев. Кировцы понесли большие потери, но выстояли. Несколько немецких танков осталось на поле боя, подбитые связками ручных гранат, подожженные бутылками с горючей смесью. 9 августа я видел их обгоревшие остовы на ржаном поле перед окопами 2 роты. Рожь вокруг танков выгорела, земля зияла воронками. В роте почти не осталось людей — большинство было убито или ранено. Ценой своей крови кировцы удержали рубеж. Захлебнулись вражеские атаки и на других участках нашей обороны.

Два дня фашистская авиация висела над передним краем Кировской дивизии, днем и ночью не умолкал грохот артиллерийского обстрела. 10 августа армейская группировка «Север» с ее главной ударной силой — 4 танковой армией генерала фон Леeба ринулась в наступление на Кингисеппском, Лужском и Новгородском направлениях. Гитлеровская пропаганда без устали трубила на весь мир, что немецкие войска вышли на ближние подступы к Ленинграду и через несколько дней будут на его улицах.

На рубежах Кировской дивизии завязались тяжелейшие кровопролитные бои. По пять, по шесть раз в день гитлеровцы атаковали позиции ополченцев. Атакам предшествовали ожесточенные бомбардировки с воздуха и артиллерийская канонада, от которых люди глохли, задыхались, засыпанные землей, гибли от осколков снарядов и бомб, получали тяжелые ранения и контузии... Потом появлялись танки, а за ними, во весь рост, пьяные, развернутым строем шли в «психическую атаку» немецкие автоматчики. Вынужденные экономить боеприпасы, кировцы подпускали фашистов как можно ближе и открывали по ним прицельный огонь, сами поднимались в контратаку, навязывали врагу ближний бой. Не всегда, может быть, хватало боевой выучки, опыта, воинского мастерства, но — мужества, отваги, самоотверженности кировцам было не занимать. Кончались патроны — ополченцы кололи гитлеровцев штыками, били прикладами, схватывались с ними врукопашную. Раненые не покидали поля боя, оставались в строю, пока руки могли держать оружие. Пленные гитлеровцы на допросах рассказывали, что перед наступлением на рубежи Кировской дивизии их специально предупреждали, что на

этих рубежах стоят ленинградские рабочие-добровольцы, которые презирают смерть и бьются до последнего патрона, предпочитая умереть, но не отступить. «О, теперь мы сами очень хорошо убедились в этом»,— говорили пленные [3].

Однако силы были слишком неравными. Превосходство немцев в численности и вооружении войск, в танках и авиации было очевидным. К концу дня 12 августа на некоторых участках нашей обороны гитлеровцам удалось потеснить ополченцев.

Все эти дни писатели находились в полках, ведущих бои. В редакции оставались только те, кто непосредственно обеспечивал выпуск номера. Было непривычно, приехав в редакцию, не застать здесь Глеба Алехина. С первых дней немецкого наступления он почти все время находился в частях, передав свои обязанности старшины Александру Михайловичу Бычкову...

Одну за другой гитлеровцы занимают деревни Закибье, Клевенец, Ожогин Волочек, Щепино... В наши тылы прорвались немецкие автоматчики. Создалась угроза окружения. Третий день мы с Петром Ойфой находимся в расположении 2 полка. Его поредевшие роты и батальоны с боями отходят на правый берег Луги, занимают новые оборонительные рубежи. Кроме обычных редакционных заданий, у нас поручение С. А. Семенова: найти в полку Евгения Панфилова и привезти его в редакцию. Материал для газеты собран, Панфилов найден. Втроем раздумываем: как добраться до редакции, где искать ее? По слухам, она перебазировалась с прежнего места стоянки километров на 30 севернее... Решаем идти пешком. Идем знакомой дорогой: месяц назад мы совершали по ней марш от станции Батецкая к линии фронта. Проходим через деревни, где останавливались тогда на привалы, шутили с местными девчатами, угощались парным молоком. Сейчас пустынные улицы усыпаны осколками стекол, выбитых из окон взрывной волной. Над тлеющими пепелищами сиротливо и горестно высятся одинокие печные трубы. Вывороченные бомбами яблони простирают к небу свои сухие, заскорузлые корни.

Из сожженных, разбомбленных деревень тянутся вереницы беженцев. На телегах, нагруженных домашним скарбом, сидят тихие, испуганные дети. Сзади тяжело бредут старики и женщины с котомками за плечами. К некоторым повозкам привязаны за рога коровы. Дорога идет полем; справа и слева — густая рожь, спелые колосья склоняются к земле... Мы обгоняем медленно бредущую колонну, унося в памяти полоснувшие сердце рыдания женщин:

— Хлеб на землю течет, а мы от своего хлеба голодовать уходим...

Неожиданно, за деревней Воронино, где свертывается, готовясь к отходу, наш медсанбат, нам посчастливилось встретить машину с корреспондентами газеты «На защиту Ленинграда». Среди ленинградских корреспондентов — поэт Александр Гитович.

— Забирайтесь в кузов!— приглашает он.— Будем искать вашу редакцию вместе.

Много путаницы и неразберихи на горьких путях отступления. Но газета дивизии ополченцев выходит! Отыскав редакцию в какой-то деревушке, мы услышали характерный стук «американки»: в походной типографии печатается тираж очередного номера. Юрий Слонимский, сдав на машинку передовую, разбирает документы пленных гитлеровцев. Леонид Браусевич вычитывает гранки... Когда выходили первые номера нашей газеты, стояли белые ночи. Сейчас середина августа, вечерами быстро темнеет. Завешиваем окна избы плащ-палатками, зажигаем керосиновую лампу. Только собираемся расположиться на ночлег — входит Сергей Семенов:

— Приказано сворачивать хозяйство. Тираж будем допечатывать на новом месте.

В суровых испытаниях мужало и крепло фронтовое братство писателей-ополченцев. В сумятице тех дней, в потоке беженцев и отступающих войск, Алехину, Бакинскому и мне довелось однажды, разыскивая редакцию, застрять на станции Оредеж. Накануне, по пути сюда, в сосновом бору за озером Белое, мы встретили Матвея Мительмана, выводящего из окружения большую группу ополченцев. Встреча была минутной,— он повел бойцов к новому рубежу, а мы направились на станцию, надеясь разузнать что-нибудь у коменданта. Я не знал тогда, что вижу Мительмана в последний раз. Через несколько дней он погиб в бою у лесопункта Чаща, поднимая ополченцев в контратаку... До станции мы добрались уже вечером и, кажется, впервые со дня прибытия на фронт увидели тут зенитные орудия. Они стояли на железнодорожных платформах, медленно удаляющихся от перрона...

— Это последний состав, — сказал нам военный комендант. — Больше поездов не будет. О редакции вашей ничего сказать не могу, в эшелон она вроде бы не грузилась.

Связисты сматывают провод. Саперы закладывают взрывчатку под водонапорную башню и поворотный круг, минируют депо. В магазинчике военторга распродают остатки запасов шоколада и папирос «Северная Пальмира».

Чтобы не плутать в ночной темноте по лесным дорогам, решили заночевать в домике на окраине пристанционного поселка, а рано утром двинуться в путь.

Перед рассветом нас разбудила хозяйка, одетая по-дорожному:

— Мы уходим в лес. И вам советую собираться, не задерживаться.

Улицы поселка пустынны. Густой туман. У станции, скрытой в тумане, полыхает высокое зарево — горит пожарная каланча. Вышли за околицу и остановились на перекрестке трех дорог. Грустно пошутили: «Как три богатыря, коней только, к сожалению, не хватает». Не видно и камня с надписью: «Направо пойдешь...» Карты у нас нет. Отошли в сторонку, присели у обочины — покурить, сориентироваться.

— Направо пойдешь — к фрицам попадешь,— рассуждаем мы:— Потому что эта дорога идет в сторону Новгорода, вероятно, уже занятого противником. Налево пойдешь — наверняка к немцам попадешь: дорога ведет к Луге, о которой мы уже точно знаем, что она в руках гитлеровцев. Прямо пойдешь...

В это время по этой третьей дороге, ведущей на северо-восток, мимо нас со стороны станции Оредеж на бешеной скорости промчалось несколько мотоциклистов. Наши или немцы? В тумане мы не успели разглядеть их. Понемногу рассветает, туман начинает рассеиваться. И вдруг на дороге, по которой недавно промчались мотоциклисты, показывается стремительно летящий к нам знакомый грузовичок с фанерным кузовом — наша редакционная полуторка. На ее крыле, в развевающемся плаще — Митя Остров.

— Я вас, чертей, всю ночь по дорогам ищу!— кричит он.

Шофер Миша Поляков круто разворачивает машину. Рядом с ним, в кабине — Николай Жданов.

Отступая, ополченцы закрепляются на новых рубежах, встречают наступающего врага огнем, контратаками, но под натиском превосходящих сил противника вынуждены опять и опять отходить... На дорогах отступления в одну из ночей погибла наша трехтонка с походной типографией и личными вещами писателей. В редакционной полуторке мы разместили женщин из актерского взвода, больных, раненых. Большинство

писателей идет пешком. Изнурительные ночные переходы, короткие тревожные дневки... Все похудели, осунулись. Очень болезненный вид у Семенова. Даже неутомимый Бартэн шутит реже и реже. Писательский взвод далеко не в полном составе. Мы обеспокоены судьбой товарищей, которых нет с нами, — они выходят из окружения с подразделениями, где находились по редакционным заданиям.

На дороге — пробка автомашин. Впереди нас — машины особого отдела, несколько грузовиков с ополченцами из разных подразделений. С одного из грузовиков ополченцы 2 полка увидели Евгения Панфилова:

— Женя! Давай к нам!

Панфилов закинул за плечо карабин, поставил ногу на колесо, перемахнул через борт. За ним — молодой прозаик Андрей Голов. Панфилов помахал нам в последний раз рукой, машина тронулась. Ни Панфилова, ни Голова нам больше никогда не довелось увидеть... Мы двинулись вслед им спустя некоторое время, но километра через два нас остановили бойцы в зеленых фуражках пограничников:

— Дальше нельзя. Дорога закрыта. Поворачивайте назад и следуйте другим маршрутом.

Навсегда осталась в памяти маленькая станция Чолово Витебской железной дороги, между Оредежью и Чащей. В окрестных лесах ведут бои разрозненные, отрезанные друг от друга подразделения ополченцев, многие уже находятся в окружении. Шоссейные дороги перехвачены противником. На станции готовится к отправке последний поезд — паровоз с двумя вагонами.

— Может быть, еще успеет прорваться,— озабоченно говорит начальник станции С. А. Семенову.— Раненых, больных, слабых могу посадить. Только давайте по-быстрому, через пять минут отправляю.

Пассажиры редакционной полуторки перебрались в переполненные вагоны поезда. Туда же удалось устроить больных и наиболее пожилых писателей. Сам Сергей Александрович, изнуренный, с пожелтевшим от болезни лицом, садиться в поезд наотрез отказался.

— Встретимся в Вырице!— напутствовал он отъезжающих товарищей.— Ждите нас там.

Состав тихо, без гудка, тронулся. У опустевшей редакционной машины осталась горстка людей. Сергей Семенов садится в кабину к водителю Мише Полякову. Дмитрий Остров привычно устраивается на крыле. Алехин, Бартэн и я забираемся в кузов. Безуспешно плутаем по окрестным деревням, пытаясь найти дорогу, по которой можно было бы выбраться. Но все дороги оседланы врагом. Ходят слухи, что немцами уже перерезана и железнодорожная линия. Успел ли прорваться поезд с нашими?..

Снова возвращаемся к станции Чолово. В небе гудят фашистские самолеты. Где-то близко рвутся снаряды, с визгом разрезают воздух мины. У станции одиноко стоит грузовик с опущенными бортами, на нем — ручной пулемет, какие-то мешки, ящики. В стороне, в кустарнике — группа военных тревожно совещается о чем-то. От группы отделяется человек в начсоставской форме, с каской на голове, прихрамывая, подбегает к нам. У него потное растерянное лицо, вздрагивающие белые губы.

— Немцы близко, сейчас будут здесь, на станции,— панически шепчет он Семенову.—Бросайте машину, бежим по шпалам!

Сергей Александрович брезгливо отвернулся от труса. И сказал, обращаясь к шоферу Полякову:

— Попробуем вывести машину болотами. Колхозники говорили, что в сухую погоду там можно проехать на лошади. Правда, несколько дней шли дожди, и грузовик потяжелее крестьянской телеги, но другого пути у нас нет. Надо попросить в проводники кого-нибудь из местных...

«КЛЯНЕМСЯ, ЛЕНИНГРАДА НЕ ОТДАДИМ!»
Листовка, распространявшаяся среди войск, оборонявших Ленинград, 1941
Музей Революции СССР, Москва

— Подождите минутку, товарищи писатели!— раздались голоса из кустов, когда наша полуторка начала разворачиваться. — И мы с вами!

Несколько ополченцев,— молодых ребят с завода имени Жданова, — скинули ящики и мешки со стоявшего грузовика, устроились на нем с пулеметом, винтовками и гранатами. Водитель с силой крутнул заводную ручку мотора.

В ближайшей деревне взяли в проводники колхозного парнишку Витю, посадили его в кабину, рядом с Сергеем Семеновым. За деревней обе машины свернули с дороги в лес. Почти сразу же началось болото. Корявые сосенки, березняк, усыпанные спелыми ягодами кусты гоноболи. Острый, дурманящий запах багульника. Под колесами чавкают, погружаясь в жижу, остатки полузатонувшей гати. Увязая выше колен, подпираем машину плечами, толкаем руками. Следом за нами, дружно помогая нам в особенно трудных местах, вытягивают свой грузовик ребята-судостроители. Шаг за шагом, метр за метром... Мы уже мокры по пояс, руки кровоточат, лица искусаны мошкарой. Где-то справа остаются деревни, занятые гитлеровцами. Витя говорит, что до шоссейки осталось совсем немного. Наконец между деревьями блеснула тихая гладь реки Оредеж. По ее берегу идет шоссейная дорога на Вырицу. Оставив машину в лесу, идем на разведку. На дороге никого не видно, шума моторов не слыхать. Машем руками Семенову и Полякову:

— Выезжайте!

На измученном лице Семенова усталая счастливая улыбка:

— Кажется, выбрались!

На полном газу машины мчатся по высокому берегу Оредежи. За Новинкой нагоняем группы ополченцев, медсанбатовских врачей и сандружинниц, успевших выйти со станций Оредеж и Чолово до перекрытия шоссе немцами. В пути подобрали Арсения Островского, потом Виктора Бакинского. Похудевшие, обросшие, измученные, они скупо рассказывают о передрягах, в которых довелось им побывать, выбираясь из окружения.

И вот поселок Вырица. 21 августа 1941 г. Накануне, заняв станцию Чудово Октябрьской железной дороги, немцы перерезали основную магистраль, связывающую Ленинград со страной. Части мотопехоты противника по шоссе Луга — Ленинград движутся к Гатчине...

В Вырицкой поселковой школе, где нашел временное пристанище писательский взвод, слушаем по радио обращение «Ко всем трудящимся города Ленина». Тяжелые, ранящие душу слова:

«Товарищи ленинградцы, дорогие друзья! Над нашим родным и любимым городом нависла непосредственная угроза нападения немецко-фашистских войск»[4].

Мы понимаем, что отныне для всех нас начинается новый, может быть, самый трудный этап войны.

Несколько дней после потери типографской базы наша дивизионная газета не выходила. Но вскоре выпуск ее возобновился. Она выходит в городе Пушкине, печатается в типографии местной газеты. «Не отдадим родного Ленинграда!» — призывает передовая. До Ленинграда от города Пушкина — двадцать пять километров, четверть часа езды на машине... Редакция и взвод писателей разместились в доме № 4 по Пролетарской улице. Дом этот несколько лет принадлежал Алексею Николаевичу Толстому, а после переезда его в Москву стал литфондовским домом творчества. На диване в бывшем кабинете Алексея Толстого — измятые солдатские шинели, противогазовые сумки, на подоконнике — обоймы и гранаты... В столовой — громкие голоса, стук машинки, клубы махорочного дыма. Во всех комнатах двухэтажного особняка поселились писатели-ополченцы. Они пользуются возможностью посидеть за настоящим письменным столом, приводят в порядок свои фронтовые записи, работают над новыми произведениями. В знакомый дом на Пролетарской улице заглядывают ленинградские писатели, приезжающие в Пушкин. В начале сентября у нас побывали А. Решетов, В. Кочетов, М. Михалев, Л. Рахманов, П. Лукницкий. Зашли однажды Вс. Пошехонов и Я. Мерзон, работавшие на строительстве оборонительных сооружений в качестве трудармейцев.

Каждый день с Пролетарской улицы мы ходим на другой конец города — в Шестой военный городок, где находятся штаб и политотдел дивизии, куда прибывают группы ополченцев, вырвавшихся из окружения. Мы проходим мимо здания Лицея, мимо скверика, где на садовой скамейке задумался, подперев рукой кудрявую голову, бронзовый юноша-лицеист. Идем под старыми липами Екатерининского парка, мимо прудов с осенними листьями на темной недвижной воде, мимо Кагульского обелиска и Чесменской колонны, мимо девы с разбитым кувшином, воспетой Пушкиным. Здесь все полно музыкой пушкинских строк, мы вновь и вновь вспоминаем его стихи, говорим о нем, и кто-то вслух читает ахматовское — о Пушкине в Царском Селе: «Смуглый отрок бродил по аллеям...». Этот город неотделим от русской поэзии, русской литературы. Перебираем в памяти имена: Ломоносов, Державин, Лермонтов, Гарин-Михайловский, Мамин-Сибиряк, Горький, Блок, Тынянов, Федин... Все эти поэты и писатели бывали здесь, многие из них подолгу жили в этом городе, писали

о нем. Сохранилось здание бывшей классической гимназии, где директорствовал Иннокентий Анненский. В Пушкине живет и работает Вячеслав Шишков, и в нашей редакции все чаще поговаривают, что ему нужно помочь переехать в Ленинград. Живет здесь и тяжело больной Александр Беляев — автор многих широко известных научно-фантастических книг... Город муз, город искусства! Неужели на камни его улиц, на аллеи его парков ступит нога фашиста?..

В кирпичных, старинной кладки казармах Шестого военного городка собралось около 5 тысяч бойцов, командиров и политработников Кировской дивизии. Десятки километров шли они сюда по лесному бездорожью, утопая в болотах, неся на руках раненых товарищей. За их плечами недели тяжелых невзгод и лишений, боев на многих рубежах, где кировцы стояли насмерть. Скорбные залпы винтовочных салютов гремели над братскими могилами ополченцев на всем пути отступления дивизии. Героически дралась с гитлеровцами, вырываясь из вражеского кольца, группа полковника Лебединского. За боевые заслуги перед Родиной более ста человек из этой группы представлены к награждению орденами и медалями. Мужеству и отваге их редакция целиком посвятила очередной номер дивизионной газеты. На ее первой полосе, под передовой «Слава храбрым!» напечатана песня Вл. Лифшица «Сто героев». Автор песни прошел с группой Лебединского весь многокилометровый путь от лужских рубежей до города Пушкина... Инструктор политотдела Даниил Герман, выходя с боями из окружения, принял на себя командование подразделением. Где-то в лесах и болотах еще пробивается с группой ополченцев сквозь цепи гитлеровцев писатель Павел Журба...

В казармах военного городка литераторы проводят многие часы, слушая и записывая рассказы воинов. Не забыли мы и о том, что когда-то собирались провести литературный вечер в артиллерийском полку. В казарму к артиллеристам пришли Д. Остров, Г. Алехин, П. Кобзаревский, Г. Гор, Г. Кубанский, П. Ойфа... Радостно было увидеть знакомые лица командиров орудий, наводчиков, заряжающих. Но среди них мы уже не находим многих, очень многих из тех, с кем встречались в июле на огневых позициях у реки Луги.

Газета «За Советскую Родину» выходит регулярно, теперь уже не крохотной четырехполоской, а на двух полосах большого формата. Но 1 Кировской дивизии народного ополчения фактически уже не существует. Срочно укомплектованы и отправлены на Карельский перешеек, в состав 23 армии, 3 стрелковый полк и медсанбат. Подразделение, сформированное из остатков 2 полка, ушло на боевые позиции под Красное Село. В военном городке в Пушкине остались сильно поредевший, понесший большие потери 1 стрелковый полк, часть артиллерийского полка и несколько мелких подразделений. Уменьшился и взвод писателей. В редакцию газеты «На защиту Ленинграда» перешел Н. Жданов. В распоряжение ТАСС направлены Г. Гор, Е. Люфанов, Л. Цырлин, И. Ямпольский. Отозван в Ленинград Ю. Слонимский...

11 сентября полк кировцев под командованием полковника Лебединского занял линию обороны на юго-западной стороне Екатерининского парка. 13 сентября немцы подвергли город бомбежке и артиллерийскому обстрелу. В этот же день Глеб Алехин с группой бойцов из полка Лебединского направился в разведку к станции Александровская; разведчики принесли сведения о силах врага, о штабе немецкого подразделения, расположившегося недалеко от станции... Несколько дней наши бойцы героически сопротивлялись натиску врага. В Екатерининском парке, у Камероновой галереи горстка ополченцев-кировцев встретила фашистов контратакой...

Во второй половине сентября остатки ополченской дивизии вместе со взводом писателей и редакцией передислоцировались в поселок Петро-

Славянка. К тому времени я уже был военным корреспондентом областной комсомольской газеты «Смена»...

25 сентября 1941 г. Ленинградская армия народного ополчения была расформирована. 28 сентября батальонный комиссар С. А. Семенов сдал в Петропавловской крепости нашу редакционную полуторку, а в Политуправлении фронта — все остальное редакционное хозяйство. Взвод писателей, существовавший два с половиной месяца в составе ополченской дивизии Нарвской заставы, закончил свой боевой путь. Но для большинства литераторов, принявших боевое крещение на лужских рубежах в июльские дни 1941 года, фронтовые дороги только начинались. От стен Ленинграда они протянулись к Украине и в Прибалтику, к Праге и Берлину.

Не всем довелось дожить до дня Победы. В январе 1942 года умерли в военных госпиталях тяжело заболевшие на фронте С. А. Семенов и А. М. Бычков. В блокадном Ленинграде погибли от голода и лишений В. И. Валов, В. Тоболяков, Л. Цырлин. Не встретили с нами 20-летие великой Победы Л. Т. Браусевич, А. П. Рыбасов, С. Д. Спасский, скончавшиеся уже в послевоенные годы.

На моем столе книга «Девятьсот дней» — изданный Лениздатом сборник, посвященный героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. В первом разделе сборника — большой очерк И. Айзенштока и А. Бартэна «Ополченцы». Этот очерк об ополченцах 3 полка нашей дивизии авторы писали осенью 1941 года в Сестрорецке по живым впечатлениям июльских и августовских боев. Впервые он был опубликован летом 1942 года в журнале «Звезда», возобновившем свой выход после блокадной зимы. В том же номере журнала напечатаны рассказы В. Тоболякова, написанные на материале Кировской дивизии.

«Придет день» — называется роман Виктора Бакинского, вышедший в издательстве «Советский писатель». Многие страницы этой книги очень живо и достоверно воссоздают обстановку, в которой довелось воевать ополченцам-кировцам на древней новгородской земле в памятные летние месяцы первого года войны. В героях романа я узнаю черты хорошо знакомых мне по заводу и ополченской дивизии, дорогих для меня людей.

Рассказы, рожденные в те незабываемые дни, я нахожу в книгах Дмитрия Острова, стихи — в поэтических сборниках Петра Ойфы и Владимира Лифшица.

30 июня 1963 г. мне и Петру Ойфе снова довелось побывать в местах, где когда-то начинался наш фронтовой путь. В этот день в деревне Воронино Новгородской области, неподалеку от Больших Терибонь, состоялось торжественное открытие памятника ополченцам-кировцам, героически погибшим в сражениях на лужских рубежах в июле—августе сорок первого. Мы стояли в почетном карауле у двух бетонных пирамид-стел, напоминающих своей формой надолбы. Они высятся над братской могилой ополченцев как символ стойкости, мужества, героизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЛПА, ф. 408, оп. 2, ед. хр. 49, л. 117.
[2] Цит. по кн.: «Создадим историю заводов Ленинграда». Л., 1958, стр. 157.
[3] Архив МО СССР, ф. 32, оп. 22149, ед. хр. 6, л. 170.
[4] «Ленинградская правда», 1941, № 199, 21 августа.

П. И. МУСЬЯКОВ

В ОСАЖДЕННОМ СЕВАСТОПОЛЕ*

ПИСАТЕЛИ В ГАЗЕТЕ «КРАСНЫЙ ЧЕРНОМОРЕЦ»

Весною 1938 г. вызвали меня в Главное Политуправление Военно-Морского флота и предложили работать редактором газеты «Красный черноморец». Для слушателя Военно-политической академии им. В. И. Ленина это весьма лестное предложение. Но я согласился не сразу, попросив пару деньков на раздумья. Не уверен был, справлюсь ли. Я пока работал в газете только рядовым сотрудником, а тут прямо со школьной скамьи на пост ответственного редактора ежедневной газеты.

— А вы не бойтесь,— уговаривал меня работник отдела кадров.— Опыт практической работы в печати у вас уже солидный, да и сейчас редактируете многотиражку академии. Об этом мне сказал начальник морского факультета. К тому же и пишете вы неплохо. Недавно с удовольствием прочел в «Красной звезде» вашу критическую статью о журнале «Морской сборник». Раскритиковали вы ее убедительно, солидно, это большой плюс для слушателя морского факультета военно-политической академии.

Я попытался возразить, что критиковать всегда легче, чем самому работать. Но кадровик сразил меня одной фразой:

— «Красный черноморец» резко пошел под уклон. Редактор — в тюрьме, заместитель получил «строгача с предупреждением» и тоже, наверное, ждет своей участи. Поработал там немного Торик, но мы забрали его сюда помощником начальника ГлавПУ по комсомольской работе. Почти все работники редакции разогнаны со строгими партийными взысканиями. Честно говоря, там сейчас некому делать газету. Нужен не только редактор, но и крепкий аппарат редакции, а мы отсюда «подкинуть» пока никого не сможем. Придется пока находить кадры газетчиков там на месте, выдвигать наиболее способных военкоров. И вам это по плечу, вы прослужили на Черноморском флоте почти полтора десятка лет, многих военкоров знаете лично, и они вас знают. Да и само руководство флотом просит прислать именно вас. Надо выручать газету, стоит ли раздумывать даже двое суток. Я говорю с вами от имени партии. Если партия находит нужным, надо ехать и редактировать...

Согласился без раздумий и уже через час сидел в приемной начальника Главного Политического управления. Разговор с ним был почти формальным, и приказ о моем назначении издали в тот же день. Вместе

---

* Генерал-майор запаса П. И. Мусьяков был редактором газеты Черноморского флота «Красный черноморец» с 1938 г. до марта 1942 г., когда он был назначен редактором газеты «Красный флот». Публикуемые воспоминания написаны им для настоящего тома «Литературного наследства».

с выпиской из приказа в академию срочно прислали бумажку с требованием откомандировать немедленно. Начальник морского факультета вызвал меня и приказал:

— Все согласовано с руководством академии. Редактора многотиражки выделяют сегодня, газету сдадите ему вечером. Завтра день на хождение с «бегунком» и упаковку вещей. Послезавтра утренним поездом в Севастополь, семью забирайте сразу же. Билеты уже заказаны, машина для перевозки багажа выделена. Какие еще будут вопросы?

Вопросов у меня не было, и минуту спустя я уже мчался с «бегунком» — небольшой бумажкой, заполнение которой иногда затягивалось на целую неделю. Надо было собрать пятнадцать подписей разных начальников, удостоверяющих, что в их ведомствах никаких претензий ко мне не имеется.

Новый редактор многотиражки поздравил меня и многозначительно заметил: «„Убойную должность“ получили. Почти все редакторы окружных и флотских газет арестованы...»

...Весь процесс вступления в должность занял пять минут. Никаких приемо-сдаточных комиссий. Прямо с поезда в редакцию, звонок члену Военного Совета флота. Тот равнодушно поздравил с приездом и приказал: «Действуй, новый редактор». После долгой неприятной паузы добавил: «Если в чем-либо будет нужда, заходи, потолкуем». Но зайти так и не довелось — члена Военного Совета вскоре арестовали как «врага народа».

Действовать начал с первого же дня. Прочитав текущие материалы для набора, пошел к особистам. По своей наивности надеялся, что они мне расскажут, в чем же выразилась «вражеская» деятельность бывшего редактора Павла Федоровича Морозова. Мне даже в той обстановке казалось, что этот настоящий партийный журналист сознательным вредителем никак не мог быть. Видимо, совершил какой-то враждебный акт несознательно. Нам в академии неоднократно внушали, что вредительство может быть как сознательным, так и бессознательным, когда работник, сам того не сознавая, совершает враждебный акт.

Как и следовало ожидать, начальник особого отдела — а я пошел прямо к нему — отчитал меня за «непонимание обстановки» и заявил, что если я буду делать то, что творил мой предшественник, то... одним словом ясно. Правда, позже его сотрудник — наш коренной черноморец, вместе матросами служили — доверительно сообщил мне, что, пожалуй, Морозову даже «трешку» не смогут натянуть.

— А за что же три года ему давать?— спросил я.

— Есть кое-что за ним: связь с врагами и опечатки в газете.

Я полушутя заметил, что никто не застрахован от опечаток. «Если мои опечатки будете собирать, то можете и меня сажать сразу же».

Выпущенный из тюрьмы Морозов позже рассказал мне, что какой-то досужий «толкач» собрал за шесть лет его редакторства все опечатки, допущенные в «Красном черноморце», включая даже такие, которые были обнаружены самим же Морозовым и в тираж не попали. Подлец выбирал их из забракованных номеров, тщательно подклеивал в специальный альбомчик, разумеется со своими комментариями.

Аппарат редакции оказался действительно разогнанным. Надо было создавать его заново. А это не так-то просто в те годы, когда газетчиков не хватало. И все же за три года до войны журналистские кадры редакции были восстановлены почти до штатной нормы. Четверых молодых ребят — выпускников Ленинградского института журналистики — прислали из Москвы. Но основной костяк редакции «отпочковался» из военкоровского актива. Приходили к нам командиры, политработники, краснофлотцы. Конечно, они не сразу становились опытными журналистами, но жизнь

П. И. МУСЬЯКОВ (справа) НА БОРТУ БОЕВОГО КОРАБЛЯ
Фотография.
Черноморский флот, 1941
Собрание П. И. Мусьякова
Москва

как-то учила, практика подсказывала пути роста и совершенствования.

Очень быстро вырос как журналист и писатель строевой командир Саша Баковиков, пришедший к нам с должности помощника командира крейсера «Коминтерн». Не совсем обычным был путь в газету старшего лейтенанта Владимира Апошанского — флагманского минера Батумской военно-морской базы. Володя вместе с Баковиковым окончил ускоренные курсы командиров флота. После курсов их пути разошлись: Баковиков стал артиллеристом, Апошанский — минером. Но в редакции их пути сходились на занятиях литературного объединения, слетах военкоров и на газетных полосах. Оба писали стихи и очерки.

Примерно года за полтора до войны Апошанского послали совершенствоваться на специальные курсы минеров, которые он окончил одним из первых. После курсов назначили флагманским минером Батумской базы. И вот тут и начались, как он говорил, «противоречия между лирикой и техникой». В небольшой Батумской базе, где тогда было совсем мало кораблей с минным и торпедным оружием, у Апошанского по вечерам оказывалось свободное время. Сидеть сложа руки он не умел и сразу же включился в литературную жизнь города. Ходил на занятия литературного объединения, выступал в газетах. Талантливого офицера-поэта стали приглашать в клубы города, в санатории и дома отдыха. Там он читал свои и чужие стихи. Его однажды похвалила местная газета. Это еще выше подняло авторитет Володи — не только талантливого поэта, но и веселого жизнерадостного человека, щедро наделенного душевной и физической красотой.

Возможно, частые выступления в клубах и санаториях в чем-то мешали службе минера. А всего вероятнее тут действовала самая обыкновенная зависть бездарных и сухих людей, которые наговорили командиру базы всякой чепухи, а тот оказался суховатым человеком, далеким от советской культуры. Кончилось все это обидным и, разумеется, неприятным разговором с командиром базы, который фактически запретил Апошанскому заниматься литературной деятельностью. Приказ командира — закон, и Володя даже перестал писать в нашу газету. Послали ему письмо, ответил совсем невразумительно, явно чего-то недоговаривал, похоже, что тяготился службой минера.

Вскоре все выяснилось. Член Военного Совета флота Н. М. Кулаков, рассматривая очередные аттестации на старших офицеров, обнаружил, что флагмин Апошанский не соответствует занимаемой должности. В графе: «основные недостатки» контр-адмирал Михалков написал: «Занимается литературной деятельностью в ущерб службе», хотя все предыдущие аттестации были прекрасными. Кулаков снял трубку и позвонил мне.

— Слушай, редактор, есть у нас один флагманский минер, которому литература мешает заниматься минным делом. Может быть, у вас в редакции этот минус станет плюсом, а?

Я сразу же понял, о ком идет речь, и очень обрадовался. О таком переводе в редакцию я только мечтал. До войны перевести строевого офицера в редакцию было очень трудно. А тут такое предложение. Сразу же было написано представление, и Военный Совет удовлетворил нашу просьбу, кстати, совпадавшую и с желанием самого Апошанского. Когда я поглядел в аттестацию, написанную Михалковым, то не выдержал и пошел к Кулакову. Явная несправедливость! Член Военного Совета, выслушав мою взволнованную речь, спокойно сказал:

— Михалкова ты знаешь не хуже меня. Согласен, он неправ в оценке Апошанского, но ведь теперь все стало на свое место. А оценку его мы не поддерживаем. Чего же тебе еще надо? Когда приедет Апошанский, вероятно, с семьей, постарайся достать ему жилье, прикажи, чтобы зашел ко мне, я ему все объясню сам. Обижать такого парня не следует, а Михалков, конечно, его обидел...

С первых же дней войны вступил в действие новый, увеличенный штат редакции, и мы с нетерпением ждали, кого нам по мобплану пришлют из Москвы. На флоте подбирать журналистские кадры было уже почти невозможно, а требовалось более десяти человек.

...И вот они пришли, почти все очкастые, с кислыми физиономиями после обязательных для всех прививок. Стоят группой, такие угловатые в новом, непригнанном обмундировании. Все на них сидит неуклюже, особенно забавно выглядел поэт Лев Длигач — маленький, пузатенький интендант с одутловатым болезненным лицом и приветливыми глазами, кажущимися такими огромными сквозь большие стекла очков. Один из писателей, потряхивая седеющей «чеховской бородкой», не совсем по-военному доложил:

— Прибыли братья-писатели, старшина команды Василий Ряховский.

Начались взаимные приветствия, знакомства. Многих я и раньше встречал, а с Петром Гавриловым мы даже дружили. «Куда я вас, „братья-писатели", дену, таких очкастых и неуклюжих?» — подумал я. Наверняка и оружия в руках никогда не держали, а журналисту на войне положено и стрелять, если потребует обстановка. Обстановка же требовала стрельбы и довольно часто. Об этом сообщали наши корреспонденты Апошанский и Земляченко, с первых же дней войны находившиеся в частях и на кораблях Дунайской флотилии, где в то время шли ожесточенные бои. Сами они,

Оборона Севастополя войдет в историю отечественной войны Советского Союза, как одна из самых ярких ее страниц

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!

Красный ЧЕРНОМОРЕЦ

Ежедневная краснофлотская газета Черноморского флота

№ 185 (6823) | 4 июля 1942 г., суббота | Год издания XXIII

Беззаветное мужество, ярость в борьбе с врагом и самоотверженность защитников Севастополя вдохновляют советских патриотов на дальнейшие героические подвиги в борьбе против ненавистных оккупантов.

250 дней героической обороны Севастополя

Наши войска оставили Севастополь

По приказу Верховного Командования Красной Армии 3 июля советские войска оставили город Севастополь.

В течение 250 дней героический советский город с беспримерным мужеством и стойкостью отбивал бесчисленные атаки немецких войск. Последние 25 дней противник ожесточенно и беспрерывно штурмовал город с суши и с воздуха. Отрезанные от сухопутных связей с тылом,

От Советского Информбюро

Из утреннего сообщения 3 июля

В течение ночи на 3 июля на Курском, Белгородском и Волчанском направлениях наши войска вели бои с противником.

На Севастопольском участке фронта продолжались бои на улицах города.

На других участках фронта существенных изменений не произошло.

* * *

...зиции одной нашей части. Гвардейцы-артиллеристы огнем своих орудий прижали гитлеровцев к земле и уничтожили 2 станковых пулемета, минометную батарею и 150 солдат и офицеров противника. На другом участке 3 немецких танка вошли в тыл орудийного расчета Козырева. Метким огнем гвардеец-наводчик подбил 2

«КРАСНЫЙ ЧЕРНОМОРЕЦ»

Газета Черноморского флота. 4 июля 1942 г., № 185

Страница первая (фрагмент). Номер, посвященный героической обороне Севастополя

по скромности, о многом умалчивали, но работник Политуправления флота Е. В. Щигельский, только что прибывший с берегов Дуная, рассказал, что Апошанский и Земляченко нередко ходят вместе с моряками в контратаки.

В беседе с писателями я выяснил, что кое-кто из них бывал на сборах офицеров запаса. Это уже хорошо. Стрелять умеют, а Василий Дмитриевич Ряховский участвовал в гражданской войне, да к тому же он охотник и рыболов. Рыбаками оказалось еще несколько человек. И это тоже очень важно на войне. Настоящий рыбак не боится превратностей погоды, вынослив, умеет применяться к местности, грести на шлюпке. Все это прикидываю в голове, мысленно распределяю кого куда направить. Однако все мои наметки поломались: писатели, оказывается, еще не были в Политуправлении, а там, мне уже было известно, планируют создать «оперативную группу» писателей, художников и композиторов при отделе пропаганды и агитации Политуправления флота. Распределять будут сами и, конечно, постараются забрать себе побольше и получше. А вот кто лучше, это еще война покажет. Но все же нам очень хотелось заполучить в редакцию людей, работавших в газетах. Особенно был бы ценен для редакции художник Федор Решетников — участник Челюскинской эпопеи. У него на груди орден за подвиги в суровом Заполярье.

Пошел в Политуправление отстаивать свои интересы. Но уже поздно: пока писатели и художники проходили в экипаже санобработку, кадровики всех распределили, направив к нам в редакцию совсем не тех, кого мы хотели. Распределение утвердил Н. М. Кулаков. Пошел к нему. Улыбнулся Николай Михайлович своими черными выпуклыми глазищами на широком приветливом лице и заметил:

— Чего кипятишься? Все равно они будут работать на газету, особенно художники. Даже будучи редакторами многотиражек, а мы кое-кого из писателей назначили редакторами, они все равно станут писать вам в газету. Это неизбежно, если они настоящие литераторы.

Так потом и получилось. В течение всей обороны Севастополя писатели и художники, числившиеся в оперативной группе Политуправления,

почти целиком работали на нас. И это была очень большая помощь. Дело не только в том, что это были прозаики и поэты. Многие из них работали в московских газетах не только корреспондентами, но и сотрудниками секретариата, что для нас было особенно важно: наш секретариат и до войны был слабым местом. Поэтому, когда Георгия Николаевича Гайдовского перевели из оперативной группы к нам в редакцию, а здесь мы засадили его в секретариат, вся редакция почувствовала, что́ значит московский журналист, прошедший суровую школу газетной работы. Гайдовский любил четкость мысли и сурово требовал от всех журналистов не только достоверности фактов, но и простого, доходчивого языка. Бывало придет Андрей Сальников и жалуется:

— Товарищ редактор, оградите меня от нападок моего подчиненного (Сальников занимал штатную должность начальника отдела культуры, а Гайдовский по штатам числился в отделе культуры). Гайдовский опять забраковал мой очерк, требует переработать и сократить вдвое.

— Значит, хороший у тебя подчиненный, неси твой опус.

Сальников приносит, предварительно стерев пометки на полях, которые деликатно делал Гайдовский. Начинаем разбирать, Гайдовский прав, но упрямый и волевой Сальников пытается спорить. Тут уже «применяю власть», Сальников уступает и, сердито ворча, уходит.

Приходили поначалу и другие с просьбой «оградить», но это длилось недолго. Видя мою поддержку Гайдовского, ребята совсем перестали жаловаться и пытались «утрясти» уже с ним самим. Но это было далеко не простым делом. Георгий Николаевич становился неумолим, когда речь шла о чистоте русского языка. Конечно, читатели от этого только выигрывали.

В осажденном Севастополе работали до двух десятков писателей, прибывших по мобилизации, было немало и местных литераторов. Гайдовский был организатором и редактором сборников о героической обороне. Творческая дружба Гайдовского с литераторами флота помогала им создавать интересные произведения о защитниках города-героя. Двадцать лет спустя участники литературного объединения при флотской газете «Флаг Родины» вспоминают добрые советы писателя, хорошо помогавшего им как в годы войны, так и после нее...

Редактирование многотиражных газет соединений, а их в Севастополе только флотских выходило больше десятка, проходило не всегда гладко.

Во время тяжелых декабрьских боев за Севастополь к нам в редакционный подвал пришел батальонный комиссар Евгений Чернявский. Он был явно возбужден. Одна бровь на его добродушном лице нервно подергивалась, рука тоже дрожала, когда он здоровался со мной.

— Меня оскорбили, товарищ редактор, обидно и больно оскорбили!

Толком рассказать Чернявский ничего не смог, и только после разговора с комиссаром бригады, где он был редактором многотиражной газеты, я понял, что действительно неумные люди кровно обидели этого честного писателя-воина.

Восьмая бригада стояла на Северной стороне, куда наносили главный удар три фашистские дивизии, усиленные танками. Штаб бригады стоял в полуразрушенной деревеньке. Там же расположился и Евгений со своим немудрящим хозяйством. Для редакции и типографии отвели домик из двух комнат, привезли туда топливо, бумагу, расставили шрифты, верстальный стол, смонтировали печатную машину-американку с ручным приводом. Под началом у Чернявского были старшина — секретарь редакции, корректор, трое наборщиков, печатник, метранпаж, рассыльный и повозочный с лошадью и линейкой. На линейке подвозили бумагу, краску.

дрова и даже воду. Набирали при свете керосиновых ламп и свечей, печатали в полутьме. В редакции стояли заряженные винтовки, на подоконниках лежали гранаты и запалы к ним.

Каждый день рано утром рассыльный, нагруженный пачками газет, разносил их по батальонам. Газета была неказиста по оформлению, но очень жива, интересна по материалу. Все, что в ней печаталось, было отредактировано и переписано рукой самого редактора Чернявского. Секретарь редакции помогал верстать, корректировать полосы. Он же собирал сведения от военкоров и комиссаров частей. Газета печатала коротенькие заметки о героизме воинов бригады. Когда и где редактор и его сотрудники спали и ели, было не совсем ясно. Иногда Женя приходил к нам в «Красный черноморец», находил свободную койку, валился на нее и почти мгновенно засыпал.

В домишко редакции дважды попадали вражеские снаряды, но все пока обходилось благополучно. Небольшие контузии, разбросанные шрифты, дыра в стене и выбитые стекла — вот и весь урон.

Тираж газеты был определен соответствующим приказом. Примерно на троих бойцов — одна газета. Но начались ожесточенные бои, бригада понесла такие потери, что тираж стал превышать количество воинов, оставшихся в строю. Газета не могла успеть за событиями. Она писала, скажем, о подвиге бойца, а пока ее набирали и печатали, этот человек уже погибал смертью храбрых. Однажды утром Чернявский, побывав в политотделе и прочитав сводку за сутки боев, вернулся к себе в домишко, разбудил подчиненных и велел им построиться с оружием в руках. Девять человек встали на ветру и недоуменно смотрели воспаленными от бессонницы глазами на своего редактора. А тот, указывая на передовую, где слышались автоматная трескотня и глухие разрывы гранат, сказал:

— Наши читатели ведут тяжелые неравные бои на окраине соседней деревни. Каждый воин сейчас на счету, резервы придут не скоро, мы должны помочь своим читателям с оружием в руках. Идем в бой. В редакции оставим Машу, она будет принимать по телефону корреспонденции из батальонов. К вечеру вернемся и будем делать газету. Зарядить винтовки, взять побольше гранат и патронов!

...Маленький отряд по мокрому снегу, смешанному с грязью, пошел в бой. Маша позвонила в политотдел и доложила, что у нас, дескать, было собрание и редактор повел людей драться.

Начальник политотдела выругался и послал своего заместителя догнать отряд Чернявского и вернуть в редакцию. На поле, а потом в политотделе произошел неприятный разговор двух взволнованных людей. Евгений нагрубил, ему ответили тем же и заставили делать газету. На этом и закончился инцидент между полковым и батальонным комиссарами. Они оба были по-своему правы, и конфликт был улажен. Но один из работников штаба, узнав о попытке газетчиков дорваться до врага, поднял их на смех и свое пренебрежение к «писакам» высказал вслух в присутствии Чернявского. Вот это и оскорбило его до глубины души. Этому «штабному сухарю», как выразился Женя, он и нахамил. Командир бригады Вильшанский потребовал извиниться, а тот не выполнил приказания и пришел к нам посоветоваться, как ему быть.

— Поймите, товарищи, я человек штатский. Правда, воевал в гражданскую войну, но тогда все было проще, да и я был юношей. А тут смеются над чувством человека, который в тяжелой обстановке принял, видимо, не совсем правильное решение. Но они-то сами разве не ошибаются, принимают только правильные решения?

Чернявского мы кое-как успокоили. Пришлось доложить эту историю члену Военного Совета флота Н М. Кулаков выслушал меня, задумался и сказал:

— Конечно, писатель прав. Совершенно не поняли и не пытались понять его благородного порыва.

...После войны в случайной беседе с генералом Вильшанским — человеком культурным и деликатным — я напомнил ему этот севастопольский эпизод. Владимир Львович помрачнел, вздохнул тяжело и сказал:

— Возможно, так и происходило, но я плохо помню. Уж очень тяжело было нам в те дни. Бригада сгорела в неравных боях, а тут еще начальство выражает недовольство потерями. А я что могу сделать, если на одного моего бойца десять немцев наступают, да еще при поддержке танков и авиации. А мы, по-старому, как в песне поется,— штыком и гранатой... Нервы у нас крепкие были, но все же стали сдавать. Вот и погорячились тогда. А писатель Чернявский был хорошим, душевным человеком, его любили все моряки нашей бригады...

Когда в вестибюле московского Дома литераторов я вижу на почетной и скорбной доске среди фамилий погибших писателей имя Чернявского, сразу же вспоминаю то стылое декабрьское утро, когда возбужденный Евгений пришел к нам за советом... Погиб Чернявский в конце обороны Севастополя как воин, до конца оборонявший родной советский город.

Петр Павлович Гаврилов был очень интересным человеком. Мне довелось познакомиться с ним еще тогда, когда он, рослый и такой же, как всегда, тощий и неуклюжий краснофлотец-рулевой, вернулся из Владивостока в Европу. Во Владивосток Петя попал, пройдя четыре океана и больше десяти морей в качестве рулевого военного корабля «Боровский», который в июне 1924 г. вышел из Архангельска и через несколько месяцев пришвартовался во Владивостоке, обогнув Европу и Азию. Захлебываясь от восторга, Петя говорил:

— Поход был интересный, настоящий, морской, только штормов почти не было. Лето на всем пути курортное, только жарища надоедала. Мне-то что — я рулевой на мостике, а вот кочегарам да машинистам... Особенно, когда прошли Суэцкий канал и вышли в Красное море. Еще по каналу шли, так из Аравийской пустыни пыхало, словно из горячей печки. Думали, на море будет полегче. Но вода в Красном море, как в чайнике, который недавно сняли с плиты. После вахты пойдешь под душ, а он — никакого освежения, только блестки соли остаются на теле, словно серебряный панцирь. Но самое интересное в этом походе — это пребывание в Китае. Мы ходили в гости к Сун Ят-сену, и он у нас бывал на корабле. Хороший мужик, недаром его Ленин любил...

И стал Петр делиться своими литературными планами. «Хочу,— говорит,— книжечку написать о походе „Воровского". Обязательно напишу и тебе подарю с самой теплой надписью».

Так рождался новый писатель. Книжку о походе, озаглавленную «По четырем океанам», он вскоре написал, но издал несколько лет спустя. До этого успел опубликовать несколько рассказов и повесть о подводниках. Рассказы понравились ребятам, и детское издательство привлекло его к авторству по военным и морским темам. Бывший рядовой матрос стал писателем-профессионалом. У Петра Гаврилова к этому времени уже был серьезный жизненный опыт. Он успел повоевать еще в годы гражданской войны, убежав на фронт 16-летним пареньком. Служба на флоте, куда он тоже пошел добровольно, по комсомольскому набору, в 1921 г., также была для него большой жизненной школой.

Петя Гаврилов всегда понимал, что писать надо только о том, что хорошо знаешь. И он каждый год приезжал на флоты, ходил в учебные походы, выступал перед читателями, помогал начинающим писателям-морякам. Результатом этих поездок на флоты были небольшие рассказы для детей и повесть «Егорка». Эта интересная книга еще до войны переиздава-

ГРУППА СОТРУДНИКОВ ГАЗЕТЫ «КРАСНЫЙ ЧЕРНОМОРЕЦ»

Слева направо, в первом ряду: К. Г. Дорохов, Ф. П. Решетников и Л. В. Сойфертис; во втором ряду: А. А. Луначарский, И. И. Ивич, И. Л. Фейнберг, Л. И. Лагин, С. А. Бондарин, Л. М. Длигач

Фотография. Севастополь, июль 1941 г.

Собрание С. А. Бондарина, Москва

лась много раз. Ребятам младшего школьного возраста повесть особенно понравилась. Помню, уже во время войны Петр Павлович показывал мне письма — отклики ребят на «Егорку» — и очень гордился детскими благодарностями.

— Какое огромное удовлетворение для нас, писателей, имеют такие детские отклики на твой скромный труд. Сердце поет, и творить еще лучше хочется. А мы ведь в большом долгу перед ребятишками. Мало мы писали для них о море и моряках. Ребята — народ пытливый, флот любят и, естественно, тянутся к морской тематике. Спроси любого школьного библиотекаря, он подтвердит...

В конце 30-х годов, после глубокого изучения материалов и бесед с десятками людей, Петр Гаврилов выпустил книгу «Луганцы». В ней рассказано о том, как рабочие Луганска вместе со своим земляком Климом Ворошиловым боролись за новую жизнь.

...Когда после распределения в Политуправлении флота Петр пришел к нам в редакцию, то сразу же потребовал оружие.

— А стрелять-то, Петро, умеешь?— спросили мы.

— Конечно, умею, только вот попаду ли в цель, это еще вопрос. Думаю, что вы научите. Каюсь, оружия в руках не держал полтора десятка лет, я ведь совсем-совсем мирный человек...

Стрелять его научили быстро, даже в цель попадал, хотя очки ему здорово мешали.

— Понимаете, как трудно очкастому на войне. Надену очки — цель вижу хорошо, но мушку пистолета никак не разгляжу. Сниму очки, мушка видна, но цель расплывается, словно между мной и мишенью клубок серого дыма болтается. Но ничего, вчера попал тремя пулями из пяти в фигуру фашиста. Значит, есть и у меня стрелковый талант. А теперь, товарищ редактор, хочу на фронт, туда, где погорячее.

Горячо пока было на Дунайской флотилии, туда вместе с писателями Л. Лагиным и А. Луначарским и поехал Гаврилов. Воевал и писал. Мы сердились на него, что редко шлет свои корреспонденции, а Петя оправдывался тем, что он, во-первых, вообще пишет медленно, а, во-вторых, уж очень много геройских дел творят моряки, о которых никак нельзя писать быстро и плохо.

Вместе с частями флотилии Гаврилов отступал вдоль берега до Одессы, а оттуда вернулся на крейсере в Севастополь «отписываться».

Писал он медленно и сам же печатал на машинке. Напечатает фразу, потом походит по комнате, пососет свою неизменную трубку и одним пальцем отстукивает новую.

Вскоре фронт передвинулся к Севастополю, и уже не было нужды ехать туда, «где жарко». Жарко было совсем близко, на переднем крае, где морские пехотинцы и воины Приморской армии отражали бешеные атаки врага; жарко — на кораблях, отбивавших многочисленные налеты фашистской авиации. Не было прохладно и в самой нашей редакции, которая на планах-картах фашистских летчиков была помечена как «объект № 1» для бомбежки, наравне с кораблями, батареями и штабами.

Однажды пришел ко мне Гайдовский и говорит:

— У Гаврилова кровь сегодня горлом шла, а он скрывает: боится, что вы пошлете его на Кавказ в резервную редакцию.

К зиме, когда газета стала выходить вдвое меньшим форматом, а фронт стал совсем близко — до окопов переднего края из редакции можно было дойти пешком за полтора-два часа,— людей в редакционном коллективе требовалось уже гораздо меньше, и начальник Политуправления флота приказал организовать в Сочи резервную редакцию, укомплектовать ее сильными журналистами.

— Мало ли что может быть,— говорил дивизионный комиссар П. Т. Бондаренко,— «капнет» немец тяжелой бомбой в редакционное здание и останется от вас — газетчиков — одна только добрая память. А газета все равно должна выходить без перерыва. Поэтому мое приказание — закон. Раздели редакционный коллектив примерно надвое и пошли половину в Сочи.

Я сказал: «Есть», повернулся и вышел из-под бетона на улицу. А на улице — темень, пробиваемая далекими отблесками фашистских ракет, которые медленно падали на парашютиках по всей линии фронта. Временами над городом раздавался знакомый звук летящего снаряда, затем багровая вспышка фиксировала место разрыва. Немцы вели так называемый «беспокоящий огонь», рассчитанный больше всего на трепку нервов.

Шел по длинной лестнице, что зигзагами вела от бухты к закамуфлированному зданию редакции, и думал: кого же я пошлю в эту «сочинскую половину». Первым пришел на память Гаврилов. Раз кровь горлом пошла, значит серьезную контузию получил, или легочная болезнь обострилась. Питание у нас неважное, помещение холодное и сырое, а работает он много. В таких условиях со здоровьем не шутят, пошлю-ка я Гаврилова на Кавказ,— пусть отдохнет, полечится, подкормится. Пусть сделает там книжечку рассказов — это тоже полезное дело.

Первым в редакции начал разговор с Петром Павловичем. Вот он сидит у стола, лицо худющее, под глубоко запавшими глазами синие круги. Молча слушает мои разъяснения о необходимости создания второй редакции в Сочи и сердито посасывает трубку.

— Товарищ бригадный комиссар, худшей обиды для меня нельзя было придумать?

— Обиды? Да вы, Петр Павлович, понимаете, что приказы начальников положено выполнять даже в мирное время, а ведь мы в осажденном Севастополе.

— Я всё понимаю, кроме одного,— почему именно меня вы хотите отправить в тыл? Разве я плохо работаю?

— Нет, работаете хорошо, но в редакционном дубле на Кавказе тоже нужны хорошие журналисты. Кроме того, у вас со здоровьем неважно... Поработаете там в спокойной обстановке.

— А я принесу справку от Миши Зеликова (начальник санслужбы, наш активный военкор), что я совершенно здоров. Да какое имеет значение мое здоровье в обстановке, когда смерть от огня противника вышибает ежедневно десятки, а подчас и сотни человек. Да я не вынесу такого морального угнетения и на Кавказе хуже заболею... Кстати, есть в редакции и еще люди со слабым здоровьем, Гайдовский, например...

Спорил, спорил со мной, а потом совершенно неожиданно заплакал. Плакал он, правда, недолго, но так расстроил меня, что пришлось его отъезд на неопределенное время отложить. О чем я сразу же и сказал. Петр быстро взял себя в руки и пошел в редакционный подвал отстукивать на машинке свой очередной материал из частей морской пехоты, откуда он только что пришел, промесив километров десять по жирной крымской грязи.

Через некоторое время, успокоенный и притихший, пришел ко мне со снимками советских людей, расстрелянных в Керченском противотанковом рву.

— Вот, смотрите, товарищ комиссар, дети расстреляны вместе с родителями. Возьмите лупу, станет виднее. Один парнишка, как обнял мертвую мать ручонками, так и застыл, пронизанный пулями фашистских зверей. Другой, постарше, прижат рукою матери. Этот, видать, умер раньше ее. А там вдали еще дети, много детей разных возрастов. Есть там, комиссар, и мои читатели, наверняка есть...

Крупная слеза расплылась на глянце фотографии и медленно, медленно поползла по наклону...

— А вы меня на Кавказ...

На Кавказ он ушел из Севастополя одним из последних, вместе с редакцией «Красного черноморца» в июне 1942 г., когда разрушенный город доживал последние дни.

Корреспонденции Петра всегда отличались лаконичностью, точностью и простотой. Он не любил длинных, «заковыристых» предложений, видимо, сказывалась привычка писать для детей. Много работал над корреспонденциями военкоров, приводя их в «удобочитаемый» вид. Были и такие случаи, когда, прочтя суховатую заметку военкора, Петр шел в часть и там вместе с автором «доводил ее до уровня». Простая заметка вырастала в содержательный очерк с такими художественными деталями, которые были явно не под силу иному не очень грамотному военкору. Подпись стояла военкора, хотя от первоначального варианта уже почти ничего не осталось.

Однажды Петр возвратился сильно расстроенным. Молча выкурил трубку и стал отстукивать на машинке корреспонденцию о гибели самого военкора. На войне бывало и так...

Среди прибывших из Москвы литераторов был и молодой человек по фамилии Луначарский. Когда, после представления и первого знакомства с прибывшими москвичами, я спросил Г. Н. Гайдовского о Луначарском, тот подтвердил: да, это родной сын Анатолия Васильевича Луначарского.

Работать вместе с Анатолием Анатольевичем нам пришлось недолго, но и за это время он показал себя интересным, общительным товарищем, со своими, подчас своеобразными взглядами на жизнь. Беседы с ним оставляли большое впечатление. Он в детстве ходил в гости к Ленину и Крупп-

ской, они его любили, хвалили за отметки в школе. Много интересного он рассказывал о своем отце — выдающемся ораторе и публицисте, партийном и государственном деятеле.

Но вот пришел приказ начальства — срочно откомандировать Луначарского в распоряжение штаба флота. Оказывается, прибыли английские специалисты по минному делу, им срочно нужен переводчик, хорошо знающий английский язык. Анатолий же владел им в совершенстве. Его откомандировали, поручение важное: магнитные мины для нас — дело новое, а для англичан борьба с ними — уже в какой-то мере пройденный этап. Может быть, совместная работа с англичанами и принесет пользу общему делу. Но увы, приходит в редакцию Луначарский и говорит:

«Сдается мне, что эти минные специалисты больше понимают толк в рашен вудка да в женщинах, чем в минном деле. Водку пьют исправно, пытаются даже пощупать девушек из ресторана, но те действуют по-военному — прямо в морду. Хотя ты и союзник, но раз лапаешь руками, получай полностью, как у нас в России в таких случаях полагается. Гордые бритты очень довольны водкой и в большой обиде на наших русских девушек. Я им разъясняю, как могу, но они в России недавно и с характерами советских женщин еще не знакомы. Советую им рукам воли не давать. Обижаются, предлагают мне поговорить с девушками, чтобы они были податливее. Обещают щедрые подарки в любых денежных знаках, или натурой... Иногда и мне так хочется дать им по роже, что даже за руку себя хватаю, чтобы не соблазниться. Уж очень эти „доблестные союзники" нахально себя ведут,— возмущенно рассказывал Луначарский.

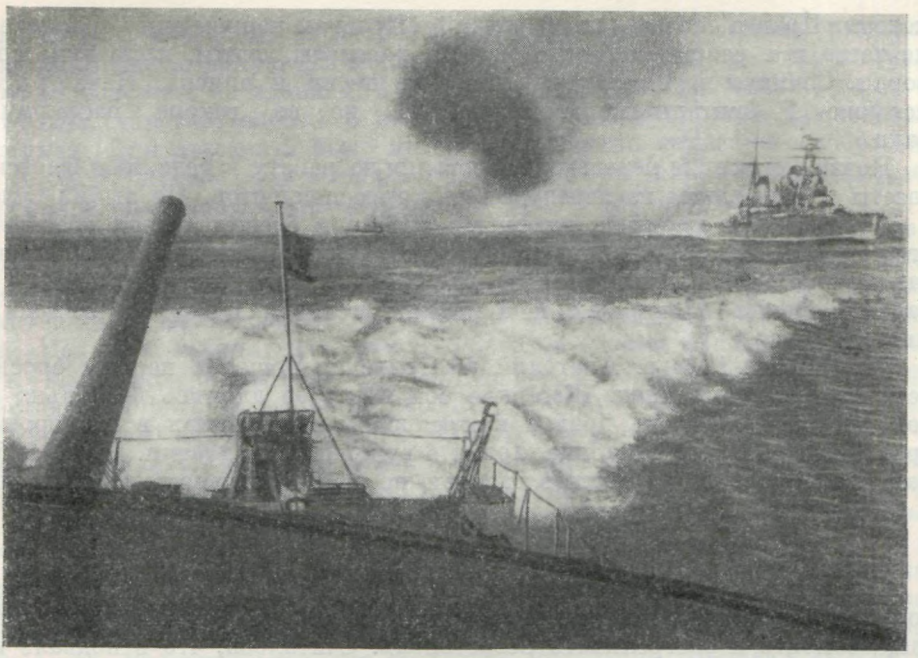
В минном деле я понимаю мало, но одно для меня ясно — „союзники" что-то темнят. Или они, действительно, ни черта не смыслят в немецких магнитных минах, или понимают, но не хотят рассказать нашим минерам, которым приходится своими жизнями расплачиваться за их „союзническую скрытность". Странные они люди,— возмущается Луначарский.— Для них война — это прежде всего материальная выгода. Много раз спрашивают меня, не придется ли им расплачиваться за водку, которой их угощают моряки Охраны водного района. Интересуются, где достать дорогие сувениры — золото, бриллианты. Зачем-то ищут старинные иконы, татарские ковры и халаты. Очень удивлены, что с наступлением войны прекратила свою деятельность базарная толкучка, на которой раньше, по их мнению, можно было достать любую старинную русскую икону или татарский халат „из гардероба крымского хана Шан-Гирея". Упорно повторяют, что в Севастополе у кого-то из жителей сохранились такие халаты.

Работать с ними — для меня каторга. Неприятные люди...

Похлопочите, товарищ комиссар, перед начальством, чтобы меня назначили к вам. Очень уж тошно работать с такими союзниками, у вас я больше принесу пользы, чем в Охране водного района».

Конечно, у нас он был бы нужнее, это я отлично и сам понимал. Его рассказ «Корова», напечатанный нами, широко использовался на вечерах краснофлотской художественной самодеятельности, многократно читался по местному радиовещанию. Луначарский рассказал, как моряки-дунайцы сбили фашистский разведывательний гидросамолет, прозванный ими «коровой». Этот большой и неуклюжий самолет появлялся из камышей неожиданно и, сделав съемку, сразу же поднимался на такую высоту, куда не доставал огонь пулеметов и малокалиберных зенитных орудий. А крупных зенитных орудий у моряков не было, и экипаж «коровы» действовал безнаказанно.

Однажды старшина разведгруппы предложил ночью сходить на шлюпке в тыл противника, затаиться до рассвета, а когда «корова» полетит на малой высоте, «чесануть» по ней из пулемета зажигательными пулями.



КОРАБЛИ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ВЕДУТ ОГОНЬ ПО ПРОТИВНИКУ
Фотография А. С. Соколенко, 1942
Собрание А. С. Соколенко, Ростов-на-Дону

Самолет был старый, деревянный, с небронированными бензобаками. Старшина уверял, что он всадит весь диск «дегтяря» в пузо порядком уже надоевшей «корове». Командир разведчиков медлил с решением. А если старшина промажет с первой очереди? Пулеметы самолета сразу же обрушатся на одинокую шлюпку, и тогда всему ее маленькому экипажу верная смерть. Да и выбираться из камышей сквозь фашистские заслоны — дело весьма трудное: расстреляют, как на учении. Но старшина и разведчики уговорили командира: разрешил опасную охоту за «коровой».

Обмотав уключины паклей, разведчики ночью пробрались узкой протокой в тыл противника и затаились в густых зарослях камыша, растущего в дельте Дуная. Утром, как обычно, «корова» шла на облет позиций. Летела привычным курсом на малой высоте и оказалась прямехонько над шлюпкой разведчиков. Те так «чесанули» зажигательными, что «корова» очень быстро запылала. Летчики попытались подняться выше, но уже было поздно. Горящие баки взорвались, и «корова» кучей обломков свалилась в камыши. Советские моряки кричали: «ура» и «браво», фашисты с руганью бросились искать разведчиков, но где их обнаружишь в камышовом море. Они опять затаились, а ночью благополучно догребли до своих, не понеся никаких потерь.

Рассказал об этом боевом эпизоде Анатолий тепло, с хорошим юмором и добрым матросским жаргоном. Отсюда и успех рассказа. Вот почему я сразу же пошел «хлопотать», но начальство еще долго не соглашалось, ссылаясь на то, что англичане им очень довольны. Они-де называют его хорошим собеседником, знающим историю и литературу Великобритании лучше, чем они сами...

Только к началу 1942 г. Анатолий Анатольевич вернулся на корреспондентскую работу, но увы, не к нам, а в многотиражку бригады морской

пехоты. Правда, печатался он у нас в «Красном черноморце» сравнительно часто и в разных жанрах: очерки, рассказы, стихи, частушки, поговорки. Сочинял и песни для ансамбля песни и пляски. Начал писать историю 7 бригады морской пехоты, но ее вскоре расформировали.

Позже он все же перешел на постоянную работу в редакцию флотской газеты и был одним из передовых ее корреспондентов. Не любил сидеть в редакции, все просился на фронт. Работа в боевых частях обогащала его героическим материалом, но в то же время и мешала выполнению задуманных творческих планов. А планы у него были большие. Он задумал роман о моряках и армейцах, готовил пьесу, но времени не хватало.

В сентябре 1943 г. Анатолий Анатольевич пошел с первым броском десанта в Новороссийск. Жестокие бои за город длились несколько суток. Молодой писатель дрался как рядовой воин, метал в гитлеровцев гранаты, стрелял из карабина, ходил в рукопашные схватки. Дважды был ранен, мог уйти на мотоботе в лазарет, но после перевязки опять пошел в бой и погиб...

Художник Федор Решетников, наш остряк, назвал редакционный полуподвал «бомбоубоищем». Поселились мы в нем, когда немцы стали чаще бомбить и обстреливать Севастополь. Считалось, что в подвале все же безопаснее: над головами три потолка и толстый слой шлака на чердаке. Конечно, полутонная бомба наверняка пробила бы все наши перекрытия и разорвалась именно в подвале. Но «сотка» могла разорваться на втором этаже типографии, пол первого этажа (бетонный) мог вполне выдержать удар взрывной волны и мы, сидящие в этом «бомбоубоище», могли совсем не пострадать даже при прямом попадании.

Стенка полуподвала была такой толстой, что ее не пробивали снаряды даже тяжелых калибров. А оконные проемы мы заложили мешками с песком. Правда, потом от близкого разрыва тяжелой бомбы взрывная волна все мешки втолкнула в редакцию, и пришлось начинать все сначала. Но, тем не менее, мешки все же предохраняли хотя бы от осколков снарядов и бомб.

До войны полуподвал был красным уголком и буфетом издательства. Тут небольшая сцена, скамейки, столы и буфетная стойка. Столы остались, буфет тоже, а скамейки и декорации вынесли. На сцене за занавесом поставили кровати для женщин, в центре установили двухъярусные койки для мужчин. Тут спали, работали, ели, спорили по литературным и другим вопросам, проигрывали пластинки и даже «забивали козла». Эта, так «затюканная» сейчас, игра иногда давала разрядку натруженной за день голове, и мы терпеливо относились даже к дробному стуку и задорным выкрикам «секи ему голову!»

Позже, когда кончились два первых штурма и малость потеплело, учредили столовую, две спальни на втором этаже, и в подвале стало потише. Но в ноябре — декабре 1941 и январе — феврале 1942 работали и жили в «бомбоубоище».

Правда, с одной спальней получился казус. Снесли туда койки, застелили, подобрали кое-какую мебель. После завтрака писатели и журналисты уже собирались носить туда свои вещи. Но только сели за стол, как прилетел снаряд крупного калибра и угодил именно в эту комнату. В ней, к счастью, никого не было. Разорвись снаряд на четверть часа раньше, пострадало бы не менее десятка человек.

Подвал был для нас своеобразным клубом, в котором мы нередко спорили на литературные темы. Спорили на редакционных летучках, а то и

«просто так», вечерком, когда было свободное время. Особенно разгорались споры после получения московских газет, которые приходили к нам с очень большим опозданием. Первый день занимались читкой газет и журналов, «проглатывая» все интересное, что печаталось в московских изданиях. Для писателей было интересно прочесть написанное собратьями по перу, для нас, журналистов, было важно не только содержание, но и форма подачи центральными газетами фронтовых материалов.

Ознакомившись со свежими газетами, начинали разбор, сравнивая с тем, что даем мы. Конечно, при этом немало и ругали друг друга. Многие героические примеры мы подавали, прямо скажем, плохо, обычно скатываясь к фактографии, без анализа и публицистических рассуждений. Большую зарядку дал нам Б. Горбатов своими «Письмами товарищу». Мы долго обсуждали это волнующее произведение, идейное воздействие которого на сознание людей трудно сравнить с чем-либо.

Обсуждали небольшой очерк «Неизвестный моряк» Э. Виленского, «Черную тучу» Л. Соболева, ленинградские рассказы Н. Тихонова, «Таню» П. Лидова, «Москва за нами» Е. Петрова, «Декабрь под Москвой» В. Кожевникова. Очень нравились нам публицистические очерки Ильи Эренбурга.

Вместе с газетами обычно приносили пачки писем от родных и знакомых. Военная почта, прямо скажем, работала не всегда гладко. А не получив от родных письма, писатели тосковали. Это чувствовалось по настроениям. Вот загрустил наш «бородач» Ряховский. Пытаюсь выяснить, почему. Василий Дмитриевич помолчал, потом с грустью ответил:

— Третью почту получаю без писем от сына. Он у меня танкист, с первых дней на фронте...

Тяжело переживал задержку писем А. А. Луначарский. Он ждал приезда на Кавказ беременной жены, а поезда подвергались бомбежкам. И какова была его тревожная радость, когда из Сочи, наконец, пришло письмо со словами: «Доехала благополучно».

... Письма, родные письма, сколько они радости приносили на фронт.

Тут же в полуподвале обсуждали тематику и содержание будущих сборников о героях Севастополя. Собирателем материалов был Г. Н. Гайдовский, ему помогали критик Игнат Ивич, поэт П. Панченко, прозаик С. Бондарин. Конечно, многое зависело и от нашей, мягко говоря, слабоватой полиграфической базы. Большие сборники выпускать было физически невозможно, поэтому издавали их размером поменьше, но чаще. Каждый очередной сборничек подвергался строгому разбору.

После того как эвакуировались из Севастополя в Сочи, редакторы газеты — С. С. Зенушкин, а за ним А. В. Плеско — стали выпускать сборники уже значительно лучше, используя для этого не только сочинскую типографию, но и типографии других городов черноморского побережья Кавказа.

В наше «бомбоубоище» не раз заходили писатели и поэты, прибывшие из Москвы в Севастополь в качестве корреспондентов других газет. Приходил советоваться и читал свои стихи А. А. Жаров. В какой-то мере здесь закладывались основы его «Севастопольского камня».

После соленой купели, в которой погиб шедший в Севастополь писатель Григорий Нилов, прибыли в полуподвал простуженные и мокрые Ряховский и Фазин. Ряховский возвращался с Кавказа, а Фазин, работавший тогда в морском пропагандистском журнале литературным сотрудником, шел на транспорте «Чапаев» в осажденный Севастополь для организации материала.

Зиновий Исакович Фазин позже рассказывал, как они тонули, как их подобрал катер, уже полуживых, судорожно державшихся за какой-то обломок. По его мнению, Григорий Нилов был раздавлен какой-либо

крупной деталью, сорванной взрывом с палубы «Чапаева». В. Д. Ряховский уже после войны в беседе со мной, вспоминая эти страшные часы, говорил:

— Самое тяжелое, что наиболее врезалось в память, это вопль погибающих лошадей, которых мы везли в Севастополь. В предрассветных сумерках, сквозь густую пелену несущегося снега я вижу, как медленно уходит под воду наш пароход, слышу, как Фазин зовет меня отплывать подальше, чтобы не затянуло в воронку. И мы работаем руками и ногами, чтобы отплыть подальше от этого страшного места. Оба мы измазаны нефтью, оба дрожим и хватаемся за деревянный брус, отброшенный взрывом в сторону... А до берега нам не доплыть — семь-восемь километров. И сейчас стоит в ушах предсмертный стон двух сотен лошадей, накрепко привязанных к специальным станкам, сделанным для них на палубе транспорта...

З. И. Фазин говорил, что сторожевой катер, пришедший к месту гибели, подобрал только 40 человек из команды и пассажиров. Остальные погибли. На базе катеров спасенных писателей отмыли от нефти, дали немного спирта и отправили на машине в редакцию. Тут вызвали врача, переодели в сухое обмундирование, накормили, угостили водкой и уложили спать. После такой передряги писатели немного похворали и принялись за работу. Но час в зимнем море стоил все же дорого обоим. Ранний уход из жизни В. Д. Ряховского был, конечно, связан с трагедией, разыгравшейся февральским утром на траверзе мыса Херсонес. Не может похвалиться крепким здоровьем и З. И. Фазин.

Сюда, в редакционный полуподвал, приносили композиторы Ю. Слонов, К. Листов, В. Макаров свои песни о Севастополе и проигрывали на нашем расстроенном пианино. Мы обсуждали музыку и текст, нередко спорили о песнях, не всегда были правы в их оценке, но все же помогали композиторам и поэтам находить наиболее верный тон.

Бывали тут писатели Сергей Алымов, Евгений Юнга, Евгений Петров, Леонид Соболев. Почти всю войну проработал во флотской газете Петр Сажин. Здесь, в Севастополе, и прежде всего во флотской газете, раскрывалось недюжинное дарование краснофлотца-разведчика Григория Поженяна. Да, много интересных людей бывало в нашем полуподвале.

Большая сила — писатели в газете. Они не только писали очерки о героях. Мы их широко использовали и для создания пропагандистских материалов. Многие наши статьи пропагандистского плана под опытной рукой писателя совершенно меняли свое лицо, становились ярче и доходчивее. Большим успехом у воинов Севастополя пользовались наши коротенькие памятки, которые мы давали под общим заголовком «Помни, боец!» Тематика памяток была довольно широка: береги оружие, будь бдителен, поддерживай товарища в бою, охраняй своего командира, свято выполняй присягу и т. д. В окопах и землянках «памятки» читали вслух, с последующим обсуждением, вырезали из газеты и наклеивали на стенки. Авторами этих ударных памяток-листовок были главным образом писатели — Ряховский, Ивич, Гайдовский, Гаврилов, Явич, Панченко, Длигач. Мы не торопили авторов, давали возможность подумать, посоветоваться. Очень часто писатели собирались в кружок и обсуждали первый вариант памятки. После обсуждения дорабатывали и приносили мне или моему заместителю Степану Зенушкину. Но и после наших замечаний авторы опять сидели по нескольку часов. В результате получался содержательный текст, простой и ясный, доходчивый до любого читателя. Слово «любого» у нас, в Севастополе, имело особый смысл. Здесь в составе гарнизона было много воинов, слабо владевших русским языком. Приходилось учитывать и такого читателя.

«ЗАЩИТНИКИ СЕВАСТОПОЛЯ»
Сборник стихов и очерков писателей—участников обороны Севастополя. Составитель Г. Н. Гайдовский. Издание Политуправления Черноморского флота, 1942
Обложка. Рисунок М. Н. Молодцова
Собрание В. А. Рудного, Москва

Вот несколько абзацев из «Помни, боец!» от 3 ноября 1941 года.

«... Сильное оружие дала тебе Родина, и миллионы братьев, клявшихся в том же, в чем ты клялся, бьются теперь рука об руку с тобой, помогают тебе отразить нападение врага, разгромить его. Над тобой реют краснозвездные самолеты. Они несут смерть врагу. Кругом стоят мощные батареи. Они несут смерть врагу. Гордые корабли Черноморского флота несут смерть врагу. Смерть врагу несешь и ты.

Родина идет с тобой на врага, могучая и несокрушимая. Она дала тебе оружие и взяла с тебя клятву — быть мужественным.

Помни, боец, что ты воин Красного флота, прославившего себя великими боевыми подвигами. Помни, что братья твои, советские моряки, никогда не жалели крови своей и самой жизни для счастья Родины и поэтому всегда побеждали.

Помни, боец! Ты клялся защищать Родину с достоинством и честью. Твое достоинство требует, чтобы враг был остановлен на его кровавом пути...»

Разговор в «памятке» шел о присяге. Но в нем есть довольно ясный подтекст о силе и мощи нашего оружия. Почему так выпирает именно эта мысль? Авторы «памятки» получили специальное задание подчеркнуть силу и мощь нашего оружия. Положение у нас с оружием в то время было очень плохим. Это знали немцы и в миллионах своих листовок, разбрасываемых и над Севастополем, истошно кричали, что у вас, русских, даже

винтовок не хватает, с чем же вы хотите победить армию великой Германии. Мы, дескать, безраздельно господствуем в воздухе, наши танки давят вашу пехоту, а у вас и танков уже нет... Листовки, как правило, начинались схемой, где черная линия фронта уже уперлась в Москву, Ленинград, Воронеж, Ростов... Враг явно рассчитывал на подавление морального духа советских воинов.

В первых числах ноября положение под Севастополем тоже было очень сложным для нас. Врагу удалось отрезать Приморскую армию от Севастополя, вынудив ее к отступлению на Южный берег Крыма, откуда она вышла в Севастополь только 6—7 ноября. А пока город защищали батальоны морской пехоты, береговые батареи, авиация и немногие корабли. Почти весь флот командование отправило на Кавказ, ожидая массированного удара фашистской авиации по кораблям эскадры. Рано утром 1 ноября такой удар, действительно, был нанесен, но за несколько часов до этого линкор, крейсеры, лидеры, эсминцы, тральщики снялись с якорей и ушли в Новороссийск. Опустели бухты, и это тоже могло отрицательно повлиять на небольшой гарнизон, защищавший город. Враги (а они были в городе) и обыватели стали распускать провокационные слухи, что город обречен, что если целых две армии не смогли удержать врага на Перекопе, то что мы можем сделать с такой силищей, да еще без поддержки эскадры. У врагов танки — у нас их нет совсем. Враг усиленно бомбит город, а наших самолетов почти не видно...

Нужно было короткое, ударное выступление в газете, но не прямо разоблачающее вражеские слухи о слабости наших сил, а косвенно. Вот и была избрана тема о присяге. Она была важна сама по себе, а в сочетании с пропагандой веры в свои силы — тем более. «Памятку» надо было написать срочно, поэтому ее делало сразу несколько писателей. И получилось хорошо. Она дошла до читателей. Об этом нам звонили многие комиссары частей. Авторы «памятки», возможно, и не подозревали, какое важное задание выполнили они для осажденного гарнизона.

Многие наши передовые статьи тоже были созданы писателями. А передовая статья в газете тогда играла особенно важную роль. Радиопередачи почти никто не слушал, центральные газеты приходили нередко через месяц после выхода. Бойцы и командиры, естественно, тянулись, прежде всего, к своей флотской газете, дающей общеполитическую линию, пропагандирующей героические подвиги и боевой опыт. Мы печатали не только сводки Советского информбюро, но и много других центральных материалов. Однако из-за недостатка места мы могли помещать не все московские материалы, передаваемые по радио для республиканских и областных газет. С 9 ноября наш формат уменьшился вдвое. Поэтому многие общеполитические материалы, не пошедшие в газете, мы широко использовали в наших передовых статьях. Это, несомненно, чувствовали политработники гарнизона и всегда горячо поддерживали наши передовые и редакционные статьи. Их, как правило, низовые агитаторы использовали для громких читок и бесед с бойцами.

В Севастополе мы почти каждый день давали юмористический отдел «Рында». Рында — судовой колокол. До войны мы тревожно «звонили в рынду» о лодырях, неряхах, бюрократах, нарушителях формы флотской одежды, воришках из военторга. «Звонили» мы редко — раз в неделю. А на войне — почти ежедневно. В чем тут дело? Юмор на войне понадобился в еще бóльших размерах. Да и сил прибавилось для такого отдела.

...Первые месяцы войны. Тяжелое время. Каждый день две сводки Совинформбюро и в обеих недобрые вести. Все больше и больше оставляем врагу родной советской земли. Дивизионный комиссар П. Т. Бондаренко после совещания задержал меня и говорит:

«РЫНДА»
Сатирический отдел газеты «Красный черноморец», 18 октября 1941 г., № 346. Карикатура Ф. П. Решетникова, текст Л. М. Длигача

Рында

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ПОМЕСЬ, или новый чисто арийский вид

«Когда писклявый голос паяца Геббельса, благодаря громкоговорителям и массовым радиостанциям и газетам, превращается в рев, я вспоминаю старую персидскую пословицу: «Если бы рев имел цену, то самым дорогим животным в мире был бы осел».
(Из выступления т. Лозовского на очередной пресс-конференции иностранных корреспондентов 14 октября 1941 г.)

Рис. Ф. Решетникова

Новый чисто арийский вид,—
Лгущий без передышки.
Гибрид
Осла и мартышки.

ЛЕД.

— Юмора у вас в газете мало, сатира беззубая. А ведь есть кого критиковать и разоблачать. Ненависть к врагу можно воспитывать не только пропагандистскими статьями, но и юмором...

Совет начальника Политуправления флота я воспринял как директиву и на очередной редакционной летучке поставил задачу: дать побольше юмора. Посыпались предложения:

— «Рынду» давать не раз в неделю, а хотя бы через день.

— Завести как систему международный фельетон.

— Почаще комментировать фашистские радиопередачи.

Начальник отдела боевой подготовки капитан-лейтенант Баковиков предложил печатать с продолжением «Новые похождения бравого солдата Швейка». Оказывается, он уже подготовил первые две главы. Тут же их прочитал, получил несколько замечаний, и мы решили печатать.

Правда, были кое у кого и сомнения. Ярослав Гашек писал своего Швейка в определенной обстановке, с определенной задачей. У нас же совсем иная цель. А может быть, мы «нашим Швейком» станем оскорблять национальное достоинство чехов? И еще кое-какие возражения были, но мы решили пренебречь ими.

Начали печатать, не докладывая начальству. Не дай бог, оно усумнится, тогда пропадет хорошая затея.

В первых двух главках немцы призывают Швейка в армию. У него куча болезней, но врач воинского присутствия тычет в грудь Швейку и говорит: «Годен». Швейк в роте. Так же, как и у Гашека, он задает ядовито-глуповатые вопросы фашистскому офицеру. Несколько остро сатирических диалогов, и в третьей главке Швейк едет в эшелоне на фронт.

Напечатали несколько глав, получаем много писем, звонят комиссары частей и кораблей, одобряют и просят печатать почаще. Начальство флотское тоже в основном одобрило, правда, зарезервировав себе путь для отступления, если почему-либо «наш Швейк» не понравится Москве. А Москва пока молчит, хотя мы напечатали уже шесть глав. Баковиков тоже волнуется.

Однажды прилег в кабинете отдохнуть и сквозь сон слышу: по радио передают что-то поразительно знакомое. Сон как рукой сняло. Вихрем врываются «рындачи» (журналисты, делавшие «Рынду») и с радостными возгласами: «Передают нашего Швейка!» усиливают звук приемника. Закончили передачу словами: «Мы передавали юмор из фронтовых газет...» «Новые похождения бравого солдата Швейка» передавали из газеты «Красный черноморец»...

«Рындачи» сияют, они срочно отыскали Александра Васильевича Баковикова и поздравили его с удачей. После нас «Похождения Швейка» печатались и в некоторых других армейских газетах, но Баковиков первым начал это благое дело. Вскоре мы опубликовали «Похождения...» отдельной книжкой небольшого формата и разослали по флоту. «Похождения...» читали на вечерах краснофлотской художественной самодеятельности, нередко разыгрывая сценки в лицах. Среди краснофлотцев бытовали поговорки и пословицы из этой маленькой повести. Читатели были очень огорчены, когда мы закончили повествование. Один из краснофлотцев соединения торпедных катеров жаловался:

— Рано вы «сдали» Швейка в плен. Пусть бы он еще помытарился хотя бы месяца два-три. Очень у вас интересно получалось, мы с нетерпением ожидали очередные главки и всегда читали вслух...

Писатели и художники постоянно помогали полковому комиссару Н. В. Краснопольскому, руководившему пропагандой среди войск противника. Десятки листовок на немецком и румынском языках было выпущено отделом Краснопольского общим тиражом около 5 миллионов экземпляров. Листовки создавались тут же в редакционном полуподвале.

Вот сидит над столиком художник Леонид Сойфертис. У него свой неповторимый стиль рисунка. Художник думает, как лучше донести до немецкого солдата мысль о лживости пропаганды ведомства Геббельса. Фигура этого обер-лжеца уже однажды запечатлена талантливым пером Бориса Ефимова и повторять ее вроде бы и незачем. Но Сойфертис создает «своего» Геббельса, по-новому разрешая заданную тему. Рисунок готов, подходят художники Ф. Решетников и К. Дорохов. Короткое совещание, еще один штрих, и понесли рисунок «усачу» Краснопольскому.

После одобрения рисунка писатели составят короткий боевой текст листовки. Политрук Фира, инструктор отдела, переведет, наша типография отпечатает полсотни тысяч, упакует в пачки определенных размеров и через несколько часов самолеты разбросают листовку над позициями и тылами врага.

Однажды Ф. П. Решетников очень долго ломал голову над заданной темой, исчертил несколько листов блокнота, потом хлопнул себя по лбу, что-то начиркал и бежит ко мне.

— Во! Сразу дойдет до немца. Березовый крест, пробитая каска на нем и надпись. Хочется, чтобы она была покороче и позабористее.

Собираю писателей и предлагаю побыстрее помочь художнику. Общими силами составили текст: «Здесь покоится Ганс Фишер, посланный пройдохой Гитлером завоевать Россию».

— Не годится,— говорит Решетников,— очень длинно. На листовке получится совсем мелко, не разберут. Петр Гаврилов медленно выпускает трубочный дым и предлагает подпись разделить. На дощечке креста оста-

ВОЕННЫЕ ЖУРНАЛИСТЫ В КРЫМУ В ДНИ НАСТУПЛЕНИЯ НА СЕВАСТОПОЛЬ

Слева направо: П. А. Сажин (писатель, сотрудник «Красного черноморца»), Н. Б. Левинсон (начальник киногруппы Черноморского флота), четвертый — Я. Л. Берлинер (кинооператор Центральной студии кинохроники), А. Бродский (фотокорреспондент «Красного флота»), Ю. Зельвинский, Н. Добышев, Макаров (корреспонденты «Красного флота»)

Фотография А. С. Соколенко. Бахчисарай, апрель 1944 г.

Собрание А. С. Соколенко, Ростов-на-Дону

вить только звание и фамилию солдата, а все остальное изобразить на могиле, сделав ее повыше.

— Пожалуй, такой вариант подойдет,— соглашается Федор Павлович и «приподнимает» очертания могилы. Потом идет наверх к Краснопольскому. Оттуда возвращается вместе с «усачом». Оба довольны.

Писатели много помогали военкорам флота овладевать литературным мастерством, выступали на литературных кружках с разбором военкоровских произведений, читали свои стихи и очерки на радиоузлах местного вещания. Но главное для них все же была флотская газета «Красный черноморец». Их очерки, корреспонденции, стихи печатались почти каждый день. Они же вели в газете и «Рынду». Для этого очень нужного и важного отдела особенно много сделали писатели и поэты Л. Лагин, Л. Длигач, Я. Сашин, П. Панченко, А. Луначарский. Юмор и сатира на войне тоже нужны, особенно при разоблачении врагов и их прихлебателей.

Как относились воины к печатному слову, можно продемонстрировать хотя бы на таком примере. Наш поэт Лев Длигач, над которым мы иногда подтрунивали, особенно во время бомбежек, написал стихотворение «Снаряд настигает хищную орду», посвященное воинам 35 береговой батареи. Газета со стихотворением пришла на батарею во время обеда. Комиссар Сунгурьян решил сразу же прочесть его, бойцы, как один, поднялись и, стоя, прекратив обед, выслушали стихотворение. Потом написали его крупными буквами на листе фанеры и вывесили в ленинском уголке.

При посещении авиагруппы на Херсонесском полуострове комиссар группы Александров говорил мне:

— Весь наш гарнизон любит и уважает ваших писателей и поэтов, работающих над авиационными темами. Особенно заслуживают похвалы Василий Ряховский, Игнат Ивич и Павел Панченко. Пусть почаще приезжают к нам.

Такие просьбы не раз я слышал от командиров бригад морской пехоты Вильшанского, Жидилова, Горпищенко, от командиров полков и батальонов. Отлично понимая силу печатного слова, они заботились, чтобы героизм их подчиненных был показан на страницах газеты.

Все писатели и художники входили в боевое расписание по воздушным тревогам и дежурили на крышах и чердаках зданий. Еще до осады города мы всех военнослужащих пропустили через краткосрочные курсы стрелкового дела и приняли зачеты по стрельбе из винтовки и пистолета. Некоторые успели метнуть по боевой гранате, но гранат не хватало на фронте и нам перестали их давать для учебных целей. С болванками же тренировались все. Бутылки с горючкой тоже бросали довольно далеко и точно.

30 октября комендант штаба флота пришел ко мне и, под большим секретом, сообщил, что, если начнутся уличные бои, на редакцию возлагается оборона улицы Ленина на протяжении двух кварталов. Я стал говорить, что многовато для нас, если учитывать скудные запасы нашего оружия. Комендант категорически потребовал сдать трофейный пулемет «Шкода», который наши корреспонденты привезли с Кинбурнской косы. Вместо пулемета обещал дать десятка два противотанковых гранат и сотню бутылок с самовозгорающейся жидкостью. Винтовок не обещал, пистолетов — тоже. Правда, пистолеты имели почти все, включая краснофлотцев и старшин типографии, а винтовок было, одна на троих.

Вместе с комендантом мы составили схему улицы и места огневых точек. Расписали по точкам людей, включая и вольнонаемных рабочих. Получилось неплохо. С обеих сторон улицы, из подъездов и балконов домов мы могли не только простреливать многослойным огнем весь обороняемый участок, но и забрасывать бутылками и гранатами. Условились, что пока только получим дополнительное оружие, а людям сообщать о боевом расписании не будем, во избежание кривотолков. Пулемет комендант сразу же унес, а на гранаты и горючку дал только наряд. Когда я послал автомашину за боеприпасами, на складе отказали, сославшись на какую-то очередность. А потом дела пошли так, что не было смысла сообщать всем товарищам о их боевых постах.

В городе часто бывали перебои с подачей электроэнергии. Воздушную сеть разрушали снаряды и бомбы. Иногда энергии не было более суток. Как же быть? Газета должна выходить в любых условиях. И выходила. Набирали вручную при свете керосиновых ламп и свечей. Печатали на плоских машинах, колеса которых крутили вручную. Весь состав редакции и типографии был расписан на группы по четыре — шесть человек для «колесоверчения». Крутили по пять минут, потом отдыхали десять и снова становились к размахам машины. У каждого колеса работало три смены. Группы составляли с учетом физического состояния людей. Нельзя было сводить в одну группу физически слабых Гаврилова, Явича, Длигача и Ряховского. Их распределяли в такие группы, в которых были более крепкие ребята. И «братья-писатели» исправно крутили машины, задыхались от напряжения, но крутили: газета должна была выходить в срок и выходила. Фронт не мог быть без своей газеты.

Газета живо откликалась на все события, помогала воинам осажденного города разить врага не только мужественно, но и умело. Обучение воинскому мастерству имело очень большое значение не только потому, что многим морякам пришлось сойти с кораблей и воевать на суше в совершенно незнакомых условиях. Надо было вдумчиво и внимательно

В ОСВОБОЖДЕННОМ СЕВАСТОПОЛЕ
Фотография А. С. Соколенко, 9 мая 1944 г.
Собрание А. С. Соколенко, Ростов-на-Дону

обучать те пополнения, что прибывали в Севастополь, главным образом из Закавказья. Из номера в номер газета печатала материалы о том, как бороться с вражескими танками, самолетами, снайперами, рассказывала о действиях разведчиков, зенитчиков, показывала опыт передовых пулеметчиков и снайперов. Большинство статей, корреспонденций, памяток было написано выразительным и кратким языком. К ним тоже приложили свою руку писатели — труженики и воины, выполнявшие любую работу в газете. Многие передовые статьи были совершенно необычны по сравнению с нашими довоенными суховатыми передовыми. И тут чувствовалось авторство или правка писателей. Даже кратенькие подписи к снимкам во многих случаях делались руками писателей. А если взять заголовки, то даже сейчас, перелистывая пожелтевшие страницы газеты, чувствуешь манеру Лазаря Лагина, Семена Клебанова, Георгия Гайдовского, Яна Сашина, Сергея Бондарина, Игната Ивича или Августа Явича. Все они в меру своих сил и способностей помогали делать интересную газету.

В Севастополе работали также украинские писатели, прибывшие туда из Одессы вместе с Отдельной Приморской армией. Они тоже трудились в армейской газете «За Родину», в многотиражных газетах дивизий. Их работа по своим методам и формам ничем не отличалась от работы флотских прозаиков и поэтов. Произведения В. Кучера, Л. Давыдова, А. Трипольского, И. Гончаренко, О. Ждановича читались воинами-приморцами с таким же большим интересом, как и произведения писателей-москвичей, работавших в «Красном черноморце».

В новом Севастополе здание нашей редакции, сгоревшее в мае 1942 г., снесено. На этом месте разбит небольшой скверик, что тянется вдоль улицы Ленина. А корпус типографии уцелел. В перестроенном виде сохранился

и наш редакционный полуподвал, где мы жили и делали боевую газету. Еще в ходе боев за город, 17 января 1942 г., газета «Правда» писала, что «Красный черноморец» «хорошо освещает боевой опыт, воспитывает у моряков высокие моральные и боевые качества, заслуженно пользуется большой популярностью среди защитников Севастополя...» Высокая оценка нашей скромной работы. Она завоевана трудом всего дружного коллектива, в который так быстро и органически вросли «братья-писатели», как мы тогда шутя называли прибывших к нам из Москвы литераторов. Большое и нужное патриотическое дело творили эти скромные люди, воспитывая воинов героического Севастополя. Их талант и труд вложены в боевую газету, которая получила заслуженную награду — орден «Красного Знамени». Не всем им довелось дожить до славных дней победы. Смертью храбрых пали Евгений Чернявский, Анатолий Луначарский, Владимир Апошанский... Их траурные портреты в редакционном музее «Флага Родины» (так теперь называется бывший «Красный черноморец») свидетельствуют о том, что писатели-журналисты были в первых рядах воинов Черноморского флота.

Редакция «Флага Родины» свято чтит память погибших журналистов. Редколлегия газеты установила переходящий приз имени Владимира Апошанского за отличную работу. Недавно в журнале «Советская печать» была помещена коротенькая заметка о том, что этот приз получил сын Апошанского Костя — молодой сотрудник отдела информации.

НИКОЛАЙ ПАНОВ

МЫ СРАЖАЛИСЬ НА БОРТУ «КРАСНОФЛОТЦА»

О ГАЗЕТЕ СЕВЕРНОГО ФЛОТА

1

Ночью нас разбудили настойчивые телефонные звонки. Я вскочил с постели, отбросив укрывавшие меня поверх байкового одеяла черную офицерскую шинель и штатское пальто, в котором приехал из Москвы в Заполярье. Кругом был пронзительный холод — ощущаю его будто и сейчас, вспоминая ту осеннюю ночь 41-го года.

Нас, новых сотрудников газеты «Краснофлотец», поместили в одной из квартир, опустевших после эвакуации из Полярного семей морских офицеров. В Полярном — главной базе Действующего Северного флота — было центральное отопление, но оно почти не работало в первый год войны, в отведенной мне комнатушке вода в стакане зарастала плотной корочкой льда...

— Панов у телефона,— прохрипел я, выбежав в коридор. Со сна я позабыл, что военные моряки обязаны прежде всего докладывать свое воинское звание.

— Товарищ интендант, вас-то мне и нужно,— звучал в мембране усталый голос полкового комиссара Д. Когана — редактора «Краснофлотца».— Приказываю сочинить в «Таран», для праздничного номера, что-нибудь посмешнее. С этого и начнем вашего Эсминкина. Жаров прислал Зениткина, Яглинг дает Щукаря. Материал сдадите завтра, не позже двенадцати ноль-ноль.

— Есть сдать материал завтра к двенадцати ноль-ноль! — бодро отрепетовал я и согнулся в приступе неудержимого кашля.

Кашель терзал меня после первого знакомства с жизнью боевого корабля. Командированный «Краснофлотцем» за корреспондентским материалом на эскадренный миноносец «Гремящий», в дни необычно ранних, даже для Заполярья, морозов, я жестоко простудился в своей непривычно-легкой шинели. А вернувшись в Полярное, с блокнотами, полными репортерских записей, с вкрапленными в них отдельными строчками стихов, получил приказ готовить к печати «уголок юмора» — «Таран», от причастности к которому упорно открещивались все сотрудники газеты. Прежний начальник «Тарана» писатель Александр Марьямов, уезжая в части морской пехоты на полуострова Рыбачий и Средний, надоумил редактора передать работу над «уголком» мне.

Да, никому не хотелось шутить и смеяться в те первые, трагические месяцы войны! Просматривая «юмористические отделы» фронтовых и флотских газет конца 1941 г., едва ли кто-либо рискнет назвать их смешными. Отнюдь не был юмористичен, в обычном смысле слова, и «Таран»,

опубликованный в праздничном номере североморской газеты. Но в нем, как и во всех материалах, сдававшихся тогда в набор советскими военными журналистами, было главное — твердая, искренняя вера в победу над врагом, уверенность, которую укрепляли героические дела моряков Северного флота.

Вот лежит передо мной ставший хрупким, побуревший от времени экземпляр «Краснофлотца», датированный 7 ноября 1941 г. Борис Яглинг, незабываемый мой фронтовой друг, который с первых же дней приезда на флот органически вошел в быт подводников и создал ряд превосходных очерков об их победоносных походах, писал в своей «Радиограмме подводника Щукаря в день празднованья Октября»:

«Нахожусь в дозоре на Энском море. Оставил сегодня в фашистских водах след, израсходовал немало торпед. В честь Великого Октября ни одной торпеды не выпустил зря. Призываю летчиков и артиллеристов, морскую пехоту и торпедистов — сильнее громите фашистов! Уничтожим фашистскую тварь. С Октябрьским приветом Иван Щукарь».

Кстати сказать, имея родоначальником шолоховского Щукаря, Щукарь Яглинга производил свое имя не от прославленного литературного предка, а от названия наших подводных лодок — «щук», на одной из которых выходил в Баренцово море писатель.

Александр Жаров, он же «Комендор Максим Зениткин», пробывший на флоте некоторое время в начале войны, прислал из Москвы в «Таран» стихотворную телеграмму: «На Север, где снег запушил берега, три пожелания шлю телеграммою: первое — бейте покрепче врага, второе — бейте покрепче врага, третье — то же самое».

Для своего юмористического дебюта я избрал псевдоним «Корней Эсминкин». В дни жизни на борту «Гремящего» вошел я впервые в совершенно новый, необычный для меня мир суровой героики морских боевых походов, осваивал своеобразный язык флажных и световых семафоров. Поэтому октябрьские стихи Корнея Эсминкина были локально озаглавлены «Ясно вижу». Так называется на флоте «ответный вымпел» — небольшой треугольный красный флажок с белым яблоком в центре. Этот флажок был изображен в виде заставки к произведению Эсминкина художником Наумом Цейтлиным, всю войну талантливо проработавшим в нашем редакционном коллективе.

Основные схватки советских военных кораблей шли тогда с авиацией немцев. Поэтому оканчивалось стихотворение так:

Летая к Лондону, к Парижу,
Был ас фашистский все наглей,
Но не выносит — ясно вижу! —
Североморских кораблей.
И все полны мы верой твердой,
Что будет сломлен хищный враг.
Сияй, Октябрь Двадцать Четвертый,
И разгоняй фашистский мрак!
Пускай справляет враг поминки
По тем, кто к нашим землям лез.
Не будь я ваш Корней Эсминкин,
Коль не угробим всех «СС»!
Их залпы меткие пронижут,
Покроет их вода морей.
Докладываю: Ясно вижу
Победу Родины моей!

Все это было в достаточной мере поверхностно и декларативно, писатели, призванные на флот, только еще присматривались к совершенно новой тематике военных будней Северного флота.

Н. Н. ПАНОВ

Фотография С. Г. Шиманского. Северный флот, на борту гвардейского эсминца «Гремящий», май 1943 г.

Собрание С. Г. Шиманского, Москва

На гранитном откосе одной из сопок, в которых пролегли улицы и деревянные трапы Полярного, перед выходом в штормовое Баренцово море, расположилось двухэтажное бревенчатое здание нашей флотской газеты. Здесь с самого начала войны возник дружный творческий коллектив писателей и журналистов. Я глубоко обязан «Краснофлотцу» своим «оморячиванием», начавшимся еще в те далекие, уже почти легендарные дни. В результате газетных командировок, приведших к прочной дружбе с моряками эсминцев, уже в ноябре 1941 г. появился на страницах «Краснофлотца» первый фрагмент поэмы «Баренцово море», законченной и вышедшей в свет отдельным изданием лишь в послевоенное время.

Не видно дыма над большой трубой
И алый гюйс на штоке мирно вьется,
Но знают все:— Идем сегодня в бой!
И закипает сердце краснофлотца.
Снарядов медь легла на звонкий ют,
Тугой брезент отогнут ветром с края...
Вполголоса зенитчики поют,
Замки своих орудий протирая.
И вот уж, нарастая из глубин
Рокочущим, вибрирующим пеньем,
Глухое содрогание турбин
Героев наполняет нетерпеньем...

В часы посещений боевых кораблей и землянок морской пехоты, в дни нелегких морских походов накапливался материал и для текущей газетной работы и для будущих книг, о композиции которых не было ни сил, ни времени задумываться в те трагедийные годы.

Перебирая старые документы, нашел я недавно одну из «штурманских справок», строки которой вызывают столько воспоминаний и чувств.

СССР
Нар. Ком. Воен.-Мор. флота
Эскадренный миноносец
«Гремящий»
Северного флота

1 сентября 1944 г.
№ 124

Справка

Дана капитану административной службы Панову Н. Н. в том, что, участвуя в переходе по встрече эскадры кораблей Северного флота, идущих из Англии, и конвоированьи ТР в гор. Архангельск и обратно в Кольский залив, рейд Ваенга, им пройдено на борту гвардейского э/м «Гремящий» С. Ф. 1135,6 миль.

Пом. командира
гвардейского э/м «Гремящий» С. Ф.
капитан-лейтенант Гаврилов

Штурманские справки, выцветшие командировочные предписания, продаттестаты, выправляемые в хозчасти редакции и сдаваемые на камбузы все новых кораблей и частей... Жизнь сотрудника газеты Действующего флота: торопливая диктовка в машинном бюро («во что бы то ни стало сдать в очередной номер!»), дежурства в ночной, затемненной типографии, когда громоздятся перед тобой исчерченные корректорами лоскуты гранок, а краснофлотец-метранпаж терпеливо ждет со сверстанной полосой в руках. Из этой полосы нужно срочно выбросить два-три не умещающихся в ней абзаца или, наоборот, тут же дописать десять очерковых строк — заполнить зияющий рядом с фотоснимком белый квадратик.

Необходимость освоить все газетные жанры (боевое задание редактора — он же командир воинской части!) от передовицы до краткой репортерской заметки, от литературной «зарисовки» до хлесткого «текста» под политической карикатурой. А потом опять — поспешные сборы в дорогу, приход на корабль или в землянку, где подчас замечаешь сперва чуть недоуменные, а может быть, и насмешливые взгляды («что нужно этому очкастому в офицерской шинели, но отнюдь не с офицерской выправкой?»). И как отрадно, добравшись сюда вторично, встретить дружеские рукопожатия и приветы, понять, что опубликованный тобой материал оказался интересным и нужным, что ты не зря отнимал время отдыха у этих измотанных боевыми вахтами героев и читателей твоих корреспонденций!

2

Редакционная почта приносила массу стихотворений — с кораблей, из «кубриков» переднего края, с дальних морских постов, отрезанных от нас грядами сопок и бурной океанской водой. Сотрудник «Отдела писем» аккуратно расправлял сложенные треугольниками, покрытые тесными столбиками неразборчивых строк листки, сложив их стопкой, нес в редакторский кабинет.

Печатать эти стихотворные письма в их первоначальном виде, как правило, было невозможно — среди спотыкающихся ритмов, неточных, беспомощных рифм терялась оригинальная, подчас, образность, большое чувство фронтовиков-североморцев не находило соответствующего художественного выражения.

Александр Васильевич Плеско, в 1942 г. ставший редактором «Краснофлотца», сказал мне перед одной из редакционных «летучек»:

— Ты поэт, писатель. Помоги матросам выразить чувства стихами.— Он придвинул ко мне пачку измятых, исписанных карандашом и чернилами листков.— Видишь, сколько их только в последней почте — и в каждом душа человека. Посмотри и реши — что́ можно выправить и взять на вооружение!

Без особого энтузиазма смотрел я на неразборчивые строки. А. В. Плеско (еще в 1922 г. окончили мы с ним Московский институт журналистики, а потом расстались на долгие годы, чтобы неожиданно встретиться на Северном флоте, в годы войны) сказал, поглаживая широкую русую бороду, усмехаясь своей обычной, немного язвительной, улыбкой.

В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «КРАСНОФЛОТЕЦ»

Слева направо: стоят — А. М. Брагин (зав. редакцией), Н. Н. Панов (поэт), В. К. Ковалев (нач. отдела информации), И. И. Миткалев (нач. издательства), Н. Г. Флеров (поэт), А. А. Петров (спец. корреспондент); сидят — Н. И. Цейтлин (художник), А. В. Плеско (отв. редактор), А. С. Коломийцев (нач. боевого отдела), П. В. Синцов (нач. отдела пропаганды), И. Д. Сахновский (отв. секретарь), П. М. Григорьев (спец. корреспондент)

Фотография Е. А. Халдея. Северный флот, г. Полярное, лето 1942 г.

Литературный музей, Москва

— Иди, иди, работай. Товарищ капитан, рассматривайте это как боевое задание! — На место врученных мне писем он положил еще влажный оттиск полосы завтрашнего номера «Краснофлотца», подчеркивая этим завершение разговора.— Сегодня подпишу приказ о назначении вас начальником литературного отдела — и чтобы у Сахновского всегда были в загоне два-три стишка матросов и старшин!

Приказ есть приказ! На столе у Сахновского — немногословного, великолепно работавшего, чуть иронического ответственного секретаря газеты — всегда с той поры лежали готовые к набору стихи.

Разумеется, дело было не только в приказе. Меня увлекла творческая задача — помочь начинающим авторам с боевых кораблей, из подразделений морской пехоты дать выход в печатном слове обуревавшим их поэтическим настроениям.

Вот, например, с какой припиской пришло к нам, в ноябре 1942 г., одно из опубликованных после соответствующего «дотягивания» стихотворений:

«Я — рядовой краснофлотец Северного флота А. Юрьев, в прошлом рыбак, помор с побережья Белого моря. Перед выполнением боевого приказа командованья задумал я написать моим детям письмо в стихах. Но я раньше никогда стихов не писал и не сочинял. И товарищи мне посоветовали направить их в вашу редакцию для обработки. Вот была бы для меня радость, если бы вы напечатали их в газете и я смог бы послать детям вырезку!»

Если перелистать комплекты «Краснофлотца» за военные годы, можно прочесть десятки и сотни поэтических выступлений людей, большинство из которых так и остались «авторами одного стихотворения». Но вместе с тем встают со страниц газеты писательские имена, широко известные и за пределами Заполярья.

Периодически печатались в «Краснофлотце» Василий Лебедев-Кумач, Александр Жаров, Юрий Герман, Александр Марьямов, Борис Яглинг, Макс Зингер. Почти с первых месяцев войны работал в штате редакции Николай Флеров, поэтический путь которого начался еще на Балтике, в довоенные годы.

Много времени проводил Флеров на боевых кораблях. Как забыть мимолетную нашу встречу посреди туманного, ветреного Иокангского рейда! С борта «Гремящего», шедшего из Белого в Баренцово море, я увидел на мостике лидера «Баку» моего соратника по «Краснофлотцу». В карманах наших кителей лежали «командировочные предписания» газеты. «Баку» уходил для рандеву с океанским конвоем.

Борис Лавренев приехал на Северный флот — собирать материал для новой, задуманной им пьесы — и сразу же зашел в редакцию «Краснофлотца». На очередной «литературной среде» (такие «среды» одно время систематически проводились в кабинете редактора нашей газеты) он прочел первый вариант пьесы о севастопольцах «И клятву верности сдержали». А немного спустя я встретил Бориса Андреевича на верхней палубе базы торпедных катеров и катеров-охотников «Ветер». На этом корабле писатель создавал очерки о боевых подвигах североморцев. Приятно было написать впоследствии на авторском экземпляре «Боцмана с „Тумана“», подаренном автору прославленного «Разлома»:

Поскольку в лаврах Лавренева
Матросской славы отблеск есть,
Здесь многое для вас не ново:
Морской язык, морская честь.
Пусть вам напомнят главы эти
Полярный ледяной причал,
Гостеприимный, старый «Ветер»,
Где я вас некогда встречал.

Поэт Александр Ойслендер приехал в Полярное еще в довоенные дни и с первых же мгновений боев стал давать на страницы газеты публицистические стихи, песни, броские стихотворные лозунги. Его перу принадлежат почти афористические двустишия, ставшие знаменитыми на Северном флоте: «Храня родные берега, по-космачевски бей врага!» и «Удел врага всегда плачевный, когда стреляет Поночевный». Ойслендер вновь и вновь приносил в редакцию лирические стихи, вошедшие впоследствии в книги поэта, и в то же время обдумывал стихотворные «шапки» для «Краснофлотца». Наравне с другими поэтами Северного флота он делал стихотворные подписи к плакатам «Окна „Полярной Правды“», которые печатались в разрушаемом непрерывными бомбежками Мурманске.

Работал в штате нашей газетной типографии застенчивый, тихий морячок, подводник и морской пехотинец Дмитрий Ковалев. Первое же стихотворение, предложенное им в печать, покорило нас лирической силой, своеобразным выражением поэтической мысли. И сейчас, встречаясь в Москве с поэтом Ковалевым, опубликовавшим уже не один сборник стихов, всегда вспоминаю я его лирику тех суровых фронтовых лет.

Недавно прочел я книгу новелл Николая Котыша «Полярные зори», опубликованную одним из центральных издательств. Первое произведение Н. Котыша — талантливая баллада — было прислано нам в те военные дни с базы морских летчиков флота.

Как-то среди переданной мне поэтической почты обнаружил я конверт-

треугольник, пришедший из подразделенья морской пехоты с полуострова Рыбачий. Так попала к нам ставшая впоследствии широко известной песня Николая Букина «Прощайте, скалистые горы». Тогда, летом 1942 г., еще рано было прощаться со скалистыми горами нашего полярного фронта. Поэтому, сдавая стихотворение в набор, мы вынесли в заголовок строчку: «Я знаю, не жить мне без моря»... С тех пор Николай Букин прочно вошел в авторский актив североморской газеты...

Однажды, сидя в кубрике эскадренного миноносца «Разумный», только что пришедшего на Север с Тихого океана, я услыхал от матросов, что на корабле есть собственный начинающий поэт, радист Микрюков. Врученная мне Микрюковым изрядно потертая, в потрескавшемся клеенчатом переплете «общая тетрадь» оказалась своего рода стихотворным дневником, лирическими записями о пережитом и прочувствованном во время океанских плаваний. Имя моряка-дальневосточника появилось в поэтическом разделе нашей флотской газеты. И радостно было встретить в 1959 г. на Пленуме Союза писателей в Ленинграде майора Михаила Микрюкова, известного на Балтике поэта, подготовившего к печати новый сборник стихов.

А сколько молодых дарований, лирических свежих голосов, прозвучавших в военные дни, так и не смогли развиться в дальнейшем! Вспоминаю: краснофлотца-артиллериста Ивана Ручия, автора превосходных лирических стихов, штурмана с «Гремящего» Емельяна Иващенко, зенитчика с дальнего морского поста Петра Одинокова, разведчиков с полуострова Рыбачий Анатолия Кремнева и Ивана Бородина... От Ивана Ручия, которого часто печатал «Краснофлотец», я получил последнюю весточку — торопливым почерком написанную открытку — из-под Сталинграда, куда поэт ушел с отрядом морской пехоты... Последнее письмо Одинокова пришло ко мне после Дня Победы — одаренный поэт все еще служил в Заполярье. Не мне одному запомнилось небольшое его стихотворение, опубликованное на страницах «Краснофлотца» в труднейшие военные дни:

Где и как рождалась песня,
Я не знаю, не слыхал.
Может, в высях поднебесья,
Может, здесь — у серых скал.
Или, может быть, в походе,
В штыковом, лихом бою —
Только знаю, что в народе,
В дорогом моем краю.
Только знаю — сила духа,
Злая ненависть к врагам,
Родила такого друга
И послала в помощь нам.

Изредка появлялся в редакции «Краснофлотца» шумливый, длинноногий Ярослав Родионов, поэт-песенник, числившийся в штате Ансамбля песни и пляски Северного флота. Неустанно, с большим успехом, ансамбль выступал на североморских боевых кораблях, перед бойцами морской пехоты, перед иностранными моряками приходивших через океан караванов. Стихи Родионова, музыку к которым создавали флотские композиторы Евгений Жарковский и Борис Терентьев, не часто появлялись на страницах нашей газеты. Но когда мы узнали однажды, что поэт погиб при налете вражеской авиации, смерть эта была воспринята, как гибель близкого друга.

Так же трудно было примириться с мыслью о гибели Александра Мацевича, веселого, талантливого очеркиста газеты «Красный флот». Мацевич ходил в Баренцово море на подводных лодках и не вернулся из одного боевого похода...

3

«Ежедневная краснофлотская газета должна была быть в эту лихую пору особенно доходчивой и яркой, чтобы ее слово поднимало у моряков священные чувства любви к своей Родине, преданности партии, ненависти к врагу. На живых, убедительных примерах следовало воспитывать у бойцов храбрость, стойкость, мужество, отвагу»,— вспоминает один из редакторов «Краснофлотца» в военные годы — А. А. Дивавин.

Таких живых, убедительных примеров было более чем достаточно в боевой жизни Северного флота. И писатели, служившие в «Краснофлотце», наравне со своими соратниками и друзьями — флотскими журналистами — все силы и способности отдавали тому, чтобы отразить на страницах матросской газеты легендарную героику тех дней. О подвигах подводников-североморцев писали, главным образом, Борис Яглинг, Александр Марьямов, Алексей Петров. О бойцах морской пехоты — ветеран «Краснофлотца», журналист и поэт Андрей Петров, Петр Синцов, Александр Марьямов. О летчиках — Юрий Герман, Павел Григорьев, Илья Самойлов (Фейнберг), ставший, кстати сказать, в послевоенные годы одним из видных пушкинистов...

В конце лета 1941 г. весь флот был взволнован полным самоотверженной героики боем североморского сторожевого корабля «Туман» с тремя эсминцами фашистов. В газетах появились тогда лишь скудные, хроникальные сообщения об этом бое. Более красочно и подробно впервые описал этот подвиг, по горячим следам событий, писатель Павел Барто на страницах литературного сборника «Слава бесстрашных», издававшегося в Полярном силами сотрудников «Краснофлотца», с гравюрами на линолеуме художников В. Бибикова, А. Кольцова и А. Меркулова.

Бой этот поразил мое воображение. Я попросил редактора газеты дать мне возможность разыскать оставшихся в живых моряков с «Тумана», чтобы собрать материал для повести, задуманной мной.

Это было нелегкой задачей. В Заполярье шли тяжелые бои, спасшиеся с «Тумана» краснофлотцы — их было около сорока человек — уже служили на других кораблях, а некоторые ушли в морскую пехоту.

Мне дали командировку на борт базы катерников — теплохода «Ветер» (в «Боцмане с „Тумана“» получившего название «Вихрь»).

Там, в отдаленной, окруженной отвесными скалами бухте, встретил я рулевого Семенова — одного из героев подвига «Тумана». Только что вернувшийся с успешной боевой операции, как-то особенно взволнованно и страстно рассказал мне Семенов о перипетиях неравного боя с немецкими кораблями.

В Полярном мне довелось сдружиться с рыбаком-разведчиком Степаном Мотовилиным, слава о бесстрашных походах которого в гитлеровские тылы уже распространялась на флоте. И снова командировка — к морским пехотинцам, на Рыбачий и Средний. Я жил в землянках разведчиков Юневича и Грачева, в результате этой поездки написал серию очерков, печатавшихся в «Краснофлотце» под характерным для того времени заглавием: «Берег недорезанных фрицев».

В занесенных снегами землянках, среди ребристых базальтовых скал, удалось мне разговориться еще с несколькими участниками подвига «Тумана». Слово за словом записывал я их простые, задушевные рассказы Я наблюдал боевую работу этих людей и отчетливей вырисовывались в воображении образы будущей книги: боцмана-следопыта Сергея Агеева, смелого и прямодушного старшего лейтенанта Медведева, веселого, легкомысленного сигнальщика Фролова. Первоначальный вариант «Боцмана с „Тумана“» — повесть «Мститель с „Тумана“» — печатался в «Краснофлотце» «из номера в номер» летом 1943 г.

Жизнь редакции «Краснофлотца», типы военных журналистов тех далеких, романтических дней попытался я описать на страницах «Повести о двух кораблях» — первой книги романа «Колокола громкого боя». Редактор флотской газеты — собирательный образ редакторов «Краснофлотца», с которыми довелось мне работать. Суровый и душевный майор, к которому после возвращения с моря приходит Калугин,— почти точная копия, как мне кажется, А. С. Коломийцева, бессменного начальника боевого отдела «Краснофлотца».

«Маленький, быстрый, вечно улыбающийся, отчаянно-храбрый» редакционный фотограф Венчук — это, конечно, Николай Федорович Веринчук, хорошо известный читателям военных газет и журналов. Он был сотрудником центральной газеты «Красный флот», но регулярно давал фотоснимки и в нашу газету. Его можно было встретить то на аэродромах, то на базе подводных лодок, то на палубе того или другого уходящего в море корабля. Потом Веринчук уединялся в лаборатории нижнего этажа нашего деревянного, поскрипывавшего от старости дома — и на газетных полосах появлялись выразительные снимки, как бы еще пахнущие штормовым ветром, порохом артиллерийских боев.

Другой персонаж «Повести о двух кораблях» — Леонид Кисин. В этом образе сплавились, как кажется мне, черты многих журналистов, писателей-фронтовиков, с которыми я встречался в военные годы. Вспоминаю всегда подтянутого, сдержанного Андрея Петрова, участвовавшего в десантной операции североморцев. Он вернулся из похода как всегда внешне невозмутимый, чтобы сразу засесть в партийном отделе газеты за обработку материала о подвигах политработников морской пехоты.

Вспоминаю нервного, подвижного Николая Михайловского, приехавшего на Север в качестве корреспондента одной из центральных газет, улыбавшегося всем сквозь толстые стекла съезжавших с носа очков. Он участвовал в обороне Таллина и Ленинграда, тонул на Балтике, был участником многих трагедийных событий... Встают в памяти: Борис Яглинг, всегда носивший с собой в туго набитой кожаной полевой сумке стопку фронтовых дневников, хрупкий, болезненный с виду Владимир Рудный, умудрявшийся добираться до самых отдаленных морских постов, давая оперативные очерки, накапливая материал для будущих книг. Вспоминаю Г. Новогрудского, Е. Саблина, Г. Бутикова, А. Брагина, А. Дунаевского, А. Журавлева, деливших с нами все радости и трудности газетной работы.

Для всех нас,— и числившихся во время войны в кадрах Северного флота и приезжавших в Заполярье с «Большой земли» на более или менее длительный срок,— редакция «Краснофлотца» была своего рода творческим центром, штабом флотских художественных сил. Сюда, как в родной дом, приходили иллюстраторы наших произведений, авторы броских плакатов и остроумных сатирических рисунков — Н. Цейтлин и А. Кольцов. Без творческого труда художников Северного флота, так же как без отличных снимков Н. Веринчука, С. Шиманского, Е. Халдея и других фотокорреспондентов не обходился ни один номер североморской газеты.

Неоднократно навещая Заполярье в послевоенные годы, в первый же день приезда переступал я порог редакции, в коллективе которой встречал все меньше писателей и журналистов, работавших здесь в военные годы. Но каждый раз охватывало меня волнующее чувство, что переступаю комингс старого нашего боевого корабля «Краснофлотец», на борту которого сражались мы оружием слова, стремясь любой номер газеты сделать снарядом, нацеленным в лагерь врага.

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

НА ЧЕТЫРЕХ ЯЗЫКАХ...

О ГАЗЕТЕ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФРОНТА «ВПЕРЕД К ПОБЕДЕ»

Газета Северо-Кавказского фронта «Вперед к победе» выходила на четырех языках: на русском, азербайджанском, армянском и грузинском. Литературный отдел газеты был очень обширен. В него входил целый ряд поэтов, писателей и критиков России, Украины и Кавказа. Назову Атарова, Лосева, Колосова, Овечкина, Лиходеева, Скляренко, Фейгина, Расула Рза, Джафарова, Оганесяна, Маргиани, Эффенди Капиева и др. Постоянным сотрудником газеты был корреспондент «Красной звезды» П. Павленко, который дневал и ночевал у нас целыми неделями. Приезжали к нам и гости: Наири Зарьян, Лордкипанидзе, Мдивани, Чиковани. Они навещали Армянскую и Грузинскую дивизии, но, конечно, посещали редакцию и нередко выступали вместе с нами перед солдатами фронта.

Жили мы все очень дружно. Многие знали друг друга задолго до войны, а совместный быт на фронте особенно сближает. Люди на передовой и вообще в районе боя становятся просветленнее. Они как бы очищаются огнем. Делить нам было нечего — все помыслы были направлены к одной цели: уничтожить фашизм.

Характер нашей работы сводился к следующему: одна группа уходила на передовую линию, другая делала газету, снабжая ее материалами, добытыми накануне. Когда возвращалась первая, на передовую шла вторая, а газету делала первая. Группы эти не были постоянными по своему составу. Не все успевали вовремя «отбомбиться» статьями, очерками, стихами. Иногда кто-нибудь задерживался на передовой. Так, Марк Колосов провел на полуострове Мысхако около месяца, так как местность эта находилась под таким напряженным обстрелом, что невозможно было вернуться на «Большую землю» по собственному желанию. Иногда мы сами ездили в гости по своим подразделениям. Я, например, облюбовал 72 Кубанскую казачью дивизию, где очень подружился с генералом Василием Ивановичем Книгой, легендарным комбригом Первой Конной. Другой излюбленной мною дивизией была Грузинская. Там еще до подъема раздавалась дробь барабанщика, и солдаты чуть ли не в темноте танцевали лезгинку. Овечкин нередко навещал 91 Казачий полк. Были свои полки у Скляренко и Атарова.

Мне кажется, такая система вполне себя оправдала: писатели не только участвовали с бойцами в сражениях, но и заранее изучали свои как бы подшефные части и хорошо знали их сильные и слабые стороны. Это позволило им легко ориентироваться в боевой обстановке и не спрашивать кого бы то ни было — что происходит? А происходили иногда удивительные вещи.

И. Л. СЕЛЬВИНСКИЙ

Рисунок В. П. Высоцкого, художника газеты «Вперед за Родину!» (тушь, перо).

Северо-Кавказский фронт. Хутор «Красный партизан», 10 ноября 1943 г.

Собрание И. Л. Сельвинского, Москва

Самой необстрелянной была дивизия Азербайджана. Когда у нее кого-нибудь выбивало из строя, солдаты кучей сбегались вокруг павшего и, не обращая внимания на канонаду, начинали причитать и рыдать над собратом, как дома у тела покойника. Было в этой наивности что-то глубоко человечное, но абсолютно немыслимое в условиях боя. Прошло немало времени, прежде чем удалось вырастить в азербайджанцах военную косточку. Поэтому, когда боец Бахтияр перегрыз горло врагу в рукопашной схватке, Расул Рза, один из самых гуманных наших поэтов, воспел его в звучных строфах. Эти стихи стали известны в Баку. Цитаты из них появились не только в газетах, но и на папиросных коробках. Бахтияр стал национальным героем Азербайджана.

Говоря о гостях, приезжавших к нам и работавших в нашей газете, я забыл сказать еще об одной разновидности сотрудников. Однажды Расул Рза принес мне переведенные на русский стихи, подписанные именем «Нигяр». Стихи мне понравились.

— Это из Баку,— сказал Расул.

— Ты знаешь этого Нигяра?

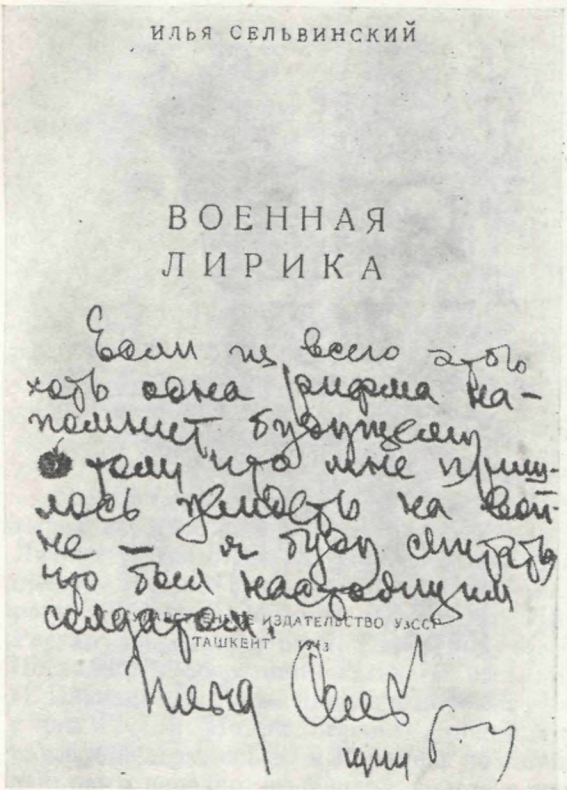
— Не этого, а эту: Нигяр — женщина.

— Как она котируется в Азербайджане?

— Ничего. Говорят, способная.

Стихи мы напечатали. Много позже я узнал, что Нигяр — супруга Расула. Как ему было радостно видеть почерк жены в своей боевой газете! Расулу казалось, что Нигяр воюет рядом с ним. Он чувствовал ее плечо. Не каждому на фронте выпадает такое счастье...

Иногда на деревню, где стояла редакция, налетали самолеты, бомбили ее, стреляли в нас на бреющем полете. Особенно мучили «фокке-вульфы», которые проносились над самыми головами. Но стреляли фашисты плохо.



«ВОЕННАЯ ЛИРИКА»
Сборник военных стихов И. Л. Сельвинского. Ташкент, Госиздат УзССР, 1943
Титульный лист с автографической надписью Сельвинского, 1944
Литературный музей, Москва

Больших потерь у нас не было. Вообще, нам в этом отношении везло. Из того списка писателей, который я привел вначале, погиб один Лосев. Вот как это случилось.

Севастополь был блокирован с моря и суши, так как весь Крым находился в тот период в руках Гитлера. Севастопольская трагедия развертывалась все стремительнее. Несмотря на высокую доблесть не только бойцов, но и всего населения, стало ясно, что удержать город невозможно. Шел девятый месяц осады, и финал ожидался со дня на день.

Наша редакция находилась в это время на Кубани.

Однажды явился ко мне Лосев и совершенно официально попросил разрешения лететь в Севастополь. Я знал, что у Лосева трое детей и не хотел рисковать его жизнью тем более, что в этом сейчас не было никакого смысла.

— Вы умеете плавать? — спросил я Лосева.

— Нет. Но какое это имеет значение?

— Если не умеете плавать, я разрешения не дам.

Лосев пошел жаловаться на меня редактору газеты полковнику Березину. Полковник не счел возможным отменить мой отказ. Но как только я ушел на передовую, Лосев снова атаковал редактора, и тот согласился на вылет его в Севастополь.

Лосев был очень отважен. Когда ему доводилось бывать на передовой, он обязательно участвовал в боях. Однажды он привез с фронта справку о том, что в качестве пулеметчика настрелял столько-то фашистов. Редактор кричал на него, так как мог лишиться хорошего литератора, но Лосев, подмигивая, шептал: «Дай боже почаще таких разносов».

В Севастополе произошло вот что. Когда город стал срочно эвакуироваться, группе журналистов, в которую входил Лосев, дали катер. Он должен был подойти к миноносцу и высадить на его борт своих пассажиров. По дороге в катер ударила мина. Он начал тонуть. Журналисты бросились в воду и поплыли к миноносцу. Как рассказывали впоследствии очевидцы, Лосев бегал по катеру и кричал:

— Я не умею плавать! Я не умею плавать!

С какой тоской он вспоминал, вероятно, разговор со мной на Кубани...

Газета прекратила свое существование в районе Тайгуч после прорыва Манштейном нашей 44 дивизии. Редакция с ходу превратилась в воинскую часть. Командиром стал редактор, комиссаром назначили меня.

На «Большой земле» газета влилась в Приморскую армию и получила название — «Боевая Крымская». Ей суждено было принять участие в полном очищении Крыма от германских фашистов.

В. Б. ФАРБЕРОВ

ТВОРЧЕСКИЙ ОТЧЕТ В РЕДАКЦИИ АРМЕЙСКОЙ ГАЗЕТЫ

Боевая страда требует от воина исключительного напряжения и выносливости. Советские солдаты и офицеры совершали длительные марши, ночью и днем вели ожесточенные бои с врагом, отстаивали каждую пядь родной земли. И после горячего боя в минуты затишья хотелось прочесть не только сводку Совинформбюро, интересную статью, но хороший рассказ, очерк, стихи, посмеяться.

Деревня Свинорой Ленинградской области. Недалеко от нее, в лесу, в августе 1941 г. расположилась редакция газеты 11 армии «Знамя Советов». Здесь было проведено первое совещание сотрудников — о юмористических жанрах в газете. Было много высказываний, но остановились на предложении поэта Аркадия Кулешова — завести в газете отдел, в котором освещались бы боевые дела одного воина. Материал должен быть живой, интересный, зовущий подражать герою.

Предложение было одобрено. Первое, что необходимо было,— придумать имя и фамилию героя. Десятки предложений были внесены сотрудниками редакции. Предлагали назвать: Андрей Сокольский, Усман Муханбетов и т. д. После долгих раздумий был принят вариант заголовка, предложенный Кулешовым: «Рассказ о том, как бьет врагов на фронте Алексей Петров».

Первый стихотворный фельетон появился в газете 9 сентября 1941 г.

Обстановка на фронте была тогда очень тяжелая. Немецкая танковая колонна прорвалась из района Демянска и заняла районный центр Лычково, полуокружив 11 армию. Но все же газета попала на передовые позиции, и отзывы об «Алексее», которые привезли сотрудники редакции, были самые благоприятные. Бойцы увидели в Петрове смельчака, мастера своего дела и просили редакцию быстрее сообщить о дальнейших похождениях героя. Через несколько дней они получили очередной фельетон «На ловца и зверь бежит» — о том, как Петров взял в плен немецкого мотоциклиста.

Стихотворных фельетонов об Алексее Петрове было помещено около 80. Половина из них принадлежит перу Аркадия Кулешова, остальные — работавшему в редакции писателю Игорю Чекину.

Петров пользовался у бойцов и командиров большой популярностью. Если воин отличался в бою, товарищи ему говорили:

— Молодец, действовал как Петров!

В любом подразделении можно было слышать, как бойцы, кого-нибудь хваля, повторяли поговорку Петрова — «дело надо понимать».

Однажды, когда после ожесточенного боя Петров пропал без вести и целую неделю газета ничего не писала о нем, я получил от лейтенанта Андросова письмо:

В РАЗОРЕННОЙ ДЕРЕВНЕ
Рисунок Н. М. Аввакумова (карандаш, перо), 1943
Собрание Е. С. Юнги, Москва

«Дорогой товарищ редактор! Нас, бойцов и офицеров подразделения, очень волнует судьба Алексея Петрова. По-видимому, он попал в беду. Как видно из помещенного в газете материала, место боя очень схоже с нашим участком фронта. Бойцы просят меня послать их на выручку Петрова. Будьте добры, сообщите точно место, где пропал Алексей Петров, и мы ему окажем помощь».

Большой успех у воинов имел и сатирический отдел газеты. При составлении плана номера, посвященного 24 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, у некоторых сотрудников редакции появилась мысль дать на четвертой полосе пародию на фашистскую газету. Думали-гадали и решили по предложению заместителя редактора газеты Юрия Королькова назвать этот сатирический уголок «Вралишер тарабахтер», пародируя заголовок гитлеровской газеты «Фёлькишер Беобахтер». Редакция ставила себе целью средствами сатиры разоблачить фашистское вранье о положении на фронте, показать неустойчивость гитлеровского тыла, изоляцию Германии.

Появление газеты с этим материалом произвело сильное впечатление на бойцов. Они от всего сердца смеялись над фашистскими вояками. Редакция получила десятки писем, в которых читатели просили почаще печатать «Вралишер тарабахтер».

Вот одна из многочисленных юморесок из этой газеты, сочиненная при участии Аркадия Кулешова.

«Всем нейтральным правительствам. Копия царьку и императору племени „Ням-ням", Центральная Африка.

НОТА

Неслыханные в истории войн методы русских и их агентов из Коминтерна заставляют нас воевать в невыгодных и неравных условиях.

Первый факт.

„Как так?"

Всему миру известно, что фюрер решил закончить войну в теплое время года. Но, вопреки этому, русские злоумышленно затянули войну на зиму. Больше того — сами оделись в валенки и полушубки, а нас заставляют воевать в чем мама родила. Этот голый факт не требует дальнейших объяснений.

Второй факт.

„Ни к селу, ни к городу"

Как известно, у русских много населенных пунктов, но они застав-

ляют нас мерзнуть и в последнее время не пускают нас ни к селу, ни к городу.

И, наконец, последний факт.

„И остатки не сладки"

Нами уже неоднократно было заявлено всему миру, что русские армии разбиты и их остатки рассеяны. Вопреки международному правилу, остатки продолжают воевать.

Примите между прочим

Министр фон Рыб-Антроп»

Юморески, пародии, шутки, куплеты из «Вралишер тарабахтера» широко использовались красноармейской самодеятельностью. Нередко в землянках и блиндажах на передовых позициях можно было видеть вырезки из этой газеты.

...Лютая зима 1941/42 г. Немцы, зарывшись в блиндажах и окопах, не проявляют особой активности. Поражение под Москвой и сильные русские морозы сбили спесь «непобедимой» фашистской армии. Только изредка, для успокоения расшалившихся нервов, они открывают артиллерийский и пулеметный огонь да ночью фейерверком разноцветных ракет ярко освещают передний край обороны.

Но наши воины не дают им покоя. Ночью и днем боевыми действиями они прощупывают прочность обороны гитлеровцев, готовясь к наступлению. Особую активность проявляют наши снайперы. На личном счету многих из них уже числились десятки уничтоженных оккупантов. Кулешов посвящает им свои стихотворения, зовет всех воинов следовать их примеру.

В эту пору, в один из студеных вечеров в самом просторном помещении редакции собрались сотрудники газеты на творческий отчет Кулешова. Сюда же пришли и некоторые офицеры штаба и выздоравливающие раненые бойцы из расположенного в деревне медсанбата. Вскоре помещение было заполнено до отказа. В воздухе висел плотный слой табачного дыма. Кто-то не выдержал и крикнул:

— Не дымите так, черти, а то из-за вас виновника торжества скоро не видно будет!

А он, Аркадий Александрович, сидел за непокрытым, плохо сколоченным сосновым столом и внимательно наблюдал за собравшимися. Издали глядя на него, можно было подумать, что поэт спокоен. Но мне, сидевшему рядом с ним, по румянцу, выступившему на его обычно бледном лице, и по крепко переплетенным пальцам рук, лежавших на коленях, видно было, что он волнуется.

Наконец, расселись и, после проветривания помещения от табачного дыма, начался вечер.

С обзором творчества Кулешова выступил Игорь Чекин. Он рассказал о большой и многогранной работе поэта, говорил о популярности, которой пользуются стихи Аркадия Александровича у воинов.

Затем слово взял заместитель редактора — батальонный комиссар Юрий Корольков, за ним непосредственный начальник Кулешова — начальник отдела армейской жизни, старший политрук Николай Шванков, его заместитель — старший политрук Михаил Строков, начальник отдела пропаганды газеты, батальонный комиссар Евгений Поповкин, художник редакции Цфаня Кипнис, литературные сотрудники — политрук Евгений Петров, капитан Борис Толчинский, старший политрук Максим Нечетов, автор этих строк и др. Все они говорили, что поэзия Кулешова — это поэзия глубоких мыслей и высоких патриотических чувств, что своим творчеством Аркадий Александрович вдохновляет защитников Отечества на разгром фашистских полчищ.

Много хороших и теплых слов о своем творчестве выслушал поэт в этот вечер. Но, пожалуй, самым весомым и приятным для него было выступление раненого солдата. Высокого роста, немолодой, он сидел у окна и внимательно слушал, держа костыли между ногами. Несколько раз он пытался скрутить «козью ножку», но, взглянув на поэта, оставлял начатое, пряча бумагу и табак в расшитый кисет. Когда обсуждение уже близилось к концу, он, опираясь на костыли, поднялся и попросил слово. Простуженным голосом, окая, он сказал:

— Спасибо вам, товарищ поэт, за стихи. Они у вас душевные и поддерживают солдата в тяжелые минуты жизни. А вот эти, — сказал он, расстегивая полушубок и вытаскивая из кармана гимнастерки аккуратно сложенную вырезку из газеты, — жгут сердце и не дают покоя.

Расправив вырезку и откашлявшись, он начал читать заключительные строфы стихотворения Кулешова «Приговор отца»:

... Убийцы на дорогу налетели,
Боец в кювете спрятал малыша.
Мать плакала. Вокруг дрожали ели,
Летели бомбы, воя и визжа.
Свой дом боец покинул по тревоге,
С женой ребят оставив семерых,
И этот мальчик, встреченный в дороге,
Ему напомнил одного из них.
В отцовском сердце стоном отзывалось
Биенье детских горестных сердец,
И этот мальчик, как ему казалось,
Взывал безмолвно: «Отомсти, отец!»
Бойца в атаку месть вела святая,
И был землистым цвет его лица,
Когда свой штык вонзал он, исполняя
Над палачами приговор отца.

Бережно сложив кусок газеты и спрятав его в карман, раненый продолжал:

— Верите, во сне мне снится этот мальчик, вытянув ручки он зовет: «Отомсти, отец!» — и, погладив большой рукой голову, сказал: — Не мне одному, наверное, снится он, и мы обязательно отомстим и за него и за невинную кровь всех погибших от рук этих тиранов и палачей. Пишите, товарищ поэт, побольше и почаще. Ваши стихи очень нужны солдатам.

Кончив говорить, он тяжело опустился на скамью и опять полез в карман за кисетом, но и на сей раз воздержался от соблазна.

Немногословным было выступление Кулешова. Волнуясь, он поблагодарил присутствующих за внимание и за добрые слова о его творчестве. Чтением подготовленного к печати стихотворения «Мельник» под аплодисменты закончил он выступление.

Закрывая вечер, я крепко пожал руку Кулешову, от лица службы объявил ему благодарность и пожелал, чтобы он и впредь радовал воинов своими замечательными произведениями.

Творческий отчет Кулешова прошел интересно. Было много шуток, эпиграмм и дружеских шаржей как на поэта, так и на участников обсуждения. Прислал, конечно, «телеграмму» и созданный поэтом литературный герой Алексей Петров. Он благодарил поэта за то, что тот научил его «дело понимать», немцев бить сноровисто и умело и просил чаще сообщать о его боевых делах в газете.

На вечере все было так, как обычно на таких встречах бывает в мирной обстановке. Только близкая артиллерийская дуэль, маскировка на окнах, военная форма и перевязки на головах, руках и ногах многих участников встречи говорили о том, что обсуждение творчества поэта происходит не в глубоком тылу, а недалеко от передовых позиций.

ПАВЕЛ ЖЕЛЕЗНОВ

ГОРЖУСЬ, ЧТО В СОРОК ПЕРВОМ БЫЛ СОЛДАТОМ

Воевать против Гитлера я начал в первый, тысячи раз описанный, день Отечественной войны. Вечером этого дня меня вызвали в Радиокомитет. Там в комнате с затемненными впервые окнами, в обстановке уже чем-то приближающейся к фронтовой, написал стихи «Назад», которые утром 23 июня прочел у микрофона. Эти стихи были напечатаны в газете «Труд» и вошли в первый военный сборник Гослитиздата. Потом 10 дней подряд выступал на вокзалах, на призывных пунктах, в райвоенкоматах; читал тут же написанные миниатюры такого рода:

ПРОВОДЫ

На войну уезжал
комсомолец Ваня,
привезти обещал
Гитлера в кармане.
Говорила в ответ
старая маманя:
— Не носи ты, мой свет,
всяку дрянь в кармане!

КОНЬ И РАК

До зубов вооруженный,
ноги раскоряча,
Гитлер на Наполеона
пялит глазки рачьи.
Очень хочется бандиту
угодить в герои.
Говорят: «Где конь с копытом,
Там и рак с клешнею...»
Но напрасны все порывы
этой низкой твари.
Конь побит был в хвост и в гриву.
Рака... в миске сварим!

В райвоенкомате, куда я обратился 23 июня, мне — белобилетнику, снятому в середине 30-х годов по болезни (язва желудка) с военного учета,— велели подождать, сказали: «Пока хватает здоровых». Но через 10 дней удалось стать добровольцем-красноармейцем 8 Краснопресненской дивизии народного ополчения. Вскоре шагал на фронт с винтовкой на плече, с полной красноармейской выкладкой. Вместе с другими писателями-ополченцами — Ефимом Зозулей, Иваном Молчановым, Сергеем Островым — выпускал полковую стенгазету и боевые листки.

П. И. ЖЕЛЕЗНОВ

Фотография. Западный фронт, февраль 1942 г.

Собрание П. И. Железнова, Москва

Осенью 41-го года был послан Политуправлением Западного фронта в газету 10 армии «За Советскую Родину» (редактор И. Лещинер), для прохождения стажа литсотрудника в звании красноармейца. Писал стихи, статьи, организовывал материал в частях на передовой. Одновременно нес красноармейскую службу: по ночам стоял с винтовкой на посту, в карауле. 8 ноября, стоя на посту, придумал бывалого старика Деда-Всеведа, беседующего с нашими бойцами. Беседу написал в форме раешника. В редакции раешник сначала встретили «в штыки». Говорили, что это устаревший жанр, что нигде раешников не печатают, а мы вдруг напечатаем, и т. п. В конце концов я все же уговорил редактора. «Первая беседа Деда-Всеведа» появилась в газете, понравилась читателям и начальству. Вторую беседу я уже писал *по заказу* редакции, а остальные пять *по приказу* политотдела. В последней беседе я отправил деда в партизаны, так как стало известно, что меня вызывают в Главполитуправление в Москву. В январе 1942 г. я, все еще в звании красноармейца, был назначен на должность писателя газеты 61 армии «Боевой призыв» (редактор И. Пекерман). Здесь вел ту же работу, что и на прежнем месте, только вместо стояния на посту с винтовкой, возвращаясь с передовой, дежурил по редакции, проверял полосы, отвечал за опечатки.

Вместо «Деда-Всеведа» по просьбе редактора в феврале 1942 г. придумал молодого бойца «Андрея Снарядкина»:

Танкин, Пулькин и Гранаткин,
принимайте в свой отряд.
Я — боец Андрей Снарядкин,
вам, ребята, друг и брат!..
Буду бить фашистов метко
и гранатой, и штыком,
и веселою заметкой,
и частушкой, и стихом...

В газете «За Советскую Родину» я работал с художником Телингатером, в «Боевом призыве» моим «напарником» стал Федор Глебов. Почти ежедневно мы давали в номер сатирический материал под рубрикой «Короткой очередью».

В апреле 42-го получил медаль «За отвагу», потом офицерское звание. В июне стал кандидатом в члены КПСС. Вступая в партию, рассказал в автобиографии о том, как в 20-х годах был беспризорным и правонарушителем, как советская общественность и Максим Горький, обративший внимание на мои первые стихи, помогли мне получить образование, стать литератором.

Летом 42-го познакомился в районе Белева с партизанами из знаменитых брянских лесов. Удивил меня, похожий на придуманного мною в 41-м Деда-Всеведа, невысокий, коренастый старик — Дядя Ваня. Когда зашла речь о расстреле пленных карателей, он стал горячо возражать. Насладившись моим удивлением, пояснил: «Пули в бою пригодятся. А этих я прикладом по башкам постукаю, всю дурь выбью, вместе с мозгами...»! Вечером того же дня Дядя Ваня отказался выпить за то, что будем пить за победу в Берлине. «Берлин,— сказал старик, поглаживая бороду, — надо сжечь дотла и место распахать, где он стоял!» Подсев ко мне, Дядя Ваня полюбопытствовал — хорошо ли я знаю грамоту? Услышав, что я обучался в Московском университете, он вынул из глубин пиджака пакет. В пакете хранились, сколотые английской булавкой, вырезки из газет со статьями Ильи Эренбурга. По просьбе старого партизана я прочел их вслух. Пока я читал, он шевелил губами и если, случайно, я пропускал какое-нибудь слово, тут же поправлял меня. Видимо, знал эти статьи, как верующий Библию. Между прочим он и был, как сам признался, «отчасти верующий». Не статьи Эренбурга его озлобили, наоборот — озлобление сделало их дорогими его сердцу... Оказалось, любимый внук старика, комсомолец, с другими ребятами снял с виселицы труп комсомольского секретаря их села. Ребята хотели похоронить по-человечески своего вожака, но попались в руки оккупантам... «И знаешь, что́ сотворили эти изверги? — говорил старик, задыхаясь от горя и гнева.— Как басурманы в старину, посадили парнишек, и в том числе моего внука, на кол!.. С той поры я фашистов за людей не считаю и уничтожаю без пощады. Ежели будешь когда-нибудь в газете читать про народного мстителя, то знай — это я и есть тот самый мститель!»

Комиссар отряда сказал, что Дядю Ваню приходится сдерживать. Он хотел выпотрашивать убитых в бою гитлеровцев, набивать им брюхо землей и подбрасывать на шоссе, подписав по-немецки: «Шел за русской землей — получил!»

На прощанье Дядя Ваня подарил мне значок с профилем человека, который в то время олицетворял для нас партию... Больше я старика не видел и ничего о нем не слыхал.

Один друг-фронтовик шутя предположил: возможно Дядя Ваня сейчас предколхоза и обменивается опытом с колхозниками из ГДР? Все может быть...

9 июня 42-го года дал в газете очередную «короткую очередь» за подписью «Андрей Снарядкин». То была миниатюра — «Незадачливые футболисты»:

Настало лето. Всюду сухо.
Отняв у ребятишек мяч,
фашисты для подъема духа
устроили футбольный матч.
Но — был наш наблюдатель рядом.
Он поглядел, сказал: «Пора!»
и метко пущенным снарядом
мгновенно прервана игра...

Печально подвели бандиты
игры итог без лишних слов,—
то был не счет голов забитых,
а счет... оторванных голов!

Эта миниатюра была зарисовкой с натуры... Через несколько дней у меня, после контузии, началось обострение довоенной болезни. Положили в армейский госпиталь. Оттуда — в люльке, подвешенной под крылом самолета,— перебросили в Тулу. В палате эвакогоспиталя в Туле от молодого политрука, поправляющегося после ранения в живот, услышал о героической смерти моего друга, поэта Владимира Аврущенко. Оказалось, Володя, которого я помнил веселым, шустрым парнем, возглавил осенью 41-го, во время отступления, группу прикрытия. Раненный в ногу, он попал в лапы к гитлеровцам и за категорический отказ сотрудничать с ними (враги от кого-то узнали, что он поэт) был привязан к двум танкеткам и разорван пополам... Комиссар госпиталя, участник гражданской войны, рассказал мне однажды, каким хорошим товарищем и мужественным воином был его однополчанин по той войне — поэт Алексей Сурков...

Выйдя из госпиталя, работал с осени 42-го по январь 43-го во фронтовой газете Западного фронта «Красноармейская правда» в должности литсотрудника. В январе 43-го был назначен на должность писателя в газету 20 армии «За честь Родины» (редактор М. Семенов). Здесь делал сатирический отдел «Веселый залп» с художником Юрием Цишевским. Под этой рубрикой шли сатиры на международную тему. Например, «К текущему моменту»:

Адольф, устроившись получше
у Муссолини на горбу,
сдавив ногами шею «дуче»,
глядит в подзорную трубу.
Он шепчет: «О позор, о горе!»
Его глаза тоской полны.
Он видит — Роммель в синем море
отмыть старается штаны.
Он видит — средь плененных армий
плетется грустно генерал:
то «доблестный» его фон Арним
пример с фон Паулюса взял...
Впервые в хвост и в нос удары
фашистам испытать пришлось.
Еще таких ударов пара
и лопнет их гнилая ось!

Май 1943

Иногда в этой газете писал сатиры и на внутренние темы, о нерадивых старшинах, поварах и т. п. Например: «Повар красив, да работать ленив»:

В сторонке от кухни сидит Колоскова,
как будто принцесса на троне,
и званья она своего поварского
работой простой не уронит.
Она при раздаче покажет свой профиль,
взгляни на нее и почувствуй,
пристало ль ей чистить какой-то картофель,
возиться с какой-то капустой?

Февраль 1944

Сатира в этой газете пользовалась особым вниманием и почетом. Недаром бывший редактор «За честь Родины» в 50-е годы стал редактором

«Крокодила»... В июле 1943 г. я был принят в члены КПСС. В конце 43-го — начале 44-го опубликовал в газете, с благословения члена Военного Совета генерал-майора Лобачева, цикл стихов на уставные темы.Стихи печатались по одному из номера в номер, без подписи, под рубрикой «Поучения рядовому». Позже, осенью 45-го, когда я лежал в Главном военном госпитале, стихи эти появились за моей подписью в газете Московского Военного округа «Красный воин». На фронте, как я потом узнал, они были перепечатаны дивизионными газетами и выходили отдельными сборниками... Летом 1944 г. газета «За честь Родины» закрылась в связи с созданием на базе нашей армии нового фронта — 3 Прибалтийского. Я был направлен в газету вошедшей в этот фронт 1 ударной армии. Редактором там оказался писатель Юрий Корольков. Прослужил под его начальством, к сожалению, недолго. В августе был тяжело ранен при выполнении задания на дальних подступах к Риге. День Победы встречал в госпитале. Вышел только в июле 1946 г. с двумя костылями...

И в эвакогоспиталях и в Главном военном, где я лежал больше года, всегда держал контакт с политработниками. Помогал выпускать стенгазеты, выступал по радиоузлу. После того, как послал стихи в «Красный воин», меня посетили в Лефортове сотрудники газеты — Константин Поздняев и Анатолий Кудрейко. До сих пор вспоминаю об этом с признательностью...

Необходимо сказать хоть несколько слов о военном хирурге, профессоре Николае Алексеевиче Богоразе. Сам потерявший в молодости обе ноги, он спас во время Отечественной войны сотни рук и ног. Инвалид 1 группы, «разменявший» в ту пору восьмой десяток, он подавал пример бодрости и трудоспособности молодым и здоровым. Его любили и уважали не только за великолепное мастерство, но и за веселость и добродушие. Восстанавливая изувеченную на фронте ногу, которую другие врачи и даже профессора рекомендовали отрезать, Богораз приговаривал: «Лучше плохая, да своя... Так же, как и жена!» К 72-летию Богораза (25 мая 1946 г.) я посвятил ему стихи:

... Вы — добрый мыс надежды человечьей.
Известны вы во всех краях Земли,
и верится, что нет таких увечий,
которых вы б исправить не смогли.
Бывалые солдаты, не мальчишки,
с уверенностью говорят о вас:
«Пришьет, коль надо, голову под мышки
волшебник-врач, профессор Богораз!»

Вся ваша жизнь — служение науке,
пример могучей воли торжества.
Бесценны ваши золотые руки
и золотая наша голова.
Мы все мечтаем: залечить раненья
и в будущем еще десятки раз
вас поздравлять с днем вашего рожденья,
волшебник-врач, профессор Богораз!

Благодаря Богоразу, я, демобилизовавшись по инвалидности, вернулся в строй активно действующих литераторов с разницей, отмеченной в одной из моих послевоенных поэм («Милиционер Иванов»): «Вырвав из сердца прошлого корни, соединять привык со словом „бывший“ — не беспризорник, а офицер-фронтовик!»

Война вспоминается, как напряженная работа в тяжелых условиях, когда счастьем казалось поспать не то чтоб раздевшись, а хотя бы сняв сапоги. Знаю — и в тылу товарищам трудно приходилось, и питались мы на фронте лучше. Но, увы, у нас был «дополнительный паек» — пули и осколки, и редкий его не попробовал...

Кроме «Коротких очередей» и «Веселых залпов», мной были написаны сотни статей, очерков, первополосных стихов. О сатире здесь говорю потому, что ни до войны, ни после ею не занимался. Лирика из «фронтового дневника», часть «первополосных» стихов и даже часть «уставных» вошли в мои сборники, а сатира осталась на страницах армейских газет. А ведь за годы войны я сделал с фронтовыми художниками множество своих «Окон РОСТА». (Некоторые из них, как я потом узнал, выставлялись в «Окнах ТАСС» в Москве: «Что оставил от фашистов меткий залп артиллеристов», «Вы правы, фрау»; перепечатывались в «Крокодиле».)

Война вспоминается внешне такой, как рисовал ее в одном из фельетонов за подписью «Снарядкин»: «Раньше давали войны описанье так мастера пера — сабель бряцанье, да пуль жужжанье, да изредка взрыв ядра. Нынче совсем другая картина, звуков другой набор: посвист фугаса, шипенье мины, танки — лавина с гор! — рев самолета, трель пулемета, рвущая уши музыка пушек. Ночью над всем этим блещут ракеты, пули трассируют разного цвета...»

На этом заканчиваю рассказ о моей работе на фронте, по форме близкий к рапорту, без пейзажных завитушек и лирических украшений. В завершение хочу дать стихи «Горжусь», написанные в мае 1959 г.:

Горжусь, что с точки зрения мещанства
себе во вред я поступаю часто,
что не ловлю удачи на лету,
бываю добр и зол не по расчету,
стараюсь душу вкладывать в работу
и — к чёрту посылаю клевету.

Горжусь, что был солдатом в сорок первом,
что День Победы встретил офицером,
что все мои военные трофеи —
два черствых костыля да портупея...

И этого никто не отберет,
Хоть про меня с три короба наврет!

Март 1964

ЛЕВ КОПЕЛЕВ

СЛОВО ПРАВДЫ ЧЕРЕЗ ФРОНТ

ЗАМЕТКИ И ВОСПОМИНАНИЯ ЛИТЕРАТОРА-ПРОПАГАНДИСТА

1

Применение слова для воздействия на умы и души солдат противника впервые в истории стало планомерным и систематическим только в годы первой мировой войны. Тогда в английских и немецких штабах были созданы особые управления «психологической войны», предусмотрены специальные фонды для издания листовок, для изготовления плакатов, которые устанавливались над траншеями...

С началом гражданской войны у нас, в борьбе против иностранных армий, наступавших на молодую Советскую Республику, слово революционной пропаганды стало одним из важнейших родов оружия, в иных случаях даже решающим. Возникновение солдатских советов в частях немецких оккупационных войск на Украине, восстание на французских военных кораблях в Одесском порту, бои против чехословацких легионов, выступавших в союзе с белогвардейцами, подавление эсеровских мятежей и многие другие события той поры, в том числе собственно военные операции против белых армий и частей интервентов, как правило, сопровождались распространением специальных листовок, брошюр, воздействием живого слова агитаторов...

Среди воинов революционного слова были такие умелые, талантливые и отважные пропагандисты, как великий чешский писатель Ярослав Гашек, старый большевик Дмитрий Захарович Мануильский, французская коммунистка Жанна Лябурб, польские революционеры Феликс Кон и Юлиан Мархлевский и многие другие...

В последующие годы во всем мире разрабатывались как стратегические и тактические планы, так и технические средства и приемы будущей «войны идей и нервов». Их строили, исходя из опыта истории, предвидя значительный рост численности массовых армий, перспективы тотальных мировых войн. Активнее всего специалистов и технику «психологической войны» готовили в Англии и в гитлеровской Германии.

Перед Отечественной войной штатным расписанием Красной Армии были предусмотрены в Политуправлениях фронтов отделы «по работе среди войск и населения противника» и редакции фронтовых газет на немецком и японском языках, а в политотделах дивизий — специальные инструкторы. Существовала и специальная техника — главным образом «мощные говорящие установки» (МГУ), установленные на автобусах.

Но с началом военных действий и на этом роде оружия сказались характерные особенности сталинских организационно-административных и пропагандистских методов: прежде всего сугубая централизация и связанная с этим неспособность по-настоящему изучать и учитывать,

насколько наша пропаганда действительно воспринимается и какое впечатление производит на тех, к кому обращена.

Типичный для всей идеологии культа *монологизм*,— нежелание и неумение слушать какие бы то ни было возражения или, упаси боже, как-то учитывать чужие взгляды, настроения, предрассудки и т. п.,— оказался крайне вреден, когда нужно было обращаться как раз к совершенно чуждым читателям и слушателям — к солдатам гитлеровских войск.

В первые два-три месяца войны содержание и направление всей этой пропаганды фактически полностью определялось в едином центре, в ГлавПУРККА, которым тогда руководил Л. Мехлис — человек столь же энергичный, сколь и вздорный, тем более решительный, чем менее компетентный, обладавший разнообразными, но поверхностными знаниями и самоуверенный до самодурства.

Кадры 7 управления ГлавПУРККА, которое ведало пропагандой среди войск противника, были к счастью достаточно разнородными. Правда, начальник управления полковник (в конце войны генерал-майор) Бурцев был еще более невежествен, чем Мехлис,— хотя зато и менее самоуверен,— но с лета 1942 г. работой управления руководил непосредственно Д. З. Мануильский, знающий, опытный пропагандист, озабоченный действительной эффективностью нашего оружия слова. И нужно отдать справедливость Бурцеву, он все же не слишком мешал работать наиболее толковым и дельным из своих подчиненных, таким, как полковники Сапожников (к концу войны генерал-майор), Брагинский, Тюльпанов, подполковник Селезнев и др.

В начале войны ГлавПУРККА поставлял на все фронты миллионы листовок, среди которых, наряду с удачными, даже талантливыми,— например, листовки со стихами Вайнерта,— были едва ли не в подавляющем большинстве просто переводы сводок нашего Информбюро и даже фельетонов Эренбурга. В некоторых сводках сообщалось об уничтожении таких немецких дивизий и полков, которые в действительности продолжали существовать. Немецким солдатам это менее всего могло внушить доверие к нашей пропаганде, так же, как листовки о «случных пунктах», якобы созданных эсэсовцами по всей Германии, и фельетоны, высмеивающие немцев как нацию.

С сентября 1941 г. было разрешено выпускать листовки Политуправлениям фронтов. Год спустя, к лету 1942 г., это разрешение распространили и на армии. Осенью 1941 г. появились у нас и сравнительно портативные окопные говорящие установки (ОГУ или «звуковки»), число их росло, и тексты звукопередач естественно стали создаваться на местах.

Правда, еще долго, почти до конца войны, в ГлавПУРККА продолжали изготовлять листовки, фотогазеты, пластинки для звуковых передач. Но в связи с ростом числа пленных и перебежчиков качество этих «централизованно производимых» пропагандистских материалов значительно улучшалось. Впрочем по мере того как расширял свою деятельность «Национальный Комитет Свободная Германия», уменьшался их удельный вес и понижалось их значение в общем все усиливающемся пропагандистском наступлении на умы и души немецких солдат.

Но зато непрерывно возрастало, вплоть до самых последних дней войны, значение конкретной разъяснительной и призывной пропаганды, которая велась непосредственно на фронтах. Листовки и газеты, выпускаемые тут же, по горячим следам боев, на основе только что захваченных документов или показаний перебежчиков и пленных, листовки, обращенные к определенным частям, к определенным людям,— нередко их называли поименно,— и такого же рода звуковые передачи из окопов, или прямые переговоры с помощью трофейных раций, с каждым месяцем и годом войны становились все более действенными.

На первых порах некоторые ограниченно мыслящие или недостаточно опытные командиры еще повторяли дешевый каламбур: «От снарядов противник лучше разлагается, чем от листовок» или сердито доказывали, что «в этой войне агитацией ни одного боя не выиграли».

Однако разумные военачальники все больше убеждались, что решающее *условие победы — взаимодействие всех родов оружия — применимо и к оружию слова*. Ни одна крупная боевая операция не могла быть осуществлена только пехотой, только танками, только артиллерией или только авиацией и, разумеется, только пропагандой... Но в частных, местных боевых действиях уже в первую осень и первую зиму войны наша пропаганда приносила вполне реальные плоды. Прежде всего на тех участках фронта, где против нас действовали такие, например, немецкие соединения, как 123 пехотная дивизия (Берлинская), 8 егерская (Силезская), 325 пехотная (Вестфальская), испанская «Голубая дивизия» и некоторые другие части, которые поставляли наибольшее число перебежчиков и добровольно сдавшихся в плен солдат.

Зимой 1942/43 г. в боях за Сталинград и за Великие Луки, где впервые бок о бок с нами на передовой работали немецкие антифашисты, применение печатной и устной пропаганды стало одним из необходимых элементов в решении серьезных тактических задач.

В боях на Курской дуге летом 1943 г. среди перебежчиков были уже не только рядовые и унтер-офицеры, но и офицеры немецких кадровых частей.

В Белоруссии летом 1944 г. наши агитгруппы вызывали из лесов сотни и тысячи перебежчиков, зимой 1944/45 г. в северной Польше, в боях за Рожан, Торунь, Грудзёндз наши листовки, звуковые передачи и агитаторы-антифашисты, подготовленные нами из недавних военнопленных, решающим образом ускорили и облегчили разгром крупных гарнизонов противника, спасли жизнь тысячам немецких солдат, добровольно сдавшихся в плен, и тысячам наших бойцов, которым не пришлось штурмовать укрепленные вражеские позиции*.

Оружие слова, непосредственно воздействующего на рассудок и душу противника, крепло и совершенствовалось в боях так же, как и все другие роды нашего оружия. Мы лучше узнавали действительные настроения немецких солдат и населения в тылу, действительные особенности мировосприятия, психологии, обычаев и нравов тех, к кому обращались. Мы научились писать и говорить, видя и понимая то, что действительно есть в их умах и душах, а не исходя из заданных догматических схем, из произвольных представлений о том, какими они якобы «должны быть»... Мы научились разнообразить нашу пропаганду, целеустремленно конкретизировать ее, направляя к читателям и слушателям разных общественных групп, разных уровней образования, разных взглядов на жизнь, к людям, происходившим из разных областей Германии...

Заметно улучшались и чисто литературные качества наших листовок, газет, звукопередач на немецком, венгерском, румынском, итальянском и других языках. Они становились интересней, занимательней, выразительней: конкретные аргументы вытесняли общие декларативные призывы; непринужденная разговорная речь, содержание которой предусматривало возможные сомнения и возражения, все чаще заменяла голословную монологическую риторику. Возникали всё новые жанры: обзоры писем, очерки, сатирические, эпические и «элегические» стихи, фотоочерки, пародии, серьезные и шутливые диалоги и т. п.

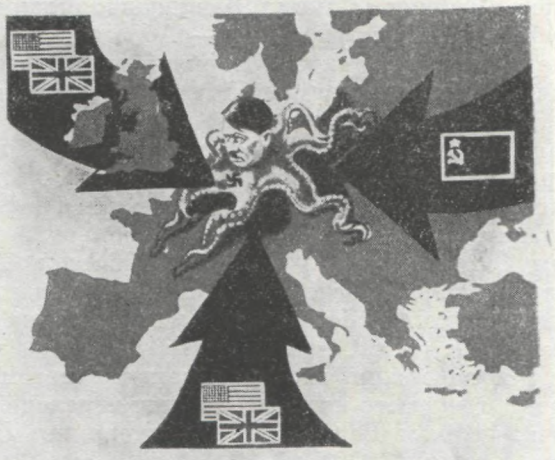
---

* Здесь названы, главным образом, те примеры, которые автор этих заметок, находившийся на Северо-Западном — 2 Белорусском фронте, либо непосредственно наблюдал, либо хорошо знает по рассказам участников. В действительности их было значительно больше.

«ГЕРМАНИЯ В„ КОТЛЕ“»

Листовка для немецких солдат. Автор текста — В. В. Вишневский, 29 мая 1943 г.

Архив комиссии по литературному наследству В. В. Вишневского при Союзе советских писателей, Москва



DEUTSCHLAND EINGEKESSELT

Die Absicht Hitlers, seine Gegner mit überraschenden, ungestüm aufeinanderfolgenden Schlägen im Laufe von 2 Jahren — 1939 — 1941 — niederzuwerfen, ist gescheitert.

England hielt 1940 den Angriffen der Luftwaffe und der U-Boote stand.

Russland hielt 1941 und 1942 dem ungeheuren Anprall von 240 Divisionen Hitlers stand.

Als Antwort auf den frechen Überfall sind im Dezember 1941 auch die USA in den Krieg eingetreten.

Derzeit — im Sommer 1943 — haben sich gegen Deutschland und seine schwachen Verbündeten über 30 Staaten, mit Russland, England und den USA an der Spitze, vereinigt.

Наша пропаганда расширялась, совершенствовалась, последовательно усиливалась ее действенность. Все это в немалой степени определялось работой профессиональных квалифицированных литераторов.

Многие советские писатели разных поколений стали на фронтах инструкторами «по работе среди войск противника». В 1942—1943 гг. в соответствующих отделах Политуправлений фронтов были созданы редакционно-издательские отделения и в них так же, как в Политотделах армий, были установлены особые должности инструкторов-литераторов.

Среди политработников, которые непосредственно сражались против фашизма оружием слова, — убеждающим, разящим, зовущим словом, — были писатели всех «цехов» — прозаики, поэты, драматурги, критики, публицисты, переводчики, литературоведы. Называю здесь лишь тех, кого помню: В. Адмони, И. Айзеншток, И. Анисимов, И. Вайсфельд, И. Верцман, Вс. Вишневский, А. Гатов, А. Довженко, И. Дьяконов, А. Дымшиц, Б. Заходер, В. Левик, Ф. Левин, Ю. Нагибин, В. Розанов, Б. Слуцкий, И. Фрадкин, И. Чичеров, А. Штейнберг, Д. Щеглов, Е. Эткинд и др.

С августа 1941 г. я был на Северо-Западном фронте, там в Политуправлении фронта и в Политотделах 11, 34, 53, 1 ударной и других армий уже в первый год возник дружный творческий коллектив пропагандистов, опытных «фрицеведов», как их шутя называли товарищи. Мне посчастливилось быть участником этого замечательного содружества, объединявшего представителей разных краев и республик, разных профессий и разных поколений.

Здесь были москвичи-литераторы — Герасим Бандалин, Иван Чичеров, Илья Фрадкин, Вильгельм Левик; историки — Галина Хромушина,

Яков Драбкин, Даниил Давидович; экономисты—Анатолий Воинов, Лев Дубровицкий; журналисты — Абрам Ледер, Вильгельм Мартенс, Адольф Эдер; инженер Виктор Сборщиков; радиодиктор Владимир Герцик; ленинградцы: филолог Юрий Маслов; историк Николай Яицен; художник Иван Харкевич; партийный работник Отто Беллер; педагоги Михаил Каяйкин и Серафим Макаров; кадровые офицеры Анатолий Марков и Григорий Раков; харьковчанин — филолог Виктор Бабенко; минчане: кадровый офицер Арнольд Гольдштейн, фотограф Борис Шебашов; ереванец — ботаник Григорий Сааков; комсомольский работник из г. Энгельса Генрих Эллер; крымчак — студент-филолог Андрей Колегаев; рижане — историк Юрий Ватер, журналист-литератор Дмитрий Вульфсон, студент-экономист Леон Лурье; варшавянка — журналистка Берта Мирская.

Основное ядро этого коллектива потом перешло на 2 Белорусский фронт, где в него включились ленинградец-физик Иван Рожанский, москвичи: филолог Вера Соловьян, экономист Леонид Шварц, художник Вадим Кузьмин.

Здесь названы только наиболее активные и непосредственно творческие работники, создававшие листовки, газеты, плакаты, звуковые передачи, воспитывавшие из вчерашних солдат вермахта сознательных антифашистов.

Издания и звуковые передачи Северо-Западного фронта отличались разнообразием жанров, стилей, литературных форм, остроумных пропагандистских приемов, основанных на постоянном пристальном изучении адресатов.

Как именно это делалось?

Вот один из самых ранних примеров.

13 сентября 1941 г. в бою был убит ефрейтор 32 пехотной дивизии Эрхардт Шредер. В кармане его куртки была записная книжка-дневник и недописанное письмо к невесте.

Мы составили листовку, точно воспроизведя выдержки из дневника и письма Шредера.

«Дневник.

22.6. Утро, 3.05. Вступаем в Россию (Литва). К полудню погиб один лейтенант и один из солдат приданных нам самоходок.

24.6... У нас много раненых и убитых.

25.6... В 3 роте 1 батальона 70 убитых и раненых.

9.7... У нас очень большие потери во 2 роте — 3 убитых, 12 раненых... за этот день полк потерял 16 офицеров, 182 рядовых.

14.7. Всё время бои и потери.

21.7. Всё еще сидим в грязных норах, настроение уцелевших прямотаки плохое. Весь божий день русские глушат артиллерией. Это страшно действует на нервы.

17.8. Это был, пожалуй, наихудший день для батальона за все эти войны.

19.8. Были очень тяжелые для нас дни... В батальоне ужасающе большие потери... (следует список убитых товарищей) в нашем взводе всего 17 человек, но это вместе с остатками 1 взвода. Уже 10 дней мы не умывались, за 8 недель я только раз сменил белье. Это уже не по-человечески. Когда же нас наконец сменят и выведут из этого дерьма? Вероятно, когда уже всех уничтожат...

30.8. Сегодня ночью нас должны были сменить. Но мы не ощущали той радости, которой ждали... Теперь оказывается сегодня ночью мы должны продолжать наступать. Выглядит так, словно нас хотят систематически гнать на смерть»

ПЛЕННОГО НЕМЕЦКОГО ГЕНЕРАЛА ВЕДУТ В ШТАБ ФРОНТА

Слева — генерал Р. Бамлер, справа — Л. З. Копелев

Фотография. 2 Белорусский фронт (район Могилева), 29 июня 1944 г.

Собрание Л. З. Копелева, Москва

Генерал-лейтенант Рудольф Бамлер — зав. Восточным отделом Разведывательного управления Генштаба вермахта, позднее — начальник оккупационных войск в Норвегии, с мая 1944 г.— командир 12 (Северо-Германской) гренадерской дивизии. Впоследствии — член «Национального комитета Свободная Германия», профессор истории в ГДР

Письмо к невесте, помеченное 13.9, осталось недописанным. Вот оно:

«Россия, 13.9.1941 г.

Дорогая Мэди!

Сегодня я получил очень печальное известие. 2 часа тому назад погиб Вернер Мейер. В 7 часов мы начали атаку, и Вернер выехал вперед с одним лейтенантом. Дорога была заминирована, и Вернер с лейтенантом наехали. Оба разорваны в клочья. Мотоцикл также совершенно разбит. Я несколько минут молча думал о своем друге. Никак не могу уяснить себе этого. Ведь только вчера мы с ним ехали! Он мне еще дал хлеба и сигарет. Вот и опять меньше одним товарищем. Вигант ранен в голову. Карл Юсдорф тоже ранен в голову и, кажется, тронулся в уме. Теперь нас осталось только 2! Ганс Грон и я. Кто знает, надолго ли? Позавчера мы потеряли 82 человека за 2 часа. От нашего гордого батальона осталась только маленькая кучка. Мы сейчас вышли на железнодорожную линию Москва — Петербург в районе Валдайских высот. Кто знает, сколько это еще продлится!

...Война эта жестока, и еще многие найдут свой последний покой в России. Ведь я еще тоже не вернулся домой. В эту атаку я должен идти снова во главе моего отделения... Затишье окончилось, и атака продолжается. Прости за почерк, но я писал в труднейших условиях. Твою милую открытку и письмо с открытками я получил с сердечной благодарностью. Очень сердечно...»

Все это мы напечатали листовкой. Воспроизвели в ней снимок: ефрейтор Шредер с другом за бутылкой вина. Снабдили коротким примечанием:

дескать, судите сами, что́ сулит война, насколько действительность похожа на официальные сводки и корреспонденции. И в заключение вывод: единственное спасение для вас — плен.

В декабре 1941 г. был издан рождественский номер фронтовой газеты «Друг солдата» — двухкрасочный, с шапкой на первой странице: «Требуйте рождественского отпуска!», «Требуйте смены вашей части». Эти требования были основаны на том, о чем действительно ежедневно мечтали, говорили, спорили немецкие солдаты. В коротких простых стихах сопоставлялись обещания гитлеровцев и реальные рождественские «подарки», т. е. декабрьские поражения немецких армий. На других страницах — сообщения с фронтов, из Германии, снимки освобожденного Красной Армией г. Калинина и в заключение страница юмора в стихах и прозе. Примеры: телеграмма Роммеля генералу Шмидту: «Поздравляю планомерным очищением Тихвина завидую вам мы драпаем сорокаградусной жаре». Шмидт — Роммелю: «Завидую отличной летней погоде вынужден отступать тридцатиградусном морозе по метровому снегу».

В рождественских звукопередачах тогда же передавали записи хоров военнопленных, исполнявших рождественские песни. Эти передачи слушались с особым вниманием.

16 армия вермахта, действовавшая против Северо-Западного фронта, издавала свою газету «Feldzeitung vom Maas bis Memel». Мы стали издавать газету такого же формата, с таким же заголовком, это предоставляло немецким солдатам большие возможности хранить и читать — мол, не поняли, что за издание. Для этого и шапки и заголовки статей были составлены примерно так: «Большие успехи на всех участках фронта» (чьи успехи, явствует уже из текста), «В последнюю минуту», «Чудовищные потери», «На Тихом океане», «Фюрер сказал» и т. д.

Была выпущена листовка-фотомонтаж под заголовком: «Хорошо живется немецкому солдату». Затем снимки, рисунки и короткие подписи (оформление Ивана Харкевича, тексты — коллективное творчество): «Гитлер за него думает...», «Геббельс за него говорит...», «Геринг за него ест...», «Лей за него пьет...», «Гиммлер заботится о порядке и спокойствии...» — «Так что солдату больше ничего не остается, как умереть смертью героя». На обороте краткий обобщающий текст под шапкой: «10 лет власти Гитлера = $6^1/_2$ лет подготовки к войне + $3^1/_2$ года войны» и «Пропуск в плен».

По образцу гитлеровских военных словариков была сделана небольшая четырехстраничная «книжица». На титульном листке: «Русский язык для солдат. 12 самых необходимых выражений». Внутри в немецкой транскрипции даны такие слова и фразы: «Товарищ», «Я в русский плен», «Сдаюсь», «Не стреляй» — это для встреч с солдатами, а для встреч с гражданским населением предусмотрены такие обороты: «Спрячь меня», «Скажи русским солдатам, что я сдаюсь», «Возьми мою винтовку, веди меня в плен», «Я не хочу воевать», а также «есть», «пить», «курить» и т. д.

На последней странице завершающий вывод:

«Либо вы сами испытаете русское гостеприимство, если сдадитесь, либо ваши вдовы и сироты будут жаловаться на русскую беспощадность. Выбор зависит от вас самих».

И в заключение, разумеется, пропуск.

Чтоб солдаты легче могли запомнить самые необходимые русские выражения — «Я хочу в плен» и «Сдаюсь, товарищ, не стреляй»,— они включались в простенькие немецкие четверостишия, составленные по образцу ходовых солдатских куплетов.

К 1 апреля 1942 г. были изданы две листовки такого же типа, какие распространяли немецкие «Роты пропаганды». В листовке «Приказ фюрера»

обычным языком гитлеровских речей и писаний излагался приказ: всем чиновникам и сановникам нацистской партии, СС, штурмовых отрядов и других подобных организаций, а также тыловым военнослужащим отправиться на фронт, чтобы разделить «героический труд доблестных армий». После этого короткий комментарий: «Неправда ли хорошо, если б существовал такой приказ? Но вы сами понимаете, что это 1 апреля. В действительности вы будете погибать на передовой, а они роскошествовать в тылах. Вы погибаете для того, чтобы они благоденствовали...» и т. д.

«Фюрер в Старой Руссе». В таком же духе языком обычных нацистских газет сообщается о том, что Гитлер побывал на передовой в Старой Руссе, ел солдатскую пищу, участвовал в боевых операциях, а в заключение соответствующий комментарий.

У многих немецких солдат мы находили всевозможные талисманы, амулеты, «заговоры» и молитвы от пуль, снарядов и бомб, как рукописные, так и печатные... По этому типу мы изготовляли свои прозаические и рифмованные «талисманы»,— самые надежные, гарантирующие жизнь и здоровье с помощью «пропуска в плен».

Введенная в Германии перед войной система распределения продуктов и товаров по карточкам, талонам и ордерам была источником множества самых разнообразных солдатских анекдотов и шуток. Мы издали рифмованную и иллюстрированную листовку такого содержания: «Дома всё по карточкам, по талонам: еда и одежда, пеленки и саваны, хлеб и туалетная бумага... Зато солдатам хорошо — их кормят и одевают без карточек, даже бесплатно. Однако самый вкусный обед не спасет от пули, самое лучшее обмундирование не защитит от снаряда...

Солдату нужен талон на самое главное, на жизнь.

Этот талон — пропуск в плен».

Мы издавали плакаты, листовки, фотогазеты о жизни военнопленных, о событиях на фронте и в Германии, ко всем памятным датам немецкой истории, к религиозным праздникам, в «день Матери», в «день поминовения усопших» и т. п. На Северо-Западном фронте возник тот выразительный лозунг-поговорка, который был потом принят «на вооружение» пропагандистскими изданиями всех фронтов: «gefangen — gerettet», т. е. «кто в плену — тот спасен». Эта фраза из двух слов, строем и звучанием точно соответствующая живой стихии немецкого языка как литературного, так и народного, впервые появилась в конце 1942 г. в нашей рифмованной листовке, ставшей одновременно текстом звуковых передач для окопных установок и «рупористов», которые действовали на участках наибольшего сближения передовых линий. Рифмовать такие тексты мы стали, в частности, для того, чтобы их лучше могли запомнить именно рупористы, которые в большинстве случаев не владели немецким языком, а читать с листа ночью на переднем крае или даже еще дальше впереди, где-нибудь в воронке на «ничьей земле» не так просто.

Составленный нами текст гласил:

Deutsche Soldaten!
Sterbet nicht für Nazi-Plutokraten.
Lasst euch raten:
Rettet euch selbst vom Krieg und Tod!
Gefangen — gerettet: heisst das Gebot *.

* Немецкие солдаты!
Не умирайте за нацистских плутократов.
Слушайте совет:
Сами спасайте себя от войны и смерти!
Кто в плену — тот спасен: гласит завет.

Lesen und an die Kameraden weitergeben!

WEIGERT EUCH, IN DIE FRÜHJAHRSOFFENSIVE ZU GEHEN

DEUTSCHE SOLDATEN! LANDSLEUTE!

Wir sind Söhne unseres deutschen Volkes wie Ihr. Durch das Vertrauen des arbeitenden Volkes wurden wir als Abgeordnete gewählt. Wir fühlen uns verpflichtet, zu Euch zu sprechen, da wir wissen, daß Hitler Euch in den sicheren Tod treiben will.

Hitlers Befehl zur Frühjahrsoffensive, das ist für Euch nichts anderes als das Todesurteil.

Wie oft hat Euch Hitler schon zum letzten Einsatz der Kräfte, zum Einsatz Eures Lebens aufgerufen, mit der Lüge, der Sieg sei

«ОТКАЗЫВАЙТЕСЬ ИДТИ В ВЕСЕННЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ»

Обращение к немецким солдатам, подписанное депутатами рейхстага и ландтага В. Флорином, В. Пиком, Г. Соботкой и В. Ульбрихтом. Весна 1942 г.

Листовка. Лицевая сторона

Центральный музей Вооруженных сил СССР, Москва

У нас на Северо-Западном возник и совсем особый жанр устной пропаганды — непосредственный разговор по радио.

Гвардии капитан Д. Вульфсон, инструктор политотдела гвардейской латышской дивизии,— в прошлом участник подпольной работы латышского комсомола,— освоил трофейную рацию. Сперва он использовал ее только в боевых операциях. Он внимательно слушал радиокоманды немецких артиллерийских наблюдателей, смотрел на карту и следил, где именно рвутся снаряды и таким образом составил точную копию немец-

schon errungen, es käme nur noch auf die letzte Anstrengung an.

So belog Euch Hitler am 3. Oktober 1941, als er zur Offensive gegen Moskau aufrief. Dreihunderttausend tote deutsche Soldaten blieben auf dem Schlachtfeld. Seitdem sprechen die kriegstollen Naziführer von der unabsehbaren Dauer des Krieges. Damit gestehen sie selbst das Mißlingen ihrer Kriegspläne ein.

Die angepriesene Frühjahrsoffensive Hitlers kann daran nichts mehr ändern.

Die Vorentscheidung in diesem Kriege ist bereits gefallen, als die deutsche Armee bei Moskau eine Niederlage erlitt und das Bündnis der drei Großmächte: Sowjetunion, England und USA, geschlossen wurde. Die großen Reserven der drei Mächte kommen erst jetzt zum Einsatz, während Hitlers Reserven mehr und mehr versiegen.

Jedes weitere Opfer der deutschen Soldaten für die kriegstolle Naziclique, für die oberen Zehntausend der Kriegsgewinnler ist völlig sinnlos. Jeder weitere Kampfeinsatz ermuntert nur Hitler, den Krieg bis zum Weißbluten weiterzuführen. Das ist das Schlimmste, was geschehen kann.

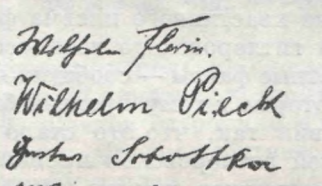
Es gibt nur einen Weg der Rettung. Unser Volk muß durch die Tat beweisen, daß es mit der Hitlerclique nichts gemein hat. Jede militärische Niederlage Hitlers erleichtert unserem deutschen Volke, selbst den Krieg zu beenden, Hitler zu stürzen und einen gerechten Frieden zu erlangen.

Hitler wird fallen, aber unser Volk wird leben und Deutschland wird weiterbestehen.

WEIGERT EUCH, IN DIE FRÜHJAHRSOFFENSIVE ZU GEHEN.

Streckt die Waffen. Beendet selber den Krieg und nehmt selbst die Geschicke Deutschlands in die Hände. Dadurch sichert Ihr die nationale Existenz des Reiches.

SCHLUSS MIT DEM KRIEGE! WEG MIT DER HITLERCLIQUE!



Wilhelm Florin,
Reichstagsabgeordneter (Wahlkreis Berlin)
Wilhelm Pieck,
Reichstagsabgeordneter (Wahlkreis Westfalen-Nord)
Gustav Sobottka,
Landtagsabgeordneter (Wahlkreis Westfalen-Süd)
Walter Ulbricht,
Reichstagsabgeordneter (Wahlkreis Potsdam II.)

DIESES FLUGBLATT GILT ALS PASSIERSCHEIN BEI DER GEFANGENGABE
ЭТА ЛИСТОВКА СЛУЖИТ ПРОПУСКОМ ДЛЯ ПЕРЕХОДА В ПЛЕН

Bei der Gefangengabe — Hände hoch, und niemand schießt auf Euch!

«ОТКАЗЫВАЙТЕСЬ ИДТИ В ВЕСЕННЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ»

Обращение к немецким солдатам, подписанное депутатами рейхстага и ландтага В. Флорином, В. Пиком, Г. Соботкой и В. Ульбрихтом. Весна 1942 г.

Листовка. Оборотная сторона

Центральный музей Вооруженных сил СССР, Москва

кой кодированной карты. После этого он стал «вмешиваться в работу» вражеских батарей. Отлично владея немецким языком, запомнив все необходимые термины и некоторые собственные имена, он несколько раз ловко «заменял» в эфире настоящих артиллерийских наблюдателей и подавал команды немецким батареям так, что они подолгу обстреливали пустой лес и даже собственную пехоту... В конце концов немецкие радисты «обнаружили» конкурента, его ругали, грозили ему... Тогда он стал переговариваться с ними уже от своего имени, от перебранок переходил к разговорам «по душам» о войне, о лживости нацистской пропаганды. Немецкому командованию пришлось на этом участке усилить кадры

радиоперехватчиков и ввести в действие особые контрольные пункты, которые время от времени врывались в эфир с окриками «Выключить все аппараты!.. Не слушать!.. Вражеская пропаганда!» Опыт Вульфсона потом восприняли некоторые другие пропагандисты.

Гвардии капитан Юрий Ватер в боях у Корсунь-Шевченковского в январе 1944 г. во время передачи по окопной установке был ранен в обе ноги и оказался в окружении. Он оставил поврежденную «звуковку» и взялся за пулемет, отстреливался до последнего патрона. Он был схвачен эсэсовцами из дивизии «Викинг» и тогда снова стал пропагандистом,— убеждал их в безнадежности и преступности войны, которую они ведут. Его повесили. Когда надевали петлю, он кричал: «Вас обманывают! Вы погибаете зря! Смерть Гитлеру, да здравствует Советский Союз и Свободная Германия, да здравствует мир и дружба народов!..» Некоторые из рядовых эсэсовцев, свидетелей казни Ю. Ватера, потом добровольно сдались в плен и рассказали об этом.

Наши «соседи» на Ленинградском фронте издавали множество разнообразных листовок для немецких солдат и моряков немецкого флота, действовавшего в Балтийском море. Автором нескольких десятков отличных листовок, звуковых передач и обращений по радио был Всеволод Вишневский, его тексты переводил на немецкий язык критик, литературовед и лингвист Владимир Адмони. В других случаях он сам писал листовки — уже непосредственно по-немецки.

Вс. Вишневский умел на малом пространстве короткой листовки сосредоточить мощный заряд убедительной и темпераментной пропагандистской информации.

Так, в листовке «Генерал-лейтенант Дитмар и фельдфебель Шустер» (1943) он просто сопоставил цитаты из хвастливого письма фельдфебеля-танкиста, цитаты из речи известного гитлеровского военного радиокомментатора генерала Дитмара и конкретные факты — сообщения о разгроме немецких армий на Курской дуге, которые к тому времени были уже известны и в Германии, — но сопоставил так, что это стало неопровержимым доказательством лживости всей гитлеровской пропаганды.

Так же страстно и точно он аргументирует, так же умело использует общеизвестные факты в листовках «Что должен знать немецкий солдат под Ленинградом», «Что знают ваши наблюдатели и радисты», в радиообращениях к немецким морякам «Это случилось в июне» (о потоплении миноносца), «Общий сигнал: в кильватер» и др.

«Кому поставить памятник?» — озаглавил Вс. Вишневский листовку, которую открывает сообщение шведской газеты о том, что германское правительство все еще не востребовало заказанный в Швеции в начале войны гранит для памятников победы. Этот факт, естественно, возбуждает воспоминания о том, как начиналась война и как совсем по-иному развивается. Листовка заканчивается предложением использовать этот гранит для памятников тем храбрым немцам, которые выступят против Гитлера и тем самым спасут Германию от катастрофического и постыдного поражения.

В 1944 г. в состав 2 Белорусского фронта входила 33 армия, в политотделе которой работал драматург Дмитрий Щеглов. Он был автором десятков листовок и звуковых передач. О своей работе он написал книгу «Три тире» («Советский писатель», 1963). В ней он правдиво и обстоятельно рассказал о том, как фронтовые пропагандисты упорно и смело пробивали те часто почти неприметные тропинки, по которым в самую толщу гитлеровской армии проникала правда, ускорявшая поражение фашизма.

Многие листовки Д. Щеглова — это маленькие литературные произведения, интересно задуманные и исполненные, воплотившие живое единство мысли — образа — слова.

ВИЛЛИ БРЕДЕЛЬ ОБРАЩАЕТСЯ ПО РАДИО К НЕМЕЦКИМ СОЛДАТАМ
Фотография. Сталинградский фронт, январь 1943 г.
Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

Так, например, используя слова немецкого генерала Дрешера, командира 267 пехотной дивизии, который в речи к солдатам сказал, что «скоро будет легче», Щеглов остроумно обыгрывает эти слова и доказывает немецким солдатам, что им действительно станет легче, когда они покинут фронт и сдадутся в плен.

Листовка, озаглавленная «Темной ночью над Сожем»,— живая сценка, разговор немецких солдат на передовой, один из них потом становится перебежчиком. Эта листовка — яркий пример того, как плодотворен был профессиональный опыт Щеглова-драматурга для его пропагандистской работы.

2

В этой борьбе против фашизма, которая велась оружием слова, очень большое значение — во многих случаях почти решающее — имела боевая работа наших немецких друзей и, прежде всего, деятельность немецких писателей-антифашистов.

Хочу рассказать здесь о тех, кого знал лично, и прежде всего о тех фактах, которые запечатлелись в уцелевших старых записных книжках. Это не исторический обзор, не попытка исчерпывающего исследования. а только заметки из давних дневников.

...Эриха Вайнерта я встретил на второй или на третий день войны; он шел по Ордынке, как всегда приметный уже издалека. Седеющие, густые и длинные волосы оттягивали назад лобастую широкую голову; красноватый загар выделялся над снежно-белым широким отложным воротником шиллеровской рубашки... Завидев меня, он приложил палец к губам, поднял предостерегающе руку, мол, не говори. Приблизившись вплотную, зашептал весело и озабоченно:

— Не говори громко по-немецки... Меня уже три раза мальчики водили в милицию...

Он решительно отверг сочувствие.

— Так и надо. Война... Ты еще не понимаешь, что это значит война... В четырнадцатом году во всех воюющих странах началась чудовищная эпидемия шпиономании... Но беспечность не лучше. В Испании фашистские лазутчики бродили по нашим тылам как дома. Ты, конечно, на фронт?.. Скоро?.. Я подал заявление в первый же час... Бредель тоже... Вот она та война, которой мы столько ждали. Боялись и ждали...

В те первые дни в Москве неведомо как распространился слух, будто наши самолеты уже бомбили Берлин, а наши войска, отбросив гитлеровцев, заняли Варшаву, наступают в Восточной Пруссии... Очень многим хотелось, чтобы так было. Очень многие выросли, твердо незыблемо веря, что «если завтра война», то... «на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, коротким ударом»...

Горький опыт трехмесячной зимней войны в Финляндии казался печально нелепым, но случайным просчетом. В следующий раз уж наверное умнее будем. Самураев на Халхин-Голе как били, а они вояки почище немцев...

Вайнерт слушал мои разглагольствования обо всем этом внимательно и грустно...

— Хорошо, если бы так. Очень хорошо. Но, боюсь, что ты упрощаешь, не представляешь себе, что такое современная война — война техники, огромных массовых армий, война индустриальная и научная... Окончательный исход, разумеется, предрешен... Фашизм не может победить, социализм не может быть побежден... Напав на Советский Союз, гитлеровцы обрекли себя на гибель... Это все несомненно. Но война будет очень трудной... И потребует, вероятно, больше времени, чем это хотелось бы — чем кажется сегодня. И больше жертв... Нужно готовиться к трудным, жестоким битвам, к разрушениям, к страданиям... Нужно быть готовым к самым большим напряжениям, к самым суровым испытаниям... Нужно готовиться всерьез. Лишь так можно будет их выдержать...

Тогда он мне показался вдруг старым, излишне осторожным, наивным и даже — «все-таки иностранцем». Я не стал с ним спорить, но был убежден, что время опровергнет его мрачные предчувствия. Спросил, что он собирается делать.

— Мы с Бределем настойчиво просим, чтоб нас послали на фронт в Действующую армию. У нас ведь есть и свежий испанский опыт.

Потом я часто вспоминал этот разговор. Насколько трезвее, реальней уже тогда видел Вайнерт то, чего я не мог, не хотел увидеть.

Когда через месяц я уезжал на фронт и хотел проститься с Вайнертом и Бределем, ни того ни другого не смог застать дома. Они работали дни и ночи. От общих знакомых знал, что «занимаются пропагандой». Тогда еще смутно представлял себе, как именно и где.

В сентябре 1941 г., уже на фронте, я увидел эту пропаганду «в действии». Нам прислали из Москвы пачку листовок со стихотворением Вайнерта «Подумай о твоем ребенке...» Потом мы получили много других листовок с его стихами. Вайнертовские поэтические обращения к немецким солдатам — мелодические простые слова и внятно высказанные мысли, прозрачно ясные стихи — горячо и настойчиво говорили правду о действительном смысле войны, о действительных интересах солдат, их родных, всей Германии...

Эти листовки мы находили потом в немецких окопах, в карманах солдатских курток, их предъявляли нам пленные и перебежчики.

Стихи Вайнерта до самых последних дней войны оставались в ряду

ЛИСТОВКА ДЛЯ НЕМЕЦКИХ СОЛДАТ

Выпущена после разгрома гитлеровских армий под Сталинградом. Февраль 1943 г.

Слева — рисунок из фашистской газеты «Die Wehrmacht», изображающий «подвиги» немецкой армии в Сталинграде. Справа — фотографии Паулюса и других немецких генералов, взятых в плен под Сталинградом. Стихотворный текст Эриха Вайнерта: «Так было задумано для тех, кто дома. Художник должен приспособляться.—«Так обстояло дело в действительности. Фотография не может лгать»

Центральный музей Вооруженных сил СССР, Москва

наиболее надежных и эффективных средств, которые применялись, чтобы сообщать немецким солдатам правду о войне, чтобы ослаблять и разрушать губительную гипнотическую власть фашистской пропаганды и вязкую силу, многолетнюю инерцию воинской дисциплины, подавлявшей сознание и волю военнослужащих вермахта.

15 декабря 1944 г. в газете «Свободная Германия» (ЦО «Национального Комитета Свободная Германия») был опубликован подробный отчет ефрейтора Альберта Дана, антифашиста, который в течение нескольких ночей непосредственно разговаривал с солдатами немецкого стрелкового отделения на одном участке, где окопы нашего боевого охранения оказались близки к немецким окопам.

В этом отчете есть такой раздел.

«Один из солдат крикнул: „Ты знаешь стихи Эриха Вайнерта?"

Я сказал: „Да"

Тот же солдат: „Я тоже. У меня есть друг, который меня просвещал. От него я узнал эти стихи".

Он прочел наизусть „Скоростной судья", „Если у тебя есть мать" и еще несколько.

Другой солдат: „Мы все знаем о нем. У нас есть такое желание: передай Эриху Вайнерту привет от нас, скажи ему, что есть еще много честных немцев..."»

Прощаясь с Даном, солдаты снова напомнили просьбу передать привет Вайнерту.

Летом 1942 г. я приехал на несколько дней с фронта в Москву и встретился с Бределем; он жил тогда в гостинице «Советская» на улице Разина и работал вместе с Вайнертом, Фридрихом Вольфом, Артуром Пиком и Альфредом Куреллой над листовками, газетами, радиопередачами...

Вилли выглядел необычно: он похудел и побледнел. Но как прежде,— неуемно подвижный, с тем же веселым блеском быстрых лукавых глаз и быстрой речью,— он набросился на меня с расспросами, прерывая их сердитыми жалобами на то, что его не пускают на фронт. Он требовал подробных рассказов.

— Только не надо, хотя бы вначале, общих рассуждений, анализов, обобщенных выводов... Не надо во всемирных, всеармейских масштабах... Рассказывай просто о людях, все что можешь об одной дивизии, лучше о полке, еще лучше о батальоне, о роте,— совсем хорошо об отделении. Но главное о людях... О таком-то солдате, ефрейторе, лейтенанте... Но всё-всё, и побольше фактов... Твои наблюдения и размышления потом, а сначала давай, что́ они говорят, что́ пишут... Будем идти от конкретного к абстрактному, от частного к общему... Вот ведь как нелепо, не пускают ни Эриха, ни меня — говорят: «Бережем». Но ведь это же обида — такая забота... Мы ведь солдаты партии. Сейчас такая война... Наша война. Еще больше наша, чем в Испании. Каково нам сидеть вот так на диване и только читать и писать... Нелепо! Обидно! А, может быть, не доверяют нам. Все-таки немцы. Нет, не может быть... Я одному нытику так и сказал — не может быть... Нам обещали, скоро поедем. Пока не буду в окопе, не понюхаю настоящего фронта, не успокоюсь. Хочу, чтоб плечо в плечо с красноармейцами, чтоб глаза в глаза с земляками в гитлеровских мундирах... Там и слова найдутся для них получше, настоящие слова, такие, чтоб точно в цель... Ну так рассказывай... Какие там части, из каких областей Германии?.. Гамбуржцев не встречал?..

Среди многих эпизодов я рассказал ему один, непосредственно связанный с ним. Добровольно сдались в плен несколько солдат 2 роты 48 полка 12 пехотной дивизии — остатки стрелкового отделения вместе с временным командиром ефрейтором Ионни Шенфельдтом. Он был гамбуржцем, т. е. земляком Тельмана и Бределя, помнил еще догитлеровские времена, когда его отец и старшие братья голосовали за коммунистов. Уверения в былых симпатиях к коммунистам приходилось слышать от многих пленных немецких солдат. И не всегда они были правдивыми. Проверяя достоверность рассказов говорливого гамбуржца разными «хитрыми» вопросами, спросили мы его, кого именно из гамбургских коммунистов он видел лично... Он назвал несколько имен, в том числе и Вилли Бределя. Его переспросили: «Это такой высокий, тощий?» — «Что вы, что вы,— ефрейтор заморгал растерянно,— он коротыш, скорее даже толстый и такой... как ртуть... И писал здорово... У нас дома была его книга: название как название фабрики... Сейчас вспомню... Машиностроительная фабрика и еще какие-то инициалы, но буквы забыл. Но могу рассказать содержание. Про нас книга, про гамбургских рабочих... всё, как в жизни...»

Он стал вспоминать содержание первого романа Бределя «Машиностроительный завод Н. и К.»

Когда я рассказал об этом Вилли, он с трудом сдерживал волнение. Вскочил, прошелся несколько раз по тесной комнате.

«Значит, помнят еще земляки... Все-таки помнят. И даже книгу помнят... А ведь мои книги сжигали тогда, в мае 1933 года. В концлагере говорил мне начальник эсэсовец: „Пройдет год-другой, о тебе ни одна ворона не закаркает — забудут твои писания"... А оказывается, помнят. Вот видишь, почему мне необходимо, понимаешь, как необходимо быть на фронте...»

...То были очень трудные дни. Пали Ростов и Новочеркасск. Армии Паулюса и Манштейна рвались к Волге, Кубани. Берлинское радио почти ежедневно передавало фанфарные сигналы, возвещавшие очередное победное сообщение... И у нас на Северо-Западном настроение было невеселым. Шли яростные изнурительные «бои местного значения» — погибали сотни, тысячи солдат, истекали кровью, чтобы захватить или удержать рощу «Единица» или высоту «Перчатка». Сомнительным утешением было то, что и немцы несли не меньшие, чаще всего даже еще бóльшие потери... Деревню Васильевщина между реками Пола и Ловать немецкие солдаты называли «Маленький Севастополь».

Вилли Бредель в это проклятое лето 1942 г., в самые тревожные дни думал только о том, как бы скорее добраться до фронта.

— Вот-вот наступит решающий перелом! Вот-вот начнутся главные бои. Под Москвой это была только увертюра... А где будут решающие бои? — Не знаю, я не стратег,— может быть, на Волге или на Кубани, или в горах Кавказа, или даже на Урале... Ты прости, я понимаю, тебе это нелегко так предполагать — родная земля, родные люди... Ведь, я так же чувствую... Я люблю Гамбург... Думаешь, легко слышать, как его бомбят, как он горит, асфальт горит на мостовых... Тысячи людей медленно умирают в засыпанных бомбоубежищах, понимаешь, медленно умирают. И ведь там-то как раз больше всего не нацистов, а простых людей, обыкновенных гамбуржцев... есть и наши люди, и такие, как этот ефрейтор-перебежчик. Я люблю Гамбург, но я так же люблю и Мадрид, и Москву, и Барселону, и Ленинград. Верь, так же люблю... Они ведь и мои города... И люди там мне такие же родные, как тебе... Больно за них. Очень больно... Но вопреки боли — нет, не вопреки, а вместе с этой болью — чувствую, понимаешь, чувствую, кончиками всех нервов: скоро, скоро главная битва и с нею наша победа.

Вайнерт грустно и добро улыбнулся, когда я напомнил ему о прошлогоднем разговоре и признался в своих тогдашних мыслях. Говорил он неторопливо; думал вслух.

«Тогда ты и не мог рассуждать иначе... Есть понимание, которое дается только опытом — непосредственным опытом, личным и коллективным... Военный опыт не заменить никакими книгами, уроками, поучениями. Это как плавать — чтоб научиться, нужно войти в воду... Никакие теоретические занятия и упражнения на суше не сделают тебя пловцом... Но теперь, надеюсь, ты не усомнишься, когда я скажу тебе, что сегодня настроен куда оптимистичнее, чем год тому назад... Да-да, и это вовсе не парадокс, не желание утешать себя и других. Я совершенно согласен с Вилли по существу. Ты говоришь, он ссылается на чутье, на интуицию... Что ж, можно это назвать и так, но только ведь наша интуиция растет из опыта... У меня опыта побольше, я старше Вилли и еще в ту войну воевал, унтер-офицером был. Так вот, это наш опыт — опыт немцев и коммунистов, опыт солдат и политработников — внушает нам сегодня интуитивную, и уже не только интуитивную, уверенность. В прошлом году мы еще ничего не знали, не видели, не могли предчувствовать, как именно пойдет война. Жили только размышлениями, надеждами... А сегодня мы

уже испытали самое худшее... Нет, я не оговорился, я убежден, что самое худшее позади. Самое худшее было прошлой осенью, когда у Красной Армии не было еще опыта наступлений, побед, а только опыт отступлений, поражений... Отступать труднее, чем наступать. Пойми меня правильно: отдельному солдату, может быть, и легче удирать подальше от противника,—легче, чем идти вперед навстречу пулям... Но армии в целом труднее сохраниться в отступлении. Бегство, паника просто уничтожают лучшую армию, уничтожают как армию, решительнее, чем все бомбы и пушки.

Так вот это самое трудное испытание Красная Армия выдержала. Отлично выдержала. Я говорил уже со многими пленными. Как бывший солдат я их расспрашивал по-солдатски. Из всего, что рассказывают они, из гитлеровских официальных материалов, из самих фактов сегодня очевидно: гитлеровская империя обречена погибнуть именно здесь в России, под ударами Красной Армии... Сегодня еще нам трудно, еще возможны тяжкие, очень тяжкие потери и поражения... Нельзя гарантировать, что они не ворвутся в Ленинград, не дойдут до Волги и даже до Кавказа, до Урала... Это все еще возможно... Но главное в том, что теперь красноармейцы умеют уже не только отступать, но и наступать и знают это. И немецкие солдаты это знают. А они-то ведь всё дальше и дальше от родины... И надежды на победу, на скорый конец войны у них становятся всё слабее... И они уже начинают понимать, как опасен, как гибелен для них каждый новый шаг в глубь России. Недаром они всё чаще поминают Наполеона. Да, сегодня мы можем быть уверены в том, что решающий поворот близок. И что он произойдет здесь, на Востоке. Там, на Западе, только периферия войны: бои в Африке, воздушные бомбардировки. Если даже англичане и американцы высадятся во Франции, то теперь это уже будет иметь лишь вспомогательное военное значение,— скорее даже политическое значение...»

В конце 1942 г. Бредель и Вайнерт добились, наконец, своего. Они выехали на фронт у Сталинграда в группе Вальтера Ульбрихта. Это была первая организованная группа немецких коммунистов, действовавшая непосредственно на передовой. Ульбрихт, Бредель, Вайнерт и другие, сопровождавшие их, товарищи беседовали с пленными и перебежчиками, выступали у окопных микрофонов, составляли листовки, обращенные к определенным частям. Впервые немецкие писатели смогли непосредственно участвовать в той напряженной боевой пропагандистской работе, которая спасла жизнь десяткам тысяч немецких солдат в Сталинградском «котле» и, сократив бессмысленное самоубийственное сопротивление армии Паулюса, ускорила нашу решающую победу, уменьшила и наши потери...

Через полгода, летом 1943 г., в одном из подмосковных лагерей военнопленных был создан «Национальный Комитет Свободная Германия». Его организаторами были немецкие политэмигранты и антифашистски настроенные военнопленные солдаты и офицеры, позднее к ним примкнуло и несколько генералов. Собрались представители самых различных общественных групп и разных мировоззрений: коммунисты, социалисты, либеральные демократы, католики, протестанты, даже умеренные националисты. И хотя коммунисты не составляли большинства в Национальном Комитете, но его участники единогласно выбрали президентом поэта-коммуниста Эриха Вайнерта.

Членами президиума Комитета были избраны писатели Иоганнес Бехер, Вилли Бредель, Фридрих Вольф.

Каждый из них нашел себе место в боевом строю единого антифашистского фронта.

ИОГАННЕС БЕХЕР (слева) и ЭРИХ ВАЙНЕРТ (в центре) РАЗГОВАРИВАЮТ С ПЛЕННЫМ НЕМЕЦКИМ ГЕНЕРАЛОМ

Фотография, лето 1943 г.

Союз немецких писателей, Берлин

Бехер писал стихи, памфлеты, статьи, воззвания, редактировал пропагандистские и литературные издания для фронта и тыла.

Бредель и Вольф работали на фронтах, в лагерях военнопленных, в руководящих организациях Национального Комитета, они писали рассказы, очерки, листовки, тексты для звуковых передач, выступали у окопных микрофонов, беседовали с пленными и перебежчиками, день за днем кропотливо, упорно пропагандировали, воспитывали, спорили, просвещали. Они воевали с нацизмом за умы и души обманутых, развращенных и порабощенных им людей, разбивали заскорузлые оболочки предрассудков, смывали ядовитую слизь шовинистического высокомерия, бредовых расистских представлений о мире и войне, о судьбах Германии и человечества. И одновременно, в ходе своей боевой работы, они изучали персонажей своих будущих книг, тех книг, которые потом в свою очередь становились оружием правды, надежным оружием в борьбе за мир и социализм.

Они продолжали писать, ни на день не прерывая напряженной военно-политической работы пропагандистов, организаторов, редакторов, наставников и вербовщиков антифашистского национального фронта.

Успешно работали все жившие в те годы у нас немецкие писатели-антифашисты.

Адам Шаррер закончил и опубликовал в 1942 г. одну из своих лучших книг — роман «Пастух из Раувейлера», написал в 1943 г. короткую повесть «Ландскнехт» и ряд рассказов. Теодор Пливье именно в ту пору,— т. е., когда он еще активно участвовал в борьбе против фашизма, сотрудничал во фронтовых пропагандистских изданиях и газете для военнопленных, —создал лучшую из своих книг — роман «Сталинград». Клара Блюм, Гуго Гупперт, Франц Лешницер, Максимилиан Шик переводили

на немецкий язык стихи русских классиков и советских поэтов, стихи Пушкина, Лермонтова, Блока, Ахматовой, Маяковского, Есенина, Багрицкого, Твардовского, Суркова, Алигер, Симонова, писали оригинальные стихотворные тексты для фронтовой пропаганды.

Издававшиеся у нас на немецком языке газета «Свободное слово» (с 1943 г. называлась «Свободная Германия») и журналы: «Интернациональная литература», «Фронтовые иллюстрации», а также книги, брошюры, сборники и листовки Национального Комитета стали трибунами и для немецких писателей-антифашистов, живших в других странах.

Бертольт Брехт, Лион Фейхтвангер, Оскар Мария Граф (США), Анна Зегерс и Людвиг Ренн (Мексика), Арнольд Цвейг (Палестина) неоднократно использовали возможности, предоставляемые им советскими друзьями, чтоб обращаться к немецким солдатам и населению Германии.

Участие немецких писателей в Отечественной войне народов Советского Союза было полезным для общего нашего правого дела. Художественной прозой и стихами, боевой публицистикой и непосредственно воспитательной, пропагандистской работой они содействовали морально-политическому разгрому фашистских войск и глубоких тылов гитлеровской империи. В то же время боевая деятельность литераторов была необычайно полезна и для их собственного творческого развития, она стала одной из ярких и славных страниц в истории немецкой литературы.

Эрих Вайнерт говорил в речи, открывавшей первое учредительное собрание Национального Комитета: «Пусть каждый из нас спросит себя: всегда ли и всем ли я служу делу моего народа? Буду ли я достойным бойцом в этой борьбе? Буду ли я действовать так, чтобы мой народ мог потом сказать обо мне: он был одним из самых верных в ту пору, когда нужно было спасать отечество от величайшего унижения?»

Он сам и его друзья ответили на эти вопросы; ответили всем своим творчеством, всей жизнью и всем, что сделали в годы войны.

Оружие слова во второй мировой войне имело очень большое значение, пожалуй, много большее, чем во всех прежних войнах,— слово помогало нам побеждать фашистские войска на фронтах. Но существенная особенность именно этого рода оружия заключается в том, что оно продолжало действовать и в тылах, в лагерях военнопленных и даже после войны не было сдано в арсеналы. Более того, побежденные оружием слова противники нередко становятся друзьями, союзниками и полноправными участниками победы.

Так, сегодня не только в ГДР, Румынии и Венгрии, но и в ФРГ, в Италии, Финляндии, Японии есть у нас тысячи друзей из числа тех, кто некогда были побеждены словом правды и после этого сами стали ее бойцами.

АРМАС ЭЙКИЯ

В РАДИОВОЙНЕ ПРОТИВ НЕМЕЦКОГО И ФИНСКОГО ФАШИЗМА*

Предисловие Н. С. Тихонова

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АРМАСЕ ЭЙКИЯ

Финский поэт, прозаик, пропагандист, Армас Эйкия (1904—1965) с самых молодых лет стал активным участником революционного движения Финляндии.

Человек суровой трудовой жизни, прирожденный борец за права народа, он прошел большой путь революционера, смело вступая в битву с реакционерами и фашистами. Он был членом ЦК Коммунистической партии Финляндии, главным редактором газеты «Известия рабочих организаций». Как революционный поэт и страстный публицист, он был ненавистен фашистским хозяевам страны, которые бросили его в тюрьму и после пятилетнего заключения окружили таким наблюдением охранки и лапуасской агентуры, что он должен был покинуть Финляндию, так как впереди могла быть только новая тюрьма.

После Швеции он попал в Советский Союз и здесь продолжал борьбу против реакции, рвавшейся вместе с Гитлером на войну с Советской страной.

В бурные годы войны я хорошо узнал характер этого непримиримого борца за свободу своего народа. Он, по природе своей бесстрашный человек, не боявшийся никаких опасностей, вел в осажденном Ленинграде большую пропагандистскую работу в радиовойне против немецкого и финского фашизма, о которой он рассказывает в своих воспоминаниях.

Он был изобретателен в этой непрерывной работе, применял самые различные способы воздействия на финских солдат, которые охотно слушали его передачи и читали написанные им листовки. Он советовался с нами, писателями, работавшими в Политуправлении Ленинградского фронта. Нас связывала большая, старая дружба. Иногда мы с Саяновым и Прокофьевым, вместе с ним, придумывали новые листовки и передачи. Так нами были выдуманы два финских солдата, которые вели короткую беседу о политическом моменте. Один из солдат был тупой фашист-шюцкоровец, другой — наивный дурак, который задавал фашисту вопросы, казалось бы патриотического содержания, но и вопросы и ответы его партнера были так построены, что вызывали смех и одновременно заставляли задумываться.

Финские войска, остановленные осенью 1942 года на линии старой границы, до нашего победоносного наступления летом 1944 года не предпринимали больше никаких крупных военных действий, и в условиях позиционной войны финские солдаты охотно слушали глубокосодержательные, изложенные с народным юмором и большой убедительной силой, выступления Армаса Эйкия и даже, можно сказать,

---

* Публикуемые воспоминания были написаны Армасом Эйкия в 1964 г. для настоящего тома «Литературного наследства». Они печатаются в переводе с финского Г. П. Корень. Предисловие Н. С. Тихонова написано после смерти А. Эйкия, последовавшей в ноябре 1965 г. — *Ред.*

привыкли к ним настолько, что он стал очень популярен среди солдат, силой втянутых в войну за «Великую Финляндию до Урала», о которой бредили фашисты-лапуасцы.

Когда взятые в плен после разгрома новой линии Маннергейма финские солдаты освоились в своем новом положении, увидели, что плен есть спасение и единственный выход из безвыходного положения, они попросили, чтобы к ним приехал тот человек, который три года вел с ними беседу о бессмысленности войны на стороне Гитлера и об освобождении Финляндии из-под власти фашистов, человек, к слову которого они привыкли,— Армас Эйкия.

И он приехал и беседовал теперь лицом к лицу со своими постоянными слушателями и читателями его листовок. Со свойственным ему юмором Армас Эйкия рассказывал им, как фашисты Гитлера и Маннергейма уже напечатали билеты на ужин победы в гостинице «Астория» в Ленинграде и как билеты остались на память потомству, а ужин не состоялся.

Армас Эйкия принадлежал к тем цельным натурам, для которых в жизни возможен только прямой путь. Никаких компромиссов, никаких соглашательств. В его политических и лирических стихах отражен национальный финский характер, этим стихам присуща вера в дух интернационализма, в победу Советского Союза, в новый революционный гуманизм, в свободного человека будущего.

Им написана прекрасная поэма об одном из виднейших революционеров Финляндии, Тойво Антикайнене, а также поэма «Человек вне закона» — о судьбе финского коммуниста, который отказался сражаться против Советского Союза, о его героическом сопротивлении и смерти в бою с фашистами.

Армасом Эйкия, который до последнего дня своей жизни жил в Хельсинки, создана и сатирическая книга «Лотта Хильпеляйнен» — в ней он разоблачал разложение и продажность реакционных государственных деятелей, наживавшихся на войне.

Он много переводил русских поэтов-классиков и советских поэтов. Известны его переводы Пушкина, Лермонтова, Блока, Брюсова, Маяковского. Им написана книга о Владимире Маяковском. И книга об основоположнике финской пролетарской поэзии Кёсси Каатра.

Он пользовался большой популярностью и любовью честных людей Финляндии, мирных тружеников, и имя его было грозой для тех, кто еще мечтал о возврате к прошлому, к тем временам, когда фашизм давил страну железным каблуком шюцкоровского сапога.

В книге о Великой Отечественной войне среди имен его боевых друзей должно быть названо и его имя — поэта, солдата, борца, гуманиста.

Так же как многие другие писатели фашистских стран, воевавших на стороне гитлеровской Германии, я участвовал в войне на стороне СССР и его союзников. Я хотел таким образом содействовать освобождению народа Финляндии от тирании Гитлера. Когда финская армия, подчиняясь своему правительству, которое действовало по указке Гитлера, пошла в 1941 г. в наступление против Советского Союза и Ленинград оказался блокированным и со стороны Финляндии, я переехал из Петрозаводска в Ленинград, чтобы разъяснять по радио народу Финляндии, что его втянули в войну не на той стороне и что его долг выйти из войны как можно скорее.

Я пробыл в Ленинграде почти всю войну. Видел страдания ленинградцев во время блокады и видел мужество защитников Ленинграда, о которых уже написано много хороших произведений.

Однако в своих воспоминаниях я не затрону этой темы, а расскажу о том, что для многих советских читателей будет новым и, возможно, небезынтересным, — об освободительной войне на радиоволнах.

Из Ленинграда было проще всего обращаться по радио к народу Финляндии, вынужденному слушать только прогерманские тексты фашист-

АРМАС ЭЙКИЯ
Фотография, 1943
Литературный музей, Москва

ских пропагандистов. Радиоспециалисты Советского Союза изобрели способ, дававший возможность вклиниваться в волну радиостанции Лахти, через которую из Хельсинки передавали военную пропаганду. Так для меня оказалось возможным вступить непосредственно в диспут с пропагандистами военного правительства Финляндии.

Наш диспут начался внезапно, и он застал пропагандистов Хельсинкского радио совершенно врасплох. Когда они заверяли своих слушателей, что победа Гитлера — дело верное, тайный голос возразил: «Не спешите, война только началась». Из Хельсинки сообщили, что «основные силы Красной Армии уже разгромлены», и сразу был дан ответ: «Их еще даже не успели мобилизовать». «Финляндия победит вместе со своими немецкими братьями по оружию»,— уверяли в Хельсинки. «Кто с господами из Германии по ягоды пойдет, тот и кузовка своего не найдет»,— отвечал голос финской пословицей. Иногда я пользовался даже текстом Библии — ведь в числе радиослушателей было много верующих. Помню, к примеру, как некий Ватанен, делая обзор военного положения, заявил, что военные силы Германии и Финляндии скоро покончат с ленинградским котлом и «получат чудесный улов Петра». Я ответил: «Как в Библии сказано, такой чудесный улов, что их сети прорвались».

Такого рода радиовойна была внове, и слушатели были так же ошеломлены, как и руководители финского радио. Финские инженеры, очевидно, не в состоянии были сразу разобраться, каким образом свободное слово могло путать все карты любителей военной пропаганды, утверждавших, что Гитлер ведет молниеносную войну и выиграет ее в несколько месяцев. Сюрпризом для слушателей был ответ, слышный так же ясно, как и голос Хельсинкского радио: «Против Гитлера — Советский Союз и военная коалиция западных государств, у которых многократный экономический и

военный перевес. Эта сила еще не собрана, но ее объединят и разобьют Гитлера. Только болваны хотят идти на гибель за деспотию Гитлера». Такие беглые короткие замечания напоминали радиослушателям о фактах, которые замалчивала финская фашистская пропаганда. Они заставляли людей задуматься над вопросом: зачем Финляндия должна вести войну за германский империализм? Поэтому от финских радиоинженеров потребовали, чтобы они нашли средство, которое могло бы заглушить этот раздражавший правителей Финляндии голос.

И инженеры нашли. Вскоре я уже не мог спокойно вставлять свои замечания. Как только слышался мой голос, в Хельсинки запускали машину для помех, которая тут же его заглушала. Но изобретение было не очень гениальным, ибо оно заглушало и голоса военных пропагандистов, излагавших свои официальные соображения по Хельсинкскому радио. Радиовойна на этом далеко не закончилась. Я просиживал у микрофона иногда до позднего вечера и отвечал как можно более короткими фразами, поскольку приведение и действие глушилки требовало хотя бы нескольких секунд времени. И я всегда успевал сказать несколько слов, прежде чем сильное жужжание начинало заглушать голоса как мой, так и моего соперника. Тут уже не оставалось времени на обоснования и выводы: необходимо было все сказать коротко. Когда в Хельсинки заявляли, что «война уже выиграна», слышалось восклицание: «Она только начинается». За этим следовало жужжание, заглушавшее оба голоса. Когда жужжание прекращалось, голос из пространства спрашивал: «Вы боитесь голоса правды?» И — снова непрерывное жужжание. Иногда ему случалось длиться долго. Но ведь не могла же радиостанция посылать в эфир только одно жужжание! Борьба за право голоса продолжалась целыми днями. Позднее, когда я уставал от бесконечного сидения у микрофона, беседа прекращалась, но время от времени она возобновлялась,— и так было до самого конца войны.

В роли одного из самых рьяных пропагандистов Гитлера и Маннергейма выступал тогда по финскому радио бывший сыщик охранки Юрье Кильпеляйнен. У него на радио были постоянные передачи под рубрикой «Почтовый ящик Яфета». Радиослушатели писали Яфету, высказывали различные мнения и ставили вопросы, на которые Яфет отвечал обыкновенно с юмором, в стиле жителей Саво*.

Радиослушатели прислали ему вопрос, что это за голос, который постоянно возражает ему и заставляет радио жужжать так, что подчас ничего не слышно. Яфет со своими помощниками знал мой голос, который часто совершенно лишал его чувства юмора. Он начал наступление против меня. Яфет пообещал, что как только финская армия вступит в Ленинград, Эйкия посадят в клетку, отправят в Финляндию и повезут по улицам городов и деревень, чтобы все могли поиздеваться над ним. Я, естественно, ответил: «После окончания войны и разгрома фашизма я вернусь на родину добровольно. Хотелось бы только, чтобы Финляндия вышла из войны Гитлера раньше, чем военные руководители сами окажутся в клетке».

После этого Яфет взял на себя задачу отвечать на вопросы, которые задавали радиослушатели об Эйкия. Однажды он сочинил даже, что Эйкия до войны где-то растратил деньги какого-то объединения и является, стало быть, «уголовным преступником». Но никакие лживые выдумки не могли заставить исчезнуть из финского радио голос, шедший как бы из вселенной. И чем больше проходило времени, тем все более настойчивым становился голос. «Не мешайте,— заявлял голос,— дайте мне говорить

* Жители губернии Саво известны в Финляндии как забавные остряки и шутники. Отпуская остроты, они остаются невозмутимо серьезными, словно бы не замечая собственных шуток *(прим. переводчика)*.

правду только один час в сутки, а все остальное время — 23 часа — можете лгать, как хотите».

Когда вслед за Италией и другие сателлиты Гитлера стали стремиться выйти из войны, одна финская газета написала, что экспресс событий мчится быстро. Голос заметил на это: «Смотрите, друзья хорошие, как бы Суоми не отстала от поезда». Спустя пять лет после окончания войны один лапландский крестьянин, будучи в Хельсинки, пришел повидаться со мной, и когда я спросил, что слышно там, в Северной Финляндии, он ухмыльнулся и сказал: «Я зашел только познакомиться и сказать спасибо. Это ведь вы тогда говорили, что наша Суоми не должна отстать от экспресса».

Это была особая «холодная война», делавшая финских работников радио, ревностных слуг Гитлера, настоящим посмешищем. Пословицы, анекдоты и иронические замечания, которые слышались как будто бы из-за спины гитлеровского военного пропагандиста, подтверждали вести о поражениях, прибывавшие из других мест. Они постепенно оказывали свое влияние и на настроения солдат, убеждали в том, что не стоит финнам лишаться голов в войне за Гитлера и его маршала. Когда летом 1944 г. началось наступление Советской Армии на Карельском перешейке, сыны Суоми часто, ничтоже сумняшеся, пускались в бегство. Но я не верю, что это происходило по причине их трусости. Полагаю, что мужественные финские солдаты бежали потому, что они действительно потеряли веру в победу фашистских правителей Германии и Финляндии и хотели мира. Впоследствии я слышал, что многие из них смеялись и говорили о том, как хорошо было бежать, когда незадолго до побега по радио слышалось дружеское напутствие: «Ребята, возьмите-ка бутылочку воды из Сестрыреки и Свири и отнесите ее на память маршалу, что перебивается в тылу».

В радиопередачах, посылаемых мною на ленинградских волнах, я пытался разъяснить финнам то же самое. Я знал в начале войны, что и военное руководство Финляндии, и армейские офицеры верят в победу Гитлера. Поэтому моей первоочередной задачей было пошатнуть эту веру. В обзорах военного положения я отмечал, что победы Гитлера были возможны, главным образом, потому, что пока он еще не сталкивался с такой силой, которая могла бы разбить закаленные на полях сражений фашистские армии. А сила такая существует. Во-первых, это Советский Союз, который пока еще не собрал всей своей мощи, но уже собирает. Во-вторых, это западные союзники, которые пока еще по-настоящему не участвуют в схватке, но которые скоро вынуждены будут принять в ней участие, как бы косо они ни смотрели на Советский Союз. Второй фронт откроется в свое время. Это означает, что против Гитлера и его сателлитов есть боевой союз с многократным экономическим и военным перевесом. В-третьих, войска Гитлера оккупировали многие страны и подняли там гнев народных масс против фашизма. На захваченных территориях Советского Союза ведется партизанская война, которая постоянно подрывает силу оккупантов.

Движение Сопротивления нарастает и оформляется сейчас во всех оккупированных Гитлером странах и будет заметно приближать момент поражения гитлеровской Германии. Через некоторое время эти силы скажут свое веское слово. Германия Гитлера падет, а Финляндия поступит тем умнее, чем скорее она выйдет из войны. Военное правительство — Рюти, Маннергейм, Таннер и компания — не желает делать этого, так как слепо надеется на победу Гитлера. Значит солдатам надо быть более прозорливыми, сдаваться в плен или бежать в тыл и организовывать движение Сопротивления. Народным массам нужно требовать мира, нужно устранить военное правительство, безропотно подчиняющееся приказам Гитлера и ведущее народ к гибели.

ОБРАЩЕНИЕ К ФИНСКИМ СОЛДАТАМ

Линогравюра Б. И. Пророкова. Полуостров Ханко, лето 1941 г. Текст листовки: «Солдаты и офицеры финской армии! Довольно проливать кровь за интересы Гитлера. Сбросьте с ваших плеч фашистских наемников»

Собрание В. А. Рудного, Москва

В 1941—1942 гг. эти доводы не казались в Финляндии очень убедительными. Военная пропаганда правительства, которая распространялась не только по радио и через печать, но также через школы и церкви, заставила большинство народа поверить, что Гитлер победит, а с ним вместе победит и Суоми. В Ленинграде я встречал в 1941 г. только два типа финских военнопленных: тех, которые были в восторге от побед Гитлера, и таких, которые считали это делом очень скверным, но тем не менее неизбежным. Попадались и такие, которые принимались угрожать, несмотря на свое положение военнопленных, запугивали нас приходом в Ленинград Гитлера и Маннергейма. Разумные речи в то время, казалось, не помогали.

К концу 1942 г. положение начало постепенно меняться. Военнопленные заявляли уже всё более часто, что они не верят в победу Гитлера. Даже те, которые на нее еще недавно надеялись, начинали сомневаться. В начале 1943 г. военнопленные уже довольно часто осуждали финское правительство и желали выхода Финляндии из войны. Официальной пропаганде Финляндии пришлось тогда уже и по радио возражать тем, которые слушали «нашептывания коммунистов» и саботировали военные мероприятия. Так я получал с помощью и финского радио, и военнопленных довольно точные сведения о положении дел и мог в связи с этим менять тон моих радиообозрений.

Впоследствии я пробовал разузнавать о том, как менялись настроения в Финляндии в военные годы, и впечатление у меня сложилось такое, что пассивное сопротивление народных масс было в 1943—1944 гг. очень широким, тогда как активная борьба против войны и военного правитель-

ства была незначительна. Но естественно, что даже незначительные признаки активного сопротивления, так же как и рост в народе настроений против войны, повлияли на то, что внутри военного правительства и руководства армии возникли противоречия, которые усиливались в связи с непрерывно ухудшавшимся военным положением. Видя неизбежное поражение Гитлера и понимая, что ни Англия, ни Соединенные Штаты не смогут уберечь их от ответственности, финские военные руководители решили спасти хоть что-нибудь и пошли на прекращение войны в сентябре 1944 г. На протяжении предшествовавших этому месяцев в радиовойне обсуждался, главным образом, вопрос о том, когда Финляндия выйдет из войны.

Помимо такого прозаического разговора, я в течение всей войны передавал на ленинградских радиоволнах свои стихи, которых писал довольно много. Обычно, сделав обзор военного положения и подвергнув критике политику правительства Финляндии, я заканчивал вечер «новинкой». Часто это бывала эпиграмма, посвященная какому-нибудь злободневному событию. Когда, например, военное правительство Финляндии в марте 1943 г. было переформировано с целью обмануть общественное мнение и создать впечатление, что якобы создано новое правительство «на широкой парламентской основе», я послал в эфир следующую «вечернюю новинку»:

На парламентской основе
Пусть правительство сидит;
Каждый знает, что на деле
Гитлер им руководит!

Таких «вечерних новинок» появилась в период войны не одна сотня. Но, разумеется, в области поэзии я не ограничивался только сатирой. Так, в начале войны, когда финская военная пропаганда провозгласила, что Ленинград скоро будет повержен и уничтожен, я много раз читал по радио написанное тогда мною стихотворение «Вечный город Ленина». Последняя строка в каждой строфе повторяла мысль, что Ленинград вечен. Заключительная строфа звучала так:

Ленинград, не сдающийся, верящий твердо в победу,
Час придет — разметешь ты фашистов железной метлой.
Пленных стран города за тобою подымутся следом
И захватчиков подлых бесстрашно прогонят долой...
Над Невой возмущенной снаряды, как огненный град,
Но стоит, как скала, вечно будет стоять Ленинград *.

В 1942 г. среди финских солдат был распространен сборник моих стихов «Зажигательные бомбы», куда вошли такие стихи, как «Пещерный человек», «Отчет перед историей», «Песня обездоленных». Два первых, как и «Вечный Ленинград», были опубликованы в русском переводе в сборнике «Под северным сиянием» (1955). Русский перевод «Песни обездоленных» был помещен в сборнике «Поэзия Финляндии» (1962). В сборнике на финском языке «Огненное кантеле», вышедшем вскоре после окончания войны, были напечатаны главным образом стихи, написанные в период блокады Ленинграда, в том числе поэма «Мать человеческая», которая появилась также на русском языке в сборнике «Не смеркнет свет».

Некоторые стихи, написанные во время войны, есть и в моем сборнике «Стихотворения», опубликованном в 1963 г. на русском языке. В нем есть, в частности, замечательный перевод Н. Брауна моей поэмы «Человек вне закона», в которой описывается героическая борьба и гибель финского коммуниста Вейкко Пёюсти, участвовавшего в 1942 г. в движении Сопротивления.

* Перевод П. Железнова.

Фашистская военная пропаганда Финляндии, естественно, объявила меня «изменником родины» за то, что я боролся на стороне СССР и его союзников против гитлеровской Германии и ее вассалов. Мне приходилось часто разъяснять по радио этот вопрос, и я доказывал, что немало честных патриотов из стран, втянутых в войну Германией в качестве ее союзников, оказались в изгнании и сражались против фашизма. Моя борьба против воечного правительства Финляндии была борьбой за мою родину Суоми и за ее народ. Этой теме посвящено мое стихотворение «Отчет перед историей», заканчивающееся призывом ко всем финнам:

Мы одни
пред Историей строгой
в ответе,
будешь ты
виноват
и я,
если прочь
не прогоним
предателей этих,
лица подлые
заклеймя!
Остаются
часы
и минуты
для этого!
Если жаждешь свободы
простой человек,—
ты гони из страны
палачей финноедов!
И История
это запишет навек! *

Военная пропаганда Рюти и Таннера отвечала, задыхаясь от злобы, на эти стихи-лозунги. Но Финляндия поступила именно так, как советовал поэт. Когда было подписано перемирие 19 сентября 1944 г., в его условиях был пункт, по которому финская армия должна была изгнать немецкие нацистские войска из Финляндии. Те сопротивлялись до последнего, жгли и разрушали области Лапландии, но закон истории оставался неумолим. Нацистов изгнали из Финляндии, и этот факт действительно сохранился в летописях истории. Он означал спасение самостоятельности Финляндии, начало периода дружбы Финляндии и Советского Союза. Я горжусь тем, что сражался за эту дружбу в самые тяжелые дни войны, так же как тысячи других граждан порабощенной фашизмом Финляндии. И хотя силы войны и национализма имеют пока еще влияние в среде реакционной буржуазии Финляндии, я уверен в том, что их ждет окончательное поражение и что народам Финляндии и Советского Союза никогда больше не придется переживать «годы великой ненависти».

* Перевод С. Кирсанов

III

ИЗ ЧИТАТЕЛЬСКИХ ОТКЛИКОВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВОЕННЫХ ЛЕТ

СТИХИ ЧИТАТЕЛЕЙ «ВАСИЛИЯ ТЕРКИНА»

Предисловие и публикация Ю. Г. Буртина

Уже при первом своем появлении в свет в виде отдельных глав, печатавшихся в армейских газетах и журналах, «Василий Теркин» А. Твардовского получил широчайший отклик в читательской массе. Одной из самых любимых и знаемых народом книг остается он и по сию пору. Помимо основного своего доброго влияния на умы и сердца, «Теркин» оказал на многих читателей воздействие, которого, очевидно, никак не ожидал и сам автор: он пробудил в них стремление к собственному поэтическому творчеству. В потоке писем, которые получил и продолжает получать поэт от читателей, значительное место заняли стихотворные послания, подражания, попытки «продолжить» поэму — частью рукописные, частью печатавшиеся в стенгазетах и многотиражках. Число произведений, входящих в эту народно-поэтическую «теркиниану», исчисляется сотнями, а общий ее объем во много раз превышает объем самой «Книги про бойца».

О существовании таких стихотворных откликов широкий читатель узнал в 1951 г., когда была впервые опубликована статья Твардовского «Как был написан „Василий Теркин" (Ответ читателям)», дополненная в 1962 г. рядом новых интересных сведений [1]. В этой статье были упомянуты и приведены в отрывках стихи некоторых из читателей поэмы, названы основные мотивы и жанры этих произведений, определен их полуфольклорный характер и их отношение к «Книге про бойца».

Будучи удивительным и, может быть, даже единственным в своем роде фактом в истории литературы, читательская «теркиниана» служит вместе с тем доказательством роста нашей культуры, невиданно интенсивного распространения ее вширь, резкого повышения роли литературы в жизни масс.

Читатель «Теркина» — народ. Среди авторов стихотворных посланий Твардовскому мы находим художника и прораба, авиационного механика и лифтера, старого большевика и комсомольца-целинника, лесоруба с Карпат, рыбака из Мурманска и пожарного из Сибири; в большинстве своем это рабочие, колхозники и — особенно часто — солдаты и офицеры Советской Армии. При этом стихи читателей «Теркина» знаменуют собой именно то состояние нашей культуры, которое характерно для 40—60-х годов. Появись подобная книга лет на 30 раньше, например, в годы гражданской войны,— всей этой массы стихотворных откликов просто не могло быть. Появись она на 30 лет позднее,— культурный уровень авторов таких откликов не был бы, очевидно, столь различен, как ныне: от малограмотности до свободного владения современной поэтической формой.

Стихи читателей во многих отношениях интересны для историка литературы. Начать с того, что в них непосредственно выражена оценка, которую дали поэме Твардовского те, для кого он и писал ее,— современники поэта. «Ваша повесть — просто клад» (В. А. Литаврин), «мне она всех книг дороже...» (И. Н. Портнов), «поэма милая» (Т. В. Ковалева), «славный труд» (В. А. Алексеев) — вот некоторые из огромного числа единодушно высоких оценок «Книги про бойца» в стихах читателей.

В изобилии находим мы здесь свидетельства редкостной популярности книги, ее особой судьбы. Она идет с бойцами по дорогам войны — в планшетке командира

(В. А. Алексеев) и в походном мешке солдата (А. Демидов). Ее находят рядом с убитым красноармейцем (А. Зуев), ее дарят другу-однополчанину (В. Полынцев), ею «делятся, как ложкой фронтовой» (Г. Н. Фролов). Ее перечитывают многократно: «Поэму вашу три раза подряд я перечитывал от корки и до корки» (В. Сапиженко), «Раз пять с начала до конца поэму вашу прочитал» (В. Бесперстов), «Вашу книгу мы до корки прочитали в сотый раз» (Е. Чумаков) и т. д. Ее знают наизусть и передают изустно. В окопах и на привале, в армейской столовой и на полигоне после стрельб ее читают коллективно, для всех, и стихотворные послания к автору пишутся нередко «от целой роты» (Ж. Ягупов), «по поручению солдат» (Г. Н. Фролов), «по поручению коллектива» (А. Е. Морковкин). Множество раз высказывается в стихотворной почте Твардовского утверждение, что его поэму «знают все, вся страна родная» (В. И. Михайлов). И хотя, строго говоря, в таких заявлениях есть некоторое преувеличение, факт исключительно широкой известности «Книги про бойца» передается ими вполне точно.

Чем же пришлась по душе читателям поэма Твардовского?

С неизменным одобрением отмечают они простоту поэтической формы «Василия Теркина». «Книга самая простая» — так характеризует поэму В. А. Алексеев. «За простой язык родной» подружился с ее героем А. Зуев. «Сочный стих, простой, свободный» приводит в восхищение И. Н. Портнова.

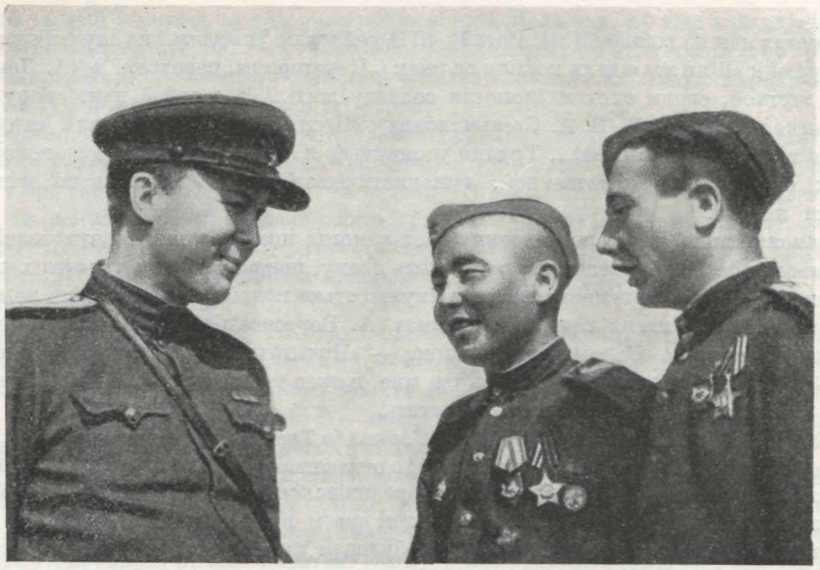
Надо заметить, что простота стиха и стиля поэмы не мыслится ее читателями как самодовлеющее достоинство. «Книга про бойца» ценна для них именно тем, что она просто говорит о самом главном и подчас весьма сложном в жизни и характере народа. «Чтоб, как вы, простым словом так много сказать,/так волнующе, сильно и строго,/так увидеть, познать, передать,/ — такой дар, верно, дан лишь немногим»,— пишет И. Долина. В ином выражении эту мысль высказывают и другие авторы.

Правда. Это слово повторяется в стихотворных посланиях поэту, кажется, еще чаще, нежели слово «простота». Читатели Теркина высоко ценят ту достоверность и точность, с которой описана в нем жизнь народа на войне. «Кто же жизнь солдата знает так, как вы? — Нет никого»,— пишет Ж. Ягупов. «Знатоком» армейской жизни называют Твардовского гвардии капитаны Махов и Баста. «Твардовский, ты для нас солдат!..» — восклицает В. Горельчиков. «Чистой правдой про бойца» привлекает поэма бывшего фронтовика Д. П. Ротая. И речь идет тут, конечно, не только об умении верно передать живые подробности солдатского быта, но обо всей той большой, мужественной правде, которую несет в себе книга. Авторы некоторых посланий прямо противопоставляют ее произведениям, дающим облегченное изображение действительности: «Что мне книги те, в которых / больше сказочных прикрас. / Мне один, быть может, дорог / твой про Теркина рассказ» (А. Демидов).

Читательские оценки «Книги про бойца» со всей очевидностью показывают, как чуток наш читатель к правде, как безошибочно отличает он ее от того, что порой лишь «условливаются» считать правдой, и с какой благодарностью откликается он на подлинную правду в искусстве.

Особой симпатией у читателей пользуется главный герой поэмы Твардовского. Его не только уважают, не только видят в нем пример для подражания («Это очень честь большая — /быть похожим на него»,— пишет, например, М. Редько),— отношение к Теркину по-особому тепло и интимно. «Полюбил тебя, героя, / как родного земляка»,— рассказывает А. Зуев. «Подружились крепко, вечно, /стал ты сразу мне родным»,— вторит ему И. М. Гиндин. «Миллионам полюбился крепко Теркин — /Родины веселый рядовой»,— пишет Г. А. Григорова. Сколько таких признаний рассыпано по страницам стихов, написанных читателями! «Родной товарищ» (М. Шаманина), «наш товарищ боевой» (Д. Д. Балнов), «друг, товарищ, старший брат» (М. Редько), «наш старый верный друг» (Е. Леднев), «друг душевный» (В. А. Стельмахович), «друг сердечный» (Н. П. Сазонов), «друг большой» (В. Минеров), «милый друг» (И. Олифиренко), «наш родной дружок» (В. А. Литаврин), «любимый брат» (Д. Денисюк), «для солдата — брат родной» (Ю. Н. Морятов), «милый наш герой» (И. Ганабин), «наш любимейший герой» (В. Грузман) — так именуется Теркин в стихотворных читательских откликах.

Много интересных соображений высказывается здесь и о характере Теркина, а в особенности—о достоинствах и значении его образа, об его индивидуальности и типич-



А. Т. ТВАРДОВСКИЙ БЕСЕДУЕТ СО СНАЙПЕРАМИ
Справа — старшина Алексей Русаков, в центре — ст. сержант Джуман Эсеркиев
Фотография Н. А. Баканова. 3 Белорусский фронт, 9 июля 1944 г.
Собрание Н. А. Баканова, Москва

ности. Жизненная убедительность образа оказалась такова, что многие из авторов твердо уверены: Теркин — конкретное лицо, пусть «описанное» в поэме, но существующее и независимо от нее. Это распространенное мнение удачно сформулировал В. Запашный: «И, конечно же, не кстати /объяснения для них, /что не видел и писатель/ Ваську Теркина в живых, /что такого не бывало, /что типичный он герой... /До того им дела мало — /он не книжный, а живой!» Именно искренним убеждением в «реальности» Теркина продиктованы те многочисленные вопросы Твардовскому относительно сегодняшней судьбы его героя (по крайней мере — бóльшая часть из них), которые составляют содержание десятков адресованных ему стихотворных посланий [2].

С другой стороны, очень многие из авторов таких посланий подчеркивают как раз тот факт, что «типичный он герой». Современники поэта ощущают свое внутреннее родство с Теркиным. В их стихах мы находим на этот счет весьма определенные заявления: «Я Теркин, хоть пишусь Попов»; «Теркин, Теркин!.. Это имя стало именем моим...» (А. Демидов); «... И выходит: чем-то, как-то я на Теркина похож» (М. Редько); «Каждый чувствовал частицу Васи Теркина в себе» (В. А. Алексеев) и др. Хочется привести и такое замечание о Теркине: «Возраст для него не скажешь, /вот запинка нам опять: может, годиков под двадцать, /может быть — под сорок пять» (И. Трофимчук). Как нам представляется, здесь верно нащупываются те особенности типизации, которые свойственны «Книге про бойца»,— присущая ей, по выражению автора, «фронтовая всеобщность содержания».

Выразительно определяют читатели исключительную масштабность и емкость образа Теркина, вобравшего в себя решающие черты русского национального характера. В такой глубине и масштабности они видят залог «долголетия» героя. «Теркин с нами, он — народ» (В. Бесперстов); «Твой Теркин бессмертный! Ты в нем воплотил всю Русь необъятную» (Беловодов); «Теркин вечен, как Россия!» (Н. Богданов) — вот лишь малая часть высказываний такого рода в стихах читателей поэмы.

Множество раз повторяется в стихотворных откликах, становясь одним из главных их мотивов, мысль о том, что своей поэмой поэт удовлетворил в годы войны насущную потребность огромной массы людей, помог им выстоять и разгромить врага. Адресуя слова благодарности то к автору, то к герою, они говорят: «Мало знают, сколько Тер-

кин помогал нам на войне» (Д. П. Ротай); «С Васей мы не унывали,/ не скучали никогда» (С. Хмурый); «Шли мы в даль и жили словом: /„Перетерпим, перетрем!"» (А. Демидов); «Своей шуткой, своим словом /помогал солдату жить./ И с тобой нам, спору нету,/ было легче немцев бить» (В. А. Стельмахович); «Песня ваша к сердцу шла /струей желанного тепла» (А. Вересова)... Трудно усомниться в ценности такого рода непосредственных свидетельств действенной, гуманистической роли подлинного искусства в жизни народа.

Знаменательно, что в послевоенные годы, когда поэт получил от читателей «Теркина» массу просьб и пожеланий продолжить поэму, показав героя в условиях мирного времени, они обычно аргументировались «нужностью» подобной книги: «Еще нам жизнь порой трудна, нам песня ваша так нужна» (А. Вересова); «Помочь ты должен нам, поэт, как во времена военных лет» (подпись — «Почитатель»); «Теркин нужен нам вот так!» (Ж. Ягупов); «В эти дни, поверь ты мне, нужен ты, как на войне» (В. Динабургский). Число таких выписок легко умножить.

В статье «Как был написан „Василий Теркин"» Твардовский изложил свой взгляд на «продолжение» книги, решительно от него отказавшись: «Я отвечал и отвечаю моим корреспондентам, что „Теркин" — книга, родившаяся в особой, неповторимой атмосфере военных лет и что, завершенная в этом своем особом качестве, книга не может быть продолжена на ином материале, требующем иного героя, иных мотивов»[3]. Что касается поэмы «Теркин на том свете», то это вещь совсем иного, сатирического задания, и она, конечно, ни в какой мере не является продолжением «Книги про бойца». Теркин здесь, по сути дела, служебный персонаж, помогающий читателю со всей силой ощутить, сколь тяжко живой человеческой душе в мертвом царстве казенщины и бюрократизма. Уместно вспомнить в этой связи следующие строки из только что цитированной статьи поэта: «Правда, история литературы знает примеры „использования готовых образов", как это мы встречаем, например, у Салтыкова-Щедрина, переносившего грибоедовского Молчалина или гоголевского Ноздрева в условия иной действительности — из первой во вторую половину XIX века. Но это оправдывалось особыми задачами сатирико-публицистического жанра, не столь озабоченного, так сказать, вторичной полнокровной жизнью этих образов как таковых, а использующего их характеристические, привычные для читателя черты в применении к иному материалу и в иных целях...»[4] В новой поэме Твардовского Теркин используется именно так.

Но если сам автор отказался продолжить «Книгу про бойца», то для некоторых читателей его отказ послужил, очевидно, лишь дополнительным стимулом к их собственному творчеству в этом роде. Как уже говорилось, и до и после появления названной статьи, начиная с 1943 г. и по сию пору, во множестве создаются подражания «Теркину». Иногда это сравнительно небольшие произведения, иногда же — многостраничные поэмы с развернутым сюжетом. Обычно героем их является Василий Теркин, и действие их начинается с того момента, когда оставил его Твардовский. В других случаях подражание не принимает форму прямого «продолжения» книги; герой там — сын Василия, унаследовавший все качества отца, или человек теркинского характера под какой-либо иной фамилией. Рабочий большого завода, техник на строительстве Волго-Донского канала, инженер МТС, председатель колхоза, директор совхоза, агроном, моряк, шофер, пожарник, солдат, курсант — вот далеко не полный перечень тех профессий и положений, в которые ставят послевоенного Теркина читатели поэмы. И то, что оказывается возможным представить его в столь различных сферах мирной жизни, и само желание каждого из авторов видеть любимого героя рядом с собой, видеть его своим земляком или товарищем по профессии,— служит лишним доказательством удивительной «общечеловечности» и современности «Книги про бойца».

Опубликование в 1963 г. поэмы «Теркин на том свете» также принесло автору чрезвычайно обширную стихотворную почту, вызвало множество новых подражаний «старому» и «новому» «Теркину». Ощущая своеобразие сатирической поэмы Твардовского, читатели вместе с тем обычно не противопоставляют ее «Книге про бойца». Подчас даже трудно бывает установить, какой — «старый» или «новый» — «Теркин» в большей

степени вызвал к жизни то или иное подражание. Дело тут, на наш взгляд, не только в единстве главного героя, не только в сохранении стиха и стиля: при всем различии содержания этих произведений многие читатели сознают их общую народную, гуманистическую и жизнеутверждающую основу.

В стихотворных посланиях читателей «Теркина» встречаются также интересные суждения о других произведениях Твардовского и оценки его творчества в целом. Как «Книгу про бойца», так и другие произведения Твардовского его корреспонденты ценят за то, что в них «строчка каждая своею правдой хороша» (В. Горельчиков), за то, что сочетаются в них «глубина и простота» (С. Муравей), за то, что поэт неизменно остается «первым другом», «спутником» и «певцом» (А. Демидов) рядового человека, простого труженика мира и войны.

Следует сказать и о том, что стихи читателей «Теркина» представляют собой нередко весьма любопытные человеческие документы, оживляющие важные страницы нашей истории. Лишения и тяготы войны, счастье великой победы, нелегкая жизнь в послевоенной деревне, энтузиазм покорителей целины и т. п. предстают в них с достоверностью непосредственного, бесхитростного свидетельства.

Художественный уровень произведений, входящих в «теркиниану», конечно, различен. Есть среди них и весьма слабые, написанные часто «людьми, впервые пробующими свои силы в подобном деле» (Твардовский [5]). Некоторые из авторов прямо сообщают об этом: «Сроду не был я поэтом» (А. Зуев); «С грамматикой я не в ладу и с техникой стихосложения...» (Н. П. Сазонов) и т. д. Взявшись за перо под обаянием «Книги про бойца», читатели в большинстве своем сознательно или бессознательно воспроизводят стиль и ритмику «оригинала»: большая часть стихов написана «теркинскими» размерами — четырехстопным хореем с перекрестной женской и мужской рифмовкой и четырех-трехстопным хореем с перекрестной же мужской и женской рифмовкой. В некоторых случаях заметны следы и других литературных влияний ((Пушкин, Кольцов, Исаковский). Есть среди стихов «теркинианы» и произведения, написанные почти профессионально, способные вызвать не только исследовательский, но и чисто читательский интерес.

В предлагаемой публикации представлено — обычно в отрывках или в сокращении, порой весьма значительном — несколько десятков произведений читателей «Теркина». Публикация состоит из трех разделов:

в первом помещены произведения, в которых по преимуществу выражается отношение к «Книге про бойца», ее герою и автору;

во втором — произведения, содержащие вопросы и пожелания поэту и его герою;

в третьем — «продолжения» поэмы Твардовского и подражания ей.

Публикуемые материалы хранятся в личном архиве А. Т. Твардовского и предоставлены им редакции «Литературного наследства».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. в книге: А. Твардовский. Статьи и заметки о литературе. Издание второе, дополненное. М., «Сов. писатель», 1963, стр. 113—174. Многие читательские отклики приводятся также в книге П. Выходцева «Александр Твардовский». М., «Сов. писатель», 1958, стр. 274—298.

[2] Этой части читателей поэт должен был специально разъяснить, что «Василий Теркин ⟨...⟩ — лицо вымышленное от начала до конца, плод воображения, создание фантазии. И хотя черты, выраженные в нем, были наблюдаемы мною у многих живых людей,— нельзя ни одного из этих людей назвать прототипом Теркина» (А. Твардовский. Статьи и заметки о литературе, стр. 115).

[3] Там же, стр. 162.

[4] Там же, стр. 164.

[5] Там же, стр. 156.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

1

М. ШАМАНИНА. К ВАСИЛИЮ ТЕРКИНУ

Обращаясь к Теркину, М. Шаманина просит его открыть секрет, в какой дивизии он сражается, не в той ли, где воюет она сама:

Ведь читали мы недавно,—
Сообщил Твардовский нам,—
Где ты был, сражался славно
По знакомым нам местам.

Как и ты, в Угре купались,
По земле смоленской шли.
Как и ты, за Ельню дрались —
Путь один с тобой прошли.
〈. . . . . .〉
Ведь пойми, Василий, друже,
Как-то легче воевать,
Зная, что как есть ты нужен.
А погибнешь... Вспоминать

О тебе, хотя б читая,
Будут долго на земле.
Пусть и имя не узнают,
Ну а все же веселей

На душе от мысли этой:
Я погибну — Теркин жив.
Он сумеет, он ответит
За товарищей своих.

А таких, как Теркин, мало
Разве в армии у нас?
Разве мало воевало
И сражается сейчас?

Сквозь огни боев, пожариш,
Кто не пустит их? Идут!
И не зря о них, товариш,
Песни пишут и поют...
〈. . . . . .〉
И дойдем, ребята, знаю,
До победного конца,
Пронесем сражений знамя,
Вытрем пот платком с лица.

Да — платком! Не как обычно —
Гимнастерки рукавом...
〈. . . . . .〉

Будут песни, будут пляски,
Будет радость, будет мир!
Неужели, друже, Вася,
Без тебя тот будет пир?

Неужели, Теркин, разве
Ты с дивизией другой
Будешь праздновать тот праздник
Долгожданный, дорогой?

Только верю я, признаться,
Вместе с Теркиным, друзья,
Праздник мы отметим, братцы.
Как же иначе? Нельзя!

1944 г. Полевая почта 20629

2

МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ АЛЕКСАНДР ДЕМИДОВ. А. ТВАРДОВСКОМУ

По-простому, по-солдатски
Разреши тебе, поэт,
Передать горячий, братский
Свой признательный привет.
〈. . . . . .〉
Тем я рад, что первым другом
И моим певцом со мной
Шел за трактором и плугом
Ты, певец страны родной.

А. Твардовский

★

Василий
ТЕРКИН

Книга
про
бойца

★

Издательство
ЦК ВЛКСМ
«Молодая
гвардия»
1942

«ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»
Первое отдельное издание поэмы А. Т. Твардовского. М., «Молодая гвардия», 1942
Титульный лист и фронтиспис по рисунку Б. А. Дехтерева

Был я... Просто был рабочим,
А пришла война — и в бой
Я пошел, и, между прочим,
Не один,— опять с тобой.

〈. . . . . .〉
Даже, если бы спросили,
Смех и шутку не тая:
— Кто, мол, Теркин тот Василий?
Я б ответил: — это я.

Может так и в самом деле:
Мы сыны одной земли,
У одних костров сидели,
По одним дорогам шли.
〈. . . . . .〉
Так, идя с солдатом в ногу
По дорогам бурь и бед,
Много раз ты, много-много
Выручал меня, поэт.

Что мне книги те, в которых
Больше сказочных прикрас,
Мне один, быть может, дорог
Твой про Теркина рассказ.

1945 г. Полевая почта 18850-Н

3

Н. КОКИН. АЛЕКСАНДРУ ТВАРДОВСКОМУ

Всё читаем без конца,
Наслаждаясь вдосталь,
Вашу «Книгу про бойца»,
Александр Твардовский.

Часто на аэродром
Выйдем на полеты,
С Васей Теркиным идем
Чистить пулеметы.
〈. . . . . .〉

А вечернею порой
Вновь прочтем до корки...
Настоящий был герой
Ваш Василий Теркин.
〈. . . . . .〉

Васю знают старики,
Распевают дети,
Чьи года невелики,
Возраст чей в расцвете.
〈. . . . . .〉

Каждый хочет из солдат
Быть таким, как Теркин...
Жаль картона Мосиздат
Пожалел на корки.

1947 г.

4

АЛЕКСАНДР ЗУЕВ. АЛЕКСАНДРУ ТРИФОНОВИЧУ

В начале своего послания автор рассказывает о том, как услышал он впервые о Теркине на Ленинградском фронте и как однажды, будучи загнан «сабантуем» в воронку от бомбы или снаряда, нашел там рядом с убитым солдатом книгу Твардовского.

С той поры, Василий Теркин,
Подружился я с тобой.
Подружил за поговорки,
За простой язык родной.
〈. . . . . .〉
Я читал тебя ребятам
На привале у костра,
И читала по палатам
Госпитальная сестра.

И признаться не скрывая,—
По душе пришелся всем:
Люди, даже умирая,
Знали, помнили о нем.
〈. . . . . .〉
Он живет со мной поныне,
В книжной полке — первый ряд,
Сказ, как дрался он, Василий.
Сказ, как дрался я — солдат.

1948 г.

5

В. А. АЛЕКСЕЕВ, ПИСЬМО ТВАРДОВСКОМУ

Дорогой поэт Твардовский!
Только что закончил я
Перечитывать вторично
Вашу «Книгу про бойца».

Книгу самую простую,
Влившуюся нам в сердца.
Начатую с середины,
Конченную без конца.

Да, стихи, и всё понятно,
Всё на русском языке;
Я читаю, и приятно
Книгу мне держать в руке.
〈. . . . . .〉

Победителем вернулся
Я на родину, но дом,
Что был выстроен под Брянском,
Немцами в войну сожжен.

БОЙЦЫ СЛУШАЮТ ПОЭМУ А. Т. ТВАРДОВСКОГО «ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»
Фотография, 1943
Музей Революции СССР, Москва

Партизан-отец — расстрелян,
Смерть принял не дрогнув он,
Знал, что армия родная
Вновь очистит горизонт.

Я, заканчивая чтенье
Вашей книги про бойца,
Вспоминаю с сожаленьем
Мной любимого отца.

«Павших памяти священной,
Всем друзьям поры военной»
Посвящен ваш славный труд.
Труд века тот не сотрут.

Вот прошло уже три года,
Как окончена война.
Книгу в руки взял я снова,
И как будто бы она
Возродила, воскресила
Забытые имена.

Вместе с кем в снегу лежали,
С кем в атаку вместе шли,
С кем, бывало, на привале
Мы делили сухари.
〈. . . . . .〉

Нас всегда сопровождала,
Бодрый дух в сердца вселяла
Ваша «Книга про бойца»,
Как вы сами говорите,
Без начала, без конца.

Я носил в планшетке главы
«Васи Теркина». Герой
Был всегда желанным гостем
На привалах, и порой

Говорили: — Где же Теркин?—
Заскучавшие бойцы.
— Что же, ты, поэт, не пишешь?
Иль погиб где-либо ты?

Далее В. А. Алексеев рассказывает о том, что работает в Подмосковье на строительстве коксогазового завода, приглашает поэта посетить это строительство.

1948 г.

6

ВЛАДИМИР САПИЖЕНКО. АЛЕКСАНДРУ ТВАРДОВСКОМУ

〈. . . . . .〉

Библиотекарь, отставной солдат,
Мне как-то предложил: «Василий Теркин».
Поэму вашу три раза подряд
Я перечитывал от корки и до корки.

С тех пор прошло три года, и сейчас
Я каждый стих с любовью ваш читаю,
Поэтом лучшим современным вас
Я как читатель рядовой считаю.

Спасибо вам за простоту стихов,
За образ русского богатыря-солдата,
За простоту и звучность ваших слов,
За все, чем ваша лирика богата.

1950 г.

7

МИХАИЛ КРЫШКИН. В ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Небо чисто вокруг,
Путь свободен луне.
Ярко звезды горят
В голубой вышине.

За рекою гармонь
На гулянье зовет,
О горячей любви
Бесконечно поет.

За накрытым столом
Лена в хате сидит,
Перед ней на столе
«Вася Теркин» раскрыт.

Не зови, ты, гармонь,
Не пойду все равно!
Эту книгу прочесть
Мне хотелось давно.

Сколько мужества в ней,
Силы, воли стальной.
Даже смерть победил
Вася Теркин герой!

Если б в годы войны
Я большою была,—
Непременно на фронт
В санитарки ушла.

И отчизну любя,
Как себя или мать,
Я солдатам своим
Стала б жизни спасать.

И водой в жаркий час
Я поила бы их,
И любила бы всех
Словно братьев родных,

Словно милую жизнь,
Словно счастье мое...
А гармонь за рекой
Продолжала свое.

Не зови ты, гармонь,
Не пойду все равно:
Эту книгу прочесть
Мне хотелось давно.

1950 г.

8

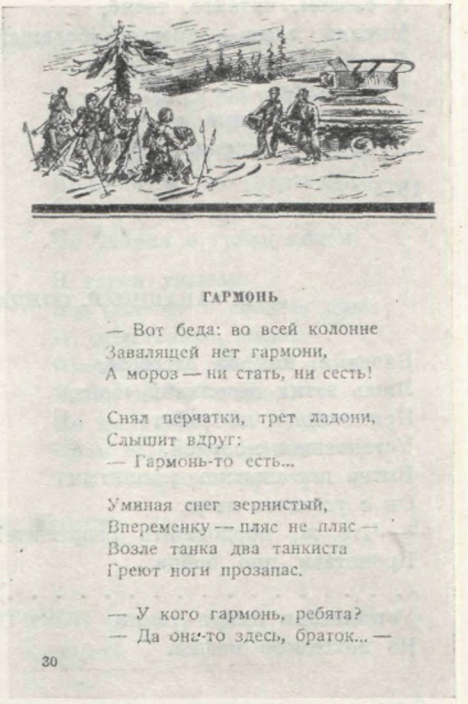
И. Н. ПОРТНОВ. КНИГА — ЗНАМЯ

Много дней прошло, как вышла
Эта книга про бойца...
Повторяться, может, лишне,
Как зажгла она сердца...

Я пишу не для печати:
До поэта не дорос,
Говорю не «славы ради» —
Говорю друзьям всерьез:

Пусть простой ты или знатный —
«Теркина» читай всегда;
«Вот стихи, а все понятно»
И не скучно никогда.

Сколько раз я их читаю —
Вдохновение одно.
Наизусть поэму знаю...
Теркин! Где ты, мой родной?



ГАРМОНЬ

— Вот беда: во всей колонне
Завалящей нет гармони,
А мороз — ни стать, ни сесть!

Снял перчатки, трет ладони,
Слышит вдруг:
— Гармонь-то есть...

Уминая снег зернистый,
Впеременку — пляс не пляс —
Возле танка два танкиста
Греют ноги прозапас.

— У кого гармонь, ребята?
— Да она-то здесь, браток... —

30

«ФРОНТОВЫЕ СТИХИ»

Сборник военных стихотворений А. Т. Твардовского. М., Детиздат, 1941

Обложка и страница со стихотворением «Гармонь». Рисунки Н. А. Шишловского

Стихотворение «Гармонь» впоследствии вошло в одноименную главу поэмы «Василий Теркин»

Ты — везде. И я уверен:
Будешь жить в веках, герой...
Вот, к примеру, сын Валерий —
Он живет уже с тобой.
〈. . . . . .〉
Дед Мирон — чабан известный,—
Хоть ушли уже года,
Зная эту книгу-песню,
Всем советует всегда:
«Не гляди, что на груди,
А гляди, что впереди».

Далее автор желает Теркину занять подобающее ему место на трудовом фронте.

Хоть выходит стих обширный,
А скажу, мой брат и друг,
Чтобы ты на стройках мирных
«Был там вроде политрук»...

Возвращаясь к оценке «Книги про бойца», И. Н. Портнов пишет:

И не мне судить, конечно, —
Я читатель рядовой,—
О ее живой и вечной
Славе, может, боевой.

«Боевой» — сказал не просто,
В смысл ее не каждый вник:
По объему и по росту
Эта книга — тыща книг.

А словам, читайте, тесно,
Мыслям здесь — простор большой.
В ряд легли слова прелестно,
Даже как-то все чудесно —
Получились гимн и песня —
Хоть бери подряд и пой.

А раздолье! А народность!
Просто с Теркиным живешь.
Сочный стих, простой, свободный,
Музыкальный, многородный,
Стих наш русский тот природный...
Разве все тут перечтешь!

1952 г.

9

В. ЗАПАШНЫЙ. СОЛДАТЫ «ТЕРКИНА» ЧИТАЮТ

Видел я, как на рассвете,
Лишь затих недальний «бой»,
Примостился на лафете
Установщик молодой.
Вытер пот платком расшитым
Он с усталого лица.
— Что ж, продолжить разрешите?
Прочитаем про бойца...
〈. . . . . .〉
Установщик вынул томик
Из походного мешка.

Уважаемый, знакомый
Будто к ним издалека
Прибыл в гости храбрый Теркин,
Что не книжный, а живой,
В полинялой гимнастерке
И с медалью боевой.
Будто рядом он садится
На лафете в круг солдат.

...Лишь страница за страницей
Осторожно шелестят.

Один из солдат предлагает здесь же, на учениях, написать письмо Теркину, и тут между солдатами завязывается спор, так как одному известен Теркин-агроном, другому — «прославленный шофер», третьему — старшина-сверхсрочник.

Не нашлося безучастных,
Все о Теркине твердят.
И, конечно, все согласны,
Что он жив теперь, солдат.
Может быть, он на Алтае
Со своим грузовиком,
Может, службу продолжает,
Может быть, и агроном...

(И, конечно же, некстати
Объяснения для них,
Что не видел и писатель
Васю Теркина в живых,
Что такого не бывало,
Что типичный он герой...
До того им дела мало —
Он не книжный, а живой!)

1955 г.

10

С. МУРАВЕЙ. ЗАМЕТКИ О ПОЭТЕ А. ТВАРДОВСКОМ

Заметки представляют собой стихотворный комментарий их автора к отдельным цитируемым им строфам «Василия Теркина».

«Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда.
Кому память, кому слава,
Кому темная вода».

Тут озноб пошел по коже:
Правда сильно велика!
Всё: и смерть и жизнь похожи,
Как же истина горька!

«Если есть в бою удача,
То в исходе все подряд
С похвалой весьма горячей
Друг о друге говорят».

Как все верно и правдиво.
Кратко, точно! Молодец!
Психология на диво —
Хоть начало, хоть конец!

1962 г. Ярославль

11

Р. КОГАН. ‹ОТРЫВОК ИЗ НЕЗАКОНЧЕННОЙ ПОЭМЫ›

Я, конечно, не Твардовский.
Никаких сравнений нет.
Он известный, он московский
Популярнейший поэт.
Он Некрасову под стать
И никак не менее,
Я же автор, так сказать
Местного значения...

Теркин с нами шел сквозь годы.
Стал любим и знаменит.
Не Твардовскому — народу
Он уже принадлежит.
Вел себя в бою прекрасно,
Смело парень воевал,
В переделках был опасных,
В преисподней побывал.
И на том, не нашем свете
Был почти что мертвецом,
Но (приятны строки эти)
Не ударил в грязь лицом.

Я героя уважаю
Все сильнее с каждым днем.
И, естественно, желаю
Продолжать рассказ о нем...
Я таю мечту такую:
Не напрасен этот труд.
Коль газеты забракуют,
Так товарищи прочтут.

1964 г. Солецкий район, Новгородской области

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

1

Т. В. КОВАЛЕВА. СОВЕТСКИЕ ЖЕНЩИНЫ НА ФРОНТЕ

Автор пишет о русских женщинах на войне и, вспоминая пушкинскую Татьяну, советует Твардовскому ввести в «Книгу про бойца» образ той,

Что с Теркиным в бою идет,
Как меткий снайпер немца бьет,
Под грохот боя перевяжет,
В траншеи раненых снесет,
А если ранена? Так что ж,
До свадьбы, видно, заживет!
‹. . . . . .›

Гордись, страна моя родная,
Смотри, победный близок день,
Себе достойных воспитала
Ты сыновей и дочерей.
С Василием мы подружились
И тоже шлем ему привет,
И от Твардовского скорей
Мы ждем Татьяну наших дней.

1944 г. Полевая почта 24682-М

2

ЕФРЕЙТОР М. ЗУЕВ. ГДЕ ТЕРКИН?

На привале шутки, толки,
И кто-то сказал:
— Где же наш Василий Теркин,
Где он запропал?
‹. . . . . .›
Веселил в часы досуга,
Помогал в беде.
Потерять такого друга...
Где ты, Вася, где?

Может быть, ушел в разведку,
Потому молчишь,
И с присущей тебе сметкой
Немчуру громишь?

Верим, снова будет Теркин
С нами, как всегда.
Без него не та махорка
И не та вода.

1944 г. Полевая почта 07106-Щ

3

ЕВГЕНИЙ ЛЕДНЕВ. ВАСИЛИЮ ТЕРКИНУ

И снова дымом горьким
Окутан лес и луг.
Где ты, Василий Теркин,
Наш старый верный друг?

Давай-ка к нам скорее,
Уж за спиной Амур,
А впереди Корея,
Далекий Порт-Артур.

По собственному имени
Грустит Манчжоу-Го.
Повторим же былые дни —
Хасан и Халхин-Гол.

Но это будет хлеще —
Сегодня — не вчера.
«Котлы», «мешки» и «клещи»
Узнает самурай.

〈. . . . . .〉

Как будто штурмы, схватки
Знакомы с малых лет,
Но вот тебя с двухрядкой
Сегодня с нами нет.

Кто без тебя в походах
Развеселит ребят?
Какой же будет отдых,
Василий, без тебя?

〈. . . . . .〉

Как друга, русской горькой
Мы встретим — будь не плох!
И модной поговоркой:
Василь! Японский бог!

И если щи понравятся,
Добавим в котелок.
Какая, Вася, разница
Нам — Запад иль Восток!

И фронтовой махорки
Еще разок с тобой,
Василий, Вася Теркин,
Закурим по одной!

1945 г. Полевая почта 36160

4

СТАРШИНА ВАС. ШЕХОВЕЦ. ПИСЬМО ТВАРДОВСКОМУ

В письме, написанном от имени «бойцов гвардейской части», автор интересуется судьбой любимого ими героя.

Всю войну о нем мечтали,
Полюбив, как никого,
Но опять не повстречали...
Да вы знаете его!

Успевал везде он биться,
Он на всех фронтах бывал.
И вообще, как говорится,
Он на славу воевал.

Знали мы, что смелый, зоркий
(Из газет и от ребят)
Этот самый Васька Теркин,
Замечательный солдат.

〈. . . . . .〉

Мы вас просим: напишите
Нам письмо в гвардейский взвод,
Где он, Теркин, расскажите,—
Сомневается народ.

Ну, пока. Писать кончаем.
С нетерпеньем ждем ответ,
Много счастья вам желаем
И от сердца посылаем
Вам гвардейский наш привет!

1946 г. Полевая почта 28412-М

5

ИВАН ГАНАБИН. ‹ГДЕ ТЫ, ТЁРКИН?›

Теркин, Теркин, где ты, Теркин,
Где ты, милый наш герой?
Может, ходишь в гимнастерке
Иль вернулся ты домой?

Дай нам весточку, Василий
Свет Иваныч, дай ответ,
Тут солдаты попросили
Передать тебе привет,

Поклониться низко-низко,
По-российски, от души.
Далеко ты или близко,
Вася Теркин, напиши...

1946 г.

6

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ В. А. СТЕЛЬМАХОВИЧ.
ВАСИЛИЮ ТЕРКИНУ

Вот война ушла в сторонку,
Все вернулися домой.
Где же ты, Василий Теркин,
Наш товарищ боевой?

На войне ты слыл бывалым,
Славным малым — хоть куда!
Был примером для солдата,
Был душой фронтовика.

Вот, бывало, после боя
Вдруг взгрустнется — виноват!
Скажешь ты мне: — что с тобою?
Брось печалиться, солдат.
‹. . . . . .›

Своей шуткой, своим словом
Помогал солдату жить.
И с тобой нам, спору нету,
Было легче немцев бить.

А теперь? Война в сторонке,
Отгремели все бои,
И опять за стройку, Теркин,
Принялись фронтовики.

Дела много есть — по горло.
Не хватает только дня.
И скажу я, безусловно,
Не хватает и тебя.

1949 г.

7

ЛЕСОРУБ Д. П. РОТАЙ. ПОЭТУ ТВАРДОВСКОМУ

‹. . . . . .›
Все труды достались пóтом,
Знаем мы цену венца.
Но, по-нашему, продолжить
Надо книгу про бойца.

Отгремели канонады,
Гул иной по всей стране.
Мало знают, сколько Теркин
Помогал нам на войне.
‹. . . . . .›
В клуб колхозный загляните,

Книжки — полок целый ряд,
И журналы, и газеты —
Все, что лучшее на свете,—
Только «Теркина» не взять.
Пишут очередь и строго,
Соблюдая время, ждут.
‹. . . . . .›
Всюду слышишь: — Эх, красиво!
Чиста правда про бойца.
Только плохо — середина,
Нет начала и конца.

Автор просит поэта «придумать» еще «словечек двести», чтобы рассказать о нынешней жизни Теркина.

1949 г. Письмо прислано в переводе с украинского, сделанном Марией Палатко.

8

В. А. ЛИТАВРИН. ПИСЬМО К АВТОРУ «ВАСИЛИЯ ТЕРКИНА»[1]

〈. . . . . .〉
Где ваш Теркин — близкий друг?
Спросят вас однажды вдруг.
Может, он сейчас в забое
Выполняет норму втрое,

Чем дают ему по плану?
Может быть, подходит к стану
И с веселой поговоркой,
Всем известный Вася Теркин,

В прошлом доблестный солдат,
Он дает стальной прокат?
Где ваш Теркин, где Василий,
Вы найдете без усилий,

Так как знаю, для поэта
Малый труд — задача эта.
〈. . . . . .〉

Что же делает ваш Теркин?
Посещает ли вечорки?
Иль женился уж давно?
Всё пишите, всё равно.

Может, он, мечту лелея,
Тихим утром средь аллеи
Внемлет песне соловья,
Иль давным-давно судья?

Иль герой он наших дней,
Иль играет он в хоккей?
Может, стал он комбайнером
Или властвует над хором,

Иль ведет он драмкружок?
Где ты, наш родной дружок?
〈. . . . . .〉
Был ваш Теркин на войне,—
Дайте Теркина в труде.

1950 г. Чита

9

РЯДОВОЙ БОЙКОВ. А. ТВАРДОВСКОМУ

Автор упрекает поэта за то, что тот «забыл» своего героя, и высказывает различные предположения относительно его жизни после войны.

Иль, может, он давно поля
Весной в своем колхозе пашет
И, улыбаясь, у руля
Рукой приветливо нам машет?

Иль, может, утром на завод
В своей потертой гимнастерке
Он твердой поступью идет,
Известный всем Василий Теркин?

Иль, может, море бороздит,
Или штурмует поднебесье?..

В заключение автор просит Твардовского «опять героя воскресить»,

Чтобы опять сквозь дым махорки,
Лукаво щуря правый глаз,
На нас глядел Василий Теркин
И свой рассказывал рассказ.

1951 г.

«ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»
Иллюстрации к главе «Два солдата»
Рисунки О. Г. Верейского (тушь, перо). Выполнены для газеты «Красноармейская правда», 1943.
Литературный музей, Москва

10

БОРОДАЧЕВ. ГДЕ ЖЕ ТЫ, ВАСИЛИЙ ТЕРКИН?

Я хочу, чтоб зазвучала
Снова песня про бойца,
У которой нет начала,
Пусть не будет и конца.

1951 г.

11

В. МИНЕРОВ. РОЗЫСК ТЕРКИНА
(САТИРА НА ТВАРДОВСКОГО) [2]

Вася Теркин, где ж ты ныне?
Что молчишь ты, друг большой?
Иль погиб ты на чужбине,
Не успел дойти домой?

Иль вернулся нездоровым
И молчишь, как будто нет?
Иль живешь в полку стрелковом,
Но тебя забыл поэт?

〈. . . . . .〉

Ох, уж эти мне поэты:
Прошумит и замолчит,
Будто время у них нету.
А ведь время не стоит.

1951 г.

12

ПРОРАБ А. ВЕРЕСОВА. ‹ПИСЬМО А. Т. ТВАРДОВСКОМУ›

Я долго не хотела зря вас беспокоить,
Но вы сказали: дайте срок.
Мы ждали год, и год протек,
Нам этот срок пришлось утроить,
И снова день идет за днем.
Мы ваших песен ждем и ждем.
Не знаем мы, что за причина
Молчанья вашего была,
Что за печаль, что за кручина
От нас надолго увела.
Но ведь не может быть такого,
Чтоб вам да не писать стихи,
Так почему же ни крохи,
Где там поэмы — ни полслова
Вы не уделите для нас,
Всё бережете про запас.
И скупостью такой, понятно,
Мы озадачены вдвойне:
Мы — ваш «читатель вероятный»,
Вы нам писали на войне.
В дни тягостной глухой печали,
В мороз в нетопленных домах,
Забыв усталость, голод, страх,
Мы вас всегда так жадно ждали,
И песня ваша к сердцу шла
Струей желанного тепла.
‹. . . . . .›
...Вы скажете, что по заказу
Не пишут. А мы ждем давно,
Мы ж понимаем, что не сразу,
Но вам, вам многое дано,
Вам так забросить нас грешно.
Когда нас било и ломало,
Когда так трудно было жить,
Не ваша ль песня отыскала
В нас лучшее, что, может быть,
Сто лет не знал сам за собой.
И вдруг теперь такой отбой
И мы вам как чужие стали.
Вы скажете: «Вы что пристали,
Вам что, иль клином белый свет,
Иль я за всех один поэт?»
Положим, клином он не клином,
Остался он каким и был —
Широким и довольно длинным —
Но ведь не всякий сердцу мил
Певец...
‹. . . . . .›
Щелявая идет не ходко,
Того гляди утонет лодка,
Дай я в обратный путь пущусь,
С конца к началу возвращусь.
Всмотревшись, вижу у начала
Сидит и жалобно поет,
Обнявши столбик у причала,
Конец-бродяга, видно тот,
Который был мне неизвестен.
Я, бросив весла, пристаю
И заодно с концом пою:
«Скучаем мы без ваших песен,
Еще нам жизнь порой трудна,
Нам песня ваша так нужна.
Но смолкли вы, вам не поется.
Неужто нам, всегда немым,
Читателям, не отзовется
Ваш голос откликом живым?»

1951 г.

13

‹БЕЗ ПОДПИСИ. ПИСЬМО ТЕРКИНА ТВАРДОВСКОМУ›

Здравствуй, автор, друг мой чуткий,
Александр Твардовский мой.
Удели-ка мне минутку:
Я — герой твой, Теркин твой.
‹. . . . . .›
Был описан я воякой,
Гармонист, шутник лихой.
Ранен был не раз. Однако —
«Я солдат еще живой».

Я живой еще, ты слышишь?
Только лишь не на войне.
Почему же ты не пишешь
Книгу снова обо мне?
‹. . . . . .›
Что, коль демобилизован,
Так забыт уж я навек?
Что, коль нет сапог кирзовых,
Так уж я не человек?
‹. . . . . .›
Описал бы, как я с ротой
Распрощался, и о том,
Как я взялся за работу,
Возвратившись, а потом

Рассказал... Ну, словом, знаешь,
Как свою, ты жизнь мою.
И, конечно, понимаешь
Всю обязанность свою.

1951 г.

«ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»
Рисунок О. Г. Верейского (тушь, перо), 1947—1948 гг.
Литературный музей, Москва

14

В. М. ПЕТРОВ. ОТ НЕЗНАКОМОГО СЕРЖАНТА ПЕТРОВА А. Т. ТВАРДОВСКОМУ

Мой почерк скверен — это верно,
Но я солдат, прошу простить.
Вопрос мой к вам обыкновенный:
Зачем вы начали грустить?

Зачем вы с грустью написали
Послевоенные стихи?
Мотивы горечи, печали
Всегда, по-моему, плохи.
〈. . . . . .〉

Вы пляску помните лихую
В густой вседушащий мороз?
Картину мужества живую
Я свято в юном сердце нес.

Любил я, радовался с вами,
Смотрел на жизнь, как Теркин ваш,
Но вы печальными устами
Вдруг прокричали мне: «Шабаш!»

«Тружусь, и живу, и старею,
И жизнь до конца дорога,
Но с радостью прежней не смею
Смотреть на поля и луга,

Росу обивать молодую
На стежке, заметной едва.
Куда ни взгляну, ни пойду я—
Жестокая память жива»[3].

Горячее сердце солдата
Не может такое терпеть!
Стихи эти — вязкая вата,
А где же звучащая медь?

Автор ждет от Твардовского «о будничной службе строки»,

В которой бы пели солдаты,
Отлично мишени сразив,
В которой бы ствол автомата
Вдруг ожил, винтовку сменив.

Не «с радостью прежней не смею
Смотреть на поля и луга» —
Писали б звончей и смелее,
Как мы ненавидим врага!
‹. . . . . .›

1953 г.

Обидеть я вас не желаю,
В поэзии вы мне — отец.
Я робко лишь напоминаю:
Не трогайте грустью сердец.

Не надо, совсем не грустите!
Мы верим вам — путь ваш суров,
Но все-таки время поймите!
Пока до свиданья,
Петров.

15

А. Е. МОРКОВКИН. А. ТВАРДОВСКОМУ

Свое послание автор начинает с уведомления о том, что пишет «по поручению коллектива», желающего узнать «судьбу солдата Теркина Василья».

Нам сказали: на канале
Васю Теркина узнали,
Там в то время награждали.
Говорили те, что были:
Васю тоже наградили.
На груди, где две медали,
Орден многие видали.
‹. . . . . .›

Слышно было стороной:
Он посетил колхоз родной...
‹. . . . . .›

Строил стены, крыл он крыши,
С рыбаками ел уху,

1953 г.

Раз из шахты как-то вышел,
За станком стоял в цеху.

Только что-то вы, Твардовский,
Потеряли Васи след.
Может быть, почил на лаврах,
Успокоился поэт?

Может быть, чернил не стало
Иль бумаги не достать?
Сообщите: срочной почтой
Можем вам всего прислать.

Может быть, редактор строгий
Не сдает тетрадь в печать?
Напишите — мы поможем
Вам упрямца уломать.

16

АЛЕКСАНДР ФИДРОВСКИЙ. НЕНАПИСАННАЯ ГЛАВА «ВАСИЛИЯ ТЕРКИНА»

Повесть памятной годины —
Помнишь книгу про бойца,
Что Твардовский с середины
Начал, кончил без конца?
‹. . . . . .›
Эх, забыто — не забыто,—
Времена теперь не те...

1955 г. Ленинград

Где ты, Теркин, крепко сшитый,
Ладно скроенный, умытый,
Колким снегом под ракитой,
Пулей, миной, бомбой битый,
Но, однако, не убитый,
Но, однако, чисто бритый,—
Где ты, друг?

17

ГВАРДИИ КАПИТАНЫ МАХОВ И БАСТА.
ПИСЬМО ВОИНОВ А. ТВАРДОВСКОМУ (В ПОДРАЖАНИЕ ЕМУ ЖЕ)

〈. . . . . .〉
Разве мир души солдатской
Уже стал или бедней?
Он такой, как был под каской,
Даже шире и сильней.

С просьбой к вам, поэт Твардовский,
По-солдатски, напрямик
Обращаемся по-свойски:
Запишите в свой дневник
Про солдатские походы,
Про учебу мирных дней,
Про любовь нашу к народу,
Про заветы матерей.
〈. . . . . .〉
Вы в строю, хоть не в шинели
(Галстук начали носить),
Но солдат-то неужели
Трудно, скажем, навестить?
〈. . . . . .〉

Эти строки мы вписали,
Чтобы вам напомнить в срок —
Не оправдывайтесь сами —
Вы у нас в долгу чуток.

1955 г.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

1

В. А. КРЫЛОВ. СТИХИ ИЗ ФРОНТОВЫХ ДНЕВНИКОВ

В письме, к которому приложены были эти стихи, автор рассказывает о том, как они появились:

«В 1942 году стала печататься ваша поэма „Василий Теркин". Она говорила каждому о боевых делах. „Ну непременно и точно о нашей части",— так, пожалуй, говорили в любом полку Советской Армии.

Бои по прорыву немецкой обороны на Дону. Переправа. Когда я беседовал с бойцами (я был замполитом артдивизиона), они часто спрашивали: „А о наших боях тов. Твардовский еще не написал?" „Может, Вася Теркин участвовал в этих боях?" Или: „Есть стихи о Теркине?" Мы рады были читать стихи о Теркине в каждом военном солдатском журнале. Но такие стихи появлялись все же редко, да и не каждый журнал доходил до нас. Вот тогда-то я и попробовал писать „под Твардовского", что нибудь похожее на „Теркина". Нет, я нигде не говорил, что это ваши стихи (ибо написанные мною стихи, конечно, несовершенны, слабы), а просто, когда спрашивали солдаты, говорил: „Вот есть стихи, почитать?" Читал. „Смотри-ка, в самом деле о нас написано. И как будто бы ничего, складно".

В этих стихах много заимствовано от вашей поэмы. Да иначе и быть не могло. Писались стихи только для своих солдат и посвящены им. Но стихи как-то помогали вспомнить только что прошедшие бои. Люди в этих стихах — подлинные, бойцы и командиры 23 гвардейского артполка, поступки их подлинные, невыдуманные.

Бои прошли. Стихи, как и дневники, из-за работы были забыты. А вот сейчас вспомнились. И я переписал их. Примите эти стихи как знак благодарности за тот большой вклад, который вы сделали своей поэмой в борьбу против немецких фашистов».

Утро хмурое, седое,
Чуть видна река во мгле.
Три бойца, связистов трое
Связь тянули на НП...
Лед осенний очень звонок,
Лед осенний очень тонок.
Синий лед по всей реке.
Не найти ли переправу?
Переправы нет нигде.
Кто-то вымолвил тогда:
— Вот бы Теркина сюда.
Переправу бы зараз
Он устроил бы для нас...
Синий дым по речке вьется,

Тонкий лед трещит и гнется.
Чья фигура по реке
Мчится, словно на катке?
— Эй, ребята! Это Теркин!
Теркин Вася, право,
Показал он переправу.
— Где там Теркин?
Это наш,
Наш, ребята, капитан...
Наш Мартынов, капитан...
Связь готова.
Тонкий провод
Протянулся на НП.
— Я — «Орел». «Орел» на месте.
Как вы слышите меня?
«Буря»! «Буря»! Дайте «двести»,
Запишите данные огня.
〈. . . . . .〉
Снова вспомним переправу
И осенний тонкий лед.
Как в туман на берег правый
Вышел стриженый народ...

И как будто бы в тумане
Отдыхает после битв
Берег левый. На кургане
Холм могильный у ракит...

Залп прощальный. Мирно спи,
Саша Куликов — майор,
Друг, товарищ, командир...
Что ж, пошли. Быть может, завтра
Где-нибудь в степном просторе
И о нас гудящим залпом
Вспомнит дружеское горе.
〈. . . . . .〉
Любишь ты кавалериста,
Скажешь — летчику почет.
Но гордись артиллеристом:
Он всех крепче припечет.
Если танки вражьи скопом
Налетят на вас в степи,
Нашим пушкам дай дорогу,
Бог войны заговорит.
И с закрытых, и с открытых
Бьют в отсечку, бьют в упор
Батарейцы-канониры,
Молодецкий разговор.
Вот тогда-то уж в сторонку
Отойди, пехота, прочь.
Прочь, красавец с саблей тонкой,
Ты не сможешь нам помочь,
Дайте место бомбардиру,
Дай снарядов пол-БК *.
Ух, намнут же канониры
Танкам фрицевым бока!

1943 г.

2

ГВАРДИИ СТАРШИЙ СЕРЖАНТ КОНДРАТЬЕВ. ТРОФЕИ ТЕРКИНА*

Теркин так увлекся боем,
Что не чуял своих ног,
Всё бежал сугробным полем,
Через речку прямо в лог.
〈. . . . . .〉
А за речкой, у овина
На высоком берегу,
Он увидел, как машина
Надрывалася в снегу.

А вокруг нее хлопочет,
Забегая взад, вперед,
Фриц: пешком идти не хочет,
А машинка не берет.

«Что ж такое в самом деле? —
Думал Теркин. — Вот конфуз:
Если взять село сумели,
Почему ж не взять и груз?»

Сочно выругавшись матом,
Крепко губу закусил,
Он, махая автоматом,
Побежал что было сил.
〈. . . . . .〉
Вот уже машина рядом,
Слышно, как стучит мотор.
Теркин думал: с этим гадом
Будет краток разговор.

А уж дальше без заминки
Теркин с криками: — Ура!
Взвод за мной! — и из кабинки
Руки поднял немчура.

1943 г.

---

* БК — боекомплект. — *Ред.*

3

ВИКТОР ЗАБЕЛЫШИНСКИЙ. ВАСИЛИЙ ТЕРКИН ДОМА

Уничтожен враг заклятый,
Отгремел последний бой,
Возвращаются солдаты
Из Германии домой.
〈. . . . . .〉
Тишина стоит в вагоне,
Ночь кругом. Солдаты спят.
Лишь играет на гармони
Пожилой на вид солдат.

Хорошо гармонь играет!
То зальется, то замрет,
То так жалобно вздыхает,—
Просто за душу берет.

Просыпаются солдаты,
А гармонь манит, зовет.
Ах, какой же вы, ребята,
Удивительный народ!

Не разбудит вас бомбежка,
Но разбудит вас гармонь,
И зовет, зовет гармошка,
Будто ночью на огонь.

В полинявшей гимнастерке,
Перебив солдатский сон,
Хорошо играет Теркин —
Это был, конечно, он.

1947 г.

4

КУРСАНТ В. УГРЮМОВ.
«ВОЗВРАЩЕНИЕ ТЕРКИНА НА РОДИНУ»

Неудобно, даже стыдно
Продолжать чужой рассказ.
А придется все же, видно,
Коли начал. В добрый час.
〈. . . . . .〉

Я надеюсь, вы простите
Мне, собрату по перу.
Не простите? Как хотите.
А рассказ я напишу.

Стал он мне милее брата.
Раз решил писать — пиши.
Так уж учат нас, солдата:
Коли встал идти — иди.
〈. . . . . .〉

А идет он вдоль дороги,
Побыстрей домой спеша.
Поживей несите, ноги,
А то вырвется душа.
〈. . . . . .〉

После жизни той бессонной,
Лет пяток в пути подряд
По дорогам проведенной,
Что испытывал солдат?
〈. . . . . .〉

Каждый был из вас солдатом,
Каждый шел из вас с войны,
Каждый думал, чтоб с закатом
К милой хате подойти.
〈. . . . . .〉

Всё как было: дом, береза,
Сбоку стойка для коров,
Под окном степная роза,
Огород, заросший ров.

Возле роз моркови грядка...
Что волнуешься, герой?
Закури-ка для порядка,
Как на фронте после схватки
Крепкий русский бронебой.

Здесь ступенька на крылечке,
Вот вторая, в три доски.
Взялся Теркин за колечко,
Постучался: — Отвори...

Заскрипел засов железный —
Спутник в жизни неизбежный
Деревенских всех дверей.
— Принимай-ка, мать, гостей!

1948 г.

5

ФЕДОР КУЗНЕЦОВ. ПРО НОВЫЙ ДОМ

В синем мареве махорки
На родимой стороне
Вспоминал Василий Теркин
Неохотно о войне:
— Точка! Скинь войну со счета.
Дали фрицам прикурить.
И прекрасно. Мне охота
О другом поговорить.
Думал я найти гулянку,
На вечорке побывать,
А сошел на полустанке —
Глядь, деревни не видать.
Ни деревни, ни гулянки.
Захватило даже дух.
Посмотрел вокруг — землянки,
Да и те одна на двух.
И хотел, ребята, фрица
Я по-русски обложить,
Только что ж тут даром злиться?
Надо жить, а не тужить.

<. . . . . .>

Я и ты, и дед Перфилий,
И Андрюшка, и Евсей —
Мы поднять деревню в силе,
Как была во всей красе.
Нет, пожалуй, лучше! Что тут!
Я по этой части спец...
Ясно? Значит, за работу!

Ай да Теркин! Молодец!
Ай да парень! Славно! Смело!
Только кончили с войной,
А уж ты включился в дело,
А уж ты ведешь на бой.
Бой хоть, правда, не кровавый,
Бой с разрухой на селе —
Трудный все ж... Не ради славы,
Ради жизни на земле.

1949 г.

6

КУРСАНТ Ж. ЯГУПОВ. ТОВАРИЩУ ТВАРДОВСКОМУ
ПО ПОВОДУ ТЕРКИНА И ОТ ТЕРКИНА

Уж давно курсанты наши
Предлагали написать
Письмецо на имя ваше,
Я ж никак не мог начать:
Как-то духу не хватало,
Как-то все боялся я,
Да и слов, признаться, мало
В лексиконе у меня.

<. . . . . .>

Что же мы вам только скажем?
Чем начать и кончить как?
Лучше Теркин сам расскажет,
Он рассказывать мастак.

— Я готовый вам ответить,
Мой создатель, мой поэт.
Разрешите лишь заметить:
Где вы были столько лет?
Что-то армию забыли,
И обидно очень мне:
Ведь когда-то мы служили
Вместе с вами на войне,
Вроде я любимцем, что ли,
Был для вас. Теперь же — нет.
И не нравится вам боле
Васи Теркина портрет.
Ну, портрет... Чёрт с ним,
с портретом,
Я не гордый, я простой,
Только есть, кроме портрета,
И дела, и опыт мой.
Я солдат, хотя не гордый,
Но обидно мне, поэт,
Значит Теркин, в битвах тертый,
Вдруг в отставку? Шутишь! Нет!

<. . . . . .>

И поэтому простите,
Что, у вас я не спросив,
Стал курсантом. Как хотите —
Мне советовал актив.
Жить хотят со мной солдаты,
Говорят мне, мол, уважь...
Остаюся виноватым
Перед вами, Теркин ваш.

От себя мне что добавить?
Теркин высказал все вам.
Только лишь могу прибавить:
По душе Василий нам.
На походе ль, на привале,
В выходной ли день когда —
Мы про Теркина читали
С удовольствием всегда.
Теркин — мастер на все руки,
Балагур и весельчак.
Если Теркин — нету скуки,
Нету трудностей в науке,
Теркин нужен нам вот так!

1950 г.

«ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»
Заставка к главе «Два солдата»
Рисунок О. Г. Верейского (тушь, перо), 1947—1948 гг.
Литературный музей, Москва

7

ДМИТРИЙ МОРОЗОВ. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВАСИЛИЯ ТЕРКИНА БЫВШИМ ОДНОПОЛЧАНАМ[7]

Хоть давно конец войне
И военной службе,
Заглянуть придется мне
К вам по старой дружбе.

В арсенал мой автомат
Сдан под смазкой жирной.
Я по форме — не солдат,
Перешел, как говорят,
К жизни новой, мирной.

〈. . . . . .〉

Демобилизован я
В первый срок Указа,
Дом отстроил, и своя
Завелась теперь семья
Или, скажем, база.

По душе, признаюсь, мне
Эта обстановка.
Миру мир! Война войне! —
Наша установка.

Мы за мир горой стоим,
Но... не все согласны
С этим мнением моим,
Абсолютно ясным.

Есть любители вертеть
В речи лисьи петли,
Тут никак не утерпеть,
Нужно, к слову бы, задеть
Мне премьера Эттли.

Говорит он, что войной
Наш Союз грозился,
Что у нас солдат домой
И не возвратился!

Значит, я — это не я?
Иль не в полной дозе?
Ну, а кто же за меня
Хлеб убрал в колхозе?

Коли врать — для смеха врать —
Это не обидно,
Но премьеру «загибать»
(Если хуже не сказать)
Как-то не солидно.

Далеко премьер махнул,
От старанья — в мыле.
Геббельс с завистью икнул
Глубоко в могиле.

<. . . . . .>

В свете много есть еще
Разной эт-тли, моли,
Только рушат их расчет
Люди доброй воли.

<. . . . . .>

Слава мирному труду!
Нынче будьте зорки.
Пусть имеют все в виду:
Если что, так я приду!
Шлю привет!

В. Теркин

1951 г.

8

Г. НЕЧАЕВ. ПИСЬМО К ТВАРДОВСКОМУ

Как-то я в вагоне ехал,
Собралося нас в купе:
Друзья-слесари из цеха,
Техник, повар из кафе.

Между ними завязывается спор о том, где сейчас находится Теркин.

— Не поверю никогда я,—
Один спорил, горячась,—
Не убит он, нет, наградой
Награжден. Попал в санчасть.

А потом я слышал, будто
(Это после уж войны)
Водит он такое судно —
Поднимает корабли,

Что в морях в войну тонули.
Вот как дело.— Так-то так,
Моряки тебе загнули.
Кто сказал тебе, моряк?

<. . . . . .>

В день падения Берлина
Было жарко: грохот, бой,
От орудий всех калибров
Стон стоял над головой.

Нам задачу дали: быстро
Выбить немцев из метро.
На последний этот приступ
Капитан нас вел Петров.

Путь прошел он с нами длинный,
Командир нам был и брат.
Он от Волги до Берлина
Вел прославленных солдат.

— Ну, вперед, друзья, за Волгу,
Крикнул он,— и за Москву!..
И откуда немцы сбоку
Появились, не пойму.

То ль фанатики, то ль спьяну,
Иль поняв: конец пришел...
Пять молодчиков так рьяно
Лезли прямо на рожон.

Крышка быстро всей пятерке,
Лишь один свинцом полил,
И вот здесь Василий Теркин
Капитана заслонил.

<. . . . . .>

Здесь уж все, нас сколько было,
Загалдели: шум и крик.
Согласуясь, все решили:
Васька Теркин не погиб.

<. . . . . .>

Поглядев на всех солидно
И прищурив чуть-чуть глаз,—
— Говорить-то как не стыдно,—
Начал повар свой рассказ.

— Ваську Теркина убили...
Фу, какая ерунда!
Рано больно схоронили
Молодца. Вот это да!

Из рассказа повара явствует, что Теркин стал работником общественного питания и отличился на этом поприще: открыл, как „уменьшать съедобный вес" продуктов при полном сохранении ими питательных свойств.

Лица сразу прояснились,
Каждый был за Васю рад.
— А не слышал, наградили?
— Вроде нет. Но наградят.

— Что-то спутали вы много,—
Вдруг промолвил техник с полки,—
Слушал вас я всю дорогу...
Ведь не там Василий Теркин.
〈. . . . . .〉

Техник чуть еще поднялся,
Закурил, сказал потом:
— Вася демобилизовался
В сорок пятом, иль шестом.

Точно я не помню это,
И не важно, суть не тут.
Только знаю: в конце лета
Поступил он в институт.
〈. . . . . .〉

А теперь товарищ Теркин —
Инженер наш боевой,
Он на Волжско-Донской стройке,
Как всегда, передовой.
〈. . . . . .〉

За окном мороз и вьюга,
Снег кружится в мутной мгле.
Здесь все спорят, друг у друга
Васю тянут всяк к себе.

1952 г.

9

А. ОГУДИН. ВАСЯ ТЕРКИН — НАШ СОЛДАТ

Автор рассказывает о солдате-артиллеристе, которого товарищи кличут Теркиным.

Почему такое право
Получил Семен Петров?
Иль за ним героя слава?
Или в нем другая кровь?
〈. . . . . .〉

Был он ящичным сначала,
Стал наводчиком сейчас,
А ему все мало, мало...
Я о том начну рассказ.

Как вчера, во время «боя»,
В жаркой схватке огневой,
Показал себя героем
Этот парень боевой.

Командир из строя вышел,
А по взводной — дать огонь!
Пулемет «врага» у вишен —
На пути пехоты он.

Зазвучал приказ суровый,
Командиром наш Петров.
И расчет отважный снова
Бьет «врага» без лишних слов.

Недолет. Прицел надбавлен.
Дали вправо. Довернем...
Пулеметный дзот подавлен,
Не грозится он огнем.

Только это маловато,
Теркин был во всем герой.
Что же нужно от солдата,
Чтобы был и он такой?

Мы вернулись в лагерь снова.
В гимнастерки въелся пот.
А наводчика Петрова
И усталость не берет.

— Кто на речку — умываться?
— Я пойду! И я! И я!
— Не годится этак, братцы,
Вы идите без меня.

— А чего? — Забыли дело.
— Говори, какое, где?
— Раз орудие потело,
То почистить бы не грех.

И других солдат заело:
Значит, речка подождет!
Значит в парк, берись за дело!
И с Петровым весь расчет!

1952 г.

10

МИХ. РЕДЬКО. ТЕРКИН С НАМИ (РАССКАЗ СЕРЖАНТА)

Я, как видите, невзрачный:
Нос курносый, ростом мал.
Но сказать, что неудачный,—
Я такого б не сказал.

Если я за что вцепился,
У меня всегда успех;
Если я куда явился,
Сразу шутки, сразу смех.

Я порой хоть шумоватый,
Но характером хорош.
Говорят мне все солдаты,
Будто с Теркиным я схож.

— Что вы, что вы,— отвечаю,—
Это вы, друзья, того...
Это очень честь большая —
Быть похожим на него.

Я и ростом даже ниже,
Да и родом здешних мест...
А присмотришься поближе —
Что-то теркинское есть.

<. . . . . .>

Теркин, Теркин наш Василий!
Друг, товарищ, старший брат.
С ним в атаки мы ходили,
С ним один табак курили,
С ним последнее делили,
Как ведется у солдат.

1954 г.

Вот из этого-то факта,
Как его ни повернешь,
И выходит: чем-то, как-то
Я на Теркина похож.

<. . . . . .>

Коммунизм народ наш строит,
И везде, где жаркий труд,
Присмотреться только стоит —
Непременно Теркин тут.

Вот шагает экскаватор...
Агроном спасает рожь...
За станком стоит новатор...
Это кто? Да Теркин. Кто ж?

Вот со звездочкой Героя,
Что дают у нас за труд,
Вечерком проходят двое,
Ну, а третьего — несут.

Глянул я — и замер даже,—
Хоть не верь своим глазам:
Васина супруга Маша,
С ней под ручку Теркин сам!

<. . . . . .>

А на днях смотрю в журнале
Фотографий целый ряд.
Вдруг узнал! Да все б узнали!
До чего же точно сняли!
Держит речь в Кремлевском зале
Вася Теркин, депутат!

11

НИК. БОГДАНОВ. ВАСИЛИЙ ТЕРКИН У ТВАРДОВСКОГО В ГОСТЯХ

С Белорусского вокзала,
Взяв мешок дорожный свой,
По асфальту зашагал он,
Легендарный наш герой.

<. . . . . .>

В той же самой гимнастерке,
Так же щурится хитро,
Всем знакомый Вася Теркин.
Взял он в справочном бюро
Адрес друга фронтового,
Литератора большого,
И направился в метро.

На метро ли, на такси ли
Ехал он — не в этом суть.
Вот у цели наш Василий,
Встал, чтоб чуть передохнуть.

<. . . . . .>

Двор лениво подметая,
Слышит дворник за спиной:
— Где Твардовский проживает,
Ты не знаешь, дорогой?

— Знаю, как же! Нынче дома.
Много пишет, занятой!
Он, простите, вам знакомый?
— Угадал, отец, знакомый.
Даже больше. Фронтовой.

— Ну, тогда другое дело!
Будет рад товарищ ваш.
Вон подъезд, шагайте смело,
Подымайтесь на этаж!

Сердце — будто птица в клетке,—
От волненья, говорят.
Вроде как идешь в разведку
Иль к начальству на доклад.

«ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»
Заставка к главе «Бой в болоте»
Рисунок О. Г. Верейского (тушь, перо), 1947—1948 гг.
Литературный музей, Москва

Два звонка.— Твардовский дома?
— Да, я дома. Вы к кому?
Стойте! Голос ваш знакомый!
Кто же?.. Где же?.. Не пойму...

— Значит Теркина забыли
Вы-то, автор и поэт?
— Ба! Василий! Это ты ли?
Черти где тебя носили?
— Где носили — там уж нет.

— Ну, садись. С лимонной коркой
Водки дать? — Само собой.
— Сколько ж лет, дружище Теркин,
Мы не виделись с тобой?

Нынче в «Новый мир» не еду.
Никуда он не уйдет,
Отошлю в гараж «победу»,
И начнем-ка мы беседу
Хоть до утра напролет.

Прошлых дней не смолкнет слава...
Помнишь, Вася, гул атак?
Прагу, Кенигсберг, Варшаву,
И Моравскую Остраву,
И трофейный спирт-отраву,
И поверженный рейхстаг?

Вот читатели просили
И замучили совсем,
Знать желают: где Василий,
Как живет и занят чем?

Распахнув на окнах шторки,
Чтобы раму приоткрыть,
Закурил Василий Теркин,
Прежде чем заговорить:

— Я, конечно, не оратор,
Но скажу, чтоб знал народ:
Я теперь мелиоратор,
Осушитель, враг болот.

Знаешь, сколько там работы,
В Белоруссии твоей?
Осушаю я болота,
Очищаю их от пней.

Приезжай ко мне на Припять.
Я серьезно говорю.
У меня найдется выпить,
И ухи я наварю.

Коль охотник ты до рыбы,
Лодку, сеть тебе найдем.
Приезжай. С тобой могли бы
Порыбачить мы вдвоем.

Я женат. Уже детишки,
И, скажу тебе, горжусь:
Старший — Васька — знает книжку
«Вася Теркин» наизусть!

Теркин вечен, как Россия!
Позовешь, опять приду.
А пока в лесной глуши я
Трудовую жизнь веду.

〈. . . . . .〉
Ну, пойду. А то «Вечорка»
Растрезвонит впопыхах:
Вот, мол, был Василий Теркин
У Твардовского в гостях.

На, возьми моей махорки:
Ух, и крепкая, дерет!
Ну, прощай! И помни: Теркин
Не исчезнет, не умрет.

1954 г.

12

ГЕОРГИЙ СТАШКЕВИЧ. ТЕРКИН НА ЦЕЛИНЕ

Теркин выступает здесь в качестве директора целинного совхоза на Алтае.

Сам он всюду успевает,
И на поле, и в хлеву.
Ничего не забывает
Ни во сне, ни наяву.
На помощников надейся,
Но и сам ты не плошай.
Со свинарками посмейся,
Трактористов навещай.
〈. . . . . .〉
Если кинопередвижка
Не приедет в должный день,
Если же девчатам книжки
Выдавать завклубу лень,
Если повар задержался —
Воду в срок не подвезли,
Комбайнер ли зазевался —
«Черти в омут занесли»...
Теркин все об этом знает,
И совсем ему не лень,

Он повсюду поспевает,
Все обходит каждый день.
〈. . . . . .〉
Голова всему хозяйству,
Теркин — чудо-молодец.
Поругается с начальством
Из-за нескольких овец,
Сам ягнят отдаст соседу,
Чтоб породу разводил,
Сам в шикарную «победу»
Штук пятнадцать посадил
И отвез в совхоз соседний
(Приезжает так, как свой),
Чтобы был он не последний,
Как и наш — передовой.
〈. . . . . .〉
На ВСХВ приедет
Скоро Теркин — наш герой
Рассказать всем о победе
Над поднятой целиной.

1955 г.

13

ЛЕВ ЧЕРЕПАНОВ. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВАСИЛИЮ ТЕРКИНУ

Я читал тебя когда-то,
Полюбил, а после дней,
Когда сам служил солдатом,
Стал мне как-то ты родней.
〈. . . . . .〉
И у нас веселый, шумный,
Всею ротою любим,
Парень к шуткам остроумный
Жил под именем твоим.

Если все располагает
Для лирических минут,

Теркин верно угадает,
Что запеть. Начнет — поют.
〈. . . . . .〉

Прост в общенье, прям душой.
Жить с ним очень хорошо.

Срок пришел — в запас уволен.
(Как мне знать, на сколько лет?)
Подготовку кончил в школе,
Принят в университет.

1956 г.

14

МАЙОР А. В. КАПУСТКИН. ТЕРКИН ЕДЕТ НА ВОСТОК

Демобилизованный по решению правительства о сокращении Советских вооруженных сил, Теркин едет строить Братскую ГЭС и проездом останавливается в Москве.

Вещмешок движеньем локтя
За плечо закинув вмиг,
До трамвайной остановки
Зашагал он напрямик.

Велика Москва-столица,
Парню нужно торопиться
Ей отдать земной поклон.
И обратно — в эшелон.

Не в метро, а на трамвае
Ехать к центру он желает,
Чтоб за малый срок успеть
Всю столицу осмотреть.

Мимо движутся машины
По четыре штуки в ряд.
Шелестят лишь только шины,
А сигналы не гудят.
— Ну и автодисциплина,—
Говорит шофер-солдат.

Вот и Кремль золотоглавый
Засверкал издалека,
Краснозвездный, величавый,
Не стареющий века.

〈. . . . . .〉
Велика Москва-столица,
Остановка коротка.
Парню нужно торопиться,
Путь-дорога далека.

Не теряя даром время,
Проявлял он интерес,
Ездил в метрополитене,
Был на выставке чудес.

И теперь, легко шагая,—
С остановки на вокзал,
Он порою шаг сбавляет,
Чтобы автор не отстал.
〈. . . . . .〉

Весть о Теркине мгновенно
Облетела весь вагон,
Все стремились непременно
Посмотреть: какой же он?

И героя узнавали...
Кто-то крикнул раз и два:
— Братцы, Теркин на Байкале!
Васе Теркину — ура!

1956 г. гор. Нестеров

15

А. СМЕТАНИН. ТЕРКИН — ГОСТЬ

По дороге пыль клубится,
Вихри вьет над головой.
Теркин в гости в роту мчится
На машине полковой.

А в полку, в стрелковой роте
Был с утра такой аврал,
Словно едет к ним в пехоту
Самый строгий генерал.

Минул срок с тех пор немалый
Как закончили войну,
Как пришел солдат бывалый
На родную сторону.

Изменился он? Не очень.
Каски нет. Шинель снята.
Нет ремня. Сказать короче —
Амуниция не та.

Седина пробила малость
На висках. Стареет? Нет.
Сорок лет — какая старость.
Для мужчины — самый цвет.

Распахнулись вмиг ворота.
(Теркин едет в гарнизон!)
— Принимай гостей, пехота,—
Из машины крикнул он.

Вот он — Теркин. Мать честная!
Сколько лет и сколько зим
Он мечтал о встрече с нами,
Как и мы о встрече с ним.

Перед строем первой роты
Шел солдат — герой войны.
Видел гость: блеснуло что-то
На глазах у старшины.
〈. . . . . .〉

В груде тел, живой и тесной,
Вот уже который час
Необычный, интересный,
А по книгам нам известный
Теркин свой ведет рассказ.
〈. . . . . .〉

Как часы чинил он деду,
Бабке сало находил,
Где встречал солдат победу,
Чем Калинин наградил.

И про то, как на морозе
Грел затвора сталь в руках.
Как работает в колхозе.
Где б вы думали?— В Борка́х.

1957 г. Воинская часть 18938

16

ВИКТОР ЧЕЛЮК. ТЕРКИН В ПОЖАРНЫХ ВОЙСКАХ

После демобилизации из армии Теркин поступает в пожарники и вскоре становится офицером пожарных войск.

— На пожар я обозленный,—
Теркин дальше продолжал,—
Он мой дом, мой сад зеленый
Языком войны слизал.

Мы за все врагам сказали:
«Фриц, пожаром не балуй!..»
И в Берлине показали
Наших пушек сабантуй.
〈. . . . . .〉

Нам на днях приказ читали:
Был пожар. Горел завод.
В том приказе отмечали
Объектовый храбрый взвод.

На пожаре наш Василий
Взводом тем руководил.
Всё, чему его учили,
Он в борьбу с огнем вложил.

Сбит пожар водой был сразу,
Не успел спалить стропил...
Сам министр в своем приказе
Васю Теркина хвалил.

1960 г. гор. Усть-Каменогорск

«ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»
Концовка к главе «Теркин — Теркин»
Рисунок О. Г. Верейского (тушь, перо), 1947—1948 гг.
Литературный музей, Москва

17

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ЕВГЕНИЙ ЧУМАКОВ. ВАСИЛИЙ ТЕРКИН В ПВО

Кто в потертом переплете
Книгу эту не читал,—
Назови,
В каком расчете,
Где, когда его встречал?
Назови того солдата,
Пусть ему лишь двадцать лет,
Чтоб о ней не помнил свято,
Нет его?—
Вот, то-то. Нет.

В грязь-распутицу с дождями,
В стужу лютую она
Зарождалась,
Шла с боями,
Шла, куда вела война...

В пыльной, потной гимнастерке
Вдоль войны, не пряча грудь,
Шел солдат
Василий Теркин,
Расчищая к жизни путь.

〈. . . . . .〉

Голод, холод, непогоду
Знал
И вряд ли позабыл,
Из воды болотной в воду,
Из огня в огонь спешил.

До границы той далекой
Не считал ночей и дней —
Торопился, чтобы к сроку
«Гостя» вытолкать взашей.

Друг, солдат,
Читатель зоркий,
Нет у книги той конца —
В мирной жизни
Вася Теркин
Заменил в строю отца.

〈. . . . . .〉

День и ночь
Сырой осенний
Воет ветер, точно зверь...
Нет войны — идет «сраженье»
Без контузий и потерь.

Нет войны — воюет воин,
Отражает он «налет»...
Бьются, спорят меж собою
И зенитчик и пилот...
Спорят в схватке напряженной
На земле и над землей,
В обстановке, приближенной
Максимально к боевой.

〈. . . . . .〉

В полутьме экраны светят —
Небо щупает расчет.
— Теркин, в оба!
На планшете
Скоростная цель идет...
Всплеск. — Цель в зоне!
Теркин лично
К перекрестью цель ведет,
Не какой-нибудь обычный —
Реактивный самолет.

Ревуны завыли разом,
Охнул залп...
За ним другой...
Донеслась команда:
— Сто-ой!
Встал по форме в струнку Теркин
Результаты доложил.
Лейтенант в ответ:
— Пятерку
Ставлю, Теркин. Заслужил...

День и ночь
Сырой осенний
Воет ветер, точно зверь...
День и ночь идет «сраженье»
Без контузий и потерь.

1959—1962 гг.

Главы из поэмы печатались (очевидно, по мере написания) в газете «На боевом посту».

18

Г. В. ХАЛКИН. О ТЕРКИНЕ

Автор стихотворения пишет, что Теркин везде, «он среди нас»:

Ты его узнаешь всюду,
В каждом, кто в свой труд влюблен.
За ухватку ценят люди,
За смекалку его любят;
Коль новатор — значит он.
Сталевар стоит у домны —
Это он,
Ставит дом строитель скромный —
Это он,
Космонавт к мирам далеким
Мчит в ракете —
Это он,
Диссертацию, кто к сроку
Пишет дни и ночи?
Он.

Василий Теркин — рабочий кузнечного цеха завода:

Бьют электромолоты,
Сыпят искры — золото,
Плющат огненный металл,
Чтоб он форму обретал.
Чуть нажал педаль ногою,
Молот вниз летит стрелою
И, как гусеницей танка,
Словно тесто мнет болванку.
Чтобы не был ход впустую,
Ты душой обязан чуять
Жать педаль иль отпустить,
Чтоб, коль бить, так с толком бить.
Молот Теркину послушен.
Лих кузнец! Ну чисто маг.
Молот, если Васе нужно,
В миллиметр протянет шаг.
Спор такой был:
в перерыве
Собрались и юн, и стар,
Вася смаху, без отрыва,
Грузным молотом красиво
Свой откроет портсигар.
Коли ход неточен будет
И металл сомнет металл,
Молот Васю, знать, не любит,
Значит Теркин проиграл.
Кузнецы ушли не сразу,
Мастер сивый чуб чесал.

«ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»
Концовка вступления к третьей части поэмы — «От автора»
Рисунок О. Г. Верейского (тушь, перо), 1947—1948 гг.
Литературный музей, Москва

Вася молотом три раза
Кряду кнопку нажимал.
Не царапнув портсигара,
Открывал его с удара.
〈. . . . . .〉
Теркин жив. Простой, сердечный.
И могу вам доложить:
Род наш теркинский, род вечный,
Жил, живет и будет жить.

1962 г. гор. Караганда

19

А. А. ЗАЕВСКИЙ. ТЕРКИН НА КОЛЫМЕ

Теркин показан здесь в положении человека, несправедливо репрессированного в период культа личности.

Только пусть товарищ автор
Не волнуется:
бойцу,
Где бы ни был, наша правда
Будет кстати и к лицу.
Он колен ни на минутку
Не сгибал перед судьбой.
Прибаутку с самокруткой
Про запас имел с собой...
Хорошо оно ли, плохо —
Тем-то Теркин и силен,
Что, пройдя сквозь всю эпоху,
Жив до нынешних времен
Силой верности святою,
Как солдат и гражданин.
И всегда везде спокоен,
Ибо Теркин — не один.

За окном метелица
Стелется, стелется.
Словно злюка злющая,
Взад-вперед снующая,
Носится неистовая,
На все лады высвистывая.

То, как зверь, уляжется,
Прикорнет — и кажется,
Больше не отважится
Голову поднять.
То, ветрами взбитая,
Жгучая, сердитая,
В дикой пляске вскружится,
Вскружится, завьюжится
И давай гулять —
Над крутыми сопками,
Над глухими тропками.
То идет на прииски
В поиски да выиски,
То над заключенными
Завывает зонами.
Колыма, Колыма!
Чудная планета!
Двенадцать месяцев зима...
А когда же лето?

Теркина за то, что он неоднократно вступался за других заключенных, за их человеческое достоинство, сажают в карцер.

Хоть кандей, а вместе с тем
Любопытен карцер.
На цементе голых стен
Сообщенья вкратце
Нацарапаны гвоздем
И стеклом, и мелом:
Как фамилия, где дом
И с каким кто делом.

Всяк свое, но от души,
Точно на рейхстаге.
Хоть историю пиши
О последнем шаге.

«Настроенье у меня
Бодрое. Сорокин!»
«Братцы! Срок я разменял».
«Наплевать на сроки!»
«Маня! Ты там не влюбись...
Жди. Иван Малюга».
«Не такой вже страшный бис,
Як його малюють!»
«Неужели пропадем?»
«Жизнь! Что есть чудесней?»
«Будем живы — не помрем,
А помрем, так с песней!»

Ходит Теркин вдоль стены,
С радостью глазея,
Словно он средь старины
Где-нибудь в музее.

Все бы ладно, да одно
Худо, что в оконце
Нет стекла — и холодно,
Хоть и светит солнце.

На решетку воробей
Мостится, горбатясь...
Теркин шутит: — Не робей!
Повоюем, братец!

Хлебных крошек натрусил:
Голод, мол, не тетка.
Воробей глаза скосил,
На пол — прыг! — с решетки.

Чик-чирик! — сказал ему.
— Ешь! — солдат доволен. —
Ты попал на Колыму
Сам ли, поневоле?

Или северных кровей,
Уроженец местный?
Отвечает воробей:
— Повоюем вместе!
Птаха — что? А всё, глядим,
Хоть она и птичка,
Теркин снова не один —
Держит с кем-то смычку.

Близится освобождение.

Из-за сопки
Через гребень
Смотрит робко
Солнце в небе —
Северное, мутное,
Десятиминутное...
Если глянуть в календарь,
То апрель.
А окинуть оком даль,
То метель...

Ой, зима, зима!
Не сходи с ума!
Видишь, что весна
Встала ото сна
И, вступив в права,
Путы злобы рвет,
И растут слова,
И душа поет!
Из-за сопки
Через гребень,

МАТЬ

Все забрали — хлеб, муку и сало,
Все углы обшарили в дому
У старухи. Слова не сказала:
Людям говорят, а тут — кому.

И маячит тенью одинокой
Под своими окнами она.
Велика война, сыны далеко,
И народ в лесах — кругом война.

В огороде вытоптаны гряды,
Яблоки оборваны с листвой.
Все видала строгим, скрытым взглядом
И седой кивала головой.

2—494 • 17

СТИХИ О ВОЙНЕ

Сборник военных стихотворений А. Т. Твардовского.
М., «Сов. писатель», 1942
Обложка и страница со стихотворением «Мать»

Как из топки,
Солнце в небе
Жарит, парит вешнее,
Вешнее, нездешнее...

Возвращаются из тьмы,
Те, чей путь кремнистый...
На большом кануне мы
Мировых амнистий!

И вот узники колымских лагерей на свободе.

А солдат — всегда солдат.
Зашагал со строем в лад.
Хоть бывает и несладко,
Ему горе — не беда.
Правда-матка, как и скатка,
Неразлучна с ним всегда...
Все прошло. Как после боя,
Дым улегся. Сникла пыль.
Небо снова голубое —
И не верится в былое,
Что была такая быль.

Теркин, Теркин, где сейчас ты?
Я, вернувшийся домой,
Вспоминаю часто-часто
О тебе, соратник мой!
Потому ты мне соратник,

Что и возрастом годок,
И в трудах жестоких ратных,
И в тюрьме, где нет попятных,
Мы прошли единый срок...
Служишь в армии ли снова?
Сеешь хлеб? Кладешь мосты?
Впрочем, это, если к слову,
Все равно. К боям готовый,
Ты везде правофланговый,
Ибо ты — не только ты:
Это — я, в тебе живущий,
Это — он, с тобой растущий,
Это — мы, простой народ,
Ты — как воздух, в самой гуще
Нашей правды всемогущей,
Там, где дел невпроворот!

1964 г. гор. Кокчетав

20

С. ФИЛАТОВ. ПОЭТУ А. Т. ТВАРДОВСКОМУ

Теркин жив! Твардовский прав!
Рады мы, не скрою.
Хорошо, что дал состав
Трифоныч герою!..

И, конечно, не к лицу
Да и нам в утрату
Жизнь веселую к концу
Подвести солдату...

Мы в атаку — тут как тут
Теркин вместе с нами.
Залегли (снаряды рвут!) —
Теркин между нами...

Ранен. Что ж, лежу в палате,
Вспоминаю тяжкий бой.
Вижу: рядом на кровати
Теркин! Друг! Товарищ мой!

После госпиталя вскоре
На привале фронтовом
Слышу вдруг — солдаты спорят,
И опять же всё о нем...

Где герой живет сегодня?
Где сейчас он может быть?
Коль расстался с преисподней,
Значит вечно должен жить!..

И поскольку с лет военных
До последних самых дней
Теркин числится бессменно
За царицею полей,—

То неплохо бы сегодня
Путь ему держать такой:
Из кромешной преисподней
Прямо в поле к посевной...

Хорошо бы к нам, к землице,
В наш колхоз пришел герой.
Ведь у нас, как говорится,
Хочешь падай, хочешь стой.

Закупил колхоз машины...
Пашем, сеем, жнем... Ура!
И пошло; колеса, шины,—
Что там шины — трактора

Часто брошены, забыты...
Снег. Зима. Схватил мороз.
Хочешь, нет,— терпи убыток,
Для того и есть колхоз...

Фермы трогать ли — не знаю,
Разве только пару слов.
Наши фермы процветают
По наличию кормов.

Но обычно управленье
План скота дает такой,
Что, приняв для исполненья,
Председатель сам не свой.

Пустишь план — кормов нехватка
И пойдет к весне падеж.
Ни дохода, ни порядка,
Что к чему — не разберешь.

А к весне в контору снова
Сверху звонят: как надой?
Почему у вас коровы
Встали как бы на простой?

Почему падеж? К ответу
Тех, кто смертность допустил!
И колхозника за это
Все ругают что есть сил.

Он же, участь проклиная,
Не останется в долгу:
С бригадира начиная,
Управлением кончая,
Даст на всю — ничуть не лгу...

Трудодень тому виною:
Больно легок он и сух,
Будто скинутый весною
От нужды курячий пух.

Оттого, быть может, братцы,
Из колхоза все бегут.
Нет, за это надо драться,
А иначе как же тут?!

Может плохо обратиться,
Если так из года в год
За рублем, как говорится,
Разъезжается народ...

Нужен здесь Василий Теркин.
Без него дела нейдут.
Будет он — тогда в уборке
Трактора не подведут.

Не поедет в город в няни
Из колхоза молодежь,
А скорей всего потянет
В поле сеять лен да рожь.

Кончив службу, за рублями
Не погонится солдат,
А в колхозе вместе с нами
Поработать будет рад...

Вот тогда-то урожаи
Встанут плотною стеной.
Пусть тогда, забот не зная,
Отдыхает наш герой.

А теперь, когда тревога
Хлещет в сердце, как набат,—
Без твоей, герой, помоги,
Очень трудно. Так-то, брат!

Забирай свою винтовку
В виде вечного пера
И в колхоз, в командировку.
Время. Самая пора.

1964 г. п/о Оносово, Ростовского района Ярославской области

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Частично приведено в статье А. Твардовского «Как был написан „Василий Теркин“ (ответ читателям)». См.: А. Твардовский. Статьи и заметки о литературе. Издание второе, дополненное М., «Сов. писатель», 1963, стр. 160—161.

[2] В сопроводительном письме В. Минеров писал: «Я не поэт, но пришлось потрудиться: призвать Твардовского к труду» (там же, стр. 158—159).

[3] Из стихотворения А. Твардовского «Жестокая память» (Соч., т. 3, стр. 131).

[4] В статье «Как был написан „Василий Теркин“» это произведение названо «одним из первых опытов» продолжения «Книги про бойца»; далее приведена выдержка из письма Кондратьева на имя редактора газеты «Красноармейская правда» (А. Твардовский. Статьи и заметки о литературе, стр. 156, 157).

[5] В статье «Как был написан „Василий Теркин“» приводится выдержка из письма В. Угрюмова, в которой изложен план задуманного им «продолжения» поэмы: «Солдат приходит с войны, но ему отдых (даже месяц отдыха после всех передряг) не по нутру. С первого дня он начинает работу. Встречается с замкомбатом и вместе начинают руководить, работать. От бригадира полевой бригады Теркин доходит до директора МТС. За доблестный труд представлен к высшей награде...» (там же, стр. 157).

[6] В статье «Как был написан „Василий Теркин“» публикуемые нами отрывки из послания Ж. Ягупова приведены в сокращенном виде (там же, стр. 159—160).

[7] В статье «Как был написан „Василий Теркин“» приведено несколько строф из «Открытого письма...» Д. Морозова, в том числе две строфы, не включенные в настоящую подборку (там же, стр. 166).

ИЗ ПЕРЕПИСКИ И. Г. ЭРЕНБУРГА С ЧИТАТЕЛЯМИ-ФРОНТОВИКАМИ

Публикация В. А. Мильман и Л. И. Соловейчика

«Никогда в жизни я так много не работал»,— пишет И. Эренбург, вспоминая о годах войны [1]. Помимо «Красной звезды», в которой он проработал с первых дней войны до апреля 1945 г., Эренбург выступал и в других центральных газетах, много писал для фронтовой печати, через Совинформбюро давал статьи для зарубежной прессы. «Чуть ли не ежедневно я выступал по радио — и для советских слушателей, и для французов, чехов, поляков, норвежцев, югославов» [2].

Об исключительной творческой активности писателя может дать представление такая цифра: только в центральной прессе Эренбург выступил за годы войны (по неполным данным) около 700 раз. Не меньшее количество его статей, очерков и заметок помещено на страницах фронтовой печати. Бывали случаи, когда ему в один и тот же день доводилось писать для нескольких редакций.

Как специальный корреспондент «Красной звезды», писатель много разъезжал по фронтам. Он встречался с военачальниками и командирами в штабах, приходил на передовую в блиндажи к пехотинцам, дружил с танкистами, бывал у летчиков, виделся с жителями освобожденных сел и городов, разговаривал с пленными немцами. Вся эта живая связь с фронтом служила постоянным источником, из которого он черпал материал. Еще одним богатым источником были письма — они шли к нему в огромном количестве. «Каждый день я получал десятки писем с фронта, из тыла от читателей»,— вспоминает писатель [3]. И в другом месте своей книги он обращается к той же теме: «...мне казалось, что в этих письмах раскрывается душа народа»[4].

Таких писем за время войны у Эренбурга накопилось тысячи. Со многими своим корреспондентами он переписывался регулярно. «Переписка с фронтом отнимала у меня время, равное тому, которое я уделял статьям,— сказал как-то в разговоре Эренбург,— потому что письма не только получаешь, на них нужно отвечать, но это как раз действует благотворно».

И впоследствии, спустя десятилетия, писатель продолжает поддерживать связь со своими корреспондентами военных лет. Из Шауляя пишет бывший старшина —танкист Иван Васильевич Чмиль, в танк к которому Илья Эренбург был зачислен «почетным гвардии красноармейцем». Из Сибири шлет письма бывший снайпер Гавриил Никифорович Хандогин, пришла теплая телеграмма от собравшихся в Одессе бывших танкистов 4 гвардейской танковой бригады...

Придавая большое значение читательским письмам, Эренбург еще в годы войны решил опубликовать некоторые из них. В 1943 г. он подготовил к печати книгу «Сто писем», снабженную специально написанным предисловием. Эта книжка вышла в Москве на французском языке [5], она была напечатана также во Франции [6]. Еще до этого издательство «Молодая гвардия» намеревалось выпустить ее на русском языке. Книжка была уже набрана и сверстана, но затем ее исключили из издательского плана.

По окончании войны было опубликовано 30 писем читателей к Эренбургу [7]. Однако в архиве писателя хранятся еще несколько тысяч писем к нему. Из этого огромного

количества мы публикуем 13 писем, главным образом, от читателей-фронтовиков, расположив эти письма в хронологическом порядке. Они дополнены тремя письмами Эренбурга к читателям и его предисловием к книге «Сто писем».

Письма печатаются частью по подлинникам, частью по тексту сохранившейся у писателя верстки книги «Сто писем». Письмо И. С. Лезмана публикуется (с некоторыми сокращениями) по оригиналу, хранящемуся в ЦГАЛИ [8]. В ряде писем сделаны небольшие стилистические и грамматические исправления.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Книга пятая. «Новый мир», 1963, № 1, стр. 68.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 86.
[4] «Новый мир», 1963, № 2, стр. 127.
[5] Ilya Ehrenbourg. Cent lettres. Editions en Langues etrangères. Moscou, 1944.
[6] Ilya Ehrenbourg. Cent lettres. Editions «Hier et Aujourd'hui». Paris, 1945.
[7] «Писатели в Отечественной войне 1941—1945 гг. Письма читателей». Сост. П. Шамес. М., Гослитмузей, 1946.
[8] Ф. 618, оп. 14, ед. хр. 361, лл. 23—25.

ПИСЬМА к И. ЭРЕНБУРГУ

1

〈30 мая 1942 г.〉

Уважаемый Илья Григорьевич!

С неба упала листовка. Мы нашли лишь два экземпляра. Ветер разнес их для деревень, для советских граждан глубокого фашистского тыла. Замечательная листовка, она нам понравилась. Понравилась народу. Эта листовка сейчас нужна для советских граждан захваченных врагами районов. Русские люди уже сотнями страдают от страшной заразы (как вы выражаетесь,— чумных крыс).

Вы нас извините, но нам кажется, не будете возражать, если мы вашу листовку размножим в форме передовой в нашей родной газете «Дновец». Эту газету и другую мы вам высылаем с этим письмом.

Мы рады сообщить вам, что наша подпольная газета, наша тайная лесная типография очень встревожили гестапо и полицию города Дно. Гестапо уже не раз объявляло в своей фашистской газетенке, издаваемой в Дно, что газета «Дновец» № 2 полностью конфискована или «типография „Дновец" разгромлена, редактор арестован». Появилось и такое объявление: «Объявляется награда за поимку редактора „Дновец". Живьем — 30 000 марок, кто убьет — 15 000 марок, но со свидетелями». Они разыскивают в районе газету — орган райкома и райисполкома — все поставлено на ноги.

Однако мы никогда не конфисковывались, не арестовывались, а живем и здравствуем. Больше того, газета забрасывается нашими агентами даже в кабинеты полиции и гестапо. Так, № 2 газеты «Дновец» был положен на стол под стекло в кабинете начальника местной дновской полиции, предателя Ризо. Он чуть не разбил стекло, придя на работу и увидев у себя на столе нашу газету.

Дорогой Илья Григорьевич! Мы просим вас почаще засылать к нам в тыл ваши листовки. Их любит народ и с интересом читает, обсмеивает фашистов и, больше того,— выполняет то, что в них написано.

Мы будем очень рады, если не откажете нам в регулярной связи. Мы можем сообщать вам интересные факты патриотизма советских людей.

Вот, например, яркий факт: отряд партизан напал на немецкий гарнизон в деревне Ломовка. И когда партизаны подходили к деревне, навстречу им выбежала колхозница

Прасковья Филипповна (ее муж в Красной Армии) и закричала: «Вот мой дом, жгите его, не жалейте — там спят 14 немцев. Бросайте туда гранаты». Затем она рассказала, где находится штаб грабьармии, склад и огневые точки.

С помощью этой колхозницы было уничтожено свыше 70 гитлеровцев, взорван склад боеприпасов, захвачены большие трофеи. Ни одна чумная заразная крыса не ушла из деревни. Они были все уничтожены.

Вы пишете в листовке: истреблять чумных крыс — вот первая мера профилактики. Так мы и делаем. За последние два месяца мы уничтожили 2500 гитлеровцев, разбили 13 немецких гарнизонов, 13 дзотов. Вооружились немецкими минометами и пулеметами.

Дновцы — специалисты по паровозам. И вот за последний май месяц мы пустили под откос пять вражеских поездов с живой силой. Им не удалось добраться до фронта.

Немцы бросили сейчас против нас 5000 солдат регулярной армии. Они поставили целью уничтожить нас, захватить советские районы, завоеванные и удерживаемые нами в тылу врага.

Однако 2000 гитлеровцев уже нашли здесь свою могилу. Уничтожить все 5000 — такова наша клятва.

Сердечный партизанский привет из глубокого фашистского тыла

Комиссар 5 партизанской бригады Тимохин
Редактор газеты «Дновец» Шмотов

30.5.1942 г.
Полевая почтовая станция 557, почтовый ящик 24, сектор 25, подразделение 5

2

〈2 июля 1942 г.〉

Тов. Илья Эренбург! *

Я не писатель, не журналист, а рядовой боец, боец Красной Армии.

Я с детства увлекался чтением. Сейчас, находясь на поле сражения, ежедневно с нетерпением жду газету — зеркало правды и истины. Чуть не в каждом номере встречаю вашу статью. Читаю с волнением. Вот передо мной лежат только что полученные газеты. Быстро раскрываю, ищу статьи знакомых (хотя лично не знаю их) авторов — Алексея Толстого, Заславского, вас и автора маленьких фельетонов Рыклина. Потому что каждая статья вышеуказанных авторов воодушевляет нас. Дает новые силы. Ведет к новым успехам. Самое главное — убеждает в победе.

Одна из таких статей — ваша статья «Июнь» [1]. Я несколько раз прочитал ее. В это время перед моими глазами открылся большой экран жизни — хотя я находился в тесной сырой землянке,— сердцем я чувствовал, будто в этот момент сижу в зале Большого театра мира. Перед моими глазами промелькала жизнь казахского народа. Страна бывших пастухов, бродящих в голодной степи. Ныне — цветущий край...

Ваша статья мне напомнила июнь 1941 года, когда я находился в своем родном колхозе Аягузского района, Семипалатинской области, Казахской ССР. Территория этого колхоза до Октябрьской революции называлась «Батпах» (болото). Из гор текла речушка, ее тоже называли Батпах. Никто здесь не жил — считали, что жить нельзя. А сейчас на берегу этой речки новое колхозное село. Около 130 дворов. Громадная школа-семилетка, клуб, красный уголок. При каждом доме — огород, бахча. А ведь до революции казахский народ даже не имел понятия, что такое картошка, помидоры. На замечательных берегах речушки Батпах раскинулось 400 гектаров посевной площади, и колхозники здесь каждый год убирают с гектара более 20 центнеров зерна. На пастбище пасутся более десяти тысяч овец, 600 голов рогатого скота, 700 лошадей. Вот картина Батпаха в июне 1941 года.

---

* Прошу не обращать внимания на грамматические ошибки моего неряшливо написанного письма. Я нацмен из глубокой степи Казахстана.

И. Г. ЭРЕНБУРГ И РЕДАКТОР «КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ» Д. И. ОРТЕНБЕРГ (справа) НА ПЕРЕДОВЫХ ПОЗИЦИЯХ

Фотография. Западный фронт (Можайское направление), 1941
Собрание Д. И. Ортенберга, Москва

Я люблю родной край, родной колхоз, родную землю Батпаха. Хочу купаться в речке Батпах. Хочу жить после победы над врагом в нашем цветущем колхозе. Но когда жаркая схватка с врагом — я забываю обо всем. Меня волнует одна мысль — разбить, уничтожить палачей. Кипит кровь. Я превращаюсь из простого маленького казаха в большого непобедимого громадного борца. Потом мне самому смешно.

Что такое жизнь? Это большой вопрос. Потому что каждый хочет жить. Но смерть неизбежна. А раз смерть неизбежна, то надо умереть, как герой, как Чапай, чтобы о нас вспомнили наши дети, чтобы они сказали: погиб в героическом бою с фашизмом.

Вы простите, т. И. Эренбург, что я с этим неряшливо написанным письмом оторвал у вас золотое время.

Убедительно прошу, если время позволит, то напишите статью, которая ответила бы на вопрос: что такое жизнь?

Прошу — и мы все просим — передать пламенный красноармейский привет Алексею Толстому. Почему в последнее время перестали появляться в газетах его статьи?

С компривето м

Асхар Лекеров

2 июля 1942 года
Северо-Западный фронт, район Старой Руссы

[1] Статья «Июнь» опубликована в газете «Красная звезда», 1942, № 144, 21 июня.

3

〈25 июля 1942 г.〉

Дорогой тов. Эренбург!

Прошу заранее извинить меня за то, что отрываю ваше драгоценное время на чтение моего письма.

Буду откровенен — я мечтал повидаться с вами, пользуясь счастливым случаем пребывания в Москве, но скажу честно — не хватило мужества. Я хотел вам многое рассказать о фронте и кое о чем спросить.

Я командую зенитно-артиллерийской батареей, лейтенант, родом из-под Бердянска, одного из болгарских национальных районов (Коларовский район, Запорожской области). До 1939 года работал в газете: в русской и пять лет в болгарской. Среди болгар прожил около 20 лет. Коммунист с 1939 года. Ну, да это так, между прочим.

Хочу сказать вам как ваш читатель. Быть может, вы полностью не чувствуете, какую большую работу «делают» ваши строки. Я, мой комиссар, мои бойцы и командиры вот уже полгода на протяжении совместной работы не пропустили ни одной вашей корреспонденции. В пути или в лесу под Воронежем — всюду вы наш друг и товарищ. Как только привозят газету, сразу слышится: — Есть что-либо Эренбурга?

Читаем вслух.

Почему мы любим ваши статьи? И любим особой любовью.

А вот почему: вы пишете о том, о чем думает воин. Не все мы умеем выразить то, что думаешь. А люди наши думают. Люди готовы на все жертвы, на любые подвиги. Порой не верится, на что способен человек. Мы любим жизнь, очень любим. Но жизнь на коленях, жизнь раба — не нужна нам такая жизнь.

Я встретил своего односельчанина Димитрова. Он рассказал, что немцы угоняют из Коларовского района всех трудоспособных в Германию. Вешают, расстреливают... Нет, обо всем этом писать я не могу. У меня большой счет к фрицам.

Что мне жизнь, если страдают миллионы моих братьев? У нас так много накопилось в сердце ненависти, что фрицам не расплатиться. Мы люди теперь обученные, обстрелянные. Мы смотрели смерти в глаза, и смерть отошла. Сегодня нам тяжело — к чему скрывать. Но все мы твердо верим в победу, в наше оружие.

Эта вера поддерживает нас, она окрыляет.

На моих глазах умирал лейтенант Иванов, мой товарищ. Он сказал:

— *Слышишь, зенитчик, не страшна смерть, обидно только, что мало я их скосил* здесь, под Воронежем. Очень жалею...

Смысл нашей жизни — в грядущей победе. Иначе мы свою жизнь не мыслим. Немец выдохнется. Наш прыжок будет решительным.

Ну, простите за кражу вашего времени. Хотелось о многом написать, но не сумел. Я буду писать вам с фронта. Это вам пригодится. Можете зачислить меня своим бескорыстным корреспондентом...

Пожелаем вам успеха в работе вашей — так нужной и ценной для нас.

Примите привет от бойцов 3 зенитной артиллерийской батареи.

С коммунистическим приветом
Лейтенант Александр В л а с о в

25 июля 1942 г.
Москва, Кунцево, почта. До востребования. Лейтенанту Александру Григорьевичу Власову

4

〈8 августа 1942 г.〉

Дорогой Илья Григорьевич!

Я помню вашу прошлогоднюю корреспонденцию о том, что, конечно, плохо слушать неутешительные сводки, плохо, когда берут комнату, но есть вещи потяжелее.

Я помню, как на меня это очень сильно подействовало. Вообще вы хорошо пишете. Вашу «Книгу для взрослых»[1] я читала три раза и все еще не начиталась. Так вот у меня

к вам просьба. Сейчас во всем — и в мелочах и в крупном — все чаще и чаще слышишь, что теперь война, и потому уже и нам скоро конец. А потому и не стоит делать хорошо.

А разве это верно? По-моему, как раз наоборот. Раз война, то надо все делать еще лучше. А если уж раньше смерти умрешь — то и до победы не доживешь. Напишите, пожалуйста, об этом. У вас это должно хорошо выйти.

Большое у вас сердце и бьется оно хорошо. Я домашняя хозяйка. Сейчас работаю по четыре часа в день на дорожных работах. Мы работаем очень мало, все больше отдыхаем, никто нас не торопит и задание не объясняет. Спрашиваем прораба, а он говорит что-то невразумительное. И вообще на все как-то смотрит спустя рукава. Но от такой распущенности и вправду никакое дело не выйдет.

Я в начале войны тоже было поддалась такому настроению. Услышу утром плохую сводку — и весь день все, как говорится, «из рук валится», а теперь душой скрепилась. Услышу сводку — и говорю себе: «А я назло убирать буду, и шить буду, и штаны красноармейские постираю да и поштопаю. Не хочу умирать раньше смерти. Если у нас шпион где-нибудь рядом, пусть увидит, что мы морально крепки, несмотря ни на что».

Желаю вам успеха. Берегите себя.

Преданная вам О. Хитрова

Саратов, 8 августа 1942 года

[1] «Книга для взрослых». М., «Сов. писатель», 1936 г.

5

27.8.1942 года

Здравствуйте, дорогой писатель и боец за дело Социалистической Родины — Илья Эренбург!

Разрешите передать вам пламенный привет от бойцов и командиров 1 гвардейской танковой роты, в которую вы зачислены почетным танкистом. Мы, бойцы и командиры, гвардейцы, с большим воодушевлением встретили ходатайство наших комсомольцев о зачислении вас почетным бойцом — гвардейцем-танкистом. Читая ваши статьи, мы все еще больше разгораемся ненавистью и стремлением как можно быстрее разбить фашизм.

Партия, правительство и советский народ, следя за действиями нашей части, за ее успехами в боях, присвоили нам высокое звание гвардейцев, и мы стараемся как можно больше уничтожить зарвавшихся гадов, этим самым ускорить освобождение своего любимого народа и овеять наши знамена бессмертной славой.

Мы будем продолжать вести «дипломатические разговоры» непосредственно через пушки, а вы будете нашим почетным агитатором, вдохновлять нас на это теплым словом через печать. При помощи печати, при помощи широкой агитации и с нашим большевистским бесстрашием мы уничтожим зарвавшихся гадов, как требует страна, народ, партия.

Мы вас будем извещать о наших боевых действиях, ибо вам приятно будет слушать, как дерутся славные танкисты-гвардейцы, в состав которых входите вы [1].

До свиданья, дорогой Илья Эренбург, крепко жмут руку вам ваши боевые товарищи.

Военный комиссар танковой роты, гвардии политрук,
орденоносец Табачков
Парторг танковой роты, гвардии старшина Сиделев
Комсорг танковой роты, механик-водитель старший,
гвардии старшина Фатеев
Механик-водитель старший, гвардии старшина,
дважды орденоносец Чмиль

Наш адрес: Действующая Красная Армия. Полевая почтовая станция № 272. 1 танковый батальон. Военкому 1 танковой роты.

ПРИКАЗ

частям 4 гвардейской танковой бригады

21 августа 1942 года. № 0112. С〈ело〉 Березовка 1-я

Учитывая огромную популярность писателя Ильи Эренбурга среди личного состава и большое политическое значение его статей в деле воспитания стойкости, мужества, любви к Родине, ненависти к немцам и презрения к смерти и удовлетворяя ходатайство комсомольской организации бригады, *зачислить* писателя Илью Эренбурга почетным *гвардии красноармейцем* в списки бригады, в 1 танковый батальон.

Командирам частей приказ и приложенное письмо зачитать всему личному составу.

Командир 4 гвардейской танковой бригады гвардии полковник К о п ы л о в

Военком 4 гвардейской танковой бригады гвардии старший батальонный комиссар С в е р ч к о в

Начальник штаба бригады гвардии подполковник Т о в а ч е н к о

[1] Танк, в экипаж которого был зачислен писатель, провоевал до конца войны и участвовал в штурме Берлина. В настоящее время бывший механик-водитель этого танка — Иван Васильевич Чмиль — живет в городе Шауляй, Литовской ССР.

6

〈7 декабря 1942 г.〉

Прошу редакцию газеты «Красная звезда» передать этот листок писателям Илье Эренбургу и Николаю Тихонову

Тов. ***Илья Эренбург и Николай Тихонов***!

Простите за фамильярность!

Разрешите мне передать вам свое искреннее восхищение вашими превосходными статьями.

На ваших статьях «Наше гнездо» (И. Э.), «Ненависть» (И. Э.), «О немецком садизме» (Н. Т.) [1] и других командиры учатся ненавидеть врага и воспитывают у бойцов боевой патриотизм и священную ненависть к врагу.

Бойцы и командиры читают ваши статьи, как сообщения «В последний час», зная, что они содержат множество фактов, разящих ненавистного врага, как штыковые удары бойцов, идущих в бой за Родину.

Маяковский желал, чтоб к штыку приравняли перо.

Ваше перо наносит удары врагу прямо в сердце, изобличая его духовное ничтожество.

Хочу, чтобы такие статьи печатались миллионными тиражами и чтобы каждый носил их у себя, как святую заповедь ненависти к врагу, увеличивающую силу наших ударов.

Желаю вам здоровья и дальнейшего творчества на пользу нашей Родины и в смертельный ущерб врагу.

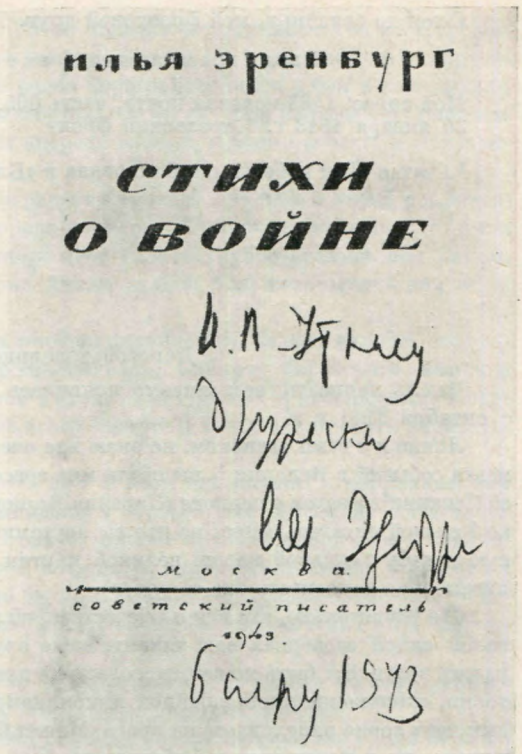
Комбат лейтенант Ф. М. Б о р щ е в с к и й

7.12.42.

1414 полевая почта, часть № 176

[1] Имеются в виду следующие статьи: И. Э р е н б у р г. «Твое гнездо» («Красная звезда», 1942, № 220, 18 сентября); И. Э р е н б у р г. «О ненависти» («Красная звезда», 1942, № 103, 5 мая); Н. Т и х о н о в. «О немецком садизме» («Красная звезда», 1942, № 233, 3 октября).

«СТИХИ О ВОЙНЕ»
Сборник стихотворений И. Г. Эренбурга. М., «Сов. писатель», 1943
Титульный лист с дарственной надписью автора И. П. Уткину, 6 июля 1943 г.
Литературный музей, Москва



7

〈30 января 1943 г.〉

Здравствуйте, мой дорогой товарищ и фронтовой друг
Илья Эренбург!!!

С боевым красноармейским пламенным приветом с фронта!

Художественно писать не умею, но напишу, как понимаю, от чистой фронтовой души. Уважаемый Илья! Очень и очень благодарю вас за ваши статьи, которые мы с удовольствием читаем. Ваши слова живут в наших сердцах. С вашими словами мы побеждали и будем побеждать. Вы воодушевляете нас на новые и новые подвиги, и наша красноармейская семья так и живет с вашими словами. Всегда с большим интересом читаем мы ваши статьи, которые печатаются в газетах и журналах.

Однажды замполит Метелица прочитал статью. Мы ее с вниманием выслушали. Кончив читать, он спросил: «Кто писал статью?»

Мы ответили в один голос: «Илья Эренбург».

Теперь еще характерная и даже замечательная статья. Я ее несколько раз читал и спрятал в карман. Если останусь жив, домой увезу. Она называется «Год победы» [1]. Вы еще раз в этой статье поднимаете дух у каждого из нас и доверяете такое ответственное большое дело — быть судьями. Ты истец, ты судья, ты мститель. Тебя облек доверием народ. Иди и суди. Иди и карай. Преступники перед тобой.

Эти слова живут в наших сердцах, их ничем не вырвешь. Они на нас очень и очень действуют...

И действительно суд идет — идет Красная Армия, идет весь советский народ на этот страшный суд, который будет жестоким приговором для вшивых фашистских собак.

Ой, не уйти им, никуда не скрыться от нашей мести, которая горит пламенем в сердцах русских людей. И горе им будет. А оно не за горами.

С тем до свиданья, мой фронтовой друг. Ты всегда вместе с нами.

Писал красноармеец Ф е с е н к о Степан Николаевич

Мой адрес: 1483 полевая почта, часть 095.
30 января 1943 г. Карельский фронт

[1] Статья «Год победы» опубликована в «Блокноте агитатора», 1942, № 14, декабрь.

8

30.3.43 г.

Дорогой товарищ Эренбург!

Мысль написать вам письмо появилась у меня не вдруг. Я «вынашиваю» ее с октября 1941 г.

Лично я с вами незнаком, но знаю вас очень давно по вашим произведениям. С момента событий в Испании [1] вы стали мне совсем близким. Ваши замечательные работы об Испании[2], а затем о периоде «Падения Парижа»[3] показали всему миру, что вы не только большой писатель мира, но что вы неутомимый борец, навсегда связавший свою личную судьбу с судьбой нашей великой партии (хотя, быть может, вы до сих пор организационно находитесь вне ее рядов).

Не удивительно, что в дни Отечественной войны по-новому, так ярко, с такой небывалой силой засверкал ваш талант, ваше оружие стало чрезвычайно сильно и метко разить врага. Вы, быть может, настолько не представляете себе, как выросла ваша аудитория, сколько миллионов бойцов и командиров вы как писатель своими трудами каждый день верно нацеливаете на врага. Может быть, мои слова покажутся вам преувеличением, но я попытаюсь их обосновать.

В октябре 1941 г. я был политруком саперной роты. Это были незабываемо тяжелые дни. Мы все время вели упорные бои с рвущимся вперед противником. Моя рота шла в арьергарде и прикрывала отход наших частей: устраивала завалы, минировала дороги, взрывала мосты. Мы шли долго, временами по пояс в грязи, мы выбивались из сил, нас с каждым днем становилось все меньше и меньше.

Я лично, разумеется, и тогда глубоко верил в нашу победу, но и мне было очень тяжело. Я шел рядом с бойцами и должен был у этих до крайности утомленных, выбившихся из сил людей поддерживать веру в наше дело. Над нашими головами летали тогда только вражеские самолеты, мы видели тогда только фашистские танки, мы слышали треск только немецких автоматов. Мы не могли слушать радио и не могли получать газеты. Но каждый день мы узнавали, что сдан Мариуполь, Таганрог, что оставлен наш родной Харьков. Враги нашептывали, что отходим в Сибирь.

В дни боев, в пути, на привалах я беседовал и подбадривал людей и вел их за собой. Но мне до крайности в эти дни нужна была поддержка. Ее не было, так как впереди отходили наши части, а за нами шли немцы.

В эти самые дни вы пришли мне на помощь. 29 октября 1941 г. мы зашли в село Бараново Курской области, и в одной из хат я нашел обрывок курской газеты с перепечатанной вашей статьей «Выстоять» [4]. Это было для меня огромной радостью. Эта статья мне очень помогла, и я ее берег больше года и часто вновь и вновь возвращался к ней. По моему твердому убеждению, «Выстоять» — самое лучшее, что вы написали. Это своего рода ваш «Буревестник». ⟨...⟩ С тех пор, где бы мы ни находились, в том числе и во время сталинградских боев, ваши статьи всегда с нами. Их полюбили бойцы и командиры и, открывая любую газету, прежде всего ищут в них ваши статьи и очерки.

Как раз к концу октября 1941 г. мы прекратили отход, несколько перестроились и с ноября 1941 г. встретились с Родимцевым и вошли в его боевой коллектив, который тогда формировался [5]. Мы стали саперами Родимцева в разгаре боев за город Тим.

О том, как саперы Родимцева тогда дрались за Тим, можно прочесть в «Красной звезде» за 11 января 1942 г. в статье капитана Олендера. Наша рота (командир Суханов) смело проникала в тыл противника, рвала его коммуникации и наносила немцам

большой урон в технике и в живой силе. Затем мы вели непрерывные бои на Курском направлении в начале 1942 г., когда весь наш родимцевский коллектив стал гвардейским. Под Харьковом саперы Родимцева снова первые бросались в бой и взламывали вражескую оборону. О героях нашей роты и батальона — гвардии лейтенанте Солодком и других, ползавших на вражеские дзоты впереди танков, можно прочесть в «Правде» за 19 мая 1942 г.

Затем наступила бессмертная Сталинградская эпопея. 140 дней и ночей родимцевцы и среди них саперы стояли здесь в городе насмерть. Стояли и *выстояли*. Это были те же люди, что отходили с боями в октябре 1941 г., что храбро дрались под Тимом, Щиграми, Харьковом. В Сталинграде они имели только больше опыта — они были старше и злее. 〈...〉

Вот об этих простых советских людях многонационального нашего народа, сыновьях Вологды, Ярославля, Горького, Ворошиловграда, Сибири, еврейского местечка Могилевщины, казахской степи, солнечной Грузии, выстоявших и победивших, в первую очередь о саперах, о которых меньше всего пишут, я хотел вас просить написать. Они достойны вашего пера.

Для того чтобы хоть несколько помочь вам в этом отношении, я направляю вам свои записки сапера. Я их писал в блиндаже в овраге. Они нигде не печатались и имеют, конечно, ряд недостатков. Хотя они отражают не весь период боев в Сталинграде, а только некоторые эпизоды, но они, возможно, будут вам полезны. Если же вы найдете, что эти записки имеют некоторый интерес и могут с исправлениями быть напечатаны в каком-нибудь журнале или газете, прошу вас позаботиться о них и где-нибудь «пристроить».

Направляю вам также копию нашего октябрьского обращения ко всем саперам известной вам армии. Оно представляет, по-моему, некоторый интерес.

Если вас интересуют некоторые данные обо мне, авторе письма, могу для первого знакомства сообщить: я 1904 года рождения, в рядах партии с 17-летнего возраста. Все годы был на комсомольской, а затем с 1929 г. на партийной работе. В Красной Армии с первых дней Отечественной войны. С начала войны до августа 1942 г.— политруком роты, а с первых дней боев в Сталинграде комиссаром, а затем заместителем командира по политчасти саперного батальона у Родимцева. За Тим награжден орденом Красной Звезды, а за Сталинград — орденом Отечественной войны II степени. В Сталинграде и мне, конечно, малость попало. Но он всех нас закалил и подготовил к новым боям 〈...〉

Прошу написать ответ по адресу: 907 ППС, часть 60. Мне.

С приветом И. Л е з м а н (Лезман Иосиф Самойлович)

[1] С 1936 по 1938 г. Эренбург был специальным корреспондентом газеты «Известия» в Испании.

[2] Имеется в виду книга «Что человеку надо?», вышедшая в 1937 г. (М., Гослитиздат).

[3] Роман «Падение Парижа» впервые был напечатан в 1941 г. в журнале «Знамя». Отдельное издание вышло в 1942 г. (М., Гослитиздат).

[4] Статья «Выстоять!» была напечатана в «Красной звезде», 1941, № 241, 12 октября.

[5] Александр Ильич Родимцев — ныне генерал-полковник, дважды Герой Советского Союза. В ноябре 1941 г., будучи полковником, вступил в командование 87 стрелковой дивизией, которая 19 января 1942 г. была преобразована в 13 гвардейскую стрелковую дивизию. Позднее, в составе 62 армии, эта дивизия принимала участие в героической обороне Сталинграда.

9

〈1943 г.〉

Уважаемый товарищ Эренбург!

Привет и счастье вам.

Ныне служу на новом месте. И здесь, как и в 1942 г., глотаем ваши статьи. Очень уж они богаты содержанием!

Вот статья «Во весь рост» [1]. После ее чтения наши снайперы решили написать вам письмо «132-х». Если у вас будет время, то дайте ответ на это письмо.

«Будем рады получить ответ писателя-агитатора»,— говорят наши бойцы.

Желаю всех благ. Будьте здоровы!
Агитатор Н-ской части, капитан А. Герасимов

P. S. Извините, что письма наши чуть небрежны, ведь эти строки мы писали в непогоду и в землянках типа «дзот» на переднем!

Полевая почта 38603-Б.

[1] Статьи И. Эренбурга под названием «Во весь рост» в центральной прессе не было По-видимому, она была помещена во фронтовой печати.

10

28.11.44 г

Привет с фронта!

Здравствуйте, дорогой т. И. Эренбург!

Я, конечно, знаю, что у вас очень мало времени, и мое письмо одно из многих сотен, которые вы ежедневно получаете на ваше имя.

Но я все же вас прошу прочесть его и принять от меня и моих товарищей по оружию наше восхищение перед вашим гением писателя-публициста.

Сегодня мы снова прочли вашу статью в «Правде» от 20 ноября 1944 г. «Освободительница». Сколько силы в каждой строке, какою ненавистью дышит каждое слово!

Дорогой т. И. Эренбург! Я сравниваю бойца, идущего в атаку и вонзающего свой штык в немца, и вас, пишущего новую статью, острие штыка которой направлено не в одного немца, а во всю гитлеровскую машину рабства и человеконенавистничества...

Между прочим, по секрету вам скажу, и не примите в обиду, потому что это пишет человек 1923 г. рождения, а вы, вероятно, прожили на свете уже больше, чем полвека, что у нас привыкли вас называть просто по-фронтовому: «Наш Илюша», и вы видели бы, с какой задушевностью произносят эти слова бойцы и командиры.

И вот, прочтя новые ваши статьи, как, например, «Весна в октябре» или «На Берлин!» [1], они всегда восхищенно восклицают: «Опять наш Илюша немцам перцу задал!»

Вы знаете, очень много хотелось бы вам написать и о нашей жизни и обо всем понемногу, но не хочу отвлекать вас от работы и быть слишком надоедливым. На этом кончаю. Ждем с нетерпением следующих ваших статей. Еще раз привет от всех фронтовых товарищей. Очень просим ответить хоть парой слов.

Ваш Борис Глебовский,
лейтенант, командир радиовзвода

[1] Имеются в виду статьи: «Весна в октябре» («Красная звезда», 1944, № 264, 5 ноября) и «В Берлин!» (журнал «Красноармеец», 1944, № 17—18, сентябрь).

11

7.1.45

Уважаемый писатель Илья Эренбург!

К вам обращается через газету «Комсомольская правда» группа бойцов-комсомольцев войсковой части полевая почта 42742.

Мы хотим рассказать о том, как ваши статьи воспринимаются у нас на фронте, насколько они доходчивы до сердца каждого бойца.

Каждый день, получая газеты, мы, фронтовики, ищем в них ваши замечательные статьи. Как только в газете появляется ваша новая статья, газета проходит сотни солдатских рук. Статья читается вслух и встречает горячее обсуждение. Каждое слово, написанное вами, писателем-патриотом, врезается в сердца наших бойцов.

Смерть немецким оккупантам!

ЗА РОДИНУ

ЕЖЕДНЕВНАЯ КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

№ 30 (581) | Воскресенье, 31 января 1943 года

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

НАШИ ВОЙСКА ЗАНЯЛИ ГОРОДА ТИХОРЕЦК и МАЙКОП

30 января войска СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО фронта, в результате решительной атаки, овладели городом и крупным железнодорожным узлом ТИХОРЕЦК. Первыми ворвались в ТИХОРЕЦК соединения полковника ШВАРЕВА Н. А. и полковника ШЕВЧЕНКО И. А.

Войска ЗАКАВКАЗСКОГО фронта овладели городом МАЙКОП. Первыми в город МАЙКОП вошли подразделения 23 стрелкового полка под командованием подполковника КАЗАК П. К.

СОВИНФОРМБЮРО.

НА ПОЛНУЮ МОЩЬ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ОРУДИЯ СОПРОВОЖДЕНИЯ

В огне отечественной войны, в жестоких боях с сильным и коварным врагом наши славные артиллеристы накопили богатый опыт, выработали и применили в широком масштабе новые приемы борьбы, в том числе стрельбу прямой наводкой.

Большую роль в прорыве неприятельской обороны, в преследовании врага играют орудия сопровождения—45 и 76-ти пушки. Сопровождая наступающую пехоту огнем и колесами, они бьют по немецким танкам и бронемашинам, подавляют и уничтожают расположенные открыто и за легкими укрытиями орудия, минометы и пулеметы противника, прямой наводкой подавляют огонь из дзотов, проделывают для пехоты и танков проходы в проволочных заграждениях и надолбах.

Вот один из примеров высокого на[illegible]

Удары штурмовиков

28 января шестерка истребителей, которую вел тов. Волков, точным бомбометанием подожгла и взорвала вражеский склад с боеприпасами. В этот же день штурмовики нанесли удар по штабу немецкого соединения. Истребители, сопровождавшие штурмовиков, отметили взрывы и пожары в населенном пункте.

Днем раньше группа штурмовиков, которую вел майор Севастьянов, нанесла удары по коммуникациям противника. Последующее фотографирование подтвердило, что удары достигли цели. Отмечены прямые попадания в автоколонны и танки немцев в движении и на стоянках.

Группа майора Севастьянова доставила командованию ценные разведывательные данные.

[illegible] И. ИГНАТЬЕВ.

ВАС БЛАГОСЛОВЛЯЮТ РУССКИЕ МАТЕРИ

ПИСЬМО ПИСАТЕЛЯ И. ЭРЕНБУРГА СНАЙПЕРУ НАШЕГО ФРОНТА ГАВРИИЛУ ХАНДОГИНУ

Более полугода один из лучших снайперов нашего фронта Гавриил Хандогин ведет переписку с писателем-орденоносцем лауреатом Сталинской премии Ильей Эренбургом. В одном из писем снайпер сообщил тов. Эренбургу, что половину убитых им немцев он относит на боевой счет писателя.

По просьбе редакции газеты „За Родину" писатель И. Эренбург написал открытое письмо снайперу. Ниже публикуем это письмо.

Дорогой товарищ Хандогин!

Я хочу вам высказать то, что чувствуют миллионы наших соотечественников, когда они читают о ваших боевых трудах. Около полутораста немцев вы предали смерти. Вы казнили убийц и преступников. Вы освободили землю от ста пятидесяти злых и омерзительных существ. Вас благословляют русские матери. Вас благодарят русские девушки. От имени многих я, писатель, хочу пожать вашу мужественную руку и сказать вам: спасибо.

Настанет день, и суд всех свободных народов будет судить кровожадных немецких палачей. Но человеческое сердце не мирится с ожиданием. Россия уже *вынесла свой приговор. Стоит прислушаться к метели, стоит спросить ночь и звезды, они ответят: смерть немцам!* Вы приводите приговор России в исполнение.

Вы знаете, как в украинском селе Буденновка немец Фридрих Шмидт терзал и убивал девушек. Признания палача Фридриха Шмидта заряжали вашу винтовку. За муки Буденновки вы убили не одного немца, и когда мы освободим Украину, вам, отважному сибиряку, скажут спасибо все ее дивчины.

Вы привыкли смотреть правде в глаза. Вы—судья. Вы должны все знать. Я расскажу вам о том, что произошло в селе Бельское, Смоленской области. Немцы схватили молодую женщину Анну Андреевну Русакову. Они ее раздели, изнасиловали. Один немец фотографировал. Потом Русакову убили и бросили в колодец. Красноармейцы, освободив село Бельское, нашли ее изуродованное тело. А на презренном фрице Альберте Брауне оказалась серия фотографий: муки русской женщины Русаковой. Эти фотографии сейчас передо мной. Я пишу вам письмо, и я *жалею об одном, что в моей руке не* винтовка снайпера. Я знаю, дорогой товарищ Хандогин, что вы казните не одного немца за Аню Русакову.

Нет немцев белых и красных, чистых и нечистых, виноватых и невинных: все они отвечают за совершенные ими злодеяния. Если есть хоть один совестливый немец, пусть он застрелит своего генерала. А нам с ними не о чем разговаривать. Они пришли на нашу землю. Они принесли нам невиданное горе. Полтора года они терзали наших людей. Теперь идет расплата.

Красная Армия наступает. Каждый день она освобождает города и села. Немцы драпают. Они называют свое отступление «эластичной обороной»: у них на все эрзацы— и на валенки и на слова. У них и сердце—эрзац-сердце. Вы его найдете меткой пулей—сердце немецкого волка. На Дону теперь убивают немцев оптом. Вы, товарищ Хандогин, бьете их в розницу, но и в розницу вы скоро прикончите вторую немецкую роту.

Колбасники слышали смутно, что есть Сибирь, леса и охотники. Они не думали встретиться с хорошим сибирским охотником. Они надеялись, что вы будете бить пушного зверя, а они станут торговать в Лейпциге мехами. Но сибирский охотник Гавриил Хандогин теперь—народный судья, ему не до пушного зверя, он бьет фрицев.

Придет час победы. Мы уже видим вдали ее нежную и дивную зарю. Расцветет наша земля. Улыбнутся наши девушки. Загорятся огнями наши города. Вы поедете домой, товарищ Хандогин. Далекий это путь—через всю матушку-Россию. На вокзалах вы увидите, как матери будут встречать сыновей, обливаясь слезами радости, как жены будут обнимать мужей. Тогда вы сможете сказать себе: «Моя винтовка спасла многих». Нет лучшей награды, нет дела благородней. Дорогой друг, вы спасли много русских жизней. Я желаю вам сил и удачи—до конца, до победы.

Илья ЭРЕНБУРГ.

«ВАС БЛАГОСЛОВЛЯЮТ РУССКИЕ МАТЕРИ»

Открытое письмо И. Г. Эренбурга снайперу Гавриилу Хандогину «За Родину», газета Северо-Западного фронта, 31 января 1943 г., № 30

Ваша статья «Дорога в Берлин»[1] явилась отображением чувств каждого русского воина. Мы читали ее в момент нашего летнего наступления, когда мы вели бои по очищению от фашистской мрази последних районов нашей священной Родины. Ваша статья еще больше воодушевила бойцов, разжигая ненависть к врагу и желание как можно быстрее ворваться в логово зверя — в Берлин, чтоб отомстить за все злодеяния и истязания над нашими братьями, сестрами, матерями, отцами и невестами, за неисполнившиеся мечты нашей счастливой юности. Ваши слова вошли в нашу фронтовую жизнь пословицами и поговорками. В ваших статьях мы находим отображение всех наших солдатских дум и стремлений, изложенных вами в литературной форме.

Мы, фронтовики, никогда не забудем злодеяния фашистского зверя на нашей священной земле, с такой простотой и силой рассказываемые вами в ваших статьях Мы видели своими глазами пепелища городов, сел, изуродованных своих бойцов и командиров, плач ребенка над убитой матерью, матерей с мертвым ребенком на руках!

Нет! Мы не забудем! Мы не простим! И мы идем в Берлин свершить справедливый суд над немецким зверьем, а не для того, чтоб потом хвастаться, что мы были в Берлине.

Ведь село Азариги (Полесской обл.) было освобождено нами. Вся картина немецкого зверства была перед нашими глазами.

Мы готовы к решающим боям. Доказательством этого является боевой счет мести воинов комсомольцев: младший лейтенант Пименов убил 72 фрица, младший сержант Азизов — 25, старший сержант Аганов — 20, младший сержант Новожилов — 17, старшина Бикмухамедов — 13, красноармеец Климов — 9. Таков наш подарок к новому 1945 году матери-Родине.

И вот, представьте себе небольшую землянку на польской земле, далеко позади остались дорогие наши города и села. Здесь мы встречали в тесном кругу боевых друзей новый 1945 год — год окончательных побед над немецким фашизмом. В этих землянках мы подняли первый тост за здравие нашего народа, за полный разгром немцев⟨...⟩

Но вот уже 1945 год вступил в свои права. К Новому году каждый из нас ждал теплого, ласкового слова поздравления от своих далеких любимых девушек. Некоторым из нас не пришли вовремя эти письма, что вызывало насмешки и шутки со стороны товарищей.

Сегодня вместе с газетами пришли долгожданные запоздавшие письма. Постепенно возник горячий спор о верности и любви. Спор разрешала ваша статья «Глазами Золушки», напечатанная в газете «Комсомольская правда» от 1.I 45 г. В ней мы нашли ответы на наши спорные вопросы. Вы смогли разрешить так просто и понятно все то, что волнует каждого из нас, молодых бойцов. Любовь и верность наших подруг. Да, именно война явилась проверкой всех чувств человека. И мы верим, что, когда мы вернемся домой, наши девушки встретят нас со всей нежностью и лаской, которыми полны их письма нам на фронт.

Заканчивая это небольшое коллективное письмо, хочется поблагодарить вас, дорогой писатель Илья Эренбург, за вашу большую пользу, которую вы приносите своими трудами, воодушевляя нас в борьбе с ненавистным врагом, пожелать вам многих лет плодотворной работы.

И в начале 1945 года мы говорим нашей стране: «Ваш приказ будет выполнен, мы водрузим знамя победы над Берлином!»

С боевым приветом к вам
комсомольцы воинской части 42742.
По поручению комсомольцев письмо подписали:

1. Кавалер трех орденов «Красной Звезды» старший лейтенант Романчев
2. Кавалер ордена Славы III степени старший сержант Аганов
3. Кавалер ордена Славы III степени младший сержант Азизов
4. Кавалер ордена «Красной Звезды» красноармеец Евреинов
5. Сержант, кавалер ордена Славы III степени Богданов

[1] «Дорога в Берлин» — вероятно, имеется в виду статья «На Берлин!» (журнал «Красноармеец», 1944, № 13—14, июль).

12

Действующая Армия. 13.5.45

За три с половиной года фронтовой жизни я не уронил ни одной слезинки, а вот сейчас в «Правде» прочитал «Утро мира» [1] — прослезился.

Ваша статья, уважаемый товарищ Эренбург, достала до глубины моей души, пронзила закаленную долголетней фронтовой страдой оболочку моей души.

Как я мог удержаться! Ведь вы сказали обо мне ту суровую правду, что пришлось пережить. Ведь вы пообещали мне скорую долгожданную встречу. Хотя вы меня и не знаете.

«...Мы не забудем пережитого, и в этом — порука мира. Он стоит на часах, ограждая будущее, солдат Сталинграда; он все видел, он все помнит ⟨...⟩

Скоро обнимут мужья жен, сыновья — матерей. Зазеленеют поля ⟨...⟩ где лилась кровь и бушевал огонь. Трудно найти слова, чтобы сказать о таком счастье!» [2]

Уважаемый товарищ Эренбург, вы в своих статьях показали нам страданья наши, которые мы привыкли не замечать, которые казались нам обычной, нашей будничной жизнью. Вы своим метким словом воспитали, вернее, закалили в нас ненависть к врагу. Война и все вместе взятое сделали нервы наши стальными.

Вот почему я стоял. Стоял и выстоял. Три с половиной года без единого дня передышки с фронтовой полосы. Ничто не сломило моей воли. Ни при каких условиях. Ни тогда, когда лежал в карельских снегах при пятидесятиградусных морозах, отстаивая Мурманскую железную дорогу; ни тогда, когда своим телом измерил ширину и глубину Дона под свинцовым дождем злорадствующего врага; ни тогда, когда насмерть стоял под Сталинградом, когда сзади нас стеною стала Волга — русская река,— ни путь жестоких сражений от Волги до Балтики не изменили моих стремлений к победе.

Я не плакал над трупом любимого, в бою погибшего товарища — во мне сильнее кипела месть врагу. Я не отчаивался и не впадал в тоску при воспоминании о любимой в минуты уединения — меня сильнее тянуло в бой, бить, добивать проклятых фрицев. Я знал — иной дороги нет.

А теперь — свершилось. Настал час. Вижу радость на лицах. О радости пишут. Но огрубевшие чувства еще не привыкли доверять тишине.

А ваши слова в «Утре мира» сегодня задели меня за живое.

Я — это мы, гвардейцы, воины Сталинградской гвардии.

Разрешите выразить вам искреннюю признательность от гвардейцев-сталинградцев.

С гвардейским приветом
гвардии лейтенант Г. Кирсанов

Полевая почта 21498

[1] Статья «Утро мира» напечатана в газете «Правда», 1945, № 111, 10 мая.
[2] Цитата из статьи «Утро мира».

13

⟨23 января 1946 г.⟩

Уважаемый товарищ Эренбург!

После освобождения и приезда на Родину, оставшиеся в живых члены центра подпольной военно-политической организации концлагеря Освенцим (Аушвитц) — подполковник Петр Махура (командир 17 гвардейской танковой дивизии), капитан Герой Советского Союза Валентин Ситнов (командир 22 гвардейского авиаполка АДД) и политрук Александр Лебедев решили вас скромно отблагодарить.

В освенцимском и бухенвальдском подполье иногда приходилось при помощи наших немецких товарищей слушать радиопередачи из Москвы и Лондона. Несколько раз попадали отрывки ваших газетных статей. Как они помогали нам, поддерживали дух и совесть в самые тяжкие дни! В Бухенвальде ваша статья «Трепещи, Германия» [1] была переписана от руки и переведена на несколько языков. Она взбунтовала весь лагерь. Вас прекрасно знали французы, испанцы, немцы, поляки, чехи. А какое удовольствие доставляла нам ругань геббельсов, когда ваше имя склонялось во всей фашистской печати. Мы говорили: «Значит, наш Эренбург бьет из гаубицы в цель».

Это — не комплименты (нам не до этого), а жизнь.

С уважением к вам, по поручению центра
Ал. Лебедев

23.1.46
Москва, Редакция «Медицинский работник»

[1] Статью И. Эренбурга под названием «Трепещи, Германия» в центральной прессе обнаружить не удалось.

ПИСЬМА И. ЭРЕНБУРГА

1

Товарищу Морозову. — Полевая почта 57827.

24 октября 1943 г.

Дорогой Александр Федорович,

вернувшись с фронта, нашел ваше письмо и обрадовался ему. Рад, что у вас все благополучно.

Мне очень понятно и близко все, что вы пишете об искусстве: это мои чувства и мысли. Минутами я начинаю надеяться, что такие, как вы, вернувшись после войны, окажутся сильнее рутины и ограниченности. Минутами я сам впадаю в хандру.

Теперь приближается развязка. Я был у Киева. Немцы не те, и они быстро катятся под гору. Разорение ужасное: уходя жгут. Да и люди, бывшие под ними, как-то деформированы.

Шлю вам «Войну» 2 [1]. Она уже отстала от событий. Все это написано для одного дня. Для детей будут писать потом: немного правдивей и немного обманчивей — психологический реализм плюс историческая легенда.

Крепко жму Вашу руку

Илья Эренбург

[1] Илья Эренбург. Война, том 2. Апрель 1942 — март 1943 г. М., Гослитиздат, 1943.

2

Полевая почта 32167. Демину

1 октября 1944 г.

Дорогой Петр Григорьевич!

Спасибо за дружеское письмо. Вы спрашиваете, как научиться писать. Никто не научит — кроме жизни, сердца да еще любимых книг. Все писатели — самоучки. Можно научиться читать, понимать, а вот писать... Это дело дара и опыта: не только первый блин — и сто первый бывает комом.

Желаю успеха и жму руку.

Илья Эренбург

3

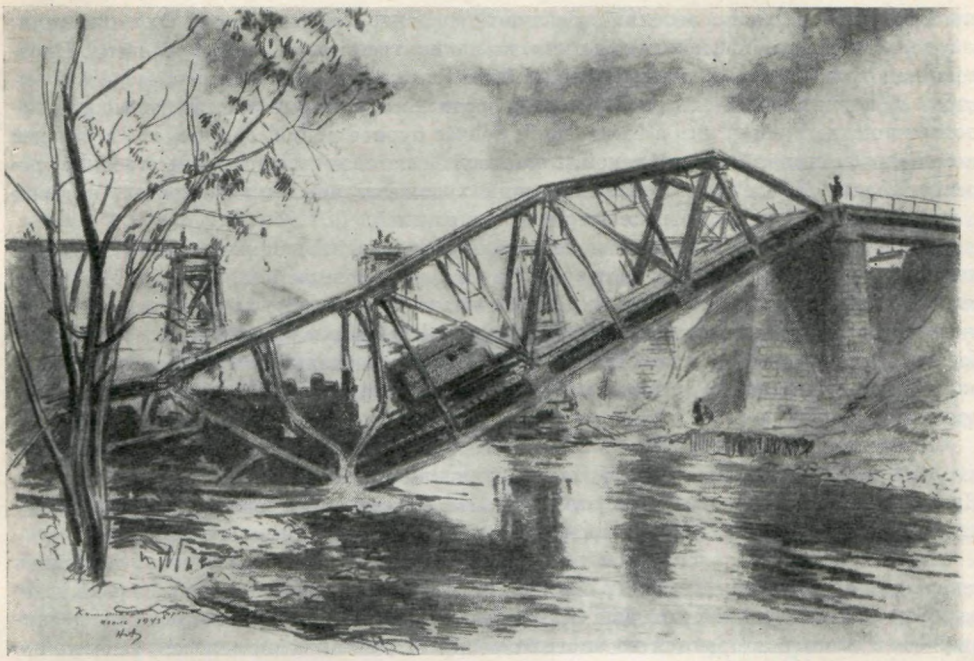
Полевая почта 09521-Ю. Шкилевскому

7 апреля 45 г.

Дорогой товарищ Шкилевский,

я не писал о милосердии к немцам. Это неправда. Я писал о том, что мы не можем убивать детей и старух. Это правда. Я писал, что мы не должны насиловать немок. Это я писал. В марте 1945 года я писал то же, что в марте 1942, но тогда перед нами были только немцы-солдаты, а теперь перед нами и немецкие дети. Мы должны и в победе остаться советскими людьми. Вы можете возмущаться моими статьями, это ваше право, но не упрекайте меня в том, что я изменился — я писал и в 1942 году: «Мы жаждем не низкой мести, а справедливости»[1]. Всё.

И. Эренбург



ЗДЕСЬ ПРОХОДИЛ ФРОНТ

Рисунок Н. М. Аввакумова (итал. карандаш). Калининский фронт (район Великих Лук), июль 1943 г. Собрание Г. Д. Аввакумовой, Москва

[1] Эту мысль писатель высказывал в своих произведениях, относящихся к первому периоду войны, неоднократно. См., например, статью «Второй день Бородина», опубликованную в газете «Красная звезда» (1942 г., № 19, 24 января): «Мы говорим не о мести — о справедливости. Мы не хотим расстреливать немецких учителей шестидесяти двух лет. Мы не тронем двенадцатилетних девочек. Мы не собираемся поджигать немецкие музеи. Но мы знаем одно: тем, кто убил учителя Николаева, тем, кто убил двенадцатилетнюю девочку, тем, кто поджёг музей Бородина, — на земле не жить. Смертные приговоры подписаны и скреплены русским народом».

В статье «Оправдание ненависти» («Правда», 1942, № 146, 26 мая) говорится: «Не о низменной мести мечтают наши люди, призывая к отмщению. Не для того мы воспитали наших юношей, чтоб они снизошли до гитлеровских расправ. Никогда не станут красноармейцы убивать немецких детей, жечь дом Гете в Веймаре или книгохранилище Марбурга. Месть — это расплата той же монетой, разговор на том же языке. Но у нас нет общего языка с фашистами.

Мы тоскуем о справедливости. Мы хотим уничтожить гитлеровцев, чтоб на земле возродилось человеческое начало. Мы радуемся многообразию и сложности жизни, своеобразию народов и людей. Для всех найдется место на земле. Будет жить и немецкий народ, очистившись от страшных преступлений гитлеровского десятилетия».

«100 ПИСЕМ»

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ОДНОИМЕННОЙ КНИГЕ

В этой книге собраны сто писем, которые я получил от читателей. Я выбрал их из тысяч: они показались мне наиболее важными как свидетельства душевного состояния нашего народа. Я не взял писем, в которых чувствуется попытка творчества, написанных «по-писательски». Я отобрал безыскусные письма и, опустив то, что относилось лично ко мне, переписал их для этой книги.

Мы все с нетерпением ждем произведений художественной литературы, которые нам покажут, как отразилась война на душевном мире человека. Некоторые разрозненные данные мы видим в повести Василия Гроссмана «Народ бессмертен» и в других

произведениях. Однако это лишь беглые зарисовки. События опережают писателя: я говорю не только о внешних событиях, но и о внутренних — о росте человека. Писатель не похож на фотографа с «лейкой». Писатель не может запечатлеть модель в быстром движении. Писатель работает, как портретист, который заставляет модель неподвижно сидеть перед ним в мастерской. Сейчас бурное время, оно похоже на горный поток, поток станет плавной рекой, отражающей на своей поверхности строения, деревья, облака. Придет время и для больших художественных произведений, которые с классической ясностью отразят героику наших дней.

Однако нам трудно ждать, мы хотим поближе разглядеть наших современников. Мы хотим понять самих себя. Мы чувствуем, до чего мы изменились за два года. Мы тщимся понять чудо этого преображения. Письма — это человеческие документы, акты о душевном состоянии, признания, порой более откровенные, нежели длинные дружеские беседы. Для грядущего романиста эти письма будут строительным материалом. Для нас они приметы, с помощью которых мы сможем легче распознать себя, других, наше время.

Почти все письма, собранные в этой книге, написаны на фронте, между двумя боями, написаны торопливо, карандашом, в блиндаже при свете коптилки или в окопе. На войне человек становится естественней. Близость смерти освобождает его от лукавства перед собой. Собранные мной письма прежде всего правдивы.

Авторы писем часто вспоминают о прошлой довоенной жизни. Кажется, что только теперь они поняли меру прошлого счастья. Мысли о нарушенном ритме жизни, о потере всего, заполнявшего их дни, еще сильнее раздувают ненависть к врагу. «Хорошо жили»,— эти слова повторяются во многих сотнях полученных мною писем. Забыты невзгоды, мелкие обиды, забыто все случайное. Вспоминается большая, залитая солнцем дорога жизни, мирные рощи, задушевные разговоры, чистая любовь. Однако осталась позади не только мирная жизнь, остались позади и те люди, которые жили этой мирной жизнью. Фронтовики смотрят на свое прошлое с любовью, но и с некоторым отчуждением. Они знают, что 22 июня 1941 года рассекло душу на две части, что они теперь другие, что другой будет их новая грядущая жизнь.

Огромное большинство писем принадлежит молодым людям. Для них война была первым грозным испытанием. Они увидели жизнь не в ее стройном развитии, но в катаклизме, в напряжении всех страстей, в обнаженности добра и зла, благородства и низости. Нелегко перейти из родительского дома в дзот, вместо школы — оказаться в окопе. Но молодежь нашей страны выдержала испытание. Об этом говорят не только сводки Информбюро, об этом говорят и письма фронтовиков. Если на войне мы очень много потеряли, то мы обрели на войне нового и более высокого человека.

Конечно, война не та идеальная школа, о которой мы мечтали. Война нам навязана жестоким и безнравственным врагом. Война — тяжелое дело, мы ее не идеализировали и не идеализируем, мы не фашисты, для которых война высшее достижение культуры. На войне люди грубеют, они привыкают к виду крови, лишаются многих ценных оттенков, многих чувств. Но в то же время на войне люди многое приобретают. Они начинают по-новому ценить лучшие человеческие чувства. Нигде нет такой дружбы, как в окопе. Нигде не увидишь столько самоотверженности, как на поле боя.

Я помню первую мировую войну. Было и тогда много подвигов, много отваги, много жертвенности. Но не было в той войне высшего чувства, которое оправдывает пролитие крови. Тогда люди часто спрашивали себя: «Зачем мы воюем?» И никто не мог честно ответить на этот вопрос. У первой мировой войны не было сердца. Она заживо сгнила, превратившись в бездушную цепь лишений. Теперь и малый ребенок знает, за что воюет наша страна. Мы отстаиваем против захватчика самое простое и в то же время самое ценное: нашу землю, наше достоинство, наше дыхание.

Любовь — вечная тема. Но что общего между Ромео и Джульеттой и проституткой и ее клиентом? Только горение сердца возвышает телесную страсть. Сожительство без любви безнравственно и уродливо. Безнравственна и уродлива война без настоящей ненависти. Ненависти нельзя научить, как нельзя научить любви. Ненависть — это исступление, это накал сердца. Война живет ненавистью, как мотор живет горючим. Нельзя сопоставить высокую испепеляющую сердце ненависть нашего народа и мелкую зло-

бу, присущую фашистам. Мы ненавидим в германской армии проявление зла. Для нас в немце собраны все низкие отвратительные свойства человека. Убивая немца, мы убиваем не только нашего обидчика, мы убиваем носителя злого начала. Об этом говорят десятки, сотни, тысячи писем с фронта: рождение ненависти было порукой нашей победы.

Письма говорят о большой самозабвенной любви к Родине. Многие понятия, бывшие до войны несколько абстрактными, книжными, стали теплыми, ощутимыми. Наши юноши жили в хорошем городе или в цветущем селе и не понимали, насколько они привязаны к родному гнезду. Только когда грозные пороховые тучи застлали землю, в сердце встали ясные видения домов, деревьев, реки, неба. В грозную первую зиму войны ленинградцы поняли, как они любят Ленинград. Когда по Крещатику прошли гитлеровские полчища, киевляне узнали всю силу своей привязанности к родному городу. Этот местный патриотизм оживил большой патриотизм, любовь к родному городу укрепила любовь к Родине, к России. Она была сильна и до войны, но это была дремлющая сила. Теперь она стала действенной, на ней покоится наша уверенность в победе.

В этой книге читатель найдет письма разных народов нашей страны. Он снова увидит, что наша дружба стала телесной спайкой, что она перешла из сознания лучших людей в кровь и в плоть каждого. Так в огне испытаний заново объединилась наша необъятная страна.

Два года — огромный срок. Да и какие два года!.. Но никто не станет рассматривать войну, как быт, как естественное существование. Для фронтовика любой день войны, любая боевая стычка новы, полны остроты. К войне нельзя привыкнуть. К войне и незачем привыкать. Война не строительство,— это подъем, исступление, огромный сердечный костер. В редкие минуты затишья мы порой задумываемся над будущим, над той жизнью, которая раскроется перед нами после победы. Мы не смотрим на грядущее сквозь розовые очки. Мы знаем, сколько зла причинил нам враг. Мы не закрываем глаза на развалины. Мы видим могилы. Мы знаем, как трудно будет восстановить потерянные ценности, отстроить города, нагнать годы учения. И все же будущее нам кажется прекрасным: мы понимаем, что его будут строить не те люди, которые 22 июня 1941 года взволнованно слушали выступление товарища Молотова, но другие, бесконечно много пережившие, обогащенные и поражениями и победами, открывшие в себе залежи неведомых чувств, люди стойкие и мужественные, рыцари верности, подлинные друзья, любящие и благородные.

Я хочу, чтобы собранные мной письма еще больше укрепили нашу веру в нового человека. Я хочу, чтобы они родили еще бо́льшую жажду победы. От нашей воли зависит отодвинуть или приблизить победу, от нашей стойкости, от нашей смелости, от нашего напряжения.

Илья Эренбург

11 апреля 1943 г.

ПИСЬМА ФРОНТОВИКОВ к Н. С. ТИХОНОВУ *

В докладе на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов, посвященном 20-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, в первом ряду деятелей советской культуры, заслуживших в те годы признание народа, было названо имя Николая Тихонова. Его стихи, очерки и статьи, писавшиеся в осажденном Ленинграде и рассказывавшие о мужестве защитников города Ленина, волновали сердца читателей-фронтовиков и вызывали многочисленные отклики. Читатели вступали в переписку с писателем, выражали ему свою горячую благодарность, рассказывали о своих чувствах и переживаниях, о своей готовности еще более стойко сражаться с ненавистными захватчиками, просили еще больше писать о городе-герое.

Сам Н. С. Тихонов вспоминает: «Писем было очень много, по самым разным вопросам, и эта переписка продолжалась всю блокаду и после, и письма шли не только от ленинградцев, а с разных фронтов и из разных мест Советского Союза. Я, конечно, отвечал на них, по возможности» (из письма от 14 мая 1965 г. в редакцию «Литературного наследства»).

В известном сборнике «Писатели в Отечественной войне», изданном в 1946 г. Государственным литературным музеем, уже было опубликовано несколько читательских писем к Н. С. Тихонову. Но в архиве писателя сохранилось еще немало подобных писем. В настоящем томе печатается 10 неизданных писем 1942—1944 гг. К ним добавлено два письма (№ 3 и 4), которые были опубликованы в сборнике 1946 г. с сокращениями. В текст некоторых писем внесены небольшие стилистические исправления. В приложении дается письмо к Тихонову выдающегося датского писателя-коммуниста Мартина Андерсена-Нексё.

1

〈1 марта 1942 года〉

Уважаемый тов. Тихонов!

Посылаем вам три экземпляра вашей чудесной «Баллады о трех коммунистах» [1]. Мы издали ее брошюрой для бойцов, командиров и политработников нашей дивизии. Балладу читают в блиндажах и окопах, политруки пользуются ею как пропагандистским материалом.

Вообще на нашем Калининском фронте «Баллада о трех коммунистах» встала «на вооружение» и пользуется огромной популярностью.

Крепко жму вашу руку!

Редактор газеты «В бой за Родину», батальонный комиссар
В. Смирнов

1/III — 42 г.

Полевая почта № 808, редакция газеты «В бой за Родину». В. Смирнов.

[1] «Баллада о трех коммунистах» впервые была напечатана во фронтовой печати; затем вошла в книгу Тихонова «Огненный год» (М., «Сов. писатель», 1942).

---

* Публикация писем, предоставленных для настоящего тома Н. С. Тихоновым. подготовлена редакцией «Литературного наследства».

ВРУЧЕНИЕ Н. С. ТИХОНОВУ ОРДЕНА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ I СТЕПЕНИ

Фотография Г. И. Чертова. Ленинград, 10 июня 1943 г.
Собрание Д. А. Левоневского, Ленинград

2

〈15 июня 1942 года〉

Вам пишет совсем вам незнакомый человек Ленинградского фронта.

Здравствуйте, уважаемый писатель Николай Тихонов!

Я очень хорошо знаю вас, как литератора. Много я читал написанное вашей умелой рукой. 15 июня я прочел ваш рассказ: «Ленинград в июне» [1].

В связи с тем, что ваш рассказ классически-реально рисует жизнь нынешнего Ленинграда, я решил провести политбеседу на эту тему. Слушателей было 70 человек. Я вначале рассказал, что говорится в этом рассказе. И исключительно останавливался на эпизодах:

1) работа на литейном заводе,
2) дуэль двух снайперов и
3) на окончании рассказа.

После устных объяснений я прочел его целиком.

Понимание рассказа было хорошее,и в обсуждениях участвовало до 20 человек. Все с большим подъемом патриотизма, любви к ленинградцам и к городу-бойцу выразили следующее:

«В ответ на патриотизм ленинградских женщин, стариков-бородачей и школьных ребят мы еще лучше укрепим свой оборонный рубеж; еще лучше овладеем наступательной тактикой и в скором будущем погоним бешеных фашистских собак от нашего славного Вердена, города Ленина!»

От имени моих слушателей благодарю вас за замечательный рассказ и прошу вас от их же имени писать побольше рассказов о жизни героического Ленинграда.

Желаю вам больших успехов в дальнейшем развитии советской литературы! Желаю вам долгие годы!

Замполит 2 роты 252 к. с. п.

Самоил Попугайло

15/VI — 42 года

Прошу потрудиться дать ответ.

Полевая почтовая станция № 121. 252 к. с. п., 1 батальон, 2 рота. Замполиту Попугайло.

[1] Очерк Тихонова «Ленинград в июне» был напечатан в «Красной звезде», 1942, № 136, 12 июня.

3

16.VI.42 г.

Дорогой Николай Семенович!

Кому как не вам должны быть понятны чувства ленинградцев, волею судьбы оторванных в эти грозные дни от своего родного любимого города.

Многие из нас были оторваны от Ленинграда в самом начале войны, когда первые отряды народного ополчения в июле прошлого года шли на фронт защищать свой город от обнаглевшей фашистской своры. Первые бои (под Ивановкой, недалеко от ст. Веймарн), ранение, госпиталь и запасные учебные части (из которых не так легко выбраться обратно на фронт), работа над новыми пополнениями для Действующей армии — такова судьба многих ленинградцев, как я.

Любовь к родному городу, его прекрасный героический образ, воспоминания о нем тянут нас здесь друг к другу, а всех вместе к нему, к Ленинграду. А поэтому каждое слово о Ленинграде по радио, каждая строчка письма от кого бы и кому бы она ни исходила, каждая заметка в газете и особенно каждый из ваших очерков и рассказов — для нас целый праздник.

«Черты советского человека», «Ленинград в мае», «Ленинград в июне», «Мальчики» зачитывались нами до дыр [1].

Мне очень много приходится встречаться с ленинградцами, прибывающими в наш полк из госпиталей и батальонов выздоравливающих. Первые вопросы, которые задаются после состоявшегося знакомства,— о письмах.

Письма из Ленинграда по-прежнему идут медленно и редко. Это очень огорчает ребят. И чтобы доставить им удовольствие, я всегда говорю, что письма есть. Для этого каждую строчку, которая говорит о Ленинграде в попадающих ко мне газетах, я теперь вырезываю и складываю в особую папку. Таких «писем» у меня накопилось уже порядочно. Среди них есть и иллюстрированные. То виден Исаакиевский собор, то шпиль собора Петропавловской крепости, то уголок Проспекта 25 октября.

И когда я открываю эту свою драгоценную папку, у ребят жадно блестят глаза. Они нетерпеливо набрасываются на ваши очерки и рассказы, на газетные заметки и иллюстрации. Тут же вспоминают и рассказывают о своих родных улицах, заводах. Уходят удовлетворенные, благодарят за добрые вести. Я встречаюсь с сотнями людей из разных уголков нашей обширной страны, но ни у кого я не видел такой любви к своему городу, как у ленинградцев.

Удивительный город! Удивительные люди!

Сегодня в «Красной звезде» за 14.VI мы с любовью прочли ваш новый очерк «Под Ленинградом».

Комиссар Георгий Журба, о котором вы пишете, мой давний друг. Я давно потерял с ним связь, а вот сейчас у меня явилась мысль обратиться к вам с просьбой, переслать ему мое письмо и таким образом помочь мне установить

эту связь. Я очень прошу вас, Николай Семенович, не отказать мне в этой любезности.

Уважающий вас бывший начальник цеха завода «Красный Треугольник», народный ополченец, ныне политрук роты Учебного автомобильного полка

А. Брехов

Гор. Свердловск, почтовое отделение 23, почтовый ящик 22, комната 43. А. П. Брехов.

[1] Названные здесь произведения Тихонова были напечатаны: цикл рассказов «Черты советского человека» — «Правда», 1942, 6—20 марта; очерк «Ленинград в мае»— «Красная звезда», 1942, № 107, 9 мая; «Ленинград в июне»— см. прим. к п. 2: стихотворение «Мальчики» — «Красная звезда», 1942, № 106, 8 мая.

4

〈21 ноября 1942 г.〉

Дорогой т. Тихонов!

Я ленинградец. Коренной житель Ленинграда. Вырос и выучился там и уехал вместе со своей частью 2 августа 1941 г.

Уже в день отъезда из Ленинграда, еще будучи на Ленинградском вокзале, я уже мечтал со своими товарищами-командирами о возвращении в свой любимый город после победы над врагом. Жизнь направила меня на другой фронт, под Воронеж, несмотря на желание защищать свой родной город. Но несмотря на то, что от Ленинграда меня отделяет более 1000 километров, да вдобавок еще фронт, мое сердце, мои мысли, мои думы ежечасно и ежеминутно вместе с вами в Ленинграде.

Я знаю, что вы даже не представляете себе, как мы, ленинградцы, находящиеся на других участках фронта, ждем ваших статей в газете или журнале. Первым делом, получив газету, спешишь посмотреть, а что есть сегодня о Ленинграде и нет ли вашей статьи. Мои товарищи знают мою слабость, и сегодня, как только принесли газету «Фронтовая иллюстрация», № 25 от 7 ноября, несколько человек в один голос воскликнули: «Дайте скорее газету Аввакумову, там есть стихотворение Н. Тихонова и снимки Ленинграда» [1].

К чему я пишу все это вам? Я хочу поделиться с вами о том, как дорого ленинградцу каждое ваше слово об этом городе. С каким волнением читаешь каждую строчку вашей статьи о нашем любимом городе — городе героев — городе-герое.

Я с честью в своем сердце несу гордо знамя своего великого города.

Своей непримиримой враждой к противнику, честностью к порученному мне делу и корректностью в поведении и во всей своей работе я известен среди своих товарищей как ленинградец, и я горжусь этим.

Борясь с врагом под Воронежем, думаю о том, что, с каждым наносимым ударом по врагу здесь, облегчаем положение дорогого города Ленина.

Везде нужны люди, везде на всех фронтах нужна вооруженная сила для окончательного поражения врага, но... но в сердце живет мечта, а в груди горит желание попасть на Ленинградский фронт. В минуты отдыха закрываешь глаза с думой о Ленинграде, и в момент тревоги, открывая глаза, первая мысль о Ленинграде.

Вам, дорогому ленинградцу, пламенный привет с Воронежского фронта. Желаю вам силы и здоровья в дальнейшей вашей плодотворной работе. Пишите больше и чаще о нашем Великом Героическом Городе. Помните, что мысли бойцов и командиров другого участка фронта с вами, героями-защитниками города Ленина.

С пламенным боевым приветом

Старший лейтенант интендантской службы Аввакумов А. В.

P. S. Если найдете нужным и возможным, то подтвердите получение моего письма.

Мой адрес: 2073 полевая почта. Часть 10. Аввакумову Александру Владимировичу.

21.11.42 г.

[1] В указанном номере журнала Главного Политуправления РККА «Фронтовая иллюстрация» были помещены стихотворение Тихонова «Город Ленина» («Четверть века минуло тому...») и пять фотоснимков осажденного Ленинграда.

5

〈21 января 1943 г.〉

Дорогой Николай Семенович!

Редакция газеты «Боевые резервы» Н-ского соединения резервного формирования обращается к вам со следующей убедительной просьбой:

Бойцы и командиры, уходящие сегодня на помощь войскам, рвущим кольцо вражескойблокады Ленинграда, охвачены новым боевым порывом. Они клянутся, что на полях сражений за любимый Ленинград умножат его боевые традиции и славу русского оружия. Они идут мстить врагу за город-герой, за его раны, нанесенные фашистами за 16 месяцев блокады.

Дорогой Николай Семенович! Молодые бойцы и выздоровевшие фронтовики с большим удовлетворением читают ваши статьи. Многие из них мы напечатали в нашей газете. Ваш голос является для молодых воинов призывом идти на бой ратный и сражаться до последней капли крови за счастье нашей Родины.

Бойцы и командиры очень любят вас и ваши статьи. При свете маленьких коптилок в землянках они устраивают громкие читки и грозно смеются над ненавистными карлушками. Завтра наши бойцы будут громить этих насильников и бандитов.

В эти дни у нас особенно страдная пора. Мы убедительно просим вас, Николай Семенович, написать *напутственное* слово для воинов, уходящих на фронт.

Будем вам очень признательны.

С приветом к вам, сотрудники редакции:

З. С. Копп, А. А. Козак

21.01.43 г.

Адрес: 524 полевая почта, часть 795.

«СЛОВО О 28 ГВАРДЕЙЦАХ»

Иллюстрация к поэме Н. С. Тихонова. Рисунок В. Зимина (итал. карандаш), 1942

Собрание Н. С. Тихонова, Москва

ПОД ЛЕНИНГРАДОМ
Рисунок Л. Г. Голубовского (черная акварель), апрель 1943 г.
Собрание Л. Г. Голубовского, Москва

6

〈4 июня 1943 г.〉

Дорогой Николай Семенович,
примите мой курсантский привет и массу наилучших пожеланий.

Может быть, вы меня уже не помните, но я вас помню хорошо, да разве нас всех упомнишь. Постараюсь напомнить о себе.

Вы, Прокофьев и третьего я фамилию не помню были у нас в части в мае 1942 г. [1] Олю Маккавейскую и меня с вами познакомил полковник Побияко. Я в то время была разведчицей, а Оля — автоматчицей. Она ходила на истребление, первая из женщин в полку открыла счет мести фашистам, за что награждена правительственной наградой — медалью «За отвагу» и нагрудным значком «Отличник санслужбы». А я ходила в разведку и также за действия в разведке награждена правительственной наградой — медалью «За отвагу» и нагрудным знаком «Отличный разведчик».

В апреле 1943 г. командование полка направило меня на курсы средних командиров, где и нахожусь в настоящее время.

Бывшая разведчица — в настоящем курсант СПК. Прочитав вашу искренне правдивую, замечательную книгу «Ленинградский год» [2], у меня столько ненависти стало к озверелому фашизму, в бессчетное количество раз больше стало, чем было. Вот сейчас, сию же минуту, так бы взяла боевое оружие в руки и как ураган пошла бы на битву с врагом за любимую Родину, но удерживают стены школы.

В настоящее время буду бороться не оружием, так отличной учебой, и в любой момент готова в решительный бой с оружием в руках.

В газете «На страже Родины» прочитала статью Е. Катерли «Писатель-воин» [3], я узнала, что вас, многоуважаемый, любимый, вот именно писатель-воин, наградили орденом Отечественной войны 1 степени. Разрешите вас искренне, от всей души

поздравить с правительственной наградой, а также еще раз пожелать вам наибольших успехов в дальнейшем.

Курсант Кочнева Александра Васильевна

4.6.43 г.

Полевая почта 37569-Е. Кочнева.

[1] В части полковника Побияко в мае 1942 г. вместе с Тихоновым были А. Прокофьев и А. Фадеев.

[2] Книга очерков «Ленинградский год». Л., Воениздат, 1943.

[3] Статья Е. Катерли «Писатель-воин» была напечатана в газете Ленинградского фронта «На страже Родины», 1943, № 127, 3 июня.

7

〈6 июня 1943 г.〉

Здравствуйте, т. Тихонов!

От души поздравляю вас с высокой наградой — орденом Отечественной войны 1 степени.

Посылаю вам несколько рисунков своих к вашему «Слову о 28 гвардейцах». Я их сделал давно, будучи на Ленинградском фронте, под Синявином, в 1942 г., и до сих пор не решился их вам послать по различным причинам. Сейчас под Балаклеей тихо, я их перерисовал и вот — доверяюсь почте. Мне хотелось бы сделать вам приятное. В жизни легко делать плохое и трудно — хорошее. Ваше творчество и вы помогаете мне в трудную минуту.

У меня был учитель — удивительный человек и исключительный мастер — Николай Филиппович Петров [1] — вы его очень хорошо знали. После финской кампании он приводил всех нас к вам на квартиру, и вечер, который мы тогда провели,— чудесный тот вечер я помню до сих пор. Если вы что-либо знаете о его семье, сообщите, коли будете отвечать, а лучше — случись тому возможность — передайте им мой адрес: с 41 г. я ничего о них не знаю. Фамилия моя — Зимин. Полевая почта 22031-Э. Мне.

Желаю вам здоровья, успеха и всего, всего наилучшего.

В. Зимин

6.VI 43 г.

[1] Николай Филиппович *Петров* (1872—1941) — художник, профессор Академии художеств (Ленинград). Его картины имеются в Русском музее и в Третьяковской галерее. Умер в декабре 1941 г. в блокадном Ленинграде.

8

〈7 июня 1943 г.〉

Дорогой т. Тихонов!

Сердечно поздравляю вас с правительственной наградой! Желаю вам много, много лет здравствовать и плодотворно работать на благо нашей Родины. Я ленинградка, на фронтах нахожусь с 3 июля 1941 г. Сперва я попала в КБФ, но была ранена, увезена в глубокий тыл, потом попала в стрелковую часть, была на Сталинградском фронте, а теперь на другом фронте. И где бы я ни была, перед *моими глазами* всегда стоял прекрасный Ленинград. Я не знаю, есть ли люди, которые так любили бы свой город, как ленинградцы любят Ленинград. На фронте от всех только можно услышать, что вернутся после войны в Ленинград и никуда больше. Я не имею связи с домом уже девять месяцев, не знаю, живы ли родные, есть ли у меня кто, уцелел ли дом? Я ничего не знаю. Было время, когда казалось, что не пережить. Но я всегда вас брала в пример, мои дорогие ленинградцы, вы мне вселяли силы, учили меня жить и работать. Ведь на фронте тоже тяжело, но мне кажется, что вам в Ленинграде было труднее. И поэтому я

еще больше полюбила Ленинград, его площади, дворцы, набережную, Неву и белые ночи. О эти ночи! Как я тосковала по ним во время ужасно темных ночей в сталинградской степи! И вы, дорогой т. Тихонов, успокаивали меня, говорили, что не надо огорчаться, что все образуется. Как часто, читая ваши рассказы в «Красной звезде» — «Ленинград в таком-то месяце»,— я от радости плакала. Ведь каждый уголочек, про который вы писали, мне знаком и дорог. Я беседовала с вами, расспрашивала про мать и сетренок, про нашу улицу, про Петроградскую сторону, как я люблю ее! Хотя я не жила на Петроградской стороне, но я любила ездить туда гулять. Там много зелени. Вы меня всегда успокаивали, и холодный окоп с мышами и лягушками уже не казался мне таким ужасным. Я очень завидую людям, которые смогут прочесть весь сборник ваших рассказов, всю книгу. До нас она, должно быть, не дойдет.

Извините, т. Тихонов, что своей болтовней я отняла у вас время. Я хотела вам рассказать, как много вы даете людям, как вы хорошо пишете, но у меня очень плохо получилось. Вы извините отсутствие у меня таланта, но ведь медицинским работникам писательский талант не особенно нужен. Забыла вам представиться. Я старший военфельдшер, это, конечно, необязательно, но приличия ради это необходимо. Еще я прошу извинить меня за бумагу. У меня другой нет. Когда война окончится, мы снова начнем писать на прекрасной надушенной бумаге, а теперь нет бумаги получше, а про духи я и не мечтаю, ведь мечты не сбываются!

Кажется кончила. Желаю вам много здоровья и сил для вашей творческой работы.

С фронтовым приветом

Р. Фельдштейн

7.06.43.

Полевая почта № 37625. Фельдштейн Р. С.

9

3.9.43

Привет из Брянских лесов!

Николай Тихонов!

Ваши статьи о боевых днях Ленинграда мы — фронтовики — читаем с большим вниманием и глубоким, особым волнением. Ведь мы хорошо понимаем, что значит жить в полном смысле этого слова — под ударом, перед жерлами орудий методических тупых убийц.

Нам легче, потому что мы для этого сейчас и находимся в лесах и болотах, чтоб парировать эти удары и бить в ответ с добавкой. Но ведь ленинградцы принимают смерть за работой у жарких мартенов, за столом научного работника, в тихом родильном доме и на скамейке свиданий.

Два года жить под мечом Дамокла, творя и обороняясь, — это небывалое в истории проявление массового, будничного героизма, массовой выдержки, на которую способен только наш, советский коллектив, где человек человеку друг, искренний, простой.

И как беснуется враг, видя, что под его ударами не рассыпался, а спрессовался город, не выпустил молот, а сильнее сжал его, не упала в обморок прелестная в своей деловитости ленинградка, а приняла вывоз. И дьявольская машина разрушений, перед которой преклонились в несколько недель целые государства Европы, разбила себе морду у стен Ленинграда.

Он уже выстоял в десятки раз больше, чем все армии буржуазной Европы вместе. Это по плечу только нашим людям, только нашим городам с сердцем ленинградцев. Мы обломали зубы гитлеровской машине смерти. Сейчас мы ее ставим на дыбы. И придет время — опрокинем. Наши части обходят твердолобого врага и берут его в клещи там где он не ждет. Он пятится, огрызаясь и мстительно уничтожая все. Вот пепелища огромных сел Орловской области: Хвостовичи — из 540 домов случайно остался один, Буяновичи — из 1470 домов уцелело 12—15 домов, сараев. И так все селения.

Мы не удивляемся этой дикой мести. Другого и нельзя было ждать от серо-зеленых двуногих зверей. Фашизм немыслим без пожарищ, убийств.

Только так я и представлял всегда войну с фашизмом. Но только никогда не мог представить того огромного отравления коричневой чумой народа Германии. Чудовищно.

Сражаясь здесь, в Брянских лесах, мы все время помнили о вашем городе, о ленинградцах. И я бы сказал, что мы чувствуем свою вину как воины перед вами—ленинградцами, что дали врагу так близко подойти к городу Ленина. Но не долго им — убийцам — осталось упиваться кровью детей и стариков. Скоро ихнее последнее кольцо смерти превратится в полный котел. С водичкой у нас лучше получается (Сталинград, Таганрог), а у вас ее в изобилии.

Тов. Тихонов, желая чем-нибудь помочь ленинградцам, я предложил через газету «Красная звезда» отчислить месячный паек масла, сахара и печенья от каждого офицера Действующей армии детям и больным Ленинграда. Поддержите это предложение. Мы обеспечены в избытке! Крепко жму ваши руки.

Привет ленинградцам.

Младший лейтенант административной службы К. Писарев

Полевая почта 37757-А. К. Писареву

10

24 ноября 1943 г.

Уважаемый писатель тов. Тихонов!

Прошу вас, прочитайте мое письмо, написанное незнакомым человеком, старшим сержантом Голубовским. Вас я знаю по замечательным рассказам о любимом городе Ленинграде. Ваша книга «Ленинградский год» и рассказы, печатаемые в газете «Красная звезда» за каждый прожитый месяц,— это самое лучшее, самое искреннее и самое правильное о переживаемом времени. В этих рассказах я чувствую большого писателя-художника-импрессиониста, для которого настроение переживаемого времени есть самое главное.

По специальности я архитектор-художник и до войны этому искусству отдавал все свое время, весь свой досуг. Война оторвала меня от любимого занятия, от радости творчества. Последней работой до войны был проект памятника Алишеру Навои (гор. Ташкент), удостоенный второй премии на Всесоюзном конкурсе, и эскизы к опере «Кармен». С этим я встретил войну. Моей службе в армии идет третий год, но я никогда не забывал о том, с чем расстался 24 августа 1941 г., с тем, что было самым главным в моей жизни — искусством, и каковы бы ни были условия, я продолжал рисовать то, что видел, что ощущал, и это было таким же необходимым и нужным, как кусок хлеба в голодную зиму 1941 г. Не забывал и архитектуру, и в тяжелых условиях сделал в 1942 г. на конкурс проект «Героям ленинградцам» (вторая премия), в 1943 г. проект на тему «Прорыв блокады» (третья премия) и сейчас закончил проект реконструкции Мытненской набережной в гор. Ленинграде (между Фондовой биржей и Петропавловской крепостью). Этот проект сейчас находится на выставке в Доме архитекторов (ул. Герцена 52).

Заканчивая мое письмо, мне хочется вас просить посетить эту выставку проектов и после посещения просить вас разрешения встретиться, дабы услышать ваши впечатления и критику. Этой встречи я буду с нетерпением ждать, так как вижу в вашем лице искреннего ленинградского писателя, понятного мне.

Буду ждать вашего письма, с указанием дня и места, назначенного вами для нашей встречи, на которую хочу принести мои ленинградские зарисовки.

В ожидании вашего ответа

старший сержант Голубовский

Если не трудно, напишите номер вашего телефона.

Мой адрес: Полевая почта 02512-Г. Голубовскому[1].

«БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА ПРОРВАНА!»
Плакат В. А. Серова, январь 1943 г.
Центральный музей Вооруженных Сил СССР, Москва

[1] Лев Григорьевич Голубовский (р. 1914), архитектор, в армии был с августа 1941 г.— сначала в пулеметном батальоне на охране Ледовой дороги, затем — в оперативном отделе штаба 19 укрепрайона (на Карельском перешейке). В годы войны, кроме названных в письме ленинградских конкурсов, принял участие в конкурсе проектов площади и монумента Победы в Сталинграде (3 премия). После войны работает в Москве.

11

〈15 декабря 1943 г.〉[1]

Дорогой и любимый тов. Тихонов!

Я был разведчиком на Ленинградском фронте до тех пор, пока не был ранен

Я ленинградец и с гордостью ношу рядом с орденом и нашивкой о ране медаль защитника Ленинграда.

Теперь я не могу лично мстить за свою кровь и кровь Ленинграда, но и на этом фронте я помогаю истреблять финнов и немцев, пытающихся разрушить наш родной город.

Мне хочется поблагодарить вас от всей души за все, что вы пишете о Ленинграде.

Поздравляю вас с наступающим Новым годом и желаю вам увидеть в этом году последнего дохлого фрица на подступах к Ленинграду и на границе Ленинградской области и дальше, на границе нашей Родины.

Пишите еще больше о Ленинграде. Мы все, ленинградцы, временно оторванные от родного города, с нетерпением ждем ваших замечательных слов о нем.

Надеюсь, что это письмо дойдет, хотя я и не знаю вашего адреса.

С приветом

Г. Серебряков

Полевая почта 12456-У. Г. Серебряков

[1] Датируется по почтовому штемпелю.

12

⟨27 марта 1944 г.⟩[1]

Уважаемый тов. Тихонов!

Вспоминаю 1941 год, ноябрь месяц, когда вы выступали перед нами, ранеными выздоравливающими офицерами, с одним из своих рассказов, — вот только забыл название этого рассказа,—это было в день 24 годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, на Съездовской, дом 1/3, в том зале, где Ленин заявил: «Есть такая партия»[2]. Нам приходилось на время прекратить работу, однако вечер был закончен концертом и товарищеским ужином.

Прошло много времени, в Ленинграде я работал в одном из военных учебных заведений. За Ленинград я дрался, защищал его и был ранен. Теперь я волей партии сражаюсь на другом участке фронта. Однако я остался патриотом Ленинграда!

Ваши статьи, печатаемые в газете,—«Ленинград в октябре 1941 года» [3] и последующие — я хотел бы их прочитать, повторить, но, не имея их, решил обратиться к вам.

Если эти статьи изданы отдельной брошюрой, прошу, вышлите их нам, мы коллективно их прочитаем[4].

Убедительно прошу раздобыть А. Толстого «Хождение по мукам», часть 1, 2, 3, и последнее — «Философский словарь».

С уважением к вам

И. Захаров

Полевая почта 63542. Захарову Ивану Дмитриевичу.

Прошу извинить за беспокойство и некоторые неточности.
27.3.44 г.

[1] Датируется по почтовому штемпелю.

[2] Имеется в виду реплика В. И. Ленина на Первом Всероссийском съезде Советов, произнесенная им в ответ на утверждение меньшевика Церетели, что в России нет партии, которая согласилась бы взять власть в свои руки. Заседания съезда происходили на Васильевском острове, в доме № 1/3 по Съездовской линии.

[3] Очерк назван в письме неточно. Под заглавием «Ленинград в октябре» были напечатаны в «Красной звезде» два очерка Тихонова: первый — 1942, № 255, 29 октября, второй — 1943, № 258, 31 октября.

[4] Очерки Тихонова о Ленинграде были изданы в годы войны отдельными книжками под названием «Ленинградский год» (Л., Воениздат, 1943) и «Ленинград принимает бой» (Л., Гослитиздат, 1943).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо Мартина Андерсена-Нексё*

Понтоньергатан 30, Стокгольм,
10 августа 1944

Дорогой друг Николай Тихонов!

За твои хорошие слова и пожелания по случаю дня моего рождения сердечно тебя благодарю[1]. Я сижу здесь в Стокгольме — одряхлевший от возраста или условий, в которых я живу, как беженец, или от того и другого вместе — и слежу за вашей гигантской борьбой (и по твоим сильным описаниям) и удивляюсь вам. Я радуюсь, что я до некоторой степени с вами, я ваш по духу и в мыслях — ваш соратник. Если бы молодость и порывы, характерные для советского народа, в противоположность остальному пролетариату, могли бы распространиться по Западной Европе.

Это мое первейшее желание. Вам же — советскому народу—я не могу ничего пожелать. *Несмотря ни на что*, вы стоите на заре жизни.На вас возложена кровавая, но и чудеснейшая миссия быть знаменосцами человечества до наступления новой эры. Для нас же остальных я желаю, чтобы наши массы имели смелость следовать за вами.

С товарищеским приветом
твой Мартин Андерсен-Нексё

[1] Мартину Андерсену-Нексё в июне 1944 г. исполнилось 75 лет. Он жил в это время в Швеции, куда бежал в 1943 г. из оккупированной гитлеровцами Дании от немецких фашистов и их датских пособников, подвергших его тюремному заключению.

В 1944 г. он приехал по приглашению Союза советских писателей в СССР, где и оставался до конца войны.

---

* Перевод с датского.

ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ В. И. ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧА

Сообщение Б. М. Шумовой

В 1942 г. в № 152 газеты «Правда» от 1 июня было опубликовано стихотворение В. И. Лебедева-Кумача «Вместо письма»:

Ты просишь писать тебе часто и много,
Но редки и коротки письма мои,—
К тебе от меня — непростая дорога,
И много писать мне мешают бои.

Враги — недалеко. И в сумке походной
Я начатых писем десяток ношу.
Не хмурься! Я выберу часик свободный,
Настроюсь — и сразу их все допишу.

Пускай эта песенка —
вместо письма,
Что в ней не сказал я,—
придумай сама,
И утром ее напевая без слов,
Ты знай, что я твой, что я жив и здоров.

Поверь мне, родная,— тебе аккуратно
Длиннющие письма пишу я... во сне,
И кажется мне, что сейчас же обратно
Ответы, как птицы, несутся ко мне.

Но враг — недалеко, и спим мы немного,—
Нас будит работа родных батарей...
У писем моих — непростая дорога,
И ты не проси их ходить поскорей.

Пускай эта песенка —
вместо письма,
Что в ней не сказал я,—
придумай сама,
И утром ее напевая без слов,
Ты знай, что я твой, что я жив и здоров.

В простых, искренних строчках стихотворения выразилась большая любовь поэта к людям, умеющим сражаться и верить в хорошее, светлое. Усталость, смертельная тоска по семье, оставшейся в тылу у врага, тревога за близких, живущих нелегкой жизнью военного тыла, — все это было знакомо и солдату, и генералу. Поэтому таким популярным было это стихотворение в дни войны.

ПОД СТАЛИНГРАДОМ. КРАСНАЯ АРМИЯ ПЕРЕШЛА В НАСТУПЛЕНИЕ
Рисунок К. И. Финогенова (итал. карандаш), 1943
Третьяковская галерея, Москва

Оно переписывалось, заучивалось наизусть, пелось как песня тысячами солдат, согревая их в трудные минуты, присылалось в письмах родным...

Так пришло оно и в Ясную Поляну — в письме фронтовика Николая Кирилловича Пантелеенко, работавшего там до войны лесничим. Ему казалось, что поэт «подслушал» его самые затаенные мысли.

Об этом Софья Андреевна Толстая-Есенина (в те годы она была директором музея-усадьбы «Ясная Поляна») написала В. И. Лебедеву-Кумачу и получила от него ответ.

Публикуемые документы (черновик письма С. А. Толстой-Есениной и ответ В. И. Лебедева-Кумача) хранятся в архиве Л. Н. Толстого (фонд С. А. Толстой-Есениной).

С. А. ТОЛСТАЯ-ЕСЕНИНА — В. И. ЛЕБЕДЕВУ-КУМАЧУ

Москва, 25 октября 1942 г.

Василий Иванович,

один из работников Ясной Поляны, лесничий, — сейчас на фронте. Недавно его жена в Ясной Поляне получила от него письмо, и в него была вложена вырезка из газеты, должно быть «Известия» [1], с вашим стихотворением «Вместо письма». В письме он писал: «Тебе посылаю Лебедева-Кумача — вместо письма. Как хорошо выражено все — точно он сидел рядом со мной в блиндаже и пережил то же, что и я».

Мне захотелось рассказать вам об этом и от себя поблагодарить за ту подлинную радость, которую вы доставляете людям в суровые дни наши.

С. Толстая-Есенина

[1] Стихотворение было напечатано в газете «Правда».

В. И. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ — С. А. ТОЛСТОЙ-ЕСЕНИНОЙ

Москва, 16 ноября 1942 г.

Уважаемая Софья Андреевна!

Только вчера получил ваше письмо, в котором вы так тепло говорите о моих стихах.

Не знаю, заслужил ли я это, но письмо ваше очень меня порадовало и согрело как и многие письма, которые я получаю непосредственно с фронта.

После таких писем сильнее хочется жить и работать для людей, отдавая им как можно больше тепла и бодрости. А сейчас людям это особенно нужно. Скажу вам честно: иногда бывают такие минутки, когда вдруг покажется, что не только моя скромная работа, но и все творения великих гениев человечества сейчас как-то не доходят до людской души, и даже (страшно сказать!) людям как будто и не очень нужны. Но потом видишь, что это только от твоей собственной усталости. Потому что сейчас больше чем когда-либо нужно человеку хорошее, теплое, искреннее, от души идущее слово. И человек всегда отзовется на него, если найти путь к его душе. К сожалению, у нас сейчас — и в газетах, и в журналах, и по радио — очень много еще штампованных, мертвых слов и образов, не согретых сердцем человеческим. А без этого самое отточенное с формальной стороны произведение — не трогает. Не думайте, что я огульно обвиняю всех — нет, я и сам мучусь тем, что не всегда выходит просто и понятно для всех людей.

А хочется работать именно для всех, для народа.

Спасибо за память и за письмо.

Ваш

Вас. Лебедев-Кумач

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая

От редакции 5

ПРЕДИСЛОВИЕ 7

ПОДВИГ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Статья Б. А. Бялика 9

I

ИЗ НЕИЗДАННОГО.
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ВОЕННЫХ ЛЕТ

ОЧЕРКИ, РАССКАЗЫ, ПОВЕСТИ

МИХАИЛ ШОЛОХОВ. ПЕРВЫЕ ФРОНТОВЫЕ ОЧЕРКИ
Публикация Л. Р. Ланского
Предисловие В. В. Гура. 33

ПО ПУТИ К ФРОНТУ 38
ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ 41
ЛЮДИ КРАСНОЙ АРМИИ 45

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ. СЕРДЦА МАТЕРЕЙ 51

КОНСТАНТИН СИМОНОВ. ИЗ БИОГРАФИИ САБУРОВА. Глава, не вошедшая в повесть «Дни и ночи» 58

АЛЕКСАНДР БЕК. СНОВА У БАУРДЖАНА МОМЫШ-УЛЫ. Неопубликованное начало второй повести о панфиловцах 79

СТИХИ

СЕМЕН ГУДЗЕНКО. ФРОНТОВЫЕ СТИХИ
Предисловие и публикация Л. Лазарева 82

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

«МЫ ШЛИ ПЛЕЧО К ПЛЕЧУ...» 85
МОГИЛА ПИЛОТА . . . . . —
«С ТЯЖЕЛЫМ ТАНКОМ ИДЕТ НА ЗАПАД...» 86
ДЕВОЧКЕ . . . . . —
БАЛЛАДА О ВЕРНОСТИ . . . . . —
ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ 88
МЫ СТУДЕНТЫ 89
ДЕВУШКЕ 90
«ОПЯТЬ ТЫ МЕНЯ ЗА МОЛЧАНИЕ...» . . . . . —
«ЕСЛИ Я БУДУ ПОЭТОМ...» 91
РАЗГОВОР С ДРУГОМ . . . . . —

ИЗ ФРОНТОВОЙ ПЕЧАТИ

РЕМЕСЛО 93
МАТЕРИ НАШИ ЗА НАМИ 94
НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ 95

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ. О ПОЭТЕ ГУДЗЕНКО

Публикация В. А. Мильмана и Л. И. Соловейчика . . . . —

МАРГАРИТА АЛИГЕР. ИЗ СТИХОВ 1941 ГОДА 97
СОКОЛЬНИКИ 98
«МНЕ ПРЕДНАЧЕРТАНО В ВЕКАХ...» . . . . . —
КИЕВ 99

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ. ПОСТОРОННИМ 101

СЕРГЕЙ ХМЕЛЬНИЦКИЙ. СТИХИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Публикация Е. И. Хмельницкой

О МОЕМ ОДНОПОЛЧАНИНЕ СЕРГЕЕ.

Предисловие Геннадия Городника 103

«НАД ВОДОЙ БАЛТИЙСКОЙ СТЕЛЕТСЯ ДЫМ...». 105
«К ПОСЛЕДНЕМУ, УЛЕНЬКА, Я ПОДОШЕЛ РУБЕЖУ...» 106
«ПО ЗЕМЛЕ СУРОВОЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ...» . . . . . —

АЛЕКСАНДРА КУРОШЕВА. ИЗ ЛЕНИНГРАДСКОГО ЦИКЛА

Предисловие и публикация Е. А. Вечтомовой 107

«НАС СПРОСЯТ: ЧЕМ ТОГДА ВЫ ЖИЛИ...» . . . . . —
ТРЕВОГА 108
«ШЛИ ПО МОСТУ СОЛДАТЫ...» . . . . . —
«ТЕПЕРЬ НЕ СПРАШИВАЙ ЕГО...» 109
«НАС ВСЮДУ СМЕРТЬ СОПРОВОЖДАЛА...» 110
«О, ЕСЛИ БЫ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ...» . . . . . —
«ТЕ, ЧТО ОПЛАКИВАЮТ СВОЙ УЮТ» . . . . . —
«А ЕСЛИ ЗАВТРА КОНЧИТСЯ ВОЙНА...» 112

ДМИТРИЙ КЕДРИН. ИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Публикация Л. И. Кедриной
Предисловие Я. Белицкого 113
ДЕНЬ СУДА 115

МАРК ШЕХТЕР. ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ ВОЕННЫХ ЛЕТ

СВИДАНЬЕ 118
ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ АРМИИ 120

ГАЛИНА НИКОЛАЕВА. ИЗ НЕИЗДАННЫХ СТИХОВ

Предисловие и публикация Ц. Е. Дмитриевой 121
ПОТОМКУ 122
«МЫ ПЕРЕШЛИ ТЯЖЕЛЫЙ ПЕРЕВАЛ...» . . . . . —
ДЕВОЧКА . . . . . —
РАЗГОВОР С ТОСКОЙ 123

ОЛЕСЬ ГОНЧАР. ИЗ ФРОНТОВЫХ СТИХОВ

ТАНКІСТ 126
ДУМИ ПРО БАТЬКІВЩИНУ 127
СЛОВАЦЬКИЙ ПАРТИЗАН 128
ЗНАМЕНО ПОЛКУ . . . . . —

БОРИС ЛИХАРЕВ. ИЗ «НОРВЕЖСКОЙ ТЕТРАДИ»
Предисловие и публикация Д. А. Левоневского 130
БЕРЕЗКА 132
АМФИБИЯ 133
ТИРОЛЕЦ . . . . . —

СТИХИ С ПЕРЕДНЕГО КРАЯ
КАПИТАН ВЛАДИМИР ЗОТОВ
ОБ ОДНОМ ИЗ ФРОНТОВЫХ ПОЭТОВ
Предисловие Вс. Рождественского 135
БАЛЛАДА О НОЧЛЕГЕ 136
ОКОПНАЯ 137
СМЕРТЬ СОЛДАТА 138
ФРОНТОВИКИ В ВОРОНЕЖЕ 139
ГВАРДИИ СЕРЖАНТ ВАЛЕНТИН СМИРНОВ
О СЕБЕ 140
ПЕРВЫЙ БОЙ 141
АТАКА 142
В ПИНСКИХ БОЛОТАХ . . . . . —
ЯРОСТНАЯ ГРОЗА 143

КИНОСЦЕНАРИИ

КОНСТ. ФЕДИН. НОРВЕЖЦЫ. Рассказ для экрана 145

АЛЕКСАНДР ДОВЖЕНКО. УКРАИНА В ОГНЕ. Киноповесть.
Публикация Ю. И. Солнцевой.
Предисловие Ю. Я. Барабаша 163

ПУБЛИЦИСТИКА

В. ВЕРЕСАЕВ. МУЖЕСТВО. Исторические справки
Публикация Ю. У. Бабушкина 247

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ. НОЧЬ В БЕРХТЕСГАДЕНЕ. Неоконченный памфлет 251
О ТИГРАХ 264

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ. УТРО ПОБЕДЫ. Статья, переданная по центральному радио 2 мая 1945 г.
Публикация Е. А. Кречетовой 266

II

СЛОВО ПИСАТЕЛЕЙ В БОЕВОМ СТРОЮ. РАБОТА В ПЕЧАТИ И НА РАДИО

ОБЗОРЫ, ПУБЛИКАЦИИ, СООБЩЕНИЯ

«КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
Д. И. ОРТЕНБЕРГ. ДОБЛЕСТЬ 271
ПИСАТЕЛИ В «КРАСНОЙ ЗВЕЗДЕ».
Обзор Л. Р. Ланского 281

А. А. ФАДЕЕВ. ДОКЛАД НА СОВЕЩАНИИ РЕДАКТОРОВ ФРОНТОВЫХ И АРМЕЙСКИХ ГАЗЕТ В ИЮЛЕ 1943 г.
Предисловие и публикация С. Н. Преображенского . . 305

ТВОРЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ ПИСАТЕЛЕЙ НА ЗАСЕДАНИЯХ ВОЕННОЙ КОМИССИИ СП СССР

Обзор В. П. Нечаева 319

А. СУРКОВ. ТВОРЧЕСКИЙ ОТЧЕТ НА ЗАСЕДАНИИ ВОЕННОЙ КОМИССИИ СП 12 ИЮЛЯ 1943 г.

Публикация В. П. Нечаева 331

«ЗА РОДИНУ» — «ФРОНТОВАЯ ПРАВДА». Газета Северо-Западного — 2 Белорусского фронта

Обзор С. А. Савельева 344

«КРАСНАЯ АРМИЯ». Газета Юго-западного — Сталинградского — Донского — Центрального — Белорусского — 1 Белорусского фронтов

Предисловие Бориса Палийчука 374
Обзор Г. М. Игнатовой и Е. Д. Молодцовой 376

НА ГАНГУТЕ. О газетах защитников Ханко

Обзор В. А. Шошина 397

«ГОВОРИТ МОСКВА!..» Литературные передачи Всесоюзного радио

Обзор Е. А. Кречетовой 407

«ГОВОРИТ ЛЕНИНГРАД!..» Литературные передачи Ленинградского радио

Обзор А. П. Половникова 425

ИЗ ИСТОРИИ ПЕСНИ «СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА»

Сообщение М. М. Ситковецкой 433

ОСТРОЕ ПЕРО. Стихи советских поэтов в центральных «Окнах ТАСС»

Предисловие и публикация Т. Н. Конопацкой и Л. Э. Медне 444

БАЛТИЙСКАЯ «ПОЛУНДРА». О краснофлотской сатире

Сообщение Вс. Азарова 463

ВОСПОМИНАНИЯ

Н. Д. НОВОСЕЛОВ. ВЗВОД ПИСАТЕЛЕЙ. О газете «За Советскую Родину» 1 Кировской дивизии Ленинградского народного ополчения 467

П. И. МУСЬЯКОВ. В ОСАЖДЕННОМ СЕВАСТОПОЛЕ. Писатели в газете «Красный черноморец» 487

НИКОЛАЙ ПАНОВ. МЫ СРАЖАЛИСЬ НА БОРТУ «КРАСНОФЛОТЦА». О газете Северного флота 511

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ. НА ЧЕТЫРЕХ ЯЗЫКАХ. О газете Северо-Кавказского фронта «Вперед к победе» 520

В. Б. ФАРБЕРОВ. ТВОРЧЕСКИЙ ОТЧЕТ В РЕДАКЦИИ АРМЕЙСКОЙ ГАЗЕТЫ 524

ПАВЕЛ ЖЕЛЕЗНОВ. ГОРЖУСЬ, ЧТО В СОРОК ПЕРВОМ БЫЛ СОЛДАТОМ 528

ЛЕВ КОПЕЛЕВ. СЛОВО ПРАВДЫ ЧЕРЕЗ ФРОНТ. Заметки и воспоминания литератора-пропагандиста 534

АРМАС ЭЙКИЯ. В РАДИОВОЙНЕ ПРОТИВ НЕМЕЦКОГО И ФИНСКОГО ФАШИЗМА 553

III

ИЗ ЧИТАТЕЛЬСКИХ ОТКЛИКОВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВОЕННЫХ ЛЕТ

СТИХИ ЧИТАТЕЛЕЙ «ВАСИЛИЯ ТЕРКИНА»
Предисловие и публикация Ю. Г. Буртина 563

ИЗ ПЕРЕПИСКИ И. Г. ЭРЕНБУРГА С ЧИТАТЕЛЯМИ-ФРОНТОВИКАМИ
Публикация В. А. Мильман и Л. И. Соловейчика 602
ПИСЬМА к И. ЭРЕНБУРГУ 603
ПИСЬМА И. ЭРЕНБУРГА 616
«100 ПИСЕМ». Предисловие автора к одноименной книге 617

ПИСЬМА ФРОНТОВИКОВ к Н. С. ТИХОНОВУ 620

ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ В. И. ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧА
Сообщение Б. М. Шумовой 632

В ПЕРВОЙ КНИГЕ 188 ИЛЛЮСТРАЦИЙ И ОДНА ВКЛЕЙКА

Одновременно выходит в свет вторая книга 78 тома, которая содержит следующие разделы:

IV. Фронтовые дневники, записные книжки, письма.

V. Писатели — участники ратных подвигов.

Литературное наследство.
Том 78, книга первая

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А. М. Горького
Академии наук СССР

Редактор издательства *А. Т. Лифшиц*
Художник *Г. В. Дмитриев*
Технический редактор *Г. А. Астафьева*
Корректоры *В. Г. Богословский* и *Т. А. Пономарева*

Сдано в набор 18/XII 1965 г. Подписано к печати 26/V 1966 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 40 + 1 вкл. Усл. печ. л. 56 + 1 вкл.
Уч.-изд. л. 52,7(52,6+0,1 вкл.). Тираж 8500 экз. А-10057.
Изд. № 700/66. Тип. зак. 3533

Цена 3 р. 56 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

3 p.56 k

3 р. 56 к.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.
ЗА РОДИНУ
ЕЖЕДНЕВНАЯ КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА
Пятница. 17 октября 1941 года
№ 112
Защищать Родину до последней капли крови!
Чем яростнее наступает враг, тем беспощаднее должен быть наш отпор!
В ЧАС ГРОЗНОЙ ОПАСНОСТИ ДЛЯ РОДИНЫ
НА ОТПОР ЗВЕРЕЛОМУ ВРАГУ!
ПУЛЕМЕТЧИКИ ПОДДЕРЖАЛИ НАСТУПЛЕНИЕ СТРЕЛКОВ
Оборона Севастополя войдет в историю отечественной войны Советского Союза, как одна из самых ярких ее страниц
СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!
КРАСНЫЙ ЧЕРНОМОРЕЦ
Ежедневная краснофлотская газета Черноморского флота
№ 185 (6823)
4 июля 1942 г., суббота
Год издания XXIII
Беззаветное мужество, ярость в борьбе с врагом и самоотверженность защитников Севастополя вдохновляют советских патриотов на дальнейшие героические подвиги в борьбе против ненавистных оккупантов.
250 дней героической обороны Севастополя
Красная Армия встретит свой юбилей новыми победами над заклятым врагом
СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!
КРАСНАЯ АРМИЯ
ЕЖЕДНЕВНАЯ ФРОНТОВАЯ КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА
18 февраля 1943 г. четверг
Год издания XXIV
№ 37 (4228)
Накануне славного юбилея
В последний час
Наши войска заняли города Славянск, Ровеньки, Свердловск, Богодухов, Змиев, Грайворон
Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ
Харьков наш!
ОКНО ТАСС №1241
Гитлеры капут
А. ТВАРДОВСКИЙ
Стихи о войне
ВОЕНИЗДАТ
А. Сурков
Стихи ненависти
1943
Смерть немецким оккупантам!
КРАСНОАРМЕЙЦУ
Николай Тихонов
Слово о 28 гвардейцах
ВОЕНИЗДАТ НКО СССР
1942